

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.

1900.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. (Разсказъ).—И. А. Салова. <i>Окончаніе.</i>	1
II. ЗЛАЯ НЕМОЧЬ. Разсказъ.—Н. Анненковой-Бернардъ	24
III. ЛЕДЪ РАСТАЯЛЪ. Франца Фердинанда Гейтмюллера. (Переводъ съ нѣм.).—Н. К.	50
IV. ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА. Повѣсть.—И. Н. Потапенка. <i>Окончаніе.</i>	71
V. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, ПЕРВАЯ ЛОЖЬ. Альфонса Доде.—Перев. съ франц. Макса Ли. <i>Окончаніе</i>	123
VI. БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. Новелла Антонія Потоцкаго (Грота).—Перев. съ польск. В. М. Л.	151
VII. ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫКЪ И НАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ.—В. В. Лесевича. <i>Окончаніе</i>	1
VIII. ГЛАВНЫЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДАРВИНИЗМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. Августъ Вейсманъ—М. А. Мензбира . . .	39
IX. ЕЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.—Старого профессора	58
X. ОЧЕРКИ САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ.—П. И. Куркина. <i>Окончаніе</i>	78
XI. СЕНЬ-СИМОНЪ И НАЧАТЕК ФРАНЦУЗСКАГО ПОЗИТИВИЗМА.—И. И. Иванова. <i>Окончаніе</i>	107
XII. О НАШЕМЪ ФАБРИЧНОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ.—(В. П. Литвиновъ-Фалинскій: «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи». Спб., 1900 г.).—И. О. . .	137
XIII. ФРИДРИХЪ ИЩІШЕ. Аристократический радикализмъ. Статья Георга Брандеса. Перев. съ датск.—В. С—ой.	143
XIV. ПИСЬМА О ЗАПАДЪ. (Письмо первое).—П. С. Когана . . .	162
XV. ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ. (Съ итальянскаго).—Е. Н.	169
XVI. ЗЕМСКИЙ ПОДВИЖНОЙ ИМКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ. (Опытъ устройства и условія дѣятельности).—О. К—ской.	184
XVII. ВОЗРАЖЕНИЕ. (Г. И. И. «По поводу статей г. Хитрова о русскомъ военно-уголовномъ процессѣ и возможной сто реорганизаций»)—Н. П. Хитрово	195
XVIII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. По поводу книги д-ра П. И. Якобія <i>Основы административной психиатрии</i> .—Д-ра Вл. Яковенка	207
XIX. СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—Веталиса	225
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢШЕ. По поводу исполненія государственной росписи за 1899 г.—Чѣмъ объясняются избытки дѣйствительныхъ поступлений надъ смѣтными?—Какое значеніе имѣть существующій способъ исчисленія доходовъ для удовлетворенія многихъ коренныхъ потребностей нашего населения (образованія, поднятія земледѣлія)?—Важность народного образованія для поднятія производительныхъ силъ населенія.—Характеристика внутренняго рынка по «Обзору виѣшней торговли Россіи за 1898 г.».—Вздорожаніе каменаго угля и казенного желѣзныя дороги.—Отчетъ Государ-	

Овъявленія.

Открыта подписка на 1901 годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ)

■ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„Русская Мысль“.

Условія подписки:

Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
-------	--------	--------	--------	--------

Съ доставкою и пере-
сыкою во всѣ мѣста

Россія	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 ,	10 ,	50 ,	7 ,	3 ,
				50 ,	1 ,
					25 ,

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября
по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея
отдѣленія.

Цѣна отдѣльного номера съ пересылкой 1 руб. 30 коп. Книгопро-
давцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны
журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Шереметева 2/3, кв. № 30.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Киевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крешатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Въ Вильнѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Книжный магазинъ журнала „Русская Мысль“ принимаетъ подписку
на всѣ журналы и газеты.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Открыта подписка на 1901 годъ

на ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

МІРЪ БОЖІЙ.

Выходитъ 1-го числа каждого мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 28-ми листовъ.

Въ 1901 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика. „Сирота“, повѣсть М. Альбова; „Инженеры“, ром. И. Гарина; „Современная помѣщница Коробочка и ея хозяйство“, дерев. очерки Лид. Немировичъ; „Заморскій чортъ“, разск. изъ китайской жизни А. В. Потаниной и Вацлава Строшевскаго; „Изъ гимназической жизни“ (очерки недавнаго прошлаго) А. Збленовскаго; „Записки студента Павлова“, разск. С. Юшкевича; „Незамѣтныя жизни“, романъ изъ англ. Самуила Гордона; „Фосте Форландъ“, ром. съ дат. Йонаса Ли.

Научные статьи и сочиненія. „Атомъ и кристаллъ“, В. Агафонова; „Исторический очеркъ геологическихъ знаній“, проф. А. Балкова; „Очерки исторической мысли въ XIX в.“, проф. Р. Винпера; „Возрожденіе и гуманизмъ“, А. Дивнеголова; „Очерки по истории русской культуры“ (продолженіе, ч. III), П. Милюковъ; „Адольфъ Тьерь“, Ев. Тарле; „Польские молодые беллетристы“, Ев. Дегенъ; „На рубежѣ столѣтій“, В. Острогорскаго; „Искусство на всемирной выставкѣ въ Парижѣ“, Вл. Стасова; „Актеры, публика и театръ у Островскаго“, А. Семина; „Кантъ и его влияніе для современной философіи“, проф. Г. Челпанова; „Очерки первобытной философіи“, Л. Криминицаго; „Портреты изъ общественной жизни Англіи“, Л. Давыдовъ; „Исторический материализмъ“, П. Струве; „Очерки изъ истории политической экономіи“, М. Туганъ-Барановскаго; „Наканунѣ реформъ“ (по поводу реформы средней школы), Н. П.; „Англія и Индія“, Г. Богдановичъ.

Переводныя сочиненія. „Исторія хозяйственнаго быта Европы въ связи съ соціальными ученіями до 1789 г.“, Георга Адлера; „Въ страну замъ“ (Китай и Тибетъ), путешествіе Вла. Рокшила.

Постоянныя отдѣлы: Критическая замѣтки. На родинѣ. Изъ русскихъ журналовъ. За границей. Изъ иностраннѣхъ журналовъ. Научная хроника. Библиографія. Новости иностраннѣй литературы.

У СЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 8 р. Безъ доставки за годъ 7 р. За границу за годъ 10 р.

Вѣдомо разорочкѣ допускается подписка:

По полугодіямъ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода 4 руб. За границу 5 руб. Безъ доставки—по соглашенію съ конторой.

По третиамъ года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ 3 р., въ апрѣльѣ 3 р., въ августѣ 2 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5%, съ подписной цѣнѣ. Подписка по полугодіямъ и по третиамъ года черезъ магазины не принимается. Уступка съ подписной цѣнѣ никому не дается.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ В. П. Острогорскій.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„Энциклопедический словарь“

Брокгауза и Ефлона

(начатый проф. И. Е. Андреевскимъ)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. Н. АРСЕНЬЕВА и заслуженного проф. В. В. ПЕТРУШЕВСКАГО

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРОВЪ ОТДѢЛОВЪ:

С. А. Бончорова	отдѣлъ исторіи литературы.
Проф. А. И. Всевилова	географіи.
Проф. Н. И. Картева	исторіи.
Академика А. О. Ковалевского	біологическихъ наукъ.
Проф. В. Т. Шевякова	химико-технической и фабрично-заводской.
Проф. Д. И. Менделеева	сельско - хозяйственный.
Проф. А. В. Соколова	философіи.
Владимира Соловьева	музыки.
Проф. Н. В. Соловьевъ	изящныхъ искусствъ.
А. Н. Семёнова	политической экономіи и финансової.
Академика И. И. Янжула	

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышагъ 60-й полутомъ (Симъ—Слюзка).

Цѣна каждого полутома 3 р. въ перештѣй.

Книги высыпаются почтою, при чёмъ за пересыпку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшия уже книги высыпаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по железнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносятся задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными вносами отъ 6 р., независимо отъ приобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоводить указать на служебный, общественный или имущественный пеизъ, при чёмъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдеть гаранцію уплаты недостаточной.

Принимается подписка на „Малый энциклопедический словарь“ Брокгауза и Ефлона. Вышли 6 вып. Цѣна каждого 1 р. 50 к. безъ пересыпки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедического Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой).

Вышли НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

редакціи журнала „Русская Мысль“:
КРЕСТОНОСЦЫ.

Историч. ром. Генрика Сениевича. Перев. В. М. Лаврова.
Цѣна 1 р. 50 к.

И. А. Данилинъ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Шутка.—Въ мастерской.—Передъ праздникомъ.—Зуда.—Мечтатели.—
Выборы.—Искра любви.—Изъ записокъ чернорабочаго. Ц. 1 р.

Н. Анненкова-Бернардъ (Н. П. Дружинина).
РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ.

Петля.—Юбилей актрисы.—Кара.—Незабвенная.—Она.—Сны.—Горе-
мычная.—Крестныя.—Не хотѣлъ. Ц. 1 р. 50 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА

изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Японія и японцы. Страна. Быть японцевъ, религія и литература.
Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положение.
Съ картой. 178 стр. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Айценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ кресть-
янъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ.
Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. А. Максимова. 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьнай гигиенѣ. Д-ра Ф. Л. Касторскою. Съ рис.
и таблицей діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ
П. Ганзена). 92 стр. Ц. 20 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ Круппа). Съ 4
таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к.

Бытовые очерки.—Въ мастерской, И. А. Данилина.—Преступники,
П. Б. Хотымскую. 216 стр. Ц. 40 к.

Петръ Розенбергъ. Разсказы. (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ).
Буква демонъ. Табачокъ старого Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работничь.
Пчеришко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Быть китайцевъ, государственное устройство.
экономическое и военное положение. Русскія владѣнія въ Китаѣ.
Съ картой. 135 стр. Ц. 25 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. Башка. (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣ-
тяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

А. И. Эртель. Офицерша.—Подъ шумъ выюги. 77 стр. Ц. 15 к

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИГА XII

МООСКВА.

1900.

М О С К В А.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1900.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. Рассказъ.—И. А. Салова. <i>Окончаніе</i> .	1
II. ЗЛАЯ НЕМОЧЬ. Рассказъ.—Н. Анненковой-Бернардъ.	24
III. ЛЕДЪ РАСТАЯЛЪ. Франца Фердинанда Гейтмюллера. Переводъ съ нѣмецк. И. Н.	50
IV. ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА. Повѣсть. И. Н. Потапенка. <i>Окончаніе</i> .	71
V. ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, ПЕРВАЯ ЛОЖЬ Альфонса Доде.—Перев. съ франц. Манса Ли. <i>Окончаніе</i>	123
VI. БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. Новелла Антона Потоцкаго (Грота).—Перев. съ польск. В. М. Л.	151
VII. ВСЕМИРНЫЙ ЯЗЫКЪ И НАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ.—В. В. Лесевича. <i>Окончаніе</i>	1
VIII. ГЛАВНѢЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДАРВИНИЗМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. Августъ Вейсманъ.—М. А. Мензбира . . .	39
IX. КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.—Старого профессора	58
X. ОЧЕРКИ САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ.—П. И. Курнина. <i>Окончаніе</i>	78
XI. СЕНЬ-СИМОНЪ И НАЧАТКИ ФРАНЦУЗСКАГО ПОЗИТИВИЗМА.—Ив. И. Иванова. <i>Окончаніе</i>	106
XII. О НАШЕМЪ ФАБРИЧНОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ. (В. П. Литвиновъ-Фалинский: «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи». Спб., 1900 г.).—И. О. . .	137
XIII. ФРИДРИХЪ НИЦШЕ. Аристократический радикализмъ. Статья Георга Браунеса. Перев. съ датск.—В. С—ой. <i>Окончаніе</i> .	143
XIV. ПИСЬМА О ЗАПАДѢ. (Письмо первое).—П. С. Когана. . .	162
XV. ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ. (Съ итальянскаго).—Е. Н.	169
XVI. ЗЕМСКИЙ ПОДВИЖНОЙ ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ. (Опытъ устройства и условія дѣятельности).—О. К—ской.	184
XVII. ВОЗРАЖЕНИЕ. (Г. И. П. «По поводу статей г. Хитрово о русскомъ военно-уголовномъ процессѣ и возможной его реорганизации»).—П. Н. Хитрово	195
XVIII. ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. По поводу книги д-ра П. И. Якобія <i>Основы административной психиатрии</i> .—Д-ра Вл. Яновенка.	207
XIX. СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—Веталиса.	225
XX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНИЕ. По поводу исполненія государственной росписи за 1899 г.—Чѣмъ объясняются избытки дѣйствительныхъ поступленій надъ сметными?—Какое значеніе имѣть существующій способъ исчисленія доходовъ для	

удовлетворенія многихъ коренныхъ потребностей нашего на-
селенія (образованія, поднятія земледѣлія)?—Важность на-
родного образованія для поднятія производительныхъ силъ
населенія.—Характеристика внутренняго рынка по «Обзору
внѣшней торговли Россіи за 1898 г.».—Вздорожаніе камен-
наго угля и казенныя желѣзныя дороги.—Отчетъ Государ-
ственного банка за 1899 г.—Кому помогалъ банкъ во время
денежнаго кризиса прошлаго года?—Нѣсколько замѣчаній по
поводу смыты московской городской управы.—Реформа уѣз-
дной полиції.—О духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Предсѣда-
тельскіе инциденты.—Енисейскіе гонители гласности.—Дѣло
священника Постнова.—Столкновеніе вологодскаго купечества
съ губернаторомъ.—Нижегородскіе ревнители «благонадеж-
ности».—Реальная фантасмагорія.—† А. К. Шеллеръ-Ми-
хайловъ.—Юбилеи О. К. Нотовича и Генрика Сенкевича

231

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНИЕ.—В. А. Г.

263

XXII. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. Столѣтіе со дня
рожденія П. С. Мочалова.—Юбилейный спектакль въ Маломъ
театрѣ (*Горе отъ ума*).—Бенефісъ г. Правдина (*Отжитое
время*, др. А. В. Сухово-Кобылица).—Прощаіальный бенефісъ
г-жи Уманецъ-Райской (*Таланты и поклонники*, А. Н.
Островскаго).—Бенефісъ г-жи Лешковской (*Выходное пред-
пріятіе*, ком. А. Потѣхина).—Художественно-Общедоступный
театръ (*Когда мы, мертвые, пробуждаемся*, др. Г. Ибсе-
на).—Я. А. Ф-на.—Художественные выставки въ 1900 г.
и «новыя» направлениія въ живописи.—Памяти пейзажистовъ
Айвазовскаго и Левитана.—Издание по искусству.—Художе-
ственные журналы *Миръ искусства* и *Искусство и Художе-
ственная Промышленность*.—А. И. Яцимирскаго

268

XXIII. ГОРЕ ГЕРОЯМЪ! (Письмо въ редакцію).—Ив. Иванова.

294

XXIV. БИБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги. Беллетристика.—
Философія, психологія, педагогика.—Критика и публицисти-
ка.—Исторія.—Географія, путешествія.—Медицина.—Книги
для дѣтей.—Справочные книги.—II. Периодическія изданія:
«Миръ Божій», ноябрь.—«Русское Богатство», октябрь.—
«Вѣстникъ Европы», ноябрь.—III. Списокъ книгъ, поступив-
шихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября
по 1 декабря 1900 г. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ
въ «Бібліографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль»
за 1900 г.

460

XXV. ОБЪЯВЛЕНИЯ.

1

Въ *Правительственномъ Вѣстнике* напечатано:

Во время перенесенной Государемъ Императоромъ болѣзни без-прерывно поступали какъ непосредственно на Высочайшее Ихъ Импе-раторскихъ Величествъ Имя, такъ и черезъ Министровъ Император-скаго Двора и Внутреннихъ Дѣлъ отъ различныхъ сословій, учрежде-ній и обществъ Имперіи, а также и отъ отдельныхъ лицъ многочис-ленныя заявленія вѣрноподданнической любви и преданности. Неза-висимо сего, населеніемъ всѣхъ вѣроисповѣданій повсемѣстно были возносимы всенародныя молитвы о скорѣйшемъ выздоровленіи Его Императорскаго Величества.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ объ-явить всѣмъ сословіямъ, учрежденіямъ и обществамъ Имперіи сер-дечную благодарность за выраженные чувства.

Ливадія, 30-го ноября 1900 года.

Министръ Императорскаго Двора,
генераль-адъютантъ баронъ Фредерикс

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ *).

(Разсказъ).

Ч. II.

Очутившись въ просторной кухнѣ, Лопатины словно ожили и ютчасъ же почувствовали себя, какъ дома. Сашокъ снялъ съ себя индюкъ и безъ церемоніи усѣлся за чайный столъ, важно развалился, вытянувъ ноги и даже началъ насыпывать какую-то веселую пѣсенку. Всѣ принялись за чай, за печенье, за масло, не дотронулись только до сыра, попробовавъ который, Буля принялась плевать. Полчаса спустя, самоваръ былъ уже поконченъ, булочки и печенье съѣдены; всѣ встали изъ-за стола и помолились на иконы. Сашокъ пошелъ посмотретьъ на лошадей, попоить ихъ; Буля начала перекрывать чайную посуду, а старуха-мать, увидавъ иконы, покрытыя паутиной и пылью, принялась набожно перетирать ихъ чистымъ чайнымъ полотенцемъ,—словомъ, всѣ такъ же, какъ дома, принялись за дѣло.

Между тѣмъ въ это самое время въ сѣняхъ опять послышался рѣзкій голосъ князя и чьи-то шаги. Буля быстро подбѣжала къ двери, пріотворила ее и принялась зорко смотрѣть въ образовавшуюся щель на происходившее въ сѣняхъ. Вдругъ раздался хохотъ Були, послѣшно затворившей дверь и выбѣжавшей на средину кухни.

— Уѣхалъ, мамаша, уѣхалъ князь-атъ,—проговорила она.— Ну, и чудакъ же,—добавила она, продолжая хохотать и разводя руками.—Вотъ такъ расфрантился!

И Буля принялась, какъ умѣла, описывать матери шотландскій костюмъ князя, а пуще всего его обувь и коротенькие штанишки, не прикрывавшіе ни колѣнъ, ни икръ.

*) Русская Мысль, кн. XI, 1900 г.

кн. XII, 1900 г.

— Зато у насть,—заговорила старуха,—нибакихъ князьевъ не бываетъ: ни въ штанахъ, ни безъ штановъ, а къ Алешѣ прѣхали. Вотъ какъ!... Съ князьями знакомство водить!—прибавилъ она горделиво.

Вошелъ Алексѣй Ивановичъ.

— Надѣть чѣмъ это вы смытесь, мамаша?—спросилъ онъ, тоза весело улыбаясь.

Буля разсказала ему, въ чёмъ дѣло, а Алексѣй Ивановичъ пояснилъ, что князь на-дняхъ только вернулся изъ-за границы и чѣ на немъ шотландскій костюмъ, при чёмъ добавилъ, что князь чисто кровный Рюриковичъ. Затѣмъ онъ сталъ звать всѣхъ въ чистую половину, но старуха упросила Алешу оставить ихъ въ кухнѣ объяснивъ, что къ чистымъ комнатамъ она не привыкла и что здѣсь всѣмъ имъ много вольготнѣй. Она попросила даже, если можно здѣсь пообѣдать и переночевать. Алексѣй Ивановичъ расхохотался, подивился ихъ вкусу; но въ душѣ былъ радъ, такъ какъ вѣчеромъ ожидалъ къ себѣ своихъ товарищѣй-сослуживцевъ.

Воротился Сашокъ, успѣвшій напоить лошадей. Проходя мимо алиазовской церкви, онъ замѣтилъ, что крыша на церкви такъ давно не крашена, что начала уже ржавѣть, а замѣтивъ это, поѣхавъ, что послѣ обѣда побываетъ у мѣстнаго священника съ цѣлью предложить ему свои услуги выкрасить церковную крышу.

Послѣ обѣда, очень сытнаго и вкуснаго, отъ котораго старуха была въ восторгѣ и за который расцѣловала Алешу, похваливъ его стряпуху, Буля пошла съ братомъ къ мѣстному священнику, старуха, усадивъ рядомъ съ собой Алешу, закурившаго папиросу, завела съ нимъ разговоръ насчетъ своей поясницы, не дававшей ей покоя. Алексѣй Ивановичъ послѣшилъ, конечно, успокоить старуху-мать; объяснилъ ей, что въ извѣстные годы боль эта всемъ обыкновенная, что ничего опаснаго въ ней нѣть, посовѣтовалъ ей сходить въ баню, натереть поясницу тертой рѣдьюкой съ солью, для вящшаго успокоенія старухи дать ей какую-то мазь. Старуха была въ восхищеніи и, покончивъ бесѣду о спинѣ и поясницахъ, заѣвала рѣчь о Кулѣ и Семенѣ Даниловичѣ, имѣя въ виду послѣ этого поговорить съ сыномъ и о другихъ семейныхъ нуждахъ.

«Теперь,—соображала старуха, любовно поглаживая по головѣ сына,—онъ у меня человѣкъ ученый, умный, вышелъ въ люди, съ князьями знакомство водить, стало быть, и намъ пособить».

— Такъ вотъ, Алешенька,—заговорила она, обнявъ сына,—хочу я съ тобой насчетъ Кули потолковать—посовѣтоваться. Сватаетъ ее Семенъ Даниловичъ, одолѣлъ настѣнъ всѣхъ; допрѣжь ста-

эфтиль дѣломъ ко мнѣ все приставалъ, а теперь Сашку не даетъ покоя; все просить, значитъ, чтобы Кулю отдать за него.

— Знаю, знаю, мамаша,— перебила ее Алексѣй Ивановичъ, разсмѣявшись,— онъ даже пріѣзжалъ ко мнѣ сегодня подъ предлогомъ посовѣтоваться со мной насчетъ своей болѣзни, которой у него не оказалось, а потомъ началъ просить моего содѣйствія въ устройніи его судьбы. Онъ только и говорилъ объ этомъ бракѣ. Сообщилъ мнѣ, что у него двѣсти десятинъ земли, собственная своя мельница, домъ, садъ, что имѣть небольшой капиталецъ, сохраняющійся въ мѣстномъ банкѣ, и что недавно далъ брату денегъ на побукку желѣза.

— Человѣкъ обстоятельный, что и толковать,—перебила его старуха,— трезвый, хозяйственный.— И, пристально посмотрѣвъ на сына, спросила:— Ну, какъ же ты посовѣтуешь, Алеша,— отдавать, что ли, Кулю-то за него, али нѣтъ?

— По-моему лучше всего съ самой Кулей поговорить объ этомъ,— замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.— Ежели она пожелаетъ выйти за него— Господь съ ней, не пожелаетъ— не надо. При чѣмъ же я-то здѣсь, мамаша? Я даже боюсь вмѣшаться въ это дѣло.

— Господь съ тобой, Алеша! Вѣдь ты, поди, не чужой человѣкъ,— братъ родной. Чего понимаетъ дѣвка? Она вонъ говоритъ, старъ, вишь. Былъ одинъ молодой-то: приданаго запросилъ, сто рублей подай ему, да салопъ лисій на атласѣ, два шелковыхъ платья, благословеніе Божіе въ золотой ризѣ. А эта безъ приданаго беретъ. Нѣтъ, ты посовѣтуй. Чего дѣвка-то смыслить, а ты человѣкъ ученый, больше нашего смыслишь.

— Вотъ именно поэтому-то, мамаша, я и боюсь вмѣшиваться въ сестрино дѣло, пусть сама его рѣшаетъ: не мнѣ жить съ Мещеряковымъ, а ей.

Старуха даже глаза вытаращила отъ удивленія и никакъ не могла сообразить, что родной братъ отказался дать совѣтъ родной сестрѣ.

— Такъ-таки ничего и не посовѣтуешь?— спросила она.

— Ничего, мамаша,— отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, закурившая другую папироску.— Дѣло въ томъ, будеть ли съ нимъ счастлива Кулля, любить ли его.

— Какъ же счастливой-то не быть съ нимъ?! Какого же ей рожна еще? Знамо, будеть счастлива,— продолжала старуха.— На собственныхъ лошадяхъ будеть разѣзжать, въ собственномъ тарантасѣ. У тебя тарантасъ хорошъ, а у Семена Данилыча не въ примеръ щеголеватѣй. А ужъ лошади— одно слово! Въ храмъ Божій

пріѣдеть—первой дамой будеть. Свои коровки—масло продають даже, птицу—то же самое. Досугъ ли тутъ несчастной быть!

— Ея дѣло, матушка, какъ она хочетъ.

Старуха помолчала, искоса посмотрѣла на сына и потомъ какимъ-то робкимъ, упавшимъ голосомъ проговорила:

— Потомъ вотъ еще что, Алеша. Сашокъ-то мой вѣдь совсѣмъ измучился работами. Теперь точно, слава Богу, ты въ люди вышелъ, а прежде, когда ты въ ученыи былъ, вѣдь онъ все тебѣ отсыпалъ, послѣднюю копейку. Приходилось даже у людей деньги занимать. И сейчасъ еще долги есть. А тутъ на грѣхъ-ать пришлось домикъ перебирать. Для опасности жалѣзо въ долгъ купилъ, плотникамъ заплатить надоть, печнику—за кладку печи. Нельзя же зимой безъ печи. А работы хорошей Сашку не слыхать что-то. У него и своя семья немаленькая—подросточки все. Ты, Алеша, хоть бы долги-то заплатилъ да помогъ бы намъ домикъ-то отстроить.

И, проговоривъ это, она опять посмотрѣла на сына, но на этотъ разъ не пытливыми глазами, а какимъ-то умоляющимъ взглядомъ. Но Алексѣй Ивановичъ этого взгляда не замѣтилъ, ибо въ это время ходилъ изъ угла въ уголъ кухни. Проходилъ онъ такимъ образомъ довольно долго, наконецъ, остановился, бросилъ въ печку окурокъ папиросы, вздохнулъ какъ-то и подсѣлъ къ матери.

— Сейчасъ, ей-Богу, ничего дать не могу, но современенъ, когда поправлюсь, оперюсь мало-мальски, конечно, я постараюсь помочь и брату, и сестрѣ. Только, пожалуйста, дайте мнѣ опериться. Вѣдь и цыплять, когда они не оперились еще, кашей коряятъ, такъ-то и я. Вы думаете—дешево обошелся мнѣ мой перѣездъ изъ Питера сюда? Вѣдь у меня ничего не было, пришлось обзаводиться: тѣ купить, другое, третье, одѣться, обуться. Дайте срокъ,—продолжалъ онъ,—дайте опериться. Ей-Богу, послѣднія деньги отдалъ на памятникъ отцу, да на тарантасикъ. Я и самъ знаю, что образованіе мое недешево стоило, но дайте срокъ, можетъ, и я пригожусь. Положимъ,—продолжалъ онъ, пощипывая бородку,—жалованья получаю я тысячу двѣсти рублей, т.-е. сто рублей въ мѣсяцъ. На вашъ взглядъ, конечно, это очень большія деньги, но сами разсудите, мамаша, вѣдь у меня и потребности-то большія. Я долженъ всегда быть чисто одѣтъ, имѣть приличную квартиру, поддерживать необходимыя мнѣ знакомства, бывать у другихъ и принимать у себя. Вы сейчасъ были свидѣтельницей прїѣзда ко мнѣ князя Сердобина. Онъ прїѣжалъ приглашать меня завтра на обѣдъ, я долженъ быть прилично одѣтымъ. Я долженъ, наконецъ, следить за литературой медицины, выписывать для этого необходимыя книги

и журналы, получать газеты, иначе въдь я не буду знать, что творится на свѣтѣ. Можетъ быть,—продолжалъ онъ, нѣжно поцѣловавъ руку матери,—все это покажется вамъ излишнимъ, но побѣрите моему честному слову, что все это такъ же необходимо для меня, какъ для брата, напримѣръ, необходимы молотъ и клещи.

Затѣмъ онъ принялъся объяснять матери, что, сдѣлавшись медикомъ, онъ прежде всего обязанъ служить обществу, быть, такъ сказать, общественнымъ дѣятелемъ и служить не личнымъ своимъ интересамъ, а общественнымъ. И, проговоривъ все это съ пыломъ молодого человѣка, снова принялъся обнимать и цѣловать старуху-мать.

Старуха, конечно, многаго не поняла, а понятное истолковала по-своему и пришла къ такому заключенію, что Алеша теперь не семьѣ долженъ служить, а «обществу», т.-е. мужикамъ.

— Да въдь не «общество» за тебя деньги-то платило! — вскрикнула старуха,—а отецъ покойникъ да братъ...

— Знаю, мамаша, знаю.

— А долго «обществу»-то прослужить надоть?

— Всю жизнь.

— А намъ когда помогать будешь? — спросила старуха, но, вдругъ что-то вспомнивъ, заговорила:—Что ужъ это больно долго «обществу» служить?... Какъ же староста нашъ три года всего «обществу» служить?

Алексѣй Ивановичъ принялъ было разъяснить матери разницу между «обществомъ» и обществомъ, но, убѣдившись, что вся старанія его напрасны, снова обнялъ старуху и принялъся осыпать ее поцѣлуями. А старуха тѣмъ временемъ совѣтовала ему поставить «обществу» ведра два-три водки и давала слово, что «общество» безпремѣнно пожалѣть его. Привела даже въ примѣръ вырыпаевскаго старосту, который при помощи водки прослужилъ «обществу» не три года, какъ бы слѣдовало, а всего одинъ годъ.

— И статочное ли это дѣло, — говорила старуха, — всю жисть!... Солдаты не «обществу» служить, а самому царю-батюшкѣ и то ослобоняются, а ты на всю жисть... Ништо это возможно!... Ей-Богу, послушай меня, старуху: угости стариковъ... Такъ и такъ, моль, старики почтенные, пожалѣйте: сестру, моль, замужъ выдать надоть — на возрастъ дѣвка... Братъ избенку заново перекрываеть — ему тоже пособить надоть... Пожалѣютъ, ей-Богу, пожалѣютъ...

Алексѣй Ивановичъ расхохотался даже.

— Нѣть, мамаша, то общество, о которомъ я говорю вамъ, не пожалѣеть

— Да вѣдь ты къ нашему обществу приписанъ, что ли? — спросила старуха.

— Въ томъ-то и горе, что нѣтъ.

Въ это самое время дверь широко распахнулась, и въ комнату чутъ не вбѣжалъ Сашокъ.

— Поздравьте, мамаша, —кричалъ онъ, —поздравьте!... Брагецъ, теперь и мое дѣло выгорѣло.

— Что такое, что такое, Сашокъ? —вскрикнула старуха, словно воскресшая при видѣ радостнаго настроенія сына. —Что такое, родимый?

— А то, мамаша, что я сейчасъ былъ у здѣшняго батюшки, съ которымъ и сладился выкрасить крышу церкви, ограду вокругъ церкви и, обромя того, заново отѣлѣтать ему тарантасъ... Вѣдь намъ пришлось бы въ какой-нибудь телѣженѣ домой-то возвращаться, а теперь, —прибавилъ онъ, какъ-то ухарски прищелкнувъ пальцемъ, —опять въ тарантасѣ пойдемъ —не кой-какъ, а по-господски!... А вотъ и задаточекъ получили, —продолжалъ онъ, помахивая по воздуху десятирублевой бумажкой.

Вбѣжала и Куля, тоже веселая и радостная, и, передавъ матери сверточекъ, быстро заговорила:

— Это миѣ здѣшняя матушка гостинчики даала, а я тебѣ присла... Кушай на здоровье.

И Куля весело расхохоталась.

Старуха развернула сверточекъ и, увидавъ въ немъ какія-то конфетки, проговорила:

— Спасибо, дочка, спасибо... пососу.

А ходившій все это время изъ угла въ уголъ Алексѣй Ивановичъ остановился среди кухни, скрестивъ на груди руки, даже завидовалъ этой всеобщей радости и долго любовался, гляди на веселыя и счастливыя лица семьи. «Счастливые, —думалъ онъ. — И малымъ умѣютъ довольствоваться».

— Хороши! — шептала старуха, посасывая карамель. — Ну-чего...

Часовъ въ девять вечера старуха начала поговаривать о спанѣ, да и Лопатинъ съ Кулей непрочь были поотдохнуть. Сбѣгалъ Лопатинъ къ хозяину дома, съ которымъ успѣлъ уже познакомиться, выпросилъ у него вязанку соломы; которую и разостлалъ по полу кухни. Немного погодя, всѣ лежали уже на соломѣ, подложивъ подъ головы кой-какую одежонку. Когда огонь былъ потушенъ, старуха передала Лопатину весь разговоръ, происходившій у нея съ Алексѣемъ Ивановичемъ; передала она его, разумѣется, по-своему, какъ

юняла, и закончила тѣмъ, что на Алешу надежда плохая, такъ какъ
онъ, бѣдненький, не царю служить, а какому-то обществу, кото-
рому и долженъ прослужить вѣки-вѣчные.

— Богъ милостивъ, можетъ, теперь и безъ него обойдемся,—
замѣтилъ Лопатинъ.

Что-то въ этомъ родѣ проговорила и Куля, позывая. Всѣхъ,
видимо, клонило ко сну, а между тѣмъ изъ комнаты Алексея Ива-
новича начали долетать шумные разговоры съхавшихся къ нему
товарищѣй, земскихъ врачей. Тамъ говорили про мѣстную меди-
цинскую ѡтику, про земскую управу, про земское собраніе, спо-
рили, шумѣли, хохотали. Поминали все кабую-то Есеню Нико-
лаевну, просили послать за ней; но ничего этого семья Лопати-
ныхъ уже не слыхала, такъ какъ спала крѣпчайшимъ сномъ.
Голько часу въ третью ночи случайно проснувшаяся старуха
вдругъ услыхала, что въ комнатѣ Алѣши происходило какое-то пѣ-
ніе и раздавалась музыка. Старуха осторожно поднялась на ноги,
ощупала дверь и, тихонько отворивъ ее, вошла въ сѣни. На этотъ
разъ она ясно услыхала чей-то женскій голосъ, распѣвавшій ка-
бую-то плясовую пѣсенку, и топотъ чьихъ-то мужскихъ ногъ, вы-
бивавшихъ дробы. «Пляшутъ», соображала она и, выйдя на дворъ,
подошла къ освѣщенію окну Алѣшиныхъ комнатъ. Оконная стор-
она была опущена, но ей всетаки удалось увидѣть въ скважину,
что на гармоникѣ играла кабая-то дѣвушка, а плясалъ Алеша,
остальные же гости стояли вдоль стѣны и смѣялись, подпѣвая и
щопая въ ладоши. «Нѣтъ, женить, женить надѣть», — подумала
старуха и снова ушла въ кухню.

VIII.

Домикъ Лопатина, дѣйствительно, вышелъ хоть куда: покрытый
желѣзомъ, выкрашенный зеленою краской, онъ ничуть не усту-
пая, ежели только не перещеголялъ домикъ мѣстнаго батюшки.
Подъ домикъ былъ подведенъ новый фундаментъ изъ дикаго камня,
значительно его приподнявшій, стѣны тщательно вымазаны глиной
(послѣднее было совершено Кулей и женой Александра Иванова),
затѣмъ выкрашенъ охрой; на окнахъ красовались ставни, распи-
санныя яркими букетами, а надъ желѣзной крышей гордеиво воз-
ышалась кирпичная труба съ проволочнымъ колпакомъ, такъ и
бросавшаяся въ глаза своей блѣдой окраской. Старуха - мать тоже
не сидѣла сложа руки: пока дочь и сноха обмазывали глиной стѣны
снаружи, она обмазывала ихъ внутри, не переставая мысленно по-

дыскивать Алешѣ подходящую невѣсту, богатую и красивую,—своемъ, вся семья Лопатинихъ—и старый, и малый—были заняты отѣлкой домика, приготовляя его къ приближавшимъ зимнимъ хлодамъ и выногамъ. Пока семья Лопатина, вся перепачканная глиной, хлопотала въ своемъ Вырыпаевѣ, самъ Лопатинъ работалъ въ селѣ Алимазовѣ, окрашивая кровлю церкви и ограду. Такъ какъ работа эта была большая и вдобавокъ спѣшная, то Лопатинъ нанимъ себѣ работника и работалъ вдвоемъ. Обѣдалъ и ужиналъ онъ у батюшки, а ночевать приходилъ къ брату, Алексѣю Ивановичу. Спаль онъ, разумѣется, въ знакомой намъ кухнѣ, остававшейся не подмеченной со дня ихъ отѣзда, съ тѣми же самыми, валявшимися на полу, окурками Алексѣя Ивановича и даже бумагами отъ карандашъ, которыми такъ восхищалась старуха-мать. Иногда приходилъ Алексѣй Ивановичъ, сидѣть съ нимъ, разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ, о сестрѣ Кулѣ: думаетъ ли она выходить за Мещерякова, и, узнавъ, что дѣло идетъ, кажись, на ладъ, что Мещеряковъ былъ раза два-три съ гостинцами, и что сестра съ каждымъ днемъ будто становится съ нимъ ласковѣе, пожелалъ ей всего хорошаго и даже обѣщалъ подарить ей на платье.

— Получу жалованье, — прибавилъ онъ, — и тотчасъ же къ вамъ пріѣду, а встати и домикъ посмотрю. Я вѣдь еще не видѣлъ его.

Однажды онъ показалъ Лопатину свою амбулаторію и аптеку. И то, и другое очень понравилось Лопатину; Алексѣй Ивановичъ познакомилъ брата съ своей фельдшерицей, которая тоже очень понравилась Лопатину какъ по своему веселому характеру, такъ и хорошенькимъ лицомъ, а всего больше понравилась ему потону, что умѣла играть на гармоникѣ и распѣвать веселенькия пѣсни.

Раза два онъ даже пилъ чай у фельдшерицы вмѣстѣ съ братомъ Алексѣемъ Ивановичемъ, послѣ чего фельдшерица очень много играла на гармоникѣ, упросивъ Лопатина прописать подъ ея музыку. Сперва онъ конфузился было, отговариваясь неумѣніемъ, но когда братецъ Алексѣй Ивановичъ угостилъ его нѣсколькими рюмками коньяку, то Лопатинъ прибодрился и прописалъ весь вечеръ.

Послѣ этого вечера Лопатину пришлось чинить гармонику, почему-то издававшую какіе-то дикіе звуки. Лопатинъ что-то поворыпалъ тамъ перочиннымъ ножичкомъ, что-то подклепалъ, зачѣмъ-то раза три подудѣль въ нее, обмелъ пыль гусинымъ перомъ, и гармоника опять заиграла попрежнему; фельдшерица была въ восторгѣ отъ Лопатина, подарила ему рубль и прозвала «артистомъ». Послѣ

починки гармоники Алексей Ивановичъ сталъ обращаться съ братомъ болѣе ласково и болѣе по-родственному, да и самъ Лопатинъ, все еще говорившій ему «вы», началъ какъ-то смѣлѣе обращаться съ нимъ. Алексей Ивановичъ чуть не каждый день звалъ его къ себѣ въ комнаты, сажалъ рядомъ съ собой на диванъ, угощалъ папиросами, отъ которыхъ Лопатинъ кашлялъ, и даже однажды принялъ съ нимъ откровенничать по поводу фельдшерицы. Опѣ подробно рассказалъ ему исторію своего знакомства съ ней во времена его студенчества, причемъ вздохнулъ и помянулъ добрымъ словомъ это время, никогда не возвратимое и переполненное какими-то радужными надеждами, никогда не осуществимыми. Раза два, отправляясь въ свое тарантасикъ на пункты вмѣстѣ съ фельдшерицей и проѣзжая мимо алмазовской церкви, онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на брата, привязавшаго себя къ кресту остроконечной колокольни и преспокойно мазавшаго кистью ея крышу. «Здравствуйте, братецъ!» — кричалъ онъ что было мочи, а Алексей Ивановичъ и фельдшерица, объятые ужасомъ, послѣшно отворачивались и спѣшили миновать церковь, чтобы не видать этой ужасной картины.

Разъ какъ-то во время приема больныхъ заходилъ въ амбулаторію и Лопатинъ, чтобы полюбоваться братцемъ. Пробылъ онъ тамъ съ полчаса и не могъ досыта насмотрѣться на него: чистенький, умытый, щегольски одѣтый, онъ сидѣлъ за столомъ и принималъ больныхъ, которыхъ было превеликое множество; а въ соседней комнатѣ, гдѣ помѣщалась аптека, суетилась фельдшерица, приготовляя по рецептамъ лѣкарства. Съ больными Алексей Ивановичъ обращался вѣжливо, деликатно, тщательно выслушивалъ ихъ, выступкивалъ, иногда заставлялъ раздѣваться, зачѣмъ-то вѣзть на скамью, опять выслушивалъ и садился за столъ писать рецептъ. Больные называли его «ваше благородіе», а онъ больныхъ «голубчиками». Все это очень понравилось Лопатину, и онъ, выходя изъ амбулаторіи, невольно вздохнулъ даже, позавидовавъ братцу.

— Вотъ это такъ жисть,—размышлялъ онъ,—помирать не надоть.

А Алексей Ивановичъ тѣмъ временемъ сидѣлъ за столомъ и, поглядывая на толпу, все прибывавшую, и, чуть не задыхаясь отъ волнъ больныхъ, думалъ:

— Боже мой, вотъ каторга-то!... Когда же этому будетъ конецъ?

Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней Лопатинъ, какъ

только заканчивалъ свои работы, отиравлялся въ Вырыпаево. Путешествія эти онъ совершаилъ по образу пѣшаго хожденія и всегда ночью. Выйдеть, бывало, изъ Алмазова при солнечномъ закатѣ, а придетъ въ Вырыпаево при его восходѣ. Несмотря однако на эти безсонно проведенные ночи, онъ всетаки не переставалъ работать и торопливо додѣлывалъ то, что не успѣлъ додѣлать прежде. Отъ своего домика онъ, положительно, приходилъ въ восхищеніе — и не онъ одинъ, а вся семья. Старуха-мать посовѣтовала ему даже обклеить шпалерами главную комнату, причемъ сообщила по секрету, что въ одномъ изъ чулановъ Алеша она видѣла какіе-то остатки шпалеръ.

— Попроси, можетъ, дастъ... Ему они не нужны, а намъ бы больно кстати. Коль не хватить на всю комнату, то оклеишь хоть одинъ передній уголъ кругомъ иконъ, — все лучше будетъ.

Александръ Ивановъ обѣщалъ попросить брата и спѣшилъ въ кузницу, чтобы поскорѣе покончить починку тарантаса алмазовскаго батюшки.

Въ одинъ изъ такихъ-то воскресныхъ дней Лопатинъ, окончивши окраску алмазовской церкви и ограды, еще до свѣту прибѣжалъ въ Вырыпаево, когда вся его семья спала еще крѣпкимъ сномъ. Онъ поспѣшно перебудилъ всѣхъ и, восторженно сообщивъ объ окончаніи этой работы, вытащилъ изъ кармана довольно толстую пачку замасленыхъ рублевокъ, причемъ объявилъ, что онъ тотчасъ же пойдетъ расплачиваться съ плотниками и печниками.

— Фу, — проговорилъ онъ, — точно гора съ плечь долой; теперь расплатиться бы еще за жѣльзо, да съ отцовскими долгами разсчитаться, въ тѣ поры я и тужить пересталъ бы!

— А ты бы насчетъ долговъ-то съ Алешей поговорили, — проговорила старуха, — вѣдь на него деньги-то пошли, можетъ, и заплатить сколько-нибудь.

Но Александръ Ивановъ только рукой махнулъ и побѣжалъ расплачиваться съ плотниками и печниками. Расплата эта происходила, конечно, въ мѣстномъ кабакѣ, а затѣмъ пошла и выпивка, во время которой завернулъ въ кабакъ одинъ изъ сосѣднихъ купцовъ-землевладѣльцевъ, прѣхавшій въ Вырыпаево подыскать себѣ молотильщиковъ. Лопатинъ словно воспрянулъ, предложилъ купцу свои услуги, немедленно сладился съ нимъ, въ тотъ же день подыскалъ себѣ рабочихъ, нужное количество лошадей а на слѣдующій день молотилъ уже на своей молотилкѣ на куническомъ хуторѣ ишеницу. Молотилка дѣйствовала на славу, гулко оглашала окрестность гудѣніемъ своихъ ремней, а Лопатинъ, торопливо подавая ма-

шинъ золотистые снопы, весело распѣвали: «Распроклята молотилка запылила мою милку. Остановьте молотилку — отпустите мою милку». А недѣли двѣ послѣ этого онъ покончилъ молотью и получилъ разсчетъ.

— Ну, мамаша,—проговорилъ онъ, возвратясь домой.—Слава тебѣ, Господи!... Теперь отдыхать давайте!

На слѣдующее утро, когда Лопатинъ вышелъ на крылечко полюбоваться восходившимъ солнцемъ, онъ даже ахнулъ, увидавъ свой оврагъ, покрытый снѣгомъ.

— Матушка, матушка!—кричалъ онъ,—жена, Куля!... Вставайте, бѣгите-ка сюда, посмотрите-ка, что за ночь-то сдѣлалось!

Вся семья выбѣжала на крылечко и словно замерла отъ удивленія, восхищаясь прелестями зимняго пейзажа.

И, дѣйствительно, было чѣмъ восхититься: дѣвственно-блѣлый снѣгъ словно ватой прикрылъ глинистые откосы оврага, опушилъ блѣлымъ пухомъ садикъ Лопатина, накрылъ словно шапкой столбки садовой изгороди. Краснобрюхie снигири цѣлой стайкой перелетывали съ одного дерева на другое, весело посвистывая и стряхивая съ деревьевъ пушистыя блестки снѣга. Зазвонили къ заречнѣ. Испуганный этимъ звономъ заяцъ промчался мимо домика Лопатина, ударился въ гору и исчезъ, оставилъ послѣ себя свой характерный, бросающійся въ глаза, сѣдь. А когда поднялось солнце и облило своими лучами это снѣжное покрывало, оно таинъ и зардѣлось миллионами искръ.

Вдоволь налюбовавшись этой картиной, старуха-мать побреда въ церковь, Куля побѣжала доить батюшкиныхъ коровъ, а Лопатинъ взялъ ружье и пошелъ на охоту.

— Мертвая пороша ионъ,—говорилъ онъ,—авось зайчиковъ накоючу.

IX.

Насколько Лопатинъ былъ порадованъ наступленіемъ зимы, настолько Алексѣй Ивановичъ былъ этимъ недоволенъ. Короткіе зимніе дни и нескончаемо длинныя ночи раздражали его нервы, и тоска — невыразимая тоска, сладить съ которой не хватало силъ, не давала ему покоя. Днемъ все еще онъ бое-какъ боролся съ этой тоской, ходилъ въ амбулаторію, развлекался тамъ лѣченiemъ большихъ, ругался съ больными, приходившими къ нему съ самыми пустѣйшими болѣзнями, писалъ рецепты, по которымъ Фельдшерца приготовляла лѣкарства, вѣль перепись больныхъ,—словомъ,

такъ или иначе амбулаторія развлекала его; зато, пообѣдавъ у фельдшерицы и возвратясь домой, снова впадалъ въ тоскливоѣ настроеніе. Онъ брался за книги, за газеты, но тотчасъ же бросалъ ихъ и принимался шагать изъ угла въ уголъ. Его все раздражало: раздражало мѣрное тиканье стѣнныхъ часовъ, завываніе вѣтра, лай собакъ, скрипъ снѣга, доносившійся съ улицы, раздражалъ даже сверчокъ, монотонно трещавшій по вечерамъ гдѣ-то въ углу. Ему даже съ нѣкоторыхъ порь начала какъ-то надоѣдать фельдшерица Есенія Николаевна, хотя и веселенькая, и болтливая, но все-таки, по правдѣ сказать—мало развитая. Иногда въ эти тоскливыя минуты его начинала мучить мысль, что онъ ничѣмъ до сихъ порь не помогъ своей семье—той именно семье, которая помогла ему сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. «Что я сдѣлалъ для этой семьи? Ровно ничего!—соображалъ онъ.—А развѣ я, по правдѣ сказать, не могъ бы помочь, удѣляя ежемѣсячно хоть малую частицу того жалованья, которое получаю?» И онъ вспоминалъ происходившій у него разговоръ съ матерью, вспоминалъ ремонтировавшійся домикъ брата, дѣтство свое и то время, когда вся семья упрашивала старика-отца отдать Алешу въ гимназію; вспоминалъ, какъ братъ говорилъ тогда отцу, что деньги на етотъ предметъ они во всѣкомъ случаѣ заработаютъ, а мать увѣряла, что придется время, когда Алеша не только возвратить все потраченное на его образованіе, но даже будетъ кормильцемъ семьи. Вспоминалъ онъ все это и, терзаемый угрызеніями совѣсти, бросался внизъ лицомъ на постель и начиналъ рыдать. Но бывали и такія минуты, когда Алексѣй Ивановичъ какъ будто нѣсколько мирился съ совѣстью, оправдывая себя тѣмъ, что отчасти расплатился уже съ семьей, отказавшись отъ оставшагося послѣ отца наслѣдства. «Положимъ,—разсуждалъ онъ,—наслѣдство не ахти какое, но всетаки оно было—домикъ, напримѣръ, кое-какія постройки, садикъ, кузница, кузнечные и слесарные инструменты... Минъ помнится, что нѣкоторые изъ нихъ были довольно цѣнныя». Но эти успокоятельныя моменты продолжались недолго, и онъ снова начиналъ хандриТЬ. Въ такія-то именно минуты онъ обыкновенно посыпалъ за ямскими лошадьми и уѣзжалъ къ князю Сердобину, гдѣ всегда встрѣчалъ общество образованное и интеллигентное; жилъ тамъ онъ по пѣскольку дней, иногда манкируя даже службой, и вполнѣ предавался отдыху отъ своихъ душевныхъ муки.

Князь, почти ровесникъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ, былъ человѣкъ образованный, воспитанный, элегантный, почти постоянно жившій за границей; любилъ въ особенности Испанію, изъѣздилъ

ее вдоль и поперекъ, курилъ настоящія гаванскія сигары, лѣчился отъ какого-то недуга на островѣ Мадейрѣ, игралъ артистически на скрипкѣ, мадеру пилъ настоящую, которую привозилъ съ собою ящиками, но которая была не по вкусу мѣстнымъ «питухамъ», предпочитавшимъ Елисѣевскую, словомъ, былъ человѣкъ образованный, вполнѣ свѣтской и артистъ въ душѣ.

Съ Алексѣемъ Ивановичемъ князь сошелся, когда онъ, будучи студентомъ, жилъ въ домѣ отца въ качествѣ репетитора, полюбилъ его и сохранилъ эту любовь до настоящаго времени. Онъ охотно принималъ его у себя и охотно юздила къ нему въ Алмазово.

Изрѣдка навѣщалъ Алексѣя Ивановича и Лопатинъ.

— Зайчика принесъ вамъ въ гостинецъ, братецъ,—говорилъ онъ, весело улыбаясь и показывая брату убитаго зайца.

При видѣ брата, одѣтаго въ какой-то рваный, не то ваточный, не то мѣховой пиджачишко и валеные сапоги, Алексѣй Ивановичъ мгновенно словно ожидалъ.

— Что это ты рѣдко заходишь ко мнѣ, Сашокъ? — говорилъ онъ, обнимая брата.

— Недосугъ, братецъ.

— А матушка и сестра совсѣмъ забыли даже.

— Одежонки теплой нѣту, братецъ,—объяснялъ Лопатинъ, хихикая.— Прошлой зимой настрѣляли было зайцевъ на шубку ма-иашъ, повѣсили шкурки на чердачъ, а нонѣ весной какая-то червоточина напала на нихъ. Такъ и пришлось бросить—ей-Богу!... Ужъ такая-то меня злость брала, что даже разсказать не могу... Ужъ больно шкурки-то были хороши.

— Нѣть, ты братъ, почаше заходи—скука одолѣла.

— А вы бы, братецъ, ружьецо себѣ купили... Въ зимнее время съ ружьецомъ походить больно хорошо;—но, вдругъ что-то вспомнивъ, Лопатинъ торопливо заговорилъ:—А то давайте волковъ морить. Ноны больно много волковъ развелось: сейчасъ даже, когда шелъ къ вамъ, двухъ волковъ видѣлъ.

— Какъ же это волковъ-то морить?

— Очень просто: настрѣляемъ воронъ, начинимъ ихъ ядомъ, забыть, какъ называются-то!

— Стрихниномъ, что-ли?

— Вотъ-вотъ... Разбросаемъ этихъ воронъ по полю—только и всего. Я такимъ манеромъ двухъ волковъ отравилъ позапрошлой зимой, за что получилъ изъ земской управы за каждый хвостъ по три рубля, да шкурки продалъ.

Но Алексѣй Ивановичъ объявилъ ему, что ни зайцы, ни волки

тоски его не разгонять, такъ какъ происходит она не отъ скучи, а отъ разочарованія въ избранной имъ дѣятельности. Служить обществу, конечно, дѣло великое, святое, но одновременно съ этимъ необходимо заботиться и о собственномъ своемъ благосостояніи; трудъ врача плохо оплачивается, трудъ это каторжный, онъ не имѣть ни минуты свободного времени для отдыха,—и даже появилась недобрый словомъ того инспектора народныхъ училищъ, который когда-то посовѣтовалъ ему поступить въ классическому гимназію. Одновременно съ этимъ онъ рассказалъ брату, что, будучи въ университетѣ, онъ познакомился пріятельски съ студентомъ-техникомъ, такимъ же мужикомъ, какимъ и онъ были когда-то, что техникъ этотъ былъ старше его курса на три, что, покончивъ ученье, онъ тотчасъ же получилъ мѣсто помощника управляющаго какимъ-то желѣзнымъ заводомъ, а теперь сталъ уже управляющимъ съ обладомъ въ размѣрѣ шести тысячъ при казен-ной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

— Вотъ это я понимаю!... Это не чета земскому врачу, которому весь вѣкъ приходится торчать въ глухи, въ деревни и возиться съ мужиками. Вѣдь здѣсь, въ деревни, и мозги-то обрастились мохомъ!—прибавилъ онъ.

— А вы, братецъ, не дадите мнѣ этого самаго яду?—спросилъ Лопатинъ, давно уже переставшій слушать брата и соображавшій, какъ бы таѣмъ половчѣе выпросить у братца задаромъ этого самаго мору.

Алексѣй Ивановичъ расхохотался даже отъ столь неожиданной просьбы брата, далъ ему стихнина, заказавъ осторожно обращаться съ нимъ, и затѣмъ, обнявъ брата и ласково похлопавъ его по плечу, вскрикнулъ:

— Эхъ, Сашокъ, Сашокъ, славный ты, братецъ, малый! Простущая душа!

А Лопатинъ между тѣмъ хихикаль и говорилъ:

— Можетъ быть, и ноня сколько-нибудь волковъ изловлю... Ноня ихъ до пропасти шатается, кажинную ночь воютъ.

На этотъ разъ Алексѣй Ивановичъ пилъ чай не у фельдшерицы, а дома. За чаемъ онъ разговаривалъ съ братомъ о сестрѣ Булѣ и узналъ отъ него, что она, видимо, начала относиться къ Мещерякову совсѣмъ иначе. Онъ ей казался теперь не такимъ старымъ, какимъ прежде, а веселымъ, ласковымъ и въ особенности хорошимъ хозяиномъ. «Съ такимъ мужемъ по миру не пойдешь». Понравились ей и его коровки-ведерницы. Такихъ коровъ ей не случалось видѣть дома. «Ведерницъ» ей приходилось видѣть, но съ та-

кимъ молокемъ—никогда,—словомъ, Мещеряковъ будто переродился въ ея глазахъ. Мещеряковъ торжествовалъ: сшилъ себѣ новую суконную пару, лисью шубу и каждый день пріѣзжалъ къ Лопатинымъ на лихой тройкѣ съ бубенчиками и колокольчиками; то приглашалъ ихъ къ себѣ.

А дни два спустя послѣ этого разговора Сашонъ опять явился къ брату и на этотъ разъ объявилъ ему, что Семенъ Даниловичъ объявленъ женихомъ Кули. Порадовался и Алексѣй Ивановичъ, глядя на торжествующее лицо брата, спросилъ, не по принужденію ли матери выходить Куля за старика, не изъ-за нужды ли; но, узнавъ, что ничего этого нѣтъ, что она выходитъ за Семена Даниловича по собственному своему желанію, приказалъ тотчасъ же подать себѣ тройку ямскихъ лошадей и, усадивъ рядомъ съ собой брата все въ томъ же, не то ватноимъ, не то мѣховомъ пиджачишкѣ, поскакалъ въ село Вырыпаево.

Засыпавъ звонъ приближающагося колокольчика, Куля прежде всѣхъ выбѣжала навстрѣчу Алексѣю Ивановичу и принялась обнимать его. По счастливому и сіявшему радостью лицу ея Алексѣй Ивановичъ тотчасъ убѣдился, что Куля дѣйствительно была очень счастлива. Повеселѣлъ и онъ самъ, любуясь на радостное лицо ея, крѣпко обнялъ ее, поздравилъ съ нареченіемъ и пожелалъ всего лучшаго на свѣтѣ. Вышла и старуха. Она тоже была весела и счастлива, и тоже принялась крѣпко обнимать Алешу.

— Теперь тебя бы женить еще! — говорила она, осыпая поцѣлуями сына. — Втѣпоры и умирать не страшно было бы: знала бы, что дѣточки мои пристроены.

Нѣкоторое время спустя, на лихой тройкѣ съ бубенчиками и колокольчиками, закутанный въ волчью шубу, прискакалъ къ Лопатинымъ и самъ женихъ, Семенъ Даниловичъ. Выбѣжала Куля и къ нему навстрѣчу, а минуту спустя вернулась въ избу.

— Посмотрите-ка, посмотрите-ка, мамаша!... Посмотрите-ка, братецъ, чего мнѣ Семенъ Даниловичъ подарилъ! — говорила она, задыхаясь отъ счастья и подбѣгая то къ брату, то къ матери съ бускомъ шелковой матеріи, привезеннымъ ей въ подарокъ женихомъ. — Вотъ прелести-то!...

Ввалился въ избу самъ женихъ, снялъ съ себя шубу и, помолившись на иконы, принялъ со всѣми здороваться.

Любуясь радостью семьи, забылъ и Алексѣй Ивановичъ про свою хандру. Ему было какъ-то особенно легко и весело смотрѣть на всѣ эти счастливые и довольные лица, на суетливую бѣготню старухи-матери, хлопотавшей поскорѣе напоить чаемъ дорогихъ

гостей, на счастливое лицо брата, раздувавшаго самогонъ самоваръ, на дѣтей его, то и дѣло выбѣгавшихъ изъ-за перегородки и наигрывавшихъ на глиняныхъ дудкахъ, подаренныхъ имъ Семеномъ Даниловичемъ, на веселенькую комнатку только что отдѣланного Лопатинымъ домика; радовали его даже стѣнныя часы съ подвѣшенными вмѣсто гирь подковами. «Вотъ оно гдѣ, искренне-то счастье», думалъ онъ.

Цѣлыхъ трое сутокъ пробылъ Алексѣй Ивановичъ въ Вырыпаевъ и все это время чувствовалъ себя какъ нельзя лучше: отлично ъѣлъ, отлично спалъ и даже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на завывавшую выюгу и на трещаніе сверчка, долетавшее до него изъ какого-то темнаго угла. Раза два ъѣздили всей семьей къ Семену Даниловичу. Тотъ не зналъ даже, чѣмъ угостить дорогихъ гостей: угощалъ чаемъ, ветчиной, колбасой, жареной уткой, грудинками, ржичками, вареньемъ, поросятами; выставилъ цѣлую батарею бутылокъ съ какими-то раззолоченными ярлыками. Всѣ пили, ъѣли, а Алексѣй Ивановичъ даже подвыпилъ слегка, и всѣ опять - таки были неимовѣрно счастливы, и Семенъ Даниловичъ принялъ даже рекомендовать ему одну купеческую барышню, богатую-разбогатую и красавицу писаную, и даъ слово, что красавицу эту съ превеликою радостью отадутъ за него.

— Потому — сами они люди образованные, — добавилъ онъ, — и только спать и видѣть, чтобы выдать дочь тоже за образованнаго... Ей-Богу, сударь, не лгу! Истинную правду докладываю... (Мещеряковъ иначе не называлъ Алексѣя Ивановича, какъ «сударемъ»).

Наконецъ, Алексѣй Ивановичъ собрался домой, расправился со всѣми и, прощаюсь, подарилъ Кулѣ десять рублей (больше у него не было); Кулѣ долго не хотѣла братъ ихъ, но въ концѣ концовъ всетаки взяла, а Алексѣй Ивановичъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ домой.

X.

Возвратясь домой, Алексѣй Ивановичъ снова захандрилъ: опять стали раздражать его стѣнныя часы, завываніе вѣтра, сверчки и т. п. Амбулаторія перестала уже развлекать его; напротивъ, раздражала тоже. Съ приходившими больными онъ сталъ обращаться грубо — чуть не выталкивалъ ихъ въ шею, находя ихъ болѣзни не стоящими вниманія; къ богатымъ пациентамъ изъ купцовъ иначе не ъѣздилъ, какъ за вознагражденіе; на пункты выѣзжалъ рѣдко, а

боръ и совсѣмъ пересталъ, такъ какъ фельдшерица, Ксения Николаевна, начала какъ-то похврать и сверхъ того не имѣла теплой шубы, а разъѣзжала въ какой-то заячьей жакеткѣ да въ вракуловой шапочкѣ. Это тоже раздражало Алексея Ивановича, и тъ принималась ворчать на Ксению Николаевну, не позабывшуюся теплой одеждѣ, зная, куда она ѳдетъ и зачѣмъ, а Ксения Николаевна принималась плакать и оправдываться, обвиняя въ этомъ не себя, а почему-то Алексея Ивановича... Возвратясь домой, Алексей Ивановичъ начиналъ хандрить еще пуще.—И чортъ меня дер-удъ,—разсуждалъ онъ, шагая изъ угла въ уголь по комнатѣ,—взяться съ этой дурой. И самому-то недостаетъ, а тутъ ее еще риташить съ собой... Любовь, изволите ли видѣть... Нечего сказать—хороша любовь!.. Встрѣтился раза два-три въ клинкѣ... оказалась мнѣ почему-то жалкой, несчастной, угнетенной... Него сказать — умно... очень умно!.. Теперь и расквитывайся, акъ знаешь и какъ умѣшь...

Досыта наскорбѣвши надъ своюю любовью, онъ принимался угать деревню, эту глушь безпросвѣтную съ ея дикими нравами, цѣ и самъ-то того и гляди сдѣлаешься дуракъ-дуракомъ. И, вспоминая свою поѣзду въ Вырыпаево, опять начиналъ злиться.—Него сказать—хороши нравы и понятія!... Сестра за старика, ради енегъ, замужъ выходить, и всѣ въ восторгѣ, даже сама сестра... ѿльчишки на дудкахъ играютъ, а старуха-мать чуть не плашетъ... а и самъ-то я чуть не расплясался, а съ какой радости, спрашивается?... Брать своимъ домикомъ восхищается. Нечего сказать—орошъ домикъ, хороша обстановка: стулья шатаются, столы тоже, а часахъ, вмѣсто гирь, подковы... А я восхищаюсь тоже, пиль да-е у этого стараго болвана-жениха... Нѣть, подальше, подальше тъ всѣхъ ѿтихъ прелестей!...

Въ одинъ изъ такихъ тоскливыхъ дней приѣхалъ къ нему князь Ердобинъ, но теперь не въ шотландскомъ костюмѣ и не на лошадяхъ съ подстриженными хвостами, а въ какихъ-то длинныхъ сандалияхъ, запряженныхъ десяткомъ собакъ, и въ костюмѣ какого-то камрада или якута. Князь, войдя въ этотъ костюмѣ къ Алексѣю Ивановичу, весело расхохотался.

— Узнаете?—вскрикнулъ онъ.

Алексѣй Ивановичъ, увидавъ князя, словно воспрянулъ.

— Сама судьба посылаетъ васъ ко мнѣ, князь!... Очень радъ въидѣть.

И онъ принялася обнимать князя.

— А я за вас пріѣхалъ! — проговорилъ князь. — Вы совсѣмъ забыли.

Алексѣй Ивановичъ рассказалъ ему, что не былъ у него и слушаю помолвки сестры, что все это время не былъ дома и что на днѣхъ собирался быть у него. Въ разговорѣ молодые люди не замѣчали даже, какъ проходило время. Наконецъ, князь усадилъ ехъ въ свои санки, и они помчались по разстилавшемуся необозримому серебристой пеленой полю.

Въ эту именно поѣздку князь сообщилъ Алексѣю Ивановичу, что недавно былъ въ городѣ, видѣлся съ предсѣдателемъ земской управы и что тотъ сообщилъ ему, между прочимъ, что управа положительно удивляется, сѣдя за врачомъ Лопатинымъ, такъ быстро измѣнившимся къ худшему. Прежде онъ считался пріѣмѣрнымъ добросовѣстно относился къ служебнымъ своимъ обязанностямъ, быть всегда ласковъ и внимателенъ къ больнымъ, безкорыстенъ. Народъ, бывало, не нахвалится имъ, любилъ его. Теперь врачъ почти никогда не выѣзжаетъ на пункты, разѣзжаетъ на земскихъ лошадахъ по гостямъ, и даже бывали случаи, что за свои визиты къ богатымъ купцамъ требовалъ съ нихъ особую плату, несмотря на то, что купцы эти, какъ земскіе плательщики, имѣютъ неотъемлемое право пользоваться бесплатно медицинскою помощью. Сверхъ того управа крайне недовольна фельдшерицей, почему и вынужденъ была предложить ей оставить службу. Затѣмъ предсѣдатель просилъ князя поговорить обо всемъ этомъ съ Лопатинымъ и посовѣтовать ему понимательнѣе относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Все это Алексѣй Ивановичъ выслушалъ молча и даже ничего не отвѣтилъ на дружескій совѣтъ князя не макризоватъ службой. Помолчавъ и позеленѣвъ, опѣ сказали, что быть земскимъ врачомъ положительно невозможно и что лѣчить русскаго мужика совсѣмъ бесполезно.

— Помилуйте, — говорилъ опѣ, — ему хину даешь, а онъ арбузовъ на жрется, босикомъ въ одной рубахѣ на холода выходить а потомъ увѣряетъ, что дохтуръ ничего не смыслить, и начинаетъ лѣчиться по-своему, чего-то намѣшивая въ водку... Вѣдь это дичь непроходимая!... Ничего знать не хотятъ! Наконецъ, сами посудите: можно ли лѣчить этого дикаря въ его избѣ, сырой, грязной, во-ниучей, где нѣть ни воздуха, ни свѣта: въ этомъ гнѣздѣ всевозможныхъ микробовъ и пакостей... А что жреть отъ этого дикого человѣка?... Что пить?... Подумайте-ка... Пріѣхавъ сюда, я горячо принялъся за дѣло: я перебывалъ чуть ли не въ каждой избѣ своего округа и... пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что мы на

заслуживаемъ даже и того скучного вознаграждения, которое получаемъ, ибо лишены возможности быть мало-мальски полезными... Не лѣчить надо мужика, а учить. А пока этому его не научать, нечего и лѣчить его, да и не надо, по той простой причинѣ, что онъ всетаки въ миллионъ разъ здоровѣе наскѣ вами.

У князя Алексѣй Ивановичъ прогостили дни три, игралъ въ карты, на билліардѣ, пробѣжалъ нѣсколько номеровъ только что принесенныхъ съ почты газетъ, изъ которыхъ впервые узналъ о возникающихъ между испанцами и американцами серьезныхъ недоразумѣніяхъ, грозившихъ разразиться войной. Недоразумѣнія эти были известны князю, вращавшемуся постоянно въ высшихъ сферахъ мадридского общества. Зная эти подробности, онъ возмущался несправедливыми притязаніями американцевъ и даже порѣшилъ веснойѣхать въ Испанію, чтобы быть поближе къ этому заинтересованному его дѣлу. Все это было повостью для Алексѣя Ивановича, давно уже не только не читавшаго, но даже не распечатывавшаго ни газетъ, ни журналовъ, и потому опѣ не на шутку заинтересовался. А возвратясь домой, перечиталъ цѣлую книгу газетъ и ознакомился съ этимъ дѣломъ съ самаго его начала... Бывало, придетъ больной, а онъ, погруженный въ исчислѣніе морскихъ силъ Америки и Испаніи, пабросится на него и, указывая на вывѣщенное на стѣнѣ объявление, примется кричать: — Сказано, что приемъ до двухъ часовъ, а теперь ужъ четвертый пошелъ... Вонъ! приходи во-время, болванъ.—И, вытолкавъ больного, снова углубится въ прерванный исчислѣнія.—Конечно, свиньи! — возмущался онъ, убѣдившись, что силы американцевъ въ нѣсколько разъ значительнѣе испанскихъ.—Разумѣется, скоты! — И, вспомнивъ, какъ на-дняхъ было возмущено общество села Алмазова убийствомъ какимъ-то неизвѣстнымъ злодѣемъ лѣсного сторожа изъ-за какихъ-то грошей, вскрикнулъ: — Да стоить ли говорить даже объ этомъ убийствѣ, когда въ скоромъ времени должно произойти избиеніе сотни тысячъ людей, да не какими-нибудь проходящими, а людьми просрѣщенными, интеллигентными!... Стоить ли послѣ этого толковать о какомъ-то сторожѣ!—Когда онъ разсуждалъ такимъ образомъ, то ему вдругъ пришла мысль: бросить эту анаѳемскую земскую службу иѣхать съ княземъ въ Испанію. «Можетъ быть, примутъ даже во флотъ въ качествѣ доктора, — мечталъ онъ, шагая изъ угла въ уголъ.—По крайней мѣрѣ, развязвшись съ этой ненавистною миѣ деревней».

Наконецъ, состоялась и свадьба Кули, которую отпраздновали самымъ торжественнымъ образомъ. Семенъ Даниловичъ былъ въ

восторгъ, Куля тоже, старуха торжествовала, и свадебные пирь продолжались чуть ли не двѣ недѣли. Сперва задаѣтъ «балъ» Мещеряковъ, затѣмъ Алексѣй Ивановичъ и наконецъ Лопатинъ. Веселились во всю мочь, развеселился самъ Алексѣй Ивановичъ, несмотря на только что полученное предупрежденіе отъ земской управы. Были съ утра до вечера, пили, катались на разукашенныхъ лентами тройкахъ съ колокольчиками и бубенчиками. Мещеряковъ разбрасывалъ народу пряники и народъ слѣдовалъ за баташими цѣлыми толпами. По окончаніи всей этой гульбы старуха-мать переселилась къ дочери. Мещеряковъ отвелъ ей чистенькую, свѣтленькую, совершенно отдѣльную комнатку, и старуха принялась присматривать за домашнимъ хозяйствомъ. Куля занялась коровами: слѣдила за удоемъ, за скопомъ масла, ухаживала за птицей, учила стряпуху готовить кое-какія кушанья, отпускала провизію, а Мещеряковъ, глядя на все это, только всплескивалъ руками отъ восхищенія. Торжествовалъ и Лопатинъ, во-первыхъ, потому, что Семенъ Даниловичъ «помаралъ» въ своей записной книжѣ значившійся за Лопатинъ долгъ за жалъзо, а во-вторыхъ, и потому, что тотъ же Семенъ Даниловичъ подъ веселую руку помогъ Лопатину расплатиться съ долгами, надѣянными еще отцомъ для обученія сына.

XI.

Зима между тѣмъ все шла да шла. Прошла масленица, народъ отпраздновалъ ее честь-честью, пьянствовалъ, разбилъ нѣсколько кабаковъ; Алексѣю Ивановичу приходилось то и дѣло подавать пособіе допившимся до чертиковъ музыкамъ, свидѣтельствовать избитыхъ и полузамерзшихъ. Пришлось даже по приглашенію какого-то землевладѣльца, объѣвшагося блиновъ, бѣхать верстъ за тридцать, провозиться съ больнымъ цѣлый день, а на возвратномъ пути чуть не замерзнуть, по случаю поднявшейся выюги. Всю ночь проплуталъ онъ по степи, попадая въ какіе-то овраги, съ большими трудомъ выбирался изъ нихъ и только передъ разсвѣтомъ натолкнулся на какой-то стогъ, забившись въ который, вмѣстѣ съ полузамерзшими яищикомъ, провелъ остатокъ ночи.

Наступила, наконецъ, и пасха. Алмазовская церковь, надъ окраской которой осенью такъ ретиво трудился Лопатинъ, разукалась плошками и разноцвѣтыми фонариками, загудѣлъ колоколъ, призывающій православныхъ къ заутренѣ, народъ повалилъ гурьбой на єтотъ торжественный звонъ, а нѣкоторое время спустя прибѣжала

къ Алексѣю Ивановичу фельдшерица, разбудила его, только что было уснувшаго подъ благовѣсть колокола, и объявила, что возль церкви что-то случилось и что его требуютъ туда. Оказалось, что какой-то охотникъ до пушечной пальбы, по неимѣнію пушки, зарядилъ порохомъ какую-то окованную желѣзомъ колесную ступицу и—ахнулъ. Ступица разлетѣлась въ дребезги и своротила черепъ пушкаря. Прибѣжалъ Алексѣй Ивановичъ, посмотрѣвъ на черепъ, на разбрѣзганный мозгъ, обругалъ торчавшаго возль убитаго урядника, обругалъ за что-то мужиковъ, столпившихся поглазѣть на покойника, назвавъ ихъ «дикими», и зашагалъ домой. А въ это самое время изъ ярко освѣщенаго притвора храма раздавалось стройное пѣніе церковнаго клира.

Послѣ обѣдни пришелъ къ Алексѣю Ивановичу священникъ съ иконами и хоругвями, похристосовался, закусилъ предложенной пасхи и кулича, погоревалъ между прочимъ о случившемся несчастіи съ пушкаремъ, въ минуту столь великаго церковнаго торжества, кое о чемъ поговорилъ еще для приличія и ушелъ. Прибѣжалъ, въ новой пиджачной парѣ и какомъ-то отчаянномъ галстукѣ съ бантомъ, Лопатинъ, троекратно облобызался съ братцемъ, послѣ чего преподнесъ красное яичко съ уродливо нацарапанными крестомъ и буквами Х. В., пожелалъ братцу много лѣтъ здравствовать, тоже закусилъ кулича и пасхи и тоже поговорилъ о случившемся во время пасхальной заутрени. Пріѣхали расфранченные въ шелки и бархаты Куля съ мужемъ, захвативъ съ собою и старуху, тоже прифрантившуюся въ какое-то шерстяное платье, и всѣ принялись христосоваться троекратными лобзаніями, причемъ молодые преподнесли доктору по вызолоченному яйцу, а старуха—цѣлый узелокъ свѣжихъ яицъ.

— Нарочно для тебя собирала отъ самыхъ рѣдкостныхъ курочекъ! — говорила она, иѣжно обнимая Алешу. — Ты ихъ не кушай, Алеша, — продолжала она, — а прикажи подъ насѣдку подложить... Ужь табіе-то будуть цыплята, такіе-то цыплята — на рѣдкость!... И скусомъ на русскихъ непохожи — сладkie-разладkie и словно масло во рту таютъ... Безпремѣнно подъ насѣдку... благодарить будешь... Это, — прибавила она, — Семенъ Данилычъ откуда-то добылъ такихъ куръ... Охотникъ вѣдь онъ, чтобы у него все въ лучшемъ видѣ было.

Заговорили потомъ о случившемся во время заутрени несчастій, потужили и немножко погода уѣхали.

Начали приходить успѣвшіе выпить мужики съ пасхальными яйцами и тоже христосовались. Пришла фельдшерица, худая, же-

тая, и тоже христосовалась и тоже заговорила было о пушкарѣ, но Алексѣй Ивановичъ заткнулъ уши и убѣжалъ изъ дома вонъ. «Боже мой! Боже мой! — бормоталъ онъ, — куда я попалъ?... гдѣ я?... зачѣмъ я здѣсь?... зачѣмъ?... Возможнно ли оставаться здѣсь? Вѣдь это дичь! кругомъ дичь!... Дикие люди, дикие нравы, дикие обычай, дикия понятія!... водка... грязь...» И онъ убѣжалъ на ямской дворъ, взялъ лошадей и поскакалъ къ боязю. Пробылъ онъ у него дни два и возвратился домой успокоенный и отдохнувшій; но дома его ждала бѣда, еще горшай.

Явился въ Алмазово членъ управы съ предписаніемъ произвести дознаніе по поводу поступившихъ на врача Лопатина нѣсколькихъ жалобъ. Членъ управы пригласилъ было Алексѣя Ивановича въ амбулаторію, но онъ, сказавшись больнымъ, попросилъ члена по-жаловать къ нему на квартиру. Членъ явился, держаль себѣ съ докторомъ очень сдержанно, предъявилъ ему поступившія на него жалобы, причемъ добавилъ, что всѣ эти жалобы присланы въ управу губернаторомъ, и въ концѣ-концовъ попросилъ Алексѣя Ивановича дать по нимъ объясненія. Но Алексѣй Ивановичъ, вмѣсто объясненій, весь вспыхнулъ, задрожалъ и принялъ кричать, что онъ не признаетъ компетентности управы по врачебной части, что дѣло управы чинить мосты и гати, выдавать деньги... Заговорилъ опять о медицинской этикѣ, о статьяхъ, напечатанныхъ по этому поводу въ газетахъ... Членъ расбланялся и счелъ лучшимъ уда-литься и объѣхать лицъ, принесшихъ жалобы.

Нѣкоторое время спустя управа вынуждена была уволить вра-ча отъ службы за небрежное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Алексѣй Ивановичъ торопливо распродалъ все свое имуще-ство, мраморный умывальникъ и даже тарантасибъ, пропадаль долгое время безъ вѣсти и только нѣкоторое время спустя сооб-щилъ одному изъ своихъ коллегъ, что наконецъ-то мечты его осу-ществились, что онъ вмѣстѣ съ княземъ въ Испаніи и, благода-ря его стараніямъ, поступилъ во флотъ въ качествѣ врача на суднѣ «Don Antonio de Ulloa», съ жалованьемъ, котораго, конечно, никогда не получить, по причинѣ плачевнаго состоянія ис-панскихъ финансовыхъ. «Но, — прибавлялъ онъ, — я всетаки счаст-ливъ невыразимо, и ежели мнѣ придется погибнуть въ этой бойнѣ двухъ непримиримыхъ враговъ и быть погребеннымъ не въ Выры-шаевѣ, а на днѣ чуждаго мнѣ океана, я всетаки буду счастливъ тѣмъ уже, что по крайней мѣрѣ на концѣ жизни посмотрѣлъ на міръ Божій и на образъ жизни цивилизованныхъ людей, чего ил-

когда не увидалъ бы ни въ Вырыпаевъ, ни въ Алиазовъ, въ томъ темномъ царствѣ, въ которое забинула меня судьба... Пишу вамъ подъ грохотъ орудій... Дѣла Испаніи очень плохи... Итакъ, прощайте, быть можетъ, навсегда, но помните всетаки, что я буду умирать счастливѣйшимъ человѣкомъ...» А внизу письма была приписка такого содержанія: «А гдѣ теперь злосчастная Раздувалова? Нашла ли себѣ мѣсто, или все еще проживаетъ у брата въ Вырыпаевъ? Вашъ А. Лопатинъ».

Только что успѣлъ коллега получить это письмо, какъ телеграфъ возвѣстилъ о полнѣйшемъ разгромѣ испанского флота, а нѣкоторое время спустя въ газетахъ передавались подробности этого разгрома: судно «Don Antonio de Ulloa» билось съ отчаянной отвагой, но и оно пошло ко дну и, даже погружаясь, не переставало посыпать залпы...

Почти одновременно съ гибеллю Алексея Ивановича умерла родами и Раздувалова, проживавшая въ домѣ Лопатина нахлѣбницей.

И. Соловьевъ.

ЗЛАЯ НЕМОЧЬ.

Разсказъ.

(Посвящается Петру Исаевичу Вейнбергу).

I.

Василису лѣчили цѣлую зиму.

Лукерья-кривая, знаменитая верстъ на пятьдесятъ кругомъ знахарка, испробовала всѣ свои таинственные лѣкарства и объявила, что тутъ она бессильна.

Болѣзнь не съ глазу и не порча, а просто вселился дьяволъ, и никакими человѣческими способами извлечь его нельзя. Одно средство—послать деньги и записку о здравіи монахамъ на Аeonъ или пожертвовать на построеніе новаго храма рублей сто, не меныше.

А такъ какъ родители Василисы были бѣдные крестьяне деревни «Старые выселки», да, къ тому же, еще люди слабаго поведенія—любили выпить, то и пришлось покориться печальной неизбѣжности—остаться хворой, безъ надежды на выздоровленіе.

Мать плакала и вышивала, отецъ хоть не плакалъ, но еще чаще вышивалъ. Машутка-подростокъ, сестренка Василисы, убѣгала украдкой поплакать въ кѣть, боясь тумаковъ за свои слезы. Но больше всѣхъ была убита горемъ сама Василиса, худощавая девятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ большими задумчивыми, цвѣта блеклой сирени, глазами. Она вся какъ бы замерла въ испугѣ передъ своимъ несчастиемъ.

Іѣто. Сѣнокосы. У Силантія—отца Василисы—сѣно жалкое, да и убирать некому: двѣ бабы да онъ самъ. Василиса—работница плохая: и старается, да проку нѣтъ. Она сама не рада, борется со своимъ недугомъ насколько хватаетъ силъ. А недугъ ея быть странный, особенный: порхаетъ ли бабочка надъ полевымъ цвѣткомъ, золотить ли лучъ солнца макушки молодыхъ березокъ и, скользнувъ внизъ, играть пятнами на бѣлой ихъ корѣ, прозвучить ли знакомая уны-

лая пѣсня или вѣтеръ прошумитъ внезапно, застынетъ ли коршунъ въ синевѣ неба надъ головой, зазвенитъ ли пчела въ воздухѣ,—Василиса вся вдругъ встрепенется, и далеко помчаться ея мысли, сплетаясь, смыкаясь въ созвучіяхъ, похожихъ на пѣсню. Работа валится изъ рукъ... Какъ заговоренная стоитъ Василиса, прислушиваясь къ словамъ своей души, уносясь мечтой въ безконечную высь, а сердце и сладко замираетъ, и стонеть, и болить, и тоскуетъ, какъ бы разставаясь съ жизнью.

Разбуженная чьимъ - нибудь окрикомъ, она спѣшило, безтолково хватается за брошенную, позабытую работу, стараясь отогнать пропавшія слова. Ей страшенъ мучитель-дьяволъ, живущій въ ея груди, но вопреки гонениямъ, вопреки страху и собственной волѣ, она любить его.

Вечерѣло. На покосившемся крылечкѣ избы сидѣла Василиса. Она очень устала. Онѣ съ матерью только что вернулись съ поденщины, куда ходили верстъ за десять отъ деревни убирать сѣно, пока свое еще сохло. Василиса чистила картофель къ ужину. Срѣзанные змѣевидные полосы шелухи покрывали ступеньки, а бросаемая въ котель рукою дѣвушки картофелины, ударяясь объ его стѣнки, издавали звонъ.

Тоскливо и сладко было на сердцѣ у Василисы. Ей казалось, что откуда-то издалека доносится призывный звонъ и зоветъ ее къ себѣ, зоветъ...

И вотъ, переполненная этимъ чувствомъ, поддаваясь охватившему ее настроению, она начала громко говорить нараспѣвъ и покачивая изъ стороны въ сторону головой:

— Гудить, гудить колоколь, гудить разливается, гудить разливается, здѣздамъ говоритъ: «звѣзды-ль мои звѣздочки, огольки полночные, полюбите бѣдную дѣвушку въ селѣ. Стоитъ она бѣдная, стоять при дороженыхъ незнама, невѣдома, никому ненужна... Охоча та дѣвушка далече глядѣть, горазда та дѣвушка пѣсню спѣвать... А что пѣсни тѣ подсердечные, изъ-подъ сердца онѣ выливаются, камнемъ, молотомъ выбиваются. Убей меня молотъ мой, убей, не жалѣющи, схорони меня въ частомъ ельничкѣ, въ лѣсѣ темномъ, въ осинничкѣ...»

— Вась, а Вась! — раздалось подъ самымъ ея ухомъ.

Василиса вздрогнула и чуть не опрокинула котелокъ съ картофелемъ.

— Ишь, какъ спужалася, — захотала Танька, сосѣдская дочка, курносая, веселая дѣвка, однихъ лѣтъ съ Василисою.

— А вѣдь ты складно это... А лучше бы пѣла, чѣмъ слова подбирать.

- За голосомъ нескладно выходить, такъ лучше.
- Откуда ты слова берешь?... Чудно!...
- Не знаю... сами слова... а откуда—не знаю.
- Ишь ты!... Чудно!... Послушали бъ ионьче парни, засмѣяли
бы, какъ ты головой моталась... А ты къ попу, слышь, завтра пой-
ди, слышь?
- Самой охота, да боязно, жалапная.
- А ты не бойся. Енъ ничего... добрый. Никаноръ каменщикъ
ходилъ, чтобъ отъ пьянства исцѣленіе,— говорить— добрый попъ...
ничего... А можетъ и польза будетъ.
- Васька!... Лѣшая! — донесся изъ хаты низкій, хриповатый
голосъ.
- Пхи! — фыркнула Танька.—Матка твоя ионечка сердитая—
давно водки не пила.
- И она шмыгнула въ свои ворота.
- Изъ избы вышла на крыльцо Авдотья, черноволосая, сухая баба,
лѣтъ сорока съ небольшимъ.
- Ужинать сбирай!... У-у, чтобъ тебѣ, лѣшую, язвило, карто-
фелью путемъ не начистить!
- Она сердито вырвала изъ рукъ поднявшейся со ступеньки Васи-
лисы котелокъ.
- Веть ёнъ и весь тутъ,—робко пролепетала Василиса.
- Пошла, на столъ сбирай!
- Авдотья ткнула въ спину дочь.
- При двоихъ дѣвкахъ матка спокою не знаетъ... Окаянная!—
плакисво заболчила Авдотья.
- Въ избѣ было душно и смрадно отъ маленькой стѣнной лампы
съ запотѣвшимъ стекломъ.
- Силантій, въ ожиданіи ужина, хранилъ на лавкѣ.
- Около печки возилась Машутка. Авдотья оттолкнула дѣвчинку
отъ печи и сердито впихнула туда котелокъ.
- При старости лѣтъ спокою себѣ не найду... Лѣшія!
- Василиса поставила на столъ деревянную чашку съ солью, хлѣбъ
и разложила ложки.
- Въ котлы забулькала вода.
- Вставай, чортъ, волчье мясо!—стала будить мужа Авдотью,
расталкивая его изо всѣхъ силъ.
- Силантій, пакопець, что-то промычалъ, поднялся, сѣлъ и уста-
вился на жену заспанными, еще безмысленными глазами.
- Ужинать!
- Молча мокали картофель въ крупную отсыревшую соль и заѣдалъ

невкуснымъ, невыпеченнымъ хлѣбомъ. Было что-то унылое, озлобленное въ этой семейной трапезѣ, точно собрались враги, попавъ случайно за общиі столъ.

— Краснуха ионьча впередъ всего стада домой пришла,—прервала молчаніе звонкій голосъ Матушки.

— Вѣдро, значитъ, завтра,—протянулъ лѣниво Силантій.

— А на чорта ли завтра ведро, коли праздникъ,—огрызнулась Авдотья.

— Богъ—хозянъ старый, свои распорядки самъ знаетъ, твово дурьяго ума не спросишь.

— А ты и радъ облять.

— Чего-те лаять, сама лаешься.

— Промѣсилъ бы мѣсиво двадцать вѣрстъ на поденную, дратъся бы сталъ.

— За поденную деньги платятъ.

— Штобъ ихъ черти съ ихъ деньгами зайди, изъ трехъ гривенниковъ кости ломать!

— А въ Лукьянновской ионче економіи съ пятакомъ платили,—сообщила Машутка,—Степанидова молодуха ходила.

— Допрежъ того, вина по стаканчику подносили,—продолжала ворчливо, не обращая вниманія на сообщеніе Машутки, Авдотья.—А ионечка всухомятку... такъ, покорно благодарствуй, значитъ, разсчетъ подали, да и ладно... Черти!

— Молока, что ли, похлебать!—утирая рукавомъ рубахи губы, проговорилъ Силантій.

— Неси утренній горлачъ, чего буржалы пляшишь!—прикрикнула на Машутку Авдотья.

Та, соскользнувъ съ лавки, черезъ минуту внесла, безшумно съменивъ босыми ногами, кринку молока.

— А ионечка Анисью солдатку за нищенство домой пригнали,—снова сообщила словоохотливая Машутка.—Халать вродъ какъ арестантскій, да коты... А ёна говорить: на што мнѣ ваши коты, коли мнѣ жрать нечая.

— Ей нечая, а въ другихъ есть што?—сердито буркнула Авдотья.

— Што ни што, а все не жрамши не сидимъ,—замѣтилъ Силантій.

— А ты што за заступа ешь? Ты самъ подать-то приготовилъ, волчье мясо? приготовиль?

— А хошь и не приготовиль, а ты не лайся!...

— Ладно. Какъ послѣднюю корову сведутъ, вонъ какъ въ Кузьмы босого,—молока похлебаешь въ помойной лужѣ.

- И похлебаю, да и тебѣ, подлой, глотку залью...
- Молчи, палачъ глазастый, молчи-и-и... — взвизгнула, стукнувъ по столу кулакомъ, Авдотья.

Опять наступило злое, гнетущее молчаніе, лишь мѣрно, какъ по командѣ, протягивались къ горячу деревянныя ложки и глухо стучали объ его края, да громко хлебалось молоко.

И такъ же злобно, такъ же молча всѣ собирались спать.

II.

Отець Павель, сидя передъ нетронутымъ стаканомъ чая, задумчиво разглаживалъ свою начинающую сѣсть русую бородку. Онъ только что вернулся послѣ обѣдни.

— Все бываетъ, все бываетъ... и всяческое случается,—наставительно поучалъ онъ стоящую передъ нимъ Василису.—Вотъ иначе и въ печати, по газетамъ, можно прочесть про антихриста, и въ прошедшемъ году появленія звѣзды-кометы ожидалось... Листки были разные насчетъ бренного конца сему бренному миру... Молись, дщерь моя, одно слово—молись! Ежели по грѣхамъ твоимъ или бо родительскимъ тебѣ таковъ предѣлъ положенъ — молись! Послушаніе на себя наложи... И давно это съ тобой такое?...

— Сызмальства.

Василиса потупилась.

- А сколько годовъ тебѣ нонче?
- Съ Филипповыхъ двадцатый пошелъ.
- На слова жалуешься. Какія же такія слова тебя обуреваютъ?...

— А разныя...

— И любовныя?

— И ёны...

— Гм...

Отець Павель насупился.

— Спокою отъ словъ нѣту, все нутро изболѣвші.

— Гм... всяко случается, всяко... Во времена прохожденія Христа Спасителя нашего въ земной сей юдоли обыкновенно это называлось, что дьяволъ вселился.

Василиса вздрогнула.

— Нонче, какъ у насъ повсемѣстно образованіе, слово такое сказать зазорно... А дьяволъ всетаки искушаетъ... искушаетъ... искушаетъ...—протяжно, нараспѣвъ и нѣсколько въ носъ договорилъ священникъ.

— Матка ругается, и мнъ съ того обидно,—скороговоркой проговорила Василиса.—А я все по другому понимаю.

— Какъ по другому?

— А такъ, что все ёны дѣлаютъ неладно.

— Осужденіе родителей—на себя грѣхъ берешь великий. Смиреніе, кротость — добродѣтели, украшеніе каждой девицы. Молитвы знаешь?

— Нѣту,—сконфуженно пробормотала Василиса.

— А «Отче»?

— Нѣту.

Отець Павель сокрушенно покачалъ головой.

— И «Отче» не знаешь. Какъ же съ тобою мнъ быть?

— И въ работѣ мнъ спору нѣту,—негодяя и печально проговорила Василиса,—что дѣлать стану, а ёны, проклятые слова, такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ, такъ въ ушыма какъ шмели жужжать, ж... ж... ж... Что дѣлать начну—забуду... потомъ ругаются... а я и сама знаю про горе свое. Помоги батюшка, миленький!

Она бухнулась ему въ ноги.

— Искушаетъ... искушаетъ... искушаетъ. Возьми на себя послушаніе—ходи девять обѣденъ. Счетъ знаешь?

— Нѣту,—виновато вздохнула Василиса.

— Сложи персты, какъ на крестное знаменіе, три креста. Три раза по три перста будеть девять обѣденъ. На каждой обѣднѣ будешь класть по сту поклоновъ. Какъ «Отче» запоють—ты слушай... услышишь первое слово въ пѣснопѣніи «Отче», значитъ поклоновъ больше не надо. Налагаю на тебя рабу Божію... Какъ зовутъ?

— Василиса,—произнесла девица раздѣльно, прерывающимся голосомъ.

— Рабу Божію Василису строгій постъ. Молись, и я грѣшный рабъ Господа моего Іисуса вознесу за тебя передъ святымъ Господнимъ алтаремъ молитву служителя Божія.

Василиса рыдала навзрыдь.

Отець Павель положилъ свою руку на склоненную передъ нимъ блокурую голову и сталъ читать молитвы.

Носовой, однотонный его голосъ дѣйствовалъ успокаительно. Василиса всхлипывала все рѣже и рѣже.

Она встала съ колѣнь, обвела комнату распухшими отъ слезъ, какъ бы удивленными глазами, остановила свой взглядъ на благообразномъ лицѣ священника, точно хотѣла что-то припомнить или сообразить, потомъ перевела глаза на большую икону съ теплющейся лампадой и вдругъ, какъ бы вспомнивъ то, что хотѣла, со всего

размаха упала на колени передъ иконой и стала скоро-скоро широко креститься и кланяться въ землю, всякий разъ крѣпко прижимаясь головою къ блестящему крашеному полу.

Она поднялась, надвинула почти до самыхъ бровей сползшій съ головы ситцевый платокъ и сказала отрывисто:

— Прощай, батюшка!... Приходить когда?

— Я же тебѣ объяснилъ, что девять обѣденъ,—отвѣтилъ строго священникъ.

Недѣля пролетѣла, какъ одинъ день. Настало снова воскресенье.

Василиса встала чуть свѣтъ, чтобы поспѣть къ обѣднѣ. Село находилось въ одиннадцати верстахъ отъ ея деревни.

Маленькая деревянная церковь была скудно освѣщена мигающими у образовъ трехкопеечными желтаго воска свѣчками. Только возѣ престольныхъ образовъ горѣли толстыя свѣчи.

Пахло кумачомъ, кубовой ситцевой краской, сѣрымъ домотканымъ сукномъ и дегтемъ.

Отець Павель наканунѣ крестилъ у богатаго крестьянина, и сегодня у него болѣла голова, а рука какъ-то первно и порывисто размазывала кадиломъ. Оно всякий разъ вздрагивало, цѣпочки звякали, точно желали выразить свое неудовольствіе отцу Павлу по поводу небрежнаго обращенія съ кадиломъ.

На клиросѣ, возлѣ поющаго козлинымъ голосомъ дѣячка, стояла помѣщица сосѣдней экономіи, одѣтая въ сѣреѣ шатье и съ бѣлой на колкой на головѣ. Съ нею былъ сынъ, гимназистъ, и взрослая дочь. Всѣ трое пѣли песнѣладно, фальшиво, помогая дѣячку.

Но Василисѣ и убогая сельская церковь и это жалкое пѣніе казались необыкновенно торжественными. Съ умиленiemъ и страстной надеждой глядѣла она на старые, облупившіеся образа, и на отца Павла, махающаго кадиломъ; въ упоеніи слушала она фальшивое пѣніе и молилась, полная благоговѣнаго страха. Она не произносила ни громко, ни мысленно никакихъ словъ; она вся ушла во внутреннее созерцаніе, и въ этомъ заключалась ея молитва. Но она мучительно помнила о поклонахъ.

— Какъ «Отче» пропоють... какъ «Отче» пропоють, — повторяла она слова отца Павла и кланялась съ непрѣрывнымъ усердіемъ. Но уже во время «Херувимской» она почувствовала непріятное щекотаніе въ горлѣ, а свѣча какъ-то странно стала прыгать передъ глазами. Василиса все кланялась и кланялась... Свѣчи прыгали, мерцали, качались изъ стороны въ сторону... потухали... и снова вспыхивали... То становились вдругъ зелеными, желтыми, фиолетовыми... Въ

ушахъ звенѣло, непрѣятное щекотаніе въ горлѣ дѣлалось невыносимъ. Изъ груди вылился вздохъ, похожій на стонъ. Онъ отдался въ ушахъ Василисы и породилъ новый... и еще новый... и еще... Стонъ за стономъ—болѣзненные, отрывистые, рвались неудержимо изъ груди дѣвшіи, а она все кланялась, да кланялась... Душистый дымъ ладона смѣшался съ запахомъ дегтя и кумача... Отецъ Павелъ все такъ же махалъ кадиломъ... Съ клироса неслось нескладное пѣніе... Народъ молился, падалъ на колѣни, громкѣ дышалъ, какъ одна исполнинская грудь..

— Ослобони!... Царь небесный...—крикнула на всю церковь Василиса, и дальше ужъ не помнила ничего.

Ее закрыла платкомъ рядомъ стоящая баба, ее потащили изъ церкви на папертъ... Она смутно чувствовала, какъ тяжело волочились ея точно свинцомъ налитыя ноги... Она билась. плакала и, задыхаясь, бричала: «ослобони»!...

III.

Время шло. Уже наступила жатва. Василисъ прибавилось новое горе—ее просватали.

Просватали ее за Федора Демьянова, изъ сосѣдней деревни, за Федьку-солдата, какъ называли его тамъ.

Федоръ былъ красивый рослый парень, съ вѣчно смѣющимся круглымъ лицомъ и черными волосами. Онъ только что отбылъ военную службу, пользовался успѣхомъ среди женскаго пола, но Василисъ онъ не нравился.

Ослушавшись родителей она не посмѣла и, затаивъ въ себѣ обиду и злобу противъ судьбы, покорилась.

— Поладили съ Федькой?—подмигивая плутовскими глазами, спросила ее на другой день курносая Танька.—Иди, єньничаво...Хошь и солдать, а справный... Солдаткой будешь... Пхи!—фыркнула Танька въ кулагъ.

Четыре обѣдни ужъ прошли. Четыреста, а можетъ быть и больше, поклоновъ было положено, а исцѣленіе не являлось: «слова» попрежнему одолѣвали Василису...

Жали. На поденной работало нѣсколько деревень. Съ грохотомъ їздila по полю запряженная четверкой лошадей громоздкая жатвенная машина, равномѣрно выбрасывая сжатые и уже связанные снопы. Она описывала правильный четырехугольникъ, и всякий разъ при поворотѣ, лошади какъ бы въ недоумѣніи останавливались, поводили ушами, испуганно пятясь, а сидящій на желѣзномъ сидѣнѣ лох-

матый мужикъ-работникъ какимъ-то виноватымъ голосомъ привыкался кричать, помахивая кнутомъ:

— Но... но... но... но-о!

Однъ бабы жали рожь у окраинъ поля, другія подбирали выбрасываемые машиной снопы и складывали ихъ по семи вмѣстѣ.

Было зноено. Раскаленный воздухъ точно силился, въ своихъ жгучихъ волнахъ, расплывть изнемогающихъ людей.

Василиса истомилась духотой и внутренней душевной тревогой, и тихо бормочеть она, волоча сползъ за снопомъ:

— Пущай меня неволять, пущай приневолять — не хочу! Что вихорь вѣсть вольный, что пташки поютъ раннія — не хочу! Пущай парчей одѣпуть, всю золотомъ отливно — не хочу! За горочку за крученку, за быструю за рѣченку — улечу!...

— Ти што... ти што!... Эй, дѣвка, ти што тамъ?... Снопы... снопы... — кричалъ нѣмецъ управляющій, какъ піонъ красный отъ гнѣва. — Сколько ты положилъ?... Нади сѣмъ... сѣмъ, а тѣѣ цѣльный кучей... Дури, деревенски дури...

Василиса стояла, озадаченная, растревавшаяся, передъ огромной кучею патасканныхъ ею сноповъ.

— Переклядай, переклядай... Живо... Дури... деревенскія дури!

Вокругъ захочотали бабы и дѣвки.

— Ена глупа,ничаво не сообразить, память отшибши...

— Не надо на работу приди... дрень!... Память нѣть и идешь, дрень деревенски.

— Ена невѣста, господинъ управитель, — вступилась за подругу курносая Танька, — потому память ослабѣвшіи — съ любви, значитъ, по любезному сохнетъ, миленъка поджидаетъ.

Хохотъ еще больше усилился. Смягченный управляющій тоже улыбнулся.

— Нѣвѣсти.., ну, нишево... Любофъ позволяйтъ маленьки вольность.

Онъ взялъ даже Василису за подбородокъ и добавилъ одобрительно:

— Красивеньки глазки... корошеньки глазки... а снопи переклядай... снопи не хорошо!

— Ва-съ, — сказала участливо Танька, когда отошелъ управляющій, — давай пособлю!...

И онъ стали вмѣстѣ разорять нагроможденную кучу.

— Ва-съ, знаешь, что я те скажу, — продолжала попрежнему Танька, — ступай къ Бабаевской барынѣ... Намедни Феклушка рябая ходила, какъ съ животомъ смалялась, а барыня пособила... Пользительные лѣкарства, Феклушка сказывала, даетъ... Сходи!...

IV.

Барыня Бабаева была оригинальная барыня. Въ своемъ большомъ
бѣрскомъ, съ наглухо заколоченными окнами, домъ она занимала
только одну комнату, возлѣ кухни.

Вся заставленная сундуками, комната эта была грязна непомѣрно: по стѣнамъ ключьями висѣли обои, въ закоптѣлыхъ углахъ обра-
зовались цѣлые гнѣзда паутины, стекла въ окнахъ отъ сырости и
грязи стали мутно-зелеными, сундуки замѣняли барынѣ столы и
стулья и даже кровать. На одномъ изъ нихъ лежала перина и цѣлая
гора пуховыхъ подушекъ, въ грязныхъ ситцевыхъ наволочкахъ.

Когда-то свѣтская и даже интересная, послѣ смерти мужа, ар-
мейского полковника, Бабаева перѣхала въ свое родовое имѣніе, и
совершенно перемѣнила образъ жизни.

Не привыкшая къ самостоятельности, она прежде всего испуга-
лась свободы; и это былъ какой-то паническій, на материальной почвѣ
основанный страхъ. Ей все казалось, что у нея нехватить денегъ, и
она останется нищей. Она стала геройски, съ болѣзnenной ретивостью,
сокращать расходы, а рядомъ съ этимъ росли неряшливость и грязь.
Она довела свои траты и въ хозяйствѣ, и въ домашнемъ обиходѣ до
минимума, близкаго къ плюшкинскимъ идеаламъ—тогда она успокои-
лась, и ею овладѣла новая страсть пріобрѣтать и вонзить. Поля не
воздѣлывались, а отдавались крестьянамъ за деньги, весь скотъ былъ
распроданъ, за исключеніемъ двухъ коровъ и лошади. Прислуги Ба-
баева не держала. Скотникъ Никита, высокій рябой мужикъ, испол-
нялъ должностъ стряпухи и убиралъ единственную комнату невзы-
кательной хозяйки.

Но и у этой суровой, во имя скучности, подвижницы было три слабости, вносявшія разнообразіе въ ея скудное впечатлѣнія прозяба-
ніе: она курила, лѣчила крестьянъ электро-гомеопатіей—для чего под-
держивала въ большомъ порядкѣ свою аптечку, постоянно пополняя
запасы лѣкарствъ — и страстью любила лѣсь,— любила она его
сама по особенному, какъ бы любила близкаго человѣка. Она
знала каждое дерево; по цѣлымъ днямъ готова она была бродить по
лѣсу, съ наслажденіемъ заслушиваясь своеобразными лѣсными зву-
ками, упиваясь согрѣтымъ запахомъ мха и истлѣвшей листвы. Для
охраны лѣса нанималася сторожъ, и неусыпность его бдѣнія Бабаева
провѣряла совершенно оригинальнымъ способомъ. Она одѣвалась въ
мужичий каftанъ и отправлялась на лошади ночью воровать свой
собственный лѣсъ.

Однажды она жестоко поплатилась за свою выходку и была из-

бита не узнавшимъ ее сторожемъ. Но это нисколько не послужило ей урокомъ, а сторожъ даже получилъ отъ барыни двугривенный на чай за свою ревностную службу.

Бабаева обѣдала, когда Никита доложилъ ей о приходѣ Василисы.

— Дѣвчонка тамъ изъ Старыхъ выселокъ насчетъ лѣкарствъ пришедши,—сказаль онъ угрюмо.

— Зови, зови,—встрепенулась Бабаева, и ея огрубѣвшее мужественное лицо, съ густыми сросшимися бровями, ожиивилось улыбкой.

Она всегда была рада пациентамъ.

— Что болитъ? — спросила она отрывисто ставшую робко у двери Василису и начала спѣшно глотать щи.

— Одно што, болѣсти во мнѣ нѣту, а што вродѣ какъ дьяволъ... — унылой скороговоркой проговорила Василиса.

Барыню всю передернуло, и она сердито бросила деревянную ложку, которой ъла.

— Что за идиоты!... Когда вы только людьми станете?... Какой такой дьяволъ?... Я тебя по-русски спрашиваю, что у тебя болитъ, и отвѣчай мнѣ по-русски.

Василиса молчала.

— Ну!

— Слова... слова разныя... ну и значитъ... что памяти нѣту.

— Какія слова? — продолжала сердитая помѣщица.

— А такъ... вродѣ какъ затменіе... память затмевается... Работать стану, а тутъ затменіе найдеть... ну, и слова разныя, про работу и забуду, а либо все неладно сдѣлаю.

— Я у тебя по-русски спрашиваю: что у тебя болитъ, болитъ? Понимаешь? — кипятилась барыня, понимаешь — болитъ. Голова, животъ, руки, сердце?

— А во... во... во... точно! — обрадовалась Василиса, подъ сердце изнутра подкатить — и жметъ, и жметъ, и жметъ!

— Ф-фу! наконецъ, толку добилась... Значить, спазмы съ сердцемъ, а въ горлѣ бываетъ, что жметъ?

— А во... во... во... во!...

— Гм... истеричка, — какъ бы выяснила сама себѣ барыня... Scrofuloso... Scrofuloso № 1-й, третій стаканъ и Febrifugo 1-е, то же дѣленіе.

— Слушай, я тебѣ приготовлю лѣкарство... Только ты принимай аккуратно и смотри не перепутай.

Василиса бухнулась въ ноги.

— Сдѣлай милость, баринушка, ослобони!

— Ну, ну ладно,—ужь болѣе смягченно произнесла Бабаева,—
выльчишь.

И она зычно крикнула:

— Никита! Три стакана и два пузырька!

Она съ глубокомысленнымъ видомъ поставила передъ собой въ рядъ привнесенные Никитой стаканы съ отварной водой, бросила въ одинъ изъ нихъ микроскопическую бѣлую крупинку, вынула изъ небольшого сундучка серебряную ложку и стала отливать ею воду изъ первого во второй, а изъ второго въ третій стаканъ. Оставивъ послѣдній, она приказала Никитѣ принести снова три. Продѣлавъ ту же исторію съ этими, что и съ предыдущими, она перелила обѣ жидкости въ стеклянные пузырьки, приклеила къ нимъ бумажки и сдѣлала надписи на одномъ красными, на другомъ—черными чернилами.

— Вотъ видишь,—обратилась она къ Василисѣ, и лицо у нея сдѣгалось добрымъ и голось ободряющимъ.—Вотъ тутъ два пузырька, два... Вотъ видишь: на одномъ красное, понимаешь, красная надпись. И пей изъ него каждый день, по утру, глотокъ... А вотъ другой съ чернымъ—понимаешь, черная надпись; такъ изъ этого раза четыре въ день тоже по глотку, понимаешь, по глотку, но только не сейчасъ послѣ ўды... Поняла?

Василиса все время кивала головой утвердительно.

— Ну, ступай съ Богомъ, если будетъ хуже, приходи.

— Спасибо, бариночка, родименькая!

И Василиса опять бухнулась въ ноги.

— Охъ, бѣдный, бѣдный, бѣдный народъ,—вздохнула барыня, по уходѣ Василисы, снова принимаясь за успѣвшія уже остынуть щи. Идоты какіе-то!

— Никита!—крикнула она, принимай!

Никита, увидѣвъ жалкіе остатки щей, предназначенные для утоленія его мужицкаго аппетита, сердито хлопнулъ дверью, унося въ кухню чашку.

А Василиса медленно подвигалась домой по песчаной пыльной дорогѣ и почему-то на этотъ разъ не говорила, а пѣла свои импровизаціи.

Она пѣла. И пѣсня, полная страстной тоски, и звеня и дрожа далеко разносилась по воздуху.

Неслась она къ неизвѣстному, но любимому, горячо желанному.

—... То не мѣсяцъ бѣлый плыветь по небу, то не пташка поетъ, не соловушка, то желанный мой, моя ягодка, сердцу вѣсть даетъ, откликается... Я стою одна—одна безсчастная, при дороженькѣ, на

распутьицъ... Ты спаси меня, сизый голубь мой, занеси во страну дальня.

По бокамъ дороги трепеталъ на своихъ тонкихъ, нѣжныхъ стебелькахъ начинаящій созрѣвать овесъ; наливные колосья мѣстами еще не сжатой ржи низко клонили золотыя головки, а ихъ неразрывные друзья—синіе перистые васильки—ласково глядѣли сквозь рожную соломенную чашу и точно посыпали привѣтъ поющей дѣвушкѣ.

Въ густомъ осиновомъ лѣсу куковала кукушка. И еще печальнѣе, еще шире поилась зачуньная пѣсня:

— Букушечка куковала, по миломъ дружкѣ тосковала. **Бу-ку**,
милый другъ, желанный мой, **ку-ку**, моя ягодка. Ты скажи, скажи **бу-**
кушечка, скажи **пташка** моя любезная—сколько мнѣ годовъ отжитъ,
сколько маяться сиротинкѣ мнѣ. Что невзгодушка неминучая, что
тоска моя неусыпучая... Оглянулся я на дальний лѣсъ—грустно.
нудно сердцу бѣдному. Во лѣсу-то томъ темнехонько, а въ груди
моей еще темнѣй... Вѣтсѧ змѣйка по песчаничку, къ мому сердцу
подбирается, кругомъ сердца обвивается змѣя лютая, ненавидная...
Ты ползи змѣя отъ сердца прочь, сгинь, уди отъ меня, не губи
меня.

Возъ частокола, за которымъ росли желтые подсолнухи, на покрытомъ рѣдкой травой скатѣ, сидѣлъ Федоръ. Глаза его были устремлены на дорогу, по которой шла Василиса. Когда она поровнялась съ нимъ, онъ привсталъ.

— Ну, что-жъ,—сказалъ онъ уныло и какъ бы сердито,—на заручины я два ведра купилъ.

— Ахъ, нѣту, нѣту, нѣту! — испуганно залепетала Василіса.

— Чего ломаешься, все едино силью отдашь... Батька съ маткой порѣшили, а мнѣ ты по любви пришлась... Все едино, хоть и убогая... Глаза твои пронзительные, вотъ что! — добавилъ онъ совсѣмъ сердито.

— Ахъ, нѣту, нѣту, нѣту! — съ мольбой прошептала Василиса.

— Ишь ты косная какая!.. Ей-Богу, дура какъ есть! Ты то подумай; все-жъ я въ солдатахъ былъ, грамотъ умъю. Съ понятіемъ значить. Бить не стану, какъ другіе прочие сѣрые мужики... Боли очень озлишь, ну, вздую разъ-другой... а бить какъ другіе прочие— не стану... Пока что—въ избѣ съ братомъ проживемъ, а тамъ раздѣлимся—свою хату построимъ.. . Н-ну-у! Чего ты. Словно кошка ошпаренная!

Онь протянуль руку, чтобы обнять Василису.

— Ахъ, нѣту, нѣту, нѣту!

Она приникла къ землѣ и стала плакать.

— И что ты за окаянная? что ты за окаянная? — заволновался Федоръ. Что ты только о себѣ представляешь?... Не видаль я дѣвокъ, что ли? Да и бабы тоже: вонъ Прошкина молодуха за мной гоняетъ... Отстань, говорю, прочь, у тебя мужъ. Мужъ, говорить, шадрочный, а ты, говорить, Федя, гладкій. Бой баба!

Федоръ усмѣхнулся.

— А я вотъ тебя, убогую, замужъ беру, — продолжалъ онъ, такъ бы усовѣшивая плачущую дѣвушку. — Возьми это въ понятіе. Богу за меня молиться должна, слышишь? Вонъ давеча полведра вина купилъ, — говорять, мало, а водку-то вышли... Нонѣ два ведра... Сколько денегъ на тебя, на окаянную, стратиль. И того я задаромъ не прощу... Вонъ музыкантовъ, жидовъ двоихъ, въ городъ нанялъ, на заручины... А ты куражишься надо мной... Не прошу! И не столь за деньги, — чортъ съ ними! — сколь за обиду не прошу... Слыши ты? — добавилъ онъ черезъ минуту.

Но она ничего не отвѣтила, молча поднялась съ земли, молча вытерла подоломъ сарафана красныя отъ слезъ вѣки и пошла прочь.

— Эхъ, кабы не глаза, шутъ тебя возьми... — пустилъ ей вдогонку Федоръ. — А изъ-за глазъ не отступлюсь... Пронзительные...

V.

У воротъ избы Василису встрѣтила встревоженная Машутка.

Во дворѣ стояла уже вернувшаяся съ поля корова и нераспрѣжненная лошадь. Въ телѣгѣ Авдотья и Силантий ѿздили въ городъ за приданымъ. Купили байковый платокъ невѣстѣ, подсолнуховъ на угощеніе для заручинъ и на оставшуюся сдачу вышли.

— Васька, мамка серчаетъ, ступай скорѣе... Выпимши ёна, — сообщила со страхомъ Машутка.

— На! Схорони куды-нибудь!

Василиса вытащила изъ-за пазухи пузырьки и торопливо сунула ихъ Машуткѣ въ руки.

— А-а-а, дочка распрекрасная! — встрѣтила Василису обозленная матъ, уже собиравшаяся идти сама доить корову. — Гдѣ шлялась, гдѣ-ѣ? Скотина съ поля домой пришла, а тебя, подлой, дома нѣтути...

Внезапная тяжеловѣсная пощечина опалила нѣжную щеку дѣвушки.

Василиса повернулась, чтобы уйти изъ избы.

— Стой, подлая, стой!

Оглушенная ѣтимъ пьянымъ властнымъ окрикомъ, Василиса помимо своей воли остановилась.

— Невѣста соблюдать себя должна! Бабой будешь, пущай тог мужъ самъ распорядки надъ тобой править... а теперь родительск дѣло... родителевъ, ро-ди-телей!... На што я тя породила? Смутья щицу да непокорницу, да убогую!... — кричала неистово пьяных хриплымъ голосомъ Авдотья, пересыпая брань пощечинами.

Василиса стояла, какъ прикованная къ мѣсту. Полъ подъ ея ногами горѣлъ. Горѣли избитыя, пылающія щеки. Пламенемъ, пожаром засились все вокругъ, и она сама сгорала въ этомъ пожарѣ. Но болѣе физической боли, она не ощущала.

— Ха, ха, ха, ха! — донесся съ печи пьяный хохотъ.

Хохотать довольный представлениемъ, единственный зрителъ безобразной сцены, Силантій.

— Такъ... такъ... жарь ее... лупи!

Василиса очнулась, вздрогнувъ отъ негодованія. Этотъ хохот оскорбилъ ее больше пощечинъ. Когда ее били за провинности, за неисправности въ работе, она покорно принимала побои, какъ заслуженную дань ея несчастной болѣзни. Но теперь, теперь она чувствовала себя правой, а ее били и, что еще хуже, издѣвались.

Позабывъ, что передъ нею мать, видя передъ собой одно только пьяное, озвѣрившееся лицо ей ненавистной, оскорбляющей ее бабы она рѣзкимъ, гнѣвнымъ движеніемъ оттолкнула отъ себя Авдотью: стремглавъ выбѣжала на дворъ. Ненависть, ненависть душила ее.

На дворѣ стояла Машутка.

— Пойдемъ скотину убирать,—отрывисто и сурово проговорила Василиса.

Онѣ обѣ молча распрягли лошадь, напоили ее и поставили подъ навѣсъ, притащивъ туда охапку свѣжаго сѣна.

Изъ избы послышались новые крики, новая брань. Авдотья спѣшилась съ мужемъ.

«Мим-мим-у-у...» — промычала Краснуха, рыжая приземистая корова, точно желая напомнить о своемъ существованіи. Помахивая хвостомъ отъ мухъ, жуя жвачку и облизывая постоянно нѣжныя, мясистыми языками свой розовый мокрый носъ, она ласково смотрѣла огромными добрыми и глупыми глазами.

Василиса потрепала ее. Краснуха мотнула головой, звякнувъ привѣшаннымъ къ шеѣ колокольцемъ.

Василиса присѣла ее доить.

Корова промычала еще разъ протяжно и довольно.

Изъ избы попрежнему доносилась брань.

Василисѣ стало горько и стыдно не то за себя, не то за тѣхъ, что ругались въ избѣ.

— Коровушка идеть съ поля, къ травкѣ головушку пригигаетъ... Охъ, доля, моя доля, доля дѣвичья! Травка стелется, травка лачется: оставь, не трожь меня, коровушка! Охъ, доля моя, доля дѣвичья...

— Вась, не плачь, — прерваль Василису тоненький задушевный голосокъ, и Машуткины руки обвились вокругъ ея шеи.—Они водки пажравши, съ того и серчаютъ... Кады тверезые, не стануть бить.

Машутка притащила старое колесо и съла рядомъ съ Василисой.

— Вась, давай разговоры говорить: какъ и што будетъ.

— А ничаво не будетъ.

— Анъ врещь, будетъ. Сама давеча говорила.

— Грамотѣ учили бы — могла бы разговоры говорить, а теперь какъ есть яма—могила... — сердито и печально произнесла Василиса.

— Вась, разскажи-и, — приставала Машутка.

Василиса улыбнулась, и ея мечтательные глаза засвѣтились тихимъ яснымъ свѣтомъ.

— Все будетъ по прекрасному...

И она вздохнула.

— А кто-жъ его знаетъ? Тыи звѣзды, что по ночамъ мигаютъ, — можетъ, онѣ живыя? Вдругъ спрыгнетъ звѣзда на землю и заговорить человѣчымъ голосомъ: люди, люди, крестьяне православные, не сказку говорю, сердцамъ вѣсть подаю...

— Ай! — замирая сладкимъ трепетомъ любопытства тихо воскликнула Машутка. — А какъ она спрыгнетъ?

— А спрыгнетъ — и все тутъ. А люди, люди, крестьяне православные, побѣгутъ-побѣгутъ съ конца съ края разговоры ейные слушать, про солнце и про мѣсяцъ... То не мѣсяцъ ясный, то престоль Господень, то не солнце свѣтить, то палаты блещутъ, Господни палаты, золотыя... И покатится звѣзда далече-далече... за море. Куда прикатится, все серебромъ зальетъ.

— Ай!

— А народу... народу много... все бѣгутъ, голосу ейному покоряются. Православные крестьяне, добрые, маво голосу не пугайтесь...

— А какъ ёна заговорить?

— А вотъ заговорить — и все тутъ.

— Чудно.

Машутка взяла изъ рукъ сестры наполненный молокомъ подойникъ.

Когда она вернулась, убравъ молоко, Василиса сидѣла уже на крылечкѣ. Въ избѣ успокоились и, должно быть, легли спать. Было тихо.

Машутка усълась подъ сестры и подперла ладонями руки подбородокъ.

- А какъ же опосля? Когда ёна спрыгнеть и закатится?
- А чудо.
- Чудо?
- Да-а...

Полные тайны глаза Василисы вспыхнули фосфорическимъ блескомъ.

— А то и будетъ, что обернулася тая звѣздонька во дѣвицу, во прекрасную: коса руса по плечамъ легла, глазки ясны, съ повозою. Народъ диву дался—на колѣни палъ, сталь на горе горько жалиться: ты дѣвица наша распрекрасная, ты царевна наша поднебесная, утоли муку-мученску, пособи народу православному. А царевна слезами заливалася, скатнымъ жемчугомъ, пересыпчатымъ... Раскатилися ейны слезыньки во четыре во сторонушки. И гдѣ пали жемчужны слезыньки—выростали цвѣточки лазоревы, что цвѣточки тѣ, василечки. Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка, не плачь, царевна поднебесная,—съ того свянетъ, свянетъ краса дѣвичья, помогнутся ясны глазыньки...

— Ну, а опосля?—затаивъ дыханіе, робко спросила умолкнувшую Василису Машутку.

— Опосля... Ахъ... а опосля... Что далече-далече за моремъ, во чистомъ полѣ, близъ калинушки, подъ кустикомъ, подъ ракитинкой, лежалъ тяжель, тяжель камень горюнъ, изъ-подъ камня того вьется рѣченъка,—то не рѣченъка, то слезыньки молодой царевны безутѣшныя. Ночка темная, неуказная, по небу по синему стелется. Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка, не плачь, царевна поднебесная. Звѣзды мои ясныя, подружки прекрасныя, почто я скатилась, почто обратилася, съ тоской спозналася, съ лютой сдружилася? Не могу пособить горю крестьянскому, съ того слезы лью, заливаются...

- Ой...—всхлипнула протяжно Машутка.

Голосъ Василисы зазвучалъ сильно, почти повелительно:

— Взвейся, взвейся, лебедь бѣлая! Ахъ, взвейся царевна поднебесная!... Обратись во звѣздоньку во ясную, что палаты твои золотыя, во садахъ растуть каменья самоцвѣтны... Улетѣла царевна лебедушка—ясной звѣздонькой обратилася. А и съ неба глядить на горе православное, а и плачутъ горько, плачутъ ейны глазыньки, и куда падутъ тыя слезыньки; вырастаютъ цвѣточки лазоревы, что цвѣточки тѣ—vasilечки... А подъ кустикомъ, подъ ракитинкой, изъ-подъ камушки, изъ-подъ сѣраго, все течеть-течеть, вьется рѣченъка, слезна рѣченъка разливается...

— А вдругъ ены всѣ спрыгнутъ?... — пугливо спросила Машутка, глядя на начинаящія появляться звѣзды.

Василиса ничего не отвѣтила. Она не могла оторвать глазъ отъ темнаго небосвода съ мерцающими кое-гдѣ звѣздами, точно хотѣла проникнуть туда, въ далекую высь, къ улетѣвшей царевнѣ поднебесной, что въ своихъ золотыхъ палатахъ, въ садахъ съ камнями самоцвѣтными все плачетъ да плачетъ о горѣ человѣческомъ...

VI.

Несмотря на поздній часъ — было уже двѣнадцать ночи — возлѣ Сибирской избы толпился народъ. Оттуда были слышны пѣсни, говорь, шумъ. Изба не вмѣщала всѣхъ явившихся на заручины, и половина гостей находилась на улицѣ. Входная дверь въ сѣни была раскрыта, и все время то туда, то оттуда шли люди.

Въ избѣ чадила единственная маленькая жестянная лампа. Теплилась, приклеенныя къ образу, восковыя свѣчи. По стѣнамъ тянулись лавки, передъ ними были поставлены длинные столы, а на нихъ въ глиняныхъ чашкахъ угощеніе: подсолнухи и бѣлые мятные пряники.

Было тѣсно, жарко и душно. Ведро водки уже роспили.

За столомъ сидѣли женихъ съ невѣстой и почетные гости. Съ печи выглядывали раскраснѣвшіяся лица бѣлобрысыхъ ребятишекъ.

Въ углу противъ столовъ толпились дѣвушки поднебѣстницы и гѣли заунывно-визгливо безконечную пѣсню, повторяя все одни и тѣ же слова:

«А куды, куды наши глазыньки глядѣли, глядѣли, что Василисточку проглядѣли, проглядѣли... Ты куда, Василисточка, отлетаешь, отлетаешь, подругъ-дѣвокъ спокидаешь, спокидаешь?»

— Чего не воешь, дура? Плачь! — шепнула Василиса, одѣтой въ красный съ желтыми разводами сарафанъ, Авдотья. — Порядку не знаешь, плачь!

Василиса приложила къ сухимъ глазамъ купленный для заручинъ бѣлый нитянный платокъ и стала подвыывать въ тонъ къ пѣснѣ.

Съ пѣвицѣ поть лиль градомъ. Иногда изъ ихъ толпы выдѣлялась дѣвушка для пляски — тогда прижатые къ стѣнѣ музыканты начинали съ трудомъ водить смычками по инструментамъ, и неистово съожесточеніемъ играли на скрипкѣ и віолончели казачка.

Пляшущіе толкались на разстояніи квадратнаго аршина. Но, не взирая на тѣсноту, онѣ молодцевато пристукивали каблуками и прихопывали себя по бедрамъ, топчась на одномъ мѣстѣ, а она, подбоченясь одной рукой, другою, лѣниво помахивая платкомъ, въ возду-

хъ, съ понурою головой, съ лицомъ недовольнымъ, точно ее заставляли продѣлывать все это изъ-подъ палки, бѣгомъ обходила вокругъ него.

Остальные не обращали вниманія на пляшущихъ, и только на красныхъ вспотѣвшихъ лицахъ ребятишекъ выражалось удовольствіе.

Федоръ улыбался счастливой глуповатой улыбкой, поминутно утирая, тоже купленнымъ для заручинъ, бѣлымъ платкомъ обильно проступающій потъ на лбу и щекахъ.

Авдотья поставила черный ржаной, съ картофелемъ, и полубѣлый съ капустой пироги на столъ.

Пили и закусывали пирогами. Водки еще было вдоволь. Сваты угощались и угощали гостей.

Жара все усиливалась. Паръ отъ дыханія, насыщенный винными испареніями, чадъ маленькой лампы, клубы дыма отъ табака,— все слилось, смѣшалось въ сплошномъ туманѣ, и въ мутныхъ его волнахъ какъ бы плавали тоскливые, похожіе на плачъ осенней выруги звуки пѣсенъ, скрипки и віолончели... А вмѣстѣ съ этими надтреснутыми заунывными звуками плавали очертанія человѣческихъ лицъ, рукъ, торсовъ... То ясно обрисовывалась рука, махающая платкомъ въ воздухѣ, то выдвигалось чье-нибудь плечо, то появлялась мужская или женская голова... И опять дымный, мутный туманъ и въ немъ плавающіе звуки...

Вдругъ среди хаотического полуумрака откуда-то выросло передъ Василисой незнакомое ей, блѣдное, благообразное, съ большими искривленными глазами лицо какой-то пожилой женщины, въ темномъ платкѣ.

Какъ и когда появилась эта неизвѣстная женщина, она не замѣтила.

— Чья эта тетенька будетъ? Откелева? — спросила она у сидящей возлѣ нея посаженной.

— Въ Егорушкиныхъ, еще намедни пристала.

— Обноси виномъ... Виномъ-то, ступай, обноси!... — суетилась Авдотья.

Василиса вышла изъ-за стола. Ей сунули подносъ съ наполненнымъ водкой стаканчикомъ.

Держа подносъ въ одной рукѣ, другою поддерживая концы фартука, въ которомъ находились подарки—полотенца и ситцевые дешевые платки. Василиса въ сопровожденіи помогавшаго ей дружки стала обходить и обдаривать гостей, начавъ съ жениховой родни.

Водку выпивали, на подносъ бросали мелкія серебряные деньги. Василиса кланялась, опорожненный стаканъ наполнялся снова—и невѣста шла дальше.

Приблизившись къ незнакомой, Василиса почувствовала радостное, ей самой непонятное волнение. Она вытащила изъ фартука самый красивый платокъ и подала съ поклономъ женщинѣ.

— Виномъ не балуюся, а прими отъ меня лепту посильную,— раздался пѣвчій, протяжный голосъ.— Не обезсудь, богообязная, меня странную, аки днесъ Господь, вдовицу.

Женщина положила на подносъ мѣдный трешникъ.

— Дѣвки, угощайтесь,—пригласила къ столу пѣвица Авдотья. Старшіе гости освободили мѣста за столомъ для дѣвушекъ.

— Невѣстѣ плясать танцеря!—сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Музыканты валяй!—крикнулъ окончательно пьяный женихъ сватъ, Никифоръ-каменщикъ.

— Хведька!... Щучье рыло, не спущай форсуну солдатскаго!...— подразнилъ онъ жениха.— Сударка молода, княгиня Василиста—надай ему, надай!...

Федоръ пріосанился, точно дѣйствительно собирался отстаивать свой солдатскій форсъ.

— Раздайся шире, честной народъ,—кричалъ Никифоръ.

Василису втолкнули въ самую середину избы.

— Ой, батюшки, не жми!... Подъ самы макитки подперло!— запищала въ толпѣ чей-то женскій голосъ.

— Самому вздоху нетути, чисто баня!—оправдывался мужской.

— Чего не пляшешь, пляши веселѣй!—подталкивала въ бокъ Василису, улыбаясь во весь широкій ротъ пьяной блаженной улыбкой, Авдотья.

Въ дыму мелькнуло передъ Василисой блѣдное лицо въ темномъ платкѣ.

Федоръ ужъ давно отбивалъ дробь каблуками.

Василиса улыбнулась неопределенной загадочной улыбкой и стала его обходить кругами. Все быстрѣе и быстрѣе огибалася она круги; то вдругъ по прямой линіи подходила близко къ Федору, то отбѣгала, преслѣдуемая имъ, то, по странному капризу, кружилась на одномъ мѣстѣ одна. Тѣснота, узкость пространства не мѣшиали ей. Ей казалось, что выросли у нея крылья... Она чувствовала себя птицей, несущейся по воздуху... и ничего, и никого кругомъ не было, а была съ нею только одна незнакомая, но близкая, какъ бы родная, такъ неотразимо влекущая ее къ себѣ, блѣдная женщина въ темномъ платкѣ.

— Ай да сватъ!... Ишь ты, ишь ты!... Охъ, штобъ тя язви!...—раздавались одобрительные возгласы возлѣ Авдотьи, тоже пустившейся въ плясъ.

Говорь и шумъ въ избѣ возрастали вмѣстѣ съ жарой.

Неизвѣстная такъ же внезапно и неожиданно скрылась,— исчезла, какъ и пришла.

Василиса все еще продолжала плясать.

— Ахъ ты морда твоя глазастая!—донеслось изъ того угла, гдѣ находились музыканты.

— Змѣй предатель, соси мою кровь, соси-и!...—хныкала женщина.

— Нищую тебя, анаему, взялъ... ни обувки, ни одежки, а ты куражишься надо мнай!... Куражишься? Я те задамъ... тварь!

На єтотъ разъ отвѣтомъ былъ тихій, протяжный плачъ.

— Ишь ты, мужу какъ непокорствуешь!... Поучи ее маненько, чтобы помнила! — послышался голосъ Никифора-каменщика и его раскатистый хохотъ.

— Чего не въ свое дѣло вступаешься, самъ свою училъ бы!...

— Ахъ ты, нечисть поганая, маво мужа насупротивъ меня смущаешь?—задорно выкрикнулъ новый женскій голосъ, Никифоровой жены.

Ето-то кого-то ударилъ, кто-то заплакалъ. Брань усилилась.

Пляска остановилась. Въ воздухѣ почуялась гроза.

— Ну, ну, ну, православные!—раздался голосъ Силантия. — Нехорошо!... На заруины пришли праздновать, на то мѣсто драку завели.

— А въ морду хочешь?

— Самъ сдачи тебѣ впередъ дамъ... Пришелъ моимъ доброжъ угощаться,—уважай хозяина!

— Хозяинъ... Ха-ха-ха!... На торбу собирать съ міру скоро надѣть!

— Мнѣ торбу, а тебя въ острогъ, воръ окаймленный!

— Я—воръ?

— Ты!... Давно ноги по колодкамъ тоскуютъ.

— Я—воръ?... Я?... Ахъ ты, мразь подпольная!

— Сватыши... милые... не трожьте, ай, не трожьте!...—взмолилась подоспѣвшая Авдотья.

Но уже было поздно: Силантия били.

Столы съ трескомъ повалились, зазвенѣла посуда. Женщины вопили, кричали, мужчины ругались. Нельзя было разобрать, кто кого билъ, но дрались нещадно, не разбирая, куда попадетъ ударъ.

Лампа потухла.

Женщины съ крикомъ бросились къ выходу и своимъ натискомъ вытолкнули дерущихся на улицу.

Федоръ крѣпкими, мускулистыми руками схватилъ Василису въ объятія.

— Не подступайся, чортъ! — крикнула она злобно и, оттолкнувъ его, бросилась тоже къ дверямъ.

— Ребята!... Какъ бы убивства али воровства не было, обороны Богъ! — выкрикнула, что было силы, староста, пьяный менѣе другихъ.

VII.

Угомонилась пьяная деревня.

Избитые и окровавленные крѣпко спали, какъ ни въ чемъ не было, въ своихъ душныхъ избахъ.

Волнуясь и спѣша шла Василиса къ избѣ Егорушкиныхъ, но, увидавъ на заваленкѣ, возлѣ воротъ, ту, къ которой такъ жадно стремилась, она вдругъ остановила торопливые шаги и, вся зардѣвшаяся, смущенная, боясь приблизиться, стала невдалекѣ отъ незнакомой женщины.

— А-а-а, невѣста! — протянула та ласково.

Это ободрило Василису. Она подошла ближе.

— Тетенька, тетенька... что я те скажу, не обижайся... Вреды тебѣ не буде никакой, а только все нутро мое воротить, — тебѣ, знать, про горе свое сказать.

— Слушаю, богобоязнная, — произнесла женщина еще ласковѣе. — Говори, милая, свою разсказку. Во имя Отца и Сына и Духа Свята, Троице единосущная и нераздѣльная. Аминь.

Женщина осѣнила себя крестомъ.

— Что отецъ и матка и всѣ прочие серчаютъ, и такъ сказано, что дьяволъ у меня внутрѣ, потому на работу я неспорю, что памятью ослабѣвшіи и что всякия слова память зашибаютъ.

— А что за слова такія, богобоязнная?

— Слова складныя, одно къ одному... Подъ сердце ажно подкатятся, огнемъ сердце жгутъ, силы нѣтути. И такая завѣтется скуча... Тоска, какъ грызъ, грызеть...

— Охъ, милая, оно вѣрно, что дьяволъ! — задумчиво и съ участіемъ проговорила женщина. — Коли скуча, ищи дьявола — первое дѣло. Охъ, разные они, окаянные, бываются и отъ разныхъ причинъ. А ужъ скуча — вѣрная тому примѣта. Вотъ что я тебѣ, богобоязнная, о себѣ разскажу, о своей жизни... Сама я изъ купечества, купеческаго роду-званія. Мужъ мой богатый, тысячу сорокъ такъ что каштала имѣеть. Лавка у насть, въ своемъ городѣ, вродѣ какъ мелочная.

Всякий товаръ... и крупа, и огурецъ тебѣ соленый, и патока въ банкахъ, и гвозди, и лампы, для семейнаго обзаведенія, и шпалеры, коли кому нужно... Лавка богатая. На мужа я тоже не обижалась: здоровый онъ такой мужчина, толстый,—ну, какъ въ купеческомъ обыкновенно званіи, а только водкой онъ не очень баловался, и все шло у насъ по хорошему, въ согласіи. Вдругъ, любезная ты моя, поступиль къ намъ приказчикъ, кудрявый такой... Изъ себя онъ не то, чтобъ ужъ очень... а только кудрявый—такъ волосъ кольцомъ и вьется... И стала меня скуча терзать... Терзаетъ скучой, терзаетъ—спокою себѣ не найду!... И какъ это приключилося, ужъ и сама не знаю, а только слюбилась я съ кудрявымъ... А скуча все не отстаетъ... Какъ на мужа взгляну—онъ толстый—такъ меня отъ него и воротить, а тотъ кудрявый... А скуча все свое дѣло дѣлаетъ: точить меня, точить, какъ ржа желѣзо.

Женщина глубоко вздохнула.

— Вотъ это, милая, и называется дьяволъ. И какъ онъ кому въ нутро заберется,—пиши пропало... Такъ скучой и затерзаетъ... Попшла я, душа ты моя,—продолжала женщина послѣ минутнаго молчанія,—пошла къ юродивому Гришѣ, что въ нашемъ монастырѣ проживалъ. Гриша деньгами гнушался, а ему, чтобы въ три копейки булку или селедочку, а ежели какое твоё усердіе—на монастырь пощертвуй... Прихожу я къ Гришѣ, а онъ какъ закричитъ: «Ой, дождикъ, ой, дождикъ какой! Такъ и мочить, такъ и мочить!» Это, надо полагать, онъ мнѣ слезы сушилъ. «Ай,—говорить,—яма какая черная, да глыбкая!» Я такъ и обмерла: что, говорю, мнѣ бѣдной, Гришенька, дѣлать, научи? «Пойду, — говорить онъ, — по святымъ мѣстамъ (онъ все на себя оборачивалъ), пойду, — говорить,— по святымъ мѣстамъ, яма скроется, дождiku пропасть». Я такъ и поняла. Мужу не призналась, а сердцемъ своимъ такъ порѣшила, что, значитъ, Господь меня ко странствію призываетъ. И вотъ, богообразная ты моя, хожу шестой годъ, хожу по всѣмъ обителямъ, именемъ Христовымъ пытаюся убогая раба Господня, дьявола своего сокрушаю.

— Больно мнѣ, странничка, охъ, больно!—печально выговорила Василиса. — Скука!... Хоть сейчасъ слова разныя скажу? Въ обители святой,—начала она медленно и нараспѣвъ,—въ обители святой собирался народъ. Народъ пѣсни пѣль, чуда ожидалъ. Бѣда страхнулася, бѣда обратилася: чудо долгожданное, чудо объявилося. Долго чуда я жду, дожидаюсь... Ой, страшно мнѣ, неспокойно мнѣ! Орель со орлятами, кречеть съ креченятами высоко летять, свистомъ, крикомъ кричать. Крылья ихъ широкія, клювы ихъ жестокіе... Ой, страшно мнѣ, неспокойно мнѣ! Что и всплачу я плачерь дѣвичьимъ,

то взмоляюся я мольбой слезною; я не пташечка-перепелочка, не ледушка бълокрылица!... А орел все вьется, спускается клювъ раскрытый надъ самой головушкой... Пропадай краса моя дѣвичья! Ты азсысься во прахъ, сердце бѣдное!... Ой, страшно мнѣ, неспокойно мнѣ!

У странницы навернулись слезы.

— Ишь ты, богобоязная, жалостно какъ!... А только это вѣрно—дьяволъ речеть устами твоими, потому что во всемъ непокорство и злоба, первая тому дѣлу примѣтъ!... И что ионче народъ грамотѣючаются—и то все отъ дьявола, потому не духовныя, а все свѣтскія книги преподаются, а что свѣтскіе сочинители пишутъ, то для Господа все противно, ибо такъ въ писаніи сказано: «лжепророки, антихристовы предтечи». И тебя, милая, дьяволъ прельщаетъ, аки змій чревній, въ раю Господнемъ, и раздави его пятой своей, какъ раздавилъ еси Егорій Чудотворецъ Господень, побѣдитель. Истинно говорю, богобоязная, будеть тебѣ дѣло такое во спасеніе, ибо Господь зевидимо насъ грѣшныхъ испытуетъ, особенно женскій полъ, что какъ женщину явился дьяволъ искушать, въ раю Господнемъ, такъ и нынѣ женщина свою твердость передъ Господомъ Христомъ Спасителемъ доказать должна. И вотъ што, милая, я тебѣ скажу, послушайся ты странную меня, рабу Господню Параккеву: дьяволъ речеть устами твоими народу, чтобы прельщать, а ты сокруши его и молчи... молчи!

— Какъ молчать?

— А молчи... молчи... молчи!...

— А слова все одно, какъ шмели въ ушмы звенѣть стануть?

— И пущай звенятъ, и пущай ихъ звенятъ, а ты молчи! Вотъ что я тебѣ, богобоязная, скажу: есть въ Новгородѣ—въ Новгородской губерніи—обитель, и тамъ живеть великая молчальница; говорять, будто дворянскаго рода, будто изъ графинь даже какихъ. Случилось съ нею горе огромное, и она обѣщаніе дала—и вотъ: молчить... Я въ келью къ ней заходила, благословенія просила, даже въ слезы ударились, на нее глядя, а она, голубушка, только головкою мотнула и... ни слова. Дай обѣщаніе, дѣвушка, дай обѣщаніе страшное, чтобы языки у тебя кольцомъ свейся, коли слово уста твои изрекутъ, и пусть гибнѣтъ Господень на семъ мѣстѣ смертью тебя поразить, коли обѣщаніе преступишь... И пойди, милая, во странствіе долгое, во странствіе далекое, чтобы не знать тебѣ спокою ни днемъ, ни ночью, доколь Господь не приведетъ тебя къ обители той, куда перстъ Господень тебѣ указуетъ. Въ обители, милая, тихо... службы длинныя... пѣніе благочестивое... житіе Господу угодное...

Ужась и смятенье охватили Василису. Она дрожала какъ въ хорадкѣ. Но, несмотря на это, сладкое чувство разливалось въ группѣ. Трудное странствіе казалось ей увлекательнымъ. А тамъ, вдали, обитель, гдѣ такъ тихо, гдѣ пѣніе благочестивое, свѣчи всегда горятъ, ладаномъ душистымъ пахнетъ... И все бѣлое... бѣлое... церковь бѣлая... ограда бѣлая... на священникѣ ризы бѣлые...

— И вотъ, богобоязная,—продолжалъ говорить около нея пріятный, точно баюкающій голосъ,—послушай ты совѣтъ странной и убогой рабы Господа моего Спасителя Параскевы: и што нонче день а на завтра другой день — по утру иду дальше во странствіе мое, а тебѣ вѣтъ што скажу: дѣло твое темное, крестьянское — въ лѣсу родивши, пию, можно сказать, моливши, а ниспослать Господь благодать въ сердце твое и вразумилъ тебя неразумную прийти ко мнѣ, къ странной и убогой — пойдемъ, милая, пойдемъ во странствіе трудное во спасеніе души твоей, на сокрушеніе врага твоего!

Василиса вся затрепетала.

— А когда, странничка, а когда идти? — спросила она, задыхаясь, шепотомъ.

— А нонче, милая, говорю тебѣ, день и на завтра другой день... и што завтра по утру отправлюсь я къ обители дальней... Можетъ, слыхала: Никола Угрѣша, по близости Москвы. Отправлюсь и буду ожидать тебя у третьей стражевой будки, што по машинному пути. Прощай, богобоязная, гряди съ миромъ! Господомъ испытуема, Господомъ призвана, Господу раба вѣчная!...

VIII.

Весь остатокъ дня Василиса проскиталась въ лѣсу; домой вернулась только ночью.

Всѣ снова спали, лишь на крыльцѣ Силантьевой избы ждала сестра Машутка.

— Вась, куды ты задѣвалася, — спросила она встревоженно, — Хвѣдѣка прибѣгалъ, съ маткой въ драку вступилъ, насили староста рознялъ — страсть!...

— Рыбочка моя бѣлая! — могла только выговорить Василиса и обняла Машутку.

Поспѣшно вошла она въ избу, достала изъ сундука купленный ей въ приданое байковый платокъ, поклонилась на четыре стороны, и, повернувшись къ кровати, гдѣ спали избитые Силантий и Авдотья, поклонилась имъ въ землю.

— Родименъкіе, простите.

— Вась, куды?... Куды, Вась? — уцѣпилась за нее на крыльца Машутка.

— Нишкни, рыбочка, ладно будетъ.

— Чего дално?... Чего-о?

Василиса снова обняла дрожащую девочку.

Звезды потухали, луна угасала, съ земли поднималась бѣлая

Ни души на деревенской улицѣ. Тишина, мгла... И во мглѣ гром-
кій плач одинокой Машутки, да крики просыпающихся пѣтуховъ.

— Ну вот и сподобиъ Господь, — привѣтствовала странница Василиса.

Онъ пошли молча вдоль рельсовъ. Вдали показалась черная точка. Навстрѣчу шла паровоз. Онъ свернули съ путька въ лесъ.

Потягнуло листья широкими пологами. На боковых мухах

Пожелтые листья шуршали подъ ногами. На буромъ мху, какъ капли шурпурной крови, алѣли ягодки брусники, а вѣчно зеленяя, вѣчно юныя сосны подавляли холодомъ своей неувядаемой красоты...

Василиса любовно смотрѣла на желтые опавшіе, мертвые листья, и ей было больно и сладко. Это были откликъ конца въ ея собственной душѣ. Ей захотѣлось говорить.

— Ахъ, страночка... — вырвалось у нея порывомъ.

— Шш... молчи!... молчи... молчи!

Василиса испуганно вздрогнула и крѣпко стиснула зѣбы, чтобы хотя невольнымъ стономъ не нарушить страшнаго обѣта. Поѣздъ съ пронзительнымъ свистомъ промчался мимо. Василиса сквозь чашу деревьевъ увидѣла мелькавшія въ окнахъ лица пассажировъ...

Молча шла странница, съ торжественно строгимъ, сосредоточеннымъ лицомъ...

Молчало небо... молчали сжатыя нивы, высокий угрюмый лѣсь...
молчали сѣрые камни, лежащіе на скатѣ дороги... Молчала Василиса.

Лишь въ далекихъ нѣдрахъ ея души—какъ бьется и кипитъ жи-
вой родникъ подъ толстой корой земли—безпокойно, съ жестокой
болью плакали, бились и кипѣли слова...

Н. Анненкова-Бернардъ.

ЛЕДЪ РАСТАЯЛЪ.

Франца Фердинанда Гейтмюллера.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Францъ Фердинандъ Гейтмюллеръ родился въ 1864 г. въ Гамбургѣ, получивъ образование и живетъ въ Берлинѣ.

Малія произведенія Гейтмюллера, разсѣянныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ, мало обращали на себя вниманія до 1898 г., когда появился первый сборникъ его новелль, носящій название «Tampete» (по 1-й новеллѣ). Появленіе этого сборника отмѣтила нѣмецкая пресса, сочувственно отнесшаяся къ молодому писателю. Разнообразіе сюжетовъ, тонкость замысла, психологический анализъ, художественное исполненіе были по достоинству оценены критикой. Новый сборникъ, появившійся въ 1900 г., только подтвердилъ несомнѣнное дарование автора.

Оба сборника содержать въ себѣ восемь новелль: двѣ изъ крестьянской жизни (Tampete, Schatz im Himmel), три чисто-психологическія (Eine Himmelfahrt, das Paradies, Als der Sommer kam...) и три новеллы настроенія (Abt Dawid, Glückspilz, Theas Apfel gelee).

«Tampete»—любимый танецъ саксонскихъ крестьянъ, нѣмецкая тарантела—стала танцемъ смерти для героя разсказа. Молодой парень, рано лишившійся родителей, поступилъ работникомъ въ домъ крестьянина, который раньше занималъ эту должность у его отца. Онъ полюбилъ дочь хозяина, горную, красивую, но пустую девушку, которая предпочла его искренней любви уланскій мундиръ сосѣдскаго сына. Какъ пробуждается въ юношѣ ревность, развивается, растетъ и приводить къ невольному убийству, а затѣмъ къ самоубийству,—всѣ фазы развитія страсти написаны мастерски, съ потрясающей душу правдивостью. «И добродѣтельные люди погибаютъ отъ ревности»,—говорить Ницше устами Заратустры. Картина невольного удушенія любимой девушки написана яркими красками; но реализмъ нигдѣ не переходитъ границы. Въ воспроизведеніяхъ отдельныхъ сценъ и картинъ поражаетъ тонкая наблюдательность автора. Она проявляется въ описаніи деревенского трактира, гдѣ собирается молодежь для

танцевъ, въ описаніи страстнаго танца, когда люди, точно одержимые бѣсомъ, забываютъ себя въ порывѣ безумнаго увлеченія. Умѣло, нѣсколькими штрихами очерчены второстепенныя лица: ханжа-пасторъ, умудренный опытомъ пастухъ, расчетливый судья, распорядительный староста. Авторъ, несмотря на реализмъ детальной живописи, за деревьями не забываетъ лѣса, онъ съ поразительной ясностью воспроизводить сложное развитіе психическихъ мотивовъ.

Въ новеллахъ «Als der Sommer kam» и «Das Paradies» авторъ изображаетъ борьбу человѣка съ устарѣлыми традиціями, отжившими условными формами. Въ первомъ случаѣ передъ нашими глазами происходитъ полное перерожденіе сильной человѣческой души, подавленной и искалѣченной установленвшимися общественными порядками, поднявшейся отъ ничтожества до величія. Во второмъ — полная гибель одаренной артистической натурѣ, не выдержавшей борьбы.

Всѣ новеллы написаны красивымъ, выразительнымъ языкомъ; въ рассказахъ изъ крестьянскаго быта вводится по временамъ діалектъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ усиливаетъ яркость красокъ, подчеркиваетъ настроеніе, характеризуетъ среду.

-- Ахъ, если бы только...

Она сдѣлала усилие, чтобы не додумывать до конца навязчивой мысли, отъ которой сама пришла въ ужасъ, но безуспѣшно. Чѣмъ сильнѣе она боролась, тѣмъ грандіознѣе возставалъ передъ ней весь позоръ ея легкомысленныхъ желаній, съ которыми тщетно боролось ея кровью истекавшее сердце. Безумный стонъ вырвался у нея изъ груди.

Она закрыла глаза.

И вотъ снова возставалъ передъ ней ея крестъ. Настойчиво, неумолимо захватывалъ онъ ее въ свои кровавые тиски и не давалъ вырваться. Онъ преграждалъ ей путь... путь къ счастію. Всѣмъ со-драгающимъ тѣломъ чувствовала она на себѣ его тѣнь. Позади него ярко горѣли лучи заходящаго солнца... лучи счастія. Но какъ быстро солнце склонялось къ западу.

Дрожа и озираясь, она прижалась въ уголъ купѣ.

Она не хотѣла больше думать.

Нѣть, не хотѣла.

Ни о чемъ не станетъ она думать во все время ужаснаго путешествія по мокрой, унылой мѣстности, гдѣ меланхолическій дождикъ, беззвучный и однообразный, какъ ея мысли. монотонно падаетъ на землю.

Она взглянула на часы.

Еще полтора часа. Даже, может быть, больше. А потомъ прямо къ нему. Конечно! Она такъ хочетъ!

Хотя цѣлый день пути смертельно утомилъ ее.

Ахъ, да, она страшно устала.

Надо попытаться уснуть.

Пришелъ кондукторъ и вывелъ ее изъ мучительного полузыбья. Механически отдала она билетъ.

— Черезъ станцію,—сказать онъ, взглянувъ на билетъ.

Она провела рукой по волосамъ, поглядѣла вокругъ.

И вотъ, дѣйствительность снова возстало передъ нею.

Да. Она ёдетъ къ своему больному ребенку и черезъ полчаса будеть у него.

Остальное—быть сонъ.

А что ей однако снилось?

Когда она прїѣхала, ребенокъ уже умеръ. Если бы она поспѣла десятью минутами раньше,—сказала сестра милосердія,—то онъ еще былъ живъ и пиль. А она стояла холодная, какъ мраморное изваяніе, и съ любопытствомъ, почти съ ненавистью смотрѣла на маленькое мертвое тѣльце.

О, какое безобразіе! Вотъ каковъ ея ребенокъ? Ея... ребенокъ?

— Вы мать?—спросила удивленная сидѣлка.

— Что вы? Я сестра!—поспѣшила она отвѣтить.

И чужая женщина, закупоривая склянку съ лѣкарствомъ, весело кивнула головой и, облегченно вздохнувъ, сказала:

— Ну, слава Богу!

Да, Женни, иначе и быть не можетъ, ты должна быть его сестрой.

Приглядѣвшись внимательно, она убѣдилась, что нѣть никакой сестры милосердія, а около нея Артуръ, въ мундирѣ отставнаго лейтенанта, смотрѣть ей любовно въ глаза и, какъ прежде, нѣжно цѣлуетъ руку.

Слава Богу... хотѣла она сказать; но въ это время кондукторъ разбудилъ ее.

Женни вздохнула, поправила шляпу, и снова змѣя обвила ея сердце, и снова старалась она подавить мысль, которой не хотѣла, не смѣла додумывать.

— Если бы только онъ...

Снова и снова отгоняла она отвратительное слово «умеръ», замѣняя его менѣе жестокимъ—не поправился.

— Если бы только...

Ну, а если такъ? Если правда такъ? Что тогда? Тогда... Артуръ на ней женится... женится! И всѣхъ непріятностей послѣднихъ лѣть

бакъ не бывало. Тогда сбудется ея желаніе. Она достигнетъ цѣли, цѣли, достойной пламенныхъ мечтаній дѣвушки изъ хорошей семьи И всѣ безобразныя сплетни умолкнутъ.

Да, вѣдь онъ на ней женится?

Какъ глупо!—разсердилась она сама на себя.

Понятно, женится! Они обручены съ того... съ того самого времени... можно было давно возвратить слово... до сихъ поръ у него не было средствъ, смутно мелькнула у нея успокоительная мысль.

Не стоитъ разбираться въ этихъ дѣлахъ!

Онъ, конечно, правъ. У служащаго есть обязанности по отношенію къ обществу. Особенно у государственного чиновника.

Она вспомнила тетю Агнесу. Та, несмотря на строго-неумолимое отношеніе къ событию, случившемуся четыре года тому назадъ, восхищалась ею и, пожалуй, отчасти завидовала. Быть невѣстой чиновника, настоящаго чиновника! Тетя Агнеса очень гордилась своей семьей. Кого бы она ни вспомнила изъ своей родни, все были настоящие, коронные чиновники (о другихъ она забывала!). А ея покойный отецъ былъ даже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. О, семья! Сколько радостей доставляетъ она намъ! Такъ неоднократно говорила тетя Агнеса. Еѣ сожалѣнію, добрѣйшей женщинѣ не суждено было завести свою семью. Она не знала радостей любви. Чисто и безупречно, безъ огорченій, можетъ быть, и безъ настоящаго счастья, прожила она свою добродѣтельную жизнь среди дорогихъ родственниковъ. Любила она прочесть наставленіе, слишкомъ большое значеніе придавала своимъ личнымъ мнѣніямъ. Иногда, благодаря такту, ей удавалось улаживать дѣлишки, которыхъ безъ нея, дѣйствительно, не клеились. Часто, когда не слѣдовали ея совѣту, дѣло не шло на ладъ. Все мужчины! Они всегда знаютъ все лучше другихъ! Артура, который былъ очень неглупъ, ей удалось, однако, приурочить, и онъ сдѣлалъ предложеніе Женни.

Милая, добрая тетя Агнеса.

Она желала ей добра и была права, утверждая, что безъ нея все пошло бы иначе и дѣло разошлось бы давнымъ давно. Положимъ, вынужденное обрученіе врядъ ли можетъ тянуться четыре года. Однако, тетя Агнеса хлопотала, чтобы устроить ребенка въ маленькомъ провинциальному городишку. Теперь вопросъ шелъ о томъ, чтобы его кто-нибудь усыновилъ. Нельзя же взять ребенка въ свою семью, и тѣмъ болѣе дать ему свое имя. На этомъ тетя Агнеса вполнѣ сходилась съ Артуромъ. Такъ поступить невозможно; дѣйствительный тайный совѣтникъ перевернулся бы въ гробу!

Артуръ, не желая дѣлать никакихъ сценъ, заранѣе и опредѣлен-

но поставилъ предварительное устройство ребенка условiemъ свадьбы. Онь называлъ это своимъ «идеальнымъ требованіемъ». И вотъ, они до сихъ поръ не обвѣнчаны. Сначала мѣшалъ экзаменъ... потомъ...

Когда родился ребенокъ, Артуръ былъ только кандидатомъ на судебную должность. Теперь, вотъ уже два мѣсяца... или даже четыре, какъ онъ получилъ штатное мѣсто въ судѣ... Положимъ, сначала временное... Временное... плохое слово,—подумала она. И въ головѣ у нея мелькнула мысль, не будетъ ли и обручение ея только временнымъ...

Нѣсколько дней тому назадъ она навела разговоръ на ихъ свадьбу или, какъ выражался Артуръ, на «законный бракъ». Сначала онъ вилъ и уклонялся отъ прямого разговора. Но она не отступала и, наконецъ, настойчиво потребовала опредѣленного отвѣта. Тогда онъ всталъ, торжественно застегнулъ черный сюртукъ и серьезно заявилъ, что просить исполненія своего «идеального требованія». Какъ только ребенокъ будетъ вѣмъ-либо усыновленъ, не позже и не раньше того, состоится свадьба. Конечно, у него нѣть времени разыскывать бездѣтныхъ супруговъ и, кроме того, она въ этомъ дѣлѣ—сторона болѣе заинтересованная.

Вотъ что ей пришлось проглотить! Вотъ что онъ преподнесъ ей! Но тетя Агнеса вполнѣ оправдывала Артура и убѣждала ее принести жертву семьи. Что-жъ было дѣлать? Она рѣшила немедленно приступить къ хлопотамъ. Но когда тетя Агнеса, проводивъ Артура, дала ей понять, что въ коридорѣ онъ снова настоятельно заявилъ, что только подъ условиемъ соблюденія его «идеального требованія» онъ согласится на законный бракъ, она возмутилась.

Почему? Ей самой было неясно. Вѣдь въ сущности она была съ ними вполнѣ согласна. Ребенокъ ей былъ вовсе не дорогъ; она дрожала только изъ, тѣмъ, кто дастъ ей положеніе въ обществѣ. Позора разстроившейся свадьбы она бы ни за что не вынесла. Четыре года быть невѣстой и вдругъ... нѣть, нѣть, лучше пожертвовать ребенкомъ, котораго совсѣмъ не знаешь.

Теперь она убѣдилась, какъ правъ былъ Артуръ, запрещая ей видѣть малютку. Она добыла себѣ потихоньку карточку, гдѣ онъ былъ снятъ въ рубашонкѣ на бѣломъ мѣховомъ коврѣ. Но этому портрету было уже три года.

Каковъ онъ теперь?

Теперь? Ахъ, да, теперь! Онъ боленъ, можетъ быть, уже...

Она заглушила мысль и постаралась снова думать объ Артурѣ.

Вчера утромъ онъ былъ такъ миль, такъ настаивалъ, чтобы она

хала, когда получилась телеграмма, что мальчикъ тяжело заболѣлъ парлатиной. Онъ молча взялъ телеграмму и когда, прочти, возвратилъ ее, ихъ глаза встрѣтились и сердца единодушно забились при мысли: «Ахъ, если бы»... И вотъ эта неотвязчивая, мучительная мысль рѣзнула ее ножомъ и впилась въ горло.

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, какъ убийца, за которымъ гонятся юнгамъ; она, мысленно убивавшая своего ребенка каждый день, каждыи часъ, каждую минуту! Она чувствовала, что близка къ погибательству. Но нѣть, это не безуміе.

Вотъ что-то звякнуло подъ окномъ; это онъ—жандармъ; онъ пристально смотрѣть на нее, протягиваетъ руку, чтобы схватить; она чувствено слышитъ звонъ цѣпей, чувствуетъ, какъ онъ давять ей гости... сейчасъ... сейчасъ...

Кондукторъ открылъ дверь и громко выкрикнулъ название станціи. Поѣздъ остановился.

Слава Богу, она прѣхала.

Женни открыла глаза и робко осмотрѣлась.

Маленький, жалкій городишко; съ десятокъ людей на платформѣ. Ей показалось, что всѣ пристально на нее смотрѣть. Она почти не рѣшалась поднять глазъ.

Къ ней подошелъ носильщикъ и взялъ ручной багажъ.

Она спросила, есть ли извозчики.

Понятно, ихъ не оказалось.

— Если угодно подождать пять минутъ.

Дождь пересталъ. Она рѣшила идти пѣшкомъ.

Снова назойливые, вопросительные взгляды со всѣхъ сторонъ.

Она ускорила шаги.

За церковью, на рынкѣ, гдѣ еще сидѣли подъ своими гигантскими зонтиками торговки овощами, Женни свернула въ мрачный, вонючій переулокъ. Она шла черезъ перекрестки, пересѣкала улицы и переулки, загибала за углы, мужественно спрашивала у прохожихъ дорогу.

Наконецъ, улицы стали шире и свѣтлѣе, но зато грязнѣе и бѣднѣе. Женни вышла въ предмѣстье. Всюду маленькие, красные кирпичные домики съ плохо воздѣланными огородами. Уличные ребятишки валандались въ лужахъ, сооружая плотины и проводя каналы.

Женни спросила, гдѣ больница?

Безсмысленно смотрѣли дѣти на нарядную даму.

— Это госпитальная улица?

Маленькая красная мордочки улыбались.

Рабочій, увидавъ ее изъ окна, вышелъ на улицу и съ любопытствомъ подошелъ къ незнакомкѣ.

Женни повторила вопросъ.

— Надо идти все прямо. Послѣдній домъ. Совсѣмъ въ полуѣ.

Она поблагодарила и быстро пошла впередъ, спотыкаясь на нѣмощеной улицѣ съ постоянными ямами и кочками. Почти совсѣмъ стемнѣло, когда она позвонила въ больницу. Человѣкъ въ бѣломъ передникѣ отперъ дверь.

Снова непріятно-любопытный взглядъ.

Въ первую минуту Женни смущилась. Она впервые почувствовала, какъ оскорбителенъ можетъ быть взглядъ человѣка.

«Что думаетъ онъ о ней?»

Она быстро откинула голову, смырила его съ головы до ногъ и рѣзко и холодно спросила, хотя все еще нѣсколько смущенно, какъ здоровье ребенка?—она назвала свою фамилію.

— Ахъ, вотъ что? Ребенокъ въ скарлатинѣ.—Онъ снова осмотрѣлъ ее испытующимъ взоромъ.—Часъ тому назадъ,—сказаъ онъ,—ребенку было очень плохо. Онъ даже не знаетъ, живъ ли...

«О, Боже, если бы только»...—снова пронеслось у нея въ головѣ. Лицо ея было холодно и неподвижно. Женни испугалась самой себя и закусила губы.

Посѣтительница сказала повелительнымъ тономъ, что желаетъ навѣстить ребенка.

Слуга пожалъ плечами и пошелъ доложить. Минуты черезъ двѣ, показавшіяся ей вѣчностью, появилась женщина, вѣроятно, сидѣлка.

Она крайне сожалѣть, но въ настоящее время не можетъ допустить даму. Вечеромъ всегда лихорадочное состояніе особенно усиливается.

Сидѣлка сказала все это покойно и дѣловито.

«Какъ наスマѣливо», подумала Женни.

Она снова смущилась. Ей не приходило въ голову, что ее могутъ не пустить къ ребенку. Женни вдругъ охватило непреодолимое желаніе сейчасъ же, во что бы то ни стало увидать его. Какая неслыханная дерзость—ее не допустить!

— Невозможно,—повторила сидѣлка, замѣтивъ ея смущеніе.—Дѣла, вообще, идутъ плохо, а завтра—девятый день, кризисъ...

— Я хочу видѣть ребенка.

— Не угодно ли зайти завтра утромъ. Она спросить доктора.

— Я пришла ходить за больнымъ,—сказала Женни увѣреннымъ тономъ.

— Ходить?—спросила женщина.—Это моя обязанность.

Она подозрительнымъ взглядомъ окинула Женни.

Элегантная дама, въ сиреневомъ шелковомъ платьѣ не похожа
ыла на сидѣлку для бѣдныхъ. Любопытство женщины росло.

— Минь телеграфировали, чтобы я пріѣхала.

— Я ничего этого не знаю. Если и такъ... Вы, вѣроятно, род-
ственница?

Сонь въ купѣ вагона, какъ черная тѣнь, пронесся у нея въ мозгу.
Она содрогнулась и хотѣла сдѣлать видъ, что не разслышала вопроса.

Но это длилось одну минуту. Затѣмъ она выпрямилась и сказа-
ла,—какъ рѣзко звучалъ ея голосъ,—громко и отчетливо:

— Я—мать.

— Ахъ, вотъ что—вы мать? Такъ, такъ! Значить, вы мать? Ну,
да, въ такомъ случаѣ... Дама—мать ребенка № 2,—обратилась она
къ слугѣ, стоявшему въ глубинѣ комнаты,—хотя и поздно, но я ду-
маю—можно на минутку,—и снова обращаясь къ Женни:—Пойдемте,
только тихонько, прошу васъ!

Онѣ взошли по скрипящимъ ступенькамъ и повернули нальво, въ
довольно большую комнату. Ихъ охватилъ печальный полуумракъ. За
импровизированной ширмой изъ газетной бумаги слабо мерцала за-
вернутая лампа. Жирные отпечатки пальцевъ на матовомъ колпакѣ
непрѣятно бросились въ глаза. Больше Женни ничего не видѣла.

Она откинула бумагу и, прислушиваясь къ слабому шороху, от-
крыла непосредственно около двери маленькую желѣзнную кроватку.

Въ ней сидѣлъ ребенокъ и кушалъ ложкой мучную болтушку,
вѣрнѣе, пытался кушать; половина была разлита на одѣяльце, такъ
какъ нянѣка должна была отлучиться.

Женни нагнулась къ постелькѣ, чтобы поцѣловать малютку, но
голосъ сидѣлки, снова зазвучавшій грубо и сурово, образумилъ ее.

— Не тамъ, сударыня. Или не знаете своего ребенка?

— Ахъ, pardon,—въ смущеніи извинилась Женни,—я... я...—
и сама не знала, что сказать.

— Здѣсь!

Сидѣлка грубо указала на кроватку у противоположной стѣны.
На столикѣ горѣлъ очникъ, стояли разныхъ величинъ склянки съ
лѣкарствами.

Женни не могла прийти въ себя отъ смущенія. Какъ мучительно,
какъ стыдно! Мать изъ тысячи узнала бы своего ребенка. А она должна
ѣдать, пока злючка раскроетъ ротъ и пробурчить: «вотъ вашъ ре-
бенокъ». Да, и какая гарантія, что это онъ? Что она знаетъ о своемъ
малюткѣ? Только одно, что она произвела его на свѣтъ. Матерью она
никогда не была и всего менѣе въ то время, когда впервые почувствова-
ла это. Ребенокъ становился ей поперецъ дороги всюду, даже въ

семь. Ужасно! Она съ трудомъ поборола чувство брезгливости и пошла къ постелькѣ.

— Пожалуйста, потише! — предупредила сидѣлка.

— Невыносимо!

Воть она около ребенка.

Женни молча съ холоднымъ вниманіемъ разсматривала его. Из-лютка спалъ лихорадочнымъ сномъ трудно-больного; сномъ, который ничего не приносить кромѣ истощенія. Худенькое лицико, покрытое лихорадочными пятнами, прерывистое, хриплое дыханіе. Ужасно!

И это ея ребенокъ? Ея дитя?

Худенькое, безобразное существо, съ морщинистымъ лицомъ? Для этой едва теплящейся жизни совершила она безконечное путешествіе изъ Берлина!

Это ея Ванюша?

Невозможно. Ей было противно.

Она опустилась на стулъ возлѣ кроватки и закрыла глаза. Но немедленно снова открыла ихъ и взглянула скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ материнской жалостью.

Господи, какъ можно имѣть такой видъ? Быть такой безобразной обезьяной? Такимъ жалкимъ, заброшеннымъ уродцемъ?

Щеки безобразно осунулись, отъ нихъ падала синеватая тѣнь на заострившійся носикъ и блѣдныя, пересохшія губы.

У нея снова шевельнулось желаніе, чтобы онъ...

Жестокое желаніе, мучительная надежда, приведшая ее сюда.

На этотъ разъ она даже не содрогнулась.

— Да, да, пусть онъ умираетъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мы все должны умереть, зачѣмъ же ему жить ей на помѣху?

— Сударыня, — обратилась къ ней сидѣлка.

Она вздрогнула и, оглянувшись, увидѣла, что женщина дѣлаетъ ей знаки, приглашая тихонько удалиться.

Она не сразу поняла, въ чемъ дѣло.

Да, конечно, прочь отсюда, прочь изъ душного воздуха и безотрадной атмосферы, гдѣ изъ мрака каждую минуту можетъ появиться смерть и однимъ дуновеніемъ...

«Однимъ дуновеніемъ», размышила она.

— Пора идти, — услыхала она за собой нетерпѣливый голосъ.

Она вздрогнула и быстро поднялась съ мѣста.

Стулъ скрипнулъ — ребенокъ открылъ глаза, безжизненные, мутные, безсмысленные и неестественно большие, какъ ей показалось.

Ручки неувѣренно задвигались по одѣялу.

Послышался слабый стонъ.

Женни оживилась. Машинально схватила она склянку съ водой и отдала ей пить.

Какъ онъ жадно пилъ! Казалось, его не оторвешь отъ воды... динь моментъ ей почудилось, что въ большихъ карихъ глазахъ заснуло что-то нѣжное, точно благодарность.

— Посмотрите, какъ онъ пьетъ,—сказала она сидѣлкѣ, которая занята была съ другимъ больнымъ.

— Да, онъ всегда пьетъ, когда просыпается,—коротко отвѣтила, не оглядываясь, женщина.

Женни, погруженная въ свои мысли, машинально сняла шляпу. То-то неизвѣстное, неясное, новое приковывало ее. Ей захотѣлось ють еще. Можетъ быть, онъ опять захочетъ пить.

Женни сѣла на стуль и принялась медленно разстегивать жакетку. Она внимательно смотрѣла на ребенка; мальчикъ снова впалъ въ забытье.

— Опять спить?—сказала подходя сидѣлка.

Женни кивнула головой. Она чувствовала, какъ недоброжелательно, почти враждебно смотрѣла на нее женщина.

— Ну, идите же! Намъ пора...

— Я останусь на ночь.

Она говорила увѣренно, какъ избалованная дама, не привыкшая въ противорѣчію.

— За ребенкомъ хожу я. Это моя обязанность. Я вамъ уже прежде говорила,—грубо и рѣзко заявила сидѣлка.

— Я имѣю свои права и спорить съ вами не желаю. Прошу васъ ставить меня въ покой,—выразительно отчеканила Женни.

«Вотъ нашлась принцесса,—подумала сидѣлка.—До сихъ поръ альчикъ, жившій у столяра и ссунутый въ палату для бѣдныхъ, то-то непохожъ былъ на принца. Что она о себѣ воображаетъ? Илонка...»

— Здѣсь нельзя оставаться,—пробурчала она и, видя, что Женни не трогается съ мѣста, добавила: — это будетъ противъ правилъ больницы.

— Противъ правилъ? Когда мать хотеть ухаживать за больнымъ ребенкомъ?

Женни удивилась твердому тону и увѣренности, съ какой глядѣла альчикъ въ глаза. Хороша мать, четыре года не вспоминавшая о ребенкѣ!

Она ощутила что-то смутное, точно укоръ совѣсти, который, аѣ свинецъ, сдавилъ ей сердце.

Тяжелая грусть охватила ее, и она впала въ мрачное раздумье.

На минуту Женни вспомнила об Артурѣ. Она обѣщала телеграфировать ему немедленно по приѣздѣ. Что бы онъ сказаѣ, увидѣвъ какъ она здѣсь ссорится съ грубой сидѣлкой?

Она ясно представляла себѣ его за чайнымъ столомъ съ матери и тетей Агнесой. На немъ коричневый костюмъ велосипедиста, кепы новыя ботинки; а велосипедъ, на которомъ онъ только что ехался по Груневальду, стоитъ внизу у портъе. Прежде Артурѣ былъ убѣжденнымъ противникомъ велосипедной ъзы; но съ тѣхъ поръ, какъ велосипедъ введенъ у военныхъ, онъ предался этому спорту, хотя въ глубинѣ души всетаки считаетъ его вульгарнымъ. Что же дѣлать? На верховую лошадь нехватаетъ средствъ.

«Теперь она уже приѣхала», слышитъ Женни его голосъ. Тет Агнеса опускаетъ на колѣни вязанье и утвердительно киваетъ головой. Вотъ Артурѣ всталъ, надѣлъ ринце-пез съ темными стеклами, и нервно забѣгалъ изъ угла въ уголъ. Каждый разъ, какъ въ коридорѣ раздается звонокъ, въ головѣ его проносится: телеграмма. И всѣ трое съ вопрошающими взорами ждутъ решения вопроса, отъ которого зависить ихъ жизнь. Она или не она? Развѣ горничная привнесла вечернюю газету, потомъ почтальонъ принесъ матери приглашеніе на засѣданіе дамскаго кружка, затѣмъ явился мясникъ получить распоряженія на слѣдующій день. Вотъ уже девять часовъ: вечерняя газета лежитъ неразвернутой на столѣ — Артурѣ становятся все нервиѣ; онъ громко выражаетъ свое неудовольствіе; а обѣднныя женщины страдаютъ...

Какъ молния пронеслось все это у нея въ головѣ.

Она не можетъ имъ помочь. Пусть страдаютъ. Она тоже страдаетъ. И много, много страдала; годами.

Около рта легли жесткія складки.

Сидѣлка съ трудомъ сдерживала негодованіе.

— Что жъ вы, уходите... или остаетесь?

— У васъ есть другой пациентъ, оставьте меня.

— Въ такомъ случаѣ я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Я ни за что не ручаюсь.

— Я за все отвѣчу.— И минуту спустя мягко и грустно прибила: — Я мать.

Ночь прошла довольно покойно, безъ особыхъ событий.

Хотя Женни была страшно утомлена, ей всетаки удалось не заснуть. Она не проглядѣла ни одного движенія мальчика.

Подъ утро, когда она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ сидѣлкѣ, отвѣта не послѣдовало. Та задремала на стулѣ. Позже, когда Женни съ участіемъ замѣтила, что ей, вѣроятно, пришлося дежурить

зого ночей, она рѣзко и грубо отвѣтила непрошеннай гостьѣ, кото-
ря неизвѣстно зачѣмъ тутъ шпионить.

Наконецъ, пришелъ докторъ. Плотный мужчина съ незначитель-
ной, полной физиономіей, въ золотыхъ очкахъ. Грубоватый и прямой.
нъ уже слышалъ отъ слуги, что прїехала дама и провела въ боль-
ницѣ ночь. Докторъ почти не взглянулъ на нее и обратился къ си-
блѣкѣ, которая отвѣчала ему съ подобострастіемъ. Изслѣдовавъ дѣ-
й, онъ коротко и односложно отдалъ приказанія.

Женни врачъ не внушалъ довѣрія; онъ дѣлалъ все такъ равно-
уенно и вообще не понравился ей. Циникъ, рѣшила она.

Отъ времени до времени она ловила на себѣ подозрительный
зглядъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ. Она инстинктивно чувствовала,
что стѣсняетъ его. Когда онъ всталъ и, безмолвно поклонившись, хо-
быть уйти, она спросила, въ какомъ положеніи ребенокъ?

— Надежды мало, — сказалъ онъ и проворчалъ что-то о лихо-
адѣ и плохомъ питаніи. — Хорошаго ждать нельзя... Есть у васъ
ще дѣти?

Она вскочила, возмущенная. Какъ можно быть такимъ циникомъ!
Фровъ бросилась ей въ голову. Или это разсѣянность? Отсутствие
оспитанія? Она выпрямилась и хотѣла оборвать невѣжу; но видъ
ижено дышащаго ребенка снова навѣялъ грусть и заслонилъ все
ругое.

— Докторъ, помогите!

Замѣтивъ въ глазахъ ея страхъ, онъ снова началъ односложно
повторять предписанія, данные ранѣе сидѣлкѣ. Не зайдеть ли онъ
еще вечеромъ, просила она

Онъ обѣщалъ и сказалъ, что ночью рѣшился, выживетъ ребе-
зокъ или...

Ея взглядъ зажаль ему ротъ.

— Умѣеть ли она ходить за больными? — спросилъ онъ съ сомнѣ-
ніемъ. И когда услыхалъ, что Женни прошла курсъ въ Красномъ
Брестѣ, то пробормоталъ что-то о знатныхъ дамахъ, которыхъ, чтобы
убить время, слѣдуютъ всякой модѣ. Однако, разрѣшилъ остаться.

Къ вечеру лихорадка усилилась; а съ наступленіемъ ночи, когда
Женни собралась немного подремать, въ комнату проскользнула
смерть.

Женни не могла спать; она была слишкомъ утомлена; нервы рас-
ходились; сказывалась безсонная ночь.

Она впала въ полузыбьтъ, въ то состояніе, когда всѣ формы и
цвѣта стушевываются и расплываются, когда видишь предметы, но
не отдѣляешь фантазіи отъ дѣйствительности.

Женни утратила власть надъ собою.

Она вовсе не удивилась и не испугалась, услыхавъ невдалекъ звонъ быстро несущагося велосипеда.

Докторъ послѣ обѣда подозрительно покачалъ головой и сказалъ что *она* придетъ.

Женни ждала ее.

Дѣвушка напряженно слушала. Вотъ она близко. Вотъ ~~стремяты~~ ступени; стучать кости. Тихо, точно кошка, крадется она за дѣчей. Вотъ подошла къ постелькѣ. Только песочные часы шумятъ у нея въ лѣвой руцѣ; медленно, равномѣрно, безъ остановки сыпется песокъ. Леденящимъ холодомъ вѣтъ отъ нея. У Женни пробѣжалъ морозъ по спинѣ. Она ясно почувствовала, кто стоитъ за ней.

Но она не спускала глазъ съ маленькаго тѣльца, покрытаго крупными каплями пота, безпомощно метавшагося въ подушкахъ. Ей не разъ казалось, что дыханіе прекратилось. Медленно останавливалась дѣятельность сердца.

— Вотъ я,—сказала *она* металлическимъ, нѣсколько прерывающимся голосомъ.

Женни испугалась, услыхавъ ея голосъ. Она вся тряслась, не рѣшаюсь оглянуться.

— Ты звала меня. И не разъ. Наши мысли встрѣтились. Я въ твоемъ услугамъ.

Какой знакомый голосъ!

— Женни, ты меня знаешь?

Знаеть ли она ее? У дѣвушки перехватило дыханіе. Она впѣлась въ холодящія ручонки ребенка.

— Что же ты не отвѣчаешь? — заговорила та искусственно подавленнымъ голосомъ. — Что съ тобой? — Затѣмъ прибавила сердито: — Будь благоразумна, выпусти ребенка и отдай его мнѣ! Скорѣе, ужъ некогда; меня ждеть велосипедъ. Рѣшайся; онъ преграждаетъ тебѣ путь къ счастію...

— Артуръ, пощади, умоляю тебя, оставь мнѣ ребенка!

— Нѣть, прочь его, или... — и онъ ударилъ ее кулакомъ по рукѣ и мучительно затрясъ.

Она вскрикнула отъ нестерпимой боли.

— Сударыня, сударыня, — стональ кто-то жалобно за ней, — проснитесь! Малютка... малютка...

Точно издалека доносились до нея слова.

— Малютка только что скончался.

— Только что... малютка... скон...

Она еще разъ почувствовала, какъ кто-то сильно трясеть ее... и
затѣмъ проснулась.

Придя въ себя, она оглядѣлась кругомъ. Первое, что ей броси-
тось въ глаза, была нянѣка, усиленно вытиравшая фартукомъ глаза,
гщетно стараясь выжать слезы.

— Господи, Боже, бѣдный ребенокъ...

Теперь она поняла. Взоръ ея упалъ на измятую постельку, гдѣ
ея Ванюша, казалось, покойно спалъ.

Она схватила ручонки, которых лежали на сползшемъ одѣяльцѣ.
Онѣ были еще теплы и влажны.

Она нагнулась къ нему и, затаивъ дыханіе, прислушалась. Только
будильникъ неутомимо тикалъ на столикѣ: тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Мертвая тишина.

Ничего.

Ничего?

Какъ будто?...

Вотъ... да...

Или она ошиблась?

Можетъ быть, это ея собственное дыханіе? Не сидѣлки же?

Правда! Онъ еще дышитъ!

Покойно и равномѣрно, хотя очень слабо, дышалъ онъ ей въ ухо.
Она скрѣбѣ ощущала слабое колебаніе воздуха, чѣмъ слышала ды-
ханіе.

— Что съ вами? — спросила ее сидѣлка. — Ванюшъ, слава Богу,
теперь полегчало.

Она не двигалась съ мѣста и жадно ловила теплое дыханіе, вы-
летавшее изъ губокъ спящаго малютки.

Онъ живъ! Онъ живъ!

— Дайте ему поспать! Теперь онъ выходится! — снова загово-
рила сидѣлка.

И, снова не получая отвѣта, она прибавила:

— Вы, должно быть, подумали, что Ваничка...?

Только теперь поняла Женни, въ чѣмъ дѣло. Она забыла, что въ
папатѣ былъ другой ребенокъ.

— Ахъ, вотъ что! — сказала она съ изумленіемъ и встала. —
Тотъ умеръ? — спросила она, приходя въ себя, ежась и вздрогивая.

Въ окно заглянули первые, блѣдные лучи разсвѣта.

Пробило четыре.

Ночничъ догорѣлъ до воды и немилосердно чадилъ. Женни подо-
шла и потушила его.

— Бѣдное, милое дитя! — причитала сидѣлка.

Женни не слушала. Ей нѣть до него дѣла!

Она подошла къ окну и съ шумомъ раздвинула занавѣски. Солнце золотило первыми лучами ржаное поле. Насколько могъ окинуть взоръ, всюду солнце и рожь. Она глубоко вздохнула и протянула руки къ разстилающейся передъ глазами картинѣ. Все въ ней ликовало.

Какъ прекрасенъ міръ... какъ прекрасенъ!

Медленно шло выздоровлѣніе. Гораздо медленнѣе, чѣмъ ей хотѣлось.

Положимъ, они давно покинули больницу. Женни нанияла дѣвъ комнатки за городомъ, въ старомъ домѣ у подошвы горы. Она давно присматривалась къ нему; онъ издали манилъ ее, какъ надежда, своими бѣлыми стѣнами.

Когда въ одинъ прекрасный день она открыла тамъ еще веранду, окруженную тѣнистыми деревьями и выходящую въ хорошенькой садикъ, дѣло съ хозяйкой тотчасъ уладилось.

Здѣсь они зажили тихой, регулярной жизнью.

Отъ времени до времени приѣзжалъ докторъ. Сначала исполняя обязанности врача по отношенію къ маленькому пациенту, затѣмъ изъ провинциального любопытства, наконецъ изъ интереса къ удивительной молодой матери, которая боролась сначала со смертью, теперь съ жизнью, отстаивая душу ребенка. Боролась за жизнь, прожитую четыре года безъ нея. Теперь она хотѣла жить для своего ребенка; но въ немъ голосъ крови молчалъ.

Первое, чего онъ потребовалъ, выйдя изъ безразличного состоянія, чтобы позвали мать, жену столяра, четыре года замѣнявшую ему родную.

Купленная за деньги мать! Женщина, заморившая его голодомъ! Какъ онъ рвался къ ней, когда Женни, нагнувшись къ подушкамъ, ласкала его и съ радостью наблюдала, какъ понемногу сглаживаются многочисленныя морщинки на лицѣ, и на щечкахъ появляется румянецъ.

Для себя она спасла только тѣло.

Имъ предстояло еще пробудиться, исцѣлиться обоями, теперь за время выздоровлѣнія, которое шло съ ужасающей медлительностью. Обоями!

Медленно подымались ростки, наливались почки; безсознательно, точно во снѣ, съ каждымъ часомъ крѣпла ея душа, пока, наконецъ, дождалась полнаго расцвѣта: еще медленнѣе, и медовѣтчива поддавалась душа ребенка. Наконецъ, и она обнаружила первые проблески жизни.

Надъ этой мягкой почвой работала любовь матери, уничтожая сорную траву, оберегая нѣжные, едва распустившіеся цвѣточки; срѣзая учки и вѣтки, преграждавшіе доступъ солнцу, чтобы многочисленныя почки, показавшіяся повсюду, могли со всей силой, богато распуститься.

И свѣтъ хлынулъ отовсюду, потому что у любви тысячи нѣжныхъ глазъ, тысячи неутомимыхъ рукъ, все устранившихъ, чтобы ать доступъ солнцу.

Вчера малютка впервые улыбнулся ей, немного робко и застѣнчио, но всетаки настоящей, дѣтской улыбкой. А сегодня, когда въ комнату, отряхиваясь и ворча, ворвался сень-бернаръ доктора, ребенокъ, ища защиты, протянула къ ней рученки. А она успокаивала го всякимъ вздоромъ, рассказывала, какъ Лео дяди-доктора добрый, какъ любить дѣтей. Тогда мальчикъ довѣрчиво схватилъ голову сестри и взвизгнулъ отъ радости, когда сень-бернаръ растянулся на югу. И такъ шло дальше. Каждый день приносилъ новое счастіе, каждый часъ какую-нибудь новинку, неожиданность, открытие, чудо! Надо было только имѣть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

Отовсюду забили новые ключи. Гдѣ вчера едва пробиралась незадѣтная струйка, готовая исчезнуть въ ближайшихъ пескахъ, сегодня, соединясь съ другой, бѣжитъ ручеекъ, одолѣвающій препятствія; онъ растетъ день ото дня и превращается, наконецъ, въ блестящій потокъ, величественно и спокойно несущійся въ берегахъ, сокрушая всѣ преграды, къ безбрежному морю жизни.

Странное, необычайное состояніе—и съ каждымъ днемъ оно становилось все страннѣе. Все жесткое, чужое, отъ чего она прежде такъ много страдала, исчезло; ничего не требующая благодарность наполнила все ея существо; мечтательный покой охватилъ ее.

Она нашла твердую почву и стояла одна, какъ дерево среди поля, все покрытое цвѣтами и залитое солнцемъ.

Она шла рука объ руку съ огромнымъ, безмолвнымъ счастіемъ, глядя въ его глубокіе, голубые глаза, слушая его серебристый смѣхъ.

Да, теперь впервые она чувствовала себя матерью.

Мать!

Ей, казалось, что теперь только въ страшныхъ мученіяхъ произвела она на свѣтъ ребенка.

Теперь она проснулась къ жизни и шла къ свѣту. А деревья осипали ей цѣльмы дождемъ бѣлыхъ лепестковъ, точно наступала весна, когда воды, журча, бѣгутъ по лугамъ. Всюду жизнь и счастіе!

Вокругъ нея, подъ ней, внутри нея все пѣло.

Въ дождливый день, когда она прѣхала, все было мертвъ и безмолвно. Ей казалось, что и недѣли нельзя прожить въ такомъ захолустьѣ. Она надѣялась, что въ нѣсколько дней все устроится и ей можно будетъ вернуться въ милый, большой, блестящій, сияющій Берлинъ.

И однако, она все еще здѣсь, хотя прошло цѣлыѣ восемь недѣль.

Здѣсь, въ забытомъ уголкѣ земного шара. Вотъ что стало ей міромъ! И какимъ міромъ!

Когда она шла, ведя ребенка за ручку, подъ большими бѣлыми зонтикомъ черезъ спѣлые, ржаныя поля, единственнымъ ея желаніемъ было идти такъ вѣчно, до конца свѣта и дальше, дальше, чтобы ржаное поле не кончалось и солнце не заходило.

Но всему наступаетъ конецъ.

Рожь сжали и свезли въ риги; дни стали короче и свѣжѣе. Приблизилась осень.

День ото дня все краснѣѣ становился дикій виноградъ, обвивавшій веранду; то тутъ, то тамъ упадаѣ поблекшій листъ. Доцвѣтала осенняя розы. Кусты крушины по сторонамъ желѣзной дороги вѣтусъяны жадной птицей.

Прогулки стали рѣже; были дни, когда солнце совсѣмъ не показывалось; туманъ, переходившій въ дождь, меланхолически падаѣ на землю.

Садъ опустѣлъ; дорожки покрылись водой. Бое-гдѣ цвѣли запоздавшія георгины съ почернѣвшими листьями. Ночью былъ первый морозъ.

— Вы уже топили? — спросилъ входя докторъ. За послѣднее время онъ былъ постояннымъ гостемъ, хотя вѣчно жаловался на масу работы.

— Немного; мнѣ надо было писать, — сказала Женни, и отложила въ сторону перо.

Она встала, подала ему руку и, указывая на кресло около камина, сказала:

- Пожалуйста, садитесь, докторъ.
- Благодарствуйте; но если вамъ надо писать... я зайду въ другой разъ.
- Нѣтъ, посидите! Вы мнѣ не помѣшили. Я какъ разъ кончила. Извѣщала мать о своемъ прїѣздѣ въ Берлинъ.
- Вы уѣзжаете въ Берлинъ?
- Лѣто прошло. Развѣ вы думали...?
- Мнѣ казалось, что вамъ здѣсь лучше... у насъ...

Женни спокойно смотрѣла на него. Съ минуту она подумала, затѣмъ тихо сказала:

- Лучше! Мой женихъ хочетъ, чтобы я, наконецъ, вернулась.
- Вы невѣста? Раньше вы никогда обѣ этомъ не говорили.
- Уже четыре года—больше четырехъ лѣтъ...
- И теперь хотите выйти замужъ?
- Я беру съ собой ребенка.

Она произнесла эти слова серьезно и торжественно. Въ ея голосѣ звучало что-то рѣшительное. Около глазъ и рта легли тѣни.

— Ахъ, да — усмѣхнулась она, видя, что онъ ничего не говорить,—вамъ вѣдь это не понятно. Мой женихъ не хочетъ, чтобы я привозила съ собой ребенка.

- Его отецъ?
- Онъ юристъ-чиновникъ.

Она встала.

- Простите; мнѣ пора укладываться.

Но докторъ не ушелъ; онъ испытующе смотрѣлъ на нее и, казалось, не замѣчалъ протянутой на прощанье руки.

— Мы съ вами сдѣлались друзьями поневолѣ,—началъ онъ.— Сначала, какъ помните, дѣло у насъ долго не ладилось. И если бы мнѣ не удалось выѣхать вашего мальчика...

— Но вы его выѣхали; его и меня,—быстро прибавила она, и глаза ея заблестѣли.—А я была опаснѣе больна, чѣмъ онъ; теперь я это вполнѣ сознаю.

— Доктору вы давно дали отставку; но другъ не хотѣлъ покидать васъ; онъ не ушелъ и теперь, когда вы вздумали деликатно выѣхывать его.

— Другъ мой, я не узнаю васъ. Вы, замкнутый, скупой на слова, сегодня произносите пространную рѣчь.

— Развѣ не имѣю права? Мнѣ кажется, въ вашихъ глазахъ я болѣе, чѣмъ кто-либо другой имѣю на то право.

— Какъ врачъ. Да.

— А какъ другъ?

— Другъ предъявляетъ свои права даже тогда, когда у него ихъ оспариваются.

Докторъ медленно поднялся со стула и подошелъ къ Женни.

— Допустимъ! — сказалъ онъ, взглянувъ ей прямо въ лицо, и прибавилъ,—останьтесь у насъ!

Она, повидимому, ждала этого и, не раздумывая, быстро отвѣтила:

— Знаете, мнѣ самой тяжело уѣзжать? Я здѣсь столько пережида внутренно. Но я должна!

Она замътила его вопросительный взглядъ и на минуту замолчала.

— Не ради жениха. О, нѣть. Съ єтимъ покончено. Вотъ только дойдетъ письмо до Берлина. Нѣть, покончено давно, многіе дни, не дѣли, мѣсяцы, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь. Ему извѣстно, что я или совсѣмъ не пріѣду, или пріѣду съ мальчикомъ. Теперь я это подтверждаю письменно—юристу во всемъ нужна формальность.

— А ваша семья?

— Семья,—усмѣхнулась она съ горечью и ироніей. Моя семья—ребенокъ. Я почти забыла, что есть еще какая-то семья. Семья? Что имъ до меня! Теперь, когда я стала тѣмъ, чѣмъ всегда должна была быть. Я иначе думаю, иначе чувствую, иначе желаю; что же въ сущности остается общаго: случайность, называемая родствомъ. Мать, думаете вы? Да, она можетъ быть... можетъ быть, она и могла бы понять, потому что сама была матерью... ахъ, нѣть, она тоже не пойметъ,—прибавила Женни безъ горечи.

— Скажите же мнѣ, зачѣмъ вы єдете? Зачѣмъ? Есть у васъ тамъ друзья?

— Которые такъ себя называютъ, потому что жизнь столкнула насъ съ ними? Которые случайно идутъ одной съ нами дорогой?

Она слегка кивнула головой.

— Были, конечно. Какъ же безъ этого? Ну, они меня теперь совсѣмъ не поймутъ. Это надо пережить, выстрадать...—быстро обрвала она рѣчъ.

Докторъ не рѣшался продолжать начатый разговоръ. Онъ не вполнѣ понималъ ее и въ смущеніи уставился въ полъ. Когда онъ поднялъ глаза, то она показалась ему печальной и постарѣвшей.

— Нѣть,—начала она снова, видя, что онъ смотритъ на нее испытующимъ взоромъ,—нѣть, прежняя жизнь меня не тянетъ. Я єду, потому что должна, а должна, потому что хочу. Хочу за все, что сдѣлала, отвѣтить сама, и все, что буду дѣлать, устроить сама. Дорогой другъ мой, вы и представить себѣ не можете, какъ я стала горда.

Онъ сочувственно улыбнулся, а она продолжала:

— Теперь остался одинъ шагъ къ цѣли, послѣднее испытаніе своей силы. Если здѣсь, среди чужихъ людей, до которыхъ мнѣ нѣть дѣла и которые мнѣ мало интересуются, если здѣсь, въ чужой средѣ, я признаю своего ребенка, не велика заслуга. Нѣть, тамъ, въ моей обычной сферѣ, изъ которой я должна теперь уйти, это уже чего-нибудь стоять. Вы думаете, я намѣрена здѣсь спрятаться и потихоньку наслаждаться своимъ счастьемъ? Нѣть, я хочу кричать о немъ, чтобы всѣ слышали: смотрите, вотъ я, я самая! и если они оплюютъ меня, а

я не утрачу спокойного равновесия гордой любви, тогда только получу я право на ребенка, матерью которого хочу быть. Я хочу освободиться от людей и ихъ законовъ, потому и должна вернуться къ нимъ.

— Вы озлоблены,—замѣтилъ докторъ.

— Я озлоблена? Я? Можетъ быть, была раньше, когда сюдаѣхала. Теперь во мнѣ все ликуетъ, потому что я устояла въ бою, и тысячи мрачныхъ, назойливыхъ предразсудковъ зовутъ снова на бой. Но кто борется, тотъ живеть. Это великий, неизмѣнныи законъ природы!

Страшно возбужденная, съ блестящими глазами стояла Женни передъ докторомъ. Разгорѣвшаяся и прекрасная, какой онъ никогда ея не видалъ. Вся она была олицетвореніемъ гордаго торжества.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и не рѣшался произнести ни слова. Смущенный поднялся онъ съ мѣста, взялъ шляпу, чтобы идти.

— Прощайте, докторъ! — она протянула ему руку; онъ молча пожалъ ее.

— Мнѣ вѣсъ будетъ недоставать,—сказалъ онъ наконецъ,—съ вами уйдеть послѣдній лѣтъ свѣта. А я такъ привыкъ къ нему! — затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ: — Можетъ быть, когда - нибудь вернетесь?

— Нѣть, докторъ! Никогда. Я уважу съ собою ребенка.

Твердо и рѣшительно звучалъ ея голосъ.

Съ минуту постоялъ еще докторъ, потомъ выпустилъ ея руку. Онъ чувствовалъ, что она должна идти своимъ путемъ, съ здоровымъ єгоизмомъ любви къ своему ребенку. Она такъ недавно стала матерью; никакое другое чувство еще не умѣщалось въ ея сердцѣ.

— Будьте счастливы,—сказалъ онъ глухо, не глядя на нее.

Она взяла его руку и старалась заглянуть въ глаза.

— Будьте и вы счастливы, другъ мой,—ея голосъ звучалъ чисто, какъ серебро.—Благодарю за все, что вы для меня сдѣлали, что вы изъ меня сдѣлали.

Заключительные слова смущили его. Онъ низко поклонился и твердыми шагами вышелъ вонъ.

Она съ минуту стояла задумавшись.

Когда садовая калитка закрылась, Женни подошла къ окну.

Докторъ быстро направлялся по шоссе къ окутанному туманомъ городу.

Вдругъ ей все здѣсь показалось тѣснымъ и сѣренѣкимъ, какъ въ первый день приѣзда.

Прочь, прочь отсюда!

Страстное желаніе простора и свѣта охватило ее. Она бросилась въ сосѣднюю комнату и принялась обнимать и цѣловать ребенка съ

такой порывистостью, что испуганный малютка заплакал, а у нея перехватило дыхание.

Въ Берлинъ, въ Берлинъ...

На съдующее утро, когда они приближались къ вокзалу, вся мѣстность была окутана легкимъ туманомъ. Ни одинъ листокъ не шевелился. Царила полная тишина. Солнце пряталось за облаками: казалось, когда они разойдутся, можно ожидать яснаго дня. Послѣдний, хороший осенний день!

Къ полудню, действительно, разгулялось. Открылись яркие ландшафты: красные, желтые, зеленые деревья мелькали и снова исчезали въ пространствѣ.

Была поѣздъ приблизился къ Берлину, солнце тысячею огньковъ дрожало на золотомъ куполѣ рейхстага; статуя Побѣды на колоннѣ сияла металлическимъ блескомъ; мраморныя статуи маркграфовъ издали виднѣлись среди порѣвѣвшей листвы Тиргартена.

Всюду блескъ и сияніе.

Она высоко подняла развеселившагося ребенка и такъ порывисто поцѣловала его, что спутницы съ изумленіемъ оглядѣли ее.

Что случилось съ молодой дамой изъ провинціи, которая за всю дорогу не сказала ни слова? Сидѣла все время задумавшись?

Старая кукла на колоннѣ не могла поразить красотой; новые куклы въ Тиргартенѣ—тоже дѣло вкуса. Ужъ эти провинціалы...

Можетъ быть, она радуется скорому свиданію! Навѣрное, ее ждетъ какой-нибудь господинъ; вѣроятно, мужъ...

Старая дама, сидѣвшая напротивъ, давно замѣтила (когда та снимала перчатки), что у спутницы нѣть обручальнаго кольца, поэтому она съ ней и не заговаривала.

Была обѣ вышли у Зоологического сада, старушка не удивилась, что провинціалку не встрѣтилъ господинъ, который могъ бы быть ей мужемъ. Ее ждала пожилая дама въ черномъ, видимо, взволнованная, не поглядѣвшая даже на ребенка.

Значить, она, навѣрно, не замужемъ. На вдову тоже не похожа; совсѣмъ не похожа! Смѣшно — ребенокъ все время называлъ ее «мама».

Странно; тутъ что-то не спроста.

Брасивая особа.

Хм...

Поѣздъ тронулся. Обѣ женщины затерялись въ толпѣ. Старушка долго сидѣла въ лорнетъ за спутницей. Она была глубоко возмущена.

Ахъ, этотъ Берлинъ! Никогда не знаешь... Хорошо, что можно не останавливаясь продолжать путешествіе.

Н. К.

ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА *).

Повѣсть.

VIII.

Въ квартире Альберта Ивановича Пфейфера на Арбатѣ до завтрака все шло какъ всегда: самъ Альбертъ Ивановичъ выѣзжалъ въ городъ рано, какъ называлось это—по дѣламъ, хотя всѣ дѣла его состояли въ томъ, что онъ заѣзжалъ въ банкирскую контору, гдѣ у него небольшія деньги лежали всегда на текущемъ счету, и разговаривалъ съ свободнымъ конторщикомъ о деньгахъ.

Осторожный и не любящій дѣлъ, онъ больше для развлеченія иногда покупалъ на нѣсколько тысячъ рублей бумагъ, о которыхъ ужъ слышалъ очень много хорошаго, но при малѣйшемъ колебаніи продавалъ. До сихъ поръ на этихъ операцияхъ онъ ничего не нажилъ и, несмотря на то, что въ конторѣ постоянно упрекали его за недостатокъ характера, указывая на то, что проданныя бумаги потомъ поднялись, онъ придерживался прежней системы.

Дамы тоже въ обычный часъ выѣзжали, но никуда не заѣхали, а просто прокатились, единственно для того, чтобы у Валентины быть свѣжій видъ. Потомъ всѣ завтракали.

Но послѣ завтрака въ квартирѣ началось особаго рода движеніе. Ни бѣготни, ни шума не было; прислуга не получала никакихъ особыхъ порученій. По внѣшности ничто не перемѣнилось, и тѣмъ не менѣе все было не такъ, какъ обыкновенно.

Дамы очень долго обсуждали вопросъ о томъ, въ какомъ платьѣ слѣдуетъ появиться Валентинѣ за обѣдомъ. Гардеробъ ея былъ неисчерпаемъ, и тѣмъ не менѣе затрудненіе представлялось огромное. Дѣло въ томъ, что всѣ туалеты Валентины были разсчитаны на театральный блескъ. Если же и предназначались для дома, то имѣлась въ

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

виду та публика, какая у нихъ бывала, т.-е. пестрая, разнокалиберная, крайне неопределенныхъ положеній, и съ совершенно не извѣстными хозяевамиъ вкусами и требованіями. Платье заказывалось подороже, пошикарнѣй. А теперь вдругъ почувствовалось всѣми, что нужно что-то другое. На этотъ разъ искали изящества не въ дороговизнѣ, а въ скромности.

И послѣ очень долгихъ размышленій было рѣшено, что Валентина появится въ простомъ платьѣ цвѣта матовой стали, которое очень шло къ ней при вечернемъ освѣщеніи.

То же самое и съ прической. Дарья Васильевна, призывавшая обыкновенно для валентининой прически парикмахера, на этотъ разъ поняла, что парикмахерская прическа тутъ не годится, и убрала волосы Валентины собственноручно. Именно было необходимо, чтобы ни въ чемъ не было видно преднамѣренной подготовки, «желанія показать себя». Прическа вышла простая, и это было хорошо. Когда туалетъ Валентины былъ конченъ, Дарья Васильевна осталась лишь очень довольна.

Въ половинѣ шестого Валентина была совсѣмъ готова. Она вышла въ гостиную, сюда же былъ приглашенъ и Альбертъ Ивановичъ. Валентина стояла передъ зеркаломъ, осматривала себя со всѣхъ сторонъ и находила, что все на ней какъ нельзя лучше. Альбертъ Ивановичъ въ первую минуту, взглянувъ на нее, остался не вполнѣ доволенъ.

— Что это такъ просто? — промолвилъ онъ, не видя въ туалетѣ своей дочери ничего бросающагося въ глаза. Онъ былъ очень плохъ по части вкуса, и ему казалось, что богатство обзываеть дѣвушку одѣваться драгоцѣнно.

— Развѣ не хорошо? — спросила Валентина.

— Хорошо-то, хорошо, очень даже хорошо, но только...

— Ты въ этомъ ничего не понимаешь, Альбертъ Ивановичъ, — замѣтила ему Дарья Васильевна. — Вѣдь мы не на балѣ Ѣдемъ и у себя не собираемся принимать большого и разнообразнаго общества. Это будетъ просто интимный обѣдъ, значитъ, и туалетъ долженъ быть простой.

Альбертъ Ивановичъ послѣдовательно согласиться и про себя подумалъ, что Валентина въ этомъ простомъ платьѣ чрезвычайно мила и что, если бы онъ былъ княземъ, вродѣ Вехтина, то-есть молодымъ человѣкомъ безъ всякихъ средствъ, то онъ непремѣнно тотчасъ же влюбился бы въ нее; но Валентинѣ онъ этого не сказалъ, такъ какъ не хотѣлъ смущать ее. Вѣдь никто не можетъ предсказать, что изъ этого знакомства выйдетъ, можетъ быть и ничего не выйдетъ.

Но Альбертъ Ивановичъ уже съ половины шестого началъ беспокояться. Онъ каждую минуту вынималъ изъ жилетнаго кармана часы, смотрѣлъ на нихъ и говорилъ:

— Однако, ужъ безъ двадцати пяти минутъ, а они не ўдуть.

И опять Дарьѣ Васильевнѣ приходилось читать ему нравоученія.

— Ахъ, Альбертъ Ивановичъ, ты все понапрасну беспокоишься.

Разъ люди приглашены на обѣдь, такъ они къ обѣду и должны пріѣхать. А пріѣзжать за три часа даже неловко и непринято. Пріѣдуть за пять минутъ, чтобы войти, перекинуться двумя-тремя словами, вотъ и все.

И въ самомъ дѣлѣ, безъ пяти минутъ въ шесть внизу на лѣстницѣ и въ самой квартирѣ произошло движеніе, на этотъ разъ уже настоящее движеніе, въ которомъ приняли участіе и швейцаръ, и горничная, и даже самъ Альбертъ Ивановичъ, который не вытерпѣлъ и выскошилъ на лѣстницу, не давъ даже лакею доложить какъ слѣдуетъ о прибытіи гостей.

— Пожалуйте... Очень, очень рады, и я, и жена, и дочь! —кричалъ онъ сверху, когда княжна Валерія и князь Анатолій Александровичъ Вехты поднимались по лѣстницѣ.

У княжны Валеріи былъ необыкновенно строгій тонъ, который придавало ей черное платье, лишенное какихъ бы то ни было прибавокъ фантазіи и украшеній. Но лицо ея было менѣе строго, и на привѣтствіе Альберта Ивановича она улыбалась, правда, не слишкомъ щедро, но все же довольно ласково.

Что касается Анатолія, то его вицѣній видъ въ первую минуту смущилъ не только Альберта Ивановича, но и дамъ. Онъ былъ во фракѣ, и всѣмъ показалось, что хозяева одѣлись къ обѣду не довольно торжественно.

«Можетъ быть, такъ и слѣдовало,—подумалъ Альбертъ Ивановичъ.—Вѣдь англичане, говорятъ, иначе не являются къ обѣду, какъ во фракѣ, и даже у себя дома обѣдаютъ во фракѣ».

— Я начинаю мое знакомство просьбой о снисхожденіи,—сказалъ Анатолій,—сегодня въ судѣ затянулось дѣло. Я только въ половинѣ шестого освободился. Пришлось ѿхать прямо къ тетушкѣ и остаться во фракѣ. Я не могъ позволить себѣ опоздать къ вамъ хоть на десять минутъ.

Послѣ этого и Альбертъ Ивановичъ, и дамы почувствовали себя какъ бы освобожденными, и это дало даже благопріятный толчокъ предварительному разговору. Въ теченіе десяти минутъ, предшествовавшихъ обѣду, люди должны были єкстренно ознакомиться другъ съ другомъ и даже до нѣкоторой степени сблизиться, чтобы не чувство-

вать себя случайно сошедшими за обѣденнымъ столомъ, какъ за табль-д'отомъ въ отель.

— Вы съ насъ не взыщите,—говорила Дарья Васильевна,—мы провинціалы, вся жизнь наша протекла въ губернскомъ городѣ.

— О,—вразишилъ Анатолій, я очень хорошо знаю губернскую жизнь. Я тамъ учился въ гимназіи.

Вотъ ужъ и почва была готова: жизнь въ губернскомъ городѣ. Валентина вспомнила, какъ она училась въ гимназіи. Князь Анатолій—какъ онъ ухаживалъ за гимназистками. Отъ этихъ воспоминаний, хотя у каждого они касались разныхъ городовъ, имъ становилось весело.

Въ школьной жизни, хотя бы она происходила на противоположныхъ точкахъ земного шара, есть что-то общее для всѣхъ, и воспоминанія о ней сближаютъ людей. Заговорили объ учителяхъ. И тамъ, и здѣсь нашлись строгіе и злые, добрые и ласковые. Школьные типы такъ вездѣ схожи и такъ повторяются.

И когда въ гостиную вошелъ лакей и пригласилъ всѣхъ въ столовую, у Валентины и Анатолія шелъ уже живой разговоръ, который они продолжали на ходу и когда сѣли за столъ. Старики же вели между собой разговоръ болѣе солидный и менѣе искренній, о провинциальной тишинѣ и столичномъ шумѣ. Альбертъ Ивановичъ оказался большімъ любителемъ столичнаго шума и говорилъ о томъ времени, когда онъ жилъ въ губернскомъ городѣ, какъ о напрасно потерянномъ времени.

— Зачѣмъ жить въ дурныхъ домахъ, ходить и ъздить по плохимъ улицамъ, смотрѣть плохую труппу въ театрѣ, когда есть на свѣтѣ хорошие дома и мостовые, хорошия театры съ хорошими труппами? Всякій человѣкъ долженъ стремиться жить лучше, не правда ли?

И говорилъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, какъ человѣкъ, который имѣть полную возможность не только стремиться, но и достигать.

Княжна Валерія высказывала совсѣмъ противоположные взгляды.

— О,—говорила она,—для меня вся эта суeta большого города, это—какой-то долгій, безконечный кошмаръ, тягелая болѣзнь, горячка съ бредомъ. Знаете, когда человѣкъ самъ живеть полной жизнью и голова у него отъ этого кружится, то онъ не замѣчаетъ угловатостей и смѣшныхъ сторонъ этой жизни. Но когда онъ волей или неволей отъ жизни уклонился и ушелъ въ себѣ, а на жизнь смотрѣть со стороны, то все ему кажется такимъ, какимъ должно быть. Одно кажется смѣшнымъ, другое—оскорбительнымъ, и отъ всего онъ

чувствуеть боль. Ахъ,—со вздохомъ прибавляла княжна Валерія,—
каждый человѣкъ или долженъ жить въ свойственномъ его положенію,
воспитанію и взглядамъ антуражѣ, или, если это нельзя, удалиться
въ пустынью. Я живу въ Москвѣ единственно ради племянника. Нель-
зя же, согласитесь, оставить молодого человѣка одного. Онъ, конечно,
не институтка и, къ счастью, совсѣмъ не наивенъ и самъ себя
не дастъ въ обиду; но всетаки онъ молодъ и не долженъ оставаться
безъ руководителя.

Вообще княжна Валерія производила на стариковъ Пфейферовъ
впечатлѣніе какой-то величественной патріархальности. Что же ка-
сается Валентины, то она во весь объдъ ничего не слышала изъ того,
о чёмъ говорили старики, и на величественность княжны не обратила
вниманія. Ее всю поглотилъ молодой князь, котораго она нашла са-
мыми интересными человѣкомъ, какого только видѣла въ своей жизни.
И трудно было сказать, чѣмъ собственно такъ покорилъ ее Анатолій.
Разговоръ, который они вели за обѣдомъ, былъ самый ничтожный. Они
пересказывали съ предмета на предметъ, острели, говорили глупости,
громко смѣялись, а подъ конецъ даже шути чокнулись бѣлымъ виномъ.

Анатолій былъ въ рѣдкомъ ударѣ. Онъ понималъ, что въ этомъ
домѣ на него смотрѣть не какъ на простого гостя, но съ нѣкоторыми
смутными планами или, по крайней мѣрѣ, надеждою. Онъ чувство-
валъ, что здѣсь отдаются дань его происхожденію и титулу. Нако-
нецъ, онъ очень хорошо видѣлъ, что производить благопріятное впе-
чатлѣніе своей наружностью и простотой, и это его воодушевляло.
Когда обѣдъ кончился, Валентина уже смотрѣла на него и говорила
съ нимъ такъ, какъ будто они давно-давно были знакомы. Она играла
на рояль, пѣла, заставляла его пѣть, и онъ пѣлъ охотно, хотя ни-
когда не считалъ себя пѣвцомъ. И время для обоихъ прошло такъ не-
замѣтно и быстро, что когда княжна Валерія въ десять часовъ цере-
монно поднялась и объявила, что пораѣхать, Валентина даже слегка
вскрикнула:

— Ахъ, неужели пора?

Анатолію тоже не хотѣлось уѣзжать, но надо было подчиниться.
Тетушка держала высокій тонъ. Не слѣдовало мѣшать ей.

— Надѣюсь, что мы будемъ видѣться часто!—сказала Валенти-
на на прощанье, подавая руку Анатолію, и при этомъ глаза ея сияли
некрываемой радостью. Эта непосредственность и неумѣніе прятать
свои искреннія чувства удивительношли къ ней и нравились Ана-
толію.

— Но это само собой разумѣется,—отвѣтилъ Анатолій ей въ
тонѣ и съ такимъ выраженіемъ несомнѣнности и даже невозможности

сомневаться, какъ будто случились уже обстоятельства, навѣки связавшія ихъ неразрывными узами.

Было что-то роковое въ этой встречѣ двухъ молодыхъ людей, которые чуть ли не съ первого взгляда почувствовали, что созданы другъ для друга.

Былъ прекрасный вечеръ, ясное звѣздное небо, въ воздухѣ было тихо. Выйдя изъ подъѣзда, почтительно сопровожденные ливрейнымъ швейцаромъ, княжна и князь тотчасъ повернули налево и молча пошли по панели.

Почему-то оба они считали нужнымъ молчать и такъ какъ на улицѣ не было ни ъезды, ни пѣшеходовъ, то каждый шагъ ихъ былъ явственно слышенъ, и можно было различить медленные, тихіе шаги тетушки Валеріи и болѣе громкіе и рѣшительные—Анатолія.

Они дошли до Арбата и здѣсь повернули вправо. Здѣсь уже появились и ѿдущіе извозчики и пѣшеходы. Гулъ колесъ и говоръ заглушили ихъ шаги. Только теперь они оба почувствовали, что можно заговорить, и первый сдѣлалъ это Анатолій.

— Ну, что же вы скажете, тетушка?—спросилъ онъ и тихо взялъ ее за руку, какъ бы желая помочь ей перейти улицу.

— Ты погоди, Анатолій, погоди. Я еще ничего не скажу,—отвѣтила княжна Валерія.—Тутъ еще слишкомъ много такого, надъ чѣмъ надо сперва много подумать, а потомъ говорить.

— Вы находите? А я ничего такого не нахожу. Я ничего не нахожу, надъ чѣмъ надо думать. Тутъ все ясно и все прозрачно.

— Ты молодъ, Анатолій, оттого такъ и говоришь.

— Тетушка, но здѣсь и надо, чтобы я былъ молодъ. Не знаю, поймете ли вы то, что я вамъ скажу,—съ несвойственнымъ ему одушевленіемъ говорилъ Анатолій.—Еслиъ я не былъ молодъ и даже очень молодъ, то тутъ не обошлось бы безъ... Ахъ, тетушка, какъ бы это такъ сказать, чтобы не оскорбить вашъ изысканный слухъ.

— Безъ подлости, должно быть,—подсказала тетушка.

— Да, вотъ это самое слово... Потому что разсчетъ въ такомъ дѣлѣ—вѣдь это подлость... вѣдь такъ это называется?

— Ну, ну, говори дальше, милый князь,—съ чуть-чуть замѣтной ироніей промолвила княжна Валерія.

— Буду говорить, тетушка. Я говорю, что, можетъ быть, ни въ одномъ положеніи не нужно было бы такъ благодарить Бога за то, что есть молодость, какъ въ этомъ. Я говорю, тетушка, прямо и откровенно. Представьте себѣ, что мнѣ было бы не двадцать шесть лѣтъ, а сорокъ два или сорокъ пять, и я былъ бы тѣмъ, что есть, то-есть княземъ безъ княжества, безъ состоянія и безъ малѣйшей надежды

получить его въ видѣ наслѣдства. И вотъ случилась эта встрѣча: семья богатыхъ мѣщанъ, жаждущая возвыситься при посредствѣ дочери... Какъ я поступилъ бы?...

— Ну, ну, какъ ты поступилъ бы?—съ прежней ироніей спросила тетушка.

— Трудно мнѣ стать на ту точку зре́нія, тетушка, потому что я, какъ вы знаете, никогда не былъ сорока-двухлѣтнимъ, но... Но думаю, что поступилъ бы подло.

— То-есть?

— То-есть безъ малѣйшаго увлеченія, а по холодному разсчету, постарался бы увлечь дѣвицу и женился бы на ней. Вы удивляетесь и негодуете?

— Нѣть, милый, я только слушаю.

— Непремѣнно поступилъ бы такъ, потому что, тетушка, вся моя предыдущая жизнь была бы подготовкой къ этому. Я такъ думаю: если ты человѣкъ родовитый и по волѣ судьбы и предковъ не имѣешь возможности оправдать свою родовитость въ своей жизни (подъ этимъ оправданіемъ я разумѣю много золота и соотвѣтственную обстановку), то отбрось разъ навсегда всякия воспоминанія о родовитости и самый титулъ, связывающій тебя съ нею, отсѣки и тогда работай себѣ на здоровье. Будь адвокатомъ, докторомъ, инженеромъ, чѣмъ хочешь,—достигай. Если же ты титулъ не отсѣкъ и твои умственныя очи смотрять туда, гдѣ лакеи стоять на запяткахъ саней и кабареты съ гербами, то ты неминуемо долженъ совершить такой или иной поступокъ, изъ коихъ самый честный и самый безвредный для общества (хотя всетаки достаточно подлый) есть женитьба на денежной особѣ. Развѣ не такъ, тетушка?

— Гм... Такъ, стало быть, ты обо всемъ этомъ много думалъ?

— Я всегда занимаюсь этимъ на свободѣ, тетушка. Притомъ я видѣлъ, какъ дѣлали это некоторые носители титуловъ и меня всегда отъ этого, извините, тетушка, слегка поташнивало. И тѣмъ не менѣе я зналъ, навѣрное, что и мнѣ самому безъ этого не обойтись.

— Но, Анатолій, вѣдь это совсѣмъ другое дѣло... Совсѣмъ, совсѣмъ...

— Да вѣдь обѣ этомъ я, тетушка, и говорю. Потому-то я и благодарю небо за то, что оно дало мнѣ молодость и способность искренно увлекаться. Я, напримѣръ, вамъ прямо говорю, что не замѣтилъ, какъ прошелъ сегодняшній вечеръ.

— А!... А я замѣтила. У тебя все время глаза горѣли...

— Да вѣдь она прелестна, она очаровательное существо! Развѣ вы этого не находите, тетушка?

— Нахожу, нахожу, милый князь... Она вполнѣ заслуживает, чтобы ее называли княгиней. Не такъ ли?

— Она заслуживает гораздо большаго...

— Ты влюбишься совсѣмъ и даже полюбишь. О, это драгоценное свойство породы.

— Влюбляться, тетушка?...

— Нѣть, ты не шути. Это очень серьезно. Я говорю, преимущество настоящей породы, притомъ здоровой и крѣпкой, которая еще не выродилась,—направлять свои чувства туда, куда указываетъ разумъ... Ты подними голову, Анатолій, и взгляни выше. Принцы выбираютъ себѣ подругъ разсудкомъ, но это не мѣшаетъ имъ послѣ выбора къ разсудку прибавить чувство. Вообрази, что ты богатъ и встрѣчаешь такую же прекрасную особу, какъ Валентина Альбертовна, и съ тѣмъ же общественнымъ положеніемъ. Развѣ ты влюбился бы въ нее? Нѣть, ты ея не замѣтилъ бы, а самое большее—она тебѣ внушила бы какія-нибудь скверныя мысли, которыхъ приходятъ всѣмъ мужчинамъ при видѣ хорошенькой женщины. Ты влюбился бы, можетъ быть, въ гораздо менѣе красивую дѣвушку своего круга. Не такъ ли? Развѣ я не права?

— Все такъ, какъ вы говорите, тетушка. Вы удивительно *правильный* человѣкъ.

— Это оттого, Анатолій, что жизнь моя сложилась неудачно, и это заставило меня много думать. Ну, хорошо, ты почти влюбленъ. А она?

— Я не знаю... Не могъ же я спросить ее обѣ этомъ...

— Мой милый князь, я спросила. Конечно, не словами, а глазами... Да, да, я весь вечеръ посматривала на васъ обоихъ. Насчетъ тебя я еще сомнѣвалась, но она... она... Ты взялъ ее въ пѣнъ съ первого же слова... За это я тебѣ ручаюсь.

— Тетушка, я возьму извозчика и подвезу васъ,—сказалъ Анатолій послѣ нѣкотораго молчанія.

Онъ подозревалъ извозчика, и они сѣли. У княжны въ самомъ дѣлѣ болѣли ноги, но она не знала, есть ли у Анатолія лишняя мелочь, чтобы заплатить за извозчика, поэтому не возбуждала обѣ этомъ вопроса. Анатолій довезъ ее до дома, проводилъ до самой двери и доѣдался, пока ей отперли.

Придя къ себѣ, Анатолій долго не могъ привести въ порядокъ свои чувства. Онъ старался думать о тетушкиной теоріи и убѣждать себя, что въ немъ дѣйствуетъ разумъ, но это не утишало его волненія, и онъ думалъ о томъ, какъ бы найти поводъ поскорѣе опять побывать у Пфейферовъ. Рѣшительно, онъ влюбился.

IX.

Въ особнякѣ на Арбатѣ впечатлѣніе, произведенное гостями, было выражено иначе. Какъ только гости ушли, Валентина, вмѣсто того, чтобы пойти въ свою комнату и переодѣться во что - нибудь, менѣе стѣсняющее, сѣла за фортепіано и съ какимъ-то небывалымъ жаромъ стала пѣть романсы. Никто ее не слушалъ, но ей это было все равно. Она пѣла для себя. Просто это было выраженіе ея сильнаго душевнаго волненія.

Случилось что-то необыкновенное, чего она еще никогда не испытала. Въ губернскомъ городѣ, когда она была еще дѣвочкой, случалось, что ея сердце билось немного чаще, и причиной этого бывалъ какой-нибудь гимназистъ или учитель. Но это было не то, не то. Никогда волненіе не охватывало ее всю, никогда не казалось ей, что въ мрѣ все перевернулось и пошло по иному.

А Дарья Васильевна и Альбертъ Ивановичъ совсѣмъ не высказывались. Они только глядѣли на Валентину и подмигивали другъ другу.

Потомъ подали чай, и только тогда, когда всѣ трое усѣлись за столъ, начался разговоръ о гостяхъ. Оба старики находили, что князь пресимпатичный молодой человѣкъ, княжна же слишкомъ строга, такъ что въ ея присутствіи чувствуешь себя подавленнымъ.

— А я ее почти не видѣла, — сказала Валентина, — спросите меня, какіе у нея глаза, и я вамъ не скажу.

— Зато ты хорошо разглядѣла князя, — сказала Дарья Васильевна.

— Еще бы, онъ такой интересный, ахъ, какой онъ интересный!

И, конечно, если бы Валентину спросили, чѣмъ собственно такъ интересенъ князь, она не сумѣла бы объяснить. Но ни Альбертъ Ивановичъ, ни Дарья Васильевна не спрашивали ее объ этомъ: оба они отлично понимали, что Валентина влюблена.

Затѣмъ произошелъ рядъ событій, еще больше сблизившихъ молодого князя съ семействомъ Пфейферовъ. На другой день Анатолій заѣхалъ къ нимъ часовъ въ двѣнадцать утра, очевидно, съ визитомъ, и, не заставъ дома, оставилъ свою карточку. Онъ зналъ, что въ эту часъ ихъ не будетъ дома и нарочно выбралъ его. Пусть они не думаютъ, что онъ способенъ надѣять имъ частными свиданіями.

Но Пфейферы, когда вернулись и нашли дома его карточку, были въ отчаяніи. Они совсѣмъ этого не ожидали. Но карточка имѣла еще другое значеніе, болѣе глубокое и важное. Она навела дамъ на мысль, которая заставила ихъ обѣихъ вскочить съ мѣстъ и схватиться за голову.

— Мама, да что же мы дѣлаемъ? — воскликнула Валентина, —

княжна была у насъ два раза, согласилась даже обѣдать, а мы не разу не заѣхали къ ней.

Дарья Васильевна вспомнила о томъ, что она когда-то знала изъ кодекса свѣтскаго обращенія, и пришла въ ужасъ. Въ сущности онѣ должны были сдѣлать это раньше, до обѣда, и, очевидно, только благодаря великодушію княжны, изъ этого не вышло никакой непріятности.

И это соображеніе измѣнило всѣ привычки въ домѣ. Уже было накрыть столъ для завтрака, и лакей собирался подавать, но все было отложено. Дамы поднялись одѣваться, а кучеру было приказано оставаться у подъѣзда. Черезъ полчаса онѣ были готовы и ужеѣхали на Моховую.

И это было очень кстати. Дѣло въ томъ, что княжна Валерія на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что онѣ сегодня пріѣдутъ. Если бы этого не случилось, она сочла бы себя оскорблennой.

Ожидая къ себѣ гостей, княжна приготовила все для достойнаго ихъ приема. Она предупредила семью родственнаго профессора, что у нея будутъ дамы, которыхъ она должна принять въ гостиной. Она встрѣтила гостей въ томъ же самомъ черномъ платьѣ, въ которомъ была вчера, но у нея была надѣта какая-то въ высшей степени немодная кружевная накидка, по всѣмъ признакамъ, явившаяся на свѣтъ лѣтъ сорокъ тому назадъ и сохраненная ею.

Гостиная профессора была обставлена скромно, но все же гости видѣли, что княжна живеть не въ какихъ-нибудь меблированныхъ комнатахъ. Тетушка чрезвычайно заботилась о хорошемъ впечатлѣніи. Она ясно видѣла, что для Анатолія тутъ уже нѣчто началось и, такъ какъ это былъ тотъ періодъ отношеній, когда взаимная симпатія еще не пустила глубокихъ корней и держится почти на поверхности, то она считала своимъ долгомъ устранить все, что могло повредить укрѣпленію ея.

— Ахъ, княжна, можете себѣ представить, какую мы испытала досаду! — вполнѣ искренно говорила Дарья Васильевна, и княжна сейчасъ увидѣла, что это искренно. — У насъ былъ князь и не засталъ насъ дома. И надо же было ему пріѣхать какъ разъ въ тѣ часы, когда мы всегда катаемся!

— О,—съ тончайшой усмѣшкой замѣтила княжна,—князя, на-вѣрно, огорчило это гораздо больше, чѣмъ васъ и, конечно, если онъ узнаетъ, что вы обѣ этомъ сожалѣете, то поспѣшить не только воспользоваться этимъ, но и злоупотребить.

— Онъ, навѣрное, узнаетъ, потому что папа сегодня у него будетъ, чтобы выразить сожалѣніе, — сообщила Валентина.

— Тогда можете быть увѣрены, что онъ повторитъся наверстать.

Мнѣ очень пріятно,—говорила княжна,—что Анатолій сдѣлалъ такое хорошее знакомство. Знаете, хотя у него много знакомыхъ среди то-варищей по профессії, но недостаетъ семейныхъ знакомствъ. Конечно, онъ могъ бы ихъ сдѣлать, но онъ слишкомъ разборчивъ и какъ-то все не сходится.

Въ такомъ любезномъ тонѣ онъ говорили съ полчаса, послѣ чего дамы простились и поѣхали домой.

Что касается Альберта Ивановича, то онъ не поѣхалъ къ Анатолію тотчасъ, а отложилъ свой визитъ на пять часовъ, чтобы навѣрное застать князя. И онъ дѣйствительно засталъ его. Они встрѣтились на лѣстницѣ и вмѣстѣ поднялись.

— Ахъ,—воскликнулъ Анатолій, необыкновенно искренно обращавшись Альберту Ивановичу — онъ даже самъ удивился этой необычайной радости,— какъ хорошо, что мы встрѣтились! Только зачѣмъ же вамъ было беспокоиться, Альбертъ Ивановичъ?

— Помилуйте, князь, вы у насъ были и не застали... Это такъ досадно. Моя жена и дочь... вы не можете себѣ представить, какъ онъ жалѣли!

— А какъ здоровье Валентины Альбертовны?—спросилъ Анатолій, когда они уже поднялись до его квартиры.

— Она совершенно здорова, очень вамъ благодаренъ!—отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ.— Я вамъ не помѣшаю?—прибавилъ онъ, когда князь позвонилъ.

— Напротивъ, мнѣ будетъ очень пріятно. Я боюсь только, что вамъ едва ли доставить удовольствіе присутствовать при моемъ обѣдѣ. Впрочемъ, можетъ быть, вы раздѣлите со мной мою трапезу? Очень скромную, долженъ васъ предупредить. Даже, можетъ быть, слишкомъ скромную...

— Помилуйте, князь...

Иль отворили дверь, они вошли.

— Эхъ, знаете что, князь,— сказалъ Альбертъ Ивановичъ, когда они были уже въ квартирѣ.—Мнѣ, конечно, очень пріятно было бы пообщаться съ вами, и я вамъ очень благодаренъ, но вѣдь дамы мои этого не знаютъ и будутъ ждать... А я бы вамъ предложилъ, не лучше ли было бы, если бы мы поѣхали вмѣстѣ къ намъ? Увѣряю васъ, что лучшаго сюрприза я не могъ бы сдѣлать моимъ дамамъ. Вы видите, что я человѣкъ простой и говорю прямо.

— Я тоже человѣкъ простой, Альбертъ Ивановичъ, и скажу вамъ прямо: если только это не обременить васъ, то мнѣ доставить большое удовольствіе.

— Ахъ, вотъ отлично! Такъ ѳдемъ. У меня лошадь здѣсь.

— Ёдемъ. Я вотъ только переодѣнусь. Нельзя же два дня порѣдѣ явиться во фракѣ, точно на службу.

Сегодня онъ былъ влюбленъ въ Валентину такъ же, какъ и вчера и приглашеніе Альберта Ивановича доставило ему настоящее блаженство.

Дамы они застали врасплохъ. Но тѣмъ лучше, отъ этого только было веселѣе. Этотъ обѣдь и вечеръ для Валентины были продолженіемъ вчерашняго и прошли такъ же быстро и незамѣтно, но на этот разъ, такъ какъ не было тетушки, Анатолій просидѣлъ до двухъ часовъ ночи.

— Однако,—сказалъ онъ, спохватившись,—я веду себя такъ какъ будто мы сто лѣтъ знакомы съ вами.

— А мнѣ кажется, что мы знакомы уже тысячу лѣтъ!—смѣясь воскликнула Валентина.

— Какъ? и до сихъ порѣ не надоѣли другъ другу?

— А развѣ это обязательно?

— Говорить, что это правило, которое, впрочемъ, допускает исключенія.

— Ну, такъ мы, значитъ, исключеніе!

Это уже было до нѣкоторой степени, хотя и весьма косвенное объясненіе въ чувствахъ.

На другой день Анатолій провелъ вечеръ въ ложѣ съ семействомъ Пфейферовъ, причемъ присутствовалъ и Альбертъ Ивановичъ. На слѣдующій день, въ воскресенье, оказалось открытие какой-то художественной выставки, Анатолій заѣхалъ къ Пфейферамъ и сопровождалъ дамы, а послѣ выставки обѣдали у нихъ. За обѣдомъ присутствовали въ качествѣ гостей какая-то неизвѣстныя ему личности. Но онъ не обратилъ на нихъ вниманія и даже недостаточно разглядѣлъ ихъ. Въ понедѣльникъ была панихида по какомъ-то извѣстномъ художнику, во вторникъ — концертъ прѣѣзжаго виолончелиста. И то, другое Анатолій посѣтилъ вмѣстѣ съ дамами.

Прошла недѣля, когда, наконецъ, Анатолій вспомнилъ, что со двумя знаменитаго обѣда у Пфейферовъ онъ ни разу не видѣлъ тетушки, онъ къ ней зашелъ.

— Что же ты пропалъ совсѣмъ?—спросила его княжна Валерія, хотя въ голосѣ ея вовсе не было смысло упрека.

— Ахъ, тетушка!—воскликнулъ Анатолій многозначительно, въ этомъ воскликаніи слилось все, что онъ могъ сказать тетушкѣ.

— А что? Окончательно влюбился?

— Окончательно.

— И каждый день тамъ?

— Каждый день.

— Ну, Богъ въ помошь тебѣ. Я, впрочемъ, не беспокоилась, отому что знала это. Твоя красавица совершенно готова для того, тобы влюбиться и выйти замужъ. Ахъ, нынче не много такихъ дѣушекъ, которыхъ бы были бы вполнѣ пригодны для этого. Ну, а скажи, пожалуйста, тебѣ извѣстно, чмю равняется состояніе Пфейферовъ?

— Почемъ мнѣ это знать, тетушка?

— Я еще сама точно не знаю, но черезъ нѣсколько дней я получу самыя достовѣрныя свѣдѣнія.

— Такъ вы, значитъ...

— А ты думалъ, я въ это время спала? Ахъ, мой другъ, внѣшнее богатство еще ничего не значитъ. Сколько бываетъ такихъ блестящихъ, дорого стоющихъ домовъ, которые потомъ продаются съ моткомъ; но до тебя это не должно касаться. Это ужъ мое дѣло. Я не хочу портить тебѣ твою поэзію. Обѣ одномъ только прошу,—если бы ты не зашелъ, я къ тебѣ пріѣхала бы: пока я тебѣ не скажу «пора», не предпринимай ничего опредѣленного, значительного и обязывающаго. Понимаешь?

— Понимаю, тетушка. Но вѣдь это... какъ бы это сказать? Это вѣшааетъ цѣльности жизни...

— О, мой милый Анатолій, у тебя еще такъ много впереди, что ты успѣшь забрать отъ жизни все, что тебѣ надо. А теперь, пожалуйста, пожалуйста слушайся меня и не выходи изъ повиновенія. Я вѣдь не заставляю тебя погружаться въ мелочные разсчеты, а только говорю: слушайся.

— Буду слушаться, буду слушаться, тетушка.

— Ты только одного никогда не долженъ забывать: что ты князь Вехтинь и что, кромѣ личнаго наслажденія жизнью, на тебѣ еще лежать обязанности.

Анатолій, слушая эти строгія рѣчи, улыбался. Онъ, пожалуй, признавалъ эти обязанности, но не чувствовалъ ихъ. Да и къ чмю? За него чувствовала это тетушка Валерія, а ужъ она, конечно, не дастъ въ обиду родъ Вехтиныхъ.

X.

Въ первое время, когда Альбертъ Ивановичъ увидѣлъ, что между его дочерью и молодымъ княземъ Вехтинымъ внезапно и стремительно вспыхнула любовь, у него закружила голова. Какъ ни везло ему въ жизни, какъ ни легко давались ему ея блага, но все же онъ никогда не забывалъ о своемъ поселянствѣ и, когда смотрѣлъ на Валентину—

прекрасную, умницу, образованную, со всеми требованиями порядочного тона,—онъ всегда думалъ: «А всетаки ты дочь поселянина, не больше».

И хотя воображеніе его, ничѣмъ не связанное, въ иных минуты рисовало ему безумныя возможности, и Валентина представлялась ему чуть ли не въ царской порfirѣ, но вѣдь это было только воображеніе. Въ дѣйствительности онъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы дочь его вышла замужъ за порядочнаго дворянинага изъ общества.

Въ особенности мечты его стали скромнѣе послѣ переселенія въ Москву, когда его знакомства умножились, и домъ на Арбатѣ отъ времени до времени наполнялся пестрымъ многолюднымъ обществомъ; онъ увидалъ, что все это люди съ сомнительнымъ положеніемъ, и что такихъ достать легко, а людей порядочныхъ, въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ это, то-есть съ виднымъ и прочнымъ общественнымъ положеніемъ, привлечь очень трудно. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ это ему не удалось.

Поэтому знакомство и сближеніе съ княземъ Вехтинымъ было для него неожиданно свалившимся съ неба милостью. Во - первыхъ, князь, отг҃ненный строгой и величественной княжной Валеріей, производилъ на него и на его семью впечатлѣніе въ высшей степени порядочнаго человѣка. Во-вторыхъ, онъ носилъ древнюю фамилію,—на этотъ счетъ Альбертъ Ивановичъ уже получилъ достовѣрный свѣдѣнія; въ - третьихъ, онъ былъ не съ улицы и принадлежалъ къ сословію адвокатовъ, то-есть занималъ извѣстное почетное положеніе.

Но когда Альбертъ Ивановичъ увидѣлъ, что увлеченіе Валентины принимаетъ все болѣе опредѣленную форму и укрѣпляется и растетъ, у него головокруженіе прошло, и явилось сознаніе серьезности положенія. Дѣло шло очевидно къ тому, что князь Вехтинъ можетъ сдѣлаться мужемъ Валентины.

Съ виѣшней стороны это было какъ нельзя лучше. Поселянка сдѣлается княгиней и притомъ не какой-нибудь,—вѣдь много есть на свѣтѣ князей, княжеское имя которыхъ произносится съ усмѣшкой,—а именно Вехтиной. Но помимо виѣшней стороны существуетъ внутренняя,—счастье Валентины, просто человѣческое счастье, между тѣмъ онъ совсѣмъ не знаетъ, что такой этотъ князь. Съ виду онъ производить отличное впечатлѣніе, но за симпатичной виѣшностью часто скрывается дурной человѣкъ, и это можетъ оказаться на другой день послѣ свадѣбы.

И такъ какъ Альбертъ Ивановичъ видѣлъ, что молодые люди совсѣмъ влюблены другъ въ друга и со дня на день можно было ожи-

датъ, что возникнетъ вопросъ о женитьбѣ, то, боясь, чтобы вопросъ этотъ не засталъ его врасплохъ, онъ торопился.

Задача предстояла ему сложная. Надо было собрать свѣдѣнія разнообразныя, рисующія князя Вехтина со всѣхъ сторонъ. И Альбертъ Ивановичъ вспомнилъ, что у него въ губернскомъ городѣ уже нѣсколько лѣтъ длится недоразумѣніе изъ-за его дома, который хотя и былъ проданъ передъ его выѣздомъ, но покупатель оказался неисправнымъ, и теперь судьба дома была запутана. Кстати, было получено письмо отъ довѣренного лица. Недоразумѣніе продолжалось, и онъ сказалъ Дарьѣ Васильевнѣ:

— Надо посовѣтоваться съ хорошимъ адвокатомъ; я сѣѣзжу къ Огинскому; говорить, онъ тонко понимаетъ дѣла.

— Сѣѣзди! — сказала Дарья Васильевна, нѣсколько удивленная такимъ интересомъ АльBERTA Ивановича къ дому, который въ сущности очень мало занималъ его.

И Альбертъ Ивановичъ поѣхалъ къ адвокату въ его пріемный часъ. Онъ рассказалъ все дѣло о домѣ въ губернскомъ городѣ, показалъ документы и получилъ совѣтъ. Затѣмъ онъ заплатилъ адвокату и притомъ такъ хорошо, что адвокатъ сейчасъ же расположился въ его пользу. Тогда Альбертъ Ивановичъ сказалъ:

— Надѣюсь, вы позволите мнѣ обращаться къ вамъ въ случаяхъ, когда будетъ надобность; а потомъ я хотѣлъ просить васъ... Видите ли, у меня бываютъ мелкія дѣла, изъ-за которыхъ я, разумѣется, не посмѣть бы васъ утруждать. И для такихъ дѣлъ я имѣю въ виду одного адвоката изъ молодыхъ; но прежде чѣмъ довѣриться ему, я желалъ бы знать мнѣніе о немъ такого признаннаго лица, какъ вы. Я говорю о князѣ Вехтинѣ.

— Князь Вехting? А, знаю, знаю. Онъ недавно занимается адвокатурой,—с совсѣмъ еще молодой человѣкъ.

— Да, да, — подтвердилъ Альбертъ Ивановичъ, — онъ очень молодъ, но вѣдь это не большой недостатокъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Это такой недостатокъ, которому мы, старики, завидуемъ. Ну, что жъ, я не могу сказать про него ничего дурнаго. Я даже слышалъ о немъ отзывы, какъ о работающемъ и способномъ молодомъ человѣкѣ. Позвольте, да онъ вѣдь состоить помощникомъ у моего пріятеля, да, да. И его патронъ о немъ самаго лучшаго мнѣнія.

— Благодарю васъ! — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, — я очень радъ, что это такъ оказалось.

И онъ раскланился. Затѣмъ онъ отправился въ банкирскую контору, гдѣ у него былъ знакомый канторщикъ, съ которымъ онъ часто

разговаривалъ о деньгахъ. Конторщикъ былъ старый дока, великолѣпно знавшій не только всѣ коммерческія дѣла, но и у кого въ Москвѣ сколько миллионовъ, кто сколько проживаетъ и сколько прачеть въ банкѣ и кто сколько долженъ.

Сюда Альбертъ Ивановичъ заѣхалъ до двѣнадцати часовъ и, не желая заводить столь интимный разговоръ въ конторѣ, онъ отвелъ знакомаго конторщика въ сторону и сказалъ:

— Вы сдѣлали бы мнѣ истинное удовольствіе, если бы согласились сегодня позавтракать со мною.

Конторщикъ, который всегда уходилъ завтракать въ это время, согласился, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ сдѣлать Альберту Ивановичу истинное удовольствіе, и они отправились къ Тѣстову, гдѣ помѣстились въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Тутъ произошло въ высшей степени интимное совѣщеніе. Альбертъ Ивановичъ взялъ съ конторщика слово, что разговоръ останется между ними, и попросилъ у него свѣдѣній насчетъ того, не слышалъ ли онъ чего-нибудь о князѣ Вехтинѣ, не надавалъ ли онъ, напримѣръ, слишкомъ много векселей? Конторщикъ ничего не слышалъ о князѣ Вехтинѣ, по не довѣрялъ самъ себѣ и обѣщалъ Альберту Ивановичу навести справки. Черезъ два дня Альбертъ Ивановичъ опять заѣхалъ въ контору и получилъ самое опредѣленное уѣреніе, что о векселяхъ князя Вехтина никто ничего не знаетъ.

Теперь Альберту Ивановичу оставалось самое главное и, можетъ быть, самое трудное. Ему надо было собрать справки о домашнемъ образѣ жизни князя Вехтина. Для этого было только одинъ путь—квартирная хозяйка князя Анатолія, но путь этотъ былъ чрезвычайно опасенъ. Прежде всего, скажетъ ли она правду? Почему бы ей не врать все, что вздумается?

И долго думалъ Альбертъ Ивановичъ надъ этимъ шагомъ. Хотя онъ и не привыкъ къ разнымъ изысканнымъ тонкостямъ обращенія, но все же у него было некоторое врожденное чутье. Бромъ того надо же отнести что-нибудь на долю вліянія на него Дарьи Васильевны и Валентины. И онъ ясно видѣлъ, что тутъ можетъ выйти большая неловкость. Однако, другого исхода у него не было. Никто, кроме хозяйки, которая, какъ онъ зналъ, была простая женщина, не могъ знать подробностей о домашней жизни молодого человѣка.

И Альбертъ Ивановичъ послѣ долгихъ колебаній, продолжавшихся цѣлыхъ три дня, рѣшился. Онъ долженъ былъ на это рѣшиться, таѣ какъ князь забѣгалъ къ немъ все чаще и чаще, являясь уже безъ приглашенія, и просиживалъ такие долгіе вечера, что Альбертъ Ивановичъ не выдерживалъ и уходилъ спать, полагаясь на бдительность

Дары Васильевны. Но и Дарья Васильевна иногда, сидя въ соседней комнатѣ, подремывала подъ шумъ звонкихъ голосовъ молодыхъ людей, перемѣшанныхъ съ музыкой и пѣніемъ. Со дня на день можетъ случиться объясненіе, и надо быть готовымъ,— надо знать, что отвѣтить.

И когда Альбертъ Ивановичъ окончательно собрался посѣтить хозяйку Анатолія, на него напалъ новый страхъ, совсѣмъ особаго рода. Онъ теперь ужъ поставилъ на второй планъ ту неловкость, которая смущала его раньше. У него явилась въ головѣ страшная мысль: а что, если изъ разспросовъ хозяйки выяснится, что князь пренена-дежный молодой человѣкъ, что онъ ведетъ отчаянный образъ жизни, что у него есть скверные связи и пр. Вѣдь тогда придется отказаться отъ свѣтлой радостной мечты возвысить черезъ него Валентину.

И при этой мысли Альберта Ивановича бросало въ холодный потъ. Такъ все сложилось хорошо, такъ это походило на счастье, и вдругъ все развалится. Вотъ чего страшился Альбертъ Ивановичъ, отправляясь къ хозяйкѣ князя, и страшился гораздо больше, чѣмъ могущихъ произойти недоразумѣній.

Онъ выбралъ день, когда былъ увѣренъ въ томъ, что князь отсутствуетъ. Еще наканунѣ Анатолій говорилъ, что у него въ окружномъ судѣ дѣло по назначению суда и что онъ очень озабоченъ этимъ дѣломъ, такъ какъ при удачѣ оно можетъ выдвинуть его. Валентина даже хотѣлаѣхать въ судъ, но князь сказалъ, что дѣло по своимъ подробностямъ будетъ для нея неудобно. Онъ заявилъ еще, что дѣло продлится часа три - четыре, а можетъ быть затянется и больше. Такимъ образомъ было несомнѣнно, что его дома не будетъ.

Но тутъ явился еще одинъ вопросъ: князь говорилъ объ этомъ дѣлѣ самому Альберту Ивановичу; несомнѣнно отъ хозяйки онъ узнаетъ, что Альбертъ Ивановичъ былъ у него; почему же онъ вздумалъ заходить тогда, когда его завѣдомо нѣть дома? И для устраненія этого неудобства Альбертъ Ивановичъ пустилъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность и, наконецъ, изобрѣлъ.

Очень просто: онъ зашелъ оставить записку, въ которой напомнилъ, что въ этотъ день у нихъ ложа въ Маломъ театрѣ, гдѣ быть назначенъ какой-то торжественный бенефисъ. Естѣсти, обѣ этомъ князю сказали лишь вскользь, и онъ въ самомъ дѣлѣ могъ даже не понять, что его приглашаютъ.

И, приготовившись столь основательно, Альбертъ Ивановичъ вскорѣ послѣ завтрака отправился на квартиру къ князю. Онъ позвонилъ; вышла хозяйка, которую онъ уже однажды видѣлъ.

— Князя нѣту дома и наврядъ скоро будуть! Сказали, что въ судѣ замѣшиваются,— заявила ему хозяйка.

— Я зналъ, что его не будетъ дома,— сказалъ Альбертъ Ивановичъ,— но мнѣ нужно оставить ему записку.

— Это можно. Пожалуйте...

И Альберту Ивановичу было предоставлено войти въ комнату князя. Хозяйка осталась въ передней, и ему надо было какъ-нибудь привлечь ее въ комнату.

— А скажите, почтеннѣйшая, гдѣ бы тутъ взять бумаги?— спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Да тамъ, на столѣ, должно быть,— отвѣтила хозяйка, все еще изъ передней.

— Ну, нѣть... Я на столѣ ничего тронуть не смѣю. Развѣ вольте въ вашемъ присутствіи? А то, знаете, у князя затеряется какая-нибудь бумага, и онъ подумаетъ, что я унесъ ее.

— Ну, гдѣ тамъ... У нихъ почти что каждый день бумаги теряются. То и дѣло спрашиваютъ: не выдала ли бумаги?

— Вотъ какъ! развѣ отъ такой... неосновательный...

— Чего неосновательный? Извѣстно, какъ человѣкъ молодой и притомъ баринъ. Видно, безъ привычки въ дѣлахъ...

Хозяйка уже вошла и стояла неподалеку отъ двери, можетъ быть, даже довольноная тѣмъ, что имѣеть случай поговорить о своемъ жильѣ. Альбертъ Ивановичъ въ это время сидѣлъ за столомъ и приспособлялъ перо. Теперь — то именно ему и предстояла задача — извлечь изъ хозяйки все, что ему было необходимо. Она казалась ему простодушной и прямой да къ тому же глуповатой. Это послѣднее обстоятельство онъ находилъ важнымъ.

— Хорошій жилецъ, должно быть, князь! — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, слегка наклонившись къ бумагѣ.

— Пожаловаться не могу, жилецъ какъ слѣдуетъ! — отвѣтила хозяйка.— И деньги платить и порядокъ соблюдается.

— Ну, порядокъ-то, я думаю, не слишкомъ соблюдается,— усомнился Альбертъ Ивановичъ.— Человѣкъ молодой, ему и увлечься не грѣхъ. Должно быть, любить и покутить, а? Поздно домой приходить, беспокоить, да еще, можетъ быть, и не одинъ, а?

Хозяйка съ рѣшительнымъ выраженіемъ протеста закачала головой.

— Охъ, охъ! нѣть, этого не скажите! Этого всего за моимъ княземъ не водится.

— Нѣть? — какъ-то особенно выразительно поднявъ на нее глаза, спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Никогда за всю зиму позже полуночи ни разу не приходилъ. Вотъ только въ послѣдніе дни началъ поздненько явљаться. Но только въ порядкѣ...

«Гм... — подумалъ Альбертъ Ивановичъ, ощущая истинное удовольствіе отъ хозяйствинаго сообщенія.—Это онъ у насъ засиживался, это ничего»...

— И опять же насчетъ того, чтобы не одинъ... Нѣть! Этого никогда не бывало. Нѣть.

— Ну, какъ же возможно,—продолжалъ свои дипломатическія возраженія Альбертъ Ивановичъ.—Ужъ, навѣрно, какая-нибудь такая имѣется...

— Не знаю-сь, можетъ, на сторонѣ, этого мы, извѣстно, знать не можемъ...

— Да неужели совсѣмъ безъ дамъ?

— Рада два по дѣламъ приходили: разъ дама съ мужемъ, съ офицеромъ, а въ другой разъ генеральша одна старая, а такъ, чтобы безъ дѣла, не замѣчала. Ну, извѣстно, тетушка ихняя, княжна, захаживають.

— Такъ... — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, кончивъ записку и кладя перо на столъ.—Пріятно имѣть такого хорошаго жильца! Такъ эту записочку вы князю покажите, чтобы онъ прочиталъ ее. Да не-премѣнно, какъ только изъ суда вернется; не забудьте. А теперь до свиданья!

И Альбертъ Ивановичъ, чрезвычайно искренно благодаря хозяйку за то, что она дала ему такія утѣшительныя свѣдѣнія, за то, что она не разочаровала его, не разбила его надежды, вышелъ.

— Ну,—сказалъ онъ себѣ,—теперь, кажется, я могу сказать, что исполнилъ свой долгъ.

И когда онъ ѻхалъ домой, то ему было весело, и теперь, когда онъ отъ начала до конца выполнилъ свою задачу, у него явилось желаніе подѣлиться своими свѣдѣніями съ Дарьей Васильевной. Пріѣхавъ домой, онъ вошелъ въ свой, такъ называемый, рабочій кабинетъ, внизу, гдѣ, впрочемъ, онъ никогда не работалъ, такъ какъ и вообще не имѣлъ этой привычки. Онъ позвалъ сюда горничную и велѣлъ ей сходить наверхъ и попросить сюда барыню. Такимъ образомъ онъ могъ быть увѣренъ, что Валентина не услышитъ ихъ разговора.

Дарья Васильевна пришла нѣсколько удивленная.

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Нѣть, не случилось, а такъ себѣ, потолковать хочу. Садись-ка, Дарья Васильевна.

Дарья Васильевна сѣла; хотя удивленіе еще не покинуло ея, но

она уже начала догадываться, что рѣчь будетъ о князѣ и Валентинѣ. О чёмъ же другомъ Альбертъ Ивановичъ могъ говорить съ такими таинственными приготовлениями?

— Вотъ видишь ли, Дарья Васильевна,—началъ Альбертъ Ивановичъ,— ты, конечно, понимаешь, что знакомство наше и Валентины съ княземъ—не простое знакомство, а тутъ есть кое-что побольше...

— Думаю, что есть!—отвѣтила Дарья Васильевна.

— Я то же самое думаю и даже полагаю, что не сегодня-завтра князь можетъ сдѣлать предложеніе...

— Вѣроятно.

— И что Валентина не задумается принять его...

— И я такъ полагаю.

— Ну, вотъ... Такъ ты понимаешь, что обязанность наша, родителей, охранить нашу дочь отъ рискованного шага.

— Какъ? Развѣ ты узналъ про него что-нибудь нехорошее?— почти съ испугомъ воскликнула Дарья Васильевна и этимъ выдала всѣ свои мечты, которые, очевидно, совпадали съ мечтами Альбера Ивановича.

— Ахъ, нѣть, пѣть! Но погоди, дай мнѣ разскажать это по порядку. Я считалъ своимъ долгомъ разузнать все, что только возможно про князя. Я былъ у адвоката Огинского, помнишь, еще я тебѣ сказалъ, что хочу посовѣтоваться съ нимъ насчетъ нашего дома?... Насчетъ дома-то я дѣйствительно посовѣтовался; но, между прочимъ, узналъ и про нашего князя. Конечно, все это я сдѣлалъ тонко и осторожно. Огинский далъ самый прекрасный отзывъ, лучшаго и не надо. Потомъ я собралъ справки касательно долговъ. И узналъ, что векселей князя никто не видалъ. Съ этой стороны—аккуратный молодой человѣкъ. И, наконецъ, я озабочился и насчетъ нравственности, я полагаю,—что это важно.

— И очень даже важно!—замѣтила Дарья Васильевна, даже удивленная его предусмотрительностью.

— Ну, такъ вотъ. Я зашелъ къ нему сегодня, вотъ сейчасъ. Я зналъ, что его нѣть дома, онъ въ судѣ. Я написала записку... Такъ, пустяки: не забудьте, моль, князь, про сегодняшній театръ. А при этомъ хозяйка его была, и я такъ, какъ будто безъ надобности, о немъ рѣчь повелъ, насчетъ поведенія, насчетъ женщинъ, какихъ-нибудь неблаговидныхъ связей... И вообрази: ничего такого; даже удивительно! А хозяйка у него глуповатая, значитъ можно ей вѣрить, да и видно, что правда. Ну, такъ вотъ что: выходить, что князь прекрасный молодой человѣкъ; состоянія у него нѣть, да и не надо, по-

ому что у Валентины своего довольно. Онъ не промотаетъ и не пропустить,—аккуратный молодой человѣкъ, и полагаю я, что для Валентины, въ случаѣ предложенія съ его стороны, это будетъ подходящая партія.

— А по - моему, если онъ такой, какъ ты говоришь, такъ это не то что подходящая, а даже блестящая! — замѣтила Дарья Васильевна.

— Ну, знаешь,—почему-то вдругъ захотѣлъ умѣрить ея пыль Альбертъ Ивановичъ,—наша Валентина, я думаю, тоже не первая встрѣчная, и не онъ, такъ другой нашелся бы. Впрочемъ, я не говорю: онъ партія хорошая. А какъ тебѣ показалось, вѣдь ты ближе ихъ видишь... У нихъ есть сочувствіе, а?

— О, вполнѣ! Валентина даже признавалась мнѣ. Быть-то ночью ей не спалось, такъ мы говорили. А онъ—тоже по всему видно, что влюблена.

— Ну, такъ, слѣдовательно, мы готовы и можемъ встрѣтить достойно. Давно мы съ княжной не видались, надо, чтобы ты заѣхала къ ней и тоже этакъ издалека разговоръ завела, чтѣ она думаетъ про это? Онъ вѣдь княжну уважаетъ и слушается. А Богъ ихъ знаетъ, можетъ, у нихъ совсѣмъ другія мысли...

— Я собиралась къ ней! да, да... Завтра съѣзжу къ княжнѣ, непремѣнно съѣзжу!

Такимъ образомъ старики Пфейферы были совершенно приготовлены къ принятію того, что готовила имъ судьба.

XI.

Но судьба кончила всѣ свои приготовленія гораздо раньше, чѣмъ ожидали Пфейферы, и устроила такъ, что Дарья Васильевна не успѣла сдѣлать свой визитъ къ тетушкѣ Валеріи.

Въ тотъ день Анатолій послѣ суда на минуту заѣхалъ домой, переодѣлся и поѣхалъ прямо къ Пфейферамъ. Альбертъ Ивановичъ напрасно беспокоился, думая, что князь не понялъ приглашенія вѣтать съ ними въ театръ. Князь понималъ не только прямыя приглашенія, а и всѣ малѣйшіе намеки, дававшіе ему возможность бывать у Пфейферовъ.

И онъ у нихъ обѣдалъ; потомъ поѣхали въ театръ, гдѣ сидѣли въ ложѣ—сперва вчетверомъ, а затѣмъ Альбертъ Ивановичъ по обыкновенію раньше уѣхалъ домой, и они остались втроемъ.

Анатолій сидѣлъ за спиной у Валентины, и никогда еще, какъ въ эту вечеръ, оба они не чувствовали такой близости другъ къ другу.

гу. И Анатолій видѣлъ, что Валентина плохо слышить и видить то, что происходит на сценѣ, и самъ онъ былъ разсѣянъ. Было ясно, что они не могутъ уже довольствоваться взглядами, намеками, полусловами, а должны назвать свое чувство полнымъ именемъ.

Валентина за этотъ вечеръ даже какъ будто похудѣла, а глаза ее сдѣлались большие и горящіе. Дома, гдѣ они проводили вмѣстѣ много часовъ, имъ не было никакой возможности высказаться. Постоянно чувствовалось, что близко Дарья Васильевна, которая хотя и желала этого объясненія и находила его естественнымъ и неизбѣжнымъ, но все же считала своимъ долгомъ быть насторожжь. Конечно, они могли бы всегда уловить минуту, но оба чувствовали, что признаніе ихъ при такихъ условіяхъ будетъ неполнымъ и какъ бы вынужденнымъ. Со времени знакомства ихъ уже прошло около трехъ недѣль, таѣ что и «срокъ для созрѣванія чувства» уже вышелъ.

Въ антрактѣ Валентина захотѣла пить.

— Пройдемте въ фойе! я провожу васъ! — сказалъ Анатолій.

Валентина поднялась, и чувствуя, что онъ скажетъ ей что-то значительное и какъ бы боясь, чтобы Дарья Васильевна не стала имъ сопутствовать, сказала ей:

— Ты, мама, не беспокойся. Анатолій Александровичъ проводить меня. Мы сюю минуту вернемся.

И они пошли. По лѣстницѣ Валентина шла впереди, Анатолій сдѣдовалъ за ней; но въ фойе оказалась давка и идти такимъ образомъ не было возможности, и какъ-то само собой вышло, что Валентина, какъ бы спасаясь отъ давки, взяла его руку. Анатолій почувствовалъ близость ея дрожащаго тѣла, и уже это было для него признаніемъ.

— Слушайте... Валентина... — сказалъ онъ почти на ухо ей, въ первый разъ не прибавивъ къ ея имени отчества. — Намъ надо побывать вдвоемъ, чтобы сказать другъ другу многое...

— Да, — тихо отвѣтила ему Валентина.

— Вы должны захотѣть завтра быть въ Третьяковской галлерѣ; я зайду за вами; мы пойдемъ пѣшкомъ, а оттуда пойдемъ прокатиться за городъ, но не на вашихъ лошадяхъ.

— Да, да... — отвѣтила Валентина, упоенная его довѣріемъ, блізостью и всѣмъ тѣмъ, что для нея служило косвеннымъ признаніемъ.

Они дошли до буфета. Валентина вышила зашпомъ стаканъ лимонада. Они вернулись обратно опять черезъ фойе, и по лѣстницѣ они уже шли отдѣльно. Дарья Васильевна встрѣтила ихъ пытливымъ взглядомъ.

— А мы завтра съ Валентиной Альбертовной хотимъ посѣтить Третьяковскую галлерею! — сказалъ Анатолій.

— А! — какъ-то странно откликнулась Дарья Васильевна.

— Ахъ, да, да, мама, Анатолій Александровичъ зайдеть за мной, и мы пройдемся пѣшкомъ. Я такъ мало хожу. Пожалуй, еще растолѣтъ! — прибавила Валентина съ улыбкой.

— Ну, что-жъ, пройдитесь, — отвѣтила Дарья Васильевна, и больше обѣ этомъ разговора не было.

Послѣ спектакля Анатолій зашелъ къ нимъ, пилъ чай, но остался не долго. Уходя, онъ крѣпко пожалъ руку Валентинѣ и сказалъ:

— Такъ завтра я зайду за вами часовъ въ одиннадцать, хорошо? У меня завтра свободный день. Не забудьте и будьте готовы.

Валентина кивнула ему головой. Она отвратительно спала эту ночь, чѣмъ еще больше убѣдила Дарью Васильевну, что надо поскорѣе сдѣлать визитъ князю Валеріи.

Что касается Анатолія, то онъ спалъ эту ночь хорошо. Въ его характерѣ была одна удивительно счастливая черта: способность владѣть своими чувствами и душевными состояніями. Во всѣхъ его отношеніяхъ къ Пфейферамъ и въ частности къ Валентинѣ, онъ не видѣлъ ничего загадочнаго и сомнительнаго. Онъ видѣлъ, что все идетъ такъ естественно, какъ иначе не можетъ быть, и имъ руководила увѣренность. Себя онъ зналъ хорошо и понималъ, что онъ Пфейферамъ нуженъ, такъ что со стороны стариковъ никакихъ возраженій противъ себя не предусматривалъ. Валентина уже дала ему много неуловимыхъ доказательствъ своего чувства. Все, значитъ, сложилось какъ нельзя лучше, и потому онъ былъ увѣренъ, что все и кончится такъ, какъ надо.

Если Валентина не спала ночь отъ волненія, въ ожиданіи тѣхъ опредѣленныхъ словъ, какія завтра скажетъ ей князь, и, какъ принято говорить, въ ожиданіи рѣшенія своей судьбы, то Анатолій считалъ уже свою судьбу рѣшенной. Онъ страстно любилъ Валентину, и она будетъ принадлежать ему, а вмѣсть съ нею и то, что принадлежитъ ей. Было бы дико, если бы произошло иначе.

Проснулся онъ въ девять часовъ, неторопливо выпилъ свой кофе, одѣлся и отправился къ Пфейферамъ. Во всей этой исторіи удивительно было развѣ то, что такое, повидимому, рѣшительное дѣйствіе Анатолій предпринималъ, не выслушавъ прямого совѣта тетушки Валеріи. Но это такъ только казалось. Тетушку Валерію онъ, правда не предупредилъ о томъ, что ему предстоить сегодня рѣшительное объясненіе съ Валентиной. Но нужно ли это было? Тетушка знаетъ, что это должно случиться, и третьего дня, когда онъ зашелъ къ ней, передала ему результаты своихъ изысканій.

— У Пфейферовъ больше миллиона, на сколько больше, этого я достовѣрно не могла узнать! — сказала ему тетушка. — Но этого достаточно, чтобы человѣкъ твоего положенія, Анатолій, могъ достойно устроить свою жизнь, — прибавила она.

И развѣ это не было съ ея стороны прямое разрѣшеніе дѣйствовать? Не могла же тетушка сказать ему: иди, дѣлай предложеніе, или: иди, объясняйся. Тетушка слишкомъ тонко чувствуетъ, чтобы могла внести въ его отношенія къ Валентину такой мѣщанскій оттѣнокъ.

Богда Анатолій поднялся наверхъ въ особнякъ на Арбатъ, Валентина уже совсѣмъ была готова къ выходу. Она надѣла коротенькую мѣховую кофту, опущенную соболемъ, съ собольимъ воротникомъ. Анатолій часто видѣлъ ее въ длинной шубѣ съ широкимъ воротникомъ, и ему всегда казалось, что въ этомъ костюмѣ какъ будто ей чего-то недостаетъ. Въ кофточкѣ же она была тонка и изящна. Онъ не выдержалъ и сказалъ ей:

— Вамъ удивительно идеть этотъ туалетъ.

— Значить, мнѣ идеть ходить пѣшкомъ, — замѣтила смѣясь Валентина.

— Ну, вотъ и пойдемъ пѣшкомъ.

И они вышли. А Дарья Васильевна, провожая ихъ, въ душѣ смутно чувствовала, что они скажутъ другъ другу что-то важное, и безъ словъ благословляла ихъ.

Но, идя по московскимъ тротуарамъ, они болтали всякий вздоръ и смѣялись, и ни однимъ намекомъ не подготовили предстоящее объясненіе. По пути имъ встрѣтился лихачъ; Анатолій остановилъ его и велѣлъ ему подѣять къ Третьяковской галлереѣ и стоять тамъ. Почему они всетаки пошли въ галлерею, хотя, конечно, картины ихъ совсѣмъ въ это утро не интересовали, — на этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Можетъ быть, это было бессознательное желаніе увѣрить другъ друга въ томъ, что ихъ будущій разговоръ, столь важный и рѣшительный, ни однимъ изъ нихъ не былъ предусмотрѣнъ и слу-чаенъ. Но они зашли въ галлерею и провели тамъ минутъ десять, обойдя ее и остановившись передъ нѣкоторыми картинами. Потомъ они вышли на улицу. Лихачъ уже ждалъ ихъ.

День былъ теплый, по зимнему. Ночью выпалъ свѣжій снѣгъ, который довольно твердо держался двухградуснымъ морозомъ. Былъ конецъ зимы. Анатолій усадилъ Валентину и самъ сѣлъ рядомъ съ ней.

— Пойѣзжай, куда хочешь — за городъ! — сказалъ онъ кучеру, и тотъ поѣхалъ.

Есть особаго рода ощущеніе, когда, какъ бы ни были благопрі-

тны условія,—среди большого города на многолюдной улицѣ, гдѣ тоитъ говорь и шумъ, какъ-то не хочется говорить о чувствахъ интимныхъ, какъ будто боишься, что кто-нибудь невзначай услышитъ тебя или замѣтитъ на твоемъ лицѣ черту, выдающую тебя. Это чувствовала Валентина и какъ-то даже боялась, что Анатолій скажетъ что-нибудь изъ той области, которую она считала заповѣдною.

Но Анатолій самъ испытывалъ такое же ощущеніе и, пока они гроѣзжали по городскимъ улицамъ, говорилъ о вчерашнемъ спектаклѣ, дѣяль замѣчанія обѣ архитектурѣ домовъ и улицъ, гдѣ они проѣзжали. Лошадь бѣжала тихой рысцой, иногда порываясь къ быстрому бѣгу, но кучеръ сдерживалъ ее. На каждомъ шагу встрѣчались препятствія то въ видѣ ломовика, застрявшаго посрединѣ улицы, то въ видѣ пѣшехода, растерявшагося среди экипажей.

Но вотъ мало-по-малу высокіе дома стали попадаться рѣже, улицы измѣнили свой характеръ, городъ перешелъ въ предмѣстье, затѣмъ предмѣстье кончилось, и открылась ровная площадь, покрытая снѣгомъ. Тутъ, по снѣжной дорогѣ, кучеръ пустилъ лошадь, прикрикнулъ на нее, и оба сѣдока какъ бы почувствовали освобожденіе отъ сковывавшаго ихъ города.

— Какъ хорошо!—воскликнула Валентина.—Какъ быстро, мнѣ такъ никогда еще не случалосьѣздить. У меня такое ощущеніе, какъ будто я вотъ-вотъ сейчасъ сорвусь и полечу въ небо...

— О, въ небо?—промолвилъ Анатолій,—а меня вы хотите оставить на землѣ?... Ну, нѣть, ну, нѣть. Я не пущу васъ въ небо.

При этихъ словахъ онъ взялъ ея руку и крѣпко сжалъ въ своихъ рукахъ.

— Валентина,—сказалъ онъ,—есть вещи, которыя можно сказать другъ другу только... Ну, только тогда, когда чувствуешь, что летишь въ небо! Потомъ земля возьметъ свое и, можетъ быть, эти самые слова окажутся реальными и земными, какъ все на свѣтѣ; но разъ въ жизни мы должны вѣрить, что это небесныя слова. Сказать ихъ?

— Да, да, ихъ надо сказать!—промолвила Валентина, конечно, зная уже эти слова и всетаки страстно желавшая услышать ихъ.

— Ну, такъ вотъ они: Я люблю васъ, Валентина!... Это для васъ не новость, вы это знаете, можетъ быть, съ первой встрѣчи... Мнѣ казалось, что вы тоже... Но... Я этого отъ васъ еще не слышалъ.

Валентина повернула къ нему свое лицо, и столько неосторожной радости было въ ея глазахъ и улыбкѣ, что слова уже ничего къ ней прибавить не могли.

— Развѣ надо?—сказала она.

— Нѣтъ, не надо! — воскликнулъ Анатолій и, обнявъ ея талию, крѣпко прижалъ къ себѣ.

Такимъ образомъ былъ сдѣланъ тотъ важный шагъ, который рано или поздно надо было сдѣлать. Кучерь, какъ бы чувствуя, что позади него совершается нѣчто важное, дернула лошадь, и она помчалась еще быстрѣе. Анатолій и Валентина довольно долго не говорили ни слова, наслаждаясь той фазой своего счастья, когда оно было названо. Наконецъ, Анатолій, не выпуская ея руку изъ своей, снова заговорилъ:

— Слушайте, Валентина, все то, что мы сказали другъ другу, не было ново для насъ, но его надо было сказать. На свѣтѣ, кроме чувства, существуютъ еще виѣшнія отношенія. Чувство не нуждается въ словахъ, но виѣшнія отношенія къ нимъ обязываютъ. Правда?

— Правда, — съ грустнымъ оттенкомъ въ голосѣ отвѣтила Валентина. Ей теперь совсѣмъ не хотѣлось говорить ни о чёмъ, кроме своего чувства, а тѣмъ больше о виѣшнихъ отношеніяхъ.

— А намъ съ вами, Валентина, надо много говорить объ этомъ! — продолжалъ Анатолій. — Больше, чѣмъ кому бы то ни было, потому что наше положеніе особенное. А я смотрю на дѣло такъ: когда люди готовятся сойтись на всю жизнь, то они должны между собою высказать все. Правда, Валентина?

— Теперь? Сейчасъ? — спросила Валентина и съ мольбой посмотрѣла на него.

Онъ усмѣхнулся ей, какъ ребенку. Онъ понялъ ее и самъ ощутилъ вдругъ такое же желаніе — быть подальше отъ всего земного, грубаго, условнаго.

— Нѣть, нѣть, не теперь, Валентина!... Теперь будемъ молчать и наслаждаться.

И онъ, крѣпко прижавъ ее къ себѣ, замолкъ. Кучерь уже повернула въ другомъ направленіи. Кругомъ все было бѣло, только на горизонтѣ, тамъ и здѣсь, высились деревья, означавшія, что тамъ начинается лѣсъ.

Незамѣтно прошло два часа; но молодые люди не подумали бы объ этомъ, если бы имъ не напомнилъ кучерь. Онъ слегка сдерживалъ лошадь и сказалъ, обернувшись къ нимъ:

— Баринъ, можетъ, пора повернуть въ городъ?

Анатолій досталъ часы и взглянулъ на нихъ.

— Половина второго, — сказалъ онъ.

— О, насъ ждутъ и думаютъ Богъ знаетъ что! — воскликнула Валентина.

— Поѣзжай обратно! — скомандовалъ Анатолій.

И кучеръ повернуль обратно и стрѣлой пустиль лошадь по направлению къ городу. Опять скоро начались городскія улицы, и молодые люди сидѣли, чинно выпрямившиесь, но уже не говорили о вчерашнемъ спектаклѣ и архитектурѣ домовъ и церквей. Они оба молчали, каждый переживая въ душѣ ощущеніе новой близости, созданной высказаннымъ чувствомъ.

Когда они подъѣзжали къ переулку на Арбатѣ, гдѣ стояла особнякъ, Анатолій сказалъ серьезно:

— Мы должны сегодня же, Валентина, переговорить. У насъ еще осталось очень многое.

Извозчикъ остановилъ лошадь, они сошли. Валентина тотчасъ вошла въ подъѣздъ и побѣжала наверхъ, а князь остался, чтобы заплатить извозчику.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ подымался по лѣстницѣ. Наверху стоялъ и смотрѣлъ внизъ Альбертъ Ивановичъ, и въ лицѣ его была не то тревога, не то ожиданіе чего-то важнаго.

— А мы думали Богъ знаетъ что,—сказалъ онъ, пожимая руку Анатолію.

— Мы просто прокатились за городъ,— успокоилъ его Анатолій и затѣмъ прибавилъ какимъ-то значительнымъ и важнымъ голосомъ:— Мне нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, Альбертъ Ивановичъ.

— А-а!... Хорошо, хорошо!—суетливо заговорилъ Альбертъ Ивановичъ.— Такъ пойдемте ко мнѣ, въ мой рабочій кабинетъ, внизу... Пожалуйте, пожалуйте!

И онъ, предвидя все то, что скажетъ ему князь, повлекъ его обратно внизъ, по лѣстницѣ.

XII.

Въ рабочемъ кабинетѣ Альберта Ивановича была вполнѣ дѣловая обстановка. Можна было подумать, что старикъ Пфейферъ, перѣехавъ въ Москву, собирался серьезно заниматься дѣлами.

Мебель здѣсь была все твердая, чтобы не было никакого соблазна къ частому отдыху и къ нѣгѣ. Огромный письменный столъ, бюро съ конторкой, шкафы, наполненные справочными книгами въ великолѣпныхъ новенькихъ переплетахъ, все это безнадежно ждало, чтобы кто-нибудь имъ воспользовался, и было устроено Альбертомъ Ивановичемъ единственно потому, что была для этого подходящая комната.

— Ну, вотъ здѣсь мы можемъ поговорить, милѣйшій князь,— сказалъ Альбертъ Ивановичъ, вводя князя Анатолія въ рабочій кабинетъ 1900 г.,

бинеть и тщательно притворяя дверь.—Намъ здѣсь никто не помѣшаетъ... Хотите присѣсть?

— Нѣтъ, я лучше буду стоять. Я привыкъ говорить стоя,—профессиональная привычка!—отвѣтилъ князь.—А вы, пожалуйста, садитесь.

— Я вѣсъ слушаю!—сказалъ Альбертъ Ивановичъ, съ какою-то покорностью садясь въ твердое кресло.

— Я вамъ долженъ сказать нѣчто очень значительное и важное, Альбертъ Ивановичъ,—началъ Анатолій свою рѣчь, стоя около окна, которое выходило прямо на тротуаръ.

— И я вѣсъ выслушала съ подобающимъ вниманіемъ!—промолвилъ Альбертъ Ивановичъ, слегка наклонивъ голову.

— Наше съ вами знакомство, Альбертъ Ивановичъ, недавнее и случайное. Но вѣдь только то и цѣнно, что совершается случайно, безъ подготовки. Не такъ ли?

— Совершенно такъ, князь.

— Я вообще не вѣрю въ судьбу и считаю ее сказкой,—продолжалъ Анатолій. — Но когда въ твоей жизни совершаются события высокой важности, съ характеромъ какъ бы роковымъ, то невольно начинаешь вѣрить и въ сказку. Вы, вѣроятно, и сами обратили вниманіе и, должно быть, оцѣнили то обстоятельство, что наше знакомство, начавшееся съ такой глупой вещи, какъ какіе-то тамъ канделябры, стремительнымъ галопомъ пошло впередъ, быстро превратилось въ близость, и вотъ, наконецъ, мнѣ ясна стала причина этой стремительности: я полюбилъ вашу дочь искренно, горячо, со всѣмъ пыломъ моей молодости и сегодня имѣлъ счастье услышать отъ Валентины Альбертовны, что и она меня также любить. Будетъ ли это для васъ неожиданно, Альбертъ Ивановичъ, или вы, наблюдая со стороны, умѣли подмѣтить и предугадать это, я не знаю. Но таковъ фактъ, и я долженъ вамъ открыть его.

Легкое волненіе, которое Анатолій испытывалъ при этомъ объясненіи, немного утомило его, и онъ остановился, чтобы перевести духъ. Альбертъ Ивановичъ въ это время хотѣлъ что-то сказать, но Анатолій жестомъ остановилъ его.

— Позвольте, Альбертъ Ивановичъ, я не кончилъ, я еще не сказалъ вамъ самаго главнаго. Вы понимаете, что съ Валентиной—я молчаливо получилъ отъ вашей дочери право такъ называть ее,—мы говорили только о любви. Практическіе же вопросы между нами не были затронуты. Между тѣмъ дѣятельная любовь, какъ вы понимаете, не можетъ оставаться въ неопределенномъ положеніи. Она стремительно ищетъ прямого и правдиваго исхода. И этотъ исходъ для насъ

ъ Валентиной не можетъ быть инымъ, какъ бракъ. Теперь я прошу васъ, Альбертъ Ивановичъ, высказать свое мнѣніе. Но умоляю васъ, откровенно, безъ всякихъ деликатностей и оговорокъ.

Альбертъ Ивановичъ нѣсколько секундъ помолчалъ, держа голову темного набокъ, потомъ поднялъ ее и сказалъ:

— Князь, вы понимаете, что первый и самый главный судья въ этомъ дѣлѣ Валентина, которой это касается ближе, чѣмъ меня и кого бы то ни было. Мы съ женой, конечно, сдѣлили за ней, чтобы она не сдѣлала невѣрнаго шага; но мы дали ей такое воспитаніе, чтобы она могла сама выбирать себѣ дорогу, а мы существуемъ только для того, чтобы предостерегать и предохранять ее.

— Я это понимаю, Альбертъ Ивановичъ,—перебилъ его Анатолій, видя, что тотъ хочетъ быть краснорѣчивымъ, тогда какъ онъ вовсе не хотѣлъ терять времени.—Но я именно и хочу знать, какъ по вашему: Валентина Альбертовна, избирая меня своимъ мужемъ, дѣлаетъ вѣрный или невѣрный шагъ?

— Вы хотите, чтобы я сказалъ прямо?

— Тутъ иначе нельзя говорить, Альбертъ Ивановичъ.

— Извольте. Если прямо, то скажу вамъ, что ваше предложеніе для меня и для жены моей не новость. Со стороны виднѣе, говорить, и мы видѣли, съ обѣихъ сторонъ есть чувство и что это чувство растетъ. Обыкновенно родители ставятъ вопросъ объ искренности, но здѣсь такого вопроса не можетъ быть. Если бы не было искренности, то не было бы и видно насквозь. Теперь другая сторона. Считаемъ ли мы васъ подходящимъ мужемъ для Валентины? Ну, князь, что же мы могли бы возразить противъ васъ? Вы молоды, здоровы, образованы и, наконецъ, вы по происхожденію аристократъ, происходите изъ древней фамиліи. Что же я еще могу желать для моей дочери? Если къ этому прибавить еще наше личное впечатлѣніе отъ васъ, какъ отъ человѣка въ высшей степени порядочнаго, то мой отвѣтъ на вашъ вопросъ уже готовъ.

— Но вы приняли въ разсчетъ, что у меня нѣть ровно ничего, кроме головы и рукъ, и ни откуда не предвидится?

— Но развѣ это нужно? Мой отецъ занимался хлѣбнымъ дѣломъ и нажилъ на немъ больше двухъ миллионовъ и этотъ капиталъ передалъ мнѣ. А я его не только не тратилъ, но сберегаю, потому что дѣлами я никогда не занимался. И увеличилъ его тысячу на шестьсотъ. А Валентина у насъ единственная дочь. Развѣ этого не достаточно?

— Такимъ образомъ я могу считать, что вы не дѣлаете никакого возраженія?—спросилъ Анатолій.

Альбертъ Ивановичъ всталъ.

— Князь, никто, конечно, не знаетъ будущаго. Я, насколько это доступно моимъ глазамъ, вижу въ васъ вполнѣ порядочнаго человѣка и не имѣю права подозрѣвать васъ въ какой-нибудь игрѣ. Я только долженъ умолять васъ, какъ отецъ, который обожаетъ свою дочь, оставаться къ ней навсегда такимъ же честнымъ, какимъ я вижу васъ теперь. Я не стану говорить много... Вы понимаете, что я долженъ чувствовать, князь...

И при этихъ словахъ голосъ Альбера Ивановича дрогнулъ, и на глазахъ его появились слезы. Онъ подошелъ къ Анатолію и обнялъ его.

— Теперь мы должны сказать это моей женѣ,—прибавилъ, онъ и тихо надавилъ пуговку звонка.

Вошелъ лакей; ему было приказано попросить Дарью Васильевну. Но Дарья Васильевна уже давно ждала, что ее пригласятъ внизъ. Валентина, поднявшись наверхъ, бросилась ей въ объятия и рассказала все, и Дарья Васильевна отлично знала, о чёмъ говорять внизу Альбертъ Ивановичъ съ княземъ. Она подготовила себя къ посѣщенію рабочаго кабинета Альбера Ивановича, освѣжила свой туалетъ тонкой вязаной шалью, которую накинула на плечи, пригладила волосы и приняла таинственно-торжественный видъ.

Когда она явилась внизъ и увидала растроганное лицо Альбера Ивановича, со слезами на глазахъ, то и ей оставалось только съ своей стороны заплакать. Сообщеніе новостіи состоялось почти безъ словъ.

— Ты уже знаешь, Дарья Васильевна,—сказалъ Альбертъ Ивановичъ,—я согласился.

— Ну и я тоже!—объяснила Дарья Васильевна.

Анатолій нагнулся и поцѣловалъ ея руку. Она приложила губы къ его головѣ, но потомъ, въ избыткѣ чувства, не выдержала и поцѣловала его въ губы.

— А Валентина у себя?—спросилъ Анатолій послѣ того, какъ были сказаны нѣкоторыя неизбѣжныя слова о томъ, что ему довѣряютъ единственное сокровище, что онъ долженъ хранить его.

— Она ждеть васъ, князь... Вы можете тамъ совершенно спокойно поговорить, вамъ никто не помѣшаетъ. А намъ съ Альбертомъ Ивановичемъ тоже есть что сказать другъ другу.

Это было довѣріе, оказываемое ему въ первый разъ. Очевидно, онъ уже получилъ въ этомъ домѣ нѣкоторыя права.

Онъ вышелъ изъ кабинета и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ. Попавшися ему по дорогѣ швейцарь, потомъ лакей и горнич-

ная смотрѣли на него какими-то новыми глазами, полными любопытства и почтенія. Валентина ждала его въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ каталась съ нимъ. Сильное волненіе мѣшало ей думать о такихъ пустякахъ, какъ перемѣна туалета. Глаза ея были еще красны отъ тѣхъ слезъ, которыя она пролила передъ Дарьей Васильевной.

Увидѣвъ его, она виновато улыбнулась.

— Минь стыдно моихъ глазъ,—сказала она.

— Вы плакали?—съ удивленіемъ спросилъ Анатолій.

— Отъ радости.

— О, мы будемъ только смѣяться отъ радости! — воскликнулъ Анатолій, садясь около нея и цѣлуя ея руку. Потомъ онъ продолжалъ: — Что-жъ, сдѣлаемся на полчаса серьезными людьми и поговоримъ о важномъ!

— Если это неизбѣжно, Анатолій!

И она, наконецъ, такъ назвала его, и она пришла въ легкое зачѣшательство.

— Неизбѣжно, совершенно неизбѣжно.

— Ну, пусть... Только поскорѣе, чтобы сказать и забыть.

— Нѣть, забывать ничего не надо. Дѣло въ томъ, Валентина, что нашъ бракъ не совсѣмъ обыкновенный. Не будемъ скрывать это отъ себя. Обыкновенно въ бракъ вступаютъ люди одного и того же круга, и приблизительно одиныхъ и тѣхъ же стоимостей. Не дѣлайте такихъ большихъ глазъ! Это у васъ выходитъ красиво, но не идетъ къ серьезному жанру.

— Я не буду.

— Мы съ вами три недѣли только были людьми разнаго круга. Теперь—другое дѣло; теперь мы составляемъ одно, мы сами вдвоеемъ—цѣлый кругъ, цѣлая вселенная. Вотъ вамъ и поэзія, — прибавилъ онъ, съ улыбкой посмотрѣвъ ей въ глаза. — Чтобъ вамъ не было скучно слушать серьезное, я буду время отъ времени прибѣгать къ поэзіи... И слушайте, Валентина, въ нашей исторіи есть одинъ чувствительный пунктъ, къ которому однако мы должны безъ жалости прикоснуться, и вы увидите, что я буду правдивъ до... до цинизма, если хотите.

— Анатолій!—умоляющимъ голосомъ произнесла Валентина.

— Это совершенно необходимо, Валентина. Взгляните со стороны такъ, какъ будто это не мы съ вами, а нѣкоторая посторонняя намъ пара людей. Вотъ князь, носящій древнюю фамилію, но не имѣющій ничего за душой. Кстати, да будетъ вамъ известно, что у Вехтиныхъ есть родовое имѣніе, состоящее изъ... что-то около шести десятнинъ усадебной земли, десятка саженей сада и полуразрушенного

замка. Да, такъ князь съ древней фамилией, но безъ княжества. Онъ учится въ гимназіи, потомъ въ университетѣ, повидимому, какъ всѣ, но это только, повидимому; въ дѣйствительности же, у него есть тетушка, не одна, а двѣ,—вы скоро увидите и другую, княжну Аделайду. Но одна, главная тетушка,—которая, несмотря на глубокую бѣдность, сохранила въ душѣ священный трепетъ по отношенію къ своему древнему роду и къ своей фамиліи,—съ дѣтства вбивала въ голову молодому князю, что его долгъ возстановить древній родъ князей Вехтиныхъ. Скажу вамъ по совѣсти,—но тетушкѣ этого не скажу, изъ уваженія къ ея величественному заблужденію,—что я совсѣмъ не усвоилъ этого трепета и въ сущности до древняго рода мнѣ нѣть дѣла, но... но все же я полагаю, что быть отпрыскомъ древнаго рода недурно и что вообще княземъ быть лучше, чѣмъ не княземъ, но при одномъ лишь условіи: что у князя есть княжество, то-есть возможнѣсть поддержать свое княжеское достоинство. Теперь вслушайтесь хорошошенько, Валентина, въ то, что я вамъ скажу. Передъ молодымъ княземъ стояла дилема: или разъ навсегда отказаться отъ мысли, что явится возможнѣсть поддержать свое княжество и тогда уже отказаться и отъ титула и отъ всего прочаго,—потому что я признаю смѣшной эту приставку безъ практическаго значенія—или добыть возможнѣсть поддержать свое княжеское достоинство. Онъ выбралъ послѣднєе. Онъ сказалъ себѣ: я буду работать, какъ воль. У меня есть способности, и я выдвинусь. Конечно, работой много не наживешь, хотя въ адвокатской профессіи бывають счастливые случаи, что уже доказано многими примѣрами. Но во всякомъ случаѣ, работой я могу достать столько, чтобы быть княземъ одному. Ахъ, Валентина, вы не понимаете, какая трагедія заключается въ этомъ княжествѣ безъ всякихъ средствъ! «А, князь»,—говорять вамъ въ магазинѣ, гдѣ вы гушили зимнее пальто въ разсрочку. «А, князь»,—встрѣчаютъ васъ въ ресторанѣ средней руки,—гдѣ вы въ карточкѣ ищете кушанья подешевле. «Я вамъ долженъ замѣтить, князь!»—начальническимъ тономъ говорить въ канцеляріи младшій помощникъ столоначальника, подъ начальствомъ котораго вы состоите. «Князю такому-то объявить вы говорь»,—строго писать начальствующій генераль. И всѣ они съ презрѣніемъ и насмѣшкой въ душѣ говорятъ это, потому что въ глубинѣ души всѣ эти господа: и продавецъ пальто, и рестораторъ, и помощникъ столоначальника, и начальствующій генераль,—извините меня—лакеи! И будь у этого самаго князя состояніе, Ѣзди онъ на своихъ лошадахъ, швыряй деньгами,—они всѣ почтительно сгибались бы передъ нимъ и говорили бы съ искреннимъ почтеніемъ: ваше сіятельство, какъ ваше драгоценное здоровье? Итакъ, Валентина, я

казаль себѣ: работой я добуду для одного себя. Но если мнѣ придется жениться и продолжать свой княжескій родъ, чего такъ страстно желаетъ тетушка Валерія, то для этого потребуются экстраординарныя средства. Жену и потомство я по-княжески содержать на свой счетъ не смогу. Я только размножу титулованныхъ нищихъ, а это къ чему же? Ихъ и такъ достаточно. И я сказалъ себѣ: я женюсь по любви. Я женюсь не иначе, какъ на дѣвушкѣ, которую страстно полюблю; я заранѣе говорю себѣ: я полюблю только такую дѣвушку, которая очень богата. Можете осудить меня за это, Валентина, еще не поздно.

Валентина слушала его и смотрѣла на него съ улыбкой. То, что онъ говорилъ, ей нравилось, а больше всего ей правилась въ немъ эта рѣзкая откровенность, эта беспощадность къ самому себѣ. Очень можетъ быть, что если бы рѣчь шла о постороннемъ человѣкѣ, а не о немъ, она обратилась бы къ обычной морали и съ той точки зрѣнія нашла бы этотъ взглядъ безнравственнымъ. Но рѣчь шла не о постороннемъ человѣкѣ, а о немъ. Во всей ихъ исторіи было что-то не-похожее на обычное, что-то феерическое. Притомъ князь былъ такъ увлекательенъ, когда говорилъ все это, такъ краснорѣчивъ, такъ блестѣли его глаза.

— Вѣдь все это правда, Анатолій, какъ же судить правду?

— Правда! И я готовъ еще сгустить ее. Я прямо скажу, что если бы вы не были богаты, я, по всей вѣроятности, даже встрѣтился бы съ вами, не полюбилъ бы... А, вотъ теперь у васъ недовольные глаза! Но, Валентина, неужели вы не понимаете, что любовь, какъ и всякое чувство, можно развить въ себѣ, но можно и заглушить? И если бы я при тѣхъ обстоятельствахъ допустилъ этому чувству развититься во мнѣ, то я поступилъ бы бѣзчестно. Правда? Правда. Я вижу, что вы со мной согласны. Мы должны быть во всемъ согласны, Валентина. Но вы думаете, что я кончилъ?

— Неужели нѣть?

— Нѣть. Я хочу, чтобы мы вступили въ совмѣстную жизнь безъ малѣйшей тѣни обмана. И я сдѣлалъ это съ своей стороны. Я резюмирую: я люблю васъ искренно, глубоко и горячо, въ этомъ вы не можете сомнѣваться. Вы не можете сомнѣваться также и въ томъ, что люблю я васъ и что въ моемъ чувствѣ ваше богатство не играетъ ни малѣйшей роли. Но что въ тотъ моментъ, когда это чувство зародилось и когда я поставилъ себѣ вопросъ: быть или не быть этому чувству, оно, ваше богатство, сыграло очень важную роль. Будь вы бѣдны, Валентина, я сдѣлалъ бы, можетъ быть, страшное усилие надъ собой и заглушилъ бы это чувство въ самомъ зачаткѣ, потому что, Валентина, давши вамъ княжество, я не сумѣлъ бы достойно поддер-

жать его ни для себя, ни для вась, ни для нашего потомства... Теперь я перехожу къ вамъ.

— Ео мнѣ?—съ изумленіемъ спросила Валентина.

— Къ вамъ, Валентина... А вы хотите, чтобы только я однѣ заслуживалъ снисхожденія? Нѣть, мы должны быть равны. Будемъ опять смотрѣть со стороны. Ну, вотъ, есть на свѣтѣ прекрасная дѣвушка, исполненная вскихъ достоинствъ. У ея родителей большое состояніе, они обожаютъ ее. Но родители ея принадлежать къ тому кругу, гдѣ тонкаго образованія вовсе не нужно, гдѣ не только оно лишнее, но даже должно представлять нѣкоторое бремя. Не такъ ли?

— Такъ!—сказала Валентина, кивнувъ головой.

— И этому прекрасному ребенку даютъ превосходное образованіе. Ее учать въ гимназіи, берутъ въ домъ гувернантокъ, учителей. Зачѣмъ? Очевидно, ее готовятъ не для своего круга, а для другого. Представьте себѣ, что вы, получивъ такое прекрасное образованіе, остались въ губернскомъ городѣ и выходите замужъ за человѣка того круга, къ которому вы принадлежите по рожденію. Что это было бы? Нелѣпость! Или вы должны были бы забыть все ваше образованіе, или въ вашей жизни и въ жизни связанныго съ вами человѣка, занимающагося торговлей хлѣбомъ, было бы что-то постороннене, что-то всегда мѣшающее и стоящее между вами. И такъ какъ это безусловно вѣрно, и сознавалось вашими родителями и вами, то вы покинули губернскій городъ и переселились въ Москву. Вы приѣхали въ Москву, конечно, не за тѣмъ, чтобы искать жениха и выйти замужъ. Вы просто хотѣли жить лучше, чѣмъ могли жить въ губернскомъ городѣ. Но вѣдь въ то же время существовалъ вопросъ и о замужествѣ. И вотъ является такое положеніе. Вы богаты, образованы, воспитаны. Вы прекрасны, у васъ есть все. Но по общественному положенію вы только дочь поселянина. Вамъ, значитъ, недостаетъ только одного—общественного положенія, которое соответствовало бы вашимъ другимъ достоинствамъ. И вотъ наступаетъ моментъ, когда вы, поожимъ, должны выбрать себѣ мужа. Въ вашемъ кругу уже вы не можете выбрать. Это мы рѣшили раньше. Вы должны, обязательно должны выбрать его изъ высшаго сословія, чтобы онъ, взамѣнъ тѣхъ достоинствъ, которыхъ вы приносите ему, дать вамъ положеніе. Но если ужъ это такъ, то, конечно, изъ того высшаго круга вы должны выбрать себѣ нѣчто наибольшее? Если выбирать между нѣсколькими степенями добра, то, конечно, надо предпочесть первую степень... И... Я не говорю, чтобы вы обѣ этомъ думали... Но безсознательно вы, какъ умная дѣвушка, должны были къ этому стремиться. И если бы я со всѣми моими достоинствами человѣка способнаго, не глупаго,

чувающаго симпатию, предсталъ передъ вами въ видѣ какого-нибудь бѣръ-офицерскаго сына, коллежскаго совѣтника, отставнаго поручика и даже столбового дворянинаго, родъ котораго теряется во тьмѣ рененъ, то... Развѣ вы, Валентина, полюбили бы меня? Я прошу васъ опросить себя нелицемѣрно и отвѣтить на этотъ вопросъ безъ ухищреній. Я думаю, что вы, если бы у васъ зародилось чувство къ нему, вы заглушили бы въ себѣ это чувство и сказали бы: это не то... Ну, твѣчайте же мнѣ прямо, правду ли я говорю, или нѣть? Мы стоимъ лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ. Мы должны слиться въ однуичность, мы должны раскрывать душу другъ другу, какъ на исповѣди...

— Я думаю, что вы правы! — отвѣтила Валентина.

— Конечно, правъ, конечно. Я говорю, что сознательно вы не искали положенія и титула. Но въ вашемъ выборѣ мой титулъ игралъ такую же роль, какъ въ моемъ выборѣ ваше богатство. Правда?

— Я думаю... я думаю, что правда! — сказала Валентина, но при этомъ она не могла смотрѣть ему въ глаза такъ смѣло и прямо, какъ смотрѣть онъ ей въ глаза.

— А, вотъ то, чего я хотѣлъ добиться отъ васъ. Вотъ, что важно, Валентина. Обыкновенно бываетъ такъ: когда женятся люди разныхъ круговъ, одинъ съ именемъ, но ништѣй, другой съ богатствомъ, но безъ имени, то они непремѣнно обманываютъ другъ друга. Они почему-то говорятъ другъ другу: не думай, что твоё богатство или твой титулъ составляютъ для меня что-нибудь. О, я полюбиль бы тебя и безъ богатства или безъ титула! Это ложь, но ложь, которая сдѣлалась обязательной для всѣхъ такихъ случаевъ. Я не понимаю, почему надо тутъ лгать. Мы, Валентина, говоримъ другъ другу правду, и что-жъ, развѣ наши чувства отъ этого менѣе искренни и горячи? Развѣ мы менѣе счастливы? Нѣть, конечно, нѣть, но зато мы становимся ближе другъ къ другу, мы научаемся уважать другъ друга и вѣрить, а это очень важно. И это намъ хорошо пригодится на всю жизнь. Вотъ все, Валентина, о чёмъ я хотѣлъ поговорить съ вами. Теперь между нами нѣть и не можетъ быть никакихъ недомолвокъ. Мы созданы другъ для друга и именно въ томъ видѣ и съ тѣми данными, какая есть у каждого изъ насъ. Для меня надо было, чтобы существовала на свѣтѣ прекрасная поселянка съ большими состояніемъ, для васъ — чтобы былъ князь безъ всякаго состоянія. Изъ этихъ двухъ элементовъ и составится то счастье, какое мы, соединившись, представимъ собою миру. Дайте мнѣ руку, Валентина!

Онъ взялъ ея руку и слегка потянулъ ее къ себѣ, такъ что она должна была подняться. Оба они очутились передъ большимъ зерка-

ломъ во всю стѣну, держась за руки. Ихъ изображенія отражались въ зеркалѣ во весь ростъ.

— Смотрите, Валентина,—сказалъ Анатолій, указывая ей изъ отраженія въ зеркалѣ.—Вотъ два существа, выбравшія другъ друга и готовыя смыться въ одну личность. Развѣ вы не видите, что они созданы другъ для друга? Посмотрите, какой вѣтъ отъ нихъ молѣдостью. Ето же смѣеть сказать, что они не созданы другъ для друга, и какою это было бы страшною несправедливостью, если бы они не встрѣтились и не соединились! Ахъ, Валентина, если бы вы знали, какъ безконечно, какъ огромно мое чувство, какъ безумно я люблю васъ!—воскликнулъ Анатолій, крѣпко охвативъ ея голову обѣими руками и прижалъ къ себѣ.

— Я обожаю тебя, Анатолій,—прошептала Валентина, довѣрчиво и страстно прижимаясь къ нему.

XIII.

Это былъ естественный шагъ, который совершился самъ собой: Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна поѣхали къ княжнѣ Валеріи. Но прежде нихъ тамъ побывалъ Анатолій. Онъ забрался въ комнату княжны и тамъ, среди тишины родственнаго дома, открывая передъ нею свою душу.

— Ахъ, тетушка, ахъ, тетушка! — восклицалъ онъ, — мое счастье такое огромное, какое, навѣрное, рѣдко бываетъ на землѣ! Потому что, если бы это бывало часто, то половина человѣчества сошла бы съ ума.

— Ты, значитъ, теперь сумасшедший?—любовно спрашивала его тетушка, не только довольная происшедшемъ, но и торжествующая.

— Нѣтъ, у меня очень крѣпка голова! Но счастье велико, оно огромно. Подумайте, такое рѣдкое соединеніе такихъ, повидимому, несоединимыхъ вещей: разсчетъ и выгода,—я вѣдь этого не скрываю не только отъ себя, но и отъ Валентины,—и искреннее, горячее, бѣшеное чувство.

— Ахъ, бѣдный счастливецъ! — ласково, но въ то же время и иронически говорила княжна Валерія. — Вѣдь слишкомъ большое счастье обезоруживаетъ человѣка, онъ уже не можетъ смотрѣть на міръ правильными глазами. Онъ слѣпнѣтъ, какъ тотъ, кто слишкомъ пристально смотрѣтъ на солнце, и, значитъ, есть моментъ, когда слишкомъ счастливые люди оказываются самыми несчастными.

— О, тетушка стала говорить парадоксами!

— Мой другъ, мы съ тобой переживаемъ парадоксъ. Поневолѣ ганешь говорить парадоксами. А что они сегодня пріѣдутъ ко мнѣ?

— Обязательно. Ужъ вы, тетушка, сами переговорите о грубой горохѣ дѣла... Отъ этого меня избавьте. Надо только спѣшить, по-ому что мясоѣдъ кончается и тогда придется слишкомъ долго ждать.

— Да, да, я сейчасъ напишу княжнѣ Аделаидѣ. О, она будетъ въосторгѣ. А княгиня, пожалуй, на насъ будетъ дуться?

— Нѣть, нѣть, тетушка, мама любить меня такъ же, какъ и вы, и она будетъ рада моему счастью. Только позвольте мнѣ самому написать ей. Я это сдѣлаю сегодня. И вы увидите, что черезъ три-четыре дня мы всѣ будемъ вмѣстѣ. А теперь я удаюсь, потому что васъ будутъ гости и будутъ произноситься грубыя прозаическія слова.

— Иди, иди, ты можешь спокойно предаваться поэзіи.

И въ самомъ дѣлѣ, очень скоро послѣ того, какъ Анатолій ушелъ утѣ тетушки, къ подъѣзду, съ котораго жилъ профессоръ, подкатила карета; изъ нея вышли Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна.

На этотъ разъ княжна Валерія приняла ихъ пе въ гостиной, а въ своей комнатѣ, несмотря на то, что у Альберта Ивановича былъ чрезвычайно торжественный видъ. Онъ надѣлъ фракъ, который его простому поселянскому лицу придавалъ ярко-праздничное выраженіе.

Княжна встрѣтила ихъ вполнѣ привѣтливо и дружески, безъ той строгости, которая такъ подавляла ихъ, и вообще говорила ласково, мягко, какъ бы желая поощрить ихъ за хорошее поведеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуть, что они теперь почти родственники.

Она прямо заявила имъ, что уже знать все и желаетъ теперь только одного: поскорѣе обнять невѣstu князя Анатолія. Потомъ пошли уже чисто-дѣловые переговоры. Альбертъ Ивановичъ умѣлъ говорить о деньгахъ какъ-то просто, что денежные вопросы сами собой улаживались. Должно быть, это оттого, что у него всегда были деньги и онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на простую вещь.

Тутъ были рѣшены многіе вопросы: такъ какъ до поста оставалось всего три недѣли, то со свадьбой медлить было нельзя, и она была назначена черезъ десять дней. Къ тому времени прибудутъ изъ деревни княжна Аделаида и княгиня. Просить ихъ обѣ этомъ будутъ не только княжна Валерія и Анатолій, но и Альбертъ Ивановичъ съ Дарьей Васильевной. Свадьба будетъ самая торжественная. Тутъ же была избрана даже церковь. Послѣ свадьбы молодые пойдутъ, куда хотятъ. Это надо предоставить имъ самимъ. Затѣмъ они будутъ жить, конечно, въ особнякѣ на Арбатѣ, а можетъ быть перѣѣдутъ въ Петербургъ. Это уже рѣшить самъ князь.

Но главное—это быть пунктомъ, касающимъ имѣнія «Библиеское». Княжна Валерія высказала это въ видѣ отдаленного намека. Но Альбертъ Ивановичъ съ жаромъ подхватилъ ея мысль.

— Да, да! — воскликнула она.— Родовое имѣніе должно быть выкуплено, хотя бы это потребовало жертвъ!

И чтобы не терять времени, она рѣшилъ теперь же съѣздить туда и, по крайней мѣрѣ, позондировать почву. Можетъ быть, не удастся выкупить разомъ все, но во всякомъ случаѣ она приложитъ къ этому большія старанія.

— А затѣмъ, дорогая княжна,—сказалъ Альбертъ Ивановичъ,—ужъ на этотъ разъ вы согласитесь со мной и не будете возражать. Я приготовилъ для васъ эту чековую книжку.—И она вынула изъ кармана небольшую книжечку.—По ней вы можете производить расходы по мѣрѣ надобности. Мы теперь свои, и намъ нечего церемониться. Князю я не предложилъ этого, я счелъ за лучшее сдѣлать это черезъ васъ. Вѣдь къ свадбѣ большие будутъ расходы, такъ надо, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

И княжна Валерія приняла чековую книжку не только безъ протеста, но съ милой улыбкой. Конечно, это было совсѣмъ другое дѣло. Тогда вопросъ шелъ обѣ ея личныхъ нуждахъ, теперь же дѣло идетъ о нуждахъ фамилии Вехтиныхъ. Пріѣхать княжна Аделаїда, княгиня, кое-что нужно для Анатолія и даже для самой княжны Валеріи. Надо, чтобы событіе имѣло вполнѣ подобающую обстановку. Конечно, конечно, о такихъ пустякахъ не стѣть и говорить.

И будущіе родственники разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, какихъ только можно желать.

Послѣ этого княжна Валерія каждый день съ утра отправлялась въ особнякъ на Арбатѣ и проводила тамъ цѣлый день. Тутъ разрѣшались вопросы о туалетѣ для Валентины и для всѣхъ другихъ. Ждали княгиню и княжну. А Альбертъ Ивановичъ уѣхалъ изъ Москвы.

Онъ горѣлъ теперь страстью желаніемъ не только увидѣть гнѣздо, изъ которого произошелъ его будущій зять, представляющій собою древній родъ Вехтиныхъ, но и сдѣлать это гнѣздо какъ можно обширнѣе и уютнѣе. Но сдѣлать это было не такъ легко. Если явиться къ этимъ господамъ—Овсянниковымъ, Овчинниковымъ и другимъ—и заявить желаніе купить обратно части владѣній князей Вехтиныхъ, то это значитъ дать имъ право заломить какую угодно сумму. А въ немъ, несмотря на восторженное состояніе, всетаки въ глубинѣ души сидѣлъ человѣкъ съ практической жилкой, и онъ не хотѣлъ бросать деньги на вѣтеръ.

Поэтому онъ употребилъ нѣсколько дней только на то, чтобы смотрѣть мѣстность. Онъ побывалъ въ селѣ Княжескомъ, прошелся сподалеку отъ «замка» и убѣдился въ томъ, что онъ требуетъ капитальныхъ починокъ, объѣхалъ прудъ, побывалъ на рѣкѣ. Слово, изучилъ, сколько могъ, мѣстность.

Но главное, что онъ узналъ, это то, что изъ двухъ купцовъ—всянникова и Овчинникова, дѣла первого довольно плохи, потому что его совсѣмъ забѣль второй. На этомъ онъ и построилъ свой планъ, на котораго требовалось нѣкоторое терпѣніе и выжиданіе.

Во всякомъ случаѣ онъ убѣдился, что все бывшее имѣніе князей ехтиныхъ выкупить довольно трудно. Шведъ Ёрзе-Борзѣ уже до-громъ свою бумажную фабрику, и его, конечно, оттуда не такъ-то легко выжить. Точно также и купецъ Овчинниковъ,—его два кабака процвѣтали, и онъ, конечно, не уступитъ своей позиціи.

Это немного опечалило Альберта Ивановича; но все же онъ убѣдился, что дѣло не безнадежно и что главныя статьи, какъ прудъ, аркъ, часть рѣки и нѣсколько сотень десятинъ земли, можно будуть выкупить обратно. Съ этими свѣдѣніями онъ вернулся въ Москву.

Анатолій мало измѣнилъ свой образъ жизни, хотя, въ виду близой и столь радикальной перемѣны въ его жизни, казалось бы, такіе устяки, какъ маленькая дѣла у мировыхъ судей, составлявшія его рабтику и дававшія ему средства, не должны были бы занимать его, о онъ въ эти послѣдніе дни, предшествовавшіе свадьбѣ, занимался ми почти такъ же усердно, какъ и раньше.

Онъ говорилъ себѣ: я еще не достигъ... Жизнь полна случайностей. Моя женитьба — лучшее тому доказательство. Мало ли еще акъ судьба можетъ повернуться? Я не хочу походить на того охотника, который, взведя курокъ по звѣрю и, еще не выстрѣливъ, разлечтался о богатствѣ, а звѣрь у него передъ носомъ убѣжалъ... Нѣть, аже при большомъ счастьѣ не слѣдуетъ упускать изъ рукъ маленький ресурсъ. Никогда не нужно ставить себя не только въ глупое положеніе, но даже въ возможность глупаго положенія.

И онъ неизмѣнно отъ двѣнадцати до пяти «ходилъ по дѣламъ». Но съ десяти утра онъ уже былъ у Пфейферовъ, завтракалъ съ ними, (и чего и завтраки были перенесены на половину двѣнадцатаго. Завѣтъ уходилъ по дѣламъ и прямо отъ какого-нибудь судьи къ нимъ и оставался здѣсь уже весь вечеръ.

И все время и во всемъ онъ держалъ себя, какъ вполнѣ постоянної человѣкъ, не вмѣшиваясь ни въ какія распоряженія, не давая советовъ и даже уклоняясь, если его о чемъ-нибудь спрашивали. Ему

казалось, что такое преждевременное вмѣшательство въ дѣла, спутчужія, имѣло бы дурной видъ.

Единственное обстоятельство, въ которомъ онъ проявилъ себѣ, и притомъ довольно рѣшительнымъ образомъ, было слѣдующее. Онъ уже давно чувствовалъ себя неловко, когда въ особнякѣ встрѣчались постороннія личности, которые являлись то къ завтраку, то къ обѣду, и уходили, не оставляя по себѣ никакихъ воспоминаній. Ему называли фамиліи, знакомили, но онъ ясно видѣлъ, что между хозяевами и этими личностями въ сущности нѣть ничего общаго, что это какъ-то случайности, отъ присутствія или отсутствія которыхъ въ дому ничего не измѣнится. Это были люди самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій; они постоянно мѣнялись и никогда не повторялись.

— Это ваши добрые знакомые? — спросилъ онъ у Валентины.

— Они? Нисколько! Это просто такъ себѣ... — отвѣтила Валентина.

— Вы дорожите ихъ знакомствомъ?

— Боже сохрани! Я никого изъ нихъ не знаю. Вотъ развѣ Ратоборскій, его больше всѣхъ. Онъ училъ меня контрапункту, изъ котораго, впрочемъ, я ничего не поняла.

— Такъ зачѣмъ же они вамъ?

— А они *были* нужны...

— Были?

— Да, были... Видишь ли, когда мы приѣхали въ Москву, у насъ не было никакихъ знакомыхъ, ну, папа случайно въ театрѣ познакомился съ Ратоборскимъ, а потомъ пошли другіе; нельзя же было и безъ знакомыхъ. А что, тебѣ они непріятны?

— Мнѣ они безразличны. Но на меня это производить какое-то болѣзненное впечатлѣніе. Рѣшительно всѣ, кто у васъ бываетъ, сидятъ у васъ, точно въ буфетѣ желѣзной дороги, и вы съ ними разговариваете, какъ съ сосѣдями по буфету: «Будьте любезны передать мнѣ соль...» «Не знаете ли, сколько здѣсь стоимъ?...» Развѣ это вамъ не тяжело?

— Да, я сама всегда такъ чувствую. Но что же съ ними дѣлать? Не прогнать же ихъ?

— О, конечно, конечно, нѣть. Я только высказываю свое впечатлѣніе...

Но было ясно, что князю посѣтители дома не нравятся. Валентина рассказала объ этомъ Дарьѣ Васильевнѣ, а Дарья Васильевна Альберту Ивановичу.

Альбертъ Ивановичъ послѣ этого долго ходилъ по комнатахъ и что-то обдумывалъ, а затѣмъ уловилъ минуту, когда можно было увѣль-

нязя въ рабочій кабинетъ, который сдѣлался мѣстомъ для таинственныхъ переговоровъ.

— Князь, вы выразили неудовольствие по поводу нашихъ гостей... Я васъ вполнѣ понимаю,—пачаль Альбертъ Ивановичъ.

— Неудовольствие? Альбертъ Ивановичъ! Никогда въ жизни я не позволилъ бы себѣ этого! — горячо возразилъ Анатолій.

— Ну, да, я не такъ выразился... ваше мнѣніе... Но я говорю: я васъ вполнѣ понимаю! Дѣйствительно, эти люди какъ-то совсѣмъ текстати; но это вышло ужъ такъ по необходимости! Нужно было отъ съ кѣмъ-нибудь слово молвить. Вы не можете себѣ представить, какъ намъ трудно было въ первое время въ Москвѣ. Мы были какъ пустынѣ... Ну, вотъ я и познакомился... а потомъ одинъ за другимъ... И теперь у насъ найдется, можетъ быть, не одна сотня знакомыхъ, но ни одного сколько-нибудь близкаго человѣка; и я говорю, что я васъ понимаю. Это должно бросаться въ глаза, должно стѣснять...

— Но увѣряю васъ, Альбертъ Ивановичъ, что я не имѣлъ въ виду... Право, это меня совсѣмъ не касается...

— Нѣть, нѣть, касается... Ваша свадьба съ Валентиной не за орами, а послѣ свадьбы вы съ ней будете хозяевами этого дома. Мы только будемъ вашими, такъ сказать, жильцами; такъ это понятно. Зась озабочиваетъ мысль о томъ, какъ бы мы вмѣстѣ съ домомъ не передали и этихъ знакомыхъ. Я понимаю, понимаю... И при обычненныхъ обстоятельствахъ это легко было бы устраниТЬ. Очень легко: тѣлько сказать швейцару, чтобы никого не принимать, вотъ и все. Почему и какъ, пусть сами объяснятъ себѣ, какъ хотятъ. Но юка, пока... Я не хотѣлъ бы этого дѣлать, у меня есть на этотъ счетъ свои соображенія.

— Можно узнать ихъ?

— Конечно, можно. Видите ли, князь, насколько я могу понять, вы въ Москвѣ недавно живете, какъ и я, и у васъ очень немного знакомыхъ. Можетъ быть, эти знакомые ближе вамъ, чѣмъ наши намъ. Но все же количественно ихъ немного. Между тѣмъ па-дняхъ ваша свадьба, которую мнѣ хотѣлось бы устроить какъ можно торжественнѣе. Я хочу, чтобы церковь была полна народу и чтобы въ нашемъ домѣ была давка. Такъ согласитесь, что прерывать знакомство теперь, до свадьбы, нѣть разсчета. Потомъ, потомъ... Ужъ это будетъ дѣло ваше... Вы можете никому не сдѣлать визитовъ и никого не принять. И знакомства сами собой порвутся.

Анатолій слушалъ внимательно, и на лицѣ его выразилось удивленіе.

— Какъ? Вы хотите дѣлать торжественную свадьбу, вечеръ, балъ?

— Но какъ же иначе, князь? Какъ же иначе?... Это само собою разумѣется.

— Но зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Я думаю, это понятно. Для насъ съ женой это также радостное событие, князь, что намъ хочется отпраздновать его какъ можно веселѣе...

— Развѣ вамъ въ многолюдномъ обществѣ мало извѣстныхъ вамъ людей будетъ веселѣе, чѣмъ въ своемъ маленькомъ кругу?

Альбертъ Ивановичъ на это не нашелъ что отвѣтить. Въ самомъ дѣлѣ, его доводы были несостоятельны. Если хорошенъко сообразить то при многочисленномъ обществѣ у него будетъ много хлопотъ—только.

— Ну, да, пожалуй, вы правы,—сказалъ онъ.—Но, князь, мнѣ хотѣлось бы, чтобы всѣ узнали о томъ счастьѣ, какое я испытываю.

— Кто это всѣ, Альбертъ Ивановичъ? Всѣ тѣ, до кого намъ съ вами нѣть дѣла?

Альбертъ Ивановичъ покачалъ головой.

— Съ вами трудно спорить, князь,—сказалъ онъ, шутливо улыбаясь.—Вы меня совсѣмъ разбиваете.

— Альбертъ Ивановичъ, но я даже не спорю. Я ни на чѣмъ не настаиваю, я только высказываю свое мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ надо подумать и главное—посовѣтоваться съ княжной Валеріей Константиновной.

— Я посовѣтуюсь, я непремѣнно посовѣтуюсь!—поспѣшилъ согласился Альбертъ Ивановичъ, вспомнивъ, что этотъ вопросъ уже былъ затронутъ въ разговорѣ съ княжной, и съ ея стороны не было возраженій. И къ княжнѣ Валеріи Альбертъ Ивановичъ явился какъ бы съ жалобой на молодого князя.

— Вотъ не знаю, какъ и быть съ княземъ. Не хочется мнѣ его огорчить, а и уступить жаль. Такъ ужъ я себя настроилъ... Да и странно это какъ-то было бы!—жалобно говорилъ онъ княжнѣ Валеріи.

Тетушка сейчасъ же почувствовала, что настойчивость въ этомъ вопросѣ вызвала бы въ душѣ Альберта Ивановича горечь, которая омрачила бы его счастье. А этого она ни въ какомъ случаѣ допустить не хотѣла. Она ласково улыбнулась ему и сказала:

— О, полноте, это въ немъ говорить молодая неопытность. Мы его разубѣдимъ. Конечно, конечно, должно быть такъ, какъ вы рѣшили. При томъ же не слѣдуетъ его и баловать слишкомъ.

— О, что вы, княжна! Какъ можно? Развѣ князь дѣлается изъ моей дочери, онъ дѣлается властелиномъ...

— Ну,—съ усмѣшкой промолвила княжна Валерія.—Пусть онъ амъ будеть властелиномъ въ своихъ дѣлахъ, а свадьба—это не его ъло, а ваше. Словомъ, вы не безнокойтесь, я беру это на себя.

И княжна поторопилась уединиться съ Анатоліемъ.

— Ты дѣлаешь ошибку, Анатолій, ты недостаточно думаешь,—казала она ему.

— Это выговоръ, тетушка?

— Не выговоръ, а добрый совѣтъ. Надѣюсь, что ты еще не прощашь мои совѣты!

— Я буду уважать ихъ до конца моей жизни, тетушка.

— Ну, такъ вотъ и слушайся: вовсе не вмѣшивайся въ расположенія о свадьбѣ.

— Но, тетушка, это меня довольно близко касается...

— Пусть касается, но ты долженъ принять во вниманіе, что у тихъ людей есть свое міровоззрѣніе, а въ этомъ міровоззрѣніи известные священные пункты, которыхъ безнаказанно нарушать нельзя. Если бы ты настояла на своемъ, и свадьба прошла по твоему, безъ ала, безъ гостей, то они всю жизнь чувствовали бы, что тутъ что-то было не вполнѣ такъ, какъ надо. Развѣ я не права?

— По обыкновенію, вы правы, тетушка. Но это такъ непріятно—игурировать въ качествѣ свадебнаго героя въ толпѣ какихъ-то неизвѣстныхъ личностей.

— Я не говорю, что это пріятно. Но это ничего не значить. Во избѣженіе болѣшихъ непріятностей, перенеси меньшую.

— И потомъ вся эта толпа будетъ считать себя нашими добрыми знакомыми, и я не буду знать, какъ отъ нихъ отѣдѣлаться!

— Это очень серьезно, Анатолій,—замѣтила тетушка,—но на тотъ счетъ у меня есть планъ, который я тебѣ расскажу послѣ.

— Почему же не теперь, тетушка?

— Потому что я его еще не хорошо обдумала. Вотъ завтра придется княжна Аделаїда, и мы обсудимъ вмѣстѣ, а потомъ я и тебѣ кажу. Впрочемъ, рѣшеніе будетъ зависѣть отъ тебя одного.

— Таинственно и страшно...

— Имѣй терпѣніе... и не вмѣшивайся не въ свои дѣла. Не нужно ли тебѣ денегъ? Моя эта книжка, которую далъ мнѣ Альбертъ Ивановичъ, кажется, совсѣмъ неистощима.

— Нужно, тетушка, очень нужно. Мнѣ надо платить за фрачную пару, за бѣлье, за все.

— Ну, вотъ возьми чекъ и веди себя хорошо...

И тетушка выдала ему чекъ.

XIV.

Княжна Аделаида и княгиня прѣхали только за три дня до свадьбы. Ихъ ждали гораздо раньше, но онѣ опоздали по причинамъ, которые никакъ нельзя было объяснить Пфейферамъ. Имъ сослались на легкое недоровье княгини и еще на какія-то хозяйственныя задержки. Но причина была совсѣмъ другая, и ее княжна Аделаида объяснила княжнѣ Валеріи одной.

Встрѣча была бы болѣе торжественной, если бы Пфейферы не захотѣли быть деликатными. Они нашли, что родственникамъ, быть можетъ, захочется сперва повидаться и поговорить между собой, и потому не поѣхали на вокзалъ. Встрѣчали княжна Валерія и Анатолій. Княгиня съ Анатоліемъ поѣхали въ саняхъ, хотя дорога, вслѣдствіе рано наступившаго тепла, уже была плоха, а двѣ княжны помѣстились вмѣстѣ съ узлами и картонками въ баретѣ. Это было очень удобно, потому что здѣсь они могли разсказать другъ другу многое.

То, что княжна Валерія рассказала княжнѣ Аделандѣ, мы знаемъ, кромеъ, можетъ быть, вѣкоторыхъ задушевныхъ тайнъ. Между прочимъ, была объяснена выписка изъ деревни пары канделябръ, нальтьемъ княжна Аделаида до сихъ поръ недоумѣвала.

— О, Валерія! — воскликнула княжна Аделаида, узнавъ значеніе этой выписки и связь, какая существовала между канделябрами и предстоящимъ событиемъ. — Это гениально! Только одна ты могла придумать это! Но вообрази, какъ трудно мнѣ было съ княгиней. О, ты даже этому не повѣришь. Когда мы получили письма, я отъ тебя, а княгиня отъ Анатолія, съ ней сдѣлалось что-то непостижимое; она объявила, что ни за что не поѣдетъ въ Москву. Но почему, почему спрашивала я. «Потому что мнѣ нечего тамъ дѣлать. Мнѣ будетъ тамъ стыдно... Понимаешь? Это значитъ, что Анатолій женится на богатой дѣвушкѣ...» Я начала убѣждать ее. Я сказала, что тутъ нѣтъ ничего удивительного. Что Анатолій прекрасный молодой человѣкъ, обладающій исключительными достоинствами и это естественно, что его полюбили и не виноватъ же онъ, что его полюбила богатая дѣвушка. И самъ же Анатолій написалъ ей, что онъ безумно влюбленъ въ свою невѣstu и любимъ ею. Но знаешь, она была такъ упорна... А, какъ глубоко еще сидѣть въ ней эти предразсудки ея круга! Удивительно, что покойный князь - братецъ не позаботился о томъ, чтобы вырвать ихъ съ корнемъ. Я употребила все свое краснорѣчіе и въ конецъ - таки убѣдила. Согласись, что это было бы ужасно, если бы она не прѣхала.

— Да, слава Богу, что тебѣ удалось это. Эти люди... надо тебѣ

сказать, что это добрые, простые и вполне честные люди, но у нихъ свои взгляды, и они хотятъ, чтобы на свадьбѣ все было такъ, какъ обыкновенно бываетъ. Малѣйшее отступленіе—и они были бы огорчены.

Въ саняхъ разговоръ начался не столь дружески. Княгиня сразу упрекнула сына:

— Ты слишкомъ молодъ еще, Анатолій, чтобы быть такимъ практическимъ! Я знаю, что тобой руководить княжна; но ты могъ и не послушаться ея...

Но Анатолій съ такимъ жаромъ заговорилъ о своей любви къ Валентинѣ и такъ горячо опровергалъ всякую мысль о расчетѣ, что княгиня, которая вообще поддавалась сильнымъ влияніямъ, очень скоро перешла на его сторону и увѣровала въ его полное безкорыстіе.

Вхали прямо въ особнякъ. Тамъ были уже приготовлены покой для княжны и для княгини. Альбертъ Ивановичъ устроилъ пріѣхавшимъ торжественную встречу, по обыкновенію, на лѣстницѣ, а Валентину онѣ нашли въ гостиной и сейчасъ же обѣ пришли отъ нея въ восторгъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, она очаровательна!—сказала княгиня.—И я понимаю, что Анатолій не могъ не влюбиться въ нее.

Княгиню съ ея мягкимъ податливымъ характеромъ легко было перетянуть на свою сторону. Съ княжной Аделаидой она еще могла бороться, но съ Валентиной, Анатоліемъ и главное — съ совершившимся фактомъ, на это у нея не хватало характера.

Начались спѣшины приготовленія къ свадьбѣ. У княженъ, какъ и у княгини, не было готовыхъ платьевъ; пришлось дѣлать ихъ єкстренно. Вѣдь оставалось всего только три дня.

Межъ тѣмъ Альбертъ Ивановичъ дѣятельно выполнялъ свою часть. Княжна Валерія совершенно успокоила его:

— Вы не такъ поняли князя. Онъ ровно ничего не имѣть противъ вашихъ знакомыхъ, а въ особенности ему будетъ пріятно сдѣлать вамъ удовольствіе.

Получивъ такое увѣреніе, Альбертъ Ивановичъ занялся составлениемъ приглашенія, потомъ отдалъ его въ печать и, наконецъ, разослалъ. Эта важная забота поглотила у него цѣлыхъ два дня. И ужъ зато разослалъ онъ приглашеніе кому только могъ. Ему хотѣлось помпы. Чтобы весь міръ зналъ, что поселянинъ Альбертъ Пфейферъ выдаетъ свою дочь за князя Вехтина, а, по крайней мѣрѣ, польско-Москвы присутствовало бы при томъ священномъ бѣлѣ, когда поселянка будетъ превращаться въ княгиню.

Но наканунѣ свадьбы, когда онъ устроилъ всѣ эти важныя дѣла,

онъ вдругъ почувствовалъ, что у него есть гораздо болѣе важное. Въ самомъ дѣлѣ, завтра дѣлается князь его зятемъ, а онъ еще ни разу не говорилъ съ нимъ объ имущественномъ вопросѣ; а между тѣмъ тутъ есть о чёмъ подумать. Князь обѣ этомъ не заговориваетъ. Можетъ быть, онъ и не думаетъ обѣ этомъ. Онъ молодъ, влюбленъ и благороденъ. Это очень хорошо. Но можетъ быть, онъ думаетъ, что женитба на Валентинѣ сдѣлаетъ его сразу полнымъ владельцемъ и распорядителемъ всего, что есть у Пфейферовъ, и тогда вдругъ наступитъ разочарованіе и горькая недоразумѣнія. О, Альбертъ Ивановичъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы князь вмѣстѣ съ Валентиной были полными хозяевами его добра. Но можетъ ли онъ, имѣть ли онъ право формально передать князю все въ полную собственность? Конечно, нѣтъ. Князь благороденъ; онъ любить Валентину, все это очень хорошо, но... Но нельзя же скрывать отъ себя то, что все это вплоть до свадьбы совершилось въ какія-нибудь пять недѣль и что въ сущности онъ даже не имѣлъ возможности узнать князя сколько-нибудь основательно. А вдругъ произойдетъ несчастье, и потомъ, когда пройдетъ первый пылъ, онъ окажется не совсѣмъ такимъ, какимъ кажется теперь, захочетъ злоупотребить своимъ правомъ, и мало ли что? Чужая душа потемки... Можетъ случиться и другое: оказывается, что князь съ Валентиной не сойдутся характерами. О, это такъ часто случается, несмотря на страстную любовь.

А между тѣмъ Альбертъ Ивановичъ не хотѣлъ обидѣть князя и отъ всего этого онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Съ Валентиной онъ говорить по этому поводу, конечно, не могъ. О, она теперь какъ слѣпая! Одинъ намекъ на то, что князю можно что-нибудь не повѣрить, хотя бы это касалось отдаленнаго будущаго, оскорбитъ ее. Съ Дарьей Васильевной онъ уже говорилъ, но они вмѣстѣ ничего не могли придумать; осталось одно прибѣжище: княжна Валерія. Ужъ Альбертъ Ивановичъ сталъ привыкать смотрѣть на нее, какъ на разрѣшительницу всѣхъ споровъ и недоумѣній. Она умѣеть это. Она на всѣхъ имѣть вліяніе. Ей подчиняются и князь, и княжна, и даже сама княгиня. И притомъ она какъ-то умѣеть все понять.

И Альбертъ Ивановичъ обратился къ княжнѣ Валеріи. Онъ изложилъ всѣ свои сомнѣнія и скорби. Княжна Валерія отнеслась къ его недоумѣнію очень серьезно.

— Вы совершенно правы, Альбертъ Ивановичъ. Вы разсуждаете, какъ любящій отецъ. Ваши сомнѣнія я понимаю, — сказала она. — Я хорошо знаю князя и ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ не способенъ когда бы ни было отступить отъ правильнаго порядочнаго человѣка. Но даже и я закрываю глаза и воображаю, что это не

князь, родной мнѣ и мною воспитанный, а посторонній порядочный человѣкъ, и я говорю: будущее не въ нашихъ рукахъ. Мы раньше ихъ умремъ и относительно того, что будетъ тогда, послѣ этого рубежа, мы ничего сказать не можемъ. Князь честенъ, по онъ человѣкъ, а за человѣка ручаться нельзя... Вы правы, правы, Альбертъ Ивановичъ. Итакъ, скажите, почему равняется вашъ капиталъ?

— Около двухъ миллионовъ шестисотъ тысячъ! — отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ.

Княжна Валерія одобрительно кивнула головой, очевидно относя это одобрение къ цифре, которую она считала меньше.

— Такъ вотъ видите ли, разъ князь будетъ жить среди васъ, въ вашемъ домѣ, какъ свой, ему было бы очень тяжело постоянно чувствовать себя зависящимъ отъ васъ, безъ права сдѣлать шагъ самостоятельно. Онъ всетаки долженъ имѣть какія-нибудь права. И для этого вы могли бы передать ему безконтрольно право на извѣстную часть, ну, тамъ тысячу на четыреста, что ли, а остальное... Остальное вы откажете по духовному завѣщанію вашей дочери.

— Да очо и такъ ей достанется.

— Ахъ, знаете, что вамъ стоить написать духовное завѣщаніе? Вѣдь бывають споры и, когда не кому вступиться, изъ споровъ не всегда выходятъ побѣдителями люди правые. Итакъ, послѣ вашей смерти они будутъ владѣть вмѣстѣ, она какъ наследница, а онъ какъ глава. А пока онъ всетаки будетъ чувствовать, что обладаетъ кой-чѣмъ, на что можетъ опереться. И такъ какъ вы, Альбертъ Ивановичъ, проживете еще долго, то капиталъ его къ тому времени, когда наступить вопросъ о наследствѣ, чего доброго вырастетъ въ миллионъ.

— О, для этого нужно двадцать лѣтъ, по крайней мѣрѣ!

— А что вамъ стоить прожить двадцать лѣтъ? Вы человѣкъ крѣпкій, жизнь ведете нормальную, кровь себѣ ничѣмъ не портили. Такъ вотъ, такъ и сдѣлайте!

— Такъ и сдѣлаю, — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, благодарно дѣлую руку княжны. — Такъ и сдѣлаю и принесу вамъ, а ужъ вы сами передайте князю!

И въ тотъ же день, наканунѣ свадьбы, Альбертъ Ивановичъ отправился куда слѣдуетъ, выполнилъ формальности и привезъ княжнѣ Валеріи бумагу, при посредствѣ которой князю Анатолію передавалось право на четыреста тысячъ. Эту бумагу княжна передала Анатолію съ улыбкой и сказала:

— Поздравляю васъ, князь, съ маленькимъ пріобрѣтеніемъ. Хотя вы князь и вполнѣ порядочный человѣкъ, но и порядочность нуж-

дается съ одной стороны въ поощрениі, а съ другой—въ нѣкоторой осторожности.

Но князь отлично понималъ, что безъ всякихъ бумагъ онъ будеть распоряжаться всѣмъ, что есть у Пфейферовъ, и даже плохо слушаль, когда княжна объясняла ему, почему ему передается така сравнительно скромная сумма. Онъ вовсе не былъ практическимъ чловѣкомъ и не имѣлъ принимать въ разсчетъ возможность какихъ-то отдаленныхъ перемѣнъ. Онъ теперь любилъ Валентину искренно, она отвѣчала ему тѣмъ же, и онъ не имѣлъ основанія думать, что когда-нибудь будетъ иначе, что между ними могутъ выйти какія-нибудь недоразумѣнія, что можетъ явиться вопросъ о раздѣленіи и разлуки. Ну, и значитъ нечего заботиться о какихъ-то гарантіяхъ. И княжнѣ Валеріи нравилось въ немъ это отсутствіе мелочности и разсчетливости. Ей было пріятно сознавать, что двадцать шесть бѣдности не развили въ немъ этихъ мѣщанскихъ качествъ; въ этомъ она видѣла какъ бы признаки породы, и это давало ей право думать, что изъ молодой четы вырастетъ новая здоровая вѣтвь рода Вехтиныхъ. Да, думала она иногда, глядя на обоихъ молодыхъ людей: порода должна быть удивительная. Отъ такихъ отца и матери могутъ родиться только здоровяки и красавцы.

И вотъ, на другой день состоялось вѣнчаніе. Это была одна изъ самыхъ торжественныхъ свадебъ того сезона въ Москвѣ. Ярко освѣщенная церковь была биткомъ набита народомъ. Бѣ многочисленныи знакомыи особняка на Арбатѣ прибавилось множество любопытныхъ, любителей всякихъ торжествъ. Стройно пѣли лучшіе пѣвчѣ. Близкіе родственники не блестали молодостью, но были одѣты богато и изящно.

Послѣ вѣнчанія былъ шумный балъ въ особнякѣ, кончившійся съ разсвѣтомъ, а на другой день въ Москвѣ всюду цитировали имя князя Вехтина, о которомъ до тѣхъ поръ никто ничего не зналъ. О приданомъ, которое онъ взялъ, рассказывали чудеса. Говорили о десяткахъ миллионовъ.

Въ тотъ же день молодая чета сѣла въ вагонъ и уѣхала въ Петербургъ. На вокзалѣ ихъ провожали такъ весело и шумно, что, казалось, это было продолженіе вчерашняго бала. А передъ самыми отѣздомъ тетушка Валерія отозвала Анатолія въ сторону и тихо сказала ему:

— Я вижу, что ты страдаешь отъ всего этого. Да, кажется, и Валентина не особенно довольна этими овациями.

— Тетушка, я не столько страдаю отъ настоящаго, сколько ужаюсь за будущее,—сказалъ Анатолій.—Вѣдь они всѣ имѣютъ право считать себя нашими близкими. Отъ нихъ не будетъ отбою.

— Вотъ именно... Я объ этомъ думала. Помнишь, я говорила **ебъ**, что у меня есть одинъ планъ? Мы много думали объ этомъ съ **няжной** Аделаидой и даже спрашивали мнѣніе княгини, и всѣ троеъ **этомъ** согласны.

— Въ чемъ, тетушка?

— Мы думаемъ, что вамъ слѣдуетъ поселиться въ Петербургѣ. **Этимъ** будутъ разомъ порваны всѣ здѣшнія связи, которыхъ вѣдь такъ **гонки**... А въ Петербургѣ вѣдь ты не потерялъ прежнихъ связей. И тѣ **связи** такъ важны, что ими надо дорожить... Не сразу, разумѣется, а постепенно ты введешь свою жену въ высшій кругъ. О, я знаю,—сперва они будутъ ежиться, но потомъ привыкнутъ. Наконецъ, я еще существую. И я вѣдь что-нибудь значу... Ты согласенъ?

— Тетушка, это что-то хорошее. И мы объ этомъ подумаемъ съ Валентиной. Я увѣренъ, что Петербургѣ приведеть ее въ восторгъ.

— Во всякомъ случаѣ ты объ этомъ постараися.

Да, это была идея. Но тетушка ничего не упомянула о старикахъ Пфейферахъ. Думала ли она объ этомъ? Неужели они останутся въ Москве? А между тѣмъ, если уѣхъ задаться цѣлью провести Валентину въ свѣтъ, то надо бы устранить всѣ тормозы. Сама Валентина постоитъ за себя. Ея красота, ея обворожительная виѣшность, конечно, въ концѣ концовъ примирять съ ея происхожденiemъ. Но постоянное нахожденіе вблизи этихъ милыхъ поселянъ будетъ вѣчно напоминать о ея прежнемъ состояніи. Конечно, съ Валентиной онъ объ этомъ не заговорить. Боже сохрани! Надо щадить ея чувства. Пусть это улаживаетъ тетушка, которая такъ умѣеть устраивать эти тонкія дѣла.

Наконецъ, и проводы кончились. На дебаркадерѣ въ послѣднюю минуту Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна обняли Валентину и Анатолія, и у обоихъ слезы лились ручьями. Они въ первый разъ во всю жизнь отпускали отъ себя дочь.

XV.

Поѣздка для Валентины была настоящимъ очарованіемъ. Съ первой же минуты, какъ Москва начала отъ нихъ удаляться, она почувствовала, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ отходить отъ нея и все ея прошлое. До сихъ поръ, несмотря на то, что она прожила уже цѣлые сутки въ качествѣ жены князя Вехтина, какъ-то ни въ чемъ не чувствовалась эта перемѣна.

Тотъ же особнякъ, та же обстановка, тѣ же лица. Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна попрежнему называли ее Валентиной, а

если бы назвали иначе, то она первая разсмѣялась бы этому. Правда, знакомые на вчерашнемъ свадебномъ вечерѣ обращались къ неѣ «княгиня!» А швейцарь и лакей называли даже «вашимъ сіятельствомъ», но это даже выходило какъ-то глупо. Они какъ бы подчёркивали перемѣну: вчера, моль, ты была поселянка, а сегодня превратилась въ княгиню.

Но теперь пошло все новое. Поѣздная прислуга какъ-то проносила, что ёдетъ князь Вехтина съ женой, и удивительно почтительно обращалась съ ними, послѣ каждого слова прибавляя «сіятельство», и это было такъ часто и, повидимому, такъ искренно, что Валентинѣ начинало казаться, будто отъ нея исходить сіяніе. И такъ какъ это было ей вновь, то доставляло удовольствіе.

Но самое пріятное въ этомъ путешествіи было, можетъ быть, то, что она первый разъ въ жизни ощутила какое-то свободное движеніе. Она оторвалась отъ обычной обстановки и мчалась теперь въ какую-то неизвѣстную даль. До сихъ поръ она всегда была привязана къ родителямъ и не было еще случая, чтобы она провела хоть нѣсколько часовъ въ ихъ вліянія. Правда, вліяніе это было мягкое, любовное, и она никогда не тяготилась имъ, но теперь, когда его не стало, она почувствовала, что у нея выросли крылья.

А Петербургъ, какъ и ожидалъ Анатолій, сразу привель ее въ восторгъ, и она въ первый же день сказала, что если стоять жить, такъ это, конечно, здѣсь.

Они провели нѣсколько феерическихъ дней, посѣщая театры, катаясь по островамъ, осматривая все, что есть въ этомъ городѣ интереснаго и красиваго, всегда вдвоемъ, всегда рука объ руку и всегда счастливые.

О петербургскихъ знакомыхъ и родственникахъ Анатолій и не думалъ. Все это относилось къ отдѣлу «возстановленія рода Вехтиныхъ», а этимъ «отдѣломъ» завѣдовала тетушка, онъ же интересовался имъ очень мало. Это дѣло будущаго и съ этимъ, должно быть, будетъ много непріятнаго. Родовитые родственники, оставшіеся на высотѣ единственno потому, что ихъ предки не успѣли всего промочтать, конечно, будутъ жеманиться; но тетушка, при помощи своей непоколебимой энергіи, заставитъ ихъ сдѣлать уступку.

А пока—наслажденіе личнымъ счастьемъ, безъ всякихъ задачъ, одно наслажденіе. Валентина каждый день писала въ Москву: «я счастлива! Я безумно счастлива». Анатолій съ своей стороны извѣщалъ тетушку Валерію: «моё счастье выше всякихъ описаний».

Дня черезъ четыре послѣ того, какъ они прїехали въ Петербургъ, тетушка сообщила Анатолію, что у нихъ, въ Москвѣ, «идетъ агита-

иа по поводу того, чтобы имъ, молодымъ, жить въ Петербургѣ. Старики плакуть, но въ теоріи соглашаются». И результатомъ этой агитации было письмо отъ Альберта Ивановича, адресованное Валентинѣ. На конвертѣ большими четкими буквами было написано: «Ея сиятельству Валентинѣ Альбертовнѣ Вехтиной», и по формѣ буквъ видно было, что выведение ихъ доставляло наслажденіе Альберту Ивановичу.

Альбертъ Ивановичъ писалъ: «Милая наша Валентина, дорогая наша княгиня! Не пугайся, если я скажу тебѣ, что эти послѣдніе дни, когда ты уѣхала отъ насъ, мы съ твоей матерью все плакали. Плакали мы оттого, что тебя нѣть съ нами, но еще и отъ другого: отъ боязни, что и въ будущемъ мы тебя лишимся. Глубокоуважаемая княжна Валерія Константиновна много убѣждала насъ въ томъ, что мы должны отпустить тебя жить съ княземъ въ Петербургѣ, но намъ слишкомъ тяжело было убѣдиться въ этомъ. И какъ человѣкъ въ бѣдѣ иногда придумываетъ отчаянныя средства, которыхъ другимъ кажутся смѣшными, а его спасаютъ, то и мы съ твоей матерью придумали такое. Вотъ оно. Обсудите съ княземъ и намъ отвѣтьте: годится или не годится. Что жить вамъ съ княземъ въ Петербургѣ сподручнѣе, съ этимъ мы согласны. Тамъ и жизнь лучше, и, какъ говорить глубокоуважаемая княжна, общество болѣе вамъ подходящее и притомъ имѣются родные. Можетъ быть, князь даже захочетъ тамъ служить, чтобы выдвинуть себя, чтѣ ему, при его способностяхъ, легко дастся. Но согласись, милая наша дочь, и убѣди въ этомъ князя, что лишиться тебя навсегда или даже надолго, это все равно, что лишиться самой жизни. Къ чему же, въ самомъ дѣлѣ, намъ тогда жить, когда въ тебѣ все наше счастье?

«Итакъ, дорогая Валентиночка, мы въ отчаянны придумали съ матерью вотъ что. Живите вы въ Петербургѣ. Я куплю для васъ хорошенький особнячекъ, какой вамъ поправится, и обставлю его соотвѣтственно вашему достоинству. Живите въ немъ вы и, если на то будетъ ихъ желаніе, пусть живутъ тамъ обѣ почтенныя княжны и уважаемая княгиня. А мы устроимъ себѣ квартиру гдѣ-нибудь на окраинѣ Петербурга и, не мѣшая вамъ жить въ высшемъ свѣтѣ, будемъ всетаки недалеко отъ васъ, не лишенные возможности видѣть васъ. Вотъ вся наша просьба съ матерью, и отъ тебя съ княземъ зависить сдѣлать насъ счастливыми».

Это письмо почти потрясло Валентину, и князь засталъ ее въ слезахъ. Онъ, разумѣется, успокоилъ ее, убѣдилъ въ томъ, что мысль о разлученіи съ нею стариковъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ ему, а тетушкѣ, и сказалъ, что, конечно, старики будутъ жить

въ Петербургъ—отдѣльно или вмѣстѣ съ ними, какъ имъ самимъ п-нравится.

Это была единственная печаль, какую испытала Валентина во время свадебной поѣздки. И князь сумѣлъ такъ сдѣлать, что печаль скоро забылась.

Альберту Ивановичу отвѣтилъ самъ князь. Затѣмъ у нихъ явилась новая цѣль: пріисканіе маленькаго особняка, который и былъ скоро найденъ. Тогда пріѣхалъ Альбертъ Ивановичъ и началъ устраивать дѣловую часть. Мало-по-малу въ Петербургъ перѣѣхали и Дарья Васильевна, и княгиня, и обѣ княжны.

Мѣсяца черезъ два порядокъ новой жизни уже вполнѣ опредѣлился. Старики поселились въ Лѣсномъ и находили, что тамъ жить хорошо. Впрочемъ, жизнь ихъ состояла главнымъ образомъ изъ передвиженій—въ городъ и обратно. Молодые же устроились въ особнякѣ и съ ними осталась жить тетушка Валерія. Она должна была руководить ихъ шагами на первыхъ порахъ, а затѣмъ обѣщала удаляться въ деревню. Что же касается княжны Аделаиды и княгини, то имъ жизнь въ Петербургѣ показалась слишкомъ шумной, и онѣ, захвативъ изрядную сумму, потребную для ремонта усадьбы, уѣхали въ деревню.

И когда все установилось, Альбертъ Ивановичъ завелъ переговоры съ мѣщаниномъ Овсянниковымъ о покупкѣ у него части имѣнія князей Вехтиныхъ, самой важной части—съ прудомъ и паркомъ. Паркъ, правда, на половину былъ уже вырубленъ, но все же это былъ паркъ. И переговоры пошли удачно, таѣ что къ веснѣ надѣялись кончить ихъ, а лѣтомъ гулять въ паркѣ и на берегу пруда.

Съ своей стороны княжна Валерія сдѣлала уже нѣкоторые ходы въ домахъ родственниковъ и, хотя пока это не привело къ желаемымъ результатамъ, но тетушка Валерія высказывала увѣренность, что это непремѣнно будетъ.

Валентина была счастлива уже полгода, а въ послѣднее время счастье ея увеличилось опредѣленной надеждой на то, что въ недалекомъ будущемъ родъ князей Вехтиныхъ продолжится. И чѣмъ больше думала Валентина по поводу всего совершившагося въ ея жизни въ послѣдніе мѣсяцы, тѣмъ болѣе убѣжддалась, что въ ихъ встрѣчѣ съ княземъ, совершившейся по случаю продажи пары старыхъ кандалябръ, было что-то роковое, какое-то предназначеніе судьбы и что дѣйствительно она и князь Анатолій были созданы другъ для друга.

Такъ былъ возстановленъ находившійся въ упадкѣ древній родъ князей Вехтиныхъ.

И. Потапенко.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ, ПЕРВАЯ ЛОЖЬ *).

Альфонса Доде.

IV.

Въ своей молодости Викторъ Гюго написалъ прекрасную исто-
и-ко-легендарную книгу, озаглавленную «Рейнъ». Въ ней онъ ожи-
няетъ старые камни феодальныхъ замковъ, грандіозныя развалины
которыхъ отражаются въ волнахъ величаваго зеленаго потока. Книга,
одѣ заглавiemъ «Рона», въ которой день за днемъ описывалось пу-
ществие вверхъ по рѣкѣ, представила бы не менѣе художественный
интересъ; я говорю «вверхъ по рѣкѣ» потому, что если ѿхать обрат-
о, бурное теченіе, подгоняемое мистралемъ, несетъ слишкомъ быстро
не позволяетъ ничего разсмотрѣть. Я бы могъ написать подобную
книгу, но для этого пришлось бы повторить путешествіе. Не потому,
то въ то время мои глаза не были раскрыты на красоты природы или
ервы мои недостаточно воспріимчивы и тонки для того, чтобы ула-
живать окружающія явленія, заставлять меня переживать ощущенія
адости и горя, — нѣтъ, я уже тогда былъ художникомъ, впечатли-
тельныймъ, какъ всѣ художники: у меня сохранились воспоминанія
ще болѣе далекія, чѣмъ эти. Такъ, болѣе полвѣка, — слышите ли
ы, «полвѣка», — отдѣляетъ меня отъ одного памятнаго вечера, когда,
потерянному нянѣй, съ которой я всегда гулялъ, мнѣ пришлось од-
ному брести по родному городу, чтобы возвратиться на нашу фаб-
рику, — фабрику «Petit Chose». Мнѣ было тогда пять лѣтъ, и всѣ по-
робности этого путешествія глубоко запечатлѣлись въ моей душѣ: я
помню доносившіеся издали раскаты барабановъ, меланхолично отби-
вавшихъ вечернюю зорю, огненные отблески, вырывавшіеся изъ куз-
ницъ и пылавшіе въ блѣдныхъ голубыхъ сумеркахъ лѣтняго вечера;
я помню поспѣшность, съ которой сѣменили мои крошечныя дрожащи

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

ноги, подгоняемыя страхомъ и темнотой надвигавшейся ночи. Я помнил радость, охватившую меня при видѣ длинныхъ бѣлыхъ стѣнъ нашего дома, силуэтъ котораго выступалъ на концѣ Авиньонской дороги, — эту безумную, живую дѣтскую радость! Однимъ прыжкомъ я изобразилъ я черезъ три ступеньки входной двери и, приподнявшись на цыпочки до самой задвижки, которую я еле-еле доставалъ, въ опьяненіи прижался губами къ жесткому горячemu дереву этой двери, какъ къ дрогому, любимому, вновь близкому лицу, которое, мнѣ казалось, уже утратило навѣки. Если тогда, въ дни далекаго дѣтства, во мнѣ трепетала эта чувствительность, то почему же такъ неясно запечатлѣлось во мнѣ волшебное путешествіе по Ронѣ, совершенное однажды восемью-девятью годами позже? Я объясняю это себѣ полнымъ проникновеніемъ принятой на себя роли гардемарина, полнымъ отреченіемъ отъ своей личности въ интересахъ морского кадета изъ Варны. О, вы, миниатюрные валы Авиньона, города колоколовъ, высущенные солнцемъ стѣны-великаны замка Папъ, старый легендарный мост Saint-Bénezet, отъ котораго уцѣлѣли лишь три арки, и вы всѣ, полуразрушенныя башни, отражающія въ голубыхъ волнахъ ваши круглые зубцы, ты, замокъ Воздуха, башня Châteauneuf — средневѣковые останки Roche d'Aiglun, какъ могли остаться незамѣченными ваши чудныя формы! Простите, что, проходя мимо, я не замѣтилъ васъ и вмѣсто того, чтобы вспоминать прелестные напѣвы Coups d'Amour, великолѣпные удары шлагъ, уснувшіе въ вашихъ сожженныхъ каменныхъ глыбахъ, я старался лишь изобразить походку старого морского волка съ приподнятыми плечами, широко раздвинутыми ногами, поддѣляться подъ залихватскій тонъ, какимъ выражался мой товарищъ Тэнъ, говоря о своей морской службѣ: «спасибо мнѣ много супу на такое ничтожное количество мяса!»

Какъ только я повторяю эту фразу, передо мной встаетъ смѣшная фигура человѣчка, какимъ я былъ тогда въ своей импровизированной роли, я, нѣжный, хрупкій ребенокъ, едва вышедший изъ-подъ домашней опеки, которому мать еще такъ недавно собственноручно завязывала галстукъ, — я старался теперь плевать какъ можно дальше, ругался, продѣльывалъ очень опасную гимнастику, расхаживалъ по самому краю палубы, или растягиваясь на морскомъ якорѣ, взамѣнъ концѣ штанца, рискуя при малѣйшемъ толчкѣ ежеминутно упасть и неминуемо утонуть въ бѣшено несущихъ волнахъ Роны.

О, эти «мостры»!

Маленькие монпельесцы, съ которыми я встрѣтился опять на палубѣ, не покидали насъ ни на шагъ: ни меня, ни Леонса; ихъ одобрительные крики еще больше поощряли меня къ выходкамъ. И какъ

была благодарная, довѣрчивая и восторженная аудиторія — всѣ азавы, рядовые, винсенскіе стрѣлки, окружавшіе меня на шканцѣ, гдѣ мы проводили цѣлые дни: они сопровождали хохотомъ всѣ розсказни, принимали на вѣру самыя невозможныя небылицы, ни не замѣчая того, доставляли богатый матеріалъ моимъ выдумтѣ, подтверждали мою ложь. Канвой всѣмъ моимъ разсказамъ слуши подробности, сообщенные мнѣ Теномъ, кое-какія топографичеѧ свѣдѣнія о Варнѣ и Галлиполи, три - четыре вида Босфора и Золотого Рога. Правда, для точной характеристики этого было слишкомъ, но каждую минуту знанія мои обогащались нашей бесѣдой.

— Скажите, г. офицеръ,—говорить мнѣ истощенный и дрожавші еще въ лихорадкѣ артиллеристъ.—Такъ какъ въ это время вы и въ Галлиполи, вы навѣрно встрѣчались съ Канроберомъ».

— Ахъ, да, Канроберь! Высокий, совершенно лысый брюнетъ!

— О, нѣть, невысокаго роста, блондинъ, съ бѣлокурыми усами длинными волосами: во всемъ полку у него одного только такие были.

— А да, да, да! Длинные волосы, бѣлокурые усы, какъ же!..

И вотъ мой репертуаръ обогащенъ «великолѣпнымъ» Канроберомъ, съ которымъ я бесѣдовалъ, который повѣрилъ мнѣ свои тайны т. д.

Здѣсь я долженъ сдѣлать признаніе. Несмотря на то, что наивнѣ, простодушная аудиторія была ко мнѣ расположена, я счелъ нужнѣ, подобно самымъ великимъ артистамъ, образовать среди этой безъ того восторженной публики отдельный кружокъ особенно зданныхъ мнѣ слушателей, которыхъ я задабривалъ слѣдующимъ образомъ.

Когда мы уѣзжали на разсвѣтъ изъ Бокера, кто-то изъ Тустэзъ,—не знаю, мужъ или жена,—сунулъ намъ въ руки завязанную белую корзину, говоря: «Видите, г. Альфонсъ, на Боннардѣль, конечно, и кухня, и поваръ, но кухня таѣ грязна, а поваръ тѣ дорожится, что лучше обходиться безъ нихъ. Берите тамъ вино, ѣбъ, что-нибудь горячее утромъ, если хотите, остальное вы найдете здѣсь; хватить на всю дорогу!» И правда, добраяя наложили въ ризину арльскихъ сосисекъ, коробки анчоусовъ, черныя оливы, маслины, зеленый перецъ, миндаль, фиги, всѣ эти лакомства, до которыхъ южане—сластены, но не обжоры—такъ падки. Я тоже цѣнилъ достоинству эти вегетаріанскіе обѣды, эту возбуждающую легкую буску, но ложное самолюбіе пересиливало мой природный вкусы, и я едочиталъ заказывать себѣ въ «гостиной» стряпню повара. О, отъ ужасный кондитеръ-угольщикъ! На сомнительной бѣлизнѣ его

блузы виднѣлись съѣды грязныхъ рубъ—они напоминали мнѣ рубъ Магомета, отпечатокъ которой я видѣлъ тамъ, у турокъ на знаменахъ, въ Варнѣ и Галлиполи. Ліонскія дамы не отказывались принять участіе въ этихъ трапезахъ; что же касается содержимаго бозины, я раздавалъ его утромъ на шканцахъ и каждый день благодаря этому приобрѣталъ новыхъ друзей, восторженныхъ поклонниковъ преданныхъ слушателей, готовыхъ одобрить смѣхомъ и крикомъ «браво» самые небывалые вымыслы моей пылкой фантазіи. Не думайте, что я лгалъ въ силу испорченности или какихъ-нибудь боярственныхъ цѣлей: я лгалъ потому, что во мнѣ говорило воображеніе, потому что мнѣ хотѣлось воплотить, дать жизнь, движение всемъ моимъ мальчишескимъ грезамъ. Но да смягчится читатель!

Всѣ мои выдумки получали должное возмездіе: ни одинъ день нашего четырехдневнаго путешествія не обошелся безъ заслуженнаго нагоняя, безъ хорошей взбучки.

Я вспоминаю какъ разъ четыре происшествія, четыре эпизода, которыхъ я сейчасъ вамъ расскажу и за достовѣрность которыхъ ручаюсь: они ярко выдѣляются въ далекомъ туманномъ полумракѣ моихъ воспоминаній.

V.

Эпизодъ первый. Гдѣ это происходило? Я не могу припомнить въ мѣстности, ни ея названія, ни ея топографіи. Я знаю только, что находились еще на югѣ, потому что ночь была теплая, небо прозрачное, темно-синее, затканное безчисленными звѣздами. Кроме того вдоль берега тянулись виноградники, съ низко срѣзанными вѣтвями и насыпь лозами, фиговая плантаци, уже исчезающая за известнымъ поэтомъ седьмью. Когда насталъ вечеръ, Боннардель причалилъ къ пристани такъ какъ плаваніе по Ронѣ съ ея бурливымъ течениемъ и безчисленными опасными перекатами ночью немыслимо. Пассажирамъ было разрѣшено высадиться на берегъ, съ условіемъ всѣмъ собраться на палубѣ къ 5 час. утра. Уставшій отъ своей несмолкаемой болтовни отъ вѣчныхъ морскихъ приключений, обременявшихъ мое дѣтское воображеніе, я пошелъ бродить по полямъ, въ сопровожденіи всей моей аудиторіи артиллеристовъ, зуавовъ и винсенскихъ стрѣлковъ. Никакъ сѣвернымъ уроженцамъ, все казалось новымъ въ этой странѣ: способъ обработки, сѣвъ и уходъ за виноградниками. И однако же пути въ Крымъ они проѣзжали эти равнины по желѣзной дорогѣ, въ своими подслѣповатыми глазами они ничего не видѣли, ни на что не глядѣли, изъ всего путешествія сохранивъ лишь воспоминаніе о ба-

Эй - либо «осадъ» или болѣзни въ госпиталѣ. Нечего удивляться, гуаша, напримѣръ, подобную бесѣду:

«Въ Іерусалимъ былъ одинъ, по прозванию Биду; онъ взялъ ложу у сержанта и отдалъ ее только въ Яффу. Ну и была история!»

Въ Галлиполи меня капитанъ посадилъ на три дня подъ арестъ. Пишутъ они, напримѣръ, такъ:

Константинополь, 2 сентября.

«Пробыли на бивуакѣ весь день передъ мечетью Св. Софіи. Нельзя было дежурнымъ быть Бреве. Были барапій шаплыкъ съ фасолью и баекланами. Чертовски вкусно».

Дамаскъ, 6 октября.

«Пролежали въ розовыхъ лаврахъ. Потерялъ сапожную щетку. Три дня осады, и т. д.».

Ну, такъ вотъ однажды вечеромъ, въ то время какъ на палубѣ, освѣщенной громаднымъ краснымъ фонаремъ, остались дежурить двое, и, въ сопровожденіи всѣхъ моихъ зуавовъ, артиллеристовъ, винсенскихъ стрѣлковъ, предпринялъ вылазку, которую я по алжирски называлъ «gazzia», съ цѣлью накормить своихъ выздоравливающихъ солдатиковъ черными громадными, какъ Ханаанъ, гроздями, фигами, провансальскими изюминами, продолговатыя красные ягоды которыхъ такъ соблазнительно мелькаютъ въ блѣдной зелени листьевъ,—всей этой роскошью, давно возбуждавшей ихъ аппетиты и воображеніе, разжигаемое моими рассказами. Я не знаю, долго ли длилась наша экспедиція, въ которомъ часу мы вышли, когда вернулись? Я помню только далекій звонъ невидимаго колокола, мерцаніе двухъ-трехъ огней, внезапно потухшихъ передъ нами на вершинѣ. Все было погружено въ сонъ. Время отъ времени раздавался крикъ совы, шумъ голышей, катившихся изъ-подъ нашихъ ногъ по крутой неровной тропинкѣ, сдавленный смѣхъ одного изъ моихъ спутниковъ, которымъ я, какъ предводитель, строго-на-строго приказалъ хранить вполнѣ молчаніе. Сдвинувъ шапку на ухо, съ гибкой виноградной лозой въ рукѣ,—знакъ моего предводительства,—я шелъ во главѣ труппы; Леонъ съѣдовалъ по моимъ пятамъ, молчаливый и легкій, какъ моя тѣнь.

Странный онъ былъ, этотъ маленький Леонъ. Пылкій, смѣлый, готовый раздѣлять всѣ мои сумасшедшия выдумки, всѣ мои фантазіи, онъ всюду и вездѣ хранилъ на своемъ блѣдномъ, прелестномъ лицѣ, освѣщенному парою лихорадочно-блестѣвшихъ глазъ, все ту же таинственную улыбку въ уголкѣ губъ, странную, полную горечи, грусти и какого-то предчувствія. О, какъ долго смущала меня эта улыбка моего друга, пока смыслъ ея не стала мнѣ понятенъ. Но еще не время говорить объ этомъ зловѣщемъ днѣ. Знайте только, что

если я такъ мало говорю о миломъ товарищѣ, это отчасти его винъ онъ тоже не любилъ говорить. Онъ принадлежалъ къ той молчаливой породѣ южанъ, о которыхъ я уже упоминалъ, болѣе пылкой, страстной, подвижной, чѣмъ другія, потому что у подобныхъ людей нѣть предохранительного клапана—краснорѣчія. Леонсь обладалъ всеподзывающей фантазіей,—мечты, планы, роившіеся въ его головѣ уже въ эти года, проявлялись однакотолько какимъ-нибудь движеніемъ, внезапно брошеннымъ словомъ, которымъ онъ никогда не давалъ объясненія. Я помню, какъ однажды ночью во время нашего чуднаго путешествія, когда мы, закинувъ руки за головы, поднявъ лица къ небу, лежа растянувшись на палубѣ, я услыхалъ его тихій, восторженный шепотъ: «О, Борромейскіе острова!... И мнѣ вдругъ показалось, что звѣзды надо мной вспыхнули, затрепетали и заструились слезами,—почему я не знаю, какъ и самъ онъ не зналъ, откуда вырвался у него этотъ призывъ къ благоухающимъ островамъ итальянскихъ озеръ. Но, напримѣръ, въ ночь нашей вылазки ни Леонсь, ни я не были настроены настолько поэтически, чтобы расчувствоваться отъ подобныхъ пустяковъ. Въ эти минуты въ насы обоихъ трепетали души морскихъ разбойниковъ, настоящихъ морскихъ разбойниковъ, сопровождаемыхъ такими же, которыхъ мы вели на осаду виноградниковъ, на завоеваніе фигоныхъ плантаций. «Мускатъ, ребята, настоящій мускатъ», крикнулъ я, приподнимаясь и держа въ каждой руцѣ по грозди. Не успѣть я кончить, какъ виноградникъ былъ разомъ опустошенъ, словно тучей налетѣвшей саранчи. Въ темнотѣ слышались сдавленныя восклицанія: «чортъ возьми, какъ вкусно, настоящій сахаръ», хрустѣніе сочныхъ твердыхъ косточекъ. Поодаль Леонсь, взобравшись на фигоное дерево, сбрасывалъ въ протянутые кѣши и шешіи (красные шапки зуавовъ) горсти толстыхъ, кровавыхъ, мясистыхъ фігъ, которыми солдаты не могли вдостоль наѣсться, но которымъ мы, жители юга, предпочитали другія—маленькія бѣловатыя, а также особенного рода крошечный сочный виноградъ, пропитанный солнцемъ въ своей мятої, тонкой, какъ шведской кожѣ, кожурѣ.

— Да гдѣ же эти знаменитыя фіги, о которыхъ вы говорили, г. офицеръ. Ихъ тутъ нѣть?...

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ зуавовъ задалъ мнѣ этотъ вопросъ, мы шли вдоль старой полуразрушенной стѣны, черезъ обвалившуюся верхушку которой виднѣлись дворы съ твердо убитой землей, застланніе тростниковыхъ плетенками, съ разсыпанными по нимъ для сушки на зиму бѣлыми фігами. Однимъ взмахомъ своей виноградной лозы я указалъ на нихъ зуавамъ и, сопровождая слово дѣйствіемъ, перепрыгнулъ черезъ стѣну съ крикомъ: «на абордаж!»

оже мой, что за грабежъ. Кэпи, руки, карманы были наполнены. И другъ желтоватое пламя двухъ - трехъ факеловъ закачалось надъ змей, пронизало темноту двора, послышались голоса, усыкавшіе зухъ громадныхъ горныхъ собакъ, которыхъ съ лаемъ бросились на асъ. Нужно было видѣть, какъ морской офицеръ перепрыгнулъ черезъ тѣлу, а за нимъ по пятамъ весь его отрядъ. Темъ, полнѣйшее незнаніе ороги стѣсняли насъ въ нашемъ бѣгствѣ, и если непріятель не поймалъ насъ, то только потому, что насъ было слишкомъ много и что, звѣщенный «Боннардемъ» о распускѣ солдатъ, онъ зналъ, где найти воровъ на слѣдующее утро.

На палубѣ, когда мы вернулись мокрые, еле переводя дыханіе, огни были уже погашены, и всѣ спали, за исключеніемъ двухъ дежурныхъ и маленькихъ монпельесцевъ. Они не рѣшились сопровождать насъ, но дали нашего возвращенія съ тайнымъ предчувствіемъ какой-нибудь катастрофы. «О, эти «мостры», эти «мостры», говорили въ униссонъ ихъ простодушно - завистливые голоса, когда въ темнотѣ уголокъ горячиной я разсказывалъ имъ о нашемъ уже сильно прикрашенномъ привлечениіи, прислушиваясь къ доносившимся до насъ осторожнымъ шагамъ солдатъ, возвращавшихся на свои мѣста, на ципочкахъ, какъ провинившіеся школьніки въ дортуаръ послѣ ночной вылазки...

Но какое пробужденіе на слѣдующее утро, о, великий Боже!

Въ пять часовъ, какъ всегда, еще окутанный бѣлымъ рѣчнымъ туманомъ, прозвонилъ колоколъ. Я полуоткрылъ глаза и опять хотѣлъ закрыть ихъ, прислушиваясь къ звучному дрожанью металла по водѣ, и подумалъ съ наслажденіемъ: «еще можно поспать часика два», какъ вдругъ, къ моему великому удивленію, «Боннардемъ», вместо того, чтобы отчалить послѣ послѣдняго удара, продолжалъ стоять у пристани. На палубѣ слышалась бѣготня, изъ-за перегородки до меня доносились раскаты грубыхъ, раздраженныхъ голосовъ. Что тамъ происходило? Мне казалось, что я уже где-то слышалъ эти иститительные голоса недавно, въ концѣ большого темнаго двора. Навѣрно, воры фигъ были открыты, и теперь пришли требовать съ нихъ убытокъ за безконечное количество съѣденныхъ «bourgassots». Въ этомъ уже я больше не сомнѣвался, когда открылась дверь, и меня назвали по имени. Капитанъ Ребуль просилъ меня тотчасъ же придти къ нему поговорить. Съ капитаномъ шутки были плохи! Теперь онъ былъ еще грубѣе, еще безцеремоннѣе, чѣмъ въ наше послѣднее свиданіе. Изъ - подъ кроличьяго картуза, съ опущенными наушниками, глаза его металли стрѣлы, рыжая борода тонорцилась, неслась самая отборная «марсельская» брань. Отъ крика голосъ его обратился уже въ какой-то хрипъ. Но еще болѣе, чѣмъ его гибѣвъ, подействовалъ

на меня блѣдныя, изможденныя, жалкія лица несчастныхъ, поднятыхъ отъ сна солдатъ, которые стояли теперь передъ лицомъ обличителемъ и выслушивали полевого сторожа, украшенного бляхой, кепи и сабель. Отъ имени ограбленного общества онъ пришелъ требовать правосудія.

Когда я наполовину высунулся изъ люка, отецъ Ребуль грохнулъ повернулся ко мнѣ:

— А, вотъ и вы!... Такъ это вѣсъ зовутъ они офицеромъ?!... Какой такой офицеръ? Я вѣсъ спрашиваю? Ну, хорошъ же онъ, этотъ офицеръ! Пользоваться простодушемъ бѣдняковъ,увѣрить ихъ, что фиги, виноградъ, изюмъ, гранаты принадлежать первому прохожему. Не стыдно!... Вы знаете, мнѣ сейчасъ пришлось выложить 22 франка 50 сантимовъ и то благодаря тому, что добрый Митифіо, по прозванию Пистолеть, знаетъ меня съ дѣтства и спустилъ ради меня цѣну... 22 фр. 50 сант., слышите вы, 22 фр. 50 сант.!

Гардемаринъ изъ Варны поднялъ голову и гордо дотронулся до своего жилета.

— Я могу возвратить вамъ эту сумму, капитанъ!

— Я не сомнѣваюсь, молодой человѣкъ,—сказалъ капитанъ Ребуль, сразу смягчившись, потому что была минута, когда онъ сомнѣвался: возвратятъ ли ему деньги; на «Боннардѣ» пассажиры «перваго класса» не были богаче «палубныхъ».—Ну, да все равно,—добавилъ онъ въ шутливомъ тонѣ,—если вы изъ экономіи поѣхали на пароходѣ, то нѣсколько подобныхъ вечеровъ станутъ вамъ дороже, чѣмъ мѣсто въ вагонѣ.

Въ душѣ я былъ съ нимъ согласенъ. Я зналъ, какими трудами были собраны тѣ нѣсколько луидоровъ, которые родители положили мнѣ въ карманъ. Но вѣдь нельзя же было покрыть срамомъ свою голову въ глазахъ монпельесцевъ, ліонскихъ дамъ, англичанина и его цыплятъ, которые всѣ окружали меня, взобравшись на ступеньки «гостиной» лѣсенки. О, это хвастовство! Ради того, чтобы услыхать еще разъ шепотъ восторга, который пронесся по рядамъ солдатъ, когда я гордо протянулъ капитану 22 франка 50 сант., я, кажется, готовъ былъ отдать вдвое больше.

Внезапно на носу раздался ударъ колокола, на этотъ разъ настоящій. Сирена проревѣла. Лохмотья бѣлой пѣны закружились подъ колесами парохода. «Zou! Отчаливай!»—крикнулъ хриплый голосъ капитана. И, уменьшаясь мало-по-малу, стала удаляться деревня, съ ея полями, тутовыми и плодовыми деревьями, покрытыми роями стрекозъ и уже охваченными блескомъ солнца,—подъ охраной Пистолета, который, согнувъ спину, перебрасывая съ руки на руку монету, взбирался бодрыми шагами по узенькой дорожкѣ межъ виноградниковъ.

Эпизодъ второй.

Опять ночное происшествіе въ такой же смутной рамкѣ, какъ и первое. Только мнѣ кажется, что берегъ вымощенъ краснымъ каменьемъ и что большія барки, нагруженныя этимъ камнемъ, стоять въ ядѣ у берега Роны и мѣшаютъ «Боннарделю» причалить: мы перевариваемся по длиннымъ доскамъ, переброшеннымъ черезъ эти барки. Я чувствую также, что мы уже не на югѣ; вечеръ прохладнѣе, Женева ночи не такъ глубока, и героиня моя,—потому что въ этомъ происшествіи у меня есть героиня—уже не носить провансальскаго юнца, типичнаго головнаго убора Лауры де Новъ, Лауры Петrarки, который можно встрѣтить въ Range, Pont-Saint-Esprit до Montelimar. Какъ же были убраны черныя косы хорошенькой дѣвушки, прислуживавшей въ гостиницѣ, куда явился гардемаринъ со всей своей компанией? Послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ я опять вижу етотъ маленький ситцевый чепчикъ съ двумя длинными завязками, развязавшимися за стройнымъ подвижнымъ существомъ, съ золотистой кожей, открытой шеей, стройной фигурой, какія встрѣчаются у дѣвушекъ ронской долины. Я вижу снова низкую залу, переполненную каменщиками и матросами, ихъ загорѣлые лица, освѣщенные снизу оплывшими свѣчами, длинные засаленные столы.

При появленіи красныхъ панталонъ, подъ предводительствомъ странного человѣчка съ залихватски-надвинутой на ухо шапкой, съ перекинутымъ черезъ плечо шарфомъ, каменщики—люди жесткіе и грубые—стали ворчать и растянулись на лавкахъ, чтобы не дать намъ сѣсть, но матросы подвинулись и очистили мѣсто.

Чудный народъ эти ронскіе матросы, съ ихъ открытымъ взглядомъ, искристымъ какъ бѣлое вино Condrieu, побережья великой рѣки Роны, откуда они почти всѣ родомъ. Во время нашего плаванья на «Боннарделѣ» я любилъ день за днемъ слѣдить за жизнью этихъ людей, тянущихъ лямку вверхъ по Ронѣ бокъ-о-бокъ съ нами. Я смотрѣлъ, какъ верхомъ на мулахъ, свѣсивъ голыя ноги, искусно переправляли они въ бродъ сильныхъ животныхъ, тащившихъ на канатахъ громадныя барки, нагруженныя бочками вина и отесаннымъ камнемъ. Время отъ времени вожакъ кричалъ звонкимъ голосомъ, смотря по тому, куда нужно было править, направо или налево: «Ешре!... «Виаше!... Имперія... Королевство», чemu на морскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ «Babord» и «Tribord». Это было старинное название, употреблявшееся въ средніе вѣка для того, чтобы отличить берегъ Арльскаго государства отъ Германской имперіи. О, волшебство этихъ провансальскихъ звуковъ, разносимыхъ все такъ же, какъ и 600 лѣтъ тому назадъ, вѣтромъ Роны. Еще теперь, когда я ихъ слышу (они удер-

жались въ употреблениі до сихъ поръ), мнѣ кажется, что вся барына вокругъ меня какъ будто расширяется...

Какое впечатлѣніе долженъ быть я произвести въ эту вечеръ на всѣхъ этихъ молодцовъ? я, съ моими приемами дерзкаго херувима и рассказами, отъ которыхъ можно было заснуть стоя. Удивляюсь, какимъ образомъ одному изъ этихъ колоссовъ не вздумалось взять и раздавить двумя пальцами назойливаго комара, который ни минуты не сидѣлъ на мѣстѣ, кружился и жужжалъ вокругъ столовъ?

Навѣрно, мой офицерскій чинъ, свѣдѣнія, которыя сообщали ить шепотомъ зуавы, артиллеристы, товарищи и свидѣтели всѣхъ моихъ приключеній въ Варнѣ и Галлиполи,—они сами начинали вѣрить въ то, что мы тамъ вмѣстѣ дрались,—вся эта фантастическая призрачная легенда, окружавшая славой мою персону, придавала мнѣ въ ихъ глазахъ небывалый вѣсь. Можетъ быть, только благодаря этому ни одинъ изъ грубыхъ, ревнивыхъ ухаживателей прелестной дѣвицы, которую я преслѣдовалъ самымъ отчаяннымъ страстнымъ фильтромъ, не переломалъ мнѣ бѣ концу вечера костей. Эта дѣвшша, племянница хозяина, страшно забавлялась моими комплиментами, маленькимъ ростомъ, ужимками влюбленнаго мальчишки. Я синаша, какъ она говорила обо мнѣ матросамъ: «Онъ похожъ на маленькаго принца», и ея яспые глаза смотрѣли на меня съ улыбкой удивленія, что еще больше побуждало меня преслѣдовать ее, подразнивать, какъ будто и она, какъ маленькие монпельесы, крикнула: «о, эти мостры!» Правда,—настоящее чудовище, если бы только въ серьезъ можно было принять воздушные поцѣлуи, которые я ей посыпалъ и страстный шепотъ: «Какъ вы прелестны, дѣти мое!... Какъ я васъ люблю!... Гдѣ могу я это вамъ сказать болѣе открыто, чѣмъ здѣсь?» Она мнѣ не отвѣчала. Я узналъ только, что она никогда не выходила одна и что ея окно, въ которомъ свѣтъ гасъ позднѣе всѣхъ, находилось въ первомъ этажѣ, какъ разъ надъ входной дверью гостиницы. Этого было достаточно, чтобы тотчасъ же у меня въ умѣ сложились всѣ подробности воображаемаго приключенія. Здѣсь я подхожу къ самымъ тѣжелымъ признаніямъ, отъ которыхъ я могъ бы отвѣтиться запамятованіемъ. Но нѣтъ, я обѣщаю быть искреннимъ и, чего бы то ни стоило моему самолюбію, я сдержу обѣщаніе...

Такъ вотъ, когда вечеръ окончился, бабачокъ былъ закрытъ, мы возвращались на пароходъ, распѣвая матросскую пѣсню, которой насъ только что научилъ одинъ изъ новыхъ друзей:

*«Laissez les passer,
C'est des mariniers,*

Il en viendra bien d'autres
 Du beau pays d'Anjou
 Qui n'payeront rien et casseroit tout.
 Eh oui! Eh oui!
 Et zest, et zest!
 Et c'est un pouf!
 Et n'y a pas de pouf!
 Et allons donc!
 Quand à de l'argent Madelon,
 Nous l'en collerons,
 Quand nous en aurons».

Вдругъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ ступить на мостицкъ, шаловливый чорткъ хвастовства коварно дернулъ меня за рукавъ и внушилъ мнѣ ужасный планъ.

— Видите въ чемъ дѣло, господа,—тихо сказалъ я Леонсу и двумъ артиллеристамъ, оставшимся со мной позади другихъ. — Это были мои повѣренные, закадычные друзья, тѣ, которыхъ я наибѣльше щедро изъ всей компаніи одѣялъ арльскими сосисками и коробками анчоусъ.—Меня свела съ ума эта крошка!...—и каждому отдельно, по секрету, я передалъ важныя свѣдѣнія, которыя Леандръ получилъ отъ Геро относительно этого позднѣе другихъ потухающаго окна, находившагося какъ разъ надъ вѣткой остролистника, которая украшала входную дверь гостиницы.

— Чортъ побери, г. офицерь, да вѣдь она назначила вамъ настоящее свиданіе!—отвѣтили артиллеристы, въ глазахъ которыхъ свѣтились зависть и удовольствіе. И они схватили меня подъ руки:— Маршъ впередъ! Мы вамъ поможемъ.

Леонсь, хорошо знавшій невинность своего бѣднаго двоюроднаго брата, ужасался и употреблялъ всѣ усилия, чтобы отговорить меня. Самъ я, по мѣрѣ приближенія, предчувствуя тысячу опасностей, трусилъ. Если бы ея дядя настъ засталъ? Въ его волосатыхъ рукахъ цицлюпа я навѣрно бы менѣше вѣсили, чѣмъ крошечный голышъ въ прашѣ. Но помимо возможности встрѣчи съ дядей меня ужасало свиданіе съ самой «крошкой» (крошка была головой выше меня). Что я ей скажу? Что я буду дѣлать? О, какъ бы стали смѣяться артиллеристы, считавшіе меня скороспѣльнымъ ловеласомъ, если бъ они только знали мою наивность и глупыя фразы, которыя я мысленно приготовлялъ, шагая съ ними рядомъ.

— Да куда же вы идете, г. офицерь?... Мы уже пришли! — вдругъ прошелталъ одинъ изъ моихъ спутниковъ. Я былъ такъ занятъ своей собственной персоной и въ проулкѣ было такъ темно, что

я прошел мимо гостиницы, не замѣтивъ ея. Однако, какъ разъ надъ дверью горѣлъ огонь. «Крошка» меня ждала. «Хоть бы чортъ ее унесъ!» подумалъ я про себя, прохлиная благоволившую ко мнѣ судьбу; но въ моемъ возрастѣ хвастовство заставляетъ совершать ге-роические поступки.

— Да отстань же ты! — прошепталъ я Леонсу, который отчаянно цѣплялся за мой «highlander», такъ я называлъ свой шарфъ.

Самый крѣпкій изъ артиллеристовъ уперся головой въ стѣну, другой сѣлъ верхомъ ему на плечи, и я съ трудомъ взобрался на верхушку этой живой лѣстницы, задѣвая по пути громадную пыльную болючую вѣтку остролистника. Взобравшись, я на минуту остановился, чтобъ перевести дыханіе и дать успокоиться моему бѣдному страшно бившемуся сердцу. Ничто не двигалось въ домѣ, фасадъ котораго отвратительно чернѣлъ, за исключеніемъ молчаливаго свѣтла-го, неподвижнаго квадрата надъ моей головой. Я думалъ съ безпо-коюствомъ: «Ея ли это окно?» Но я не могъ въ этомъ убѣдиться, такъ какъ руки мои доставали только до вѣнчания выступа, который былъ слишкомъ узокъ, чтобъ служить точкой опоры. Мнѣ однако казалось, что время отъ времени чья-то тѣнь скользила мимо за окномъ и что вблизи меня кто-то дышалъ. Если это была «крошка», почему она мнѣ не отворяла, а если она ничего не слыхала, какъ дать ей знать, что я тутъ, не возбуждая подозрѣній дяди?.. Прибавьте ко всему этому мое далеко не удобное положеніе на «живой пирамидѣ», которая ныряла, качалась подъ моими ногами какъ спасательная боч-ка въ бушующемъ морѣ.

Да, для того, чтобы быть героемъ романа, нужно имѣть хороший бицепсъ, крѣпкія ноги и храбрость. Два, три раза, сначала тихо, потомъ погромче я башлянуль. Отвѣта не было. «Милое дитя, вы тутъ?» Опять ничего. Тогда отчаяннымъ усилиемъ, рискуя опрокинуть все мои подмостики, я отцѣпилъ одну руку и слегка поцарапалъ стекло. На этотъ разъ задвижка заскрипѣла, и окно отворилось.

— Это я, не бойтесь! — прошепталъ я.

И такъ какъ, рукамъ моимъ теперь было больше опоры, я стала карабкаться въ комнату къ «крошкѣ», которая не боялась, о, вовсе не боялась.

— Осторожно! — крикнулъ Леонсъ, единственный изъ насть, который видѣлъ, что происходило.

Въ ту же минуту я почувствовалъ, какъ меня зацѣпили, съ силой подняли за волосы, и дядя моей возлюбленной, угостивъ меня страшной пощечиной, выпустилъ меня на вытянутой рукѣ обратно на мою лѣстницу изъ артиллеристовъ, которая обрушилась, переломившись

надвое. Особенное прорицанье покровительствует молодости. Десять минут спустя я пробрался съ Леонсомъ въ гостиную «Боннарделя», правда, немножко помятый, но безъ серьезныхъ поврежденій. И если въ эту ночь я долго не могъ заснуть, то только потому, что меня терзала мысль, что моя возлюбленная въ насыпь назначила мнѣ свиданіе въ комнатѣ своего дяди. Шутка казалась мнѣ весьма сомнительного вкуса.

IV.

Эпизодъ третій.

Даму сердца Леона звали м-те Brouillard—настоящее ліонское имя. Моя, не обладавшая, навѣрно, такимъ же живописнымъ именемъ, оставила меныше сльдовъ въ моей памяти. Если хотите, мы будемъ ее называть «подругой м-те Brouillard», такъ какъ эти дамы всегда путешествовали вмѣстѣ и рѣдко разставались.

О какихъ же дамахъ идетъ рѣчь? Да о двухъ пассажиркахъ «Боннарделя», которыми я сначала пренебрегалъ ради моихъ слушателей на шканцахъ, но къ которымъ я возвратился послѣ моего неудачнаго любовнаго приключенія, сдѣлавшагося уже, благодаря артиллеристамъ, достояніемъ верхней палубы.

М-те Brouillard, съ ея ліонскимъ акцентомъ, нѣжнымъ и тягучимъ, съ ея томными глазами и склоненными позами хорошенкай виньетки, конечно, болѣе подходила ко мнѣ, чѣмъ моя веселая кумушка, вертлявая, бойкая, съ слишкомъ длиннымъ языкомъ и черезчуръ короткимъ носомъ. Но подобные вещи не приказываются. Какъ только въ гостиной стало извѣстно, что мы ученики морской школы и скоро будемъ гардемаринами, чтѣ въ глазахъ этихъ дамъ заслуживало, по крайней мѣрѣ, хорошую пару усовъ, выборъ м-те Brouillard палъ на Леоса, которого она нашла прелестнымъ, какой-то мрачной и роковой прелестью. Что касается меня и моихъ ухватовъ «морского волка»—онъ больше нравились ея подругѣ.

Такъ какъ погода стояла прекрасная, и голубое небо попрежнему отражалось въ прозрачныхъ струяхъ рѣки, дамы, исключая часовъ жары, цѣлый день сидѣли на скамейкѣ на задней части палубы и занимались рукодѣліемъ, глядя, какъ у ихъ ногъ тихо развертывались берега Роны, точно клубки разноцвѣтныхъ шелковъ. У ихъ ногъ, растянувшись на одѣялахъ въ позахъ трубадуровъ, я и мой двоюродный братъ обмѣнивались съ ними нѣжными словами и много, обѣщающими взглядами.

Я, кажется, уже говорилъ, что, къ несчастью, мой двоюродный братъ былъ совершенно лишенъ краснорѣчія. М-те Brouillard жаловалась на

что, но я все объяснилъ необыкновеннымъ романомъ, рассказаннымъ на ухо этимъ дамамъ, въ то время какъ Леонсъ стоялъ, мечтательно облокотившись на сѣти, висѣвшія по бортамъ судна. Дѣло было въ томъ,— мы часто потомъ смыкались, вспоминая романъ Леонса,—дѣло было въ томъ, что дочь одного богатаго армянина изъ Перу, незадолго до своей свадьбы съ очень знаменитымъ пашей, любимцемъ султана, генералъ-аншефомъ легкой кавалеріи, влюбилась въ моего прекраснаго двоюроднаго брата, увидавъ его вальсирующимъ на вечерѣ во французскомъ посольствѣ. Брошенные другъ другу взгляды, пучокъ цвѣтовъ, пламенныя письма,—къ несчастью, были письма,—и вотъ однажды утромъ, какъ разъ въ тотъ день, когда было назначено похищеніе, бѣдную Намуну нашли обезглавленной въ постели, около нея на окровавленной подушкѣ лежалъ кинжалъ ея жениха, кинжалъ съ золотой ручкой, покрытой рубинами.

Послѣ этой ужасной драмы Леонсъ съ отчаянья два раза бросался въ Босфоръ, и мнѣ стоило большихъ усилий, чтобы спасти его; съ тѣхъ поръ его родители и капитанъ корабля, директоръ нашей школы, препоручили мнѣ путешествовать съ нимъ, развлекать его, чтѣ я старался исполнить какъ можно лучше. Но ничто не могло вырвать этихъ воспоминаній, и несчастный вѣчнѣль свое существованіе съ кинжаломъ въ сердцѣ. «Если вы хотите услышать отъ него нѣсколько словъ,—это относилось къ маленькой м-те Brouillard,—то возьмите его за руку и скажите: поговоримъ немного о Намунѣ». Тогда вы разскажите мнѣ много объ этомъ вѣчномъ молчальникѣ.

Непосредственная и наивная ліонка, какъ только услыхала мою исторію, тотчасъ подошла къ Леонсу, который стоялъ все на томъ же мѣстѣ съ неподвижнымъ и задумчивымъ профилемъ. «Хотите, давайте поговоримъ немного о Намунѣ», сказала она растроганнымъ голосомъ. Мой кузенъ не зналъ, что отвѣтить, я еще не успѣла его предупредить, а имя Намуны онъ слышалъ въ первый разъ, но не даромъ онъ былъ южанинъ. Привыкнувъ съ начала путешествія къ моимъ импровизаціямъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго удивленія, и только отошелъ, горестно покачавъ головой. М-те Brouillard возвратилась къ намъ съ тяжелымъ вздохомъ: «Бѣдный! Кинжалъ поднимается къ его сердцу, душить его, мѣшасть ему говорить».

Часто потомъ я спрашивалъ себя, кто были въ дѣйствительности эти ліонки, выдававшія себя за женъ богатыхъ торговцевъ шелками на площади Терро. Если подумать хорошенько, то романъ Леонса и Намуны не были болѣе неправдоподобнѣ, чѣмъ ихъ исторія.

Трудно себѣ представить двухъ дамъ изъ ліонского общества, такого богатаго и чопорнаго, путешествующихъ вперемежку съ ки-

пами товара на грузовомъ пароходѣ. А если бы вы видѣли жалкія платья этихъ важныхъ дамъ, тонкіе, какъ папиросная бумага, ватер-шруфы, которые они накидывали себѣ на плечи, когда слишкомъ сильно дуль мистраль, и меланхоличную корзину, въ которой онѣ сохранили свои дорожные припасы, скудно возобновляемые каждый вечеръ на остановкахъ.

Теперь, на разстояніи, меня поражаютъ всѣ эти подробности,—ихъ манера, физіономіи; они такъ отчетливо сохранились въ моей памяти со многими другими, еще болѣе значительными. Такъ, напримѣръ, у дамъ была смѣшная и вульгарная манера говорить: когда онѣ смѣялись, то закрывали ротъ рукой. Въ спорахъ ш-те Brouillard ежеминутно повторяла: «Я вамъ не говорю противное», а «моя», когда поваръ,—о, отвратительная личность,—подавалъ намъ утренній кофе съ молокомъ, «моя» никогда не забывала сунуть остатокъ сахара себѣ въ карманъ, говоря, что лучшее средство отъ желудочныхъ схватокъ, это немного капель «живительной влаги» на сахарѣ. Почему всѣ эти подробности, которыя я такъ ясно вспоминаю теперь, тогда ускользали отъ меня? Какимъ образомъ я—самъ лгунъ—могъ быть до такой степени наивнымъ и довѣрчивымъ? Должно быть, это происходило оттого, что моя собственная персона меня всецѣло поглощала, уничтожала во мнѣ способность наблюденія, или еще потому, что моя ложь, какъ я ужъ говорилъ, была совершенно ребяческая и не содержала въ себѣ никакого злого умысла. Этими дамами,—кумушками, женами ремесленниковъ, руководило очень понятное желаніе доставить себѣ нѣсколько дней удовольствія на счетъ двухъ морскихъ кадетъ, желаніе вполнѣ позволительное. Вотъ какъ я объясняю себѣ нашу взаимную довѣрчивость. Бромъ ліонокъ, пассажирами задней палубы были англичанинъ, тотъ, кого мы называли англичаниномъ, сидѣвшій противъ насъ на лавочкѣ съ своими тремя мальчишками. Онъ имъ разсказывалъ о странахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, ихъ легенды, исторію старыхъ феодальныхъ камней, стоявшихъ на берегу большой голубой рѣки. Тутъ также находились маленькие монпельесцы, къ которымъ я и мои слушатели на шканцахъ относились съ пренебреженіемъ. Они не покидали задней палубы, робко переходя отъ одной лавочки къ другой. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. Дамы смотрѣли на нихъ, какъ на мальчишекъ, хотя они и были одинакового возраста съ нами, но вѣдь не изъ Варны. Сидѣвшіе противъ насъ находили ихъ невоспитанными и ставили имъ въ упрекъ ихъ *плохое знакомство*. Плохое знакомство — были мы. Англичане взялись намъ это доказывать съ первыхъ дней, поворачиваясь къ намъ спиной въ то время, какъ я и

Леонсъ изощрялись въ утонченности слога у ногъ нашихъ ляночкъ. Обида была такъ чувствительна, въ этихъ четырехъ нахально перевернувшихся спинахъ было что-то до такой степени оскорбительное, что я не могъ сдержаться, и сдѣлалъ громко замѣчаніе, угрожая подняться и оборвать уши нѣкоторымъ english'менамъ, плохо воспитаннымъ, которые... вотъ... а, въ томъ-то и дѣло!...

Броткая ш-ше Browillard, очень взволнованная, взяла мою руку въ свои сѣрыя митенки:

— Оставьте, право, не стоить!

Ея подруга, болѣе воинственная, напротивъ того возбуждала меня, оправдывала:

— Подумайте, моя милая, вѣдь это гардемарины. Дѣло идеть о чести французского флота!

И правда, я могъ подвергнуть себя въ честь этого флота, къ которому я принадлежалъ—увы! только въ воображеніи—опасности быть или сильно помятнымъ, или выброшеннымъ за бортъ. Къ счастью, въ ту минуту, когда я повернулся и всталъ, скамейка опустѣла: англичанинъ и его мальчики исчезли.

— О, эти мостры,—прошептала старшій изъ маленькихъ монпельесцевъ, глядя на меня съ восторгомъ.

А Леонсъ поднялъ голову и сжалъ кулаки.

— Они хорошо сдѣлали, что удрали, эти englishmen'ы.

Онъ весь дрожалъ отъ гнѣва. Чтобы его успокоить, ш-ше Browillard тихо сказала:

— Подумайте о Намунѣ.

Тутъ младшій изъ монпельесцевъ со своимъ смѣшнымъ акцентомъ и мигающими безцвѣтными глазами альбиноса вступилъ въ разговоръ.

— Вы знаете, это не англичане... Отецъ изъ Сенъ-Бантена, а другіе—отовсюду понемногу, вѣдь это не его сыновья, а только ученики, съ которыми онъ путешествуетъ во время каникулъ. Бажется, онъ профессоромъ въ Парижѣ, профессоръ не знаю чего...

— Во всякомъ случаѣ невѣжливо,—сказалъ я, возвращаясь на свое прежнее мѣсто къ ногамъ ш-ше Browillard и ея подруги, какъ будто ничего не случилось.—Признайтесь, что въ своемъ торжествѣ я не былъ нахаленъ.

Съ этой минуты жизнь на пароходѣ сдѣлалась невыносима для Варнскихъ учениковъ, принужденныхъ оставаться всегда на задней палубѣ «Боннарделя», постоянно сталкиваться съ англичанами,—я продолжало называть ихъ такъ, потому что не узпалъ ихъ имени.

Встрѣчались мы и на палубѣ, и въ гостиной. Утромъ, когда дуль

ень холодный вѣтеръ, всѣ вмѣстѣ собирались вокругъ большого тла, чтобы согрѣться. На узкихъ ступенькахъ лѣстницы толкали угъ друга локтями и плечами, взгляды перекрецивались, быстрые острые, какъ боевые шпаги. Роздыхъ наступалъ только ночью на становкахъ, такъ какъ обыкновенно англичане спали на берегу въ гостиницѣ. Но съ пяти часовъ они наводнили и шумѣли въ гостиной, изъ всякой жалости къ бѣднымъ женщинамъ, которыхъ спали за больными голубымъ пологомъ.

Я понимаю—хорошій ударъ тряпкой, ружейнымъ прикладомъ въ инуту сильнаго гнѣва, но жить постоянно окруженному ненавистью,ѣчно помышлять о мщении, особенно когда молодъ, когда обладаешь арактеромъ незлобивымъ, уступчивымъ и горишь свойственнымъ сѣмью южанамъ желаніемъ нравиться, ѣто—пытка, которую я окончательно не переносилъ.

— Нѣть, видите ли, mesdames (мы находимся вчетверомъ въ остиной и кончаемъ пить кофе съ молокомъ, которымъ я каждое тро угощаю своихъ ліонокъ),—нѣть, если бы не удовольствие путешествовать съ вами, я тотчасъ бы оставилъ эту деревянный башнякъ отца Ребуля и вскочилъ бы въ вагонъ на первой желѣзнодорожной станціи.

— Но я думала, что для господина Леонса... — пробормотала подруга ш-те Brouillard, указывая на моего кузена бончикомъ ножа, замазаннымъ въ маслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, я забылъ, что мы поѣхали на ронскомъ пароходѣ для того, чтобы скрыть наши слѣды отъ полиціи султана, которая искала Леонса на Р.-Л.-М. Но, чортъ возьми! Не одна желѣзная дорога существовала, чтобыѣхать въ Ліонъ. Можно было нанять экипажъ и путешествовать неспѣша.

— Тогда всѣмъ вчетверомъ! — воскликнула ш-те Brouillard, хлопая въ ладоши. — О, это было бы такъ хорошо... Въ дорогѣ останавливались бы... красивое мѣстечко... хорошая гостиница.

— Да, но это стоило бы порядочно, — замѣтила болѣе благоразумная подруга. — Вѣдь нужно кормить и человѣка, и лошадь.

— Да нѣть! Кучера не нужно!

— А кто же будетъ править? — спросили онъ, обертываясь ко мнѣ.

— Я.

— Вы? А развѣ вы умѣете?

— Я только ѣтимъ и занимался всю свою жизнь!

Какъ ни привыкъ Леонъ къ постоянной фееріи моего воображенія, но и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Съ самаго дѣтства

мы не покидали другъ друга, но никогда онъ не видалъ въ моихъ рукахъ ни кнута, ни вожжей. Ну, да все равно! Когда ты южанинъ...

Въ это время въ дверяхъ гостиной показался капитанъ; онъ даже не сдѣлалъ подъ козырекъ:

— Предупреждаю, если вамъ нужно сдѣлать какія-нибудь покупки, мои милые кошечки, часа черезъ два мы остановимся въ Туронъ, чтобы запастись углемъ.

И онъ вышелъ, небрежно бросивъ мнѣ черезъ плечо:

— Имѣю честь, господинъ офицеръ...

Бланяться подобнымъ образомъ вошло у него въ привычку посты моей исторіи съ полевымъ сторожемъ. Хотѣлъ ли онъ посмѣяться надо мной? Зналъ ли онъ мою басню про Варнскую школу? Я не смѣялся его разспрашивать, но каждый разъ его «здравствуйте, господинъ офицеръ!» — «какъ живаетъ господинъ офицеръ?» — били меня по нервамъ. Дамы тоже жаловались на его фамильярность, особенно нѣжная ш-те Browillard, такая кроткая, тихая, у которой отъ каждого грубаго слова покрывалась даже краской шейка, бѣленъкая и полненькая, какъ брюшко молодой перепелочки.

— Какой грубянъ, — сказала она, когда капитанъ вышелъ, и мечтательно прибавила: — Вотъ было бы занятно сыграть съ нимъ штуку.... — «Занятно» — чисто ліонское выраженіе. — Давайте назовемъ въ Туронъ экипажъ и покинемъ Ребуля съ его «Боннардеемъ».

Я закричалъ «браво», а Леонсъ — еще громче меня. Съѣхались, воодушевляясь, каждый представлялъ себѣ удивленіе капитана, всѣ подробности путешествія, такого новаго, прекраснаго. Мы одни, только одни, безъ англичанъ и монпельесцевъ; остановки на опушкахъ лѣса, веселые завтраки въ старинныхъ гостиницахъ, гдѣ готовить исключительно мѣстныя кушанья, и т. д. При этомъ дѣтскіе глазки нашихъ важныхъ дамъ блестѣли отъ удовольствія и желанія полакомиться.

Вдругъ прозвучалъ пароходный колоколъ. Черезъ оконце гостиной виденъ былъ висячій мостъ, который соединяетъ Туронъ съ Теномъ, какъ нашъ Бокэръ съ Таракономъ. Только въ Бокэрѣ мостъ гораздо красивѣе, Рона несравненно шире, а небо синѣе... Однимъ словомъ, югъ. А теперь югъ былъ далеко.

— Ну, что же мы будемъ дѣлать? — живо спросила «моя». — Должна я отыскать экипажъ?

Мнѣ бы прямо нужно было отвѣтить «нѣть», но на это у меня не хватило храбрости. Какъ только причалили, наши полненькия хорошенъкия ліонки, съ корзинкой въ рукѣ, въ косыночкахъ отправились въ городъ, взявъ съ собой Леонса, подъ предлогомъ, что оп

мъ поможетъ нести ихъ провизію. Еще одна большая неосторожность. Если бы мы оба остались на пароходѣ, мы могли бы посовѣтаться; при видѣ отчаянаго положенія нашихъ кошельковъ мы оняли бы безуміе и невозможность нашего проекта. Вместо этого ерезъ четверть часа появляются Леонсъ съ подругой м-те Brouillard. апыхавшись, они спускаются въ гостиную, где я сидѣль совершенно сподвижно, глубоко задумавшись, въ то время какъ на палубѣ съ трашнымъ трескомъ грузили уголь.

— Чудесно, чудесно,—повторилъ мой двоюродный братъ, который точно съ ума сошелъ. Больше отъ него ничего нельзя было доться. Ліонка сообщила мнѣ, что они все нашли: и лошадь, и экипажъ на скромныхъ условіяхъ,—о, на весьма скромныхъ условіяхъ! Нужно только было оставить въ залогъ довольно значительную сумму. Такую сумму, я не припомню, но она настолько превышала содержимое нашихъ кошельковъ, что я измѣнился въ лицѣ.

— Вѣдь это только задатокъ,—успокоивала меня ліонка, и я повторялъ за ней машинально: «правда, это только задатокъ». И опять уверенно запыхавшись, она продолжала: — Затрудненіе не въ томъ... Дѣло въ томъ, что капитанъ знаетъ нашихъ мужей, нужно, чтобы онъ не выдалъ, какъ мы вмѣстѣ уйдемъ съ парохода. Вотъ почему м-те Brouillard ждетъ меня у каретника. Я скажу старому Ребулю, что моя подруга заболѣла и что мы пробудемъ два-три дня въ Туронѣ. Что касается васъ, мои милые, то вамъ не трудно будетъ найти предлогъ, а главное—уйдите въ самую послѣднюю минуту. Раньше часа отсюда не тронутся. У васъ достаточно времени, чтобы запаковать ваши вещи и заплатить по счету. Вы пріѣдете къ каретнику: онъ живетъ противъ церкви св. Юліана,—вонъ видна ея башня. Мы васъ будемъ ждать съ запряженными экипажами. Пріѣзжайте поскорѣе.

Настоящій чертенокъ эта ліонка! Во время разговора она отцепила голубую штору, завернула въ нее шали, косынки, запаковала миниатюрный чемоданчикъ, въ которомъ прекрасно помѣщалось все имущество важныхъ ліонскихъ дамъ, и черезъ минуту уже бѣжала по черной отъ угля набережной въ поискахъ за капитаномъ, а я все еще не могъ рѣшить: что предпринять? Я началъ съ того, что подвелъ счеты съ поваромъ, причемъ убѣдился, что обѣды, завтраки и разные мелочи пароходной кухни почти истощили всѣ наши финансы. У васъ оставалось самое большое два-три золотыхъ для того, чтобы доѣхать до Лиона и по пріѣздѣ не остаться съ пустымъ карманомъ, если бы почему-либо лицейскій воспитатель, который долженъ быть часть встрѣтить, на пристань не пріѣхалъ.

Но что же теперь дѣлать? Должно быть, дамы были очень богаты. Торговцы шелками съ площади Терро — народъ богатый, хотя и на пароходѣ, и на сушѣ за все приходилось платить намъ. Все равно, были онъ богаты или бѣдны, мы не могли позволить, чтобы за насъ платили дамы. Еще одно затрудненіе: я не умѣлъ ни править, ни за- прягать, ни распрягать, и на первомъ поворотѣ дороги всѣхъ могъ вывалить въ канаву. Нѣтъ, все это было невозможно. Нужно скорѣе написать простую, искреннюю записку, признаться, что я все время вралъ.

Но проклятое хвастовство, которое ввело меня въ эту глухую улицу, еще разъ лишило меня возможности выйти изъ нея. Стыдъ удерживалъ меня. Конечно, получивъ мое письмо, дамы тотчасъ бы возвратились, но какъ съ ними встрѣтиться?

Минута отъѣзда приближалась: послѣдняя телѣга угля была перегружена на пароходъ. О, этотъ меланхоличный мостъ, отраженіе котораго дрожало въ сѣрой водѣ, зловѣштій подъемный кранъ, торчавшій на берегу, какъ висѣлица, эта башня св. Юліана у подножья скалы, — какъ живо при воспоминаніи этой картины я снова перени-ваю тѣ минуты волненія и нерѣшительности, когда, наклонившись черезъ край парохода, я держалъ въ своихъ дрожащихъ пальцахъ жалкое посланіе, которое я, наконецъ, написалъ, но никакъ не могъ рѣшиться отослать.

— Однако, Леонъ, нужно предпринять что-нибудь, — сказа- лъ я своему двоюродному брату, когда онъ еще разъ попросилъ перечи- тать письмо.

— Ты правъ, нужно что-нибудь предпринять! — и, посмотрѣвъ на меня съ своей странной улыбкой въ уголкѣ губъ, онъ сказалъ: — Черезъ пять минутъ будетъ слишкомъ поздно, онъ не успѣть вер-нуться.

— Это правда, во всякомъ случаѣ, теперь онъ уже не могутъ сѣсть на пароходъ.

Я сдѣлалъ знакъ стоявшему по близости портовому служителю и протянулъ ему черезъ бортъ письмо съ адресомъ каретника, что жиль противъ церкви св. Юліана.

Динь, динь, динь! раздался сигналъ отъѣзда «Скорѣе, скорѣе поспѣшите». Человѣкъ крикнулъ: «Нуженъ ли отъѣздъ?» Но берегъ былъ уже далеко, трубу на пароходѣ опустили, чтобы проѣхать подъ мостомъ, и человѣкъ увидалъ только наши отчаянные жесты въ клю- бахъ чернаго дыма.

Сначала я испытывалъ огромное облегченіе и лишь небольшія угрызенія совѣсти въ глубинѣ души.

Въ концѣ концовъ, у дамъ были деньги, и онъ прекрасно могли
жать до Лиона въ экипажѣ или же отправиться днія черезъ четыре
ронскомъ пароходѣ, если на самомъ дѣлѣ юзда по желѣзной дорогѣ
ѣствовала на ихъ нервы. По крайней мѣрѣ, мы избавились отъ
изительного объясненія, которое было неизбѣжно. Эта мысль была
тъ отрадна, что весь остатальной день показался мнѣ чуднымъ сномъ.
тъ вечеръ, когда «Боннардъ» причалилъ къ берегу какого-то ма-
нькаго мѣстечка, проходя мимо насыпь по палубѣ, капитанъ сказалъ
сколько словъ обѣ этой бѣдной M-те Browillard, заболѣвшей въ
ранѣ, и мы узнали отъ него, что наши важныя дамы были заму-
мь за двумя мастеровыми, его хорошими пріятелями.

Жены мастеровыхъ! Въ такомъ случаѣ, какъ выпутаются не-
частныя изъ бѣды? Это было ужасно, что я надѣлалъ. Я попробо-
ть утѣшить себя: то былъ печальный случай, я думалъ, что письмо
идетъ вѣ-время. Но совѣсть говорила мнѣ: «ты лжешь!» такимъ
бдительнымъ тономъ, что я больше не возражалъ. Всю ночь меня
еслѣдовали страшныя угрывенія: въ углѣ дивана, гдѣ спали бѣд-
я ліонки, я видѣлъ ихъ потертый чемоданчикъ, ихъ жалкую кор-
гу съ провизіей. Въ особенности мнѣ было жаль добрую, тихую
M-те Browillard, съ ея печальными глазами, которые, казалось, гово-
ли: «О, это нехорошо, очень нехорошо!»

На разсвѣтѣ я всталъ и поднялся на палубу; Леонсъ спалъ; ли-
радка угрывеній не смущала его крѣпкаго сна. Тамъ наверху воз-
хъ были свѣжій, небо бѣлое, словно ватное, пропитанное бѣлесо-
гымъ туманомъ. На палубѣ лежали солдаты; изъ - подъ одѣяль
рчали ихъ красные панталоны, что напоминало поле битвы, усеян-
е тѣлами. На пристани бѣгали матросы «Боннарделя», отвязывая
сырѣвшіе канаты. Дежурный пробирался между спящими къ коло-
гу, чтобы дать сигналъ, какъ только наступить 5 часовъ. И вдругъ
ъза угла со стороны полевой дороги вынырнула двухколеска, за-
яженная лошакомъ и, подѣхавъ на рысяхъ къ пароходу, останов-
лась. Две женщины, укутанные платками, слѣзли съ нея и вскорѣ
сплатились съ кучеромъ, крестьяниномъ въ блузѣ.

— Тѣ, тѣ, M-те Browillard! —крикнулъ хриплый голосъ капита-
.. Я едва успѣлъ проскользнуть на носъ парохода, зарыться въ
кую-то кучу, въ то время какъ дамы спускались въ гостиную, не
вѣчая на любезности капитана. Минуту спустя Леонсъ, съ лицомъ
волнованнымъ, зловѣщимъ и вѣстѣ съ тѣмъ смѣшнымъ, прибѣ-
мъ ко мнѣ и сталъ разсказывать, какъ жестоко разбудила его по-
уга M-те Browillard, столкнувъ его съ дивана, на которомъ онъ
стянулся.

Бѣдныя женщины, ихъ гнѣвъ быть вполнѣ простителенъ! Подумать, что для того, чтобы нагнать пароходъ, имъ пришлось сѣять 12 лье, въ двухколескѣ мясника, ночью, по отвратительной дорогѣ, кромѣ того, заплатить каретнику и претерпѣть тысячу другихъ мелкихъ непріятностей! О, долго онъ будуть вспоминать о гардемирахъ!

— А что, М-те Brouillard такъ же негодовала, какъ и «моя»? — тихо допрашивалъ я Леонса, въ то время какъ колоколь давалъ сигналъ и кругомъ насы просыпался нашъ отрядъ.

— Нѣтъ! Она только сказала, что теперь никогда, никогда больше мы не будемъ говорить о Намунѣ.

V.

Не кажется вамъ это путешествіе изъ Бокера въ Ліонъ, длившееся около пяти дней, гораздо болѣе продолжительнымъ. Я думаю, что зависитъ это не отъ монотонности декорацій, но отъ постояннаго участія однихъ и тѣхъ же двухъ главныхъ лицъ, которыя не сходили съ сцены? Пейзажъ, напротивъ того, измѣнялся съ каждымъ поворотомъ колеса. Я, кажется, уже говорилъ, что цвѣтъ Рона, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались вверхъ, изъ темно-синяго переходилъ въ блѣдо-голубой, потомъ въ сѣрий, всѣхъ оттенковъ платины и стали, что такъ рѣзко отличаетъ Рону Бокера отъ Ропы Лиона. То же разнообразіе и въ берегахъ: вмѣсто сожженныхъ солнцемъ порыжѣвшихъ полей юга, виднѣлись веселыя фермы въ блѣдной провансальской зелени, тучные луга Ардеша и Изѣры, влажная жирная зелень Лиона.

Кто не измѣнялся, такъ это мы, неисправимые хвастуны и лутиншки. Намъ впрокъ не пошли уроки: послѣ печального происшествія съ М-те Brouillard и ея подругой мы снова сидѣли на носу «Боннарделя» и снова, окруженные благосклонными слушателями, рассказывали о своемъ возвращеніи изъ Крыма, о своихъ невѣроятныхъ приключеніяхъ на Востокѣ, о воинственныхъ, захватывающихъ приключеніяхъ на морѣ и на суши, сопровождая все жестами, прыжками, подражаніемъ крикамъ животныхъ, шуму, звукамъ различныхъ инструментовъ. Чтобы не стѣснить насъ, оба артиллериста, бывшие нечаянными свидѣтелями послѣдняго происшествія, оставили пароходъ на послѣдней стоянкѣ; они, навѣрно, не проговорились, такъ какъ я не могъ подмѣтить и тѣни наスマѣшки въ простодушныхъ взглядахъ окружавшихъ меня солдатъ. «Что могъ я имъ разсказывать этимъ молодцамъ? Какими необыкновенными подвигами храбости и ловкости могъ я хвастать передъ этими людьми, видѣвшими смерть

щомъ къ лицу, и не сморгнувшими передъ ней? Я затрудняюсь сказать. Мнѣ пришлось написать столько романовъ, бромъ тѣхъ, которые импровизировалъ тогда во время путешествія. Впрочемъ, я припоминаю кой-какие подробности. Быть вѣсть откуда прорвавшійся лучь вѣщаетъ эти далекія воспоминанія, имя, лицо, которое, мнѣ казалось забытымъ, утеряннымъ. Это имя—Жоссъ, которое вами напомнилъ мольеровскаго золотыхъ дѣлъ мастера, передо мной воскрешаетъ жалкое землисто-блѣдное лицо одного изъ моихъ винсенскихъ грѣлковъ, его сожженное алкоголемъ дыханіе, короткую коренастую игуру съ ампутированной рукой. Въ то же время при этомъ имени мнѣ припоминаются сумерки сѣренѣкаго дня. «Боннардель» только то причалилъ, какъ вдругъ на палубѣ раздается крикъ, повторяется а сотни голосовъ: «Жоссъ упалъ въ воду, Жоссъ упалъ въ воду!»

Бѣднякъ, по обыкновенію былъ пьянъ и, проходя по мосткамъ, сваѣро, поскользнулся. И я вижу себя бѣгающимъ по палубѣ, хващающимъ себя за куртку, какъ будто, снявъ ее, я сейчасъ брошусь въ воду. «Офицеръ! Пропустите г. офицера»—слышу я шепотъ вокругъ себя, такъ какъ я не мало рассказывалъ о своихъ подвигахъ, какъ замѣчательного пловца, о томъ, что я не разъ переплывалъ Босфоръ на спинѣ, спасаль людѣй. Что стоило мнѣ выудить теперь Жосса, спрашиваю васъ? Этотъ вопросъ я тоже задавалъ себѣ, глядя на воду глубокой быстрой рѣки, и думалъ съ ужасомъ: «Что ты будешь дѣлать, несчастный!»

Вѣдь ты не умѣешь плавать! А всетаки рѣшайся, если ты хочешь сохранить свою честь въ глазахъ этихъ людѣй.

Впередъ! Zou!

И мнѣ кажется, что гордость, взгляды, обращенные на мою персону, надежда, что кто-либо меня спасеть, могли заставить меня совершилъ безумный поступокъ и кинуться въ воду, но внезапно на штанцахъ раздались крики.

«Онь его держитъ! Онь спасень! Браво! Спасень!»

Я увидалъ издалека, какъ на берегъ вынесли дрожавшаго, пускавшаго пузыри Жосса, и какъ его спаситель, окруженный толпой, смѣясь отряхивался, привѣтствуемый криками. Этотъ спаситель, этотъ герой былъ... Угадайте кто? Господинъ изъ Сент-Кантена, мой англичанинъ. Какъ при всякомъ урокѣ, при всякой крѣпкой пощечинѣ, которыми судьба наказывала мое хвастовство, такъ и на этотъ разъ я ходилъ иѣкоторое время повѣсишь носъ и старался держать языкъ за зубами; но это продолжалось недолго.

Повѣрьте мнѣ, что Варнскій гардемаринъ еще много рассказывалъ,
книга XII, 1900 г.

жестикулировалъ на шканцахъ и что маленькие монпельесцы еще не разъ съ восторгомъ восклицали: «о эти мостры!» Только съ минуты спасенія Жосса конецъ путешествія дѣлается спутаннымъ, неяснымъ, какъ будто съ приближеніемъ къ Ліону, городу двухъ рѣкъ, вѣчно окутанному туманами и дождями, большое облачко заволокло «Боннардель» и все, что происходило на его палубѣ. Я помню только, что, подъѣзжая къ *Mulatière*, — этимъ именемъ опредѣляютъ точный пунктъ, гдѣ Сона впадаетъ въ Рону, немного ниже Ліона—въ ту минуту, когда я предавался моимъ импровизаціямъ, опираясь на Леонса, какъ на очевидца, англичанинъ, котораго я не замѣтилъ и который слушалъ меня съ нѣкоторыхъ поръ, сказалъ съ доброй улыбкой:

— Такъ это правда, молодой человѣкъ? Вы изъ Варнской школы?

Я обернулся, сверкая глазами, встопоршившись какъ молодой пѣтухъ.

— Да, милостивый государь, мы изъ Варнской школы, совершили вѣрно.

— И вашъ двоюродный братъ тоже?

— Да, и онъ тоже.

— Такъ отчего на пуговицахъ его жилета стоять: «Нимскій лицей»? И его палецъ, касавшійся груди Леонса, обличалъ всю нашу ложь, въ то время какъ общій взрывъ смѣха пронесся на шканцахъ. Что касается меня, то нѣть слова, которое могло бы выразить мое бѣшенство на англичанина, на Леонса и на моихъ солдатъ... Въ эту минуту, къ счастью, кто-то сказалъ: «вотъ и Ліонъ», и въ поднявшейся суматохѣ о насть забыли. Это былъ послѣдній эпизодъ нашего путешествія. Пусть читатель не спрашиваетъ, что сдѣлалось съ *M.-te Brouillard* и ея подругой, съ маленькими толстощекими монпельесцами, — со всѣми этими китайскими тѣнями, которыхъ я вызвалъ изъ дальн资料 бѣлага сна прошлаго.

Я повторяю: это не романъ. Если моему разсказу недостаетъ конца, развязки, я не могу ихъ придумать. Такъ, напр., я не могу припомнить конца путешествія, отмѣченаго выходкой англичанина, я оставляю его потонувшимъ въ смутныхъ непроницаемыхъ туманахъ Роны и Соны. Знайте только, что передъ тѣмъ, какъ сойти съ парохода, я совершенно случайно узналъ имя моего врага-англичанина изъ Сент-Бантена. Его звали... и подъ этимъ именемъ, которое слишкомъ известно, чтобы упомянуть его здѣсь, я прочелъ съ ужасомъ: «Капитанъ фрегата, предсѣдатель конференціи въ Политехникумѣ». Капитанъ фрегата! И передъ нимъ-то Варнскій ученикъ разсказывалъ и изображалъ всѣ свои приключения на суши и на морѣ!

Э П И Л О Г Ъ.

Если бы M-me Genlis, воспитательница принцевъ орлеанскихъ, жившая въ концѣ XVIII вѣка, имѣла въ распоряженіи своеемъ всѣ тѣ воспоминанія, которыя я перечислилъ здѣсь,—она навѣрно бы написала нравчительно-воспитательную книгу *ad usum Delphini* подъ заглавиемъ: «Альфонсъ и Леонсъ или жертвы воображенія».

Ими мы были, дѣйствительно, во все время нашего путешествія и должны были быть впродолженіе всей нашей послѣдующей жизни. Четырнадцать, пятнадцать лѣтъ спустя, уже взрослыми людьми, мы разговорились о нашемъ плаваніи на «Боннардѣ». Леонсъ пріѣхалъ повидаться со мной въ Champrosay въ 1869 г., въ домъ Евгенія Делакруа, гдѣ я жилъ со своей женой и первымъ ребенкомъ, впослѣдствіи авторомъ «Morticoles», который былъ тогда еще бѣлокурый крошкой въ бѣломъ костюмѣ. Мы говорили о нашемъ путешествіи, вспоминали всѣ подробности: разочарованія въ дорогѣ, честолюбивыя мечты, проекты, планы, которые мы строили передъ отѣзгомъ тамъ, въ маленькой аптекѣ, въ то время какъ колокольчикъ звенѣлъ каждую минуту и раздавался крикъ:

— Магазинъ! Ето-нибудь.

Леонсъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ:

«Ахъ, какъ мы измѣнились съ тѣхъ поръ».

— Ты находишь?—смѣясь спросилъ я,—а я, напротивъ, только хотѣлъ замѣтить, что мы остались все тѣ же. Я продолжаю то, что началъ на «Боннардѣ»: выдумываю исторіи, чтобы посмѣшить известный кружокъ людей, а ты, ты продолжаешь представлять и разыгрывать различныхъ героевъ, мѣнять маски страстей и преступленій.

— Да, но я боюсь, что, какъ тогда на «Боннардѣ», я сохранилъ пуговицы моего лицейского мундира».

Нужно вамъ сказать, что Леонсъ подвизался на театральныхъ подмосткахъ, но безъ особенного успѣха. Такъ какъ онъ не кончилъ консерваторіи, ему пришлось дебютировать въ маленькихъ роляхъ на различныхъ сценахъ въ парижскомъ округѣ.

Въ 1868—69 г. онъ игралъ въ театрѣ Монпарнассъ на улицѣ de la Gaîté, вмѣстѣ съ однимъ красавцемъ, тогда еще совершенно неизвѣстнымъ, но прославившимся впослѣдствіи—съ M. S. Я не знаю, какой окладъ получалъ M. S. въ ту пору, но, поскольку мнѣ помнится, на долю Леонса приходилось 40 франк. въ мѣсяцъ, которые получалъ онъ очень неаккуратно. Я его разъ спросилъ: не ждетъ ли онъ прибавки.

— Ахъ не говори: я получалъ 40, а теперь меня посадили на 20,— отвѣтилъ онъ со своей горькой улыбкой въ уголѣ губъ, всегда производившей на меня такое странное впечатлѣніе.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя разгорѣлась война, обѣ ея объявленія я не могу дать вамъ никакихъ подробностей. Въ мастерской Делакруа, которая служила мнѣ кабинетомъ, были эскизы, набросанные рукой художника, и большая декоративная картина — Ризнера, родственника Делакруа, набросокъ одного изъ плафоновъ въ «Hôtel de Ville», изображавшая «Побѣду», возносящуюся въ свѣтлыѣ одеждахъ и трубящую въ побѣдный рогъ.

Въ то юльское утро 1870 г., когда въ памятномъ засѣданіи палаты Грамонъ объявилъ войну, приблизительно въ тотъ же самый часъ, громадная картина безо всякой видимой причины упала съ шумомъ на полъ.

Нѣсколько дней спустя я получилъ отъ Леонса чудное письмо:

«Я не хочу больше разыгрывать комедію: я хочу вступить въ серьезную жизнь. До сихъ поръ я изображалъ дѣйствія другихъ, теперь я буду дѣйствовать за свой счетъ. Я поступилъ въ полкъ тѣхъ Винсенскихъ стрѣлковъ, которыхъ мы такъ любили на «Боннардѣ». Тогда и я вернулся въ Парижъ, пересталъ писать романы и драмы, пересталъ рассказывать исторіи для «шпанцевъ» и въ продолженіе всей войны прослужилъ въ 96 полку національной гвардіи, въ лагу-чихъ отрядахъ, дѣлавшихъ вылазки. Увы! я долженъ сказать, что тѣ рѣдкіе залпы, которые мнѣ пришлось посыпать пруссакамъ, я посыпалъ не изъ своего батальона, что не въ немъ слышалъ свистъ непріятельскихъ пуль, трескъ ихъ гранатъ. Нашъ батальонъ оставался въ бездѣйствіи, не по своей винѣ, а благодаря парижскому губернатору Трошю, который боялся гражданскаго элемента и никогда не пускалъ въ ходъ всего запаса людей, бывшихъ у него тогда въ Парижѣ подъ руками. Конечно, во все время 6-мѣсячной осады я ничего не слыхалъ о Леонсѣ, но я часто думалъ о немъ, когда мы стояли на стражѣ и когда на аванпостахъ, глядываясь въ туманную сѣжную даль, изъ которой, казалось, доносились отзвуки перестрѣлки, говорили: «это приближается Шанзи» или, когда вѣтеръ дулъ съ сѣвера: «Федербъ, навѣрно, не далеко». Я думалъ о двоюродномъ братѣ, я представлялъ его себѣ внезапно появляющимся въ числѣ стрѣлковъ-освободителей... но каждый разъ наступало разочарованіе. Шанзи не приходилъ, Федербъ былъ далеко, и, когда ворота побѣжденного Парижа открылись, у меня все еще не было извѣстій о миломъ Леонсѣ. О, не заставляйте меня снова говорить обѣ эти

дняхъ: они были слишкомъ зловѣщи; въ воздухѣ, казалось, носилось предостереженіе, что ужасныя несчастія должны свершиться.

Наконецъ, я узналъ, чтосталось съ моимъ бѣднымъ другомъ: Леонсъ исчезъ послѣ побѣды въ Бопомъ; онъ находился въ арміи Федерба въ 18-мъ стрѣлковомъ полку, гдѣ командовалъ въ первой линіи, въ качествѣ отличеннаго медалью сержанта. При началѣ схватки онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, но не оставилъ своего отряда и сдѣлалъ перевязку тутъ же на полѣ битвы,—это рассказывали очевидцы. Вторая пуля опять пробила ему руку, онъ не могъ уже держать ружья и всетаки остался, чтобы поддержать своимъ примѣромъ другихъ. Когда силы его оставили, онъ перевѣсили ружье черезъ плечо и пошелъ на перевязочный пунктъ, сказавъ своимъ стрѣлкамъ: «Не бойтесь, друзья! Все идетъ хорошо!»

«Съ этой минуты его больше не видали, о немъ ничего не слыхали».

Мать его, вдова, долго не получая писемъ, написала вѣмъ начальникамъ, на всѣ перевязочные пункты, гдѣ еще оставались солдаты, потомъ въ Германію, куда, какъ она думала, сынъ попалъ въ пленъ, но отовсюду приходилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣть известій». И вотъ, несчастная мать отправилась въ тяжелый путь. Она поѣхала къ Федербу, который изъ состраданія велѣлъ свести ее на полѣ битвы «Бопомъ», а оттуда на всѣ перевязочные пункты и госпитали Сенъ-Бантенскаго округа.

Она вернулась разбитая, обезсиленная, проѣхавъ на возвратномъ пути въ Нимъ черезъ Парижъ, тая въ сердцѣ молчаливую надежду, въ которой она не смѣла громко признаться, что Леонсъ неожиданно, внезапно вернется.

— Видишь ли, дитя мое,—говорила она мнѣ,— самое ужасное это—проклятый колокольчикъ входной двери! О, онъ звонить десять, двадцать разъ въ часъ, онъ отыскиваетъ меня во всѣхъ уголкахъ дома, онъ заставляетъ каждый разъ вздрогивать мое сердце и бѣжать въ аптеку, чтобы посмотреть—не «онъ» ли это?

Она вернулась въ свой печальный домъ. Сколько дней, сколько недель, сколько лѣтъ еще продолжалась пытка бѣдной матери, какъ долго терзалъ ее этотъ колокольчикъ, вѣчно звенѣвшій какъ золотая погремушка надежды, которая не умираетъ въ сердцахъ матерей? Я часто, часто потомъ думалъ объ этой трагической смерти. Очевидно, Леонсъ былъ раздавленъ и обезображенъ какой-нибудь гранатой, когда онъ возвращался съ перевязочного пункта. Вмѣстѣ съ другими печальными останками, покрывающими поле битвы, его бросили ку-

да-нибудь въ канаву. Если, пораженный три раза въ одинъ день, онъ, упавъ, почувствовалъ приближеніе смерти, мнѣ думается, быстрый преждевременный конецъ не поразилъ его. Тайное предчувствіе должно было ему подсказывать его все время. Такъ объясняю я себѣ эту блѣдную улыбку въ уголкѣ губъ на миломъ любимомъ лицѣ, улыбку, смущавшую меня такъ часто. Съ ней я вижу тебя, милый товарищъ дѣтства, лежащимъ на поляхъ Бопома, съ ней,—съ этой мрачной улыбкой разочарованія, которой запечатлены всѣ молодыя смерти,—являешься ты передо мной въ часы раздумья.

Пер. Максъ Ли.

БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

Новелла Антонія Потоцкаго (Грота).

Переводъ съ польского.

I.

Какъ мнѣ не хочется приподнимать вѣки! Я знаю, что увижу: прежде всего въ мои измученные глаза до боли сильно ударить противная, рѣзкая ясность осенняго дня, а потомъ мнѣ принесеть пріѣтствіе убогая мебель, глупо торчащая вдоль стѣнъ. Я ненавижу эти грязныя стѣны, ненавижу чахоточный хрингъ самовара, изъ котораго Ядзя теперь завариваеть въ кухнѣ чай, ненавижу табуретку, на которой лежитъ мое платье.

Ядзя, въ ужасной бѣлой кофтѣ и въ полосатой юбкѣ, конечно, уже цѣлый часъ находится въ движениі. Она прибираеть, чистить, и все это дѣлаетъ безъ шума, скользя съ мяста на място какъ тѣнь, съ глубоко сосредоточеннымъ лицомъ. Я ненавижу тихое шлепанье ея истоптанныхъ туфель, ненавижу ея бѣлую кофту.

Теперь она, навѣрно, смотрить въ окно, не попадеть ли Антекъ подъ дождь, когда отправится въ школу. Зачѣмъ это? Не видить она, что ли, что теперь стоить сѣрый осенний день, что желѣзныя крыши свѣтятся скверной, ослизлой сыростью, и что, куда ни погляди— дымъ, ядовитыя испаренія, туманъ...

Теперь она входить къ дѣтямъ и мягко обликаетъ ихъ:

— Дѣти, вставать, скоро восемь!...

Черезъ минуту она предстанетъ предо мною. Готово.

— Вставай, Юзя, проспишь, какъ тогда.

Вѣчно это какое-то «тогда», которое она напоминаетъ мнѣ каждое утро.

— Я не сплю.

Можетъ быть, она уйдетъ. Нѣть, чувствуя, что стоить.

- Встаешь?
- Встаю.
- Куда ты спряталъ деньги?
- Я никуда не пряталъ.
- А въ сюртукъ ихъ нѣть.
- Значить, и нѣть.
- Минута молчанія.**
- Юзя?
- Что?

Я знаю, что она скажетъ. Она скажетъ: «что-жъ ты думаешьъ объ этомъ»?

— Что-жъ ты думаешьъ объ этомъ, Юзя? Еще вчера у тебя было пять рублей?

И я также знаю, что отвѣчу. Я отвѣчу: «рѣшительно ничего не думаю».

Ядзя опять молчитъ. Сущее наказаніе съ этимъ смѣшнымъ болѣремъ.

- Возьми изъ верхняго кармана жилета.
- Только одинъ рубль.
- Больше у меня нѣть.

Ядзя, не говоря больше ни слова, береть деньги, сбрасываетъ свои тихія туфли и надѣваетъ башмаки. Это значитъ, что она идетъ въ лавочку, хотя туда могла бы пойти и Янѣва. Я уже сто разъ говорилъ, чтобы она не чистила мнѣ сапогъ, и всегда, на зло мнѣ, она возьметъ и вычиститъ. Я сто разъ говорилъ, что въ лавочку должна ходить баба,—Ядзя, на зло мнѣ, ходить сама. Ахъ, какъ я ненавижу это вѣчное самопожертвованіе, на которое никто не обращаетъ вниманія! Какъ я ненавижу эти скромныя добродѣтели и лицъ скорбящей Мадонны по поводу какой-нибудь разбитой крынки! Впрочемъ, что-жъ подѣлаешь!

Дѣти встаютъ. Собственно говоря, встаетъ Антекъ, которому я почти машинально кричу то, чтѣ мнѣ самому за минуту передъ этимъ говорила Ядзя:

— Антекъ, поворачивайся поскорѣй, а то опять опоздаешь, какъ тогда.

Пора и самому вставать, но сначала нужно дать Антку умыться. Отчего это Антекъ такой здоровый, румяный крѣпышъ, а Марійка всегда блѣдна, какъ полотно?

— Крошка, иди сюда скорѣй!

Приходить крошка въ одной рубашонкѣ, всматривается въ меня глазками и тихо улыбается.

— Отчего ты, крошка, такая блѣдная, а?

Изъ нея выйдетъ второе изданіе самоотверженной Мадонны. Но какъ она похожа на Ядзю: та же блѣдная улыбка въ углахъ губъ. Она уже и теперь умѣетъ потирать лобъ лапкою, какъ это иногда дѣлаетъ Ядзя. Бѣдненькая...

Отчего, однако, я не сказалъ ей, что деньги вчера истратилъ на эти приборы. А, впрочемъ, все равно.

Часы бывать восемь.

Марійка поднимаетъ палецъ и начинаетъ считать:

— Часъ...

— Да, часъ. Ну, теперь я буду одѣваться, а ты пойдешь въ братишки.

— Мама одѣлась?

— Одѣлась, одѣлась, и сейчасъ принесеть тебѣ будочку.

Черезъ минуту возвращается Ядзя, задыхающаяся, съ какими-то крохами провизіи въ бѣлыхъ пакетахъ. Это зрѣлище всегда приводить меня въ бѣшенство. Естественно, она молчитъ, не соблагоизволивая обращать на меня вниманія, какъ на расточителя, который... и т. д. Антекъ пожираетъ вторую булку, запихивая одновременно третью въ ранецъ. Марійка уже сидитъ на высокомъ стулѣ и грустно ожидаетъ, пока мама остыдить молоко.

— Урокъ знаешь? — спрашиваю я у Антка.

— О, отлично!

Должно быть, знаетъ. Онъ вообще занимается хорошо, чтò не мѣшаетъ ему по вечерамъ углубляться въ чтеніе Робинзона. Зато соплякъ, обитающій на Гожей улицѣ, отравляетъ мою жизнь непостижимою тупостью и разными вывертами. Уже поздно, я едва въ молчаніи успѣваю проглотить чай, который ожигаетъ мнѣ горло

— Ты не могла налить мнѣ раньше?

Я начинаю жалѣть, что у меня вырвались такія слова. Но Ядзя съ телячьей покорностью отвѣчаетъ:

— Извини, сегодня все какъ-то опоздало.

Собственно говоря, во всемъ виноватъ одинъ я, потому что денегъ у нея не было, а будить меня она не захотѣла. При выходѣ она напоминаетъ мнѣ, чтобы я зашелъ въ редакцію, можетъ быть, есть какая-нибудь переписка.

— Ахъ, оставь меня въ покой! Я былъ вчера, не таскаться же мнѣ туда каждый день.

Къ несчастью, съ угла улицы я долженъ возвращаться: забыть приборы. Ядзя встрѣчаетъ меня съ ними въ сѣняхъ, я почти вырывалъ ихъ изъ ея рукъ и мчусь на Гожую

Если бъ не ненастный день, заглядывающий въ огромное окно классной комнаты, если бъ не то, что я забылъ папирсы, и если бъ прежде всего, не отчаянно заспанный голосъ слабоумнаго соплика, то я, можетъ быть, меньше страдалъ бы отъ извергаемыхъ имъ непостей, изъ которыхъ состоять главнымъ образомъ, таъ называемыя, бесѣда. То, что я опоздалъ на четверть часа, мнѣ сильно повредить. Я долженъ сломя голову бѣжать съ Гожей на Жабью.

За окномъ нашему уроку вторять всевозможные звуки двора четырехъэтажнаго дома. Каждую минуту появляется какой - нибудь разносчикъ, и я готовъ принять присягу, что мальчикъ больше прислушивается къ его словамъ, чѣмъ къ моимъ. Потомъ раздается скрипучій голосъ женщины, скучающей кости. Потомъ слышно, какъ зачасть насосъ и какъ вода льется по асфальту. А надо всѣмъ этиль торчить уголъ дома, неимовѣрно глупо увѣшенный рогомъ изобилия, изъ котораго теперь сочится грязная дождевая вода. Другой часъ съ барышней проходить скорѣй, потому что я уже заранѣе знаю, что спрашивать мнѣ ни о чѣмъ не полагается, нужно только говорить, говорить, говорить... Барышня обижается, если я черезчуръ подробно разспрашиваю о щекотливыхъ процессахъ питанія. Наконецъ, мама съ любезною улыбкою уже предупреждала меня, что «Янина настолько понятлива, что ей будетъ достаточно, если вы ей только изложите свой предметъ наглядно, конечно, по мѣрѣ возможности». Разумѣется, «наглядно». А, впрочемъ, мнѣ все равно, лишь бы только я получилъ сегодня плату за уроки. Домъ этотъ очень порядочный, какъ я убѣдился при различныхъ обстоятельствахъ, и вотъ ровно въ одиннадцать часовъ входить барыня.

— Я не мѣшаю?

— О, будьте добры!

Барыня обращается къ дочери съ тонкимъ замѣчаніемъ:

— Янина, надѣнь пальто, мы сейчасъ выйдемъ.

Это означаетъ, что будетъ происходить педагогический разговоръ. Барыня углубляется въ кресло, незамѣтно придерживая таинственный конвертъ. Я чувствую, какъ стулъ подо мною горитъ. Что будетъ съ урокомъ на Жабьей?

— У меня къ вамъ большая просьба.

— Чѣмъ могу служить вамъ?

Барыня, наконецъ, набирается отваги.

— Мой младшій сынъ уже въ такомъ возрастѣ, что я желала бы, чтобы онъ началъ проходить систематическій курсъ. Разумѣется, я говорю о бесѣдахъ. Я знаю, что вы удѣляете вниманіе только дѣтямъ старшаго возраста, но для насъ вы, можетъ быть, сдѣлаете

люченіе. Мой мужъ и я возлагаемъ на васъ очень большія упова-

. Мой мужъ, собственно говоря, самъ хотѣлъ потолковать съ вами.

Но, конечно, у него не было времени. Если бы не Жабья улица, можетъ быть, съ интересомъ поговорилъ бы съ этой представи-
тельницей дѣятельного и порядочнаго типа. Но мнѣ никогда, и я то-
глико заявляю, что, мнѣ кажется, я могу найти у себя еще одинъ
ободный часъ, хотя изнываю при мысли, что мнѣ предстоитъ
осто-напросто ремесленная работа. Потомъ,—ужъ не знаю въ ко-
рый разъ,— я успокаиваю барыню, что «теперешняя педагогика
итаетъ естественные науки... и т. д.». Наконецъ, я понижую до
которой степени уровень требованій, то-есть назначаю за добавоч-
ный урокъ только десять рублей и выбѣгаю съ бѣльмъ конвертомъ.

— На Жабью!

II.

Съ высоты одноконной пролетки міръ представляется въ самомъ
еприглядномъ видѣ: отвратительная грязь большого города, тонкимъ
лоемъ размазанная по улицамъ и тротуарамъ, сгорбившійся воз-
ица и лошадь, смѣшно подрыгивающая лѣвою лопatkой. Я чувствую
который родъ стыда за то, что пользуюсь этимъ экипажемъ. Я
ясно понимаю, стыжусь ли я по поводу сквернѣйшей запряжки,
ли по поводу фальшивости положенія моего понощенаго пальто на
той сквородѣ, которую люди, однако, считаютъ чѣмъ-то вродѣ
юскоши.

По совѣсти говоря, я долженъ быть бы скорѣе стыдиться сего-
няшняго «катценъяммера», по милости котораго снова огорчилъ
Язю... Но это не важно,—деньги есть, а сдѣлать ей новое пальто
давно пора. Время идетъ къ дожду...

На углу улицы я узнаю высоко засученные панталоны и полиня-
лый зонтикъ коллеги-педагога съ Жабьей улицы. Меня охватываетъ
дрожь непонятнаго отвращенія при видѣ монотоннаго шлепанья по
лужамъ осторожно ступающихъ ногъ бѣдняка. Я отворачиваю голову,
что въ соединеніи съ злополучной пролеткой окончательно погубить
меня въ демократическомъ мнѣніи коллеги, и готовъ снова разлиться
потокомъ философскихъ рефлексій...

О, богема!...

У воротъ я снова вспоминаю о папироахъ, потому что у меня
начинаетъ царапать въ горлѣ. Въ лавочкѣ, понятно, нельзя размѣ-
нять двадцатипятирублевой бумажки,—я долженъ ждать, потому что
и у извозчика нѣть «такихъ денегъ»... Такихъ денегъ!...

Наконецъ, хотя и поздно, я готовъ приступить къ послѣдней уроку.

Такъ какъ молодой сынъ богатыхъ родителей, обучающійся у мене физиологии, обладаетъ неимовѣрно критическимъ умомъ, то меня во-рою встрѣчаютъ различныя неожиданности. Молодой человѣкъ любить ловить меня на противорѣчіяхъ.

— Извините меня, вы когда-то говорили, что у рыбъ такъ теплая кровь?

— Ну, и что же?

— Во-первыхъ, я самъ недавно бралъ живую рыбу въ руки и убѣдился на опыте, что она холодная... А во-вторыхъ, почему же они называются животными холоднокровными?

Я чувствую, что этотъ вопросъ требуетъ простого объясненія,—чувствую, но настолько раздражаюсь этимъ тономъ торжествующаго нахальства, что отвѣщаю рѣзко, съ озлобленіемъ.

Теперь я могъ бы спокойно возвратиться домой и отдать Ядзѣ деньги, могъ бы тотчасъ же пойти и купить ей пальто. Но мнѣ нужно сѣсть что-нибудь и зайти въ книжный магазинъ, гдѣ меня ожидаетъ сущее чистилище.

Въ оловянной глубинѣ неба, словно клубы дыма, шибко и извѣ- плывутъ разрѣженныя облака. Дождя уже нѣть, только холодная пронзительная сырость осаживается повсюду невидимыми каплями и придаетъ каменнымъ домамъ и крышамъ какой-то мертвый, болотный отблескъ. Въ такие дни жельцъ всасывается куда-то внутрь и насы-щается весь организмъ какою-то необъяснимою горечью и ни на ми-нуту не преображающимся раздраженіемъ. Даже безстрастныя колонны цифръ въ бухгалтерскихъ книгахъ, которыхъ я долженъ вести въ течениѣ двухъ часовъ,—даже онѣ кажутся какими-то злобными змѣ-ками, выползающими наверхъ... Хорошо, что я не пошелъ домой Ядзѣ, навѣрно, что-нибудь шѣсть или штопаетъ, а я не люблю этого зрѣлища. И она не любить, когда я присутствую при таинственныхъ обрядахъ, такъ называемаго, домашняго очага. Это часы, когда она купаетъ Марійку, готовить обѣдъ, штопаетъ и возрождается изъ небы свои туалетные фениксы. Почемъ я знаю, чего она только не на-дѣляетъ въ теченіе этихъ часовъ? Должно быть, уже четыре часа, потому что я голоденъ до бѣшенства.

Четверть пятаго. Крошка спить подъ кисеей. Ангелъ укладываетъ сумку. Ядзи нѣть дома.

— Гдѣ мама?

— Мама сказала, что скоро возвратится.

Чортъ угораздилъ! вѣчно какія-то дѣла, о которыхъ я не имѣю малѣйшаго понятія. Не могла она подождать полчаса, — знаетъ, о ненавижу одинъ сидѣть за обѣдомъ.

- Ты не знаешь, куда она пошла?
- Не знаю. Еѣ мамъ приходилъ посыльный.
- Давно?
- Какъ только мама уложила Марійку.
- Вы обѣдали?
- Мама оставила тебѣ.

Нѣсколько минутъ тому назадъ я былъ голоденъ, какъ волкъ, а сперь едва могу прикоснуться къ пищѣ. Въ особенности меня бѣгать сакраментальное яблоко, лежащее на блюдечкѣ, — знакъ супружеской заботливости. Сколько разъ я говорилъ, чтобы мнѣ давали, что ѓдѣять всѣ остальные.

- Антексъ, ты єѣмъ яблоко?
- Антексъ отвѣчаетъ уклончиво:
- Мама это тебѣ оставила.
- Ну, тогда съѣшь его.
- Антексъ колеблется.
- Быть, коли тебѣ говорять.

Часы монотонно стучать, отъ времени до времени Марійка вздохаетъ подъ своею кисеєю. Я чувствую глухой приливъ злости, увеличивающійся по мѣрѣ того, какъ шаги на лѣстницѣ, за которыми я лѣжу противъ воли, теряются гдѣ-то внизу. Какія у нея могутъ быть дѣла? Вѣроятно, какое-нибудь глупое собраніе съ цѣлью «объединенія» или еще чего-нибудь подобнаго. Яблоко на зло мнѣ оставила, а о томъ, чего я выносить не могу, и не подумала. Мнѣ хочется походить по комнатѣ, но я не могу, потому что иначе разбудишь Марійку.

- Что ты таскаешься изъ угла въ уголъ, Антексъ?
- Я такъ себѣ, ничего, папа.

Я внимательно осматриваю мальчика, и мнѣ становится его жаль, потому что лицо у него очень озабоченное. Да, наконецъ, въ чемъ онъ виноватъ?

- Тебѣ не влетѣло сегодня?
- Антексъ, видимо, ждалъ этого вопроса.
- О, нѣтъ, папа, я получилъ пятерку изъ ариѳметики и тройку изъ чистописанія.

Собственно говоря, въ глубинѣ души я доволенъ мальчикомъ, я даже раздѣляю его нерасположеніе къ каллиграфіи, но не могу противиться искушенію помучить его.

— Почему же именно тройку изъ чистописанія?

Антець пускается въ объясненіе разницы между гусинымъ перомъ и стальнымъ. Потомъ, переждавъ минуту, онъ снова припадкается ко мнѣ.

— Папа, можно мнѣ найти къ Владку?

— Зачѣмъ?

— Они пойдутъ смотрѣть панораму.

— А уроки знаешь?

— Знаю, мама прослушала меня.

Я молчу довольно долго, хотя мальчишкъ отъ неувѣренности блѣдишьтъ, то краснѣшьтъ.

— Ну, иди, если съ вами пойдетъ отецъ Владка. Вотъ тебѣ дуриківенный.

— Папа, у меня есть, мнѣ мама дала.

— Бери, коли тебѣ даютъ.

Меня доводить до бѣшенства это вѣчное упоминаніе имени мамы. А умная мама пошла въ тоненькой пелеринкѣ, чтобы простудиться изъ-за какого-то тамъ дѣла. И снова плывутъ часы злобного ожиданія, мысль же все возвращается къ той же самой точкѣ: куда она пошла?

Въ комнатѣ царствуетъ порядокъ, на ея столикѣ лежитъ французъ «Наука о вещахъ». Какая-то новая педагогическая машина. Я беру книгу къ себѣ на диванъ и черезъ минуту, перелистывая ее, забываю о своей злости, которая на время прячется куда-то въ глубину.

Наконецъ-то! Легкіе шаги останавливаются на соломенной подстилкѣ кухни, а черезъ минуту я слышу щелканье ключа.

— Юзя пришель? — долетаетъ шепотъ изъ кухни.

Я молчу.

Ядзя входить слегка сконфуженная и останавливается на цыпочкахъ передъ диваномъ.

— Юзя, ты спиши?

Я всетаки молчу. Тогда она поворачивается и направляется въ дѣтскую комнату.

— Скажи, пожалуйста, куда ты порхала?

Ядзя снова впадаетъ въ неподвижность, испуганная звукомъ моего голоса.

— Всѣ эти твои порханья окончатся болѣзнями.

Я хотѣлъ бы, чтобы она отвѣтила мнѣ рѣзко, но нѣтъ.

— Дорогой мой, я должна была пойти, Зося присыпала сказкой, чтобы я непремѣнно пришла на Вилчью.

— Какое мнѣ дѣло до твоей Зоси! Я не выношу, чтобы ты убѣла въ обѣденную пору.

Ядзя закусывает губу и пятится къ дверямъ. Я смотрю на нее съ безсильною жестокостью и продолжаю, ужъ самъ не сообразя чѣд.

— Какая-то тамъ еще Вилчья! Чортъ бы побралъ всѣ эти дѣла объединенія.

Ядзя оживляется.

— Никакихъ объединеній нѣть, а дѣло въ томъ, что Зося перѣала мнѣ одинъ изъ своихъ уроковъ, потому что ей не подѣ силу.

А... новый монументъ тихаго самопожертвованія. Теперь меня хватываетъ бѣлая злость, флегматическая, размѣренная.

— Да? а я говорю тебѣ, что ты никакихъ уроковъ давать не будешь,—Ядзя смотритъ на меня широко раскрытыми, изумленными глазами и незамѣтно пожимаетъ плечами.

— Знаешь, этотъ урокъ мнѣ очень на руку. Наконецъ, мы уже говорили о томъ, о чёмъ идеть рѣчь теперь.

— То-есть, о томъ, что я не хочу этого.

— Но, дорогой мой, не обращайся со мной, какъ съ ребенкомъ. Вѣдь я такъ же могу хотѣть чего-нибудь. Вѣчно какая-то опека, всюду ты хочешь попасть самъ и, попросту, убиваешь себя... Скажи, зачѣмъ ты меня терзаешь, мучаешь, угнетаешь?

Все это я слушаю почти съ наслажденіемъ, заранѣе подготавливаясь къ самому содержательному отвѣту.

— Во-первыхъ, я обращаюсь съ тобой, какъ съ ребенкомъ, потому что ты и есть ребенокъ. Во-вторыхъ, не употребляй ты никогда безъ толку своихъ бабыхъ «вѣчно» и «всюду». Вѣ-третыхъ, терзать, мучить и угнетать — это синонимы, а вѣ-четвертыхъ, никто здѣсь твоего самопожертвованія не требуетъ.

Я очень ясно понимаю мѣру жестокости, заключающуюся въ моемъ отвѣтѣ. Ядзя медленно уходитъ, нѣ говоря ни слова, и только по ее губамъ пробѣгаєтъ какая-то нехорошая судорога.

— Мученица!

За стѣною я слышу глухой звукъ рыданія, подавляемаго нечеловѣческою силой, и, уже почти въ безпамятствѣ, бросаю послѣднюю фразу:

— И совсѣмъ тебѣ лучше не капризничать, пока ты не обзаведешься будуаромъ, специально предназначеннымъ для этой цѣли.

Одновременно съ этимъ я чувствую, что меня какъ будто ударили по лицу и конвульсивно смолкаю.

— Ахъ! какъ же это подло!

Теперь типшина водворилась надолго,—никто изъ нась, навѣрно, не прервѣтъ молчанія. Я лежу безъ всякаго дѣла на диванѣ и смотрю на поль. Ядзя въ соседней комнатѣ какъ-то сразу умолкла. Да и зачѣмъ ей, по совѣсти, плакать и огорчаться, если то, что я сказаъ, было просто — напросто глупо и смѣшно? Жаль тратить здоровье на такое свинство. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе, я рисую себѣ картину теперешняго состоянія духа Ядзи и нахожу въ этомъ нѣботорое успокоеніе. Проходитъ еще четверть часа, въ теченіе котораго Ядзя зажигаетъ машинку и начинаетъ кипятить молоко. Марійка скоро проснеться. Интересно,—принесетъ ли она мнѣ ее или нѣтъ? Я стараюсь придать себѣ насколько возможно болѣе благодушный, отцовскій видъ.

Марійка уже разговариваетъ съ матерью.

— Молочка.

Послѣ молочка она скажетъ: «на ручки». Ядзя отвѣчаетъ ей по-тихоньку: что?

— На ручки.

Я слышу, какъ Ядзя поправляетъ ей рубашку и подходитъ къ окну, но крошка не легко даетъ выбѣтъ себѣ изъ обычной колеи.

— Къ папѣ.

Интересно... Ядзя подноситъ Марійку къ двери и выпускаетъ ко мнѣ, но сама не входитъ.

— Можетъ быть, тебѣ холодно?—спрашиваю я.

Брошь вскарабкивается на диванѣ и показываетъ на ножки.

— О, чулочки!

— А не холодно тебѣ?

Марійка качаетъ головою.

— Папа, сдѣлай «что я вижу».

Я беру ее на руки и поднимаютъ кверху. Брошь повторяетъ за мною:

— Гдѣ я?

— Гдѣ я?

— Что я вижу?

— Что я вижу?

— Маршъ наземь!

— Маршъ наземь!

Эта игра называется «что я вижу».

Послѣ каждого снисхожденія на землю крошка повторяетъ, покатываясь со смѣху:

— Еще «что я вижу»!

Ядзю даже и это не выманиваетъ изъ соседней комнаты. Мнѣ

ановится какъ-то необыкновенно грустно и, цѣлуя крошку, я
загчу:

- Иди, крошка, къ мамѣ.
- А ты гдѣ будешь?
- Я пойду въ городъ.

Собственно говоря, у меня не было такого намѣренія. Марійка, легка обиженная, бѣжитъ къ мамѣ, а я медленно начинаю искать ляпку, пальто, трость. Ядзя два раза появляется въ дверяхъ, какъ будто не находя смѣлости пробормотать что-то, наконецъ, у меня же нѣтъ предлога ждать дольше, и я берусь за дверную ручку, наконецъ и на Ядзю нападаетъ смѣлость.

- Ты надолго уходишь?

Откуда вдругъ у меня берется сухой тонъ, какимъ я отвѣчаю ей:

- По всей вѣроятности, къ чаю не возвращусь.

Ядзя опять молчитъ.

- Въ такомъ случаѣ... извини... у меня...

Я пожимаю плечами и выхожу.

- Я говорю... оставь мнѣ денегъ.

При этихъ словахъ она вся краснѣеть и даже не смотритъ на меня, а я во второй разъ испытываю впечатлѣніе, какъ будто мнѣ дали пощечину: я забыть! А вѣдь я только объ этомъ и думалъ въ геченіе цѣлаго дня!...

Какъ это мелко!

Довести ее до того, чтобы она чувствовала себя униженной, прося деньги, которые ей необходимы. Оказывается, что не нужно быть скотомъ или, такъ называемымъ, тираномъ, чтобы топтать чужую душу,—достаточно быть интеллигентнымъ самцомъ и обладать нервами. Какой-то ясный, а можетъ быть и просто безстыдный холодъ развертывается передъ моими умственными очами эти будничныя рефлексіи. О, я знаю и этотъ, какъ будто безжалостный судъ надъ собою, состоящей въ мысленномъ подборѣ наиболѣе энергическихъ эпитетовъ. Знаю я это. Въ концѣ-концовъ, это только лишь цинизмъ, который отвлекаетъ внимание отъ обсуждаемаго предмета. Что это грубо, мелко, пошло,—я знаю. А какъ отъ этого остеречься, что сдѣлать, чтобы подобныя сцены не повторялись?

На прошлой недѣлѣ я устроилъ цѣлый скандалъ по поводу долгаго сидѣнья надъ какою-то книжкой, и также безъ всякаго основанія, потому что книжку было необходимо прочесть.

Наконецъ, даже и женщина имѣть право просидѣть два часа надъ тѣмъ, что ее интересуетъ.

А то когда-то происходила сцена изъ-за квартиры... Действительно, это была плохая выдумка экономить на одной комнатѣ: положительно, мы черезчуръ часто попадаемся другъ другу подъ ноги. Нельзя необходимо занимать квартиру побольше.

Это рѣшеніе, неожиданно возникшее въ теченіе рефлексіи, пренеполняетъ меня чувствомъ самоувѣренности и пробуждаетъ изъ задумчивости, благодаря которой я дошелъ до Лазенокъ. Я чувствую теперь въ себѣ трезвость людей, ясно смотрящихъ на вещи, и погружаюсь въ разсчеты. Однако, это продолжается не долго.

Мало-по-малу снова нагромождаются какіе-то мелкие первые уколы,—прежде всего меня начинаетъ удручатъ плачевный видъ аллей, перерытыхъ для канализации, обнаженныхъ деревьевъ по обѣимъ сторонамъ дороги и желтыхъ листьевъ, кое-гдѣ приплюснутыхъ грязью къ асфальту. Съ непріязненнымъ чувствомъ я обхожу разныхъ господъ, ради пищеваренія совершающихъ свою послѣобѣденную прогулку, и бонну, ведущую пару дѣтей, одѣтыхъ по-шотландски.

— Все это фарсъ,—говорю я самому себѣ съ жалостью,—тутъ дѣло идетъ вовсе не о деньгахъ. Какое, напримѣръ, отношеніе имѣть деньги къ тому, что я тогда отъ злости выбросилъ цѣлое блюдо съ кушаньемъ въ окончикъ? Просто-напросто, и у меня, и у нея страшно разстроены нервы. Впрочемъ, нѣтъ: почему же съ дѣтьми я никогда не дѣлаю глупостей? Вѣдь я даже и Ядзю часто называю «третьимъ ребенкомъ». Нѣтъ, тутъ не въ деньгахъ дѣло; съ матерью, напримѣръ, съ пріятелемъ оно во всякомъ случаѣ приняло бы другой оборотъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Съ Ядзей никакое недоразумѣніе не кончалось иначе, чѣмъ поцѣлуями. Сколько разъ я ловилъ себя на томъ, что когда она говорить мнѣ что-нибудь серьезное, я гляжу на ея глаза или губы? На конецъ, и это служило поводомъ къ сценамъ.

И припомнился мнѣ снова одинъ изъ эпизодовъ (это было еще до рождения Марійки), когда мы поссорились съ нею изъ-за одной ее подруги, которую я терпѣть не могъ. Помню, какъ Ядзя съ энтузиазмомъ расписывала мнѣ моральное совершенства этой барыни, помню, какъ я зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ, и какъ она вырвалась отъ меня съ плачемъ и негодованіемъ.

— Ты всегда относишься ко мнѣ какъ къ ребенку или какъ къ... любовницѣ. Это обидно.

Въ кафе царить послѣобѣденная скуча. Политики еще не сошлись, билліардная зала пуста. Остатки дневного света прячутся въ углахъ, сквозь переплеты оконъ виденъ юрокъ официального, блѣди-

голубого неба, которое передъ вечеромъ очистилось отъ тучь. Я утомленъ прогулкою и пью уже второй стаканъ чернаго кофе. Мною овладѣваетъ довольно приятное чувство,—то ли полуразсѣянности, то ли примиренія съ судьбой: ради чего мнѣ дѣлать трагедіи изъ самыхъ обыкновенныхъ вещей!

Изъ города долетаютъ звонки конокъ и трескъ экипажныхъ колесъ. Вскорѣ по обѣимъ сторонамъ Маршалковской вспыхнетъ двойной рядъ фонарей. Почти безсознательно я подхожу къ окну и предаюсь безцѣльнымъ наблюденіямъ. Дома все болѣе и болѣе окутываются монотонною сѣрою одеждой, которая на меня всегда производить впечатлѣніе нустоты и одиночества. Первый огонь загорѣлся въ угольной лавкѣ—довольно интересный видъ. Прежде это окно давало впечатлѣніе не свѣта, а какого-то оранжеваго отблѣка желтаго цвѣта; потомъ, по мѣрѣ того, какъ темнѣло вокругъ, оранжевая окраска становилась все болѣе желтою, пріобрѣтала прозрачность,—окно казалось слабо освѣщеннымъ воздушнымъ пространствомъ. Теперь же виденъ свѣтъ, падающій изъ глубины, контуры выставленныхъ предметовъ вырисовываются выпукло.

Замглѣсь и фонари, звонки учащаются, колеса стучать еще громче; наступаетъ характерный переломъ дня передъ вечеромъ. Начинается жизнь подвижная, лихорадочная, вечерняя. Снують какіе-то господа въ цилиндрахъ, барыни спѣшатъ домой, нагруженныя свертками. Меня охватываетъ что-то вродѣ зависти при видѣ этихъ людей, спѣшащихъ куда-то и къ кому-то. Я чувствую себя возбужденнымъ и радъ бы пойти, да куда? Я завидую барину въ цилиндрѣ, который съ величайшей послѣшностью вваливается въ парикмахерскій магазинъ, мнѣ завидно смотрѣть на эту послѣобѣдennуу суматоху. Куда бы мнѣ пойти?

Двери въ кафе теперь отворяются безпрестанно, и столъ подъ лампами уже почти весь задрапированъ лыснами, космами волосъ и еще не просохшими газетными листами. Я съ трудомъ нахожу *Курьеръ* и на минуту заглушаю вопросъ,—куда мнѣ пойти? Къ моему плечу прикасается чья-то рука.

— Какъ живете? Что это? и людей не узнаете на улицѣ?

— А, коллега-педагогъ!

— Ну, что у васъ слышно? А у меня, батюшка, по старому—бройнда.

У коллеги множество своихъ словечекъ, вродѣ «бройнда», и онъ щедро расточаетъ ихъ. Въ одномъ отношеніи это человѣкъ очень приятный,—задавая вопросъ, онъ никогда не разсчитываетъ на отвѣтъ.

Съ минуту мы читаемъ молча.

— Ахъ, да,— вдругъ восклицаетъ коллега,— я долженъ попро-
сить васъ на одно засѣданіе.

Онъ понижаетъ голосъ и начинаетъ толковать о какой-то «точкѣ»
вокругъ которой «должна образоваться известная группа людей».

Знаю я эту точку и эту группу, не имѣю ни малѣйшей охоты
попасть на засѣданіе, но коллега уже заранѣе рѣшилъ, что я приглашеннѣе.
А, впрочемъ, почему же бы и нѣтъ?

— Когда ваше засѣданіе?

— Въ пятницу, въ восемь, у меня.

— Жаль, что не сегодня.

— Что? Можеть быть, вы хотѣли сначала поговорить со мной?
Превосходная мысль. Идемте, только сначала на Журавль,
тамъ мы и условимся съ ними, чего намъ держаться.

Сначала я принимаю это предложеніе, тѣмъ болѣе, что коллега
уже встаетъ и платить за меня и за себя.

— Что вы, я уже заплатилъ.

При выходѣ я оказываюсь схваченнымъ подъ руку и словно при-
гороченнымъ къ коллегѣ. Отдаю себя въ распоряженіе его обильному
краснорѣчию.

Зачѣмъ, собственно говоря, я иду туда? Во-первыхъ, и вопросъ
то самъ по себѣ не особенно интересенъ, а во-вторыхъ, для засѣ-
данія еще достаточно будетъ времени.

На углу Журавльской я съ усиліемъ освобождаюсь изъ объятій
коллеги.

— Извините меня, я вспомнилъ, что у меня сегодня другія за-
нятія, никакъ не могу.

Коллега сначала удивляется, потомъ высказываетъ сожалѣніе,
наконецъ соглашается выпустить меня, съ условіемъ, что я не за-
буду о засѣданіи.

— Помните, пятница, восемь.

Онъ трясетъ меня за руку и выбрасываетъ изъ себя любимое
словечко:

— Sursum corda!

Чего онъ бѣсится? Какая ему радость?

Теперь я долженъ идти домой, но по дорогѣ думаю, не нужно ли
мнѣ что-нибудь сдѣлать въ городѣ? Можеть быть, зайти къ кому-ни-
будь? Родственныи дома меня мало привлекаютъ. На минуту у меня
мелькаетъ мысль навѣстить двухъ холостяковъ, проживав-
шихъ вмѣстѣ, художника и литератора. Но я вѣ-время вспоминаю
ихъ неизбѣжныи сосиски, чай, сигары и злобныи размышленія ху-

ожниба надъ только что полученнымъ *Курьеромъ*, за исключеніемъ отораго онъ, впрочемъ, ничего и не читаетъ. Что мнѣ за дѣло до ихъ?

Во второй разъ я уже прохожу мимо своей улицы, и вдругъ, какъ аллюцинація, передъ моими глазами предстаютъ Ядзя съ Маріей и колѣняхъ и Антекъ, рассказывающій о панорамѣ. Уже восьмой ась,—они сейчасъ будуть пить чай. Сдѣлаю имъ сюрпризъ. Мнѣ кажется, что эта мысль съ самаго начала моихъ колебаній — куда юти, упорно гнѣздила въ моей головѣ, только я не могъ встричьтися съ нею въ хаосѣ безполезныхъ рефлексій. Тѣмъ не менѣе, ящаща маленькое беспокойство, въ третій разъ поровнявшись съ воинъ переулкомъ. И я отступаю еще разъ, но только за тѣмъ, чтобы айти въ лавочку.

Въ лавочкѣ цѣлая толпа покупателей, мнѣ достаточно времени подумать, чтѣ купить. Нужно вино для Ядзи,—бѣдняжка что-то наинаетъ худѣть. А докторъ прописалъ вино разъ навсегда. Крошкѣ Антку куплю винограду. Въ концѣ я вспоминаю, что, можетъ быть, нихъ нѣть ничего къ чаю, и покупаю ветчины.

Теперь я опять чувствую утомленіе цѣлаго дня, но это чувство совсѣмъ не похоже на предыдущее,—это утомленіе вечернее, соединенное съ нѣкоторымъ духовнымъ подъемомъ. Мною овладѣваютъ обрыя чувства отца семейства, возвращающагося домой; свертки я тесу заботливо и не безъ удовольствія нащупываю тростью дорогу.

— Бѣдная моя Ядзя...

Дѣти давно уже заснули. Ядзя приносить мнѣ къ письменному столу третью чашку чаю, подливаетъ вина, а сама возвращается въ ётскую, гдѣ при свѣтѣ лампы съ зеленымъ колпакомъ изучаетъ «Науку о вещахъ». Это—подготовка къ завтрашнему первому уроку.

Со стороны, сквозь двери я вижу, какъ она, наклонившись, сидитъ въ яркомъ кругѣ свѣта, отбрасываемаго лампой. Странная вещь, какъ эта женщина кажется моложе своихъ тридцати лѣтъ, въ осо- ѹенности въ кофтѣ, которая производить впечатлѣніе дѣвической одежды... Ядзя поднимаетъ глаза и встрѣчается съ моими; ея глаза рустины и лицо еще блѣдно. Каждый изъ насъ наклоняется надъ своей книжкой. А когда я снова посыпаю украдкой взглядъ въ ея сторону, Ядзи уже нѣть возлѣ лампы. Вѣроятно, она сидитъ на креслѣ юзлѣ Марійки.

Сегодня я не расположень читать. Я закуриваю паниросу и хожу по комнатѣ такъ, что изъ противоположнаго конца, хоть и наискосъ,

а всетаки вижу Ядзю. Она сидить въ полутиши, только глаза, устремленные на лампу, свѣятся задумчивостью.

Бажется, между нами дѣло устроилось хорошо? Я готовъ ручаться, что она еще терзается чѣмъ-то, хотя я искренно попросилъ у нея извиненія. Она всегда принимаетъ вещи черезчуръ драматически и погружается въ угрюмый рефлексіи. Въ настоящую минуту я не особенно радуюсь этому; я хотѣлъ бы поболтать съ ней таго попросту.

— Ядзя, поди ко мнѣ!

Она приходитъ, но останавливается у дверей.

— Подойди поближе... Ты все еще сердишься?

Ядзя но-дѣтски киваетъ головою, губы и руки у нея точно ждяны.

— Кажется, кто-то не спить,—говорить она, поворачивая голову.

— Ядзя, не фокусничай, ты знаешь, что всѣ спятъ.

Она не отвѣчаетъ ничего, только рука ея начинаетъ дрожать къ моей рукѣ и голова склоняется.

— Ты не поцѣлуешь меня?

Она цѣлуетъ меня въ лобъ холодными губами. Если бъ она болѣ ясно выразила, чтѣ ее огорчаетъ, то я, можетъ быть, сумѣлъ бы ее утѣшить.

— Скажи, Ядзя, что ты дѣлала сегодня еще?

Ядзя отвѣчаетъ, но безъ всякаго жара, что уговорилась пойти сегодня съ Зосей покупать верхнее платье, но такъ какъ я ушелъ, то возлѣ Марійки осталась Зося, а она ходила одна.

— Надѣнь-ка, посмотримъ, идетъ ли это къ тебѣ.

Ядзя надѣваетъ жакетъ, онъ ей къ лицу, но бѣлая кофта идетъ къ ней еще болѣе. Тогда такъ чудесно вырисовывается ея затылокъ, оканчивающійся узломъ русыхъ волосъ.

— А тепло тебѣ въ немъ?

— Тепло... Я не говорила тебѣ, сколько онъ стоять?

— Ну, сколько?

— Угадай.

Смѣшино это бабье «угадай».

— Какъ сказать... рублей пятнадцать?

— Девять! Меньше, чѣмъ я получаю въ мѣсяцъ за урокъ.

«Меньше, чѣмъ я получаю» рѣзкой и противной нотой звучитъ въ моихъ ушахъ. Я машинально цѣлую у нея руку. Мы вкрадцѣ г

имъ о перемѣнѣ квартирь, потомъ Ядзя сводить разговоръ на И урокъ и задаетъ рядъ педагогическихъ вопросовъ.

Около десяти часовъ она вспоминаетъ, что должна написать письмо сестрѣ. мнѣ не хочется отпускать ее отъ себя.

— Какая ты сегодня хорошенъкая! Словно заколдованныя ца-
зна.

Ядзя блѣдно улыбается и повертываетъ голову къ дѣтской. Какъ люблю ея удивительно женственный затылокъ,—этоту мягкую блѣдую нію, теряющуюся вверху въ пышномъ узлѣ волосъ. Я почти без-
значительно цѣлу ѿ нее, когда она повертывается ко мнѣ спиной. Ядзя замѣтно вздрагиваетъ и выходитъ изъ комнаты.

Ненавижу, когда она пишетъ письма. Въ особенности сегодня а могла бы отказаться отъ этого удовольствія; мнѣ все кажется, о эта бесѣда съ отсутствующей персоной отталкиваетъ ее отъ меня, заставляетъ нечувствительной ко мнѣ. Я знаю, что на душѣ у нея не слезы, даже не дешевыя женскія слезы, а скорбь неопределѣлен-
на, безпредметная, рождающаяся въ ней изъ безконечного ряда злыхъ, ежедневныхъ лишений, какъ во мнѣ мои утренніе «катценъ-
меры».

— Брасавица моя Ядзя...

Вдругъ Ядзя встаетъ и опускаетъ дверную портьеру.

— Ложись спать, Юзя, ты усталъ.

— мнѣ вовсе не хочется спать... А ты скоро ляжешь?

— Какъ только окончу письмо.

— Да-а?

— Покойной ночи.

Я молча цѣлу ѿ нея руку.

— Покойной ночи...

Свѣтъ лампы проникаетъ сквозь ткань и невыносимо раздражаетъ меня. Никакъ я не могу схватить сонъ. Лежать мнѣ скверно, и я за-
туриваю вторую папиросу. Напрасно я отворачиваюсь,—черезъ ми-
нуту снова поднимаю голову: все еще свѣтится. Что она тамъ дѣла-
етъ? Охъ, ототь ненужный трагизмъ. Я вздыхаю невольно—а можетъ быть и сознательно—черезчуръ громко и снова приподнимаю голову:
свѣтится. Вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую неопределенную надежду и нетерпѣніе. Что она тамъ дѣлаетъ? Еще не ложилась, потому что я видѣла еще на тѣши ея кофту. Вдругъ свѣтъ гаснетъ, а я машиналь-
но привстаю на локти и напрягаю слухъ. Тишина... Хочу шепнуть:
«Ядзя», но что - то мнѣ не позволяетъ. А ея руки уже ищутъ меня

въ темнотѣ, и горячее, залитое слезами личико безъ словъ наклоняетъ ся къ моему... Лишь одно только встревоженное сердце жалуетъ громко, почти со стономъ волнуясь во взбудораженной груди.

— Ядзя моя, Ядзя...

Боторый часъ? Поздно уже, потому что я не могу поднять отъжелѣвшихъ вѣкъ. Сквозь нихъ я опять вижу свѣтлое пятно изъ портьеръ и чувствую, что это утро, потому что мнѣ холодно... Снова но какъ-то... но я не знаю почему, можетъ быть, потому, что Ядзя въ одной рубашкѣ сидить и забыть у постели Марійки. Безсознательно я натягиваю на себя все одѣяло и погружаюсь въ свинцовый сонъ...

В. Л.

Всемирный язык и народные языки *).

III.

Обозрение ряда попытокъ универсального объединенія языка могло, какъ я полагаю, убѣдить читателя въ томъ, что общая неудача всѣхъ ихъ попытокъ обусловливается не чрезмѣрностью замысловъ объединенія, а несостоинствомъ самой идеи объединенія. Если это заключеніе richtig, то, прослѣдивъ попытки объединенія языка въ предѣлахъ ограниченныхъ областей, мы должны будемъ неизбѣжно встрѣтить тѣ же неудачи, что замѣчали уже и прежде — въ попыткахъ универсального характера.

Къ выполненію этой задачи и предстоитъ намъ теперь приступитьъ.

Всего цѣлесообразнѣе будетъ, какъ я полагаю, если мы начнемъ съ засмотрѣнія вопроса, лежащаго въ основѣ нашей задачи,—съ вопроса о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ «эволюціей языка».

Мы уже знаемъ, что изученіе языка не можетъ идти врознь отъ изученія пользующагося имъ индивида; «эволюція языка» поэтому должна быть рассматриваема нами не иначе, какъ въ связи съ эволюціей самого индивида. Всякому состоянію индивида всегда соответствуетъ известное стояніе языка, а «эволюція языка», какъ рядъ сменъ этихъ состояній, всегда должна имѣть опредѣленное соответствие ряду параллельныхъ сменъ состояній индивида. Если бы отдельные состоянія этихъ рядовъ не различались между собою, то никакой «эволюціи» не было бы; эволюція же является гдѣ, когда въ наличности имѣется чередованіе двухъ различныхъ по своему характеру состояній:—состоянія колебанія и состоянія устойчивости. Оба эти состоянія известны каждому по опыту: состояніе колебаний,—это состояніе нерѣшительности, сомнѣнія, приглядыванія. Оно возникаетъ или вслѣдствіе воздействиія окружающей среды, или въ силу наступившихъ измѣненій въ организмѣ самого индивида; оно преодолѣвается граненіемъ нерѣшительности, выясненіемъ сомнѣнія, завершеніемъознаменія съ неизвестнымъ фактомъ и т. д., влекущими къ возстановле-

* *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

книга XII, 1900 г.

нію нарушенного колебаніями равновесія и утверждению состоянія устойчивости. Намъчаемое тутъ чередование необходимо скажется и въ варьированіи высказываній индивида, соответствующихъ каждому изъ этихъ состояній, а также, конечно, и въ варьированіи формъ этихъ высказываній, т.-е. въ варьированіи языка.

Такая характеристика эволюції показываетъ, что мы представляемъ себѣ индивидъ противопоставленнымъ окружающей его средѣ, состоящей изъ многоразличныхъ составныхъ частей (выносящей также и другихъ индивидовъ), переживающимъ чередование различныхъ состояній, обусловливаемыхъ этимъ его положеніемъ, и предъявляющимъ высказыванія, соответствующія этому состоянію.

Такъ формулируется исходная точка зре́нія, опираясь на которую развертывается «еволюція языка» въ ясно опредѣленные ряды. Индивидъ, средь высказыванія,—вотъ тѣ основныя данности, изученіе взаимодѣйствія которыхъ должно освѣтить для насъ действительное положеніе вещей вслѣдствіе этого состоянія.

Съ первого взгляда на координацію указанныхъ основныхъ данности видно, что подъ воздействиемъ измѣненій среды подвергается непрестаннѣйшимъ измѣненіямъ и индивидъ, причемъ переживаемыя имъ состоянія всегда обозначаются въ его высказываніяхъ.

Слѣдя за чередованіемъ состояній индивида, мы легко можемъ замѣтить условность, которую никогда и не слѣдуетъ терять изъ виду.

Начнемъ съ того, что отмѣтимъ отсутствіе всякаго абсолютнаго значенія термина «устойчивое» состояніе. Устойчивое состояніе никакое не предполагаетъ неподвижности. Неподвижность несовмѣстима съ жизнью, и потому въ процессѣ эволюції не имѣеть мѣста. Подъ устойчивымъ состояніемъ мы разумѣемъ то, которое возникаетъ вслѣдъ за устраненіемъ данного колебанія и предшествуетъ наступленію новаго. Въ этомъ смыслѣ устойчивымъ состояніемъ слѣдуетъ считать то, которое раздѣляетъ два слѣдующія одно за другимъ колебанія.

Столь же условно будеть и принятіе устойчиваго состоянія за начальное состояніе процесса совершающихся измѣненій. Оно будеть начальнымъ по отношенію къ этимъ измѣненіямъ въ такой же мѣрѣ, въ какіи его можно считать заключительнымъ по отношенію къ измѣненіямъ и новавшимъ, совершившимся. И, наконецъ, такое же условное значеніе во отношенію къ этимъ состояніямъ получитъ и средній моментъ колебанія. Принимая во вниманіе, что всякое колебаніе возникаетъ отъ привходженія новаго условія въ совокупность тѣхъ, которыми опредѣляется всякое устойчивое состояніе, мы называемъ это условіе дополнительнымъ, и въ соченіи его съ условіями предварительными усматриваемъ источникъ всѣхъ совершающихся измѣненій данного эволюціоннаго ряда.

Не слѣдуетъ забывать, что, говоря объ «еволюціи» языка, какъ о чередованіи колебаній и устойчивыхъ состояній или какъ о рядѣ, начальное состояніе котораго даннымъ дополнительнымъ условіемъ приводитъ

заключительному, мы разумѣемъ всѣ эти моменты не иначе, какъ поясненіемъ выше, условномъ смыслѣ.

Если языкъ есть форма высказываній индивида, то онъ является, слѣдовательно, замѣстителемъ его внутренней жизни,—показателемъ различій ея состояній. Звуки, слоги, слова и группы словъ,—всѣ части, на горы распадается наша рѣчь, составляютъ нечто единое, связанное постольку, поскольку части эти объединяются и связуются въ самъ индивидѣ. Внѣ этой связи ни о какой «эволюціи языка», какъ то очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Рассматриваемую съ этой точки зрѣнія жизнь языка можно представить бѣ расположивающеюся въ рядѣ указанныхъ выше чередованій устойчивыхъ стояній и колебаній, общій итогъ которыхъ и даетъ эволюцію языка. Тѣлько чтобы получить вѣрное понятіе объ измѣнчивости и текучести этихъ ря-
въ, о постоянствѣ и непрерывности происходящихъ въ нихъ чередова-
ній указанныхъ выше состояній, мы должны не терять изъ виду, что
изъ всякаго отдельного слова, всякаго отдельного звука длится ровно
олько времени, сколько слово это, этотъ звукъ, произносятся и вос-
принимаются, и что затѣмъ они могутъ быть воспроизведимы, повторяе-
мы тѣлько же индивидомъ или другими, всегда лишь только приблизительно,
никогда не тождественно. Все это придаетъ рядамъ звуковъ, словъ и
упрѣгъ словъ крайнюю степень шаткости и неопределенности. Колебанія
утѣхъ здѣсь непрерывно цѣплю, но, взятые отдельно, они такъ незна-
чительны, что очень часто вовсе не замѣчаются. Накопляясь въ теченіе
мѣсяца или менѣе продолжительного времени, они приводятъ къ весьма
личнымъ отъ начальныхъ заключительнымъ состояніямъ, сопоставле-
ніе которыхъ и даетъ исторію языка съ его поражающими невникаю-
щими въ смыслѣ эволюціоннаго процесса—контрастами, на самомъ дѣлѣ
нимыми.

Слѣдя за послѣдовательностью устойчивыхъ состояній, представляе-
емыхъ исторіей языка, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что усло-
вія, приведшія языкъ къ каждому изъ нихъ, распадаются на предвари-
тельный и дополнительный, достигшія въ каждомъ данномъ заключитель-
ному состояніи уравновѣщенія гармонического сочетанія. Условія эти—
аса, климатъ, типъ культуры, уровень развитія этого типа—должны
быть внимательно изучены и для участія каждого—въ значеніи предва-
рительномъ или дополнительномъ—должна быть тщательно опредѣлена.

Чтобы избѣжать ошибки, при этомъ опредѣленіи слѣдуетъ не забывать,
что какъ въ жизни отдельно взятаго индивида одинъ и тотъ же предметъ,
вступая въ окружающую индивидъ среду, получаетъ соотвѣтствующія дан-
ному состоянію индивида оцѣнку и название, такъ и въ жизни обществен-
ной, колективныя высказыванія и ихъ формы также устанавливаются
на основаніи такого же соотвѣтствія. Хорошо известно всякому, что въ
жизни взрослаго человѣка кукла не можетъ имѣть значенія дополнитель-
наго условія и не получаетъ тѣхъ названій, которыхъ придаетъ ей ребе-

ночь; также точно известно, что буквы для выучившагося читать потянули свое прежнее значение, тогда какъ для него научная теорія или философская система могли еще и не пріобрѣсти значенія дополнительного условія, и въ его языкѣ не существуетъ еще словъ для ихъ обозначенія. То же самое можно утверждать и о всѣхъ частяхъ окружающей индивидуума: части эти могутъ быть близки индивидууму пространственно, но въ отношеніи его мышленія въ составѣ окружающей его среды могутъ и въходить вовсе, или же входя,—получать самую разнообразную опытную материю самыхъ разнообразныхъ названій. (Подробнѣе: Ф. Карстанъенъ: «Введеніе въ критику чистаго опыта», 2-е изданіе).

Мы имѣли уже случай видѣть подобныя сочетанія при разсмотрѣніи одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ исторіи языка: привходженіе латинскаго языка въ качествѣ общаго дополнительного условія въ языкѣ обширной группы народностей, населявшихъ ту территорію, на пространствѣ которой говорятъ теперь на языкахъ романскихъ. Области языковъ: французскаго, провансальскаго, итальянскаго, испанскаго, португальскаго, рето-романскаго и румынского, съ ихъ подраздѣленіемъ на общество множества диалектовъ этихъ языковъ, находятся въ очень близкомъ соотвѣтствіи съ областями языковъ и диалектовъ до-латинскаго периода, краинъ чрезвычайно свидѣтельствуя о важномъ значеніи предварительныхъ условій всего этого ряда заключительныхъ состояній. Мы наблюдаемъ въ этой группѣ очень интересное и поучительное близкое родство провансальскаго и каталонскаго языковъ, напримѣръ, при сравнительно не столь близкому съ французскимъ, съ одной стороны, и испанскимъ—съ другой. Является, согласно объясненію Виндіша, всецѣло сводится къ историческому значенію тѣхъ условій, которыхъ мы называемъ предварительными. (Windish: «Keltische Sprache», въ G. Gruber's Grundriss der Romanisch Philologie, 1888, 1 B—d, S. 292 und 298). Еще далѣе въ этомъ же спомоществуетъ разысканія Моля въ его «Introduction à la chronologie du Latin vulgaire», 1899. «Благодаря терпѣливому накопленію фактовъ, мы получаемъ возможность указать на корни романскихъ языковъ, уходящіе въ такое отдаленное прошедшее, какое до сихъ поръ и не предположилось». (E. Bourcier: «Revue Critique», 1900, № 30, р. 75). Еще болѣе выразительное значеніе получаютъ предварительные условія въ работѣ Н. Бругмана и Ф. де-Соссюра, которые, по словамъ Крупевского, представляютъ современный вокализмъ арио-европейскихъ языковъ какъ «результатъ продолжительныхъ доисторическихъ процессовъ». (Н. Крупевский: «Лингвистическая замѣтка», Варшава, 1880 г.).

На этой общей основѣ соотносительности предварительныхъ и дополнительныхъ условій идетъ все развитіе языка—и идетъ не случайно произвольно, но всегда послѣдовательно и закономѣрно, начиная съ измѣненія звуковъ и далѣе. Исторія измѣненія звуковъ показываетъ, что мимо всякаго внѣшняго воздействиія, подъ влияніемъ одного воспринимаемаго и воспроизведенія звуковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе идетъ такъ

ваемое перемѣщеніе звуковъ (Lautverschiebung), обнаружившее тамъ, оно было изучено,—совершенную правильность. Да же, при заимствованіи звуковъ однимъ народомъ у другого, частью подъ вліяніемъ условія восприиманія и воспроизведенія, частью въ силу особенностей органа рѣчи каждого народа, возникаетъ новый рядъ, опять-таки соотвѣтующихъ сочетанію предварительныхъ и дополнительныхъ условій, измѣнѣй *). «Мы должны признать,—говорить Крушевскій,—существование общихъ звуковыхъ законовъ, потому что исторія разныхъ, даже неродственныхъ языковъ, представляютъ намъ массу поразительныхъ аналогій: они измѣняются одинаково въ разныхъ языкахъ и въ разныя эпохи юго и того же языка» («Очеркъ науки о языке», стр. 53). Точно же подтверждается и исторія словъ, измѣненія которыхъ всегда совершаются закономѣрно, какъ по отношенію ихъ формы, такъ и по отношенію ихъ значенія. Не случайно идеть измѣненіе словъ,—говорить Мишель, но въ силу желѣзныхъ законовъ: или понятіе, носителемъ коаго было слово, перестаетъ существовать, или звуковой его составъ, живъ рядъ неизбѣжныхъ измѣненій, становится слишкомъ скучнымъ иепрочнымъ, или, опять-таки переживъ измѣненіе, слово сливается съ гимъ,—иного происхожденія, иного значенія». (*Carolina Michaelis: Studien zur romanischen Wortschöpfung*, Leipzig, 1876, S. 10). Только благодаря такой закономѣрности эволюціи словъ имѣется возможность по ко-
ннымъ формамъ—латинскимъ, наприм., опредѣлять производные: француз-
и, итальянскія и прочія романскія и т. д. Въ то время, когда подобныя
блѣмы не могли еще быть рѣшаемы съ научною точностью и когда
нихъ, по словамъ Фарнеля, брались чисто по-дилетантски, установлены
и вѣкоторыя объясненія имѣть изъ области греческой миѳологии, ока-
зывающіяся теперь—за исключеніемъ словообразования одного только
и Зевса— ошибочными. (*L. R. Farnell: The Cults of the Greek States*, 1d., 1896, vol I, Introd.). Не можетъ, наконецъ, подлежать сомнѣнію и
ономѣрность эволюціи грамматического строя языка, непрестанно вы-
зываемаго все болѣе и болѣе отвѣчающія его общественному значе-
нию. И, вообще говоря, какъ общий ходъ эволюціи языка, такъ и
частности, хотя и не могутъ въ вѣкоторыхъ сложныхъ случаяхъ пред-
ставлять присущую имъ закономѣрность очевидно съ первого взгляда,
же таки всегда обладаютъ ею и всегда могутъ раскрыть ее надлежаще-
енному разысканію.

Я уже имѣлъ случай указать на зависимость состояній языка, какъ мы высказываній данной общественной среды, отъ состояній этой среды. Состояніе общественной среды, т.-е. характеръ и уровень ея куль-
туры, представляетъ собою, какъ видно изъ этого, очень важный моментъ ходѣ эволюціи языка, какъ въ томъ случаѣ, когда «дополнительное

* У Леббока можно найти указаніе на совершенное отсутствие вѣкоторыхъ звуковъ различныхъ языкахъ. (*Lord Avebury (John Lubbock): Prehistoric Times, sixth ion*. Lond. 1900, p. 537—538).

условіе» исходить изъ той же культурной среды, такъ и въ томъ, когда оно приводить извнѣ. Зависимость эта всегда и вездѣ до такой степени очевидна, что должна была бы пользоваться всеобщимъ признаніемъ. Если этого на самоть дѣлъ нѣтъ, то происходитъ это потому, что для инонѣ еще свѣжо преданіе о подчиненіи науки о языкѣ метафизическимъ теоріямъ. Затвердившіе старый урокъ все еще живутъ заднимъ числомъ: и поэтому и оказывается возможнымъ и теперь еще встрѣтить утверждение, что какіе-нибудь южно-африканскіе языки банту, принадлежащіе къ числу первобытнѣйшихъ, такъ называемыхъ, инкорпоративныхъ (вставчатыхъ) языковъ, «высоко развиты въ грамматическомъ отношеніи». Можно недумывать, конечно, размыслия о томъ, откуда взялось это «высокое развитіе» у зулусовъ и метабеловъ, но нетрудно и найти блють загадки: эволюцію и ревернули вверхъ дномъ не зулусы и метабели, а метафизика Шлейхера, о которой волей-неволей приходится поэтому сказать нѣсколько словъ.

Шлейхеръ въ свое время имѣлъ громадное значеніе, но Шлейхеръ гораздо большей степени, нежели Сайсъ, былъ жертвой метафизики, а потому и объемъ заблужденій, оставленныхъ потомству Шлейхеромъ, представляется гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятыя ошибки Сайса. Бѣ тому-же, Шлейхеръ былъ выше Сайса и по таланту. Отъ Шлейхера пошли толки о языкѣ, какъ самостоятельномъ организмѣ, и, благодаря обаянію, производимому его талантомъ, такъ утверждались въ науке, что даже такие авторитеты, какъ Арсень Дармesteterъ, придерживали ихъ. Бромъ того, Шлейхеръ обладалъ общую всѣмъ метафизикамъ способностью подгонять факты подъ предвзятыя идеи и, вообще, не церемонились съ дѣйствительностью. Увлекшись системою Гегеля, онъ остался ей веренъ даже и тогда, когда убѣдился въ великомъ значеніи ученія Дарвина. Неудивительно поэтому, если Шлейхеръ, когда ему случалось вводить въ свое изложеніе какой-нибудь взглядъ, не согласовавшійся съ теоріею Гегеля, не стѣснялся исказить этотъ взглядъ и подогнать его подъ читимую теорію. Такъ, заимствуя классификацію языковъ у Гумбольдта, Шлейхеръ не затруднился урѣзать ее настолько, насколько это казалось ему необходимымъ. У Гумбольдта было четыре класса языковъ, но Шлейхеру было неизменно нужно, чтобы ихъ было только три,—и вотъ Шлейхеръ въ двухъ классахъ (агглютинирующихъ и инкорпорирующихъ) дѣлаетъ одинъ и превращаетъ классификацію Гумбольдта въ трехчленную, знающую только языки изолирующие, агглютинирующие и флексирующие. Эти три класса, по Шлейхеру, существуютъ въ настоящее время, но они же представляютъ собою и три ступени лингвистического развитія. Вышею, флексионной ступенью развитіе это замыкается; выше развитіе языка идти не можетъ. И такъ какъ исторія могла начаться только тогда, когда «человѣческий духъ достигъ сознанія своей свободы», а «свобода» осуществима только послѣ завершенія развитія языка, то исторія и является губительной для языка: она представляетъ одинъ лишь только его упадокъ.

Ясно теперь, почему грамматическая сторона языковъ «банту» оказ-

сь «высоко-развитою» и противорѣчащею нормальному ходу эволюції: теоріей Шлейхера она гармонируетъ какъ нельзѧ лучше.

Пойдемъ однако же нѣсколько далѣе этого общаго указанія и посмотримъ, что такое на самоть дѣлъ эта пресловутая инкорпорація.

Инкорпорація—вставчатость—представляетъ собою вставку отдельно взятыхъ слоговъ подлежащаго во всѣ части предложенія. Такъ, заимствуя у сперсена примѣры изъ языка банту — «умунту», значить «человѣкъ»; поэтому всѣ слова въ предложеніи, въ которомъ подлежащимъ явится «умунту», должны будуть заключать въ себѣ или «у», или «и», или «му»: языка «высоко-развитая» грамматика «банту». Такимъ образомъ, предложеніе: «нашъ любимый, хороший человѣкъ входить», въ возможномъ для языка «банту» порядке «человѣкъ нашъ хороший входить, мы любимъ», представляется въ такомъ видѣ: «умунту уэту омучле уябонокала ытанды», а при множественной формѣ слова «умунту»—«абанту» измѣняется такъ: «абанту бету абаоче баябонакала сибатанда».

Очевидно, что, благодаря такой вставчатости, дебри самыхъ разнообразныхъ сочетаній становятся неизходимыми, особенно же, если въ довереніе всего и прилагательные измѣняютъ свои формы сообразно со своими существительными, а падежи подвергаются множеству метаморфозъ. Чень любопытнымъ представляется, напримѣръ, такое варьированіе: «твое мя»—«леко», «твоя воля»—«яко», «твое царство»—«бако». Любое слово, склонимъ, въ родительномъ падежѣ, можетъ принимать множество формъ въ зависимости отъ того слова, къ которому оно будетъ отнесено. Такъ, слово «инкози» въ родительномъ падежѣ можетъ превратиться въ «венкози», «бенкози», «ленкози», «энкози» и т. д. Еще путаницѣ вставчатость языкахъ съверо-американскихъ индѣйцевъ и эскимосовъ: она доходитъ до того, что превращаетъ рѣчь въ какую-то безвыходную путаницу: трудно вывать рѣшить, слѣдуетъ ли считать словами или предложеніями тѣ сочетанія, которыхъ каждый разъ появляются въ новой, едва узнаваемой формѣ. И если приемы, приводящіе къ такой хаотичности, и оказываются необходимыми для выраженія мыслей, высказываемыхъ на инкорпорирующемъ языкахъ, то необходимость эту надо понимать въ томъ смыслѣ, что структура этихъ языковъ только вставками и можетъ избѣжать неясности и двусмыслинности (*O. Iespersen: «Progress», etc. Chap. III, and V.*).

Характеристику вставчатыхъ языковъ въ очеркѣ Іесперсена прекрасно дополняютъ наблюденія фонъ-денъ-Штейнена, знатока языковъ центральной Бразилии. Рѣчь племенъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, представляетъ, по словамъ фонъ-денъ-Штейнена, произвольно разбитые на части корни словъ, утопающіе въ массѣ приставокъ,—это какая-то грубѣйшая мозаика изъ обломковъ. Начиная изучать эти языки, нельзѧ не прийти въ отчаяніе; колонисты же и солдаты не имѣютъ никакой возможности преодолѣть встрѣчаемыхъ трудностей, въ сношенихъ съ туземцами, и довольствуются поэтому пятью и восемью десятками словъ (*Karl von den Steinen: «Unter den Naturvölkern Zentral Brasilien». Berlin, 1894, S. 78—79.*).

Если мы обратимся теперь къ вопросу объ эволюціи первобытныхъ языковъ и разсмотримъ его съ наиболѣе интересной для нась стороны, со стороны свойственной этимъ языкамъ степени измѣнчивости, то убѣдимся, что жизнь первобытнаго языка не содержитъ въ себѣ никакихъ отступающихъ отъ закономѣрности элементовъ и всецѣло протекаетъ согласно указаннымъ выше нормамъ. Согласование предварительныхъ условий дополнительными и здѣсь представляетъ собою основу эволюціи, отъ которой отступления никогда и нѣтъ и быть не можетъ. Если первобытный народъ оказывается изолированнымъ, какъ эскимосы, то въ культурѣ его неизбѣжно происходитъ застой, и устойчивость языка его неизбѣжно достигаетъ максимума. Само собою разумѣется однако же, что сложный и неуклюжій строй первобытнаго языка не обнаружитъ устойчивости при привнесеніи въ него дополнительныхъ условій изъ другой культуры и очень скоро потерпитъ тѣ или другія измѣненія. Фонь-день-Штейнель указываетъ и на случаи смѣшанія языковъ, происшедшаго подъ влияніемъ разночлененныхъ браковъ, и случаи подчиненія лексической части одного языка грамматической конструкціи другого. Смѣшанія языковъ у первобытныхъ народовъ встрѣчаются, впрочемъ, и въ болѣе обширныхъ отъ указанныхъ фонь-день-Штейненомъ размѣбрахъ, такъ какъ устойчивость первобытныхъ языковъ приобрѣтается только цѣною ихъ изолированности. Всѣ меланезійскіе языки, по мнѣнію фонь-деръ-Габеленца, изучившаго ихъ специально, представляютъ различныя степени смѣшанія двухъ или, можетъ быть, трехъ языковъ. На этихъ смѣшанныхъ языкахъ говорять на остріяхъ Великаго океана отъ Филиппинъ до Фиджи всѣ обитающія тутъ неподобныя племена (*Georg von der Gabelentz*: «Die Sprachwissenschaft». 1891. S. 272). Подобное же смѣшеніе представляютъ и діалекты языка банту, изученіе которыхъ подвигнулось настолько, что явилась возможность заняться возстановленіемъ пра-языка банту или пра-банту (*Ur-Bantu*).— задача, рѣшенію которой и посвящено сочиненіе *Мейнгофа*: «Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen». Меланезійскіе языки, такъ же какъ и языки банту, могутъ служить представителями максимальной неустойчивости первобытныхъ не изолированныхъ языковъ. Пра-банту, по Мейнгофу, произвелъ: Пели, Гереро, Дуали, Конде, Санго и Сугали, а меланезійскіе языки въ одной только новой Гвинеѣ представляютъ, согласно свѣдѣніямъ бывшаго тамъ англійскаго резидента Ромилли, такое дробленіе, которому и конца не видно: самое незначительное племя говоритъ тутъ на особомъ языке (*H. Hastings Romilly*: «From my Veranda in New-Guinea. Sketches and Traditions». 1889, p. 38).

При обширномъ распространеніи всесвѣтныхъ сношеній первобытныхъ языкамъ приходилось входить въ соприкосновеніе не только между собою, но и съ культурными языками Европы. Таковъ столкновеніе также даетъ въ результатѣ новообразованія, но эти новообразованія отличаются отъ числа первобытныхъ тою особенностью, что культурные языки привносятъ только массу словъ, грамматика же обыкновенно сохраняется туземная. Таковъ

бреольский диалектъ негровъ южной Луизианы, понятіе о которыхъ можно
зучить изъ книжки *Alcée Fortier*: «Louisiana Studies» и отчасти изъ его
сборанія бреольскихъ сказокъ «Louisian Folk-Tales». Бреольский языкъ,—
говорить Фортье,—есть не только испорченный французскій языкъ, но и
совершенно самостоятельный говоръ, обладающій своею собственою, пере-
полненою аглютинаціями, морфологією и свою собственою крайне
ростою грамматикою: роды въ ней почти не различаются, и глаголы до-
дедены до простоты совершенно изумительной. Такой характеръ имѣеть
малайо-португальскій говоръ южной Африки, оставшій не безъ вліянія
а языкъ голландскихъ переселенцевъ. Не только словозапасъ, но и фле-
сіи, и синтаксисъ языка буровъ носятъ отпечатокъ малайо-португальского
овора.

Существуетъ, наконецъ, еще одна форма новообразованій, являющихся
продуктомъ соприкосновенія языковъ,—это жаргоны, которые можно на-
звать рыночными. Они возникаютъ большою частью по морскимъ побе-
режьямъ и служатъ для сношеній между разнородными элементами скоп-
ляющейся тутъ пестрой толпы. Изъ извѣстнѣйшихъ рыночныхъ жаргоновъ
очень распространенъ говоръ побережья Средиземного моря—«lingua fran-
ca» *); смѣсь арабскихъ, турецкихъ, итальянскихъ и т. д. словъ; «pidgin—
englisch (pidgin—китайское извращеніе англійского слова «business»), воз-
никшій по китайскому побережью и представляющій смѣсь англійскихъ и
китайскихъ словъ, подчиняющихся китайской грамматикѣ; «урду»—рыноч-
ный жargonъ Индіи: смѣсь словъ различныхъ языковъ,—распространенный
не только по побережью, но и внутри страны; англо-африканскіе говоры
западнаго берега Африки и т. д. (*M. Grünbaum*: «Mischsprache und Sprach-
mischungen», 1885. *K. W. Frazer*: «Literary History of India», 1898. *Mary
Kingsley*: «Travels in West-Africa», 1898).

Тѣ случаи соприкосновенія языковъ, которые были нами до сихъ поръ
разсмотрѣны, имѣютъ совершенно стихійный характеръ: преобладаніе одного
языка надъ другимъ, вытѣсненіе одного другимъ и, вообще говоря, объ-
единеніе языковъ при этихъ соприкосновеніяхъ не намѣчаются, и никакихъ
мѣръ въ этихъ видахъ не принимается, все совершается само собой и,
очень вѣроятно, сплошь и рядомъ совершающійся процессъ вовсе и не
замѣчается переживающими его. Я говорю: «очень вѣроятно», такъ какъ
всѣ эти стихійные явленія совершаются въ средѣ или первобытной, или
если и не первобытной, то и не обладающей такимъ образованіемъ, которое
дало бы возможность и побужденіе останавливать вниманіе на совершаю-
щейся перемѣнѣ и придавать ей значеніе. Первобытные колонисты въ
Африкѣ или Америкѣ,—люди простые, живущіе физическимъ трудомъ, нуж-
дающіеся. Имъ предстоитъ прежде всего какъ-нибудь устроиться, найти

* Стормъ приводить примѣръ языка нищихъ на о—въ Мальтѣ: „me molto mi-
serabile, signore! Nix padre, nix madre, nix mangiare per sixteen days, per Gesù Cri-
sto!“ (*J. Storm*: „Engl. Philol.“ S. 577).

средства для жизни, работу, землю. Само собою разумѣется, что всѣ умлія ихъ направлены къ тому, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ, все остальное естественно отодвигается на второй планъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ голландскіе переселенцы—буры, т.-е. пахари, втягиваются въ малайо-португальскій жаргонъ, а англійскіе и нѣмецкіе колонисты усваиваютъ тотъ смѣшанный говоръ, образчики которого даютъ Грюнбаумъ и Кингслей. Говоры эти являются иногда переходною ступенью къ усвоенію господствующаго въ новомъ отечествѣ языка, какъ то и бываетъ съ переселенцами не-англійского языка въ Соединенныхъ Штатахъ; но при иныхъ условіяхъ, при тѣхъ, напримѣръ, при которыхъ осѣдаютъ на новыхъ земляхъ голландцы, извращеніе родного языка остается и, ставъ всеобщимъ, превращается въ новообразованіе. Креольскій діалектъ возникъ, конечно, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, а въ настоящее время грамматика этого діалекта, какъ я имѣлъ уже случай упомянуть, представляется уже твердо установленной и по отношенію къ предлежащему ей развитію совершенно самостоятельной.

Прецеденты формированія англійского языка во многомъ сходственны, конечно, съ процессомъ, давшимъ эти современные новообразованія. Германизация кельтовъ имѣла совершенно стихійный характеръ, а тѣхъ процессъ, который, втянувъ обширный лексический материалъ французскаго языка, подчинилъ его законамъ германской основы, совершился, конечно, не въ силу чьего-либо желанія или намѣренія, не въ силу какихъ-либо мѣропріятій и соображеній съ преднамѣченной цѣлью пріемовъ, а совершенно непосредственно, просто и естественно: точно такъ же, какъ это теперь совершается у буровъ или креоловъ. Вездѣ одно и то же сочетаніе предварительныхъ и дополнительныхъ условій, вездѣ мощная имѣовая теченія, поглощающія единичныя усиія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти усиія настолько значительны, что память о нихъ,—какъ въ исторіи формированія англійского языка, напримѣръ,—совсѣмъ безследно исчезаетъ.

Еще въ началѣ XIV столѣтія сохраняло въ Англіи силу постановленіе, обязывавшее короля, если онъ былъ грамотенъ, присягать на языкомъ языку и, если онъ грамотенъ не былъ, на французскомъ. На этомъ языке и присягалъ въ 1307 году Эдуардъ II. О возможности присяги на англійскомъ языку не могли еще и думать. Въ концѣ столѣтія постановленіе это ветшає и обращеніе короля къ парламенту по-англійски является совершенно нормальнымъ. Переходъ этотъ именно совершился въ теченіе XIV столѣтія, хотя правящіе классы не переставали прилагать всевозможныя усиія для усвоенія французскаго языка: писались учебники, помогавшіе овладѣть его трудностями, и т. д. И все же однако всѣ эти старанія оканчиваются полною неудачею, и дворъ, и знать, и офиціальные учрежденія, и писатели оставляютъ этотъ непонятный для народа языкъ и начинаютъ пользоваться тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ.

народъ (см. J. Jusserand: «Histoire littéraire du peuple anglais». Paris, 1894. Livre III, Chap. 1).

Но это не указываетъ еще на реальное единство восторжествовавшаго народъ другими конкурентами языка: восторжествовать известный типъ, противопоставленный исторіей другому типу, но типъ этомъ быть на самомъ дѣлѣ представленъ, конечно, однимъ только діалектомъ, что не исключало, какъ то и очевидно, совмѣстнаго существованія известнаго числа и другихъ діалектовъ. Діалекты эти, отвѣтная разселенію германскихъ племенъ—англовъ на сѣверѣ, саксовъ на югѣ и ютовъ въ нынѣшнемъ Кентѣ—и ионіи сохраняютъ свои коренные различія, такъ что отвлеченно-утверждное единство языка имѣть реальное значеніе только по отношенію языка письменнаго. Мы знаемъ уже, что письменный языкъ, поскольку онъ сталъ разговорнымъ языкомъ образованнаго класса и получилъ широкое распространеніе въ колоніяхъ, опять-таки не могъ удержать своего единства и успѣхъ уже довольно далеко подвинуться по пути распаденія на новые діалекты. Изъ этого можно заключить, что если бы литературному языку удалось когда-нибудь преподѣлить не только английскіе діалекты, но и народные кельтскіе діалекты въ Уэльсѣ и горной Шотландії, то участіе этого устойчиваго состоянія была бы не иною, нежели участіе предшествовавшихъ устойчивыхъ состояній: оно явилось бы моментомъ, раздѣляющимъ два послѣдовательныхъ колебанія, и новые говоры, соответствующіе новымъ сочетаніямъ условій, оказались бы и въ самой Англіи, какъ они оказались уже на обширномъ пространствѣ ея колоній.

Такъ сложилась эволюція английскаго языка, благодаря тому, указанному выше, поворотному пункту, который пережила въ XIV вѣкѣ англійская интелигенція, рѣшившаяся поднять до значенія письменнаго и официальнаго языка одинъ изъ английскихъ народныхъ діалектовъ. Допустивъ удержаніе прежнаго официальнаго и письменнаго языка, интелигенція осудила бы себя на пользованіе языкомъ, который для народа былъ бы языкомъ мертвымъ. Народу пришлось бы или выдѣлить свою особую интелигенцію, которая въ состояніи была бы указывать ему пути къ высшему умственному развитію, или же коснѣть въ безпросвѣтномъ мракѣ пережитковъ безъ возможности проявленія и развитія своихъ духовныхъ силъ.

Исторія представляетъ не одинъ примѣръ осуществленія той комбинаціи, которую мы здѣсь допускаемъ лишь предположительно. При коренномъ различіи предварительныхъ и дополнительныхъ условій въ различныхъ этихъ случаяхъ, какъ форма гибели известныхъ историческихъ языковъ, такъ и ея послѣдствія, были неодинаковы. Два такие случая достойны особенного вниманія, и мы на нихъ теперь и остановимся.

Первый изъ нихъ: замѣна еврейскаго языка арамейскимъ, начало которой было положено по возвращенію іудеевъ изъ пленя вавилонского, стала еще ранѣе завоеванія Іudeи римлянами фактомъ совершившимся. Замѣна эта, длившаяся вѣка и захватившая цѣлый рядъ поколѣній, связана

сь историческими фактами громадного значения не для одного только предыдущего хода жизни многострадального еврейского народа, но и для гораздо более обширного круга событий.

Еще до плены арамейский языкъ, какъ языкъ торговли и дипломатии всего края между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ, былъ въ Иудѣи не безызвѣстенъ; но не безызвѣстенъ онъ былъ однѣмъ только высшимъ классамъ общества,—въ народныхъ массахъ онъ въ это время совсѣмъ еще не проникалъ. Иудейские лѣтописи повѣствуютъ, что при осадѣ Иерусалима войсками Сеннахирима (Сеннахериба) придворнымъ чинамъ царя Езекія было желательно, чтобы переговоры между ними и ассирийскимъ военачальникомъ, происходившіе подъ самыми стѣнами города, велись по-арамейски, такъ, чтобы народъ, находившійся на стѣнѣ, не могъ понимать ихъ. Черезъ полтораста лѣтъ послѣ этого эпизода, т.-е. уже послѣ возвращенія изъ плены, знаніе арамейскаго языка начинаетъ проникать именно въ народъ,—и съ такою силой, что противодѣйствіе съ стороны лицъ, занимающихъ высшее положеніе, оказывается бесплоднымъ, и арамейскій языкъ мало-по-малу становится съ этого времени устнымъ и письменнымъ народнымъ языккомъ.

Эта перемѣна соотвѣтствовала той, которая произошла въ положеніи евреевъ на ихъ старомъ пепелищѣ. Теперь они представляли очень незначительную материальную силу и, находясь въ вассальномъ отношеніи къ персидской монархіи, были лишены всякаго политического значенія. Оказавшись, по прибытіи на място, совершенно погруженными въ массу пѣстнаго населенія, евреи не могли не подчиниться новымъ условіямъ своего существованія: они стали говорить по-арамейски, многие изъ нихъ вступили въ бракъ съ туземками и не могли уже противодѣйствовать полной арамеизации своихъ дѣтей: завѣтный традиціонный типъ еврея, удержавшійся въ тяжелые годы изгнанія, началъ испытывать крайне нежелательную для хранителей преданія трансформацію. Въ виду такой опасности, Неемія, конечно, не могъ бездѣйствовать: «я сдѣлалъ имъ за это выговоръ,—говоритъ онъ,—и проклянулъ ихъ, и нѣкоторыхъ мужей бѣрвалъ у нихъ волоса и заклипалъ ихъ Богомъ, чтобы они не отдавали дочерей своихъ за сыновей ихъ, и не брали дочерей ихъ за сыновей своихъ и за себя»; но все это было напрасно: арамейскій языкъ дѣмалъ въ большія и большія завоеванія среди евреевъ и въ концѣ-копцовъ восторжествовалъ окончательно. Иудеи и Галилея стали говорить по-арамейски и только произношеніе въ каждой изъ этихъ странъ отличалось своими особенностями, такъ что галилеянъ въ Иерусалимѣ всегда узнавали по выговорѣ и нѣкоторыя слова произносили такъ, что трудно было разобрать ихъ значение, да и вообще нѣкоторые звуки имъ совершенно не давались.

Остается неизвѣстнымъ, какъ долго прѣмѣнялись мѣропріятія, могли служить продолженіемъ тѣхъ, которыхъ внушались Неемія его патріотическою ревностью, или какая-нибудь иная; но не подлежитъ сомнѣнію, что

ама еврейская интелигенция рано стала усвоивать арамейский языкъ, такъ то языкъ этотъ сталъ единственнымъ живымъ, какъ устнымъ, такъ и письменнымъ языкомъ, а еврейский языкъ, ставъ языкомъ духовенства и, какъ называемыхъ, книжниковъ, потерялъ значение народнаго языка и сталъ языкомъ исключительно книжнымъ, — мертвымъ.

Чтобы ясно представить себѣ эту метаморфозу, не слѣдуетъ терять изъ виду тотъ характеръ, который пріобрѣла культура еврейскаго народа въ періодъ второго храма, а вмѣстѣ съ культурою и представительница ея — интелигенция. Въ характерѣ этомъ явственно обнаруживаются уже признаки зачатковъ весьма многихъ послѣдующихъ историческихъ явлений.

Въ Іудѣї по возвращеніи изъ пѣнна установилась теократія. Этому отвлеченному попыткѣ въ жизни дѣйствительной соотвѣтствовала, какъ и во всѣхъ теократіяхъ, іерократія. Во главѣ народа стояло жречество, имѣвшее свои особые, специальные интересы, для удовлетворенія которыхъ народъ являлся лишь средствомъ. Въ обиходѣ жрецовъ сохранился стародавній традиціонный языкъ и тогда, когда народъ ужъ пересталъ говорить на немъ; заботы же о народномъ языкѣ, какъ чисто-житейскія, въ кругъ обязанностей правящаго класса не входили и вообще большой важности въ его глазахъ не имѣли. Народный языкъ при такихъ обстоятельствахъ былъ, конечно, предоставленъ своей судьбѣ, обусловленной, какъ мы то знаемъ уже, извѣй и надвигавшейся своимъ роковымъ, стихійнымъ ходомъ.

Пассивное отношение іерархіи къ языку легко пріобрѣтало нормальный характеръ еще и потому, что процессъ арамеизации шелъ весьма медленно и сознательно воспринимался лишь немногими чуткими личностями, а большинствомъ могъ даже и совсѣмъ не замѣтиться. Затѣмъ, позже, когда явилась необходимость считаться съ установленвшимся распадениемъ народнаго и книжнаго языка, поставлены были въ синагогахъ переводчики священныхъ текстовъ, которые строку за строкой переводили прочитанное. Такой порядокъ еще въ большей степени утвердилъ за жрецами и книжниками осѣнившій ихъ ореолъ высшаго, недоступнаго толпѣ, познанія и сильно способствовалъ возобладанію въ іудействѣ чисто-сектантскихъ интересовъ. Переядя затѣмъ и въ сферу историческихъ вліяній іудейскихъ принциповъ, іерократический типъ съ его узостью мысли и пристрастіемъ ко всему архаическому, долго еще чернымъ призракомъ стоялъ на пути свободнаго развитія и немало задержалъ поднятіе народныхъ языковъ до ихъ истиннаго значенія—прогрессивныхъ общественныхъ силъ *).

Путь этотъ былъ долгъ и труденъ, и много вѣковъ кануло въ вѣчность ранѣе, нежели угадано было вѣрное направлѣніе, могущее вывести злополучное человѣчество отъ мрака къ свѣту. Еще одну тяжелую ношу,

* Болѣе полное изложеніе относящихся сюда фактовъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Robertson Smith*: „The Old Testament in the Jewish Church“. London, 1895; „Encyclopedia Biblica“ edited by *T. Cheyne* and *Sutherland Black*, 1899; *E. Schr er*: „Geschichte des Jdischen Volkes im Zeitalter J. C.“. 1898; *W. D. Morrison*: „The Jews under Roman Rule“. 1890; *Ch. Bellanger*: „Le Judaisme“. 1889.

еще один мертвый языкъ пришлось оставить за собою, и потому уже только можно было попасть на ту спасительную тропинку, которая въ позднѣйшее время хоть принципіально, по крайней мѣрѣ, окончательно вышла за большую дорогу народныхъ языковъ, минущую пережитки всякаго рода объединеній.

То объединеніе, къ которому впервые были приможены и культурныи, и политическіи силы,—объединеніе, сознательно и планомѣрно осуществлявшееся римлянами, могло на первыхъ порахъ казаться успешнымъ. Когда Италия, Галлія, Испанія считались романизированными потому, что вездѣ тутъ письменнымъ языккомъ былъ языкъ латинскій, а для высшихъ общественныхъ классовъ этотъ же языкъ былъ и языккомъ устнымъ, то можно было подумать, не вдаваясь въ разспросы объ языкѣ низшихъ классовъ и не придавая языку этому никакого значенія,—могло быть подумать, что передвигать языки и водворять ихъ согласно волѣ администраціи таъ же легко, какъ передвигать и водворять легионы или перемѣщать легатовъ и преторовъ.

Пріемы и способы романизаціи вездѣ примѣнялись одни и тѣ же: за-воеватели прилагали все свое стараніе къ поддержанію разнѣ среди покоренныхъ и дѣлали все возможное для привлеченія на свою сторону высшихъ классовъ. Представители этихъ классовъ, какъ и всѣ имъ подобные у всѣхъ народовъ, «всегда падки на возможность продвинуться и себя показать», а такъ какъ это благополучіе достается имъ только при усвоеніи господствующаго языка, то въ ихъ средѣ «благодѣтельная» реформа находитъ очень подходящую почву. Колонизація, военный постой, напыль торгащей додѣлывающей остальное: вѣшняя сторона жизни говорить о полномъ успѣхѣ, а поверхностному наблюдателю ничего больше и не требуется. О томъ, что сталось съ самимъ господствующимъ языккомъ, усвоеннымъ туземцами, исковеркавшимъ его до неузнаваемости, о томъ никто не спрашивается: провинціи говорять по-латыни, дѣло сдѣлано. А между тѣмъ въ послѣднѣй итогѣ всѣхъ этихъ усилий и мнимыхъ побѣдъ будущее достается не латинскому языку, а итальянскому, французскому, провансальскому, ретороманско-му, испанскому и португальскому языкамъ, а латинскій языкъ оказывается погребеннымъ въ книгахъ, мертвымъ языккомъ: онъ разыгралъ лишь роль дополнительного условія къ цѣлому ряду мѣстныхъ языковъ и диалектовъ и воспроизвелъ ихъ съ извѣстными видоизмѣненіемъ, но никакого объединенія не создалъ и нивелировки мѣстныхъ условій не произвелъ. Если бы усердствовавшіе надъ объединеніемъ языковъ въ состояніи были предвидѣть такой окончательный результатъ своихъ усилий, едва ли не пришлось бы имъ счастье свою єнергію лишеннюю точеки опоры, и побудительного мотива, и какого ни ни есть смысла?

IV.

Сейсь утверждаетъ, что «цивилизація соединяетъ, а различие языковъ разобщаетъ», почему и раздается въ настоящее время крикъ: «одна мо-

«та—одинъ языкъ!» Такъ думаетъ, конечно, не онъ одинъ; еще ранѣе тѣ думали и римляне. Мы видѣли, однако же, что объединяющее вліяние цивилизаціи не только не простишло на объединеніе языковъ, но даже способствовало поддержанію ихъ разнѣ. Въ разнѣ этой на всѣхъ ступеняхъ культуры отмѣчаются частичные замѣщенія и разнообразнѣйшія взаимодѣйствія языковъ, но никогда не наблюдается въ пей стремленіе объединенію устной рѣчи, которая всегда была и остается и теперь въ высшей степени разрозненною. Цивилизація дѣйствительно объединяетъ юдѣй, но она объединяетъ ихъ выработкою общаго для нихъ всѣхъ міропозерцанія, а вовсе не установленіемъ формального, казарменного единобразія. Объединеніе, вносимое цивилизаціей, заключается въ утвержденіи внутренняго единства, не исключающаго вѣнчанаго разнообразія; другой иссїя у цивилизації нѣтъ и быть не можетъ.

Мы знаемъ уже, что языкъ есть форма высказываній, обусловленная Ѣстомъ и временемъ, измѣнчивая и текучая, всегда измѣняющая всякое дополнительное условіе вліяніемъ условій предварительныхъ, а потому и не дающая единства даже при одномъ общемъ дополнительномъ условіи, како-быть бытъ, напримѣръ, языкъ латинскій для народовъ западной части европейскаго континента. Обращаясь къ содержанию высказываній, что мы находимъ въ нихъ? У народа низшихъ ступеней культуры мы находимъ продуктъ опыта, ограниченаго, во-первыхъ, предѣлами пространства, занимаемаго временемъ и народомъ, и, во-вторыхъ, временемъ, переживаемымъ этимъ народомъ или племенемъ, такъ какъ отсутствіе письменности сваливаетъ накопленіе опыта на одну только память и препятствуетъ сколько-нибудь значительному или сколько-нибудь выдержанному процессу этого накопленія. Ничтожность накопленія и является поэтому отличительной характеристической чертою низшей культуры. Если этнографы и указываютъ на гуземцевъ Андаманскихъ острововъ, какъ на обладателей поэтическихъ преданій, столь старинныхъ, что языкъ ихъ значительно различается отъ современного, то этотъ примѣръ ровно ничего еще не доказываетъ, такъ какъ сохраненіе извѣстнаго освященнаго давностью преданія имѣется вездѣ: оно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и тогда, когда со стороны языка и претерпѣваетъ рядъ послѣдовательныхъ измѣнений, идущихъ рука обь руку съ измѣненіями самого языка. Всесвѣтный фольклоръ служить несомнѣннымъ доказательствомъ именно такого характера этого процесса. Андаманская преданія обладаютъ, какъ видно изъ этого, извѣстными формальными особенностями, и только. Накопленіе опыта не только не тождественно съ такимъ сохраненіемъ стародавнаго преданія, но и противоположно ему: оно именно требуетъ не устойчивости чего-то первоначально-данного, но измѣнчивости, текучести его, вѣчно обновляемой новыми и новыми привнесеніями. Оно, однимъ словомъ, требуетъ эволюціи опыта, требуетъ смѣны устойчивыхъ состояній непрерывно-послѣдовательными колебаніями и установлениія вслѣдъ за ними такихъ заключительныхъ состояній, которыхъ по содержанию были бы богаче предварительныхъ, и ко-

торые и могли бы служить этапами накапливающегося опыта. При таком ходѣ развитія опыта, уровень культуры не остается неподвижнымъ, она идетъ на подъемъ и достигаетъ, наконецъ, той ступени, когда этиъ же самыи процессомъ произведенный письменный языкъ является для него твердою и надежною опорою.

Если подъемъ культуры идеть непрерывно, то рано или поздно она достигаетъ, наконецъ, такого уровня, на которомъ сознательно могутъ быть намѣчены двѣ цѣли дальнѣйшаго поступательного движения: во-первыхъ, объему опыта можетъ быть придано общечеловѣческое и всечеловѣческое значеніе и, во-вторыхъ, качеству опыта можетъ быть придано значеніе свободнаго отъ примысловъ, чистаго опыта. На высотѣ такого уровня культура становится цивилизацией, вѣчно-обновляющимся движениемъ, руководительнымъ началомъ котораго принимается не преданіе, а ведущая къ чистому опыту критика.

Вотъ эта цивилизация дѣйствительно объединяетъ, такъ какъ все отъ себя отличное она принимаетъ не враждебно, не какъ подлежащее уничтоженію и подавленію, а только какъ низшую ступень развитія, подъемъ съ которой надо указать, облегчить, совокупными силами осуществить. Съ ее точки зрѣнія, не знающей ни привилегій, ни эксплуатации человѣка человѣкомъ, возрастаніе массы, движущейся на завоеваніе универсального чистаго опыта, можетъ быть только желательно, и она обязана поэтому не только не пренебрегать всѣми подходящими для того средствами, но должна дорожить ими и, находя ихъ готовыми, хвататься за нихъ и оберегать ихъ.

Теперь я ясно, что эта истинная, чужда мертвыхъ отвлеченностей и не на ея почвѣ возросшихъ идеаловъ: работа должна прилагать усилия на бесплодное объединеніе языка, а на сохраненіе существующихъ народныхъ языковъ и цѣлесообразное пользованіе ими на благо и процвѣтаніе дѣйствительно-объединяющей, просвѣщеніемъ объединяющей и упротворяющей цивилизациіи, а не ея контрафакцій.

Дантѣ первый угадалъ эту великую истину. Онъ первый заговорилъ народномъ языке такъ, какъ до него не говорилъ о немъ и не могъ говорить никто: книжникъ іудейскій смотрѣть сверху внизъ на современника, не знающаго «закона», и считалъ его за это достойнымъ прохвата. «Хочешь знать «законъ», — разсуждалъ онъ, — учись мертвому языку!» Образованійшій изъ римлянъ полагалъ, что «ничего не можетъ быть отраднѣе, какъ со свѣтлыхъ вершинъ, воздвигнутыхъ знаніемъ, глядѣть на смертныхъ, блуждающихъ за поисками счастья» (Лукрецій); — зачѣмъ было озабочивать себя размышеніями о народномъ языке? Онъ могъ говорить только о языке вообще. Позже теологъ, занявъ аналогичное положеніе на «свѣтлыхъ» вершинахъ своего познанія, довольствовался спреніемъ и покорностью толпы, считавшей спасительнымъ для себя тоже присутствовать при произнесеніи словъ на языке, ей непонятномъ. Еще позже провансальскій трубадуръ, услаждая обитателей замковъ чуть ли

его запада Европы, не посвящать таланта своего презрѣнной черни. народномъ языкѣ некому было заботиться.

Въ трубадурѣ однако же мы можемъ уже привѣтствовать первые проблески, занимавшіеся среди всеобщаго мрака. Трубадуръ вѣдь пѣлъ все же на народномъ языкѣ; народъ могъ понимать его; исключеніе изъ общаго правила стало возможно. И оно явилось въ лицѣ Гильома Фигейры (1215—250 гг.), предпочитавшаго народныя сборища рыцарскимъ замкамъ. Онъ былъ для народа, но онъ пѣлъ «какъ поеть птица», —онъ не указалъ никакого принципіального выхода къ иному, новому будущему. Сдѣлалъ это анте, который и явился первымъ представителемъ интелигенціи въ новомъ, просвѣтительномъ значеніи этого слова. Величие его, какъ провозглашника этой и понынѣ не потерявшей жизненности идеи, конечно, никако не ниже величія его, какъ автора славной поэмы.

Письменнымъ языкомъ въ Италии до Данте было частью языкъ латинскій, частью провансальскій. Учителъ Данте — Брунето Латини, писалъ по-провансальски. Такая интелигенція была народу чужда. У народа было свой языкъ, народный, итальянскій, но по издавна заведенному порядку было иной литературы, кроме устной, фольклорной. И вотъ, этотъ-то бойденій интелигенцію языкъ и вознамѣряется Данте поставить на одобающую ему высоту: онъ хочетъ защитить его отъ обвиненій со стороны юдей, презирающихъ его и предпочитающихъ ему другіе языки, преимущественно — провансальскій (*lingua d'osa*) и утверждающихъ, что «*lingua i si*» по достоинству ниже провансальскаго. Данте въ такомъ сужденіи итальянскому языкѣ усматриваетъ пять побудительныхъ мотивовъ: ябопу различенія, злостную изворотливость, жажду суетной славы, заистливость измышленій и низость духа. Воздвигая борьбу противъ злобъ Италии, проникнутыхъ этими свойствами, Данте старается утвердить за итальянскимъ языкомъ присущее ему исключительное право на значеніе литературнаго языка своей страны и поэтому онъ провозглашаетъ, что итальянскій народный языкъ будетъ тѣмъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи, —тѣмъ свѣтомъ новымъ, солнцемъ новымъ, которое взойдетъ тамъ, где скроется старое, которое прольетъ свѣтъ на находящихся во мракѣ, какъ лучи нынѣ свѣщающаго солнца до нихъ не достичутъ».

Такое провозглашеніе — не одни только слова: оно украшаетъ собою заключеніе первого трактата «Convito», т.-е. «трапезы» — энциклопедіи знанія, написанной имъ именно для тѣхъ, до которыхъ лучи стараго солнца не достигаютъ. «О, блаженны тѣ немногіе, — пишетъ онъ, — которые сидятъ у стола, гдѣ подается пища ангеловъ, и несчастны тѣ, пища которыхъ одинакова съ кормомъ скота. Но, такъ какъ всякий человѣкъ другому человѣку по природѣ другъ и всякий другъ соболѣзнуетъ о лишеніяхъ, претерпѣваемыхъ тѣмъ, кого онъ любить, то и тѣ, которые сидятъ за столъ возвышенными столомъ, не остаются безъ состраданія къ тѣмъ, которые пасутся какъ скотъ, пойдая траву и жолуди. И такъ какъ со-

страданіе—мать благотворенія, то обладающіе знаніемъ всегда щедро щадають отъ своего настоящаго богатства и становятся живымъ источникомъ, изъ которого утоляется вышесказанныя жажда (т.-е. жажда знанія). Поэтому-то и я, хотя и не сижу за столомъ блаженныхъ, но находусь вдалекѣ и отъ пастбища черни, собираю у ногъ сидящихъ крохи, падающіе со стола»... «Собираю кое-что по влечению состраданія къ бѣднымъ и грешкамъ предполагаю устроить имъ общую трапезу» (*«Convito»*, Тр. I, с. 1, изд. Фратичелли, 1861 г.).

Трапеза, которую предлагалъ Данте, была, конечно, тою скромною трапезою, которую могла доставить средневѣковая наука; но если бы принципъ этой трапезы могъ произвести на современниковъ и на потомство такое же могущественное впечатлѣніе, какое произвела «Божественная комедія», то «трапеза» Данте имѣла бы свою эволюцію, точкою исхода которой и служилъ бы Дантовъ *«Convito»*. Благо, которое произтекло бы при этомъ для «находящихся во мракѣ» было бы безмѣрно, такъ какъ вмѣсто эстетического, символическаго, мистического и созерцательного течения, наводнявшаго европейскую литературу и продолжающаго держаться въ ней и понынѣ, взяло бы верхъ теченіе свѣжее, здоровое, просвѣтляющее, и возможность для каждого народнаго языка быть «солнцемъ новымъ», проливающимъ свой свѣтъ на «находящихся во мракѣ», изъ возможности стала бы дѣйствительностью.

Мы знаемъ теперь, что печальная дѣйствительность долго шла вразы отъ указываемой здѣсь возможности и на путь осуществленія ея вступили лишь очень поздно. Обновленію формъ высказываний европейскаго знанія долго еще пришлось ждать обновленія своего содержанія. Обновленіе это, какъ известно, нельзя отнести къ болѣе раннему времени, чѣмъ XVII вѣкъ. Только съ этой достопамятной эпохи начало обозначаться мировоззрѣніе, не мѣтившее па то, чтобы представлять изъ себя копію старины, не считавшее нужнымъ свѣрять свои открытія и основанныя на нихъ положенія съ авторитетомъ латинскихъ, греческихъ или еврейскихъ книгъ, не пытавшемъ разработать на новые лады отжившіе ветхіе примислы, но сколько и прямо двинувшееся къ ихъ окончательному упраздненію и замѣнѣ имъ новыми, основанными на опыѣ и методическомъ наблюденіи, познаніемъ. Подъ живительнымъ вліяніемъ этого благодатнаго вѣянія возникаетъ обновленіе повсюду: начинается новая умственная жизнь, рождается литература просвѣщенія. У народныхъ языковъ оказывается матеріалъ, годный не для одной только праздной потѣхи сытыхъ.

Послѣдующее извѣстно: многое измѣнилось и многое обновилось съ тѣхъ поръ. Фридриху Барбароссѣ—въ живой фантасмагоріи Гейне—было чому удивляться. Но все же, какъ мало еще сдѣлано, какъ много осталось дѣлать! На самомъ склонѣ XIX вѣка сколько еще сильныхъ, упорно отстаивающихъ старое зло, препятствій; сколько борьбы,—варварской и бесплодной,—сколько погибшихъ силъ, сколько подавленныхъ добрыхъ начинаній!

Всего не перечтешь! Воть Ирландія,—страданія ея известны всему єту и въ хорѣ страждущихъ голосъ ея ясно слышенъ. Въ Ирландіи но добиваются полнаго и окончательного истребленія народнаго языка. Торикъ ирландской литературы Гайдъ весьма справедливо спрашивается: можно ли называть образованіемъ то, которое мы наблюдаемъ въ ирландскихъ школахъ? Здесь учителя, не знающіе мѣстнаго языка, начинаютъ ученіе прямо съ англійской грамоты и... доводятъ дѣтей до совершенного отступлія. Въ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ школьнімъ дѣломъ, орутъ «оборотни» изъ ирландцевъ же. Надо полагать—тѣ же Робертсы, лько рѣжущіе безъ ножа. «Оборотни» всегда особенно люты, а потому є петиціи, всѣ заявленія, всѣ жалобы остаются безъ результатовъ: школа дѣйствуетъ, какъ бездушная машина, не останавливаясь ни передъ мѣромъ. Совсѣмъ та же работа, что и «работа» хорошо-прицѣленного «мама», какъ ее изображаетъ Оливія Шрейнеръ!

Послѣ этого понятенъ станетъ тотъ вопль наболѣвшаго сердца, который слышится въ словахъ посвященія исторіи Гайда «народной (гаэльской) лингвѣ, какъ единственному учрежденію, имѣющему въ виду придать альное значеніе тому факту, что Ирландія обладаетъ своимъ прошедшимъ, свою исторію, свою литературу,—и прилагающему усилия къкой постановкѣ настоящаго, въ силу которой оно могло бы стать раціональнымъ продолженіемъ прошедшаго» (*Douglas Hyde: A Literary History of Ireland*. London, 1899).

Гайдъ, очевидно, добивается такой «постановки настоящаго», при которой народный языкъ могъ бы стать предварительнымъ условіемъ для полнительного условія, представляемаго знаніемъ, наукой,—и съ ужасомъ видѣть кругомъ одно только повальное отступліе подрастающаго поколѣнія. Будущее Ирландіи, очевидно, приносится въ жертву тому же Мому, что и будущее Трансваали...

Если мы съ Англіей сопоставимъ Францію, то найдемъ въ ней тѣ же иденціи, хотя въ проведеніи ихъ и замѣтимъ рѣзкую разницу. Французы способны, конечно, къ британской прямолинейности, да и дѣло у нихъ ставлено иначе. Теперь они могутъ даже похвалиться торжествомъ убийства просвѣтительныхъ идей. Еще въ 88 году Ренанъ восхвалилъ мудрость, проявленную его отечествомъ въ рѣшеніи вопроса о языкахъ: «къавъ Франції,—сказалъ онъ,—следуетъ отнести отсутствіе насилия чьей-либо лингвистической совѣсти въ предѣлахъ этой страны. Здесь никогда не были принимаемы принудительныя мѣры по отношенію къ языкамъ. языкъ, это своего рода религія. Преслѣдовать кого-либо за его языкъ тѣ же предосудительно, какъ и преслѣдовать его за религію. Весь миръ удивился однако столь нелиберальному вѣянію, что насы за это не хвалили, а осуждали. И изъ-за этого же такъ мало стѣснялись отнять у насы область, которую мы будто бы не сумѣли ассимилировать». Что тутъ сказать? Миръ питаетъ слабость къ сильнымъ» (*P. Marioton: La terre fran莽aise*, p.511). Въ этомъ восхваленіи вѣрно только то, что во Фран-

ци пользованіе какимъ бы то ни было языкомъ въ мѣра офиціальныя никогда не возвранилось, и отдельные лица и группы всегда могли говорить и писать на областныхъ языкахъ, въ своихъ офиціальныхъ отношеній. Что касается сферъ офиціальныхъ, то кромѣ французскаго языка никакой другой здѣсь не допускался. Умалчивая о временахъ болѣе и менѣе отдаленныхъ, не вспоминая о томъ, что Франсуа I, напримѣръ, и допустилъ, чтобы провансальская депутація дозволила себѣ обращаться к нему по-провансальски и т. даи., устранивъ это и многое другое, и устранившее изъ жизни великою революціей, мы въ постановленіяхъ послѣдней встрѣчаемъ не частичное и сравнительно мягкое устраненіе областныхъ языковъ, а общее и рѣшительное осужденіе всѣхъ областныхъ языковъ за разъ. Конвентъ смотрѣлъ на всѣхъ ихъ, какъ на остатки феодального рабства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ на зародыши федерализма «Феодализмъ и суевѣrie говорятъ по-бретонски, эмиграція и ненависть къ республикѣ говорятъ по-нѣмецки, контрь-революція—по-итальянски, фатизмъ—по-баскски. Уничтожимъ же эти органы печали и заблужденія! И на этомъ основаніи конвентъ рѣшилъ распространить повсюду «языкъ свободы, языкъ декларации правъ человѣка», чтобы и рѣчь была единакова въ республика и какъ сердца населенія. Для достиженія этой цѣли установлена было сначала въ двѣнадцати «оскверненныхъ» старыми и чужими говорами департаментахъ, а потомъ еще въ двухъ, а, наконецъ и почти во всей южной половинѣ Франціи система нарочитаго обучения населенія языку французскому и отученіе его отъ мѣстныхъ старыхъ и рѣчей. Считалъ ли все это Ренанъ признакомъ отсутствія насилия на лингвистическую совѣтость населенія, или же смотрѣлъ на такіе факты сквозь пальцы, остается невыясненнымъ. Гораздо послѣдовательнѣе онъ нивелировалъ ихъ покойный М. П. Драгомановъ, у которого я заимствовалъ выше приведенную историческую о нихъ справку. Онъ очень вѣрно замѣчаетъ, въ первыхъ, что терминъ «национальный» языкъ слѣдовало бы замѣнить болѣе соотвѣтственнымъ терминомъ «государственный», и затѣмъ онъ говоритъ что «конвентъ упустилъ изъ виду, что декретомъ нельзя сдѣлать понятнымъ непонятное и, что сознаніе правъ и распространеніе утилитарныхъ знаній пойдетъ легче, если эти права и эти знанія будутъ передавать народу на языкѣ, которымъ онъ говорить. О странномъ противорѣтии провозглашенія свободы и правъ человѣка съ административной чистотой органа души человѣческой, языка, мы уже и не говоримъ» (М. П. Драгомановъ: «Ново-кельтское и провансальское движение во Франціи», *Вестник Европы* 1875 г., авг., стр. 689).

Современная французская администрація, такъ же, какъ и ея монихическая предшественница, строго блюдетъ традиціи конвента и ревности по всей линіи, ведеть ожесточенную борьбу противъ всѣхъ препятствий встрѣчаемыхъ ею на пути всеобщаго распространенія и возвращенія государственного языка: присутственный мѣста, школы,—все это не знаетъ иного языка, кромѣ французскаго. Эта всеневелирующая центральность

чинает серьезно обезспокоивать людей, прозрывающихъ ея печальные следствія, и все чаще и чаще слышатся голоса за федеративная на-па и ихъ спасительное значеніе. Хорошо еще, что законъ поощдиль ть частную дѣятельность и имѣется поэтому возможность для всѣхъ бропорядочныхъ провансальцевъ служить по своему своей родинѣ. Парижъ провансальского движенія — Мистраль, подымаетъ по временамъ лость противъ тягостей системы опеки и рѣшительно требуетъ ея пре-разованія. Изъ инвективъ его противъ нынѣшняго порядка вещей, осо-зно выдается энергичное стихотвореніе, написанное имъ въ 88 году и аглавленное: «Брызги грязи».

«Глядя, какъ вздуваются пузыри, — говорить онъ, — какъ изсыхаютъ глатательные сосцы, какъ сожигаются солнцемъ сочные плоды и какъ де-лть носъ болваны, — глядя, какъ все болѣе и болѣе подрѣзываются вѣлия у провансальского языка, видя, какою рѣдкостью становится здра-зий смыслъ и до чего ослѣпляется разумъ, — искра сама собою сверкаетъ вѣй разъ изъ подъ кремня.

«Ужели можемъ мы слушать спокойно, когда намъ безъ умолку твер-дѣть, что тамъ, вверху, всякий долженъ считаться пророкомъ, тогда какъ ёсь, всѣ мы — выродки; когда во всѣхъ нашихъ школахъ и ректорѣ, и испекторѣ, и вся клика, только и знаютъ, что твердѣть, будто мы должны асплачиваться нашими грошами, а они вмѣстѣ съ тѣмъ попрекаютъ насть, очно язвой, нашей рѣчью, сяззющей насть съ нашими предками и на-ней землей.

«Ужели думаете вы, что мы можемъ не раздражаться, если, будучи олны, какъ птицы, мы всегда оставались вѣрины долгу и, однако же, не можемъ сказать «du pain», а непремѣнно «du pain», — не смѣеть повести ёчь о нашемъ горѣ, не можемъ рта открыть даже на рынкѣ, не наведи прежде справки въ словарѣ Бешреля или Литтре» (F.Mistral: «Espouscado», въ сборнике «Lis isclo d'or»).

Горечь этихъ словъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что даже провансальцы, сводящіе народную литературу почти что на одни стихи, — стихи безъ конца, что и они не могутъ уже удовлетворяться одною только терпимостью. Провансальскій народный языкъ только тер-пимъ!... И это должны выслушивать искренніе патріоты, давно провозгла-шившіе: «j'aime mon village plus que ton village. J'aime ma Provence plus que ta Province. J'aime la France plus que tout» (Felix Gras). Тутъ есть что-то оскорбительное... Самостоятельность народного языка должна быть дове-дена въ Провансъ до конца!

Если мы припомнимъ теперь утвержденіе Сайса, будто преподаваніе въ школахъ на государственномъ языке во Франціи слѣдуетъ считать при-знакоомъ совершающагося объединенія языковъ, то должны будемъ при-знать еще разъ всю поверхность и недальновидность такого утвержде-нія, смѣшивающаго декорациі съ дѣйствительностью. Заглядывая за иулисы, мы открываемъ, напротивъ того, что вѣшнее, казарменное объединеніе

является лишь источникомъ внутренняго, глубокаго разъединенія, вредъ котораго ничѣмъ не уравновѣшивается. Послѣ ста лѣтъ, потраченныхъ на устраненіе «оскверненія» провинцій отъ местныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, мы, вопреки ожиданія ярыхъ централистовъ, находили ихъ въ новомъ жизненномъ возбужденіи. Языки провансальскій, бретонскій и разные патуа, особенно въ Южной Франціи, то и дѣло обнаруживаютъ яркіе признаки своей жизненности, выражющейся въ дѣятельности такъ называемыхъ *patoisants*. Продолжительное и упорное, по выражению Драгоманова, «примучиваніе», если и дало какой-нибудь результатъ, то разъ только отрицательный.

Мы видимъ, что какъ Гайдъ, такъ и Мистраль, указываютъ на вносямый въ общество насилиемъ надъ языкомъ разрывъ настоящаго съ прошлымъ. Очевидно, однако же, что этотъ разрывъ не щадить настоящаго, внося разрывъ и въ его нѣдра. Сознаніе этого разрыва не можетъ не возбуждать, конечно, самыхъ горькихъ чувствъ.

Здѣсь вопросъ, какъ видно, сводится къ тому, имѣется ли у из-
рода почва для того, чтобы образовать одно общее предварительное условіе для готоваго представиться условія дополнительного. Когда развитие совершается правильно, когда связность исторической преемственности сохраняется неприкосновенною, тогда между интеллигентіей и народомъ остается ненарушенной старая связь — народный языкъ. Эта же связь остается и между старымъ и новымъ поколѣніемъ, а также и между общественными классами. Служа такой соединительной связью, единство языка само по себѣ не гарантируетъ еще, конечно, сознанія всеобщей солидарности, но оно остается, какъ и въ другихъ случаяхъ, готовымъ орудіемъ для проявленія этой солидарности, если она есть, или если сознаніе еї начинаетъ пробуждаться. Отсутствіе этого орудія не только можетъ замедлить наступленіе момента уразумѣнія общности интересовъ всѣхъ слоевъ и классовъ народа, но и при наступленіи этого момента заставлять прибѣгать къ требующимъ времени поправкамъ и улучшеніямъ, наличность которыхъ, никогда не вредная, въ такіе періоды особенно драгоценна. Попраніе основного принципа прогрессивной эволюціи вносить въ указываемое теперь положеніе цѣлую массу зла: общество и семья распадаются на два лагеря и возникаетъ столь же безмысленное, какъ и высококѣрное презрѣніе одной его части по отношенію къ другой, проистекающее изъ ошибочнаго представленія о превосходствѣ господствующаго языка — смышенія понятія о немъ съ понятіемъ образованія и высшей культуры. Чванство, разрастающееся на этой почвѣ, порождая ложное сознаніе мнѣній достоинствъ, внося разладъ, не даетъ взамѣнъ ровно ничего. Горькое чувство, возбуждаемое такимъ порядкомъ вещей, не чуждо даже въ такихъ областей, где конфликты языковъ не обостряются расовою, политическою или же религиозною рознью. Представители нижне-немецкаго нарѣчія (*Plattdeutsch*), какъ они ни близки населенію верхне-немецкой рѣчи, все же не выносятъ, однако, угнетенія своего языка языкомъ официаль-

и не безъ раздраженія высказываютъ свои жалобы. «Чуть только бенокъ попадаетъ въ школу, — говорить одинъ изъ поборниковъ *Platttsch'a*, — какъ ему уже представляется опальнымъ и гонимымъ тотъ языкъ, которому таѣ сердечно и привѣтливо только что бесѣдовали съ нимъ — еть, мать, семья и товарищи, и онъ начинаетъ уже съ этихъ поръ разчать значительныхъ лицъ отъ незначительныхъ по одному тому только изнаку, говорить ли эти лица на верхне-иѣменскомъ или на нижне-иѣменскомъ языке. Что же удивительного, если такимъ образомъ дѣти пріуются презирать свой родной языкъ? (*Gustav Dannehl*: «Ueber niederrheinische Sprache und Literatur». Berlin, 1875, S. 3).

Далеко не вездѣ, конечно, имѣется въ наличности такая интелигенція, горая, ясно понимая истинное положеніе вещей, принимала бы его къ ѹду, переживала бы его въ своихъ чувствахъ, выстрадывала бы его, и горая, наконецъ, эту свою сердечную боль принимала бы за исходную чуку для дѣятельности истинно-просвѣтительной, истинно-передовой въ ѿретическомъ и практическомъ отношеніи. Нерѣдко мы наблюдаемъ слабораженный, блѣдный, выцвѣтшій типъ интелигенціи, понимающей свою задачу до послѣдней степени узко и односторонне. Представительницей таѣ «анемичной» интелигенціи можетъ служить интелигенція провансалья: она искренно задается служеніемъ народу, она говорить и писать на родномъ языкѣ и даже, въ лицѣ своего инициатора и руководителя Мистраля, обращается исключительно только къ пастухамъ и пахарямъ: «*Cantam e per vautre, o pastre e g ent di mas*», какъ говорить Мистраль въ своей ославленной поэмѣ *Mir eo*. Трубы, такъ громогласно возвѣщающія о зомѣ имѣющемъ совершился подвигъ, оказываются, однако же, не изъ хъ, отъ которыхъ могутъ рушиться стѣны. Провансальское просвѣтительное общество такъ называемыхъ «фелибровъ», возстановившее прональскую литературу и чуть что не полѣка подвизающееся въ его честь славу, понимаетъ, къ сожалѣнію, свою миссію слишкомъ узко, слишкомъ нѣшое значеніе придаетъ стихотворству, краснорѣчію и застольному асновайству, слишкомъ много бредить эстетикою и упускаетъ изъ видуначеніе литературы, какъ общественной силы. Оно не воздѣлываетъ на родное міровоззрѣніе, оно исключаетъ политические вопросы изъ своихъ батовъ и по части популяризациіи знанія довольствуется истинно-гомеотическими крупицами. Мистраль — «скромный ученикъ великаго Гомера» (able escoulan dou grand Oштѣго), парить гдѣ-то въ поднебесыи символической поэзіи, а когда нисходить въ земную юдоль и начинаетъ пѣть соѣмъ-таки для пастуховъ и пахарей, то у него выходять все такие ангелы бродѣтели и демоны коварства, такая, вообще, сузальская живопись, о простой человѣкѣ, хотя и можетъ, какъ мы это увидимъ далѣе, проѣться отъ умственной спячки одною силою воздѣлствія народнаго языка, впервые воспринимаемаго въ литературной формѣ, хотя и можетъ почить нѣкоторыя возбужденія, но «хлѣба духовнаго», въ полномъ значеніи ого слова, ни въ гомеровской части произведений Мистрalla, ни въ иного

рода произведений его, навѣрно, не найдеть. Выданіе Мистраля — кверкала и роялиста — не изъ просвѣтительныхъ, и при этомъ слушать нельзѧ не отмѣтить, что оно — при большой близости провансальскаго языка къ каталонскому — весьма легко можетъ проникать и за Пиренеи. Устку Мистраля въ Каталоніи много можетъ способствовать и пропаганда его произведеній въ каталонскомъ переводѣ (Pelay Briz, Roca у Воса, Bagaria у Falguera), какъ ни противорѣчать, впрочемъ, ихъ эстетизмъ самобытному настроению каталонцевъ, отзывающихся иной разъ довольно презрительно о провансальскомъ баухальствѣ и самомнѣніи и весьма основательно отвергающимъ приписываемый провансальцамъ починъ въ возрожденіи народной литературы.

Какъ бы то ни было, но провансальская интелигенція все же имѣетъ известныя заслуги: она активно вторгается въ коловоротъ жизни, она «по-своему» понимаетъ запросы народа и «по-своему» старается удовлетворить ихъ. Хотя и безъ большой пользы, но зато и безъ всякаго преда, пополняетъ проблемы въ рядахъ истинной интелигенціи и такъ иначе ослабляетъ значеніе недочета въ ней, вездѣ ощущаемаго.

Но, кроме интелигенціи, дряблой и худосочной, есть еще, къ несчастью, не мало и интелигенціи и фальшивой, лицемѣрной, лживой, собственно говоря, псевдо-интелигенціи, вредное выданіе которой безмѣрно. Интелигенція непроницательная, тупая, малодушная, не способная ориентироваться въ сложномъ ходѣ событий, растѣрѣивается вездѣ весьма нерѣко. Такая интелигенція всегда оказывается легко охолопливаемой и совершенно неспособной къ критикѣ, протесту и оппозиціи. Она на своемъ языке не имѣть даже словъ для выраженія этихъ понятій, и потому же свои позиціи обыкновенно сдается безъ борьбы. Но истиннымъ проявленіемъ для своей страны является интелигенція продажная, — та, у которой за душой всего и есть афоризмъ: «va dove si vince» — «Нельзя бѣгать на сторону побѣждающихъ». Эта анти-интелигенція отличается пренебрѣглиющей всевозможными хитросплетеніями и софизмами, оправдывающими ея всегдашнюю готовность проституироваться всякой силѣ, подчас даже возводящими всю эту низость до истинного служенія своему отечеству. Въ хвостѣ этой банды обыкновенно ползетъ книжное чванство и философствующая спесь, всегда готовыя сыграть роль приспѣшниковъ при рѣшеніи всялаго вынызывающаго на поверхность общественной жизни вопроса. Корыстолюбивые расчеты или безкорыстная недальновидность этого отребья испещряютъ общую картину нравственного растѣнія и младутъ на ней свои особенные, своеобразные, а потому и всегда замѣтныя пятна.

Дантово солнце, принципіально сияющее яркимъ свѣтомъ, какъ видѣть изъ этого, можетъ свѣтить въ самой жизни лишь очень слабо. И все же, гдѣ только является привѣтъ для его живительныхъ лучей, какъ немедленно же сказывается его творческая сила. Сила эта зиждется на томъ непосредственномъ и глубокомъ чувствѣ, которое всякому внушается его родиной. Любовь къ родинѣ — чувство, которое, по словамъ

французского поэта, способно возвращать человѣку давно минувшую мѣдность, по силѣ своей, по интенсивности, принадлежить къ числу самыхъ острыхъ и самыхъ захватывающихъ эмоцій. Ему свойственны тѣ баянительныя чары, которыми скрашивается самая убогая жизнь,—оно можетъ всесѣло овладѣть человѣкомъ и заставить его забыть все, кроме одного уголка: швейцарцы, бѣжавши къ себѣ, въ горы, при исполненіи одного напѣва, новобранцы, налагавши на себя руки подъ гнетомъ воспрещенія говорить на родномъ языкѣ, всѣ изнемогавши подъ давленіемъ госки по родинѣ — ностальгіи, болѣзни совершенно опредѣленной, могутъ представлять собою иллюстрацію глубокаго жизненнаго значенія привязанности къ родному мѣсту. Дорога родина, но самое дороже въ ней — ея языкъ: онъ и высшее ея выраженіе, онъ — олицетвореніе ея духовной красоты, онъ — часть ея, уносимая человѣкомъ повсюду, лучъ ея свѣта, согрѣвающій душу и на далекой чужбинѣ. Поэтому «забвеніе языка есть одна изъ послѣднихъ жертвъ, приносимая со стороны народа», какъ то вѣрно заявляетъ цитированный уже мною Брюно. «Даже и тогда, когда патріотизмъ не приводить въ общую сумму побужденій, заставляющихъ держаться родной рѣчи, одной только традиціи и привычки бываетъ достаточно для того, чтобы стоять на стражѣ родного слова, и съ какою силой! Чтобы судить о ней, достаточно обратить вниманіе на ту медленность, съ которой провинциальные говоры отступаютъ передъ французскимъ языкомъ. Въ теченіе вѣковъ переставь быть литературными языками, исключенные церковью, устраниенные государствомъ, они всетаки держатся, однако же, переходя отъ матерей къ дѣтямъ съ первыми ласками» (*F. Brunot, въ «Ист. франц. яз. и литературы». Пти де Жюльвиля. Introd., р. XXVI*). Какъ бы иллюстраціей къ этой замѣткѣ Брюно является трогательное выраженіе къ родному языку, высказанное талантливымъ Боннэ, провансальскимъ крестьяниномъ, оставилшимъ интересные мемуары, переведенные на французскій языкъ Альфонсомъ Додѣ (*Balisto Bonnet: Un paysan du Midi*. Paris, 1897). Боннэ—бѣднякъ, служившій въ солдатахъ, малограмотный человѣкъ, имѣлъ счастье встрѣтиться съ однимъ писателемъ—провансальцемъ, какъ и онъ (Дис-Керс) и, благодаря ему, что называется, узрѣлъ свѣтъ. Умѣніе взяться за дѣло чуткаго, гуманнаго, образованнаго учителя разбудило дремавшаго въ старомъ солдатѣ поэта, а имѣсть съ тѣмъ воскресило и прибитаго жизненными невзгодами провансальца. Рассказъ самого Боннэ объ этомъ поворотномъ пункѣ его жизни, передаваемый Додѣ, полонъ глубокаго интереса. Вынужденный жить въ Парижѣ изъ-за куска хлѣба, Боннэ задумалъ жениться. Невѣста, по его словамъ, имѣла одинъ только недостатокъ: она была не южанка. Пока—что, приходилось поддерживать съ нею переписку, что крайне затрудняло бѣднаго солдата,—и вотъ онъ надумалъ помочь горю: взять себѣ учителя. Учитель его—Дюккерси, первый же урокъ посвятилъ поэмѣ Мистраля «Мирейо». «Стихи Мистраля! О, что за неожиданность, что за упоеніе! Нашъ сельскій языкъ, тотъ самый языкъ, на которомъ мы—мужики, говоримъ

только между собою и которого стыдимся на людяхъ, этотъ самыи языкъ является теперь въ прекрасной книгѣ, напечатанной по-провансальски и по-французски, точно такъ, какъ печатаются наши молитвенники! И что за риомы! Онъ въ самомъ дѣлѣ звончай тѣхъ колокольцевъ, которые мы подвѣшиваемъ нашимъ муламъ въ праздничные дни! Подумайте только, что долженъ быть чувствовать я, влюбленный, прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ о любви, передававшимъ именно то, чѣмъ и мое сердце было переполнено, и передававшимъ все это такими словами,—словами моей семьи, приносившими воспоминанія, отлики, благоуханіе родины. Вся наша китайская обстановка была тутъ передъ моими глазами: поэтъ не гнушался посвящать ей свои стихи... Восторгу моему не было предѣла, и мнѣ хотѣлось и смеяться, и плакать,—все за разъ. Съ этого дня я спалъ и видѣлъ Провансъ и провансальскій языкъ. Да будуть благословенныи оба поэта—Мистраль и Дюккерси, наведшіе меня на эту путь! Въ черные дни моей жизни,—а сколько ихъ было за эти двадцать лѣтъ—одному Богу известно,—провансальскій языкъ и освѣщалъ, и согрѣвалъ меня. Случалось здѣсь такъ, что нечего было ютиться, нечѣмъ затопить печь, нечѣмъ посвѣтить,—идешь себѣ на улицу и пишешь подъ фонаремъ и не чувствуешь холода въ зимнюю ночь: согрѣваешься любовью къ родинѣ и родному языку.

Это изліяніе чувствъ само по себѣ говорить очень много, но тотъ кто прочтеть мемуары Боннэ, признается, конечно, что вдохновляющій ихъ талантъ, раскрывшійся отъ соприкосновенія души поэта съ священномъ почвою родины, придаетъ этому моменту не только личное, но и важное общественное значеніе. Человѣку, затертому жизнью и утерявшему среди его передать свой родной языкъ, возвращается этотъ языкъ, и однѣмъ писателемъ у него родины становится больше. Сколько такихъ талантовъ погибло и теперь еще погибаютъ, о томъ и подумать страшно тому, кто представитъ себѣ безпредѣльность того мрака, изъ которого исходить всѣ эти бѣдствія. Прислушайтесь только къ голосу высоко-образованного интеллигента, не утратившаго тѣхъ основныхъ чувствъ, которыя согрѣвали сердце провансальского крестьянина, и въ то же время оцѣнившаго ихъ великое соціальное значеніе. Бельгійскій депутатъ фланандецъ Вань-Бэрсь еще въ 1873 году, въ рѣчи, произнесенной имъ на литературномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ, высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Слово,—это, такъ сказать, кристаллизованная мысль. Стараться замѣнить языкъ народа языкомъ чуждымъ, значитъ то же, что стараться задушить всякую оригинальность идей,—то же, что задушить, убить мысль въ самой душѣ; это все равно, что совершить нравственное убийство цѣлаго народа,—превратить его съ точки зрѣнія идей въ евнуха осужденного въ борьбѣ за существование на неизбѣжное пораженіе и изгнаніе съ земли». (Paul Hamelius. «Histoire politique et littéraire du mouvement flamand, Bruxelles 1894, p. 220). Вдохновленные такими мыслями, фланандцы и создали литературу, которая является прежде всего литературою народа. «Люди, рожденные въ средѣ народа, создали ее ради любви къ на-

оду, ради возбуждения симпатіи къ народному языку и народной душѣ, ради нравственного воздѣйствія на народъ и расширенія его разума и сердца. Они стараются предать забвению глубокую религіозную рознь и урны политической страсти, разъединяющей фланандцевъ, и заботятся о проведеніи въ народную массу возвышенной морали, общей для всѣхъ инѣй. Создавъ цѣлую народную литературу, они придали своей дѣятельности важное и плодотворное значеніе и, поднявъ народъ нравственно и материально, стали ему дороги» (*ibid.*). Такое же значеніе имѣть и дѣятельность и чешской интеллигенціи, на знамени которой со времени Пасацкаго ярко сияютъ общечеловѣческие принципы. Лужичане, каталонцы, провансальцы, галичане... Сколько народовъ возродилось къ новой жизни подъ благодѣтельными лучами истинно-новаго солнца! И если, все же не для всѣхъ европейскихъ народовъ солнце это уже взошло, зато имъ могутъ пользоваться хоть негры южной Африки. Въ португальской колонії Анголь существуетъ теперь народная туземная литература на языкѣ кимбунду... «Будущее этой литературы»—по словамъ сѣверо-американского миссіонера Гэли Чэтлена—теперь обеспечено: Бордейра де Матта, негритянскій поэтъ съ береговъ рѣки Куансы, распростился съ португальской музой, съ гѣмъ чтобы посвятить свой талантъ нарождающейся народной литературѣ. Одновременно, во внутренней колонії, практическіе самоучки изъ племени амбақвистовъ отдаютъ преимущество собственному языку надъ португальскимъ для цѣлей частной переписки. Для нихъ португальский языкъ имѣть то же значеніе, что латинскій языкъ для португальского крестьянина. Нѣть, наконецъ, недостатка въ указаніяхъ и на то, что здѣшнія гражданскія и церковныя власти обратили вниманіе на важность столь широко-распространенного языка, какъ кимбунду, и оцѣнили въ немъ значеніе связующаго звена между официальнымъ языкомъ администраціи и многочисленными нарѣчіями бantu въ такой обширной области, какъ Ангола».

«Португалия,—прибавляетъ къ этому Чэтленъ,—попала въ Африкѣ какъ въ западню между непомѣрно сильнѣйшими и жадными на захватъ сосѣдями. Единственнымъ оплотомъ ея послѣднихъ колоніальныхъ остатковъ можетъ стать преданность ея африканскихъ подданныхъ. Обезпечить эту преданность можетъ она однимъ только предоставленіемъ столь желаемой ими, давно-общѣщанной конституціи и терпѣливо ожидаемой, рациональной системы элементарного, профессіонального и высшаго образованія. Начальная школа не можетъ вести свое дѣло усиленно до тѣхъ поръ, пока учитель и ученикъ обязываются читать и писать на языкѣ, для нихъ обоихъ непонятномъ». (*Heli Chatelain. Folk-Tales of Angola.*. 1894. Preface).

Приведенный мною рядъ можно бы еще значительно удлинить, но и сказанного достаточно, я думаю, чтобы убѣдиться въ великомъ значеніи народного языка: онъ пробуждаетъ дремлющія творческія силы, онъ ведетъ по единственному пути сближенія интеллигенціи и народа, онъ даетъ естественные формы воплощенію общечеловѣческихъ идей, онъ сокращаетъ жизнь... Но надо не забывать—онъ можетъ производить и обычную

для сферы чувствъ иллюзію: его усмѣжающіе душу звуки могутъ познаться обладающими такимъ свойствомъ не въ силу привычныхъ и упрочившихъ ассоціацій, а въ силу будто бы присущихъ самому языку особыхъ, возвышающихъ его надъ другими языками, свойствъ. Даже интелигенція, если она по какимъ-либо обстоятельствамъ осталась чуждою хорошей критической школѣ, легко можетъ не уберечь себя отъ такого самообмана. Заслушиваясь иной разъ своихъ собственныхъ лирическихъ излияній, иной «поэть въ душѣ», а не то—просто декламаторъ, незамѣтно переходить къ заключенію отъ нихъ къ возводившему ихъ предмету и давай осыпать его возможными и невозможными дарами совершенства. Языкъ де и велигъ, и могучъ, и правдивъ, и свободенъ... Онъ де можетъ даже служить поддержкой и опорой въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій не о своей только судьбѣ, какъ у Боннѣ, а о судьбѣ родины и т. п. Риторикѣ надо тутъ, конечно, отвести свою долю, но все же остается очевиднымъ, что у вѣщателя—энтузиасть ли онъ, или просто праздно болтающій — не имѣется истиннаго мѣрила совершенства языка, не входить въ обычай сравнить свой опытъ съ опытомъ другихъ и неѣть предчувствія, что всеобщій опытъ давно сведенъ въ «науку»; импровизація замѣняется у такого восторженного цѣнителя все.

Пустыя восхваленія проходятъ, впрочемъ, какъ дымъ; гораздо хуже то, что склонные къ суживанію значенія языка склонны и къ суживанію значенія культуры. Подъ гнетомъ напора самовосхваленій культура можетъ и вовсе потерять свое общечеловѣческое содержаніе и мало-по-малу свестись къ мѣстной обособленности, за которую не замедлять послѣдовать и ея спутники: мраколюбіе и разнообразныя формы человѣконенавистничества,—словомъ, национализмъ. Развивается ли онъ на почвѣ господствующаго языка, или же путемъ отрицательного воздействиа проникаетъ въ языки областные,—вездѣ онъ тянетъ всегда назадъ, вездѣ онъ возвращается первобытныя формы стародавней разрозненности и возбуждаетъ охранительные инстинкты. Если одновременно съ микроскопическими дозами науки провансальскіе «фелибры» надрываются надъ реставрированіемъ «courts d'amour», «jeux flaucaux» и всякой бутафоріи, то это служить несомнѣннымъ признакомъ господства у нихъ националистического духа и слабаго развитія общечеловѣческаго элемента, сильно пониждающихъ цѣлу руководимаго ими движенія.

Народнымъ языкамъ—какъ видно—выпала разная участъ: одни чрезмѣрно унижены, другіе чрезмѣрно превознесены; одни несутъ великую службу просвѣщенія, другіе слишкомъ увлекаются показною стороной; одни ведутъ свое дѣло въ типи неусыпнаго труда, другіе производятъ шумъ на весь свѣтъ. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти формы дѣятельности все же рѣзко различаются отъ борьбы за преобладаніе надъ другими языками и отъ попытокъ подавленія и вытѣсненія этихъ языковъ, т.-е. отъ траты силъ, приводящей къ однимъ только отрицательнымъ результатамъ.

V.

Погоня за призракомъ частнаго объединенія языка оказалась, какъ мы югли въ томъ убѣдиться изъ предшествующихъ сопоставленій, столь же бесплодною, какъ и преслѣдованіе иллюзій объединенія универсального. Частное объединеніе, опирающееся на иныхъ, сравнительно съ объединеніемъ универсальнымъ, средства, даетъ и результатъ, съ формальной стороны отличающейся отъ результата тѣхъ объединительныхъ усилий, которыя намѣчаютъ себѣ установление всемирного языка. Формальная сторона одна только и можетъ, впрочемъ, оказаться доступною воздействию извнѣ, — единственному воздействию, находящемуся въ распоряженіи объединителей. Воздействіе это иного успѣха, впрочемъ, и не добивается и, пріобрѣвъ его, считаетъ все, имѣющее для намѣченной цѣли какое-либо значение, вполнѣ достигнутымъ. Ревнителямъ иностраннаго воздействиія, — а имъ имъ легионъ, — можетъ казаться, что объединеніе слѣдуетъ считать достигнутымъ вполнѣ, если во всѣхъ официальныхъ учрежденіяхъ слышится говоръ, условно принимаемый за господствующій языкъ, и пишутся бумаги на ставшемъ обычнымъ, канцелярскомъ жаргонѣ; для нихъ нужно одно: чтобы нигдѣ не слышны были иѣстные языки. Довольствуясь показной стороной дѣла, они ничего болѣе не ищутъ: не считаются это нужнымъ и не имѣютъ на то никакой склонности. И вотъ, разъ навсегда устанавливается порядокъ, о которомъ всегда и говорится, какъ о несомнѣнно совершившемся вытѣсненіи областныхъ языковъ — господствующими, отныне объединяющими де всѣ разноязычныя части страны. Такое заявленіе обыкновенно считается въ высшей степени благонамѣреннымъ и всегда поощряется имѣющими на то возможность. Такъ идетъ дѣло изо дня въ день; но стоитъ только, чтобы произошло что-нибудь незаурядное, какъ тотчасъ же въ средѣ приспѣшниковъ патріотического празднословія, въ средѣ рептилій печати и всѣхъ, вообще, того sorta людей, которые, по словамъ нашего великаго сатирика, — міръ поглотили бы, если бы только Богъ или выдалъ его, раздаются извѣстные «аккорды въ постыдной оргії», когда то заклейменной незабвеннымъ поэтомъ, но не считающей себѣ осужденной на молчаніе. И тѣмъ лучше, пожалуй, такъ какъ «постыдные аккорды» и составляютъ, собственно говоря, всю санкцію фиктивнаго успѣха и все поощреніе на дальнѣйшее преуспѣяніе мнимаго объединенія, цѣликомъ сводящееся въ дѣйствительности къ показнымъ словамъ, красующимся на вывѣскѣ.

«Условная ложь» не можетъ однажды удовлетворять тѣхъ, которые видятъ даѣе «поверхности вещей»; сознаніе этой лжи при сохраненіи псевдо-патріотическихъ импульсовъ выводить на сцену такихъ поборниковъ объединенія языка, которые берутся за выполненіе задачи не при посредствѣ иностраннаго воздействиій, а намѣчаютъ себѣ внутреннюю работу, единственную вполнѣ и окончательно устранить скрывающуюся за декорациями иностраннаго объясненія рознь. Они воздвигаютъ крестовый походъ

изъ-за новой иллюзии, изъ-за установления действительного единства въ самомъ господствующемъ языкѣ:—единства языка письменнаго и устнаго, единства въ словоупотребленіи,—въ выговорѣ,—въ удареніи,—въ акцентѣ. Единство это должно стать удѣломъ всѣхъ классовъ населения и, вообще говоря, должно достигнуть мыслимо—наивысшей полноты и законченности.

Иллюзия такого объединенія всецѣло возводится на преувеличеніе значенія письменнаго языка, а потому я и попытаюсь теперь свести это значеніе къ его истиннымъ размѣрамъ.

Объ общемъ значеніи письменнаго языка я имѣть уже случай говорить ранѣе. Значеніе это такъ велико, что никакъ не нуждается въ преувеличеніи. Чтобы охранить себя отъ такого преувеличенія, слѣдуетъ прежде всего не смѣшивать роли письменнаго языка съ ролью языка устнаго въ обиходѣ жизни. Эти два языка не только не тождественны, но даже и не равнозначны: различіе между ними—есть различіе глубокое, коренное. Обратимъ внимание на то, что любая азбука, какъ бы она ни была совершенна, не въ состояніи воспроизвести той непрерывности и слитности, которыя свойственны живой рѣчи. Соотношеніе живой рѣчи и письма можно приравнять поэтому соотношенію линіи къ числу. При величайшемъ совершенствѣ письменныхъ знаковъ, отдельно взятый знакъ никогда не представляетъ собою только одинъ опредѣленный звукъ, а всегда цѣлыи рядъ ихъ, артикулируемыхъ различно. Затѣмъ, кроме артикуляціи, важное значеніе имѣть количественное различіе звуковъ и удареніе. И дѣлѣ слѣдуетъ принять во вниманіе, что такъ какъ передача звуковъ знаками выработалась исторически, а потому и явится несовершенной и приблизительною, и такъ какъ количественное различіе звуковъ и удареніе обозначаются крайне неудовлетворительно, а иногда и совсѣмъ не имѣть обозначенія, то письменный языкъ и оказывается всегда въ высшей степени бѣднымъ отобразомъ языка устнаго. Тѣ звуковые различія, которыя сплошь и рядомъ соответствуютъ одинаковымъ начертаніямъ, могутъ быть точно воспроизведимы лишь тѣми, которымъ различія эти были предварительно известны по непосредственному опыту; всякому другому, такимъ непосредственнымъ опытомъ не обладающему, они должны остаться навсегда недоступными. Прослѣдить по письменнымъ даннымъ различіе корней нѣтъ никакой возможности; столь же невозможно и изъ грубыхъ чертъ сходства письменныхъ знаковъ извлечь цѣлую массу такихъ особенностей. Никакія сравненія и выводы при этомъ не могутъ оказаться возможными и никакое изученіе языка выполнено быть не можетъ. Можно утверждать поэтому, что письменный языкъ относится къ устному, какъ аляповатый эскизъ къ оконченной картинѣ со всѣми выраженными въ ней переливами свѣта, тѣніи и красокъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, письменный языкъ всегда остается позади устнаго и никогда не получаетъ значенія вѣрнаго его выражителя. Открытие законовъ языка возможно по этому только при изученіи живой рѣчи, литературный языкъ никакой услуги

въ этомъ направлениі оказать не можетъ или же приводить къ сбивчивымъ и, вообще говоря, отрицательнымъ результатамъ. (Пауль, Крущевский, Чюнгъ, цит. соч.).

Такой взглядъ подтверждается и «нѣкоторыми выводами изъ позднѣйшихъ трудовъ по велико-русской діалектологии», изложенныхъ проф. Будде въ статьѣ его, помѣщенной въ «Юбилейномъ Сборнику» въ честь В. Ф. Биллера. «Изучая русскій языкъ въ его реальныхъ фактахъ, изъ которыхъ лишь незначительная часть сдѣлалась достояніемъ общепрѣзѣстнаго русскаго литературнаго языка,—говорить г. Будде,—русскіе діалектологи скорѣй пришли къ глубокому и, несомнѣнно, истинному убѣждѣнію въ томъ, что факты русскаго языка въ его литературномъ нарѣчіи не могутъ ами по себѣ имѣть особеннаго значенія, что настоящее знаніе русскаго языка еще впереди и наступить тогда, когда изученіе русскаго языка свѣтится къ приведенію въ извѣстность фактovъ, существующихъ не въ однѣмъ литературномъ употребленіи, но въ употребленіи и не-литературномъ, народномъ, на всемъ пространствѣ живой русской рѣчи. Иначе говоря, лишь русская діалектология должна приготовить самый матеріаль для научнаго знанія и изложенія грамматики русскаго языка; она, русская діалектология, должна дать факты абсолютнаго значенія, должна сдѣлать русскій языкъ въ его теоретическомъ изложеніи научной дисциплиной. Хоть, между прочимъ, тѣ основанія, которыя заставляютъ насъ и сеѧсь утверждать, что научная грамматика русскаго языка есть дѣло будущаго, уже недалекаго; что недалеко то время, когда современная наша школьная грамматика русскаго языка въ ея общественномъ изложеніи ухнетъ и замѣнится той грамматикой, которая, какъ система экспериментальныхъ данныхъ, не будетъ болѣе тормозомъ и отвратительнымъ бременемъ въ нашемъ школьнномъ образованіи».

Какъ ни очевиденъ однакоже тотъ фактъ, что литературный языкъ отстаетъ отъ языка устнаго,— фактъ этотъ,—хотя и выясненный учеными,—остается мало извѣстнымъ обширной публикѣ. Происходить это по-тому, что въ данномъ случаѣ необходима еще нѣкоторая важная предварительная работа, существующая повлиять на устраненіе многихъ затарѣлыхъ и весьма давнихъ примѣсловъ. Обыкновенно намъ всего болѣе росается въ глаза вліяніе письменности на расширеніе сферы вліянія языка въ пространствѣ и во времени. Это вліяніе очень часто мѣшаетъ задлѣжащимъ образомъ присматриваться ко всѣмъ сторонамъ жизни языка,—но заслоняетъ ихъ своимъ великимъ значеніемъ и побуждаетъ поэтому перенеопредѣливать роль письменнаго языка и недоопредѣливать роль языка устнаго.

Я постараюсь избрать путь, свободный отъ всѣхъ этихъ предразсудковъ, и попытаюсь представить очеркъ того соотношенія между языкомъ письменнымъ и языкомъ устнымъ, которое устанавливается при пособіи нѣаго освѣщенія фактovъ. Устраненіе и еще одной иллюзіи, изъ числа бычныхъ, традиціонныхъ, выяснится при этомъ само собой.

Литературный языкъ, рассматриваемый со стороны культурнаго его

значенія, по мѣткому сравненію Бзагеля, уподобляется каналу, проводимому параллельно естественному русу рѣки. Рѣка попрежнему продолжаетъ оставаться такою же, какъ и прежде, неоднородною массою и еще больше прежняго разливается на множество потоковъ, тогда какъ воды канала протекаютъ по прорытому для нихъ углубленію, подвергаясь переходу черезъ многіе шлюзы и испытывая воздействиѳ поставленныхъ для нихъ фильтровъ, существующихъ удалять содержащіеся въ нихъ иль и гальки и устраниТЬ свойственный имъ привкусъ земли *). Это различіе между искусственнымъ и естественнымъ языками, прибавляетъ Бзагель, имѣть большую важность: народныя нарѣчія продолжаютъ жить согласно естественнымъ законамъ развитія, дѣло рукъ человѣческихъ—искусственный языкъ оказывается препараторомъ, въ природѣ не встрѣчающимся, какъ не встрѣчается дистилированная вода въ нашихъ ручьяхъ. Грубой ошибкой является поэту мнѣніе, и до сихъ поръ еще встрѣчающееся въ средѣ образованныхъ людей, будто народный языкъ есть испорченный письменный—нѣчто, напоминающее фабричный стокъ. Ничего подобного въ дѣйствительности не существуетъ. Оба указанные выше потока идутъ каждый самъ по себѣ, но поверхности склона ихъ теченія различны: подвижность письменнаго языка сравнительно съ подвижностью языка устнаго очень слаба, она задерживается искусственно, въ силу одного лишь данного положенія; развитіе же устнаго языка совершается вполнѣ безпрепятственно и свободно.

Но если наложенная на языкъ культурная опека лишила его тѣгучести, жизненной измѣнчивости и достаточно быстрой развивчивости, то, быть можетъ, она вознаградила его столь страстно желаемымъ единство, уравновѣшившімъ всѣ пріобрѣтенные недостатки? Мы знаемъ, что английскій языкъ очень далеко отъ возможности похвальиться такимъ достоинствомъ. Но территоріи Англіи разрознены, и склонность англійскаго языка къ распаденію можетъ получить объясненіе въ этомъ именно особенномъ обстоятельствѣ. Можно предположить, пожалуй, что въ Германіи, представляющей діаметральную противоположность такой разбросанности, мы имеемъ и встрѣтимъ это лѣтъемое въ мечтахъ патріотовъ единство языка, на высшее, какое только достижимо гдѣ бы то ни было, обусловленное старой культурой, небольшимъ пространствомъ и большою густотою одноплемененного населенія. И однако же, оказывается, что и въ Германіи такого единства не существуетъ, и что оно даже, какъ утверждаетъ Бзагель,

*) Подтверждениемъ мнѣнія Бзагеля можетъ служить замѣчаніе Гастона Паріса о литературномъ характерѣ провансальскаго языка, въ которомъ, по мнѣнію замѣнитаго академика, „слишкомъ многія слова сохраняютъ запахъ грязи и даже навоза, среди которыхъ протекала ихъ жизнь; они, при пользованіи ими, распространяютъ запахъ этотъ вокругъ себя. (G. Paris: *Penseurs et Poètes*, 1896, p. 107). Эту самонную брезгливость интересно сопоставить съ замѣткою, которую дѣлаетъ мимоходомъ Оливія Шрейнеръ (*The Story of an African Farm. Preface*) о невозможности для нее писать такъ, какъ могутъ дѣлать это обитатели фешонебельной части Лондона, „творческое воображеніе которыхъ, свободное отъ соприкосновенія съ фактами, имѣть полную возможность расправлять свои крылья“.

за ли и вообще здесь достижимо. Провинциализмы въ нѣмецкой литературѣ встречаются очень часто, особенно же на окраинахъ области нѣмецкаго языка. У швейцарцевъ и у австрійцевъ они до такой степени многочисленны, что писатель швейцарскаго или австрійскаго происхожденія всегда выдаетъ себя своимъ языкомъ. Если ослабленіе провинциализма и чистота, то все же, по мнѣнію Бэагеля, на наступленіе этого ослабленія никакъ нельзя разсчитывать. Что же касается всякаго рода новшествъ, которыми переполнена нѣмецкая печать, то въ силу свойствъ развития самого языка, устраненіе ихъ должно навсегда остаться неосуществимымъ. Момента покоя или застоя—какъ то хорошо известно всякому, въ чуждому современной «наукѣ о языке»—никогда не бываетъ и быть можетъ. Въ силу внутренней необходимости постоянно создаются новые формы и новые сочетанія словъ, и такимъ образомъ всегда имѣется въ наличности достаточный стимулъ для борьбы между старымъ и новымъ,—борьбы, о прекращеніи которой не можетъ быть и рѣчи. Пока она есть, не можетъ исчезнуть и известная неувѣренность, не могутъ устраиваться известныя колебанія въ пользованіи языкомъ, а отсюда возникаетъ и се то, что принято называть признаками вырожденія и засоренія языка,—сологизмами и варваризмами, обрекаемыми некоторыми блестителями чистоты языка на рѣшительное и полное устраненіе.

Въ настоящее время источникъ всѣхъ печалованій можетъ считаться хорошо известнымъ: этоъ источникъ—ветхій деньги примыселъ и равненія языка самостоятельному организму, развивающемуся совершенно самобытно. Взглядъ этотъ, подкрепленный тѣмъ эстетизмомъ, который и по сейчасъ еще проникнута добрая доля литературной критики и сторіи литературы, именно и получаетъ форму тѣхъ воплей, которымъ и рѣшила нѣть у людей, живущихъ заднимъ числомъ. Запоздалая приверженность къ метафизическому методу мышленія и преклоненія передъ казарменными идеалами вездѣ даютъ одинъ и тотъ же результатъ. Требуется нѣчто единое, постоянное, незыблѣмое и въ то же время однородное, ровное и гладкое, какъ плацпарадъ. А жизнь между тѣмъ не знаетъ и знать не хохочь объ этихъ нависшихъ надъ нею угрозахъ: живой языкъ идетъ своимъ широкимъ русломъ, разливается безчисленными потоками, ручьями и струями: здесь протекаетъ по чистому песку, тамъ по камнямъ, по илу, по горячимъ деревьевъ; на каждомъ шагу на всѣхъ этихъ разнообразныхъ пущахъ встречаются различнѣйшія сочетанія и особенности: тутъ въ водахъ отразились зеленые берега, луга, сады,—тамъ нависли скалы, поднялись крутизны... а поклонники прямой линіи только обѣ одномъ и думаютъ: хотятъ превратить этотъ чудный, кипящій жизнью, величественный потокъ въ искусственное, слизанное сооруженіе вродѣ такъ называемой рѣки Шпрѣ или будто бы рѣки Мойки. Но вѣдь надо съ корнемъ вырвать изъ сознанія нашего застѣвшее въ него чувство природы, надо выкинуть за бортъ Руссо и все его влияніе на европейскую цивилизацию, чтобы сдѣлать себя способнымъ восхищаться такимъ убожествомъ! Языкъ прессы

обезображенъ, засоренъ, и не знаю еще что? Но «это зло не таъ еще большой руки»: дѣло вѣдь идеть обѣ одной отдельной струйкѣ,—струйкѣ, поставленной въ свои особенные условія и неизбѣжно носящей на себѣ ихъ отпечатокъ. Искаженіе и засореніе при томъ же являются преходящими, и производимая ими въ языкѣ ферментациія, способствующая его обновленію, остается и оказывается на развитіе языка свое благодѣтельное воздействиѣ. Не взвѣшивъ соотносительного значенія этихъ двухъ факторовъ, ошибочно осуждать на устраненіе одинъ изъ нихъ, — это «яко какъ простая гамма».

Допустимъ однако же, что декламаціи о выработкѣ и всеобщемъ у становленіи единаго и идеально-совершеннаго языка имѣютъ какое-нибудь дѣйствительное значеніе, и что писателями въ самомъ дѣлѣ овѣдомъ разшитальное стремленіе осуществить это мечтаніе. Какъ же имъ надо приступитьъ, что надо будетъ сдѣлать, чѣмъ надо будетъ руководиться для того, чтобы не попасть въ положеніе рыбака, долженствующаго во что бы то ни стало уловить золотую рыбку?

Если бы языкъ дѣйствительно представлялъ изъ себя отдельно существующій, самостоятельный организмъ, то, конечно, возможно было бы мечтать объ усовершенствованіи этого организма. Само собою разумѣется, что усовершенствованіе это могло бы быть лишь одностороннимъ, такъ какъ примиреніе взаимно-противоположныхъ качествъ на практикѣ невозможно. Очевидно, поэтому, что мечта о такой переработкѣ языка, благодаря которой онъ могъ бы пріобрѣсти сразу всевозможныя совершенства, есть мечта, даже и при сдѣланномъ допущеніи—нелегкая и неосуществимая. Можно подумать, что добивавшіеся сохраненія за нею ея иніи руководительного значенія мыслили такъ же не критически, какъ и та инія ститутка, которая непремѣнно хотѣла получить «самое вкусное лѣкарство».

Въ томъ направленіи, которое опредѣляется такого рода «принципомъ», дѣлалось не мало попытокъ повсюду, не исключая, по всей вѣроятности, и «служка подъ липками»; но изъ всѣхъ этихъ попытокъ ровно ничего не вышло. Всякіе чистильщики, полировщики, шлифовщики и лакировщики выбивались изъ силъ, но дѣло ихъ все же на ладъ не пошло: явилась опасность склонить языкъ къ неподвижности и покой, чего дѣраго—вѣчному, или оказывалось необходимымъ впустить живительную струю устнаго языка, и тогда опять являлся поводъ крикамъ о засореніи о небрежномъ храненіи клада и еще тамъ о чёмъ? Златой средины таки таки никто никогда и не нашелъ. Во Франціи, какъ известно, существуетъ дѣпо нарочно для этой благой цѣли поставленныхъ, такъ называемыхъ «бессмертныхъ»; въ Германіи ничего подобнаго не имѣется. Сравнивая положеніе литературнаго языка въ этихъ двухъ странахъ, Бзагель находитъ, что законодательство французской академіи никогда не могло быть согласовано съ развитіемъ живого языка,—не могло въ силу упраздненія всякаго вообще языка. «У французовъ,—говоритъ Бзагель,—наглядно обнаруживаются тѣ опасности, которые связываются съ кол-

ификацией языка. Чемъ больше цѣлко держался академический словарь своего элегантного классицизма, тѣмъ рѣзче было проявленіе переворота, тѣмъ размашистѣе оказалась необузданность, обнаружившаяся послѣ ниспроверженія романтикой старинныхъ преградъ. И теперь у французовъ дѣла шутъ нисколько не лучше, чѣмъ у насъ: ихъ газеты, въ среднемъ уровѣ точно такъ же переполнены небрежностями и точно такъ же являются бѣльнымъ источникомъ всякихъ новшествъ, какъ и у насъ». (Behagel, I. c. S. 47).

Бѣагель утверждаетъ, что частныя работы отдѣльныхъ лицъ, имѣющія тѣ же цѣли, что и работы академической, менѣе средни для языка, чѣмъ ти послѣднія. Происходитъ это потому, что правила, имѣющія своимъ источникомъ частную инициативу, не могутъ подпасть застою съ тою легкостью, съ которой участъ эта постигаетъ труды академиковъ: одна работа слишкомъ скоро выступаетъ на смычу другой. Частныя работы могутъ аже, по мнѣнію Бѣагеля, приносить долю пользы, хотя и незначительную. Но всякому же случаю, пользованіе языкомъ не должно быть вѣшнимъ: въ живой рѣчи не до того, чтобы рыться въ справочной книжкѣ и подыскивать выраженія: пользованіе языкомъ должно перейти въ плоть и кровьользующагося, а для этого и необходимо всякому погрузиться въ тотъ источникъ, изъ котораго черпаль и самъ составитель справочной книжки. Этому же смыслу высказывается и Стормы, всегда твердо держащейся воего основного принципа: «письменный языкъ, хотя и медленно, но исклонно идетъ къ сближенію съ живою устною рѣчью».

Влияніе справочныхъ книгъ обусловлено прежде всего, конечно, степенью распространенія этихъ книгъ; во всякому случаѣ, оно является неизбѣжно ограниченнымъ. Иное дѣло влияніе книгъ вообще, т.-е. влияніе писателей; отъ него можно ожидать, пожалуй, большихъ результатовъ для сей области даннаго языка. Наличность этихъ результатовъ во всякое данное время не можетъ подлежать сомнѣнію, но они не всегда выражаются собою пріобрѣтеннуу языкомъ пользу, но иногда, и даже нерѣдко, видѣтельствуютъ о причиненномъ писателями вредѣ. Такъ, источниками юрическаго языка, по мнѣнію Бѣагеля, являются не только вѣчно - суетящіеся журнеки ежедневной печати, но и беллетристы - скороспѣлки, а также переводчики-ремесленники, ученые, пренебрегающіе формой изложенія и т. д. Что же касается полезнаго воздействиа писателей на языкъ, то оно можетъ быть полезнымъ только тогда, когда не впадаетъ въ односторонность. Можетъ случиться, и нерѣдко случается, что раздраженіе, вызываемое замѣщаемыми иными писателями вреднымъ влияніемъ на языкъ ихъ же собратовъ, влечаетъ ихъ чрезмѣрною заботою о его очищеніи, и они начинаютъ усиленно гоняться за неправильностями, а также и за заимствованными иностранными словами. Усердіе, направленное въ эту послѣднюю сторону, можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ заимствованіе иностранныхъ словъ слѣдуетъ разъ навсегда признать неизбѣжнымъ и необходимымъ.

Вопросомъ этимъ, волнующимъ нѣкоторыхъ усердствующихъ ревнителей, такъ называемой, чистоты языка, обстоятельно занимался покойный Тоблеръ и посвятилъ ему довольно обширную статью. Тоблеръ тоже на сторонѣ усердствующихъ; онъ напоминаетъ имъ, что классики — Іесингъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, всегда высказывались противъ очищенія языка отъ иностранныхъ словъ, заходящаго слишкомъ далеко. Онъ цитируетъ по этому поводу въ высшей степени достойное вниманія изреченіе Гёте,—изреченіе, которое не следовало бы забывать ни въ какой образованной странѣ. «Очищать и обогащать языкъ,—гласитъ это изреченіе,—есть дѣло лучшихъ головъ; очищеніе же безъ обогащенія безсмыслене: оно подобно сужденію малопонимающихъ людей о произведеніяхъ искусства,—подмѣтить мелкие промахи они могутъ, но сужденіе о достоинствахъ цѣлаго имъ вовсе не по силамъ» (*L. Tobler: «Kleine Schriften». Frauenfeld, 1897, S. 282*).

Остается прибавить, что и на классиковъ нельзя смотрѣть, какъ на какихъ-то совершенно исключительныхъ писателей, значеніе которыхъ для языка должно считаться вѣчнымъ: влияніе ихъ весьма можетъ сохранить въ языкѣ не мало устарѣлыхъ словъ и выражений (Behagel, *ibid.*).

Если мы примемъ въ разсчетъ всю совокупность вліяній, которымъ подвергается языкъ, то придется признать, что именно она и дѣлаетъ языкъ тѣмъ, что онъ есть; на нашу же долю, по мнѣнію Бэагеля, остается только одно: примиреніе съ колеблющимся состояніемъ языка—«резигнація»—и всякой активной роли мы должны признать себя совершенно безсильными.

Итакъ, мечты частныхъ объединеній языковъ, объединеній по господствующему въ той или другой странѣ языку оказались столь же несостоительными, какъ и мечта объединенія универсального. Еще одинъ примыселъ уступаетъ скальпелю критики и—принципиально—языкъ окончательно сбрасывается съ себя бремя традиціи и выходитъ на свободу.

Только такой языкъ и можетъ стать солнцемъ, освѣщающимъ тысячи ходящихъ во тьмѣ. Чего еще? Вѣдь «яркій неба сводъ

Отнемъ срѣчи надѣяться украсить—
Пустая роскошь, трудъ, достойный смѣха!“

Теперь, если послѣ всего до сихъ поръ выясненнаго и установленнаго я въ заключеніе попытаюсь представить въ самыхъ общихъ чертахъ нормальный укладъ жизни языка, то для меня возможно будетъ ограничиться самой краткой его формулировкой.

Я старался выяснить въ предшествовавшихъ главахъ вредъ, производящій для общества отъ слѣдованія по старому пути традиціи и прими-словъ, я старался показать, что борьба, вызываемая устарѣлыми принципами, безрезультатна, что благодѣтельное вліяніе освободительныхъ теорій—этими теоріями замѣдлено; что повсюду замѣчается пустая трата силъ и не видно ни малѣйшей пользы ни для кого. Вмѣстѣ съ тѣмъ я приводилъ доводы въ пользу той мысли, что эволюція языка, какъ явленія обще-

ственного, определяется общему совокупностью всѣхъ условий жизни, и что максимумъ блага, которое можетъ дать языкъ въ качествѣ орудія просвѣщенія, осуществляется лишь тогда, когда мы отнесемся къ нему, какъ къ извѣстной данности, и постараемся прежде всего изучить законы его развитія, а потомъ уже примемся за пользованіе имъ, никогда не уклоняясь при этомъ отъ закономѣрности.

Если насилиственное распространеніе границъ языка ничего кромѣ зла не приносить, и если искусственное насажденіе его тамъ, где общія условия тому не благопріятствуютъ, остается всегда бесплоднымъ, то надо признать истиннымъ то простое и ясное положеніе, которое должно стать основнымъ вездѣ, где просвѣщеніе народа является первѣйшою и священнѣйшою общественною задачею: область примѣненія народного языка должна совпадать съ границами той территории, где языкъ этотъ является общепринятымъ, обычнымъ разговорнымъ языкомъ и где онъ пользуется наибольшимъ пониманіемъ и наибольшими общественными симпатіями. Такой языкъ въ предѣлахъ своей исторически-сложившейся области и является готовымъ уже орудіемъ просвѣщенія, незамѣнимымъ никакимъ другимъ.

Само собою разумѣется, конечно, что такая постановка народного языка даетъ ему всегда полную возможность уберечься отъ всѣхъ, указанныхъ выше, золъ, разъѣдающихъ официальные языки. Въ новомъ фазисѣ своего развитія языкъ явится прежде всего прочнымъ связующимъ звеномъ между погруженнымъ въ тяжелый трудъ народомъ и наукой — этимъ общинѣ результатомъ труда не одной только мѣстной интелигенціи данной страны, но колективного труда интелигенціи всего свѣта, являющимся поэтому плодомъ общественной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ достояніемъ. Какъ при выработкѣ науки устойчивость положеній приобрѣталаась такимъ восхожденіемъ и обобщеніемъ, которымъ не теряли связь со своими конкретными основами, такъ и въ ходѣ ея распространенія, для устойчивости просвѣщенія въ странѣ, необходимо, чтобы послѣдній чернорабочій не остался чуждымъ той долѣ знанія, которое окажется ему доступнымъ. Эта оговорка въ практикѣ жизни никогда не потеряетъ, конечно, своего значенія, но для того, чтобы она не была одною лишь лицемѣрною фразою, необходимо нести науку въ народъ не окольными путами, но по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. по той линіи, которая является данною въ народномъ языкѣ. Между тую инстанціею, которая черпаетъ непосредственно изъ всѣхъ источниковъ всесвѣтнаго вѣданія, которая и сама съ своей стороны даетъ въ общую сокровищницу соответственные взносы и которая создаетъ и вырабатываетъ тѣ формы, въ которыхъ должна представиться народу общечеловѣческая наука, между этою, высшею инстанціею науки и бѣднымъ настухомъ или чернорабочимъ долженъ образоваться, конечно, цѣлый рядъ посредствующихъ инстанцій, связь и взаимодѣйствіе которыхъ и должны будутъ представить собою организацію просвѣщенія народа на самой практикѣ дѣйствительной жизни. Чѣмъ эта организація будетъ связана и шире,

тѣмъ менѣе потратится сила и времени и тѣмъ полнѣе будетъ заключительный моментъ всего процесса. Въ идеальномъ представлѣніи такого порядка вещей просвѣщеніе должно проникнуть повсюду, во всѣ углы и закоулки страны и стать всеобщимъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Формы, въ которыхъ оно явится въ народъ, будутъ, какъ то и очевидно, въ высшей степени разнообразны: тутъ будетъ и прямое педагогическое изложеніе, и публичная популярная лекція, и книга, журналъ, и газета, и всевозможныя формы олицетворенія и фантазіи, и народный театръ, и, словомъ, все, что только можетъ дать сама жизнь. Но все, что будетъ предложено народу его интеллигентіей, — все это будетъ звучать въ формахъ родного языка, все будетъ проникнуто прелестью несредственного восприятія, во всемъ будетъ частица того лучшаго въ насы, которое, по словамъ одного французскаго мыслителя, явилось въ сѣть раньше насы. И такимъ путемъ у народа явится своя родная, глубоко захватывающая его душу, дорогая ему, искренно имъ любимая литература, и народъ займетъ то мѣсто среди другихъ культурныхъ народовъ мира, которое будетъ соотвѣтствовать его культурной работѣ. Несколько соглашаясь съ мыслью Гастона Париса, мы можемъ сказать, что «однихъ великихъ писателей еще недостаточно для того, чтобы создалась народная литература, а необходимо, чтобы у писателей сказалась бы самая душа народа. Тогда только принятыя ими формы выраженій чувствъ и мышленій способны будутъ находить откликъ въ душахъ ихъ земляковъ, хотя и не будутъ способны увлечь иностранца. Связь мысли и выраженія ея такъ тѣсна, что измѣнить языкъ, значитъ для народа то же, что измѣнить его душу».

Но, если народный языкъ является тою линіею наименьшаго сопротивленія, по которой народъ получаетъ общечеловѣческое просвѣщеніе, то онъ является такою же кратчайшею линіею для интеллигентіи, когда она стремится изучить непосредственно и близко ту среду, въ которую ей придется идти со своею проповѣдью. Только при условіи знанія народнаго языка, народныхъ нравовъ и обычаевъ и всѣхъ народныхъ преданій и вѣрованій, всего того, что обыкновенно охватывается общеевропейскимъ терминомъ — «фольклоръ», только при этомъ условіи становится возможнымъ для народной интеллигентіи воплотить въ народной рѣчи общечеловѣческое содержаніе. Достигнувъ осуществленія этой возможности, интеллигентія можетъ будуть признать свой долгъ по отношенію къ народу выполненнымъ и свою задачу рѣшенную.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ открываемое пользованіемъ народными языками живое дѣло въ противопоставленіи его погонѣ за метафизическимъ призракомъ объединенія этихъ языковъ.

В. Лесевичъ.

Главнейшие представители дарвинизма въ Западной Европѣ *).

IV.

Августъ Вейсманъ.

Послѣ Э. Геккеля первое мѣсто въ дѣлѣ распространенія дарвинизма въ Германіи безусловно занимаетъ Авг. Вейсманъ, но по существу своихъ дарвинистическихъ трудовъ онъ значительно отличается отъ Геккеля, такъ какъ въ нихъ есть много самостоятельного, основанного на изученіи фактическихъ данныхъ, и только его «теорія наследственности» носитъ на себѣ ясно сказавшееся вліяніе нѣмецкой натурфилософіи.

Вейсманъ далъ науکѣ много прекрасныхъ специальныхъ изслѣдованій. Его работа о развитіи двукрылыхъ насѣкомыхъ не только дала рядъ тщательныхъ описаній исторіи развитія различныхъ двукрылыхъ, но также первое серьезное описание явлений гистолиза, т.-е. разрушенія личночныхъ тканей и построенія организма взрослого насѣкомаго изъ сравнительно-ничтожныхъ остатковъ личинки. Съ разработкой этого вопроса связаны имена многихъ выдающихся зоологовъ, но все они остановились на этихъ явленіяхъ позднѣе, исходной же точкой отправленія являются труды Вейсманна.

Затѣмъ, этотъ ученый далъ интересное описание разныхъ способовъ размноженія однихъ изъ низшихъ ракообразныхъ—дафнидъ и обширную работу по организаціи и развитію гидроидныхъ полиповъ. При этомъ, съ каждой новой специальной работой все болѣе и болѣе выяснялась склонность ея автора къ решенію общихъ вопросовъ, пока, наконецъ, послѣдніе не стали его исключительными темами. Безъ сомнѣнія, ослабленіе зрѣнія играло въ этомъ роль, мѣшая производству специальныхъ работъ, связанныхъ съ употребленіемъ микроскопа; но кто полжизни не интересовался общими вопросами, тотъ едва ли можетъ сдѣлать многое въ этой области въ теченіе остальной полжизни. У Вейсманна же не трудно въ любомъ

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1900 г.

специальномъ изслѣдованіи найти тотъ или другой изъ общихъ вопросовъ выдвинутымъ на видное мѣсто, и именно это всегда дѣлало его труды особенно цѣнными въ нашихъ глазахъ. Можно согласиться или не согласиться съ высказаннымъ другимъ общимъ положеніемъ, но кто же станетъ оспаривать, что всякое специальное изслѣдованіе согрѣвается проведеною въ немъ идеей, тогда какъ, напротивъ, исключительно фактическое изслѣдованіе, какъ бы полно и разносторонне оно ни было, всегда поднимаетъ вопросъ, когда и для чего оно понадобится.

Какъ дарвинистъ, Вейсманъ прежде всего выступилъ съ рѣчью, темой для которой послужилъ вопросъ о періодическихъ странствованіяхъ птицъ. Этотъ вопросъ очень сложенъ, и на него останавливались многіе специалисты, далеко однако не достигнувшіе полнаго соглашенія въ отвѣтѣ на него. Дѣйствительно, явленія перелета птицъ настолько сложны, что разобраться съ ними совершенно удовлетворительно удастся еще не скоро. Если же принять во вниманіе, что Вейсманъ специально біологіей птицъ никогда не занимался, то будетъ неудивительно, что его отвѣтъ на вопросъ скорѣе былъ подсказанъ теоретическими соображеніями, чѣмъ внимательнымъ изученіемъ фактovъ. Онъ собственно остановился на объясненіи направлениія перелетовъ и высказалъ мысль, что оно связано съ выковыми измѣненіями въ очертаніяхъ материковъ. Если, напримѣръ, птицы летятъ черезъ Средиземное море, придерживаясь цѣпей полуострововъ и острововъ, то это объясняется тѣмъ, что такія цѣпи являются остатками прежде непрерывной суши, береговая линія которой и служила мѣстомъ перелета птицъ. Съ теченіемъ времени часть суши опустилась, смѣшившись островами, но птицы «наслѣдственно» продолжаютъ держаться все того же пути, какимъ слѣдовали ихъ отдаленные предки. Большого значенія этой рѣчи Вейсманна придавать нельзя, и потому мы перейдемъ къ другимъ тѣсно связаннымъ между собою вопросамъ, разработкѣ которыхъ онъ отдалъ много лѣтъ своей жизни.

Въ своемъ трудахъ о происхожденіи видовъ Дарвинъ совершенно ясно высказалъ, что естественный подборъ имѣеть дѣло съ двоякаго рода особенностями: одинъ изъ нихъ передаются преемственно отъ родителей къ дѣтямъ, это такъ назыв. наслѣдственные особенности; другія—приобрѣтаются въ теченіе жизни особи, вслѣдствіе ея соотношенія съ окружающей средой, это—особенности приспособленія, которые въ свою очередь могутъ передаваться наслѣдственно. Далѣе Дарвинъ считалъ вѣроятнымъ, что въ силу наслѣдственной передачи особенностей родителей къ дѣтямъ, тѣ изъ нихъ, которые встрѣчаются у обоихъ родителей, явятся въ усиленномъ видѣ у ихъ потомковъ. Такимъ образомъ подборъ можетъ действовать рука объ руку съ простою наслѣдственностью, и тѣмъ самымъ опредѣляется его значеніе какъ главнаго, но не исключительного фактора въ образованіи видовъ. Хорошо известно, что дарвинисты рѣзко отдѣляютъ вопросъ о появленіи мелкихъ индивидуальныхъ особенностей отъ вопроса объ усиленіи и накопленіи до стадіи видовыхъ признаковъ пу-

тамъ подбора, но если благопріобрѣтенные индивидуальные особенности являются передаваемыми наслѣдственно, въ такомъ случаѣ дается хоть какое-нибудь объясненіе происхожденію того безконечнаго множества мелкихъ уклоненій, безъ которыхъ подборъ не можетъ имѣть мѣста. Трудно представить себѣ, чтобы даже немногія особи находились въ совершенно тождественныхъ условіяхъ; если же условія жизни различны, то въ такомъ случаѣ организмъ, реагируя на нихъ, претерпить соотвѣтствующія измѣненія, что и выразится въ его мелкихъ индивидуальныхъ особенностяхъ. Если эти особенности передаются наслѣдственно, въ такомъ случаѣ естественно, что у потомковъ извѣстная особенность, присущая обоимъ родителямъ, выразится въ усиленномъ видѣ, а если это окажется особенность, полезная для сохраненія особей въ борьбѣ за существование, естественный подборъ непремѣнно уловить ее и закрѣпить, какъ закрѣпить и всякую другую полезную особенность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что усиленіе полезныхъ въ борьбѣ за существование особенностей, такъ сказать, играетъ въ руку естественному подбору: онъ скорѣе такимъ образомъ приведетъ къ выработкѣ хорошо приспособленныхъ къ борьбѣ особей, нежели въ томъ случаѣ, когда извѣстныя благопріятныя особенности или особенность идетъ со стороны одного родителя. Такая односторонняя передача признаковъ ведетъ не только къ тому, что подборъ будетъ имѣть ихъ въ ослабленномъ видѣ и потому для достиженія извѣстнаго результата долженъ воздѣйствовать болѣе продолжительное время, но и къ тому, что полезныя особенности, сталкиваясь съ другими, бесполезными и даже вредными, такъ сказать, расплываются среди нихъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые критики дарвінова ученія, не особенно ясно представляющіе для себя различіе между *нѣчто* и *ничто*, заходятъ такъ далеко, что на этомъ расплываніи полезныхъ особенностей въ массѣ особей съ смѣшанными признаками строятъ свое полное отрицаніе принципа естественного подбора. Ихъ разсужденіе приблизительно таково: минимальная полезная особенность не полезна, слѣдовательно подбору съ ней нечего дѣлать, слѣдовательно нѣть и подбора. Само собою разумѣется, что въ такомъ разсужденіи нѣть ничего, кроме непониманія или умышленного искаженія истины, но если скажутъ, что въ одномъ случаѣ подборъ идетъ энергичнѣе (если, напр., однородныя полезныя особенности идутъ со стороны обоихъ родителей), а въ другомъ слабѣе (при передачѣ полезныхъ особенностей потомству съ одной стороны), противъ этого нечего возразить. Мы знаемъ, съ какой быстротой вырабатываются новые виды на островахъ, и это, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того, что здѣсь большее число особей находится въ одинаковыхъ условіяхъ и, слѣдовательно, здѣсь родители скорѣе могутъ обладать одинаковыми полезными особенностями. Нѣкоторые пользуются примѣрами островныхъ фаунъ и флоръ даже для того, чтобы отрицать значеніе подбора въ дѣлѣ образованія видовъ. Поставьте, говорять они, извѣстную группу особей въ новыя условія, и она подъ ихъ вліяніемъ переродится или выродится въ новую видовую форму. Ничего подобнаго на

самомъ дѣлѣ нѣть: на островахъ подборъ дѣйствуетъ такъ же, какъ и на материкахъ, но иногда онъ встрѣчаетъ здѣсь для себя болѣе благопріятную почву и въ такомъ случаѣ даетъ въ сравнительно короткое время болѣе осязательные результаты.

Такимъ образомъ, особенности приспособленія могутъ стать особенностями наслѣдственными и въ качествѣ таковыхъ прочно закрѣпиться за организмомъ. Говоря о возвратѣ разновидностей къ старому типу, Дарвинъ именно отмѣтилъ эту относительную разницу между особенностями приспособленія и особенностями наслѣдственными: первыя менѣе стойки и, при уничтоженіи условій, благопріятныхъ для ихъ развитія, могутъ исчезнуть, какъ появился; вторыя, напротивъ, уже настолько привились къ организму, что измѣненіе условій среды не дѣйствуетъ на нихъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, и онѣ могутъ неограниченно долго передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, образуя въ организмѣ ту канву, на которой болѣе или менѣе разнообразно ложится все вновь пріобрѣтаемое.

Вейсманнъ, если можно такъ выразиться, идетъ противъ всѣхъ этихъ положеній, но, противно антидарвинистамъ, именно въ цѣляхъ защиты естественного подбора въ качествѣ исключительного фактора эволюціи. Въ этомъ отношеніи онъ сходенъ съ Уоллесомъ, который, какъ мы видѣли, также считаетъ естественный подборъ исключительнымъ факторомъ эволюціи. Только Вейсманнъ рука объ руку съ этимъ думаетъ также объяснить, откуда берется та масса мелкихъ индивидуальныхъ особенностей, которая даютъ пищу для подбора.

По словамъ Вейсманна, онъ былъ натолкнутъ на свои соображенія отсутствиемъ фактівъ, которые подтверждали бы наслѣдственную передачу благопріобрѣтенныхъ особенностей. Какъ зоологъ, онъ искалъ ихъ прежде всего на примѣрахъ, взятыхъ изъ животнаго царства, и съ первыхъ же шаговъ попалъ на ложную дорогу, остановившись на вопросѣ о передачѣ отъ родителей къ дѣтямъ искусственныхъ уродствъ. Отнять у одного или обоихъ родителей пальцы на той или другой лапѣ или хвостъ, и ждать, что у потомковъ этихъ отнятыхъ частей не будетъ, если наслѣдственная передача благопріобрѣтенныхъ особенностей существуетъ,—намъ кажется очень наивнымъ. По самому существу дѣла, есть коренная разница между появленіемъ нового органа и отнятіемъ уже существующаго. Мы не знаемъ въ природѣ ни такихъ примѣровъ, когда бы вновь появился цѣлый органъ, ни такихъ, когда бы вдругъ исчезъ уже имѣющійся: и при новообразованіи, и при исчезновеніи наблюдается строгая постепенность, и это косвенно указываетъ на то, что наслѣдственно передаются первоначально некрупныя новые особенности, именно изъ такихъ, какія можно ожидать въ качествѣ благопріобрѣтенныхъ личныхъ. Позднѣе, когда онѣ закрѣпятся наслѣдственно и усилиятся подборомъ, онѣ и въ такомъ видѣ благополучно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, но это явленіе вторичное. Что же касается крупныхъ особенностей, появляющихся въ качествѣ личныхъ измѣненій, то онѣ передаются послѣдующему поколѣнію

такъ не такъ постоянно, какъ мелкія. Точно такъ же и другимъ путемъ можно прийти къ выводу, что появление въ новомъ поколѣнніи органа, пущированного у кого-либо изъ родителей, нисколько не противорѣчить тому, что новопріобрѣтенные особенности передаются изъ поколѣннія въ колѣнніе; отнятіе какого-либо органа у взрослого организма не можетъ разиться на половыхъ продуктахъ, которые такъ или иначе должны сорожать въ себѣ потенціально новые организмы, подобные родительскимъ изуродованія, и потому уродству нѣть основанія передаваться. Наконецъ, когда мы говоримъ объ эволюції органическаго міра, мы говоримъ, огромномъ большинствѣ случаевъ, все о новыхъ и новыхъ особенностяхъ, таکъ какъ борьба за существование чаше приводить къ специализаціи органовъ исложненію всей организаціи, нежели къ ея упрощенію.

Мы же такое упрощеніе происходитъ, оно идетъ шагъ за шагомъ, органы исчезаютъ постепенно, а не вдругъ, какъ при ампутаціяхъ. Слѣдовательно, надо ставить вопросъ, передаются ли наслѣдственно благопріобрѣтенные особенности, а не вопросъ, перестаютъ ли появляться органы, отнятые, такъ сказать, насильственно. Коротко говоря, Вейсманнъ с самого начала неправильно поставилъ вопросъ о наслѣдственной передачѣ благопріобрѣтенныхъ особенностей, и потому, въ моихъ глазахъ, решеніе его является подсказаннымъ не фактами, а теоретическими соображеніями. Соображеніе же, легшее въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ Вейсманна, состоить въ томъ, что въ организмѣ имѣются два вида проплазмы: наибольшее количество клѣтокъ организма представляютъ индивидуально измѣняющіяся матеріаль, не стоящий въ связи съ половыми элементами, и лишь немногія клѣтки, образующія половые элементы, не подвержены никакимъ такимъ измѣненіямъ. Эти-то половые элементы и передаютъ наслѣдственно особенности родителей дѣтямъ, и такъ какъ половые клѣтки неизмѣнны, то это и объясняется крайнее постоянство наслѣдственныхъ особенностей.

Такимъ образомъ, согласно Вейсманну, при послѣдовательномъ образованіи новыхъ и новыхъ поколѣнній, отъ поколѣннія къ поколѣннію тянется красной нитью неизмѣняющаяся протоплазма или идіоплазма, хранительница наслѣдственныхъ особенностей, на которой какъ почки развиваются отдельные особи съ присущими имъ индивидуальными особенностями. Такъ какъ всѣ благопріятныя особенности не касаются идіоплазмы, то, конечно, не могутъ и передаваться наслѣдственно. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ слѣдующій вопросъ: чѣмъ объяснить образование, путемъ подбора, личныхъ особенностей, разновидностей и видовъ, если идіоплазма неизмѣнно передаетъ, въ силу своего постоянства, особенности родителей дѣтямъ? На это Вейсманнъ отвѣчаетъ, что, несмотря на постоянство идіоплазмы, личные особенности огромны по объему и крайне обильны благодаря половому процессу: при скрещиваніи двухъ особей смѣшиваются двѣ идіоплазмы; но въ сущности каждая идіоплазма въ свою очередь является результатомъ соединенія нѣсколькихъ (въ предшествующихъ поколѣнніяхъ), и потому въ

любой особи, происшедшей отъ полового размноженія, находится нѣсколько идіоплазмъ, и каждая изъ нихъ принесла съ собою частицу своихъ наслѣдственныхъ особенностей. Понятно само собою, что чѣмъ дальше потомки удаляются отъ прародителей, тѣмъ слабѣе выражаются особенности предѣдніхъ: прародительская идіоплазма все болѣе и болѣе сокращается, и примѣсь новыхъ идіоплазмъ усиливается. Въ результатѣ получаются огромные личные измѣненія, которыми подборъ и пользуется въ своихъ целяхъ. Вейсманнъ говорить, что эволюція происходитъ при участіи только двухъ факторовъ: огромныхъ личныхъ измѣненій, какъ слѣдствія полового размноженія, и постоянного подбора. Съ его точки зрѣнія, конечно, талант и должно быть. Но если бы личные особенности въ каждомъ поколѣніи представляли столько нового, сколько это вытекаетъ изъ его теоріи спаденія въ половомъ процессѣ идіоплазмъ, въ такомъ случаѣ едва ли подборъ въ состояніи былъ бы уловить и закрѣпить нужные признаки. Въ сущности, начиная съ того, что идіоплазма обусловливаетъ собою подобство дѣтей съ родителями, Вейсманнъ кончаетъ тѣмъ, что отводитъ наследственности лишь весьма ограниченную роль, такъ какъ при половомъ процессѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе смѣшиваются безчисленное множество идіоплазмъ.

На ряду съ этимъ Вейсманнъ признаетъ, что идіоплазма въ свою очередь не совершенно устранина отъ вѣнчихъ воздействиій; измѣненія въ окружающей животное средѣ могутъ быть такъ глубоки и сильны, что скажутся не только на болѣе восприимчивыхъ органическихъ кілѣткахъ, но и на половыхъ элементахъ. Въ такомъ случаѣ послѣдніе измѣняются и, участвую въ закладкѣ новаго организма, обусловливать нѣкоторыя изъ его особенностей. Это безъ сомнѣнія случаѣ наследственной передачи благопріобрѣтенныхъ особью измѣненій, но изъ сказанного само собою ясно, что такие случаи крайне рѣдки. Бромѣ того, даже и въ этихъ случаяхъ отъ родителя къ потомку передадутся не всѣ благопріобрѣтенные особенности первого, а лишь результаты измѣненія половыхъ элементовъ. Въ чѣмъ они скажутся, будуть ли полезны, вредны или безразличны заранѣе решить невозможно. Да и вообще почти невозможно опредѣлить, какія именно уменія потомства обусловливаются измѣненіемъ половыхъ элементовъ родителей.

Выводя половое размноженіе въ качествѣ главнаго фактора появленія личныхъ особенностей у многоклѣточныхъ организмовъ, Вейсманнъ естественно долженъ быть остановиться и на одноклѣточныхъ или простѣшихъ животныхъ. Какъ известно, послѣднія размножаются беспольымъ путемъ, дѣленіемъ или видоизмѣненіемъ дѣленія,—какъ почкованіе, спиробразованіе и пр. Въ результатѣ дѣленія изъ одной особи получается дѣлъ или нѣсколько, со всѣми особенностями первоначальной, части которой онъ составляютъ. Само собою разумѣется, что при такомъ размноженіи всѣ благопріобрѣтенные особенности материнской особи явятся и у дочернихъ, какъ бы малы эти особенности ни были. Нечего также говорить и о из-

бности или постоянствъ: происшедшія путемъ дѣленія особи суть прямое продолженіе раздѣлившейся, слѣдовательно, нѣть даже повода обсуждать вопросъ, удержатся ли у нихъ ея особенности.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ теоретическимъ соображеніямъ, Вейсманъ скаживаетъ мысль, что виды одноклѣточныхъ организмовъ не то, что ды многоклѣточныхъ, но, къ сожалѣнію, недостаточно ясно формулируетъ эту разницу, спѣшно переходя къ тому, въ какомъ отношеніи особенности одноклѣточныхъ организмовъ стоять къ особенностямъ многоклѣточныхъ. И на этотъ вопросъ онъ отвѣтаетъ крайне обще, говоря, о особенностяхъ первыхъ при эволюціи органическаго міра стали достояніе послѣднихъ, независимо отъ того, какимъ путемъ они произошли, но тѣмъ были вытѣснены особенностями, которые явились въ результатахъ полового процесса.

Это очень слабое мѣсто въ разбираемой теоріи Вейсманна: мы должны противопоставлять половое размноженіе бесполому, а стараться вывести изъ послѣдняго. Къ счастію, многіе факты положительно устанавливаютъ эту связь и позволяютъ хотя бѣгло намѣтить тотъ путь, которымъ оно развитіе полового процесса. Особенно важное значеніе имѣть въ омъ отношеніи явленіе коньюгациіи инфузорій, въ результатахъ чего получается обмѣнъ веществомъ ядеръ между двумя клѣтками. Относясь къ ому совершенно безпредубѣжденія, мы должны бы разсуждать такимъ образомъ: если у одноклѣточныхъ организмовъ, при бесполомъ размноженіи, агопріобрѣтенные особенности безъ сомнѣнія передаются изъ поколѣнія поколѣніе, и если половой процессъ береть свое начало въ осложненіи первоначально бесполаго размноженія, въ такомъ случаѣ есть полное основаніе думать, что и у многоклѣточныхъ организмовъ, при поломъ размноженіи, благопріобрѣтенные особенности передаются отъ родителей къ дѣтямъ. Далѣе не слѣдуетъ забывать, что бесполое размноженіе физиологически существуетъ у очень многоклѣточныхъ организмовъ, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ половыми, и эти формы какъ разъ отличаются наибольшимъ разнообразіемъ. Наконецъ, вся теорія Вейсманна построена на постоянствѣ, неизмѣняемости зародышевой плазмы или идіоплазмы, для которой, согласно его взглядамъ, почти безслѣдно проходятъ измѣненія външней среды, тогда какъ мы, напротивъ, изъ прямыхъ наблюдений знаемъ, что ничто такъ не воспріимчиво въ организмѣ, какъ половая система: измѣненія во вѣнчайшей средѣ, повидимому, прежде всего отражаются на ней и уже косвенно черезъ измѣненія полового аппарата вызываютъ измѣненія другихъ органовъ. Послѣднее обстоятельство было съ надлежащей силой указано и Дарвиномъ, между тѣмъ въ статьяхъ Вейсманна я нашелъ ничего, что указывало бы, почему онъ совершенно игнорируетъ эти факты.

Такимъ образомъ, первая теорія Вейсманна, которую можно формулировать такъ: *благопріобрѣтенные личные особенности не передаются генетически и личная изменяемость въ предѣлахъ каждого вида яв-*

яется результатомъ полового процесса, эта теорія отчасти не согласна съ фактами, отчасти выведена совершенно независимо отъ нихъ. Читая и перечитывая первую статью, гдѣ она была изложена, я всегда вынесъ такое впечатлѣніе, что эта теорія построена независимо отъ фактовъ. Бытому же надо имѣть въ виду, что даже та категорія фактовъ, которой Вейсманнъ думаетъ подкрѣпить свои теоретическія соображенія,—отсутствіе наслѣдственной передачи искусственно вызванныхъ уродствъ,—вовсе не такъ убѣдительна: въ нѣкоторыхъ случаяхъ искусственное отнятіе черезъ ведеть къ его отсутствію въ ближайшемъ поколѣніи потомковъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ), и такихъ фактовъ даже въ очень ограниченномъ количествѣ совершенно достаточно, чтобы усомниться въ силѣ ихъ отрицательныхъ доказательствъ.

Вейсманнъ приводить еще два факта, которымъ придаетъ большое значеніе въ качествѣ доказательствъ, что благопріобрѣтенные особенности передаются наслѣдственno: мы не знаемъ, говорить онъ, ни одного примѣра, чтобы дѣти прекрасного музыканта могли играть на инструментѣ безъ практики; съ другой стороны, мы отлично знаемъ, что если ребенокъ не слышитъ человѣческой рѣчи, то не выучивается и говорить. Факты безъ сомнѣнія вѣрные, но какъ извѣстнаго рода доказательство они нечего не стоять: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ извѣстными механическими явленіями, тогда какъ можемъ говорить о наслѣдственной передачѣ только органическихъ особенностей. Мышицы, при помощи которыхъ человѣкъ говорить, имѣются въ томъ случаѣ, когда отсутствіе примѣра лишаетъ его возможности научиться говорить; даже больше того, музыкальная способность, т.-е. опять-таки извѣстная органическія особенности, несомнѣнно передаются наслѣдственno; но чтобы какой-либо видъ движенія перешелъ отъ родителей къ потомкамъ и сразу проявился у послѣднихъ въ томъ же размѣрѣ и томъ же видѣ, какъ у первыхъ, этого нельзя допустить, и ни къ какой теоріи наслѣдственности это не имѣеть отношенія, потому что наслѣдственность объясняетъ органическія особенности, а не прямо физиологические акты.

Въ сжатомъ видѣ Вейсманнъ изложилъ свою теорію въ 1883 году; въ 1886 году онъ съ особенной тщательностью остановился на вопросѣ о происхожденіи личныхъ особенностей въ результатѣ полового размноженія, а въ 1888 году выступилъ съ рѣчью, которой старался доказать, что ботаники, какъ и зоологи, не могутъ привести ни одного примѣра наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ особенностей. Какъ далеко можно зайти съ предвзятымъ наਮѣреніемъ, доказывается слѣдующее: Вейсманнъ смутило приводимое разными ботаниками указаніе на то, что обыкновенная вишня, перевезенная на Цейлонъ, утратила сезонную смѣну листьевъ, ставъ вѣчно-зеленымъ деревомъ. Конечно, говорить Вейсманнъ, если это вѣрно (!), это могло бы служить вѣскимъ примѣромъ противъ моей теоріи, но мы должны внимательно оцѣнить, что имѣемъ передъ собою въ данномъ случаѣ. Пускай вишня, дѣйствительно, стала вѣчно-зеленой де-

евомъ изъ дерева съ сезонной смѣной листьевъ; но культурная вишня азноможается не смѣнами, а отводками, следовательно, на каждое деревцо, выращенное изъ отводка, мы можемъ смотрѣть какъ на часть старого. При томъ, конечно, всѣ благопріобрѣтенные особенности одного дерева переходятся другому, такъ какъ всѣ деревья, полученные изъ отводковъ, составляютъ вмѣстѣ одну особь, разрѣзанную на нѣсколько частей, и потому вполнѣ естественно, что то, что было у одного, будетъ и у другого. Затѣмъ Вейсманъ старается еще болѣе подчеркнуть разницу между тѣмыми особенностями, которыя онъ считаетъ благопріобрѣтеными, и особенностями другой категоріи: подъ первыми онъ разумѣеть только такія, которые касаются прямо разныхъ органовъ и не касаются половой системы, какъ какъ измѣненія въ половой системѣ подъ вліяніемъ разныхъ видахъ воздѣйствій передаются потомству. Но это совершенно произвольное юниманіе «благопріобрѣтенныхъ особенностей». Какъ раздѣлить эти двѣ группы особенностей, если онъ являются въ результатахъ одного и того же воздѣйствія? Почему измѣненія нервной системы, совершившіяся подъ вліяніемъ какого-либо видаагента, особенность благопріобрѣтенная, а измѣненія половой системы, подъ тѣмъ же вліяніемъ, нѣчто другое? При такомъ разграничении, конечно, Вейсманъ можетъ до нѣкоторой степени защищать свою теорію, но разграничение то само невѣрно. Для насъ подъ благопріобрѣтенными особенностями разумѣются такія, которые особь пріобрѣла въ теченіе своей индивидуальной жизни, на какой бы системѣ органовъ эти особенности ни проявились. Да и Вейсманъ отлично понимаетъ это, такъ какъ иначе ему не было бы надобности усиленно подчеркивать появленія личныхъ особенностей въ результате полового размноженія: въ сущности измѣненія половой системы подъ вліяніемъ видовъ воздѣйствій онъ почти игнорируетъ, такъ какъ, если бы этимъ измѣненіямъ отвести надлежащее мѣсто, то въ теоріи Вейсманна не было бы и надобности.

Еще сильнымъ возраженіемъ противъ отрицанія наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ особенностей является соотносительное развитие нѣкоторыхъ органовъ. Если благопріобрѣтенные особенности не передаются наслѣдственно и если личные измѣненія являются въ результатахъ полового размноженія, т.-е. складываются изъ разныхъ идіоплазмъ, то почему же измѣненія одного органа сопровождаются всегда измѣненіемъ опредѣленного другого? Если въ природѣ, кроме безконечной измѣнчивости и подбора, нѣть другихъ факторовъ, регулирующихъ особенности организмовъ, соотносительные измѣненія не находятъ себѣ объясненія. И Вейсманъ призналъ, что это наиболѣе серьезное изъ всѣхъ возражений, но, сколько мнѣ известно, оно такъ и осталось безъ отвѣта, если не считать самыхъ общихъ соображеній, высказанныхъ имъ по этому поводу.

На этомъ мы покончимъ съ общими положеніями и теоретическими соображеніями Вейсманна, поскольку они вытекаютъ изъ первого ряда

его работъ, все болѣе или менѣе направленныхъ къ доказательству того, что благопріобрѣтенные особенности не передаются наслѣдственно. Быть выше замѣчено, Вейсманнъ пришелъ къ этому выводу путемъ теоретическихъ соображеній, но затѣмъ онъ старался провѣрить свой выводъ и, лучше сказать, свое положеніе фактами, и если эта провѣрка не дала желаемыхъ результатовъ, то причина тому лежитъ въ совершенномъ неѣрномъ опредѣленіи того, что понимать подъ благопріобрѣтенными особенностями. Вейсманну хотѣлось во что бы то ни стало противопоставить ихъ наслѣдственнымъ особенностямъ: безъ этого его «идиоплазма» утрачивала половину своего значенія. И вотъ онъ исключаетъ половую систему изъ числа органовъ, которые могутъ претерпѣвать измѣненія, не отрица въ то же время ея способности измѣняться, ставить ее совершенно совсѣмъ и, наконецъ, фактически игнорируетъ пожизненные измѣненія половыхъ продуктовъ подъ влияніемъ среды, признавая ихъ измѣнчивость результатомъ полового процесса.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ является теорія наслѣдственности, предложенная Вейсманномъ взамѣнъ Дарвиновой теоріи пангенезиса. Изложу вкратцѣ эту теорію, чтобы сдѣлать на нее замѣчанія позднѣе. Выше уже было указано, что, по мнѣнію Вейсманна, личные особенности являются въ результате полового процесса, при которомъ происходит смѣщеніе идиоплазмы двухъ клѣтокъ. Напомнимъ, что каждая клѣтка состоить изъ протоплазматического тѣла и ядра; послѣднее имѣть сѣтчатое строеніе и физиологически разнится отъ тѣла клѣтки тѣмъ, что тогда какъ посыпому принадлежать собственно функции ассимиляціи веществъ, дыханія и пр., ядро играетъ господствующую роль въ процессахъ размноженія. Съ измѣненіемъ ядра начинаются всѣ процессы размноженія клѣтки, и повидимому, веществу ядра или хроматину принадлежитъ исключительная роль въ наслѣдственной передачѣ признаковъ отъ однѣхъ особей другимъ. По крайней мѣрѣ опыты Бовери съ яйцами одного изъ морскихъ ежей, искусственно лишенныхъ ядеръ, показали, что послѣ оплодотворенія такихъ яицъ сперматозоидами морского ежа другого вида изъ яицъ развиваются личинки послѣдняго. Напомнимъ еще, что оплодотвореніе состоять въ томъ, что сперматозоидъ сливаются съ яйцомъ, причемъ тѣло сперматозоида сливаются съ тѣломъ яйца и ядро сперматозоида съ ядромъ яйца. Но послѣднее, т.-е. ядро яйца, передъ тѣмъ претерпѣваетъ существенное измѣненіе: оно выбрасываетъ значительную часть своего хроматина, и лишь послѣ этого яйцо является зрѣлымъ, т.-е. годно къ оплодотворенію. Теперь разберемъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ того, что наследственные свойства передаются съ хроматиномъ.

Пускай передъ нами двѣ особи *A* и *B*, отъ которыхъ произошла третья *C*; въ зародышевыхъ клѣткахъ этой особи имѣется какъ хроматинъ *a* и *b*, такъ и хроматинъ *c*. Пускай затѣмъ послѣ оплодотворенія особи *C* особью *D* передъ нами будетъ еще особь слѣдующаго поколѣнія *E*; въ зародышевыхъ клѣткахъ этой особи будетъ не только хроматинъ

d и *e*, но и хроматинъ *a* и *b*, бывшій въ зародышевыхъ клѣткахъ соби *C*. Проще говоря, въ особи *E* могутъ проявиться не только особенности матери и отца, но и предыдущаго поколѣнія, такъ какъ хроматинъ послѣдняго могъ передаваться сюда черезъ промежуточное поколѣніе. О хроматинѣ можетъ передаваться и отъ болѣе далекихъ поколѣній, и это объясняетъ, по мнѣнію Вейсманна, появленіе у особей позднѣйшихъ поколѣній особенностей болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. То же, что эти особенности не всегда появляются, достаточно объясняется выбрасываніемъ хроматина при созрѣваніи яйца: какая часть хроматина вырасывается при этомъ — дѣло случая; могутъ быть удалены частицы хроматина материнскаго ядра, могутъ выйти и частицы хроматина, оставшіяся отъ предыдущихъ поколѣній. Въ послѣднемъ случаѣ вмѣстѣ съ нимъ выпаденіемъ, конечно, утрачивается и способность у грядущихъ поколѣній обнаруживать особенности прежнихъ поколѣній.

Собственно теорія наслѣдственности строится на этихъ немногочисленныхъ данныхъ Вейсманномъ слѣдующимъ образомъ. Беря во вниманіе съ вышеприведенными главными фактами, онъ отмѣчаетъ, что въ настоящее время вообще признается существованіе мельчайшихъ частицъ плазмы, аль какъ свойства живущей матеріи нисколько не связаны съ количествомъ плазмы, но безусловно связаны съ ея организацій. Сложность процессовъ, происходящихъ въ этихъ частицахъ, доказывается, однако, что хъ никакъ нельзя отождествлять съ химическими частицами; другими словами, даже минимальные количества протоплазмы гораздо сложнѣе химической частицы, состоя изъ нѣсколькихъ разнородныхъ молекулъ. Вейсманъ называетъ эти частицы *біофарами*, т.-е. носителями жизни, потому что онъ представляютъ собою минимальныя частицы, въ которыхъ выражаются основныя свойства жизни—уподобленіе и обмѣнъ веществъ, ростъ и размноженіе дѣленіемъ.

Ставя біофары выше молекулъ, Вейсманъ въ то же время считаетъ хъ составными частями клѣтокъ, и разницу въ свойствахъ живущей матеріи или протоплазмы объясняетъ разницей въ составляющихъ ихъ біофарамъ. Количество возможныхъ видовъ біофаровъ можетъ считаться неограниченнымъ, потому что біофары могутъ различаться между собою аль по количеству образующихъ ихъ молекулъ, такъ и по группировкѣ послѣднихъ, и изъ нихъ то построена какъ протоплазма тѣла клѣтки, такъ ядра. Такъ какъ въ клѣткѣ болѣе важную роль играетъ ядро, являющееся и хранительницей наслѣдственныхъ началъ, и измѣняющеюся частью клѣтки, то свойствами ядра и объясняются свойства клѣтки. Когда изъ ядра путемъ дѣленія образуются двѣ первыя клѣтки зародыша, и изъ нихъ, по мѣрѣ развитія организма, все новые и новые клѣтки, различающиеся между собою по свойствамъ, эта разница объясняется вліяніемъ на тѣло каждой клѣтки вещества его ядра. Иначе говоря, надо допустить, что біофары ядра проникаютъ въ тѣло клѣтки и такимъ образомъ сообщаютъ ей известныя свойства. Съ этой точки зренія ядро является какъ бы

смадочнымъ магазиномъ, наполненнымъ разными биофорами. Эмбриональная, т.-е. индифферентная клѣтка становится клѣткой той или другой категории, т.-е. нервной, железистой или мышечной, смотря по тому, какъ биофоры нашли себѣ въ ней мѣсто. Это подтверждается и опытами. Изуродованная клѣтка только въ томъ случаѣ восстанавливаетъ утраченныи части, если въ ней осталось ядро; если отъ дѣляющейся клѣточки отрѣзанъа часть съ ядромъ, дѣленіе оканчивается, а утраченная часть восстанавливается, вѣроятно, потому, что биофоры уже успѣли проникнуть сюда.

Периодическое поступление биофоровъ изъ ядра въ тѣло клѣтки совершиенно просто и удовлетворительно объясняетъ явленія наследственности у одноклѣточныхъ организмовъ, размножающихся дѣленіемъ. Дочерниіи при содержать одинаковые биофоры, и послѣдніе, поступая въ тѣла дочернихъ клѣточекъ, обусловливаютъ ихъ одинаковыи особенности. Но дѣло усложняется по отношенію къ многоклѣточнымъ организмамъ. Какъ бы ни были малы биофоры, однако, трудно себѣ представить, чтобы въ ядрѣ одной клѣтки ощущеннаго яйца были собраны биофоры всѣхъ различныхъ категорій клѣточекъ будущаго сложнаго организма, и не только цѣлыи клѣточекъ, но и различныхъ частей. Но по Вейсманну въ этомъ и есть надобности. Если бы наследственность передавалась только неизмѣняющими части, то,—говорить онъ,—въ такомъ случаѣ въ зародышевой плаэмѣ могъ бы находиться одинъ зачатокъ для всего неизмѣняющагося органа, потому что въ допущеніи многихъ зачатковъ для одного постоянного органа нѣть надобности. Но наследственно передаются и постоянныи и измѣняющими части, и чтобы объяснить передачу послѣднихъ, мы должны для каждой изъ нихъ допустить свой собственный зачатокъ. Число такихъ единицъ въ многоклѣточномъ организме должно быть очень велико, такъ какъ отдельная опредѣленная единица должна соответствовать каждой самостоитѣльно измѣняющейся части, независимо отъ ея объема. Бромъ того, эти единицы должны быть никакъ не менѣе биофора, потому что онъ опредѣляютъ собою способность измѣняться части, а эти части ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть молекулами, съ которыми совершенно не вижется представление объ измѣняемости. Однако, задаваясь вопросомъ, какіе участки многоклѣточного организма должны опредѣлять эти единицы, мы видимъ, что отвѣтъ на него не такъ-то легокъ.

Дарвинъ въ пангенезисѣ считалъ, что для каждой клѣтки должна быть своя единица; Вейсманъ смотритъ на дѣло иначе. Онъ считаетъ, что особая зародышевая единица можетъ быть связана и съ клѣткой, и съ частью клѣтки, и съ комплексомъ клѣточекъ; существование такой единицы обусловливается не объемомъ той или другой части многоклѣточного организма, а ея способностью измѣняться независимо отъ другихъ частей. Напр., въ тѣлѣ любого изъ высшихъ животныхъ существуютъ миллиарды кровяныхъ тѣлецъ, совершенно не локализованныхъ, но совершенно равнозначащихъ; следовательно, извѣстная измѣнчивость присуща всей ихъ массѣ, и потому для всѣхъ этихъ тѣлецъ достаточно имѣть одну за-

ышевую единицу, одинъ детерминантъ, какъ называетъ такія единицы Вейсманнъ. Равнымъ образомъ въ организмѣ есть и другія группы клѣточекъ, которыя представлены не поимѣточно. Едва ли можно допустить, о каждое мышечное волокно, каждое соединительнотканное тѣльце или ителіальная клѣтка имѣть по своему детерминанту. Вѣроятнѣе всего, о въ этомъ случаѣ большая или меньшая группа клѣточекъ представлена однимъ детерминантомъ, и это подтверждается даже наблюденіями дѣ развитіемъ наскѣкомыхъ. Точно также нѣть никакой надобности предлагать, что каждому волосу соотвѣтствуетъ особый детерминантъ; но и среди нормальныхъ волосъ имѣется пучокъ бѣлыхъ, который передается наследственно, его присутствіе трудно объяснить безъ признанія и него особого детерминанта. Съ другой стороны, различные случаи наследственной передачи умственныхъ способностей у человѣка заставляютъ признать, что каждая нервная клѣтка головного мозга имѣть свой собственный детерминантъ.

Такимъ образомъ у многоклѣточныхъ организмовъ детерминантовъ вообще всегда меньше, нежели клѣтокъ, такъ какъ многія группы клѣтокъ мышаго или меньшаго объема представлены въ зародышевой плазмѣ каждая однимъ детерминантомъ. Въ томъ случаѣ, когда детерминантъ наѣтъ себою въ зародышевой плазмѣ какую-либо самостоятельно измѣняющуюся часть клѣтки, онъ можетъ быть представленъ и биофоромъ, но вообще Вейсманнъ разумѣетъ подъ детерминантомъ единицу высшаго порядка, нежели бифоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что бифоры, образуя детерминанты, лежать не беспорядочной группой, а въ строго опредѣленномъ порядке. Это вытекаетъ уже изъ того, что детерминанты должны владеть способностью размноженія, безъ чего одинъ детерминантъ не могъ бы намѣтать себою цѣлую группу клѣтокъ. А если бы при этомъ обраzuющіе детерминанты бифоры лежали беспорядочно, то было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ они могли бы намѣтать себою строго предѣленные свойства клѣтки.

Изъ сказаннаго ясно, что въ своихъ детерминантахъ Вейсманнъ удержалъ изъ пангенезиса зародыши или почечки клѣтокъ (см. статью о Геккелѣ), которые могутъ размножаться, но онъ отклонился отъ Дарвиновой гипотезы въ томъ, что не для каждой клѣтки принимается обязательное существование особаго зародыша. Вмѣстѣ съ тѣмъ, введя понятіе о бифорахъ и детерминантахъ, какъ о единицахъ низшаго и высшаго порядка, онъ идетъ дальше и старается объяснить то, какимъ образомъ зародышевая плазма отдѣляется отъ себя различныя идиоплазмы клѣтокъ въ такой послѣдовательности, что въ результатѣ является построеніе сложнаго организма. Въ этомъ заключается вся исторія развитія любой особи, и Вейсманнъ, конечно, не могъ обойти его, если хотѣть дать возможно полную теорію наследственности.

Позвольте себѣ привести сказанное мною объ этомъ раньше, такъ какъ сказать короче нѣть возможности.

«Прежде всего мы должны обратить внимание на то, что строение и родышевой плазмы въ высшей степени опредѣлено и что эта опредѣлённость намѣчается всѣмъ прошлымъ плазмы. Если мы указали выше, чѣмъ для нѣкоторыхъ обширныхъ группъ клѣтокъ, какъ, наприм., клѣтокъ, развивающихся мышцы, достаточно одного детерминанта, всѣмъ мы не хоты сказать, что для мышцъ въ дѣйствительности всегда находится одинъ детерминантъ. При такомъ условіи вся мышечная система измѣнялась бы одновременно, но мы видимъ, что этого нѣтъ, что различные мышечные группы могутъ измѣняться самостоятельно, чтѣ заставляетъ насъ признать что въ зародышевой плазмѣ мышечная ткань намѣчена нѣсколькими детерминантами, изъ коихъ большее или меньшее число можетъ развиться въ мышцы, смотря по тому, сколько мышечныхъ партій (независимо отъ ихъ объема) обнаружить наклонность къ независимой измѣняемости. Такимъ образомъ въ зародышевой плазмѣ на ряду съ дѣятельными детерминантами мы признаемъ существование недѣятельныхъ, но которые въ тѣхъ или другихъ условіяхъ могутъ вступить въ дѣятельность. Если же каждый изъ такихъ одинаковыхъ детерминантовъ долженъ намѣчать собою опредѣленную клѣтку или группу клѣтокъ, конечно, онъ не можетъ находиться въ любой мѣстѣ зародышевой плазмы или перемѣнять мѣсто въ зависимости отъ различныхъ условій; напротивъ, онъ долженъ быть строго локализованъ, и только такимъ образомъ можетъ быть объяснено, чѣмъ детерминантъ вступаетъ въ общий циклъ развитія особи въ опредѣленное время и на опредѣленномъ мѣстѣ.

«Какъ прямое слѣдствіе сейчасъ высказанного положенія о мѣстѣ, занимаемомъ детерминантами въ зародышевой плазмѣ, является то, что сама зародышевая плазма не можетъ быть произвольного размѣра и формы, представлять собою строго опредѣленную единицу, отъ которой ничего нельзя отнять и къ которой ничего нельзя прибавить. Иными словами мы должны признать существование группъ детерминантовъ, какъ единица третьего порядка, и эти единицы Вейсманнъ называетъ *идами*. Какъ детерминантъ, образованный біофарами, имѣть другія свойства, нежели біофары, такъ точно идѣ иметь другія свойства, нежели детерминантъ. Но всѣ эти единицы трехъ разныхъ категорій обладаютъ общими жизненными свойствами—расти и размножаться дѣленіемъ. Разнообразныя явища наслѣдственности, сопровождающія половое размноженіе, убѣждая насъ въ томъ, что зародышевая плазма состоять не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ видовъ, которые могутъ расти и размножаться дѣленіемъ. Измѣненія зародышевой плазмы идѣ въ теченіе индивидуального разви-
тія сводятся, по теоріи Вейсманна, къ послѣдовательному дробленію детерминанта на все меньшія и меньшія группы, пока, наконецъ, не получитъ клѣтки, изъ которыхъ каждая будетъ содержать только одинъ родъ детерминантовъ, имѣющихъ опредѣлить ея свойства. Этотъ процессъ послѣдовательного дробленія детерминантовъ вытекаетъ изъ того, что совершило невозможнѣ и излишне допустить существование всѣхъ детерминантовъ:

зародышевой плазмы въ каждой клѣткѣ. При послѣднемъ допущеніи пришлось предположить, что въ каждой клѣткѣ сотни тысячъ детерминантъ таются до извѣстнаго времени бездѣятельными, что, конечно, менѣе роятно, нежели раньше сдѣланное допущеніе, что одинъ детерминантъ въ вѣстное время проявляетъ дѣятельность.

«Теперь мы естественно подошли къ вопросу, какія же причины вліять на расчлененіе зародышевой плазмы ида на все меньшія и меньшія упсы детерминантъ. Причинами этими можетъ быть только строеніе родышевой плазмы ида, въ которой каждый детерминантъ имѣть свое бственное опредѣленное мѣсто, разновременное размноженіе детерминантъ и заключенный въ нихъ силы притяженія. Останавливаться здѣсь дробно на строеніи зародышевой плазмы мы не можемъ, такъ какъ это иходитъ за предѣлы общедоступной статьи, но мы укажемъ только на то, о зародышевая плазма, образованная изъ біофоровъ, детерминантовъ и ідовъ, представляющихъ собой одаренные жизнью единицы разнаго по-дка, могла развиться до своей современной сложности, только пройдя ииний путь измѣненій, въ теченіе которого новые поколѣнія плазмы торическимъ путемъ, наслѣдственно, приобрѣтали все большую и большую сложность. Въ теченіе этого пути опредѣлились какъ мѣста детерми-нантовъ, такъ и ихъ взаимное отношеніе, чѣмъ самымъ опредѣлилась и слѣдовательность въ выдѣленіи группъ детерминантовъ при индивидуаль-ной развитіи. Отмѣтимъ еще то, что на идѣ мы никакимъ образомъ не можемъ смотрѣть, какъ на миниатюру того организма, который современ-но разовьется изъ него. Въ идѣ, въ его детерминантахъ заложены всѣ сти будущаго организма до клѣтокъ включительно, но расположеніе де-рминантовъ вовсе не соответствуетъ расположению намѣчаемыхъ ими стей. Простого наблюденія надъ развивающимися зародышемъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ велика разница между строящимся, развивающимся уже готовымъ организмомъ.

«Вмѣсть съ тѣмъ строеніе детерминантовъ, ихъ образованіе изъ значи-чнаго количества біофоровъ въ свою очередь опредѣляетъ разновремен-ность ихъ размноженія. Мы видѣли выше, что детерминанты могутъ быть съма различны и что разница эта обусловливается не только различнымъ количествомъ біофоровъ, входящихъ въ составъ детерминантовъ, но и раз-личнымъ расположениемъ біофоровъ въ тѣхъ детерминантахъ, которые со-стоятъ изъ одного и того же количества біофоровъ. Но и біофоры, и де-рминанты суть одаренные жизнью единицы и, какъ таковыя, находясь въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ питания, въ разное время достиг-гутъ зрѣлости вслѣдствіе разницы въ ихъ строеніи.

«Итакъ, строеніе детерминантовъ обусловливаетъ ихъ разновременную мѣсть; строеніе зародышевой плазмы ида опредѣляетъ послѣдователь-ность въ назрѣваніи детерминантовъ; наконецъ, что касается тѣхъ при-чины, которые вызываютъ размноженіе біофоровъ, детерминантовъ и ідовъ, они заключаются въ притяженіи, которымъ одарены перечисленные еди-

ницы, вліающія другъ на друга. Въ пользу существованія этихъ силъ заключенныхъ въ самихъ элементахъ, говорить прямое наблюденіе, чѣмъ хроматина расщепляются независимо отъ виѣшнихъ импульсовъ.

«Прослѣдимъ теперь судьбу всѣхъ этихъ единицъ въ теченіе размноженія многоклеточного организма. Когда зѣлое яйцо распадается на первыи стадіи дѣленія, дѣлится и идѣ зародышевой плазмы его ядра, распредѣляя первый назрѣвшія группы детерминантъ въ первыхъ шарахъ дробленія. Положеніе детерминантъ опредѣляется собою затѣмъ зѣлость сгущающихся ихъ группъ еще меньшаго объема, которая располагаются въ новыхъ шарахъ дробленія. Такъ идетъ въ теченіе всего времени, пока детерминанты дробятся все на болѣе мелкія группы, опредѣляющія собою размноженіе органы. Наконецъ организмы заложены во всѣхъ своихъ частяхъ, и вотъ детерминанты распадаются на биофоры, и послѣдніе размножаются въ ядрахъ клѣтокъ, чтобы затѣмъ пройти черезъ оболочку ядра, выйти изъ клѣтки и дать послѣдній опредѣленный характеръ».

Вотъ все существенное въ теоріи наследственности Вейсманна. Оттѣмъ ея несомнѣнныя положительныя стороны: 1) она построена на изученіи организаціи клѣтки, и 2) поставлена въ связь съ историческимъ развитиемъ организованного мира. Биофоры, или мельчайшія частицы протоплазмы, одаренные всѣми ея характерными особенностями, были признаны ею до Вейсманна, только подъ названіемъ *память*, Де-Фри. И безъ сомнѣнія о такихъ частицахъ мы можемъ говорить; но настолько ли они идентичны дуализированы, чтобы ихъ рассматривать, какъ аналоги молекуламъ,—другой вопросъ, и сколько-нибудь вѣскихъ данныхъ въ пользу положительныхъ отвѣта на него у насъ нѣтъ. Что же касается детерминантъ, идѣихъ соотношенія, то здѣсь мы имѣемъ передъ собою лишь логическое развитіе извѣстнаго основного положенія, которое нельзя считать доказаннымъ. Отсюда очевидно, что теорія Вейсманна не теорія, а гипотетическая попытка объяснить сложные явленія наследственности, исходя изъ тѣхъ немногихъ фактическихъ данныхъ, которыми можно воспользоваться въ этомъ случаѣ.

Когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые и довольно подробно излагалъ теорію Вейсманна, я имѣлъ основаніе думать, что ея авторъ старается все болѣе и болѣе подбирать факты, чтобы основать свою теорію возможно научно. Но этого не случилось, а кое-какіе отвѣты Вейсманна на сдѣланныя ему возраженія показали, что онъ считаетъ свои биофоры детерминантами и идѣи настолько реальными, что едва ли будетъ искать въ возможности доказать ихъ реальность. На самомъ же дѣлѣ эти *предположения* образованія пригодны лишь на то, чтобы показать, что сложные явленія наследственности вообще можно объяснить. За прошедшее годы теорія Вейсманна ровно ничего не выиграла въ достовѣрности и даже пожалуй, проиграла, такъ какъ тщательное изученіе строенія протоплазмы и явленій размноженія клѣтокъ не пролило сколько-нибудь свѣта на существованіе биофоровъ. Интересные опыты Бовери надъ развитиемъ клѣтокъ

ри удалениі изъ нихъ ядеръ никакъ не продолжались систематически, а изъ этого мы всетаки не въ правѣ окончательно опредѣлить отношеніе дра къ тѣлу клѣтки. Вообще теорія Вейсманна явилась не въ добрый ась и не внесла съ собой того оживленія въ біологіческія изслѣдованія звѣстнаго направлениія, какого можно было ожидать.

Одной изъ причинъ неуспѣха теоріи безъ сомнѣнія является ея сложность и обиліе совершенно абстрактныхъ положеній. Какъ хотите, а всѣ ти біофоры, детерминанты и иды остаются словами. Введя ихъ и уставивъ между ними опредѣленную связь, Вейсманъ заплатилъ дань потребности нѣмецкаго ума философствовать и классифицировать, и сильно склонился въ сторону къ покойной натурфилософії. Затѣмъ, теоріи порить упорное утвержденіе, что благопріобрѣтенныя особенности не передаются наследственno, хотя въ этомъ случаѣ Вейсманъ такъ узко понимаетъ этотъ терминъ, что большинство натуралистовъ съ нимъ не согласю. Дѣло въ томъ, что этого положенія никакъ нельзя считать доказаннымъ, а между тѣмъ теорія наследственности построена именно на томъ, что свойства организма опредѣляются зародышевой плазмой той клѣтки, изъ которой онъ развился.

Но несмотря на эти отрицательные стороны въ дѣятельности Вейсманна, за нимъ остается огромная заслуга въ долголѣтней и неуставной разработкѣ многихъ важныхъ вопросовъ изъ области эволюціоннаго ученія. Благодаря его рѣчамъ и статьямъ, цѣлые годы поддерживался оживленный обмѣнъ мыслями между самыми выдающимися біологами, и при этомъ выяснились новые задачи, сдѣлано многое для рѣшенія старыхъ. Быть можетъ, было бы лучше для Вейсманна не выступать съ сложнымъ объясненіемъ явлений наследственности, пытаясь проникнуть въ сущность невидимыхъ процессовъ, происходящихъ въ протоплазмѣ. Но желаніе придать стройность своимъ соображеніямъ по тому или другому вопросу совершенно понятно, и лишь съ оформленной теоріей можно считаться.

Я считаю возможнымъ закончить на этомъ рядъ своихъ очерковъ. Безъ сомнѣнія, его можно бы значительно удлинить, если бы не ограничиться наиболѣе выдающимися біологами. Очень можетъ быть даже, что меня упрекнутъ въ пропускѣ нѣсколькихъ имёнъ по геологіи и ботаникѣ, въ качествѣ равныхъ съ приведенными здесь. Но я думаю, что указалъ всѣхъ наиболѣе выдающихся защитниковъ эволюціоннаго ученія, и по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, кто сдѣкалъ особенно много для его разъясненія и болѣе широкаго развитія.

Я совершенно не касался американской школы біологовъ, или собственно геологовъ, потому что будучи эволюціонистами, американцы пытались развиt' учение о постепенномъ развитіи органическаго міра, исходя изъ существованія какихъ-то внутреннихъ импульсовъ. Повидимому, дарвинистомъ былъ Маршъ, но онъ оставилъ по себѣ исключительно фактическія данные. Такимъ образомъ получается нѣчто странное: одно изъ самыхъ

Къ вопросу о нашихъ университетахъ *).

Въ началѣ учебнаго 1885 — 1886 г. министерство народнаго просвѣщенія опубликовало экзаменные требования, коимъ должны удовлетворить испытуемые въ особыхъ комиссіяхъ по окончаніи университета. Въ этихъ требованіяхъ опредѣляется, по каждому факультету особо, какъ составъ предметовъ, входящихъ въ курсъ университетскаго преподаванія, такъ и объемъ свѣдѣй, обязательный для испытуемыхъ. По отношенію къ юридическому факультету министерство народнаго просвѣщенія не ограничивалось одними указаніями предметовъ преподаванія и испытаній, но нашло нужнымъ опредѣлить основанія, задачи и методы университетскаго преподаванія, а авторъ этихъ требованій изложилъ даже свою доктрину о правовѣдѣніи вообще и русской государственной строѣ въ особенности. Министерство народнаго просвѣщенія обратило свое особенное вниманіе на юридические факультеты, вѣроятно, потому, что послѣдніе не только разрабатываютъ науку права, но и приготовляютъ дѣятелей государственной и общественной жизни, отъ познаній и направленія которыхъ зависитъ преуспѣяніе Россіи. Предположеніе это весьма серьезное, хотя нельзя не замѣтить, что столь же важно и основательное образование филологовъ, математиковъ, медиковъ, массы которыхъ выходятъ ежегодно изъ стѣнъ университетовъ и оказываютъ не меньшее влияніе на настроеніе русского общества, какъ и юристы.

Экзаменные требования зайдутъ, въ свое время, видное и знаменательное мѣсто въ исторіи нашего высшаго образования; изданиемъ ихъ министерство народнаго просвѣщенія завершило реформу русскихъ университетовъ, по новому уставу, указавъ, чего оно желаетъ и будетъ требовать отъ университетской науки и студентовъ-слушателей. Нѣть сомнѣнія, что университеты наши нуждались въ серьезной реформѣ, такъ какъ Уставъ 1863 г. представлялъ большие недостатки какъ въ постройкахъ учебныхъ

*). Редакціи доставлена эта интересная замѣтка уже по смерти ее автора. Мы поэтому печатаемъ ее безъ всякихъ измѣненій, имѣя въ виду возвратиться къ вопросу. Ред.

ѣла, такъ еще болѣе въ организаціи университетскаго управлениія; нѣть сомнѣнія и въ томъ, что новый университетскій уставъ 1884 г. принесъ значительныя улучшенія для нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ университетской жизни. Самыя экзаменные требованія, особенно для факультетовъ физико-математического и медицинскаго, имѣютъ свои достоинства.

Къ сожалѣнію, наша текущая литература ограничилась лишь бѣглыми и частными замѣтками объ этихъ важныхъ педагогическихъ актахъ. При этомъ *С.-Петербургскій Вѣдомостямъ* особенно понравилась юридическая доктрина экзаменныхъ требованій; въ ней эта газета видитъ «философскую силу и ясность» и выражаетъ увѣренность, что юридические факультеты признаютъ въ этой программѣ не только авторитетъ власти, но и авторитетъ научно-философскій. *Вѣстникъ Европы* (октябрь) обратилъ вниманіе на правила министерства народнаго просвѣщенія о зачетѣ полугодій и повѣрочныхъ испытаній; относительно же экзаменныхъ требованій ограничился нѣсколькими общими и справедливыми замѣчаніями, касающимися болѣе историко-филологическаго, нежели юридическаго факультета.

Единственно газета *Русь* сдѣала по поводу юридической доктрины экзаменныхъ требованій глубокія и вѣрные возраженія, но она остановилась лишь на общемъ характерѣ доктрины и указала на ошибочность признания духовнаго регламента за вѣнецъ духовнаго развитія русской церкви и ограниченія правовѣдѣнія изученіемъ лишь того, что было и что есть.

Желая восполнить указанный пробѣлъ, мы рѣшились разсмотрѣть подробнѣ въ настоящемъ очеркѣ доктрину, предложенную въ поясненіе экзаменныхъ требованій по юридическому факультету.

Какого же направленія держится эта доктрина, какія задачи ставить она для обработки ученій о государствѣ и правѣ, какія границы даетъ она правовѣдѣнію? Официальный авторъ доктрины—вообще рѣшительный врагъ «отвлеченныхъ теорій, готовыхъ обобщеній» и излагаетъ свои основныя начала въ слѣдующемъ видѣ.

«Каждая область вѣдѣнія, каждая наука, имѣя свой предметъ, имѣть свои принципы и способы и, только держась ихъ, можетъ вести къ знанію» (стр. 4). «Юриспруденція, занимающая главное мѣсто (?) въ юридическомъ факультете (а что же составляетъ не главное мѣсто?), имѣть своимъ предметомъ дѣйствующее въ данной странѣ право» (стр. 1). «Но дѣйствующимъ правомъ, которое разнится по различию странъ, не исчерпывается вся задача юридического факультета». «Поэтому юридический факультетъ, дабы служить высшему школою свойственнаго ему образованія, долженъ обладать предметомъ (sic!) столь же всеобщимъ и обязательнымъ для всякаго просвѣщенаго юриста, къ какой бы ни принадлежалъ онъ странѣ, какъ математика для математиковъ, древніе языки для филологовъ». «Такимъ для всѣхъ одинаковымъ образовательнымъ предметомъ не могутъ быть доктрины, которая, не ограничиваясь тѣмъ, что есть или тѣмъ, что было, имѣть цѣлью возбуждать и направлять умы къ тому, что должно быть въ смыслѣ доктрины» (стр. 2). «Равно не могутъ быть

и такія, такъ называемыя, позитивныя доктрины, которыя, увлекаясь устремлениемъ естествознанія и отвергая юридический абстракціи, ставятъ на измѣсто, въ руководство юридической наукѣ, абстракціи биологическіи» (стр. 3).

«Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на всеобщее значение и именующихъ себя философскими, самое обязательное, дѣйствительно, всеобщее условіе какъ для юридическихъ, такъ и для всѣхъ другихъ наукъ—есть общая вслѣдъ логика здраваго смысла (*sic!*), рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта» (стр. 4—5).

Въ изложенномъ строѣ мыслей официального автора мы тщетно искали логическую связь и послѣдовательность: авторъ начинаетъ поискъ съ предмета юриспруденціи, признаетъ его въ дѣйствующемъ правѣ страны, но затѣмъ ищетъ еще болѣе всеобъемлющій и общеобязательный предметъ, подобный математикѣ или древнимъ языкамъ, и находитъ его въ какомъ-то всеобщемъ условіи логики здраваго смысла. Но вѣдь условіе не есть предметъ, и логика, заключая въ себѣ лишь формы и законы мышленія, служитъ орудіемъ изысканій, не можетъ быть въ то же время и предметомъ практическаго дѣянія.

Посмотримъ однако, что это за всеобщая нелогрѣшимая логика здраваго смысла, и возможно ли на ней утверждать какія-либо основы знаній?

Есть ли это прирожденная сила, незыблемая для всѣхъ людей и всегда себѣ равная, или же она вырабатывается трудомъ и наукой? Едва ли есть надобность доказывать несостоятельность логики здраваго смысла въ первомъ значеніи: то, что кажется одному совершенно яснымъ и убѣдительнымъ, другому можетъ казаться темнымъ и ошибочнымъ.

Научная логика представляетъ сферу болѣе опредѣленную, устойчивую доказательную, но и здѣсь сколько различныхъ точекъ отправленія, какъ различны приемы, основанія, построенія. Посмотрите логику Аристотеля, методы Бекона, опытъ Локка, логику Банта, критику Милля, логику Диринга; сколько взаимныхъ возраженій и какое разнорѣчіе *)?

Официальный авторъ экзаменныхъ требованій думаетъ найти въ логикѣ здраваго смысла исцѣленіе отъ всѣхъ золъ «доктринерства», «верхоглядства», «фанатизма своихъ и чужихъ мыслей», «самонадѣяннаго реформаторства», но изобрѣтеннное имъ средство есть самое неудачное, опасное и скорѣе всего поведеть къ результатамъ прямо противоположнымъ. По странной ироніи судьбы начало здраваго смысла было и есть наиболѣе излюбленное орудіе для всѣхъ новаторовъ, либеральныхъ и консерватив-

*) Кстати, по поводу логики припоминается намъ интересный отзывъ г. Грофаъ его этюдѣ: «Къ вопросу о реформѣ логики» (1883 г.): „прежднее логики, — говорить онъ,— смутно, настоящее хаотично, а задачи будущаго еще вовсе не окраинены... Всѣ положенія старой логики о законахъ мысли, основанныя на совершенной негодной теоріи подлежащаго и сказуемаго, были продуктами фантазіи... вмѣстѣ съ тѣмъ вся прежняя теорія процессовъ сужденія и умозаключеній окажется лишь худою пародіей на научную теорію мышленія, представится какою-то *шарлатанкой*“.

ыхъ, и служило вѣрѣйшимъ орудіемъ для нанесенія ударовъ и истори-
ческимъ усююють и силамъ реальныемъ.

Не заходи въ классической мірѣ, гдѣ софисты только и проповѣдывали
воды здраваго смысла, вспомнишь реформаторовъ 18 вѣка. Верховнымъ
сточникомъ и рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ бытія для энциклопедистовъ
была именно логика человѣческаго разума и здраваго смысла.

«Великое и прекрасное зрѣлище представляетъ намъ человѣкъ,—говорить
уссо (въ своей дижонской рѣчи),—выходящій изъ хаоса своими собствен-
ными усилиями, разгоняющій свѣтомъ своего разума тьму, которую окру-
жила его природа, становящійся выше самого себя»...

Послѣдствія этого господства логики здраваго смысла во время француз-
кой революціи описаны очень живо въ трудахъ г. Любимова «Противъ те-
оріи»; тамъ подробно рассказало, какъ подъ диктовку разума сломаны были
всѣ историческія учрежденія старой Франціи, какъ разумъ возведенъ былъ
на степень божества, какъ въ храмѣ Парижской Богоматери носили съ
ѣніемъ и поклонялись полураздѣтой женщинѣ, изображавшей богиню раз-
ума! Неужто официальный авторъ не читалъ столь извѣстныхъ эти-
ловъ г. Любимова, а Любимовъ не просматривалъ доктрины экзаменныхъ
требованій? А какъ обрадуются рекомендуемому всемогуществу логики здрав-
аго смысла всѣ новѣйшии проповѣдники ученій Бюхнера, Молешота, Пи-
шарева, послѣдователи пивическихъ катехизисовъ Поля Бера и Компейра
и всѣ много извѣстные софисты XIX вѣка!

Впрочемъ, не будемъ опасаться за крайнее увлеченіе официального
автора логикою здраваго смысла; авторъ самъ не вѣритъ могуществу этой
жилы и на послѣдующихъ страницахъ своего ученія старается ограничить
 эту силу и заключить ее въ неподвижныи рамки: онъ отрицааетъ вообще
только доктрины, хотя каждая доктрина есть произведеніе логики здраваго
смысла своего автора; онъ требуетъ «исследовать только то, что было и
что есть», онъ обязываетъ своихъ адептовъ «изучать явленія, только не-
посредственно имъ подлежащія, принимая ихъ какъ данное, не даволяя
себѣ никакого обобщенія, безъ достаточнаго основанія» (стр. 4). Чтобы
обуздить еще болѣе возможность своею здраваго смысла, официальный
авторъ ограничиваетъ научную пытливость учителей и учениковъ рим-
скими правами, которое, по словамъ его, «составляетъ общее для всѣхъ
образованныхъ народовъ достояніе, которое есть столько же фактъ, сколько
теоріи, столько же данная для познающей науки (развѣ есть наука и не
познающая!) реальность, сколько выработанная до высшей степени система
юридическихъ понятій»... «оно есть всеобщая теорія права и должно
быть основнымъ требованіемъ юридического испытанія и преподаванія».
(стр. 5—6).

Представляемъ читателю судить о послѣдовательности автора, который
одной рукой гонитъ доктрину, а другой превращаетъ римское право во
всеобщую теорію права, или навязываетъ готовое обобщеніе о преступ-
леніи, наказаніи и самосознаніи (стр. 13—15).

Съ своей стороны позволимъ себѣ спросить у автора: какое значение имѣютъ его выраженія: Римское право есть столько же фактъ, сколько теорія, столько же реальность, сколько система?

Развѣ въ наукѣ, по законамъ здравой логики, фактъ можетъ быть безъ теоріи и теорія безъ факта, и въ свою очередь реальность можетъ ли быть безъ связи и системы, а система безъ реальности? Не лишній ли это выраженія, хотя и употребленныя для обозначенія какихъ-то особыхъ, чудодѣйственныхъ свойствъ, присущихъ только римскому праву? Послѣ указаній основныхъ началь юриспруденціи, официальный авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію методовъ, которымъ должны слѣдовать профессора юридическихъ факультетовъ при обработкѣ и преподаваніи своего предмета; но здесь понятія автора еще неопределены, еще сбивчивы.

«Юридическая наука,—говорить авторъ,—располагаетъ методами, которые должны возвышать юридическое образованіе надъ уровнемъ простого эмпиризма; юридическая логика должна учить анализировать данное содержаніе и восходить шагъ за шагомъ отъ буквы къ разуму» (стр. 12).

Казалось бы, методъ вполнѣ правильный, научный. Но на этой же страницѣ авторъ отрицаєтъ «всякія готовыя обобщенія, отвлеченные теоріи, которыя, по его мнѣнію, ничего не даютъ, кроме словъ», и рекомендуетъ «историческое знаніе» (стр. 12); еще далѣе онъ предлагается преподавателямъ «давать учащимся только тщательно пропрѣреній матеріаль, изъ котораго они сами могли бы вырабатывать свои понятія и возвращаться» (стр. 12—13).

Изъ приведенныхъ строкъ невозможно вывести, какого собственно метода держится официальный авторъ. Вѣдь каждое восхожденіе и исходеніе отъ буквы къ разуму есть обобщеніе, всякое знаніе можетъ быть только въ формѣ отвлеченія, а съ другой стороны, простой матеріаль (хотя бы и пропрѣреній), одни факты, безъ разработки ихъ въ общемъ понятія, не имѣютъ никакого значенія. И что это за готовыя теоріи? Наука не допускаетъ ихъ, предоставляя ихъ въ удѣль людямъ одностороннимъ, фанатикамъ чужихъ и своихъ мыслей, мало учившимся и едва менѣе работавшимъ самостоятельно. Даѣте, возможно ли требовать, чтобы ученый восходилъ отъ буквы къ разуму и въ то же время ограничивалъ себя исторической почвою и дѣйствующими силами? А если при восхожденіи отъ буквы къ разуму, или анализѣ историческихъ условий и реальныхъ силъ, здравый смыслъ найдеть, что многое изъ того, что есть и что было,—не должно бы быть? какъ быть тогда?

Всѣ эти вопросы, очень давніе и известные, имѣютъ столь же давніе и вполнѣ несомнѣнны. Неужто же вновь надо напоминать и доказывать истину, что наука только тогда имѣть смыслъ, если изучаетъ сущее для того, чтобы найти въ немъ должное, что вся жизнь человѣческія украшается и возвышается надеждами и желаніями лучшаго и болѣе разумнаго? Все христіанское ученіе утвердилось *на отрицаніи* того, что было, и овладѣло душами людей указаніями на божественное должно!

Предлагая свое учение о методахъ, официальный авторъ любить ссылаться на «очевидность, реальность», которая однѣ для него убѣдительны.

Но что такое очевидность и реальность? Вѣдь уверялъ же Руссо въ чевидности вреда наукъ и искусствъ, вѣдь признавалъ же Гельвеций духъ разумъ за простую реальность, за физическую чувствительность мозгъ! А между тѣмъ еще старикъ Бентамъ высказалъ въ своихъ знаменитыхъ софизмахъ (*de l'opinion du grand nombre*), что авторитетъ очевидности, взятый самъ по себѣ, независимо отъ доказательствъ, есть аргументъ безъ всякой силы, и что самая видимость реальности можетъ быть разрѣчною!

Не можемъ не отмѣтить еще одну методологическую странность официального автора. Предлагая къ изученію только положительные явленія и сильные данные, онъ въ то же время съ большими пренебреженіемъ относится къ тѣмъ курсамъ государственного права, «которые обрекаютъ зѣ на перечень департаментовъ и канцелярий» (стр. 9).

Но, во-первыхъ, университетскія каѳедры давно перестали заниматься ростымъ перечисленіемъ предметовъ государственного строя, во-вторыхъ, апрасно авторъ смотритъ такъ свысока на департаменты и канцелярии; быть можетъ, никогда не обрисовался съ такою силой и характеромъ нашъ министративный строй, какъ въ отношеніяхъ департаментовъ и канцеляріи дѣлопроизводствъ.

Независимо отъ разсмотрѣнныхъ общихъ началь и методовъ программа министерства народного просвѣщенія останавливается въ частности на римскомъ правѣ, государственномъ правѣ, философіи права и опредѣляеть, въ актомъ значеніи, объемъ и направленіе должны быть преподаваемы эти предметы на юридическихъ факультетахъ. Мы уже видѣли, что для автора гої программы римское право есть *всеобщая теорія*, источникъ и кри-
ерий всѣхъ юридическихъ институтовъ, всего юридического развитія. Кроме
того, римское право имѣть въ его глазахъ еще особую важность: «оно
имѣетъ предметомъ не только многовѣковой разработки римскихъ юристовъ,
о и повсемѣстного изученія и изслѣдованія до сего времени; оно завер-
шило полный циклъ своего образованія, развило свои начала во всей пол-
отѣ и законченности; поэтому оно составляеть *общее достояніе* для
сѣхъ образованныхъ народовъ, должно служить *основнымъ предметомъ*
юридическихъ факультетовъ, служить *школою* не только для лицъ, по-
вѣщающихъ себя судебному поприщу, но и служенію *государству въ*
правительственномъ дѣлѣ» (стр. 6—5). Поэтому недостаточно довольствова-
ться римскимъ гражданскимъ правомъ, но «должно знакомиться и съ
государственнымъ римскимъ правомъ, которое выработалось изъ реальныхъ
цѣлъ народа и исчерпало все моменты своего развитія въ системѣ им-
перія» (стр. 7). Ничто не можетъ такъ оживить и подвинуть науку рус-
каго права, заключаетъ официальный авторъ, какъ освоенность съ пре-
емами научной разработки римского права, при чѣмъ яснѣе обнаружатся ха-
рактеристическія особенности нашего народнаго воззрѣнія» (стр. 7). Сооб-

разно такому взгляду, въ учебныхъ юридическихъ планахъ, утвержденныхъ министерствомъ народного просвѣщенія, назначено на преподаваніе римскаго права 38 часовъ въ недѣлю изъ 114 недѣльныхъ часовъ, раздѣленныхъ на 13 предметовъ (просимъ сообразить, по сколько часовъ въ недѣлю остается для остальныхъ 12-ти предметовъ!) по всѣмъ 8-и семестрамъ.

Что римское гражданское право, въ кругѣ отношеній, известныхъ римскому народу, составляетъ наиболѣе оконченную, выработанную и сложную систему, что начала этой системы, касавшіяся общечеловѣческій (а не національно-римскихъ) условій гражданского оборота, опредѣлились таюю вѣрностью и глубиной, что служить и до сихъ поръ основаниемъ правовѣдѣнія и гражданскихъ кодексовъ, въ этомъ едва ли кто-либо, знакомый съ римскимъ правомъ, можетъ сомнѣваться. Но несомнѣнно то, что римское гражданское право, несмотря на всѣ свои достоинства и цѣнность влада, внесенного имъ въ юридическое развитіе человѣчества, было явленіемъ историческимъ, исполненнымъ разныхъ недуговъ, и потому не можетъ служить, во всей своей полнотѣ, всеобщую теорію права въ немъ недостаетъ многаго для насъ нужнаго, и многое нужное для римского народа,—негодно для насъ *). Укажемъ для пригѣра на самое главное римское право со всѣми его potestas, meatus, manus, agnatio, сортио, конкубинатомъ несоответственныхъ началамъ христіанской счастливой и родственаго союза.

Справедливо и то, что въ жизни западно-европейскихъ государствъ римское право служило не только теорію, но дѣйствующимъ источникомъ и частно-правовыхъ отношеній. Но въ настоящее время римское право, изъ положительное законодательство, вытѣснено изъ прежней своей сферы дѣйствія.

«Фактъ изгнанія римского права изъ непосредственной практики,—говорить Марецолль (не случайный и невѣдомый миру поклонникъ римского права, а глубокій ученый и знатокъ онаго),—зnamенуетъ такую же точку поворота, какою никогда было внесеніе римского права въ юридическую Европу; онъ долженъ произвести переворотъ и въ дѣлѣ науки обработки его. До сихъ поръ эта обработка обусловливалаась главными образомъ потребностями практическаго примѣненія римского права. Отсюда ясно, что такая форма не въ силахъ будетъ привлечь интересъ къ римскому праву. Отъ простого наложенія она должна подняться на ступень критики положительного права». А вотъ что говорилъ о римскомъ правѣ еще 15 лѣтъ назадъ, Лор. Штейнъ, котораго, конечно, нельзя причислить къ «верхоглядамъ»: «Съ трудомъ вѣрится, что мѣрою юридического образования почти во всѣхъ германскихъ университетахъ считается римское право, что пандекты составляютъ главный предметъ изученія и что все про-

* Позволимъ себѣ сослаться на дѣйствительный авторитетъ въ этомъ вопросѣ Еринга: „Bedeutung d. römischen Rechts für die moderne Welt“. 1865.

признается второстепеннымъ. Вооруженные столь одностороннимъ и недостаточнымъ орудіемъ для современныхъ формъ соціальной жизни, наши присты являются слабыми и пегодными въ общинахъ, областныхъ совѣтахъ, государственномъ сеймѣ; здесь дѣло уже идетъ не о преніяхъ и рѣшенияхъ процесса между Ташемъ и Семпрониемъ, а объ общипномъ строѣ, ремеслахъ, товариществахъ, дорогахъ, мостахъ, поземельной книгѣ, кредитѣ, попеченіи о здоровыхъ, призрѣніи, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе или страданіе многихъ людей. Какую помощь и пользу могутъ оказать ему римская юриспруденція и пандекты, которые не имѣютъ даже соответственныхъ латинскихъ словъ для указанныхъ понятій?» (*Nab. d. Verwaltungslehre*, 1870).

Впрочемъ, должно замѣтить, что преобладающее положеніе римского права въ гражданской практикѣ и германскихъ юридическихъ факультетахъ произошло не потому, что въ Германіи вѣрили въ римское право какъ во всеобщую и незыблемую теорію, а потому, что Германия не имѣла общаго гражданскаго законодательства. Во Франціи и другихъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ раньше были выработаны кодексы гражданскаго права, разработка и преподаваніе национального права получили первенствующее мѣсто. Въ Англіи и въ судахъ, и въ университетахъ ревниво и постоянно оберегали самостоятельность своего народнаго права; неоднократно были издаваемы даже распоряженія, опредѣлявшія силу обычаевъ и парламентскихъ статутовъ по отношенію къ римскому праву, и въ настоящее время тамъ считается общепризнаннымъ, что римское и каноническое право составляютъ тамъ только вспомогательный источникъ, подчиненный общему праву Англіи (lordъ Гэль). Въ самой Германіи въ области торговаго права, съ изданіемъ общаго имперскаго торгового кодекса, римское право отступило далеко на задній планъ, тѣмъ болѣе, что имперскій торговый кодексъ принимаетъ въ свой составъ новые формы экономическихъ отношеній, торговые обычай германскихъ городовъ, торговое морское право, почти не известное древнему Риму. То же самое должно сказать и о гражданскомъ германскомъ судопроизводствѣ, для котораго изданъ уже общий имперскій уставъ и который разработанъ на началахъ, далеко отличныхъ оть римскаго процесса.

Съ изданіемъ общаго имперскаго кодекса гражданскаго права германскому гражданскому праву открывается также путь къ самобытному развитію.

Такимъ образомъ въ то время, когда въ Германіи, классической странѣ римскаго права, национальное право мало-по-малу завоевывало себѣ должное мѣсто, у насъ для римскаго права назначается 36 часовъ въ недѣлю, а для русскаго гражданскаго права съ судопроизводствомъ 22!

Но если римское гражданское право навсегда должно остатися необходимымъ и важнымъ предметомъ юридическихъ факультетовъ, то какой «всесірный законъ» можно найти въ римскомъ уголовномъ правѣ? Новѣйшее уголовное законодательство образовалось на христіанскихъ началахъ и гуманистарной философіи XVIII и XIX вв. и имѣть мало даже общаго съ уголов-

ловными возвращениями римского народа. Правда, германские ученые старались въ прежнее время подводить новые криминальные понятия подъ техническія рубрики и паменование римского права; но въ настоящемъ времени оставляютъ даже эту вѣшнюю связь съ римскимъ правомъ и вырабатываютъ самостоятельную технику для определенія состава преступлений и раздѣлений наказаний.

Не менѣе строго требование автора възмѣненныхъ требованій, чтобы студенты изучали государственное римское право, которое, «какъ вполнѣ реальная система, должно служить высшей школою для посвящающихся себѣ правительственному дѣлу» (стр. 67).

Безспорно, изученіе государственного устройства Рима чрезвычайно важно, но только не для приобрѣтения правительственной мудрости, а быть явленіе историческое, какъ поученіе,—чего не должно быть, чего должно избѣгать. Кому не известны неправомѣрный строй всѣхъ общественныхъ силъ древняго Рима, борьба сословий, деспотическое господство сената, отстававшаго привилегіи патриціевъ; кому не известно, что сенатъ своимъ партійнымъ управлениемъ превратилъ древняго римскаго властителя, *populus romanus*, въ немущую толпу, для содержанія которой потребовались *leges frumentariae* (уже при Цезарѣ число гражданъ, получавшихъ отъ государства хлѣбъ, простиралось до 320,000); сенатское же управление породило непримиримую постоянную борьбу классовъ, господство оптиматовъ и, какъ послѣдствіе его агитации, популяровъ? Кому не известно господство въ выборной системѣ Рима насилий, подкуповъ, вызвавшихъ цѣлый рядъ *leges tabellariae*, закончившихся тайною подачею голосовъ, которая совершенно подорвала старую римскую организацію? А чего стояла кровавая борьба изъ-за *agri publici*, въ конецъ разрушившая римское государство?

Но нигдѣ не выразился неправомѣрный, неправильный строй Рима въ такой полнотѣ, какъ въ устройствѣ провинцій (т.-е. земель лежавшихъ въ Италии), которые однако составляли болѣе $\frac{5}{6}$ всѣхъ владѣній Рима и давали ему средства къ жизни.

Каждая провинція имѣла свое особое устройство (*forma provinciae*). Въ главѣ провинції стоялъ особый римскій регентъ изъ преторовъ, а юрисдикціи изъ консуловъ, по истеченіи ихъ службы въ Римѣ; власть этихъ магистратовъ въ провинціяхъ была почти неограниченная, исполненная всякаго рода насилий и злоупотребленій; контроль сената и римскихъ судовъ былъ призрачный; достаточно вспомнить злоупотребленія Вересса въ Сицилии. Произволъ римскихъ провинціальныхъ правителей вызывалъ извѣстный *lex Julia*, установившій, чтобы въ провинціяхъ преторскихъ правители оставались не болѣе 1 года, а въ консульскихъ не болѣе 2 лѣтъ. Но это повело къ еще худшему: чуждые страны, ограниченные въ срокахъ своей службы, регенты провинцій не могли заботиться о благѣ страны, а стремились только къ обогащенію себя и сопровождавшей ихъ толпы подчиненныхъ, изъ которыхъ каждый требовалъ доли въ добычѣ. Выно-

тельства были тѣмъ необходимѣ, что провинціальные правители должны были собирать средства не только для себя и своихъ, но и для под-
па и взяточъ въ сенатъ. «Многіе проконсулы правили съ такою без-
щадною жестокостью, разоряли страну столь перазборчиво, что трудно
шти примѣры болѣе печальныя въ самыхъ деспотическихъ государствахъ»,
ворить Пухта (XXXI).

Неужели же эти провинціальные порядки представляютъ «школу для
шть, желающихъ посвятить себя служенію правительенному дѣлу рус-
аго государства?»

Экзамены требованія предлагаютъ еще знакомиться съ обществен-
ль, хозяйственнымъ и торговымъ бытъмъ римлянъ. Но что же цѣнное
поучительное могутъ найти для себя христіанскія общества въ тѣхъ
городахъ Тарента, Ливіи, Цицерона, Салустія, гдѣ съ такою мрачною прав-
ю изображается грубый развратъ и полное разложение частной и обще-
венной нравственности римлянъ. Припомнить только исторію установ-
ленія *leges sumptuariae*, которые бесплодно издавались въ теченіе 2-хъ
послѣднихъ столѣтій республики.

Что же касается хозяйства римлянъ, какъ государственного, такъ и
частнаго, то мы не станемъ останавливаться на извѣстныхъ трудахъ Вал-
ла и Моро-де-Жопесса, гдѣ съ такою полнотою и положительностью изо-
браженъ печальный экономический бытъ римлянъ и откроемъ наугадъ лю-
ю страницу (относящуюся къ этому предмету) Пухты, Вангерова, Ма-
шалля, которыхъ нельзя заподозрить въ недружелюбіи къ римскому праву.

Начнемъ съ *agri publici populi romanis*,—этой основной хозяйственной
мы древнихъ римлянъ. Постепенно, подъ покровомъ сепата, богатые и
сильные захватываютъ эту землю въ частную собственность или же въ
государственное пользованіе, тѣ же публичныя земли, которыя сохранились
въ захвата, отдавались цензорами въ аренду, въ пользу государства; но
иззоры отдавали ихъ такими большими партіями, что только богатые
могли брать ихъ въ аренду и извлекать выгоды. Подъ вліяніемъ такихъ
захватовъ и общаго экономического строя, масса народа была отторгнута
изъ земли, своего естественного достоянія, и превратилась въ голодную
забезпеченнную толпу черни. Къ этому присоединился институтъ рабства,
благодаря которому не могла развиться даже мелкая аренда земель сво-
идными людьми. Богатые земельные собственники находили для себя ме-
ье опаснымъ и болѣе выгоднымъ обрабатывать свои имѣнія рабами. От-
тода образовались, съ одной стороны, матифундіи съ сарайми и загонами
и рабовъ, которые постоянно волновались и поднимали бунты, а съ
другой—призрачный властитель Рима, *populus romanus*, питался обществен-
нымъ хлѣбомъ и представлялъ жалкую игрушку и орудіе въ рукахъ раз-
ныхъ популяровъ.

А изъ чего составлялись доходы римского государства, изъ какихъ про-
изводительныхъ силъ черпались его средства? Сначала главнымъ источникомъ
доходовъ государственныхъ были—война, завоеванія и *tributum*, лично-

имущественная подать съ римскихъ гражданъ, но послѣдняя взималась лишь до тѣхъ поръ, пока удачные походы не доставили въ государственный aerarium достаточныхъ средствъ. Послѣ неисчислимыхъ сокровищъ, награбленныхъ при покореніи Македоніи, до смерти Юлія Цезаря имущественная подать вовсе не взималась. Затѣмъ главнымъ источникомъ доходовъ казны служили провинціи, съ которыхъ взимались не только контрибуціи и добычи, но и различные косвенные и прямые налоги. Для сбора послѣднихъ посыпались въ провинціи квесторы, надѣленные правами iheredium, vocatio и cognitio extraordinaria (можно легко понять положеніе несчастныхъ провинцій при сборщикахъ, надѣленныхъ такими полномочіями!). Внепрѣдствіи порядокъ этотъ былъ упрощенъ еще болѣе: стали отдавать большую часть доходовъ въ аренду и на откупъ съ торговъ извѣстными публиканамъ, которые, заплативъ въ казну требуемую сумму, сами собирали сборы съ подлежащихъ лицъ. Профессія публикановъ была столь выгодна, что въ средѣ римскихъ всадниковъ образовался особый классъ государственныхъ откупщиковъ, которые устраивали компаніи (*Societates*), дѣлали стачки и посредствомъ подкуповъ и взятокъ держали въ рукахъ государственную казну, и государственныхъ саповниковъ Рима.

При такихъ экономическихъ условіяхъ, о какой торговлѣ и финансово-вой устройствѣ римлянъ можно говорить? Что полезное можетъ найти европеецъ вообще, а русскій въ особенности, въ торговыхъ операций гражданъ, жившихъ добычею и рабскимъ трудомъ или же штавшихся общественнымъ хлѣбомъ?

Но если римское право, во всѣхъ своихъ частяхъ, имѣть болѣе или менѣе значеніе для законодательствъ и правовѣдѣнія западно-европейскихъ народовъ, то на чѣмъ основаны надежды и увѣренія автора официальной доктрины, что «ничто такъ не оживить и не подвинетъ науки русскаго права и не объяснить такъ характеристическихъ особенностей нашего народнаго воззрѣнія какъ освоенность съ приемами и методами разработки римскаго права»? (стр. 7).

Гдѣ доказательства подобныхъ предсказаний? И неужели кто-либо изъ дѣйствительно знающихъ и серьезныхъ русскихъ ученыхъ не подтвердилъ, что ознакомление съ исторической обработкою германскаго права и съ догматической, и практической обработкою французскаго права не менѣе важно для успѣховъ русскаго права, лакъ и изученіе исторіи и системы римскаго гражданскаго права? А къ чему эти суесловныя ссылки на особенности нашего народнаго воззрѣнія? Мы стоимъ лишь у порога познанія этихъ воззрѣній; прежде надо собрать и уразумѣть ихъ. Но и по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя имѣются, можно утвердительно сказать, что между юридическимъ строемъ римлянъ и началами народнаго русскаго права лежитъ прѣлая бездна (понятія о бракѣ, семье, личныхъ отношеніяхъ, собственности, наказаніи и т. п.) и что первый скорѣе можетъ затмѣнить, нежели освѣтить особенности послѣднихъ.

По предмету государственного права, авторъ экзаменныхъ требованій

лагаетъ цѣлое, и по *сппиности* стройное ученіе, въ слѣдующемъ видѣ: верховная власть есть принципъ государственного права; ея значеніемъ положеніемъ опредѣляется весь строй государства. Русское государственное право имѣть своимъ принципомъ единовластию, по существу восточной церкви, которая, ограничиваясь своимъ духовнымъ призваніемъ, оставляла всю политическую власть за государствомъ; между тѣмъ какъ принять исторического движения на западѣ есть двоевластіе, по существу тадной церкви, лишившей монархію у западныхъ народовъ того священнаго характера, какимъ запечатлѣна она для русского народа...» Всегдѣ собираніемъ русской земли и утвержденіемъ единовластия, единая власть стигаетъ величества самодержавія, царскаго и императорскаго, *настѣнъ съяніенную миссію восточной римской имперіи* по ея паденіи. Съ звитіемъ единовластия узаконяется и расширяется гражданская свобода; ограниченность верховной власти означаетъ лишь то, что народъ не есть общественныхъ властей, не подчиненныхъ одной во главѣ всего рода. Монархъ даетъ Россіи законы, отъ него исходить всякая власть. О есть безспорный принципъ русского государственного устройства; таинъ же онъ долженъ быть и для науки русского государственного права (стр. 9—11).

Говоря поистинѣ, то, что сказано выше о самодержавной власти въ ссии, излагается съ большою или меньшою полнотою во всѣхъ курсахъ скаго государственного права, и иное изложеніе противорѣчило бы истинности и русскому законодательству. Считаемъ однако долгомъ звать одну важную поправку въ доктринѣ офиціального автора, который утверждаетъ, будто бы русское самодержавіе есть выполненіе по наѣстvu священной миссіи Восточной Римской имперіи. Едва ли русскіе горики согласятся съ подобнымъ взглядомъ, за исключеніемъ развѣ г. шина. Принципъ самодержавія пришелъ къ намъ не извнѣ, онъ образался изъ условій и потребностей русского народа, выработанъ силами трудами русскихъ людей. Русскіе государи, объединяя племена, утверждали порядокъ, охраняя права слабыхъ, вводя русскій народъ въ общую новую жизнь, выполняли задачи русского народа и славянства, а не миссіи Византіи, мрачной, разложившейся, раздираемой религіозными ересями борьбою партій цирка, изнемогавшей подъ бременемъ нѣвѣдомой дотолѣ рократіи *). Но самое главное,—Византія никогда не знала национального единства: она состояла изъ разнородныхъ племенъ (среди которыхъ были составляли самую меньшую часть), едва сдерживаемыхъ силою.

Между тѣмъ чрезъ всю исторію Россіи проходитъ отчетливое и неудержимое стремленіе образовать внутреннее национальное единство, и таковое было достигнуто вѣковыми усилиями русского народа и верховныхъ вождей

*) Развитіе многочисленнаго чиновничества и іерархическихъ отношеній администраціи составляетъ специальную черту Византійского государства, не известную древней Риму и ускорившую разложение Византіи. Наше чиновничество и бирократія явленіе новое, пришедшее къ намъ не изъ Византіи, а съ Запада.

его. Оттого русское государство отличается такою кровною, неразрывною связью между народомъ и самодержцами, которая была вовсе не известна Византійской имперіи.

Въ процессѣ образованія русского государства и единодержавія Византія служила лишь подспорье мъ, сообщая чрезъ посредство духовенства понятія о священномъ происхождении власти, о подчиненіи церковной іерархіи единому государственному владычеству и передавая намъ обстановку и виѣшніе атрибуты самодержца.

Изложивъ свой взглядъ на русский государственный строй, официальный авторъ обращается съ слѣдующимъ упрекомъ и призывомъ къ russкимъ правовѣдамъ: «У нѣмцевъ, франузовъ и англичанъ есть свое воззрѣніе на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зренія русского народа? Почему бы въ наукѣ русского государственного права, выѣсто абстрактныхъ теорій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета ученія существо русского монархического начала?» (стр. 9). Единую силу можетъ имѣть этотъ призывъ къ народному міросозерцанію послѣ того, какъ римское право возведено во всеобщую незыблемую теорію права и поставлено въ основаніе всего русского юридического образования?

Экзаменные требования совершенно исключаютъ изъ науки государственного права общее ученіе о государствѣ (основанія и составъ государственныхъ силъ, государственная организація, составъ и отношенія властей; системы государственного управления и друг.) и ограничиваютъ этотъ предметъ только изложеніемъ государственного строя Российской имперіи (стр. 20). Такое исключеніе сдѣлано на основаніи общей задачи экзаменныхъ требованій: «давать слушателямъ не готовыя обобщенія, а ищущательно прорѣченный материалъ, изъ которого они сами могли бы находиться при дѣлахъ (?), вырабатывать свои понятія и воззрѣнія» (стр. 13). При этомъ официальный авторъ поясняетъ, что «напрасно думаютъ будто бы теоріями можно предохранить молодые умы отъ увлечений. Большая ошибка! Обобщенія, навязанныя преждевременно... оставляютъ въ умахъ лишь легковѣсныя представленія, произвольные сочетанія и порождаютъ мысли, что такъ же легко можно обращаться и съ самыми предметами» (стр. 13).

Въ настоящемъ случаѣ мы видимъ прежде всего ошибку логическую: невозможны обработка и пониманіе русского государственного строя безъ общаго ученія о государствѣ, не обстрактного и произвольного, а выѣченного изъ всей совокупности положительныхъ данныхъ (и такія ученія существуютъ; официальный авторъ, очевидно, ихъ не знаетъ!).

Еще большая ошибка заключается въ мынніи автора, будто бы знаніе теоріи не предохраняетъ людей отъ заблужденій! Вѣдь знаніе есть единственная сила, которая можетъ дать людямъ и средства, и пути къ счастью. Неужели же можно допустить, что незнаніе съ теоріями послужитъ къ здравому пониманію положительного порядка и что если каждыи станетъ вырабатывать (хотя бы и находясь при дѣлахъ) свои воззрѣнія, то эти самодѣльныя понятія болѣе обезпечатъ отъ заблужденій?

Не можемъ не вспомнить по этому случаю объ одномъ весьма поучительномъ примѣрѣ изъ нашей текущей жизни. Одинъ изъ современныхъ галантливѣйшихъ русскихъ художниковъ-романистовъ, волнуемый высшими вопросами вѣры и общественного строя, рѣшился собственными силами поискаваться истинѣ и написать извѣстное: «Такъ что же намъ дѣлать?» И что же вышло? Рядомъ съ искренностью чувствъ, возвышенностью идеи-словъ, философско-специальное произведение нашего даровитѣйшаго бѣллетриста исполнено самыхъ ложныхъ аналогій и ребяческихъ заблужденій; художникъ-романистъ, очевидно, не изучилъ основательно ни одного изъ классическихъ трудовъ по этимъ предметамъ и построилъ свое міросозерцаніе на своихъ собственныхъ плечахъ.

Изгнаніе изъ университетскаго юридическаго курса общаго ученія о государствѣ тѣмъ удивительнѣе, что исторія нашего высшаго образования паче уже 3 опыта подобныхъ мѣръ, и всѣмъ хорошо извѣстны послѣдствія этихъ мѣръ. При второмъ опыте, именно въ концѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ, изъ круга университетскихъ предметовъ были исключены философія, общее ученіе о государствѣ, западно-европейское право, экономическая соціальная ученія, даже слово республика подверглось ostrакизму, и Римъ называли страшною двухъ консуловъ. А что выросло изъ этихъ сѣмянъ? Да вѣдь и русское университетское юношество относилось когда-либо съ большою вѣрою и поклоненіемъ европейскимъ философскимъ и соціальнымъ октракинамъ, какъ именно въ этотъ періодъ. Г. Любимовъ въ своемъ «Пропагандѣ теченія» подтверждаетъ это настроеніе какъ живой свидѣтель (діалогъ приятеля съ авторомъ): Пріятель: «Помнишь, вѣдь тридцать назадъ тому, въ наши студенческіе годы, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ пяти, и на каѳедрахъ было у насъ слово революція. Въ университетскихъ библиотекахъ книги, гдѣ говорится о революціи, были отставлены въ особые шкафы.

«На сочиненіяхъ, авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событию, красовался ярлыкъ: «запрещено безусловно». Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку...

«Но всѣ эти запреты не помѣщали революціоннымъ идеямъ проникать чрезъ всѣ преграды въ молодые умы». Авторъ: Да! Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-либо обладателя запрещеннаго площа, па самое короткое время, опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи. Помнишь, съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блан! Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе, тѣмъ больше утверждался религіозный кульпъ безсмертныхъ началь 89 года!» и т. д. (стр. 3—4).

Неужели же вновь повторять эти опыты, возбуждать едва стихлувшия чувства и предлагать для испытанія болѣзней певѣдѣніе и запрещеніе?

Исключивъ общее ученіе о государствѣ, взаменъ требованія исключаютъ и государственное право западно-европейскихъ народовъ, допущенное въ некоторыхъ университетахъ Уставомъ 1838 г. (прекращено было временно лишь въ 1850 году) и введенное въ кругъ обязательныхъ предмет-

това въ всѣхъ университетахъ Уставомъ 1863 года. Лишь въ особыхъ (специальныхъ) требованийхъ экзаменныхъ правилъ поставляется въ обязанность знать мѣстное управление въ Англіи, Франціи и Пруссіи (стр. 26).

Ограничение науки государственного права изученiemъ только государственного строя Российской имперіи плохо примиряется съ наставлениемъ официального автора «изучать однородные институты и учреждения въ дѣйствующемъ правѣ другихъ государствъ, для расширения кругозора, лишь бы такое изученіе руководилось исключительно цѣлями познанія и рассматривало предметы въ ихъ индивидуальности и реальной обстановкѣ» (стр. 12). Но дѣло не въ томъ: какимъ образомъ официальный авторъ можетъ требовать отъ студентовъ изученія мѣстного управления въ вѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, выбросивъ изъ университетского курса государственное западно-европейское право? Неужели же онъ думаетъ, что можно изучать и понимать мѣстное управление Англіи, Франціи и Пруссіи, не зная государственного строя этихъ странъ? Неужели же ему не извѣстно, что государственный строй Англіи такъ чрезуптанъ съ организацией графствъ и приходовъ, что даже невозможно отѣлить ихъ другъ отъ друга?

Обратимся къ послѣднему предмету, о которомъ экзаменные требования говорятъ съ вѣкоторою подробностью,— къ философіи права. Вначалѣ авторъ этихъ требованій объясняетъ, что «философія есть дѣйствительная потребность человѣческаго ума и имѣетъ свою великую исторію, ознаменованную геніальными усилиями мысли; она отличается отъ всѣхъ отраслей вѣдѣнія тѣмъ, что состоить въ исканіи своего предмета и принциповъ сю познанія (sic! думаемъ, что предметъ и принципы его познанія,—далеко не одно и то же), и что министерство народнаго просвѣщенія желало бы усилить въ университетахъ философскій элементъ» (стр. 15—16).

Но вслѣдъ за этими строками официальный авторъ говоритъ, что философію надо оставить философамъ, а юристъ долженъ быть только юристомъ и не пускаться въ поиски за началомъ началь, что исторія человѣческаго разумленія, ищаща истину и восходяща отъ начала къ началу, хотя и заслуживаетъ методической науки, но такой науки нынѣ не имѣется; есть большею частью только лишенные научнаго характера пересказы содержанія, нерѣдко вовсе непонятнаго или извращеннаго въ смыслѣ доктрины по личному вкусу излагателей!» (стр. 15—16). Вѣдѣствіе такого представленія о существующихъ исторіяхъ философіи официальный авторъ предлагаетъ студентамъ изучить исторію философіи системъ «критически и самостоятельно», лишь «въ изложеніи самъ мыслителейъ, а поверхностныя свѣдѣнія о философскихъ ученіяхъ предоставляетъ собственному желанію учащихся пріобрѣсти записы именъ разныхъ курьезовъ и ютковыхъ сужденій безъ понятій» (стр. 16—17).

Сопоставляя все сказанное, мы рѣшительно затрудняемся сказать, чѣмъ держится и чего требуетъ авторъ экзаменныхъ требований. Въ одномъ у-

онъ считаетъ философию великою потребностю человѣческаго ума и пытъ бы усилить въ университетахъ философскій элементъ, въ другомъ отклоняетъ юристовъ отъ ученій любомудрія «и обрекаетъ ихъ» на ченіе только того, что можетъ быть исполнено, «что было и что есть»; одноть мѣстѣ онъ говоритъ, что «*философія имѣла свою великую порю*», въ другомъ онъ утверждаетъ, что «*науки исторіи философіи и еще не имѣютъ*»; въ одноть случаѣ онъ желаетъ, чтобы студенты чали исторію философіи самостоятельно и критически, въ подлинныхъ философскихъ трактатахъ, въ другомъ, «что за философскими поисками, я бы и по чужимъ слѣдамъ, могутъ пускаться только умы самостоятельные и хорошо приготовленные» (стр. 16), конечно, не таковы умы студентовъ!

Трудно разобраться въ этомъ рядѣ противорѣчій! Однакоже позволимъ спросить, неужели авторъ экзаменныхъ требованій искренно считаетъ возможнымъ для студентовъ самостоятельно изучать многовѣковыя творенія великихъ мыслителей? и неужели существующіе классические труды по горю философіи Тенемана, Раумера, Штади, Рота, К. Фишера, Гайма, ля, Блунчи, Гильдебранда изврашаются доктрины, представляютъ одни брызки мнѣній, «запасъ именъ», «разные курьезы», «готовыя понятіяъ сужденій», а потому негодны для студентовъ? Впрочемъ, колебанія одновременные симпатіи и антипатіи автора къ философіи не заключаютъ себѣ ничего загадочнаго; на страницахъ тѣхъ же экзаменныхъ требованій мы находимъ новое разъясненіе двойственности его мыслей. Такъ, стр. 17 онъ «ограничиваетъ свои требованія по исторіи философіи права шь знакомствомъ съ ученіями древнаго классического міра...» «Только этой почвѣ, виѣ борьбы партій и направленій, философская мысль можетъ быть изучаема съ основательностью...» «Древній классический міръ произведеніяхъ своего творческаго генія завѣщалъ послѣдующему времени созданную имъ систему права, такъ и сокровища своего политическаго опыта, философскаго разумѣнія и народной мудрости; въ частности требуется основательное знакомство съ ученіями Платона, Аристотеля и Цицерона» (стр. 24) (и только!?).

Ограниченный узкимъ кругозоромъ классического міра, авторъ экзаменныхъ требованій, очевидно, не могъ имѣть сколько-либо выработанныхъ глубокихъ понятій о философіи, не могъ видѣть въ цѣломъ рядѣ поѣдущихъ системъ ничего, кроме противорѣчій (какъ будто и у Платона Аристотеля не было противорѣчій?), курьезовъ и понятій безъ сужденія; приковавъ свою мысль къ твореніямъ лишь Платона и Аристотеля и Цицерона, онъ долженъ былъ исключить и такія имена, какъ Спиноза, Ібница, Декартъ, Беконъ, Локъ, Бантъ, Гегель, Шталь, въ ученіяхъ которыхъ, по мнѣнію истинныхъ знатоковъ дѣла, выражается весь духъ направлениѳ духовной жизни западно-европейскихъ народовъ. Понятно и почему для него не существуетъ самой исторіи философіи. Вѣдь полный циклъ развитія имѣть только древній классический міръ, а мысль но-

нѣйшихъ народовъ совершасть, вѣроятно, не болѣе, какъ круговоротное движение!

Однако, крайнее увлеченіе автора экзаменныхъ требованій классическими мѣромъ оказалось ему въ настоящемъ случаѣ весьма печальную услугу. Вѣдь позѣстно, что истинное и непреходящее значение имѣютъ главныи образомъ этическія доктрины Аристотеля и Платона, а не политическія и соціальные, въ которыхъ великие мыслители не только не возвысились надъ окружающею ихъ средою, но подчинились всѣмъ недостаткамъ и заблужденіямъ своей націи и эпохи. Аристотель, какъ учитель древней политики, дѣйствительно высказалъ чѣсколько глубокихъ и вѣрныхъ мыслей о государственномъ строѣ, о властяхъ, но рядомъ съ этимъ онъ обрѣлъ и гражданъ, и семейственную жизнь на исключительную службу государству, чѣ считать способными къ государственной жизни всѣхъ варваровъ (не грековъ), исключая изъ числа гражданъ всѣхъ жившихъ трудами рукъ сасихъ, презиралъ ремесла и торговлю и, наконецъ, на вопросъ, есть ли люди—прирожденные рабы, отвѣчалъ «есть», и доказывалъ разумность и необходимости рабства доводами ума и данными опыта!

Что же сказать о Платонѣ, который отрицалъ бракъ и устраивалъ временные союзы мужей и женъ подъ надзоромъ государства, который отвергалъ семейныи узы и требовалъ, чтобы родители даже не знали своихъ дѣтей, который уничтожалъ собственность, загоняя людей въ общественныя жилища и мастерскія, считалъ всякий физическій трудъ дѣломъ полъмъ и рабскому, который раздѣлялъ гражданъ на наследственные постоянные классы (на основаніи правила—золото отъ золота, серебро отъ серебра), изгонялъ изъ своего государства философовъ! Подумаешь, какъ должны обрадоваться этимъ официальнымъ симпатіямъ къ Платону всѣ новѣшіе соціальные новаторы, проповѣдники Прудоновской собственности, поклонники полового подбора, участники физиологическихъ потребностей. И какая же народная мудрость выразилась въ ученіяхъ Платона и Аристотеля, созданныхъ въ періодъ упадка самобытности греческихъ государствъ и разрыва между дѣйствительной жизнью грековъ и отвлеченными идеалами мыслителей? Вѣдь Платонъ такъ мало довѣрился смыслу мудрости своихъ Аѳинъ, что искалъ исцѣленія въ учрежденіяхъ Спарты въ тайнахъ египетскихъ касть, въ мечтательномъ удаленіи отъ интересовъ и страстей своихъ современниковъ!

Объ ученіи Цицерона нѣть подобности и говорить; въ немъ нѣть и самостоятельности, ни даже эклектической силы. Цицеронъ—талантливый ораторъ, политический вождь, государственный правитель, но не философъ, не носитель народной мудрости.

По поводу современнаго увлечения классическими философами не можемъ не припомнить одной замѣчательной странности. Лѣтъ болѣе 30 назадъ въ управляющихъ высшихъ сферахъ обнаружилось крайнее недовѣреніе творчествамъ этихъ самыхъ мудрецовъ: указывали на ихъ языческое прообразование, поклоеніе материализму, на горячую защиту свободы гражданъ

республиканской независимости, на разныя тирады противъ тираповъ и зурпаторовъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія требовали воздерживаться отъ подробностей и въ особенности похвалъ при изложениі древнихъ историковъ и философовъ; и въ это именно время былъ упраздненъ въ гимназияхъ языкъ греческій, а въ училищахъ и латинскій, и взамѣнъ введенъ въ гимназію естественныя науки и законовѣданіе. Какъ измѣняются наши воззрѣнія и симпатіи!

Мы окончили разсмотрѣніе юридическихъ и политическихъ доктринъ втора экзаменныхъ требованій и выносимъ изъ нашего труда самое тяжелое и печальное впечатлѣніе.

Насъ поражаетъ не сбивчивость понятій и задачъ, не противорѣчія и колебанія и безспорныя фактическія ошибки относительно пѣкоторыхъ частей и вопросовъ права. Все это недостатки, хоть и серьезные, поистинѣ, которые едва ли могутъ нанести большой ущербъ юридической наукѣ въ русскихъ университетахъ.

Насъ удручаеть болѣе всего общий характеръ и тоць ученій и настановленій офиціального автора. Мы испуганы его реформаторскою рѣшительностью сломить все старое, снести безъ раздумья систему преподаванія, существовавшую болѣе 50 лѣтъ, образовавшую цѣлый поколѣнія, приготовившую дѣятелей по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной службы, давшую такихъ ученыхъ, какъ Неволинъ, Мейеръ, Жиряевъ, Пахнать, Калачовъ, Рѣдкинъ, Чичеріть, Иванишевъ, Морошкинъ, Бунге, Бѣлевъ, Кавелинъ и мн. др.

Взаимъ испытанной системы онъ предлагаетъ намъ какъ будто перевѣлку по образцу германскихъ университетовъ съ прибавкою «логики здраваго смысла», довѣрія «къ очевидности», забвенія различія между «предметами познанія и способами познанія», и созиданія *самодѣльныхъ теорій*, «находясь при дѣлахъ!» Между тѣмъ въ самой Германии юридические факультеты давно уже не удовлетворяютъ народившимся потребностямъ, и существующая тамъ система преподаванія, по общему отзыву законовѣдовъ, находится наканунѣ переворота въ духѣ национальности и государственного единства.

Другая тягостная для насъ черта автора офиціальныхъ доктринъ заключается въ крайней нетерпимости: онъ гонитъ философовъ и теоретиковъ, какъ какихъ-то шальныхъ и вредныхъ людей; онъ сурово вытѣживаетъ все, выходящее изъ его узкаго масштаба, и предупреждаетъ, что «все, что не выдерживаетъ суда логики здраваго смысла, не только не можетъ быть принимаемо, но даже терпимо» (стр. 1). Правда, на 1-й страницѣ онъ говоритъ, что «экзаменные требования не имѣютъ въ виду давать подробныя и систематическія программы, которыя могли бы стѣснять безъ надобности преподавателей и лишить ихъ столь дорогой вѣдѣль науки самостоятельности».

По мы еще рапыше указывали, какія узкія и одностороннія основанія предлагаетъ офиціальный авторъ для своей юриспруденціи, какъ пропа-

вольно и неправильно расширяет онъ римское право, какъ исключать изъ круга преподаванія цѣлія части правъ, какъ суживается, посредствомъ учебного плана и расписанія часовъ, вся другія юридическая науки. При такихъ условіяхъ невозможна никакая самостоятельность ни въ разработкѣ права, чи въ его изученії.

Не менѣе тягостное впечатлѣніе производить высокомѣрный, пренебрежительный тонъ офиціального автора по отношению къ наукѣ и ея дѣятелямъ: повидимому, для него нѣть ни признанныхъ научныхъ результатъ, ни авторитетовъ и заслугъ. Для него Гегель (въ которомъ, со всѣми его недостатками и заблужденіями, выразились мысль и направленіе вѣка) не болѣе какъ создатель пустыхъ абстракцій, игравшій мыслями и фигурами рѣчи! Правда, въ своемъ отзывѣ о Гегелѣ очѣь ссылается на Блунчи, но о томъ же самомъ Блунчи офиціальный авторъ говорить, будто бы «въ произвольныхъ обобщеніяхъ его преподаны такие уроки мудрости правительства», которыхъ всего лучше не слушать. Между тѣмъ Блунчи были однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и положительныхъ учителей-юристовъ, оказавъ неоцѣнимыя услуги германскому народу и наукѣ о государствѣ; онъ обработалъ лучшій проектъ швейцарского гражданскаго кодекса, сии монархи назначали его докладчикомъ при третейскомъ разборѣ международныхъ конфликтовъ.

Еще съ большімъ высокомѣріемъ трактуется офиціальный авторъ теоріи государственного права и косвенно дѣлаетъ упреки курсамъ государственного права въ нашихъ университетахъ. Въ первыхъ онъ видитъ лишь произвольныя гипотезы, противорѣчія, безнужное изобилие, въ послѣдніихъ—«повторенія западно-европейскихъ абстракцій», «сужденія безъ понятій», «готовыя, навязываемыя обобщенія», «голословныя бездоказательныя положенія», образующія «верхоглядъ», «фанатиковъ чужихъ мыслей», «пріученныхъ разсуждать о томъ, чего они не знаютъ въ дѣятельности».

Самый языкъ автора соотвѣтствуетъ этому печальному тону. Выраженія «недомысленные гипотезы», «бесмысленные бредни» (почему же еще не ерунда?), «философскіе куріозы», «брюзги чужихъ мыслей», которыи мы встрѣчали нерѣдко въ журнальныхъ статьяхъ 60-хъ годовъ (трапавшихъ о настоящей науки и умныхъ книжкахъ), то и дѣло пестрѣ страницы, на которыхъ излагаются доктрины экзаменныхъ требованій¹⁾.

¹⁾) Въ то же время языкъ этотъ тяжелый и мѣстами очень неправильный: русская монархія есть *ничто вицегенеріе*; „принцип исторического движения изъ запада есть *двоевластіе*“; сущность русского монархического начала, обязательная только для русского подданного въ практическомъ отношеніи, *имъненіе для всякого, въ политическомъ отношеніи, въ сферѣ науки русского права, силу безспорно данную въ дѣятельности принципа этой науки*“ (?! стр. 11); „по полицейскому праву от испытуемаго требуется знаніе устройствъ и функций (?) по русскому законодательству различныхъ органовъ государственной деятельности...“ По политической экономіи требуется: „*знаніе факторовъ и формъ производства...*“ По уголовному процессу (?)

Тонъ и выраженія, съ которыми офиціальный авторъ обращается къ философіи и вообще теоріямъ, удивительно напоминаютъ дижонскую рѣчь Руссо, а потому еще разъ позволимъ себѣ обратиться къ этому горячему протесту противъ цивилизациі, наукъ и искусствъ. «Я спрашиваю только,— говоритъ Руссо,—что такое философія, что содергать въ себѣ произведения самыхъ извѣстныхъ философовъ? Одинъ учить, что материі не существуетъ и что все только кажется, другой—что кромѣ материі нѣть вѣчества и кромѣ міра нѣть Бога; тотъ говорить, что нѣть ни добродѣтели, ни пороковъ, этотъ—что люди—волки, могущіе спокойно пожирать другъ друга. Слушая эти ихъ бредни, можно принять ихъ за толпу плохадныхъ шарлатановъ, называющихъ каждый къ себѣ! О, Всемогущій Боже, избави нась отъ ученыхъ бредней и гибельныхъ искусствъ и возврати намъ наше невѣжество, нашу невинность и наши добродѣтели!» Мы даже отъ мысли набрасывать тѣнь на благонадежность офиціального автора; мы вполнѣ вѣримъ искреннимъ желаніямъ его образовать «умы дѣльные, зряче, дѣйствительно знающіе, процикнутые чувствомъ реальности маstившихъ въ мірѣ нравственныхъ силъ» (стр. 13); ссылками на Руссо мы хотѣли только указать, до чего можно дойти при узкомъ кругозорѣ и склонности къ чужимъ мнѣніямъ! Всею же нашей работою мы хотѣли доказать, что для исполненія истинно высокихъ задачъ жизни и науки нужны соотвѣтственные средства и пути. Первое и необходимое словіе для дѣйствительности поученій и наставлений—мудрость змія и крохотка голубицы. Кто хочетъ внушитьуваженіе къ реальности фактовъ и авторитету нравственныхъ и умственныхъ силъ, тотъ прежде всего самъ долженъ признавать могущество этихъ силъ, подходить къ изученію ихъ съ робостью ученика, цѣнить заслуги всѣхъ искреннихъ съятелей и твердо вѣрить, что высшая истина не принадлежитъ никому и достигается лишь общими и разносторонними усилиями всѣхъ.

«Вѣрите сами хотя съ горчичное зерно, и горы послушаются вѣсъ и юдуть съ своихъ мѣсть и ничто же невозможно будетъ вамъ!»

Старый профессоръ.

Буется... „также знакомство съ самородно установленнися процессомъ Англіи...“ По политической экономії требуется... „знаніе специальныхъ ученій политической экономії, приобретенное путемъ изученія одного изъ сочиненій...“ и т. п.

Очерки санитарной статистики *).

XX.

Въ заключительной части нашихъ «Очерковъ» коснемся современного положенія санитарной статистики въ Россіи вообще и, въ частности, еї ближайшихъ и болѣе постоянныхъ пуждъ.

Существующій въ данное время въ имперіи порядокъ собственіе *динамики населения* является въ существенныхъ своихъ чертахъ однобразнымъ и общимъ для всѣхъ ея мѣстностей. Православное духовенство и соотвѣтствующія духовныя вѣдоимства другихъ исповѣданій ведутъ, тѣль называемыя, метрическія книги, въ журнальной формѣ: всѣ событія смерти, рожденія и браковъ, происходящія въ приходахъ или соотвѣтствующихъ районахъ, подлежать обязательному внесенію въ эти книги, со свѣдѣніемъ по опредѣленнымъ рубрикамъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Однажды въ годъ, именно, въ самомъ копцѣ каждого гражданскаго года, эти журнальные записи самимъ же приходскимъ духовенствомъ переводятся въ табличныя формы. Всѣ случаи смерти, произошедши въ теченіе года въ узкомъ районѣ и занесенные въ книги, получаются при этомъ распределеніе по мѣсяцамъ года, возрастнымъ категоріямъ, до чрезвычайности дробнымъ **), случаи рожденій—по мѣсяцамъ года, законные и незаконные, браки—по мѣсяцамъ года и возрастамъ брачущихся.

Эти приходскія таблицы годовыхъ разработокъ,—вѣрность составленій которыхъ удостовѣряется на каждомъ бланкѣ подписями всей коллегіи приходскаго причта и скрѣпляется подписью мѣстнаго благочиннаго,—направляются изъ приходовъ непосредственно въ мѣстный губернскій статистической комитетъ.

Здѣсь изъ приходскихъ таблицъ составляются сводки по каждому уѣзду данной губерніи, а равно и по каждому уѣздному городу. Каждое вѣроисповѣданіе имѣть свой особый счетъ на отдѣльныхъ таблицахъ. Изъ уѣзовыхъ сводокъ въ концѣ концовъ комбинируются сводки по губерніи ***).

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1900 г.

**) Таблица разработки умершихъ содержитъ въ себѣ 84 возрастныхъ категоріи.

***) Въ своемъ окончательномъ видѣ годовой отчетъ губернского статистического

Изъ губернскихъ комитетовъ годовые отчеты направляются въ С.-Петербургъ въ центральный статистический комитетъ. Здѣсь они объединяются о всей Россіи.

Конечные итоги обѣ умершихъ, родившихся и бракахъ населенія въѣздахъ и губерніяхъ впослѣдствіи публикуются въ изданіяхъ центральнаго статистического комитета и медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

Таковъ общий порядокъ современной русской статистики движенія населения. Своимъ происхожденіемъ этотъ порядокъ обязанъ весьма давнему времени. Такъ, введеніе метрической регистраціи духовенства относится къ началу XVIII столѣтія, ко времени Петра Великаго, указомъ которого было положено его основаніе; формы метрическихъ книгъ, рубрики ихъ графы ведутся съ 1838 года; паконецъ, порядокъ доставленія годовыхъчетовъ изъ приходовъ непосредственно въ комитеты, минуя всѣ другіястанціи (консисторія), установленъ съ 1867 г.

Порядокъ этотъ, какъ сказано,—общий для всей Россіи и лишь въ пѣвторыхъ второстепенныхъ деталяхъ различается по вѣроисповѣданіямъ.

Только для раскольниковъ и баптистовъ записи ведутся не духовными органами, по полицейскими учрежденіями. Изъ отдельныхъ областей ширинъ лишь Польша и Финляндія ведутъ дѣло этой статистики на основаніяхъ, опредѣленныхъ для нихъ особыми постановленіями.

Описанный порядокъ, какъ государственный, опредѣляется законоположеніями изложеннымъ въ IX т. св. зак. (1033—1098 съ прил.).

XXI.

Возьмемъ на себя представить здѣсь краткую оцѣнку описанного порядка съ точки зрѣнія научно-практическихъ требованій современной статистики.

Съ этой стороны прежде всего придется отмѣтить, что метрическая статистика духовенства относится собственно не къ событиямъ рожденія и смерти (въ наблюденіи которыхъ собственно заинтересована научная питарная статистика), но къ обрядамъ крещенія и преданія землѣ. Лишь наблюденія браковъ непосредственно совпадаютъ объекты той или другой статистики.

Однако, надо полагать, что въ результатѣ указанного условія наша статистика не терпитъ ущерба въ смыслѣ полноты наблюденій, такъ какъ интересующія ее события рожденія и смерти могутъ быть въ дѣйствительности измѣрямы мѣрою соотвѣтствующихъ обрядовъ.

Можно замѣтить лишь, что обряды несмѣлько запаздываютъ въ сравнеи съ первичными событиями. Еще болѣе могутъ запаздывать записи,

института по движению населения губерніи представляетъ весьма значительный объѣмъ: въ Московской губ., наприм., въ составъ его входятъ свыше 300 таблицъ—свои по юридамъ и вѣроисповѣданіямъ.

если процедура ихъ не составляетъ (какъ это имѣть мѣсто при существующемъ порядкѣ) акта, который бы былъ непосредственно связанъ съ обрядомъ, и совершение которого было бы регулировано закономъ: запись обычно производится сначала начернѣ и лишь впослѣдствіи вносятся въ бѣловую метрику.

Бромъ того, при существующемъ порядкѣ духовной регистрации для статистики бесслѣдно и почти цѣликомъ пропадаетъ весьма цѣнныи для статистики цѣлой матеріалъ о мертворожденныхъ: случаи послѣднаго рожденія не входятъ въ кругъ общей обрядности, почему и ускользаютъ изъ регистраціи въ своей большей половинѣ.

Болѣе существенныи замѣчанія вызываетъ порядокъ духовной статистики движенія населенія въ качественномъ отношеніи.

Едва ли возможно оспаривать, что дѣятельность духовенства по веденію регистраціи умершихъ, родившихся и браковъ у насъ въ Россіи—и не только въ условіяхъ настоящаго, но, вѣроятно, и далѣаго будущаго—должна рассматриваться по существу своему какъ истинно-статистическая дѣятельность. Какъ инстанція, регистрирующая наблюденія, духовенство занимаетъ въ описанной системѣ мѣсто, наиболѣе удобное въ интересахъ статистики, у самыхъ воротъ, черезъ которыхъ неизбѣжно проходитъ каждое событие рожденія, смерти и брака въ данной группѣ населенія. Такимъ положеніемъ наблюденію гарантированъ нормально-широкій кругозоръ и статистически-исчерпывающій характеръ.

Такова положительная и въ высшей степени важная сторона дѣла. Отсюда естественно пожеланіе о томъ, чтобы нормально поставленная дѣятельность была также и во всѣхъ прочихъ условіяхъ обставлена необходимыми положительными гарантіями въ тѣхъ же интересахъ статистики.

Однако, приходится признать, что данный порядокъ въ нѣкоторыхъ отношенииахъ серьезно погрѣшаетъ противъ требованій современной рабочей статистики. Это послѣднее усматривается: 1) въ томъ, что при наличныхъ условіяхъ статистическое наблюденіе не вооружено правильнымъ методомъ, 2) въ томъ, что въ веденіи дѣла не проведенъ принципъ нормального раздѣленія статистического труда въ послѣдовательныхъ моментахъ, и 3) наконецъ, въ томъ, что кругъ самой организаціи, въ составъ которой, въ качествѣ отдѣльнаго его звена, входитъ регистрація духовенства, отличается несовершенствомъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ своихъ частяхъ.

Формулируя эти замѣчанія, имѣемъ въ виду положенія, получившія характеръ почти аксиомъ въ воззрѣніяхъ и въ практикѣ современныхъ статистическихъ организацій. Наиболѣе удовлетворительныи и технически цѣлесообразныи методомъ собирания дробныхъ статистическихъ наблюдений (анalogичныхъ метрическимъ записямъ священниковъ) въ настоящіе времена признается всѣми, такъ называемый, карточный методъ. Общепринято, что карты, т.-е. отдѣльные документы о каждомъ отдѣльномъ случаѣ, наилучше сосредоточиваютъ вниманіе регистраторовъ на частныхъ

катахъ, подлежащихъ наблюденію, и на всѣхъ особенностяхъ этихъ поѣдникъ. Программа собираемыхъ свѣдѣній редактируется на картахъ въ дѣ простыхъ и прямыхъ вопросовъ, требующихъ здѣсь же непосредственныхъ отвѣтовъ. Въ сравненіи съ журналомъ, карта отличается большою растяжимостью въ отношеніи программы собираемыхъ свѣдѣній, или способляемостью въ смыслѣ новыхъ задачъ регистраціи, выступающихъ на очередь. Наконецъ, регулируемая необходимостью правильной и ріодической отсылки картъ въ статистическое учрежденіе, производящее разработку, система эта сама по себѣ способствуетъ регулярному венiu записей и побуждаетъ къ производству ихъ по свѣжимъ слѣдамъ.

Таковы условія морального психического воздействиа карточного метода биранія наблюденій на лицъ, обязанныхъ вести эти наблюденія.

Но та же система въ то же время является *матеріальнымъ conditione qua поп для удовлетворенія требованія, которое мы называли выше центральнымъ раздѣленіемъ труда въ статистической организациіи.*

Разумѣемъ порядокъ, при которомъ дѣятельность по биранию наблюдений обособляется отъ дѣятельности по обработкѣ этихъ наблюденій, примъ то и другое исполняется особымъ персоналомъ лицъ.

Такое раздѣленіе труда—одно изъ самыхъ главныхъ условій успѣшної статистическихъ работъ. Оно опредѣляется тѣмъ, что обѣ указанныя функции слишкомъ различаются между собою по существу своихъ профессиональныхъ признаковъ. Бирание наблюденій есть функція персонала, засѣянаго повсюду на мѣстахъ, на периферіи, где протекаютъ событія, змѣйко ближе къ мѣстонахожденію послѣднихъ. Главная задача наблюдателей сводится къ тому, чтобы не пропустить ни одного случая изъ категоріи подлежащихъ наблюденію, и въ каждомъ сфотографировать всѣ требуемые программмо признаки и особенности. Функция же разработки со занятыхъ наблюденій можетъ исполняться съ успѣхомъ лишь въ учрежденіяхъ съ центральнымъ значеніемъ. Это дѣло требуетъ специально-приговленныхъ для такой работы силъ и, кромѣ того,—и это самое главное,—инство разработки и однообразіе ея методовъ могутъ быть гарантированы исключительно лишь центральнымъ учрежденіемъ.

Въ нашемъ случаѣ нормальное раздѣленіе труда мыслится при условіи, если духовенству отведена строго ограниченная первая, перифериче- а, функция, именно, *собирание наблюдений* о родившихся, умершихъ и тахъ путемъ веденія записей на картахъ. Разработкою же этихъ поѣдниковъ, какъ функциею центрального статистического значенія, должно быть занято губернское статистическое учрежденіе, съ характеромъ соответствующей центральной дѣятельности.

XII.

Основнымъ мотивомъ, опредѣляющимъ особенности и несовершенства нашего порядка вещей, является, повидимому, положеніе и роль губернскага хр., 1900 г.

сихъ статистическихъ комитетовъ въ кругу существующей организаціи статистики движенія населенія.

Губернскіе статистическия комитеты, какъ извѣстно, учреждены у насъ еще въ 1834 году; въ данное время они дѣйствуютъ на основаніи Высочайше утвержденного о нихъ 26 декабря 1860 года Положенія (прил. къ ст. 521, т. II, Св. Зак. изд. 1876 г.). Оставляя въ сторонѣ подробности, скажемъ лишь, что въ своей распорядительной части, по составу иныхъ, комитеты чрезвычайно напоминаютъ давно уже сданные жизнью въ историческій архивъ архаическия комитеты общественнаго призрѣнія и народнаго здравія, являя собою собраніе всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей административнаго механизма губерніи; въ исполнительной же и рабочей своей части (секретарь комитета съ помощникомъ) комитеты являются, спрѣвѣ всего, специальными отдѣленіями губернаторскихъ канцелярій, съ обязанностью собирать и подготавливать статистические материалы для вселнійшихъ отчетовъ губернаторовъ. Въ частности, въ работахъ по текущей статистикѣ движенія населенія, губернскіе комитеты подчиняются центральному комитету и обязаны выполнять преподанный отсюда фокус. Такимъ образомъ, роль ихъ въ послѣднемъ отношеніи — лишь роль передаточныхъ инстанцій между духовенствомъ, какъ органомъ, собирающимъ наблюденія, и центральнымъ статистическимъ комитетомъ, какъ органомъ распорядительнаго значенія. Въ цѣляхъ же мѣстныхъ статистическихъ изыскованій въ «почему-либо замѣчательныхъ въ губерніи мѣстностяхъ» (§ 3 полож.) или «спаряженія экспедицій для изслѣдованія губерніи» (§ 5 полож.) комитеты обычно не располагаютъ ни достаточными материальными средствами, ни компетентными силами *).

*). По Положенію о губернскихъ статистическихъ комитетахъ 1860 г., „глава назначеніе сихъ комитетовъ состоять въ исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики, а именно: въ установлении въ каждой губерніи правильныхъ способовъ собирания, по требованіямъ правительства и указаніямъ центральнаго статистического комитета, точныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, народопаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи и въ повѣркѣ и обработкѣ этихъ свѣдѣній, по однообразнымъ формамъ, устанавливаемымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ свѣдѣній, собираемыхъ въ теченіе года или въ опредѣленныя сроки, составляются въ комитетахъ: 1) статистическая таблицы по разнымъ предметамъ, требуемымъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ; 2) статистическая газета, прилагаемая къ всеподданійшимъ отчетамъ губернаторовъ о состояніи вышесказанныхъ имъ управлений и другія данные для сихъ отчетовъ. Всѣ сіи таблицы и газеты должны быть непремѣнно изготавляемы и представляемы, куда слѣдуетъ, въ сроки, установленные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ“ (§ 2). Имъ поставляется въ обязанность заботиться „о составленіи подробныхъ описаний губерній, равно иъ частей оныхъ, также городовъ и особенно почему-либо замѣчательныхъ въ губерніи мѣстностей, въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско-хозяйственномъ и пр.“ и объ изданіи соответственныхъ статей описаний въ Губернскаго Вѣдомостяхъ, печатаніе памятныхъ книгъ и отдѣльныхъ монографій или описаній (§ 3). Состоять, подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ помощника предсѣдателя, членовъ непремѣнныхъ (губернскій предводитель юстиціи, вице-губернаторъ, начальствующіе отдѣльными частями) управлений въ губерніи“.

При такихъ условияхъ, естественно, губернскіе статистическіе комитеты не являются у пась въ дѣйствительности тѣми значительными статистическими органами, мѣсто которыхъ они, однако, занимаютъ въ кругу общестатистической организаціи.

Отсюда проистекаетъ то, что ближайшая низшая статистическая инстанція—каково духовенство—не обезпечивается въ своей дѣятельности надежащимъ руководствомъ. Отсюда и то, что почти за $\frac{3}{4}$ вѣка своего существованія губернскіе комитеты въ громадномъ большинствѣ губерній оссія не поставили дѣятельность духовенства по части регистрации умершихъ и родившихся въ нормальный условія, не вооружили эту дѣятельность цѣлесообразнымъ методомъ и не провели въ этомъ дѣлѣ правильного здѣшнепія статистического труда съ освобожденіемъ духовенства отъ чуждой му функции.

Для полноты картины, изображающей современную статистическую функцию духовенства, нужно, кромѣ того, представить себѣ дѣятельность, сопрягающуюся для исполнителей съ какимъ интимнымъ интересомъ. У существует требование подлежащей власти, дана форма, назначенъ срокъ. Необходимо соблюденіе этихъ требованій, а всего болѣе то, чтобы горизонтальные итоги таблицъ сходились съ вертикальными. Внѣ этого есть ничего ни впереди, ни позади. Ни одинъ священникъ, при обычныхъ словіяхъ, никогда не видитъ впѣшнихъ результатовъ своей статистической дѣятельности. Составляемая имъ приходскія таблицы сливаются въ губернскомъ комитетѣ въ уѣздины и губернскія сводки. Если печатаются ги материалы, то лишь въ самыхъ общихъ итогахъ. Изъ конечныхъ данныхъ этой статистики, впослѣдствіи публикуемыхъ, можно узнать, что есть 5—6 тому назадъ въ томъ или другомъ уѣздѣ или губерніи наблюдалась высокія числа умершихъ. Однако, эти свѣдѣнія, надо думать, едва и когда-нибудь доходятъ до своего первоисточника — сельского священника, такъ какъ печатаются въ специальныхъ изданіяхъ медицинскаго департамента или центральнаго статистического комитета.

Обстоятельству этому нельзя отказать въ большомъ значеніи, такъ какъ такая постановка дѣла неизбѣжно влечетъ за собою преобладаніе

зріїи по вѣдомствамъ, директоръ губернскихъ училищъ, профессоръ статистики, іенъ духовной консисторіи и другихъ исповѣданій, городской голова губернскаго урада), дѣйствительныхъ (изъ лицъ могущихъ быть полезными комитету, сюда же относятся уѣздинные предводители дворянства) и почетныхъ. Для производства дѣлъ предѣляется секретарь комитета съ окладомъ жалованья (750 р.). Онъ ведеть всѣ заботы комитета и хранить всѣ его дѣла. Губернскіе комитеты имѣютъ право требовать содѣствія для своихъ изысканій и работъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, подчиненныхъ губернскому начальству (§ 14); могутъ снаряжать экспедиціи для мѣстныхъ засѣдованій губерніи (§ 15). Подчиняются въ отношеніи производства работы и научного направленія центральному статистическому комитету (§ 16). На содержаніе губернскаго статистического комитета назначается штатная сумма отъ 1,500 до 2,000 руб. съ пособіемъ, где возможно, изъ доходовъ мѣстной губернской типографии (§ 21).

механичности надъ сознательнымъ отношеніемъ, причемъ погашается всѣй интересъ со стороны исполнителей, и живое дѣло ставится на почту рутинного отбыванія непрятной повинности.

Все сказанное о дѣятельности православнаго духовенства, съ точки зрења требованій статистики, относится, безъ сомнѣнія, совершенно одинаково и къ соответствующей функции духовенства прочихъ исповѣданій, такъ какъ здѣсь все виждется на тѣхъ же основаніяхъ. Относительно регистрации смертности и рождаемости въ средѣ раскольниковъ,—что находится въ вѣдѣніи полицейскихъ учрежденій,—слѣдуетъ сказать, что она ведется вообще неудовлетворительно и оставляетъ желать весьма многаго даже въ количественномъ отношеніи. Существуютъ указанія изъ некоторыхъ мѣстностей, удостовѣряющія, что иногда регистрація эта не исчерпывается, повидимому, даже $\frac{1}{2}$ части всѣхъ въ дѣйствительности имѣющихъ мѣсто въ средѣ раскольничьяго населенія—случаевъ рожденія и смерти *).

Сошлемся въ заключеніе на общепризнанный авторитетъ покойнаго проф. Ю. Э. Янсона. «Кто знакомъ съ статистическими операциами,—говорить онъ въ своей «Теоріи статистики»,—тотъ понимаетъ, что производить выборку изъ первоначальныхъ записей, къ тому же столь же удобныхъ, какъ наши метрики, и сводить эти данные въ таблицы—это неизглѣдное, требующее много времени и большого вниманія. Работа приводитъ усложняется еще формами таблицъ, каждый отдѣльный которыхъ содержитъ въ себѣ разныя комбинаціи однихъ и тѣхъ же показаний, вслѣдствіе чего сдѣланная однажды ошибка проходить черезъ цѣлый рядъ таблицъ и можетъ быть найдена и исправлена только послѣ провѣрки множества отдельныхъ итоговъ. Если принять во вниманіе, что приходское духовенство, занятое исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, смотрить на составленіе таблицъ изъ метрическихъ записей какъ на излишнее бремя, то становятся понятными тѣ многочисленныя ошибки, которыя встрѣчаются въ получаемыхъ изъ приходовъ вѣдомостяхъ. Къ неточностямъ, существующимъ въ этихъ вѣдомостяхъ, присоединяются еще новыя, при обработкѣ данныхъ губернскими статистическими комитетами. Какъ известно, послѣдніе не располагаютъ достаточными средствами для привлеченія къ работѣ людей опытныхъ и вынуждены поручать сводку разныя писцамъ и канцелярскимъ чиновникамъ, часто не знающимъ твердо первыи четырехъ правилъ ариѳметики, за самое скудное вознагражденіе. Всѣ эти вѣдомости всѣхъ этихъ обстоятельствъ таблицы по движению населенія, получаемыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ изъ мѣстныхъ комитетовъ, оказываются часто весьма неудовлетворительными и, при обработкѣ ихъ нечati, должны въ большинствѣ случаевъ передѣлываться почти заново.

*) См., наприм., въ Московской губерніи „Свѣд. о заразн. бол. и санит. орг. орган. въ Моск. губ.“, 1899 г., № 11, стр. 20.

и иногда даже, какъ вполнѣ негодныя, совсѣмъ не подвергаться разработкѣ. Бывали случаи, наприм., что комитетъ цѣликомъ списывалъ таблицы одного года съ таблицъ предыдущаго и въ такомъ видѣ доставлялъ ихъ въ центральный статистический комитетъ *).

ХХIII.

Если вкратцѣ резюмировать изложенное выше о существующемъ порядкѣ статистики естественного движенія населенія, то порядокъ этотъ можно характеризовать тѣмъ, что органы съ собственно статистическимъ значеніемъ дѣятельности располагаются здѣсь лишь на концахъ системы: въ селахъ—духовенство (какъ инстанція, собирающая первичныя наблюденія о смертности, рождаемости и брачности въ средѣ населенія) и въ С.-Петербургѣ—центральный статистический комитетъ (какъ учрежденіе распорядительное). Въ громадномъ промежуткѣ, раздѣляющемъ обѣ эти инстанціи, располагаются губернскіе статистическіе комитеты, учрежденія, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, отвѣчающія канцелярскому бюрократическому типу. Самая существенная особенность системы въ томъ, что духовенство не только собираетъ первичные элементы статистики въ средѣ населенія, но и производить съ ними статистическая манипуляція, воплощая ихъ въ форму комбинаціонныхъ сводныхъ таблицъ, т.-е. статистическихъ документовъ 2-го порядка. Въ связи съ этимъ губернскіе статистическіе комитеты выражаютъ въ своей дѣятельности по части статистики движенія населенія—крайній *minimum*, ограниченный лишь составленіемъ сводокъ изъ готовыхъ приходскихъ документовъ, по шаблонамъ центрального статистического комитета.

Система эта создана была служить цѣлямъ государственной статистики, притомъ тогда, когда еще не существовало иныхъ требованій и иныхъ запросовъ по части того наблюденія за жизнью населенія, которое основывается на статистическомъ методѣ. Естественно поэтому, что разъ установленная, какъ выраженіе идеи государства, система эта переживаетъ ряды

* Ю. Янсонъ: „Теорія статистики“, 1887 г., стр. 372—373.

По Г. Майру преимущества централизованной разработки статистическихъ материаловъ: 1) освобожденіе периферическихъ органовъ отъ тягостной для нихъ, мало симпатичной и потому обыкновенно плохо исполняемой ими работы по изготовлению первичныхъ таблицъ; 2) передача этой работы органу, для которого она представляеть вполнѣ живой интересъ; 3) однообразіе процесса работы, особенно важное въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется подведеніе частныхъ случаевъ въ общія категоріи; 4) возможность организаціи тщательного и постоянного контроля; 5) примѣненіе наиболѣе совершенныхъ техническихъ приемовъ, въ особенности же электрическаго подсчета, который требуетъ строгой централизации; 6) возможность наиболѣе широкаго использования первоначального материала путемъ составленія детально подраздѣленныхъ и комбинированныхъ таблицъ, заполненіе которыхъ при децентрализованной работѣ представило бы величайшія, а иногда прямо непреодолимыя трудности. Г. Майръ. „Статистика и обществовѣданіе“. Т. I., стр. 100.

покойный и остается въ теченіе столѣтія незыблемою и неподвижною, въ то время какъ въ основахъ ея не предусматриваются потребности растущей и развивающейся общественной жизни.

Между тѣмъ, со временемъ установленія этой системы общественное самознаніе въ Россіи ушло далеко впередъ. Возникла и сформировалась дѣятельность земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, и въ кругу этой послѣдней нашла себѣ свое мѣсто общественная медицина. Положено начало организованной дѣятельности, обязанной преслѣдовать санитарные интересы сельского населенія, и эта послѣдняя дѣятельность съ первыхъ днѣвъ своего появленія въ жизни встрѣтилась съ задачею—установить методъ правильного наблюденія за общественнымъ здоровьемъ, т.-е. съ необходимостию рациональной санитарной статистики.

Ниже будетъ особо сказано о томъ, что сдѣлано нашими общественными учрежденіями въ интересахъ той отрасли санитарной статистики, которая сосредоточиваетъ свое наблюденіе собственно на болѣзnenности населения. Отчасти это уже ясно изъ приведенныхъ выше многочисленныхъ цитатъ, взятыхъ нами изъ статистическихъ работъ московского земства. Эту отрасль статистики общественнымъ учрежденіямъ пришлось создавать авово.

Можно сказать, что, если ничего особенно не содѣствовало творчеству этой работы, то ни съ какой также стороны не возникало интереса воздвигать для нея препятствія.

Нѣсколько иное положеніе создалось въ дѣлѣ статистики смертности, гдѣ общественные начинанія встрѣтились лицомъ къ лицу съ формами, уже готовыми, воплощенными въ жизни, созданными для цѣлей государственной статистики, неподвижными и тщательно охраняемыми.

Почти повсюду въ земскихъ губерніяхъ, лишь только возникли санитарные учрежденія въ видѣ съѣздовъ врачей, санитарныхъ бюро, санитарныхъ совѣтовъ, вскорѣ же заявлялась потребность изученія элементовъ смертности и рождаемости мѣстного населенія. Въ послѣдующемъ, по крайнему случаю, какъ санитарные учрежденія укрѣпляютъ свое положеніе въ общественномъ сознаніи и въ житейской практикѣ, назрѣваетъ все болѣе и болѣе потребность—сдѣлать наблюденіе за смертностью населения постояннымъ текущимъ активнымъ дѣломъ общественно-санитарныхъ органовъ, въ цѣляхъ санитарной диагностики, объединивъ данный методъ съ наблюденіемъ болѣзnenности, которое было создано самими общественными учрежденіями и находится въ ихъ рукахъ.

Уже въ первомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе во второмъ—запросы развивающейся дѣятельности неизбѣжно приходили въ столкновеніе съ условиями неподвижного привилегированного порядка, освященного временемъ. Такимъ образомъ съ этой стороны скоро выяснилась потребность реформъ въ дѣлѣ нашей офиціальной статистики движенія населения.

Вопросъ о началахъ, на основаніи которыхъ должна быть, въ интересахъ общественной санитарной дѣятельности въ Россіи, произведена ре-

организація статистики движенія населенія,—разработанъ уже давно. Еще II-й съездъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, происходившій въ Москвѣ въ 1887 г., основателемъ русской санитарной статистики, д-ромъ Е. А. Осиповыи, былъ ознакомленъ съ вопросомъ «о настоящихъ нуждахъ русской санитарной статистики». Согласно предложенніямъ докладчика, съездъ постановилъ ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ «о передачѣ дѣла веденія статистики народонаселенія въ земскія и городскія учрежденія». Въ общественныхъ учрежденіяхъ статистика народонаселенія признана подлежащею санитарнымъ органамъ. Съездъ призналъ также необходимость введенія карточной системы для регистраціи умершихъ, родившихся, браковъ въ селеніяхъ.

Въ тому же вопросу возвратился IV съездъ Общества русскихъ врачей, бывшій въ Москвѣ въ 1891 г., по докладамъ д-ровъ А. В. Корчакъ-Чепурковскаго и Д. Н. Жбанкова, и далѣе—V съездъ, бывшій въ С.-Петербургѣ въ 1894 г., по докладу д-ра И. А. Дмитріева *).

Однако, эти ходатайства съѣзовъ до сихъ поръ никакъ не подвижнули дѣла въ желаемомъ направлении. Въ общемъ положеніи официальной статистики движенія населенія въ Россіи до сихъ поръ сохраняется порядокъ, установленный въ началѣ истекающаго столѣтія. Лишь въ немногихъ губерніяхъ (Курская, Московская, С.-Петербургская, Тверская и нѣк. др.), путемъ мѣстныхъ воздействиій и соглашеній, въ интересахъ общественной санитарной дѣятельности, проведена въ практику духовенства карточная система записей, съ раздѣленіемъ процедуры регистраціи отъ разработки и сосредоточеніемъ послѣдней въ губернскихъ статистическихъ учрежденіяхъ. Лишь въ двухъ случаяхъ (губерніи Курская и Московская) установлены болѣе тѣсный modus vivendi между губернскимъ статистическимъ комитетомъ и земскими санитарными бюро по разработкѣ карточныхъ материаловъ о родившихся и умершихъ въ этихъ губерніяхъ,—къ огромной обоюдной пользѣ для этихъ обоихъ органовъ **).

Разрешеніе основного вопроса статистики движенія населенія въ Россіи, по нашему глубокому убѣждению, остается и въ настоящее время такимъ же, какъ оно было намѣчено II пироговскимъ съѣздомъ, т.-е. въ смыслѣ развитія статистической дѣятельности мѣстныхъ учрежденій и передачи сюда также и этой статистики. Пока же этого пѣть, повидимому, остается лишь добиваться проведения болѣе рациональныхъ формъ въ дѣло

* См. Е. И. Шидловский: „Сводъ постановлений и работъ I—VI всероссійскихъ съѣзовъ врачей“, изд. Общ. русск. врач. въ память Н. И. Пирогова. Москва, 1899 г., стр. 51, 82, 84 etc.

**) Въ Московской губерніи карточная система регистраціи духовенствомъ родившихся и умершихъ существуетъ съ 1896 г. и введеніе ся связано съ именемъ покойнаго секретаря московского губернскаго статистического комитета М. А. Саблинѣ. М. А. Саблинѣ земская санитарная организація Московской губерніи обязана благополучнымъ разрѣшеніемъ этого дѣла, а также постановкою разработки этихъ материаловъ въ соотвѣтствии съ земскими потребностями.

этой статистики, какъ это указано было выше, и желать возможно широ-
каго и безпрепятственнаго развитія соглашеній между губернскими коми-
тетами и санитарными бюро земствъ и городовъ.

Къ сожалѣнію, приходится нерѣдко констатировать чрезвычайныя пре-
пятствія, встрѣчаемыя представителями общественной санитаріи въ дѣль
проведенія болѣе совершенныхъ формъ въ существующія условія местной
статистики движенія населенія *).

Въ заключеніе позволимъ себѣ кратко резюмировать здѣсь наши по-
ложенія по вопросу о современномъ состояніи у насъ статистики движе-
нія населенія и о нуждахъ этой статистики, какъ эти положенія были
формулированы нами въ докладѣ совѣщанію русскихъ санитарныхъ ста-
тистиковъ, организованному правленіемъ Общества русскихъ врачей въ и-
мять Н. И. Пирогова 15—19 февраля 1900 г. **).

1. Существующій порядокъ статистики движенія населения преслѣдуется

*) Въ качествѣ иллюстраціи этого послѣдняго замѣчанія, приведемъ примѣръ о
ходѣ даннаго вопроса въ Нижегородской губерніи въ 1899 году по опубликованнымъ
официальнымъ свѣдѣніямъ. Въ засѣданіи нижегородского губернского статистиче-
скаго комитета 28 сентября 1899 г. членомъ комитета С. И. Лавровымъ (занѣду-
щимъ санитарнымъ бюро губернскаго земства) внесена была докладная записка, съ
предложеніемъ, на основаніи общепризнанныхъ преимуществъ карточной системы
записей, ввести посѣднія для регистраціи родившихся, умершихъ и браковъ такжѣ
и въ Нижегородской губерніи. На предложеніе это секретаремъ комитета А. И. Звѣздинъ сдѣланъ былъ рядъ возраженій, сущность которыхъ сводится къ слѣду-
ющему. Составленіе метрическихъ таблицъ производится, въ большинствѣ случаевъ,
не самими священниками, а „поручается псаломщикамъ и дьяконамъ“. Если посѣдніе не всегда успѣшно справляются съ простой табличной формой, въ одинъ годич-
ный срокъ, то еще менѣе основаній надѣяться, что они успѣшно справлятся съ кар-
точкою, которая значительно сложнѣе таблицы“. Успѣхъ будетъ, кромѣ того, постав-
ленъ въ зависимость отъ аккуратнаго доставленія картъ духовенствомъ. Могутъ
быть значительные пробѣлы въ картахъ. Трудно согласиться съ тѣмъ, что работа
церковнаго причта при введеніи карточной системы регистраціи будетъ облегчена.
Къ мнѣнію г. секретара комитета примкнули также члены комитета священники
Добровольскій и Доброраковъ. Постановлено—обсужденіе настоящаго вопроса отло-
жить до обстоятельной разработки его губернскою земскою управой (LXXVI засѣ-
даніе и отчетъ о дѣятельности нижегородскаго статистического комитета за 1898 г.
Нижній-Новгородъ, 1900 г., стр. 19—21).

Не можемъ не высказать недоумѣнія по поводу приведенной аргументаціи г. се-
кретаря нижегородскаго статистического комитета. Какимъ образомъ то обсто-
тельство, что „составленіе метрическихъ таблицъ въ большинствѣ случаевъ пору-
чается псаломщикамъ и дьяконамъ“, возможно считать, въ интересахъ статистики,
не злоупотреблениемъ, но фактъ столы нормальныи и законныи, что существо-
ваніе такого порядка можетъ даже служить препятствіемъ введенію карточной си-
стемы записей? Какимъ образомъ, имѣя опытъ въ статистикѣ, возможно утверждать,
что „карточка значительно сложнѣе таблицы“, разумѣя подъ карточкой, какъ это
общепринято, документъ, соотвѣтствующій первичному наблюденію, и подъ табли-
цею—документъ 2-го порядка, соотвѣтствующій разработкѣ первичныхъ данныхъ?

**) См. „Труды совѣщанія по санитарно-статистическимъ и санитарнымъ вопро-
самъ“. Прил. къ журналу Общества № 2—3 за 1900 г.

исключительно задачи государственной статистики. Въ цѣляхъ послѣдней на мѣстахъ ведется статистическая регистрація умершихъ, родившихся и браковъ духовенствомъ (и др. учрежденіями), и въ С.-Петербургѣ дѣйствуетъ центральный статистический комитетъ съ заченіемъ распорядительного органа. Мѣстные губернскіе статистические комитеты въ этой системѣ являются лишь инстанціями, по преимуществу, собирающими и передающими материалы, канцелярского типа.

2. Духовенство и учрежденія, ведущія регистрацію умершихъ, родившихся и браковъ, съ точки зрењія раціональной статистики, находятся въ неудовлетворительномъ положеніи, какъ статистические органы, вслѣдствіе: 1) совмѣщенія функций по собиранию свѣдѣній и по ихъ разработкѣ въ одномъ и томъ же персоналѣ лицъ; 2) отсутствія карточнаго метода въ веденіи записей; 3) отсутствія необходимаго руководства со стороны статистической инстанціи 2-го порядка и 4) вслѣдствіе неизбѣжнаго при данныхъ условіяхъ со стороны регистраторовъ отсутствія интереса къ исполненіемъ ими статистической работѣ.

3. Санитарная дѣятельность въ Россіи, созданная и руководимая общественными учрежденіями, настоятельно требуетъ раціональной постановки статистики движенія населенія и развитія той мѣстной статистической дѣятельности, каковая отсутствуетъ въ данное время въ системѣ статистики государственной. Равномѣрно, государственная статистика можетъ получить прочныя основанія единственно при такой постановкѣ мѣстной статистики, которая отвѣчала бы научно-практическимъ требованіямъ.

4. Раціональная постановка статистики движенія населенія, согласно основному положенію статистической методики, предполагаетъ, что персоналъ, ведущій на мѣстахъ дѣло регистраціи умершихъ, родившихся и браковъ, освобождается отъ разработки собираемыхъ имъ свѣдѣній, каковая производится органами центрального характера. Правильное раздѣленіе статистического труда достигается введеніемъ регистраторами карточной системы записей и разработкою карточныхъ материаловъ въ центральныхъ губернскихъ учрежденіяхъ.

5. Потребности мѣстной санитарной дѣятельности могутъ удовлетворяться: 1) ближайшимъ путемъ, если карточные материалы для разработки поступаютъ прямо въ санитарно-статистическое бюро общественныхъ учрежденій, или 2) посредственно, если въ формахъ разработки картъ въ комитетахъ принимаются во вниманіе потребности общественно-санитарныхъ организаций; при этомъ послѣднія, кромѣ того, имѣютъ ближайший доступъ къ карточнымъ материаламъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ.

6. Потребность реформы въ дѣлѣ регистрации движенія населенія является общею для всѣхъ мѣстностей Россіи; въ тѣхъ же губерніяхъ, где существуютъ санитарно-статистическая организація общественныхъ учрежденій, реформа неотложна.

7. Введеніе карточной регистраціи умершихъ, родившихся и браковъ, съ раздѣленіемъ регистраціи отъ разработки, могло бы быть достигнуто

путемъ общаго распоряженія съ законодательнымъ значеніемъ для всѣхъ мѣстностей; въ этомъ смыслѣ оно могло бы быть предметомъ ходатайства всероссийскаго Пироговскаго Общества, мотивируемое какъ интересами государственной статистики, такъ и потребностями мѣстной санитарно-статистической дѣятельности.

8. До удовлетворенія общаго ходатайства для мѣстныхъ учрежденій остается путь осуществленія желательнаго порядка также и другими способами, возможными по мѣстнымъ условіямъ (мѣстныя ходатайства, соглашенія съ комитетами и т. д.).

9. Введеніе карточной системы регистрации по движению населения и послѣдующая разработка картъ сопрягаются съ извѣстными расходами. Такъ какъ реформа отвѣчала бы потребностямъ не только мѣстныхъ учрежденій, но и государственной статистики, естественно пожелать, чтобы въ этихъ расходахъ приняло участіе также и государство.

XXIV.

Необходимо сказать теперь вѣсколько словъ относительно учета состава населения, т.-е. опредѣленія его численности, возрастного и профессионального состава, гражданского состоянія и т. д., однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ признаковъ, совокупность которыхъ обрисовываетъ т. н. *статику* населения. Такое опредѣленіе производится путемъ периодическихъ и однодневныхъ переписей, всенародныхъ — совершаемыхъ государствомъ, и мѣстныхъ — совершаемыхъ общественными учрежденіями, черезъ подлежащіе имъ органы. Другимъ источникомъ свѣдѣній по статицѣ населения представляются т. н. текущіе списки населения, журналы, где зарегистрированъ составъ населения, съ опредѣленною наличностью признаковъ, и куда вносятся всѣ измѣненія въ этомъ составѣ и признакахъ, по мѣрѣ ихъ происхожденія. Однако, повсемѣстнымъ опытомъ выяснено, что текущіе списки нуждаются въ проверкѣ и исправлениихъ отъ времени до времени путемъ переписей, такъ что значеніе этого послѣдняго метода счисленія стоитъ безусловно на первомъ планѣ.

Избѣгая вдаваться въ большія подробности статистики, скажемъ лишь, что производство учета населения имѣть свою превосходно разработанную теорію и твердо поставленную практику. То и другое видимъ на Западѣ, особенно въ Германіи, Англіи и на Скандинавскомъ полуостровѣ.

У насъ въ Россіи государственный учетъ населения до сихъ поръ производился путемъ т. н. ревизій и лишь 1897 годъ ознаменовался производствомъ первой всенародной переписи и открываетъ собою такимъ образомъ новую эпоху нашей культурной жизни. По закону 5 июня 1895 года (первой переписи), отныне производство всенародныхъ государственныхъ переписей также и въ Россіи будетъ совершаться periodicки, черезъ извѣстное число лѣтъ.

Не останавливаясь здѣсь на переписяхъ, совершаемыхъ въ интересахъ государства, какъ единаго цѣлаго, черезъ тѣ или другіе сроки, всенародно и повсемѣстно, полагаемъ для всѣхъ несомнѣнныи то, что, помимо тихъ переписей, полное, широкое и законное право въ жизни должно быть предоставлено также переписи мѣстнымъ, погубернскимъ. Эти послѣднія переписи должны совершаться въ интересахъ хозяйства нашихъ общественныхъ учрежденій, всѣ отрасли котораго, безъ единаго исключенія, въ высшей степени заинтересованы въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, касающихся подробнаго состава признаковъ населенія. Кромѣ санитарного дѣла, нуждающагося въ знаніи численности, возрастного и профессіонального состава населенія для цѣлей статистики болѣзnenности и смертности населенія, укажемъ, для примѣра, на школьній отдѣлъ, нуждающійся въ знаніи статистики школьніхъ возрастовъ населенія, ветеринарный — въ знаніи распределенія скотовладѣнія въ губерніи, дальнѣкономический, дорожный и т. д., и т. д. И эти частные переписи, въ мѣстныхъ интересахъ, должны и могутъ производиться, конечно, несравненно чаще, чѣмъ тяжеловѣсныя, требующія многомилліонныхъ расходовъ огромной арміи исполнителей, переписи государственные. Мѣстные переписи, при этомъ, требуютъ программъ, по большей части болѣе сложныхъ специализированныхъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ начинаний, въ которыхъ заинтересованы общественные учрежденія въ каждое данное время, между тѣмъ какъ государственные переписи, съ надеждою на спѣхъ, могутъ слѣдовать лишь самыми простыми программами.

Не гонясь за передовыми и богатыми странами Запада, давно уже становившими у себя порядокъ производства переписей черезъ каждые 10 лѣтъ, для земскихъ губерній мы признали бы нормальною потребность производства мѣстныхъ переписей по крайней мѣрѣ черезъ каждыи 10 лѣтъ, причемъ, въ интересахъ общаго дѣла, переписные годы могли бы быть пріятны, по возможности, общими, по крайней мѣрѣ, для смежныхъ губерній.

Едва ли нужно говорить о томъ, что мѣстные переписи — всесѣло дѣло мѣстныхъ учрежденій, земскихъ и городскихъ, и исполняются статистическими органами этихъ послѣднихъ, какъ ихъ професіональная работа, при прокомѣ участіи мѣстныхъ общественныхъ и общественно-научныхъ имъ.

Изъ этой сферы дѣятельности общественныхъ учрежденій государство, безъ сомнѣнія, будетъ получать также свою дачу. Съ одной стороны, всѣ результаты учета населенія, въ общихъ копечныхъ итогахъ, будутъ пригодны для цѣлей также и государственной статистики во всѣхъ ея отрасляхъ. Съ другой стороны, мѣстные переписи являются въ высшей степени полезнымъ элементомъ въ общемъ строѣ, какъ школа для переписей государственныхъ. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства, послѣ опыта переписи 1897 года, вѣроятно, уже будетъ очевидно для всѣхъ.

Поэтому, естественнымъ и нормальнымъ отношеніемъ государства къ

производству общественными учреждениями местныхъ переписей населенія было бы, по нашему убѣжденію, лишь отношеніе доброжелательное и по-кровительственное. Исходя изъ того, что государство заинтересовано въ развитіи этого дѣла, вполнѣ естественно было бы пожелать, чтобы, въ цѣляхъ производства народныхъ переписей, со стороны государства оказывалась такая материальная поддержка общественнымъ учрежденіямъ, подобно тому, какъ это, напр., по закону февраля 1899 года, имѣть место для промышленности земскихъ опѣконочныхъ работъ.

Что касается 1897 года, то, судя по всѣмъ признакамъ, скоро, кажется, ни для кого уже не будетъ тайною малая удача, постигшая съ первою переписью русскую статистику. Реализація этой переписи въ количественномъ отношеніи такова, что нѣкоторыми авторами срокъ обнародованія всѣхъ ея результатовъ опредѣляется не ранѣе 30-ти лѣтъ со дня совершенія, т.-е. тогда, когда всѣ свѣдѣнія уже въ достаточной мѣрѣ устарѣютъ. Другіе отодвигаютъ этотъ срокъ еще далѣе. Что касается качественной стороны, въ литературѣ накопилось уже весьма немало замѣнъ, исходящихъ, повидимому, отъ компетентныхъ и близко стоящихъ къ дѣлу переписи лицъ,—рисующихъ реализацію переписи 1897 г. въ чрезвычайно безотрадномъ и почти въ безнадежномъ видѣ. И заявленія эти до сихъ поръ ни съ какой компетентной стороны не были опровергнуты.

Такой результатъ опыта 1897 года, вѣроятно, для многихъ не представится вполнѣ неожиданнымъ. Дѣло въ томъ, что какъ при исполненіи подготовительныхъ работъ къ переписи 1897 года, такъ и при самомъ ея производствѣ на мѣстахъ, и далѣе при разработкѣ собранныхъ переписью материаловъ, было совершенно преображеніе русское общество и была послѣдовательно отодвинута въ сторону та единственная въ Россіи школа переписей, которая имѣется у насъ въ области вѣдѣнія общественныхъ учреждений земскихъ и городскихъ. Замѣчательный, безпримѣрный фактъ, который безъ сомнѣнія, будетъ особо отмѣченъ въ исторіи русской статистики^{*}.

^{*}) Изъ литературныхъ характеристикъ положенія дѣла переписи 1897 года упомяну на обширную статью г. О-ко въ кн. 4 журнала *Народное Хозяйство* въ 1900 году, содержащую въ себѣ подробный и обстоятельный разборъ всей процедуры переписи, на основаніи личного знакомства автора съ дѣломъ этой переписи. Въ виду громаднаго интереса вопроса, позволимъ себѣ вкратцѣ привести здесь кѣсть рѣзкѣе общіе выводы этой работы.

При приготовительныхъ работахъ къ столъ сложному и трудному дѣлу, изъ однодневная всеобщая перепись въ столъ обширной странѣ, особенное вниманіе належало обратить на созданіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя могли бы облегчить задачи переписи.

Сюда относятся: улучшеніе мѣстныхъ статистическихъ учреждений, изданіе популярныхъ книгъ, объясняющихъ значеніе и пріемы исчисленія населенія, устройство сѣвѣдовъ и публичныхъ чтеній, поощреніе земствъ и городовъ къ такого рода работамъ и т. д. Однако, ничего подобнаго сдѣлано не было,—и въ этомъ одна изъ причинъ причинъ того безотраднаго положенія, въ которомъ въ настоящее время представляется дѣло первой переписи.

Законъ 5 июня 1895 года установилъ лишь однодневность, всенародность и перво-

XXV.

Переходимъ къ тому отдѣлу санитарной статистики, который посвященъ учению болѣзnenности населенія.

Въ смыслѣ общей характеристики можно сказать съ большими правомъ, о, поскольку условія статистики движения населения, какъ это было азано выше, вообще однообразны въ разныхъ губерніяхъ, почти по-ольку же разнообразны условія постановки статистики болѣзnenности въ зныхъ мѣстностяхъ земской Россіи.

шность переписей въ Россіи и намѣтила общую организацію первой переписи иogramму свѣдѣній, чрезвычайно широкую, основанную на требованіяхъ международнѣ Конгрессовъ, мало отвѣчающихъ условіямъ нашей страны. Кроме того, эта ограмма была еще расширена со стороны главной переписной комиссіи, включивъ сюда новые вопросы. Такимъ образомъ, о каждомъ лицѣ должно было быть собрано вопросовъ о мужчинахъ и 17 о женщинахъ. Нѣкоторые вопросы, въ томъ чис-
лѣ оказались сложными и не вполнѣ опредѣленной редакціи.

Далѣе, по закону 5 июня, составъ всѣхъ органовъ переписи, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, былъ обоснованъ почти исключительно на бирократическихъ си-
стѣ, что въ свою очередь не могло не отразиться въ самомъ неблагопріятномъ
мѣсяцѣ на ходѣ переписного дѣла. Главная переписная комиссія, центральный
кодоводитель всего дѣла, была составлена также изъ представителей одной лишь
бюрократіи „съ весьма слабымъ дополненіемъ къ ней представителей науки“, безъ
влияния общественного и техническаго элементовъ. Подготовительные работы произ-
водились въ тиши кабинетовъ, безъ опубликованія проектовъ въ печати и совѣщенія
обществомъ. Послѣднее было забыто при этомъ до такой степени, что о главныхъ
законченіяхъ предстоящей переписи оно узнало лишь изъ отчета о засѣданіи между-
народнаго статистического Института въ августѣ 1895 г. въ Бернѣ, где „директоръ
статистического комитета любезно ознакомилъ статистиковъ всѣхъ странъ съ глав-
ными основаніями первой русской переписи, когда русскіе статистики и русское
общество еще ничего не знало объ этомъ чрезвычайно важномъ для нихъ дѣлѣ“.
же повторилось впослѣдствіи въ 1899 г., когда русское общество и статистике о
законченіи дѣла разработки переписи узнали изъ сообщенія директора статисти-
ческаго комитета въ одномъ изъ засѣданій статистического Института въ Христіаніи.
лья не выразить сожалѣнія,—говорить авторъ,—что „русскому обществу и ру-
сскимъ ученымъ отказано было даже въ простомъ вниманіи, если уже признано было
имъ совѣщеніе съ ними“.

Неудивительно, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, что главная переписная
комиссія не справилась съ своею задачею. Она смотрѣла на свое дѣло, какъ на
личную канцелярскую работу. Выработанные комиссией разнаго рода инструкціи,
ставленія, формуляры и т. д., имѣвшіе цѣлью приспособить общія начала къ раз-
образнѣйшимъ условіямъ русской дѣйствительности, носили казенный характеръ,
зъясняли чаще всего то, что было понятно само по себѣ, и обходили молчаніемъ
главныхъ трудностей дѣла.

Фактическое участіе въ переписи и личное знакомство съ материалами даетъ
тору право заявить, что собранный переписной материалъ получилъ удовлетво-
рительнымъ по рубрикамъ простымъ и не вызывавшимъ сомнѣній, по прочимъ же, нуж-
вавшимся въ объясненіяхъ, которыхъ, однако, не дала комиссія въ своихъ „На-
значеніяхъ“, „Правилахъ“ и т. д., замѣчается крайняя пестрота, разнообразіе
глѣдовъ, вслѣдствіе чего трудно признать переписной материалъ въ этой части
олько-нибудь удовлетворительнымъ“.

Въ то время какъ для первой болѣе простой отрасли статистической познанія потребностями общегосударственной жизни создать былъ одновременный и однообразный шаблонъ, русская общественная самодѣятельность съ большою послѣдовательностью и постепенностью выработывала и развивала формы статистики болѣзпнности населения. И этотъ создательный періодъ, если не въ смыслѣ самого творчества, то въ смыслѣ воплощенія реальныхъ формъ въ жизни,—еще не можетъ считаться за-

Разработка материаловъ, собранныхъ переписью, поручена была центральною статистическому комитету, и здѣсь признано было излишнимъ даже соглашеніе съ представителями административныхъ вѣдомствъ. Полный проектъ работы „не только не подвергался разработкѣ, но даже не былъ составленъ и явился дѣломъ чисто случайнымъ, дѣломъ усмотрѣнія 2—3 лицъ“.

Приступивъ къ разработкѣ переписи безъ совѣта съ людьми, практическими и теоретическими знакомыми съ дѣломъ, комитетъ, по мнѣнію автора, „проявилъ столь смысли, что переписи угрожаетъ серьезная и несомнѣнная опасность не только потерять всякое научное, но въ значительной мѣрѣ и практическое значеніе“. Результаты разработки, уже полученные въ данное время, какъ оказывается, не въ состояніи удовлетворить даже ближайшимъ административнымъ потребностямъ пѣтыхъ вѣдомствъ.

Со времени переписи прошло $3\frac{1}{2}$ года и за этотъ періодъ комитетомъ изданы 10 тетрадей, заключающія въ себѣ часть данныхъ по Амурской и Приморской областямъ, Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Олонецкой, Чукотской губерніямъ и остр. Сахалину. „Если мы вспомнимъ, съ одной стороны, что въ Россіи насчитывается 89 губерній и областей, и что, съ другой—опубликованные данные по 8 изъ нихъ составляютъ менѣе трети всѣхъ свѣдѣній, то всѣ естественнымъ должно казаться желаніе, чтобы, одновременно съ возбужденіемъ вопроса о качествѣ публикуемыхъ комитетомъ данныхъ, возникъ вопросъ и объ ихъ количествѣ, такъ какъ далеко не все равно, когда окончательно опредѣлится результаты переписи—черезъ 3 года или черезъ 30 лѣтъ послѣ ея производства“. Но по ходу дѣла опубликованіе ея не можетъ, очевидно, закончиться раньше указаннаго 30-тилѣтнаго срока, если не будетъ принято рѣшительныхъ мѣръ къ улучшенію дѣла. Неупрѣдѣленность и поразительная медленность въ работахъ комитета находить себѣ достаточное основаніе въ отсутствіи твердаго и строго-определенного руководительства въ дѣлѣ. Трудно ждать успѣха тамъ, гдѣ нерѣдко приходится сегодня уничтожить то, что сдѣлано вчера.

„Полной гласности и отчетности,—говорить въ заключеніе авторъ,—требуетъ какъ интересы произведенной уже переписи, такъ и интересы переписей вообще въ Россіи. Разработка данныхъ о населеніи, собранныхъ по сложной программѣ, связана съ такимъ количествомъ технико-статистическихъ, юридическихъ... и другихъ вопросовъ, что для успѣшного разрѣшенія ихъ недостаточно скромнаго по качествѣ и количеству его руководящихъ силъ, одного учрежденія—центрального статистического комитета. Къ разработкѣ результатовъ первой всеобщей переписи населенія следовало бы, прямо или косвенно, привлечь всѣ наличныя статистическая силы страны—научными, правительственными, общественными“. *Народное Хозяйство. 1900. кн. IV, стр. 24—59.*

Въ позднѣйшее время въ газеты проникли слухи о томъ, что въ центральномъ статистическомъ комитетѣ происходятъ теперь значительные сокращенія штата работающихъ по разработкѣ переписи 1897 года (съ 2,000—на 500 человѣкъ). Въ связи съ этимъ сообщается о выдаваемыхъ разрѣшеніяхъ и даже субсидіяхъ мѣстнымъ комитетамъ на разработку тѣхъ же материаловъ.

опечиннымъ до настоящаго времени въ большинствѣ губерній, въ виду многихъ условій, касающихся самаго существа этого сложнаго отдѣла статистики.

Остановимся нѣсколько на краткомъ указаніи тѣхъ общихъ и болѣе важныхъ условій, въ средѣ которыхъ происходило и происходитъ въ данное время развитіе статистики болѣзnenности населенія въ разныхъ мѣстностяхъ.

Уже выше указано было, что систематическое собираніе статистическихъ наблюденій о заболѣваніяхъ въ средѣ населенія можно представить себѣ единственно лишь черезъ посредство врачей, работающихъ въ средѣ того населенія, подающихъ ему помощь во всѣхъ случаяхъ болѣзней и, следовательно, непосредственно опредѣляющихъ характеръ этихъ послѣднихъ. Идеаломъ статистики является порядокъ, при которомъ ни одно изъ болѣшее заболѣваніе въ средѣ данного населенія не можетъ ускользнуть изъ врачебного наблюденія, не будучи отмѣчено и зарегистрировано. Понятно, что рамки этого идеала статистики совпадаютъ съ рамками того идеала практической врачебной дѣятельности, которымъ преслѣдуется полное удовлетвореніе нужды населенія во врачебной помощи и обеспеченіе ю каждого въ ней нуждающагося. Слѣдовательно, статистика болѣзnenности населенія и врачебная помощь населенію—лишь двѣ стороны одной и той же дѣятельности: таковою и является, именно, общественная медицина въ Россіи.

Такимъ образомъ, гдѣ обеспеченіе массы населенія врачебною помощью еще недостаточно, гдѣ врачей мало и они далеки отъ населенія, тамъ статистическая свѣдѣнія о болѣзnenности населенія не могутъ быть достаточны. Слѣдовательно, степень развитія врачебной помощи населенію является первымъ условіемъ, вліяющимъ на положеніе статистики болѣзnenности въ данной губерніи, и разнообразіе мѣстныхъ условій въ этомъ отношеніи неизбѣжно сопровождается также и разнообразіемъ въ положеніи статистики болѣзnenности.

Изъ приведеннаго, однако, еще отнюдь не слѣдуетъ, что практическимъ хорошо поставленная врачебная помощь всегда непремѣнно совпадаетъ съ проявленіемъ также и статистики болѣзnenности. Въ дѣйствительности такое соотвѣтствіе необязательно, и легко представить себѣ статистическую практику, далеко отстающую отъ постановки врачебной дѣятельности.

Это зависитъ отъ того, что для статистики болѣзnenности, кроме указанного выше первого условія (относительно обеспеченности населенія врачебною помощью), необходимо еще удовлетвореніе двухъ специальныхъ требованій: 1) должна быть установлена правильная статистическая регистрація всѣхъ наблюденій о заболѣваніяхъ со стороны всей коллегіи врачей, работающихъ въ средѣ населенія, и 2) должна быть налицо планомѣрная дѣятельность губернскихъ центровъ санитарной статистики—санитарныхъ бюро общественныхъ учрежденій.

Къ тому, что сказано было о регистраціи выше, въ примѣненіи къ Московской губерніи, прибавимъ здѣсь, что заявляемые статистикою интересы

общественности въ нашемъ случаѣ требуютъ, чтобы ни одинъ вратъ въ даний мѣстности не стоялъ въ сторонѣ отъ общаго дѣла и не нарушилъ известной профессиональной дисциплины. Въ противномъ случаѣ та или другая мѣстность выпадаетъ изъ круга общаго наблюденія, и въ дѣлѣ общей работы тотчасъ же образуется болѣе или менѣе значительный пробѣгъ.

Само собою разумѣется, что мы говоримъ лишь о врачахъ, дѣятельность которыхъ посвящена общественнымъ учрежденіямъ и интересамъ массы населенія или вообще относится къ дѣятельности организованной, постоянной, направленной въ сторону опредѣленныхъ общественныхъ группъ (врачи фабричные, школьные и т. д.). Врачебная же дѣятельность случайного или временного характера не представляетъ большого интереса въ смыслѣ статистическихъ наблюдений.

Извѣстно, однако, что врачи указанныхъ категорій въ обычныхъ усlovіяхъ чрезвычайно обременены лежащею на нихъ массою повседневнаго труда по практической медицинской дѣятельности, и все время ихъ занятъ работою въ амбулаторіяхъ, въ лѣчебницахъ съ коечными больными или въ разѣздахъ по участку. Статистическая же регистрація является новымъ добавочнымъ трудомъ, требующимъ также времени, тщательности и вниманія.

При такихъ усlovіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ, требуется присутствіе особаго импульса, чтобы врачи брали на себя также и дѣло статистической регистраціи болѣзnenности.

Такой импульсъ въ дѣятельности и существуетъ: сюда приходитъ на помощь теоретическое признаніе первостепенно-важнаго значенія статистики для общественной санитаріи; тоже—конкретные интересы бывшаго изученія санитарныхъ условій данной мѣстности. Въ обоихъ случаѣахъ понятна непосредственная связь этого импульса дѣятельности врачей съ университетскими традиціями и, въ частности, съ началами санитарескіи науки, преподаваемыми на медицинскихъ факультетахъ.

Касаясь здѣсь этого вопроса попутно, замѣтимъ, что, какъ о томъ и разъ заявлялось на врачебныхъ съѣздахъ и въ литературѣ *), университетское преподаваніе медицинскихъ знаній вообще недостаточно предусматриваетъ подготовку врачей къ условіямъ сельской медицины и общественной врачебной ихъ дѣятельности.

Отсюда вытекаютъ условія разнообразія въ отношеніяхъ самихъ врачей къ дѣлу статистической регистраціи болѣзnenности, которое, въ свою очередь, накладываетъ также печать на постановку дѣла въ каждой данной губерніи.

Что касается санитарныхъ бюро губернскихъ земствъ, то собственная статистическая дѣятельность, которой единственно мы и касаемся здѣсь, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія функции этихъ учрежденій, зависить отъ

*) См., наприм., М. С. Уваровъ: „О необходимости предусматривать въ медицинскомъ курсѣ университетовъ практическую земскую дѣятельность“. Труды Пско-О-ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пироюса, т. II.

ногихъ условій и представляетъ равнодѣйствующую цѣлого ряда вліяній. словія внутренняго роста и развитія самаго учрежденія, конечно, стоять а первомъ планѣ въ опредѣленіи характера дѣятельности бюро. Обстоятельства болѣе вѣшняго характера, каковы — отношеніе со стороны земства, его исполнительныхъ органовъ, со стороны врачей, создаютъ лиже болѣе или менѣе благопріятную почву, болѣе или менѣе широкій росторъ для статистическихъ работъ санитарныхъ бюро. Условія времени мѣста, исторія и современность — все это приносить свою долю значенія для дѣятельности этихъ учрежденій, въ особенности молодыхъ, получающихъ лишь основанія статистическихъ работъ.

Такими вѣшними чертами обрисовываются различныя особенности мѣстныхъ условій, въ которыхъ находится статистика болѣзнейности въ разныхъ губерніяхъ земской Россіи.

XXVI.

Для болѣе конкретной характеристики современного положенія статистики болѣзнейности въ земскихъ губерніяхъ Россіи приведемъ здѣсь нѣкоторыя їанны, въ качествѣ показательныхъ признаковъ. Въ этихъ цѣляхъ можетъ служить: 1) введеніе карточной системы регистраціи больныхъ врачами, какъ первое и необходимое условіе для осуществленія этой статистики; 2) существованіе санитарного бюро при губернской земской управѣ, какъ необходимаго мѣстнаго центральнаго органа статистики, и 3) наконецъ, зданіе работъ по статистикѣ, какъ реальный показатель и вещественный результатъ развитія статистическихъ работъ.

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ правленіемъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ теченіе 1898—1899 гг., *карточная (или талонная) система* регистраціи больныхъ врачами существуетъ въ настоящее время уже въ 23 земскихъ губерніяхъ, а именно: въ губерніи Бессарабской, Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Остромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Псковской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Уфимской, Харьковской и Херсонской.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта система регистраціи имѣть уже довольно авнѣе происхожденіе. Сюда относятся губерніи — Московская (съ 1878 г.), Владимірская (съ 1883 г.), Херсонская (съ 1887 г.). Въ другихъ случаяхъ на возникла лишь въ позднѣйшіе годы: Уфимская губ. (1896 г.), Екатеринославская, Симбирская и Харьковская (1897 г.), Воронежская и Тамбовская (1898 г.) и Псковская (1900 г.).

Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ губерній карточная система регистраціи болѣзнейности принята въ данное время еще не всѣми, но лишь большинствомъ уѣздовъ; сюда принадлежать губерніи — Новгородская, Пермская и Уфимская. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ карточная система включаетъ въ книга XII, 1900 г.

свой кругъ не всѣхъ, но лишь инфекционныхъ больныхъ и сифилитиковъ сюда относятся губернія — Костромская, Нижегородская и Уфимская.

Кромѣ перечисленныхъ губерній, находящихся на той или другой ступени организованной санитарной статистики, можно указать не малое число другихъ мѣстностей, гдѣ со стороны отдельныхъ врачей, или цѣлыхъ уѣздовъ, или даже группъ послѣднихъ, ведется систематическая регистрация больныхъ на картахъ и разработка послѣднихъ силами самихъ участковыхъ врачей. Случаи эти принадлежать губерніямъ, гдѣ пока еще не открыты санитарные бюро губернскими земствами, гдѣ, следовательно, съ точки зрѣнія статистической организации, продолжается еще доисторический періодъ. Для примѣра укажемъ на Вятскую губернію, гдѣ карточный запись о больныхъ существуютъ въ 8-ми уѣздахъ, также на Рязанскую губернію, откуда изъ нѣкоторыхъ уѣзовъ и медицинскихъ участковъ изъ года въ годъ исходятъ систематическая разработка карточныхъ записей о болѣзниности населения, пользующаяся большой известностью.

Санитарные бюро губернскихъ земствъ существуютъ въ настоящее время въ 21 губерніи изъ числа 34 земскихъ губерній: во Владимирской, Воронежской, Екатеринославской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Иркутской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Уфимской, Харьковской и Херсонской.

Наиболѣе старыми изъ этихъ учрежденій являются санитарные бюро—московское (съ 1875 г.), владимирское, повгородское и с.-петербургское (съ 1883 г.), курское (съ 1890 г.), и наиболѣе молодыми—воронежское, екатеринославское, нижегородское, иркутское, псковское, симбирское, тамбовское, уфимское и харьковское (открыты во второй половинѣ и въ концѣ 90-хъ гг.).

Что касается изданий по санитарной статистикѣ, то материалы по дѣлженію населения и болѣзниности, разработанные въ санитарныхъ бюро, обыкновенно выпускаются въ свѣтъ въ составѣ такъ называемыхъ «Сборниковъ статистическихъ свѣдѣній» того или другого земства, выходящихъ единовременно, за періоды лѣтъ, по мѣрѣ обработки материаловъ, или въ годовыхъ разработкахъ, по уѣзамъ и губерніи. При этомъ «Сборники» и годовые «Обзоры» содержать въ себѣ обыкновенно основные численные материалы въ табличной формѣ, въ болѣе или менѣе компактномъ видѣ, а также анализъ съ выводами о болѣзниности или смертности населения въ данной губерніи или въ уѣздахъ за тотъ или другой рядъ лѣтъ.

Такого рода статистическая издания существуютъ по губерніямъ—Владимирской, Воронежской, Курской, Московской, Новгородской, Самарской, С.-Петербургской, Смоленской, Тверской, Херсонской и др.

Кромѣ этихъ сводныхъ и единовременныхъ работъ и изданий, служащихъ выражениемъ развитія общественно-статистической дѣятельности въ данныхъ губерніяхъ, въ довольно большомъ числѣ губернскихъ земствъ существуютъ въ данное время *периодическіе изданія*, посвященные интересамъ мѣстныхъ медицинскихъ организаций, а следовательно, также инте-

есамъ санитарной статистики. Литература эта въ послѣднее время полу-
чила весьма широкое развитіе.

Приведемъ здѣсь краткую характеристику ея современного положенія, ользуюсь данными, собранными д-ромъ И. В. Поповымъ и сообщенными мъ въ докладѣ уже упомянутому выше совѣщанію санитарныхъ статистиковъ 15—19 февраля 1900 г.

Періодическія изданія по врачебно-санитарной части существуютъ въ настоящее время въ 18 земскихъ губерніяхъ, а именно: въ Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Псковской, Самарской, Симбирской, Смоленской, С.-Петербургской, Тамбовской, Уфимской, Харьковской и Херсонской *).

Во всѣхъ губерніяхъ изданія эти ведутся санитарными бюро губернскихъ земскихъ управъ и содержать обычно числовой матеріалъ, представляющій свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ губерніи, ея уѣздахъ и гдѣльныхъ мѣстностяхъ, а также о дѣятельности ея лѣчебныхъ заведеній за извѣстный періодъ. Значеніе числовыхъ данныхъ обыкновенно освѣщается краткимъ объяснительнымъ текстовымъ обзоромъ. Кроме того, въ ольшинствѣ изданій отводится мѣсто печатанію постановленій земскихъ обраній по медицинской части и соотвѣтствующихъ правительственныхъ аспоряженій, а также реферируются журналы засѣданій съѣзовъ врачей, апитарныхъ совѣтовъ и комиссій и т. д. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, ромъ того, помѣщаются статьи и замѣтки врачей по вопросамъ организаціи, а также разныя текущія сообщенія и метеорологическая свѣдѣнія.

Матеріалами для этихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ большинствѣ случаевъ ежемѣсячно (семь изданій—два раза въ мѣсяцъ), слу-
жать періодическія корреспонденціи врачей, обязательные для послѣднихъ посыпаемыя ими въ санитарные бюро въ опредѣленные сроки и по опре-
дѣленной программѣ свѣдѣній.

*) Изданія эти титулуются: „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней во Владимірской губерніи“, „Врачебно-санитарная хроника Воронежской губерніи“, „Врачебно-санитарная хроника Екатеринославской губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ Костромской губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ и распространеніи важнѣйшихъ заразныхъ болѣзней въ Курской губерніи“, „Свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ санитарно-врачебной организаціи въ Московской губерніи“, „Вѣдомость остро-заразныхъ заболѣваній въ уѣздахъ Нижегородской губерніи“, „Вѣдомость остро-заразныхъ болѣзней въ Новгородской губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ Пермской губерніи“, „Врачебная хроника Самарской губерніи“, „Врачебно-санитарный инстокъ Симбирской губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ Смоленской губерніи“, „Вѣдомость о распространеніи заразныхъ болѣзней въ С.-Петербургской губерніи“, „Инстокъ заразныхъ болѣзней въ Тамбовской губерніи“, „Свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ и врачебно-санитарной дѣятельности въ Уфимской губерніи“, „Врачебная хроника Харьковской губерніи“, „Врачебная хроника въ Херсонской губерніи“.

По объему эти издания колеблются от 1 до 5 листовъ въ мѣсяцъ. Бакъ земскія изданія, подлежать губернаторской цензурѣ *).

Самымъ старымъ изданіемъ является ежемѣсячная хроника санитарного бюро московскаго земства «Свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ и санитарно-врачебной организаціи въ Московской губерніи», существуетъ съ 1883 г.; за нимъ слѣдуютъ изданія курскаго и с.-петербургскаго земствъ (1886—1890 гг.) и далѣе—владимирскаго, костромскаго, новгородскаго, смоленскаго, пермскаго, херсонскаго (1891—1895 гг.); остальныхъ 9 изданій возникли въ позднѣйшій промежутокъ 1896—1900 гг. **).

Таково современное положеніе статистики болѣзnenности въ губерніяхъ земской России, опредѣляемое по показаніямъ болѣе простыхъ первичныхъ признаковъ. Едва ли мы ошибемся, признавъ, въ виду приведенныхъ свѣдѣній, что основанія этой статистики въ данное время уже заложены въ большей половинѣ губерній земской России.

XXVII.

Особую главу санитарной статистики составляеть, такъ называемая, статистика причинъ смерти.

Высокое значеніе изслѣдований этого рода, въ смыслѣ метода наблюденія за общественнымъ здоровьемъ и контроля дѣйствующихъ на него вліяній, едва ли требуетъ особыхъ разъясненій. Въ статистикѣ естественнаго движенія населенія, при анализѣ смертности, въ послѣднемъ конечномъ актѣ неизбѣжно приходишь къ изслѣдованию причинъ смертности. Этими разъясненіемъ численные итоги умершихъ, дотолѣ безличные, остаются въ своемъ значеніи и отсюда получаютъ болѣе реальное содержаніе, по мѣрѣ того, какъ опредѣляется каждая изъ злыхъ силъ, принимающихъ участіе въ работѣ уничтоженія человѣческихъ существованій.

Статистика причинъ смерти имѣть также самое существенное значеніе съ точки зрѣнія изученія болѣзnenности населенія: ей принадлежитъ послѣднее слово въ смыслѣ этихъ наблюдений, именно, решеніе вопроса, какие факторы болѣзnenности населенія доводятъ свою разрушительную дѣятельность до естественного конца, до прекращенія жизни людей.

Въ виду этихъ обстоятельствъ статистика причинъ смерти влѣдѣть особенно цѣннымъ материаломъ и наиболѣе, быть можетъ, простымъ и при-

*) Лишь уфимское изданіе цензируется въ Москвѣ.

**) Своеборазный характеръ представляетъ изданіе санитарно-статистическихъ материаловъ, принятое за послѣдніе годы московскимъ санитарнымъ бюро, въ видѣ «приложений» къ ежемѣсячно издаваемымъ «Свѣдѣніямъ о заразныхъ болѣзняхъ и санитарно-врачебной организаціи». Способъ этотъ, при условіяхъ земскихъ работъ представляетъ неоспоримыя преимущества передъ изданіемъ толстыхъ «Сборниковъ», такъ какъ при этомъ материалы не залиживаются, дѣлаются общимъ достояніемъ въ свѣжемъ видѣ, тотчасъ по разработкѣ ихъ, публикуются по частямъ, и печатаніе въложится единовременно тяжелымъ бременемъ на рабочія силы бюро.

ымъ методомъ — въ смыслѣ наблюденія условій, вліяющихъ на здоровье ародной массы.

По существующимъ въ данное время условіямъ приходится констатировать, что у насъ, въ сельской Россіи, судьба этой отрасли статистическихъ изслѣдований—вся въ будущемъ. Въ настоящее время статистика эта осуществлена лишь въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ (Варшава, Одесса и др.), гдѣ установленъ порядокъ, въ силу которого погребение умершихъ производится лишь при наличии удостовѣренія врача причинѣ смерти, и наблюденія этого рода подлежать систематической разработкѣ и периодической публикації.

Очевидно, реальная и жизненная основанія этой статистики сводятся уже не всего также къ степени той обеспеченности медицинскою помощью и заботливаніяхъ, въ которой находятся массы населения въ этихъ городахъ. Лишь близость этой помощи къ массѣ можетъ гарантировать полную и возможную точность такихъ наблюденій.

Въ метрической регистрації, которая ведется духовенствомъ по всей Россіи и основанія которой очерчены выше, въ числѣ обязательныхъ рубрикъ 1838 года значится также вопросъ о «причинѣ смерти». Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается священникомъ по его ничемъ не стѣсняемымъ соображеніямъ.

Въ настоящее время едва ли могутъ существовать два мнѣнія относительно значенія этихъ отмѣтокъ священниковъ, въ качествѣ материаловъ статистики причинъ смерти вообще. Статистическая требованія, очевидно, не могутъ быть удовлетворены даннымъ источникомъ свѣдѣній, и давно уже загородными изслѣдователями, близко ознакомившимися съ материалами, собиравшими такимъ путемъ, раскрыто содержаніе этихъ записей и показана ихъ ничтожность въ интересахъ статистическихъ изслѣдований.

Трудами весьма серьезныхъ земскихъ санитарныхъ статистиковъ юга Россіи, однако, выяснено, что въ одной группѣ частныхъ случаевъ, именно, въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, часто встрѣчающихся, съ эпидемическимъ, более тяжелымъ характеромъ, хорошо известнымъ населенію (дифтерія въ жилыхъ губерніяхъ), отмѣтки священниковъ обѣ этихъ болѣзняхъ въ рубрикѣ «причинѣ смерти» носятъ довольно достовѣрный характеръ. Выяснено, что отмѣтки эти, сосчитанные въ массахъ и разработанные статистически, приводятъ къ заключеніямъ, аналогичнымъ съ наблюденіями врачей въ амбулаторіяхъ и въ селеніяхъ. Въ виду этого указанная группа изслѣдователей приписывается этой частной категоріи отмѣтокъ священниковъ о причинѣ смерти извѣстное статистическое значеніе.

Въ такомъ же смыслѣ всѣми признается статистическая пригодность отмѣтокъ священниковъ, наприм., о холерѣ, какъ причинѣ смерти въ годы мѣрныхъ эпидемій: на разработкѣ такихъ материаловъ основываются весьма серьезные работы многихъ земскихъ санитарныхъ статистиковъ И. И. Глушановской—по Московской губерніи, Д. Н. Жбанкова—по Смоленской губерніи и др.).

Основываясь, повидимому, на наблюдениях этого порядка, наше официальное медицинское въдомство нѣсколько лѣтъ тому назадъ установило распорядокъ, въ силу которого приходскіе священники регулярно сообщаютъ, въ опредѣленной табличной формѣ, уѣзднымъ врачамъ о ходѣ смертности отъ извѣстныхъ заразныхъ болѣзней въ ихъ приходахъ. Свѣдѣнія эти впослѣдствіи печатаются въ итогахъ по губерніямъ и мѣсяцахъ въ «Вѣстникѣ Общественной Гигиены», издаваемомъ при медицинскомъ департаментѣ.

Однако, даже горячіе защитники пользованія записями священниковъ въ цѣляхъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ едва ли находятъ допустимо предлагать построение на этихъ основаніяхъ общаго метода статистики причинъ смерти въ Россіи.

Если исходить изъ того, что рациональная статистика причинъ смерти требуетъ, чтобы каждый случай смерти былъ изслѣдованъ врачомъ, то, безъ сомнѣнія, то время, когда у настъ, въ сельской Россіи, явится возможность широкаго осуществленія такой статистики, наступить еще весьма нескоро.

Но, если принять во вниманіе, что въ дѣйствительной жизни никаки общественная организація не является сразу въ совершенномъ или въ конченомъ видѣ, но вырабатывается путемъ постепенного совершенствованія, если поэтому, не задаваясь академическими цѣлями и преслѣдуя преимуществу, общественно-утилитарные задачи, ограничиться пока предѣлами возможнаго, то было бы не особенно трудно, повидимому, положить основаніе статистическому наблюденію причинъ смерти, по крайней мѣре, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сельской Россіи, уже при современныхъ условіяхъ.

Эта возможность усматривается въ *санитарномъ* характерѣ нашей участковой общественной земской медицины. Въ силу этого послѣднѣя она можетъ быть заинтересована тѣмъ, чтобы было установлено постоянное наблюденіе не только за болѣзненностю населенія вообще, за ходомъ, движениемъ и развитиемъ заразныхъ болѣзней въ медицинскихъ участкахъ, но и за ходомъ и течениемъ смертности населенія, разумѣя въ кругу этого послѣдняго также и наблюденіе причинъ смертности. И подобно тому, какъ потребность наблюденія болѣзненности, возникшая въ первой очереди, привела уже къ созданию статистики болѣзненности, такъ точно потребность наблюденія смертности и ея причинъ, осуществляемая въ слѣдующей очереди, приведетъ въ будущемъ къ созданию также соответствующей организаціи статистическихъ наблюдений этого послѣдняго рода.

Возникаетъ вопросъ о томъ, когда можетъ наступить эта очередь и каковы могутъ быть формы этого изученія.

Полагаемъ, что не можетъ быть рѣчи о наблюденіи причинъ смертности тамъ, где еще мало врачей и очень велики медицинскіе участки, где врачи далеки отъ населенія и масса населенія болѣеть и умираетъ обходясь безъ врачебной помощи и наблюденія, а равно и тамъ, где врачи еще далеки отъ создания санитарныхъ задачъ земской медицины.

Равнымъ образомъ, преждевременна забота о созданіи этой статистики ить, гдѣ общий учеть смертности населенія производится по первобытному особу, гдѣ духовенство не только собираетъ свѣдѣнія объ умершихъ, и ведеть ихъ статистическую разработку, гдѣ не существуетъ еще кар-чной системы регистрации умершихъ и разработки картъ статистическими рожденіями.

Эти два показанія, какъ намъ представляется, опредѣляютъ очередь зданія въ сельской Россіи статистики причинъ смертности.

Что касается виѣшнихъ формъ этихъ изслѣдований, то можно представить себѣ, что около каждого участковаго врача существуетъ небольшой юнѣтъ селеній, опредѣленный самимъ врачомъ: здѣсь опь береть на себя осмотръ отмѣтокъ о причинахъ смерти и проставлениe соотвѣтствующихъ означеній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ предѣлахъ, когда и какъ самъ признается это для себя возможнымъ и исполнимымъ.

При наличности благопріятныхъ условій, установлениe проектируемаго ряда въ той или другой губерніи, конечно, могло бы состояться лишь надлежащей его разработкѣ на губернскихъ съѣздахъ врачей, съ общаго гласія врачей, по одобрениi и рекомендациi съѣзовъ, наконецъ, послѣ агополучного проведенія дѣла черезъ соотвѣтствующія офиціальные станціи.

Намъ представляется, что иѣкоторыя губерніи нашего отечества совсѣмъ такъ далеки отъ возможности проектируемаго порядка, какъ это, ко-чно, рѣшать скептики *).

XXVIII.

Въ заключеніе нашихъ «Очерковъ» мы хотѣли бы остановить вниманіе гателя на слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Общее положеніе санитарной статистики въ Россіи въ недавніе годы о. Ю. Э. Янсономъ было изображенено такими чертами: «Для наблю-дія надъ состояніемъ болѣзnenности населенія статистикѣ приходится роться съ большими трудностями, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

*) О подготовленности, наприм., Московской губерніи къ установлениu указан-го метода можно судить изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1899 г. въ губерніи дѣйство-ши 100 медицинскихъ участковъ и, кромѣ того, 83 врача (фабрічные и др.) вели це-земскую медицинскую регистрацію. Если откинуть посѣдѣнія и представить изъ около каждого изъ участковыхъ врачей районъ селеній, въ размѣрѣ лишь одного ахода, гдѣ участковый врачъ взялъ бы на себя просмотръ отмѣтокъ о причинахъ срти, то уже при этомъ условіи, съ первого же дня наблюденія, въ кругъ этого зиуденія вошло бы не менѣе $\frac{1}{10}$ части терраторіи и населенія губерніи. Трудъ же зчай количественно опредѣлился бы размѣткою 50—60 картъ въ среднемъ въ теч-ніе года. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ земскихъ и др. лѣчебницахъ губерніи ежегодно умираютъ въ суммѣ около $2\frac{1}{3}$ тыс. чл. больныхъ. Это составить зле 5% общаго итога ежегодно умирающихъ въ губерніи, и здѣсь статистика могла располагать достовѣрными свѣдѣніями о причинахъ смерти.

Прежде всего она не располагает достаточнымъ и подготовленнымъ персоналомъ наблюдателей, а потому она и съ этимъ персоналомъ не всегда можетъ знать, гдѣ и когда возникаетъ явление, подлежащее наблюдению. Точное констатированіе болѣзни вообще, или болѣзни, какъ причины смерти въ частности, можетъ быть дѣломъ только врача: но число врачей въ дѣйствительности такъ незначительно, распределены они такъ неравнѣнно въ пространствѣ даже въ густонаселенныхъ государствахъ Западной Европы, что подвергнуть наблюденію не только каждое заболѣваніе, но въ каждый смертный случай фактически невозможно. Къ этому присоединяется еще трудность, до сихъ поръ не устраниенная,—превратить всѣхъ врачей въ статистическихъ регистраторовъ: административной статистикѣ приходится довольствоваться услугами только той части врачей, которые специальны для этой цѣли назначаются. Съ другой стороны, не каждое заболѣваніе доходитъ до свѣдѣнія врача и не всякий умершій передъ смертью находитъся на его попеченіи; поэтому очень много случаевъ болѣзней будуть всегда ускользать отъ самой совершенной регистраціи, и въ большомъ числѣ случаевъ причину смерти со всею точностью опредѣлить бываетъ почти невозможно. Таковы обстоятельства *настоящаго времени*^{*)}, съ которыми приходится считаться статистическому наблюденію, (Ю. Янсонъ: «Теорія статистики», стр. 379). Примѣнительно къ этимъ обстоятельствамъ, статистика старается въ возможной мѣрѣ овладѣть областями, для нея доступными. Такихъ областей, по мнѣнію проф. Янсона, три: 1) общая статистика причинъ смерти въ городскихъ центрахъ, 2) больничная или санитарная статистика и 3) статистика заболѣваній инфекціонными болѣзнями въ большихъ городахъ. При благопріятныхъ условіяхъ, поле наблюденія статистики можетъ расширяться, распространяясь на тѣ или другія *специальные группы* населенія, какъ-то: страховыхъ общества, кассы, союзы, вѣдомства и т. д. Въ своемъ изложеніи оснований санитарной статистики проф. Янсонъ и ограничивается исключительно тремя *указанными отраслями* (статистика причинъ смерти, больницъ, инфекціонныхъ болѣзней^{**)}).

Въ такомъ видѣ проф. Янсономъ изображены были въ 1887 году въ его «Теоріи статистики» трудности, связанные съ осуществленіемъ санитарной статистики «для настоящаго времени», ближайшая возможность достижениія ея задачъ и послѣдующая перспектива развитія.

Въ этомъ видѣ мы хотѣли бы отмѣтить отсутствіе какихъ бы то ни было указаний по адресу санитарной статистики, созданной и создаваемой въ Россіи общественными учрежденіями, земскими и городскими. Въ отзывѣ проф. Янсона санитарной статистикѣ общественныхъ учрежденій нѣмѣста ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, нѣтъ рѣчи о возможности борьбы съ трудностями и сложностью задачъ санитарной статистики путемъ организаціи ея со стороны общественныхъ учрежденій^{***}).

^{*)} Курсивъ проф. Янсона.

^{**) Ibid., см. стр. 377—400.}

^{***}) Санитарной статистикѣ земскихъ учрежденій проф. Янсономъ отводятся лишь

Объяснение этого обстоятельства заключается, въпроятно, въ томъ, что проф. Янсонъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, такъ называемую, административную статистику правительственныхъ учрежденій и исходилъ, при томъ, въ своихъ построеніяхъ изъ положеній западно-европейской практики статистическихъ учрежденій. Между тѣмъ, санитарная статистика въ Россіи создана и создается общественными учрежденіями и представляетъ собою ригинальное самобытное явленіе русской жизни.

Судьба ея предначертана была въ тотъ день, когда земство въ Россіи риняло на себя охрану здоровья русского народа. Для этой цѣли оно предило лѣчебницы и двери послѣднихъ широко раскрыло для *всѣхъ уждающихся въ помоши врача*—въ принадлежности къ какимъ-либо обществамъ страхованія, союзамъ, кассамъ, вѣдомствамъ и т. д. Оно разсѣяло ти лѣчебницы по селеніямъ, въ средѣ самого народа, и сдѣлало помошь врача ему близко и доступно. Наконецъ, оно поставило работу своихъ рачей на началахъ организованной дѣятельности и на почвѣ систематического научного наблюденія за колективнымъ здоровьемъ массы населения. Такимъ образомъ, общественная земская медицина въ Россіи выработала въ себѣ живой синтезъ началь гуманности и научного знанія.

Кромѣ того,—и это, быть можетъ, болѣе важная причина указанного проѣла въ характеристицѣ проф. Янсона,—наша санитарная статистика еще *есьма молода*: уже основанная болѣе чѣмъ въ $\frac{1}{4}$, всей земской Россіи, какъ казано было выше, въ большинствѣ случаевъ она находится еще въ періодѣ озиданія. Поэтому, можно говорить о принципахъ и началахъ санитарной статистики, каковые уже выработаны жизнедѣятельностью общественныхъ учрежденій и кладутся въ основаніе созидаемаго зданія санитарной организации; можно говорить объ ея формахъ и методахъ, отчасти уже осуществленныхъ въ жизни, отчасти же ожидаемыхъ. Но преждевременно было бы требовать уже теперь обильныхъ и широкихъ выводовъ этой статистики: ни зреютъ вообще въ статистической дѣятельности медленно, въ данное время они пока немногочисленны, и время ихъ — впереди.

Поэтому, наша статистика не пользуется большою извѣстностью въ специальнаго своего круга. Еще менѣе извѣстна была она въ 1887 г.

Въ этомъ условіи,—именно, въ молодости—находить себѣ также достаточное объясненіе особенность, которая указана была выше, въ характеристицѣ современного положенія статистики болѣзненности въ земской Россіи, которая заключается именно въ значительномъ разнообразіи ея условій въ разныхъ мѣстностяхъ.

Гѣдущія бѣглые строки: „Карточная система отчетности по появлению заразныхъ болѣзней прината въ многими земствами, гдѣ санитарная статистика поставлена на разумныхъ началахъ, наприм., въ земствахъ московскомъ и петербургскомъ. Губернскій санитарный земской совѣтъ или комиссія, помимо весьма обстоятельныхъ санитарныхъ отчетовъ врачей, завѣдующихъ медицинскими участками, получаетъ первичные записи о заболѣваніяхъ инфекціонными болѣзнями на карточкахъ и самъ обрабатываетъ на основаніи ихъ общія данные по этому предмету“ (*Ibid.*, стр. 399).

Безъ сомнѣнія, это послѣднее обстоятельство должно быть отнесенъ къ неблагопріятнымъ, въ особенности для нашей науки, отличающейся стремлениемъ нивелировать всѣ неровности на площади своего противника и сохранять строгую консервативность во времени, въ интересахъ возможно широкаго примѣненія сравнительного метода.

Поэтому ближайшая современная задача статистики болѣзнейности въ Россіи заключается, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, въ пропагандѣ принциповъ единства въ теорію и практику учрежденій, ведущихъ наше дѣло этой статистики. Объединяющей роли Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, обобщающаго въ себѣ врачей и коллегиальный врачебный учрежденія Россіи, должно принадлежать въ этомъ дѣлѣ громадное значеніе. Начало такой дѣятельности со стороны называемаго Общества, какъ известно, уже и положено въ настоящее время *). Въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ пожелаемъ почтенному Обществу и его исполнительнымъ органамъ самыхъ большихъ успѣховъ на пользу русской науки и общественности.

П. Куринъ.

*) См. „Программа для медицинской регистрации, и обработки материаловъ болѣзнейности“. Изд. Общ. русск. врачей въ память Н. И. Пирогова. Москва 1900 г.

Сенъ-Симонъ и начатки французского позитивизма *).

Сенъ-симонисты раздѣлились на два лагеря. Одни, напитанные философией XVIII вѣка и физиологией XIX, склонились къ отрицательному отвѣту вопросу о религіозныхъ вѣрованіяхъ, не зависимыхъ отъ научного блюденія. Анфантэнъ объявилъ противоположный взглядъ. Противъ него но говорили «нѣкоторыя мѣста» въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона, именно рицаніе сверхъестественного вмѣшательства и откровенія въ религию: фантэнъ былъ съ этимъ согласенъ, но тѣмъ не менѣе находилъ существеннымъ и естественнымъ слѣдующій фактъ. Человѣкъ одаренъ двойной особностью—чувствовать и разсуждать, и «участіе чувства въ возникновеніи человѣческихъ знаній и сужденій не менѣе ясно, чѣмъ разума» и, бѣдовательно, «свѣдѣнія и идеи чувствительнаго происхожденія вполнѣ могутъ быть въ религіозномъ смыслѣ отмѣчены печатью истины, не подгряясь провѣркой математического доказательства и не являясь изъ-за ого суетѣремъ».

Таково основное положеніе Анфантэнна, а за нимъ немедленно послѣвало «вступленіе въ новую теологію» ¹⁾). Вся она прежде всего логиче-ое развитіе *равноправія* разума и чувства равноправія безусловнаго: разумъ можетъ *понимать*, и *знать*, и *чувство тоже*; разумъ *систематизируетъ* свои идеи, и чувство также свои представлія можетъ формулировать въ «соціальное учрежденіе, имѣющее характеръ общаго вѣрованія, иенуемаго религіей ²⁾). Анфантэнъ безразлично пользуется понятіями *чувство, воображеніе и способность догадываться—la faculté d'imaginer, de projeter*. Онъ спѣшить указать на значеніе этой способности и въ на-ѣ, гдѣ *вдохновеніе* часто оказываетъ большія услуги разуму и наблюдению. Но цѣль Анфантэнна не специальная важность чувства и воображенія, ниудь не ихъ служебная роль, когда подсказанныя вдохновеніемъ гипотеза непремѣнно требуетъ опытной и логической провѣрки, а совершенно независимая власть создавать общеобязательныя, систематизированныя типы.

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

¹⁾ „Les prolegomènes de la théologie nouvelle“, *N. hist.* I, 200.

²⁾ Письмо 6 июля 1827. *Oeuvres*, XXIV, 140—1.

Вотъ въ этомъ пунктѣ, въ систематизаціи чувствительныхъ и воображаемыхъ представленій, Анфантэнъ встрѣтилъ противника прежде всего въ лицѣ Базара. Въ чемъ заключалось разногласіе, поясняетъ самъ Анфантэнъ.

Базаръ не отрицалъ существованія «мистического настроенія, приводящаго человѣка въ чувствительную связь со вселенной и внушающаго ему мысль о вѣчной жизни», но по соціальному значенію это чувство Базаръ ставилъ рядомъ со всѣми другими личными чувствами, любовью отца къ ребенку, жены къ мужу и проч. Но Анфантэнъ шелъ дальше. Сердечныя отношенія людей другъ къ другу связаны чувствомъ человѣколюбія—*филантропіей*, такая же связь должна существовать и въ чувствахъ человѣка ко вселенной, т.-е. въ мистицизмѣ. Онъ необходимо долженъ быть сливъ съ филантропіей, потому что филантропъ — атеистъ, не обладающій удовлетворительнымъ объясненіемъ своего бытія, будетъ лишенъ побудительныхъ мотивовъ къ дѣятельной любви, сосредоточится исключительно на личныхъ интересахъ, дойдетъ до убѣжденія въ тщетѣ славы, въ прозрачности совѣтѣ.

Очевидно, Анфантэнъ не вѣрить въ существованіе морали независимо отъ религіи,—помимо любви къ людямъ человѣкъ долженъ обладать неизвѣстными представленіями о Богѣ, только тогда онъ будетъ проявлять въ дѣйствительности свою филантропію. Въ этомъ разсужденіи не было ничего оригинального, Анфантэнъ цѣлкомъ заимствовалъ его изъ старой теологии. При этомъ признавалась творческая и обязательная сила *одолженія*, т.-е. по толкованію самого Анфантэна, *прогрессивное откровеніе*. Прогрессивно оно потому, что мѣняетъ свое содержаніе сообразно съ эпохами: «Мы, во имя Сенъ-Симона, люди прогресса». Откровеніе сенъ-симонистовъ сообразуется съ просвѣщеніемъ и потребностями различныхъ поколѣній».³⁾.

При такомъ объясненіи, повидимому, религіозная организація совершенно освобождается отъ произвола отдельной личности. Религія становится рядомъ съ принципами соціального строя, а они, мы знаемъ отъ Сенъ-Симона, подсказываютъ непосредственно даннымъ уровнемъ цивилизациі.

Но остается решить вопросъ, кто будетъ истолкователемъ откровенія, соответствующаго современному просвѣщенію и потребностямъ? И, наконецъ, кто приведетъ истолкованія въ систему и сообщить ей общеобязательную силу, т.-е. значение догмата?

Анфантэнъ не преминулъ представить рядъ краснорѣчивыхъ практическихъ и теоретическихъ отвѣтовъ, и практика шла впереди теоріи.

Мы знаемъ, Анфантэнъ расходился съ Базаромъ по вопросу о необходимости систематизировать внушенія сердца и воображеній и превратить подобную систему въ «соціальное учрежденіе». Базаръ, очевидно, желалъ голосъ сердца оставить въ области субъективныхъ настроений и представ-

³⁾ *Oeuvres. VIII, XXXIII—XXXIV.*

еній, потому что бывшему карбонару съ самаго начала была ясна гря-
ущая роль единоличнаго систематизатора и догматиста, разъ за патетиче-
скими побуждениями человѣческой природы будетъ признано идеиное и прак-
тическое значеніе наравнѣ съ фактами наблюденія и доказательствами ра-
ума. Базаръ не могъ безусловно отрѣшиться отъ критическихъ наклон-
ностей своего ума, а вскорѣ по ходу дѣла оказалось, что отрѣшиться
редстояло не только отъ анализа и критики, а просто отъ личной воли
личного здраваго смысла.

Въ ожиданіи пока надуманная теорія приметь «догматический харак-
теръ», Анфантэнъ рѣшилъ уже приложить ее на практикѣ. Онъ взялъ на
ебя трудъ вести корреспонденцію съ бывшими подписчиками *Производи-
теля* и давать имъ разъясненія насчетъ новаго ученія. Разъясненія клю-
ились въ сторону, лично угодную Анфантэну, и въ такомъ же смыслѣ
нъ вели споры съ своими товарищами по редакціи. Въ семейной пере-
искѣ, съ двоюродной сестрой и съ братомъ, онъ откровенно является
роповѣдникомъ «новаго евангелія», не боясь, что сатирический умъ брата
смотрить на его головѣ камилавку⁴). Это положеніе ему, видимо, льстить.
Но говорить уже именемъ Бога, его рѣчь безпрестанно превращается въ про-
вѣдь и пророчество, онъ чувствуетъ въ себѣ «священника будущаго», онъ
аспрастраивается о «привилегированныхъ существахъ», которые первыя слы-
шать голосъ Божій, всходить на Синай предъ лицо Всевышняго, *почти* под-
нимаются до Него и получаютъ повелѣніе просвѣтить другихъ, установить ме-
ду ними «симпатическую цѣль преданной покорности, любящаго могуще-
ства,—цѣль, безъ которой человѣчество не можетъ возвыситься до Бога».
Анфантэнъ увлекается самымъ процессомъ своей новой дѣятельности. Его
письма оказываютъ сильнѣйшее впечатлѣніе на него самого. Онъ будто
отдается самовнушенію и заявляетъ, какъ постепенно въ немъ выростали
се новые идеи о вѣчной жизни, о женщинахъ. Ему пришлось утѣшать
ѣкую даму, потерявшую мужа, прозелита сенъ-симонизма. Вдова обра-
гается за правственной помощью къ Анфантэну, и новый пророкъ, благо-
даря этому случаю, мѣняетъ всѣ свои взгляды на женщинъ. Мы сейчасъ
видимъ, какое значеніе должна была возымѣть эта перемѣна⁵).

Такъ продолжалось до конца 1829 года. Анфантэнъ успѣлъ окончательно
твердиться въ своемъ религіозномъ санѣ, но пока лишь неофициально.
Ногіе привыкли покорно внимать его откровеніямъ, но находились и про-
ститанты. Особенно много беспокойства доставлялъ Бюшезъ, писавшій въ
Производитель по естественно-научнымъ и медицинскимъ вопросамъ. Въ
емъ, очевидно, жилъ самый упорный критическій духъ, и Бюшезъ, по сло-
вамъ Анфантена, «продолжалъ споры, для всѣхъ другихъ исчерпанные, не
приходя ни къ какому рѣшенію». Оставалось покончить съ «досаднымъ» явле-
ніемъ, и Анфантэнъ однажды вечеромъ, послѣ собранія, заявилъ братьямъ

⁴⁾ *N. hist.* I, 220—1.

⁵⁾ *Nat. hist.* II, 17, 21, 99—100, 108—9.

Родригамъ, что анархія не можетъ дальше продолжаться, что фактическое положеніе вещей должно быть, наконецъ, признано открыто, т.-е. учреждена іерархія во главѣ съ нимъ, Анфантэномъ, и Базаромъ.

Олэцъ немедленно согласился, а Евгений, пребывавшій съ состояніемъ длящагося энтузіазма, былъ даже «очень счастливъ отъ этого прогресса». Такъ разсказываетъ самъ Анфантэнъ.

Но какъ отнесся къ вопросу Базарь?

Онъ до сихъ поръ являлся уполномоченнымъ публичнымъ ораторомъ доктрины. Съ декабря 1828 года сенъ-симонисты открыли въ Парижѣ курсъ сенъ-симонизма. Каждое чтеніе предварительно вырабатывалось на общихъ собранияхъ, и Базарь произносилъ его публично. Впослѣдствіи эти рѣчи составили два тома *Doctrine saint-simoniste*. Естественно, эта важная обязанность создала Базару авторитетъ въ то время, когда Анфантэнъ възпрепятствовалъ пропаганду сенъ-симонизма путемъ переписки⁹⁾). Но Базарь былъ далекъ отъ мысли уничтожить «республику» среди сенъ-симонистовъ. Впослѣдствіи Анфантэнъ заявлялъ, что онъ «призвалъ Базара раздѣлить съ нимъ верховную власть». Базарь просилъ времени на размышленіе, думая въ теченіе двухъ недѣль и, наконецъ, согласился, но это не значило, буди возникновеніе религіознаго авторитета было имъ признано навсегда. На противъ. По словамъ Анфантэнна, Базарь и впослѣдствіи, при всякомъ возможномъ шагѣ въ развитіи іерархіи, всегда просилъ времени для размышлѣній,—«времени!—воскликнулъ Анфантэнъ не то съ изумленіемъ, не то съ снисходительной жалостью¹⁰⁾.

Надо полагать, па первый рѣшительный шагъ Базара повлиялъ Огюст Родригъ. Онъ игралъ главную роль 31 декабря 1829 года, когда была объявлена іерархія. Родригъ произнесъ горячую рѣчь, называя себя единственнымъ дѣятельнымъ личнымъ ученикомъ Сенъ-Симона; «во мнѣ,—говорилъ онъ,—живое преданіе», указывалъ на *Новое христіанство* какъ въ воплощеніе *всей доктрины*, объяснялъ, что по его настояніямъ читалась, перечитывалась и все болѣе постигалась эта книга. Но уже годъ, какъ распространеніе ученія отъ него перешло въ руки Анфантэнна и Базара, онъ теперь передаетъ имъ «управление школой Сенъ-Симона» и чувствуетъ живѣйшую радость, высшее счастье и свое величие въ Сенъ-Симонѣ, послѣ того какъ обрѣлъ болѣе великихъ, чѣмъ онъ самъ.

Рѣчь Родрига закончилась братскими поцѣлуйами слушателей, потомъ говорилъ Базарь о томъ, что сенъ-симонизмъ повелѣваетъ каждому занимать достойное его мѣсто.

Торжество не обошлось безъ раскола. Тщетно Базарь говорилъ о разрывной связи соціальной и религіозной реформы, напавъ на непоколебимые диссиденты, съ Бюшезомъ во главѣ¹¹⁾.

⁹⁾ *Not. hist.* II, 110—1, 23.

¹⁰⁾ *Not. hist.* IV, 158.

¹¹⁾ *Ib.* II, 113—122.

Это было дурнымъ предзнаменованіемъ, но диссиденты имѣли дѣло съ фантэномъ, а его влекло впередъ неудержимо разгоравшееся воображеніе; чѣмъ поразительнѣе являлись мысли, чѣмъ, слѣдовательно, вѣриѣ могъ разсчитывать на ожесточенную критику и сатиру, тѣмъ рѣшильнѣе онъ пророчествовалъ, считая своимъ апостольскимъ призваніемъ рѣбу съ невѣрными и отступниками ⁹⁾).

Съ начала 1830 года мы присутствуемъ при разложеніи сенъ-симонизма къ философіи, насколько это зависѣло отъ новой іерархіи. И Анфантэнъ квально день за днемъ хоронить все, что только было завѣщано Сенъ-симономъ идеино-глубокаго и соціально-мощнаго.

Официально существуетъ одна глава, именуемая «Bazard-Enfantin», и инъ отецъ, но въ этомъ единствѣ таится глубокій раздоръ. Анфантэнъ въ выше поднимается въ пророческомъ азартѣ, усвоиваетъ чистѣйшій кровный католический языкъ и быстро достигаетъ папской высоты. Въ гдѣ 1830 года онъ сочиняетъ письмо о *calme*, немедленно получающее въ цркви значеніе св. посланія. *Je suis calme*, говоритьъ Анфантэнъ своему сыну, одному изъ членовъ церкви и ставить закономъ: «пусть улыбкающаго отца будетъ такъ же могущественна для насъ, какъ всѣ радостныя рожества человѣчества. Этотъ народъ, необъятное море, которое камень, явившій съ высоты, приводить въ движение на всемъ его пространствѣ до самого dna; этотъ Юпитеръ, о которомъ язычники говорили *Nuit tremescit utrumque*; вотъ что долженъ знать, долженъ чувствовать, долженъ съѣжжать сенъ-симонистскій папа» ¹⁰⁾).

Гдѣ папа, тамъ не можетъ не быть *теологіи*, ученія не доказываемаго, провозглашаемаго. И Анфантэнъ настаиваетъ на необходимости догматики, помимо морали. Въ его глазахъ сенъ-симонизмъ явленіе параллельно-раждебное христіанству, и въ немъ все должно быть католическое, только丑ого содержанія, но аналогичнаго происхожденія. Формы, слѣдовательно, были даны, оставалось создать догматъ. Онъ подсказывался положеніемъ вещей, самимъ смысломъ задачи: новый догматъ долженъ явиться аметральной противоположностью христіанскому. Это второй актъ раздающей дѣятельности Анфантэна. Первый закончился провозглашеніемъ пархіи съ *papой* во главѣ, второй—объявленіемъ ученія о *возстановлении материи* вмѣстѣ съ освобожденіемъ женщины.

Идея нового папства, несомнѣнно, въ сильнейшей степени—плодъ личаго темперамента Анфантэна, но нельзѧ отрицать извѣстной идеиной связи и съ сенъ-симонизмомъ самого Сенъ-Симона. Понятія о духовной власти, позитивной философіи, о земной морали, имѣющей общесудьбительное значеніе, могли привести къ матеріальной аналогіи нового идеала съ ревніемъ. А потому, мы знаемъ, Сенъ-Симонъ одинъ разъ обмолвился «первомъ папѣ новой научной теоріи», правда, выборномъ отъ всѣхъ

⁹⁾ Въ этомъ смыслѣ характеристика Анфантэна въ *N. hist.* III, 117—².

¹⁰⁾ *Oeuvres*. XXVII, 95—100.

ученыхъ европейскихъ обществъ, но для вдохновенія Анфантена было и достаточно и простого выраженія.

Но не идея пашства внесла непоправимый расколъ въ среду сень-симонистовъ и не она дискредитировала всю школу въ глазахъ общественнаго мнѣнія: Константъ могъ изощрять свое остроуміе надъ новыми египетскими и мемфисскими жрецами: это было не опасно для такихъ защитниковъ сень-симонистской философіи, какъ Базарь, блестательно отвѣчавшій либеральному публицисту¹¹⁾.

Но когда «верховный отецъ» провозгласилъ догматъ,—Базарь не только не могъ защитить «новую вѣру» отъ всеобщаго крика негодованія, презрѣнія и смѣха, но даже оказался не въ силахъ остаться въ юдѣйской церкви.

Какую же связь анфантеновскій догматъ имѣлъ съ міровоззрѣніемъ учителя?

Прежде всего, учение о *реабилитации матеріи*.

Все, что самого сильного можно найти въ сочиненіяхъ Сень-Симона въ этиѣ счѣть, заключено на нѣсколькихъ страницахъ *Нового христіанства*. Основная мысль философа: «истинное христіанство должно ставить людей счастливыми не только на небѣ, но и на землѣ». Для этого цѣли слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе не на *отвлеченныхъ идеяхъ*, а на *реальныхъ*. Сень-Симонъ выражается: *les idées sensuelles*, противопоставляя—*des idées abstraites*. Анфантенъ, приводя это мысль, успѣшилъ подчеркивать слово *sensuelles*, очевидно, желая извлечь изъ него саму рѣзкій материальный смыслъ. Ему это необходимо, чтобы перейти къ учению о невозбранномъ удовлетвореніи *чувственныхъ инстинктовъ*, даже возведеніи ихъ въ одну изъ основъ религіозно-соціального строя. Совершенно другое развитіе мысли у Сень-Симона.

У него нѣтъ ни единаго слова о *чувственномъ счастьи*, о любви, даже слово *женщина* не произносится: его *idées sensuelles* означаютъ «главная цѣль, какую вы должны ставить людямъ въ ихъ трудахъ,—улучшеніе нравственного и физического существованія наиболѣе многолюднаго класса». Все разсужденіе Сень-Симона исключительно соціального характера. Онъ возстаетъ противъ старой *метафизической* цѣли человѣческой жизни, противъ аскетическихъ подвиговъ, противъ самоистязанія постовъ,—но затѣмъ, чтобы поставить *реальную* цѣль, завоеваніе трудомъ всего земного шара и улучшеніе участія «бѣднаго класса». Это реабилитация *индустріи*, отвергаемой ученыемъ объ умерщвленіи плоти и пренебрѣніи къ земному счастью,—но отнюдь не реабилитація плоти, какъ источника чувственныхъ половыхъ наслажденій. Сень-Симонъ требовалъ и устаниаго труда и высшаго почета производительному труду,—Анфантенъ всю задачу учителя свелъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ мужчинъ и женщины. Сень-Симонъ аскетизму противопоставилъ дѣятельность, угл

¹¹⁾ *Producteur*. II, 565—6.

енной природѣ—жизнерадостную нравственную и физическую силу,—Анантэнъ, въ религиозной идеѣ духа усмотрѣть грубѣйшій контрастъ матеріи, и объявилъ не реабилитацію природы во всей полнотѣ ея способностей, а чувственности¹²⁾.

Идея эта не принадлежитъ самому «верховному отцу». Впервые ее предложилъ Евгений Родригъ. Въ одномъ изъ его писемъ говорится: «миссия Сенъ-Симона была *возстановить, искупить материю*»¹³⁾.

Это, слѣдовательно, обычный простейшій пріемъ—*творить новое*,—ишленіе по контрасту—пріемъ не органическій, а критическій. Подобной поверхности мысли невозможно встрѣтить у Сенъ-Симона, прекрасно понимавшаго органическую безсодержательность и практическую бесплодность, такъ сказать, поляризующаго резонерства. Критика революціоннаго общественного права достаточно свидѣтельствуетъ о проницательности філософа, и онъ не могъ допустить столь наивнаго противопоставленія міровозрѣній: для него *реабилитація плоти* въ прямой противовѣсь *реабилитациіи духа*—такая же метафизика, какъ и отвлеченные идеи средневѣковаго аскетизма.

До какой степени Сенъ-Симонъ былъ далекъ отъ вдохновляющей идеи анфантэнистовъ, показываетъ удивительный фактъ: весь анфантэнізмъ построенъ на учениіи о трехъ формахъ половой любви, а Сенъ-Симонъ касательно женщины во всю свою жизнь написалъ единственную фразу—и то въ сочиненіи, о которомъ онъ ни слова не говорилъ своимъ ученикамъ,—въ сочиненіи, будто забытомъ самимъ авторомъ. Проектируя въ *Письмахъ жнеевскаго обывателя* учрежденіе научно-философской власти—по подпискѣ, Сенъ-Симонъ замѣтилъ: «женщины будутъ допущены къ подпискѣ; они могутъ быть избираемы»¹⁴⁾. Если вспомнить, что сочиненіе было написано въ Женевѣ, поднесено г-же Сталь съ самыми стремительными чувствами—къ писательницѣ и къ женщинѣ,—не будетъ опрометчивымъ предположить, что исключительная фраза обязана своимъ происхожденіемъ не філософи, а его настроению и джентльменству¹⁵⁾.

Анфантэнъ до конца прошелъ путь, удалявшій его отъ завѣтовъ Сенъ-Симона. Реабилитація матеріи, породившая задачу опредѣлить новыя отношенія женщины къ мужчинѣ, должна была отодвинуть на задній планъ юціальный вопросъ. Именно этотъ вопросъ привелъ къ сенъ-симонізму наиболѣе отзывчивыхъ, здоровыхъ и даровитыхъ послѣдователей. Пьеръ Беру точно выразилъ притягательную силу сенъ-симоновскаго движенія и современной молодежи. «Полное освобожденіе наиболѣе многочислен-

¹²⁾ *Oeuvres*. XXIII, 147. Цитаты Анфантена изъ *Нового христіанства въ Enseignements. Oeuvres*. XIV, 6—15.

¹³⁾ *Lettres sur la religion et la politique*. 25.

¹⁴⁾ *O. choisies*. I, 34.

¹⁵⁾ Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ сенъ-симонизма даже совсѣмъ не замѣтилъ приведенной фразы и заявляетъ: „Saint-Simon n'avait pas prononc  le nom de la mame“. Charl ty. *Histoire du saint-simonisme*. Р. 96, 163.

наго и бѣдного класса, классификація по способностямъ и дѣламъ—во всяко время были для насть инстинктивными вѣрованіями, для насть, вышедшихъ изъ парода, и мы цѣнили самихъ себя только по нашимъ способностямъ и по нашей дѣятельности. Подобный догматъ окончательно открывалъ намъ нашу собственную мысль и отвѣчать направлению нашего ума, всѣмъ желаніямъ нашего сердца»¹⁶⁾.

И вмѣсто этого возникаютъ безконечные споры о безбрачії, о много-желствѣ, о равноправіи, о постоянствѣ, о супружеской измѣнѣ. Естѣ ст въ падатѣ поднимается вопросъ о разводѣ, и Апфантэнъ пользуется случаемъ—взволновать всю свою церковь надуманной темой. Разговоры, по его рассказамъ, идутъ ежедневно, продолжаются отъ двухъ до десяти или одиннадцати часовъ вечера. Члены іерархіи не показываются даже среди своихъ учениковъ. «Нашъ вѣшний видъ,—сообщаетъ Апфантэнъ, — носиль отпечатокъ мучительной тревоги и религіозной экзальтациіи, одушевившей насъ среди этой всепной драмы»¹⁷⁾.

Въ сущности, для него самого не было драмы. Онъ уже рѣшилъ вопросъ. Въ августѣ 1831 года онъ послалъ матери письмо съ положеніемъ своего догматата. Сущность его слѣдующая. Существуетъ два типа людей—постоянныи и перемѣнчивыи, съ увлеченіями глубокими и съ мимолетными. Тому и другому типу надо дать равноправное и цѣлесообразное мѣсто въ соціальномъ строѣ. Сенъ-Симонизмъ создастъ двѣ формы «религіи любви»: одна—одинъ и тотъ же мужчина на всю жизнь съ одной и той же женщиной, другая—разводъ и новый союзъ. Но есть еще третья форма, гораздо болѣе соціализирующая и религіозная. Апфантэнъ не сразу решается объяснять ее матери, предварительно онъ убѣждаетъ ее покинуть съ прошлымъ міромъ и съ настоящимъ и искать будущаго.

Третья форма, любовь жреца и жрицы новой религіи. Священническая чета должна соціализировать разные типы, регулировать ихъ страсти въ интересахъ прогресса, т.-е. въ одномъ случаѣ «умирять распущеніе чувственныхъ пороковъ», въ другомъ «разогрѣвать оцѣпѣлые чувства». Пары вѣрующихъ должны учиться любви у жреца и жрицы. Апфантэнъ оговаривался, что для окончательной формулировки догматата ему надо выслушать голосъ женщины,—но что касается его, какъ мужчины, онъ сознавался: «я понимаю никакорыя обстоятельства, когда я согласился бы, что только моя жена способна дать счастье, здоровье, жизнь кому-либо изъ моихъ сыновей въ Сенъ-Симонѣ»¹⁸⁾.

Мы не знаемъ, чтѣ отвѣтила Апфантэну его мать непосредственно,—по вѣ яварѣ слѣдующаго года она его привѣтствовала восторженно, когда послѣдователи Сенъ-Симона одинъ за другимъ покидали его¹⁹⁾.

Но пока Апфантэнъ не решался говорить съ своими «дѣтьми» такъ же

¹⁶⁾ Статья 18 янв. 1831 въ *Globe*.

¹⁷⁾ *Not. hist.* IV, 38, августъ—сентябрь 1831 г.

¹⁸⁾ *Oeuvres.* XXVII, 191—201.

¹⁹⁾ *Not. hist.* V, 91.

кровенно, какъ съ матерью. Онъ только безусловно отказался отъ социальныхъ задачъ и весь «погрузился въ догматическая изысканія». Это гдѣ называлъ—стремиться къ цѣлямъ несравненно болѣе великимъ, говорить именемъ Бога, пребывать на высотахъ мысли, презирая мелкие заботы текущей политики. Когда его убѣждали заняться соціальной реформой, въ отвѣтъ онъ совершилъ «жреческий актъ», т.-е. вѣличалъ молодыхъ юдей по сенъ-симонистскому обряду. «Экзальтациѣ» охватила его, и онъ ехъ къ «необъятнымъ горизонтамъ», не обращая вниманія на видимую истинность ²⁰⁾.

Чтѣ же дѣлали Базарь и Родригъ?

Базарь, съ своей логикой, философско-политическимъ краснорѣчіемъ, все больше тускнѣлъ предъ Анфантѣномъ, умѣвшимъ вызывать энтузиазмъ до первыхъ припадковъ, до истерическихъ исповѣдей, до объятій со слезами криками. Его послѣдній офиціальный актъ въ качествѣ сенъ-симонистаго главы—письмо къ президенту палаты 1 октября 1830 года. Письмо, написанное и Анфантѣномъ, опровергало рѣчи депутатовъ, приписывавшихъ сенъ-симонистамъ проповѣдь общенія имуществъ и женщинъ. Письмо объясняло сенъ-симонистскій принципъ каждому по способностямъ и каждой способности по ея дѣламъ и заявляло уваженіе къ христіанскому браку,—только жена должна быть безусловно равной мужу, и въ будущемъ ціальная личность будетъ не одинарная *мужчина*, а *мужчина и женщина* ²¹⁾.

Прощель годъ, Анфантѣнъ окончательно утвердился въ своихъ идеяхъ. Уже и въ 1830 году онъ подписалъ письмо изъ политики, христіанскій бракъ онъ отвергалъ гораздо раньше, тѣмъ не менѣе 17 октября 1831 года Олэндъ Родригъ прочиталъ «замѣтку» о бракѣ и разводѣ, весьма далекую отъ задушевныхъ идей Анфантѣна, представлявшую просто либеральный взглядъ на вопросъ ²²⁾.

Дѣло не могло остановиться на этой точкѣ. Анфантѣнъ вызвалъ, на-ищець, рѣшительное обсужденіе вопроса. Оба «отца» въ теченіе нѣсколькихъ дней вели жаркій словесный бой, пѣкоторые вѣрующіе пришли въ крайнее смущеніе и обратились къ «отцамъ» съ мольбой—возстановить бракъ, сосредоточить вниманіе на «наиболѣе многочисленномъ и бѣдномъ классѣ». Но сраженіе окончилось пока только подчиненiemъ Базара Анфантѣну. Къ этому собственно и стремился Анфантѣнъ, и Родригъ опять, въ качествѣ хранителя преданія, освятилъ перемѣну. Но примиреніе продолжалось не больше четырехъ дней,—Базарь удалился окончательно, объявляя себя «главой новой іерархіи».

Спустя нѣсколько дней ушли Леру, Карно, Жюль Лешевалье, ушли

²⁰⁾ *Not. hist.* IV, 109, 111, 117.

²¹⁾ *Ib.* IV, 119—125. Перепечатано въ приложениіи къ I-му тому *Doctrine de S.-Simon.* 3 ed. P. 1831.

²²⁾ Напечатано въ *Not. hist.* IV, 127—134 и въ приложениіи къ *Oeuvres de S.-S.*, въ изданіи Родрига.

даже самые пламенные энтузиасты, вродѣ Казо, Трансона, Рейно, и всѣ они, покидая церковь, бросали Апфантэну горькія и подчасъ жестокія упрѣзы въ скороспѣлости его ученія, въ деспотическихъ притязаніяхъ на чужую личную независимость, а Казо заявлялъ, что доктрина Апфантэна знаменуетъ всеобщее разложеніе въ политической, гражданской и нравственной порядкѣ. Рейно объяснялъ, что доктрина Апфантэна отнимаетъ у человѣка достоинство и совѣсть.

Апфантэнъ остался непоколебимъ и приступилъ къ организаціи новой іерархіи, провозглашая себя «отцомъ человѣчества». Родригъ немедленно имелъ у него «верховный отцомъ» и готовъ отвѣтить всякому, кто можетъ сказать, будто сень-симонистская религія не тамъ, где онъ, Родригъ! Онъ произноситъ страстную рѣчь, безпрестанно восклицая: «я сень-симонистъ!» Онъ вспоминаетъ, наконецъ, объ юльской революціи, восхваляетъ народъ и излагаетъ планъ «банка работниковъ» или «финансовой асоціаціи сень-симонистовъ». «Верховный отецъ сень-симонистской религіи»—высшій распорядитель. И Апфантэнъ, дѣйствительно, обладалъ большими філософскими талантами,—только теперь онъ поглощенъ мыслью о судьбѣ женщины. «Моя миссія спасти преимущественно женщинъ, потому что ихъ преимущественно я люблю и моя миссія въ моемъ сердцѣ»²³⁾.

Такъ пишетъ Апфантэнъ въ январѣ 1832 года. Въ январѣ и февралѣ онъ открыто проповѣдуетъ новую «мораль», отнюдь не примѣнная ея на практикѣ, въ ожиданіи новой женщины-жрицы, для которой послѣ удалѣнія Базара появилось рядомъ съ мѣстомъ Апфантэна свободное кресло. Въ теоріи доказывалась мораль будущаго, а на практикѣ рекомендовалось слѣдоватъ пока христіанской морали. Явится женщина и выскажется. Родригъ, недавно провозглашавшій Апфантэна «самымъ религіознымъ, самъ нравственнѣмъ человѣкомъ своего времени, достойнымъ и истиннымъ послѣдователемъ Сень-Симона», не выдержалъ двойственности положенія и въ февралѣ 1832 года покинулъ «верховнаго отца». Появился его «манифестъ» къ сень-симонистамъ. Родригъ совершенно точно называлъ ученіе Апфантэна—«общеніе женъ», бралъ на себя, какъ «прямой ученикъ Сень-Симона», всю задачу учителя и призывалъ мужчинъ и женщинъ основать вмѣстѣ съ нимъ «союзъ мирныхъ работниковъ во имя новаго христіанства». И Родригъ, подобно Базару, подписывался подъ своимъ протестомъ «глава сень-симонистской религіи»²⁴⁾.

Слѣдовательно и Родригъ, и Базарь одинаково характеризовали доктрину Апфантэна—*la compitancie des femmes, la promiscuité*²⁵⁾. Явилось сразу

23) *Oeuvres*. XXVII, 207—8.

24) *N. hist.* V, 240. Перепечат. въ приложении къ *Oeuvres*, изд. Родрига.

25) Критика Базара на ученіе Апфантэна въ сборникѣ, носящемъ общее название *Dissidens*, въ Bibliothèque d' Arsenal, Fond Enfantin 338. Здѣсь же протестъ Трансона, перешедшаго въ фурьеризмъ, и очень рѣзкая критика притязаній Апфантэна, подписанная *Toussaint de Belgique*. Протестующее письмо Базара въ редакцію *Globe-Not. hist.* V, 243.

ри главы новой религии, — но двѣ не имѣли сплоченныхъ послѣдователей, — съ Аифантѣномъ, уличаемымъ въ тяжкой безнравственности, остававшись довольно многочисленная «семья» и, несомнѣнно, отъ имѣть наибольшее фактическое право именовать себя «*chef de la religion*».

Легко представить, какой плодъ принесли всѣ эти события для нравственного авторитета и общественного положенія сенъ-симонизма.

XII.

Чѣмъ ярче обнаруживался религиозный духъ сенъ-симонистского общества, тѣмъ, повидимому, выше поднималось имя Сенъ-Симона. Въ периодъ изданія *Производителя* Сенъ-Симонъ пока еще «одинъ изъ философовъ, со всемъ страстью увлеченныхъ общимъ благомъ». Такъ выражается Олэндъ Родригъ, авторъ статей о Сенъ-Симонѣ. Намѣреніе у «единственного ученика» было вполнѣ цѣлесообразное: познакомить общество съ личностью и особенно съ произведеніями учителя. Статьи наполнены обширными выдержками изъ брошюры Сенъ-Симона, авторъ пытался представить путь его послѣдовательного философскаго развитія, дать точное опредѣленіе сенъ-симонистскимъ понятіямъ, — но статьи прервались обѣщаніемъ: Родригъ готовился пересмотрѣть всѣ работы, установившія сенъ-симонистскую доктрину, — когда онъ окончить пересмотръ, онъ познакомить съ результатами публику ²⁶⁾.

Обѣщаніе оставалось не выполненнымъ ни въ какомъ смыслѣ, — т.-е. Родригъ не только не написалъ обѣщанныхъ статей, но до конца изданія журнала не пересмотрѣть и сочиненій Сенъ-Симона. Онъ сосредоточился на *Новомъ христіанствѣ* и на возведеніи Аифантѣна въ санъ «верховнаго отца». Есть извѣстіе, будто онъ сообщилъ ему изреченіе Сенъ-Симона: «соціальная личность — мужчина и женщина» ²⁷⁾). Для Аифантѣна это сообщеніе было цѣлью всей остальной философіи «учителя», страннымъ образомъ не оставившаго никакихъ отраженій столь краснорѣчивой идеи въ своихъ произведеніяхъ. Но пока издается *Производитель*, среди сенъ-симонистовъ еще пѣть религиозной экзальтаци. Правда, Конть, по обыкновенію, чрезвычайно рѣзко подчеркиваетъ идеи Сенъ-Симона о духовной власти, указываетъ, какъ глубоко знала человѣческую природу католическая философія, говорить о вѣрѣ, т.-е. о «наклонности вѣрить самопроизвольно» ²⁸⁾), безъ предварительного доказательства, въ догматы, провозглашенные компетентнымъ авторитетомъ.

²⁶⁾ *Producteur*, I (апрѣль—июль). *De Henri de Saint-Simon.*

²⁷⁾ Cp. Weill. 36.

²⁸⁾ *Spontanéité* — излюбленѣйший терминъ контовской философіи — иногда имъ пестрѣть цѣлыя страницы. Онъ соответствуетъ понятію — *органический*, встрѣчаясь часто рядомъ съ нимъ (*Syst. de pol. posit.* I, 205) — характеризуетъ вообще отсутствие *rationnalisme*, разсудочнаго, предумышленного элемента въ дѣйствіяхъ. Терминъ появляется въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Конта, взамѣнъ сенъ-симоновскаго

Контъ настаиваетъ на догматизмѣ до такой степени, что рѣшаетъ признать «очень почетныи и даже необходимыи» политическое мышленіе ретроградной школы: она, съ одной стороны, предохраняетъ общество отъ безусловнаго преобладанія критическихъ доктринаў, а потомъ побуждаетъ новую цивилизацию создать, наконецъ, надлежащую нравственную систему. Естественно, съ похвалой припоминается Деместръ. Контъ спѣшилъ оправдаться, что возстановленіе старой системы немыслимо. Деместръ потѣшалъ только *исторически*, т.-е. онъ помогаетъ оцѣнить «необъятныя блага цивилизации», оказанныя человѣчеству старой системой. Но, съ другой стороны, реакціонные мыслители укрѣпляютъ общій предразсудокъ противъ духовной власти—именно своей защитой отжившей системы ²⁹⁾.

Какъ разобраться въ этихъ разсужденіяхъ? Съ одной стороны, помощь для духовной власти, съ другой,—вредъ; съ одной стороны, охрана отъ господства критики, съ другой,—помѣха системѣ. Контъ, видимо, чувствовалъ себя въ безпомощномъ положеніи на страницахъ *Производителя*. Недаромъ онъ называлъ его «très vicieux» и свои статьи считалъ «друже обставленными» ³⁰⁾). Дѣйствительно, пока стремительность Кonta по измѣненію къ католической организаціи не раздѣляется сенъ-симонистской школой ³¹⁾.

Контъ, сгѣдовательно, опередилъ Анфантена въ *публичномъ* признаніи церковныхъ тенденцій и, несомнѣнно, въ лицѣ его была уже готова та «нравственная сила, правильно организованная», которая обязана внушать каждому «энергію» во имя признаннаго догмата,—одинъ изъ «истоковътелей, возникающихъ стихійно», однимъ словомъ—*органъ для выполнения религіозныхъ функций* ³²⁾.

Фактъ—достойный вниманія. Въ средѣ только что возникшей философско-соціальной школы два человѣка почувствовали себя привлеченными пророческое поприще въ самомъ прямомъ—*иерархическомъ*—смысѣ. Мы видѣли, и Сенъ-Симонъ не отказывался признать за собой «божественную миссію», но это было высшимъ выраженіемъ убѣжденія въ своей *дѣлѣ*, а не вѣры въ свою *личность*. Напротивъ, врядъ ли никому философу такъ часто приходила охота исповѣдовывать публично свою несостыдную

la force de la nature и spontanéité, какъ характерная черта исторической эволюціи, становится типичнымъ выраженіемъ въ контовской школѣ. Пьеръ Лафитъ даже считаетъ особыеннымъ завоеваніемъ контовскаго ума это представление, отрицающее въ Кондорсе и кстати у Турго,—совершенно, какъ мы знаемъ, несправедливо стоя рядомъ этихъ философовъ. *R. Occid*—1 juillet 82. 27.

²⁹⁾ *Syst. de pol. pos.* IV. App. 197—8, 207.

³⁰⁾ *Lettres à Valat*. 189—90.

³¹⁾ Контъ уже въ 1826 году считалъ достойной подражанія организацію католической церкви—*quant à l'étendue et à l'intensité d'action*,—разумѣется, на основаніи другой „вѣры“. *Ib.* 193.

³²⁾ *Ib.* 205, 207 том.: „des interprètes, qui se produisent spontanément“, Афористъ одному изъ своихъ корреспондентовъ особенно указывалъ на статьи Кonta, и находилъ ихъ „durs à digérer pour le vulgaire“. *Oeuvres*. XXIV, 76.

ельность и приглашать къ себѣ помощниковъ, какъ Сенъ-Симону, пріѣхъ его «видѣніяхъ» и даже бесѣдахъ съ Карломъ Великимъ. Тамъ горюла экзальтированная, патетическая натура,—Анфантэнъ и Конть усвоили идею *позитивизма* путемъ, можно сказать, политическимъ и політическимъ. И такъ какъ самая идея стояла въ естественномъ противорѣчи съ позитивнымъ характеромъ новой философіи, Сенъ-Симонъ, вполнѣ осмѣдовательно, долженъ былъ потерпѣть жесточайшіе удары своей личности и своему дѣлу — отъ обоихъ первосвященниковъ, несмотря на неоднократное ихъ личное отношение къ нему.

Въ то время когда Конть съ годами накоплялъ все болѣе глубокую ненависть противъ Сенъ-Симона, редакторы *Производителя* проникались все болѣе горячими восторгами къ своему учителю.

Анфантэнъ сравнительно хладнокровно говорить о немъ въ письмахъ, хотя и съ глубокимъ уваженіемъ,—зато публично сенъ-симонисты не щадятъ никакихъ эпитетовъ. Начавъ излагать свое ученіе въ лекціяхъ, они заявили свое неограниченное преклоненіе предъ Сенъ-Симономъ, поставили его рядомъ съ Сократомъ, провозгласили его жизнь идеаломъ: она полна кертвъ, униженій и въ то же время невозмутимаго спокойствія даже предъ лицомъ смерти ³³⁾. Въ отвѣтъ на нападки враговъ они напечатали біографію своего учителя и объяснили общий смыслъ его философской дѣятельности.

Враги припоминали мало назидательную жизнь Сенъ-Симона и но пей делали произнести приговоръ доктрины. Сенъ-симонисты отвѣчали указаниемъ, что жизнь ихъ учителя—истинная эмблема его ученія, потому что она—эмблема совершенствованія, и сенъ-симонисты воскликали: «человѣчество! Сенъ-Симонъ—святой въ твоихъ глазахъ». Дальше излагалось его ученіе—въ очень общихъ чертахъ и больше всего мѣста отводилось восгорамъ предъ религіознымъ пророческимъ подвигомъ Сенъ-Симона,—предъ *Новымъ христіанствомъ*, «философъ науки, законодатель промышленности»—явился «пророкъ закона любви».

Почти вся довольно длинная статья состояла изъ восклицаній и молитвенныхъ обращеній,—и до конца оставалось позывѣстнымъ, въ честь заключалась «философія науки» у Сенъ-Симона, каковы были его законы для промышленности, и какая связь между философіей, законодательствомъ и *новымъ христіанствомъ* ³⁴⁾? Было ясно одно: ученики въ безграличномъ восторгѣ предъ своимъ учителемъ,—по какой же сектѣ не свойственны восторги и для кого они могутъ быть убѣдительны?

Но на этомъ восторги не остановились. Послѣ *Изложеннія доктрины* послѣдовали проповѣди, возникла іерархія—спачала «отецъ» и «глава» въ двухъ лицахъ, а потомъ одинъ *Père suprême*, температура чувства подня-

³³⁾ *Doctrine de Saint-Simon. Première année.* Р. 1831, 32—3.

³⁴⁾ *A un catholique sur la vie et le caractѣre de Saint-Simon, Organisateur, 19 mai 1830. Перевеч. въ *Doctrine.* Ib. 59—75.*

лась въ ущербъ логикѣ, и Сенъ-Симонъ—соответственно іерархическимъ представлениямъ—украсился новыми цветами краснорѣчія²⁵). «Божественнымъ человѣкомъ» его называли вскорѣ послѣ возникновенія іерархіи,—теперь онъ окончательно превращается въ идеаль, его жизнь—въ священный символъ, всякая черта его біографіи изображается самыми пышными красками—«славное нищенство», «возвышенный уклоненія» въ поискахъ за истиной, «одинокое откровеніе». Это одиночество—удобный предметъ прославлять братьевъ Родриговъ, Олэндъ—«наследникъ обѣтованія», «связь нового общества съ Сенъ-Симономъ», Евгений—первый, пока единственный, кого «новое человѣчество провозгласило святымъ устами нашихъ отцовъ»²⁶.

Особенно картина Родригъ рисуетъ успѣхи новой религіи, взирая на многочисленное собраніе слушателей сенъ-симонистскихъ бесѣдъ. Другие думаютъ также: имя Сенъ-Симона становится великимъ среди людей. Во время собраній безпрестанно слышатся восторженныя восклицанія въ честь «учителя», создавшаго «новый міръ, новое человѣчество»²⁷.

Но у Сенъ-Симона имѣется сильный конкурентъ. По уходѣ Базара, Анфантэнъ является «верховнымъ отцомъ» и предметомъ настоящаго культа для нѣкоторыхъ особенно очарованныхъ энтузіастовъ. Одинъ изъ проповѣдниковъ публично обращается къ нему съ такими словами: «я вѣрю въ обожаю, какъ высшее проявленіе Божества въ человѣчествѣ»²⁸). На него съ Сенъ-Симона переносится наименование *Révélateur*. Гюставъ Эйталь, послѣ откровенія, его осѣнившаго, умоляетъ Анфантэнъ, чтобы онъ объявилъ себя Мессіей и царемъ народовъ. Анфантэнъ, пока не явилась женщина, не рѣшается этого сдѣлать, но онъ действительно чувствуетъ себѣ первымъ на землицѣ человѣческихъ существъ²⁹).

И Анфантэнъ на самомъ дѣлѣ былъ названъ публично «мессіей и царемъ народовъ». Сенъ-Симонъ отходилъ въ тѣнь,—и Эйталь говорилъ о немъ, какъ объ ошибочно-предполагавшемся мессіи.

При такихъ условіяхъ нечего было ждать вниманія къ личнымъ идеямъ Сенъ-Симона и исторического изученія его философіи и жизни. Въ идеи его не было нужды,—Анфантэнъ развила теорію «живого закона». Это—

²⁵) *Exposition de la doctrine*, редактируемое Базаромъ, началось 17 декабря 1828 года, продолжалось весь слѣдующій годъ и начало 1830-го. Съ преобразованіемъ школы въ религію—открылись *Prédications* и продолжались до первыхъ мѣсяцевъ 1832 года, отражая внутреннія перемѣны въ іерархіи все болѣе горячимъ подъемомъ религіозной экзальтациіи.

²⁶) *Prédications*. Р. 1877—8. I, 33, 69, 492—7; II, 196, 391, 204 etc.

²⁷) *Nat. hist.* III, 162, 181, 225; IV, 140; V, 168 etc.

²⁸) *Ib.* V, 19.—Барро, одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ секты, лекторъ, вызывавший въ аудиторіи припадки энтузіазма. Ср. *N. hist.* III, 230.

²⁹) *Ib.* VI, 184. Эпизодъ съ Эйтalemъ, безусловно искреннимъ и настолько и зауриднымъ, что съ нимъ переписывался о сенъ-симонизмѣ и Миль, эпизодъ—одинъ изъ характернейшихъ въ исторіи религіознаго сенъ-симонизма. Подробно—съ приложеніями Анфантэна—VI, 184—197.

ничинчный человѣкъ, влекущій за собой человѣчество въ данную эпоху ⁴⁰). Е могло быть сомнѣнія, что этотъ *loi vivante* воплощенъ въ Анфантэнѣ,— воплощеніе всегда было налицо,—и, по мнѣнію Родрига, сила его слова звучала нагорной проповѣди. А сочиненія Сенъ-Симона были почти неиздѣтны,—многія даже не напечатаны. Кому могла придти охота вести рыбью съ этимъ хаосомъ?

Охота пришла Родригу. Онъ слышалъ кругомъ, какъ нападавшіе на инфантена жаловались на вновь наставшее для нихъ безпріютное нравственное состояніе, какъ нѣкоторые намѣревались создать свою доктрину и найти новую. Самъ Родригъ не могъ не чувствовать себя глубоко скорбленнымъ въ качествѣ обладателя наслѣдія. Ему оставалось только выдвинуть авторитетъ Сенъ-Симона противъ узурпатора, и онъ рѣшаетъ здать сочиненія учителя. Опубликовать *если* сочиненія онъ признается воей *mission*, такъ онъ говорить въ обращеніи къ публикѣ, и, очевидно, на свое предпріятіе смотритъ, какъ на орудіе борьбы противъ Анфантена и Базара—противъ базаровскаго индивидуализма и ориенталистическихъ доктринъ безсмысличного обожанія и чувственной пошлости, скѣпляющихъ инфантенистовъ. «Мнѣ,—восклицалъ Родригъ,—вдохнуть итуазізмъ сенъ-симонистскимъ апостоламъ» ⁴¹).

Задача Родригу предстояла нелегкая. Что же онъ сдѣлалъ и въ какомъ состояніи оставилъ эту задачу для позднѣйшихъ издателей сочиненій Сенъ-Симона?

Врядъ ли можно указать писателя съ такой безпорядочностью публиковавшаго свои труды и чьи-либо труды, пережившіе и переживающіе до нашихъ дней такую печальную судьбу, какъ Сенъ-Симона и его произведенія. Въ то время, когда онъ страстно хлопочетъ о созданіи новой доктрины, считаетъ себя призваннымъ инициаторомъ этого исторически-необходимаго дѣла, усиленно старается познакомить съ своими идеями ученихъ,—онъ нисколько не заботится объ ихъ распространеній въ большой публикѣ. Эта публика будто не существуетъ, философъ относится къ ней съ пренебреженіемъ, вызвавшимъ неудовольствие у Тьери даже въ самомъ начальствѣ его знакомства съ «учителемъ». Первое сочиненіе Сенъ-Симона—*Lettres d'un habitant de Gêneve*, въ высшей степени важное въ исторіи тѣхъ идей,—считаемое даже, какъ мы видѣли, въ кругу сенъ-симонистовъ а первоисточникомъ философіи Конта,—забывается авторомъ немедленно послѣ изданія и объ его существованіи даже «ближайшіе друзья» Сенъ-Симона узнаютъ лишь нѣсколько мѣсяцій спустя послѣ его смерти ⁴²).

⁴⁰) *Oeuvres*. XIV, 103, 110.

⁴¹) *Préface* къ 1-му выпуску *Oeuvres de S.-S.* Перепеч. въ *N. hist* VI, 41. „En ce moment l'orientalisme et les doctrines d'adoration stupide et de lâcheté sensuelle aveuglent tous les *Enfantinestes*. Ceux qui se sont séparés avec Bazard sont retournés à des travaux individuels“.

⁴²) Hubbard. 38. Fournel. 12. Нѣсколько мѣсяцій—у Гюббара, по словамъ Родрига Письма „были найдены“ въ концѣ 1826 г., т-е. приблизительно чрезъ полтора года послѣ смерти Сенъ-Симона. *Oeuvres*. XV, 7—8.

А между тѣмъ сочиненіе надолго остается единственнымъ изданіемъ,—хотя въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и безъ имени автора⁴²⁾.

Послѣ *Писемъ* слѣдовала *Introduction aux travaux scientifiques du XIXe siècle*—въ двухъ томахъ, выпущенныхъ въ 1808 году въ ста экземплярахъ для раздачи членамъ института. Сочиненіе оставалось въ такомъ положеніи до 1859 года, когда сенѣ-симонистъ Лемоннѣ перепечаталъ его въ *Oeuvres choisies. Введение*, представленное въ Бюро долготъ, встрѣтило крайне холодный приемъ, и Сенѣ-Симонъ послалъ шесть писемъ въ это учрежденіе и одно въ первый классъ института. Эти *Lettres au Bureau des longitudes* были напечатаны,—но до сихъ поръ не вошли ни въ одно собрание сочиненій Сенѣ-Симона.

Въ 1810 году выходитъ *Esquisse d'une nouvelle encyclopédie* и до таѣи степени основательно затеряется, что слѣдъ его едва отыскиваютъ въ датели сочиненій Сенѣ-Симона и Анфантэнна въ 1867 году,—когда сочиненіе впервые и перепечатывается.

Непосредственно слѣдуетъ *Nouvelle Encyclopédie*—въ ней всего 2 страницъ: только въ 1868 году издатели *Oeuvres* находятъ нужнымъ перепечатать отрывокъ размѣромъ около страницы.

Фурнель была известна еще рукопись *Mémoire sur l'Encyclopédie*, а она относить также къ 1810 году,—рукопись осталась не напечатанной и не найденной.

Фурнель не упоминаетъ вовсе о *Histoire de l'homme*,—57 страницъ напечатанныхъ также въ 1810 году, изъ нихъ перепечатано только *Avertissement* въ 1868 году въ *Oeuvres*.

Дальше слѣдуетъ рукопись, относящаяся къ дѣлу Сенѣ-Симона съ Редерномъ. Она возникла въ 1811 году, содержаніе ея существенно въ философии Сенѣ-Симона,—и только въ 1867 году издатели *Oeuvres* покупаютъ случайно часть рукописи и перепечатываютъ. Въ томъ же 1811 годѣ возникаютъ *Lettres philosophiques et sentimentales*, содержащія многія основныя положенія доктрины, и *Письма* остаются ненапечатанными. Въ распоряженіе позднѣйшихъ издателей попадаетъ только «lameau du manuscrit».

Вообще вся переписка съ Редерномъ представляется въ хаотическомъ состояніи. Фурнель, обладавшему многими рукописями Сенѣ-Симона и въ свѣжий слѣдъ въ 1833 году напечатавшему *Библиографію* его произведеній,—извѣстенъ только *Mémoire introductif de M. de Saint-Simon sur la contestation avec M. de Redern*, напечатанный въ Алансонѣ въ 1822 году вмѣстѣ съ несколькими письмами. Но уже Лемоннѣ знаетъ, кроме этой Записки, еще три печатныхъ документа, также вышедшихъ въ 1812 году въ Алансонѣ: 1) *Cinq lettres de Saint-Simon citées à suite d'un mémoire de M. de Redern sur les anciennes relations avec*

⁴²⁾ Точная принадлежность *Писемъ* Сенѣ-Симону была установлена въ 1863 году нашедшись экземпляръ съ собственноручными письмомъ Сенѣ-Симона къ Барту, первому комсулу,—перепечатано *Oeuvres. XV, 8—9.*

Saint-Simon; 2) Réponse de M. de Saint-Simon à M. de Redern, première lettre; 3) Réponse de M. de Saint-Simon à M. de Redern, seconde lettre. Позднейшіе издатели изъ всѣхъ этихъ сочиненій перепечатали незначительную часть: изъ *Mémoire introductif* только общія разсужденія и притомъ съ пропусками; изъ *перваго письма* и второго перепечатаны—краткіе post-scriptumъ, въ нѣсколько строкъ. Оба эти письма были выпущены въ апрѣль 1812 года,—существовалъ еще *Отвѣтъ Сенъ-Симона* отъ 25 юля того же года не разрѣшенный къ печати,—изъ го издатели *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin* перепечатали только *vant-propos*⁴⁴⁾.

Слѣдуетъ 1813 годъ,—возникаетъ *Travail sur la gravitation universelle* *Mémoire sur la science de l'homme*. *Travail* переписывается въ нѣсколько копіяхъ для представленія императору, сенату, государственному совету и тремъ классамъ института,—точное количество копій пеизвѣстно, *émoire* появляется въ 60 копіяхъ. Оба сочиненія первостепенной важности въ философіи Сенъ-Симона и въ исторіи позитивизма,—остаются напечатанными до 1858 года, когда ихъ издастъ Апфантэнъ. Издатель зволяетъ себѣ, по его выраженію, «нѣсколько легкихъ пропусковъ» въ бѣренности, что Сенъ-Симонъ сдѣлалъ бы ихъ самъ. Въ арсенальной библиотекѣ имѣется полная рукопись *Mémoire'a*, написанная рукой Апфантена и его же рукой сдѣланы «пропуски». Ихъ никоимъ образомъ нельзя извать *legères suppressions*, и позднейшій историкъ напрасно повѣрилъ явленію «верховнаго отца» и пользовался *его* текстомъ⁴⁵⁾. Тещенцію Апфантена онъ могъ видѣть изъ немногословнаго, но очень краснорѣчиаго примѣчанія къ одному мѣсту автобіографическихъ признаній Сенъ-Симона: въ этомъ мѣстѣ наука называется «истиннымъ источникомъ мудрости». Въ *Oeuvres* примѣчаніе, обращающее вниманіе на дату этого выраженія и заставляющее читателя сообразить, что Сенъ-Симонъ не всегда малъ и не долженъ быть думать такъ о наукѣ⁴⁶⁾. Въ этомъ направлении и произведены «пропуски» въ *Mémoire*. Въ *Oeuvres choisies* возставлены сокращенные мѣста и вездѣ оговорено возстановленіе за исключениемъ одного мѣста. Въ одномъ пропущенномъ разсужденіи высказывается идея характерная для міровоззрѣнія Сенъ-Симона: въ вопросѣ о зрованіяхъ проводится рѣзкая черта между учеными и толпой: ученые

⁴⁴⁾ Издатель *Oeuvres choisies* и издатели *Oeuvres* различно указываютъ хронологию отвѣтств.: Лемонье относить ихъ къ 12 или 18 апрѣля, издатели *Oeuvres* къ 12 и 1августа. Послѣднее указаніе слѣдуетъ считать достовѣрнымъ, а первое—корректируемъ недоразумѣніемъ. Въ *Oeuvres* напечатано письмо Сенъ-Симона къ Редерну 20 юля 1812 года; Сенъ-Симонъ заявляетъ, что онъ противъ воли дѣластъ зло Редерну,—онъ вынужденъ на это. Это заключалось именно въ предположенномъ опубликованіи *Mémoire introductif*, на который Редернъ отвѣтилъ печатно 8 юля,—25 мая послѣдовалъ *ответъ* Сенъ-Симона, запрещенный въ почты 28 того мѣсяца, и съмъ появились взамѣнъ запрещенного отвѣта,—слѣдовательно, въ августѣ.

⁴⁵⁾ Weill. 54.

⁴⁶⁾ *Oeuvres*. XV, 82.

изслѣдуютъ законы мірозданія, а толпа должна вѣровать во всемогущество, управляющее міромъ и въ откровеніе; и ученымъ своимъ приходится пріурочивать къ тому же источнику. Аифантэнъ и его последователи, очевидно, не могли допустить противоположности между научнымъ изслѣдованиемъ и откровеніемъ, и откровеніе въ религіозномъ смыслѣ предоставить однѣй толпѣ — *le vulgaire*: аифантѣсты стремились собственную церковь построить на откровеніи, получаемомъ чрезъ «живой законъ» въ лицѣ новаго «Моисея» и «мессіи».

Сень-Симонъ, слѣдовательно, даже заднимъ числомъ обязанъ былъ приспособиться къ взглядамъ своихъ самозванныхъ послѣдователей⁴⁷⁾. Во имя тѣхъ же интересовъ произведены и остальные исправленія сен-симоновскаго текста. Мы указывали пропускъ взгляда Сень-Симона въ значеніе вѣры въ Бога одновременно съ изученіемъ законовъ природы⁴⁸⁾. Въ этомъ же мѣстѣ Аифантѣнъ произведенъ перемѣна, не замѣченная издателемъ *Oeuvres choisies*, но очень краснорѣчива. Текстъ Сень-Симона гласитъ: «La croyance à la révélation a dû cesser, dès le moment que les connaissances acquises se trouvant très en avant de celles des hommes qui ont parlé au nom de Dieu et que les erreurs contenues dans les écritures reputées divines ont été mises en évidence». Аифантэнъ вмѣсто словъ *a cesser* печатаетъ *a dû être altérée*, — не желая помириться съ прекращеніемъ откровенія, а только съ измѣненіемъ его. Дальше еще болѣе сильны уступка «теологическому» воззрѣнію. Сень-Симонъ, отдавая должное изученіе теологической системѣ въ эпоху ея установлѣнія, видѣть необходимость усовершенствовать ее въ настоящее время «во всѣхъ отношеніяхъ», — замѣнить страхъ предъ адомъ физиологическимъ доказательствомъ, что счастье отдѣльной личности возможно только при стремлѣніи ея къ общему благу. Слова *substituer à la crainte de l'enfer* вычеркнуты Аифантѣномъ. Въ томъ же смыслѣ сдѣланы поправки въ разсужденіи Сень-Симона («научной революціи», совершеннѣй астрономическими открытиями. Аифантэнъ устранилъ сен-симоновскую оцѣнку ихъ, какъ фактовъ, подрывающихъ авторитетъ св. писанія⁴⁹⁾.

Въ результатѣ, — подлиннымъ текстомъ одного изъ важнейшихъ произведеній Сень-Симона публика могла пользоваться только съ 1859 года. Къ тому же времени, когда было написанъ *Mémoire sur la science de l'homme*, издатели *Oeuvres* относятъ отрывокъ *Mémoire sur l'Encyclopédie*. Названіе тождественное съ рукописью, отписанной Фурнелемъ въ 1810 году Но Родригъ въ статьяхъ о Сень-Симонѣ въ *Производитель* въ

⁴⁷⁾ *Oeuvres*. XL, 53; *O. choisies*. II, 41. Здѣсь же рядомъ въ *Oeuvres choisies* находится замѣна одного слова другимъ, совершенно искажающая смыслъ: Сень-Симонъ говоритъ: „dans les pensées les plus particulières du philosophe il y a de la généralité“, *O. ch.*, — печатаются: „de la générosité“, p. 42.

⁴⁸⁾ *Oeuvres*. 163; *O. choisies*, 125.

⁴⁹⁾ *Oeuvres*. 164—5, *O. ch.* 126. „Ce qui fait ranger par l'opinion les livres suivis au nombre des romans“,—*Oeuvres*. 192. *O. ch.* 149.

копии по энциклопедіи отнесъ къ 1813 году,—и изъ одной при-
ѣль отрывокъ. Рукописи этой, также какъ и указанной Фурнелемъ, не
шлось, и издатели *Oeuvres* ограничились перепечаткой выдержки въ
атѣ Родрига,—только по догадкѣ пріурочивъ ее къ 1813 г. Очевидно,
Сень-Симона существовало много «записокъ» и «плановъ» энциклопедіи,
публиковалъ онъ два отрывка, оба въ 1810 году, остальные исчезли без-
ѣдно, хотя имѣли непосредственное отношение къ основанию новой
общей науки».

Первое сочиненіе Сень-Симона, имѣвшее обычную судьбу литератур-
ного изданія, *De la réorganisation de la science européenne*. Брошюра въ
12 страницъ была напечатана въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ,
спространилась въ публикѣ и имѣла успѣхъ. Но она принадлежала не
наму Сень-Симону, на ней стояло также имя Тьери, и, мы видѣли,
молодому писателю принадлежало едва ли не большинство идей. Брошюрѣ
счастливились и въ позднѣйшихъ изданіяхъ: ее перепечатали *Oeuvres* и
œuvres choisies. Она даже самимъ Сень-Симономъ была издана второй
разъ,—въ ноябрѣ 1814 года, мѣсяцъ спустя послѣ первого изданія ⁵⁰).
авсегда осталось утраченнымъ только письмо Сень-Симона къ Александр-
I, сопровождавшее брошюру. У Родрига была копія съ письма, сдѣ-
ланныя самимъ Сень-Симономъ, Родригъ письмо не списалъ и не перепе-
чаталъ, а подарилъ его двумъ дамамъ, матери и дочери, за внимательное
учленіе обѣ однѣмъ изъ сень-симонистовъ передъ смертью ⁵¹).

Въ томъ же 1814 г. въ концѣ ноября или въ началѣ декабря Сень-
симонъ послалъ письмо редакторамъ Цензора—Бонту и Дюнуафѣ. *Sur l'établissement du parti de l'opposition*. Оно появилось въ журналѣ въ ян-
варѣ слѣдующаго года ⁵²). Письмо любопытно, какъ первая вполнѣ публи-
тическая статья философа,—оно не нашло мѣста ни въ одномъ изда-
ни его сочинений. Въ *Oeuvres* напечатано только обращеніе къ редакто-
рамъ. Сень-Симонъ, очевидно, придавалъ письму значеніе,—онъ выпу-
стилъ его отдельной брошюрою.

Въ томъ же журналѣ и въ 1815 году появилась другая статья Сень-
симона, какъ продолженіе первой—*Projet d'une association des propriétaires
et domaines nationaux* ⁵³). Фурнелю осталась неизвѣстной эта статья и
была перепечатана ни однимъ изданіемъ.

Въ февралѣ 1815 года появилась брошюра въ 4 страницы *Prospectus
un ouvrage ayant pour titre: Le Défenseur des propriétaires de domaines
nationaux ou Recherches sur les causes du discrédit dans lequel sont
mbées les propriétés nationales et sur les moyens d'elever ces propriétés
la même valeur que les propriétés patrimoniales*. Сень-Симонъ видимо
мышляя обширное историко-экономическое и политическое изслѣдова-

⁵⁰) Таковы свѣдѣнія библіогр. замѣтки въ *O. choisies*. III, 384.

⁵¹) *Oeuvres*. XVIII, 5—6.

⁵²) *Censeur*. 1815, III, 334—356.

⁵³) *Censeur*. 1815, IV, 10—31.

ни, такъ какъ авторами его значились, помимо самого Сент-Симона, еще «d'autres gens de lettres». *Prospectus* остался не перепечатаннымъ, и изъ имѣемъ только изложеніе его съ довольно пространными выдержками изъ Цензора. Можно думать,—журналъ, за самыми незначительными пропусками, перепечаталъ всю брошюру. Фурнель и *Oeuvres* даютъ планъ и условія подписки³⁴⁾.

Въ мартѣ того же 1815 года Сент-Симонъ напечаталъ въ 200 экземплярахъ брошюру въ 8 страницъ—*Profession de foi des auteurs de l'ouvrage annoncé sous le titre de Défenseur de propriétaires de domaines nationaux, de la charte et des idées libérales, au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte*. Брошюра осталась не перепечатанной.

Въ томъ же мартѣ Сент-Симонъ выпустилъ брошюру въ 4 страницы—*Profession de foi de comte de Saint-Simon au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte*. Она перепечатана въ *Oeuvres choisies*.

Въ маѣ того же года Сент-Симонъ вмѣстѣ съ Тьерри напечаталъ брошюру въ 47 страницъ—*Opinion sur les mesures à prendre contre la coalition de 1815*. Перепечатана въ *Oeuvres choisies*.

Въ августѣ 1816 года вышла брошюра въ 14 страницъ *Quelques idées soumises par M. de Saint-Simon à l'assemblée générale de la société d'instruction primaire*. Брошюра осталась не перепечатанной.

Въ томъ же году вышло объявленіе о первомъ томѣ сборника *L'Industrie scientifique liguée avec l'Industrie commerciale et manufac-turière ou Opinions sur les finances, la politique, la morale et la philosophie dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants*.

Первый томъ состоялъ изъ трехъ частей,—первая специальная о финансахъ,—Сентъ-Обэа, «ancien membre de Tribunat»,—вышла въ сентябрѣ 1816 года, вторая «политическая»—въ январѣ 1817 года, принадлежала Тьерри; третья, также о финансахъ, безъ имени автора—въ февралѣ. Обѣ части о финансахъ остались не перепечатанными³⁵⁾.

Въ апрѣлѣ того же года Сент-Симонъ выпустилъ отдельный издѣлье въ 2 страницы: *Prospectus. L'Industrie, ou Discussions politiques, morales et philosophiques, dans l'intérêt de tout les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants*, эпиграфъ: *Tout par l'industrie, tout pour elle*. Цензоръ перепечаталъ *Prospectus* и *Oeuvres* также. Послѣдовало первое изданіе *перваго тома* съ точной перепечаткой всѣхъ трехъ частей.

Второй томъ *Индустрии* появился также въ 1817 году. Онъ состоялъ изъ 341 страницы, изъ нихъ издатели *Oeuvres* приписываютъ Сент-Симону 105 страницъ, заключающія, помимо вступленія—*Déclaration* и

34) №. 152—364. *Oeuvres*. XVIII, 8.

35) Фурнель и 1-ю ч. I-го тома относить къ 1817 году, когда вышло—однако общее изданіе всѣхъ частей, составлявшихъ I томъ.

ncipes и Objet de l'entreprise—Письма къ американцу⁵⁶). Дальше слѣдятъ разныя извлечения изъ чужихъ произведений по финансовымъ вопросамъ, довольно обширный обзоръ Шапталя *Des progrès de l'Industrie école et manufacturière en France depuis trente ans.* (157—284), погрѣшность разсужденіе безъ имени автора *Les trois époques ou considérations sur l'état de la France depuis 1787*⁵⁷). Разсужденію предшествуютъ *Conclusions préliminaires*, а въ концѣ *Conclusion*, и то и другое издателемъ *Oeuvres* приписано Сенъ-Симону и перепечатано вмѣстѣ съ *Lettres sur l'Américain*.

Въ томъ же 1817 году Сенъ-Симонъ напечаталъ 4 циркуляра къ 4 тетрадямъ III-го тома *Индустрии*. Первый циркуляръ 3 страницы, переведено въ *Oeuvres* только *P. S.*, изъ 2-го перепечатанъ списокъ подписьковъ; два послѣднихъ не указаны,—хотя они известны Фурнелю и изданы *Oeuvres choisies*, по *Oeuvres* упоминается о письмахъ, известномъ только ихъ издателяхъ и посыпавъ тоже название 2-го циркуляра. Письмо было адресовано къ ученымъ первого класса института и воспроизведено спискомъ подписчиковъ.

Отъ того же 1817 года издателю *Oeuvres choisies* известно письмо—*en-Simon à Chateau brillant*, т.-е. Chateaubriand. О немъ не говорить рѣчь, хотя издатель знаетъ письмо по собранию Фурнеля, не упоминаютъ и издатели *Oeuvres*, хотя письмо находится въ рукописи въ анфансовской залѣ Арсенальной библиотеки, помѣченное, какъ указываетъ монье, 17 июня 1817 года.

Начиная съ сентября 1817 года по октябрь включительно вышли че-ре тетради III-го тома *Индустрии*. Мы указывали,—издателю *Oeuvres* приписываются редакціи Конта три первыхъ тетради,—и перепечатываются *твёртую*, ошибочно называемую на заглавномъ листѣ II-й томъ.

Въ октябрѣ того же года вышло 19 страницъ *L'Industrie, première partie, premier cahier*. Фурнель приписывается редакцію этой тетради такъ-какъ, издатели *Oeuvres*—Сенъ-Симону, издатель *Oeuvres choisies* вовсе знаетъ этой тетради, не упоминаетъ о ней ни въ своемъ *Notice bibliographique*, ни въ *Supplément* къ нему, хотя указаніе могъ бы заимствовать у Фурнеля. Въ *Oeuvres* эти 19 страницъ перепечатаны подъ заглавиемъ *Первая часть*, разумѣется IV-го тома. Вторую часть составляетъ перепечатка—*L'Industrie, t. IV, premier cahier*, 160 страницъ, вышед-

⁵⁶) Дюнуайе заявлялъ, что эти письма—произведеніе молодого профессора философіи Мэньена—утвержденіе, ни на чёмъ не основанное и опровергаемое астро-графическимъ содержаніемъ изъ которыхъ писемъ. Въ крайнемъ случаѣ Мэньенъ могъ развѣ проредактировать форму писемъ, представляющихъ чужія впечатлѣнія и выводы на основаніи этихъ впечатлѣній. *Oeuvres de Charles Dunoyer*. Р. 1870. II, 184.

⁵⁷) Въ *Oeuvres* говорится о подписи подъ *Les trois époques*—М***,—въ нашемъ земплярѣ въ текстѣ нѣть никакой подписи и II т. *Индустрии* не выходилъ вто-роймъ изданіемъ.

шихъ въ концѣ мая 1818 года или въ началѣ июня. Эта часть послѣ еще другое пространное заглавіе, резюмирующее содержаніе всей тетради ⁵⁸⁾.

Этой тетради предшествовало письмо Сень-Симона къ редактору *Journal général de France*, перепечатанное Родригомъ и въ *Oeuvres*.

Непосредственно послѣ *L'Industrie* въ *Oeuvres* напечатанъ отрывокъ *Naissance du christianisme*. Издатели его относятъ къ 1818 или 1819 году, Гюббаръ напечаталъ его въ 1857 году какъ «дополненіе» къ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*, возникшимъ въ 1824 году или въ 1825 году, по указанію Фурнеля, Лемоннье и издателей *Оеувр*. Издатели ничѣмъ не мотивируютъ свое пріурочивание отрывка къ болѣе раннему времени. Онъ не противорѣчитъ общему направлению идей Сень-Симона въ періодъ 1819—1821 годовъ и, мы видѣли, подтверждается поставленіемъ ихъ со взглядами Канта за это время. *Naissance du christianisme* извѣстенъ только черезъ Гюббара. Лемоннье, перепечатывая *Opinions*, не далъ среди нихъ мѣста *Naissance*.

Въ 1819 году Сень-Симонъ предпринялъ издание *Le Politique ou Essai sur la politique qui convient aux hommes du XIX siècle, par une société de gens de lettres*. Въ январѣ появился «первый выпускъ» въ XVII страницѣ,—въ *Oeuvres* перепечатано только *Введение*. До апрѣля 1819 года Сень-Симонъ напечаталъ 12 выпусковъ. Сень-Симонъ не выполнилъ опубликованной программы, задуманной очень систематично. Онъ обѣщалъ дать шесть опытовъ: объяснить мотивы издания, изложить свой политический принципъ, намѣтить путь издательскихъ работъ, высказать мнѣніе о полѣ королевской власти въ соціальной организаціи, о планѣ вѣтшайшей политики Франціи, и, наконецъ, изслѣдованіе политического вопроса съ высоты точки зрѣнія, т.-е. что политика изъ гадательной должна стать позитивной наукой, и отъ этого усовершенствованія политики зависить прекращеніе современного соціального кризиса. Изъ этихъ предположенныхъ «опытовъ», имѣвшихъ составить *Введение*, явилось только два. Потомъ самъ журналъ Сень-Симонъ предположилъ разбить на четыре части: чистую политику, литературную, научную и смѣсь. Съ пятаго выпуска это раздѣленіе прекратилось. Мы знаемъ, Контъ принималъ дѣятельное участіе въ журналѣ, и самому Сень-Симону принадлежали сравнительно немногія страницы. Онъ ихъ выпустилъ въ апрѣль 1819 г. отдельными изданіями—*Le national ou industriel comparé au parti anti-national* и *Sur la querelle des abeilles et der frelons ou sur la situation respective des producteurs et des consommateurs*.

⁵⁸⁾ „Moyen constitutionnel d'augmenter les richesses de la France; d'accroître sa liberté au dedans; d'assurer son indépendance à l'égard de l'étranger, et de procurer aux industriels tous les avantages politiques qu'ils peuvent désirer. Moyen d'obtenir une loi qui mettra les industriels agricoles, à l'égard de leurs bailleurs de fonds, dans la même position que les industriels fabricants et commerçants, envers les personnes de qui ils font valoir les capitaux“. Въ изданіи Родрига надъ всѣмъ заглавиемъ прибавлено—*Vues sur la propriété et la législation*.

nsommaîcurs non producteurs. У Гюббара перепечатанъ еще отрывокъ одѣ заглавиемъ — *Conditions nécessaires pour l'établissement solide de la liberté en France* — но отнесенъ къ 1818 году, хотя у Фурнеля вполнѣ очно указано время издания *Политика*.

Въ маѣ, немедленно послѣ прекращенія *Политика*, Сенъ-Симонъ начаталъ безъ подписки брошюру въ 10 страницъ—по поводу частнао оврменного политическаго вопроса — *Considérations relatives à une réunion pour demander l'addition d'un article à la loi des finances*. Указаніе ано только издателями *Oeuvres*, и брошюра осталась неперепечатанной. Въ августѣ Сенъ-Симонъ выпустилъ *Prospectus* другого полуперіодического зданія *L'Organisateur*, напечаталъ его въ нѣсколькихъ періодическихъ изда-ияхъ—не въ одной и той же формѣ. *Oeuvres* перепечатываются: *Prospectus* зъ *Минервы* и относительно самаго изданія оговариваются: «*Организаторъ*—изданіе, которое, можетъ быть, труднѣе всего среди другихъ изданій Сенъ-Симона собрать полностью, благодаря безпорядку, въ какомъ слѣдо-али выпускн». Фурнелю известенъ *Prospectus*.

Сенъ-Симонъ, дѣйствительно, оригинально выполнилъ свое новое пред-рятіе,—началь выпускать изданіе «извлеченіями» изъ незаконченныхъ татей. Первые «извлеченія» вышли въ ноябрѣ 1819 года, вскорѣ вышло торое изданіе, дополненное «двумя важными письмами», въ декабрѣ третье, дополненное *Очеркомъ новой политической системы*.

Въ 1820 году вышелъ «второй выпускъ», гдѣ обѣщано въ теченіе нѣсколькихъ днѣй второе изданіе,—и оно вышло съ значительными до-полненіями. На этомъ и закончилось изданіе—опять вопреки обѣщаніямъ зданія, объявившаго намѣреніе издавать ежемѣсячно по выпуску и къ концу года составить *три тома*. *Oeuvres* перепечатали всѣ изданія со всѣми дополненіями,—первое извлеченіе состояло изъ *Параболы*, перепе-чатывавшейся многократно и раньше и позже.

Парабола навлекла на автора процессъ, состоявшійся 20 марта. Къ тому сроку Сенъ-Симонъ напечаталъ *Lettres à M. M. les jurés*: они не-пепечатаны въ *Oeuvres choisies*.

Послѣ процесса Сенъ-Симонъ выпустилъ *Circulaire relative à l'Organisateur* въ три страницы. Объясняя недостаточность личныхъ средствъ, Сенъ-Симонъ приглашалъ всѣхъ, кто чувствуетъ себя призваннымъ основа-ть философію XIX вѣка, *Позитивную политику*,—подписаться на из-даніе на условіяхъ общаго участія въ его направлениі и содержанії. Цир-куляръ не принесъ плодовъ и остался неизвѣстнымъ Фурнелю. Въ из-влеченіи онъ перепечатанъ въ *Oeuvres*. Въ маѣ Сенъ-Симонъ издалъ бро-шюру въ 27 страницъ—*Sur la loi des élections*—по поводу проекта изби-рателнаго закона, внесеннаго въ палату послѣ убийства герцога Беррій-скаго. Законъ имѣть въ виду дать рѣшительное политическое преоблада-ніе крупной собственности надъ мелкой. Обсужденіе закона началось 15 мая, и это событие Сенъ-Симонъ встрѣтилъ брошюрою. Она осталась неперепе-чатанной. Краткое содержаніе ея напоминаетъ Сенъ-Симонъ въ сочиненіи

Du système industriel, — мы имели подъ руками рукопись изъ Арсенальной библиотеки. Брошюра въ высшей степени характерна для оценки соціальныхъ взглядовъ Сенъ-Симона въ раннюю эпоху ихъ развитія.

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ брошюръ. Всѣ онѣ возникли въ періодъ съ юна 1820 года по ноябрь 1821, и въ февралѣ 1821 года вышла сначала первая часть, т.-е. первый сборникъ напечатанныхъ отдельно брошюръ подъ заглавиемъ *Du système industriel* съ эпиграфомъ: «Dieu a dit: Aimez - vous et secouez - vous les uns les autres», съ предисловіемъ и со статьей *Adresse aux philanthropes*, которую одновременно авторъ издалъ отдельно.

Вторая часть — *Du système industriel* — составилась также изъ брошюръ, опубликованныхъ сначала каждая отдельно. Всѣ эти брошюры представляютъ обращенія Сенъ-Симона къ королю и къ представителямъ промышленности. У Фурнеля и въ *Oeuvres* подробно указано появленіе отдельныхъ брошюръ и сборниковъ. Въ *Oeuvres* перепечатаны *post-scriptum* изъ брошюръ, не вошедши въ общія изданія, одно очень важное сопроводительное письмо и разныя примѣчанія. Издатели *Oeuvres* воспроизвели и отъ первыхъ части *Du système industriel*, но опустили письмо *à Messieurs les ouvriers*, безусловно значительное въ развитіи соціальной мысли Сенъ-Симона. Неизвѣстно также, по какимъ соображеніямъ издатели *Oeuvres* не перепечатали третьей части *Du système industriel*, — изъ трехъ брошюръ, всего 45 страницъ; онѣ вышли въ 1822 году — отъ января до юна въ юля включительно. Въ томъ же 1822 году, въ январѣ, Сенъ-Симонъ изъ печаталъ брошюру *Des Bourbons et des Stuarts*, въ 16 страницъ. Онѣ остались неперепечатанными, содержать въ себѣ на одну третью выдержку изъ *Réorganisation de la société Européenne* (chap. V, l. 1), въ *Oeuvres choisies* дали о ней краткую замѣтку, перепечатывая ея продолженіе — *Suite à la brochure «des Bourbons et des Stuarts»* ⁵⁹⁾.

Въ апрѣлѣ вышло изданіе *Du contrat social*. Здѣсь только предисловіе принадлежитъ Сенъ-Симону, остальное — сочиненіе Канта *Prospectus des travaux nécessaires pour réorganiser la société*, — впослѣдствіи — *Système de politique positive*. Изданіе состояло всего изъ 50 оттисковъ. Предисловіе Сенъ-Симона осталось неперепечатаннымъ, хотя и заслуживало этого по своему политическому и соціальному содержанію. Мы пользовались рукописью Арсенальной библиотеки.

Съ декабря 1823 года начали выходить тетради новаго сочиненія — *Catéchisme des industriels* ⁶⁰⁾). Вторая тетрадь появилась въ мартѣ слѣдующаго года, третья въ апрѣлѣ — контовская *Система позитивной политики*, четвертая въ юнѣ. Эта тетрадь *Катехизиса* была перепечатана Родригомъ, Лемоннье и издателями *Oeuvres*. Значительныхъ вариантовъ между

⁵⁹⁾ Родригъ неправильно относитъ эти брошюры къ 1823 году; *Products IV, III.*

⁶⁰⁾ У Фурнеля — болѣе точное указаніе: 23 декабря выходъ первой тетради.

'euvres и Oeuvres choisies нѣть, но у Родрига недостаетъ цѣлой страницы въ второй тетради и всей четвертой. Лемонные также опустилъ третью, чѣмъ не сенъ-симоновскую. Родригъ во второй тетради прибавилъ Appendices: Note sur les Etats-Unis; Sur Dunoyer et sur les autres publicistes modernes; Le libéralisme et l'industrialisme⁶¹⁾). Первое Appéndice—отрывокъ, щечатанный Гюббаромъ въ 1857 году, какъ третье извлеченіе изъ Индустріи, гдѣ такого текста вовсе нѣть. Послѣдніе два Appendices перепечатаны въ Oeuvres и опущены въ Oeuvres choisies. Замѣтка о Соединенныхъ штатахъ заслуживаетъ полнаго вниманія, она содержитъ одинъ изъ основныхъ параграфовъ соціальной программы Сенъ-Симона и по духу дѣйствительно примыкаетъ къ идеямъ Индустріи о перемѣнѣ политического положенія землемѣльской движимой собственности.

Катехизисъ остался незаконченнымъ. Въ началѣ 1825 года вышелъ юрникъ Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Въ сборникѣ частновали Леонъ Галеви, Родригъ, Дювержье, Бальи, Сенъ-Симону принадлежали двѣ статьи, обѣ перепечатаны въ Oeuvres и въ Oeuvres choisies⁶²⁾.

Наконецъ, въ мартѣ 1825 года Сенъ-Симонъ написалъ свое послѣднее произведеніе Nouveau Christianisme. Оно чаще всѣхъ другихъ перепечатывалось учениками Сенъ-Симона: въ январѣ 1832—Анфантэномъ, въ марѣ того же года Родригомъ, позже Гюббаромъ, Лемонные и въ Oeuvres.

Изъ нашего обзора выясняется доля труда каждого изъ учениковъ Сенъ-Симона, желающихъ познакомить общество съ идеями учителя. Неомнѣнно,—главная отвѣтственность должна падать на Родрига, съ осененной настойчивостью объявлявшаго себя единственнымъ непосредственнымъ ученикомъ Сенъ-Симона. И онъ, повидимому, сознавалъ значеніе своей миссіи, какъ распространителя произведеній своего учителя. Но выполненіе осталось далеко позади сознанія.

Родригъ умеръ 17 декабря 1851 года, а началь издаватъ сочиненія

⁶¹⁾ Oeuvres XXXVII, 144. Oeuvres въ изд. Родрига, 1 вып., 164.

⁶²⁾ У Janet (O. с.) два мнѣнія насчетъ участія Сенъ-Симона въ Opinions, стр. 2: „Les Opinions où rien n'est de sa main“; стр. 171; „la moitié au moins est de saint-Simon“. Здѣсь же авторъ смѣшиваетъ Oeuvres и Oeuvres choisies, ссылаясь на Oeuvres choisies de Lemonnier, tome XXXIX. Авторъ врядъ ли обратилъ сколько-нибудь пристальное вниманіе на Oeuvres, гдѣ издатели безпрестанно говорятъ о Лемонные, какъ авторѣ посторонняго имъ изданія. Впрочемъ Oeuvres имѣли незавидную участіе и у другихъ историковъ сенъ-симонизма,—напр., Henry Michel считая „le rapiement des Oeuvres de S.-S. et d'Enf.“—fort incomode, пользуется, Oeuvres choisies и изданіемъ Родрига (L'Idee l'Etat, P. 96. 172). Warschauer даетъ фантастическое распределеніе Oeuvres, относя 33 тома къ Анфантэну, 12 къ Сенъ-Симону къ Базару (Geschichte des Socialismus und neueren Kommunismus. Saint-Simon und der saint-simonismus. Leipzig 92. 103). Въ дѣйствительности—Сенъ-Симону посвящена олько часть 1-го тома въ Notices historiques. Изъ 11 томовъ сочиненій Сенъ-Симона чѣмъ XXXIX занята произведеніемъ Олэнда Родрига L'Artiste, le Savant и l'Industriel и весь XXXVIII отданъ контовской Системѣ позитивной политики. А 2 "tradition de la doctrine вовсе не „betrifffen Bazard“,—какъ автора.

Сень-Симона въ началѣ 1832 года,—следовательно у него было въ распоряженіи около *двадцати* лѣтъ. За это время онъ ни на минуту не забывалъ о своемъ званіи сень-симониста. Въ послѣдній разъ по поводу февральской революціи онъ обнаружилъ поистинѣ рыцарственную энергию, обратился даже къ биржѣ съ проповѣдью союза между буржуазіей и народомъ. Проповѣдь, разумѣется, не имѣла успѣха,—но Родригъ отнюдь не палъ духомъ и продолжалъ работать надъ развитіемъ рабочихъ обществъ взаимопомощи. Смерть его застала вѣроятнѣй и юношески-дѣятельнымъ.

И тѣмъ не менѣе энергія осталась не примѣненной къ самому цѣлесообразному доказательству сень-симоновскаго усердія,—къ изданію произведеній Сень-Симона. Родригъ ограничился двумя выпусками, расположаги сочиненія совершенно случайно, не сообразуясь ни съ ихъ значеніемъ, ни съ ихъ хронологіей, видоизмѣня текстъ и перепечатывая только часть сочиненія. Такая участіе постигла *Катехизисъ промышленниковъ* и *Организаторъ*, изъ котораго перепечатано только первое извлечѣніе подъ именемъ *Параболы*. *Индустрия* потерпѣла еще болѣе рѣзкое сокращеніе,—изъ нея перепечатана только первая тетрадь IV-го тома, т.-е. по распределенію *Основъ, вторая* часть этого тома, появившаяся въ 1818 году. Полностью Родригъ далъ только два значительныхъ сочиненія Сень-Симона—*первое и послѣднее—Письма женевскаго обывателя* и *Новое христіанство*. Но зато Родригъ перепечаталъ свои обращенія къ публикѣ и къ сень-симонистамъ и свою статью о бракѣ и разводѣ.

Сень-симонистское наслѣдство Родригъ завѣщалъ Гюббару, одному изъ своихъ сотрудниковъ по обществамъ взаимопомощи. Въ 1857 году Гюббаръ издалъ книгу *Saint-Simon, sa vie et ses travaux*. Составленіе книги началось еще при жизни Родрига,—онъ снабжалъ Гюббара всевозможными указаніями и передавъ ему рукописи Сень-Симона. Біографія, написанная Гюббаромъ, дѣйствительно представляеть большую цѣнность и можетъ считаться *первоисточникомъ* біографическихъ свѣдѣній о Сень-Симонѣ,—наравнѣ съ *Notices historiques*, Гюббаръ кромѣ того перепечаталъ цѣлкомъ первое и послѣднее сочиненія Сень-Симона и рядъ отрывковъ изъ другихъ произведеній. Два изъ нихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ другихъ изданій—упомянутый выше отрывокъ изъ *Политика* и еще болѣе любопытный — изъ *Réorganisation de la société européenne*. Гюббаръ помѣщаетъ его какъ «второе извлечѣніе» изъ этого сочиненія; намъ известно цѣлкомъ *Réorganisation* и здѣсь мы не находимъ ничего похожаго на текстъ у Гюббара. Можно думать,—текстъ этотъ *сводный*—такъ же какъ и *Lettres aux Américains*, напечатанные тѣмъ же Гюббаромъ какъ отрывокъ изъ *Индустрии* и также не имѣющіеся въ этомъ сочиненіи. *Lettres* составлены изъ отрывковъ *Писемъ къ американцу*—изъ первого и второго. Кто сдѣлалъ сводъ? Можетъ быть, у самого Сень-Симона были готова подобная рукопись, можетъ быть, Родригъ составлялъ текстъ *Писемъ*, по обыкновенію, не останавливаясь передъ сокращеніями; трудно

сего предположить самостоятельную работу Гюббара. Такого же происхождения и отрывок изъ *Réorganisation* подъ заглавием *Profession de foi des fondateurs de la politique positive*: онъ представляетъ конспектъ политico-философскихъ взглядовъ Сенъ-Симона. Остальные отрывки у Гюббара не представляютъ интереса послѣ позднѣйшихъ изданій сочиненій Сенъ-Симона. Во всякомъ случаѣ, нельзя признать, чтобы книга Гюббара выполнила даже приблизительно «миссію» Родрига.

Годъ спустя появилось изданіе Аинфантэнна *Mémoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation*. На поприщѣ издателя выступаетъ амый шумный «сенъ-симонистъ», — и первымъ же шагомъ обнаружилъ арактеръ своего сенъ-симонизма, приспособляя сочиненіе Сенъ-Симона къ воимъ личнымъ идеямъ. Аинфантэнъ оставался на первомъ мѣстѣ съ воимъ собственнымъ одновременно издаваемымъ произведеніемъ — *Science de l'homme, physiologie religieuse*.

Болѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній слѣдовало ожидать отъ Лемоннье, предпринявшаго изданіе *Избранныхъ сочиненій Сенъ-Симона*. Они вышли въ рехъ томахъ въ 1859 году. Здѣсь дѣйствительно впервые появилось *Introduction aux travaux scientifiques*, выпущенное Сенъ-Симономъ всего въ 100 экземплярахъ, перепечатанъ въ подлинномъ видѣ *Mémoire sur la science de l'homme* и политическая брошюры. Но Лемоннье крайне жестоко тнесся къ соціальнымъ произведеніямъ Сенъ-Симона, считая себя его осльдователемъ въ философіи. Онъ перепечаталъ лишь нѣсколько отрывковъ изъ *Организатора, индустріальной системы* и изъ *Катехизиса ромышиленниковъ*. Въ результатѣ Сенъ-Симонъ—позитивистъ и политикъ—былъ представленъ удовлетворительно, но Сенъ-Симонъ, соціальный реформаторъ,—еще ждалъ издателей. Сообразно съ этимъ распределеніемъ оставленъ и *Essai sur les œuvres et la doctrine de Saint-Simon*, помѣщенный во главѣ первого тома. Соціальному вопросу изъ 105 страницъ дано около шести. Въ заключеніе говорилось, что въ 1825 году, по мерти Сенъ-Симона большинство его послѣдователей «весьма несовершенное» знало его ученіе, никто, за исключеніемъ Родрига, «не подозрѣвалъ и ея объема, ни ея глубины». Но, во-первыхъ, врядъ ли похвала эта заслужена Родригомъ, а потому объемъ доктрины оставался въ неизвѣстности и послѣ упрека—по самой основательной причинѣ. Издатель говорилъ, что Сенъ-Симонъ первый «поставилъ на настоящую почву соціальный вопросъ,—а какъ онъ это сдѣлалъ, читателю предоставлялось въ полной степени догадываться—за недоступностью данныхъ для суженія ⁴⁹⁾»).

Наконецъ, 31 августа 1864 года умеръ Аинфантэнъ. Въ завѣщаніи онъ аспорядился учредить сенъ-симонистскій архивъ—съ цѣлью «распространенія нашей вѣры, пользованія моими сочиненіями». Такъ говорилъ «вероятный отецъ», оставшійся для нѣкоторыхъ «дорогимъ учителемъ» до самой

⁴⁹⁾ *Essai*. LVII—LXIII; СП., LVIII.

своей смерти ⁶⁴⁾), такъ подчеркивая свою вѣру и свои сочиненія. Архивъ онъ завѣщалъ Арсенальной библіотекѣ, гдѣ нѣкоторое время служилъ Сень-Симонъ, и запретилъ открывать его публикѣ до истечения тридцатилѣтняго срока послѣ его смерти. А пока душеприказчики должны были издать его сочиненія, а также Сень-Симона вмѣстѣ съ историческимъ обзоромъ судебъ сень-симонизма, въ сущности—вмѣстѣ съ биографіей Анфантена.

Душеприказчики выпустили первый томъ въ 1865 году и, издавъ до 1867 года 13 томовъ *Notices historiques*, приступили къ сочиненіямъ Сень-Симона и Анфантена. Въ *Notices* Сень-Симонъ занялъ всего часть первого тома,—а что касается его сочиненій, издатели заявили: «Мы напрены не столько перепечатывать сочиненія Сень-Симона, сколько приводить полное изданіе ихъ. Недостаточный порядокъ, въ которомъ были представлены публикѣ многочисленныя произведенія этого великаго мыслителя, несомнѣнно, весьма затруднилъ бы задачу будущихъ издателей. Мы желаемъ одновременно перепечатать его главныя сочиненія и облегчить, можетъ быть, непреодолимыя затрудненія для тѣхъ, кто подобно намъ не присутствовалъ при нарожденіи соціальной мысли, съ каждымъ днемъ развивающейся въ сердцѣ Сень-Симона» ⁶⁵⁾.

Издатели, дѣйствительно, дали цѣнныя библіографическія указанія,—по именно эти указанія и свидѣтельствуютъ о неудовлетворительности всего изданія. Мы видѣли, сколько произведеній Сень-Симона осталось или вовсе неперепечатанными или перепечатанными только частью. А между тѣмъ,—отдельные изданія можно считать, въ большинствѣ случаевъ, ненаходимыми или недоступными.

Баждому, занимающемуся вопросомъ о сень-симонизмѣ, естественно обратиться прежде всего къ анфантеновскому архиву въ Арсенальной библіотекѣ. Онъ, согласно завѣщанію Анфантена, открыть съ 1894 года. Два изслѣдователя, упомянутые нами, уже воспользовались доступомъ. Charl t  и Weill, оба остались разочарованными,—и вполнѣ основательно. «Fonds Enfantin» до сихъ поръ ⁶⁶⁾ пребываетъ въ хаотическомъ состояніи. Правда, существуетъ рукописный каталогъ, но онъ представляетъ простую перепись переплетенныхъ томовъ,—безъ всякаго отношенія къ ихъ содержимому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на томъ стоитъ какое-либо заглавіе. Но заглавія эти чаше всего не даютъ опредѣленныхъ указаний: *R ligion saint-simonienne*, *Pi ces diverses*, *Dissidents*,—таковы обозначенія томовъ, нерѣдко заключающихъ одни и тѣ же документы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Очевидно, бумаги переплетались *юристами*—самой поверхностной классификацией. Переплеталь Анфантенъ,—это видно изъ его предсмертнаго распоряженія—послѣднюю переплетенную

⁶⁴⁾ *Not. hist.* XII, 248—257.

⁶⁵⁾ *Oeuvres*. XV. *Avertissement*.

⁶⁶⁾ До августа 1899 года.

книгу доставить въ Арсенальную библиотеку ⁶⁷⁾). Почти всѣ сохраненные имъ документы относятся къ исторіи анфантэнизма, а не сенъ-симонизма. Среди рукописей, не разобранныхъ, но любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе администрацией библиотеки, крайне мало — сенъ-симоновскихъ документовъ. Имѣются списки писемъ Сенъ-Симона изъ Америки, два собственноручныхъ письма: одно неизданное — къ неизвѣстному лицу отъ 1814 года (F. E. 359), другое первому консулу (F. E. 603). Послѣднее намъ не удалось видѣть въ виду его безвѣстнаго отсутствія изъ библиотеки ⁶⁸⁾). Наконецъ, рукописи, упомянутыя нами выше. Но въ этомъ собраніи очень мало отдѣльныхъ изданій сочиненій Сенъ-Симона, и тѣ большую частью погребены въ томахъ среди совершенно посторонняго материала. Первымъ дѣломъ классификаціи должно быть уничтоженіе анфантэновскихъ переплетовъ и цѣлесообразная сортировка книгъ, брошюръ, отдѣльныхъ печатныхъ листовъ.

Насколько бѣдна библиотека материалами относительно Сенъ - Симона, настолько богата документами, имѣющими какую-либо связь съ анфантэновскимъ сенъ-симонизмомъ. Собрана обширная периодическая литература изъ религіознаго периода новой философіи. Цѣлые томы посвящены перепискѣ миссіонеровъ, «апостольству» женщинъ, т.-е. исторія ихъ проповѣднической, журнальной и просто литературной дѣятельности. Этотъ вопросъ можно считать обставленнымъ съ исключительной роскошью — всевозможными свидѣтельствами. *Анфантэнъ* и *женщина* занимаютъ центральные положенія въ архивѣ, также какъ и въ самомъ сенъ-симонистскомъ движениі, начиная съ тридцатыхъ годовъ. Удовлетворительно представлена и третья — практическая сторона этого движенія, — финансовая предприятія сенъ-симонистовъ, часто не имѣющія никакого отношенія къ философскому раскрытию ідей Сенъ - Симона. Многими данными изъ этого материала намъ предстоитъ воспользоваться для изображенія общественнаго положенія сенъ - симонизма и для объясненія своеобразной судьбы имени и дѣла Сенъ - Симона въ общей и научной литературѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Мы видимъ, — это положеніе не могло быть выгоднымъ съ самаго начала. Ученики Сенъ-Симона сдѣлали все посильное, чтобы подорвать всякий философскій авторитетъ его ідей и до послѣдней степени дискредитировать его личность. Напрасно Анфантэнъ, удаляясь со своими послѣдователями въ свое имѣніе Менильмонтанъ, провозглашалъ целибатъ своей церкви — въ ожиданіи «женщины-messії», напрасно эта церковь дѣйствительно не нарушила правиль христіанской морали, — она теперь непоправимо стала предметомъ всеобщаго осмѣянія и часто искреннаго гнѣвнаго презрѣнія. Карикатуры, памфлеты, гражданскія и христіанскія изобличенія сыпались со всѣхъ сторонъ — въ Парижѣ и въ провинціи. Анфантэнъ тща-

⁶⁷⁾ *Not. hist.* XIII, 243.

⁶⁸⁾ Оно приложено къ тому, содержащему *Lettres d'un habitant de Genève.*

тельно собирая эту литературу, не исключая карикатуръ,— и завѣщаю потомству удручающее свидѣтельство о жестокой казни, какую производило общественное мнѣніе надъ «верховнымъ отцомъ», надъ «Bouffantомъ», надъ «Femme libre». Журнальные листы и отдѣльные афиши нерѣдко украшены одновременно и карикатурами на «Capacit  saint-simonienne» и—ради вящаго назиданія—такой же карикатурной биографіей и характеристикой Сень-Симона. Публика и печать не отдѣляла анфантэновскаго «фарса», съ особымъ вновь изобрѣтеннымъ костюмомъ, отъ личности и философіи Сень-Симона, и Анфантэнъ, изображаемый съ шутовской побрякушкой въ рукахъ, являлся, въ глазахъ большинства, подлиннымъ представителемъ сень-симонистской школы. Судебный процессъ, возникший противъ «церкви», предъявившій ей, между прочимъ, обвиненіе въ оскорблѣніи общественной нравственности и окончившійся присужденіемъ Анфантэнѣа къ году тюремнаго заключенія и къ ста франковъ штрафа,—окончательно закрѣпилъ репутацію сень-симонизма—и въ его первоисточникахъ, и въ дальнѣйшихъ «дополненіяхъ»⁷⁰⁾.

Провѣрить справедливость этого приговора—значило приступить къ внимательному изученію сочиненій Сень-Симона. Но, мы знаемъ, ученики не позабыли облегчить этотъ трудъ для тѣхъ, кому были не по силамъ библиографические поиски. Усиленно пользуясь именемъ учителя и созида на этомъ имени зданіе, совершенно чуждое первоисточнику сень-симонизма,—они пресѣкли прямую дорогу къ этому первоисточнику. Ненависть Бонта и мессіанство Анфантэнна, поощренное Родригомъ,—могли надолго и невозбранно утверждать легенду о Сень-Симонѣ и его учении—на мѣсто исторіи. И не столько была страшна легенда сама по себѣ, сколько ея косвенное вліяніе на судьбу сень-симонизма въ исторіи философской и соціальной мысли. Въ лучшихъ случаяхъ она могла вызвать пренебреженіе, предвзятое отрицательное представление о дискредитированномъ предметѣ. Только къ концу XIX вѣка недоразумѣніе начало отступать предъ болѣе вдумчивымъ и беспристрастнымъ судомъ, на каждомъ шагу стремясь отвоевать свое долголѣтнее вліяніе.

Ив. Ивановъ.

⁶⁹⁾ *Not. hist.* VII, 1.

⁷⁰⁾ *Proc . E. F.* 341. Собрание афишъ, карикатуръ и пр.—2,040. E. F. 62.

О нашемъ фабричномъ законодательствѣ.

П. Литвиновъ-Фалинскій: «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи». Спб., 1900 г.).

Передъ нами очень интересная книга о фабричномъ законодательствѣ Россіи, гдѣ авторъ, помимо большого исторического очерка, посвященъ этому вопросу и разработанного, повидимому, на основаніи материала, первыхъ рука, даеть и недурной догматической анализъ дѣйствующаго ясна фабричнаго законодательства.

Авторъ въ своемъ историческомъ очеркѣ подчеркиваетъ вліяніе стачекъ, шеній и вообще безпорядковъ рабочихъ на развитіе у насъ фабричнаго законодательства, но эти стачки и волненія, говорится во введеніи, имѣющіе лишь постольку, поскольку они обращали на ненормальныя стороны положеній рабочихъ вниманіе правительства, которое и принимало на я заботы объ устраненіи ихъ. Поэтому важнѣйшіе вопросы, выдвинутые нашей промышленностью, говорить авторъ, были разрѣшены у насъ законодательнымъ путемъ безъ всякой борьбы между рабочими и нанимаемыми въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова (стр. XIX).

Если въ Англіи фабричное законодательство, замѣтимъ мы, развивалось значительной степени при содѣйствії класса землевладѣльцевъ, то у насъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ рознъ интересовъ петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ, и эта рознь интересовъ въ сознаніи нашего фабричнаго законодательства проходить, можно сказать, красной нитью въ работѣ автора, и эта сторона является очень интереснымъ предметомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь наглядно видимъ, какъ развивающаяся техника дробить классъ, который, повидимому, долженъ бы быть связаннымъ щностью интересовъ, на двѣ группы съ противоположными стремленіями, именуемыми въ интересахъ одной группы съ повышенной техникой производствомъ является выгодной регламентацией труда.

Такъ, съ 80-хъ годовъ фабрики Петербургскаго района лишь въ неизчезающей степени пользовались трудомъ малолѣтнихъ, ноочные же работы на фабрикахъ были уничтожены, а продолжительность дневныхъ

работы была сокращена. Разумеется, петербургские фабрики находились вследствие этого въ менѣе выгодныхъ условіяхъ конкуренціи, чѣмъ фабрики московского промышленного района, который въ широкой степени пользовался трудомъ малолѣтнихъ, работая притомъ, за небольшими исключеніями, день и ночь; отсюда понятны многочисленные ходатайства петербургскихъ фабrikantovъ о воспрещеніи ночныхъ работы и о сокращеніи рабочаго времени: они видѣли въ этомъ средство къ устраненію неравенства условій конкуренціи (стр. 39).

Такъ, 25 января 1884 года въ прошеніи, поданномъ с.-петербургскому градоначальнику, петербургскіе фабrikantы ходатайствовали о повсемъ уничтоженіи ночныхъ работъ, указывая, что это является единственнымъ средствомъ къ устраненію кризиса, устраненію переполненія рынка прядильными и ткацкими продуктами. При этомъ они говорили, что, по ихъ глубокому убѣждению, законъ, воспрещающій ночные работы женщинъ малолѣтнихъ и подростковъ, будетъ встրѣченъ всѣми мануфактуристамиъ большими сочувствіемъ, предупредить наступающій кризисъ и поднять нравственность рабочихъ, упавшую въ тѣхъ мѣстахъ имперіи, где ночные работы вошли въ обычай.

Московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ, на засѣданіи котораго министромъ финансовъ было переслано заявленіе петербургскимъ бумаго-прядильнымъ, ткацкимъ и ситце-набивнымъ фабrikantovъ, относительно этого предложенія высказалось отрицательно, указывая, между прочимъ, что работа ночью въ фабричномъ корпусѣ едва ли представлена въ нравственномъ отношеніи худшей для рабочихъ сравнительно съ нахожденiemъ ихъ въ то же время въ казармахъ или въ иныхъ мѣстахъ наприм., въ питейныхъ заведеніяхъ (стр. 45). Коммиссія, затѣмъ рассматривавшая этотъ вопросъ, рѣшила его въ пользу петербургскихъ фабrikantovъ. Такимъ образомъ изданіе закона 3 июня 1885 г. о воспрещеніи ночной работы подросткамъ и женщинамъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, резюмируетъ авторъ, находилось въ весьма тѣсной связи съ бывшимъ въ то время промышленнымъ кризисомъ, благодаря которому неравенство условій конкуренціи фабрикъ различныхъ промышленныхъ районовъ Россіи особенно неблагопріятно отразилось на интересахъ фабrikantovъ петербургскаго района (стр. 56), такъ какъ иначе усиленіе производства грозило еще болѣе обострить кризисъ, а сокращеніе работъ должно было содействовать нѣкоторому сокращенію производства.

Законъ 3 июня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрики явился подвѣяніемъ тѣхъ злоупотребленій по отношенію къ рабочимъ, которыхъ служили причиной возникавшихъ нерѣдко весьма серьезныхъ безпорядковъ. Эти злоупотребленія выражались въ формѣ незаконного удержанія заработной платы. Печальную извѣстность въ этомъ отношеніи пріобрѣли фабричные лавки; на фабрикахъ въ широкихъ размѣрахъ практиковалась расплаты рабочими вмѣсто денегъ хлѣбомъ, товаромъ и иными предметами, эти лавки были средствомъ наживы для ихъ хозяевъ (стр. 59).

Другимъ средствомъ злоупотреблениія служили штрафы, налагавшіеся а рабочихъ по разнымъ поводамъ и достигавшіе нерѣдко 40%, и болѣе. эти штрафы являлись важнымъ источникомъ доходовъ хозяевъ. Несколько доходы съ фабричныхъ лавокъ иногда были велики, видно изъ этого, что иногда говорилось, что не лавка состоитъ при фабрикѣ, а фабрика при лавкѣ. Единственное пригодное средство для огражденія рабочими своихъ интересовъ являлись стачки и беспорядки (стр. 60). Стачки въ концѣ 1884 и въ началѣ 1885 гг. охватили весьма значительное число фабрикъ Московской и Владимірской губерній. Произведенное разслѣдованіе оказалось, что причины, вызвавшія эти беспорядки, не имѣли случайного характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабриантами и рабочими, притомъ злоупотребленія со стороны недобросовѣстныхъ фабрикантовъ влекли за собой вредныя послѣдствія для тѣмъ фабрикантовъ, которые вели свои дѣла добросовѣстно: послѣдніе не имѣли возможности соперничать съ лицами, удешевлявшими стоимость производства путемъ притѣсненія рабочихъ, и такие фабриканты должны были сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Рабочіе же, обремененные всякою вычетами, наприм., за освѣщеніе мастерскихъ, за пользованіе при рабочихъ орудіями производства, квартирами, банями, столовыми и проч., нерѣдко не въ состояніи были зарабатывать достаточныхъ средствъ даже на чинное пропитаніе, не говоря уже о возможности уплачивать повинности, содержать свои семьи (стр. 50 и 61), отсюда естественно раздраженіе рабочихъ, и это раздраженіе противъ хозяевъ, при трудности для рабочихъ отыскивать законными средствами защиту своихъ правъ, постоянно поддерживало въ нихъ склонность искать возстановленія своихъ правъ путемъ стачекъ и беспорядковъ (стр. 61).

И законъ 1886 г. о наймѣ рабочихъ продиктовался со стороны правительства именно этимъ стремленіемъ къ охранѣ порядка и къ поддержанию спокойствія среди фабричныхъ путемъ устрашенія тѣхъ ненормальностей, которая обостряли отношенія хозяевъ и рабочихъ (стр. 65).

Еще въ 1883 году по введеніи въ дѣйствіе закона о малолѣтнихъ, представители некоторыхъ с.-петербургскихъ мануфактуръ подавали министерству финансовъ заявленіе, въ которомъ высказывали, что, по ихъ мнѣнію, наступило время установить закономъ продолжительность рабочаго дня, тѣмъ болѣе, что петербургскіе фабриканты уже давно чувствуютъ невыгоду положенія, въ которомъ они находятся, довольствуясь обыкновенно одной только денней работой, въ то время какъ московскіе фабриканты продолжаютъ пагубную практику ночной работы. Новый законъ, по мнѣнію петербургскихъ фабрикантовъ, долженъ поставить всѣхъ хозяевъ въ одинаковые условія и разумно сократить продолжительность рабочихъ часовъ, чтобы дать рабочимъ возможность имѣть достаточно времени для отдыха, чѣмъ непремѣнно оказалось бы серьезную пользу всему рабочему классу и отразилось бы благопріятно на ихъ здоровыи (стр. 82—83).

Законъ 2 июня 1897 г. о продолжительности распределенія рабочаго

времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности быть вызванъ ходатайствомъ представителей промышленности петербургскаго и южнаго района. Ходатайства эти возникли на той же почвѣ конкуренции этихъ районовъ съ московскимъ, какъ и ходатайство ихъ быть ограничено ночныхъ работъ (стр. 108), къ тому же здѣсь присоединились и мотивы поддержанія спокойствія среди рабочихъ, проявившихъ на петербургскихъ фабрикахъ лѣтомъ 1896 года недовольство вслѣдствіе значительной продолжительности работы (стр. 109).

Такимъ образомъ петербургскіе фабrikанты неоднократно ходатайствуютъ о законодательномъ регулированіи нѣкоторыхъ вопросовъ: они, въ изложеніи автора, сторонники государственного вмѣшательства въ сфере отношений фабrikантовъ и рабочихъ; фабrikанты же московского промышленного района противодѣйствуютъ этому вмѣшательству и отстаиваютъ свободу этихъ отношеній. Это объясняется тѣмъ, что петербургскія фабрики лучше обставлены въ техническомъ отношеніи, ихъ производительность выше, а потому московскіе фабrikанты эту свою отсталость въ техническомъ отношеніи пытаются наверстать удлиненіемъ продолжительности рабочаго времени и введеніемъ ночныхъ работъ.

Бромъ того, авторъ утверждаетъ, что петербургскіе фабrikанты, будучи въ большинствѣ иностранцами, еще до изданія фабричныхъ законовъ установили вполнѣ корректное отношеніе къ своимъ рабочимъ. Не проявляя никакой заботливости къ рабочимъ, вѣтъ своихъ договорныхъ обязательствъ, петербургскіе фабrikанты являлись въ сферѣ отношеній къ рабочимъ вполнѣ безупречными. На московскихъ же фабрикахъ отношенія эти, въ силу многихъ причинъ, приняли весьма уродливыя формы: (стр. 114—116). Такимъ образомъ эти районы находились въ различныхъ условіяхъ, а конкуренція требовала выравненія этихъ условій, чтѣ и должно было привести къ борьбѣ фабrikантовъ этихъ районовъ и въ концѣ концовъ содѣйствовало развитию фабричного законодательства въ Россіи. Всякая попытка со стороны петербургскихъ фабrikантовъ къ урегулированію фабричного труда вызывала ярые протесты со стороны московского района. Въ этомъ отношеніи очень любопытна записка, поданная Вышнеградскому въ 1887 году отъ «Торгующаго на нижегородской ярмаркѣ купечества», гдѣ подчеркивалась стѣснительность фабричного законодательства для промышленниковъ: «Русскіе промышленники, — говорилось въ запискѣ, — оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти большаго довѣрія, чѣть то, какое имъ оказано введеніемъ стѣсняющаго какъ ихъ, такъ и ихъ рабочихъ, нового фабричного закона, отдающаго часто цѣлое предприятіе на милость и немилость лица, въ фабричномъ дѣлѣ не компетентнаго и не имѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности» (стр. 121).

Авторъ даетъ и исторический очеркъ введенія у насъ фабричной инспекціи и, между прочимъ, здѣсь справедливо отмѣчаетъ онъ, что у насъ

были приняты мѣры для подготовки лицъ, долженствующихъ быть фабричными инспекторами, между тѣмъ, подготовка и экзамены для чиновъ инспекціи введены во многихъ странахъ Европы (стр. 313). Я приду иль сколько данныхъ о постановкѣ этого вопроса въ Пруссіи, пользуясь ной недавно вышедшей книгой.

Въ Пруссіи для полученія должности фабричного инспектора необходимо, по крайней мѣрѣ, пройти трехгодичный курсъ въ высшей технической школѣ и полуторагодичный курсъ правовыхъ и государственныхъ науокъ, и затѣмъ выдержать по этимъ отдѣламъ специальный экзаменъ. При ачѣ экзамена по этой послѣдней области отъ кандидата требуется знаніство съ государственнымъ устройствомъ Германской имперіи и въ частности Пруссіи, съ административнымъ ея устройствомъ, затѣмъ изъ области политической экономіи кандидатъ долженъ ознакомиться особенно съ торіей развитія промышленности въ Пруссіи и съ законодательствомъ, торое имѣть своей цѣлью устранять тѣ темные явленія, которыя возникаютъ въ современной промышленности; кроме того онъ долженъ ознакомиться съ прусской промышленной политикой и такъ называемымъ правомъ управлениія, чѣмъ у насъ извѣстно подъ названіемъ полицейского права. Кандидатъ долженъ быть хорошо знакомъ со способомъ устройства фабрикъ, опленія, вентиляціи, онъ долженъ основательно изучить самые распространенные способы предупрежденія несчастныхъ случаевъ, которымъ рабоче подвержены въ разныхъ отрасляхъ промышленности, а также ознакомиться и съ тѣми средствами, которыя имѣютъ цѣлью предупрежденіе ихъ несчастныхъ случаевъ. Этотъ порядокъ установленъ 7 сентября 397 г., а инструкція къ нему—13 ноября того же года (См. *Emil Plotke: Die Gewerbe - Inspektion in Deutschland*, Berlin, 1899).

Послѣ закона 1894 года 14 марта, установившаго у насъ, чтобы должностіи фабричныхъ инспекторовъ замѣщались лицами, кончившими курсъ въ высшихъ и преимущественно въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, наѣста фабричныхъ инспекторовъ назначены почти исключительно техники (коло 90%). Такимъ образомъ у насъ въ настоящее время громадное большинство фабричныхъ инспекторовъ обладаетъ необходимыми техническими знаніями, что, конечно, имѣетъ поможетъ разбираться въ жалобахъ и жаленіяхъ рабочихъ, основанныхъ нерѣдко на мельчайшихъ подробностяхъ техники производства, качествѣ материаловъ и товара, и т. д., чо а нашъ взглядъ имѣетъ недостатокъ юридического образованія, и въ циркулярахъ можно найти указанія на то, что фабричная инспекція въ нынѣшнемъ своемъ составѣ нуждается въ детальномъ разясненіи и толкованіи такихъ законовъ, которые срядѣ ли могутъ возбуждать сомнѣнія при ихъ примененіи (стр. 362), и авторъ приводить любопытный приѣръ относительно толкованія статьи 141 уст. о промышл., именно объ гирытии при фабрикахъ и заводахъ фабричныхъ лавокъ, что поставлено еще въ зависимости отъ фабричной инспекціи. Фабричная инспекція

какъ будто бы затруднялась здѣсь въ опредѣленіи своихъ правъ, что и вызвало необходимость толкованія этой статьи свыше.

Мы лично думаемъ, что помимо техническаго образования фабричныи инспекція для правильнаго выполненія своихъ функций необходимо долженъ обладать и юридическимъ образованіемъ, такъ какъ иначе ей будетъ трудно разобраться въ сложности правовыхъ отношеній, которыя возникаютъ въ настоящее время въ сферѣ фабричной жизни: ей приходится постоянно сталкиваться и съ массой лицъ и учрежденій и толковать дѣйствующее право, и желательно было бы ввести особые экзамены для кандидатовъ на должности фабричнаго инспектора или, что еще лучше, чтобы поставить на должную высоту фабричный инспекторатъ, создать особые курсы для кандидатовъ.

Какъ слышно, по частной инициативѣ одного фабричнаго инспектора крупнаго центра Россіи предполагается временно создать что-то вродѣ глинищъ курсовъ по главнѣйшимъ отраслямъ юридическихъ наукъ.

Въ общемъ мы можемъ только привѣтствовать появленіе книги Литвинова-Фалинскаго: она идетъ навстрѣчу давно уже чувствовавшейся потребности. Въ большую заслугу ей нужно поставить, что она не ограничивается только догмой дѣйствующаго права, но и даетъ исторію развитія этого права и до извѣстной степени обрисовываетъ тѣ факторы и мотивы, которые служили стимулами къ развитію фабричного законодательства въ Россіи... Намъ только хотѣлось здѣсь обратить вниманіе читателей на эту книгу и потому мы воздерживаемся отъ всякихъ дальнѣйшихъ замѣчаній на нее.

И. О.

Фридрих Ницше^{*}).

Аристократический радикализмъ. Статья Георга Брандеса.

Переводъ съ датскаго.

IV.

Если бы спросить у Ницше, чѣд такое человѣкъ, онъ сдѣлалъ бы слѣдующее опредѣленіе: человѣкъ—животное, могущее давать и держать обѣнія.

Настоящее благородство человѣка онъ видѣтъ въ томъ, что онъ можетъ что-нибудь обѣщать, можетъ ручаться за самого себя, принимать на ю отвѣтственность, такъ какъ, вмѣстѣ съ властью надъ самимъ собой, горая предполагается этимъ отношеніемъ, человѣкъ неминуемо пріобрѣсть власть и надъ виѣшними обстоятельствами, равно какъ и надъ прошими твореніями, не обладающими столь длительной волей.

Сознаніе этой своей отвѣтственности самодержавный человѣкъ называетъ своею совѣстю.

Какова же предварительная исторія этой отвѣтственности, этой совѣстїи? а—длинная и кровавая. Страшными средствами воспитывалась въ людь на протяженіи исторіи память о томъ, что они нѣкогда молча или смѣло обѣщали и хотѣли сдѣлать. На пространствѣ тысячелѣтій человѣка глагали въ смирительную куртку обычной морали, подвергали его на заніямъ, какъ побитіе камнями, колесованіе или сожженіе, заживо поебали грѣшника, четвертовали его, бросали его въ воду, привязавъ ему менѣ на шею, или зашитымъ въ мѣшокъ, бичевали его, сдирали съ него жу, клеймили его раскаленнымъ желѣзомъ, и всѣми этими средствами бѣдили забывчивому животному, человѣку, долгую память о томъ, что обѣщали взамѣнъ разрѣщенія пользоваться благами, сопряженными съ принадлежностью къ обществу.

По гипотезѣ Ницше сознаніе вины возникаетъ прямо какъ сознаніе яла. Договорное отношеніе между заемодавцемъ и должникомъ, столь же

^{*}) Русская Мысль, кн. XI, 1900 г.

старинное, какъ древнѣйшія формы человѣческихъ сношеній по поводу купли, продажи, мѣнового торга и т. д., — вотъ какое отношеніе лежитъ здѣсь въ основѣ. Должникъ (чтобы внушить довѣріе къ своему общанью уплаты) обѣщаетъ что-нибудь изъ того, чѣмъ владѣеть: свою свободу, свою жену, свою жизнь, или же онъ даетъ заимодавцу право вырѣзать болѣшій или менѣшій, смотря по величинѣ долга, кусокъ мяса изъ его тѣла (законы XII таблицъ; еще въ *Венеціанскомъ купцѣ* сохранилъ се-
дѣйствіе этотъ обычай).

Логика этого договора, для насть уже довольно чуждая, заключается въ слѣдующемъ: въ возмѣщеніе убытка заимодавцу предоставляется чувство особаго рода сладострастія, возникающаго въ томъ случаѣ, когда человѣкъ даетъ волю своей власти надъ другимъ человѣкомъ, безвластнымъ.

Въ книгѣ Рे (стр. 13 и слѣд.) читатель найдетъ доказательства въ пользу тезиса Ницше, что цѣлый тысячелѣтія человѣчество держалось по-
коего воззрѣнія: видѣть, какъ страдаетъ другой, приятнѣ. Но причинѣ страданія другому, это — праздникъ, во время которого счастливецъ чувствуется радостнымъ сознаніемъ своего могущества. Тамъ же можно найти доказательства въ пользу того, что прославляемые впослѣдствії, какъ губрѣтели, инстинкты состраданія, справедливости, кротости первоначально считались почти повсюду не имѣющими никакой моральной цѣнности больше того: признавались симптомами слабости.

Въ куплѣ и продажѣ, какъ и во всемъ, что психологически относится сюда и что старѣе всякаго общественнаго порядка, зарождаются, по представлению Ницше, возмѣщеніе, уравненіе, право, обязанность. Человѣкъ съ давнихъ поръ гордился тѣмъ, что онъ — существо, могущее дѣлать опѣнку вещей. Одна изъ наиболѣе раннихъ универсальныхъ идей бы-
слѣдующая: всякая вещь имѣеть свою цѣну. И мысль: за все можно от-
платить — была древнѣйшей и наивнѣйшей путеводной нитью для спра-
шиваемости.

Все общество, по мѣрѣ того, какъ оно развивается, приходитъ въ же отношеніе къ своимъ членамъ, въ какомъ заимодавецъ находится по-
своему должнику. Общество охраняетъ своихъ членовъ, обеспечиваетъ ихъ противъ состоянія беззащитности, подъ условіемъ, чтобы они не нарушили своего обязательства къ нему. Тотъ, кто нарушилъ свое обѣщаніе, —
кто сталъ преступникомъ, вновь обрекается беззащитности, которую влечетъ за собой исключеніе изъ общества.

Такъ какъ Ницше, увлекаясь своимъ исключительно психологическимъ интересомъ, оставляетъ въ сторонѣ весь ученый аппаратъ, то его утверж-
денія не могутъ подлежать прямой проверкѣ. У Рѣ въ его параграфѣ о истинительности и чувствѣ справедливости, равно какъ въ отдѣльныхъ уступкахъ мести, — полюбовной сдѣлкѣ при посредствѣ денежныхъ пеней —
собраны всѣ историческія данныя.

И другіе мыслители, помимо Ницше (такъ, наприм., Эдуардъ Гартманъ и Рѣ), оспаривали мнѣніе, будто идея справедливости вытекаетъ изъ ис-

ельного настроения, и Ницше едва ли открылъ какой-либо новый, убѣдительный аргументъ; но что характерно для него, какъ для писателя, это збытокъ личной страсти, съ которой онъ протестуетъ противъ этой мысли, чевидно, потому, что она родственна современному демократическому оду мыслей.

Во многихъ современныхъ требований справедливости слышатся отвѣки плебейской зависти и зложелательства. Многіе изъ современныхъ ченыхъ буржуазного или мѣщанского происхожденія невольно видѣли нечто олѣе великое и болѣе цѣнное, чѣмъ подобаетъ, въ душевныхъ движеніяхъ, оторванными реагируютъ долго находившіеся подъ гнетомъ: въ ненависти и зависти, вломамятствѣ и жаждѣ мести.

Ницше ни минуты не останавливается на томъ состояніи, въ которомъ, агъ единственное право наказанія, функционируетъ месть, ибо кровавая месть, согласно его взгляду, есть результатъ не ненависти порабощенныхъъ господину, а представлений о чести между равными. Его занимаетъ исключительно контрастъ между двумя кастами—господствующей и порабощенной, и вновь, и вновь прорывается у него ожесточеніе противъ теорій, съ силу которыхъ современные мыслители, симпатизирующіе прогрессу, тали относиться снисходительно къ плебейскимъ инстинктамъ и, наоборотъ, подозрительно или враждебно къ умамъ, рожденнымъ повелѣвать. Это чисто личная особенность, его нефилософскій и опредѣляемый темпементомъ складъ ума обнаруживается, однако, въ той чертѣ, что, находясь себѣ лишь ненависть и презрѣніе къ классу или расѣ угнетенныхъ, тъ ихъ *гансине* и проистекающей изъ затаенной злобы *морали рабовъ*, онъ положительно приходитъ въ экстазъ отъ испытываемаго господствующей кастой наслажденія властью, отъ атмосферы здоровья, свободы, чистосердечія, правдивости, въ которой она живеть. Ея захваты онъ защищаетъ или извиняетъ. Ея представленіе о кастѣ рабовъ для него далеко не столь можно, какъ представленіе этой послѣдней о кастѣ господъ.

Даже о дѣйствительной несправедливости, совершающей этой кастой, по его мнѣнію, не можетъ быть рѣчи въ серьезному смыслѣ. Ибо того, что само по себѣ можно было бы назвать справедливостью и несправедливостью, вовсе не существуетъ. Нанесеніе вреда, насилие, эксплуатация, уничтоженіе, все это—не несправедливость само по себѣ, не можетъ быть несправедливостью, таъ какъ жизнь по своему существу, по своимъ основнымъ функциямъ, есть лишь насилие, эксплуатация, уничтоженіе. Правовые состоянія не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ исключительными состояніями, а именно, какъ ограниченіе настоящаго хотѣнія жизни, цѣль котораго—власть.

Шопенгауэрское *воля къ жизни* (хотѣніе жизни) и Дарвиновское *борьба за существование* Ницше замѣняетъ выражениемъ *воля къ власти* (вождѣніе къ власти). Не за жизнь, не за простую жизнь, а за власть ведется, по его мнѣнію, борьба въ мірѣ. И онъ пространно, хотя не въ особенно мѣткихъ словахъ, говорить о томъ, какія скудныя, какія бѣд-

НЫХ условій жизни должны были имѣть въ виду англичане, выставивши понятіе *struggle for life* съ его умѣренными запросами. Ему представляется что они имѣли въ мысляхъ міръ, где всякий доволенъ, разъ онъ может обезопасить свою жизнь. Но жизнь есть лишь выражение минимума. Сам по себѣ жизнь хочетъ не только самосохраненія, но и самоувеличій, въ такомъ видѣ она именно есть «воля къ власти». Ясно, такимъ образомъ, что между новымъ и старымъ терминомъ нѣтъ принципіального различія, ибо борьба за существование ведеть по необходимости къ борьбѣ между властями и къ борьбѣ изъ-за власти. Разматриваемый съ этой точки зреінія, тотъ или другой правовой порядокъ есть средство въ борьбѣ между властями. Какъ средство *противъ* всякой борьбы вообще, онъ был бы враждебнымъ жизни принципомъ, губительнымъ для будущихъ судей и для прогресса человѣчества.

Нѣчто подобное подразумѣвалъ уже Лассаль, высказывая свой взглядъ, что правовая точка зреінія—плохая точка зреінія въ жизни народовъ. У Ницше же характерно наслажденіе борьбой, какъ борьбой, въ противовѣложность міровоззрѣнію современного гуманизма. Для Ницше размѣры прогресса опредѣляются тѣмъ, чтѣ приносится въ жертву ему. Гигиена, поддерживающая жизнь въ миллионахъ слабыхъ и бесполезныхъ существъ, которымъ лучше было бы умереть, для него не настоящій прогрессъ. Простое счастье посредственности, обеспеченное возможно крупному большинству малкихъ тварей, которыхъ мы зовемъ въ настоящее время людьми, не было бы для него дѣйствительнымъ прогрессомъ. Но большинство дѣйствительнымъ прогрессомъ для него, какъ и для Ренана, была бы возможность взрастить болѣе сильную, болѣе высокую человѣческую породу, нежели та, которая окружаетъ насъ, взрастить—«сверхчеловѣка», если даже это было достичимо лишь подъ условіемъ принесенія въ жертву массы людей, какими мы знаемъ ихъ. Совершенно серьезно высказавшися Фридрихомъ Ницше фантазіи будущаго о воспитаніи сверхчеловѣка, пытающаго принять на себя власть на землѣ, представляютъ такъ иного сподвижника съ полуспутливыми, полусkeptическими мечтами Ренана о новомъ Асгорѣ, о настоящей фабрикѣ Асовъ *) («Dialogues phil.», 117), что трудно усомниться въ воздействиіи послѣдняго на первого. Разница лишь въ томъ, что то самое, что Ренанъ писалъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ парижской коммуны, притомъ же въ формѣ діалога, где наши себѣ *est* и *pro*, и *contra*, у Ницше кристаллизовалось въ догматическое убѣжденіе. Поэтому странно и непріятно видѣть, что Ницше не иначе отзыается о Ренанѣ, какъ съ антипатіей. Онъ едва касается его умственно-аристотеліческаго элемента, но говорить съ отвращеніемъ о благоговѣніи къ евангелию смиренныхъ, которое всюду обнаруживается Ренанъ, и которое несомнѣнно находится въ извѣстномъ противорѣчіи съ надеждой на учрежденіе искусственнаго питомника сверхчеловѣковъ.

*) Асы—боги скандинавской міѳологии, Асгоръ—жилище боговъ. *Прим. пер.*

Ренанъ и послѣ него Тэнъ возставали противъ почти религіозныхъ істѣвъ, съ которыми въ новой Европѣ долгое время относились къ первої французской революції. Ренанъ съ прискорбiemъ отзывался о ней въ съ молодыхъ лѣтъ. Тэнъ, первоначально питавшій къ революції симпатіи, послѣ болѣе внимательнаго ея изученія измѣнилъ свой взглядъ. Ницшетъ по ихъ слѣдамъ. Естественно, что современные писатели, чувствующіи себя дѣтьми революції, пытаются симпатію къ дѣятелямъ великаго мущенія, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этимъ послѣднимъ не было здано справедливости при господствующемъ въ настоящее время въ Европѣ антиреволюціонномъ настроеніи. Но писатели, въ своемъ страхѣ передъ всѣмъ тѣмъ, что на политическомъ жаргонѣ зовется цезаризмомъ, въ своей слѣпой вѣрѣ въ массовыя движенія, упустили, между прочимъ, виду, что величайшиe возмутители и освободители, это—не соединеніе маленькихъ людей, а немногіе великие, не мелкіе завистники, а великие брожелатели, дарующіе другимъ право, благосостояніе и духовный ростъ.

Есть два класса революціонныхъ умовъ: тѣ, которыхъ инстинктивно влечь къ Бруту, и тѣ, которыхъ такъ же инстинктивно влечь къ Цезарю. Цезарь—это великий типъ; Фридрихъ Второй и Наполеонъ обладали, каждый въ отдельности, лишь одной группой его свойствъ. Освободитель въ поэзіи сороковыхъ годовъ кишитъ хвалебными пѣснями въ честь Брута.

Ни одинъ поэтъ не воспѣвалъ Цезаря. Даже Шекспиръ совсѣмъ не раздѣлялъ его величія, представилъ его образъ въ блѣдной карикатурѣ и по решѣту Плутарха прославилъ Брута въ ущербъ Цезарю. Даже Шекспиръ не постыжалъ, что Цезарь поставилъ на столь жизни несравненно болѣе крупную тѣку, чѣмъ его убийца. Цезарь происходилъ отъ Венеры; его внѣшній обликъ весь изящество. Уму его была свойственна великая простота, отличительный признакъ самыхъ великихъ людей; сущность его природы была—городство. Онъ, чье имя и понынѣ носить наивысшая власть, всеѣль, все понималъ и зналъ, что долженъ умѣть и знать первостепенный полководецъ и властелинъ. Лишь иѣкоторые личности итальянскаго зрожденія могли подняться на такую высоту гениальности. Для всякаго оггресса, какой только былъ осуществимъ въ тѣ дни, была ручательюю его жизнь. Сущность природы Брута—была доктрина; его отличительный признакъ—ограниченность, хотяща вернуть мертвые порядки и дящая предзнаменованія миссіи въ случайномъ совпаденіи именъ. Его огъ бытъ сухъ и вымученъ, его душа—безплодна. Его порокомъ было рысталюбіе, ростовщичество было его страстью. Для него провинціи были безправными. Онъ осудилъ на голодную смерть пятерыхъ сенаторовъ въ Саламинѣ, когда городъ не могъ уплатить дани. И благодаря книжала, ничего не достигшему и ничему не помѣшившему изъ него, чemu онъ долженъ былъ помѣшать, этотъ непроизводительный умъ бѣжалъ какимъ-то гениемъ свободы, потому только, что люди не могли знать, что значитъ наивысшая полнота власти въ рукахъ сильнейшей, татѣшней, благороднѣшней натуры.

Изъ раньше сказанного читатель легко пойметъ, что Ницше выводилъ справедливость всецѣло изъ активныхъ душевныхъ движений, такъ какъ чувства реагирующая для него всегда низменны. На этомъ пункѣ онъ однако, не останавливался. Въ прежнее время возникновеніе наказанія и дѣли въ инстинкѣ возмездія. Стюартъ Милль въ своей *Утилитарной этике* выводилъ справедливость изъ уже установленнаго свода наказаній (*justum изъ jussum*), являвшагося мѣрой безопасности, а не возмездія. Рѣ въ своей книжѣ *Возникновеніе совѣсти* защищалъ родственное положеніе, что не наказаніе есть слѣдствіе чувства справедливости, а чувство справедливости есть слѣдствіе наказанія. Англійскіе философы вообще выводятъ нечистую совѣсть изъ наказанія. Ея цѣнность заключается, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что она будить въ виновномъ чувство преступности.

Ницше протестуетъ противъ этого. Онъ утверждаетъ, что наказаніе не только ожесточаетъ и леденитъ душу человѣка, больше того: что сама судебная процедура препятствуетъ преступнику считать свои поступки честными осужденія, ибо онъ видѣть, что въ интересахъ юстиціи по отнешенію къ нему практикуются и въ этомъ случаѣ оправдываются дѣйствія въ тѣчь такого же рода, какія и онъ совершилъ,—за инымъ шансъ, разставляютъ ему западни, стараются застигнуть его врасплохъ, подвергаютъ его пыткамъ. Поэтому долгое время грѣхъ преступника всѣмъ и не принимался въ разсчетъ; его признавали вреднымъ, а не виновнымъ, смотрѣли на него, какъ на чѣто роковое, и преступникъ, съ своей стороны, принималъ наказаніе какъ обрушившійся на него упрекъ рока, и съ fatalизмомъ переносилъ его. Въ общемъ можно сказать, что наказаніе усмиряетъ человѣка, но не исправляетъ его.

Нечистая совѣсть, такимъ образомъ, еще не получила объясненія. Нѣтъ выдвигаетъ слѣдующую гениальную гипотезу. Нечистая совѣсть—это глубоко проникающее болѣзньенное состояніе, которое разразилось въ человѣкѣ подъ гнетомъ самой коренной перемѣны, какой онъ когда-либо подвергался, а именно, когда онъ очутился безповоротно замкнутымъ въ обществѣ, огражденномъ законами. Всѣ сильные и дикие порывы, изъ предпримчивость, безразсудная отвага, лукавство, хищничество, властолюбіе, не только находившіеся до тѣхъ поръ въ почетѣ, но положительные воспитывавшіеся въ людяхъ, были внезапно заклеймлены, какъ опасны, и шагъ за шагомъ ославлены, какъ безнравственные, какъ преступны. Существа, приспособленныя къ бродячей, воинственной жизни, къ жизнѣ полной приключений, вдругъ увидали, какъ всѣ ихъ инстинкты провозглашались негодными, больше того, запретными. Тогда ими овладѣло безнечное уныніе, безмѣрина душевная подавленность. И всѣ инстинкты, дерзавшіе прорваться наружу, обратились тогда во внутрь, противъ самого человѣка: враждебное обществу настроеніе, жестокость, стремленіе къ вѣчному разнообразію, рискованная игра жизнью, напащенія, преслованія, разрушенія—и вотъ, возникла нечистая совѣсть.

Когда сложилось государство не въ силу общественного договора, какъ единолагалъ Руссо съ своими современниками, а вслѣдствіе того, что раса зевателей съ устрашающей тиранніей обрушилась на болѣе многочисленное, но неорганизованное населеніе, тогда послѣднее подавило въ себѣ свободные инстинкты: активная сила, стремленіе къ власти обратиться противъ самого человѣка. И на этой почвѣ зарождаются тогда идеи красоты: самоотверженіе, самопожертвованіе, отсутствіе себялюбія. Расть къ самопожертвованію въ своемъ зародыше есть влеченіе къ осо-го рода жестокости; нечистая совѣсть есть стремленіе къ самоистязанію.

Мало-по-малу люди стали ощущать свою вину, какъ долгъ,—долгъ къ оплому, предкамъ, долгъ, требующій уплаты въ видѣ жертвъ—вначалѣ щей въ самомъ грубомъ смыслѣ слова—въ видѣ почестей и послушанія, ю всѣ обычай, какъ дѣло предковъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ по-льяніями *). Люди находятся въ вѣчной тревогѣ, какъ бы не оказалисьъ жертвы недостаточны; они приносятъ въ жертву предкамъ первые юды и первенцевъ отъ стада. Страхъ къ родоначальнику все возрастаетъ, и мѣрѣ того какъ усиливается могущество рода. Порою его преобразуютъ божество, откуда можно видѣть возникновеніе понятія о божествѣ изъ страха.

Чувство виновности по отношенію къ божеству неуклонно росло на протяженіи вѣковъ, пока, наконецъ, вмѣстѣ съ признаніемъ христіанскаго ога универсальнымъ, это чувство не вырвалось наружу въ максимальныхъ азмѣрахъ. Лишь въ наши дни ощущается замѣтное пониженіе этого чувства виновности; но тамъ, где сознаніе грѣховности достигаетъ наивысшей точки, тамъ нечистая совѣсть все разъѣла вокругъ себя, какъ ракъ, ажъ что чувство невозможности дать полное удовлетвореніе за вину, за рѣхи, царить абсолютно и съ нимъ соединяется мысль о вѣчной карѣ. [а родоначальникѣ (Адамѣ) лежитъ теперь проклятие, грѣхъ переходить, ажъ наслѣдие. Даже на самую природу, изъ нѣдра которой выходить человѣкъ, переносится злое начало: она проклята, отдана во власть дьяволу, и, наконецъ, мы стоимъ предъ исходомъ, въ которомъ около двухъ тысячѣтій находить себѣ угѣщеніе душевно истерзанное христіанство: Богъ приносить себя въ жертву за грѣхи людей.

Такимъ образомъ подавленный инстинктъ жестокости превратился въ самоистязаніе, и всѣ животно-человѣческие порывы стали объясняться какъ вина противъ Бога. Всякое «нѣть», которое человѣкъ говоритъ своей природѣ, своей дѣйствительной сущности, онъ выбрасываетъ изъ себя какъ «да», какъ объявление дѣйствительности, относящейся къ святости Бога и признанію Его Судіей, а вслѣдъ затѣмъ вѣчность, будущая жизнь, муки безъ конца, вѣчная казнь въ адѣ.

Чтобы хорошоенько понять возникновеніе аскетическихъ идеаловъ, надо, кроме того, припомнить, что древнѣйшія поколѣнія интеллектуальныхъ и

*) Сравните теорію Лассала о римскомъ завѣщаніи.

созерцательныхъ натуръ жили подъ страшнымъ гнетомъ пренебреженій съ стороны охотниковъ и убийцъ, презиравшихъ невоинственный иль царский терзъ. Чтобы отстоять себя, у нихъ не было иного средства, какъ выйті дѣлать къ себѣ страхъ. Достигнуть этого они могли только жестокостью и самимъ себѣ: самобичеваніемъ, умерщвленіемъ плоти, отшельничествомъ жизнью. Какъ жрецы, прорицатели, чародѣи, они поражали массы стѣрьнымъ ужасомъ. Жрецъ-аскетъ—это та личинка, изъ которой развился здравый мыслитель. Подъ владычествомъ жреца наша земля сталась аскетическимъ шаромъ: мрачнымъ уголкомъ въ небесномъ пространствѣ, населеннымъ недовольными и высокомерными созданіями, привавшими отвращеніе къ жизни, ненавидѣвшими свою планету, какъ видѣли скорби, и съ душой преисполненной зависти и злобы къ радости и красотѣ, причинявшими самимъ себѣ столько зла, сколько только возможно.

Тѣмъ не менѣе, взаимное противорѣчіе, находимое нами въ аскетизмѣ жизни, употребляемая *противъ жизни* — есть, конечно, лишь кажущееся противорѣчіе. Въ дѣйствительности аскетический идеалъ отвѣтствуетъ глубокой потребности хирыющей жизни въ уходѣ и враачеваніи. Это идеалъ указывающій на ослабленіе и усталость; съ его помощью жизнь тоже такъ же борется со смертью. Это — ухищреніе, направленное къ самосохраненію жизни. Его предпосылка — болѣзnenное состояніе укрощенія человѣка, отвращеніе къ жизни вмѣстѣ съ желаніемъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, перенестись въ другой міръ, съ этимъ желаніемъ, усиленнымъ до высшей степени горячности и страсти.

Аскетъ есть воплощеніе самого этого желанія. Его властью онъ привязываетъ къ жизни все стадо разочарованныхъ, подавленныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ своихъ надеждахъ и предавшихся отчаянію существъ. Потому именно, что самъ онъ боленъ, онъ и есть ихъ пригожденный пастырь. Если бы онъ былъ здоровъ, онъ отвернулся бы съегодованіемъ отъ всего этого стремленія переклеймить слабость, замѣнилъ фарисейство, ложную нравственность въ добродѣтель. Но, самъ боленъ, онъ призванъ ходить за больными въ обширномъ приютѣ для грѣшниковъ и грѣшницъ. Онъ постоянно возится съ страдальцами, ищащими причины своихъ мукъ вмѣсть себя; онъ учить страдальца, что преступная причина его мукъ—это онъ самъ. Такимъ образомъ онъ даетъ другое управление зложелательству человѣка-неудачника, дѣлаетъ его менѣе опаснымъ, принуждая его изливать на самого себя большую долю своей таинной злобы. Врагомъ—аскета нельзя собственно называть; онъ смигаетъ страданіе, изобрѣтаетъ всякаго рода утѣшеніе, то усыпляющія, то вѣруждающія средства.

Поднимался вопросъ о томъ, какъ бы побороть эпидемическую усталость и отчаяніе, овладѣвшія большими массами. Было испробовано нѣсколькихъ средствъ. Сначала старались низвести до самой низкой степени жизненное чувство: не хотѣть, не желать, не дѣйствовать и т. д., притупиться (*Faut s'abѣtir*—Паскаля). Цѣль—святость, гипнотизация всей душевной жизни.

, отрѣшеніе отъ всякой цѣли и чрезъ это свобода отъ болевыхъ ощущеній. Затѣмъ противъ такихъ состояній глубокой тоски примѣняли, чѣмъ усыпляющее средство, механическую дѣятельность: благодатный удѣль. Аскетъ, имѣющій дѣло преимущественно съ страдальцами болѣдныхъ сословій, даетъ несчастному невольнику труда новое объясненіе о жизненной задачи, заставляетъ его въ работѣ видѣть благодѣяніе. Чѣмъ, однимъ изъ излюбленныхъ средствъ противъ меланхоліи служить предписаніе мелкихъ, легко доступныхъ удовольствій: доставлять радость угімъ, помогать имъ изъ любви къ ближнему. Наконецъ, рѣшающее средство—это составить изъ всѣхъ больныхъ одну громадную больницу, бразовать изъ нихъ одну общину. Недовольство, которое чувство слабости нечестъ за собой, встрѣчаетъ противодѣйствіе, вслѣдствіе того, что эта асса чувствуетъ себя сильной, благодаря своей внутренней сплоченности.

Главное средство аскета заключалось, однако, въ томъ, что онъ ознанію виновности придавалъ значение грѣха. Внутреннее страданіе было карой. Больной былъ грѣшникомъ. Ницше сравниваетъ несчастнаго, получающаго такое истолкованіе своихъ мученій, съ курицей, заключеній въ очерченный мѣломъ кругъ. Онъ не можетъ ступить ни шагу дальше. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, куда бы мы ни взглянули, всюду мы видимъ гипнотический взглядъ грѣшника, недвижно устремленный на вину, какъ на единственную причину страданій. Всюду нечистая совѣсть, самобичеваніе и власяница, всюду слезы и скрежеть зубовный и возгласы: еще больнѣе, еще больнѣе! Все служило аскетическому идеалу. И такимъ образомъ возникли эпилептическія эпидеміи,—эпидеміи флагеллентовъ и колдуній-истеричекъ, Витовой пляски и массового бреда въ экстравагантныхъ сектахъ, до сихъ поръ напоминающія о себѣ въ такихъ явленіяхъ, какъ армія спасенія и п. п.

Противъ аскетического идеала никто еще настоящимъ образомъ не ополчился; еще не имѣется опредѣленныхъ провозвѣстниковъ какого-либо нового идеала. Наука, со временемъ Коперника постоянно стремившаяся отнять у человѣка его прежнюю крѣпкую вѣру въ собственное значеніе, тѣмъ самымъ дѣйствовала скорѣе въ согласіи съ аскетическимъ идеаломъ. Въ настоящее время дѣйствительныхъ враговъ и подрывателей аскетической идеаль имѣть въ сущности лишь въ комедіантахъ этого идеала, въ его лицемѣрныхъ охранителяхъ, возбуждающихъ и поддерживающихъ недовѣrie къ нему.

Такъ какъ безмысленность страданій ощущалась людьми, какъ проклятие, то аскетический идеаль придалъ имъ смыслъ; этотъ смыслъ привнесъ за собой новый потокъ страданій, но все же онъ былъ лучше, чѣмъ ничего. Въ наши дни начинаетъ зарождаться новый идеаль, видящій въ страданіи условіе для жизни, условіе для счастья и, во имя новой культуры, оспаривающій все то, что до сихъ поръ мы называли культурой.

V.

Въ числѣ сочиненій Ницше есть странная книга, носящая заглавіе *Такъ говорилъ Заратустра*. Она состоить изъ четырехъ частей, написанныхъ въ 1883—1885 гг., каждая часть въ какихъ-нибудь десять дней. Отдѣль за отдѣломъ задуманъ среди долгихъ прогулокъ—«въ такомъ вдохновленномъ настроеніи, какъ будто каждая фраза была кѣмъ-то громко продиктована автору», выразился однажды Ницше въ частномъ письмѣ.

Главное дѣйствующее лицо и кое-что въ формѣ заимствованы изъ *Авесты* персовъ. Заратустра—миѳический основатель религіи, болѣе известный намъ подъ именемъ Зороастра. Его религія—религія чистоты; еї мудрость легка и свободна, какъ свойственно тому, кто смѣялся при самомъ своемъ рождениі: его природа—свѣтъ и пламя. Орелъ и азъ, живущіе съ нимъ въ его горной пещерѣ, самое гордое и самое умное изъ всѣхъ животныхъ—древніе персидскіе символы.

Это произведеніе заключаетъ въ себѣ теоріи Ницше, такъ сказать, въ формѣ религіи. Это—коранъ или, вѣрнѣе, Авеста, которую онъ чувствовалъ потребность оставить въ наслѣдіе послѣ себя—темная и глубокая, возвышенная и отвлеченная, пророческая и упосенная чаяніями будущаго, переполненная до краевъ внутреннимъ я своего творца, въ свою очередь всецѣло преисполненнымъ самимъ собою.

Изъ современныхъ книгъ, бравшихъ этотъ аккордъ и примѣнявшихъ этотъ символически-аллегорический стиль, могутъ быть названы *Жизнь польскихъ пилигримовъ* Мицкевича, *Anheli* Словацкаго и написанный подъ вліяніемъ Мицкевича *Слова спрующаю* Ламене. Но всѣ онѣ по своему языку носятъ библейскій характеръ, тогда какъ *Заратустра*, наоборотъ, представляетъ назидательное чтеніе для свободныхъ умовъ.

Самъ Ницше цѣнитъ эту книгу выше всѣхъ другихъ своихъ произведеній. Я не раздѣляю его взгляда. Фантазія, которой она проникнута, недостаточно пластична, и нѣкоторая монотонность иерархична съ архитектоническимъ изображеніемъ, выводящимъ одни типы.

Но къ этой книгѣ полезно обратиться тѣмъ, которымъ трудно совладать съ чисто-идеологическими сочиненіями Ницше; она содержитъ всѣ его основные мысли въ риторически-поэтической формѣ. Ея главное преимущество,—это стиль, цѣльный отъ первого слова и до послѣдняго, полно-звукенный, глубоко-мелодический, сильно настраивающей, по временамъ немножко елейный въ своемъ запальчивомъ сужденіи и осужденіи, всегда выражавшій самоуслажденіе, больше того, самоошыяненіе, но богатый какъ тонкими, такъ и смѣлыми красотами, увѣренный и подчасъ величавый. За этимъ стилемъ лежитъ настроение, подобно заташью въ горномъ воздухѣ, до того легкомъ и эѳирно-чистомъ, что въ немъ нѣтъ места никакимъ міазмамъ, нѣтъ жизни никакимъ бактеріямъ, и не могутъ къ нему имѣть доступа ни шумъ, ни зловоніе, ни пыль, ни камни, ни тропики.

Впереди чистое небо, у подошвы горы—безбрежное море, а наверху

анъ свѣта, свѣтлая бѣлизна, лазурный колоколъ, безмолвно вздыхающія надъ шумящими водами и могучими горными хребтами. На вершинѣ одинъ съ самимъ собою, Заратустра полной грудью вдыхаетъ чистый духъ,—одинъ съ восходящимъ солнцемъ, одинъ съ полуденнымъ зноемъ, не уменьшающимъ прохлады, одинъ съ сверкающими, говорящими звездами въ ночную пору.

Это хорошая, глубокая книга, свѣтлая по своей жизнерадостности, таинственная по своей загадочной рѣчи, книга, написанная для умственныхъ пинистовъ и смѣльчаковъ, и для тѣхъ немногихъ, кто испытанъ въ никомъ презрѣніи и ненависти къ человѣческому муравейнику и въ великомъ человѣкобудіи, потому лишь ненавидящемъ такъ глубоко, что едѣй нимъ носится образъ болѣе высокаго, болѣе мужественнаго человечества, которое онъ хочетъ вызвать къ жизни и воспитать.

Заратустра бѣжалъ въ свою пещеру на вершинѣ горы, потому что у противно маленькое счастіе и мелкія добродѣтели. Онъ видѣлъ, что еніе людей о добродѣтели и довольствіе заставляетъ ихъ все мельчать мельчать: ихъ доброта сводится главнымъ образомъ къ желанію, чтобъ кто не причинялъ имъ зла; поэтому они спѣшатъ предупредить другъ, оказывая имъ добро. Это—трусость, а зовется это добродѣтелью. И, конечно, также охотно нападаютъ на другихъ и вредятъ другимъ, выбираютъ для этого лишь тѣхъ, кто разъ навсегда оставленъ безъ щиты и кого можно безъ всякой для себя опасности обижать. Это зовется храбростью, тогда какъ это еще болѣе глубокая трусость. Но когда Заратустра хочетъ изгнать трусливыхъ дьяволовъ изъ людей, противъ го раздается крикъ: Заратустра нечестивъ.

Онъ одиночъ, ибо всѣ прежніе товарищи отпали отъ него; молодыя рдца состарились, и даже не состарились, а только устали и обѣнились, только огрубѣли—и это они называютъ возвратомъ къ благочестію. Зокругъ свѣта и свободы они когда-то порхали, какъ мотыльки и юные эзы, и вотъ уже они превратились въ филистеровъ и обскурантовъ». И поняли свой вѣкъ, хорошо выбрали время и часъ. «Ибо теперь юнь начинаютъ вылетать ночные птицы. Теперь пробилъ часъ для тѣхъ боящихся свѣта существъ».

Заратустра ненавидитъ большой столичный городъ, такъ какъ онъ—чистый для мыслей отшельника. «Всѣ похоти и пороки обитають здѣсь».

Заратустра ненавидитъ государство, ненавидитъ его такъ, какъ на сѣрѣ Генрихъ Ибсенъ, и еще глубже, чѣмъ онъ.

Для него государство—самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ. То основная ложь въ томъ, будто бы онъ—народъ. Нѣть, творческие мы—вотъ кто создалъ народъ и далъ ему любовь и вѣру; этимъ они служили жизни; каждый народъ своеобразенъ, а государство одинаково всюду. На взглядъ Заратустры въ государствѣ «медленное самоубийство сѣхъ называется жизнью». Лишь тамъ, где преkrращается государство,

начинается человѣкъ, не являющійся лишнимъ, человѣкъ, составившій переходъ къ сверхчеловѣку.

Изъ государства Заратустра бѣжалъ на свою гору, въ свою пещеру

Въ терпимости и сострадательности лежала для него величайшая опасность. Богатый мелкими неправдами состраданія, жилъ онъ среди людей

«Весь искусанный ядовитыми мухами, весь изрытый безчисленными каплями злобы, какъ камень изрытый ими, такъ сидѣть я среди нихъ и говорилъ себѣ: все мелкое не имѣть вины по своей малости. Тѣ въ особенности, которыхъ называютъ добрыми, тѣ колютъ совершенно невинно, тѣ лгутъ совершенно невинно; какъ же могутъ они быть справедливы ко мнѣ?»

«Кто живеть среди добрыхъ, того состраданіе учить лгать. Состраданіе порождаетъ дурной воздухъ для всѣхъ свободныхъ душъ. Ибо глупыя добрыхъ бездонна.

«Ихъ педантовъ-мудрецовъ я звать мудрецами, не педантами. Ихъ къ гильчиковъ я звать учеными изслѣдователями—такъ научился я поднимать слова. Могильщики выкашиваютъ себѣ новыя болѣзни. Изъ старого мусора поднимаются зловредныя испаренія. На горахъ—вотъ гдѣ начинать».

И съ блаженнымъ чувствомъ вновь вдыхаетъ онъ вольный воздухъ горъ. Его дыханіе теперь свободно отъ запаха человѣческаго. Заратустра сидѣть на горѣ, окруженный древними разбитыми скрижалими законовъ и новыми наполовину исписанными таблицами, и ждеть своего часа,—и когда явится левъ со стаей голубей, сила и кротость, и поклоняется ему. Онъ протягиваетъ людямъ новую таблицу, на которой начертаны съущія ученія:

Не щади своего ближняго! Великая любовь къ самому дальнему предписываетъ это. Ближній есть нечто такое, что должно преодолѣть.

Не говори: я поступаю съ другими, какъ хочу, чтобы другие поступали со мной. Что ты дѣлаешь, того никто не можетъ тебѣ сдѣлать. Воздаянія не существуетъ.

Не вѣрь, будто ты не долженъ красть. Право, которое ты можешь для себя похитить, ты никогда не долженъ принимать, какъ даръ.

Остерегайся добрыхъ людей. Они никогда не говорятъ правды. Все то, что они называютъ зломъ: великая неустранимость, долго шаткое недовѣріе, жестокое «нетъ», глубокое отвращеніе къ людямъ, уныи хотѣніе рѣзать по живому мѣсту—все это требуется тамъ, гдѣ должна родиться истина.

Все минувшее брошено на произволъ судьбы. Но если это такъ, можетъ случиться, что чернь сдѣлается властелиномъ и все задушитьъ своихъ мелкихъ водахъ, или что какой-нибудь тиранъ всѣмъ завладѣетъ. Поэтому нужна новая аристократія, которая ополчилась бы противъ чести и противъ всякой тиранніи и на новыхъ таблицахъ начертана бы самъ благородный. Конечно, не такая аристократія, которую можно купить

з такая добродѣтель, которая заключается въ томъ, чтобы любить отечество. Нѣть, учить Заратустра. Вы должны быть изгнаны изъ страны юныхъ отцовъ, и дѣдовъ, и прадѣловъ. Не страну отцовъ своихъ должны вы любить, а страну своихъ дѣтей. Эта любовь и есть новая аристократія,—любовь къ этой новой странѣ, еще не открытой, лежащей далеко, въ самомъ далекомъ морѣ. На своихъ дѣтяхъ должны вы загладить нечастье, что вы дѣти своихъ отцовъ. Все минувшее должны вы искупить имъ способомъ.

Заратустра полонъ милосердія. Другіе говорили: ты не долженъ нарушать брака. Заратустра учить: люди честные должны сказатъ другъ другу: «исprobуемъ, можемъ ли мы сохранить взаимную любовь; поставимъ себѣ окъ, чтобы испытать себя и такимъ образомъ узнать, пожелаемъ ли мы мѣе продолжительного срока». То, что не гнется, ломается. Одна женщина сказала Заратустрѣ: правда, я нарушила бракъ, но сначала онъ меня умаль и сокрушилъ.

Заратустра не знаетъ пощады. Пословица гласитъ: не толкай телѣги, которая накренилась. Но Заратустра говорить такъ: что уже готовится пастъ, то вы должны, сверхъ того, толкать. Все, что принадлежитъ нашему времени, все это падаетъ, рушится, никто не можетъ его удержать. Заратустра хочетъ еще толкать все это.

Заратустра любить храбрыхъ. Но не ту храбрость любить онъ, которая отвѣчаетъ на всякое нападеніе. Часто болѣе храбости высказываетъ тѣ, кто отступаетъ и проходитъ мимо, чтобы приберечь себя для болѣе стойкаго врага. Заратустра не учить: любите своихъ враговъ! Онъ говоритъ: не вступайте въ борьбу съ врагами, которыхъ презираете.

Зачѣмъ такая жестокость?—взываютъ люди къ Заратустрѣ. Онъ отвѣтъ: зачѣмъ такая жестокость?—сказалъ уголекъ алмазу;—развѣ мы неъ одного племени и неъ въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ? Тѣ, которые создаютъ новыя цѣнности, жестоки. Ихъ высшая утѣха—запечатлѣть, какъ на кусочкѣ воска, свою руку на грядущихъ вѣкахъ.

Никакое ученіе не возмущаетъ такъ Заратустру, какъ ученіе о тщетѣ ничтожности міра. Въ его глазахъ это обветшалыя сплетни, обветшалыя арушечки сплетни. Пессимисты, видящіе въ итогѣ жизни перевѣсь неблагодарныхъ сторонъ, провозглашающіе негодность существованія, внушаютъ ище рѣшительное отвращеніе. Онъ предпочитаетъ мѣку уничтоженію.

Ту же восторженную любовь къ жизни Ницше выразилъ въ своемъ *имикъ къ жизни*, который самъ положилъ на музыку для хора и оркестра. Амъ значитъ:

Gewiss, so liebt ein Freund den Freund,
Wie ich dich liebe, rätselvolles Leben.
Ob ich gejauchzt in dir, geweint,
Ob du mir Leid, ob du mir Lust gegeben,
Ich liebe dich mit deinem Glück und Harm.
Und wenn du mich vernichten musst,
Entreisse ich mich schmerzvoll deinem Arme,
Wie Freund sich reisst von Frendes Brust.

(Да, такъ другъ любить друга, какъ я тебя люблю, жизнь, полна загадокъ. Плакать ли я, ликовать ли съ тобой, радость ли ты изъ изрила иль горе, я люблю тебя съ счастьемъ твоимъ и печалью. И когда срокъ настанетъ тебѣ уничтожить меня, съ болью я вырвусь изъ твоихъ объятій, какъ другъ отрывается отъ дружеской груди.)

И стихотвореніе заканчивается такъ:

Hast du kein Glück mehr übrig mir zu schenken,
Wohlan, noch hast du deine Pein.

(Если ты мнѣ счастья больше подарить не можешь, что же въ томъ? Еще осталось у тебя страданье.)

Когда Ахилль соглашался быть лучшемъ поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ царствѣ тѣней, то его выраженіе слабо и блѣдно въ сравненіи съ этой вспышкой жажды жизни, въ своей парадоксальности призывающій даже чашу страданій.

Эдуардъ Гартманъ вѣрить въ начало и конецъ «мирового процесса». Онъ заключаетъ, что позади настѣ не можетъ быть вѣчности, иначе все возможности должны были бы уже наступить, чего, по его утвержденію, не оказывается. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ нимъ и въ этомъ тоже пунктѣ Заратустра, съ своеобразной мистикой, проповѣдуя вѣчное повтореніе, означающее, иными словами, что все во вселенной вѣчно возвращается, и мы сами вмѣстѣ съ нимъ, что мы уже безконечное число разъ существовали, и все во вселенной вмѣстѣ съ нами. Великіе часы мірозданія для него песочные часы, постоянно переворачивающіеся, для того, чтобы песокъ вновь и вновь высыпался. Это полнѣйшая противоположность лѣни Гартмана о гибели мира.

Въ часъ своей смерти Заратустра скажетъ: я исчезну теперь и умру; черезъ мгновеніе я буду ничто; но узелъ причинъ, въ который я вплетенъ, возвратится и будетъ постоянно вновь и вновь порождать меня.

Въ концѣ третьей части *Заратустры* есть глава подъ заголовкомъ: «Вторая пѣснь къ танцамъ». Танцы на языкѣ Ницше служатъ всегда выраженіемъ для высокой душевной легкости, парящей надъ земной тяготой и надъ всякой глупой серьезностью. Въ высшей степени замѣчательны по отношению къ языку, эта пѣснь является прекраснымъ образчикомъ стиля въ этомъ произведеніи, въ тѣхъ мѣстахъ его, где онъ поднимается до наивысшаго поэтическаго полета. Заратустра видѣть жизнь передъ себѣ въ образѣ женщины; она щелкаетъ кастањетами, и онъ танцуетъ съ ней, изливая въ пѣснѣ весь свой гибель на жизнь и всю свою любовь къ жизни.

In dein Auge schaute ich jüngst, oh Leben: Gold sah ich in deinem Nach-Auge blinken—mein Herz stand still vor dieser Wollust:—einen goldenen Kahn: sach ich blinken auf nächtigen Gewässern, einen sinkenden, trinkenden, wie's winkenden, goldenen Schaukel-Kahn!

Nach meinem Fuss, dem tanzwüthigen, warfst du einen Blick, einer lachenden, fragenden, schmelzenden Schaukel-Blick.

Zwei Mal nur regtest du deine Klapper mit kleinen Händen—da schaukelte
hon mein Fuss vor Tanzwuth

Ich fürchte dich nahe, ich liebe dich ferne: deine Flucht lockt mich, dein
ichen stockt mich; ich leide, aber was litt ich um dich nicht gerne!

Deren Kälte zündet, deren Hass verführt, deren Flucht bindet, deren
pott—führt.

Wer hasste dich nicht, dich grosse Binderin, Umwinderin, Versucherin,
inderin! wer liebte dich nicht, dich unschuldige, ungeduldige, windseilige,
indsäugige Sünderin!

(Въ твои очи заглянула я недавно, о, жизнь. Блескъ золота увидалъ
во тьмѣ твоихъ очей — мое сердце перестало биться отъ блаженной
адости;

—на ночныхъ волнахъ засверкала передо мной золотой членокъ,—опускаю-
щіяся, погружающіяся, вновь мелькающія, колыхающіяся золотой членокъ!

На мою ногу, рвавшуюся къ танцамъ, ты бросила взоръ,—смѣющіяся,
опрошающія, томно-колыхающіяся взоръ.

Дважды только шевельнули твои ручки кастањетами—и вотъ уже нога
юя заколыхалась въ страстномъ порывѣ къ танцамъ.

Боюсь тебя близкой, люблю тебя далекой: твое бѣгство меня манить,
твое исканіе удерживаетъ меня; я страдаю, но чего бы я не выстрадалъ
ради тебя!

Тебя, чья холодность воспламеняетъ, чья ненависть обольщаетъ, чье
бѣгство сковываетъ, чья насыпка умиляетъ.

Кто тебя не ненавидѣть, тебя, великую—сковывающую, обвивающую,
сблизняющую, обрѣтающую! Кто тебя не любилъ, тебя, невинную, не-
терпѣливую, какъ вѣтеръ, быструю, тебя, грѣшницу съ младенческимъ
взоромъ.)

Въ этомъ діалогѣ между жизнью и ея любовникомъ, между танцовщи-
цей и танцовщикомъ, встрѣчаются такія слова: о, Заратустра, ты любишь
меня далеко не такъ пламенно, какъ говоришь; ты мнѣ недостаточно вѣ-
ренъ. Есть старый, тяжелый, басистый колоколь, его рокотанье доносится
ночью до твоей пещеры. Если ты услышишь этотъ колоколь въ полночь,
то думаешь до самаго полудня, что скоро покинешь меня.

И затѣмъ слѣдуетъ, какъ заключеніе, пѣсня старого полуночного ко-
локола. Но въ четвертомъ томѣ, въ отдѣлѣ *Nachtwandlerlied* (*Пѣснь му-
натаика*), строка за строкой комментируется и поясняется эта коротень-
кая строфа, напоминающая своей формой отчасти средневѣковую сторо-
жевую пѣсню, отчасти псаломъ какого-нибудь мистика, и какъ бы въ самой
сжатой, самой краткой формулѣ содержащая въ себѣ таинственное настроение
завѣтнаго ученія Ницше.

Полночь приближается, и такъ же сокровенно, такъ же ужасно, такъ
же задушевно, какъ полуночный колоколь бесѣдуетъ съ Заратустрой, таин-

взываешь онъ къ высшимъ людямъ. въ полуночную пору слышно иное, что не дерзаетъ подать голоса днемъ, и полночь говорить: *случай, слушай внимательно, человѣкъ!*

Мнѣ чудится, будто время протекло, будто я упалъ въ глубокій колодецъ. Миръ поконится сномъ. И съ холодной дрожью вопрошаешь человѣкъ: кто будетъ властелиномъ земли? *Что скажетъ на это глубокая ночь?*

Колоколь глухо ворчать въ отвѣтъ, червякъ дерево точить, червь сердце гложетъ: увы, ми́ръ глубокъ!

Но старый колоколь — отзывчивый инструментъ: всякая скорбь извила его сердце, страданья отцовъ и предковъ, и всякое счастье, счастье отцовъ и предковъ, приводило его въ колебаніе—отъ колокола поднимается благоуханіе вѣчности, сладкое, какъ ароматъ розъ и золотистаго вина, благоуханіе старого счастія и эта пѣснь: ми́ръ глубокъ, и глубже, чѣмъ думаетъ день.

Я слишкомъ чистъ для неуклюжихъ рукъ дня. Самые чистые будуть властелинами земли, самые чистые и сильные,—полуночные души, ибо отъ свѣтлая и глубже всячаго дня. *Ихъ скорбь глубока.*

Но радость проникаетъ глубже, чѣмъ сердечная мѣка. Ибо скорбь говоритъ: разбейся, мое сердце! Отлети, моя печаль! *Скорбь говоритъ: пройди!*

Но вы, высшіе люди! Если вы когда-либо говорили «да» радости, то говорили «да» и скорби. Ибо скорбь и радость тѣсно сплетены между собою, влюблены другъ въ друга, нераздѣльны. И все начинается вновь. Все вѣчно. *Всякая радость хочетъ вѣчности, хочетъ глубокой, глубокой вѣчности.*

И затѣмъ слѣдуетъ эта полуночная пѣснь:

Oh Mensch! Gieb Acht!
Was spricht die tiefe Mitternacht?
„Ich schlief, ich schlief—
Aus tiefem Traum bin ich erwacht.
Die Welt ist tief
Und tiefer als der Tag gedacht.
Tief ist das Weh—
Lust—tiefer noch als Herzeleid:
Weh spricht: Vergeh!
Doch alle Lust will Ewigkeit—
Will tiefe, tiefe Ewigkeit!“

VI.

Такъ вотъ каковъ онъ, этотъ воинственный мистикъ, поэтъ и мыслитель, этотъ имморалистъ, не устающій проповѣдовывать. Когда приходишь къ нему отъ англійскихъ философовъ, то какъ будто попадаешь въ совершенно иной ми́ръ. Англичане, всѣ вообще, терпѣливые умы; сущность ихъ природы заключается въ сбираніи и объединеніи массы мелкихъ фактъ для отысканія такимъ путемъ того или другого закона. Лучшіе изъ нихъ—Аристотелевскія головы. Рѣдко приковываютъ они вниманіе своей личностью и рѣдко являются очень сложными индивидуальностями. Онъ

льше производить впечатлѣнія тѣмъ, что дѣлаютъ, нежели тѣмъ, что и есть. Ницше, напротивъ того (какъ и Шопенгауэръ), пророкъ, ясновидецъ, художникъ, менѣе интересный тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, нежели мъ, что онъ есть.

Какъ ни мало чувствуетъ онъ себя нѣмцемъ, тѣмъ не менѣе онъ называется продолжателемъ метафизической и интуитивной традиціи въ немецкой философіи и раздѣляетъ глубокую непріязнь нѣмецкихъ мыслителей во всякой утилитарной точкѣ зрѣнія. Въ своей страстной, афористической формѣ онъ безусловно оригиналъ; своимъ идеальнымъ содержаніемъ съ различныхъ сторонъ напоминаетъ многихъ другихъ какъ въ современной Германии, такъ и въ современной Франціи; не смотря на то, онъ считается, очевидно, совершенно немыслимымъ, чтобы онъ могъ быть чѣмъ-либо обязанъ кому-нибудь изъ своихъ современниковъ, и, какъ згодуешь на всѣхъ тѣхъ, кто походитъ на него въ томъ или другомъ ункѣ.

Мы говорили уже о томъ, какъ сильно онъ напоминаетъ Эрнеста Ренана своимъ взглядомъ на культуру и надеждой на умственную аристократію, которую завладѣть верховнымъ господствомъ надъ землей. Тѣмъ въ менѣе, у него не находится ни одного слова уваженія къ заслугамъ евана.

Мы равнымъ образомъ упоминали, что въ своей борьбѣ съ Шопенгаузовской моралью состраданія онъ имѣеть предшественникомъ Эдуарда Гартмана. Въ этомъ писателѣ, талантъ которого неоспоримъ, хотя его значеніе не соотвѣтствуетъ его необычайной славѣ, Ницше, какъ и всѣ нѣмецкие профессора, хочетъ видѣть только шарлатана. Гартманъ созданъ зъ болѣе тяжелаго материала, чѣмъ Ницше. Онъ грубоватъ, самодоволенъ, оренной германецъ по складу ума и, наконецъ, въ противоположность Ницше, онъ совсѣмъ не затронутъ французскимъ духомъ и южнымъ зацаромъ. Но между ними есть точки соприкосновенія, находящіяся въ зависимости отъ историческихъ условій въ той Германии, которая вскормила ихъ обоихъ.

Во-первыхъ, есть нѣчто общее въ обстоятельствахъ ихъ жизни, такъ какъ оба они, какъ артиллерийскіе офицеры, прошли одну и ту же школу, и затѣмъ въ ихъ образованіи, ибо оба они исходятъ отъ Шопенгауэра и, гдѣмъ не менѣе, оба сохраняютъ большой піэтетъ къ Гегелю,—слѣдовательно, соединяютъ въ своеемъ кульѣ этихъ двухъ братьевъ - враговъ. Они сходятся далѣе въ своемъ одинаковомъ отчужденіи отъ христіанской религіозности и христіанской морали, равно какъ въ своемъ столь современномъ нѣмецкомъ презрѣніи ко всякой демократіи.

Ницше походитъ на Гартмана своими нападками на соціалистовъ и анархистовъ, съ тою лишь разницей, что Гартманъ держится здѣсь болѣе научной точки зрѣнія. Ницше походитъ затѣмъ на Гартмана своимъ постояннымъ указаніемъ на невозможность идеала равенства и идеала мира, такъ какъ вся жизнь есть не что иное, какъ неравенство и война.

«Что хорошо?—Хорошо быть храбрымъ. Не хорошее дѣло освящать мѣну, а хорошая война освящаетъ дѣло». Какъ и его предшественникъ, онъ основывается на необходимости борьбы изъ-за власти и на миной культурной пользѣ войны.

Въ обоихъ этихъ, сравнительно все же столь независимыхъ писателяхъ, изъ которыхъ одинъ мистический натурфилософъ, другой мистический имморалистъ, отражается владычество въ новой Германской империи милитаризма. Гартманъ во многихъ отношеніяхъ близокъ къ нѣмецко-ицшанскому национальному самолюбію, Ницше находится въ принципіальномъ противорѣчіи какъ съ этимъ самолюбіемъ, такъ и съ государственнымъ мужемъ, «нагромозившимъ для нѣмцевъ новую Вавилонскую башню, тѣдовище по объему и силѣ, и поэтому называемую великой»; но духъ Бенмарка все же до нѣкоторой степени вѣтъ надъ произведеніями Гартмана и Ницше. Что касается вопроса о войнѣ, то здѣсь они лишь въ томъ отличаются другъ отъ друга, что Ницше желаетъ войны не ради фантическаго міроискупленія, а для того, чтобы мужественность не исчезла съ лица земли.

Въ своемъ презрѣніи къ женщинѣ, въ своемъ пониженіи ея попыткой эманципаціи Ницше опять-таки встречается съ Гартманомъ, но лишь постольку, поскольку оба они напоминаютъ Шопенгауера, отголосокъ котораго является въ этой области Гартманъ. Но тогда какъ Гартманъ здѣсь только морализирующей доктринеръ съ довольно непрігляднымъ оттенкомъ педантства, у Ницше подъ его выходками противъ женского пола чувствуется тонкое пониманіе опасности, представляемой женщиной, что указываетъ на болѣзнь личный опытъ. Онъ едва ли зналъ многихъ женщинъ, но тѣхъ, которыхъ онъ зналъ, онъ, очевидно, любилъ и ненавидѣлъ, но еще больше презиралъ. Снова и снова возвращается онъ къ неприспособленности для брака свободного, геніального ума. Въ эти отзывахъ, во многихъ мѣстахъ, есть нѣчто рѣзко-индивидуальное, въ особенности тамъ, где отстаивается необходимость одинокой жизни для индивидуя. Но что касается менѣе личныхъ разсужденій о женщинѣ, то здѣсь устами Ницше, какъ и Гартмана, говорить старозвѣтная Германия, эта страна, женщины которой, въ противоположность женщинамъ Франціи и Англіи, въ теченіе долгихъ вѣковъ должны были ограничиваться семейной и строго частной жизнью. У этихъ нѣмецкихъ писателей можно, говоря вообще, опѣнить то, что отъ ихъ взора не ускользаютъ глубокая противоположность и непрерывная война между полами, не замѣченныи не понятый Стюартомъ Миллемъ. Но несправедливость къ мужчинѣ и нѣсколько поверхностная справедливость къ женщинѣ, къ которымъ порою приходятъ достойный восторженного удивленія освободительная попытка Милля, все же гораздо предпочтительней грубой несправедливости Ницше, утверждающаго, что въ своемъ обращеніи съ женщиной мы должны вернуться къ «безмѣрной разумности древней Азіи».

Въ своей борьбѣ съ пессимизмомъ Ницше имѣеть, наконецъ, предшествен-

ь Евгения Дюринга (см. въ особенности его *Werth des Lebens*—Цѣнность жизни), и это обстоятельство внушало ему, повидимому, такое негодование, чѣмъ того, ожесточеніе, что въ своей подчасъ скрытой, подчасъ явной емкѣ онъ клеймить Дюринга, обвиняя его въ обезьянствѣ; Дюрингъ омерзителенъ, какъ плебей, какъ антисемитъ, какъ апостолъ мести, какъ ученикъ англичанъ и Бонта. Но Ницше ни единымъ словомъ не минаетъ о многихъ цѣнныхъ свойствахъ Дюринга, не стушевывающихся тѣ этими опредѣленіями. Между тѣмъ, если подумать о судьбѣ Ницше, станетъ совершенно понятно, что слѣдѣцъ—Дюрингъ, этотъ игнорирующий мыслитель, смотрящій свысока на официальныхъ ученыхъ, этотъ щій въ университетовъ философъ, громогласно исповѣдующій свою любовь къ жизни, несмотря на то, что жизнь такъ мало баловала его, дставляется Ницше какъ бы карикатурой на него самого. Это не должны были, однако, давать ему повода впадать по временамъ въ Дюринговскій атмосферный тонъ. Но надо признаться: какъ ни желаетъ Ницше быть, чѣмъ онъ, впрочемъ, и есть: польскимъ шляхтичемъ, европейски питаннымъ свѣтскимъ человѣкомъ и космополитическимъ мыслителемъ, одномъ пункѣ онъ—немецкій профессоръ и всегда останется имъ: въ человѣсной бранѣ, которой разражается необузданная ненависть его къ ерникамъ, а, какъ немецкій современный философъ, онъ не имѣлъ въ власти соперниковъ, кроме Гартмана и Дюринга.

Удивительно, что этотъ человѣкъ, научившійся столь безконечно многу у французскихъ моралистовъ и психологовъ, какъ Ларошфуко, Шамель и Стендаль, сумѣлъ въ таѣй малой степени усвоить себѣ сдержанность ихъ формы. Онъ не былъ подчиненъ дисциплинѣ, налагаемой на какою литературнымъ тономъ во Франціи по отношенію къ упоминанію своей личности и ея изображенію. Ему стоило, повидимому, долгихъ лѣтъ найти себя и всесѣло сдѣлаться самимъ собой. Чтобы найти себя, замкнулся въ своеемъ одиночествѣ, какъ Заратустра въ своей пещерѣ. Когда ему удалось достигнуть вполнѣ самостоятельного развитія, и почувствовалъ въ своей душѣ льющійся обильнымъ потокомъ своеобразный родникъ идей, тогда онъ потерялъ всякое вѣнчанее мѣрило собственной цѣнности, всѣ мости къ окружающему миру были разрушены. Бывшая оцѣнка медлила явиться, и это только разжигало его самолюбіе. Рѣвные проблески признанія извѣнѣ дали этому самолюбію новый толчокъ. Конецъ оно сгустилось въ темную тучу надъ его головой и помрачило этотъ рѣдкій, этотъ необычайный умъ *).

В. С—ая.

*) Въ своей предпослѣдней книжѣ Ницше говоритъ: „Ich habe den Deutschen die besten Bicher gegeben, die sie überhaupt besitzen—Grund genug, dass die Deutschen ein Wort davon verstehen.“ („Я далъ наимѣнѣи самыхъ глубокія книги, какія они только могутъ—причина, достаточная для того, чтобы наимѣнѣи не поняли въ нихъ ни слова“). Послѣдней своей книжѣ онъ говоритъ: „Ich habe der Menschheit das tiefste Buch geben, das sie besitzt“... („Я далъ человѣчеству самую глубокую книгу, какую имѣеть“)...

Письма о Западѣ.

Письмо I.

I.

Еще нѣсколько дней, и отойдеть въ область исторіи XIX вѣка, сложный и загадочный вѣкъ, полный рѣзкихъ противорѣчий, какъ бы сомкнувшись въ себѣ всѣ принципы и идеи, смѣнявшіе другъ друга на протяженіи тысячелѣтней человѣческой исторіи. Если каждая эпоха отмѣчена преобладаніемъ какого-нибудь принципа, если Средніе вѣка отмѣчены по преимуществу деспотическимъ вмѣшательствомъ церковнаго авторитета во всѣ стороны жизни, если эпоха Возрожденія характеризуется борьбою человѣческой личности за свои права и потребности, если, наконецъ XVIII в. мы называемъ вѣкомъ рационализма, то конецъ XIX вѣка можетъ быть названъ удивительнымъ совмѣщеніемъ самыхъ разнообразныхъ идеаловъ и мировоззрѣній. Необыкновенный прогрессъ положительныхъ знаній усматривается рядомъ съ отрицаніемъ науки, съ мыслями объ ея банкротствѣ, полное безвѣріе—съ усиленіемъ іезуитовъ и католического вліянія, утилитарное и соціальное искусство—съ символизмомъ и декадентствомъ, и все эти разнообразные элементы духовной работы человѣчества находятъ опору наконо талантливыхъ выразителей; всѣ направленія имѣютъ широкія сферы своихъ сторонниковъ. Можно подумать, что на протяженіи своей истории человѣчество выработало такой полный запасъ идей, что въ XIX столѣтіи каждому остается только выбирать любое изъ мировоззрѣній прошлаго, образно съ влечениями своего собственнаго духа. Но въ самомъ отношеніи человѣка къ старымъ понятіямъ, въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми онъ руководится при ихъ выборѣ, въ приемахъ ихъ защиты, заключается не рѣдко столько новаго, что изученіе этихъ побужденій и приемовъ, безъ можетъ, и дастъ путеводную нить будущему историку истекающаго столѣтія для отысканія преобладающихъ принциповъ въ умственной жизни временнаго намъ общества.

Среди попытокъ возродить тотъ или другой изъ отжившихъ принциповъ едва ли не любопытнѣйшую попытку представляеть усилившееся къ концу

ка движение въ пользу возстановленія католического и папскаго авторитета. Это движение выразилось въ Германіи оживленной пропагандой въ чльзу уничтоженія закона объ іезуитахъ, въ Италии — новыми рѣзкими сходками ультрамонтановъ; погребеніе недавно убитаго короля Гумберта ова оживило надежды пашистовъ и заставило снова вспомнить о притягательнѣхъ Ватикана на свѣтской владѣніи. Но самое яркое выраженіе интесующее насть движение получило во Франціи.

Франція—родина «наихристіаннѣйшихъ» королей, старая опора папства католического міра; на Францію съ надеждой взирало папство въ трудные моменты своего существованія, и XIX вѣкъ при своемъ началѣ и пѣдѣ ознаменованъ во Франції двумя попытками возродить утраченную ру, двумя замѣчательными памятниками, представляющими апологію качества и христіанства. Въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго столѣтія Шатобранъ дописывалъ «Духъ христіанства», и въ первый годъ нашего столѣтія на страницахъ *Меркурия* появились первые отрывки этого сочиненія ставившаго эпоху въ исторіи французской литературы. Миновало ровно лѣтъ, и одинъ изъ популярнѣйшихъ французскихъ писателей нашего времени, Брюнетьеръ, выступаетъ съ новой апологіей христіанства. Предстоящее наступленіе нового столѣтія побудило группу французскихъ учёхъ предпринять большой коллективный трудъ (*«Un siècle»*) объ истекшемъ столѣтіи, причемъ обзоръ литературныхъ явлений вѣка сдѣланъ юнетьеромъ. «Я не могу, — говоритъ Брюнетьеръ, — лучше завершить стоящий обзоръ, какъ заявивъ, что конецъ вѣка согласуется съ его началомъ. Можно было думать, что его волнуютъ иныя заботы: такъ оно было. Однако, если религіозный вопросъ не былъ всегда первымъ и самымъ очевиднымъ изъ его заботъ, онъ безспорно являлся неизмѣннымъ, нутами, пожалуй, наиболѣе затаеннымъ, но и мучительнымъ» *).

Это любопытное заявленіе, что XIX вѣкъ въ концѣ вѣковой работы опейского общества не подвинулся ни на шагъ впередъ по сравненію своимъ началомъ, справедливо только при первомъ поверхностномъ лядѣ. Но стѣть сравнить условія, при которыхъ развивалась католическая реакція въ началѣ столѣтія и судьбу этой реакціи въ концѣ вѣка, бы понять, какъ сильно измѣнилось міровоззрѣніе французского общества за этотъ періодъ. Предъ нами два литературныхъ памятника: «Духъ христіанства», открывающій собою столѣтіе, и рѣчь Брюнетьера на съездѣ оликовъ, произнесенная на исходѣ его **). Оба памятника имѣютъ общую цѣль—защиту христіанства, но при всемъ сходствѣ между ними существуетъ и глубокое различие. Твореніе Шатобрана было съ энтузиазмомъ

*) Ст. Брюнетьера переведена на русскій языкъ и издана отдельной брошюрой: *Брюнетьеръ: „Европейская литература XIX в.“*. Переводъ А. А. Веселовской. 1900 г.

**) „Les raisons actuelles de croire“. Discours prononc  a Lille par F. Brunetière, 8 novembre 1900, pour la cl ture de la vingt-septi me Assembl e g n rale des holiques du Nord et du Pas-de-Calais.

встрѣчено современниками. Конкордатъ Наполеона съ Шіємъ VII, знаменовавшій примиреніе Франціи съ католичествомъ, какъ нельзя болѣе гармонировала съ настроениемъ эпохи, и тщетно некоторые приближенія перваго консула возставали противъ конкордата; ихъ протестующіе голоса заглушались единодушнымъ одобрениемъ общества, видѣвшаго въ возстановленіи религіознаго культа могучее средство для поддержанія порядка.

И сочиненіе Шатобріана явилось кстати; но это не было возрожденіемъ вѣры, противъ которой выступила революція. «Духъ христіанства» — не теологіческій трактатъ; авторъ стремится показать не истинность догматовъ, а ихъ величие, не божественное происхожденіе таинствъ, а ихъ трогательную красоту. Защитникъ христіанства въ началѣ нашего вѣка становится на эстетическую почву такъ же смѣло, какъ его предшественники, средневѣковые теологи, стояли на почвѣ откровеній. Католицизмъ красивъ — вотъ причина, почему человѣчество должно оставаться въ его власти. Католическія таинства священны, потому что все таинственное, все чудесное влечетъ къ себѣ человѣческое сердце. «Все скрыто, и непостижимо во вселенной», — говорить авторъ «Аталы». Христіанство породило великое искусство и литературу, которыхъ были невѣдомы античному миру; Шатобріанъ восторгается готическими храмами. Такъ, при чтеніи «Духа христіанства» предъ нами мало-по-малу намѣщаются основные пункты романтической программы. Шатобріанъ не замѣтилъ, какъ вмѣсто того, чтобы защитить христіанство и католичество, онъ явили апологетомъ романтизма. Его эстетическое христіанство носило въ себѣ всѣ признаки этого новаго умственнаго движения, постепенно охватывавшаго всѣ европейскія литературы. Чрезмѣрное преклоненіе передъ поэзіей и красотой, томленіе и неясное влечение ко всему недосказанному, туманному и мистическому, — вотъ черты, обнаружившіяся въ шатобріановской апології христіанства. Шатобріанъ не столько оправдалъ католичество, сколько превратилъ его въ союзника романтическихъ идеаловъ, господствомъ которыхъ ознаменовалось начало нынѣшняго столѣтія, и его знаменитая книга, не возродивъ католицизма, осталась памятникомъ вкусовъ и понятій времени, доказала, что католицизмъ можетъ играть только служебную роль, поступая на службу задачамъ эпохи, прымкная къ тѣмъ, кто работаетъ надъ осуществленіемъ этихъ задачъ.

II.

Нѣчто подобное совершается во Франціи въ настоящую минуту; новый апологетъ христіанства очутился въ такомъ же положеніи, какъ и его предшественникъ. Разница только въ степени талантовъ, въ степени ученія, но не въ существѣ дѣла. Вмѣсто величественнаго, полнаго поэтическихъ красотъ творенія Шатобріана предъ нами холодная, разсудительная рѣчь Брюнеттьера, съ вѣтшней логической стройностью, отличающей французскихъ мыслителей; вмѣсто непосредственнаго увлеченія автора «Рене»,

тивно вѣрившаго, что онъ оказываетъ услугу католицизму, предъ нами
млитикъ, расчетливый и умный, сознательно отводящій христіанству и
церкви служебную роль. Измѣнилось и общество. Вместо горячаго энту-
зиазма, которымъ французское общество встрѣтило Шатобриана, аплодис-
менты узкаго кружка съѣхавшихся католиковъ привѣтствовали рѣчь редак-
тора *Revue de deux Mondes*. Измѣнились и политическая условія: напо-
лоновскій конкордатъ давно уже утратилъ свой смыслъ, а clerикальная
опаганда, сопровождавшаяся вначалѣ осужденіемъ Дрейфуса, побѣдой
зуйотовъ и ихъ выученниковъ въ генеральномъ штабѣ, кончилаас торже-
ствомъ здраваго смысла французовъ, процессомъ ассомпсіонистовъ, мѣро-
праятіями правительства съ цѣлью уничтоженія іезуитскаго вліянія въ
церкви и открыто выраженнымъ сочувствіемъ парламента министерству
альдека-Руссо.

Брюнетьеръ понимаетъ, что его доводы въ пользу вѣры имѣютъ време-
нныи характеръ, что въ область религіи, которая опредѣляется неизмѣн-
ностью догмы, онъ вносить принципъ измѣнчивости и эволюціи; его рѣчь
азывается «Современные доводы въ пользу вѣры». Вотъ почему Брюне-
теръ начинаетъ свою рѣчь съ оправданія своей постановки вопроса.
аждая эпоха, по его мнѣнію, выставляетъ въ пользу необходимости
вѣры доводы болѣе современные, чѣмъ другія эпохи; изъ всѣхъ дово-
довъ, говорящихъ въ пользу необходимости вѣрить, ораторъ выбираетъ
ѣ, которые находятся въ самой тѣсной связи съ современнымъ ему обра-
зомъ мыслей. Вѣчные въ основѣ своей, т.-е. въ отношеніи къ неизмѣнной
догмѣ, доводы въ пользу вѣры различны по формѣ, т.-е. по отношенію
къ человѣческому уму, который измѣняется. Идеи остаются одинаковыми и тѣми
же, но рѣчь идетъ о томъ, чтобы перевести ихъ на различные языки.

Такую эволюцію переживаетъ апологія католицизма Средневѣковые
дохновенные фанатики-аскеты, не представлявшіе возможности какихъ-
то и и было измѣненій въ догмѣ, не нуждавшіеся въ оправданіи като-
лицизма, сминаются черезъ тысячу лѣтъ поэтомъ христіанства, хотя и
тратившимъ непосредственную вѣру, но постигнувшимъ красоту и поэзію
христіанской религіи. Прошло еще столѣtie, и католикъ новой формациіи
носить въ апологію католицизма новый казуистическій принципъ: человѣчество
можетъ пережить цѣлый рядъ понятій; измѣняются общіе взгляды
и представленія, но католицизмъ, этотъ эластичный, легко приспособляю-
щийся ко всѣмъ условіямъ феноменъ, становится не вѣчной, неизмѣнной
истиной, а удобной формулой, въ которую можно вложить какое угодно
содержаніе и освятить это произвольно взятое содержаніе авторитетомъ
священной формы.

И Брюнетьеръ отказывается отъ старыхъ доводовъ; откровенія, чудеса,
красота христіанства—все это не входитъ въ качествѣ аргументовъ
и защитительную рѣчь правовѣрнаго католика конца вѣка. Онъ говорить
за языкѣ, понятномъ современному человѣку.

Если,—говорить Брюнетьеръ,—существуетъ явленіе характерное для

нынѣшняго столѣтія, то это—ростъ демократіи; съ этимъ именемъ соединяютъ все лучшее, что резюмируется тройнымъ девизомъ: свобода, равенство и братство. Но три разряда идей, которыя связаны съ нимъ, находятся въ явномъ противорѣчіи съ естественными законами, управляющими эволюціей человѣка и общества. Какъ примирить свободу съ determinismомъ? Равенство—съ подборомъ, въ основаніи которого лежитъ естественное или приобрѣтенное неравенство? братство—съ борьбой за существование? И задавъ эти вопросы, Брюнетъръ обрушивается на науку, которая идетъ вразрѣзъ съ «прекраснымъ республиканскимъ девизомъ». Только при свѣтѣ христіанства раскрывается истинный смыслъ республиканского девиза. Античный міръ не зналъ свободы; моралисты этого міра включали рабство, какъ необходимый элементъ, въ свое міропониманіе, свобода вступила въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но не только история раскрываетъ тѣсную связь между христіанствомъ и основнымъ республиканскимъ принципомъ. Обратитесь,—говорить Брюнетъръ,—къ географии. Въ какой странѣ встрѣтите вы хоть тѣнь свободы? Конечно, не въ Гъта, не въ Турции, не у магометанскихъ народовъ. Свобода не только вступила въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ, но и осуществлялась лишь въ христіанскихъ обществахъ.

Подобно принципу свободы, до христіанства и внѣ христіанскихъ странъ міръ не знаетъ и принципа равенства. Наука въ лицѣ Дарвина и исторія въ лицѣ Ницше создали отвратительную теорію сильного человѣка и сверхчеловѣка; равенства нѣтъ ни въ природѣ, ни въ человѣческомъ обществѣ, мы не равны ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніяхъ, ни по свѣтимъ достоинствамъ, ни по своимъ, быть можетъ, потребностямъ. Неравенство—соціальная функция, равенство было бы химерой, если бы мы не были равны, по счастью, передъ страданіемъ и передъ смертью. Равные передъ смертью, мы невольно уравнены и въ средствахъ приготовленія къ ней. Но это возможно только при условіи христіанской смерти, т.-е. при условіи, что смерть есть не конецъ, а начало пути. Въ противномъ случаѣ нѣтъ основанія для равенства, нѣтъ причины, которая вѣшила бы сверхчеловѣку злоупотреблять своимъ превосходствомъ, нѣтъ причинъ, которая бы препятствовала человѣку занять на пиршествѣ жизни мѣсто, соответствующее его желаніямъ и аппетитамъ. Если бы христіанство не было всѣмъ тѣмъ, чѣмъ оно является въ дѣйствительности, то эта величественная идея поставить цѣль жизни внѣ жизни, въ другой жизни, было бы достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вѣрить. Ни разумъ, ни разсужденіе, ни исторія не могутъ установить равенства, которое устанавливается этой идеей о загробной жизни.

Точно такимъ же путемъ Брюнетъръ приходитъ къ мысли, что третій принципъ республиканского девиза братство, немыслимъ внѣ христіанства. И ораторъ въ заключеніе посыпаетъ своихъ слушателей въ Римъ искать вѣры.

III.

Въ рѣчи Брюнеттьера прежде всего поражаетъ смышеніе понятій объ алѣ и объ его практическомъ осуществлѣніи. Никто не сомнѣвается высотѣ тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, которые выставило христіано, и едва ли эти идеалы нуждаются въ защитѣ. Пока Брюнеттьеръ итъ на почвѣ христіанскаго ученія, онъ правъ, хотя и повторяетъ еко не новыя сужденія, но когда ораторъ отъ защиты этого ученія гаєтъ неожиданный скачокъ и объявляетъ паломничество въ Римъ единственнымъ средствомъ спасенія, тогда всѣ доводы, выставленные Брюньеромъ противъ науки, обращаются противъ него же.

Если наука не установила равенства, то католицизму тѣмъ менѣе мож-
приписать эту заслугу; наука не создала братства между народами, но въ тысячелѣтнєе господство католической церкви не ознаменовано тоубийственными войнами? Еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе объ асномъ расколѣ, которымъ Франція обязана главнымъ образомъ клери-
ческой пропагандѣ и который раздѣлилъ всю страну на два враждебныхъ
члены. Подвиги католическихъ миссионеровъ въ Китаѣ, вызвавшіе дру-
гъ протестующее слово со стороны представителей столь несимпатичной
юнетьеру науки, ясно показали, что географія является столь же пло-
хъ аргументомъ для защиты католичества, какъ и исторія. Вся фран-
цская литература въ теченіе столѣтія, по мнѣнію автора, является воз-
итомъ къ религії, и даже Бальзакъ не упускаетъ случая заявить о «не-
заклонности своего католицизма». Трудно не видѣть всей односторон-
ности такого сужденія. Если въ началѣ вѣка Шатобріанъ съ своимъ «Ду-
хъ христіанства» и Жозефъ де-Местръ съ своей книгой «О папѣ», этимъ
удивительныи дѣтищемъ реакціи, еще мечтали о возрожденіи папства, то по
рѣ приближенія къ концу вѣка, клерикальное направление въ лите-
ратурѣ быстро уступаетъ свое мѣсто соціальному. Жоржъ Зандъ никакъ
нельзя заподозрить въ томъ, что въ Римѣ она чаяла найти спасеніе, а
шие романы Золя попали въ пресловутые интердикты Ватикана.

Рѣчь Брюнеттьера—одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ умирающихъ
иѣній католицизма. Какъ «Духъ христіанства» въ свое время возвѣстилъ
возрожденіе католицизма, а наступающее господство эстетики и роман-
зма, такъ и пріемы брюнеттьеровой апологіи интересны какъ знаменіе
емени. Какъ въ свое время для защиты католичества Шатобріанъ по-
звилъ въ центрѣ своей аргументаціи эстетику, такъ въ наше время
ологетъ Рима исходить отъ роста демократіи. Писатель начала вѣка
вствовалъ, что его современникамъ сильнѣе всего говорять эстетические
воды, писатель конца вѣка сознаетъ, что, только въ качествѣ фактора,
лидарного съ соціальными идеалами нашего времени, католицизмъ мо-
жетъ быть оправданъ. Но при этомъ сходствѣ пріемовъ между обоими
исателями существуетъ и глубокое различіе; на сторонѣ Шатобріана была
лавда и талантъ; католичеству міръ дѣйствительно обязанъ оригинал-

нымъ искусствомъ, и у Шатобриана было достаточно чутья и краснорѣчиа чтобы постигнуть и раскрыть міру красоту той религіи, которую онъ исповѣдовалъ. Рѣчь Брюнетьера о солидарности интересовъ демократіи и Рима звучитъ фальшиво и не убѣдить никого, кроме клерикальныхъ кружковъ, распадающихся, благодаря энергичной политикѣ пытающихся министерства и здравому смыслу французского народа. Низшіе классы давно уже поняли, что имъ нечего ждать отъ Ватикана, и ни запрыва ультрамонтановъ съ итальянскими радикалами, ни рѣчи новообращенного Брюнетьера, не возвратятъ европейское общество къ Среднимъ вѣкамъ и даже къ началу нашего вѣка, какъ мечтаетъ авторъ рѣчи. Человѣческая мысль прогрессируетъ и не возвращается къ старымъ принципамъ, изъ которыхъ она выросла и которые стали непригодными для новыхъ требованій жизни. Европейской демократіи незачѣмъ прибегать къ устарѣлымъ средствамъ для осуществленія своихъ идеаловъ.

П. С. Коганъ

Генрикъ Сенкевичъ *).

Генрикъ Сенкевичъ родился 4 мая 1845 г. въ Волѣ, въ окрестностяхъ Тукова, въ семье хотя и не особенно богатой, но принадлежащей къ древнему роду литовскихъ дворянъ. Образование свое онъ получилъ сначала въ гимназіи, а затѣмъ въ Варшавскомъ университѣтѣ, курсъ въ которомъ окончилъ въ 1872 году. Одаренный въ высшей степени живымъ и романтическимъ темпераментомъ, сгораемый вѣчною жаждой видѣть, наблюдать, знать, онъ предпринялъ рядъ путешествій, совершилъ экскурсію въ Калифорнію; затѣмъ посѣтилъ Францію, Англію, Германію, Грецію, Турцію, Славянскія земли, Италию, Африку.

Объ Италии онъ всегда говорилъ съ любовью, не только въ своихъ книгахъ, но и въ письмахъ. Одно изъ нихъ, которымъ я обязанъ любезности г. Адама Даровскаго, я имѣю возможность привести здѣсь въ итальянскомъ переводе: «Недавно съ письмомъ къ маркизѣ Паулуччи Хлудзинской я послалъ конецъ моей повѣсти *На ясномъ берегу*, которую я написалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мои книги были переведены на итальянскій языкъ, и которая гласить приблизительно слѣдующее: у каждого человѣка есть два отечества, одно—гдѣ онъ родился, другое—Италия; религія, наука, искусство,—словомъ, вся культура и вся умственная и духовная жизнь получили начало оттуда, а потому каждый долженъ, поистинѣ, чувствовать себя если не роднымъ, то хотя приемнымъ сыномъ Италии. Будьте любезны передать итальянцамъ слѣдующее, ибо это есть истина, весьма удачно изображающая мои чувства: я всегда любилъ ихъ и ихъ страну». Но въ особенности онъ любить Римъ, гдѣ, какъ и Гёте, читать и чувствовать духъ язычества и обрѣтается пищу своему христіанскому благочестію въ памятникахъ первоначальной вѣры апостоловъ и мучениковъ и въ воспоминаніяхъ о ревностномъ и вдохновенномъ аскетизмѣ среднихъ вѣковъ. Ибо Римъ является единственнымъ городомъ, который символизируетъ собой и совмѣщаетъ въ себѣ вещи, совершенно противоположныи, и примиряетъ всѣ свидѣтельства

* Статья Ардуино Колазанти въ *Rivista politica e letteraria*.

исторіи и жизни въ своемъ торжественномъ безподобномъ величиі и въ безконечной грусти своихъ воспоминаній. Быть можетъ, именно въ силу этого Римъ убаюкивалъ въ своей торжественной типинѣ бѣдствія народовъ и трагедіи королей, и представлять собою самое надежное убѣжденіе души, измученной страстями. Гёте и Шатобранъ, Ренанъ и Сильвіо Целико, Броунингъ и Александръ Дюма, Шелли и Сенкевичъ,—всѣ, кто много думалъ, много любилъ, много страдалъ, боготворять Римъ *).

Сюда польскій романістъ совершилъ неоднократныя путешествія, здѣсь созрѣвала его мысль и развивалось артистическое сознаніе, отсюда впервые появились на свѣтѣ его первые опыты: разсказы, критическая статьи, размѣщенные по различнымъ журналамъ; въ 1873 г. появилась цѣлая серія юмористическихъ очерковъ, письма изъ путешествія по Америкѣ, Эссе *Улемъ* и рядъ замѣтокъ и наблюденій: *Черезъ стѣни*. Возвращвшись въ Варшаву, онъ попробовалъ свои силы въ театральной области и поставилъ драму: *На одну карту*, но вскорѣ вернулся къ повѣстямъ и написалъ *Янко музыкантъ*, *Янекъ*, *Орсо*, *Фонарщикъ на майданѣ* и по вопросу о польской эмиграціи въ Америку *За хѣтомъ*. Въ 1881 году въ журналѣ *Слово* появилась первая часть его большого романа *Онемъ и мечомъ*, за которымъ въ скоромъ времени послѣдовали два другіе: *Потопъ* и *Панъ Володіевский*, героический циклъ въ одиннадцати объемистыхъ томахъ, какъ называется ихъ Чамполи, рядъ историческихъ романовъ изъ драматической эпохи восстаний и междуусобныхъ войнъ, вторыя обуревали Польшу въ XVII вѣкѣ. Въ другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ периодической печати появлялись, слѣдя одна за другимъ разглаголы: *Старый слуга*, *Ганя*, *Бартекъ побѣдитель*, *Дневникъ Познанскаго учителя*, *Приговоръ Зевса* и другіе, позднѣе были напечатаны *Какъ придашь?* и два психологическихъ романа: *Безъ доказателей* и *Семья Ланецкихъ*.

Въ послѣдніе годы первой половины текущаго столѣтія предчувствіе, увѣренность въ близости политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ преобразованій среди всего цивилизованнаго человѣчества проглядывало всюду въ произведеніяхъ, которыя польскіе писатели посыпали изъ изгнанія, въ качествѣ добрыхъ вѣстниковъ, своему скорбному отечеству. Такъ музы Мицкевича, звучавшая такими полными затаенной безнадежности и отчаянія звуками, какъ разъ наканунѣ 1830 г. обрѣтается какую-то жизнерадостность и спокойную горделивость, что является разительнымъ контрастомъ въ сопоставленіи съ дѣйствительностью, но ея сила заключается главнымъ образомъ въ тайномъ и могучемъ предвидѣніи наступленія новой эры. Такая же вѣра вдохновляла и другого поэта съ пылкимъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, легко поддающимся гнѣву,—Словачкаго.

*). Къ этимъ людямъ мы можемъ причислить нашихъ—Иванова и Гоголя. Ред.

Среди такого единодушія въ стремленихъ внезапно раздался зловѣштій ось автора *Не божественной комедіи*. Чуждый всѣхъ стремлений и ваній своего времени, знаменитый писатель сумѣлъ покорить умы своимъ возбуждающими чарами.

Но послѣ 1831 г. въ Польшѣ происходитъ демократическое движение, силу которого писатели призываются изъ воздушныхъ сферъ ихъ умнаго оптимизма на почву дѣйствительности, и на ряду съ неистовствующимъ натурализмомъ *Псалмъ будущаго*, которыми въ теченіе двухъ гть сопровождалось изстулленное безсиліе *Зари*, возникла новая литература, которая почерпала свое здоровое вдохновеніе изъ самой жизни. Въ і продолжается давленіе великихъ принциповъ: непоколебимость долга, болѣтно прекрасное, нравственная безупречность, исключительный патріотизмъ,—словомъ, всѣ составные элементы польской литературы за послѣдніе времена, начиная Крашевскимъ и кончая Сенкевичемъ.

Вотъ что предшествовало разсказамъ Сенкевича. Когда они впервые явились среди наскъ, намъ казалось, что мысли и чувства, изображаемыя ими, заключены въ какія-то неизвѣстныя дотолѣ формы; мы старались приблизить ихъ къ образцамъ, болѣе намъ знакомымъ, но въ нихъ ло что-то такое, что не поддавалось сравненію и ускользало отъ анализа на почвѣ проведенія параллели.

Простой, искренній и спокойный разсказъ Сенкевича, гдѣ ясно обознача цѣль, прямо и непосредственно дѣйствуетъ на душу. Нерѣдко конецъ заключаетъ поучительную мораль, часто онъ трогаетъ читателя, достигая ого средствами, изумительная простота которыхъ почти граничитъ съ рвобытностью; всегда, такъ или иначе, въ каждомъ доброму поступку, торый въ немъ фигурируетъ, самое незначительное движение души уже ключаетъ въ себѣ тайный залогъ и начало благороднаго чувства.

Первый изъ этихъ разсказовъ переведенъ на итальянскій языкъ въ 184 году знаменитымъ профессоромъ Де-Губернатисомъ, который еще за естнадцать лѣтъ до того, какъ имя молодого польского писателя съ умнымъ успѣхомъ облетѣло весь свѣтъ, предвидѣлъ въ немъ будущаго тора *Quo vadis*. Это—исторія одного бѣднаго юноши, лишенаго всякихъ средствъ къ существованію, который принимается за изученіе ла-зни; но, устрашившись мысли о предстоящемъ трудномъ испытаніи, молодушно умираетъ.

Послѣдній изъ разсказовъ, переведенный по-итальянски, былъ напечатанъ въ *Giorno* подъ заглавиемъ *На Олимпъ*. Въ немъ излагается короткая легенда, въ которой на ряду съ могучимъ вѣяніемъ поэзіи и съ бѣдной привлекательностью образовъ и колоритовъ изображается торжество христіанства надъ язычествомъ и повторяется та идея, которая роведена въ безподобномъ описаніи смерти Петронія и Эвники: только зѣ вѣши были хороши въ нравственной и религіозной области у древнихъ: єсня и поклоненіе прекраснымъ формамъ.

Достаточно прочесть этотъ разсказъ, въ которомъ рѣчь никогда подним-

мается на высоту Гомеровской торжественности и который щедро наполненъ эпическими достоинствами, чтобы видѣть, какие восхитительные эффекты умѣть извлекать Сенкевичъ изъ самыхъ простыхъ положений единственно съ помощью мастерства стиля и неподдельной искренности чувства.

Въ другихъ разсказахъ дѣйствуютъ кроткія фигуры дѣтей, — бѣдныхъ существъ, сотканныхъ изъ слезъ и миловидности, нѣжныхъ и несчастныхъ, очаровательныхъ даже и въ несчастіи: Янко музыкантъ, — въ попятая и безпріютная душа артиста, — который бродить по деревѣ, слышать и понимаетъ всѣ голоса природы, трепещетъ при каждомъ звуке, но котораго принимаютъ за воришку и избиваютъ до полусмерти; Марис, блѣдный и слабый ребенокъ, у которой въ одинъ сѣжній день склонилась мать и которая, будучи вручена попеченіемъ пьяного извозчика, въ тишу безвѣтрешную почъ заблудилась въ лѣсу, неподвижномъ, облитомъ ясными лунными сияніемъ.

Безъ сомнѣнія, уже и здѣсь сказываются всѣ приправы стараго романтизма, которыя встрѣчаются и въ *Семье Поланецкихъ*, и въ *Qui vadis*: героизмъ, преувеличенная чувствительность, патетическая смесь и лунный свѣтъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ есть какое-то нестолько захватывающее очарованіе, такое полное спокойствіе, такая глубокая красота новыхъ ритмовъ и новыхъ гармоній, что неясное и недодолимое томленіе по неизвѣстному мало-по-малу отъ дѣйствующихъ лицъ сообщается душѣ читателя; тамъ есть также нѣкоторыя восхитительныи картины, какъ бы вдохновленныя кистью Делакруа, и безконечное блужданіе въ удивленныхъ мѣстахъ, безмолвныхъ и таинственныхъ, на которыхъ проливается вся поэзія загадочнаго невѣдомаго міра, какъ это встрѣчается въ нѣкоторыхъ картинахъ Пюви де Шевашъ.

За рассказами слѣдуютъ исторические романы, изъ которыхъ первый — *Онегъ и мечомъ* — появился въ прекрасномъ итальянскомъ перевѣодѣ.

Чамполи поднимаетъ вопросъ о томъ, своеевременно ли воскрешать художественную форму, которая, казалось, уже отжила свой вѣкъ. По моему, обсужденіе такого вопроса было бы ненужной тратой времени: лишь бы не нарушалось равновѣсіе и гармонія содерянія, — всякая художественнаа форма хороша, когда въ нее заключена душа гenія.

Намъ трудно себѣ представить то огромное преобладающее влияніе, которымъ пользуется литература среди польского народа, и ту стремительность, съ которой всякая мысль поэта проникаетъ въ душу массы. Достаточно вспомнить о томъ широкомъ волненіи умовъ, которое было вызвано произведеніемъ знаменитаго *Анонимнаго польскаго поэта*. Здѣлище получается поистинѣ изумительное при видѣ такого влиянія идеальнаго мыслителя, да еще мистического, какое имѣлъ на цѣлый народъ геній изъ своего созерцательного уединенія, — геній, которому мало-по-малу удалось внушить всей націи великое убѣжденіе, несмотря на всю его отвлеченность, ил-

и́ть страсть къ истинѣ, тѣмъ болѣе трудно осуществимой, что она была мозрительного характера и противоположного направлѣнія общему массо-му влеченію; ему удалось создать ей новую политику и новую тактику. аже оставляя въ сторонѣ всякий вопросъ о симпатіяхъ, развѣ не получаешь высокаго удовольствія въ этомъ феноменѣ живой и горячей поэзіи, дающей новую окраску политическимъ событиямъ. Если не имѣть въ иду этихъ исключительныхъ условій, въ которыхъ поставленъ въ Польшѣ исатель, то можно рисковать составленіемъ неправильного сужденія объ историческихъ романахъ Сенкевича, которые образуютъ серію, заключающую въ себѣ обзоръ всей польской исторіи XVII вѣка, съ тройкой точки рѣнія,—политической, духовной и общественной,—и обнимающую стѣтній съ линікомъ періодъ, отъ смерти Станислава IV Вазы до воспѣстія на престоль Яна Собесскаго. И авторъ цѣликомъ обрисовывается въ ихъ со всѣми своими достоинствами и недостатками. Какая великолѣпная анорама! Неизмѣримыя, какъ море, степи, непроходимые лѣса, цвѣтущіе оврышики на берегахъ Вислы въ ночную пору, живописная декорациѣ, живляемая дыханіемъ этого старого племени воиновъ, героеvъ-солдатъ, сполненныхъ вѣры и энтузіазма, этихъ рыцарей, блестящихъ, но вѣчно традающихъ отсутствіемъ practicalности и какъ бы погруженныхъ въ какія-то безпрерывныя грѣзы.

Періодъ, обнимаемый этими романами, составляетъ эпоху, полную революцій и безконечно грустную, въ силу господствовавшихъ повсюду нынія, недовѣрія, подозрѣнія, порождаемыхъ соревнованіемъ и завистью правителей и жестокимъ столкновеніемъ личныхъ честолюбій. Это—три акта одной ужасной драмы, гдѣ бесплодность столькихъ усилий, вѣры, интуїзма, самоотверженія, всѣхъ этихъ живыхъ силъ, потраченныхъ запрасно, сломленныхъ глубокимъ внутреннимъ разложеніемъ, представляеть въ высшей степени печальное зрѣлище.

И здѣсь рядомъ съ сверкающими шагами при отблескѣ зерева пожара и воинственному звуку трубъ, самая завязка все же слаба, но дѣйствующія лица, не стѣсняемыя тонкой условной нитью событий, соединяющей ихъ,—живыя, реальные, блещущія молодостью, силой и отвагой, такъ и брызгутъ патріотизмомъ, подавленнымъ, но рвущимся наружу, подобно гаухо журчащему въ подземной глубинѣ потоку.

Никто изъ тѣхъ, кто писалъ о Сенкевичѣ, не говорилъ о *Семье Поманецкихъ*. Одна образованная и милая дама, отличающаяся искреннимъ и глубокимъ аристократизмомъ вкуса, отзывалась о немъ, какъ о тончайшемъ изслѣдованіи въ области женской души. На мой же взглядъ, это—скорѣе какой-то блестящій турниръ между дѣйствующими лицами, которыхъ на извѣстномъ мѣстѣ встрѣчаются, чтобы при первомъ же взгляде воспылать другъ къ другу, и въ этой эротической атмосферѣ, въ которую облечень разсказъ и которая царить въ немъ отъ начала до самого конца, всѣ или предаются любви, какъ школьніки, наполовину выставляя

голову на свѣтъ, наполовину пряча ее и отъ времени до времени подызваваясь на заднемъ планѣ, или же подходить къ женщинамъ со всѣмъ въкуложествомъ новичковъ, съ громкими подѣлуями рукъ и съ невѣроятной смѣстью и съ самыми невѣроятными признаніями. Щекотливыхъ, нѣправдивыхъ положеній нѣть, за исключеніемъ мимолетной сцены въ садѣ Основскихъ, когда отъ неожиданныхъ объятій Коповскаго Линетта Бестели чувствуетъ въ своихъ жилахъ порочнаго ребенка проснувшіеся инстинкты горничной и, въ слѣпомъ порывѣ сладострастія, въ мгновенномъ и бессознательномъ развращеніи всей своей натуры, позабываетъ о чловѣкѣ, который черезъ мѣсяцъ долженъ быть сдѣлаться ея мужемъ, обхватывающею дерзкаго преслѣдователя и начинаетъ страстно цѣловать его. Въ остальныхъ случаяхъ, когда представляется возможность яснаго, но рискованного положенія, Сенкевичъ не подходитъ къ нему прямо, а дѣлаетъ обходъ, допуская его и не допуская, по примѣру тѣхъ стариковъ, которые на словахъ питаютъ отвращеніе къ обнаженному тѣлу, молодому и обществительному, и затѣмъ набрасываются на округленный трепещущій отъ возбужденія плечи прозрачное покрывало.

Грѣшна его Линетта или не грѣшна? Поглязла ли Основская въ зеркальце или спаслась? А этотъ глупецъ Коповскій—поступилъ онъ въ отшении своего друга извѣстнымъ образомъ или не поступилъ? Почему Елена печется такъ о своемъ кузенѣ, и почему Марина приходитъ въ такое спащеніе въ присутствіи Завиловскаго? Ради какихъ тайныхъ цѣлей всѣ эти женщины стараются женить всякаго мужчину, котораго встрѣчаютъ?

Такимъ образомъ кажется, что наиболѣе сильныя въ жизни страсти пугаютъ автора; искреннимъ и безыскусственнымъ душевнымъ изліяніемъ онъ нерѣдко предпочитаетъ смягченную условность миніатюръ или риторическую декламацию; часто дѣйствующимъ лицамъ приходится надѣлывать лицу чувства тамъ, где должно бы непосредственно вырваться наружу душевное волненіе. Эти профессоры-пессимисты, эти простодушные юности поэты, эти романтические банкиры, эти патетическія женщины, эти мужчины, надъ которыми тяготѣеть какое-то роковое предопредѣленіе настолько, что во многомъ они не отдаютъ себѣ отчета,—всѣ эти лица, въ случаѣ, дѣйствуютъ согласно вѣчной легенды о чувствѣ и страсти. Тогда также можно заключить, что Сенкевичу любовь знакома только при однихъ условіяхъ: всегда что-нибудь препятствуетъ обладанію любимой особой, и въ тѣмъ, въ случаѣ достиженія цѣли, какое-то беспокойство, какая-то удовлетворенность, какое-то стремленіе въ необозримую ширь далекихъ фантастическихъ горизонтовъ.

Станиславъ Поланецкій — сынъ своего вѣка; т.-е., другими словами и ему отчасти знакомо то безконечное внутреннее колебаніе, которое можно было бы назвать всемирной эпидеміей конца истекающаго столѣтія. Въ немъ, какъ бы пошатнулись и сгнили тѣ устои, на которыхъ таинственнымъ образомъ виждется и организуется жизнь. Сомнѣвается онъ, чтобы рациональный, который спотыкается о каждый камешекъ, встрѣчающейся на пути, иск-

замѣнить вѣру; но въ то же время вѣры онъ не обрѣлъ. Онъ отличается отъ нынѣшнихъ декадентовъ лишь тѣмъ, что не дошелъ до полной безнадежности въ отношеніи самого себя, своихъ первовъ, своихъ сомнѣній, своей внутренней драмы и не стяжалъ себѣ диплома безсилія и бездѣствія. Онъ болѣе или менѣе сознаетъ, что жизнь,—какую бы загадку она собой ни представляла,—требуетъ дѣятельности и труда. Онъ разсуждаетъ, что если невозможно отвѣтить на различныя *почему*, то все же необходимо что-нибудь дѣлать, и самая же эта дѣятельность можетъ служить въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтомъ.

Быть можетъ, такой отвѣтъ не будетъ ясенъ, но, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, который такимъ образомъ даетъ его, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Что же остается дѣлать? Основать семью и работать вдвоемъ. И то, и другое должно, до нѣкоторой степени, удовлетворять естественнымъ и предначертаннымъ судбою законамъ: иначе не женились бы и не запасались никакими знаніями. Такая философія, подкрепляемая логическимъ мужскимъ инстинктомъ, приводитъ Поланецкаго къ рѣшенію вступить въ бракъ, заставляя видѣть въ немъ главную цѣль жизни. Онъ знаетъ такую женщину, которая, повидимому, соединяетъ въ себѣ *esse* необходимое для осуществленія цѣли, къ которой давно была направлена и на которой остановилась его воля; но какъ разъ, когда эта женщина показываетъ, что готова отдать ему свое чистосердечное довѣріе влюбленной дѣвушкѣ, онъ вспоминаетъ, что онъ—кредиторъ ея отца, начинаетъ рѣзко обращаться съ нею, не щадя ея самолюбія, и лишаетъ ее того клочка земли, гдѣ она жила и гдѣ привыкла молиться на могилѣ своей матери. Позже онъ женится на ней, но не можетъ простить ей преждевременной истеричности больного ребенка и, послѣ попытки соблазнить жену одного изъ своихъ задолжавшихъ ему пріятелей, предается размышленіямъ о тайнахъ бытія и смерти, не хуже любого нѣмецкаго философа; затѣмъ, сдѣлавшись отцомъ, въ концѣ концовъ влюбляется въ свою жену.

Марина — это сущій ангель. Ей только недостаетъ крыльевъ. И дѣйствительно: когда женихъ за десять дней до свадьбы рѣшается заговорить съ ней о воспитаніи дѣтей, она слушаетъ его, опустивъ глаза на кончики своихъ ботиночекъ, и чувствуетъ смущеніе. Безъ сомнѣнія, ей было извѣстно, что отъ брака бываютъ дѣти; но объ этомъ она имѣла смутное и неопределенное представление, какъ о вещи, о которой не говорять дѣвушкамъ, или если и говорять, то только намеками въ самой деликатной формѣ, или же въ моментъ сильнаго прилива чувства, съ бьющимся сердцемъ, въ неясномъ лепетѣ пылающихъ любовью устъ, съ душою, исполненной восторга, какъ о самой священной тайнѣ завтрашняго дня. Въ то же время, вскорѣ послѣ замужества, она довольно успѣшно поддерживаетъ въ своемъ простодушіи страсть влюбленнаго поэта, краснѣеть, когда мужъ говоритъ ей о супружеской невѣрности одной ея пріятельницы, но скоро справляется съ своимъ смущеніемъ, какъ только въ ней является увѣренность въ могуществѣ собственныхъ прелестей. И это ея чистосердечіе до-

стойно всякаго удивления и поклоненія, ибо пребываніе въ томъ обществѣ, гдѣ она вращается, должно бы было и надѣ нею совершить маленькое превращеніе въ смыслъ свѣтскости и угощенія тѣлеснымъ инстинктомъ.

Правда и то, что подчасъ это неземное созданіе, этотъ ребенокъ въ образѣ женщины, рожденной для любви и невѣдѣнія, кажется свѣтынь германской науки и небрежно изрекаетъ такія фразы, которыи свидѣтельствуютъ о тонкости пониманія въ извѣстныхъ областяхъ; но когда она замѣчаетъ, что мужъ сталъ какъ бы другимъ человѣкомъ, что онъ уже не любить ея съ прежней страстью, а лишь позволяетъ любить себя, когда она видѣть, что ея мечтамъ о счастіи грозить опасность, Марина спѣшитъ выказать себя вполнѣ женщиной, если хотите, съ нѣсколькою повышеніемъ чувствительностью, но женщиной настоящей, самое сильное и лучшее проявленіе которой состоится въ благородномъ сознаніи высоты предстоящаго материства.

Рядомъ съ этими главными фигурами дѣйствуетъ множество другихъ лицъ: профессоръ Вакковскій, въ высшей степени удавшійся типъ, у втораго мистицизмъ граничитъ иногда съ галлюцинаціями; Плавницкій, безвредный и безсознательный мелодраматический паяцъ; Букацкій, родъ Петронія, сдѣлавшагося декадентомъ; Линетта Кастелла, неопредѣленное и неопредѣлимое существо, жертва вліянія порочной обстановки и нездороваго воспитанія, горячая венеціанская натура, въ которой преобладаютъ нецѣломудренные инстинкты и похотливость авантюристки, заражая кровь въ голубыхъ жилкахъ, синѣющихъ сквозь блѣдосѣжный атласъ ея aristokратической кожи. Завиловскій, простодушный поэтъ, несчастный, изъ всѣхъ жрецовъ музъ; Литка, ребенокъ, у которой неизѣгдимый недугъ путемъ необычайного обостренія ощущеній вызвалъ невѣроюю праходевременную зрѣлость всѣхъ способностей; Машко, аферистъ, который, обанкротившись, спасается бѣгствомъ, и конецъ его исторіи не извѣстенъ.

Этотъ типъ банковаго дѣльца на криминальной почвѣ, въ которомъ случайныя причины сливаются съ индивидуальными, и который соединяетъ въ себѣ пороки и страсти, свойственные цѣлому историческому періоду, этотъ типъ не представляется новостью въ литературѣ. Итальянская комедія тысяча пятисотыхъ годовъ черпаетъ въ немъ пищу своему широкому и безчинному смѣху, тогда какъ Шекспиръ въ универсальности своего художества заклеймилъ въ презрѣніи типъ Шейлока, *Венеціанскую купца*, позоромъ ростовщичества и нравственнаго паденія того, кто занимался этимъ, опираясь на силу закона.

Но только подчиненіе художества глубокимъ психологическимъ наблюденіямъ въ наше время должно бы было дать типъ банковаго преступника съ болѣе законченными очертаніями, на ряду съ Робертомъ Макэръ, Меркадэ, Маттео Кантасирена, Клоссомъ, Бобболи, Фонтанелла, Гюрэ, Флори, Жанъ-Габріэль-Боркманомъ и съ этимъ безподобнымъ Саккаромъ Золи, который въ естественной и соціальной исторіи Ругонъ-Макаровъ совмѣщаетъ въ себѣ превосходнымъ образомъ оба полюса преступности: наскѣ-

енний и эволюционный. Робертъ Макэръ, смѣлый и наглый, обнаружить всѣ черты обыкновеннаго мошенника: отсутствіе характерныхъ приковъ вырожденія, высокій умъ, привычку къ обману, алчность и распутельность. Меркадѣ, биржевой дѣятель, ловкій, предпримчивый, наивный, опьяненный собственными спекуляціями до того, что считаетъ возможными,—расточителенъ, насколько онъ можетъ быть расточительны, и въ области нравственного міросозерцанія отлпачается широтою инцишовъ, граничащей съ безпринципностью.

Саккаръ, воплощеніе современнаго спекулянта, неутомимый агитаторъ области различныхъ идей и проектовъ; нерѣдко какая-нибудь пылкая иззія заставляетъ его мечтать о богатствѣ для всеобщаго блага, но сть нравственныхъ запросовъ отодвигаетъ назадъ въ круговоротъ тяжой и тревожной жизни, гдѣ низкая чувственность идетъ рука объ руку гнусными интригами мошенничества. Въ Жанъ-Габріэль Боркманъ Ибель, который уже далъ въ *Дикой уткѣ* контуры безчестнаго и торжеющаго спекулянта, хотѣлъ изобразить дерзкаго, неразборчиваго въ дѣствахъ финансиста, который въ жертву эгоизму, воплощеніемъ кото-ро онъ является, приносить имущество, честь и семью. Въ сопоставленіи со всѣми этими типами Машко Сенкевича является менѣе законченъ и менѣе опредѣленнымъ. Холодный, разсчетливый, онъ то обнаруживаетъ скучную чувствительность, то пылаетъ, какъ поэтъ. Ему недостаетъ живости воображенія и находчивости: онъ вѣрить въ свои пред-ятія, но ему не удается внушить эту вѣру другимъ; онъ не смѣльчакъ, лиццій. И потому, когда на него обрушивается катастрофа, у него не остаетъ героического величія Жанъ-Габріэль Боркмана, ни разсчитанной чести Меркадѣ; онъ спасается бѣгствомъ, какъ мошенникъ послѣдняго бора, которому незнакомо обуреваніе великихъ мыслей и разочарованія предпріятіяхъ на почвѣ умозаключений.

Леонъ Плошовскій, герой другого психологического романа Сенкевича, является послѣднимъ представителемъ аристократическаго и утонченного ца. Артистъ до глубины души, онъ лишенъ того одухотворяющаго дынія, которое даетъ жизнь произведеніямъ искусства; онъ глубоко чувствуетъ жизнь и не умѣеть наслаждаться ею; онъ хочетъ, но его волея дѣятельность никогда не выражается фактически; онъ любить, но не ѻеть желать любимую женщину; въ немъ наблюдается постоянное преворѣчіе между крайне развитой чувствительной способностью и умѣніемъ имѣнить ее на дѣлѣ, и начало такой аномалии лежитъ въ постоянной соразмѣрности между мыслию и дѣйствіемъ, между чувствомъ и умомъ, между идеаломъ и дѣйствительностью. Поэтому настоящая драма—не есть , которая возникаетъ изъ его отношеній къ Анелькѣ, изъ желанія обладать ею и невозможности сдѣлать ее своей; драма кровавая, роковая заключается въ той ужасной ежедневной, ежечасной, ежеминутной борьбѣ, торая происходитъ въ глубинѣ его сознанія, въ томъ болѣзnenномъ книга XII, 1900 г.

предчувствіи неизвѣстнаго, которое волнуетъ его душу, въ томъ отсутствіи всякихъ принциповъ въ образѣ мыслей, благодаря которому чѣльдъ уподобляется какому-то болиду, пущенному въ безконечное пространство.

Подобное психологическое состояніе необходимо привести къ высшему эгоизму д'Аннуңціо и Ницше, къ преступности Раскольниковъ и къ самоубийству.

И Леонъ Плошовскій, которому не удалось примирить между собою два міра, столкновеніе которыхъ онъ постоянно чувствовалъ въ своей душѣ,—когда женщина, которую, какъ пишетъ Луиджи Лукателли, онъ *сумъз хотѣть, умираеть*,—Леонъ Плошовскій изстрадавшій безъ сожалѣнія, кончаетъ самоубийствомъ.

Затѣмъ слѣдуть *Quo vadis*.

Історія и поэзія часто любили противопоставлять царство Христа вѣдичеству цезарей, чистоту первыхъ христіанъ порочности торжествующаго язычества; и эта тема не представляется новостью даже и въ Польшѣ такъ какъ уже въ *Иридіонѣ* Красиньского мы встрѣчаемъ Геміогабда со всѣми основными чертами его своеоправной и необузданной личности. И здѣсь мѣстомъ дѣйствія является Римъ, но Римъ совершающій вымыселенный, полный мечтаній о республикѣ, гдѣ христіане выведены въ роли заговорщиковъ и сектантовъ, томящихся жаждою видѣть вторичное возрожденіе столицы имперіи.

Въ наше время, когда исторія христіанства сдѣлала такие огромные успѣхи на пути разоблаченій и открытий съ помощью археологіи, которыя являются источникомъ удивительныхъ неожиданностей, подобныя бреши утратили всякое значеніе. Между *Иридіономъ* и *Quo vadis* прошло шестьдесятъ лѣтъ работы и изысканій критики, и тѣмъ не менѣе еще вѣсомые многіе оказываются какъ бы застывшими на точкѣ отправленія. Напримѣръ, сенаторъ Негри, который утверждаетъ, что дѣйствующія лица Северевича вращаются въ такой обстановкѣ, которой только фантазія автора придала болѣе или менѣе оживляющую окраску, ибо численность христіанъ въ Римѣ въ первомъ вѣкѣ имперіи едва равнялась нѣсколькимъ десяткамъ.

Здѣсь не мѣсто дѣлать обзоръ блестящей карьеры и цѣлаго ряда счиненій, связанныхъ съ славнымъ именемъ Джованни Батиста де-Росса. По мѣрѣ того, какъ изысканія ученыхъ останавливаются на тѣхъ же другихъ текстахъ и изреченіяхъ, по мѣрѣ того, какъ новыя раскопки обнаруживаютъ скрытые неизслѣдованные пещеры римскихъ катакомбъ, исторія христіанства съ каждымъ разомъ дѣлаетъ шагъ впередъ на пути истинѣ, изъ которой становится очевиднымъ, что ученіе Христа, отвѣтившее назрѣвшей непреодолимой потребности души, распространилось съ удивительной стремительностью не только въ Римѣ, но и по всей имперіи, еще при жизни апостоловъ. Не говоря уже о выраженіяхъ, встрѣчавшихъся въ письмахъ ап. Павла и не оставляющихъ въ томъ никакого сомнѣнія,

достаточно припомнить Тацита, который говорить, что христіане, рѣщленные Нерономъ въ 64 году, были *ingens multitudo*; и если счи-
тать, что раскопки кладища Домицилла относятся къ первому вѣку, чтѣ-
мъ жается на громадной стоимости земельной собственности въ этихъ
тахъ, наиболѣе читимыхъ, наиболѣе предпочитаемыхъ, наиболѣе благо-
ныхъ, то какъ не вывести нового сужденія относительно обширности
христіанского общества первыхъ вѣковъ? И кому же теперь не извѣстно,
и кладище Остраний, катакомбы Присциллы и Претестато и имена Пу-
са, Цецції, Приска и Анастазія относятся къ періоду апостольского
повѣдничества?

Такимъ образомъ Сенкевичъ нигдѣ не обнаружилъ пополновенія укло-
нъ отъ исторіи, и удивительная правдивость картины, тщательное вос-
произведеніе окружающей обстановки неразрывно связаны съ главными
урами этого романа.

Среди нихъ Лигія и Виницій представляются наиболѣе симпатичными;
затрогивають самые сокровенные фибрь нашего сердца и вызываютъ
у умиленія и состраданія. Лигія—это какая-то христіанская Психея,
красная и цѣломудренная. Сотканная изъ граціи, скромности, невин-
ности, она является олицетвореніемъ любви въ ея самомъ дорогомъ,
омъ отрадномъ проявленіи. Близъ нея характеръ Марка Виниція съ
дой новой главой все болѣе и болѣе развивается, преображается, воз-
растаетъ, становится идеальне. Его душа постепенно приготовляется
принятію новой вѣры; его любовь, дотолѣ состоявшая изъ гордости
животныхъ инстинктовъ, очищается до степени какого-то пламенного
хновенія; отнынѣ онъ будеть любить душу. И это освобожденіе отъ
хъ низкихъ инстинктовъ, это постепенное восхожденіе на самыя див-
и высоты христіанского рвенья, самоожертвованія и самоотреченія,—
это чудо малѣйшей натяжки или неискренности, и потому трогаетъ
волнуетъ до глубины души. Чувство Виниція и Лигіи настолько непод-
дельно, настолько глубоко и сильно, что ихъ существа, такъ сказать,
лишь въ одну сущность любви, и почти нельзѧ говорить объ одномъ,
намѣчая образа другого.

Петроній и Неронъ являются послѣдними выразителями римского
цѣства и языческаго міра. Одинъ великолѣпный и рѣдкій продуктъ бо-
гої, удивительной культуры; другой—чудовищный и вредоносный лишай,
ни котораго поглощаютъ всѣ соки и силы земли. Соединенные между
ю узами, которые оба ненавидятъ и презираютъ, они будуть тергѣть
иго, пока въ первомъ не иссякнетъ влеченіе ко всѣмъ утонченнымъ
манакамъ жизни, а во второмъ—та жажда одобренія, которая состав-
ляетъ характерную, наиболѣе бросающуюся въ глаза черту его харак-
тера. Между ними существуютъ абсолютные контрасты и съ физической,
съ духовной стороны. Безобразіе и красота, изящество и уродливъ;
грубые инстинкты и чувство самой утонченной эстетики, коме-
тичество и сознаніе собственнаго достоинства. Петроній, прекрасный какъ

богъ, получаетъ дань обожанія и почестей: Эвника, красивая рабъ изъ Коса, пытаетъ влюбленными устами мраморное изваяніе своего госдина въ образѣ Меркурія. Неронъ возбуждаетъ смѣхъ, если внука имть чувство не есть страхъ или отвращеніе; его огромная голова, приплющенная къ бычачьей шеѣ, одновременно ужасна и смѣшна. Лицо его поминаетъ лицо толстаго ребенка, его волосы причесаны въ четыре руки. Щеки и подбородокъ обриты, такъ какъ онъ посвятилъ Юпитера свою мѣдную бороду. Въ его выдающемся лбѣ и въ дугообразной аркадѣ бровей есть что-то олимпійское, но подъ этимъ челомъ полубога пряталась маска шута и обезьяны.

Немного лѣтъ тому назадъ намъ были известны два изображенія Нерона: Неронъ историковъ и Неронъ легенды, и въ томъ и въ другомъ случаѣ всегда внушающій ужасъ своимъ именемъ, заклейменнымъ съ неслыханными злодѣяніями. Критика дала намъ третьяго Нерона, Неронъ истиннаго. Исторический Неронъ, описываемый Тацитомъ и Светоніемъ представляется чудовищемъ, извращеннымъ подобно Тиверію и въ конности не уступающимъ Калигулѣ, но гнусностью пороковъ превышающимъ того и другого. Светоній разсказываетъ о его злодѣяніяхъ съ возмутимымъ хладнокровiemъ лѣтописца, который перечисляетъ фаты не комментируетъ ихъ. Тацитъ, напротивъ, запечатлевая своимъ геническимъ чувствомъ отвращенія и стыда, съ беспощадной скажостью даетъ характеристику безумного комедіанта, который, умертвивъ наиболѣе жестокихъ патриціевъ, жену, мать и наставника, собственноручно убилъ любовницу и поджигаетъ Римъ.

Образовавшаяся въ средніе вѣка легенда относительно гнуснаго царя приписываетъ ему новые ужасы; черный звѣрь Апокалипсиса есть не иной, какъ онъ; онъ, убитый демономъ, который увлекъ за собой въ его душу, возвратится на землю передъ кончиной міра въ образѣ христа, предшествуемый новыми ужасными знаменіями.

Неронъ, выработанный критикой, какъ бы знаменуетъ собой эпоху тѣхъ временъ, въ которыхъ онъ жилъ. Въ немъ наблюдаются всѣ потрясающіе вырожденія и безумія; рожденный отъ распутнаго отца и извѣданный матерью, лукавый, кровожадный, тщеславный, жестокій, малодушный, совмѣщающій въ себѣ всѣ признаки наследственной преступности и имѣющій предъ нами въ ужасающей характеристицѣ, которая отличается отъ всякаго другого злодѣя и дѣлаетъ единственнымъ въ своемъ родѣ области гнусныхъ дѣяній и порока.

Пьстро Босса постарался изобразить этого Нерона, выведя его на сцену послѣ совершенныхъ имъ преступлений; такимъ образомъ изображается лишь въ прошломъ, на сценѣ же остается безъ мѣтъ, ураганъ новаго страха передъ растущимъ всюду возмущенiemъ окончательно затмеваетъ разсудокъ: новое явленіе на сценѣ. Но этотъ Неронъ все еще несовершенъ: въ своихъ разговорахъ съ Клувіемъ Руфомъ обнаруживается слишкомъ много доброты; и если мастерски описано ж

еское чувство, охватившее и взволновавшее его при видѣ танцовщицы ои, зато въ отношеніи гладіатора Петронія и Невія онъ оказывается остаточно жестокимъ.

Напротивъ, Сенкевичъ надѣляетъ своего Нерона всевозможными гнусностями и низостями, трагическими преступленіями и неслыханными звѣрствами; мечты и неосуществимыя предпріятія временами шевелятъ въ немъ

безразсудные инстинкты. То онъ собирается перекопать Корине́скій ешешкъ, то построить зданія выше пирамидъ, то воздвигнуть колоссального сфинкса, въ семь разъ больше Мемфисскаго. Но пока, въ ожії всего этого, скуча разслабляетъ его; онъ питаетъ отвращеніе къ гу и призываетъ на него землетрясеніе, которое бы разрушило его; да онъ построилъ бы новый городъ, столицу міра, свое гнѣздо, прѣль своей имперіи.

Такова неотступная мысль, которая его преслѣдуєтъ, его преступная пія. Онъ сочиняетъ Трою и клянеть судьбу, не позволяющую ему, ще злосчастному, нежели Пріамъ, видѣть гибель родного города. Для о, чтобы передать весь ужасъ пожара древней Трои, ему понадобилось

невиданное дотолѣ зрѣлище цѣлаго моря огня и пылающихъ развалинъ. Ибо онъ хочетъ, чтобы прежде всего въ немъ чтили божественного иста, и для этого прибѣгаєтъ ко всевозможнымъ хитростямъ, ко всевозможной лжи и позамъ и исподволь подготавливаетъ приведеніе въ исполненіе неслыханного посягательства, единственного въ преступной хроникѣ цаго міра. И когда, наконецъ, Тигеллинъ его понялъ,— въ то время, какъ Римъ выбрасываетъ свои огненные волны среди цѣлаго океана дыма и пламени,— фигляръ, вспыхахъ примчавшійся изъ Антія, появляется вершинѣ арки Апшійскаго водопровода въ пурпурномъ одѣяніи, съ золотой лютней въ рукахъ...

Петроній при всѣхъ недостаткахъ сохраняетъ неоспоримое величие римского патриція, онъ отличается крайнимъ высокомѣрiemъ, но не лишенъ вполнѣ законной гордости. Неисправимый сибаритъ, въ случаѣ нужды умѣеть превращаться въ дѣятельного человѣка. Нужно его видѣть, какъ онъ выходитъ изъ теплой бани, послѣ ванны и массажа, помоловшій, преобразившійся, съ глазами, блестящими умомъ и энергией, плѣтельный, полный пеподражаемаго изящества! Онъ питаетъ отвращеніе

толпѣ, презираетъ чернь и, несмотря на это, умѣеть внушить ей любовь къ себѣ и поклоненіе. Въ виду горящаго Рима, когда голодный нальгрозитъ возмущеніемъ противъ цезаря, Петроній нѣсколькоими словами укрощаетъ разъяренного звѣря. Его воля не допускаетъ возраженій. Чтобы утѣшить Випиція въ потерѣ Лигіи, онъ дарить ему Эвнику, свою *stiplica*. Эвника, которая втайцѣ томится любовью къ своему господину, молитъ у его ногъ позволить ей остаться его собственностью, но оно господина сказано, и онъ велитъ дать ей двадцать пять ударовъ згой, но такъ однако-жъ, чтобы не испортить кожи. Въ исповѣданіи злігіозныхъ вѣрованій Петроній отличается тѣмъ же эклектизмомъ, какой

господствует и въ его нравственныхъ принципахъ, и все же этотъ царь-дворецъ, который предпочелъ бы умереть, чѣмъ взять на себя нести какой-нибудь общественной обязанности, имѣть свои минуты величия и нравственныхъ потрясений. Петроній питаетъ нѣжную привязанность къ Виницію, который напоминаетъ ему статую Геркулеса, созданную рукою Лизиппа, но эта фантазія эстетика не мѣшаетъ ему жертвовать и него своимъ отдыхомъ и спокойствиемъ. Точно также онъ сумѣетъ умереть въ день и часъ, назначенный имъ самимъ, и умереть не въ качествѣ пожданного, но какъ человѣкъ, который еще управляетъ событиями. И въ этомъ мірѣ все же есть прекрасные вещи; только люди такъ ничтожны что оплакивать жизнь непозволительно. Тотъ, кто умѣетъ жить, должна умѣть и умереть; это есть сущность его философіи и его нравственныхъ принциповъ. И онъ умираетъ такъ, какъ живъ: какъ эстетикъ, какъ *biter elegantiarum*, окруженный своими клиентами, сжимая въ объятьяхъ Эвнику, убаюкиваемый сладкой гармоніей стиховъ и пѣсень, среди росы стола, убранного всевозможными яствами. И затѣмъ, когда Эвника, рѣшился никоимъ образомъ не разставаться съ нимъ, протягиваетъ греку-хѣкарю свою прекрасную обнаженную руку, оба они, нѣжно сжимая другъ друга послѣднѣмъ объятіемъ, прекрасные, какъ боги, лучезарные, блѣдные и убающа, склоняются на пурпурное изголовье, подобно двумъ бѣлымъ цвѣткамъ, подъ стройные звуки хора и тихое бряканіе цитръ. И вотъ глядя на эти два тѣла, поняли, что съ ними умираетъ то единственное хорошее, что было въ тогдашнемъ мірѣ: его поэзія и красота.

Отъ этихъ фигуръ вѣтъ реальностью и жизнью. Вся душа Сенеки заключена въ описываемыя имъ природу и личности; онъ безъ труда поравливается къ грандиозному фону Палатинскаго холма, Большого шара Ватиканскихъ садовъ; описанія мѣсть, вытекающія изъ - подъ его небомъ ясной и безхитростной прелести и поражаютъ удивительной реальностью. Въ нихъ чувствуется то душевное волненіе, которое имѣть можно только при лицезрѣніи и осознаніи вещей; чувствуется, что авторъ отыскалъ слѣды Нерона и Петра въ той странѣ, где они жили. Въ этиѣ же стахъ, видоизмѣненныхъ силою времени и политическихъ переворотовъ, только одна неуязвимая природа сохранила свою вѣчную юность, и тотъ, кто умѣеть ее чувствовать, кто умѣеть понимать ее такъ, какъ чувствуетъ и понимаетъ ее Генрихъ Сенекевичъ, она посыпаетъ вдохновеніе, съ котораго являются на свѣтъ тѣ страницы, на которыхъ какъ будто живеть душа исчезнувшихъ народовъ и отдаленныхъ вѣковъ. Его гравирующая лица, его герои имѣютъ каждый свою собственную физиономію, свои страсти, свои предразсудки и свой разумъ, не позволяющій воспринимать всѣмъ одинаковымъ образомъ то ученіе, хранителями котораго же являются они всѣ. Здѣсь нѣть головъ, осѣненныхъ ореолами, и эта сфера, въ которой врачаются действующія лица, никакъ не отличается нашей. Павель уже не является въ образѣ того гордаго витязя, которого скульпторы любятъ изображать съ рукою, опирающейся на ме-

вно какого-нибудь героя временъ Карла Великаго. Это—еврей, съ облышой головою, худой, съ подгибающимися колѣнами, съ орлинымъ нoзъ подъ широкой линией бровей; въ этомъ тѣлѣ обитаетъ душа, временами гневливая, временами кроткая, полная огня и смиренія, всегда ьная и прямая. Этотъ св. Павелъ цѣликомъ заимствованъ у Ренана, ядомъ съ нимъ выростаетъ фигура св. Петра, добродушнаго, преисполнаго широкой житейской мудрости и непосредственнаго героизма, со-здательнаго, умнаго, человѣчнаго, какъ-то особенно рельефно выдѣляющагося рядомъ съ удивительной фигурой фанатика Крисла.

Въ Хилонѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ Заглобѣ, солдатъ изъ логіи: презрѣній и комичнаго вначалѣ, впослѣдствіи онъ вырастаетъ юдинается на высоту героя и святого. Прекрасенъ также Урсъ, этотъ вянскій атлетъ съ ясными глазами ребенка и съ голубинымъ сердцемъ. Представляетъ собою типъ тѣхъ первобытныхъ натуръ, которыхъ и сихъ поръ еще встрѣчаются среди польскихъ простолюдиновъ. Когда о касается спасенія дочери его царя, онъ бросается впередъ и убить безъ колебаній и безъ жалости; но душа его остается непорочной. Подобный въ своемъ смиреніи и довѣрчивости, въ своей мягкости и щѣстѣ, онъ не въ состояніи усвоить себѣ всего значенія искуплѣнія, и исповѣдуемая имъ вѣра граничитъ съ ересью.

Въ эти души, столь различныя между собою, и христіанство проникаетъ личными путями, сообразно страсти, свойственной каждому въ отдѣльности. Винницій обращенъ силою любви, Хилонъ — силою неотступно предъзывающаго его ужаса. И правдивость психологическихъ выводовъ идетъ за обѣ руки съ частностями, которыхъ придаютъ жизнь удивительному произведенію окружающаго. Казнь, на которую была осуждена Неронъ Лигія, дѣйствительно практиковалась въ первые вѣка гоненій, и зять вообще зрѣлище обнаженнаго женскаго тѣла было обычнымъ явленіемъ, наприм., когда наиблагороднѣйшія римскія матроны должны были ображать Данайды и Дирцей. Введеніе этого варварскаго зрѣлища, по всей роятности, находится въ связи съ перенесеніемъ въ Римъ во времена густа колоссальной группы Фарнезскаго быка, которая очень скоро сдѣлалась предметомъ всеобщаго поклоненія. Впрочемъ, кто читалъ посланіе имента Римскаго къ коринеянамъ, тому известно, что къ подобной тѣлѣ часто прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось убіенія низины.

Эти произведенія,—разсказы и цикловые романы, *Семья Поланецкихъ Quo vadis*,—послужатъ на благо въ особенности родинѣ Сенкевича, гдѣ сателю, какъ я уже оговорился вначалѣ, отведено особое мѣсто.

Е. Н.

Земской подвижной школьный музей.

(Опытъ устройства и условія дѣятельности.)

Наглядность въ обученіи и значеніе наглядныхъ пособій при преподаваніи представляются въ настоящее время настолько установившимися основами педагогической практики, столь элементарной истиной, что убѣждать кого-либо или доказывать ихъ цѣлесообразность не представляется уже надобности. Стдить отмѣтить развѣ, что наглядный методъ проникаетъ теперь въ школы всѣхъ типовъ и во всѣ области знанія, даже такія, где недавнемъ еще прошломъ онъ не имѣлъ, или почти не имѣлъ, примѣненія. «Примѣрныя программы», изданныя министерствомъ нар. просв., настоітельно рекомендуютъ такого рода пособія, какъ картины изъ священной исторіи, географическія карты, изображеніе различныхъ мѣстностей и пр.). Далѣе, на ряду съ введеніемъ для учащихся начальныхъ школъ безплатныхъ и льготныхъ проѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ цѣляхъ образовательныхъ прогулокъ и экскурсій, находимъ рекомендацию ихъ и въ послѣднемъ по времени циркулярѣ министра нар. просв. попечителямъ учебныхъ окружовъ **) относительно учениковъ средней школы, причемъ образовательная путешествія разсматриваются, «какъ средство, способное сдѣлать преподаваніе въ средней школѣ болѣе живымъ и *настоящимъ****). Съ другой стороны, мы присутствуемъ при растущемъ развитіи того же метода въ цѣляхъ вицѣшкольного образования народа или какъ средства привитія въ населеніи новыхъ отраслей знанія съ ближайшимъ практическимъ примѣненіемъ въ видѣ новыхъ кустарныхъ или иныхъ промысловъ и пр.). Такъ, устроенная въ прошломъ году официальнымъ же вѣдомствомъ, г. живъ с.-петербургскій комитетъ общества трезвости, педагогическо-промышленная выставка имѣла не стационарный характеръ обычныхъ учрежденій этого рода, служа преимущественно интересамъ городского населения, въ

*) „Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ нар. новыхъ училищахъ вѣдомства мин. нар. просв.“. Москва, 1897 г.

**) 2 августа 1900 г., № 20185.

***) Курсивъ нашъ.

циркулировала и обращалась, главнымъ образомъ, по селамъ и деревнямъ, оѣбываю въ нѣсколькихъ уѣздахъ Петербургской губерніи. Одновременно коллекціями и другими принадлежностями ея пользовались для обученія населенія различнымъ кустарнымъ производствамъ и для устройства бесѣдъ и проч. Въ качествѣ экспонентовъ интересно отмѣтить, кроме промышленныхъ предпріятій, участіе въ выставкѣ такихъ учрежденій, какъ рисовая школа Императорскаго общества поощренія художествъ, общества распространенія Св. Писанія въ Россіи, петербургской духовной семинаріи и др.

Школьный подвижной музей, составляющей предметъ настоящей статьи, ю характеру своего состава и функций можетъ представить сочетаніе, удовлетворяющее обѣимъ упомянутымъ задачамъ. Первымъ по времени учрежденіемъ этого рода является петербургскій музей постоянной комиссіи по техническому образованію Имп. русск. техн. общ. Кружокъ дѣятелей «частнаго почина», среди которыхъ нельзѧ обойти молчаніемъ имени Н. А. Рубакина, положилъ ему основаніе въ 1892 году. Спустя годъ, другой такой же музей возникъ при бывшемъ московскомъ комитетѣ грамотности (нынѣ московск. общество грамотности) главнымъ образомъ для потребностей воскресныхъ школъ. До недавняго времени у насъ въ Россіи число подвижныхъ музеевъ исчерпалось этими двумя учрежденіями. Правда, намъ извѣстно обѣ относящейся къ 1896—97 году попыткѣ малмышскаго земства основать, пользуясь опытомъ московскаго музея, подвижной музей для вечернихъ классовъ для взрослыхъ, а также существуютъ нѣкоторыя указанія на возникновеніе, по примѣру петербургскаго, городскихъ музеевъ въ Одессѣ, Харьковѣ и Киевѣ, но сказать большаго о нихъ не можемъ, несмотря на сдѣланныя усилия получить соответствующія свѣдѣнія. Интересующихся подробностями о петербургскомъ музей мы отсылаемъ къ его печатнымъ отчетамъ и каталогамъ *), здѣсь же скажемъ о немъ лишь то, что, созданный цвѣтомъ столичной интеллигенціи, онъ представляетъ по богатству своихъ отдѣловъ и коллекцій—учрежденіе въ своемъ родѣ единственное и стоящее десятки тысячъ рублей, что, конечно, недоступно для другихъ мѣстъ (количество предметовъ за три первые года существованія достигло 23,000; помѣщеніе его въ 1898 г. занимало 5 комнатъ, а на пополненіе коллекцій было истрачено за годъ свыше 1,300 р., независимо отъ поступившихъ пожертвованій). Благодаря богатству своего состава, музей удовлетворяетъ потребностямъ не только низшихъ и среднихъ школъ, но іѣль числь его абонентовъ находимъ учащихся и высшихъ учебныхъ заведеній. Дѣятельность его, ограничиваясь столичными районами, очень развита, абонементъ платный, управляющіе или завѣдываніе коллегіальное.

Типъ московскаго музея иного рода. Составъ его инвентаря несравненно скромнѣе первого, но мы не сказали бы того же и обѣ его задачахъ и

*) Отчетъ о дѣятельности подвижного музея постоянной комиссіи по техническому образованію Имп. русск. техн. общ. за 1896—97 учебн. годъ; то же за 1897—98 годъ.

Функціяхъ. Въ основу послѣднихъ положено стремленіе снабдить национальными пособіями по разнаго рода отраслямъ знанія наиболѣе употребительныя учебно-образовательныя книги для чтенія *) въ низшей школѣ и первыхъ шагахъ за нею. Въ этомъ смыслѣ онъ является незамѣнимымъ и драгоцѣннымъ образцомъ въ смыслѣ своего распространенія. Боскнуться подробностей о немъ намъ неизбѣжно придется ниже, говоря о дѣятельности аналогичнаго земскаго учрежденія, вызвавшаго настоящую статью, и для котораго онъ послужилъ сколкомъ и руководствомъ, въ смыслѣ состава и организаціи.

Переходимъ къ послѣднему. Въ 1898 году кружкомъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, была собрана нѣкоторая сумма денегъ и передана въ даръ можайскому земству на предметъ учрежденія подвижного школьнаго музея для земскихъ начальныхъ училищъ. Съ дополнительной ассигновкой уѣзднаго собранія, отнесшагося къ этому начинанію въ высокой степени сочувственно, сумма эта возросла до 125 рублей, и въ такомъ размѣрѣ была испрошена субсидія губернскаго земства.

Такимъ образомъ при началѣ дѣла уѣздное земство располагало только 250 руб., но такая сумма оказалась вполнѣ достаточной, чтобы положить ядро новому учрежденію, которое даже въ теченіе одного года сильно разрослось, благодаря сочувству какъ мѣстной интелигенціи вообще, такъ и,—что всего важнѣе,—лицъ педагогического персонала, увидавшаго сразу въ материалахъ музея облегченіе для своей тяжелой работы,—облегченіе, выражавшееся въ болѣе скромѣ и прочномъ усвоеніи дѣтьми проходимой программы. Не можемъ не привести по этому поводу слѣдующихъ характерныхъ строкъ изъ дневника сельскаго учителя. «Каждъ урокъ объяснительного чтенія, такъ сейчасъ дѣлается ощутительнымъ пробѣломъ въ нашей школѣ по части учебныхъ пособій. Читаешь, напримѣръ, статью, по Баранову, «О строеніи человѣческаго тѣла», а наглядно показать этого не на чемъ; или читаешь статью «Горная страна», а у ребятъ очень смутное понятіе о горахъ вообще и о горныхъ породахъ, хотя на словахъ стараешься дать имъ понятіе объ этомъ. Я не говорю уже о такихъ недосыгаемыхъ предметахъ, какъ электричество, явленіе грозы; это уже прямо объясняешь на вѣру» **).

Мы рѣшаемся довольно подробно познакомить читателя съ исторіей организаціи школьнаго подвижного музея нашего земства, надѣясь на то, что этотъ небольшой опытъ поможетъ при дальнѣйшихъ начинаніяхъ въ другихъ районахъ найти болѣе легкіе пути къ правильной организаціи и избѣгнуть ошибокъ, которые выясняются только на практикѣ. Большая часть предметовъ музея была выписана изъ-за границы (128 р. 28 к.) при посредствѣ г. Шееръ, владѣльца магазина физическихъ аппаратовъ и моделей, исполнившаго это въ высшей степени добровольно.

*) „Общее дѣло“. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образования среди взрослого населения. Составл. подъ ред. В. С. Костроминой. Москва, 1900 г.

**) Ibid., стр. 178.

Слѣдующее мѣсто по величинѣ заказа (59 р. 38 к.) занимаетъ картографическое заведеніе Ильина, сдѣлавшаго для земства уступку отъ 10—20%. Остальные предметы пріобрѣтены въ розницу въ различныхъ московскихъ торговыхъ заведеніяхъ. Общее количество всѣхъ, пріобрѣтенныхъ по-купкою предметовъ, достигаетъ 300, на сумму 222 р. 85 к. Здѣсь не-обходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія, которыя имѣютъ большое практическое значеніе. При покупкѣ выяснилось, что стоимость таблицъ и картинъ, составляющихъ главнымъ образомъ инвентарь музея, вдвое выше, если пріобрѣтать ихъ уже наклеенными на полотно или коленкоръ. (Картонъ же является въ высшей степени неудобнымъ для перевозки, о чёмъ мы будемъ говорить ниже). Въ виду экономическихъ соображеній и рѣшено было произвести составленіе музея хозяйственнымъ способомъ, для чего куплено нѣсколько кусковъ коленкора, кисть, кольца и проч. и съ помощью сочувствующихъ дѣлу лицъ, преимущественно изъ мѣстнаго преподавательского персонала, произведена наклейка картинъ домашнимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ ни соблазнителенъ такой способъ, должно оговориться, что онъ требуетъ весьма солидной затраты времени и труда, minimam а $1\frac{1}{2}$ мѣсяца ежедневной четырехчасовой работы для 2 человѣкъ. Необходимой работой также является переводъ на русскій языкъ подробнаго текста къ заграничнымъ картинамъ, чтѣ сильно увеличиваетъ цѣнность послѣднихъ въ смыслѣ ихъ примѣнимости къ практикѣ въ народной школѣ. Кромѣ того, желательно имѣть въ музѣ для учительскаго персонала побольше объяснительного текста къ даннымъ картинамъ и коллекціямъ; въ этомъ отношеніи музѣ нашего земства оказался въ счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ въ первый же годъ его существованія поступили очень цѣнныя пожертвованія отъ Высочайше учрежденнаго музѣя прикладныхъ знаній въ видѣ воскресныхъ объясненій коллекцій, представляющихъ собой популярно составленные извѣстными специалистами статьи по различнымъ отраслямъ знанія и могущія служить лучшимъ текстомъ къ составу музѣя. Что касается дальнѣйшихъ пожертвованій, то яркой иллюстраціей этого можетъ служить приблизительная оцѣнка инвентаря музѣя въ его теперешнемъ состояніи, т.-е. спустя годъ съ начала его дѣятельности, выразившаяся въ суммѣ около 600 рублей. Въ дѣятельности музѣя, къ очерку которой за годъ его существованія мы теперь переходимъ, это сочувствие выступаетъ не менѣе рельефно по вопросу о пересылкѣ приборовъ музѣя по уѣзду. Въ основу правилъ пользованія предметами положены начала, выработанныя для подвижнаго музѣя московскаго общества грамотности съ измѣненіями и дополненіями, соотвѣтствующими особенностямъ мѣстныхъ условій. Правила эти въ общемъ сводятся къ слѣдующему:

1. Списокъ имѣющихся въ музѣя предметовъ и принадлежностей помѣщенъ въ переданной школѣ книжкѣ, которая должна пересыпаться въ музѣя при требованіи какихъ-либо предметовъ, которые и будутъ въ нее вписываться.

2. Въ каждую школу отпускается требуемое ею количество пособій безъ ограничения числа ихъ и въ зависимости лишь отъ наличности изъ данное время.

3. Пособія отиускаются на срокъ отъ 1-го дня до 2-хъ недѣль, по истечениіи которыхъ они возвращаются въ музей. Въ случаѣ крайней изъ труднительности въ обратной доставкѣ, срокъ можетъ быть продолжен.

4. Если заранѣе известно время, на которое школѣ будеть необходимо какое-либо пособіе, требование на него заявляется въ музей, и намѣченное пособіе оставляется для лица, сдѣлавшаго заявленіе.

5. Отвѣтственность за цѣлость предметовъ лежить на лицѣ, взявшемъ ихъ изъ музея.

6. Для осмотра предметовъ и выдачи музей открытъ ежедневно съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера во всѣ дни, включая и праздники.

Пользованіе предметами музея, за удовлетвореніемъ потребностей земскихъ школъ, было допущено для всѣхъ учебныхъ заведеній уѣзда безъ различія вѣдомствъ, а также и для устраиваемыхъ въ уѣздѣ воскресныхъ чтеній для народа; такъ, напримѣръ, чтеніе Бахтиарова «Баекъ дѣланія бумагу и печатаютъ книги» демонстрировалось, кромѣ обычныхъ свѣтовыхъ картинаў, коллекціей по писчебумажному производству, которая дала наглядное представление о всѣхъ стадіяхъ, проходимыхъ сырьемъ материаломъ до образованія листа бумаги. Попутно съ чтеніемъ о гроѣ были показана слушателямъ электрическая машина съ важнѣйшими приборами ней. Кромѣ того на тѣхъ же началахъ пользованіе предметами было распространено и на нѣсколько пограничныхъ земскихъ школъ сосѣднихъ уѣзовъ. Каталогъ музея, помѣщаемый въ приложениі, по своимъ отдѣламъ почти полностью соотвѣтствуетъ каталогу московскаго съ тою разницѣю, что Законъ Божій выдѣленъ изъ исторіи въ особый, первый отдѣлъ; даѣтъ сѣдѣнія: исторія, географія, естествознаніе, въ которое входитъ зоология съ ботаникой, технологія, физика и «разные отдѣлы».

Наибольшимъ количествомъ предметовъ обладаютъ отдѣлы по географіи и естествовѣдѣнію, частію въ зависимости отъ поступившихъ пожертвованій, наименьшимъ—технологія и физика. По покупной стоимости самыми дорогими оказываются географія съ естествознаніемъ и физикой.

Отличие и, повидимому, весьма значительное отъ московскаго музея заключается у насъ въ условіяхъ передвиженія. Такъ у первого, по отчету за 1897 г. на сельскія и всѣ иные школы, кромѣ городскихъ воскресныхъ, падаетъ всего лишь 26% выдача, тогда какъ у насъ сельскіе школы составляютъ почти исключительный контингентъ абонентовъ; и, конечно, способы передвиженія для принадлежностей музея по Москвѣ не могутъ быть сравниваемы съ транспортами по уѣзду, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ времени и погоды. Поэтому у насъ, съ одной стороны, долженъ быть заготовленъ значительный ассортиментъ упаковочныхъ средствъ и приспособленій, съ другой—приходилось читателю

съ вѣроятностью болѣе быстраго ущерба предметовъ, а слѣдовательно, съ необходимостью ихъ ремонта и пополненія.

Въ этихъ цѣляхъ средства для перевозки у насъ состоять: 1) изъ нѣсколькоихъ ящиковъ, приспособленныхъ для коллекцій и приборовъ, причемъ нѣкоторые предметы, какъ, наприм., теллурій, электрическая машина, пересыпались въ цѣломъ видѣ, а не разобранными на части, чтобы не затруднить сборомъ ихъ учительского персонала; 2) кусковъ непромокаемой ткани (виксатинъ), въ которые вкладывались навернутыя предварительно на деревянныя складки таблицы и картины. Послѣдній способъ перевозки оказался самымъ удобнымъ, какъ по своей портативности, такъ и прочности въ смыслѣ предохраненія отъ вліянія погоды. Картины же, наклеенные на картонъ, о чёмъ мы говорили выше, представляютъ массу неудобствъ, такъ какъ при транспортировкѣ ихъ приходилось прикрѣплять къ доскамъ соотвѣтствующихъ размѣровъ, вслѣдствіе чего получался довольно громоздкій багажъ, везти который часто затруднялись посланные за предметами, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ эти посланные приѣзжали изъ деревень въ городъ по своимъ дѣламъ и кстати, по просьбѣ учащихъ, оказывали комиссіонныя услуги по доставкѣ предметовъ. Въ виду удобства сношенія съ отдаленнѣшими пунктами уѣзда и нерѣдко при случайныхъ оказіяхъ, помѣстить музей пришлося, подобно московскому, на квартиру завѣдующаго и предоставить въ распоряженіе обращающихся любые часы дня, не ограничиваясь срокомъ и не выключая праздниковъ.

Большинство учителей и учительницъ ознакомились съ составомъ музея непосредственно. Относительно ремонта предметовъ музея, мы можемъ сказать, беря, конечно, только годовой періодъ, что вещи были возвращены съ замѣчательной тщательностью, и въ концѣ года потребовалась самая незначительная поправка. Что касается пополненія тѣхъ или иныхъ отдѣловъ въ смыслѣ ихъ расширенія, то должно замѣтить, что по мѣрѣ развитія дѣятельности музея выяснялась потребность въ приобрѣтеніи двойныхъ и даже тройныхъ экземпляровъ нѣкоторыхъ пособій, какъ, наприм., исторический атласъ Залѣсской, «Русскіе народы» Бѣлянкина, теллурій и т. п., такъ какъ въ большинствѣ школъ прохожденіе соотвѣтствующихъ отдѣловъ христоматіи совпадаетъ по времени, а замѣнить данные пособія аналогичными, какъ для иныхъ предметовъ по другимъ отдѣламъ, въ инвентарѣ музея было нечѣмъ.

Всѣхъ выдачъ изъ музея за годъ или, вѣрнѣе, за 9 мѣсяцевъ учебнаго сезона произведено 264, на которыхъ приходится 1,154 отдѣльныхъ предмета (Въ моск. музѣи общ. грам. за три первые года существованія [1895—1898 гг.] падаетъ выдачъ 65, 94 и 122). Число училищъ, пользовавшихся музеемъ за это время, достигло 36. Изъ нихъ Можайскаго *) уѣзда 31, Рузскаго—3, Верейскаго 2 и Волоколамскаго—1. По принадлеж-

*) Земскихъ школъ въ Можайскомъ уѣзѣ числится 27.

ости къ различнымъ вѣдомствамъ сиѣ дѣлятся такъ: земскихъ школъ 29, министерства народнаго просвѣщенія—2, духовнаго вѣдомства—1, воспитательнаго дома—1, городскихъ—2, частныхъ—1. Размѣры пользованія въ отдѣльности каждою школою и дѣятельность музея по отдѣламъ его представляется въ нижеслѣдующей таблицѣ.

Количество выданныхъ предмет. по отдѣламъ.

Название школы.	Количество выданныхъ предмет. по отдѣламъ.						Итого.	Число выдачъ. по одному предмету.
	I.	II.	III.	Географія.	V.	VI.		
	Законъ Божій.	Исторія.	Естество-вѣдѣніе.	Технологія.	Физика.			
1. Александровская	—	6	12	2	—	—	21	4 53
2. Астафьевская	—	6	7	9	—	—	22	3 73
3. Андреевская	21	9	8	14	—	1	53	4 143
4. Архангельская	—	—	3	2	—	—	5	1 5
5. Борисовская	2	2	6	13	—	3	26	6 43
6. Бартеневская	35	4	1	17	1	2	60	7 86
7. Глазовская	—	10	22	18	3	1	54	16 34
8. Губинская	—	4	4	4	—	—	12	1 12
9. Горячкінская	5	4	20	10	7	2	43	5 95
10. Горковская	—	6	7	9	—	—	22	3 73
11. Дерменцовская	—	—	10	10	—	—	20	6 23
12. Ельниковская	—	12	8	7	1	—	28	5 55
13. Ильинская	—	33	11	11	1	—	56	20 21
14. Кріушинская	—	—	12	44	3	1	61	16 38
15. Крюковская (Рузск. у.)	—	2	3	1	—	—	6	3 9
16. Кузьминская	—	—	1	—	—	—	1	1 1
17. Кляжевская	3	5	5	9	—	2	24	4 6
18. Кукаринская	12	—	2	1	—	—	15	1 15
19. Клементьевск. (Рузск. у.)	—	—	3	—	1	2	6	1 6
20. Можайская жен. шк. . . .	—	11	9	25	3	4	52	17 36
21. Можайская муж. шк. . . .	—	11	5	35	2	3	56	13 43
22. Мышкинская	—	—	12	28	6	3	49	9 54
23. Никольско-венгерская . .	—	4	6	10	—	—	20	4 51
24. Осташовская	—	3	7	10	—	6	26	6 41
25. Пушкинская (Ворейск. у.)	—	1	6	14	1	3	25	3 33
26. Пуршовская (Рузск. у.)	—	1	5	10	2	1	19	4 43
27. Старосельская	1	5	2	9	—	—	17	2 81
28. Зерединская (Волок. у.)	—	—	3	3	3	—	9	2 41
29. Отиковская	—	—	—	16	—	—	16	2 81
30. Совковская	—	9	1	3	—	—	13	2 63
31. Тропаревская	—	4	6	27	2	1	40	9 45
32. Уваровская прогимн. . .	2	15	38	119	27	2	203	70 20
33. Хатанковская	—	2	8	10	—	—	20	7 23
34. Шустиковская	2	—	—	9	—	—	11	2 53
35. Шаликовская (Вер. у.)	—	1	6	14	1	3	25	3 83
36. Ямско-слободская	—	7	1	4	—	—	13	2 62

Итого . . .	83	178	260	527	65	41	1,154	264	—
	7,2%	15,4%	22,5%	45,7%	5,6%	3,6%	—	—	—

На начальныя школы исключительно (безъ про-

гимназіи)	81	163	222	408	38	39	951	194	—
	8,5%	17,1%	23,3%	43,0%	4,0%	4,1%	—	—	—

Наибольший спросъ, какъ видимъ, былъ на отдѣль по естествознанію,ъ который у насъ, кромѣ зоологии и ботаники, входятъ и пособія по земскому хозяйству—онъ даетъ 45%, далѣе слѣдуетъ географія 12,5%, сторія 15,4%, и, наконецъ, всего менѣе по отдѣламъ физики и технологии. Для характеристики потребностей собственно начальныхъ школъ изъ общаго числа слѣдуетъ исключить упомянутое нами частное учебное заведеніе (прогимназія), стоящее на особомъ положеніи какъ потому, что оно находится въ городѣ, близъ помѣщенія музея, такъ и по своей программѣ, съѣдовательно, и вытекающимъ изъ нея потребностямъ. При выключеніи ея повышается, какъ видно изъ таблицы, спросъ на отдѣлы исторіи, географіи, Закона Божія и физики, за счетъ естествовѣданія и технологии. О отдѣлу Закона Божія, состоящаго у насъ изъ серіи картинъ по Священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и карты Палестины, должно замѣтить, что для значительного числа училищъ въ немъ не встрѣчается удобности, такъ какъ имѣются собственныя пособія. Изъ отдѣльныхъ предметовъ и принадлежностей музея наибольшимъ спросомъ пользовались: артины для нагляднаго преподаванія физической географіи Животовскаго, цѣнныя таблицы по зоологии Мейнгольда, типы народовъ Лемана, русскіе ароды Бѣлянкина, и, несмотря на увеличеніе числа этихъ предметовъ войными экземплярами, изрѣдка всетаки приходилось сталкиваться съ невозможностью удовлетворить требованіямъ всѣхъ школъ; подобное затрудненіе можно обойти очень легко, отложивши чтеніе отдѣльныхъ статей или аже всего отдѣла до получения наглядныхъ пособій, или же, заручившись ослѣдними, повторить прочитанный отдѣль. Но такие факты были очень Ѳдки, тѣмъ болѣе, что отдѣлы музея постоянно пополняются иллюстраціями, взятыми изъ *Nivea* и другихъ журналовъ, а въ послѣднее время ыть произведенъ довольно удачный опытъ раскрашиванія такихъ картинъ льбуминными красками. Эти краски, употребляемыя также и для свѣтлыхъ картинъ, очень легко ложатся на бумагу, и работа съ ними доступна аждому, нуженъ только маленький навыкъ въ смыслѣ удачныхъ сочетаній вѣтовъ, что скоро и приобрѣтается, да кромѣ того весьма цѣннымъ по-обилемъ можетъ служить изданіе Политехническаго музея: «Краткое руководство къ изготоенію тѣневыхъ картинъ» *).

Раскрашенныя домашнимъ способомъ иллюстрації являются часто хо-опшимъ дополненіемъ къ имѣющимъ въ музеѣ пособіямъ, такъ, наприм., а одной изъ картинъ Мейнгольда есть изображеніе губки на днѣ моря, а реди взятыхъ изъ журналовъ иллюстрацій была раскрашена картина «Ловля убокъ»; такимъ образомъ, передъ глазами школьніковъ имѣется наглядная исторія губки. Составить же подобныя коллекціи инымъ способомъ асто нѣть возможности за отсутствиемъ въ продажѣ, въ готовомъ видѣ, подходящихъ сюжетовъ. И надо замѣтить, что послѣднее обстоятельство является очень грустнымъ, такъ какъ хорошо исполненная и съ подходящимъ для дѣтей содержаніемъ картина даетъ развитію ребенка множество материала

* Складъ издания въ Политехническомъ музѣѣ, на Лубянской площади.

разнообразнѣйшаго и содержательнаго. По отношенію къ 11 школамъ, чьмъ выдачъ въ которыхъ было отъ 1—2, слѣдуетъ пояснить, что часть изъ находится на очень большомъ разстояніи отъ города, или стоять въ невыгодныхъ условіяхъ сообщенія, какъ, наприм., № 28, 16 и 8 *), находящіяся отъ города на разстояніи отъ 40—50 верстъ и имѣющія съ ними рѣдкія сошенія. Другія поздно ознакомились съ составомъ и функциями музея начали обращаться съ требованіями лишь въ послѣдніе мѣсяцы учебнаго сезона или во вторую половину его, сюда входятъ школы № 4, 18, 31, 34. Потребности въ музей не ощущалось, повидимому, лишь въ 3 осталыхъ школахъ. Въ общемъ, количества выдачъ и предметовъ въ однихъ и томъ же училищѣ находятся между собою до нѣкоторой степени въ обратно пропорціональныхъ отношеніяхъ, т.-е. чѣмъ больше выдать, тѣмъ менѣе предметовъ на каждую изъ нихъ и, наоборотъ, чтѣ стоять въ зависимости отъ большей или меньшей удаленности школы и удобства сообщенія. Комбинируя школы на группы по разстоянію, находимъ, съ другой стороны, подтвержденіе только что сказанному, съ другой—видимъ, что значительное большинство изъ нихъ (66,6%) расположено далѣе 10 верстъ отъ музея, а 36,1% отстоять свыше 30—50 верстъ, что не препятствовало, однако, дѣятельности.

Разстояніе отъ музея.	Число школъ.	Выдача на одно учил.	Предметовъ на одну выдачу.
отъ 0—1 версты	3(8,1%)		
> 1—2 >	2(5,4%)	1,3	3,5
> 2—5 >	2(5,4%)		
> 5—10 >	5(13,5%)		
> 10—20 >	8(21,6%)		
> 20—30 >	4(10,8%)	4,5	5,5
> 30—50 >	11(29,8%)		
> 50 и выше	1(0,3%)		

Вліяніе разстоянія въ отрицательномъ смыслѣ сказалось отчасти въ другомъ отношеніи; менѣшее количество выдачъ связано съ болѣе рѣдкимъ спросомъ предметовъ музея, а слѣдовательно и задержкой, которая предусмотрѣнныхъ правилами пользованія размѣрахъ (свыше 2 недѣлъ) падаетъ главнымъ образомъ на отдѣленныя школы.

Приводимъ данные о дѣятельности музея по отдѣльнымъ мѣсяцамъ:

	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.
1) Число выдачъ по начал. учил.	18	30	26	15	26	49	25	7
2) По мѣстной программѣ . . .	11	9	14	6	13	9	6	2

*) Первая изъ школъ Волоколамскаго уѣзда, вторая Рузскаго и третья Можайскаго градицъ съ Смоленской губ.

Итого	29	39	40	21	39	58	31	9	3
Число школъ, начавшихъ									
пользоваться музеемъ съ . .	14	4	5	1	2	3	7	—	—

Такимъ образомъ, временемъ наибольшаго спроса въ начальныхъ школахъ былъ февраль мѣсяцъ, наименьшаго май. Въ среднемъ работа музея шла 29,2 выдачъ въ мѣсяцъ или правильнѣе, если отбросить два поѣднія мѣсяца, когда сезонъ кончался, въ 31,8 выдачу. Отъ дальнѣйшаго анализа таблицы насыть предостерегаетъ рядъ цифръ послѣдней графы, да въ виду сравнительной кратковременности существованія музея трудно азать пока что-либо о той или иной закономѣрности въ помѣсячной работе его.

Очеркъ дѣятельности музея въ школьнй жизни на этомъ мы заканчиваемъ. О приложеніи его къ школьному образованію было сказано выше поводу народныхъ чтеній. Для наибольшей полноты постановки нового рожденія и въ смыслѣ перспективы на развитіе его въ болѣе или менѣе изкомъ будущемъ, можемъ подѣлиться, пожалуй, еще слѣдующими данными. Въ теченіе года музей посѣтило съ цѣлью ознакомиться съ его соавторъ и организацией нѣсколько лицъ педагогического персонала изъ утихъ уѣздовъ Московской губерніи. Лѣтомъ текущаго года предметы музея были выставлены, по просьбѣ сосѣдняго земства, на устроенныхъ имъ педагогическихъ курсахъ для учителей начальныхъ школъ. Далѣе, вслѣдъ проникновеніемъ въ печать первыхъ свѣдѣній объ организаціи музея жайскимъ земствомъ въ уѣздную управу начали поступать отъ разныхъ рожденій и лицъ запросы по поводу его устройства. Среди нихъ можно мѣтить обращеніе славяносербской и волоколамской земскихъ управъ, инского общества сельскаго хозяйства и др. Въ Серпуховѣ музей по разцу можайскаго открывается уже съ текущаго года, и много вѣроятнѣй возникновеніе ихъ въ ближайшее время въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Московской губерніи. Упомянемъ объ учрежденіи музея по отдѣлу естествознанія (медицина и гигиена) при комиссіи по распространенію гигиеническихъ знаній въ народѣ, образованной правленіемъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и проч. *). Наконецъ, намъ извѣстно послѣдніемъ начинаніи курсаго губернскаго земства снабжать на совмѣстія съ уѣздными земствами средства школы губерніи наглядными пособіями въ составѣ своего рода миниатюрнаго музея или «основной коллекціи», какъ названа она въ печатномъ спискѣ пособій. Среди нихъ находятся географическія карты, глобусъ, магнитъ, компасъ, нѣсколько таблицъ картинъ по зоологии и ботаникѣ и проч. Общая стоимость всей коллекціи 22 названій—12 рублей. Нужно сказать, однако, что за немногими исключеніями большинство предметовъ чрезчуръ миниатюрны и невысокаго

*) Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, № 1, мартъ 1900 г.

качества для наглядности. Въ особенности это касается, напримѣръ, такъ называемаго «альбома картинъ по русской исторіи», изд. Сытина—30 р.^м. Наряду съ очень недурнымъ исполненіемъ перепечатки географическихъ картинъ Шрейбера и человѣческихъ рись Лемана, «Исторический атласъ» Сытина представляетъ нѣчто невозможное изъ лубочныхъ продуктовъ въ исполненію.

Переходимъ къ выводамъ всего вышеизложеннаго. Основнымъ доказательствомъ является положеніе, что существованіе подвижныхъ школьныхъ газеекъ для нуждъ сельскихъ народныхъ школъ — дѣло вполнѣ возможное и доступное даже при самыхъ скромныхъ материальныхъ средствахъ. Примѣръ обстановки и условій дѣятельности можетъ служить московскій курсъ при Обществѣ грамотности. Необходимое сочувствіе окружающихъ, если найдется готовымъ, въ виду новизны дѣла, можетъ и должно создать тѣми, на чью долю падетъ инициатива, которая пока въ «частномъ почтѣ» у насъ на Руси не оскудѣвала.

О. К—сан.

Возражение

И. П., «По поводу статей г. Хитрово о русскомъ военно-уголовномъ процессѣ и возможной его реорганизаціи»).

Въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 и 1899 гг. были помѣщены мои статьи: «Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизація», «Возможная реорганизація военной юстиціи и военно-юридической академіи». Главная цѣль этихъ статей была—доказать полную возможность ограниченія военной подсудности и необходимость реорганизаціи военной юстиціи и военно-юридической академіи, а потому вопросы, относящіеся до тѣнденціи детальныхъ положеній нашего военного судоустройства и судоизвѣстства, мною обойдены *). Въ 1898 году по поводу моихъ статей periodическихъ органахъ печати за декабрь мѣсяцъ были помѣщены гѣтки, а въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* довольно подробная рецензія.

Наконецъ, въ текущемъ 1900 году появилась брошюра г. И. П., изданная въ г. Николаевѣ подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Авторъ брошюры, г. И. П., почему-то пожелалъ скрыть свою фамилію, но такъ какъ брошюра получила извѣстность не только въ военномъ вѣдомствѣ, но и обществѣ, то игнорировать эту брошюру уже не приходится. Брошюра г. И. П. состоитъ изъ несколькиихъ главъ и въ общемъ отличается не tanto многословiemъ, но и непослѣдовательностью, такъ что для полноты юридического анализа брошюру эту приходится прослѣдить по главамъ. Въ

*). Для устойчивости моихъ соображеній въ книжкахъ журнала *Русская Мысль* 1898 г., а именно за юль, августъ и сентябрь мѣсяцы изложено постепенное историческое развитіе военно-уголовного процесса въ западной Европѣ и у насъ съ древнейшихъ временъ, а въ книгѣ за декабрь мѣсяцъ того же года проектировано возможное улучшеніе нашего военно-уголовного процесса. Въ журнале *Русская Мысль* 1899 г., а именно въ книгахъ за августъ и сентябрь мѣсяцы указаны данные,зывающія необходимость реорганизаціи нашей военной юстиціи и военно - юридической академіи. Всѣ указанныя мною статьи, по дополненіи ихъ мною, изданы въ текущемъ 1900 году отдельными изданіемъ подъ заглавіемъ „Русскій военно-уголовный процессъ, его возможная реорганизація и возможная реорганизація военной юстиціи и военно-юридической академіи“.

предисловії къ своєї брошюре г. И. П. послѣ предъявленія, такъ сказа-
ть обществу обвиненія въ недостаточномъ пониманіи требованій тѣхъ и
другихъ военныхъ законовъ, между прочимъ, говоритьъ, что «многочис-
ленная привилегія войска, преимущественно въ лицѣ его корпуса офицеровъ,
огромная соціальная роль этого корпуса офицеровъ, дающаго физичес-
кое, умственное и нравственное воспитаніе проходящей чрезъ его руки ил-
и народа; исторія войска, полная многихъ злоупотребленій и безправій и
шихъ передъ высшими; его высокіе идеалы—жизни для другихъ, не раз-
хлѣба насущнаго; его геройическая преданія и горделивое сознаніе собст-
венныхъ достоинствъ; наконецъ, молодость, сила и бодрость, блестящая въ
сота воиновъ,—все это возбуждаетъ во многихъ глубоко затаенныхъ зависти
вражду и недоброжелательство и заставляетъ ихъ нападать на армію
пѣной у рта всегда, когда представится для этого хотя какой-нибудь
чай» *). Въ своемъ стремленіи быть краснорѣчивымъ, авторъ г. И. П.
настолько увлекается, что нарушаетъ правду. До достижения вѣчнаго и
полное упраздненіе милитаризма и евозможно, такъ какъ война и войска—
понятія между собою тѣсно связанныя. Но благоразуміе вынуждаетъ го-
лать, чтобы затраты на военную силу были по возможности ограничены
и мнѣніе автора брошюры, г. И. П., что военная корпорація является
какъ бы разсадникомъ нравственнаго усовершенствованія народа, не може-
тъ быть признано справедливымъ, потому что такія задачи лежатъ
и духовенствѣ и школѣ, не говоря уже о семье и литературѣ.

Замѣчу, что въ моей статьѣ, помѣщенной въ журналь *Русская Мысль* за 1898 годъ въ книгѣ VII, я, доказывая необходимость прогрессивнаго развитія военно-корпоративныхъ законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ что изолированіе военной корпораціи отъ общества въ наше время ~~не~~ можно **). Признавая мои статьи, помѣщенные въ журналь *Русская Мысль* за 1898 годъ, пристрастными, авторъ брошюры, г. И. П., говорить, что наши военные суды составляютъ одинъ изъ наиболѣе передовыхъ и ~~и~~ лучшимъ образомъ устроенныхъ военныхъ судовъ Европы, на которыхъ давно уже, какъ на образецъ, указываются въ Германіи и во Франціи ***. Если бы авторъ брошюры, г. И. П., прочелъ со вниманіемъ мои статьи въ июль и августъ мѣсяцы, помѣщенные въ журналь *Русская Мысль* за 1898 годъ, то, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ убѣжденію, что военные суды королевствъ: Италии, Баваріи, Бельгіи и Швейцарской республики функционируютъ болѣе свободно и независимо, чѣмъ наши военные суды.

^{*)} См. брошюру г. И. П., стр. 3.

**) Полное у нас изолироване военной корпорации отъ общества нравомъ главнымъ образомъ по краткосрочности военной службы и отбываніи воинской винности всѣми сословіями общества, о чмъ и высказаны были мною подробнѣ соображенія въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ *Русская Мысль* за 1891 годъ, ил. ^г Наконецъ, мои статьи по отношенію къ реорганизаціи военно - уголовного права главнымъ образомъ имѣли въ виду интересы нижнихъ чиновъ.

*** См. брошюру, изданную г. И. П., стр. 3.

Великобританії, Англії и Швейцарської республікѣ воєннаа подсудность
змічена только преступленіями воинскими, наконецъ, Высочайше учре-
ннаа у насъ въ 1862 году комиссія для начертанія проекта воєнного
устройства и судопроизводства также признавала, что для достиженія
восудія необходімо и въ военныхъ судахъ установить раздѣленіе судей-
ськихъ функцій, чего къ сожалѣнію однако не состоялось.

Затѣмъ авторъ брошюры, г. И. П., указывая на процессъ Дрейфуса,
иу прочимъ, говоритъ, что «процессъ этотъ вызвалъ массу самыхъ
бныхъ и несправедливыхъ нареканій на французскіе военные суды».

Говорить такъ о процессѣ Дрейфуса нельзя, такъ какъ первый приго-
ть, постановленный по дѣлу Дрейфуса, былъ результатомъ не ошибки,
тѣлого ряда нарушеній требованій французскаго военно-уголовнаго про-
са и давленія высшей военной французской администрації, принудившой
ъ постановить по дѣлу Дрейфуса пристрастный приговоръ. Все это бы-
настолько обнаружено французскою періодическою печатью, благодаря
вниманію Эмилю Зола и Сиккару, что дѣло Дрейфуса, перейдя
почву общественнаго интереса, повлекло за собою не только нѣкоторыя
земѣнны во французскомъ военному министерствѣ, но и пересмотръ дѣла.
моихъ статтяхъ подробно изложенъ французскій военно-уголовный про-
съ, а потому, не останавливаясь на обрисовкѣ этого процесса, могу
ше замѣтить, что давленіе французской военной администрації на воен-
е суды было уже давно подмѣчено французскимъ обществомъ и періо-
дическою печатью.

Послѣ предисловія г. И. П., подъ отдельнымъ заголовкомъ: «Въ инте-
сахъ дисциплины армії, въ ней необходимъ правильный судъ», разви-
ть свои соображенія, относящіяся до необходимости установленія для
міи отдельныхъ военно-корпоративныхъ законовъ, централизацію власти
правильнаго суда, причемъ, между прочимъ, и высказывается, что въ ви-
боевого назначенія армії «главнокомандующій и другіе военные началь-
ки должны быть освобождены отъ напрасно-отвлекающихъ и затрудняю-
ихъ обязанностей». Замѣчаніе это направлено г. И. П. противъ моихъ
атей, въ коихъ статтяхъ и проектируется назначеніе на должности пред-
дателей и военныхъ судей въ военно-окружныхъ судахъ офицеровъ ге-
рального штаба съ юридическимъ однако образованіемъ. Спеціальность
еной службы крайне разнообразна и во многихъ случаяхъ отклоняется
же отъ боевой профессіи, какъ, напримѣръ, по заготовленію для армії
одовольствія, назначеніе офицеровъ временными членами въ военно-
окружные суды и т. д. Можно, конечно, привести цѣлый рядъ примѣровъ,
о назначеніе не только офицеровъ генерального штаба, но и командировъ
лковъ и другихъ военныхъ начальниковъ на должности иногда чисто-
гражданскія, административныя, не мѣшило этимъ лицамъ вмѣстѣ съ тѣмъ
исполнять боевые обязанности. По отношенію къ военнымъ судамъ
вторъ брошюры, г. И. П., замѣчаетъ, что «для достиженія правосудія
въ войскахъ необходимо, чтобы судъ былъ составленъ изъ людей, пони-

мающихъ законы и вообще установлениі правильнаго суда, такъ иъ въ особенности важно для поддержанія дисциплины».

Совершенно вѣрно, но, къ сожалѣнію, наши низшіе военные суды полковые и бригадные, никакъ не удовлетворяютъ желанію автора г. И. П., такъ какъ суды эти состоять изъ лицъ, не получившихъ юридического образованія, а изъ циркулярнаго предписанія военнаго министра по военно-судебной части отъ 1886 г. за № 1776 видно, насколько эти не удовлетворяютъ своему назначенію *). Впрочемъ, г. И. П. въ брошюре не касается полковыхъ и бригадныхъ судовъ, а потому, во вѣроятности, и признаетъ, что означеніе низшіе военные суды должны быть преобразованы на основахъ, мню рекомендаемыхъ, но въ такомъ случаѣ автору брошюры, г. И. П., не следовало бы признавать наши военные суды «образцовыми». Признавать же полковые и бригадные суды въ силу расширенія подсудности этимъ судамъ согласно военно-судебного устава 1884 года, за дисциплинарные комитеты невозможно. Считаю лишнимъ замѣтить автору брошюры, г. И. П., что для правильнаго функционированія нашихъ военно-окружныхъ судовъ важенъ законъ, точно опредѣляющій независимое положеніе отъ военной администраціи предсѣдателей военныхъ судей и временныхъ членовъ указанныхъ судовъ, а не привилегію предсѣдателей и военныхъ судей къ какой-либо военной корпораціи.

Подъ рубрикою «Исторический очеркъ» авторъ брошюры, г. И. П., съмѣчая надлежащее положеніе законовъ въ обществѣ по отношенію къ примѣненію, между прочимъ говорить, что главныя требованія отъ судовъ въ арміи заключаются: во-первыхъ, судъ долженъ правильно применять законы и, во-вторыхъ, применять ихъ согласно пониманіемъ имъ и отвѣтствующихъ имъ жизненныхъ явлений той средой, въ которой они применяются.

Первое замѣчаніе совершенно вѣрно, а потому и существующая организація полковыхъ судовъ должна быть подвергнута реорганизаціи съведеніемъ въ эти суды юридическихъ элементовъ. Второе замѣчаніе автора брошюры, г. И. П., не можетъ относиться къ преступленіямъ общихъ, такъ какъ особенности бытовой среды военной корпораціи ни въ какомъ случаѣ не должны влиять не только на измѣненіе квалификаціи преступлений общихъ и мѣру отвѣтственности, опредѣляемой закономъ, но и на отмененіе или уменьшеніе вины преступника. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, какъ, напримѣръ, въ Великобританіи, Италии, Швейцаріи, военная подсудность ограничена только преступленіями воинскими, а за совершение преступлений общихъ, не специально корпоративныхъ, воинскіе чины судятся общимъ уголовнымъ судомъ гражданскими.

*) См. журналъ *Русская Мысль* за 1898 г., кн. XII, ст. подъ заглавіемъ „Русский военно-уголовный процессъ и его возможная реорганизація“, где въ примѣчаніяхъ стр. 118 приведены нѣкоторыя детали изъ указаннаго циркуляра.

домства, чтò я и признавалъ возможнымъ примѣнить у насъ въ Россіи, только для мирнаго времени. Историческія изслѣдованія г. И. П. слиш-
мь кратки; такъ, начиная ихъ только съ XVIII столѣтія, г. И. П. о по-
женіи военныхъ судовъ до царствованія императора Петра Великаго ровно
чего не говорить, ограничиваясь однимъ лишь замѣчаніемъ, что «суды
и дѣйствовали безконтрольно», но это не вполнѣ вѣрно, такъ какъ не
только въ XVII, но даже и въ XVI столѣтіи дѣла военныхъ судовъ низ-
шъ инстанцій иногда восходили на ревизію различныхъ приказовъ.
омъ того, г. И. П. ничего не говоритъ о развитіи у насъ въ Россіи во-
ной подсудности, которая, какъ извѣстно, установилась вполнѣ лишь
царствованіе императора Павла I. Обрисовывая требованія тайного ин-
ициационнаго процесса, г. И. П., впадаетъ въ ошибку, утверждая, что
ѣдствія производились офицерами, тогда какъ, согласно военно-уголовнаго
гава 1839 г. книги второй, въ число обязанностей аудиторовъ входило и
производство ими слѣдствій, а офицеры назначались для присутствованія при
ѣдствіи въ качествѣ депутатовъ. О трудахъ Высочайше учрежденной въ
62 г. комиссіи для начертанія проекта военно-судебнаго устава г. И. П.
воритъ слишкомъ мало, ограничиваясь указаніемъ тѣхъ основныхъ положе-
і, которыми упомянутая комиссія должна была руководствоваться, а пото-
и впадаетъ въ ошибку, утверждая, что «согласно военно-судебной рефор-
мъ, послѣдовавшей въ 1867 году, аудиторы и оберъ-аудиторы могли быть
пушкины къ занятію въ военно-окружныхъ судахъ только обязанностей
кредтарей». Такое утвержденіе заключаетъ въ себѣ полную неправду,
къ какъ Высочайше учрежденная въ 1862 г. комиссія для начертанія
оекта военно-судебнаго устава между прочимъ и проектировала, что на-
жности военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей
во вновь организуемыхъ военно-окружныхъ судахъ должны назна-
ться вмѣстѣ съ офицерами и чиновниками военного министерства, бывшіе
диторы и оберъ-аудиторы *). Проектированное Высочайше учрежденію
ммиссію вошло и въ законоположеніе XXIV кн. Св. Воен. Пост. изд.
169 г., а потому съ 1870 по 1883 гг. выше перечисленные должности
были заняты также аудиторами и оберъ-аудиторами,—такъ, напримѣръ, въ
173 г. почти всѣ военные прокуроры и военные слѣдователи при военно-
ружныхъ судахъ были чиновники, т.-е. бывшіе оберъ-аудиторы **). Та-
мъ образомъ только съ 1884 г., согласно нынѣ дѣйствующему военно-

*.) См. сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго
тава, Спб., 1867 г., и мою статью, помѣщенную въ журналѣ *Русская Мысль* за
98 г., кн. XII, подъ заглавіемъ „Русскій военно-уголовный процессъ и возможная
о реорганизації“.

**) Съ 1867 по 1882 г. главнымъ военнымъ прокуроромъ былъ статсъ-секретарь,
ий совѣтникъ В. Д. Философовъ, а военными прокурорами въ указанный периодъ
емени между прочимъ были: дѣйствительные статсъ-совѣтники Ахшарумовъ, Не-
тоянъ, Волковъ, Бирюковъ и другія лица, исполнявшія обязанности помощниковъ
еныхъ прокуроровъ и военныхъ слѣдователей.

судебному уставу, должности при военно-окружных судах прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей исключительно замѣстители офицерами, окончившими курсъ наукъ въ военно-юридической академіи. Если, г. И. П., пожелаетъ провѣрить мои слова по отношенію къ аудиторамъ и оберъ-аудиторамъ, то предлагаю ему просмотрѣть книги о чинахъ, входившихъ въ составъ военно-судебного вѣдомства съ 1870 г. и 1888 г.

Наконецъ, въ особой главѣ подъ заглавиемъ «Противники реформированнаго военнаго суда»; г. И. П. начинаетъ уже детально избирать мои труды, помѣщенные въ журналъ *Русская Мысль* за 1888 и 1899 гг. Затушевывая главную цѣль моихъ статей, авторъ брошюры, между прочимъ, говорить, что «къ числу противниковъ реформы 1867 г. принадлежитъ и г. Хитрово, который находитъ, что «главные недостатки этой реформы состоятъ, во-первыхъ, въ ея дороговизнѣ и, во-вторыхъ, въ постоянномъ отнятіи ею отъ арміи лучшихъ офицеровъ». Цитируя далѣе нѣкоторыя выраженія изъ моего труда, г. И. П. прожааетъ, что, указывая на расходъ военнаго и морскаго министерствъ въ количествѣ пятисотъ миллионовъ рублей, я вмѣстѣ съ тѣмъ и излагаю соображенія о возможности полнаго сокращенія военно-судебного вѣдомства...», но затѣмъ отъ такого предложения будто бы отказываюсь и оставляя все военно-судебное вѣдомство цѣликомъ, предлагаю лишь дляности военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей замѣстить чиновниками. Затѣмъ авторъ брошюры, подводя какъ бы итогъ всему выказанному въ моихъ статьяхъ, рѣшается сдѣлать изъ нихъ нижеслѣдующіе выводы, будто бы я желаю: «1) самостоятельность правосудія въ арміи упразднить и сдѣлать ее, попрежнему, отдѣльно въ рукахъ начальниковъ; 2) особые суды арміи сохранить только для воинскихъ преступленій; 3) существующій въ настоящее время въ военно-окружныхъ судахъ наличный составъ изъ постоянныхъ и опытныхъ военныхъ юристовъ замѣнить офицерами генерального штаба, получившими специальнное военно-юридическое образованіе, и чиновниками-юристами; 4) предварительное слѣдствіе для воинскихъ преступленій замѣнить дозніемъ, и 5) военно-юридическую академію упразднить, а бывшее военно-юридическое училище возстановить съ особымъ отдѣленіемъ для офицеровъ генерального штаба».

Напрасно г. авторъ брошюры полагаетъ, что я принадлежу къ числу противниковъ военно-судебной реформы 1867 г., такое предположеніе равносильно полному непониманію моихъ статей, помѣщенныхъ въ журнале *Русская Мысль*. Нигдѣ я не высказалъ намѣренія пошатнуть устои, разработанные военно-судебною реформою 1867 г., т.-е. устности, гласности, равноправности сторонъ, состязательности процесса и рѣшнія участія подсудимаго единственно по убѣждению судей, ихъ совѣсти, а напротивъ, проектировалъ расширение правъ подсудимаго указаніемъ, между прочимъ, возможной реорганизаціи полковыхъ судовъ въ дивизионные съ предложеніемъ

ніемъ и въ этихъ судахъ подсудимымъ права имѣть защитника. Въ интересахъ также подсудимаго я признаваю, и въ настоящее время признаю, возможнымъ преступлениа общія, совершенныи воинскими чинами въ мирное время, передать въ вѣдѣніе общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства, въ каковыхъ судахъ существуетъ раздѣленіе судейскихъ функций а судьи права и судьи факта, и вопросъ о виновности разрѣшается прижными засѣдателями единственно по совѣсти, не стѣсняясь фактами совершеннія. Я не буду останавливаться здѣсь на доказательствахъ полной возможности ограничения военной подсудности въ мирное время, но если

И. П. интересуется этимъ вопросомъ, то предлагаю ему прочитать ою статью, помѣщенную въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 г., кн. II. Въ статьѣ этой, кромѣ того, приведены данные, что ограничение военной подсудности въ мирное время одними только преступлениами воинскими не только не отразится на уменьшении требованій законовъ дисциплины, но и не повлияетъ на уменьшеніе власти военныхъ начальниковъ. Изъ чего слѣдуетъ, что меня противникомъ военно-судебной реформы 1867 г. разнать нельзя, такъ какъ я не допускаю, чтобы и военно-формальные законы подверглись омертвѣнію. Конечно, если ограничить военную подсудность дними только преступлениами воинскими, то такое ограниченіе повлечетъ а собою сокращеніе различныхъ должностей при военно-окружныхъ судахъ, отчего, неминуемо, и должна получиться экономія, которую я дѣятельно рекомендую передать въ министерство народного просвѣщенія, таъ министерство, болѣе всего нуждающеся въ денежныхъ средствахъ. И въ одной изъ моихъ статей я не указываю на упраздненіе военно-судебного вѣдомства, а лишь привожу данные для возможной реорганизации военной юстиціи. Такъ, по моему мнѣнію, остающемуся не замѣннымъ и въ настоящее время, наше военно-судебное вѣдомство должно состоять исключительно изъ лицъ гражданскихъ чиновниковъ съ юридическимъ образованіемъ, которымъ и должны быть предоставлены мѣста при военно-окружныхъ судахъ военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ, военныхъ съдователей и такъ далѣе, а потому и противорѣчія въ моихъ статьяхъ не встрѣчается.

Съ 1870 по 1884 г. указанныя должности въ большинствѣ случаевъ занимались чиновниками, а между тѣмъ военно-окружные суды въ указанный періодъ времени функционировали не хуже настоящихъ военно-окружныхъ судовъ, если даже не гуманіе по отношенію къ подсудимымъ, что, впрочемъ, главнымъ образомъ совпадало съ гуманными постановленіями ХХІV кн. Св. Воен. Пост. изд. 1869 г., устанавливающими въ широкихъ размѣрахъ устность, гласность, публичность судебныхъ засѣданій и полную въ процессѣ равноправность сторонъ. Большую оригинальностью отличается обвишеніе меня въ томъ, что я желаю самостоятельность правосудія въ арміи упразднить, но данныхъ къ обвиненію меня въ такомъ тяжкомъ преступлениі противъ прогресса и гуманизма авторъ брошюры не указываетъ, да и указать невозможно, такъ какъ такихъ данныхъ въ

моихъ статьяхъ не существуетъ. Дѣйствительно, я предлагаю должности въ военно - окружныхъ судахъ предсѣдателей и военныхъ судей замѣстить офицерами генерального штаба съ юридическимъ однако образованіемъ и даже срокомъ на два года, причемъ, по мнѣнію моему, самостоятельность дѣйствій персонала военно-окружныхъ судовъ отъ этого не умаляется, ибо повторяю мною уже высказанное, что важенъ законъ, обрѣсовывающій независимое судейское положеніе, а не принадлежность къ извѣстному вѣдомству, причемъ, со своей стороны предлагаю авторъ брошюры, заглянуть въ военно - судебные уставы 1883 и 1884 г. и тогда разрѣшить: пользуются ли въ настоящее время предсѣдатели и военные суды полною независимостью въ сферѣ ихъ профессиональной дѣятельности? Наконецъ, по мнѣнію моему, предсѣдателямъ и военнымъ судьямъ военно-окружныхъ судовъ, подобно тому, какъ предсѣдателямъ и чинамъ общихъ уголовныхъ судовъ гражданского вѣдомства, важно иметь солидное юридическое образованіе и умѣніе разумно толковать требования закона; конечно, послѣднее требование какъ бы вытекаетъ изъ перваго, а потому опытность и сноровка при наличности первыхъ двухъ условий уже какъ бы не имѣютъ мѣста. Если военную подсудность возможно ограничить одними преступленіями воинскими, то и теперь повторяю, что производство предварительныхъ слѣдствій совершиенно будетъ излишнимъ, и въ важныхъ случаяхъ можно всегда нарядить слѣдственную комиссию, чтѣ и разрѣшается нынѣ дѣйствующимъ военно-судебнымъ уставомъ. Высказывать по этому поводу основанія, преведшія меня къ вышеупомянутому заключенію, я не буду, такъ какъ эти основанія подробно изложены въ моей статьѣ. Въ статьѣ моей я вовсе не высказываю желанія совершило упразднить Александровскую военно-юридическую академію, а лишь предлагаю ее реорганизовать въ смыслѣ комплектованія слушателей, т.-е. допускать въ эту академію лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ въ академіяхъ: морской и Николаевской генерального штаба, а не офицеровъ генерального штаба, какъ неправильно думаетъ г. И. П.

Подъ заголовкомъ: «Правосудіє должно имѣть самостоятельное, а не служебное значеніе въ армії», авторъ брошюры, послѣ многорѣчіваго разсужденія объ уголовныхъ процессахъ, между прочимъ, говорить, что передача приговоровъ на конфirmaцію начальства, какъ предлагаю я, отниметъ у этихъ приговоровъ «самостоятельность», но такой взглядъ совершиенно невѣренъ, ибо я признаю возможнымъ передавать приговоры на конфirmaцію военнаго начальства по преступленіямъ только воинскимъ и притомъ лишь на предметъ смягченія опредѣленного уже судомъ окончательного наказанія, а не для ревизіи и контроля, почему и тексты приговоровъ должны ставиться неизмѣнными. Подобная конфirmaція приговоровъ военнымъ начальствомъ допускается военно-уголовнымъ процессомъ, дѣйствующимъ въ королевствахъ баварскомъ и итальянскомъ, и совершиенно не умаляетъ значенія приговоровъ. Что же касается до уголовнаго суда, то главный его интерес и ключается въ правдивомъ разрѣшеніи по существу дѣла и въ правильномъ

имѣній законовъ о наказаніи, почему съ постановленіемъ приговора его подписаніемъ судъ и заканчиваетъ свою миссію. Авторъ брошюры признаетъ, что ограничение военной подсудности является вопросомъ не достойнымъ и что вопросъ этотъ быть предметомъ парламентскихъ дебатовъ въ Германии въ 1876 году, но окончился не въ пользу ограничения военной подсудности. Такой неуспѣхъ, конечно, не можетъ быть для насытимъ, тѣмъ болѣе, что съ 1876 г. по настоящее время протекло значительное время, а военно формальные законы тоже должны прогрессировать во времени. Собственно говоря, авторъ брошюры признаетъ необходимымъ для арміи постоянный военный судъ потому, что армія должна находиться въ независимомъ положеніи отъ остальныхъ властей государства, но такого полнаго обособленія арміи у насы въ сферѣ юрисдикціи совершенно не достигается, такъ какъ по нынѣ действующему военно-судебному уставу 1884 г. предварительная слѣдствія по общимъ преступленіямъ, совершеннымъ воинскими чинами, состоящими на действительной службѣ, производятся, въ большинствѣ случаевъ, не военными, а судебными слѣдователями гражданского вѣдомства. Наконецъ, у насы военно-судебнымъ уставомъ 1884 г. допускается смѣшанная подсудность, и воинскій чинъ, совершившій общее преступленіе вмѣстѣ съ лицомъ гражданского вѣдомства, судится судомъ общимъ уголовнымъ гражданского вѣдомства.

Въ главѣ, названія: «Предсѣдательствующій въ военномъ судѣ долженъ быть офицеромъ со специальными военно - юридическими образованіемъ и опытностью», авторъ брошюры, г. И. П., до нѣкоторой степени перепутываетъ свои соображенія; такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ прямо обвиняетъ меня въ нерасположеніи къ офицерскому званію военно-судебного вѣдомства, забывая, что я никогда не принадлежалъ къ аудиторской корпораціи, а въ другомъ повторяетъ отчасти то, что мною изложено въ моемъ трудѣ, помещенномъ въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 г., «также я требую, чтобы предсѣдательствующій на судѣ былъ офицеръ притомъ съ юридическимъ образованіемъ». Далѣе авторъ брошюры по-мнѣнию приводить мнѣніе Бузковскаго о томъ, что «между судьями, определяющими виновность подсудимаго по совѣсти, должны быть и такія лица, которыхъ и должны принадлежать къ его средѣ», а между тѣмъ, приведя мнѣніе Бузковскаго, авторъ брошюры не рѣшаются проектировать о допущеніи въ число временныхъ членовъ военно-окружныхъ судовъ и нижнихъ чиновъ. Въ моей статьѣ, я предлагаю увеличить количество временныхъ членовъ въ военно-окружныхъ судахъ до двѣнадцати, но нижнихъ чиновъ въ составѣ временныхъ членовъ не допускаю.

Авторъ брошюры, не признавая возможнымъ упраздненіе института военныхъ слѣдователей, вмѣстѣ съ тѣмъ довольно подробно излагаетъю важность профессиональной дѣятельности военныхъ слѣдователей. Отшать, что дѣятельность военныхъ слѣдователей имѣть крайне серьезное значеніе, конечно, нельзя, но снова повторяю, что для преступлений воинскихъ достаточно дознанія. Наконецъ, я признаю возможнымъ упраздненіе

института военныхъ слѣдователей только въ случаѣ ограниченія военной подсудности одними преступленіями воинскими. Если авторъ брошюры признаетъ невозможнымъ упразднить институтъ военныхъ слѣдователей, то становится отчасти непонятнымъ, почему онъ не предлагаетъ правъ военныхъ слѣдователей, по ихъ профессиональной дѣятельности, привести вполнѣ къ правамъ судебныхъ слѣдователей, чтѣдѣствительно было бы крайне необходимо *).

Я не только въ моихъ статьяхъ не отрицаю необходимости сторонъ въ нашемъ военно-уголовномъ процессѣ, какъ это предполагаетъ г. И. П., но даже признаю необходимымъ установить эти стороны въ полковыхъ судахъ, реформированныхъ мною въ дивизионные съ предоставлениемъ въ этихъ судахъ права подсудимому имѣть защитника, чѣмъ подсудимый въ настоящее время въ полковомъ судѣ не пользуется.

Не соглашаясь со мною относительно назначенія на должности военной прокуратуры чиновниковъ и требуя, чтобы на эти должности исключительно назначались офицеры съ юридическимъ образованіемъ, авторъ брошюры между прочимъ, говоритъ, что военная прокуратура должна быть хорошо знакома съ внутреннею бытовою военною жизнью, ибо трудно быть увереннымъ въ правильности сужденія по дѣлу, касающемуся незнакомыхъ намъ отношений и лицъ, а представитель обвиненія судить о дѣлѣ, когда онъ даетъ по нему цѣлый рядъ своихъ заключеній...

Все это, положимъ, такъ, но внутренняя, бытовая военная жизнь не представляетъ въ настоящее время собою какихъ-либо выдающихся особенностей, такъ какъ полной изолированіи низшихъ чиновъ не существуетъ. Наконецъ, если въ періодъ времени съ 1870 по 1882 г. военные прокуроры и ихъ помощники, будучи чиновниками, вполнѣ добровольно исполняли свои обязанности и стойко охраняли всѣ требования военной службы, то почему же не допустить этого и въ настоящее время? Бѣзъ сожалѣнію, г. И. П. функции обвинителя какъ бы связываетъ съ функциями суда, а этого допустить невозможно, ибо если военный прокуроръ или его помощникъ должны обвинять по убѣждѣнію, то это можетъ относиться только къ опредѣленію качественности умысла, а потому и коронный обвинитель едва ли можетъ отказаться отъ обвиненія при наличии дѣйствительно совершившагося правонарушенія, тѣмъ какъ для суда фактъ не имѣть связывающаго значенія. Впрочемъ, въ моей статьѣ изложены соображенія, почему я признаю возможнымъ допустить чиновниковъ къ исполненію обязанностей военной прокуратуры, чѣмъ въ настоящее время не отрицаю.

Въ послѣдней главѣ авторъ брошюры снова выставляеть меня же въ роли противникомъ существованія военно-юридической Александровской артиллерии.

*) О правахъ военныхъ слѣдователей см. военно-судебный уставъ 1884 г. Бы устава этого можно видѣть, до какой степени военные слѣдователи лишены самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ.

мін, но это положительная неправда, такъ какъ я не только признаю необходимость существованія этой академіи, но и решительно не вторюсь въ сферу преподаванія въ ней наукъ и только признаю въ моихъ статьяхъ,—что и теперь не отрицаю,—что слушателями въ означенной академіи должны быть исключительно офицеры, окончившіе съ успѣхомъ курсъ академіяхъ: морской и Николаевской генеральнааго штаба, а въ старшій курсъ этой академіи, т.-е. въ третій, должны допускаться также и гражданскія лица, окончившія курсъ на юридическихъ факультетахъ университетовъ, Императорской школѣ правовѣдѣнія и юридическихъ лицейахъ, для специального изученія военно-юридическихъ наукъ законовѣдѣнія. Если бы авторъ брошюры хорошо познакомился съ моими статьями, помещенными въ журналѣ *Русская Мысль*, то онъ понялъ бы, что я предоставляю исключительное право поступленія въ военно-юридическую Александровскую академію лицамъ, окончившимъ курсъ въ вышепоименованныхъ академіяхъ и изъ капріза, а съ цѣлью распространенія правовыхъ воззрѣній въ нашей арміи и флотѣ, о чёмъ иною и высказано подробно въ вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Затѣмъ авторъ брошюры, между прочимъ, говоритъ, что «уровень правовыхъ понятій въ арміи поднимается не тѣмъ, что въ ней существуетъ или есть вѣсколькихъ членовъ, получившихъ юридическое образованіе, а тѣмъ, то въ ней функционируетъ правильный и гласный судъ, въ дѣятельности отораго, къ тому же, поочередно принимаютъ участіе почти всѣ влиятельные члены этой арміи».

На это можно отвѣтить автору брошюры, что военно-окружные суды овой конструкціи существуютъ уже болѣе тридцати лѣтъ и въ нихъ пе-ебывало не мало офицеровъ, въ качествѣ временныхъ членовъ, а между тѣмъ и по настоящее время правовые воззрѣнія въ арміи настолько слабы, то даже полковые суды функционируютъ неправильно, о чёмъ можетъ свидѣтельствовать и выше приведенный приказъ военного министра. Наконецъ, И. П. забываетъ, что преданіе военному суду въ военномъ вѣдомствѣ принадлежитъ власти отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ, которымъ военно-судебный уставъ 1884 г. и предоставляетъ право соглашаться и не оглашаться съ заключеніями военной прокуратуры, но какъ же военный начальникъ можетъ вполнѣ оценить правильность заключенія военной прокуратуры, когда не будетъ самъ имѣть рѣшительно никакихъ юридическихъ свѣдѣній?

Г. И. П. на 45 стр. брошюры говоритъ, что «правосудіе не Могущъ, требующій жертвъ ради нихъ самихъ, во что бы то ни стало. Тѣмъ лучше выяснены мотивы преступленія и испорченность преступника, тѣмъ преступленіе составляетъ большее зло не по объективнымъ своимъ послѣдствіямъ, иногда совершенно случайнымъ, а по своему внутреннему, каждый разъ особому содержанію, тѣмъ примененіе наказанія къ преступнику будетъ справедливѣе»...

Понять довольно трудно это. Впрочемъ, слова эти могутъ понудить чи-

тателя доискаться истины, и тогда онъ, конечно, невольно придется къ убѣжденію, что положеніе ХХІV кн. Св. Военн. Пост. изд. 1869 г. было гораздо гуманнѣе по отношенію къ интересамъ подсудимаго, чѣмъ военно- судебній уставъ 1884 г., значительно ограничившій устность, гласность, публичность судебныхъ засѣданій и равноправность въ процессѣ сторонъ. Въ заключеніе своей брошюры г. И. П. совѣтуетъ мнѣ познакомиться съ шестью указанными имъ сочиненіями, но сочиненія эти мнѣ извѣстны и изъ которыхъ изъ нихъ поименованы въ примѣчаніяхъ моихъ статей. За любезность рѣшаюсь отплатить любезностью, и совѣтую автору брошюры познакомиться со всѣми сочиненіями, поименованными въ примѣчаніяхъ моихъ статей, а такихъ сочиненій болѣе пятидесяти, и всѣ они имѣютъ солидное значеніе по отношенію къ историческому изслѣдованію развитія военно-уголовныхъ процессовъ западно-европейскихъ государствъ и нашихъ военно-уголовныхъ законовъ. По отношенію къ военно-юридической Александровской академіи совѣтую г. И. П. познакомиться съ прекраснымъ сочиненіемъ профессора военно-юридической академіи Кузьмина-Бараваева, съ каковымъ сочиненіемъ г. И. П., кажется, не знакомъ.

Н. П. Хитровъ.

Письмо въ редакцію.

о поводу книги д-ра П. И. Якобія *Основы административной психиатрии*. Орелъ, 1900 г. Ц. 5 р.

Объемистая книга Якобія (болѣе 600 стр.), изобилующая многочисленными цитатами и ссылками на разныхъ авторовъ, по виѣшности производить впечатлѣніе серьезнаго научнаго трактата; но стоитъ только прочитать одну-другую главу, чтобы убѣдиться, что виѣшность книги въ иномъ случаѣ явается лишь внушительной декораціей, сколоченой на которую руку и имѣющей цѣлью подъ флагомъ науки провести чудовищный зонтирикъ самому себѣ и оплевать своихъ коллегъ-психіатровъ по возможности такъ, чтобы не осталось сухого мѣста. Хотя мое имя также фигурируетъ въ числѣ оплеванныхъ, по я охотно простила бы это Якобію прошель бы полнымъ молчаниемъ его книгу, если бы не одно обстоятельство, которое вынуждаетъ меня говорить печатно. Якобій усиленно пропагандируетъ свое сочиненіе среди земцевъ, предлагая принять все зложенное имъ въ книгѣ, какъ мотивировку къ ходатайству объ организаціи судебнно-психіатрическаго дѣла и о специальному гражданскому и административному законодательствѣ относительно душевно-больныхъ и психіатрическихъ больницъ.

Если нѣкоторые земцы, не имѣя возможности критически отнестись къ аргументаціи и взглядаамъ Якобія, въ виду специальнаго характера изранной имъ темы, решатся въ своихъ ходатайствахъ сослаться на его книгу, то несомнѣнно этимъ скомпрометируютъ самыя ходатайства,—вотъ почему я и решалась указать на нѣкоторыя особенности работы Якобія, ищающія ее довѣрія и ставящія ее въ разрядъ грубыхъ памфлетовъ. При томъ я ограничусь только нѣсколькими примѣрами въ дополненіе къ ємъ, которые уже приведены д-ромъ Н. Н. Баженовымъ и В. П. Сербскимъ *).

На заглавномъ листѣ книги Якобія сказано: «Мотивировка къ хода-

*) См. *Медицинское Обозрѣніе*, 1900 г., августъ, стр. 262—263; ноябрь, стр. 33 и 735.

тайствамъ орловскаго, пензенскаго, калужскаго, воронежскаго и др.—
земствъ обь организаціи психіатрическаго дѣла въ Россіи и о законодательствѣ обь умалишеннѣхъ», на стр. 556 слова то же самое: «Настоящій трудъ есть этюдъ административной психіатрии, служащей мотивировкою ходатайства орловскаго и воронежскаго земства,—ходатайства, къ которому присоединились еще и нѣсколько другихъ земствъ». Читатель имѣетъ право отсюда умозаключить, что работа Якобія написана по порученію этихъ земствъ, и что все сказанное въ книгѣ Якобія раздѣлить на земства. Между тѣмъ мнѣ известно, что воронежское земство еще не возбуждало подобнаго ходатайства; поэтому слова «воронежское и др.—прежде временные»; но допустимъ, что эти земства возбудятъ ходатайство, имѣть ли однако право Якобій утверждать, что они примутъ *свою мотивировку?* Кто уполномочивалъ Якобія говорить печатно отъ имени столькихъ земствъ? Не есть ли это въ нѣкоторомъ родѣ самозванство? Если портной, никогда не выѣзжавшій изъ г. Торжка, напишетъ на своей вѣскѣ «портной изъ Лондона», то это ему можно извинить, но Якобій «директору орловской психіатрической больницы, д-ру медицины Париjskаго и Бернскаго университетовъ, члену психіатрич. и антрополог. обществъ, иностранныхъ и русскихъ; чл. кор. Мадридской королевской академіи; удостоенному медалей и академическихъ отличий: парижскаго медицинскаго факультета, Мадридской академіи, гигієнической секціи выставки 1885 г. и т. д.» *)—это положительно непростительно, такъ какъ этимъ онъ вводить читателя въ грубый обманъ. Если бы книга Якобія была написана по порученію перечисленныхъ имъ земствъ и действительно составляла мотивировку земскихъ ходатайствъ, то несомнѣнно, что она была бы напечатана на земскій счетъ,—между тѣмъ самъ авторъ книжки говорить въ предисловіи, что земство (орловское) никакой денежной суммы не ассигновало на изданіе его работы, и ему пришлось сдѣлать это въ собственный счетъ.

Въ 1890 г. московское губернское земство открыло временный приемъ для душевно-больныхъ (на 50 челов.) въ г. Москвѣ при общинѣ «Утечка моихъ печали» и пригласило Якобія завѣдывать этимъ приютомъ; при этомъ Якобію поручено было разработать планъ будущей психіатрической больницы и вообще планъ всего попеченія о душевно-больныхъ; при этомъ было куплено для больницы имѣніе, кое-что изъ старыхъ зданій пристреблено для больныхъ, а также выстроено одинъ павильонъ (на 25 чел.) но осуществить свой планъ организаціи попеченія о душевно-больныхъ выстроить и организовать больницу, даже начать приемъ въ наскоро спроектированные помѣщенія,—Якобію не пришлось, такъ какъ (стр. 43)

*) Такой кричащій, непривычный для русскаго слуха титулъ стоитъ на заднемъ листѣ книги. Довѣрчивый читатель, пожалуй, умозаключить изъ этого титула, что Якобій состоять членомъ всѣхъ психіатр. и антрополог. обществъ въ Европѣ, Америкѣ, Японіи и т. п., а заключительные слова „и т. д.“ наводить на мысль, что онъ получалъ отлики на всевозможныхъ выставкахъ.

несчастію для него, онъ принужденъ быть оставить службу вслѣд-
іе личныхъ столкновеній съ управою, которая тоже вслѣдъ за нимъ
ла, а иѣsto директора запѣять д-ръ Яковенко. Идеи, положенные въ
ованіе принятой московскими земствомъ системы, были ему во мнo-
ь отнoшeнiяхъ чужды». Даlѣе (на стр. 114), онъ утверждаетъ, что я
ль его противникомъ проекта попеченія о душевно-больныхъ въ Мo-
вской губерніи, а теперь—преемникъ и постоянно защищаю его идеи
своихъ статейхъ, рѣчахъ, и т. д.; на стр. 39 Якобій опять восхва-
тъ себя: «онъ выдвинулъ для попеченія совершенно другія задачи,
ниo—мъченіe... и соотвѣтственно этой задачѣ радикально измѣнилъ
прежнія планы и проекты... Земство безусловно согласилось съ нимъ,
на это большія деньги, постановило принципы, принятіе которыхъ
гавляетъ счастіе московского психіатрическаго дѣла и свѣтлую полосу
жизни этого врача (т.-е. Якобія), принципы, которыми совершенно
аведливо гордится для своего земства его преемникъ д-ръ Яковенко».
Къ, по Якобію выходитъ, что онъ *открылъ* московскому земству *но-*
принципы организаціи попеченія о душевно-больныхъ, онъ создалъ
ые планы и проекты построекъ психіатрической больницы, московское
ство все это безусловно приняло и осуществило, а я, хотя и былъ
тивникомъ этихъ принциповъ и проектовъ, теперь слѣдую по его сто-
ть и горжусь этимъ! Конечно, Якобію чрезвычайно пріятно рисовать
едь собою такую картину собственныхъ подвиговъ и заслугъ, но, къ
алѣнію, я вынужденъ нѣсколько нарушить его самоуслажденіе и показать
факты, какъ они были и есть въ дѣйствительности. Самъ Якобій,
видимому, понимаетъ, что не все такъ было, какъ онъ описываетъ: на
177 онъ въ этомъ сознается: «Вѣчная благодарность очередному мo-
вскому земскому собранію 1891—92 г. за его принципіальную и бла-
гѣтельную для страны постановку психіатрическаго вопроса; само мo-
вское земство не воспользовалось ею (мой курсивъ), но оно показало
огу», и т. д. Итакъ, московское земство само не воспользовалось прин-
ципами, внущенными ему Якобіемъ; какъ же это вяжется съ утвержденіемъ
бія, что я провожу въ жизнь его принципы, горжусь этимъ и т. д.?
разъясненія этого недоразумѣнія я долженъ привести нѣкоторая
орическая справки. Въ то время, когда московское земство еще не
имѣло своей собственной психіатрической больницы, оно арендовало извѣст-
число кроватей въ Александровской больницѣ (въ Москвѣ), куда по-
дало больныхъ изъ населенія губерніи по своему выбору. VII-й съездъ
свихъ врачей въ Московской губерніи выработалъ правила пріема боль-
ныхъ на эти кровати, а земское собраніе (1888 г.) утвердило ихъ; это
ю за нѣсколько лѣтъ до появленія Якобія не только на службѣ мo-
вскаго земства, но и вообще въ Россіи. Вотъ эти правила: 1) для по-
ченія на земскія кровати должны быть выбираемы умалишенные муж-
чины и женщины преимущественно молодые съ острыми, т.-е. недавними
имами заболѣваній, которые подаютъ наибольшую надежду на выздоров-
енія и т. д., 1900 г.

женіе при цѣлесообразномъ уходѣ и лѣченіи, какъ-то: страдающіе ис-
холіей, маніей и особенно постѣрдовымъ помѣшательствомъ. Типъ
разомъ, земскія кровати будуть освобождаться скорѣе, что дасть воз-
можность замѣщать ихъ новыми больными; 2) на земскія кровати могутъ
быть помѣщаемы, одпако, умалишенныя хотя и не съ остройми формами
болѣзней, но представляющіе опасность для себя и окружающихъ, напри-
даже страдающіе падучей болѣзнью въ извѣстномъ періодѣ; 3) не слѣ-
дуетъ стѣсняться также помѣщеніемъ больныхъ съ такими остройми формами
которыхъ при первомъ осмотрѣ являются какъ бы сомнительными отъ-
тельно излѣченія, такъ какъ подобные больные, оказавшись дѣйствительно
излѣчимы, послѣ болѣе или менѣе продолжительного испытанія изъ вѣ-
веденіи, будуть возвращены домой; 4) помѣщеніе на земскія кровати съ
нихъ больныхъ желательно, потому что въ заведеніи есть необходимы
для нихъ приспособленія, между тѣмъ какъ для сельского населения
кого рода больные особенно обременительны; 5) ни въ какомъ случаѣ
следуетъ доставлять въ заведеніе слабоумныхъ, идиотовъ, паралитиковъ,
вообще страдающихъ врожденными и очень давними умственными
стстройствами.

Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не Якобій, а губерн-
санитарный совѣтъ, съѣздъ врачей и земское собраніе выработали *принципъ*
выбора на больничныя койки наиболѣе въ томъ нуждающихся, т. е.
свѣже-заболѣвшихъ, а изъ хрониковъ—безпокойныхъ и опасныхъ по
ему поведенію; что же касается спокойныхъ хрониковъ, слабоумныхъ
рожденія и т. п., то было установлено, что они не должны быть при-
маемы, такъ какъ лѣчебница для нихъ не нужна, имъ нуженъ домъ
присмотръ, багадѣльня, пріютъ и т. п., на что у земства пока не имѣтъ
средствъ. Что же сдѣлалъ Якобій изъ этого принципа выбора больныхъ?
Онъ предложилъ московскому земству (см. его «Проектъ земск. попеч.
о душ. больныхъ», стр. 248) слѣдующія основанія пріема: 1) Всѣ отъ
(свѣжіе) случаи безъ исключенія должны быть принимаемы безъ замѣ-
нія; для нихъ въ лѣчебницахъ должны быть всегда свободныя места, чѣмъ
переполненіе не допускается; по мѣрѣ надобности должно строить
новые павильоны; 2) въ случаѣ какого бы то ни было ограниченія
имѣсть въ лѣчебницахъ, назначеніемъ ли штатнаго числа кроватей, раз-
рами ли бюджета или даже размѣрами помѣщенія, отказъ въ пріемѣ
долженъ быть сдѣланъ только хронику, никогда—свѣже-заболѣвшему; 3) по
всѣми мѣрами способствовать своевременному помѣщенію свѣжихъ сп-
равъ въ лѣчебницу (перечисляются эти мѣры). Вотъ и все; сдѣлователъ
Якобій повторяетъ 1-й пунктъ правиль, выработанныхъ задолго до него
причёмъ, не будучи знакомъ съ практической психіатріей, онъ совершилъ
игнорировать остальные пункты прежнихъ правиль; мало того: въ своемъ
проектѣ онъ горячо настаиваетъ на той мысли, что больница, которую
устроить земство, должна позаботиться исключительно только о
заболѣвающихъ, что же касается больныхъ, имѣвшихъ несчастіе забы-

поступлениі Якобія на службу московскаго земства, то они должны
тъ предоставлена естественному вымиранию въ тѣхъ условіяхъ, въ ко-
рыхъ они находились, т.-е. въ деревняхъ, зачастую на цѣли. Въ этомъ
напшениі, пріоритета д-ра Якобія никто оспаривать не станетъ. Вполнѣ
циональная идея выбора въ больницу наиболѣе нуждающихся въ ней
больныхъ у Якобія превратилась въ абсурдное ограничение приема по един-
ственному признаку: недавность болѣзни, какова бы она ни была—излѣ-
ченная или неизлѣченная, требующая или не требующая больничного режи-
ма. Якобій очень часто повторяетъ, что «его идеи» были приняты мос-
ковскимъ земствомъ; но на самомъ дѣлѣ это было такъ: земство пере-
шло проектъ Якобія на обсужденіе въ *Московское психіатрическое об-
ество*; послѣднее не согласилось съ предложенными Якобіемъ правилами
приема; точно также не согласился съ *нимъ и чуберн. санитарн. союзъ*,
который предложилъ земскому собранію (1891 г.) «установить слѣдующія
снованія для приема душевно-больныхъ въ земскую психіатр. больницу:
въ общаго числа коекъ, которыми будетъ располагать заведеніе, 80 пред-
назначить исключительно для свѣжихъ заболеваній, а остальная (предпо-
лагалось строить на 400), замѣщать какъ недавно заболевшими, такъ и
рониками, представляющими опасность для окружающихъ или тре-
угающими по своей неопрятности особою ухода; но при наличности нѣ-
колькоихъ кандидатовъ на одну свободную койку отдавать предпочтеніе
вѣжливъмъ передъ застарѣлыми, а изъ застарѣлыхъ—опаснымъ пе-
редъ неопрятными». Это предложеніе санитарнаю союзу и было при-
ято чуберн. собраніемъ, а не предложеніе д-ра Якобія.

Я остановился здѣсь главнымъ образомъ на вопросѣ о порядке приема
больныхъ, такъ какъ самъ Якобій, совершенно вѣрно, видѣть въ этомъ
центръ тяжести всего своего проекта. Что же касается другихъ его пред-
ложеній московскому земству, то даже при наклонности Якобія во всемъ
выставлять себѣ на первомъ мѣстѣ, едва ли онъ будетъ настаивать на
томъ, что они (организація семейнаго патронажа, постройка больницы по
павильонной системѣ и т. п.) являются открытиемъ «новыхъ принциповъ»,
дивившихъ «московскихъ психіатровъ» своею оригинальностью и до того
времени имъ не знакомыхъ. Задолго до Якобія были выстроены многими
земствами больницы по павильонной системѣ, которую большинство рус-
скихъ психіатровъ считало и считаетъ наиболѣе подходящей для психіа-
трическихъ больницъ; немногіе держатся противнаго взгляда; задолго до
Якобія дѣлался опытъ семейнаго патронажа, наприм., въ Рязани д-ромъ
Баженовымъ. Изъ числа другихъ предложеній Якобія можно считать ori-
гинальными два: 1) объединеніе городского и земскаго попеченія; 2) психіа-
трическое бюро въ Москвѣ для выбора въ немъ больныхъ. Первое не
осуществилось, второе осуществилось, но на короткое время, такъ какъ
практика показала всю его несостоятельность: сюда доставлялись больные,
иногда за 100—150 верстъ, чтобы подвергнуться осмотру; если больной
былъ хроникъ, то даже веревки и цѣпи на его рукахъ не избавляли его

отъ обратной отправки домой—Якобиемъ; доставить такого больного изъ Москву изъ деревни не легко (несколько провожатыхъ, невозможность найти въ Москвѣ пріютъ, такъ какъ никто не пустить къ себѣ съ такимъ больнымъ, большие денежные расходы),—а каково везти его обратно послѣ всѣхъ трудностей и расходовъ? Если больной принимался (наприм., свѣже заболѣвшій), то спрашивается, не лучше ли было бы ему ѿхать прямо въ больницу, не заѣзжая въ Москву и не ожидая тамъ пріемнаго днѣа? Это бюро, въ виду его крайней непрактичности, было вскорѣ закрыто, а прѣемъ больныхъ былъ мною организованъ черезъ посредство участковыхъ земскихъ врачей, имѣющихъ возможность видѣть больныхъ у себя дома и собрать о нихъ наиболѣе полный анамнезъ. Якобій, между прочимъ, прѣписывалъ себѣ пріоритетъ и въ вопросѣ обѣ установлениіи связи земскихъ врачей съ психіатрической больницей. Однако, замѣстивъ Якобія въ московскомъ земствѣ, я не нашелъ никакихъ слѣдовъ этой связи и ничего подобнаго тому, что имѣется въ настоящее время.

Итакъ, основной пунктъ проекта Якобія (относительно пріема больныхъ) не былъ принятъ собраніемъ. Въ слѣдующемъ году (декабрь 1892 и янв., февр., мартъ 1893 г.) земское собраніе постановило: «Поручить управѣ къ экстренной сессіи представить объясненія по всѣмъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ психіатрической комиссией, относительно непрактичности въ дѣлѣ постройки больницы для умалишенныхъ»; кромѣ того, «Собрание отклонило всѣ предложения управы, изложенные въ докладѣ о постройкѣ психіатрической больницы» (кромѣ одного, а именно выраженія благодарности Морозовой за пожертвованіе на больницу), согласившись съ мнѣніемъ гласнаго Алексѣева, что «вообще слѣдуетъ воздержаться отъ выхъ построекъ до заключенія вновь приглашенаго директора колоніи».—это моментъ, когда д-ръ Якобій сошелъ со сцены московской психіатріи вмѣстѣ съ своими проектами, и мнѣ пришлось занять его мѣсто. Якобію удалось выстроить для больныхъ всего одинъ новый павильонъ на 25 больныхъ, снабдивъ его «послѣднимъ словомъ науки»,—дворикомъ и прогулочкой больныхъ, представляющей небольшую лишеннюю растительности площадку, окопанную кругомъ глубокимъ рвомъ, на днѣ котораго поставленъ высокій заборъ; это удивительное изображеніе (подражаніе французскимъ *sauv de loup*), теперь уже на половину уничтоженное и, конечно, не утилизируемое для прогулочекъ больныхъ, еще до сихъ поръ напоминаетъ о дѣятельности Якобія въ московскомъ земствѣ! Въ 1894 году, послѣ того, какъ былъ заново переработанъ весь проектъ попеченія о душевно-больныхъ и выработанъ новый проектъ постройки больницы, губернское собраніе, между прочимъ, постановило: «Установить правило, что въ земскую психіатрическую больницу должны быть принимаемы изъ населенія всѣ свѣжезаболѣвшіе душевно-больные, а изъ хрониковъ—исключительно буйные и беспокойные, представляющіе опасность для окружающихъ», такимъ образомъ, какъ въ 1888 году, такъ и въ 1891 и въ 1894 гг. земское собраніе держалось одного и того же принципа въ пріемѣ душевно-боль-

ыхъ: принимать всѣхъ свѣжезаболѣвшихъ, а изъ хрониковъ — буйныхъ, опасныхъ, что вполнѣ совпадаетъ съ тѣми взглядами, которые я защищалъ вмѣстѣ съ другими психіатрами, будучи приглашенъ въ 1891 году московской губ. управой принять участіе въ обсужденіи проекта Якобія, о которомъ онъ настаивалъ на пріемѣ только свѣжезаболѣвшихъ. Послѣ сего сказаннаго, для читателя книги Якобія станетъ ясно, насколько безеремонно извращеніе истины въ слѣдующемъ мѣстѣ его книги («Основы импн. псих.», стр. 431—432): Мысль о томъ, что нужно только «принять вновь заболѣвающихъ, предоставивъ времени и естественному течению жизни сводить счетъ съ прошедшимъ», т.-е. отказывать хроникамъ, аковы бы они ни были,—«пишущій (Якобій) проводилъ въ москов. земствѣ; опасные очень скоро поняли сущность и смыслъ всей системы и приняли ее. Не такъ легко было убѣдить коллегъ. Идеи, уже окончательно принятые въ Англіи, Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Италиі, казались имъ въ только слишкомъ смѣлыми, но прямо чудовищными, властное рѣшеніе земскаго собранія положило эти идеи въ основаніе всей организаціи психіатрическаго дѣла въ Московской губ., а прежніе противники въ литературѣ и на съѣздахъ гордятся теперь психіатрической организаціей москов. земства и положеною въ ея основаніе системою». Здѣсь что ни слово, не правда: московское земское собраніе не приняло правильнаго пріема, предложенныхъ Якобіемъ; въ Англіи, Германіи, Голландіи и проч. никогда не высказывали въ пріемѣ беззаконныхъ и опасныхъ хрониковъ,—напротивъ, рѣмъ ихъ въ больницу вездѣ обязательенъ; бывшіе противники Якобія, стались при своихъ взглядахъ и гордятся психіатрической организаціей московскаго земства, но не тою, которая существуетъ въ фантазіи Якобія, которую онъ безуспѣшно嘗тался провести, а другою, соотвѣтствующейъ взглядамъ на дѣло и совпадающей со взглядами всей земско-медицинской организаціи Московской губерніи.

Прихожу теперь къ нѣкоторымъ передержкамъ Якобія, касающимся исключительно меня. На стр. 127—137 онъ глумится *) надъ тѣми французскими психіатрами, которые высказывали мысль о необходимости имѣть специальная больницы для душевно-больныхъ преступниковъ, а также для опасныхъ больныхъ (хотя бы и не совершившихъ преступленія), причемъказывается на меня, будто и я поддерживалъ послѣднее на съездѣ отечественныхъ психіатровъ (1887 г.); на стр. 578 онъ снова повторяетъ же самое, причемъ изъ моего доклада съѣзду цитируетъ одинъ 6-й тезисъ въ такомъ видѣ: «Если же желательно выдѣлить изъ больницы всѣ единые для нея элементы, то было бы рациональнѣе позаботиться устройствомъ особыхъ заведеній не для душевно-больныхъ преступниковъ, но и такихъ больныхъ вообще, которые представляютъ типъ преступнаго

*) Наприм., называетъ ихъ „краснокожими—танцующими танецъ скальпа вокругъ „шевно-больныхъ“ или „остервенѣлыми умственными ничтожествами, обезумѣвшими гъ страха за свои вещи“ и т. п.

человѣка, или по формѣ своей болѣзни представляются крайне опасными и вредно дѣйствующими на другихъ больныхъ и на весь строй болѣзни жизни». Читатель подумаетъ, что въ этой мысли—суть моего доклада между тѣмъ—это единственная во всемъ докладѣ фраза, касающаяся выдѣленія опасныхъ, причемъ самое построеніе этой фразы («если же изъ лательно... то было бы рациональнѣ» и т. д.) показываетъ, что я въ предлагаю этой мѣры, а только хочу оттѣнить нерациональность еїи обѣ устроятствъ особыхъ заведеній для душевно-больныхъ преступниковъ: это вполнѣ ясно для всякаго, читавшаго мой докладъ, такъ какъ посыпній состоять цѣликомъ изъ ряда фактическихъ доказательствъ ненужности выдѣлять такого рода больныхъ въ особыя заведенія. Якобій вводить читателя въ обманъ, пользуясь обычнымъ для него приемомъ передержки: онъ выпускаетъ начало и конецъ моего тезиса, преподнося читателю только его середину и свои къ ней прибавленія; мой тезисъ (6-й) начинается прямо словами: «поэтому нѣтъ основанія устраивать для душевно-больныхъ преступниковъ особыя заведенія». Далѣе, Якобій (стр. 578) пытается доказать, что и не признаю разницы между душевно-больнымъ, совершившимъ преступление, и преступникомъ, заболѣвшимъ впослѣдствіи душевнымъ разстройствомъ; онъ, очевидно, не потрудился сполна прочесть мой докладъ, въ которомъ (см. Третье съѣзда отчет. псих. стр. 204) сдѣлано вполнѣ определенное разграничение между тѣми и другими. Не познакомившись съ приложенной къ докладу таблицей, онъ произвольно дѣлаетъ предположеніе, что небольшой, не поддававшихся больничной дисциплинѣ и вредно влиявшихъ на другихъ больныхъ—и были именно душевно-больные арестанты, а не больные, совершившие преступление въ припадкѣ болѣзни; если бы Якобій былъ бы не немножко внимателенъ къ тому, что читаетъ, то убѣдился бы изъ предписанного мною именного списка, что ни одинъ душевно-больной арестантъ изъ бывшихъ въ тверской психиатрической больницѣ, не нарушаю болѣзниаго строя жизни и не оказывалъ вреднаго влиянія на другихъ больны.

Но всего курьезнѣе то, что Якобій, называющій французскихъ коллегъ защищавшихъ мысль обѣ устроятствъ особыхъ заведеній для душевно-больныхъ преступниковъ и опасныхъ больныхъ, — «остервенѣвшими умственными ничтожествами» (стр. 131),—самъ всецѣло присоединяется къ еїи мысли и предлагаетъ орловскому и другимъ земствамъ возвбудить ходатайство (стр. 635), «которое освободить земскую психиатрическую больницу отъ присутствія въ ней многочисленнаго и въ высшей степени нежелательнаго преступнаго элемента»; «репрессія этого грубаго элемента,—говоритъ Якобій (стр. 638),—въ больницѣ невозможна, и врачи совершенно беззаконъ передъ безнравственнымъ насилиникомъ-преступникомъ» (какъ видѣлъ для Якобія даже душевная болѣзнь арестанта не снимаетъ съ него еще «безнравственного насилиника-преступника»); въ виду такихъ соображеній предлагается помѣщать этихъ больныхъ въ тюремныя больницы, а также въ государственные (вродѣ имѣющихся окружныхъ) для призрѣнія преступныхъ, опасныхъ и иногородніихъ, пришлихъ умалишенныхъ (стр. 42).

-первыхъ, если врачъ безоруженъ, по мнѣнію Якобія, въ отношеніи къ имъ больнымъ въ земской больницѣ, то почему же онъ, т.-е. врачъ, имѣется во всеоружії, когда они будуть находиться въ государственной и тюремной больнице? Или тамъ не должно быть врачей, и лѣченіе этихъ больныхъ должно быть предоставлено тюремщикамъ? Или же врачи-психотры этихъ больницъ должны, вопреки завѣтамъ психіатріи, примѣнять «репрессію»? Во-вторыхъ, почему «иногородніе и пришлые» должны здѣлывать участіе преступныхъ и опасныхъ? Все это вопросы, на которые за ли дасть удовлетворительный отвѣтъ и самъ Якобій, авторъ этого рѣзкаго предложенія. Выходя изъ вполнѣ правильной мысли, что подобного рода больные должны содержаться не на мѣстныхъ, земскія, а на щегосударственныхъ средствахъ, Якобій тѣмъ не менѣе пришелъ къ такому актическому предложенію, которое вызываетъ одно изумленіе.

Цѣлую страницу (491) Якобій посвящаетъ, можно сказать, допросу на и обвиненію въ двухъ преступленіяхъ: 1) почему я, будучи въ Смоленской директоромъ психіатрической больницы, не принималъ никакого участія въ статистическомъ изслѣдованіи душевно-больныхъ, которое было в то время произведено медико-статистическимъ бюро, и 2) не занимаясь ломъ, которое должно было бы меня интересовать, какъ психіатра, въ то же время занимался вопросомъ о подкидышеахъ и сдѣлалъ на эту тему докладъ съѣзду врачей. По этимъ двумъ обвиненіямъ могу отвѣтить въ свою защиту слѣдующее: по 1-му пункту — я думалъ, что статистика душевнобольныхъ, произведенная черезъ волостныхъ писарей и никѣмъ не проверенная, не имѣть никакой цѣны, а потому не стоять на нее и времени атить; о томъ, что имѣть научную цѣнность регистрація душевно-больныхъ, произведенная по карточкамъ, на которыхъ «ставились только допущенные для некультурныхъ людей рубрики» и что составителямъ этихъ рточекъ достаточно «узнать только общее число больныхъ», такъ какъ въ священномъ писаніи сказано: «ищите истину, а остальное дастся вамъ» (т.е. число больныхъ — истина, а чтѣ это за больные, это «дастся вамъ» собственной фантазіей), я узнать слишкомъ поздно, а именно теперь, прочитавъ эти глубокомысленные соображенія по новому статистики душевно-больныхъ въ Орловской губ. въ книжѣ Якобія (стр. 505). По пункту 2-му: чистосердечно признаюсь, что доклада «о подкидышеахъ» никогда не писалъ и не докладывалъ съѣзду врачей *). Эти два обвинительные пункта чрезвычайно характерны для манеры Якобія полемизировать: онъ частую «сочиняетъ» факты, которыхъ въ дѣйствительности не было, или пишетъ въ томъ, за что сдѣлывало бы похвалить.

На стр. 490 Якобій говоритъ, что онъ предложилъ Московскому земству произвести статистическое изслѣдованіе душевно-больныхъ «не для этого, конечно, чтобы этими руководствоваться при разсчетахъ размѣровъ

* Докладъ „О подкидышеахъ“ на съѣздѣ смоленскихъ земскихъ врачей былъ сдѣланъ женщиной-врачомъ Надеждой Федоровной Яковенко.

больницы—это было бы очень наивно»; въ этомъ случаѣ слово «наивно» адресовано ко мнѣ, такъ какъ я произвѣлъ изслѣдованіе числа, положенія въ населеніи, качественного состава и т. п. душевно-больныхъ Московской губерніи, между прочимъ, съ цѣлью выяснить, какое количество больныхъ нуждается въ больничномъ помѣщеніи. Любопытно, что Якобій въ 1891 г. оказался «наивнымъ» въ квадратѣ, о чёмъ онъ, однако, не упоминаетъ въ своей книжѣ: пользуясь данными переписи душевно-больныхъ Московской губ., сдѣланной въ 1885 году крайне неполно, поверхностно и неизвестной непригодной для какихъ бы то ни было цѣлей, Якобій тѣмъ не менѣе писалъ («Проектъ организации земск. попеч. о душевно-больныхъ Московской губ., стр. 15»): «для практическаго вопроса о числѣ умалившихъ, требующихъ призрѣнія, и даже въ значительной степени о главныхъ категоріяхъ больныхъ, цифра эта несомнѣнно даетъ надежную базу» (мой курсивъ).

На стр. 507 онъ категорически рѣшаетъ, что произведенное мною въ Московской губ. статистическое изслѣдованіе не имѣть никакой цѣли и опережая события, рѣшаетъ за меня, будто я отказался отъ обработки полученнаго материала. Между тѣмъ, материалъ мною подробно обработанъ и напечатанъ *) одновременно съ появленіемъ книги Якобія; онъ считаетъ мое изслѣдованіе несостоятельнымъ въ виду того, что, во-первыхъ, оно было произведено не мѣстными врачами, а приглашенными ad hoc психиатрами; во-вторыхъ, что въ программѣ (кстати сказать, чрезвычайно широкой) стоялъ между прочимъ вопросъ, опасенъ ли больной; въ-третьихъ, что получилось душевно-больныхъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ. Если бы оказалось женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, то, несомнѣнно, Якобій нѣсколько смягчилъ бы суровость своего приговора! И подобные прѣкращенія критики онъ, повидимому, считаетъ научными... *Sancta simplicitas!*

На стр. 510—512 Якобій, ссылаясь на отчеты по Покровской психиатрической больнице московского земства и приводя нѣкоторыя цифры относительно разнаго рода столкновеній между больными, попытка на самомъ убийство, числа неопрятностей и т. д., рѣшительно и не обинуясь даетъ выводъ: «факты, почерпнутые только изъ отчетовъ больницы, показываютъ, что она, по своему нравственному складу, несомнѣнно, одна изъ самыхъ дурныхъ земскихъ больницъ». Здѣсь уже не *sancta simplicitas*, а явная *aversa* на больницу и на весь ея врачебный персоналъ; въ самой книжѣ чтобы произносить такие приговоры, не мѣшало бы автору ихъ проѣхать себѣ хотя бы осмотромъ больницы, чего Якобій, конечно, не сдѣкалъ, ограничившись тѣмъ, что вырвалъ изъ отчетовъ нѣсколько цифръ и добавилъ къ этому слѣдующее общее мѣсто: «мы не будемъ сопоставлять эти цифры съ цифрами другихъ земскихъ больницъ, такъ какъ никакое сравненіе, очевидно, невозможно, но мы спросимъ всѣхъ коллегъ, и да же кто у себя что-либо дѣлалъ даже отдаленно подобное?» Большинство земскихъ

*) См. мою книгу «Душевно-больные Московской губ.». Москва, 1901.

испхіатровъ осматривало Покровскую психіатрическую больницу и, конечно, утвѣтило бы Якобію какъ разъ обратное тому, что онъ ожидаетъ, такъ какъ даже предубѣжденному человѣку трудно было бы не сказать, что это одна изъ лучшихъ земскихъ психіатрическихъ больницъ. Въ отчетахъ мнозиихъ психіатрическихъ больницъ совсѣмъ отсутствуетъ рубрика всѣхъ столженій больныхъ, неопрятности и т. п.; въ другихъ—она есть, но, очевидно, не полная, и это вполнѣ понятно: тамъ, где на врача приходится 100—150, а то и больше больныхъ; тамъ, где младшій медицинскій персоналъ недостаточенъ и где больные проводятъ большую часть сутокъ въ сколько-нибудь интеллигентнаго надзора,—оставаясь съ неграмотной и грубої прислугой,—кто же будетъ регистрировать всѣ события въ жизни больныхъ? Откуда врачъ узнаетъ съ точностью, сколько разъ больной ссорился съ другимъ, сколько разъ онъ обнаруживалъ агрессивныя наклонности по отношенію къ другимъ, какъ часто быть неопрятенъ и т. д.? Для точной ю щепетильности регистрации всего этого въ Покровской больнице имѣются всѣ необходимыя условія: на врача приходится 50 больныхъ; кроме фельдшерскаго персонала, имѣются младшіе надзиратели и надзирательницы, которые посмѣнно дежурятъ и днемъ и ночью при больныхъ, не имѣя права въ это время выходить изъ больничныхъ палатъ никуда. Спрашивается, однородны ли величины береть Якобій, желая сравнить регистрацію Покровской больницы съ регистраціей другихъ, бѣдно обставленныхъ больницъ? Несколько ниже я приведу примѣры, какъ въ этомъ отношеніи онъ не стѣсняется сравнивать пуды съ аршинами и дѣлать отсюда глубокомысленные выводы.

На протяженіи всѣхъ 600 страницъ своей книги Якобій нигдѣ не упускаетъ случая, чтобы не похвалить въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ самого себя: онъ изобрѣть новые принципы попеченія о душевно-больныхъ, убѣдилъ московское земство принять ихъ; все, что дѣлается этимъ земствомъ, есть осуществленіе его, Якобія, идеи; въ орловскомъ земствѣ онъ произвелъ реформу психіатрическаго дѣла, ввелъ по-raistainst, open-door-system, (оттѣняя этимъ мысль, будто другіе психіаторы, въ другихъ земствахъ ничего подобнаго не сдѣлали) и теперь тамъ замѣчательная благодать: «превосходныя лѣчебныя помѣщенія, рядъ павильоновъ, колонія, психіатрическая богадѣльня» (впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ, настр. 230, забывъ объ этихъ похвалахъ, онъ проговоривается: «мы беремъ орловскую психіатрическую больницу, какъ самую несчастную, вѣроятно, самую бѣдно обставленную во всей Россіи, безъ водоснабженія, до крайности переполненную, половина больныхъ которой ютится въ старомъ, мрачномъ зданіи, безъ свѣта и воздуха, подъ сводами, безъ вентиляціи, безъ столовыхъ, безъ рекреаціонныхъ»—таковы-то «превосходныя лѣчебныя помѣщенія!»); онъ, Якобій, произвелъ великоголѣпную, научно-цѣпную статистику душевно-больныхъ по «двойной регистраціи», причемъ она не стоила никакихъ денежныхъ затратъ, онъ спорилъ и убѣдилъ своихъ противниковъ—врачей-психіаторовъ принять его взгляды,—теперь они въ статьяхъ, рѣчахъ и т. п. защищаютъ его идеи и т. д., и т. д.

Всё эти самовосхваления можно было бы пройти молчаниемъ, хотя и съ улыбкой относительно наивности автора, который обнаруживаетъ передъ читателемъ такъ откровенно страстную влюбленность въ самого себя, если бы для подобного самовосхваленія Якобій не прибегъгалъ къ методу контрапозиціи: повсюду онъ подчеркиваетъ свои заслуги, свои знанія, свой опытъ—уваніемъ на невѣжество, незнаніе и т. п. своихъ коллегъ-психіатровъ, которые когда-либо и въ чемъ-либо не соглашались съ нимъ. Онъ не церемонится даже съ такой свѣтлой и безупречной личностью, какъ покойный С. С. Корсаковъ, причисляя его къ защитникамъ связыванія больныхъ и не упоминая при этомъ, что онъ, самъ Якобій, въ 1891—92 году связывалъ *) больныхъ въ горячечные рубахи, десятка два-три которыхъ были получены въ наслѣдіе отъ завѣдываемаго имъ пріюта «Утоли моя печаль» Покровской психіатрической больницей и, конечно, немедленно уничтожены мною. Тамбовскихъ психіатровъ Якобій сравниваетъ съ «дженетиками кучерской профессії» (стр. 87); всѣхъ московскихъ — именуетъ «полицѣйскими», считаетъ ихъ врагами душевно-больныхъ, учиняющими «травы душевно-больныхъ» (стр. 118), считающими больныхъ «систематическими грабителями», «ворами», «убийцами», «безпардонной арміей зла», «вредными соромъ» (стр. 129) и угрожаетъ имъ,—т.-е. коллегамъ-психіатрамъ,—обвиненіемъ въ клеветѣ на душевно-больныхъ и привлечениемъ къ уголовной ответственности (стр. 620), причемъ дѣлаетъ ссылку на статью 129 Улож. о наказаніяхъ, перечисляющую обстоятельства, увеличивающія вину и наказаніе!... Онъ не пропускаетъ случая, чтобы не уязвить самолюбіи «московскихъ психіатровъ», противопоставляя ихъ «петербургскимъ», напр. (стр. 492): система, предложенная Якобіемъ, «была принята (когда же это было?) научнымъ и культурнымъ психіатрическимъ Петербургомъ...» «Но» совершенно иное мы видимъ и слышимъ въ Москвѣ; стр. 514: «Психіатрический Петербургъ, въ силу гораздо большей научности, и более культурынъ», или стр. 404: «Но психіатрический Петербургъ, вслѣдствіе своего неизмѣримо большей психіатрической научности и культурыности» и т. д. Вчитываясь въ книгу Якобія, легко убѣдиться, что всѣхъ психіатровъ, которые съ нимъ въ чемъ-либо не соглашались, независимо отъ того, имѣть ли они какое-либо отношение къ Москвѣ или нѣть,—иногда даже несомнѣнно петербургскихъ психіатровъ,—онъ сваливаетъ въ одну рубрику «московскихъ психіатровъ» или «полицѣйскихъ психіатровъ»; всѣ же тѣ, которые съ нимъ не вступали въ споръ, именуются «петербургскими». Основной признакъ «московскихъ»—это то, что они «полицѣйские», а «полицѣйские» они потому, что защищаютъ мысль о необходимости принимать въ больницу не только свѣжезаболѣвшихъ, но и беспокойныхъ, опасныхъ хрониковъ, относительно которыхъ Якобій настаиваетъ на томъ, что заботы

*) См. „Отчетъ о дѣятельности психіатр. пріюта при Александровской общѣ сестеръ милосердія „Утоли моя печаль“ за 1891 г.“, стр. 13, а также стр. 20, где перечислено количество горячечныхъ рубашекъ и сколько изъ нихъ было поражено больными.

ихъ нужно предоставить полиції, адміністрації или же времени, т.-е. іміранню въ деревенськихъ усlovіяхъ жизни. «Полицейские психіатри» при-
аютъ, что нѣкоторые больные бывають опасны и совершаютъ преступле-
я; это тоже не нравится Якобію; наконецъ, нѣкоторые (очень немногіе)
имають, что корпусные постройки для психіатрическихъ больницъ выгоднѣе,
чѣмъ постройки павільонного типа; этотъ признають, въ обобщенной формѣ,
кже свойственъ «московскимъ»—«полицейскимъ» психіатрамъ; Якобій рѣ-
шительно убѣжденъ, что «казарменная» или «корпусная» больница непре-
зинно должна быть связана съ тюремнымъ, а не лѣчебнымъ режимомъ, и
тоборотъ: павільонная система вполнѣ гарантируетъ противъ тюремнаго
жима. Такъ какъ московское общество психіатровъ и невропатологовъ,
еномъ котораго состоять между прочимъ и Якобій, является, конечно,
итромъ «московской» или «полицейской» психіатріи, то Якобій не забы-
еть и о немъ (стр. 315): «Къ психіатрическимъ обществамъ и, конечно,
московскому, нерѣдко обращаются земства за указаніями по организації
ихіатрическаго дѣла, и получаютъ, къ сожалѣнію, указанія, иногда мало
гласныхъ съ общими принципами психіатрическаго дѣла». Здѣсь можно
тати замѣтить, что проектъ психіатрической больницы, предложенный
Якобіемъ орловскому земству, былъ послѣднимъ препровожденъ на заклю-
ніе московского общества психіатровъ, повидимому, вопреки желанію его
ена, Якобія, такъ какъ онъ не явился защищать свой проектъ, во мнo-
хъ отношеніяхъ не выдерживавшій критики.

Ограничиваюсь приведенными примѣрами обращенія Якобія съ лицами (да
че съ коллегами!) и учрежденіями; называть собственнымъ именемъ такого
да манеру писать о себѣ и о другихъ нѣть надобности, — дѣло здѣсь
вершенно ясное для всякаго читателя... Теперь я позволю себѣ привести
и нѣсколько примѣровъ обращенія Якобія съ мертвыми цифрами, которыхъ
мъ не менѣе умѣютъ протестовать, когда ихъ безбожно насилиуютъ.

1. Якобій увѣряетъ, что повсюду душевно-больныхъ женщинъ больше,
чѣмъ мужчинъ; ту статистику, которая даетъ обратныя отношенія, онъ
иataетъ невѣрной; тѣ страны, где въ больницахъ мужчинъ больше, чѣмъ
женщинъ, онъ относитъ къ числу некультурныхъ или же утверждаетъ, что
нихъ психіатрическое дѣло поставлено скверно. Съ обычной хвастли-
стю на стр. 495 онъ пишетъ: «Московская психіатрія установила 60%
м. и 40% жен. для московской земской психіатрической больницы, но
шущій (т.-е. Якобій) былъ настолько счастливъ, что убѣдилъ губернское
браніе отвергнуть это некультурное дѣленіе» (убѣдилъ, и однако больша
выстроена какъ разъ въ обратномъ отношеніи половъ!). Чтобы до-
зять свой тезисъ, Якобій прибѣгаєтъ къ слѣдующимъ пріемамъ. Въ Пру-
и больницы хороши, населеніе несомнѣнно культурное, а оказывается,
о въ прусскихъ больницахъ 51,42% муж. и 48,58% жен., но онъ не
уращается: онъ совершенно произвольно отбрасываетъ всѣхъ прогрессив-
ныхъ паралитиковъ, лѣчившихся въ этихъ больницахъ, и торжествуетъ,
къ какъ при этой комбинаціи получается 49,77% муж. и 50,23% женщ.

(стр. 175). Въ Россіи наиболѣе культурная область—Прибалтийскій край; Якобію необходимо показать, что здѣсь душевно-больныхъ женщинъ болѣше, чѣмъ мужчинъ; для этого онъ береть (стр. 174) составъ больныхъ на 1 января 1883 года въ рижской больницѣ, а именно—72 муж. и 75 женщ., и отсюда умозаключаетъ: 48,98% муж. и 51,02% женщ. Но стоитъ читателю взять отчетъ о рижской больнице (*«Bericht über die Irrenanstalt Rothenberg bei Riga, 1862—1887, стр. 16, 28»*) и онъ увидить, что за 25 лѣтъ существованія этой больницы только одинъ разъ, а именно за 1 января 1883 г., случайно женщинъ было на 3 человѣка больше, чѣмъ мужчинъ; за всѣ 25 лѣтъ сумма мужскихъ поступленій равнялась 877 чл. (56,1%), а женскихъ—686 (43,9%); число выбывшихъ за эти 25 лѣтъ 736 муж. (56,3%) и 572 жен. (43,7%). Спрашивается, позволительно ли было Якобію изъ 25 лѣтъ взять одинъ случайный годъ и дѣлать выводъ на основаніи такихъ ничтожныхъ величинъ, какъ 72 и 75? Очевидно, что данные рижской больницы рѣшительно говорятъ противъ тезиса Якобія, между тѣмъ онъ ухитрился насыловать ихъ въ обратномъ смыслѣ.

2. По Якобію, больницы, гдѣ женщинъ меныше, чѣмъ мужчинъ, обязательно плохи, а въ такихъ больницахъ долженъ быть непремѣнно и малъ % выздоровленій. Доказывается это слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Въ Англіи (стр. 140) больницы хороши, тамъ женщинъ болѣше, чѣмъ мужчинъ, и % выздоровленій былъ въ 1882 г.—39,72%, въ 1893 г.—39,41%; при этомъ онъ не говорить, какъ вычисленъ этотъ %. Даѣте, въ Бреславль (стр. 294) мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ; значитъ, непремѣнно % выздоровленій низкій, это Якобію легко сдѣлать: здѣсь онъ вычисляетъ % выздоровленій по отношенію къ всему числу *пользовавшихъ* и получаетъ 9,72%. То же самое онъ продѣлываетъ и по отношенію къ психіатрической клиникѣ въ Буда-Пештѣ (стр. 295); оказывается, что въ 1896 г. здѣсь выздоровѣло всего 7,25%, и вотъ Якобій дѣлаетъ такой выводъ: «теперь въ университетской клиникѣ % выздоровленій только въ два съ половиною раза ниже % выздоровленій во всѣхъ англійскихъ больницахъ взятыхъ вмѣстѣ». Такъ какъ раньше онъ указалъ для англійскихъ больницъ 39% выздоровленій, то вѣрно было бы ему сказать, что въ Буда-Пештѣ въ 5 разъ менѣе % выздоровленій, но вотъ въ чѣмъ быдъ % выздоровленій въ Англіи взять по отношенію къ числу *поступившихъ*, а въ Бреславль и въ Буда-Пештѣ—къ числу *пользовавшихъ*? Вѣдь сравнивать аршины съ пудами не допускается, а потому неудобно говорить, что 15 аршинъ въ три раза больше, чѣмъ 5 пудовъ. Въ 1893 г. въ англійскихъ больницахъ (см. *«Forty-Eighth Raport»*, стр. 22—23) за исключеніемъ идиотовъ было пользовано 85,676 больныхъ, а принято въ этомъ году новыхъ больныхъ—17,823, всего выздоровѣло—6,853 (стр. 24—25 англійск. отчета); итакъ, выздоровѣвшіе по отношенію къ *поступившимъ* даютъ 38,45%, а по отношенію ко всѣмъ *пользовавшимъ* всего 7,99%. Слѣдовательно, въ Буда-Пештѣ выздоровѣло 7,25%, въ англійскихъ больницахъ—7,99%, въ Бреславль—9,72%. Если бы Якобій не скрыть этомъ

ь читателя, то оказалось бы, что эта часть его аргументациі въ пользу ^{его} тезиса высосана имъ изъ собственного пальца!

3. Желая доказать, что по мѣрѣ улучшенія больницъ % женскихъ здравленій повышается быстрѣе, чѣмъ мужскихъ, Якобій береть между чимъ для примѣра статистику Шепац (стр. 322) и говорить: съ 1842 по 1848 годъ выздоровѣло (по отношенію къ поступившимъ) 33,26%, муж. 25,74%, женщ., съ 1849 по 1855 годъ—36,68% муж. и 39,30% женщ., и требовалось ему доказать. Но если взять отчетъ по Шепац (*«Шепац, schichte, Bau, Inneres Leben»*, 1865), то оказывается: съ 1842 по 1848 г. выздоровѣло (по отношенію къ поступившимъ)—34,0% муж. и 25,7% женщ., 1849 по 1855 г.—36,8% муж. и 39,4% женщ., съ 1856 по 1864 г.—1% муж. и 40,6% женщин. Итакъ, доводъ Якобія является убѣдительный только до тѣхъ поръ, пока мы довольствуемся цифрами, которыи онъ желалъ сообщить читателю; если же мы возьмемъ и то, что онъ скрылъ читателя, то получится совсѣмъ обратное. Для доказательства этого иска Якобій совершенно искусственно подбираетъ изъ тысячи больницъныхъ странъ всего 2—3 десятка, причемъ иногда очень неудачно, напримеръ, колонію Gabersee (стр. 325); не указывая абсолютныхъ величинъ, только %, онъ говоритъ, что здѣсь мужчины даютъ 34,2% выздоровлій, а женщины 65,98%. У меня подъ руками имѣются отчеты Gabersee 1884—1887 годы; оказывается, что за всѣ эти четыре года въ Gabersee было использовано всего-на-всего 113 муж. и 96 женщ., изъ нихъ выздоровѣло—6 муж. и 12 женщ.; и изъ такихъ ничтожныхъ цифръ Якобій ухитряется выводить % и дѣлать обобщенія! Въ бельгийскихъ больницахъ % исключительно выздоровленій ниже, чѣмъ мужскихъ; хотя эта страна и культурная, но у Якобія имѣется (стр. 332) шаблонное объясненіе: въ Бельгии больницы плохо поставлены въ нравственномъ отношеніи, тамъ вижутъ больныхъ, и т. п., вслѣдствіе этого % женскихъ выздоровленій и низокъ!

Какъ же въ такомъ случаѣ объяснить себѣ тотъ фактъ, что въ больницахъ (*«Утоли моя печали»*), которою дирижировалъ Якобій, получались, его словамъ, блестящіе результаты (до 80% выздоровл.), между тѣмъ вѣдь несомнѣнно, что тамъ тоже примѣнялось связываніе больныхъ?

4. На стр. 257 Якобій приводить статистику больницы St. Jürgen: за 1 года поступило 247 больныхъ, а всего было пользуемо—429, выздоровѣло за эти два года—76 больныхъ, и говорить, что здѣсь *изъличимы* 80% выздоровленій. Если сдѣлать вычислениія (чего Якобій не дѣлаетъ) изъ приведенныхъ данныхъ, то получится: по отношенію къ поступившимъ выздоровѣло 31,1%, по отношенію ко всѣмъ пользованнымъ—7%. Зачѣмъ оказалось ему нужнымъ поражать читателя 80%? Вѣдь для этого неѣть надобности брать иностранныхъ больницъ: въ любой русской больнице, соотнеся всѣхъ выздоровѣвшихъ *только къ изъличимымъ* формъ (а не ко всѣмъ пользованнымъ или поступившимъ), легко можно получить 80, и можетъ быть и болѣе %. Возьмемъ слѣдующую схему, характеризующую скорѣе богадѣльню, чѣмъ больницу: поступило 10 чел., со-

стояло 1,000 чел., изъ нихъ было съ излѣчимыми формами всего 5 чл. выздоровѣло—5 чл. Что можно сдѣлать по методу Якобія изъ такой статистики? А вотъ что: если ему нужно обругать подобную больницу, то взять %, выздоровленій по отношенію къ числу пользовавшихъ, получится—0,49% выздоровленій; Якобій пропечатаетъ это курсивомъ, може вить три-четыре восклицательныхъ знака и сравнить эту больницу съ больницами самыхъ дикихъ странъ. Если почему-либо онъ захочетъ показать ее, онъ возьметъ %, выздоровленій по отношенію къ числу поступившихъ, окажется, что онъ равенъ 50%, т.-е. больше чѣмъ въ английскихъ больницахъ. Наконецъ, если ему нужно дать восторженный отзывъ, онъ возьметъ %, выздоровленій къ числу только излѣчимыхъ и получитъ 100% выздоровленій! Такого рода восторженный отзывъ онъ бываетъ относительно приюта «Утоли моя печали», директоромъ которого былъ самъ (стр. 140—141): «Маленькая больничка московского земства при общинѣ «Утоли моя печали» въ 1891—92 гг. дала приблизительно такой же высокий %, выздоровленій, какъ и St. Jürgen» (т.-е. до 80%, говорить онъ). Чтобы уразумѣть, какъ достигъ Якобій такого высокаго %, выздоровленій, нужно заглянуть въ другое его произведение («Проектъ организаціи земскаго попеченія» и т. д., часть II, стр. XXXI), где онъ опирается съ данными, сообщенными въ отчетѣ по приюту за 1892 г. помошникомъ, д-ромъ Толоконниковымъ. Послѣдній даетъ слѣдующія цифры: состояло 49 чл., поступило 34, всего пользовано 83, выздоровѣло 19, излѣчимыми формами было 41, остальные 42 съ неизлѣчимыми. Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только слѣдующій выводъ: выздоровѣло по отношенію ко всѣмъ пользовавшимъ 22,9%, къ поступившимъ 55,8%, къ чѣмъ излѣчимымъ 46,3%. Но Якобій поступаетъ не такъ, онъ пишетъ доказательное слѣдующее: «острыя формы дали выздоровленій, уже выписанныхъ, 56,5% выздоровленій полученныхъ, какъ выписанныхъ, такъ и еще и не выписанныхъ 66,5%, всѣхъ выздоровленій, какъ уже полученныхъ, такъ вѣроятныхъ около 80%». Это поразительный образчикъ чрезвычайной какой фантазіи Якобія, очевидно, не признающей требованій не только статистики, но даже простого здраваго смысла.

5. Якобія крайне возмущаютъ тѣ психиатры, которые доказываютъ, что опасныхъ больныхъ слѣдуетъ помѣщать въ больницы, такъ какъ они могутъ совершить преступление. Чтобы, такъ сказать, привереть къ стѣнѣ помѣщенныхъ коллегъ, ему необходимо доказать, что преступность среди душевнобольныхъ значительно ниже, чѣмъ среди психически здороваго населения съ этой целью онъ беретъ для примѣра Бельгію (примѣръ неудаченъ такъ какъ въ Бельгіи всѣхъ опасныхъ помѣщаются въ больницы обязательнѣе, что сильно раздражаетъ Якобія,—слѣдов. въ Бельгіи приняты рѣшительныя мѣры предупрежденія преступлений со стороны душевнобольныхъ, оказывается (стр. 616—620), что тамъ преступность душевнобольныхъ составляетъ всего 0,07% общей преступности населения, а количество больныхъ 0,7% всего населения; отсюда совершенно вѣрно онъ утверждаетъ

зеть, что душевно-больные въ 10 разъ менѣе преступны, чѣмъ здоровы. Но это вѣдь въ Бельгії; надо доказать, что иѣчто аналогичное и у ась въ Россіи. Якобій береть данные о преступности по Орловской и Воронежской губ. и доказываетъ, что въ Воронежской губ. душевно-больные участвуютъ въ общей преступности всего населенія въ размѣрѣ ,36% и сейчасъ же торопится сдѣлать выводъ: «% преступности душевно-больныхъ... во сто разъ меньше годового колебанія преступности мѣстности». Онъ чувствуетъ, что кое-что важное онъ скрыть отъ читателя и ассириуетъ это слѣдующимъ образомъ: что въ Воронежской губ. % преступности душевно-больныхъ (1,36) значительно больше, чѣмъ въ Бельгії 0,07%), это по Якобію «объясняется, конечно, не большою преступностью хъ въ нашемъ отечествѣ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что общая масса совершенныхъ населеніемъ проступковъ ускользаетъ отъ статистического облюденія». Но вѣдь въ такой же мѣрѣ ускользаетъ отъ статистического облюденія и преступность душевно-больныхъ,—слѣдовательно это разсужденіе не выясняетъ дѣла. Для выясненія, очевидно, необходимо было бы Якобію употребить тотъ же приемъ, которымъ совершенно правильно онъользовался для Бельгії, т.-е. сопоставить % участія душевно-больныхъ въ преступности всего населенія съ %, который составляютъ душевно-больные въ самомъ населеніи. Если предположить по аналогіи съ Московской губерніей, что на 1,000 населенія приходится около 2,5 больныхъ, то выйдетъ, что больные составляютъ 0,25% населенія, а въ общій преступности на ихъ долю падаетъ 1,36%,—но это уже иѣчто совершенно иное, чѣмъ въ Бельгії, такъ какъ оказывается, что въ Воронежской губ. душевно-больные по преступности превышаютъ здоровое населеніе почти въ 5%, разъ; если число всѣхъ душевно-больныхъ Воронежской губ. отнести не ко всему населенію, а только къ тѣмъ возрастнымъ рушамъ, которыя взяты Якобіемъ для Бельгії, то и въ такомъ случаѣ же окажется, что больные Воронежской губерніи въ 2 раза болѣе склонны къ преступленіямъ, чѣмъ здоровое населеніе. Теперь понятно, почему Якобій не довелъ до конца умозаключенія, вытекающаго изъ представленныхъ имъ данныхъ: это было бы доказательствомъ положенія, какъ разъ обратнаго тому, какое онъ пытается доказать. Понятно также становится, почему Воронежская губернія представляетъ полную противоположность Бельгії: въ послѣдней *обязательно* помѣщаются въ больницы всѣ опасные больные, слѣдовательно преступленія съ ихъ стороны своевременно предупреждаются,—въ Воронежской же губерніи помѣщеніе такого рода больныхъ въ психіатрическую больницу есть дѣло случайности.

Все вышеизведенное чрезвычайно ясно характеризуетъ статистические приемы Якобія и ихъ эластичность.

6. На стр. 303 онъ демонстрируетъ то возрастаніе, то паденіе % пользоанныхъ мужчинъ и въ обратномъ отношеніи женщинъ—въ связи съ исторіей орловской психіатрической больницы съ 1893 года, когда онъ поступилъ туда на службу; въ 1893 г. реформа психіатрическаго отдѣле-

нія и %, мужчинъ падаетъ, а женщинъ—повышается; въ 1894 г. реакція («надъ психіатрической больницей разразилась земская буря... на голову директора было вылитъ однімъ изъ гласныхъ ушать нечистотъ») и въ послѣдующій за этимъ годъ число мужчинъ съ 63,75% возросло до 72,33%; въ 1895 г.—улучшеніе дѣла, снова %, мужчинъ падаетъ, а % женщинъ повышается и т. д. «Не будь этихъ двухъ отступлений,—говорить Якобій,—мы, вѣроятно, имѣли бы уже не болѣе 55% мужчинъ, т.-е. приблизились бы къ хорошей западно-европейской постановкѣ дѣла». Удивительна все это просто, ясно и до комизма наивно: вылитъ ушать грязи на голову директора—и % мужчинъ повысился; погладили директора по головѣ—%, мужчинъ упалъ и т. д., черезъ годъ картины менятся.

Я ограничиваюсь приведенными примѣрами; ихъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о научныхъ достоинствахъ книги Якобія. Ни въ одной серьезной книжѣ мнѣ не приходилось встречать со стороны автора выраженія страха, чтобы его не заподозрили въ подтасовкѣ, въ передержкаль. У Якобія же,—очевидно, не безъ основанія,—обнаруживается подобный страхъ; такъ на стр. 191 онъ говоритъ: «Но да не скажутъ, что я подтасовываю факты въ защиту своего тезиса и прохожу молчаниемъ данными, говорящія противъ меня»; на стр. 327 онъ снова боится, чтобы «не быть заподозрѣннымъ въ подтасовкѣ фактовъ». Да, основаній для такого подозрѣнія имѣется въ книжѣ Якобія болѣе, чѣмъ достаточно.

Указывая на нищенскую обстановку орловской психіатрической больницы (стр. 477), онъ говоритъ: «Директоръ даже не видитъ смѣта и не имѣть никакого участія въ управлѣніи больницею, и въ этомъ отношеніи имѣть положеніе, единственное не только въ Российской Имперіи, но и на всемъ земномъ шарѣ». Это единственная грустная нотка въ книжѣ Якобія, но и въ этомъ случаѣ онъ ободряетъ себя тѣмъ, что его положеніе въ своемъ родѣ особенное даже на всемъ земномъ шарѣ!

Можно къ этому добавить, чтобы утѣшить Якобія, что и книга еї (*Основы администр. психіатріи*)—единственная не только въ Российской Имперіи, но и на всемъ земномъ шарѣ по своимъ полемическимъ и якобы научнымъ пріемамъ.

Все сказанное мною по поводу сочиненія Якобія ни въ коемъ случаѣ не имѣть цѣлью полемики съ нимъ; своими пріемами онъ поставилъ себѣ въ полемики; я имѣть въ виду исключительно одну цѣль: предупредить читателей, чтѣ такое представляеть изъ себя книга этого автора.

Д-ръ Вл. Яковенко.

1900 годъ 21 ноября.

С о с т о р о н ы *).

(Письма изъ деревни).

Г.

Мнѣ пишутъ изъ Петербурга и Москвы, что тамъ увлекаются попрежнему нищешествомъ, ибсенизмомъ и марксизмомъ, который разбился на ожество толковъ, довольно-таки безтолковыхъ. Стадами бродятъ «одиночка», толпою шумятъ «сверхчеловѣкъ» въ общественныхъ собранияхъ и особенности въ театрахъ... Во всемъ этомъ не мало «накипи» и ко мнѣмъ «нищешантамъ» относятся горькія слова Ницше: «Ich hasse das Lumpengesindel, das kein Handwerk haben will und den Geist nur als eine Feindschreckerei gelten lsst». Но, разумѣется, — мнѣ пришлось уже упомянутьъ это, — надо попристальнѣе взглядываться въ каждое новое теченіе, обы не пропустить въ немъ чего-либо нового и значительного, по сю и по ту сторону добра.

Русская Мысль относилась къ марксизму или экономическому (онъ, діалектическій) материализму съ большимъ вниманіемъ и, смѣло скажу, полнымъ беспристрастіемъ. Я постараюсь держаться такой же точки Ѳнія.

Само по себѣ раздробленіе на группы представителей единой первоначально идеи или теоріи не обознаетъ ея ложности или паденія. Наоборотъ, то иногда свидѣтельствуетъ объ ея достоинствахъ и жизнеспособности. юроспѣшная догма осуждаетъ пытливую мысль на неподвижность, всего жѣ пригодную въ научныхъ построеніяхъ. Но, какъ я замѣтилъ уже, въ нашемъ марксизмѣ замѣчается теперь не только эволюція, но и разродъ.

Въ ноябрьской книжкѣ *Мира Божія*, въ статьѣ, написанной по поводу тридцатилѣтія со дня рожденія Лассала, одинъ изъ виднѣйшихъ (если е самыи талантливый) изъ нашихъ марксистовъ, г. Струве, звалъ *назадъ къ Лассалю*. Это значитъ, по мнѣнію автора, въ извѣстномъ смыслѣ возвращеніе къ Гегелю «и еще дальше и больше къ Фихте». Отчего же не пойти

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

книга XIII, 1900 г.

и назадъ, если отъ этого скорѣе двинешься впередъ? Но г. Струве идетъ еще дальше и больше, и при этомъ одновременно. Съ мѣсяцемъ тому назадъ вышла книга г. Бердяева: *Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философии, критический этюдъ о Н. К. Михайловскомъ*. Ещѣ написана рѣзкимъ тономъ и говорить о ней я не буду; но ей предложено обширное предисловіе г. Струве, который также рѣзко полемизируетъ съ г. Михайловскимъ, не соглашаясь въ нѣкоторыхъ вопросахъ и съ г. Бердяевымъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ часть полемической, я же отмѣтить новое превращеніе міропониманія г. Струве. Тутъ, дѣйствительно, очень далеко и много отъ теоріи экономического (или діалектического) матеріализма, которую весьма недавно съ живѣйшою самоувѣренностью защищалъ авторъ.

Происходитъ отчаянные поиски за общими философскими основами на которыхъ можно было бы укрѣпить собственно экономическую часть теоріи. Теперь мы отступаемъ уже къ Банту.

Г. Струве привѣтствуетъ названную книгу за то, что въ ней «прилагается направление, появление которого въ Россіи относится къ девяносты годамъ, составляя самый крупный фактъ въ умственно-общественной жизни этого десятилѣтія, совершенно открыто и решительно движется въ ротъ къ философскому идеализму и вступаетъ, такимъ образомъ, союзъ съ духовными силами, которые до сихъ поръ лишь по историческому недоразумѣнію считались ему враждебными». Марксъ и Энгельсы были въ философскомъ отношеніи настоящими матеріалистами, и при этомъ высказывали свои философскіе взгляды «въ самой наивной формѣ». Г. Струве высоко ставитъ спиритуалистическую традицію въ метафизикѣ, признавъ ее ошибочной въ теоріи познанія.

Идемъ далѣе. «Истина и идеаль,—говорить г. Струве,—не занимаетъ своего достоинства отъ классовой точки зрѣнія, а сообщаютъ ей это състоинство». Личная интеллектуальная совѣсть и личная этическая совѣсть «сами даютъ себѣ законы, онѣ—безусловно автономны».

Да, мы далеко ушли назадъ. Продолжаемъ слѣдовать за авторомъ въ его попятномъ движеніи. «Свобода,—читаемъ мы на стр. XXXII,—это способность производить дѣйствія, не опредѣляясь къ томуничѣмъ постороннимъ, чуждымъ, другимъ, независимость отъ непрерывной причины скази, а такой способностью обладаетъ лишь субстанція». Такимъ образомъ личность, такъ недавно признававшаяся ничтожною величиною (*gratit e n gligeable*), теперь возводится въ метафизическую сущность. Но—«передъ, впередъ, моя история!»

«Субстанція міра есть духъ,—возвѣщаетъ г. Струве,—и міровой духъ есть субстанція». Г. Струве есть смѣлый авторъ предисловія къ книге г. Бердяева, и авторъ этого предисловія есть смѣлый г. Струве...

Изъ приведенного ясно, какой быстрый и крутой поворотъ совершилъ г. Струве. Теперь его союзниками окажутся недавніе враги, и наоборотъ. Нѣть, по моему мнѣнію, никакой возможности изъ той метафизиче-

остановки, которая прията г. Струве, сдѣлать нравственно - обязательными широкія общественные послѣдствія, о которыхъ такъ горячо говорилось въ прежнихъ сочиненіяхъ г. Струве. И удары, которые съ этой позиціи пытаются онъ наносить положительной научной мысли, не нанесутъ ей никакого ущерба. По этому вопросу, вѣроятно, подымется полемика, и я возвращусь къ нему впослѣдствіи.

V.

Теперь нѣсколько словъ о г. Горькомъ (конечно, не о выходкѣ его въ художественно-общедоступномъ театрѣ). Вотъ какъ характеризуетъ этого писателя *Гражданинъ*: «Я полагаю, — пишетъ въ этой газете г. Сѣрый, — о успѣхѣ Горькаго и даже самое проявленіе его безспорно оригинального таланта—зnamеніе нашего смутнаго времени; я полагаю, что бояться лѣко потому задѣять нашу душу, что она—русская и что переживаетъ а душа своего рода кризисъ. Появясь Горький 20 лѣтъ раньше, или зже, его бы не замѣтили. Онъ какъ съ неба свалился именно въ ту оху, когда русская душа возжаждала обновленія, реакціи, когда она глухо протестовала противъ сокрушающаго ее материализма, когда кругомъ вышли стѣны изъ золота, жѣлѣза, стали, и стѣны эти съ каждымъ днемъ съуживаются горизонтъ полей и лѣсовъ. Русская душа, выросшая просторѣ, свыкшись съ безпределной далью, давшей ей и силу и сласть (силу—въ вѣрѣ, слабость—въ мечтательности и мистицизмѣ)—вотъ и скоро десятилѣтіе сдавливается новымъ укладомъ жизни: и духовной, материальной. Нужно ли повторять то существенное, что составляетъ отъ нового уклада? Газеты и журналы поймы указаниеми на его черты: социзмъ, материализмъ, капитализмъ. И вотъ, когда, сжатые въ тискахъ ихъ трехъ стимуловъ грядущаго вѣка, мы съ тоской глядимъ въ будущее и съ грустью вспоминаемъ о прошломъ, явился изъ народа, изъ самыхъ цонковъ его, художникъ и, сдернувъ занавѣсь, скрывавшій отъ насъ и подонки, показалъ живую, трепещущую душу въ гниющей, грязью, роками и язвами покрытой оболочкѣ. Положимъ, мы увидѣли эту душу далека! Положимъ, мы не вложили въ раны ея пальца, а повѣрили автору на слово! Допустимъ даже, что все это красивый, искусный обманъ—о, вѣдь, боязнь между нашими знакомыми нѣть и никто не провѣргъ, справедливо ли они описаны Горькимъ! Но обманъ, порой, такъ сласть и такъ необходимъ! Вся жизнь вѣдь — обманъ, сцена, гдѣ дѣйствія бываютъ дѣйствіями, комедіи трагедіями» *).

Вотъ въ какое настроение привели г. Сѣраго сочиненія г. Горькаго. Убѣдка,—говорить онъ,—повѣрила въ этихъ героеvъ, потому что ей хотѣлось повѣрить! Она увѣнчала лаврами смѣльчака, угадавшаго ея (публики) ея, ея страхъ, ея скучу! Жива еще душа въ русскомъ человѣкѣ! Живъ

*) „Маленькие мысли“ (*Гражданинъ*, № 87).

курилка! Ура! Да здравствует русская душа, да здравствует ея счастливый авторъ!»...

Интересно, такъ ли горячо одобрить *Гражданинъ* тѣ идеи «автора русской души», который онъ развиваетъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Я не имѣю возможности правильно слѣдить за ними, такъ какъ появляются они не въ столичныхъ изданіяхъ, а въ одной изъ лучшихъ пачкѣ губерніальныхъ газетъ, въ *Нижегородскомъ Листкѣ*, рѣдко попадающейся въ руки. Но статья, напечатанная въ № 313 *Нижегородской Листкѣ*, привела меня въ нѣкоторое изумленіе.

На этотъ разъ г. Горький въ своихъ *Литературныхъ замѣткахъ* разбираетъ «стихи Б. Бальмонта и В. Брюссова».

Г. Горький упрекаетъ критиковъ первого изъ этихъ поэтовъ за несправедливое отношение къ нему, за глумление надъ нимъ. «Нужно,—глубоко мысленно замѣчаетъ г. Горький,—уважать человѣка, даже когда онъ злой (*за что же?*), даже когда онъ преступникъ, убийца,—его судить, привлекая во вниманіе и хорошее его». Произнеся эти кроткія слова, г. Горький сейчасъ же обругался: сотни рецензентовъ болѣе способны ругаться, чѣмъ думать, говорить онъ.

Посмотримъ, какъ думаетъ г. Горький. Въ лицѣ г. Бальмонта, во мнѣніи, «мы имѣемъ дѣло съ поэтомъ, съ нѣкимъ «я», которое, изъ пауки, неустанно ткетъ изъ духа своего безконечную нить разнышилъ и, самъ себя уловляя въ сѣть противорѣчій своихъ, всенародно казнитъ и мучаетъ душу свою, съ жадностью отыскивая въ ней незыблѣмую подопорку, съ коей міръ можно было бы оправдать весь, какъ гармоничное цѣлое, какъ симфонію гениального музыканта».

Замысловато и темновато. Это какой-то мухо-паукъ.

Въ основу поэзіи г. Бальмонта легла будто бы идея Шопенгауера: есть мое представление (у г. Горькаго, по обмолвкѣ, сказано противомо: «ное: приведя одно изъ стихотвореній г. Бальмонта, онъ замѣчаетъ, что мысль этого стихотворенія, «видимо, сразу вылившагося на бумагу изъ души поэта, легла въ основу философской системы Шопенгауера—міръ есть мое представление»).

Отправляясь будто бы отъ этой мысли, г. Бальмонтъ говоритъ:

„Міръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить“.

Но вѣдь міръ есть мое представление, какъ же его оправдать? Г. Горький упустилъ при этомъ изъ виду, что для Шопенгауера міръ есть *ональное* представление.

Теперь приведу образчики эстетического вкуса г. Горькаго,—просто вѣду, памятую, что о вкусахъ не спорять.

Стихотвореніе г. Бальмонта:

О, тихій Амстердамъ
Съ пѣвучимъ перевономъ

Старинныхъ колоколентъ!
 Зачѣмъ я здѣсь—не тамъ,
 Зачѣмъ уйти не воленъ!
 О, тихій Амстердамъ,
 Къ твоимъ церковнымъ звонамъ
 Къ твоимъ, какъ бы усталымъ
 Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
 Загрезившимъ каналамъ
 Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
 Съ закатомъ запоздалымъ
 И часковымъ, и алымъ,
 Горящимъ здѣсь и тамъ—
 По этимъ соннымъ водамъ,
 По сумрачнымъ мостамъ,
 По окнамъ и по сводамъ,
 Гдѣ, преданный мечтамъ
 Домовъ и колоколенъ,
 Какой-то призракъ боленъ,
 Упрекъ сдергать не воленъ,
 Тоскуетъ съ долгими стоножъ
 И вечнымъ перезономъ
 Поеть и здѣсь, и тамъ...
 О, тихій Амстердамъ,
 О, тихій Амстердамъ!

Коментарій къ этому протягаго критика, проповѣдующаго, что надо увать и злодѣя: «хорошо это—какъ молитва ребенка, мудрый лепетъ чи-ої души (!), недоступный пониманію литературныхъ будочниковъ, кои, ѿбы охраняя завѣты истинной поэзіи, традиціи Пушкина и прочія хо-шія вещи, опошленныя ихъ приосновенiemъ,—плюютъ во всѣ стороны кучей желчью своей бездарности»...

Стихотвореніе г. Брюссова:

Пожертвуйте, благодѣтели,
 На новый колоколь!
 Гласъ Господень,
 Звонъ колокольный
 Съ привывомъ ангельскимъ—
 Дивно сходенъ.
 Святые отшельники
 Въ видѣньяхъ слышали
 Ликъ небесный,
 Святые отшельники
 Все вѣрно запомнили
 И привывы и пѣсни.
 Нашъ звонъ православный
 На пѣвомъ ангельскимъ
 Поеть и трубить.
 Пожертвуйте, православные,
 На новый колоколь,
 Что милость будстъ,
 Васъ Богъ не забудеть!

Коментарій г. Горькаго: «Красота этого стихотворенія становится особенно понятна, если прочитать его нараспѣль, именно таъ, какъ просить пожертвованіе сборщика на колокола».

Какой притязательный вздоръ!

VI.

Въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала была напечатана небольшая статья г. Тотоміанца, объ итальянскомъ городскомъ управлении. Въ неї приводились новые данные о движениіи, извѣстномъ каждому образованному человѣку: города стремятся пріобрѣсти въ свои руки многія общественно-полезныя предприятия. *Московскія Вѣдомости*, по застарѣлой скверной привычкѣ, сейчасъ же выступили съ обвиненiemъ *Русской Мысли* въ соціализмѣ. Замѣтимъ нашему несимпатичному противнику, что ему следовало бы продолжить свое уголовное обвиненіе: въ соціализмѣ въ такомъ случаѣ повинна, напримѣръ, петербургская городская дума, только что получившія съ торговъ столичный телефонъ, московская дума, постановившая выкупить конно-желѣзныя дороги, — да что тутъ говорить: повинно правительство, допускающее такой соціализмъ. Некрасиво, г. Грингмутъ, очень некрасиво и едва ли умно.

Бегались.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНИЕ.

повору исполненія государственной росписи за 1899 г. — Чѣмъ объясняются изъ-
ки дѣйствительныхъ поступлений надъ сметными? — Какое значеніе имѣть сущ-
ествующій способъ исчисленія доходовъ для удовлетворенія многихъ коренныхъ потреб-
ностей нашего населенія (образованія, поднятія земледѣлія?). — Важность народнаго
азованія на поднятіе производительныхъ силъ населенія. — Характеристика вну-
трен资料 рынка по „Обзору внешней торговли Россіи за 1898 г.“. — Вздорожаніе ка-
наго угля и казенныхъ желѣзныхъ дороги. — Отчетъ Государственного банка за
9 г. — Кому помогалъ банкъ во время денежного кризиса прошлаго года? — Нѣ-
сколько замѣчаній по поводу сметы московской городской управы. — Реформа уѣз-
дной полиціи. — О духовно - учебныхъ заведеніяхъ. — Предсѣдательские инциденты. —
Ісѣйскіе гонители гласности. — Дѣло священника Постнова. — Столкновеніе вологод-
го купечества съ губернаторомъ. — Нижегородскіе ревинтели „благонадежности“. —
Лѣтняя фантасмагорія. — † А. К. Шеллеръ-Михайловъ. — Юбилей О. К. Нотовича и
Генрика Сенкевича.

По исполненію государственной росписи за 1899 годъ мы опять видимъ
крупное превышеніе доходовъ (обыкновенныхъ) надъ сметными пред-
ложеніями. Такъ въ смету было занесено обыкновенныхъ доходовъ 1,469
мл. руб., а поступило 1,673 милли. руб., т.-е. на 204 милли. руб. болѣе
тѣхъ ожиданія, или на 14%, а противъ дѣйствительного поступленія
обыкновенныхъ доходовъ за 1898 годъ болѣе на 90 милли. руб., или на 6%.
Превышеніе поступлений отчасти объясняется, но только отчасти, уве-
личеніемъ обложения вслѣдствіе введенія въ 1899 году промысловаго на-
ла, давшаго избытокъ въ 7 милли. рублей. Затѣмъ очень крупное повы-
шеніе мы имѣемъ въ сферѣ таможенныхъ доходовъ, именно на цѣльныхъ
6 милли. р. болѣе противъ росписи. Затѣмъ штейнаго дохода поступило
0 милли. руб., болѣе противъ росписи на 39½ милли. руб., а противъ
предыдущаго года на 20½ милли. руб. Выкупные платежи дали большее про-
чь сметы почти на 18 милли. р., доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ до-
ходъ достигъ 347,5 милли. руб., т.-е. болѣе противъ росписи на 35,7 м. р.
Карный доходъ достигъ 67½ милли. руб., т.-е. болѣе противъ росписи
9½ милли. руб. и сравнительно съ поступлениемъ въ 1898 году на 9 м. р.
Полное увеличеніе дохода мы находимъ и по лѣсному вѣдомству, именно
1 милли. руб., т.-е. болѣе противъ росписи на 5,85 милли. руб., а срав-
нительно съ поступлениемъ на предшествовавшій годъ — на 6½ милли. руб.

За последнее время мы видимъ, что исполненіе росписи правильне совершается съ большимъ превышеніемъ поступленій дохода сравнительно съ предположенными въ смѣтѣ. Такъ, въ 1896 году это превышеніе составило 129 милл. р. или $10\frac{1}{2}\%$ смѣтнаго исчислѣнія, въ 1897 году—98 мил. р. или $7\frac{1}{2}\%$, въ 1898 году—220 милл. р. или 16% , и, наконецъ, за 1899 годъ—204 милл. руб. или 14% . Такимъ образомъ мы имеемъ дѣло съ хроническими избытками по исполненію росписи. Сравненіе смѣтныхъ назначений съ цифрами дѣйствительныхъ поступленій за предшествующіе годы показываетъ, что при составленіи росписи предлагаемое поступление доходовъ ставится въ слишкомъ пониженному размѣрѣ, что и ведетъ къ тому, что исполненіе росписи сопровождается такими большими избытками. Правда, такое пониженнное исчислѣніе доходовъ, обезпечивая увеличеніе свободной наличности государственного казначейства, даетъ возможностъ въ случаѣ нужды, не прибегая къ заемамъ, удовлетворять изъкоторые чрезвычайные расходы, какъ это имѣло мѣсто у насъ теперь, во время пѣти ской экспедиціи, но съ другой стороны это ведетъ къ отказанію въ спрѣдливомъ удовлетвореніи многихъ неотложныхъ потребностей: степень ихъ удовлетворенія той или другой потребности соразмѣряется съ предлагаемой суммой поступленія государственныхъ доходовъ, а такъ какъ эта сумма искусственно исчисляется въ пониженному размѣрѣ, то вполнѣ законные требования изъкоторыхъ министерствъ не получаются должнаго удовлетворенія. Этимъ объясняется въ значительной степени, что потребности въ развитіи народного образованія, поднятія земледѣлія, какъ мы увидимъ далѣе и т. д., остаются у насъ далеко не удовлетворенными, поэтому крайне желательно, чтобы наши смѣты составлялись съ возможной близостью по дѣйствительнымъ поступленіямъ, на что, по слухамъ, и обращено уже дерманіе Государственного Совѣта и Государственного Контроля.

Итакъ, наши бюджеты кончаются правильными ежегодными избытками по статьѣ дохода, сравнительно съ доходами по смѣтѣ. При разсмотрѣніи государственнымъ совѣтомъ росписи, мы встрѣчаемъ нерѣдко указание о слишкомъ приниженнномъ исчислѣніе доходовъ. Такъ, въ 1898 году при сужденіи смѣты на 1899 годъ государственный совѣтъ находилъ пропущенное исчислѣніе доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ «болѣе чѣмъ осторожнымъ»: такъ, онъ указывалъ, что по этой статьѣ въ 1895 году именно, отъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, поступило болѣе чѣмъ исчислено по смѣтѣ на 18,3 милл. руб., въ 1896—такое превышеніе дѣйствительныхъ поступленій выразилось въ суммѣ 27 милл. руб., а въ 97 году превышеніе уже было въ 31 милл. рублей. Въ 1899 годъ было назначено поступленій отъ пошлинъ съ товаровъ, прозимыхъ по европейской границѣ, въ суммѣ 170 милл. руб., но государственный совѣтъ настаивалъ на повышеніи до 175 милл. руб., а намѣреніе изъ членовъ даже до 190—195 милл. руб. («Отчетъ по дѣламъ вѣдомству государственного совѣта за сессію 1898—99 годъ», стр. 522).

Го же самое относительно разсмотрѣнія смѣтныхъ исчислений по эксплуатации казенныхъ желѣзныхъ дорогъ департаментъ государственного совѣта сматривалъ «болѣе, чѣмъ утвержденное» по некоторымъ линіямъ исчисление доходныхъ поступлений. При этомъ онъ ссылался и на данные отчета государственного контроля и данные, публикуемыя министерствомъ путей сообщенія, которые не даютъ повода для такихъ пониженныхъ исчислений дохода, и категорически заявлялъ, что «ни въ экономической жизни государства, ни въ какихъ-либо другихъ условіяхъ не усматривается основаній жидать прекращенія этого постепенного роста желѣзнодорожныхъ доходовъ въ 1899 году». То же самое при разсмотрѣніи смѣтного исчислениія дохода, съ сахара, который былъ опредѣленъ по смѣтѣ въ 56 милл. руб. Государственный совѣтъ настаивалъ на увеличеніи его на 1 милл. 750 т. рублей (стр. 526) и, какъ мы видимъ, обложение сахара за 1899 г. дало также большую сумму, именно 67,5 милл. руб. Департаментъ государственного совѣта настаивалъ на поднятіи смѣты отъ обложений освѣтительныхъ нефтяныхъ маселъ съ 22,7 милл. руб. до 24 милл. руб. и по исполненіи расходы на 99 годъ, какъ оказывается, эта статья дала 26,184 тыс. рублей. Исчислениѣ дохода отъ сбора съ пассажировъ и груза большой скорости также государственный совѣтъ находилъ составленнымъ «болѣе, чѣмъ осторожно»: доходъ былъ предположенъ въ размѣрѣ 10 милл. руб. Департаментъ призналъ болѣе правильнымъ опредѣлить размѣръ ихъ въ 10,5 м. р., а въ действительности эта статья дала за 99 годъ 12,8 милл. руб. По поступлениіямъ отъ выкупныхъ платежей было назначено 75 милл. рублей; государственный совѣтъ находилъ, что «эту смѣту исчислениѣ нельзя не признать пониженней дальше тѣхъ предѣловъ, которые указываются необходимой осмотрительностью въ дѣлѣ исчислениѧ государственныхъ доходовъ» и опредѣлялъ его въ 77 милл. руб., а въ действительности по этой статьѣ поступило за 1899 г. 95 милл. 496 тыс. руб., т.-е. болѣе сравнительно со смѣтой на 17,8 милл. руб. Правда, министерство финансовъ въ смѣту занесло первоначально 80 слишкомъ милл. рублей, но государственный контроль возражалъ и предложилъ занести только 75 милл. руб., съ чѣмъ министерство финансовъ и согласилось», государственный же совѣтъ поднялъ до 77 милл. руб.

При обсужденіи смѣты на 1898 годъ государственный совѣтъ точно также многія ставки повысилъ. Такъ, по отдѣлу таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, эти поступлениія были определены въ 95 милл. руб. золотомъ. Департаментъ государственного совѣта поднялъ ихъ до 100 милл. руб. Такая же увеличенія доходныхъ поступлений мы видимъ и по отдѣлу акциза со спирта, съ табаку и т. д. (см. отчетъ за сессію 1897—98 гг., стр. 421 и далѣе). При разсмотрѣніи смѣты на 97 годъ поступлениія отъ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, исчислены были въ 135 милл. 750 т. р.

«По поводу сего,—читаемъ мы въ отчетѣ госуд. совѣта,—департаментъ

замѣтилъ, что хотя таможенный доходъ и подвергался въ теченіе послѣдніхъ десяти лѣтъ колебаніямъ, тѣмъ не менѣе доходъ этотъ за все это время отличался постепеннымъ усиленіемъ поступлений. Таможенный доходъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, составлявшій за трехлѣтіе 1890—1892 гг. лишь 73,7 милл. металл. руб., дать въ 1893—1895 гг. уже 96 милл. р. въ годъ. Поступленія 1896 г. также указывали на ростъ дохода.

«Въ виду сего казалось возможнымъ подчинить исчисление таможенного дохода въ 1897 г. общимъ условіямъ опредѣленія всѣхъ возрастающихъ доходныхъ поступлений, т.-е. опредѣлить его по дѣйствительному поступленію послѣдняго отчетнаго года съ добавленіемъ къ оному той суммы, на которую доходъ этотъ долженъ, въ силу экономическихъ и другихъ условій, возрасти въ теченіе смѣтнаго года» (см. «Отчетъ государственного совѣта за 1897—98 гг.», стр. 306—307) и департаментъ нашелъ возможнымъ исчислить поступление таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, въ 141 милл. руб. Такимъ образомъ изъ этой небольшой справки представлений смѣть въ государственный совѣтъ мы видимъ, что блестящіе результаты по исполненію росписи, характеризующіеся огромнымъ превышеніемъ дѣйствительныхъ поступлений надъ смѣтными исчислѣніями, въ значительной степени объясняются «болѣе, чѣмъ осторожными», по выражению государственного совѣта, исчислѣніями сметныхъ назначеній. Выводъ ясенъ: слѣдовало бы ввести болѣе твердныя правила исчислѣнія сметныхъ доходовъ.

Порядокъ составленія государственной росписи, который мы только что описали, ведеть къ тому, какъ мы замѣтили, что многія существенные потребности остаются неудовлетворенными. Такъ, на начальный учрежденіе въ 1898 году изъ государственного казначейства у насъ было отпущене 8.665,274 руб., что по отношенію къ общей суммѣ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, исчисленныхъ на тотъ же годъ въ размѣрѣ 1.350,085,213 руб.—составляетъ 0,7% («Статистическая свѣдѣнія по начальному образованію въ Российской имперіи», вып. 2, данные 1898 года Петербургъ, 1900 г., стр. 34). Такимъ образомъ на такую коренную потребность русскаго населенія въ сферѣ образованія мы не тратимъ даже одного процента всего нашего бюджета. Расходъ казны на народное образованіе составляетъ всего 6,7 коп. на одну душу населенія! Если такъ ничтожно удовлетворяются цѣли народнаго образованія, то не больше вниманія удѣляется и интересамъ сельскаго хозяйства. Такъ, на сельскохозяйственное образованіе по всей Россіи на 1900 годъ было назначено 1.157,422 руб., на музеи и опытныя станціи, учебно-практическія хозяйства—362,615 руб., на развитіе поощренія отдѣльныхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности—120,500 руб., на развитіе кустарной промышленности—100,000 руб., на осушку болотъ—356,221 руб., на торфодобываніе—15 тыс. руб., на орошеніе и обводненіе—525,000 руб..

борьбу съ филоксерой и съ другими вредными насѣкомыми и животны-
—241 тыс. р. и на содержаніе специалистовъ на мѣстахъ 195,949 руб.
и. «Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія за 6-й годъ его су-
ществованія», стр. 299—300). Если бъ опредѣлялись у насъ смѣтные
ходы болѣе близко къ дѣйствительнымъ поступленіямъ, чѣмъ это имѣть-
сто теперь, то эти коренные потребности Россіи обслуживались бы не
къ скучно!

Такимъ образомъ эфектъ, производимый громадными переборами посту-
пеній сравнительно со смѣтными предположеніями, оказываетъ очень вред-
ное вліяніе на анализъ существующаго экономического положенія Россіи.

Мы только что упоминали о томъ, какъ мало средствъ удѣляется у насъ
сударственнымъ казначействомъ на дѣло народнаго образованія, между
тѣмъ малое развитіе начального образованія въ сильной степени тормозитъ
днятие техники сельскаго хозяйства. Такъ, въ одной брошюре подъ на-
заніемъ «Сводъ сообщеній добровольныхъ корреспондентовъ о перемѣнахъ
въ техникѣ крестьянскаго хозяйства Владимирской губерніи», г. Баскина
(зд. владимирской губернскай земской управы 1898 года), одинъ изъ кор-
респондентовъ говоритъ, что только послѣ введенія въ нашей губерніи
язательного обучения можно будетъ говорить о крупныхъ улучшеніяхъ
въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а сейчасъ это не дасть ни малѣйшаго ре-
зультата. Другой корреспондентъ отмѣчаетъ, что крестьяне «до того еще
убы и невѣжественны, что всякое новое начинаніе имъ почти невозможно
толковать». Одинъ священникъ полагаетъ, что въ настоящее время «по
образованности и косности крестьянской среды никакія улучшенія въ
крестьянское хозяйство ввести нельзѧ» (стр. 30—31). Въ любопытномъ
изданіи воронежскаго губернскаго земства «Материалы по народному обра-
зованию въ Воронежской губерніи», состав. И. Вороновымъ подъ редакціей
съ предисловіемъ г. Щербины (Воронежъ, 1899 г.), находится масса лю-
бопытныхъ данныхъ относительно значенія грамоты для сельскаго населе-
нія. Такъ, крестьяне, читаемъ мы здѣсь, говорять, очевидно, основываясь на
шутѣ, «грамота—дѣло большое, грамотному дороже платить на заводѣ, да
и мѣсто скорѣе получить, чѣмъ неграмотный». «И заработалъ бы на сто-
ронѣ,—говорить другой крестьянинъ,—да слѣпой куда покажешься, грамот-
ый—тотъ всѣ пути-дороги, всѣ ходы-выходы сыщетъ, нигдѣ не заблудить, а
амъ, небось, приходилось тоже—не однова блудили». Нерѣдко въ деревнѣ
ожно слышать—говорится въ этой книжѣ—разсужденія вродѣ слѣдующихъ:
по нынѣшнимъ временамъ безъ грамоты трудно обойтись...», «грамотному
на базарѣ сподручнѣй, и на военной службѣ легче...», «теперь безъ гра-
моты трудно живется...», «грамотному все виднѣе...», «грамотному на службѣ
легче и ежели по торговлѣ — способнѣй. Неграмотнаго обмануть легче». Неграмотнаго легче обмануть, а грамотный не такъ-то поддастся». «Это—
читаемъ мы въ упомянутой книжѣ,—въ глазахъ крестьянъ очень сильный,
очти неопровергній доводъ въ пользу грамотности. Грамота, по ихъ мнѣ-

нию, какъ бы даетъ въ руки нѣкоторое оружіе, при помощи котораго имъ отстаивать свои интересы». Развивая эту мысль, ради уясненія значенія грамотности въ экономической борьбѣ, одинъ изъ крестьянъ провелъ таку параллель: «На войнѣ военныхъ съ воинами сводятъ, а поставъ на штурмъ скаго, съ него сейчасъ башку долой. Вотъ такъ-то и грамотный съ вѣдомъ грамотнымъ».

Въ усложняющейся экономической жизни очень важно знаніе юриспруденции, нормъ, регулирующихъ жизнь. Это знаніе создаетъ большую уверенность въ сферѣ осуществленія экономическихъ цѣлей, а, следовательно, можетъ оказать сильное влияніе и на развитіе продуктивности труда, а между тѣмъ грамотному гораздо легче познакомиться съ законами и поступать по нимъ, «а ты сдѣлаешь что-нибудь такое,—говорить одни изъ крестьянъ,—оказывается, не по закону, а какой такой законъ—не вѣдаю, а времена теперь новыя—люди стали все грамотные, да хитрые, зловъ продашь, а какія бумажки получиши, ни за что не разберешь», и восклицаетъ другой: «какъ безъ грамоты? Теперь подать—плачутъ, а не знаютъ записали въ книжку или нѣтъ; случалось отдадутъ книжку, говорятъ: писали, а потомъ снова требуютъ». Подобнымъ сѣтованіемъ, говоритъ г. Вороновъ, нѣтъ конца; выходитъ, что безграмотность и невыгодна, неудобна, и небезопасна (17—18). Такимъ образомъ въ томъ экономическихъ переворотѣ, который мы переживаемъ теперь, грамотность, даже просвѣщеніе, играетъ существенную роль: она можетъ послужить стимуломъ къ выходу къ высшимъ формамъ хозяйства. «Неурожай, материальное оскудѣніе—пишетъ въ своемъ предисловіи г. Щербина,—безконечно длившійся земледѣльческій кризисъ—все это указываетъ на шаткое, неустойчивое положеніе земледѣльческаго хозяйства. Такъ жить экономически, какъ живутъ сихъ поръ деревня, немыслимо, нужны высшія формы хозяйства, необходимо знаніе, требуется предпріимчивость, инициатива, сознательное отрешеніе къ дѣйствительности; безъ такихъ качествъ хозяина, немыслимо всегда будуть хирѣть хозяйство. Но мыслимо ли все это безъ грамоты? безъ знаний, облагораживающихъ личность и служащихъ для нея лучшими орудіемъ въ экономической борьбѣ? Такимъ образомъ и съ точки зрения поднятія продуктивности труда, перехода къ высшимъ формамъ производства необходимо поднятіе грамоты среди населенія.

Бакую бы книгу вы ни взяли теперь, въ любой отрасли производства, въ области сельского хозяйства или промышленности, вездѣ подчеркивается образовательный элементъ. Такъ, для примѣра, передъ нами «Сборникъ ежѣдѣнний по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ», выш. 2, Тифлисъ 1899. Въ концѣ книги въ резюме мы читаемъ: «поднятію развитія садоводства въ этомъ районѣ Эриванской губерніи могли бы помочь сдѣлывающіе первыхъ, учрежденіе достаточного персонала странствующихъ землемѣръ-практиковъ, для ознакомленія населенія путемъ бесѣдъ и демонстрацій, изложенія съ основами рационального садоводства, во-вторыхъ, означеніе

селенія путемъ демонстрированія... въ-третьихъ, устройство лѣтнихъ курсъ плодоводства въ важнѣйшихъ плодоводственныхъ районахъ Эриванской губерніи» (стр. 165).

Между тѣмъ если наше сельское населеніе не подниметъ продуктивности своего труда, не перейдетъ къ высшимъ формамъ хозяйства, то оно по-жизненному будетъ предъявлять тотъ же слабый спросъ на продукты промышленности, какой она предъявляетъ теперь. Такъ, въ «Обзорѣ бакинской фтяной промышленности за 1897 годъ» (Баку, 1898 г., изд. совѣта съѣзда фтепромышленниковъ) мы находимъ любопытныя цифры о потреблении росина въ Россіи. Въ 1890 году внутреннее потребление керосина определялось на душу въ 8,97 фунта, въ 91 г.—10,14 ф., въ 92 г.—9,92 ф., въ 1 г.—11,73 ф., въ 94 г.—9,86 ф., въ 95 г.—10,07 ф., въ 96 г.—11,14 ф., а въ 97 г.—12,45 ф. (стр. 188). Такимъ образомъ только за слѣдній 1897 годъ мы видимъ нѣкоторое поднятіе въ потреблении керосина въ Россіи, до этого же времени потребление керосина крайне колеблется. Въ 1895 г., напримѣръ, оно равнялось 10,09 ф. на душу, т.-е. меньше потребления 1891 года (10,14 ф.) и много меньше размѣра потребления 1893 года (11,73) и т. д. Естественно, что пока населеніе будетъ оставаться при старыхъ хозяйственныхъ формахъ, оно не въ состояніи будетъ развить въ достаточной степени производительность своихъ силъ и слѣдовательно покупая способность его останется на очень низкомъ уровнѣ...

Совершенно справедливо пишетъ *Русск. Эконом. Обозрѣніе*: «Опытъ сѣхъ цивилизованныхъ странъ воочию доказалъ огромное значеніе пропаганды не только въ смыслѣ общекультурномъ, но и экономическомъ, безъ сомнѣнія, у насъ также съ каждымъ годомъ сильнѣе чувствуется, что культура и промышленное оживленіе страны до тѣхъ поръ будутъ иметь характеръ искусственно выращенного цвѣтка, до тѣхъ поръ будутъ въ состояніи пустить прочные корни и стать надежною поддержкой государственного хозяйства, пока не сдѣлаются въ истинномъ смыслѣ этого слова дѣломъ народнымъ. Единственный же путь къ этой цѣли, путь, ведущій къ усиленной производительности народного труда, а слѣдовательно къ поднятію благосостоянія и увеличенію потребительной способности внутреннихъ рынковъ—представляетъ поднятіе умственного уровня народныхъ массъ» (см. внутреннее обозрѣніе въ *Русск. Экон. Обозр.*, октябрь 1900 г.).

На много грустныхъ мыслей наводить недавно вышедший «обзоръ вѣнчайшей торговли Россіи по европейской и азіатской границѣ за 1898 годъ». Такъ, вывозъ хлѣбовъ играетъ главную роль въ нашей вывозной торговлѣ и между ними доминирующее положеніе занимаетъ пшеница, которая въ 1898 году составляла 26%, всего вывоза по цѣнности, притомъ количество отправленной за границу пшеницы за 1898 годъ достигло 59%, всего чистаго сбора, полученнаго въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи и Кав-

каза. Такого процента вывозъ шпеницы за послѣднее десятилѣтіе еще не достигалъ; онъ только въ 1889 году нѣсколько приближался—56%, чистаго сбора. Такимъ образомъ мы вывезли за послѣдній годъ почти *три пятыхъ* всего нашего чистаго сбора. Затѣмъ въ вывозъ нефтяныхъ продуктовъ главную роль играетъ керосинъ, и здѣсь мы вывозимъ огромное количество сравнительно съ тѣмъ, что остается для внутренняго потребленія: такъ, за 1898 годъ было произведено керосина и прочихъ освѣтительныхъ маселъ на Аштеронскомъ полуостровѣ 96,1 мили. пудовъ, а вывезено за тотъ же годъ 54,6 мили. пудовъ, т.-е. 56%, всего производства керосина. Въ общемъ можно сказать, вывозъ керосина за послѣднее десятилѣтіе колеблется около этого процента: такъ въ 91 году было вывезено 57%, всего производства въ 92 г.—59%, въ 94 г.—64%, а въ 97 г.—55%, и это въ то время такой огромный вывозъ керосина имѣть мѣсто, когда, какъ мы только что недавно читали въ прессѣ, въ докладѣ, представленномъ г. Альбогорѣвымъ 14-му съѣзду нефтепромышленниковъ, потребленіе керосина у насъ среди населения очень слабо. Изслѣдованія комиссіи, назначеннай съѣздомъ нефтепромышленниковъ, констатировали, что потребленіе керосина чуть ли не отстаетъ отъ прироста населения и вообще можно сказать, что въ среднемъ керосина у насъ приходится около 10 ф. на душу населения, что нельзя не признать крайне ничтожной цифрой, и, несмотря на такое слабое удовлетвореніе внутренней потребности въ керосинѣ, мы вывозимъ опять-таки около *трехъ пятыхъ* всего количества добываемаго нами керосина и освѣтительныхъ маселъ!

Если мы сравнимъ потребленіе сахара въ Россіи — 91, ф. на душу населения — съ потребленіемъ въ Соединенныхъ Штатахъ — 70 ф., то нельзя не признать его крайне ограниченнымъ, между тѣмъ мы доволъ много вывозимъ его за границу. Такъ, за пятилѣтіе съ 1887—92 годъ внутреннее потребленіе составляло 22,2 мили. пудовъ, а за пятилѣтіе съ 1892—97 годъ — 27,8 мили. пудовъ, т.-е. потребленіе увеличилось на 5,6 мили. пуд., т.-е. приблизительно на 25%, между тѣмъ вывозъ, который въ первое пятилѣтіе составлялъ 4,6 мили. пуд., во второе поднялся до 6,9 мили. пуд., т.-е. увеличился на 38%. Такимъ образомъ и здѣсь, несмотря на то, что внутренний рынокъ далеко не насыщенъ продуктомъ, такъ какъ потребленіе у насъ слабѣе въ 7 разъ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣмъ не менѣе мы развиваемъ нашъ вывозъ. Мы вывозимъ избытки, а то, въ чѣмъ мы нуждаемся для внутренняго нашего потребленія.

За послѣднее время мы видимъ огромный ростъ яичнаго экспорта: еще въ 1875 г. было вывезено яицъ не болѣе 3 мили. шт. на сумму въ 374 тыс. руб., а въ 1888 году было вывезено уже 685 мили. шт. на 12 мили. руб., въ 1898 году—1,831 мили. шт. на 31 мили. руб. и теперь яичный экспортъ занимаетъ очень видное мѣсто въ нашемъ экспортѣ. Такъ, въ 1898 году шпеницы было вывезено на 194 мили. руб., ячменя—на 58 мили., вина—

а 51, лѣса строительного—на 49, ржи—на 48, яиць—на 31, сѣмени ѣнняного—на 19, овса—на 18, керосина съ прочими освѣтительными аслями—на 18, сахару на 15 милл. руб. Такимъ образомъ яичный экспортъ занимаетъ у насъ *шестое мѣсто* и опять-таки совершается не на есть избытокъ.

Вспомните недавнее ходатайство о введеніи вывозной пошлины на вывозъ чугуна за границу, а вѣдь потребность внутренняго рынка въ чугунѣ легко не покрыта, и опять мы видимъ стремленіе къ развитію экспорта все не на счетъ избытковъ, а на счетъ тѣхъ запасовъ, которые необходимы для покрытия потребностей самого населенія.

Конечно, мы очень далеки отъ желанія рекомендовать ввести какія-либо бѣры, которая бы затормозили нашу вывозную торговлю, мы только хотимъ отмѣтить фактъ, характерный на нашъ взглядъ, который имѣть зове объясненіе въ крайне пониженнй покупательной способности нашего аселенія.

Но обратимся къ результатамъ исполненія сметы на 1899 годъ.

Поступленія таможенного дохода за 1899 годъ хотя и превысили сметы предположенія на 22,6 милл. рублей, но противъ предыдущаго года ни дали всего только на 500 тыс. рублей болѣе. Такое незначительное овышеніе сравнительно съ предыдущимъ годомъ объясняется денежными атрудненіями, имѣвшими мѣсто на рынке въ отчетный годъ. Увеличеніе єнного дохода легко объясняется поднятіемъ спроса на лѣсные материалы акъ внутри страны, такъ и за границу. Крайне же характернымъ является величеніе поступленій отъ обложенія сахара, что, несомнѣнно, и свидѣтельствуетъ о промышленномъ развитіи Россіи, о развитіи городской жизни, акъ какъ сахарный налогъ по преимуществу является городскимъ налогомъ, увеличеніе же поступленій отъ выкупныхъ платежей штейнаго дохода объясняется обильнымъ урожаемъ хлѣбовъ и травъ въ отчетномъ году. Брушиную роль въ русскомъ бюджетѣ играетъ доходъ (валовой) отъ казеныхъ желѣзныхъ дорогъ, но послѣдняя событие—поднятіе цѣни на топливо, каменный уголь и нефть — дѣлаютъ очень сомнительнымъ полученіе отъ этого источника соотвѣтствующихъ чистыхъ прибылей. Между тѣмъ фискаль и расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, очень заинтересованъ въ правильной и выгодной эксплуатации этой желѣзнодорожной сѣти. Такъ, въ 1899 г. ѿна на каменный уголь поднялась чуть ли не вдвое, но и при этой цѣнѣ можно было приобрѣсти не безъ затрудненій. Для снабженія въ достаточномъ количествѣ русского рынка углемъ въ настоящее время приписывается много мѣръ, какъ-то: лучшее оборудованіе путями сообщенія донецкаго бассейна, что, несомнѣнно, можетъ повлиять на усиленную добычу тута въ упомянутомъ районѣ; но можно предполагать, какъ мы уже упоминали въ предшествующемъ обозрѣніи, что настоящій кризисъ является въ значительной степени слѣдствиемъ стачки углепромышленниковъ, которые предпочитаютъ получать громадные вѣрные барши, добывая неболь-

шое, недостаточное для нужды страны количество угля, и не хотят развивать производство, такъ какъ при расширении его не будетъ увѣренности въ получении высокихъ барышей. Правда, желѣзные дороги на время поганія цѣнъ воспользовались правомъ безпошлинного ввоза каменнаго угля изъ-за границы, но эта мѣра является временной, не устраниющей вопроса. Между тѣмъ теперь государство является крупнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ, становится очень заинтересованнымъ непосредственно въ цѣнѣ на топливо и въ качествѣ крупного предпринимателя имѣть единообразное право выѣщаться въ процессѣ образованія цѣнъ на каменный уголь. Уже мы не говоримъ о томъ, что государство, заинтересованное въ развитіи нашей промышленности, не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ рѣзкой повышательной тенденціи на каменный уголь, вызванной быть можетъ, стачкой небольшой группы горнопромышленниковъ: видѣ эти ставить на карту самое существованіе русской промышленности, созданной такими жертвами со стороны фиска и населения. Но видѣсь къ этому дѣлѣ слѣднему мотиву теперь присоединяется и непосредственная заинтересованность государства, какъ крупного желѣзнодорожника, въ пониженіи цѣнъ на каменный уголь, и правительству слѣдовало бы такъ или иначе выѣщаться со своей регулирующей ролью въ это дѣло. Самой, можетъ быть, дѣйствительной мѣрой въ этомъ дѣлѣ было бы приобрѣтеніе казной земель салежами каменнаго угля и разработка ихъ за счетъ самой казны, такъ какъ такимъ путемъ, удовлетворяя каменнымъ углемъ собственного производства потребности желѣзныхъ дорогъ, казна могла бы регулировать цѣны поставщиковъ и въ то же время получила бы цѣнный матеріалъ для усиленія себѣ дѣйствительной стоимости каменнаго угля. Между тѣмъ управление желѣзныхъ дорогъ довольствуется обыкновенно заключеніемъ контрактовъ на поставку каменнаго угля, прельщаясь нерѣдко сравнительной выѣнностью предлагаемыхъ ему условій, но дѣло въ томъ, что эти поставщики, разъ только цѣны на продукты повышаются, обычно начинаютъ хлопотать о нарушеніи контрактовъ или о повышеніи цѣнъ сравнительно цѣнами, указанными въ контрактѣ, и нерѣдко достигаютъ цѣли. Обычно часты случаи такого рода поведенія поставщиковъ относительно контрактовъ по оборудованію желѣзныхъ дорогъ рельсами, паровозами, котлами, дровами и т. д.

Поэтому видѣсь желательно было бы, чтобы правительство болѣе действительными способами выѣщалось въ регулированіе цѣнъ на каменный уголь. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднее время фискальная заинтересованность правительства въ тѣхъ или другихъ предприятияхъ вынуждаетъ правительство предпринимать болѣе решительныя мѣры въ цѣляхъ регулированія цѣнъ: такъ, 2—3 года тому назадъ былъ составленъ въ Австро-проектъ объ урегулированіи соглашеній (синдикатовъ) въ производствеъ продуктовъ которыхъ подвергаются босвеному обложению со стороны государства. Дѣйствительно, въ производствахъ, отъ которыхъ государ-

лучаетъ доходить въ формѣ акциза, всякое образовавшееся соглашеніе,ущее къ повышению цѣнъ на продукты этого рода, является конкуренціе государства въ использованіи покупательной силы потребителей, и следо-гдѣльно, чѣмъ сильнѣе такого рода соглашеніе будетъ использовать по-збителя въ свою интересъ, тѣмъ менѣе получитъ государство, такъ при поднятіи цѣнъ, вызванныхъ синдикатомъ, потребленіе можетъ сильной степени сократиться, и фискъ можетъ понести серьезныя по-ги отъ недопоступленій ко всевозможныхъ налогахъ. Этимъ и былъ мотивиро-гъ проектъ вмѣшательства австрійскаго правительства только въ соглашенія предпринимателей, имѣющія мѣсто въ сферѣ производства продуктовъ, обло-гныхъ акцизами. По этому послѣднему проекту предполагалось требовать въсѣхъ участниковъ соглашенія извѣщенія правительства о количествѣ именахъ участвующихъ лицъ съ указаніемъ предмета соглашенія, затѣмъ синдикатъ долженъ быть извѣщать правительство о всѣхъ своихъ поста-гленіяхъ, касающихся опредѣленія размѣра или цѣны производства и д.; за неисполненіе этихъ предписаний участники этого синдиката под-грались крупному штрафу, для чего всякий синдикатъ при своемъ образо-гніи долженъ быть вносить залогъ, и даже тюремному заключенію. Кроме то-создавалась этимъ проектомъ особая комиссія, которая при чрезвычайномъ днѣтии цѣнъ на продукты, обложенные акцизомъ, поднятіи, вызванномъ имъ синдикатомъ, могла требовать отъ послѣдняго предъявленія ей тор-говыхъ книгъ, изъ которыхъ она могла бы составить себѣ представление стоимости производства того или другого продукта. И на основаніи ихъ изслѣдованій правительство могло требовать пониженія цѣнъ на продукты; въ противномъ случаѣ синдикатъ подлежалъ закрытию. Обструк-ція, имѣвшая мѣсто въ то время въ австрійскомъ рейхсратѣ, не дала воз-можности провести этотъ проектъ, и онъ такъ и остался неосуществленнымъ, характерно то, что проектъ этотъ вызвалъ быть интересами фиска. Тѣ же мѣные фискальные интересы говорятъ и теперь въ пользу регулированія цѣнъ на каменный уголь.

По сообщенію *Торгово-Промышленной Газеты* казенные бельгійскія каменныя дороги уже предполагаютъ пріобрѣсти 4—5 копей для добычи менного угля за собственный счетъ въ цѣляхъ снабженія себя углемъ, некоторые англійскіе муниципалитеты ассигновали крупныя суммы на приобрѣтеніе собственныхъ копей. Недавно *Commercial Intelligence* сооб-гать, что Манчестеръ ассигновалъ рѣгулярную сумму 500,000 ўн. стер., т.-е. около 5 милл. руб

Недавно вышедший отчетъ государственного банка за 1899 годъ даетъ чень интересный материалъ для характеристики нашей экономической по-литики. Какъ известно, прошлый 1899 годъ характеризовался недостаткомъ денежныхъ средствъ на рынкѣ, и государственный банкъ усиленно книга III, 1900 г.

развивалъ свои операций по учету векселей, по ссудамъ подъ залогъ центныхъ бумагъ, по ссудамъ подъ товары и т. д. Такъ, въ то время какъ ссудъ выданныхъ подъ товары оставалось на 1 января 1899 года почти на 21 милл. руб., на 1 января 1900 года они возросли до 25¹ милл.. Ученыхъ векселей (мѣстнаго учета) въ портфель государственаго банка на 1 января 1899 года было на 107 милл. руб., а на 1 января 1900 оставалось почти на 152 милл. руб. Ссудъ промышленнымъ предпріятіямъ на 1 января 1899 года числилось на 8.666,000 руб., а на 1 января 1900 г. на 22¹/₂ милл. р. Такимъ образомъ мы видимъ огромное развитіе операций по ссудамъ промышленнымъ предпріятіямъ и вообще торговько-промышленному классу.

Если же мы посмотримъ на операций по ссудамъ ремесленникамъ и кустарямъ, то мы увидимъ, что, несмотря на *тотъ же всплескъ ошущаемъ недостатокъ въ денежнѣхъ средствахъ*, количество ссудъ, выданныхъ кустарямъ, даже сократилось за это тяжелое время. Такъ къ 1 января 1899 года ссудъ, выданныхъ учрежденіями банка ремесленникамъ и кустарямъ, числилось на 497,214 р., а на 1 января 1900 года—онъ сократился до 420,073 р., притомъ число ссудъ съ 4,943 упало до 4,057.

Въ трудный 1899 годъ всего было выдано вновь ссудъ кустарямъ въ ничтожную сумму — на 260,633 р. 78 к. и это на всю Россію! Ничтожность этой цифры особенно ярко бросается въ глаза, когда мы сравнимъ ее съ количествомъ ссудъ, выданныхъ въ томъ же году промышленнымъ предпріятіямъ (34.210,000 р., а въ 1898 г.—13,2 м. р.), ссудъ подъ документы на товары (9.031,000 р.), ссудъ подъ товары (56.780,000 р.) а векселей (мѣстнаго учета) учтено за 1899 г. на 744.631,000 руб.²⁾ Изъ этой посмѣльней колоссальной цифры совершенно ничтожная сумма причитается на учетъ соло-векселей учрежденій мелкаго кредита: всего 700,378 р., а на соло-векселя мелкихъ торюсцевъ 120,919 р. Эти суммы почти въ 152 м. р., на которую въ портфель банка осталосьultimo векселей на 1 января 1900 г., векселей, принадлежащихъ учрежденіямъ мелкаго кредита, приходится на смѣшно низкую цифру, всего 238,601 р., а соло-векселей, принадлежащихъ мелкимъ торговцамъ, всего на сумму 75,125 р.! (Замѣтимъ здѣсь, что вездѣ, гдѣ мы говоримъ об учетѣ векселей, мы имѣемъ въ виду векселя мѣстнаго учета)... Такимъ образомъ мы видимъ огромное развитіе операций промышленнаго кредита учета векселей, и въ то же время—сокращеніе операций по ссудамъ ремесленникамъ и кустарямъ и вообще по снабженію средствами учрежденій мелкаго кредита. Эти послѣдніе являются положительно какими-то сынками государственного банка. Правда, государственному банку не на силу вести дѣло съ *массой ремесленниковъ и кустарей*, но почему же

^{*)} А въ 1898 г. 46,2 м. р.

^{**) A въ 1898 г.—на сумму 501,9 м. р.}

рственныи банкъ такъ сокращаетъ кредитъ для учрежденій мелкаго кредита—это несомнѣмъ понятно. Это нельзя объяснить рискованностью такого да кредита или неисполненiemъ, какъ слѣдуетъ, принятыхъ учрежденіями мелкаго кредита на себя обязательствъ. Въ «Сообщеніяхъ петербургскаго дѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ» вып. 15 въ примѣчаніи редакціи въ интересной статьѣ «Бороты ссудо-сберегательныхъ товариществъ по займамъ государствен-го банка» мы читаемъ: «На 30 съ лишкомъ миллионовъ рублей, выдан-ихъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ со времени предоставлениія имъ аза кредитоваться въ государственномъ банкѣ, послѣдній получилъ около 800,000 р. въ видѣ процентовъ, не взыскаль же всего около 250,000 р., —е. чистая прибыль по займамъ товариществъ составляетъ болѣе 5%. Зумѣется, эти потери были бы значительно меньше, говорится далѣе, ли бы банкъ производилъ ревизіи дѣль товариществъ на мѣстѣ». Но за слѣдніе время государственный банкъ все болѣе и болѣе сокращаетъ задачу ссудъ учрежденіямъ мелкаго кредита (см. только что процитированную статью). Выдача ссудъ чрезъ посредство учрежденій мелкаго кредита старымъ и сельско-хозяйственному населенію Россіи не можетъ составлять большихъ хлопотъ для банка, слѣдовательно,—дѣло не въ этомъ. Въ мѣ же отчетѣ мы находимъ, что ссуды, выданныя черезъ посредниковъ, —е. опять-таки мелкія ссуды сокращаются: на 1 января 1899 г. авансъ, выданныхъ посредникамъ, числился на сумму 77,668 р., аъ 1 января 1900 г. этихъ авансовъ посредникамъ остается уже на 68,942 р.

Конечно, здѣсь возможно другое объясненіе: самый уставъ банка 1894 да не приоровленъ къ той новой функции, которую долженъ быть взять на себя государственный банкъ по урегулированію денежнаго обращенія у насъ съ введеніемъ золотой валюты, но вѣдь съ этой ролью государствен-го банка, какъ регулятора денежнаго обращенія страны, не согласимы иуды подъ товары, и ссуды промышленнымъ предпріятіямъ, и ссуды подъ кументы на товаръ, а между тѣмъ государственный банкъ за послѣдній дѣль сильно ихъ развилъ, хотя, надо замѣтить, что вообще его политика носитъ сущь этихъ категорій послѣ введенія золотой валюты направ-лялась въ сторону сокращенія ихъ, но въ минуту нужды онъ считалъ бы въ правѣ прийти на помощь промышленности и отступить отъ своей политики, но въ то же время онъ не счѣлъ себя обязаннѣмъ прийти на помощь мелкимъ ремесленникамъ и кустарямъ, ощущавшимъ также не ме-бе, если даже не болѣе острую нужду въ деньгахъ. Онъ даже сократилъ, что мы видѣли, эти операциі. Въ этомъ нельзѧ не видѣть односторонняго управлениія государственнымъ банкомъ своей дѣятельности. Въ уставѣ банка 394 г. мы находимъ цѣлый рядъ статей о ссудѣ кустарямъ, а въ резуль-тѣ здѣсь поистинѣ гора мышь родила.

Конечно, мы вовсе не хотимъ рекомендовать государственному банку давать кредитъ мелкимъ кустарямъ и ремесленникамъ, такъ какъ это

дело сложное и едва ли по силамъ государственному банку, но мы хотимъ здѣсь отмѣтить только неодинаковое отношеніе банка къ ссудамъ, однѣково нежелательнымъ съ точки зрења здоровой банковской политики.

Въ сферѣ созданія кредита ремесленникамъ и кустарямъ лучше все могли бы выполнить функцию такіе банки, какъ пермскій кустарно-промышленный банкъ, который, по отчету за 1898 г., располагаетъ теперь собственнымъ капиталомъ почти въ размѣрѣ 122 тыс. руб. и успѣль привлечь къ себѣ срочныхъ вкладовъ на сумму 137 тыс. руб. и за послѣдній 1898 г. онъ такъ успѣшно работаетъ, что за прикрытиемъ всѣхъ своихъ расходовъ успѣль получить чистой прибыли болѣе 3 тыс. р. (см. «Отчетъ кустарно-промышленного банка пермского губернского земства за 1898 г.» Пермь, 1900 г., стр. 4—5). Мы уже въ одномъ изъ предыдущихъ обзорѣй упоминали о харьковскомъ городскомъ общественномъ банкѣ, который въ значительной степени обязанъ своимъ финансовымъ успѣхомъ развитію спрацій съ мелкими ссудами среди крестьянъ и ремесленниковъ.

Изъ того же отчета государственного банка мы видимъ, что и количеству ссудъ на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій также сократилось. Такъ на 1 января 1899 года этихъ ссудъ числилось на 1.200,000 руб., а на 1 января 1900 года этихъ ссудъ осталось уже на 881 тыс., причемъ въ 1899 г. вновь было выдано ссудъ этого рода всего на 345,128 руб. Такимъ образомъ государственный банкъ главнымъ образомъ употребляетъ свои средства на развитіе промышленности, но мало заботится о поднѣшной потребительной способности населения путемъ развитія мелкихъ, массовыхъ производительныхъ силъ, чего, конечно, можно было бы достигнуть, организуя кредитъ ремесленникамъ и кустарямъ, развивая ссуды на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій. Насколько мала у насъ забота о занятіи производительныхъ силъ въ массѣ населения, видно хотя бы изъ операций по мелiorативному кредиту. Извѣстно, что мелiorативные ссуды начали выдаваться у насъ съ 1897 года и къ началу 1900 года, —читаемъ въ обзорѣ министерства,—общее количество разрѣщенныхъ ссудъ достигло 102 на сумму въ 433,862 руб., изъ нихъ 24 ссуды приходится на осушение болотъ на сумму 119,238 руб., 11 на орошеніе и обводненіе на 59,450 руб., 27 на разведеніе плодовыхъ садовъ на 102,672 руб., 27 на разведеніе виноградниковъ на 113,532 руб., 12 на приобрѣтеніе винодѣльческаго инвентаря и на сооруженіе винодѣлень и подваловъ для выдерживания вина на 38,220 руб. и 1 ссуда на укрѣпленіе песковъ на 750 руб. По окончательно состоявшимся и оформленнымъ ссудамъ на руки заемщикамъ дано 219,970 руб. 68 коп. Помимо указанныхъ ссудъ изъ общаго мелiorативнаго фонда къ концу отчетнаго периода состояло въ ссудахъ 237,000 руб. изъ новороссійскаго капитала сельской промышленности и 29,000 руб. изъ капитала на обводнительныя работы въ Таврической губерніи. (Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за шестой годъ его существованія 30 марта 1899 г.—30 марта 1900 г. Ск.)

р. 10). Вотъ въ какихъ ничтожныхъ цифрахъ выражается наша забота развитія производительныхъ силъ сельско-хозяйственной массы населенія! ада, министерство земледѣлія по поводу этого малаго развитія меліоративныхъ ссудъ говоритьъ, что «незначительность числа меліораций, на которую спространяются дѣйствующія правила 1896 года, въ связи съ сильной долженностью имѣній и высотою процентовъ по меліоративнымъ ссудамъ», условили небольшое до сихъ поръ развитіе этого дѣла» (Обзоръ дѣятельности министерства, за 5 годъ его существованія, стр. 11). Въ видахъ звитія меліоративного кредита и быть предпринять въ текущемъ году ресмотръ этихъ правилъ, но недостатокъ ассигнованныхъ на это дѣло едствъ (всего 1 милл. руб.) показываетъ, что само министерство не можетъ думать серьезно о развитіи операций этого рода.

Между тѣмъ малое развитіе кредита на покупку сельско-хозяйственныхъ шинъ и орудій сильно тормозитъ развитіе примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйстѣ. Оказывается, что среди причинъ, тормозящихъ распространеніе хотя бы усовершенствованной бороны, 58% — причины экономического характера, т.-е. недостатокъ средствъ, дорогоизна бороны (см. трудъ обработки пашни и примѣненія машинъ въ крестьянскомъ хозяйстве, изд. статистического отдѣленія псковской губернской земской управы, 1899 г., стр. 11—22). А между тѣмъ за послѣднее время, какъ и уже выяснили въ предшествующемъ обозрѣніи, наша промышленность того-то и страдаетъ, что потребительные силы населения слишкомъ низки, и потому созданіе въ той или иной формѣ мелкаго кредита и восснобленіе послѣднему со стороны государства является не только крайне маленькимъ, но прямо-таки *необходимымъ* при существующемъ положеніи шей промышленности.

Изъ того же отчета государственного банка бросаются сами собой въ глаза читателю суммы ссудъ, выданныхъ городамъ и земствамъ. На 1 января 1900 года въ этой рубрикѣ числится совершенно, можно сказать, рѣзная цифра, 8,184 руб. 11 коп. Такимъ образомъ на всю Россійскую ширину, на всѣ города и земства съ бюджетомъ чуть ли не въ 150 милл. б. числится выданными государственнымъ банкомъ по 1 января 1900 г. *по 8 тыс. руб.* Значеніе этого факта еще болѣе усиливается, когда я вспомнимъ, что у насъ въ отличіе отъ Западной Европы кредитъ для родовъ и земствъ вовсе не организованъ, такъ что мелкимъ городамъ и земствамъ приходится обращаться или къ государственному банку, или квально чуть ли не къ ростовщикамъ нерѣдко подъ залогъ школьнныхъ аний, больницъ, и въ случаѣ неуплаты въ срокъ долга могутъ быть принудительно проданы школы и больницы и, слѣдовательно, можетъ наступить какой моментъ при неорганизованности нашего земскаго и городскаго кредита, когда больные будутъ выброшены изъ больницъ, школьнники изъ колъ.

Передъ нами лежитъ проектъ сметы московской городской управы. Прежде

всего, нельзя не сказать, что разобраться въ этомъ огромномъ трехъ-ти-
номъ изданіи—вещь далеко не легкая, и можно ручаться, что для большинства не только простой публики, но и гласныхъ эта работа явится книгою за семью печатями. Мы видимъ здѣсь много цифръ, отсутствіе об-
щихъ сопоставленій, изъ которыхъ читатель могъ бы вывести себѣ ясное представление о положеніи городского хозяйства. Смѣта носить, можно сказать, слишкомъ канцелярскій характеръ. А между тѣмъ нигдѣ, какъ здѣ-
не было бы такъ желательно распространеніе въ публикѣ болѣе яснаго и опредѣленнаго свѣдѣній: только такимъ путемъ можно развить интересъ въ широкихъ кругахъ населенія къ тому, какъ ведется городское хозяйство. Изъ этой груды цифръ, очевидно, трудно найти себѣ отвѣтъ на такие хотя бы элементарные вопросы городского хозяйства: какъ эти цифры атируются въ финансовыхъ отношеніяхъ разнаго рода городскія предприятия. Для отвѣта на этотъ вопросъ читатель самъ долженъ продѣлывать скаженную работу. А между тѣмъ, кажется, городской плательщикъ въ правѣ былъ бы требовать, чтобы ему дали эти отвѣты, не заставляя его прибѣгнуть къ сложнымъ выкладкамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что сказанные хозяинъ какого-нибудь крупнаго предприятия, если бы его управляющій къ его запросу, какъ ведется предприятіе, принесъ ему груду книгъ съ ясными цифрами, предоставивъ самому разбираться въ нихъ, а московская городская управа такъ и поступаетъ.

На 1901 годъ доходы управы исчислены въ 14.093,000 рублей, т.е. болѣе противъ смѣты текущаго года на 10,83%. Замѣтимъ, что теперь заканчивается переоцѣнка недвижимыхъ городскихъ имуществъ, чтѣ обещающее увеличеніе поступленій оцѣночного сбора, это и дало возможность послѣднюю статью сильно повысить. Въ то же время вмѣстѣ съ реоцѣнкой недвижимыхъ имуществъ городская управа нашла возможнымъ понизить процентъ оцѣночного сбора съ 10%, на 9%. И въ этой смѣте, какъ и въ предыдущей, ясно сказывается влияніе введенія казенной монополіи. Такъ, если сборъ съ патентовъ на заводы для выѣзда напитковъ и издѣлій изъ спирта, а также на заведенія для продажи шапокъ составлялъ въ 1896 г.—173,000 руб., въ 1897 г.—175 тыс., въ 1898 году—175 тыс., то уже въ 1899 г. онъ упалъ на 169 тыс., а на 1901 годъ онъ исчисленъ въ размѣрѣ 153 тыс. рублей. Паденіе этого источника объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе введенія монополіи съ первой половины 1901 года въ Москвѣ неѣтъ охотниковъ на открытие новыхъ заведений, правительство же возмѣщаетъ Москвѣ ущербы по потерѣ сборовъ этого рода путемъ предоставления въ распоряженіе города суммы, размѣръ которой опредѣляется суммой среднихъ поступленій за предшествующее пятилѣтіе. Уже изъ самого способа возмѣщенія ущерба видно, что городъ пашится прироста поступленій и, следовательно, съ введеніемъ казенной монополіи понесетъ потери. Нѣкоторое увеличеніе средствъ дало возможность городской управѣ внести давно ожидаемый кредитъ на замощеніе улицъ г.

райнахъ города, а именно на этотъ счетъ относится 209 тыс. рублей, —е. на 123 тыс. болѣе смѣтнаго назначенія текущаго года. Это сильное увеличеніе средствъ на замощеніе проѣздовъ на окраинахъ города мотивируется быстрымъ заселеніемъ этихъ послѣднихъ вслѣдствіе возрастанія цѣнъ квартиръ въ центрѣ города, кромѣ того на нашъ взглядъ къ замощенію улицъ на окраинахъ долженъ побуждать и имѣющійся теперь проектъ пройства трамвайной сѣти въ городѣ, что несомнѣнно поведетъ къ еще болѣе сильному выселенію изъ центра на окраины *).

Въ своей объяснительной запискѣ городская управа заявляетъ, что затраты на регулированію улицъ и площадей города приходятъ сперва къ концу, и въ предстоящемъ году будетъ подвергнутъ на Высочайшее усмотрѣніе общій планъ городского населения. Несомнѣнно, что регулированіе улицъ и площадей будетъ сопровождаться серьезными выдами для отдельныхъ категорій домовладѣльцевъ, а разъ составленіе этого плана теперь заканчивается, то естественно было бы подумать о томъ, какимъ образомъ можно было бы эти выгоды, совершенно незаслуженно имѣющія перепасть въ руки отдельныхъ домовладѣльцевъ, перевести въ руки города, если ужъ не всѣ цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть. Въ практикѣ американскихъ городовъ это давно уже проведено. Амь въ городахъ, какъ известно, проводится нерѣдко принципъ, по которому всякий приростъ цѣнности поземельного владѣнія въ городѣ, образовавшійся вслѣдствіе дѣятельности городского управления, въ известной части долженъ поступить въ руки города. Такимъ образомъ городѣ, при урегулированіи улицъ, площадей, при разбивкѣ новыхъ парковъ, имѣть возможность возвращать себѣ по крайней мѣрѣ часть произведенныхъ имъ расходовъ путемъ разверстки послѣднихъ между домовладѣльцами, получившими приростъ цѣнности ихъ поземельной собственности отъ данного рода улучшений. У насъ этотъ способъ болѣе равномѣрного распределенія налоговыхъ тягостей совершенно неизвѣстенъ.

Въ значительной степени застой въ городской жизни у насъ объясняется одностороннимъ представительствомъ нашихъ думъ. Проекты, имѣющіе цѣлью улучшеніе положенія неимущихъ, не двигаются съ мѣста. Что лежитъ все не въ нашей неспособности къ общественной жизни, не въ нашемъ нежеланіи работать — вѣдь много у насъ обществъ, которыхъ даже и безъ средствъ работаютъ: дѣло въ томъ, что въ нашихъ думахъ, при одностороннемъ представительствѣ интересовъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населения, нѣть потребности въ работѣ.

*) Московскія мостовые получили всемирную извѣстность, такъ въ *The Board of Trade Journal* (1 ноября 1900 г.) въ статьѣ „О коммерческомъ и промышленномъ развитіи Москвы“ мы читаемъ слѣдующее: „Замощеніе Москвы не достойно такого большого и важнаго центра. Огромные камни булыжника, ручнымъ способомъ уложенные въ вязкое песчаноею, образуютъ мостовую, которая всегда пыльна гѣтомъ и грязна осенью, а на 20% всѣхъ городскихъ улицъ вовсе никакихъ принаковъ замощенія не существуетъ. Улицы дурно чистятся“.

Рассмотрение некоторыхъ другихъ вопросовъ городского хозяйства (тако-
то о выкупѣ городомъ конки, о результатѣ торговы на сдачу телефоновъ,
объ участіи проекта страхованія служащихъ и рабочихъ, доклады фінан-
совой комиссіи по разсмотрѣнію сметы) мы отлагаемъ до одного изъ сле-
дующихъ обозрѣй.

М. О.

Газеты сообщаютъ о предполагающейся реформѣ уѣздной полиції. Пр-
ектируется нынѣшнюю общественную полицейскую службу отмѣнить и ци-
лицейскія обязанности возложить на особый институтъ стражниковъ.

Какъ извѣстно, современная организація уѣздной полиції существуетъ
съ 1862 г. Хотя еще тогда имѣлось въ виду, что организація эта будетъ
только временная и что ее придется въ ближайшемъ будущемъ замѣнить
другою, болѣе совершенною, однако она просуществовала цѣлыхъ сорокъ
лѣтъ. Объясняется это долголѣтіе не какими-либо достоинствами организа-
ціи, не тѣмъ, что она удачно приспособилась къ условіямъ сельской же-
ни, а просто обычной нашей инертностью, неохотой къ нововведеніямъ,
той самой неохотой, благодаря которой большинство нашихъ, такъ назы-
ваемыхъ, временныхъ правиль и мѣропріятій отличается необыкновенной
прочностью и долговѣчностью.

Междудѣмъ жизнь давно выяснила недостатки нынѣшняго устройства
уѣздной полиції. Люди, близко стоящіе къ деревнѣ, не перестаютъ вѣ-
ваться на недостаточное огражденіе въ ней имущественной и личной без-
опасности. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, жалобы эти не лишены осно-
ванія. То и дѣло приходится читать въ газетахъ о преступныхъ шай-
кахъ, держащихъ въ трепетѣ цѣлый округъ. Обыкновенно шайки эти дол-
жны совершаютъ свои преступленія совершенно безнаказанно, покуда, наконецъ,
высшая губернскія администрація не обратить особаго вниманія на уз-
ловавшіеся случаи грабежей и убийствъ въ данной мѣстности и не примѣ-
тъ экстренныхъ мѣръ противъ дерзкихъ преступниковъ. Случаи эти написаны
доказываютъ все безсиліе уѣздной полиції въ борьбѣ съ преступленіемъ.
При обычномъ теченіи вещей она еще такъ или иначе справляется съ сво-
ими обязанностями, но чуть этого обычный порядокъ нарушается и люди
избравшими данную мѣстность ареной для своихъ преступныхъ дѣйствій
полиція оказывается совершенно безсильной. Если бы деревни избавились
отъ преступными элементами въ той же степени, что и города, то, при на-
иболѣе устроившей уѣздной полиції, въ ней не было бы никакой въ-
озможности жить.

Да и чего, въ самомъ дѣлѣ, можно требовать отъ полиціи, когда въ
широкий уѣздъ, въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, при населеніи въ
нѣсколько десятковъ тысячъ находится въ рукахъ двухъ-трехъ стоянокъ
приставовъ? При самомъ ревностномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ

риставъ физически не имѣть никакой возможности держать стань подъ остоянныемъ своимъ наблюденіемъ. Не нужно вѣдь забывать, что на немъ жить множество самыхъ разнообразныхъ обязанностей, начиная съ тражденія общественной и личной безопасности и кончая разыской статистическихъ бланковъ для заполненія или исполненіемъ разнаго рода требованій начальства, иногда даже не имѣющихъ служебнаго характера. Олей - неволей приходится отдавать все свое время исполненію безчисленныхъ требованій разнаго рода и предоставлять чисто полицейскую службу урядникамъ, сотскимъ и десятскимъ, но и послѣдніе, въ свою очередь, заняты исполненіемъ порученій становаго, не поспѣвающаго по-сюду, и также не имѣютъ времени для собственно полицейской службы.

Очевидно, что или нужно значительно увеличить численный составъ юзданой полиціи, или снять съ нея крупную часть тѣхъ обязанностей, акія не относятся къ чисто полицейской службѣ, передавъ ихъ какимъ-нибудь инымъ, специальнymъ органамъ. Но это потребуетъ большого увеличения расходовъ. Лучше всего было бы пріурочить эту организацію къ овоя земской единицѣ, а именно къ всесословной волости, учрежденіе ко-орой положительно является необходимымъ въ интересахъ сельской жизни.

Выборная полиція, какъ болѣе близко стоящая къ населенію, будетъ и учше справляться съ своими обязанностями. Можно быть увѣренными, то при такой организаціи гораздо меныше будетъ дѣль о сопротивлениіластямъ, оскорблениі должностныхъ лицъ и тому подобныхъ, возникающихъ на почвѣ взаимнаго непониманія или недовѣрія. Да и по качественому составу такая полиція будетъ удовлетворительнѣе нынѣшней. Всплы-ающая время отъ времени на поверхность уголовныя дѣла о тѣхъ или ныхъ злоупотребленіяхъ полицейскихъ чиновъ наглядно доказываютъ, что послѣдніе не всегда стоять на высотѣ своего положенія. Намъ нѣтъ даже адѣности ссылаться на уголовныя дѣла, являющіяся исключеніями, опшемся хотя бы на тѣ приказы по полиціи, которые за послѣдннее время появились въ газетахъ. Въ приказѣ Виленскаго полицеимейстера казывается на то, что низшіе полицейские агенты, при обыскѣ проинившихся обывателей, не забываютъ и себя. Саратовскій полицеимейстеръ сообщаетъ о многочисленныхъ жалобахъ на «нетактичныя и незадонныя дѣствія» мѣстной полиціи и напоминаетъ послѣдней о законѣ. Ека-ринославскій губернаторъ также рекомендуетъ полиціи соблюденіе закона жалуется на невѣжество и грубость полицейскихъ чиновъ. Все это факты, тносящіеся къ провинциальной жизни. А вотъ интересный фактъ изъ толичной жизни.

«На-дняхъ,—сообщаетъ газета *Право*,—въ петербургскомъ судѣ слу-жалось дѣло по обвиненію крестьянки Жарковой въ кражѣ денегъ у сіам-каго посланника. Когда кража была обнаружена, въ совершеніи ея былъ аподозрѣнъ дворецкаго посланника Лавтизарь, который и былъ арестованъ вскорѣ въ сыскномъ отдѣленіи сознался въ кражѣ. И, однако, онъ не

привлечень къ ответственности (хотя и просидѣть пять мѣсяцевъ подъ предварительнымъ арестомъ), такъ какъ оказалось, что, несмотря на санкціе, онъ никакого насатательства къ кражѣ не имѣлъ. Почему же онъ признался, почему направлять слѣдствіе на ложный путь? Очень просто: замогильнымъ голосомъ, на ломаномъ русскомъ языѣ Лавтизарь, показавшій не какъ обвиняемый, къ словамъ котораго мы относимся съ недѣвѣріемъ, а какъ свидѣтель, подъ присягой, разсказывалъ на судѣ, что въ сыскномъ отдѣленіи его пять дней морили голодомъ, его били кулаками въ виску, онъ оглохъ, посѣдѣлъ, жизнь его разбита. Онъ думалъ, что онъ не останется въ живыхъ и жаждаль только одного—вырваться изъ этого ада какой бы то ни было цѣной. Онъ взвелъ на себя вину, разсчитывая, что его переведутъ въ тюрьму, а тамъ ему удастся спастись. Лавтизарь ошибся: исторгнувшись отъ него сознаніе, полиція стала добиваться, куда онъ дѣвалъ деньги, и что съ нимъ тутъ дѣлали, онъ и разсказать не можетъ. И только послѣ того какъ случайно обнаружившіеся факты указали, чѣмъ виновата во всемъ одна Жаркова, Лавтизара задержали въ тюрьмѣ еще три мѣсяца и затѣмъ уже выпустили».

По поводу этого факта газета замѣчаетъ:

«Страшно подумать, что основное положеніе нашихъ Судебныхъ Уставовъ есть только рium desiderium и что въ дѣйствительности у насъ нетъ никакихъ гарантій личной неприкосновенности. Пусть же, по крайней мѣре, грустная повѣсть Лавтизара послужить предостереженiemъ противъ всѣхъ дѣдившихся стремленій передать слѣдственную часть въ руки полиціи, иначе говоря, лишить каждого увѣренности въ своей свободѣ».

Таковы факты изъ практики неуѣздной полиціи, находящейся на виду подъ контролемъ администраціи. Какова же послѣ этого практика уѣздной полиціи, дѣйствующей въ глухи, вдали отъ высшаго начальства? Вотъ почему мы и думаемъ, что замѣна нынѣшней организаціи сельской полиціи стражниками цѣли не достигнетъ. Наоборотъ, организація уѣздной полиціи на началахъ общественной службы несомнѣнно улучшить личный составъ полиціи. Гарантіей этому служить самый выборный принципъ, который дастъ возможность привлечь къ дѣлу подходящихъ людей.

Очень рѣдко проникаютъ въ нашу печать свѣдѣнія о постановкѣ духовно-учебныхъ заведеній. Мы имѣемъ въ виду общую печать, такъ какъ въ специальные органы духовнаго вѣдомства рѣдко кто заглядываетъ. Въ виду этого большой интересъ представляеть помѣщенная въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* статья подъ заглавиемъ «Бѣ вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній», написанная, повидимому, человѣкомъ блѣдно-знакомымъ съ предметомъ.

Авторъ изображаетъ нашу высшую духовную школу въ довольно красноречивыхъ краскахъ. Начать съ того, что преподавательский персоналъ въ д.

ловныхъ академіяхъ далеко не стоитъ на высотѣ своего положенія. Правда, профессора-академики много работаютъ, много пишутъ и много издаются, но ихъ работа служить не наукѣ, а главнымъ образомъ личнымъ ихъ тѣламъ.

При такомъ отношеніи профессоровъ къ дѣлу науки нѣтъ ничего удивительного, что они не могутъ оказывать никакого вліянія на студентовъ. Лекціи ихъ, за рѣдкими исключеніями, не увлекаютъ; языкознаніе поникается; вопросы богословскіе, церковно-общественные не интересуютъ оныхъ богослововъ; проповѣдничество замираетъ и сдѣлалось только отыканіемъ казенной повинности: не скоро намъ дождаться новыхъ Ипполитіевъ, Димитріевъ, Никаноровъ, Амвросіевъ! Что-то не слышно ихъ соцѣмъ? Болѣе всего замѣтно незнаніе студентомъ науки, по предмету которой онъ пишетъ кандидатскую диссертацию на 4-мъ курсѣ: человѣкъ принимается за изслѣдованіе специального вопроса, не зная курса науки. Да это жалуются почти всѣ профессора. Но не хотятъ тѣ же руководители академій сознаться, что причина лежитъ въ нихъ же самихъ и въ учебномъ строѣ академій. Профессора не знаютъ студентовъ. Научного общенія почти нѣть. Практическихъ работъ нѣть. Совѣщаній съ профессорами нѣть. Юоширенія къ изученію специального, излюбленного предмета, т.-е. науки, нѣть».

Результаты такого воспитанія сказываются по окончаніи курса. Большинство академиковъ становятся преподавателями въ семинаріяхъ, но, плохо подготовленные и не имѣя любви къ своему дѣлу, они не могутъ возбудить любви къ наукѣ и въ своихъ воспитанникахъ. Преподаваніе носить мертвый схоластический характеръ и ученіе сводится къ простому зубрению. Гакое преподаваніе приноситъ самые печальные результаты. Семинаристы плохо знаютъ богословіе, еще хуже свѣтскіе предметы, особенно литературу и математику. «Семинаристъ плохо мыслить, плохо писать, мало интересуется будущимъ своимъ служеніемъ, оттого и выходитъ изъ него плохой пастырь. Гдѣ у насъ проповѣдь? Гдѣ у насъ то врачеваніе общественныхъ нравственныхъ язвъ, которое составляетъ первую, наилѣпшую обизанность пастыря, требуетъ отъ послѣдняго хорошаго знанія слова Божія и человѣческой души и въ которомъ такъ нуждается наше несчастное время? Много ли у насъ развитыхъ батюшекъ, которые интересовались бы своимъ тѣломъ и богословскимъ знаніемъ? Много ли духовенство читаетъ?...»

Въ числѣ причинъ, неблагопріятно отражающихся на постановкѣ дѣла преподаванія и воспитанія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, авторъ указываетъ на выдающуюся роль, какую въ нихъ играютъ монахи.

Духовная школа, очевидно, страдаетъ тѣми же недостатками, что и свѣтская, такъ же, какъ въ той, въ ней царствуетъ сухой формализмъ, нѣть взаимного довѣрія и общенія между преподавателями и учениками, а замѣнѣ этого есть мертвая рутина и казенщина. И для того, чтобы оживить школу духовное вѣдомство должно вступить въ такую же борьбу съ рути-

ной и бездушнымъ формализмомъ, въ какую, кажется, вступаетъ нынѣ и-
нистерство народнаго просвѣщенія.

Послѣ каждой сессіи земскихъ собраний появляются въ газетахъ оп-
санія, такъ называемыхъ, предсѣдательскихъ инцидентовъ. Инциденты эти
состоять обыкновенно изъ конфликтовъ между собраниемъ и предсѣдателемъ,
конфликтовъ, вызываемыхъ слишкомъ рѣзкимъ проявленіемъ со стороны
послѣдняго своей дискреціонной власти. Инциденты эти до того вошли въ
обыкновеніе, что лишь наиболѣе яркіе изъ нихъ привлекаютъ обществен-
ное вниманіе. Наоборотъ, очень рѣдко появляются въ печати случаи пред-
сѣдательскихъ инцидентовъ изъ области судебнай практики. Тѣмъ съ бол-
шимъ удивленіемъ прочли мы въ *Правѣ* отчетъ о совершенно выдающемся
инцидентѣ или, вѣрнѣ, о цѣломъ рядѣ инцидентовъ этого рода, имѣвшихъ
недавно мѣсто въ засѣданіи харьковскаго окружнаго суда. Въ засѣданіи
этотъ разбиралось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дѣло о Павѣ
Манчинѣ и Лидіи Кондратовой.

Манчинъ обвинялся въ томъ, что съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ
лишилъ жизни мужа Лидіи Кондратовой посредствомъ удавленія ремнемъ.
Онъ сознался въ совершеніи этого преступленія и указалъ, что сдѣлалъ
это по подговору Лидіи Кондратовой, которая хотѣла избавиться отъ своего
мужа. Эта послѣдняя объяснила, что съ мужемъ она действительно хотѣла
разводиться, но категорически отрицала какое бы то ни было свое
участіе въ этомъ преступленіи. Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣда-
теля харьковскаго окружнаго суда А. Н. Кривцовъ. Судебное слѣдствіе шло
быстро и не выясняло никакихъ новыхъ обстоятельствъ. Послѣ прочтѣнія
обвинительного акта и объясненія подсудимаго Манчина, защитникъ Кондратовой,
обращая вниманіе на отсутствіе основаній для убийства, на ею
особенную жестокость и склонность совершенія надъ своимъ бывшимъ
пріятелемъ и товарищемъ, а также на послѣдующую нелогичность повѣ-
нія Манчина, просилъ объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію и объ освѣ-
тельствованіи умственныхъ способностей Манчина въ порядке ст. 353 и др. Судъ
отказалъ. Впослѣдствіи, на вопросъ предсѣдателя, чѣмъ имѣютъ съ
стороны дополнить слѣдствіе, защитникъ Кондратовой, руководствуясь класси-
ческимъ рѣшеніемъ по дѣлу Орлова, возобновилъ свое ходатайство. Пред-
сѣдательствующій: «Судъ отказалъ уже, а теперь тѣмъ паче, тѣмъ паче.
Господинъ секретарь! такъ и занесите въ протоколъ, что судъ тѣмъ паче
отказывается». Резюме предсѣдателя было горячей обвинительной рѣчи
отношению къ Лидіи Кондратовой. «Вамъ указывали защитникъ, что про-
куроръ стоитъ на опасной дорогѣ, доказывая, что Лидія Кондратова хотѣла
желать совершить преступленіе, могла желать смерти мужа... Нѣтъ! это
большой козырь въ рукахъ прокурора. Вѣчно незыблымъ правило
права: *is fecit qui prodest*, т.-е. тотъ совершилъ, кому это полезно. Еслі

и видите, что Лидія Кондратовой это полезно, а, съ другой стороны, Манчинъ прямо говорить, что она его подговорила, то вотъ вы имѣете полное доказательство... Конечно, вы должны войти въ характеристику подсудимыхъ, чтобы решить, могла ли она заставить его волю служить себѣ, и я увидите, что она—разбитная горничная большой гостиницы, большого актира, а онъ—простой рабочий на кирпичномъ заводѣ... Богъ мнѣ судья, или можетъ проскользнуть мое личное мнѣніе... Если вы не придадите значенія этимъ краснорѣчивымъ доказательствамъ, — ея письмамъ къ возобленному,—то вы, конечно, можете оправдать подсудимую, но если вы взглянете на эти письма и особенно письмо отъ 25 июля, если вы обратите вниманіе... (следуетъ рядъ обстоятельствъ, которыхъ должны уличить подсудимую), то вы, разумѣется, обвините ее... Вы увидите изъ самыхъ объяснений этой женщины, что она думаетъ, что можно изъ-за трехъ рублей убить человѣка... Все это я вамъ говорю, какъ судья и человѣкъ...»огда присяжные удалились на совѣщеніе, защитникъ Кондратовой, Куликовъ, поднялся и заявилъ, что онъ хочетъ предъявить ходатайство. Предъдателъ: «Послѣ». Защитникъ Кондратовой: «Я желаю сдѣлать заявленіе теперь, въ отсутствіи присяжныхъ». Предсѣдатель: «Нѣтъ! вы его гѣлаете, когда я вамъ укажу». Судъ удаляется. Черезъ 10 минутъ консультантъ судьи выходитъ снова. Къ защитнику Кондратовой: «Что вамъгодно?» Защитникъ Кондратовой: «Прошу занести въ протоколь объясненіе г. предсѣдателя, такъ какъ я его все считаю нарушеніемъ 802 ст.». Предсѣдатель: «Отказываю. Ваши выводы вы можете сдѣлать потомъ». Защитникъ Кондратовой: «Прошу занести, что мною сдѣлано такое заявленіе и что мнѣ отказано въ занесеніи его въ протоколь». Предсѣдатель: «Отказываю». Защитникъ Кондратовой просить занести въ протоколь зложенные выше выраженія предсѣдателя въ резюме, когда говорилось о раснорѣчивыхъ доказательствахъ. Предсѣдательствующій: «Я не говорилъ слова: краснорѣчивы». Защитникъ Кондратовой: «Виноватъ. Я какъ азъ прошу занести именно это. Вы сказали: краснорѣчивы доказательства, говоря про письма». Одинъ изъ членовъ суда наклоняется къ предѣдателю. Предсѣдательствующій: «Ахъ, да! про письма». Присяжные овѣщаются полтора часа. Выносить вердиктъ, коимъ Манчинъ признанъ иновѣннымъ въ убийствѣ, но дѣйствовавшимъ безъ предварительного соглашенія, безъ предумышленія и заслуживающимъ снисхожденія. Лидія Кондратова оправдана. По провозглашеніи на вопросъ о Лидіи Кондратовой отѣта: «нѣтъ, невиновна», братъ подсудимой со вздохомъ облегченія произнесъ: «Слава Богу!» Предсѣдатель (громко): «Кто это смѣеть выражать доброе или неодобрение приговору суда? (Громче и громче:) Вонъ! Всю ублику вонъ! Я всѣхъ выгоню вонъ!» Тогда при установившейся вдругъ ишинѣ довольно явственно раздалось: «Уйдемъ». Оказалось, что присюю. Гонтаревъ, считая неумѣстнымъ и неприличнымъ послѣ такихъ криковъ «вонъ» оставаться въ залѣ, обратился съ этимъ словомъ къ своимъ

товарищамъ и вышелъ. Предсѣдатель: «Ето тамъ сказаъ слово: уйдеть? Г. приставъ! верните его въ залу. Властью предсѣдателя я его арестую на четыре часа». Прис. пов. Гонтаревъ вошелъ въ залу и сказаъ: «Угодно меня видѣть?» Предсѣдатель: «Вы сказали слово: уйдеть? Гонтаревъ: «Я». Предсѣдатель: «Довольно. Г. секретарь! Я отмѣнию опредѣленіе обѣ арестъ. (Гонтареву.) Я не ожидалъ видѣть передъ собой просянаго повѣренаго и васъ». Гонтаревъ: «Имѣю честь объяснить...» Предсѣдатель: «Ни слова!» Затѣмъ судъ, не удаляясь изъ залы, приступилъ къ написанію резолюціи. Резолюція объявлена. Засѣданіе закрыто. Оправданная Лидія Кондратова, кланяясь присяжнымъ: «Господа присяжные!...» Предсѣдатель: «Вонъ эту бабу! Немедленно уберите эту бабу вонъ!»

У насъ часто и не безъ основаній жалуются на то, что многіе предсѣдатели въ своихъ резюме обнаруживаютъ извѣстное пристрастіе въ сторону обвиненія, но то, что происходило въ Харьковѣ, представляетъ таѣ исключительный случай, что мы рѣшительно усомнились бы въ подлинности факта, если бы не свидѣтельство такого солиднаго органа, какъ *Правда*. Ничего кромѣ ущерба дѣлу правосудія и достоинству суда такие случаи принести не могутъ.

Вражда къ печатному слову и ненависть къ злополучному «корреспонденту», выводящему на свѣжую воду подвиги мѣстныхъ дѣятелей, принимаютъ иногда самыя курьезныя формы.

Не такъ давно помѣщена была въ *Съверномъ Курьерѣ* корреспонденція изъ Енисейска, въ которой описывалось, какъ мѣстные отцы города рѣшили изгнать навсегда изъ думскихъ засѣданій гласность въ образѣ корреспондента. Гласные рѣшили, что безъ гласности будеть имъ куда удобнѣе можно не стѣсняясь говорить все, что угодно, а предъ корреспондентомъ всетаки какъ-то не совсѣмъ ловко. Одинъ изъ гласныхъ, искай г. Калашниковъ, обосновавъ глубокомысленное рѣшеніе думы не менѣе глубокомысленнымъ юридическимъ соображеніемъ: «Въ законахъ,—заявилъ онъ.—нигдѣ не сказано, чтобы управа выдавала газетчикамъ срѣднія; а что въ законахъ не разрѣшено, то, значитъ, воспрещено».

Съ легкой руки корреспондента петербургской газеты крылатое слово г. Калашникова облетѣло множество газетъ. Г. Калашникову такая извѣстность показалась обидной, и вотъ онъ рѣшилъ поправить свою репутацію. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ думу съ ходатайствомъ о выдачѣ ему удостовѣренія о томъ, что онъ «инкриминируемыхъ» словъ не произносилъ. Имѣя это свидѣтельство, заявилъ почтенный общественный дѣятель, что получить возможность привлечь «грязную газету, занимающуюся рѣблюдіемъ, и ея протеже изъ административно-ссыльныхъ» къ суду за фамацію.

Какъ видите, г. Калашниковъ, кромѣ остроумія, обладаетъ еще чрезвычайно своеобразнымъ и сильнымъ стилемъ...

Оказалось, однако, что не всѣ гласные могутъ подтвердить заявленіе Калашникова. Одни замѣтили, что г. Калашникову трудно помнить всѣ произнесенные имъ слова за болѣе чѣмъ двухмѣсячный промежутокъ времени; другіе отозвались, что они забыли точныя выраженія, какія были употреблены, а третыи заявили, что «инкриминируемые» слова, действительно, были произнесены.

Въ виду этого городской голова, стоявшій за выдачу свидѣтельства, исъѧвилъ иное предложеніе. По отчету *Сибирской Жизни* предложеніе это и слѣдующіе дебаты представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Гор. голова.—По моему мнѣнію, въ корреспонденціи оскорблена вся та, управа и многіе гласные, а потому я предложилъ бы возбудить прѣдованіе противъ *Съв. Кур.* и корреспондента отъ имени всей думы.

Гл. А. М. Бородкинъ (на засѣданіяхъ обыкновенно молчитъ, но на пото разъ даю возможность ознакомиться со мною).—Возбуждать прѣдованіе должны или мы всѣ, или никто, но не одинъ Калашниковъ.

Гл. д-ръ Станкѣевъ.—Господа! Въ корреспонденціи я не нахожу ничего скорбительного для думы.

Гор. голова (*его перебивая*).—Конечно, въасъ не задѣли, потому вы и ротивъ. Мы всѣ здѣсь въ думѣ безголовые, только д-ръ Станкѣевъ съ головой.

Д-ръ Станкѣевъ.—Оскорбительная съ точки зрењія городского головы корреспонденція появилась не только въ одной газетѣ. Такъ, напримѣръ, была помѣщена статья «О головотяпахъ енисейской думы» въ *Новостяхъ*, юмористическая телеграмма въ *Будильнику*, три статьи въ трехъ сибирскихъ газетахъ и во многихъ провинциальныхъ. Если привлекать за дифамацію или оскорбліе, такъ скѣдовало бы всѣ газеты, но не одну.

Гл. А. И. Китмановъ.—Господа! Сказалъ ли Калашниковъ эти слова, ли нѣть—не важно для насъ, и привлекать за это, какъ за дифамацію—мѣшно, такъ какъ въ этихъ словахъ нѣть никакого оскорблія чести. Я въ засѣданіи 2 августа не былъ и корреспонденціи не читалъ.

Гласные (*перебивая его*).—Многіе не читали.

Гор. голова.—Въ такомъ случаѣ, господа, на слѣдующее засѣданіе нужно принести газеты и прочесть всѣмъ гласными и тогда обсудить, какія тѣры слѣдуетъ принять противъ корреспондента.

Послѣднее предложеніе головы принято было гласными. Въ назиданіе мы осовѣтовали бы енисейскимъ гласнымъ заодно прочесть ужъ въ публичномъ засѣданіи вышеупомянутую статью *Новостей* «О головотяпахъ енисейской думы» и телеграмму въ *Будильнику* и т. д. Все это доставить «осподамъ гласнымъ истинное развлеченье. А такъ какъ такое совмѣстное

чтение, безъ сомнѣнія, сюда вызоветъ комментаріи въ *Будильника*, тъ при желаніи енисейскіе гласные смогутъ продолжать это удовольствіе и безконечности. Въ результатѣ въ енисейской думѣ можетъ установиться прецедентъ: «никакихъ дѣлъ не обсуждать, а собираться лишь для чтенія *Будильника*».

Исключительное по своему бытовому интересу дѣло слушалось недавно въ саратовскомъ окружномъ судѣ. Обвиняемый священникъ Балашовскаго уѣзда, села Благовѣщенскаго, Дмитрій Постновъ въ кражѣ 3,600 руб. у пьяного пассажира въ вагонѣ 2-го класса. Сущность дѣла по обвинительному акту представляется въ слѣдующемъ:

6 декабря 1899 г. купецъ Неволинъ ѿхалъ въ Саратовъ. При немъ были деньги въ количествѣ 4,600 р.; изъ нихъ 3,600 р. кредитными билетами, завернутые въ газетную бумагу, лежали во внутреннемъ карманѣ застегнутаго наглухо жилета, а 1,000 р. въ другихъ карманахъ.

Съ тѣмъ же поѣздомъ и въ томъ же вагонѣ ѿхалъ священникъ Постновъ. Сначала онъ разговаривалъ съ Неволинымъ, а затѣмъ они стали вмѣстѣ угощаться въ станціонныхъ буфетахъ. На станціи Атиарскъ они пересѣли въ дамское купѣ, откуда ихъ пришлось выводить съ помошью Ѹандарма. Неволинъ сѣлъ и заснулъ. Проснулся онъ на станціи Саратовъ и когда всталъ, въ вагонѣ никого не было—исчезъ и о. Постновъ. Собравъ свои узы, Неволинъ замѣтилъ, что жилетъ его разстегнутъ и изъ бокового кармана вынуты 3,600 р., остальные 1,000 р. оказались цѣлы.

Потерпѣвшій заявилъ о пропажѣ въ сыскномъ отдѣленіи, высказавъ подозрѣніе на о. Постнова. Приступили къ розыску и только на 12 день обнаружили, что священникъ живеть въ гостиницѣ «Россія».

18 декабря въ 12 час. дня приставъ Ботовъ явился въ номеръ, занимаемый Постновымъ. На стукъ дверь открылась не скоро. Отперъ ее самъ Постновъ, который находился въ нижнемъ бѣльѣ; на постели его, полураздѣтая, лежала дѣвица легкаго поведенія. На столѣ стояла бутылка водки. Такія же бутылки и коробки изъ-подъ сардинъ валялись на полу. На вопросъ пристава, знаетъ ли онъ Неволина, Постновъ отвѣтилъ, что не знаетъ, что пріѣхалъ недавно изъ села по церковнымъ дѣламъ и денегъ привезъ съ собою 350 р. Во время обыска онъ сначала вѣръ себѣ спокойно, но когда приставъ снялъ со стѣны икону Иверской Божіей Матери, онъ сильно измѣнился—поблѣднѣлъ, запатался и едва удержался на ногахъ. Въ иконѣ было обнаружено 3,300 р.

Допросъ свидѣтелей (дѣвица легкаго поведенія была допрошена при закрытыхъ дверяхъ) вполнѣ подтвердилъ изложенные обстоятельства.

Коридорный изъ гостиницы показалъ, что о. Постновъ пилъ цѣлые дни. Встанеть, напьется и ляжетъ спать; затѣмъ опять встанеть и повторяетъ то же самое. Такъ проходилъ день за днемъ. Отъ пьянства у него тряслись руки, и онъ звалъ коридорнаго, чтобы тотъ ему наливалъ.

Кромъ того у него всѣ дни находилась «барышня», для которой покупались конфеты. Замѣтимъ, кстати, что священнику 60 лѣть.

На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что о. Постновъ уже разъ признался по обвиненію въ кражѣ, но быть оправданъ.

Прочитано было, между прочимъ, прошеніе прихожанъ с. Благовѣщенскаго архіерею о разрѣшении служенія Постнову. Прошеніе написано выспарнымъ слогомъ и заключаетъ въ себѣ длинный перечень заслугъ ищеника, вродѣ: «жизнь вель по сану», «ко всѣмъ относился любовно отечески», «ко храму Божію всегда былъ аккуратенъ», «служилъ назидательно и часто молебствовалъ» и т. п. Однако, дьяконъ Никольский, давший показанія благопріятныя для Постнова, вынужденъ быть отвѣтить вопросу прокурора, что тѣ же прихожане жаловались преосвященному о. Постнова за «его нетрезвый образъ жизни». А на вопросъ, кто сдалъ прочитанное на судъ прошеніе, отвѣтилъ: «Какъ будто о. Постновъ,—рука какъ бы его».

Любопытно; что на прошеніи было много подписей неграмотныхъ, прим., такъ: «за неграмотнаго такого-то расписался Иванъ Негодяевъ».

Предварительная медицинская экспертиза дала противорѣчивыя заключенія о состояніи здоровья Постнова. На судѣ послѣдній вновь былъ подрѣгнутъ освидѣтельствованію четырехъ экспертовъ-психіатровъ. Единогласное заключеніе ихъ было, что о. Постновъ въ настоящее время совершенно здоровъ и физически и психически.

Присяжные засѣдатели вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

Не можемъ не отмѣтить одного неумѣстнаго, по нашему мнѣнію, приема юриста. Обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, защитникъ, между прочимъ, сказалъ: «Не забывайте при этомъ, что обвиняется священникъ православный,—и где же? въ мѣстахъ распространенія раскола; какъ хотите, вашъ обвинительный приговоръ будетъ неумѣстенъ и дурно истолкованъ врагами православной церкви».

Намъ кажется, что такого рода давленіе на совѣсть присяжныхъ засѣдателей является не совмѣстимымъ съ достоинствомъ защиты, а въ особенности съ подлиннымъ достоинствомъ православной церкви.

18 октября прошлаго года вологодскій губернаторъ гр. Мусинъ-Пушкинъ а публичномъ обѣдѣ, обратившись къ мѣстнымъ купцамъ, убѣждая ихъ е торговать въ этотъ день (18 октября какой-то мѣстный праздникъ). И въ этотъ великий праздникъ,—сказалъ, между прочимъ, губернаторъ,—отъ же обмѣръ и тотъ же обвѣсь». Вологодское купечество напшло такія лова губернатора для себя оскорбительными и, собравшись въ экстренномъ обратіи, единогласно постановило поручить купеческому старостѣ довести до свѣдѣнія высшаго начальства въ Петербургъ и просить его объ граждѣніи купечества отъ оскорблений со стороны губернатора. Жалоба

эта была признана не заслуживающей уважения. При этомъ купечество поставлено на видъ, что «обсужденіе сословно-общественными собраніями рѣчей губернатора, съ изъяненіемъ протестовъ на подобныхъ рѣчи, составляетъ явное неуваженіе по отношенію къ представителю высшей правительственный власти въ губерніи и потому не можетъ быть терпимо».

По этому поводу *Промышленный Миръ* высказываетъ слѣдующий образъ.

«Мы не знаемъ, жаловалось ли вологодское купечество на такой отвѣтъ министерству финансовъ. Мы не знаемъ, обжаловало ли вологодское купечество полученный имъ отвѣтъ въ сенатъ, но для такой жалобы нѣть самыя существенная основанія. Въ законѣ нигдѣ не сказано, что губернаторъ въ правѣ оскорблять словомъ безнаказанно, и нигдѣ въ законѣ не сказано, что обывателямъ воспрещается оскорбляться дѣйствительно оскорбительными словами губернатора. Если губернаторъ кричить на кого-либо плутъ, мошенникъ, негодяй, то опъ совершаеть такое же преступленіе, какъ и всякий другой частный человѣкъ. Представимъ себѣ, что китъ губернатора на обѣдѣ 18 октября говорилъ бы корреспондентъ какой-либо газеты и уснастилъ бы свою рѣчь приведенными оскорбительными выраженіями. Онъ учинилъ бы преступленіе, предусмотрѣнное ст. 131 Устава наказаніяхъ, и мировой судья приговорилъ бы его за обиду «въ многолюдномъ собраніи» къ аресту на мѣсяцъ или къ денежному взысканію въ 100 р. Подъ этой 131 статьей нѣть примѣчанія, гласящаго, что губернаторы могутъ оскорблять словами въ многолюдномъ собраніи безнаказанно. Въ «Правилахъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ» обсужденіе рѣчей губернаторовъ не запрещено сословнымъ общественнымъ собраніямъ и не предписано, съ случаемъ обсужденія этихъ рѣчей, обязательно съ ними соглашаться и не протестовать. Точно также въ законѣ нигдѣ не сказано, что нетерпимое неуваженіе къ представителю высшей правительственной власти въ губерніи является, между прочимъ, и признаніе сословно-общественными собраніями оскорбительныхъ рѣчей губернатора заслуживающими обжалованія. Порядочные предположенія о «нетерпимомъ уваженіи» любиль строить покойныи Анастасьевъ. Онъ былъ глубокоубѣжденъ въ томъ, что жалоба на губернатора за оскорбление на словахъ есть нетерпимое проявленіе неуваженія къ представителю высшей правительственной власти въ губерніи. Онъ созѣль, что въ Петербургѣ думали иначе, и какъ обрадовался бы теперь покойный представитель патріархального, семейного отишненія къ законности и правопорядку, если бы онъ прочелъ резолюцію на жалобу вологодскому купечеству. Онъ любиль уснащать свои отческія внушенія «казаками съ вами», и многимъ казалось, что онъ высоко держаль знамя власти. Мы думаемъ, что губернаторъ проявилъ «нетерпимое неуваженіе» къ вѣреному высшей власти, прибегая къ оскорбительнымъ выраженіямъ на многолюдномъ собраніи. Такъ, навѣрно, решить дѣло и сенатъ, если волки

де купечество ознакомить его со своимъ столкновеніемъ съ мѣстнымъ бернаторомъ».

Нѣсколько времени тому назадъ въ нижегородскомъ обществѣ распространенія начального образования въ Нижегородской губерніи произошелъ рактерный для нашихъ общественныхъ правовъ инцидентъ. Въ совѣтѣ общества зашла какъ-то рѣчь о членѣ общества г. Скворцовѣ, горячо криковавшемъ на общемъ собраніи дѣйствія совѣта. При этомъ одинъ изъ еновъ совѣта г. Брызгаловъ позволилъ себѣ заявить, что г. Скворцовъ ловѣкъ «неблагонадежный» и что влѣдствіе этого, если объявлено будетъ о участіе въ народныхъ чтеніяхъ, послѣднія разрѣшены не будутъ. Слова Брызгалова проникли въ печать и, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно волновали мѣстное общество. И въ самомъ дѣлѣ, русская жизнь пріучила сѧ ко всевозможнымъ инцидентамъ въ общественныхъ собраніяхъ, мы, жется, даже не можемъ себѣ представить общественного собранія безъ инцидента», но до соглядатайства и сыска мы еще, слава Богу, не дошли. Люди, предававшіеся этими почтенными занятіямъ, всегда дѣли свое дѣло потихоньку, безъ шума, безъ, такъ называемыхъ, лишнихъ разговоровъ,—г. Брызгаловъ предпочелъ открытый образъ дѣйствій, ия чего, конечно, нужно было обладать большимъ запасомъ смѣлости и кровенности.

Въ виду того, что инцидентъ вызвалъ общее негодованіе и соотвѣтствующіе комментаріи въ печати, предсѣдатель общества г. Садовень счелъ ужнымъ выступить съ опроверженіемъ, въ которомъ заявлялось, что совѣтъ опроса о неблагонадежности г. Скворцова не поднималъ, а были лишь акіе-то «раздутые частные разговоры». Па это г. Скворцовъ отвѣтилъ, то опроверженіе неосновательно и предложилъ г. Садовеню третейскій судъ. Уда г. Садовень не пожелалъ, а взамѣнъ того отказался отъ званія предсѣдателя общества.

Послѣ этого инцидентъ поступилъ на обсужденіе общаго собранія, въ оторое ревизіонная комиссія общества вошла съ специальнымъ докладомъ о поводу его. Комміссія установила, что фактъ заявленія г. Брызгаловымъ о «неблагонадежности» г. Скворцова, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто, то что это былъ {«частный разговоръ», официально же совѣтомъ такой опросъ не поднимался. Въ виду этого собраніе не нашло пужнымъ выказаться обѣ томъ фактѣ, но все же большинствомъ 35 человѣкъ противъ 23 признало образъ дѣйствій г. Скворцова не корректнымъ. Затѣмъ г. Садовень снова былъ избранъ предсѣдателемъ общества. Намъ это рѣшеніе общаго собранія кажется довольно страннымъ. Входя въ то или другое благотворительное или просвѣтительное общество, отдавая ему безконтрольно свое время, трудъ или средства, никто изъ настѣ не разсчитываетъ, что по поводу его общественной дѣятельности другіе члены общества будутъ производить сыскъ обѣ его образѣ мыслей. Г. Скворцовъ, узнавшій, что другой членъ общества заявилъ обѣ его «неблагонадежности», имѣлъ

право защищаться, имѣть и право негодовать... Если онъ и погорячи немножко, то при такомъ положеніи вещей это было болѣе, чѣмъ извинительно. Общество не должно было уклоняться отъ обсужденія дѣйствій г. Брызгалова. Что послѣдній поднялъ «частный разговоръ» о неблагонадежности г. Скворцова, а не сдѣлать официального заявленія, особаго значенія здѣсь не имѣть, такъ какъ этотъ «частный разговоръ» онъ велъ съ членами совѣта и по поводу общественной дѣятельности г. Скворцова. Да и вообще какое это оправданіе, что разговоръ быть частный?...

Въ результатѣ всего инцидента оказалось слѣдующее: г. Брызгаловъ преблагополучно остался члѣпомъ общества и будеть имѣть полную возможность и впредь вести съ членами его интересные «частные разговоры», а г. Скворцовъ долженъ быть изъ общества уйти.

11 сентября 1899 года, въ 6 час. 30 мин. утра, въ селѣ Бордяяхъ, въ квартиру учительницы М. Г. Лавровской, когда она сидѣла въ постели и была не одѣта, явился полицейскій сотскій Попомаревъ и сказалъ, что у него есть письмо, которое опять можетъ передать только лично ей. Когда Лавровская встала съ постели и протянула руку черезъ перегородку, чтобы взять письмо, Попомаревъ, сорвавъ дверь, *рвался въ спальню и, схвативъ за руки Лавровскую, вмѣстѣ съ начальскимъ урядникомъ Красногорскими поставили ее неодѣтую въ залъ*, куда въ это время явился приставъ Крюковской съ урядникомъ Дубровскимъ и понятыми. На вопросъ Лавровской, почему съ ней такъ поступаютъ, Крюковской сначала не дала никакого опредѣленного отвѣта, и тѣмъ объяснила, что у нея долженъ быть произведенъ обыскъ, такъ какъ она живетъ по подложному паспорту. Послѣ этого Лавровской позволено было одѣться *тутъ же въ залѣ, въ присутствии Крюковского и урядниковъ*, хотя она просила дозволить ей сдѣлать это въ спальне. Затѣмъ Крюковской отправилъ ее съ урядникомъ Дубровскимъ въ больницу къ земскому врачу Салтыкову, для освидѣтельствованія ея пола, самъ же остался въ ея квартирѣ для производства обыска. Сначала врачъ Салтыковъ согласился подвергнуть Лавровскую освидѣтельствованію, но, потомъ сдѣливъ на убѣжденія Крюковского, освидѣтельствовалъ Лавровскую, несмотря на ея протесты. Послѣ освидѣтельствованія Лавровской, Крюковской отправился вмѣсть съ нею на ея квартиру, гдѣ, извиняясь, объяснилъ, что съ нею было поступлено такъ потому, что она боялся, что она употребить въ дѣло револьверъ. Когда Лавровскую тащили изъ спальни въ залу, то такъ трубо съ нею обращались, что у нея на тѣлѣ ожидано барабано цепта кровоподтеки, удостовѣренные свидѣтельствомъ врача, въ заключеніи которого кровоподтеки эти могли произойти отъ удара палкой или нажима руки.

По жалобѣ Лавровской приставъ былъ преданъ суду за превышеніе

асти. На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что проживающій въ с. Бонряхъ купецъ Егоровъ по порученію дяди своего Бѣлкина просилъ Крювскаго освидѣтельствовать Лавровскую, подозрѣвая, что она мужчина находится въ любовной связи съ женой Бѣлкина. По объясненію Крювскаго онъ, получивъ 10 сентября такое заявленіе и заподозривъ, что дѣло имѣнеть Лавровской скрывается важный уголовный или политический естущникъ, рѣшилъ на слѣдующій же день приступить къ обыску и видѣтельствованію ея, не производя предварительного дознанія или опроса гостей с. Бондарей. Рѣшительныя же мѣры онъ принялъ изъ опасенія, что Лавровская застрѣлится изъ револьвера, который она, по слухамъ, носила собою и котораго въ дѣйствительности у нея не оказалось. Сотскій казалъ, что онъ дѣйствовалъ по приказанію Крюковскаго. Егоровъ жеъяснилъ, что дядя его Бѣлкинъ передалъ ему два письма, писанныя, будто и Лавровскою, хотя и безъ ея подписи; письма эти писаны были отъ юноши мужчины и въ нихъ говорилось о какомъ-то ребяпкѣ. Квартира хозяйки показала, что до обыска у Лавровской, содержавшей частное училище, обулся 15—16 дѣвочекъ, а теперь всего 4—5.

Товарищъ прокурора Шариковъ просилъ судъ отнести къ Крюковскому снисходительно, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ заблужденіи, что Лавровская, дѣйствительно, важный уголовный или политический преступникъ. Прокуроръ рекомендовалъ примѣтить къ подсудимому не 343, а более мягкую 341 ст. Защитникъ Крюковскаго доказывалъ, что подсудимый дѣйствовалъ вполнѣ нравственно и на законномъ основаніи, и если бъ онъступилъ иначе, то могъ бы быть обвиненъ въ бездѣйствіи власти.

Судъ, согласно просьбѣ прокурора, призвавъ Крюковскаго виловнымъ по 41 ст., приговорилъ его къ вычету шести мѣсяціевъ изъ времени службы.

Ну, скажите, читатель, развѣ это все не фантасмагорія? Развѣ не фантасмагорія этотъ купецъ Бѣлкинъ, заподозрившій въ учительницѣ мужчину, находящагося въ любовной связи съ его женой (такъ ли еще это было? было ли здѣсь простой мести?), и этотъ приставъ, которому достаточно было голословнаго заявленія племянника Бѣлкина, чтобы немедленно заподозрить (?), что въ лицѣ Лавровской скрывается важный преступникъ и слѣдующій же день ее освидѣтельствовать; и врачъ, согласившійся прошмыть надъ беззащитной дѣвушкой, восемь лѣтъ прожившой въ этомъ лѣ, столь унизительную процедуру, и, наконецъ, даже защитникъ, наивший, что приставъ дѣйствовалъ вполнѣ нравственно и законно? Да, и это не болѣе какъ фантасмагорія, но какая жестокая, безобразная антасмагорія! И сколько здѣсь возмутительныхъ подробностей! Зачѣмъ ужно было вытащить изъ постели дѣвушку неодѣтой? Почему не дали ей сѣсть въ спальнѣ и заставили сдѣлать это въ присутствіи мужчинъ? почему ее тащили такъ грубо, что у нея даже кровоподтеки оказались на щекахъ?... Но развѣ у людей, способныхъ на такія дѣйствія, спрашиваютъ *чѣмъ и почему?*...

Поучительны и дѣйствія крапивенскаго исправника Граббе, дѣло о коемъ рассматривалось 20 ноября въ уголовномъ кассационномъ департаментѣ сената.

Въ г. Крапивну (Тульской губ.) прибыла труппа странствующихъ актеровъ, и одинъ изъ членовъ ея Ив. Касиловъ отправился къ уѣзжему исправнику К. К. Граббе съ просьбой разрѣшить труппѣ давать представления. Исправникъ отказалъ на томъ основаніи, что незадолго передъ тѣмъ въ Крапивнѣ была уже такая труппа, которая произвела скандалъ. Былъ явился вторично Касиловъ къ Граббе съ той же просьбой, и тогда послѣдний сталъ его ругать и кричать: «вонъ, мерзавецъ!». Послѣ того г. Граббе взялъ подпись съ членовъ труппы въ томъ, что они должны выѣхать изъ г. Крапивны, а когда тѣ не выѣхали, то троихъ изъ нихъ, именно Балкова, Богданова и Романову, Граббе заключилъ въ тюрьму, продержавъ ихъ около 7 дней и выслалъ Касилова и Богданова по этапу въ губ. приписки, несмотря на то, что всѣ указанные лица имѣли узаконенные виды на жительство.

Преданный суду, Граббе оправдывался тѣмъ, будто труппа бродягъ актеровъ нищенствовала, выпрашивая у жителей деньги на дорогу; объясненія эти были опровергнуты показаніями свидѣтелей, установившихъ, что актеры нищенствомъ не занимались, были весьма прилично одѣты; что при обыскѣ, произведенномъ у нихъ по распоряженію Граббе, у нихъ найдены были костюмы и декорации; протоколъ же о нищенствѣ былъ составленъ самимъ Граббе уже послѣ заключенія актеровъ въ тюрьму.

Московская судебная палата приговорила Граббе къ аресту при гауптвахтѣ на 3 недѣли. Правительствующій сенатъ оставилъ жалобу обвиненного безъ послѣдствій.

Скончался Александръ Константиновичъ Шеллеръ, писавшій подъ псевдонимомъ А. Михайлова. Въ его лицѣ сошлись въ могилу одинъ изъ сподвижниковъ писателей 60 и 70 годовъ, человѣкъ честныхъ убѣждений непоколебимой преданности лучшимъ завѣтамъ нашей литературы, нерушимый работникъ, бодрой рукой съявший въ обществѣ съмена правды и добра. Шеллеръ не былъ первокласснымъ талантомъ; идеи, которыми онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, были не новы, но такова сила честной мысли, глубокой убѣжденности и теплой вѣры въ правду и добро, что романы его — «Гнилые болота», «Жизнь Шупова», «Лѣсь рубить — лѣса летятъ», «Хлѣба и зѣльищъ» пріобрѣли самую широкую популярность, ими также усердно зачитывались, какъ лучшими произведеніями нашей первоклассныхъ писателей.

Покойный не былъ чуждъ и публицистики и помѣстилъ рядъ статей педагогическимъ и соціальнымъ вопросамъ въ *Дѣлѣ*, *Русской Мысли*, *Библиотекѣ Обозрѣній* и друг. журналахъ. Какъ популяризаторъ, онъ обрѣлъ себѣ почетное имя въ нашей литературѣ.

Въ Петербургѣ чествовали тридцатилѣтіе литературной дѣятельности К. Нотовича, редактора петербургской газеты *Новости*. Юбиляра горячо привѣтствовали собратья по журналистикѣ, онъ получилъ многочисленныя привѣтствія отъ современныхъ изданій, обществъ и частныхъ лицъ. Привѣтствовала г. Нотовича, конечно, и *Русская Мысль*. Можно по важнымъ даже вопросамъ не соглашаться съ *Новостями*, но нельзя не признать за ними большихъ заслугъ: газета всегда отличалась терпимостью, тѣзывчивостью къ запросамъ нашей общественной жизни, всегда старалась ащищать интересы справедливости и гуманности. Литературная дѣятельность г. Нотовича не исчерпывалась статьями въ *Новостяхъ* и руководствомъ газеты: онъ выступалъ вѣнѣ ея и какъ публицистъ, и какъ раматический писатель. Искренно желаемъ ему долгихъ лѣтъ плодотворной работы.

Когда эта книжка появится въ свѣтѣ, въ Варшавѣ будетъ уже отпразднованъ юбилей знаменитаго польского писателя Сенкевича. *Русская Мысль* авно знакомить читателей съ романами и повѣстями этого первокласснаго писателя. Варшавскій праздникъ является не только польскимъ и славянскимъ, но и праздникомъ литературы вообще, потому что Сенкевича знаютъ и цѣнятъ во всемъ образованномъ мірѣ.

Ped.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЪНИЕ.

Не радостно кончается нынешний годъ и девятнадцатое столѣтіе. Въ вѣстія изъ Китая далеко не успокоятельны для европейскаго консульства которому, къ счастью, мы не принимаемъ большого участія. Посыпаются во внутрь Китая «карательные» военные экспедиціи, ведутся переговоры о мирѣ, но дѣло успокоенія мало подвигается впередъ.

Россія не можетъ совершенно покинуть свойскій европейскій товарищ. Представимъ себѣ, что сильная китайская армія отрѣжетъ Пекінъ отъ Тынзина и Таку; русскимъ войскамъ въ такомъ случаѣ пришлось бы идти на выручку. Это было бы въ высшей степени печально, но въ нравственномъ политическомъ смыслѣ необходимо.

Правда, есть у насъ, какъ уже отмѣчалось въ *Русской Мысли*, проповѣдующіе союзъ Россіи, Китая и Турціи (особенно отмѣчается въ этомъ отношеніи г. Суворинъ), но ни одинъ серьезный членъ,—къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ,—не присоединилъ идѣи подобного тройственнаго союза.

Менѣе чудовищно предложеніе союза двойственного,—нашего отечества Китаемъ, которое дѣлается княземъ Эсперомъ Ухтомскимъ, редакторомъ *Петербургскихъ Вѣdomостей*. Онъ собралъ свои статьи о китайскомъ вопросѣ въ брошюру *Къ событиямъ въ Китаѣ, объ отношеніяхъ Запада съ Россіей и Востокомъ*. Мы сказали, что его «мысль» менѣе чудовищна, чѣмъ «мысль» г. Суворина, но чудовищна и она въ достаточной степени.

Въ брошюре кн. Ухтомского есть часть пророческая. Предсказанія въ оправдались. «Думать,—пишетъ авторъ,—что Индія останется вполнѣ спокойной, когда половина родного ей материка заговорить, нѣть никакихъ основаній. Скорѣе къ осени случится наоборотъ, и англичанамъ, правда, слѣдуетъ быть тамъ болѣе насторожѣ, чѣмъ на печенгійскомъ побережїи въ бассейнѣ Янъ-цы-цзяна».

Осень прошла, наступилъ декабрь, и Индія осталась спокойной.

Мы согласны, что европейскія державы поступали съ Китаемъ въ несправедливо, что корысть и насилие играли въ этихъ отношеніяхъ опредѣльную роль; но, по нашему мнѣнію, искаженіемъ истины является утвержденіе кн. Ухтомского, что мы были въ этомъ отношеніи совсѣмъ безпры

Впрочемъ, покончимъ прежде съ Индіей. По мнѣнію редактора *Петербургскихъ Вѣдомостей*, «наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и ечальны въ материальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои скончанные права».

Изумленный читатель желаетъ, конечно, доказательствъ. Ихъ нѣть (несколько легендъ и анекдотовъ не могутъ, по меньшей мѣрѣ, служить доказательствомъ). Зато есть противоположное: «Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ,—читаемъ мы въ брошюрѣ,—та же неоглядная, *неизслѣдованная*, никакими еще мыслителями не созпавшая допетровская Русь (?) съ ея неочатой ширью преданія и неизыскающей любовью къ чудесному, съ ея инренной покорностью насыщеннымъ за грѣховность стихийныхъ и прочимъ Ѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ уховномъ обликѣ».

На слѣдующей же страницѣ авторъ, увѣряющій насъ, что наше прошлое прошлое Индія «до мелочей сходны и родственны», говорить такимъ образомъ: «Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и, повидимому, толь неоднородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне юбоштынъ фактахъ параллель,—тѣмъ не менѣе намѣтить ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно надо: поэтому именно русскому особенно интересно привести подобные мысли въ извѣстную связь».

Непріятно видѣть, что подававшій большія надежды публицистъ столь егокомысльно относится къ очень важнымъ международнымъ вопросамъ.

Дальше—еще хуже. «Разъ что—говорить кн. Ухтомскій,—понятія «Росія» и «Востокъ»,—подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуцианства и т. п.,—поставлены будуть исторіософами въ одну органически ѡльную группу жизненно стойкихъ народовъ,—ихъ одинаково рѣзкое отличие отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало-по-малу выяснится всякому беспристрастному наблюдателю»,

«Азія, строю говоря (!),—возвѣщаетъ нашъ политикъ,—въ полномъ бѣмъ есть та же Россія» (!).

Затѣмъ начинаются неумѣстныя публицистические шутки: «Вторженіе въ ужой замысловатый строй, эксплоатація Азіи во славу жалкихъ эгоистическихъ предубѣждений современного soit - disant образованнаго человѣчества тамъ претила. Мы слишкомъ двѣсти лѣтъ оставались дома, — ибо нельзя газывать естественное сияніе съ Туркестаномъ и Приамурьемъ политическими захватами,—мы оставались дома съ традиционною беспечностью и могучей ѿнью, пока Тихій океанъ становился ареной западно-европейского натиска и туземцевъ со старицкимъ устройствомъ и несомнѣнною культурой».

Утверждая мнимое тождество русскихъ и китайскихъ государственныхъ

и народныхъ началъ, восхваляя за это Китай, кн. Ухтомскій признаетъ однако царство бодыхановъ политически дряхлымъ (стр. 41). Не забыть, что, въ его истолкованіи, по отношенію къ нашему отечеству, но тутъ нѣтъ никакой обмолвки. Черезъ шесть страницъ мы читаемъ: «когда пришло познать новыхъ и на этотъ разъ крайне опасныхъ враговъ (европеевъ), дряблое состояніе воли и чувствъ у самодовольного китайского правительства помышляло ему уяснить себѣ правду относительно собственной отсталости. Оно продолжало и продолжаетъ смотрѣть на себя какъ на центр земли, неподготовленное понести кару за столь прогательное самоослѣпленіе».

Застой кн. Ухтомскаго считаетъ вполнѣ разумнымъ и нормальнымъ для государства, которое прожило не мало стъковъ (стр. 58). Видѣть съть, при всѣхъ великолѣпнѣйшихъ особенностяхъ китайской государственной жизни, обнаружилась беспомощность центральной администраціи (стр. 64). И спасать Китай должна Россія!

Азія, по словамъ кн. Ухтомскаго, насть крушила и насть обновляла (1), въ государственномъ смыслѣ, въ нашихъ политическихъ идеалахъ...

Мы горячо протестуемъ противъ этого утвержденія: влияніе Азіи въ Россію, на христіанское и европейское государство, могло быть только прѣгубнымъ. Бѣ счастію, оно вовсе не такъ велико, какъ живописуетъ кн. Ухтомскій, и мы быстро вступаемъ полноправнымъ членомъ въ европейскую культурную жизнь.

«Побѣдитель» фельдмаршаль Робертъ выѣхалъ изъ южной Африки въ Англію, гдѣ его ожидаютъ восторженныи встрѣчи, а новый главнокомандующій, прославившійся своею жестокостью въ Египтѣ, лордъ Битчнеръ сообщаетъ о пораженіяхъ, которыя буры наносятъ англичанамъ. Война кончена, и она безславна для британской монархіи, ведущей ее съ варварскою жестокостью. Президентъ Крюгеръ при его высадкѣ въ Марселе, на пути въ Парижъ, и въ самомъ Парижѣ былъ предметомъ восторженныхъ оваций. Его принялъ президентъ республики и немедленно отдалъ ему избѣгать. Затѣмъ Крюгеръ думалъ отправиться въ Берлинъ, но въ Бельгіи получилъ уведомленіе, что не будетъ принять германскій императоръ. И селеніе знаменитаго прирейнскаго города устраивало въ честь президента трансаальской республики сочувственный манифестаціи, которымъ властѣ препятствовала полиція. Еще болѣе горячій приемъ встрѣтилъ Крюгера въ Голландіи, гдѣ онъ былъ принятъ воролевой Вильгельминой и министромъ

Въ германскомъ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ, почему Крюгеръ получилъ отказъ въ аудиенціи императора. Имперскій канцлеръ въ пристрастной рѣчи отрицалъ въ данномъ случаѣ всякое воздействиѣ со стороны Англіи и объяснялъ отказъ общими условіями международного положенія Громады. Графъ Бюловъ признавалъ сильное теченіе въ пользу бурровъ въ южной Африкѣ народѣ, но доказывалъ, что правительство не можетъ руководить временными популярными движеніями. Германія ни въ какомъ случаѣ не приметъ на себя починъ вмѣшательства въ войну между Великобританіей

южно-африканскими республиками, и поэтому свиданіе Брюгера съ императоромъ не могло имѣть никакого практическаго послѣдствія.

Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить еще одно: сочувственный рѣчь манифестаціи во Франціи и Голландіи раздражаютъ англійское общественное мнѣніе; сближенію Германіи съ Англіей былъ бы нанесенъ сильный ударъ такими же демонстраціями въ Германіи, въ особенности пріемомъ Брюгера императоромъ или канцлеромъ. Всего вѣроятнѣе поэтому, что подка Брюгера въ Европу не принесетъ пользы дѣлу буровъ. Надежду на стущничество онъ можетъ питать только по отпушкеню къ одному государству Европы, но обстоятельства такъ складываются, что и этой надеждѣ вѣдено осуществиться. Несправедливая и жестоко веденная война кончится торжествомъ побѣдителя. Остается пожелать, чтобы постоянная международная комиссія въ Гаагѣ, куда державы уже назначили представителей, предотвратила подобныя события въ будущемъ.

Прибавимъ нѣсколько свѣдѣній объ иберо-американскомъ или испано-американскомъ конгрессѣ, который происходилъ въ Мадридѣ въ ноябрѣ искающего года.

Конгрессъ былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ испанского министра иностраннѣхъ дѣлъ, въ присутствіи другихъ министровъ, папскаго нунція многихъ представителей политического и литературнаго міра. Въ конгрессѣ риняли участіе слѣдующія американскія государства: Аргентина, Колумбія, ости-Рика, Чили, Эквадоръ, Гватемала, Гондурасъ, Никарагуа, Мексика, арагвай, Перу, Сальвадоръ, Санть-Домінго, Уругвай и Венецуэла. Во главѣ делегаций отъ государствъ стоять по большей части ихъ посланники и генеральные консулы въ Испаніи. Почетныхъ президентовъ 22, между которыми находятся Сильвела, Сагаста, Эчагараи, Ну涅съ де-Арсе, Пи-и-Миргалль др. Вице-президентовъ 8 (въ числѣ ихъ Мадуэнъо, редакторъ-издатель *El Mundo Latino*). Конгрессъ раздѣляется на слѣдующія секціи: 1) политической экономіи и торговыхъ сношеній, 2) пассажирскаго и торгового виженія, почты, телеграфовъ и постоянныхъ выставокъ, 3) банковыхъ и иржевыхъ сношеній и вопросовъ образования, 4) наукъ и литературы, 5) юриспруденціи и законодательства, 6) третейскаго суда и печати.

Съ того момента, какъ Испанія въ несчастной войнѣ съ Соединенными Штатами потеряла свои колоніи, исчезнула послѣдний поводъ къ непріязни недовѣрю къ ней со стороны колоній, а теперь южно-американскихъ республикъ. Сказались племенное родство и стремленіе оградить себя отъ южно-американскаго (англо-саксонскаго) имперіализма.

Англо-саксовъ считается 115 миллионовъ, испанцевъ Европы и Америки—50 миллионовъ (кромѣ того португальцевъ 15 миллионовъ). Объединеніе иберо-американской расы составить поэтому крупную силу въ нравственномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Ораторы на конгрессѣ заставали и на идеиномъ, и на практическомъ значеніи съѣзда представителей одиннадцати государствъ. На закрытии конгресса Море, бывшій ми-

нистромъ въ либеральномъ испанскомъ кабинетѣ, при горячемъ одобрѣніи присутствовавшихъ, говорилъ, что горе не побѣжденныи, а одиноки.

И на конгрессѣ, и въ испанской и французской печати, которая вполнѣ слѣдила за конгрессомъ, высказывалась мысль о необходимости сближенія латинской расы вообще въ миролюбивыхъ и культурныхъ цѣляхъ. Этимъ бытъ бы создать противовѣсь англо-америко-германской мощи; но если принять во вниманіе, что Италия давно уже вовлечена въ тройственный союзъ, что Португалия совершенно подчиняется Англіи, то такую мысль будетъ правильнѣе назвать мечтою. Въ самой Испаніи испытанный ею военный погромъ не малому научилъ правителей. Для того, чтобы въ дѣятельности занять почетное и влиятельное мѣсто по отношенію къ англо-американскимъ республикамъ, необходимо ихъ бывшей метрополіи приступить къ широкимъ внутреннимъ реформамъ. Жизнь испано-американскихъ регу-
бликъ течеть также далеко неправильно, и матежи и междуусобія губятъ благ-
состояніе многихъ изъ нихъ.

По поводу предложенія делегата Перу обѣ учрежденія постояннаго и обязательнаго третейскаго суда между всѣми испано-американскими государствами съ энергичнымъ возраженіемъ выступилъ представитель Чили. Это объясняется тѣмъ, что Чили отнюдь не желаетъ отказаться отъ своихъ захватовъ въ ущербъ Перу и Боливіи. Плохое предзнаменование для ускользающаго хода дѣла.

Конгрессъ избралъ постоянный исполнительный комитетъ, который долженъ подготовить второй конгрессъ. Интересно прибавить, что на будущий годъ въ Мексико собирается второй пан-американскій конгрессъ, на которомъ будутъ участвовать представители всѣхъ американскихъ государствъ и где преобладающая роль будетъ, конечно, принадлежать Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Какъ въ такомъ случаѣ представители южно-американскихъ республикъ согласуютъ постановленія будущаго конгресса съ постановленіями мадридскаго,—представляется загадочнымъ.

Въ Австрии начались выборы въ парламентъ. Въ Галиціи и Буковинѣ не произошло измѣненій. Преобладающее, господствующее даже положеніе сохранили за собою поляки. Газеты сообщаютъ, что при этомъ опять было пущено въ ходъ сильное административное давленіе.

До сихъ поръ существуетъ увѣренность, что и новый парламентъ останется неработоспособнымъ, вслѣдствіе непримиримаго раздора партий. Ни немцы-централісты, ни чехи-автономисты ни въ чёмъ не измѣняютъ своихъ противоположныхъ требованій.

Весьма важное значеніе будетъ имѣть роль, которую приметъ на себѣ польский парламентскій клубъ. Одинъ уже разъ этотъ клубъ, руководимый Яворскимъ, отделился отъ чеховъ. Повидимому, онъ и теперь имѣетъ въ виду подобную возможность. Нѣкоторые изъ польскихъ политическихъ силъ настаиваютъ на томъ, чтобы, хотя бы и вопреки чехамъ, образовать въ рейхсратаѣ работоспособное большинство, безъ политической программы.

и ссылаются на то, что бездѣйствіе парламента пагубно отражается на экономическомъ развитіи страны и угрожаеть самому существованію въ строѣ конституціоннаго образа правленія. Но главнымъ образомъ тутъ существуетъ опасеніе, какъ бы въ результатѣ чешской обструкціи не походали польскіе интересы. Чехи стремятся получить въ Богеміи и Моравіи то, чѣмъ поляки давно уже пользуются въ Галиції, и поддержать ихъ до бы дѣломъ справедливости.

Германская печать отмѣчала злоупотребленія при выборахъ въ Галиції. *Frankfurter Zeitung* сообщаетъ, что администрація производила противовесные аресты, безъ всякаго основанія запрещала выборныя собранія, и д. *Frankfurter Zeitung* говоритъ, что шляхта, партія станчиковъ, не щадко круто распоряжается въ Галиції, но играетъ главную роль и во вѣ Цислейтаніи вслѣдствіе того, что правительство видѣтъ въ ней опору наркію.

Кабинетъ Вальдека-Руссо отразилъ всѣ нападенія реакціонныхъ партій. лата депутатовъ приняла правительственный проектъ амнистіи. Совершенно естественно желаніе правительства не возобновлять злополучнаго *ла*; но не менѣе естествененъ протестъ противъ амнистіи со стороны цѣ, вовсе не признающихъ себя виновными. *Дѣло* еще не покончено этому.

Франція переходитъ въ двадцатый вѣкъ и съ трудными колоніальными задачами въ Африкѣ и въ Indo-Китаѣ. Но некоторые признаки,—въ томъ съ продолжительное существованіе кабинета Вальдека-Руссо,—указываютъ на благопріятный поворотъ въ общественно-политической жизни страны.

В. Г.

Письма о современномъ искусствѣ.

X.

Сточтіе со дня рождения П. С. Мочалова.—Юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ (*Горе отъ ума*).—Бенефис г. Правдиня (*Отжитое время*, др. А. В. Суво-Кобылина).—Прощальный бенефис г-жи Уманецъ-Райской (*Таланты и наклонности*, А. Н. Островскаго).—Бенефис г-жи Лешковской (*Выходное предпріятие*, ил. А. Потѣхина).—Художественно-Общедоступный театръ (*Когда мы, мертвые, пробудаемся*, др. Г. Ибсена).—Художественные выставки въ 1900 году и „новыя“ выставки въ живописи.—Памяти пейзажистовъ Айвазовскаго и Левитана. — Изданія въ искусству.—Художественные журналы *Миръ Искусства* и *Искусство и Художественная Промышленность*.

Театральный сезонъ вступилъ въ свои права... Иначе положительно нельзя начать настоящей бесѣды. Помилуйте, юбилейное торжество, та бенефиса въ Маломъ театрѣ, изъ которыхъ одинъ, къ сожалѣнію, прощальный, и, наконецъ, постановка послѣдней драмы Г. Ибсена на сценѣ Художественного театра.

Судя по сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, Мочаловскія торжества въ Петербургѣ отличались значительно болѣе блескомъ. Торжественное засѣданіе театрального Общества, цѣлый рядъ рѣчей, привѣтствий, телеграммъ. Наконецъ, и самый спектакль имѣлъ болѣе юбилейный характеръ, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ поставлены были отрывки изъ исковѣданий, теперь уже ушедшихъ въ архивъ пьесъ, въ которыхъ такъ величественъ былъ Мочаловъ.

Въ Москвѣ торжество началось утромъ на могилѣ великаго артиста, куда собрались, однако, далеко не всѣ представители московскихъ театровъ. Были большинствомъ артисты Малаго театра и очень немногие представители частныхъ театровъ. Почему это? Неужели потому, что Мочаловъ скончался на сценѣ Малаго театра? Подальше, подальше подобныя мысли. Ешь умѣютъ у насъ, что ни говорите, чтить память умершихъ. На могилѣ Мочалова, послѣ молебствія, панихиды и возложенія на памятникъ вѣнцы сказали рѣчь лишь А. И. Южинъ. Прекрасную, сильную рѣчу сказали талантливый артистъ, глубоко-правдивую. Онъ говорилъ о завѣтѣ

юва—вѣчномъ стремлениі къ правдѣ русской сцены, говорилъ и о вто-
гъ завѣтѣ Мочалова—объ охраненіи достоинства русского актера, какъ
тителя. Увы, Мочаловъ испыталъ на себѣ всю тяжесть того взгляда на
хиста, который властно царилъ у насъ 50 лѣтъ тому назадъ. «Во вре-
мя Мочалова право было скорѣе фикცіей, чѣмъ понятіемъ»,—сказалъ далѣе
Южинъ. Съ этимъ, я думаю, мы всѣ безусловно согласны. И вотъ эту-то
ицкцю» права, другими словами безправіе, произволь—вотъ что вынесъ
своихъ богатырскихъ, права, но все же глубоко болѣвшихъ плечахъ Моча-
ловъ. И если Мочаловъ встѣки до конца оставался великимъ Мочало-
мъ, кумиромъ русского общества, то лишь потому, что гений Мочалова
бѣждалъ и обезоруживалъ безправіе.

Если мы посмотримъ, какимъ почетомъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ
пользуются у насъ сценические дѣятели въ настоящее время, то мы съ
легченіемъ сердцемъ должны вздохнуть и сказать: слава Богу, время
чалова—«отжитое время».

Одно лишь мѣсто въ рѣчи А. И. Южина нѣсколько смутило меня
и вариваюсь, цитирую его по *Новостямъ Дня*, въ которыхъ только и
явилась рѣчь г. Южина). «Не умираетъ жизнь,—сказалъ ораторъ,—и
нется равный по силѣ сценический талантъ, но не явится, да и нѣть
добности, чтобы явился—другой указатель пути, по которому должны идти
сценические дѣятели». Что хотѣлъ сказать А. И. Южинъ этой фразой? Что
зѣть Мочалова—«вѣчное стремлениѣ къ правдѣ русской сцены»—является
мъ указателемъ пути, по которому должны стѣдовать дѣятели сцены?

Если такъ, то спорить, разумѣется, не приходится, но остается еще
крытымъ весьма большой вопросъ, какъ осуществить на дѣлѣ это
стремлениѣ. Мочаловъ осуществилъ его своимъ геніемъ, но не всѣ же ар-
сты—Мочаловы. мнѣ кажется, и думаю я, что не ошибаюсь, г. Южинъ
ѣть въ виду въ приведенной части его рѣчи сказать нѣчто иное, чѣмъ
объясненіе, которое я привелъ. И кажется это мнѣ такъ изъ сопоставленія
изведенной мною мысли оратора съ другой рѣчью, сказанной имъ же въ
ославлѣ въ дни волковскихъ торжествъ. Въ этой рѣчи А. И. Южинъ
вонилъ между прочимъ о созданіи русского национального театра, того
атра, «основу которому положилъ Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь,
тровскій, Мочаловъ, Щепкинъ, Садовскій, Мартыновъ, того театра, ко-
ромъ чужды будутъ всѣ пошлыя исказженія и искривленія, вызываемыя
иди и извергненными, пресыщенными вкусами меньшинства».

Мнѣ кажется, въ приведенномъ мѣстѣ рѣчи въ честь Волкова и въ ра-
зѣ приведенномъ мѣстѣ рѣчи въ честь Мочалова звучить одна и та же
то: «*Но не явится, да и нѣть надобности, чтобы явился другой
указатель пути*»,—говорить г. Южинъ.

Не слишкомъ ли безапелляціонно осуждаетъ ораторъ всѣ новыя, пере-
ицаемыя нами попытки русскихъ же сценическихъ дѣятелей осуществить
правду русской сцены» нѣсколько иными путями, чѣмъ тѣ, которымишли
сценические дѣятели до послѣднаго времени? Вѣдь, можетъ быть, ищутъ-то

они, эти «новаторы», новыхъ путей именно потому, что гений рождается столѣтіями и что нельзя всю ответственность за достижение этой «правды» взваливать на плечи геніальныхъ артистовъ. Когда-то они придутъ! А тѣ же дѣлать всей громадной русской семье артистическихъ силъ, неужели ставь на одну точку, считать эту точку алфой и омегой «правды русской сцены?»

Вечернее торжество въ честь Мочалова въ Маломъ театрѣ мало чѣмъ отличалось и по программѣ, и по исполненію отъ обычныхъ программъ подобныхъ торжествъ. Предъ началомъ спектакля И. И. Ивановъ произнесъ вступительное слово, въ которомъ провозгласилъ оригинальную, правда, но въ сколько искусственную параллель между Чацкимъ-аристократомъ и Чацки-плебеемъ Мочаловымъ. Затѣмъ шло «Горе отъ ума» съ лучшими артистическими силами Малаго театра. Нужно ли говорить объ исполненіи? Нужно, потому что оно было далеко не такимъ, какимъ по праву мы могли бы его ожидать. И въ особенности поразилъ меня конецъ третьаго акта бѣсмѣтной комедіи. Какъ всѣмъ известно, онъ заканчивается слѣдующими заключительными словами горячаго монолога Чацкаго:

Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей азральныхъ,
И онъ осмѣлитъ ихъ гласно объявлять—

Глядь...

Чацкій оглядывается, всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ удѣдѣмъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ.

Такъ должно быть. Но не такъ заканчивается дѣйствіе на сценѣ погашего Малаго театра. Чацкій—г. Южинъ горячо произноситъ приведенные слова. «Глядь...» Чацкій—г. Южинъ оборачивается и видитъ пустую залу. Да, совершенно пустую залу! И занавѣсь не падаетъ. Чацкому—г. Южину ничего не остается, какъ уйти, и онъ уходитъ. И только послѣ его ухода раздаются звуки менуета, и по парамъ выходятъ, подплясывая, всѣ существующія лица комедіи. Въ первой парѣ г. Ленскій—Фамусовъ съ г-жой Садовской—графиней Хрюмипой, далѣе, кажется, г-жа Федотова—Хлестаковъ съ г. Худолѣевымъ—Молчалиннымъ, г-жа Яблочкина—Софья съ г. Рыболовымъ—Скалозубомъ, г. Таполовъ—князь Тугууховскій, и т. д. Дѣраза описываютъ они, подплясывая, кругъ, и только тогда падаетъ занавѣсь и скрывается отъ пасъ, наконецъ, окарикатуренный финальный дѣйствіе «Горя отъ ума!» Sapienti sat! Думаю, читатели не потребуютъ отъ меня дальнѣйшаго анализа разсказаннаго мною факта, они сами сделаютъ должный выводъ и произнесутъ свой безпредвѣтственный приговоръ. Мнѣ искренне жаль было г. Южину—Чацкаго, горячо сказавшаго прекрасный свой монологъ 3-го дѣйствія. Его красивый жестъ, которымъ онъ заканчиваетъ этотъ монологъ, совершенно пропалъ, ибо Чацкому «разумъ» вопреки, наперекоръ «стихіямъ» пришлось констатировать, выѣсто разумъ свѣтскаго бала, холодную пустоту и уйти, поскорѣе уйти... за кулисы.

ь исполнителей вполнѣ безукоризнены были лишь г. Южинъ—Чацкій, а Турчанинова—Лиза и г-жа Федотова—Хлестова. Очень умно прочи-
ть роль Репетилова г. Федотовъ. Игра всѣхъ остальныхъ исполнителей
ячалась болѣе или менѣе существенными недочетами. А. П. Ленскій
омнѣнно утрируетъ образъ Фамусова; отъ такого крупнаго артиста, какъ
бы, меныше всего можно было ожидать именно утрировки. Г. Ры-
зовъ въ роли Скалозуба очень живописенъ съ виѣшней стороны: совер-
шенно безцвѣтенъ г. Худолѣевъ въ роли Молчалина. Какъ это ни странно,
«Горе отъ ума» на сценѣ Малаго театра идетъ безъ Загорѣцкаго, ибо
изъ же въ самомъ дѣлѣ считать Загорѣцкимъ г. Васенина, изображаю-
го какого-то учителя танцевъ.

По окончаніи спектакля состоялось торжество въ честь Мочалова. На
нѣ, окруженній пальмами и лаврами, стоялъ извѣстный портретъ Мо-
чалова, изображающій трагика въ роли Мейнау въ драмѣ «Ненависть къ
дамъ и раскаяніе». Скорбный взоръ великаго артиста царилъ надъ всей
итальянской залой. Нѣмые уста его какъ будто шептали: «Сердце мое по-
до давно засыпанной могилѣ. Пусть истлѣваетъ то, что въ ней скрыто».
къ подножію портрета несли вѣнцы и вѣнчи, и скоро вокругъ Мочалова
разовалось живое море зелени... Оркестръ игралъ «Славу», и сердце всѣхъ
исуществующихъ трепетно сжималось... Гений великаго артиста какъ бы
такъ надъ нами, и вслѣдъ за скорбными словами Мейнау мы, казалось,
ышали бодряющій призывъ Мочалова своимъ товарищамъ по искусству:
«любите правду,—говорилъ онъ имъ,— любите беззавѣтно родное искус-
ство. Не замыкайтесь въ неприступныя твердыни себѧлюбія, не отвергайте
выхъ путей, если эти пути ведутъ васъ къ познанію той же дорогой
мѣ праѣды. Не умираетъ жизнь, и люди неустанно ищутъ новыхъ усло-
вій болѣе совершенного бытія. Такъ и въ искусствѣ—не бойтесь новыхъ
ченій, соединитесь всѣ въ общей дружной работѣ, ибо всѣми вами руко-
дѣть одно высшее начало—стремленіе къ правдѣ!»

О трехъ бенефисахъ въ Маломъ театрѣ можно ограничиться немногими
словами. Для этихъ бенефисовъ возобновлены были три старыя и всѣмъ
известныя драмы русскаго репертуара.

Положимъ, взяточничество безсмертно, и въ этомъ смыслѣ драма А. И.
Чухово-Кобылина можетъ быть названа вполнѣ современной драмой. Но
измѣнились приемы взяточничества, измѣнилась та атмосфера, въ которой
или, страдали и умирали люди сороковыхъ годовъ дoreформенной Руси.
втору, свидѣтелю этой эпохи, нетрудно было, благодаря его таланту,
ркими чертами набросать типы темныхъ дѣльцовъ 40-хъ годовъ. Гораздо
рудиѣ задача современныхъ артистовъ возсоздать предъ современнымъ
читателемъ картину этого «отжившаго времени». Много ли среди этихъ зри-
телей осталось такихъ лицъ, которыхъ могли бы засвидѣтельствовать намъ:
да, это такъ, вотъ именно такие Варравины, Тарелкины, Герцы, Шерцы
Шмерцы дѣйствовали въ то, слава Богу, прошедшее время».

Поэтому-то возобновление такой комедии, какъ «Отжитое время», на сценѣ,—комедии, несомнѣнно, имѣющей большой литературно-исторический интересъ,—является для насъ достаточно-таки непонятнымъ. Могутъ ли современные артисты воплотиться въ эти типы отжитого времени, поймали мы, зрители, оцѣнимъ ли мы ихъ артистический трудъ? Конечно, въчно-человѣческое, что живеть и въ душѣ какого-нибудь Варравина или Тарелкина, можетъ быть больше или менѣе художественно изображено артистомъ. Но будетъ ли плодотворна такая артистическая задача? Вотъ мысли, которыя невольно приходили мнѣ въ голову, когда я, не безъ некотораго наспілія воли, внимательно слѣдилъ за перипетіями наивной драмы переживаемой Муромскімъ, его дочкой Лидочкой, Атуевой, Нелькіными крестьяниномъ Иваномъ Сидоровымъ. А исполненіе комедіи было притаки прекрасное. Г. Ленскій въ роли помѣщика Муромскаго былъ трогатъ до слезъ, г. Макшеевъ, изображавшій Ивана Сидорова, возвелъ на степень идеальнѣйшаго мужика-управляющаго. Превосходны были и представители «темнаго» царства взяточничества и въ особенности г. Райковъ, который сумѣлъ даже въ трясучую походку правителя дѣлъ «договора издоимства» Варравина вложить столько подлости, что зрители должны были искренно ненавидѣть этого ненасытнаго паука и сверхъ-точника. Чрезвычайно выдержанно и даже стильно провелъ роль г. Айдаровъ. Присущая артисту деревянность топа и движений здѣсь, въ роли князя, оказалась какъ разъ на мѣстѣ, и обликъ князя—главнаго заправляющаго взяточнаго царства—вышелъ очень удачнымъ. Слѣдѣ другихъ былъ г. Правдинъ въ роли Тарелкина, а между тѣмъ изъ всѣхъ лицъ драмы это самое ственное лицо, сохранившее жизнь и понятіе. Мелкая зависть къ богатымъ и знатнымъ, пресмыканіе и подличаніе передъ ними, мучительное желаніе ухватить и для себя кусокъ жирнаго широга, съ тѣмъ, чтобы, разбогатѣть изъ пресмыкающихся стать въ ряды тѣхъ, предъ которыми пресмыкаются—таковъ Тарелкинъ, и такихъ Тарелкиныхъ вы встрѣтите и теперь... Г. Правдинъ не сумѣлъ передать всей сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ подлой гаммы ощущеній, чаяній, ожиданій и обманутыхъ надеждъ, которыми волнала душа Тарелкина. А въ послѣднемъ дѣйствіи, когда Тарелкинъ, вотъ-вотъ достигшій своей завѣтной мечты—разбогатѣть, видѣть себя обойденными, обманутыми болѣе хитрыми и наглыми подлецами, г. Правдинъ вѣдь и мелодраматический топъ и, ессе повышая и повышая голосъ, послѣднія сцены своей роли уже не говорилъ, а хрюгѣлъ...

Второй бенефисъ былъ бенефисомъ прощальнымъ. Прощалась не только съ московской публикой, но и съ театромъ г-жа Уманецъ-Райская, 18 летъ прослужившая на сценѣ Малаго театра. Послѣдніе годы наѣхъ рѣдко приходилось видѣть артистку. Потому ли, что она была больна, потому ли, что дирекція не находила для нея подходящихъ ролей—не знаю. А это была талантливая, хорошая артистка, но она имѣла счастье и вѣдь съ тѣмъ несчастье служить вмѣстѣ съ Федотовой, Ермоловой, Никульиной то самое время, когда Москва восхищалась полнымъ расцвѣтомъ таланта.

къ трехъ большихъ артистокъ. И въ яркомъ свѣтѣ таланта ихъ невольно днѣль огонекъ таланта г-жи Уманець-Райской. Настала для артистки елая минута прощанья со сценой, и эта минута опять-таки—и теперь въ послѣдній разъ—была омрачена все тѣмъ же роковымъ для артистки затменіемъ свѣтиломъ болѣе яркимъ. Въ этотъ вечеръ, послѣ долгаго, ги трехмѣсячнаго отсутствія, возвратилась на сцену Малаго театра М. П. олова. Естественно, что публика, переполнившая театръ, должна была иметь свои симпатіи между прошавшейся съ ней артисткой и возвратившейся ея любимицей. И обвинять публику въ томъ, что она восторженно вѣтствовала г-жу Ермолову, что аплодисменты по адресу любимой артистки, быть можетъ, были сильнѣе и горячѣе, чѣмъ по адресу бенефиціи, положительно нельзѧ. Только тогда восторгъ публики и дорогъ, и ятенъ, если онъ выражается искренно, безъ заранѣе обдуманнаго наенія. Нельзя обвинять публику и въ томъ, что она возвращеніе любимой артистки пожелала отмѣтить прѣточными подношеніями. Но неужели нельзѧ, наприм., приготовленныя М. Н. Ермоловой подношенія передать послѣ прощальнаго чествованія на сценѣ г-жи Уманець-Райской? Получись бы двѣ совершенно самостоятельныя картины: чествованіе покидающу сцену артистки и вслѣдъ за этими чествованіемъ славной артистки, возвращающейся въ свой театръ послѣ трехмѣсячнаго отсутствія. Между тѣмъ порядители устроили такъ: подаютъ вѣночъ г-жѣ Уманець-Райской. И часть же—вѣночъ г-жѣ Ермоловой. Корзину цвѣтовъ г-жѣ Уманець-Райской. Долгъ корзины цвѣтовъ г-жѣ Ермоловой. Еще лавровый вѣночъ г-жѣ Уманець-Райской. Серебряный вѣночъ г-жѣ Ермоловой... Въ бенефисъ г-жи Уманець шли «Таланты и поклонники» А. Н. Островскаго. Исполненіе комедіи артистами Малаго театра извѣстно и говорить о немъ врядъ приходится. Одно лишь жаль, что комедія А. Н. Островскаго, неизмѣнно вызывающія любовью публики, идуть на сценѣ Малаго театра при все тѣ и болѣе ветшающей обстановкѣ и ветшающихъ декораціяхъ.

Перехожу къ третьему бенефису—театральнымъ именинамъ г-жи Лешковской. Талантливая артистка остановилась на старой и достаточно забытой комедіи А. Потѣхина «Выгодное предпріятіе» и въ этой комедіи выла себѣ роль старшей дочери помѣщика Квашнина—Ольги, дѣвицы, всѣ мысли которой сосредоточены на одномъ: какъ бы поскорѣе выйти замужъ. Обитаться она готова въ каждого, лишь бы онъ явился въ домъ ея родителей титуломъ «жениха». Изображеніе такого характера не требуетъ большой истической работы, въ особенности со стороны такой большой артистки, какъ г-жа Лешковская. Конечно, сыграла она роль Ольги Квашиной великолѣпно, съ некоторымъ, правда, отѣнкомъ шаржа, но шаржа вполнѣ устимаго въ комедіи А. Потѣхина, гдѣ характеры дѣйствующихъ лицъ просаны нѣсколько грубыми штрихами. Лишняго лавра въ артистической юбкѣ таланта г-жи Лешковской исполненіе ею этой роли не вплело, но этомъ виновата не артистка, а несомнѣнное оскудѣніе творческой дѣятельности нашихъ драматурговъ. На литературный конкурсъ, устроенный

Литературно-Художественнымъ театромъ въ Петербургѣ, прислано было тутъ не нѣсколько сотень пьесъ, а дѣйствительно талантливыхъ не оказалось ни одной. Что дѣлать? Волей-неволей приходится обращаться къ «возобновленіямъ». Но въ выборѣ такихъ «возобновленій», мнѣ кажется, будееть быть очень строгимъ. «Выгодное предпріятіе» далеко не изъ лучшихъ комедій А. Потѣхина. Зачѣмъ же было возобновлять именно эту комедію? Вѣдь она по содержанію является перифразой «Свадьбы Кречинскаго» причемъ всѣ главные характеры комедіи А. Потѣхина, за исключеніемъ роли помѣщика Квашнина (Муромскаго въ «Свадьбѣ Кречинскаго»), очеркены куда блѣднѣе, чѣмъ въ знаменитой комедіи А. В. Сухово-Кобылина.

Исполненіе «Выгодного предпріятія» было безукоризненнымъ, начиная съ г. Рыбакова, игравшаго роль помѣщика Квашнина съ художественнымъ совершенствомъ, и кончая г-жей Полянской, очень талантливо исполнившей небольшую роль глухой старухи няни.

Характеристика драмы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» выѣщена въ мартовской книжкѣ *Русской Мысли* за этотъ годъ. Съ тѣхъ поръ не разъ пришлось мнѣ перечитывать и самую драму, не мало прочитавъ и того, что писали о ней. Наконецъ, 28 ноября, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» поставлены были на сценѣ Художественно-общедоступного театра. По поводу этой-то постановки мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ. Постановкой драмы на сценѣ руководить Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, высказавшій свой взглядъ и свое пониманіе этой драмы въ статьѣ, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Исполненіемъ, взгляды Вл. И. Немировича-Данченка легли въ основу постановки. Поэтому, говоря о ней, прежде всего приходится разобраться въ основныхъ положеніяхъ талантливаго руководителя Художественного театра.

По мнѣнію критика, «наша читающая публика привыкла подходить къ драмамъ Ибсена какъ-то бокомъ», «настраивать себя на особый манеръ, какъ будто собираются разгадывать шарады или рѣшать шахматныя задачи». Далѣе г. Немировичъ проводитъ ту мысль, что Ибсенъ умелъ «разжаловать изъ художниковъ въ проповѣдники и символисты».

Всѣ эти, не лишенныя яда замѣчанія высказываются критикомъ съ той цѣлью, чтобы подчеркнуть свое трезвое отношеніе къ пониманію творчества Ибсена. Ибсенъ—художникъ-реалистъ,—говорить намъ г. Немировичъ. Дѣйствительно, въ такомъ простомъ и категорическомъ определеніи нѣть и тѣни рѣшенія какой-либо шарады или шахматной задачи. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко какъ будто оказался счастливымъ отыскавшимъ ключа отъ таинственного ларца, который скрытъ въ глубинѣ сердца художника Рубека, ларца, въ которомъ скончаны всѣ мечты художника, всѣ сокровища его творческой силы. Ему удалось открыть этотъ ларецъ, заглянуть въ самую сокровенную его глубь... Неужели же такъ просто скрывался этотъ таинственный ларецъ? Ибсенъ-реалистъ, вотъ вамъ

сень. Я не брошу того упрека, который остроумный критикъ бросилъ читающую публику, но думается мнѣ, что, стремясь идти прямо, въместо широкой дороги избралъ узкую тропинку, закончившуюся тупкомъ.

Ибсенъ художникъ-реалистъ,—да вѣдь это только одна малая часть этого Ибсена. Рядомъ съ Ибсеномъ-реалистомъ мы видимъ Ибсена-романца, Ибсена-идеалиста *), Ибсена-философа, Ибсена-психолога, Ибсена-зоялюционера человѣческаго самосознанія.

Несомнѣнно, основа драмы Ибсена—реализмъ, кто же это когда-либо дѣцаетъ? Но ограничиться въ пониманіи Ибсена одной только этой стоной многограннаго таланта Ибсена, равносильно стремленію во что бы то стало Антея втиснуть въ Прокрустово ложе! И для чего оно нужно? о даетъ оно намъ для пониманія его драмъ? Уясняетъ ходъ драмы, психологію дѣйствующихъ лицъ? Да вѣдь въ этомъ-то умѣніи въ реальнѣй формѣ передать рядъ отвлеченныхъ мыслей, борьбы идей, высшихъ стремлений человѣческой души и заключается вся мощь творчества Ибсена! Но ради реальной передачи фабулы драмы, неужели нужно отказаться тѣхъ широкихъ философскихъ концепцій, которыя положены въ основу ального дѣйствія? Неужели стремиться понять драму Ибсена, ея духовную мощь, широкій замыселъ драматурга,—это значитъ подходить къ драмѣ Ибсена «какъ-то бокомъ»?

И что же вышло у Вл. И. Немировича-Данченка отъ того, что онъ бокомъ пошелъ, а—какъ онъ думаетъ—прямо? Несомнѣнно, до неизнаемости суженная картина драмы душевныхъ страданій Рубека и Ирены. и такомъ «реальному» толкованіи остаются совершенно неясными для тателя существеннѣйшія мѣста драмы. Непонятенъ Рубекъ съ его идеей дежественной группы «Возстанія изъ мертвыхъ», непонятна Ирена съ ея чами, «въ которыхъ скрыть какой-то таинственный смыслъ» и которая «кто-то шепчетъ на ухо». Если не постараться уяснить себѣ идеи бека, вложенной имъ въ его статью, совершенно непонятной становится драма. Одна же фраза, что Рубекъ, творя «День Воскресенія», ужиль чистому искусству, а затѣмъ бросилъ это служеніе, ничего не уясняетъ.

Но и въ стремленіи своемъ все объяснить реальной драмой г. Немиро-чъ-Данченко допускаетъ одну весьма и весьма существенную неточность, вершенно произвольно измѣняющую одинъ изъ основныхъ мотивовъ драмы. Описывая отношенія Рубека къ Иренѣ, г. Немировичъ предполагаетъ, о Рубекомъ овладѣли сомнѣнія въ успѣхѣ его творенія, на ряду съ тѣмъ, къ росло его равнодушіе къ Иренѣ. «Смущенный, занятый новыми мыслями, съ поколебавшейся вѣрой въ чистоту той идеи, которой онъ такъ ободно и свято отдавался, онъ даетъ понять Иренѣ, что она ему болѣе

*) Идеализму драмъ Ибсена посвящены цѣлые изслѣдованія, наприм., сочиненіе Г. Adalberg v. Hanstein.

не нужна». Такъ говорить г. Немировичъ. Но не то совершенно мы идимъ въ драмѣ Ибсена. Что Рубекъ становился по мѣрѣ работы надъ сюжетомъ статуей все равнодушнѣе къ Иренѣ—совершенно произвольная ~~дѣла~~ критика. Рубекъ не былъ влюблѣнъ въ Ирену. Онъ видѣлъ въ ней не чудную модель для олицетворенія своей художественной мечты. Но Ирина, отдавшая свою душу этой мечтѣ художника, отдавъ ее безплодно, ~~и~~ Рубекъ не сумѣлъ въ то время понять этого подвига женщины, ~~сама~~ уйти отъ него, какъ уходить обманутая мечта. И Рубекъ остался одинъ. Тогда послѣ ухода Ирены сомнѣнія постепенно начали разрушать чистый замыселъ художника и вылились въ тѣхъ измѣненіяхъ въ статуй, въ которыхъ Рубекъ потомъ, при свиданіи съ Иреной, приносить покаяніе. Я позвалъ себѣ думать, что этотъ моментъ драмы является однимъ изъ наиболѣе существенныхъ, и объясненіе г. Немировича совершенно измѣняетъ смыслъ этого момента. Выходитъ такъ. Рубекъ началъ сомнѣваться въ удачѣ своего творенія, натурщицей для котораго была Ирена; на почѣ эти сомнѣнія выросло постепенное равнодушіе къ Иренѣ, и Рубекъ... разѣтъ натуралисту, оказавшуюся неспособной къ «идеиному альтруизму». Г. Немировичъ-Данченко послѣдователь въ своемъ заблужденіи, основанномъ, повторяю, на крупной неточности въ передачѣ драмы. Ирина уходя отъ художника, говорить г. Немировичъ, ясно поняла, что и этотъ великий художникъ такой же мертвый, «какъ и тѣ, которыхъ онъ называлъ таковыми»... Ирена ушла отъ Рубека съ умершей душой, которой она однажды творила статую Рубека «День Воскресенія», но что Рубекъ—такой же мертвый, какъ и она, она поняла только послѣ *встрѣчи* съ Рубекомъ и *прежде* *самомъ концѣ* *эпилога*. «Теперь я возстала изъ мертвыхъ,—говоритъ Ирена Рубеку,—ищу, и стремлюсь къ тебѣ. И я нахожу тебя... и *я* *жу*... вижу, что ты и жизнь... такъ же мертвы, какъ была и я недавно».

Я не буду останавливаться подробно на томъ, какъ Вл. И. Немировичъ въ стремлѣніи все постичь и все реально объяснить, допускаетъ цѣль рядъ остроумныхъ, но, думается мнѣ, мало что объясняющихъ предложеній, какъ, наприм., о томъ, что дѣти Ирены, которыхъ она убила это картины и статуи, которая она рѣзала и разбивала, что діаконисса, которой неразрывно связана Ирена, приставлена къ ней, чтобы заботиться о спасеніи Ирены, объ очищеніи ея отъ позорной жизни, что дальнѣйшее перевоплощеніе статуи «День Воскресенія» является лишь порчу *«аффектными орнаментами* съ поддѣлкой подъ вкусъ толпы». Одного го-ко не объяснилъ Вл. И. Немировичъ-Данченко. Что означаетъ это стремленіе Рубека непремѣнно идти на высоты и оттуда постичь и покинуть сперва Иренѣ, а потомъ Майѣ, всю красоту мірозданія? И что это за гора на высь которыхъ стремится Рубекъ? Судя по тому, что онъ говоритъ высочайшей горѣ, это, должно быть, гора Гауризанкаръ Гималайскаго хребта (8,810 метровъ надъ уровнемъ моря)? Да простить мнѣ посторонний критикъ мою шутку, но, право же, стремленіе все объяснить *«альянсно»* и только *«реально»* невольно приводитъ къ такимъ измышлениямъ.

Вл. Ив. Немировичъ-Данченко даже названіе драмы «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» драматическимъ эпилогомъ хотѣть объяснить какъ можно болѣе, опять-таки реально. Эпилогомъ, видите ли, драма названа Ибсенъ потому, что прологъ ея разыгрывается, такъ сказать, за кулисами, поднятія занавѣса. Прологъ — это жизнь Рубека и Ирены съ момента этой ихъ встречи.

Несомнѣнно, такое объясненіе пріемлемо, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ рѣально ничего не объясняетъ. Если бъ Ибсенъ хотѣлъ назвать свою слѣднюю драму «эпилогомъ» только по соображеніямъ, высказаннымъ И. Немировичемъ, то онъ съ такимъ же основаніемъ долженъ быть назвать эпилогами почти *всѣ* свои драмы, ибо всѣмъ имъ предшествуетъ прологъ прежней жизни герояевъ драмъ, которая *заканчивается* едь глазами зрителей драматическимъ эпилогомъ. Въ этомъ особая красота драмъ Ибсена.

Несомнѣнно, слѣдовательно, глубже къ истинѣ смотрятъ тѣ птицы, которые видятъ въ послѣдней драмѣ Ибсена *этапы* творческой ятельности автора, послѣдний аккордъ, которымъ престарѣлый писатель цумалъ завершить цѣлый рядъ лѣтъ своего неустанного творчества.

Таковы мои основныя возраженія на статью Вл. И. Немировича-Данченка о драмѣ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».

Насколько удалась постановка драмы на сценѣ Художественно-Общедоступного театра? Прежде всего нельзя не отдать должной дани восхищенія художнику-декоратору, сумѣвшему, положительно, перенести насъ, чителей, въ живую природу горной мѣстности суровыхъ скандинавскихъ аль и голыхъ утесовъ. Послѣдняя декорація, изображающая дикое цѣлье среди высокихъ скалистыхъ горъ, съ отвесными пропастями и съ южными вершинами вдали на горизонте, въ особенности прекрасна. Дядяны, мертвящимъ холодомъ вѣтъ отъ этой картины, одинъ взглядъ нее наполняетъ васъ тѣмъ настроениемъ, которое окончательно должно ватить васъ при паденіи лавины, давящей подъ собой безумныхъ мечтелей—Рубека и Ирену.

Я не могу согласиться съ нѣсколькою вычурной постановкой первого дѣйствія драмы, которое, какъ известно, происходитъ въ паркѣ курорта морскихъ паній. Сила Ибсеновской драмы не въ томъ, чтобы усилить по возможности почти отсутствующее въ ней дѣйствіе, а въ ясной, проникновенной и чистой действующихъ лицъ. И создать искусственно это дѣйствіе—врядъ нужно. Настроение зрителя разбивается, а никакъ не усиливается. Въ постановкѣ на сценѣ Художественно-Общедоступного театра первого дѣйствія драмы разговоръ Рубека и Майи происходитъ на балконѣ во *стомажѣ* этажѣ курзала. Согласенъ, благодаря этому пріему разнообразится дѣйствіе, которое, какъ известно, заключается въ послѣдовательныхъ диалогахъ Рубека съ Майей, Рубека и Майи съ Ульфгеймомъ и Рубека съ Реной. Но одновременно съ достижениемъ этого разнообразія въ дѣйствіи, достигаются и отрицательные результаты. Зритель, во-первыхъ, съ

трудомъ слѣдить за первымъ діалогомъ Рубека и Майи на высотѣ балкона. Нѣть, нѣть и посмотритъ онъ на нижній планъ сцены, и нѣсколько разъ изъ разговора уже прошло. А затѣмъ, слѣдить за разговоромъ Ульфгайма, стоящаго внизу, съ Рубекомъ и Майей, сидящими на балконѣ, является окончательно неудобнымъ. Наконецъ, это постоянное восхожденіе на балкону и сходженіе съ лѣстницы затягиваютъ дѣйствіе и въ концѣ-концѣ утомительно дѣйствовать на зрительные нервы.

Посмотрите, какъ сразу усиливается вниманіе зрителей къ драмѣ, начиная со второго акта, который въ смыслѣ дѣйствія, если хотите, еще още образнѣе первого, а тѣмъ не менѣе вы слушаете съ напряженными взорами рѣчи Рубека, Майи, Ирены и Ульфгайма, единственныхъ действующихъ лицъ драмы. Постановка здѣсь и въ третьемъ актѣ находится въ полной гармоніи съ дѣйствиемъ драмы и ни на секунду не заслоняетъ игру и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а наоборотъ, все время способствуетъ сохраненію того основного настроенія, которое должно захватить зрителя.

Какъ справились артисты съ нелегкой задачей воплотить на сценѣ образы Рубека, Ирены, Ульфгайма и Майи? Въ общемъ, долженъ откровенно сказать, ни одному изъ нихъ задача эта не удалась вполнѣ. Глубина всѣхъ сумѣла передать г-жа Савицкая образъ Ирены. Съ вѣнѣшней стороны артистка производить обаятельное впечатлѣніе, ея высокая стройная фигура, ея глубокіе печальные глаза, ея мягкая походка рисуютъ намъ ея мягкихъ, художественныхъ чертахъ образъ таинственной Ирены. Нельзя сказать, чтобы духовная сторона исполненія отличалась той же, или, въ всякомъ случаѣ, одинаковой художественностью. Г-жа Савицкая превращаетъ передаетъ моменты реального ужаса при воспоминаніи Ирены о страшномъ времени заточенія ея въ «подземномъ склепѣ, съ желѣзною решеткой со стѣнами, обитыми чѣмъ-то мягкимъ». Артистка, видимо, намѣренно подчеркиваетъ патологическія черты въ ея характеристику Ирены, и въ техъ моментахъ, когда онѣ должны проявляться по тексту драмы, игра г-жи Савицкой производить сильное, глубокое впечатлѣніе. Но стремленіе усилить этотъ патологический элементъ характера приводить и къ нежелательнымъ результатамъ. Духовный образъ Ирены лишается въ значительной степени своей возвышенной красоты. Всѣ эти страдальческія ноты въ голосѣ Ирены, ея нервная растерянность, неумѣніе зачастую сбраться съ мыслями — рисуютъ намъ не ту Ирену, которая властно царитъ въ ее воображении при внимательномъ чтеніи драмы и возвышаетъ Ирену далеко за предѣлы простой натуращицы, сошедшей съ ума вслѣдствіе счастной любви, и затѣмъ, полубольной встрѣтившейся вновь съ когда-то любимымъ человѣкомъ.

Не въ силахъ и г. Качаловъ дать полный, могучій образъ Рубека. Прежде всего съ вѣнѣшней стороны артистъ совершенно не передаетъ образа Рубека. Онъ слишкомъ молодъ, его Рубекъ, несмотря на сѣрые волосы; въ немъ не виденъ гениальный творецъ «Дня Воскресенія». Но прекрасный голосъ артиста, его убѣдительная и, временами, горячая

кая рѣчь доставляютъ зрителямъ минуты истиннаго наслажденія. Я не могу согласиться съ тѣмъ тономъ, какимъ артистъ ведеть все первое дѣйствіе. Въ голосѣ Рубека - Качалова слышатся съ первыхъ же словъ разговора съ Майей ноты какого-то затаеннаго раскаянія, въ первомъ дѣйствіи Рубекъ долженъ быть воплощеніемъ холодной тоски и ироніи, самой тягостной,—ироніи надъ самимъ собой. Раскаяніе Рубекъ испытаетъ значительно позже, когда онъ, встрѣтившись съ Иреной, переживаетъ вновь время постыднаго крушенія его идеаловъ, выразившагося въ переработкѣ статуи «День Воскресенія», когда онъ *пойметъ* всю тяжесть своего *чужда* передъ Иреной.

Если г-жа Савицкая и г. Качаловъ не могли дать намъ полныхъ образовъ Иrenы и Рубека, то это прежде всего объясняется колоссальной трудностью артистической задачи воплотить эти сложные драматические образы.

Роли Майи и охотника Ульфгейма значительно проще ролей Рубека и Иrenы, и, конечно, для этихъ ролей мы въ правѣ были бы ждать безуокоризненнаго исполненія.

Г-жа Книпперъ могла бы быть прекрасной Майей, если бы она усилила въ значительной степени тонъ жизнерадостности. «У Майи подвижныя оживленныя черты лица и *веселые* глаза, *полные юмора*, хотя *минутами* съ отг҃йномъ нѣкоторой усталости», такъ рисуетъ намъ драматургъ Майю. Между тѣмъ г-жа Книпперъ, желая дать возможно полную гамму часто смѣняющихся настроений, эту-то именно основную черту жизнерадостности какъ-то затушевываетъ и проявляетъ ее лишь *минутами*, преимущественно въ разговорахъ Майи съ Ульфгеймомъ. Излишнее подчеркивание недовольства жизнью, усталости и даже затаеннаго страданія, существенно извращаетъ въ глазахъ зрителей основной обликъ Майи.

Очень живописную фигуру охотника Ульфгейма даетъ г. Вишневскій. Чуточку помельче картиности и побольше естественности, — и образъ Ульфгейма выйдетъ яркимъ и вполнѣ жизненнымъ.

На первыхъ представленияхъ драмы роль Ульфгейма, по болѣзни г. Вишневскаго, игралъ г. Судьбининъ. Съ виѣшней стороны г. Судьбининъ прекрасный Ульфгеймъ, но ведеть артистъ всю роль черезчуръ мягко. Нѣть въ его Ульфгеймѣ того широкаго, нѣсколько дикаго размаха, который долженъ чувствоватьсь въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ «охотника на медвѣдей».

Нельзя не упомянуть и о г-жѣ Инской, изображающей діакониссу. Эта роль, безъ словъ, требуетъ большой вдумчивости и большого мимическаго искусства. мнѣ думается, что артистѣ слѣдуетъ отказаться совершенно отъ попытокъ разнообразными позами и движеніями передать черты какой-то колдуньи-чародѣйки въ образѣ таинственной діакониссы. Строгость и классическая простота,—такой рисуется мнѣ діаконисса. Какъ *только* слѣдить она за Иреной, какъ тѣнь должна она только отражать собой Ирену.

Небольшая роль инспектора курорта исполняется г. Бурдаковым безуказненно.

Таковы краткія характеристики игры артистовъ, характеристики даже не полныя, сознаюсь. Въ общемъ приходится повторить то, съ чего я началъ. Колossalno трудны образы Ирены и Рубека для сценическаго изъ воспроизведенія, хотя бы и недюжинными силами. Съ чувствомъ искренне художественного наслажденія слушаемъ мы драму Г. Ибсена въ исполненіи ея на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра. Серьезная, вдумчивая работа артистовъ видна въ каждой произносимой ими фразѣ, въ каждомъ жестѣ. Но истинныхъ Рубека и Ирены, во всемъ ихъ величи и красотѣ, какими рисуетъ ихъ наше воображеніе, мы не видимъ.

Я. А. Финъ.

Особенный интересъ за послѣднее время къ толкованію задать живописи и вообще къ художественной критикѣ объясняется появленіемъ тѣл «новыхъ» направлений въ искусствѣ, которыхъ всѣдѣ за поэзіей господствуютъ въ русскихъ изобразительныхъ искусствахъ уже нѣсколько лѣтъ. Поэтому и русская живопись переживаетъ въ настоящее время переходный возрастъ, еще не успѣвшій ясно опредѣлиться. Дѣло въ томъ, что нынѣшніе художники, недовольные техникой рисунка и красокъ, усиленно ищутъ новыхъ способовъ передавать свои личныя впечатлѣнія отъ дѣйствительности и, подъ вліяніемъ европейскихъ законодателей въ дѣлѣ искусства, работаютъ пока надъ вѣшними приемами живописи, надъ техникой. Прежніе бытовые и национальные сюжеты совсѣмъ оставлены. Надъ такими картинами смѣются теперь не только критики, но и сами художники, и называютъ ихъ картинами бездарными, «вышившиими на свѣтѣ лишь изъ одного холоднаго и разсудочного желанія разжалобить зрителя «скорбью народа», которая ничуть не трогаетъ и не волнуетъ самого художника» (М. Далькевичъ въ журнале *Искусство и Художественная Промышленность*, № 19). Теперь не ищите отъ картины содержанія, глубины мысли, тонкаго психологического наблюденія, захватывающаго зрителя интереса... Теперь художники берутъ изъ нарочно самые безсодержательные сюжеты, но стараются писать ихъ такъ, чтобы чувствовался воздухъ, впечатлѣніе живого предмета, чтобы было «выраженіе жизни». При этомъ, часто берутъ они трудно уловимые эффекты, какъ будто слѣдуютъ правилу французскаго критика Гюйо, что «надо брать изъ природы не то, что всего легче переносить на полотно или передается стихомъ, а то, что всего труднѣе для подобной передачи». Прежніе художники, подъ вліяніемъ литературныхъ направлений шестидесятыхъ годовъ, брали для своихъ произведений всегда глубоко-жизненные эпизоды и разрабатывали ихъ съ такой любовью къ людѣмъ, съ такой тонкой наблюдательностью, что навсегда оставались въ зрителяхъ неизгладимое впечатлѣніе своихъ образовъ. Достаточно вспомнить такія глубоко задуманныя картины, какъ Якобія «Привалъ арти-

говъ», Перова «Деревенскія похороны», «Утопленница», Маковскаго «Осужденный», Рѣпина «Бурлаки», «Не ждали», Ярошенка «Всюду жизнь», Блодта «Передъ отѣздомъ», «Послѣдняя весна», Лемоха «Круглая сирота», Максимова «Семейный раздѣлъ», Флавицкаго «Княжна Тараканова», Миасоѣдова «Чтение манифеста 19 февраля» и другія, составляющія вмѣстѣ со многими литературными произведеніями расцвѣть русской самобытной мысли. Теперь, если и попадаются жанровыя картины, то это не больше, какъ «фотографіи съ натуры», «сценки», «этюды». Видно, забыты прекрасныя слова Б. Кавелина, что «искусство не можетъ безнаказанно отставать отъ общаго движенія», что «художественное творчество должно служить въ рукахъ художника средствомъ для нравственного дѣйствія на людей, что только искусство владѣеть тайной вызывать по произволу представлѣнія, а чрезъ нихъ—чувствамъ, желаніямъ, стремленіямъ». Теперь искусство какъ бы перестало служить общественной мысли, а служить только самому себѣ.

Въ теченіе истекающаго года, въ Петербургѣ и Москвѣ было устроено болѣе пятнадцати выставокъ, на которыхъ экспонировались тысячи картинъ. Конечно, эти внушительныя цифры говорятъ о значительномъ развитіи русского искусства; но въ большинствѣ случаевъ картины эти по своему содержанію не оставляютъ ровно никакого впечатлѣнія. Прежде всего, всѣ выставки переполнены пейзажами. Надо, впрочемъ, отдать справедливость русской пейзажной живописи. Она дѣлаетъ большиe успѣхи. Еще не такъ давно, наши пейзажисты искали впѣшней, условной красоты, и мало заботились о правдивости, о реальномъ воспроизведеніи природы. Подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, русскіе пейзажисты усвоили реальные формы и стали выражать мало-по-малу и субъективное пониманіе красоты природы, тѣль «пейзажъ настроенія», который впервые отразился въ музыкально-поэтическихъ картинахъ Саврасова «Грачи прилетѣли» и Васильева «Оттепель», появившихся въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Дальнѣйшее движеніе впередъ этой области нашей живописишло вмѣстѣ съ тѣмъ либерально-прогрессивнымъ теченіемъ русского искусства, которое воспитывалось въ кружкѣ передвижниковъ, такъ смѣло объявившихъ войну строгимъ старицкамъ ретроградно-консервативной и мертвенной академіи художествъ.

Къ сожалѣнію, послѣдняя выставка товарищества передвижниковъ оказалась настолько безцвѣтной, что заставила многихъ художественныхъ критиковъ отрицательно отнестись даже ко всему ихъ прошлому, къ ихъ национально-бытовому направленію, будто бы «навѣянному» пашими беллетристами и вообще культурными движеніями шестидесятыхъ годовъ. Протестомъ противъ прежнихъ направленій служить даже названія картинъ теперешнихъ художниковъ. Напримеръ, молодой художникъ Малевичъ выставилъ на конкурсной выставкѣ нѣсколькихъ сѣющихся бабъ въ красныхъ платьяхъ и просто назвалъ ее: «Бартина». А художественный критикъ А. Бенуа, въ своихъ «Письмахъ со всемирной

выставки» говорить, что «Бартина» Малявина «одна во всемъ русской отдельѣ обладаетъ только чисто-живописными достоинствами, въ всякихъ литературныхъ (sic), назидательныхъ и другихъ побочныхъ качествъ, и что «французы, большіе знатоки живописи, полюбили эту картину за... ея безсодержательность—и дѣйствительно, это ея огромное достоинство, особенно по сравненію съ картинами передвижниковъ» (*Mиръ Искусства*, № 19—20). Нечего и прибавлять, какія требованія должна теперь предъявлять критика къ выставляемымъ картинамъ. Впрочемъ, повторяемъ еще разъ: нынѣшнее состояніе живописи—переходный періодъ къ близкому. быть можетъ, расцвѣту нашего искусства, когда художники, овладѣвъ техникой,—снова возьмутся за такіе сюжеты, которые должны воспитывать, а не развлекать зрителей, то-есть за сюжеты глубоко-содержательные.

Мы не будемъ входить въ подробную оценку каждой изъ выставовъ въ отдельности, а укажемъ только тѣ изъ картинъ, которыхъ въ свое время были отмѣчены какъ картины съ содержаніемъ. На XIX выставѣ московскаго общества любителей художествъ, особое вниманіе обратили на себя картина А. Россолима «У порога новой жизни». На картинѣ всегдѣ одна фигура крестьянина въ убогой одеждѣ, съ котомкой за спиной. Онъ остановился предъ видѣющейся вдали Москвой и всматривается впередъ, словно ожидая отвѣта отъ этого громаднаго города, погубившаго, быть можетъ, не одного изъ его земляковъ: какая ожидаетъ его тамъ «новая жизнь». Вотъ необыкновенно простой сюжетъ съ глубокой мыслью. Другая бытова картина написана Л. Поповымъ и называется «Затоплено». На берегу большой, широкой разлившейся реки стояла кучка крестьянъ. Вдали, среди волнъ мутной воды, торчитъ нѣсколько уже затопленныхъ избъ, а вздувшаяся река грозитъ, кажется, затопить и остальные избы, раскинутыя здѣсь же, у самаго берега. Несмотря на несложную композицію и невыдержаный колоритъ, картина производить большее впечатлѣніе благодаря своему драматическому содержанію.

На передвижной выставѣ интересны были слѣдующія картины: Шестеркина «Безприютные», Орлова «Попалась» и Грандковскаго «Одинокая». Первая изъ нихъ рисуетъ жизнь московскихъ дѣтей-бродягъ. На скамѣ красно-прудскаго сквера сидятъ два бездомныхъ мальчика-подростка, исхудалыхъ, забитыхъ, оборванныхъ. Одинъ изъ нихъ на-сторожѣ, и блуждающими, испуганными глазами смотрѣть въ сторону: не идеть ли сторожъ или городовой. Другой тѣмъ временемъ спить, положивъ головку на спинку скамьи. Картина написана очень тепло. Бытова картина Орлова изображаетъ печальный эпизодъ изъ деревенской жизни. Переодѣтый урядникъ съ писаремъ накрыли на мѣстѣ преступленія бабу, торговавшую въ селѣ водкой безъ всякихъ на то права. Фигуры безпомощной старухи, жалкихъ дѣтей, смутно понимающихъ какую-то бѣду для ихъ семьи,—выдержаны прекрасно и дышать жизненной правдой. Слѣдуетъ еще упомянуть о картинѣ Муратова «Въ голодный годъ», бывшей на академической выставѣ. Тема, затронутая художникомъ, встрѣчается въ деревѣ

да рядомъ: въ голодный годъ крестьянинъ продаеть свою послѣднюю истощенную лошадку богатому мужику, чтобы заплатить подати. Зы кажется проще? Но М. Далькевичу какъ разъ эта картина не зилась, и онъ высказалъ тѣ мысли о «скорби народной», которыхъ ривели выше. Намъ кажется, что художникъ можетъ и долженъ своими сюжетами также и тѣ жизненные явленія, какія волнуютъ хновляютъ и писателей. Гдѣ же, какъ не въ литературѣ, подобныя картины встрѣчаются сплошь да рядомъ? Почему же живописецъ изображать только «неуловимые эффекты красавицы-природы», онъ своимъ содержательными сюжетами и въ то же время краси- могъ бы воспитывать въ людяхъ самыя высокія чувства?

Днако, на многочисленныя наши выставки и печать и публика обращаютъ мало вниманія, потому что шли въ это время приготовленія къ парижской выставкѣ, гдѣ русскій художественный отдѣлъ долженъ былъ показать успѣхи нашего искусства за послѣднее десятилѣтіе. Наконецъ, выставка открылась. Неумѣлая экспозиція картинъ, неожиданные результаты по распределенію наградъ, оставленіе Рѣпина «за флагомъ» и другіе призы выставки породили цѣлую литературу такихъ разнообразныхъ толковъ и пересудъ среди газетъ и журналовъ, что разобраться въ ней вѣзя. Въ общемъ, иностранная пресса высказалась очень одобрительно по русскому искусству. Одинъ критикъ такъ официально формулировалъ отзывы французской печати: «Мы, несмотря на свою некультурность и наивность, несмотря на порабощеніе наша торжествующей литературой (то), все же имѣемъ полное представление о живописной красотѣ и обѣгинальныхъ задачахъ искусства» (А. Бенуа, *Mиръ Искусства*, № 19—20). Приведемъ слова Г. Ге, который говорить о ней слѣдующее: «Русскій отдѣлъ на всемирной выставкѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что русское искусство войдетъ въ общую европейскую колею и что теперь оно уже очень близко къ этому. Въ русскомъ искусстве самобытность, главнымъ образомъ, выразилась въ сюжетахъ. Оно отличалось, главнымъ образомъ, этнографическими особенностями сценъ народной жизни, а не новымъ пониманіемъ формы. При этомъ русскіе художники отличались далеко не всѣ виртуозностью исполненія. Теперь, при возрастающемъ требованіи и самихъ художниковъ, и публики, чтобы русскія картины были столь же блестящи и элегантны, какъ картины французовъ, несомнѣнно, французскіе пріемы и французское искусство будутъ перенесены и въ Россію; и воспрепятствовать этому нѣть, конечно, никакой возможности, какъ нѣть возможности воспрепятствовать, чтобы переносились въ Россію формы европейской жизни».

Переходя къ обозрѣнію скульптурныхъ произведеній, мы должны припомнить, что по поводу выставленныхъ на парижской выставкѣ 1880 г. работъ русскихъ скульпторовъ и русскіе, и иностранные критики отрицали какую бы то ни было «русскую» скульптуру. Невольно припоминаются слова Ренана, что «царство скульптуры кончилось въ тотъ день, когда

люди перестали ходить полуобнаженными. Эпопея исчезает въместѣ съ временемъ личного героизма: иѣть эпопеи съ артиллеріей...» *Дѣйствительная* скульптура всегда была у насъ въ загонѣ. Въ послѣднее время особое внимание обращали на себя работы кн. П. П. Трубецкого, но его манера работы для многихъ оставалась непонятной и даже мало выразительной. «Онъ, действительно, очень талантливый человѣкъ, — говорить Г. Ге, — но то, что дѣлаетъ, не можетъ считаться серьезными скульптурными произведениями. Невозможно, чтобы въ цивилизованномъ обществѣ, среди людей, требующихъ во всемъ точности, съ изощреннымъ зрѣніемъ и наблюдательностью, возможно было такое скульптурное произведение: изображеніе человѣка, которого на щекахъ и подъ носомъ зачѣмъ-то оставлены кусочки глины величиной съ горошину, а то и много больше. Если такая статуя попадется на глаза въ первый разъ и если при этомъ въ ней есть достоинства, то ее можно признать за неоконченную вещь. Но когда эта небрежность обращается въ систему и вырабатывается нарочно, то это можно признать лишь за эксцентричную шутку, которая значенія для искусства имѣть не можетъ. Повторю, въ вещахъ кн. Трубецкого есть *жизнь*, общее впечатлѣніе онъ дѣлаютъ хорошее, но онъ можетъ дѣлать, понимому, лишь маленькая вещицы, на которыхъ его мазки не tanto замѣтны: большія же его вещи производятъ отталкивающее впечатлѣніе, особенно среди другихъ, хорошо выполненныхъ статуй». Мы съ этимъ взглѣдомъ не можемъ согласиться: у каждого можетъ быть своя манера работать, и если достоинство техники Рѣшина всѣ единогласно признаютъ въ смѣлыхъ, широкихъ мазкахъ, то почему бы тѣми же средствами не пользоваться скульптурѣ? У кн. Трубецкого, между прочимъ, очень своеобразный взглядъ на художественное образование. Онъ говоритъ, что ему странныи даже самыя слова: «учить искусству», и онъ не признаетъ никакихъ школъ. Въ всякомъ случаѣ, талантъ кн. Трубецкого — вполнѣ самородный. Гораздо справедливѣе замѣчаніе Г. Ге о томъ, что русскіе художники какъ бы хотятъ знать скульптуры и дѣлаютъ изъ глины и бронзы такія фигуры и сцены, которые, очевидно, задуманы въ видѣ рисунка, наброска, — и зачѣмъ они выполняютъ ихъ такимъ неудобнымъ способомъ, какъ ваяніе, понять нельзѧ. Скульптура преслѣдуетъ самые основные, первоначальные задачи искусства. Смысль ся, прежде всего, въ выраженіи жизни въ человѣческомъ тѣлѣ.

Чтобы покончить съ выставками истекающаго года, скажемъ нѣсколько словъ о выставкѣ конкурентовъ на званіе «художника» въ музѣй академіи художествъ. Среди молодыхъ художниковъ попадаются очень талантливые, еще не испорченные современнымъ исканіемъ «новыхъ» путей. Очень красивы и правдивы оказались пейзажи В. Федоровича, въ особенности его вполнѣ законченная картина лѣсной чащи на Валаамѣ. В. Федоровичъ производить впечатлѣніе очень цѣльного художника, блестящаго колориста и знатока русскаго сѣвернаго пейзажа. У него очень пріятные, мягкие тона — что драгоценнѣе всего — не видно вліянія кого-нибудь изъ профессоровъ.

ъ-руководителей. Недурные вещи выставил Развадовский. Его «Кобзарь» представляет удачное соединение пейзажа съ хорошо скомпанованнымъ чротъ. Красивые кавказские пейзажи написаны А. Бѣлымъ, хотя художникъ, повидимому, подражаетъ А. Киселеву. Большая картина изъ жизни горожскихъ казаковъ «Въ походъ собираются» Чупрыненка полна движнія и жизни; колоритъ выдержанъ прекрасно. Изъ жанровыхъ картинъ мѣтимъ деревенскую сцену В. Фендрика «Въ городъ, на фабрику». Распощавшись съ деревней, крестьянская семья уѣзжаетъ въ городъ, на заботки. Крестьянинъ заколачиваетъ досками окна покрывившейся ветхой чужки. Весь скарбъ уже собранъ на телѣгѣ. Чувствуется, какъ тяжело ачущими бабамъ покидать свою избу и уѣзжать на неизѣдомую фабрику ея неизѣстными условіями... Картина М. Иванова изъ белорусской жизни «Твѣта жду» изображаетъ свиданіе парня съ своей возлюбленной. Обѣ фигуры написаны очень просто и правдиво.

Въ 1900 году художественный міръ понесъ утрату въ лицѣ двухъ изажистовъ: И. К. Айвазовскаго, скончавшагося 19 апрѣля (род. 1817 г.), И. И. Левитана, умершаго 22 іюня (род. 1861 года). Если мы всмѣшимся въ судьбу обоихъ пейзажистовъ, то найдемъ между ними большую разницу: Айвазовскій всегда изображалъ нарядные, экзотические эффекты оря, Левитанъ — самые простые, грустные, чисто-русскіе уголки съвераго пейзажа; первый работалъ быстро, картины его необыкновенно красочны и раскупались публикой, второй остался непонятнымъ не только убликой, но и многими изъ своихъ собратьевъ, работалъ больше для себя и, какъ самъ признавался, страшно страдалъ, если приходилось «датъ на выставку недоговоренные картины»; первый пережилъ свою славу умеръ всѣми признанный, второй «не вступалъ въ періодъ поклоненія и не раскрылся для всѣхъ». Таковы были скончавшіеся пейзажисты.

Характеристику покойнаго мариниста даетъ корреспондентъ англійскаго *Saturday Review*, по поводу лондонской выставки 1872 года. Видѣть на южномъ берегу Крыма и другіе подобные же этюды — неопредѣленны, словно какія-то видѣнія, безглесны, словно тѣни. Живописецъ никогда не снисходилъ до подробностей: онъ высоко парить надъ буквальною правдой. Но у картинъ Айвазовскаго есть одна красота, довольно рѣдкая у русской школы: колоритъ ихъ прелестенъ. Воображеніе у него восточное, романтическое, горячее...» Извѣстный критикъ В. В. Стасовъ не разъ говорилъ о достоинствахъ и недостаткахъ картинъ Айвазовскаго. Приведемъ нѣсколько изъ мнѣній почтенного критика, писавшаго объ Айвазовскомъ много разъ и въ разные годы. Еще въ 1863 году В. В. Стасовъ говорилъ, что «у Айвазовскаго есть своя дѣйствительно поэтическая жилка, есть порывы къ истинной правдѣ и красотѣ. Безъ сомнѣнія, это очень талантливый художникъ. Ему выдалъ его картины, тотъ любовался на его глади и бури, на его солнечные лучи, на дрожащее серебро его луны надъ моремъ, на его барабановъ въ полѣ, на его чумаковъ въ степи, на его въ золотѣ заката волнующіяся нивы, на его стеклянныя

шири дремлющаго лёниво моря, на множество другихъ эффектно переданныхъ сценъ природы... Его изящной, мягкой кисти свойственны лишь блестящія, цвѣтистыя картины, гдѣ съ прекраснымъ поэтическимъ чувствомъ переданъ портретъ какого-нибудь изящнаго уголка земли или моря, гдѣ взято нѣсколько величественныхъ аккордовъ изъ числа безконечныхъ, великихъ гармоний природы». Впрочемъ, мы нисколько не должны удивляться, если всего только черезъ четыре года у того же критика найдемъ даже не лестный отзывъ о характерѣ творчества Айвазовскаго. Нѣкоторые рѣшились даже заявлять въ печати, будто художникъ не имѣть въ виду «правды» и жить въ мірѣ фантастическихъ своихъ картинъ. «Мине лѣть тому назадъ,—писалъ В. Стасовъ въ 1867 году,—г. Айвазовскій изобрѣлъ свой особый родъ пейзажей, морскихъ и сухопутныхъ, который понравился, имѣть успѣхъ и очень скоро возвѣзъ автора на степень моднаго и фаворитнаго живописца. Съ тѣхъ поръ г. Айвазовскій не сдѣлалъ ни одного шага впередь: онъ продолжаетъ, какъ въ самы первы дни свои, изображать парадную, расцвѣченную, какъ фарфоръ, раззолоченную, какъ мундиръ, природу...» Почти то же говорить тотъ же критикъ и при обзорѣ академической выставки 1872 года: «Это какой-то свой особый міръ картинъ специально красныхъ, зеленыхъ, голубыхъ, розовыхъ и желтыхъ, произведенныхъ на свѣтъ не кистью и палитрой, а электрическимъ или бенгальскимъ освѣщеніемъ. Было время, когда профессоръ Айвазовскій поражалъ и увлекалъ—теперь онъ только скученъ. Какое паденье и какая жалость! Какая гибель таланта, въ кориѣ своего, когда-то истиннаго и поэтическаго! Вотъ грозное предостереженіе для нашихъ художниковъ: до чего можетъ довести небрежность, легкое отношеніе къ своему дѣлу и необузданная быстрота работы...» Въ самомъ дѣлѣ всѣмъ памятенъ тотъ «опытъ», который произвелъ покойный маринистъ въ присутствіи цѣлой толпы учениковъ академіи. Не отходя отъ мольберта, при нихъ же онъ въ теченіе двадцати минутъ написалъ небольшую картину волнующагося моря. Нужно ли прибавлять, что профессора используясь, какъ бы не повѣяло такое отношеніе маститаго мариниста къ творчеству на нѣкоторыхъ молодыхъ художниковъ. И дѣйствительно, было чего опасаться: примѣръ чрезвычайно пагубный...

Какъ же объяснить себѣ эти противорѣчія: какъ Айвазовскій изъ «плантливаго» живописца попалъ въ «скучные» мастера? Дѣло въ томъ, конечно, что Айвазовскій въ началѣ своей дѣятельности написалъ нѣсколько картинъ, которыхъ дѣйствительно для своего времени были шедеврами, и затѣмъ онъ сталъ повторять тѣ же мотивы, прибавляя къ нимъ толи какія-то фантастическія черты; съ натуры онъ пересталъ писать. Авторъ известной «Исторіи живописи» Рихардъ Муттеръ довольно плохо пишетъ о картинахъ русскихъ пейзажистовъ. «Одному Айвазовскому,—прибавляетъ нѣмецкій историкъ искусства,—хотя онъ и слишкомъ скоръ на руку и по свойственной ему любви къ декорациѣ, гонится всегда за трескучими фейерверочными эффектами, принадлежитъ среди нихъ почетное ме-

гія изъ его картинъ, несмотря на ихъ рѣзкія, необузданныя краски, восходно передають или грандіозный, всесокрушающій характеръ бури, безграничный покой затихшаго моря и дѣлаютъ его предвѣстникомъ цѣнѣшаго «ландшафта настроенія». Яркимъ представителемъ такого ландшафта и былъ И. Левитанъ.

Многіе изъ критиковъ думаютъ, что считать смерть Левитана невозможной утратой нельзя, что съ годами творчество егошло къ упадку и онъ все сказали, что могъ сказать. Намъ кажется, что такое рѣзкое сужденіе невѣрно уже по тому одному, что оно преждевременное: современники рѣдко въ состояніи оцѣнить то, что зарождается на ихъ глазахъ. Какъ отнесется къ Левитану слѣдующее поколѣніе, загадычно трудно. Въ немногочисленныхъ его картинахъ преобладало субъективное чувство художника или, какъ онъ самъ его очень удачно назвалъ — «обобщеніе природы». Левитанъ былъ художникъ-лирикъ, и во всѣхъ картинахъ его, даже въ картинахъ, изображающихъ «возобновленную» весенюю природу, видна тихая, спокойная грусть. Всѣмъ, навѣрное, памятны прекрасные пейзажи «Тихая обитель», «У омута», «Лѣсной пожаръ», «Вѣчный покой», «Къ сумеркамъ», «Золотая осень». Лучшия этихъ картинъ находятся въ Третьяковской галлереи. «Это все пейзажи,—говорить о картинахъ Левитана критикъ Г. Ге,—и названія ихъ вѣшнею частью не даютъ никакого понятія о томъ, что въ нихъ изображенъ. Изображено же въ нихъ всегда личное сокровенное чувство тонкого наблюдателя и поэта. Общія мысли, и тѣ въ формѣ чистаго чувства, вызываемаго этими мыслями, Левитанъ затрогивалъ очень рѣдко. Обычны мотивы картинъ Левитана были погода, состояніе воздуха и всего ужающаго, въ различные моменты, когда природа становится наиболѣе зкой и понятной человѣку. «Туманы» Левитана великолѣпны, но еще не, еще напряженіе выражена имъ свѣжесть ранней весны, когдаanko что обнаженная отъ снѣга земля поражаетъ непривычный глазъ. Истории зеленой травы и бѣлыхъ стволовъ березъ, навѣрное и блещущее освѣщеніе весеннаго облачнаго дня, когда солнце повременамъ іадолго пробивается сквозь отдѣльныя быстробѣгущія тучи,—и вдругъ дворъ становится и свѣтло и тепло, и, наконецъ, нарядная красота лѣдниковыхъ золотыхъ осеннихъ дней,—въ этихъ своихъ мотивахъ Левитанъ является настоящимъ большимъ поэтомъ. Эти мотивы и сдѣлали своими: онъ объяснилъ ихъ русской публикѣ, и эта заслуга нимъ остается».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ изданіяхъ по искусству, коія появились въ нынѣшнемъ году. На первомъ мѣстѣ стоитъ большое размѣрное изслѣдованіе А. Волынского «Леонардо-да-Винчи», несомнѣнно, очень серьезнѣй и самостоятельный трудъ, основанный на «изученіи стной природы и души художника въ ихъ таинственныхъ взаимодѣяніяхъ». Авторъ не могъ довольствоваться тѣмъ материаломъ, какой давали ему послѣднія по времени сочиненія о творчествѣ этого геніального пред-

ставителя итальянского Возрождения; онъ пожелалъ провѣрить наъ тѣхъ своими личными впечатлѣніями, и въ результатѣ долгой работы г. Валенскаго появилось оригинальное изслѣдованіе съ массой снимковъ и скона материала для будущихъ историковъ. «Мы хотѣлось,—говорить авторъ,—показать, съ какими чувствами, съ какими настроеніями люди современныи эпохи могутъ подходить къ его творчеству. Мы хотѣлись запечатлѣть въ бумагѣ пережитыя иною волненія при путешествіяхъ по Европѣ, въ прошломъ обслѣдованія памятниковъ его искусства». Большую услугу изученію русскаго самобытнаго искусства оказываетъ изданный Н. П. Собко посмертный трудъ Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки». Издание иллюстрировано множествомъ снимковъ съ подлинныхъ «картинахъ», причемъ некоторые воспроизведены въ краскахъ. Эта область художественныхъ самобытныхъ произведеній относится къ тому periodу въ развитіи русскаго искусства, когда оно, «отрѣщенное отъ своихъ национальныхъ начальствъ и наважденіе религіознаго импульса, опровергнутаго обществомъ, потеряло у шансъ сдѣлаться самостоятельнымъ. Вѣсть съ тѣмъ, оно не могло бы еще оставаться и народнымъ, такъ какъ все народное стало простонароднымъ, то-есть сдѣлалось достояніемъ низшихъ классовъ общества». Было бы странно, но въ 1824 году, когда И. Снегиревъ задумалъ напечатать народныхъ картинкахъ небольшую статью въ изданіи общества любителей российской словесности, то некоторые члены даже сомнѣвались: «можетъ допустить въ ихъ общество разсужденіе о такомъ низкомъ предметѣ, который предоставленье въ удѣль черни?—и рѣшило называть ихъ, именуя «лубочные картины», — «простонародныя изобрѣтенія». Довольно обстоятельный трудъ М. Г. Сыркина «Пластическое искусства: живопись, стуктура, архитектура. Опытъ эстетического изслѣдованія» даетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ соображеній по теоріи искусства, массу материала, можно сказать и оригинальныхъ сопоставленій. Особенно интересна четвертая глава: «Искусство и правственность». Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ «Исторія русской живописи» А. Новицкаго, выходящая выпусками Изложеніе очень безцвѣтное, на всемъ пространствѣ книги, смучное, при томъ изобилуетъ непростительными ошибками, указанными рецензентами въ специальныхъ художественныхъ журналахъ. Нельзя похвалить иллюстраціи къ этому изданію. Въ ноябрѣ вышелъ изъ печати большой альбомъ хорошо исполненныхъ копій съ картинъ Виктора Васнецова и сказочные и исторические сюжеты: «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной» (на слова М. Лермонтова), «Коверъ-самолѣтъ», «Аленушка», «Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ», «Три царевны подземного царства», «Снѣгурочка», «Гамаюнъ», «Сиринъ и Алконостъ» и др. Этотъ роскошно изданіи альбомъ прекрасно характеризуетъ направление живописи В. Васнецова: гигантскіе художественные изданія и брошюры мы дадимъ замѣти! отдельно «Библиографіи», а теперь перейдемъ къ обзорѣнію двухъ художественныхъ журналовъ, издающихся въ Петербургѣ.

Первый изъ нихъ *Искусство и художественная промышленность*, вы-
ящій подъ редакціей Н. П. Собко, далъ въ вышедшихъ уже двѣнадцати
гускахъ цѣлый рядъ статей о русскихъ и заграничныхъ выставкахъ и
курсахъ, причемъ болѣе интересны картины и рисунки были воспроиз-
едены на страницахъ журнала въ очень удачныхъ снимкахъ автотипіей.
Тѣ слѣдуютъ очерки и характеристики иностранныхъ художниковъ—
ованні Сегантини, Альберто Пазини, Розы Бонёръ и другихъ, а также
скіихъ—Е. Полѣновой и П. М. Шмелькова († 1890 г.), который является
продолжателемъ школы русскихъ жанристовъ послѣ Венеціанова и Фе-
рова. Особенно цѣнны — по нашему мнѣнію — тѣ статьи въ журналѣ
Собко, которые сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о совершенно неизвѣст-
ствѣ у насъ искусствѣ славянъ: хорватовъ, чеховъ, болгаръ и поляковъ.
Еще интересна статья обѣ испанской современной живописи. Немного
тѣй посвящено археологіи, напримѣръ, «Нѣсколько соображеній по
воду уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Киево-
черской лаврѣ» Е. М. Кузьмина, «Подоконники въ теремныхъ покояхъ
сковскаго Кремля» Н. С. Матвѣева, а также чистому и прикладному
анцузскому искусству съ древнѣйшихъ временъ; изъ этихъ очерковъ
я указаю слѣдующіе: «Бельгіское и галло-римское искусство», «Ювелир-
ія издѣлія варварской и меровингской эпохи», «Берамика», «Церковные
кровища», «Живопись историческая и бытовая», «Миниатюры рукописей»,
«Бровое производство», «Портретъ», «Пейзажъ», «Медали» и другіе. Въ
«Хроникѣ» того же журнала находимъ обзорыніе художественной дѣятель-
ности нашихъ провинціальныхъ обществъ, кружковъ и школъ, свѣдѣнія
выдающихся явленіяхъ въ мірѣ искусства и протоколы засѣданій совѣта
адеміи художествъ. Вообще, «Хроника» (отдельное приложение) даетъ
вольно живую картину художественной жизни у насъ и за границей.

Нѣсколько иного характера другой журналъ, редактируемый С. Дяги-
ловымъ, *Миръ Искусства*. Здѣсь есть литературный отдѣлъ и вся книжная
часть журнала за нынѣшній годъ заняты большой и пока еще мало понятной
работой Д. Мережковскаго, въ трехъ частяхъ «Левъ Толстой и Достоев-
ский». Затѣмъ слѣдуетъ статья П. Чертова «Идеалы Пушкина», некрологи
и. Соловьевъ, Ницше, Левитана, А. Урусова, специальная статьи по ис-
торіи живописи, посвященные творчеству К. Брюллова, Обри Бердслея,
ильяма Никольсона, Феодора Бруни и другихъ художниковъ. Есть иѣ-
золько переводныхъ работы, напримѣръ, «Прерафаэлитизмъ» Дж. Рѣскина,
«Темницы искусства» Сизерана, «О художественныхъ хранилищахъ старого
новаго времени» Фуртвенглера. Но главное достоинство этого журнала,
есомнѣнно, состоить въ прекрасно выполненныхъ снимкахъ съ лучшихъ
произведеній самого послѣдняго времени какъ русскихъ, такъ и иностран-
ныхъ художниковъ, преимущественно разныхъ «новыхъ» направленій. Мы
казали о достоинствахъ этихъ двухъ журналовъ, а о недостаткахъ другъ
руга они такъ часто сами говорятъ, что, право, лучше было бы, если

бы журналы, вмѣсто никому не нужной полемики, занялись болѣе изысканными и интересными вопросами.

Напримѣр, въ одномъ изъ номеровъ изданія Н. П. Собко находи-
такую похвалу изданію, редактируемому С. Дягилевымъ: «Не можемъ
отмѣтить перемѣнъ къ лучшему въ *Mirъ Искусства* за новый годъ. Еслъ
смогъ его «Хроники» попрежнему напоминаетъ языгъ мелкой прессы, съ
довольно дешевыми остротами нѣсколько сомнительного свойства; еслъ
текстъ наполняется еще переводами изъ печатныхъ иностраннѣхъ издѣ-
лій подъ видомъ специально написанныхъ для журнала статей; если же
текстомъ и рисунками зачастую почти или совсѣмъ нѣтъ никакой связи
если среди снимковъ попадаются иной разъ чисто дѣтскіе наброски,—
все же, по части воспроизведеній, журналъ, съ превращеніемъ его въ
литературно-живописно-музыкальный органъ, сдѣлалъ прогрессъ противъ
прежняго». Конечно, редакція «восхваленного» журнала не осталась въ
долгу и, читая между строкъ о «сдѣланномъ ею прогрессѣ противъ про-
шаго»—отвѣтила тѣмъ же. Въ послѣднемъ номерѣ *Mira Искусства* въ
священо цѣлыхъ четыре замѣтки по адресу г-на Собко и преемнику его
г-ну Стороннему (объ этомъ же говорится въ письмѣ С. Дягилева въ рѣ-
дакцію *Нового Времени* отъ 1 октября). «Въ своихъ статьяхъ объ ис-
кусствѣ г-нъ Сторонний обнаружилъ совершенно достаточное невѣжество
а заманчивыя обѣщанія, изложенные имъ съ такой предупредительности
въ послѣднемъ фельетонѣ, несомнѣнно обеспечиваютъ успѣхъ его канца-
туры... Два года тратились громадныя средства на совершенноничтож-
нѣе изданіе, лишь скомпрометировавшее художественный авторитетъ обще-
ства... Другихъ замѣтокъ мы не будемъ приводить, такъ какъ се-
ются общества поощрения художествъ, которое «разрѣшааетъ г-ну Собко
пользоваться фирмой общества, не боясь того, что этимъ оно вводитъ
публику въ заблужденіе». Наконецъ, *Mirъ Искусства* приводить изъ однѣ
переводной статьи цѣлый рядъ фразъ, свидѣтельствующихъ о «редакці-
ской небрежности» г-на Собко и прибавляетъ: «такого безобразнаго от-
ношенія къ дѣлу намъ не приходилось встрѣтить въ печати»!

Этимъ полемика далеко не кончилась. Болѣе осторожный и сдержаннѣй
Н. Собко въ послѣднемъ выпускѣ своей «Хроники» помѣстилъ статью «От-
редакція». «Редакція,—говорить онъ,—будетъ бороться всѣми возможными
силами противъ такъ называемаго «декадентскаго» направленія, привык-
шаго юношеству разными аферистами, неспособными выдвинуться ничѣ-
мъ, кроме подобныхъ мѣръ,—именно какъ прививается дурная болѣзнь,
являющаяся бичомъ человѣчества съ незапамятныхъ временъ. Зараза ех-
нулась, къ сожалѣнію, отчасти и художественныхъ школъ, по злобѣ
или по недостаточности развитія руководителей. Есть тутъ, конечно, !
искренне юродствующіе и вѣрующіе въ свое превосходство; но есть и
зумѣтъся, и хитрецы, которые сознательно слѣдуютъ за модными тен-
дѣніями, разъ тутъ видна какая-нибудь материальная выгода или возможності
заслужить популярность въ извѣстной средѣ. Аферисты устраиваютъ въ

авки или предпринимают издания подъ видомъ безкорыстной пропаганды выхъ идей на смѣну старымъ; а когда нельзя ужъ пробоваться одними юевдо-символическими произведеніями съ видимо-отсутствующими въ при-
дѣ, совсѣмъ исковерканными существами или всяческими несуразными явле-
ями, тогда пристегиваются къ этому и произведенія, не имѣющія ничего
щаго съ первыми...» Вполнѣ ясно, конечно, по чьему адресу сдѣланы
и вылаганы.

Въ заключеніе нельзя обойти молчаніемъ очень остроумнаго про-
тa Д. Пахомова—устраивать ежегодно одну большую выставку въ залахъ
академіи художествъ для того, чтобы по ней можно было судить о дви-
женіяхъ русского искусства за извѣстное время. «Выставки академіи, —
говоритъ г. Пахомовъ,— должны носить не узкий, партійный характеръ, а
представлять собраніе по возможности лучшихъ вещей наилучшихъ ху-
дожниковъ всѣхъ школъ и направлений. Академія должна выбирать и сум-
мировать все выдающееся въ области художественной жизни и представ-
лять ясную и наглядную картину высшихъ точекъ, до которыхъ въ на-
стоящее время дошло только русское искусство». Предложеніе это заслу-
живаетъ вниманія уже потому, что такие же «салоны» находимъ въ Па-
риже, Берлинѣ, Лондонѣ и другихъ большихъ европейскихъ столицахъ.
Еперь едва ли каждая изъ выставокъ, устраиваемыхъ десятками въ теч-
еніе года, можетъ выражать извѣстное направление: раскольники - пере-
движники и классики-академики теперь представляютъ совершенно пусты-
ниа. Наоборотъ, жюри академіи оказалось въ нынѣшнемъ году гораздо
иберальнѣе къ «новымъ» направленіямъ живописной техники, тогда какъ
юри передвижниковъ съ ихъ устарѣвшими традиціонными требованіями
абраковало массу картинъ новыхъ русскихъ «сецессіонистовъ». Но про-
извъ этого прекраснаго проекта выступили г. Далькевичъ, г-жа Шнейдеръ
и другіе художники, и окончательно его забраковали. Это они сдѣлали со-
вершенно напрасно.

А. И. Яцминский.

Горе героямъ!

(Письмо въ редакцию).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ возникъ Художественный театръ, московская публика переживаетъ периодически приливы сильнѣйшихъ театральныхъ волненій. Въ Москвѣ вообще искони театральный сезонъ игралъ самую роль, какую, напримѣръ, играетъ парламентская сессія въ крупной западно-европейской столицѣ. Но Художественному театру выпало специальное назначение—создавать «большіе дни» въ московской сезонной жизни, вызывать цѣлыми партіями среди просвѣщенныхъ москвичей и зажигать настоящіе салонно-газетныя междуусобицы.

До послѣдняго времени всѣ эти чувства питались одной и той же пищевыми пьесами, точнѣе,—новыми спектаклями на сценѣ юнаго театра. Сенсациіи неуклонно пріурочивались къ цѣлому сценическому зрѣлищу, и именно оригинальность и особая виртуозная стройность постановокъ и коллективного артистического исполненія создали шумную славу Художественному театру. Сюда шли смотрѣть не отдѣльного какого-либо исполнителя, не героя пьесы и сцены, а толпу, совершенно исключительную по своей разумности и эстетичности. Только на новой сценѣ толпа,—явленіе, какъ известно, пестрое, стихійное и весьма часто безтолковое,—оказывалась праздительно одухотвореннымъ и гармонически-прекраснымъ существомъ. Московская публика впервые на спектакляхъ чуяла и воспринимала не психологію каждого дѣйствующаго лица отдѣльно, а душу всей пьесы, дыша атмосферой цѣльнаго міра, тщательно создаваемаго для каждой драмы и комедіи. И эта-то душа и этой міръ захватывали зрителей, на несколько часовъ ихъ самихъ дѣлали своими органами, и зрители, покоренные новой ощущеній, прощали авторамъ незначительность и тусклость ихъ гроевъ, слабость драматического таланта, странность и искусственность отдѣльныхъ сценъ. За общей иллюзіей исчезали подробности, и пурпур выходила изъ театра съ переполненнымъ сердцемъ и воображеніемъ послѣ того, какъ умъ ея не пріобрѣлъ рѣшительно ни одной здорової свѣжей мысли и память затруднилась бы воспроизвести въ стройной и слленной формѣ внутреннее содержаніе только что видѣнной пьесы.

Въ этомъ заключалась сила нового театра до постановки *Штокмана*. Появление этой пьесы оказалось однимъ изъ самыхъ «большихъ дней» для московскихъ любителей театра, но смыслъ этого дня единственный въ своемъ родѣ: интересъ публики сосредоточенъ не на пьесѣ въ ея цѣломъ, не на ея общей постановкѣ и общемъ исполненіи, а на главной роли, на герое. Такъ и слѣдовало ожидать. Всѣ исбеновскія пьесы—героическая, личная, г.-е. въ нихъ личность—начало, центръ и конецъ авторскаго замысла и всего драматического дѣйствія. Художественный театръ сдѣлалъ двойное открытие, показавъ, что на его сценѣ существуетъ не только изумительна умная толпа, но есть и герой, т.-е. артистъ, способный увлечь публику рѣзко-индивидуальной фигурой, сосредоточить ея живой интересъ на личной психології.

Виновникъ «открытія», — г. Станиславскій, — и раньше извѣстный за даровитаго артиста, но именно роль Штокмана окончательно закрѣпила за нимъ эту славу. Если бы все дѣло ограничилось только этимъ результатомъ, мы могли бы только привѣтствовать событие и покорно присоединиться къ «гласу народа»: г. Станиславскій неподражаемъ въ новой роли, смотрѣть его, значитъ провести одинъ изъ интереснѣйшихъ вечеровъ, но артистъ художественного театра сдѣлалъ не одно, а, по крайней мѣрѣ, два открытія, и второе открытие у всякаго, кому извѣстенъ вообще Ибсенъ, независимо отъ театральныхъ представлений, должно вызывать далеко не сплошное чувство признательности и восторга.

Что такое Ибсенъ, какъ драматургъ?

Вопросъ можетъ показаться слишкомъ сложнымъ, чтобы его решать въ случайному «письмѣ», особенно послѣ того, какъ послѣдняя драма Ибсена, повидимому, нагнала на московскую публику совершенно непроницаемый туманъ. Въ дѣйствительности рѣдкій писатель можетъ похвальиться такой яростью, можно сказать, даже одноцѣнностью своей человѣческой и художественной психології, какъ Ибсенъ.

Вся эта психологія сводится къ одному всепоглощающему стремленію—*культу личности*. Именно культу, потому что у Ибсена вся нравственные и общественные задачи разрѣшаются личностью, и его творчество не что иное, какъ *прозвозглашеніе самодержавной личности*. И смыслъ этой тѣмъ опредѣленіе, что онъ не только литературный, но и биографический. Ибсенъ самъ по себѣ могучая, суровая личность, прошедшая боевой жизненный путь среди «толпы», «большинства». Въ молодости Ибсенъ сравнивалъ свою судьбу съ обычной исторіей птицы гаги. Птица эта вѣтъ гнѣздо надъ моремъ и устилаетъ его собственнымъ пухомъ. Гнѣздо отыскиваютъ рыбаки, похищаютъ пухъ и разоряютъ птичій домъ. Но гага снова принимается за работу и повторяетъ это до трехъ разъ, послѣ третьаго разоренія гнѣзда она покидаетъ негостепріимный берегъ и летитъ на югъ, гдѣ свѣтить и смеяться солнце.

Такъ и самъ поэтъ.

Въ молодости его вынудили покинуть родину, послѣ многочисленныхъ

его попытокъ свить гнѣздо. И только уже на старости лѣтъ изгнаникъ услышалъ привѣтствія отъ Норвегіи. Но, даже внимая восторженнымъ болѣйшимъ рѣчамъ, Ибсенъ съ грустнымъ раздумьемъ обращался къ своему прошлому и настоящему и говорилъ: кто находилъ свой очагъ въ столькихъ странахъ,—нигдѣ на самомъ дѣлѣ не чувствуетъ себя дома, даже въ своемъ отечествѣ.

О чёмъ же могъ писать поэтъ, пережившій такую жизнь?

Только обѣ однокъ: обѣ одинокомъ, непобѣдимомъ человѣкѣ. Самодѣлывающая нравственная сила—вотъ муга Ибсена. Она пронесла свой гордый девизъ сквозь всѣ современныя демократическія движенія и до послѣдняго дня остается при убѣждѣніи, что никакая крайняя демократія не можетъ и не должна заслонять высшаго личнаго геройства.

Около двухъ лѣтъ назадъ, на юбилеѣ Ибсенъ такъ объяснилъ свое соціальную вѣру:

«Одна только демократія можетъ разрѣшить соціальный вопросъ. Но новое общество должно заключать аристократический элементъ. Это не будетъ аристократія рожденія, ни того набитаго кармана, даже не ума, а аристократія характера, воли, души».

Вполнѣ ясно, и станетъ еще яснѣ, когда мы припомнимъ литературные образы, созданные Ибсеномъ: всѣ они, какъ центральные лица драмъ, движутся между Норой и Штокманомъ. Это будто валькирии и викинги, перенесенные въ атмосферу XIX вѣка. Всѣ они дышатъ древнимъ скандинавскимъ героизмомъ «царей моря»,—всѣ они родныя дѣтища собственныхъ сердца автора. И Штокманъ самое близкое, самое кровное дитя,—онъ, дѣлающій послѣднее и самое важное, самое ибсеновское открытие: «смыть всѣхъ тотъ, кто стоитъ одинокимъ», т.-е. кто работаетъ на пользу демократіи какъ аристократъ, зависимый только отъ своихъ личныхъ убѣждѣній, отъ своей совѣсти.

И въ этой истинѣ ничего нѣть ни поразительно нового, ни слишкомъ теоретического. Штокманъ имѣеть больше всего усугуба въ Англіи, и именемъ здѣсь искони *свободнѣйшиe* люди сѣтовали на упадокъ личности. Бокъ и Миль, раньше Ибсена, жаждали побольше Штокмановъ въ своемъ отечествѣ, побольше независимой «творческой мысли»,—и Миль спасеніе свободы видѣлъ въ появленіи умовъ, способныхъ стать выше выработанныхъ большинствомъ принциповъ и идеаловъ.

Такъ просто и такъ общедоступно,—и такова тайна всей ибсеновской писательской дѣятельности.

И вотъ съ этой разгадкой тайны мы пришли въ Художественный театръ посмотреть на Штокмана—Ибсена, наивнаго идеалиста въ молодости, революціонера послѣ разочарованій и реформатора въ моментъ, когда отъ него окончательно отхлынуло отечественное «большинство», и онъ дѣствительно оказался одинокимъ. Мы готовились въ художественныхъ борзахъ пережить жизнь и идейный процессъ автора-борца, вплоть до послѣдней драмы неумолимо преслѣдующаго объективное искусство, готоваго въ

цупъ чистаго поэта разоблачить бездну эгоизма, невынляемую совѣсть и безсознательную самоуслаждавшуюся жесткость сердца.

Именно яркий вполиѣ реальный смыслъ «эпилога» *Когда мы, мертвые, гробуждаемся* бросаеть лишній лучъ на неизмѣнную художественную вѣру Ибсена.

И мы увидѣли Штокмана.

Съ первой же минуты намъ вспомнилась одна немногорѣчива, но глубоко проникновенная ибсеновская сцена.

Бесѣдуютъ герой и героиня. Онъ долго искалъ ее, томился по ней, успѣлъ прожить безъ нея всю молодость, накопилъ море никому не повѣданныхъ страданій, и вотъ, наконецъ, встрѣтилъ ее.

- Я хочу разсказать тебѣ сагу,—говорить онъ
- Она грустна?
- Грустна, какъ жизнь.
- Развѣ жизнь грустна?
- Выслушай и тогда скажи.

И онъ начинаетъ повѣсть безплодныхъ жертвъ, безмыслиенныхъ томленій, медленной тяжелой душевной агоніи въ поискахъ за свѣтомъ и счастьемъ.

И вотъ мы вспомнили все это, слѣдя за игрой г. Станиславского.

Да, жизнь грустна и безтолкова, такъ, какъ мы ее недавно видѣли въ комедіи г. Чехова. Нѣть страсти,—вмѣсто нея нервозъ, нѣть силы,—вмѣсто нея судорожные порывы подавленной и обезумѣвшей души, нѣть далекихъ и широкихъ путей,—предъ людьми глухая мертвая стѣна,—и безумецъ тотъ, кто пожелалъ бы пробить ее собственнымъ лбомъ.

Штокманъ—изъ этого каземата.

Онъ давно утратилъ и физическое и умственное зрѣніе,—вѣрилъ родился близорукимъ, почти слѣпымъ. Онъ поминутно наталкивается на предметы даже въ своей комнатѣ, безъ очковъ не можетъ ни читать книги, ни узнавать человѣка. Онъ фатально безпомощенъ. Онъ нуждается ежеминутно въ поводыре, въ нянѣ. Удалите отъ него жену и кухарку,—онъ, навѣрное, окажется въ положеніи щедринскаго генерала, не будетъ въ состояніи найти своего платья и добыть пищи. Онъ великъ и энергиченъ, но только за письменнымъ столомъ, съ микроскопомъ,—на шагъ отъ всего этого онъ будто новорожденный ребенокъ.

И такой человѣкъ можетъ быть идеалистомъ?

Несомнѣнно, но только не потому, что онъ знаетъ и любить нечто болѣе прекрасное и разумное, чѣмъ окружающая жизнь, а потому, что онъ вовсе не знаетъ жизни и считается только съ міромъ формулъ, терминовъ, словъ и даже буквъ, и знаковъ препинанія. Это не идеализмъ, когда человѣку ясны двѣ категоріи явлений—отрицательная и положительная, косная и творческая, а *абсентізмъ* разума и воли, трогательное и въ то же время жалкое ослѣпленіе заугольнымъ специальнымъ царствомъ отълученной учености, кабинетного подвижничества. Свѣтъ реальной жизни

долженъ болѣзненно рѣзать Штокману глаза и безпрестанно повергать его въ растерянность, вызывать у него мысль скрыться отъ этого свѣта за грудой книгъ и рукописей и считаться съ ними при посредствѣ жены, маччи и кухарки Екатерины.

И такой человѣкъ можетъ быть борцомъ?

Несомнѣнно, только не на бурной открытой сценѣ, не на трибунѣ, не предъ лицомъ возмущенной толпы, а въ своемъ уголкѣ, при свѣтѣ лампы, подъ надзоромъ здѣсь же вѣжущей чудою нянки-жены.

Вы знаете, какъ умеръ знаменитый филологъ Гаазе?

За письменнымъ столомъ, за чтеніемъ корректуръ,—смерть поразила его внезапно, голова его склонилась тихо на бумаги и на его лбу нашли отпечатокъ корректурного листа.

Вотъ поле сраженія и катастрофа, достойная нашего Штокмана. Онъ не задумается мѣсяцы потратить на то, чтобы уличить коллегу въ невѣрномъ чтеніи древняго текста, завяжетъ даже многоглѣтнюю полемику,—но вынести весь этотъ соръ на судъ непосвященныхъ! Никогда! Иначе наука не будетъ священнодѣйствиемъ избранныхъ, а добычей улицы.

Вы припоминаете биографію исбеновскаго Штокмана. Вся жизнь его—сплошной реализмъ, жизнь врача и доброго энергичнаго человѣка среди полуудицарей. У него врядъ ли имѣлся даже кабинетъ или письменный столъ, и книги онъ читалъ развѣ только урывками и по счастливой случайности. Если онъ большой знатокъ въ своемъ дѣлѣ, то исключительно благодаря талантливости и наблюдательности; вѣдь и предметы его—естествознаніе и медицина,—и онъ не столько ученый, сколько гений-изобрѣтатель, пріобрѣтающій знанія путемъ вдохновенной догадки, интуїціи, однимъ словомъ, самобытной практической даровитости. Его лабораторія открытомъ воздухѣ и предметъ наблюденія—непосредственная жизнь. И именно Штокманъ долженъ отличаться увѣренностью и свободой виѣшилъ приемовъ, остротой и мѣткостью взгляда,—это своего рода Соломонъ только съ европейскимъ темпераментомъ, съ натурай трибуна и воинствующимъ агитаторомъ, картинааго и грознаго въ моментъ борьбы.

А Штокманъ Художественного театра?

Да это гимназистъ, всю жизнь имѣвшій за прилежаніе полный балъ, поступившій на «чистое» отдѣленіе историко-филологического факультета, основательно излагавшій комментаріи къ нѣкоторымъ классическимъ писателямъ—отнюдь не самихъ писателей, и за свое долготерпѣніе награжденный мѣстомъ преподавателя латинскаго и греческаго языковъ. Естественно онъ почти ослѣпъ отъ «текстовъ», разучился ходить и особенно зѣвать безъ помощи гувернантки или нянки. Онъ безпрестанно становился забавнымъ и даже жалкимъ, а ужъ когда объясняетъ свое знаменитое открытие насчетъ силы и одиночества, публика имѣеть всѣ основанія зѣваться. Хорошъ одинокій герой въ образѣ педанта и ирота!

И авторъ будто бы можетъ заставить его устроить митингъ и бросить

въ лицо толпѣ самыя воющія оскорбленія,—тѣ самыя, за которыхъ Ибсенъ долженъ быть десятии лѣть жить вѣкъ своего отечества!

Правда, нашъ филологический Штокманъ старается кое-какъ помочь сюрпризу и смягчить наше изумленіе, онъ старается свои жестокія слова произносить будто расшарниваясь, притомъ по-русски—прибавляя къ фразѣ съ. Это слово-ерикъ—великолѣпнѣйшая оснастка для рѣчей Штокмана! Вобразите Ибсена, съ его лицомъ, напоминающимъ божество изъ скандинавской миѳологии, съ его жесткимъ, неподвижнымъ взглядомъ, съ его захаленной прирожденно и принципиально-боевой натурой,—и вдругъ слово-ерикъ! Простодушиѣ трудно было исполнителю изобличить самого себя, откровеніе снять маску съ своего Штокмана.

Мы снова повторяемъ, г. Станиславскій въ своей передѣлкѣ явился замѣчательнымъ артистомъ, даже вдвойнѣ замѣчательнымъ. Сначала онъ изъ драмы Ибсена извлекъ совсѣмъ особенного Штокмана,—не Штокмана, а Шток-кинда, а потому провелъ свою роль съ поразительно-выдержаными, артистически-изобрѣтѣнными подробностями. Ибсенъ былъ похороненъ съ блескомъ и съ триумфомъ...

И вотъ этаъ-то триумфъ едва ли не самая любопытная сторона всего происшествія.

Мы безусловно присоединяемся къ общему удивленію предъ искусствомъ г. Станиславскаго: съ этихъ порь мы знаемъ, Москва, помимо блестящихъ художественныхъ силъ Малаго театра, имѣть выдающагося артиста и можетъ внести его имя въ свои театральные лѣтописи. Но на верху страницы, гдѣ будетъ красоваться имя г. Станиславскаго, должно быть отмѣчено: слава артиста началась съ перелицовки ибсеновскаго героя и съ недоразумѣнія,—точнѣе, съ обиднаго самообличенія московской публики.

Она покорно пошла не только за искусствомъ, но и за толкованіемъ г. Станиславскаго. Она *ею* Штокмана признала болѣе реальнымъ лицомъ, чѣмъ ибсеновскаго. И это признаніе означало: мы, русскіе люди, готовы допустить существованіе идеалистовъ, ставящихъ независимость личной совѣсти и мысли выше, такъ называемаго, «общественнаго мнѣнія», но только эти существа должны быть болѣе или менѣе невѣжливы и непремѣнно комичны, своего рода «антини», стукающіеся головами обо всѣ встрѣчные предметы. А иначе фигура будетъ деревянная, ходульная, чисто-теоретическая. Вообще мы не вѣримъ, чтобы физически и нравственно зрячій человѣкъ, обладающій живымъ умомъ и сильной практической волей, могъ дѣлать открытия въ ущербъ своему положенію въ обществѣ и сражаться съ вѣтряными мельницами, т.-е. съ коcными стадными взглядами, съ классовымъ эгоизмомъ, съ партійнымъ шарлатанствомъ. Это впору какому-нибудь убогому вѣчному ребенку, а не настоящему человѣку.

Да, таковъ смыслъ неограниченного успѣха московскаго Штокмана у московской публики...

Не особенно давно были времена, когда не только Лео Шильгагена, но даже маркизъ Поза Шиллера не казались именно въ Москвѣ слишкомъ

отвлеченные и неестественные, когда московская критика непременно подняла бы бурю за «опрошениe», върнѣе, за принижение и измельчаніе художественного лица. Особенно, если бы у этой критики быть предъ глазами совершенно реальный, фактический Штокманъ,—самъ его авторъ.

Тогда бы критика сказала: если вы, некоторые наши соотечественники, находите такого Штокмана болѣе дѣйствительнымъ, — вѣруйте въ это исключительно за свой счетъ. Вамъ инстинктивно, во имя нравственной самозащиты, хочется Штокмана по возможности не укорильтного для вашей массовой психологіи, вы хотите уйти изъ театра безъ всякаго досадного чувства на себя и свое существовательство, тогда имѣйте мужество сознаться: это удобный для насть герой, съ *такими* героями толпа можетъ спокойно переваривать свой обѣдъ, ибо герой просто забавенъ и жалъ. Но это *вы* говорите, и почему говорите—дѣло вашей совѣсти. Но «земя всетаки вертится», и существуютъ Штокманы, не имѣющіе ничего общаго съ московской смѣдкой,—все равно какъ бывали и московские, и не московскіе чайльдъ-гарольды. И доказательство не только драма, но и история.

Она заставляетъ насть припомнить горькія и по существу трагическихъ слова, сказанныя когда-то англійскимъ писателемъ по адресу современной толпы: *the decline of individuality...* Вотъ этотъ именно *упадокъ личности* и вызвалъ на сцену особаго Штокмана и въ залу театра собрали зрителей не только благосклонныхъ къ *изрѣ*, но и къ *факту*, — зрителей, въ глубинахъ душъ благодарныхъ артисту за искусственную, унизительную анатомію явленія идеального и героического, въ сущности—явленія творческаго и прогрессивнаго, уничтожаемаго во славу силь косныхъ и стадныхъ.

Из. Исаевъ.

БИБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ ОТДѢЛЬ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь

1900 года.

дѣржаніе. I. Книги: Беллетристика.—Философія, психологія, педагогія—Критика и публицистика.—Історія.—Географія, путешествія.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги. II. Периодическія изданія: ірпъ Божій», ноябрь.—«Русское Богатство», октябрь,—«Вѣстникъ Европы», ябрь. III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го ноября по 1-е декабря 1900 г. IV. Указатель книгъ, собранныхъ въ «Бібліографіческомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1900 годъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

ъ мастерской" Бытовые очерки. И. А. Данилина.—„Преступники". П. Б. Хотымскаго.—„Разсказы Людвига Анценгрубера".—Въ одиночномъ заключеніи. А. И. Фаресова.—„Стихотворенія". С. Головачевской.

Въ мастерской. Бытовые очерки. И. А. Данилина.— Преступники. П. Б. Хотымскаго. „Новая Библіотека", изданіе журнала „Русская Мысль". Москва, 1901 г. Ц. 40 к. Въ своихъ очеркахъ, данныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Въ мастерской", авторъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ бытомъ рисовальщиковъ въ литографіи, дающей аляповатыя и пестрыя картишки „для народа". Жизнь ихъ тружениковъ, среди грязной и непривѣтливой обстановки мастерскихъ и спаленъ, скрашивается только нѣсколькими отдѣльными личностями, — способнымъ рисовальщикомъ Коптевымъ, бывшимъ когда-то „частоящимъ" художникомъ, и чуткимъ Мотылевымъ, который всегда ступается за молодыхъ учениковъ. Основная черта этихъ рисовальщиковъ — неудовлетворенность своими работами, лишенными смысла и содержания, и непріглядной жизнью съ тяжелымъ трудомъ и праздничнымъ изгуломъ.

Другой авторъ, П. Б. Хотымскій, береть болѣе орігинальные типы вводить читателя въ душную среду пересылочныхъ арестантовъ. Его „Бродяжка"—очень яркій типъ тюремного „воспитанника"; хотя ему и далось бѣжать съ поселенія и почти добраться до Урала, но онъ довольно отдается „начальству" и снова попадаетъ въ тюрьму, потому что эта обстановка ему болѣе сродни. „Горбуновъ", это — старый арентантъ, серьезный, молчаливый. Необыкновенно трогательна его привязанность къ молодому парню Монькѣ, котораго обижаетъ его дядька. Самый интересный изъ арестантовъ — „Чужакъ" или „монахъ Алешка". о самой своей трагической кончины Алешка остается „чужакомъ" для агрубѣлыхъ своихъ товарищей. Алешка убѣждены, что, попавъ въ юрьму „безвинно", онъ войдетъ въ царство небесное. Поэтому онъ не азъ уже является къ властямъ и выдаетъ себя за преступника. Его

садять въ острогъ, но послѣ продолжительного и, конечно, безуспешнаго слѣдствія выпускаютъ на свободу. Арестанты издѣваются надъ его и лигіозностью, надъ чистотой его дѣтской души, а онъ все терпить и надеждѣ за эти добровольныя поруганія войти въ „небесное царство“.

Разсказы Людвига Анценгрубера. Переводъ съ нѣмецкаго с предисловіемъ Л. И. Коганъ. Издание „Новой Библиотеки“ редакціи журнала „Русская Мысль“. Ц. 20 к. Имя нѣмецкаго народнаго писателя Людвига Анценгрубера († 1889 г.) очень мало известно русской читающей публикѣ, несмотря на огромный успѣхъ драматическихъ произведеній и, главнымъ образомъ, рассказовъ Анценгрубера въ Австрии Германіи. Дѣйствія всѣхъ разсказовъ его происходятъ въ деревнѣ, въ герояхъ ихъ—крестьяне, или „неудовлетворенные и порочные люди, не находящіе отвѣта въ религіи на ихъ запросы къ жизни“, или свѣтлыя истыя души, которыхъ глубоко скорбятъ о своихъ заблужденіяхъ всегда стремятся къ правдѣ и любви къ людямъ, которыхъ желаютъ бѣзъ „друзьями всѣхъ сирыхъ и гонимыхъ“ и находятъ, несмотря на сомнѣнія въ религіи, самыя теплыя слова, самое горячее участіе... Анценгруберъ открыто возстаетъ противъ показной стороны католической религіи и напускного ханжества; вместо нихъ онъ рекомендуетъ полную религію мира и любви, любовь къ человѣку, и, благодаря жизненному и правдивому изображенію, предъ читателемъ встаютъ прекрасные пріамѣры „друзей человѣка“, которые вѣрятъ, что рано или поздно вступить для человѣческаго сердца „вѣчное Рождество“. Таковъ характеръ творчества нѣмецкаго народнаго писателя. Въ русскомъ переводе собраны слѣдующіе разсказы: „Лиза-гусатница“, „Трефовый туз“—томъ, какъ часовщикъ Михель разувѣрилъ одну суевѣрную крестьянку въ полной искренности гаданий на картахъ, „Исторія о дурныхъ посланцахъ“—о тяжелыхъ послѣдствіяхъ для одного крестьянина, который оправдывалъ всѣ свои дурные поступки пословицей: „одинъ разъ въ счетъ не идеть“, „Сонъ мооргофа“—о жестокихъ „старыхъ временахъ“ нѣмецкаго крѣпостничества, и „Благочестивая Катерина“, которая изъ жертвовала своимъ собственнымъ счастьемъ для спасенія младшей сестры.

Въ одиночномъ заключеніи. А. И. Фаресова. Спб. Ц. 1 руб. Книжка г. Фаресова представляетъ интересъ благодаря своей темѣ. Она санкцію категории и быта уголовныхъ преступниковъ въ нашей русской литературѣ посвящено не мало страницъ. Г. Фаресовъ, кажется, впервые осмыслилъ положеніе политического преступника, находящагося во все времена предварительного слѣдствія, въ продолженіе несколькия лѣтъ, въ одиночномъ заключеніи. Авторъ, народникъ—пропагандистъ начала семидесятыхъ годовъ, былъ заключенъ въ одиночную камеру въ Саратовѣ. На допросахъ онъ упорно отмалчивался и потому послѣдовательно прошелъ всѣ тюрьмы въ восходящемъ порядке. Послѣ провинциальной тюрьмы—московский бутырскій замокъ, именно ужасную Пугачевскую башню затѣмъ, петербургскую тюрьму—„Домъ предварительного заключенія“ Петропавловскую крѣпость. Подробно описывая порядки, быть ссыпанныхъ арестантовъ каждой тюрьмы, авторъ старается передать въличиня впечатлѣнія, немногочисленныя радости и ужасныя муки изданія. Особенно сильно очерчено у него состояніе заключенного измученного тюрьмой, именно тѣ періоды, когда ослабѣвшая эпидемией изнуренный организмъ приближаютъ душевныя силы человѣка къному разстройству: „Время, проведенное внѣ общества, уже наложило меня свой слѣдъ. Изъ стройнаго и высокаго молодого человѣка я обрѣлъ фигуру арестанта изъ одиночного заключенія: вытянуту-

ючицъ шею, шатающуюся и развищенную походку слабыхъ ногъ, и до съ безстрастнымъ взглядомъ... „Дѣйствительность занимала меня только въ свѣтлые промежутки душевной жизни. Апатія или галлюцинація, сонъ или безсонница, безконечное сидѣніе за столомъ съ опущенной головой на руки или хожденіе по каземату въ одномъ направлениі,

того, что на подошвахъ ногъ высохшая кожа слѣзала ремнями, чесовались между собой въ моей жизни“. Эти строки говорять сами за бя. Впослѣдствіи Фаресовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь,

по ходатайству суда предварительное одиночное заключеніе было givenо ему вмѣсто наказанія, и онъ вышелъ въ свѣтъ уже состарившись, безъ житейского опыта въ новую для него жизнь, измѣнившуюся ушедшую впередъ за долгіе годы его заключенія. Эта наивная неопытность и чистая искренность, проникнутая мечтательнымъ идеализмомъ, называется на всей книжкѣ г. Фаресова. Мы можемъ рекомендовать ее якому читателю, интересующемуся жизнью заключенного въ одиночной мэрѣ, если только въ данномъ случаѣ умѣстно слово — „интересуетъся“.

Стихотворенія. С. Головачевскаго. Москва. Ц. 80 к. Мы тщательно выискивали въ книжкѣ г. Головачевскаго поэзію и, перечитавъ одинъ разъ его стихи, поэзіи именно и не нашли, хотя по началу, залось, можно было ожидать и хорошаго продолженія. Все это объясняется однако очень просто. Г. Головачевскій взялъ красивую мысль, торую современный нѣмецкій поэтъ и драматургъ Артуръ Шницлеръставилъ эпиграфомъ своей трилогіи „Зеленый попугай“ и на эту мысль писаль нѣсколько стихотвореній, которыхъ и помѣстилъ въ началѣ своей книги. Эпиграфъ Шницлера таковъ: „жизнь—игра, мудрецъ кто помълъ это“. Такое совпаденіе заинтересовало насъ. Горько было разорваніе. Мысль: „жизнь—игра“, разработана у Шницлера со всей плотной психологическаго анализа и выражена въ художественной форме, у г. Головачевскаго же мы прочитали болѣе десяти стихотвореній съ вариаціями на ту же тему — и болѣе ничего. Всѣ первыя стихотворенія — изложеніе одного и того же, а изложить другими словами какъ-нибудь мысль вовсе не значить разобрать эту мысль, расширить ее. Я изложенія достаточно одного трудолюбія, а для художественной разработки нуженъ талантъ. Вотъ и все, что можно сказать хорошаго о книжкѣ г. Головачевскаго: одна мысль красивая (можетъ быть вѣрная, о дѣлѣ вкуса каждого) и плохо разработанная.

Но мысли (особенно одной) для стиховъ мало. Кромѣ идеи должна быть въ каждомъ стихотвореніи и Прометеевъ огонь, и прекрасная форма. Ни того, ни другого нѣть у г. Головачевскаго. Мы читали о стихи и положительно удивлялись полному отсутствію захватывающей страсти, новыхъ образовъ, яркихъ пятенъ, — именно того, что создаетъ вѣзю. Форма же стиховъ только подчеркиваетъ прозаичность и полное отсутствіе у автора художественнаго чутья. Г. Головачевскому неизѣстно, должно быть, что избитыя риѳмы такъ же нетерпимы, какъ и плохія. Пояснимъ примѣромъ. Нельзя назвать риѳмами: подходить, бродить; лакомый, влекомый и т. п., это риѳмы плохія, блѣдныя. Обиліе такихъ звучныхъ риѳмъ всегда указываетъ на дѣланность стиховъ, точно также какъ и риѳмы: никогда, всегда; лицъ, мигъ; луна, она; и т. п. Это риѳмы избитыя, опошленные, затасканные дешевой поэзіей и рекламными стихотворными объявленіями. Г. Головачевскій не задумываясь пользуется всѣми этими избитыми и незвучными риѳмами. Но все это блѣдѣеть передъ слѣдующими строками (стр. 51):

...Она скрывает бледный ликъ
И, снова засиявъ, по небу вдаль стремится
Куда же держитъ путь печальная царица?“

Стремится и царица... и это не въ шутку.

Мы не говорили бы такъ много про книжку г. Головачевскаго, если бы передъ нами была одна изъ тѣхъ сотенъ безразличныхъ, имѣлъ книжекъ, которая та же часто появляются и та же быстро исчезаютъ — известно куда. Г. Головачевскій заставилъ насъ обратить на себя внимание и даже возбудилъ въ насъ надежды своимъ сдержаннѣмъ томомъ и классическимъ подборомъ стиховъ. Въ оглавлениіи мы увидѣли: „есть“, „Новый Пигмаліонъ“, „Кипарисъ“, „Поэзія“ и рядъ переводовъ начиная съ Гейне, кончая Бодлеромъ Дирксомъ, Адой Негри, и тѣ не менѣе всѣ наши надежды остались неудовлетворенными, мы увидѣли у автора искреннее желаніе написать хорошие стихи и отсутствіе поэтическаго дарованія.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы философіи и психологіи“. Кн. 54.— „Элементы психологіи“. Лорка ⁴ Сертива.— „Бэнъ о классицизмѣ“.— „Мысли о школьнѣмъ и домашнемъ воспитаніи“ Л. Келлнера. (Педагог. библ. изд. К. Тихомировъ и А. Адельфонъ).

Вопросы философіи и психологіи. Книга 54 (IV). М., 1900.
Сентябрь—октябрь. Эта выпускъ нашего философскаго журнала представляетъ собою сборникъ статей, посвященныхъ памяти Василия Петровича Преображенского, покойного редактора *Вопросовъ*. Интеллектуальна физіономія безвременно почившаго мыслителя была известна немногимъ, такъ какъ онъ рѣдко выступалъ въ печати, и следившіе за единственнымъ ономъ русской философіи могли только чувствовать, что скрытая и неблагодарная редакторская работа, которая происходитъ гдѣ-то тамъ, за бумагами,—что эта сосредоточенная и тяжелая работа совершаются необыкновенно умѣлой рукой и требуетъ выдающихся знаній, литературного гения и живой разносторонности объективнаго ума. Всѣ эти качества совмѣщались въ себѣ Преображенскій въ высокой степени, и его раннія кончина составляетъ жестокій ударъ для всѣхъ, кому дорого расстраданіе философскихъ знаній въ Россіи. Теперь его друзья и почитатели сдѣлали то, чего онъ самъ, изъ скромности и въ силу организованаго склада своей натуры, не успѣлъ и не захотѣлъ сдѣлать за свою недолгую труженическую жизнь: они показали всѣмъ, какія умственные сокровища таились въ Преображенскомъ, какъ своеобразна была его философская мысль и какая мучительная трагедія пытливаго духа сочилась въ зловѣщей гармоніи съ его личной жизнью, исполненной горя и тягостныхъ разочарованій. Особенно достойный памятникъ воздвигъ ему усопшему другу кн. С. Н. Трубецкой въ статьѣ, открывающей сборникъ. Она живыми красками рисуетъ страдальческий образъ покойнаго: даетъ яркую характеристику его необычайной умственной силы. Прекраснаго этюда кн. Трубецкого мы узнаемъ, что потребность въ номъ математическомъ знаніи, эта отличительная черта добросовѣстной мысли, соединялась въ Преображенскомъ съ глубокой любовью къ философіи и искусству. Все лучшее, что создалъ человѣческий духъ въ благородной области слова, воспитало умъ и душу покойнаго; онъ былъ истинный филологъ — гуманистъ. В. П. Преображенскій необыкновенно много и необыкновенно глубоко читалъ и, читая, подвергалъ всѣ изведенія древней и новой литературы микроскопическому изслѣдуванію.

тературному и философскому разбору. Но тонкость и тщательность ализа не включали передъ нимъ и общаго синтеза: каждого мыслия и каждого поэта онъ понималъ въ цѣльномъ единству ихъ міро-зерцанія и внутренней личности. Филологъ,—это, по выражению Ницше, итель медленного чтенія; и въ этой филологической школѣ читатель бѣдилъ въ Преображенскомъ *писателя*: слишкомъ строгий къ себѣ, никомъ взыскательный и тонкий въ своихъ литературныхъ требованияхъ, онъ не дѣлился съ публикой богатствомъ своихъ знаний и идей. О мысли, прошедшая черезъ филологическую критику всѣхъ системъ довоззрѣнія, всѣхъ философскихъ и этическихъ учений, отличалась ептицизмомъ, но это было скептицизмъ не легкій и самодовольный и стигнуть онъ бытъ цѣною страшныхъ умственныхъ тревогъ. Въ его новѣ лежало глубокое сознаніе неизбѣжной субъективности человѣческаго мышленія, неизбѣжной условности и относительности чистой мысли. Этой точки зренія, достоинство отдѣльныхъ теорій Преображенскій мѣрялъ не столько ихъ логической силой, сколько величиемъ и оригинальностью того субъективнаго лица, которое въ нихъ раскрывалось. Имъ и объясняется его особое влеченіе къ философамъ-лирикамъ, и въ й цѣнной библіотекѣ, которая живыми страницами запечатлѣлась въ о головѣ, избранное мѣсто занимали Платонъ, Паскаль, Шопенгауэръ, Гель, Ницше, Киркегоръ. Не признавая аксиомъ чистой философіи, въ обенности аксиомъ воли, Преображенскій вѣрилъ, что въ основаніи человѣческой дѣятельности и всякихъ нравственныхъ догматовъ лежить инстинктъ идеального самосохраненія, субъективныя влеченія души.

Статью кн. Трубецкого, какъ въ изящную оправу, вставлены тонкие форизмы Преображенскаго, извлеченные изъ его рукописей. Интересно написанъ очеркъ П. А. Котляревскаго, излагающій факты виѣшией и внутренней жизни В. П. Преображенскаго; особенно любопытны страницы, изображающія московскій университетъ въ началѣ 80-хъ годовъ, преподавателей и студентовъ историко-филологического факультета. В. И. Герье въ большой, тепло написанной статьѣ характеризуетъ плодотворную дѣятельность покойнаго въ московскомъ городскомъ самоуправлении; сочетаетъ теоретической мысли съ живою практикой было одною изъ самыхъ рельфныхъ чертъ удивительной личности Преображенскаго. Статья другого, засмертнаго покойника Вл. С. Соловьевъ представляетъ глубокій комментарій на учение о Логосѣ ап. Иоанна Богослова и выясняетъ жизненный смыслъ христіанства, превратившаго „смертоносное дерево ветхой природы... въ бессмертное дерево новой жизни, которое коренится въ любви братствѣ, растетъ крестомъ духовной борьбы и приносить плодъ всебѣдаго воскресенія“. Значительный интересъ представляютъ очерки Л. М. Опатина о безсознательной душевной жизни, П. И. Новгородцева объ историческомъ и философскомъ изученіи идей, И. Ф. Огнева о витализмѣ современномъ естествознаніи, Б. Н. Чичерина: „Метафизика есть ли зука?“, Н. А. Иванцова о Лейбницѣ, П. Д. Боборыкина о ницшеанствѣ. Въ общемъ вся эта книга *Вопросовъ философіи*, которымъ Преображенскій отдалъ такъ много энергіи и таланта, проникнута искренней благодарностью къ свѣтлой памяти усопшаго.

Элементы психологіи. Жоржа Фонсегрева, профессора философіи въ лицѣи Бюффона въ Парижѣ. Переводъ съ 3-го французскаго изданія студентовъ Московской духовной академіи подъ редакціей, съ измѣненіями и дополненіями П. П. Соколова. Серіевъ-Посадъ, 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. Эта изящно написанная, переведенная и изданная книга является несомнѣнно желательнымъ приобрѣ-

теніемъ для нашей философской литературы. Прежде всего она имѣетъ высокія достоинства педагогического характера: ясная и красива въ своему изложенію, сосредоточенная въ группировкѣ и освѣщеніи фактъвъ, стройная въ своемъ планѣ, она даетъ систематической и проникнутой одной общей идеей очеркъ психологическихъ явленій „въ связи съ тѣми философскими проблемами, которыхъ вырастаютъ на ихъ почвѣ“. Особенную помощь учащимся принесутъ отлично составленныя „резюмы“, которыхъ въ немногихъ, но сильныхъ словахъ подводятъ итоги ~~каждой~~ отдельной главы и запечатлѣваютъ въ памяти ея существенный положенія; какъ и многія другія стороны учебника, эти резюмы подверглись въ русскомъ изданіи значительной и вполнѣ удачной переработкѣ. По внутреннему своему содержанію книга Фонсегрина замѣчательна своимъ философскимъ духомъ, который часто отсутствуетъ въ учебникахъ психологии, отчего послѣдняя теряетъ идейный характеръ и обращается къ сухое изложеніе неустойчивыхъ фактъвъ. Правда, иная изъ специальныхъ-психологическихъ задачъ остаются у французского автора нетронутыи потому что общее направлѣніе его труда отвлекло его отъ детальныхъ изслѣдований въ сторону общихъ вопросовъ, принудило его удѣлить мало интересныхъ страницъ логикѣ, теоріи познанія, этикѣ и эстетики; но намъ думается, что такая метода имѣть большое педагогическое значеніе, ибо она можетъ сразу заинтересовать учащихся широкими горизонтами, которые передъ ними раскрываются. Въ изученіи и истолкованіи элементарныхъ психическихъ состояній Фонсегринъ стоитъ на эмпирической почвѣ; здесь онъ прымкаетъ ко взглядамъ Юма и Д. С. Миллъ и считаетъ ихъ объясненія достаточными для *абстрактной* психологіи т.-е. для той части науки о душѣ, которая анализируетъ темные психические процессы, не входящіе въ сознаніе субъекта, не служащіе предметомъ рефлексіи. Но переходя къ психологіи *рефлексивной*, которая изучаетъ внутренніе процессы, освѣщенные самосознаніемъ, Фонсегринъ покидаетъ выводы эмпиризма для спиритуалистическихъ традицій французской философіи; въ этой области, специальнно-человѣческой, онъ признаетъ необходимымъ допущеніе универсального разума и выказываетъ себя сторонникомъ теоріи душевной активности и творчества, самодѣятельного и самостоятельного я. Можно не раздѣлять этихъ послѣднихъ взглядовъ автора, но надо согласиться, что его книга представляется очень интересное и выдержанное развитіе ихъ и сравнительно съ существующими насть учебниками Гефдинга, Джэмса, Бундта, Комперѣ представляясь *бюю* во многихъ отношеніяхъ, интересное „*audiatur et altera pars*“, оригинальное освѣщеніе проблемъ, которыхъ обыкновенно трактуются сть иными точекъ зреінія. Въ концѣ учебника обращаетъ на себя вниманіе опытный списокъ темъ, которыхъ предлагались лицеистамъ на экзаменахъ зреіости въ Сорбоннѣ и которыхъ свидѣтельствуютъ о высокомъ уровне философскаго пониманія у французскихъ юношь.

Бэнъ о классицизмѣ. Тула, 1900 г. Эта брошюра представляетъ собою изложеніе взглядовъ извѣстнаго англійскаго психолога на школьній классицизмъ; хотя они высказаны въ томъ сочиненіи Бэнъ, которыи дважды переведено на русскій языкъ (*Education as a science*), но не могутъ у насъ большой извѣстности, и поэтому вполнѣ своевременно помнить о нихъ теперь, когда такъ много занимаются педагогическими вопросами и въ частности строемъ классической школы. Сынъ той страны, где преподаваніе античныхъ языковъ, особенно въ университетахъ Кэмбриджа и Оксфорда, поставлено очень высоко и где филология *шла* себѣ много талантливыхъ представителей, Бэнъ всетаки сохранилъ

лную объективность и ясно намѣщаетъ всѣ крупные недостатки современного школьнаго режима съ его искаженнымъ классицизмомъ, который изымає отвращеніе къ древней литературѣ и отпугиваетъ отъ нея же тѣхъ, кто при иной постановкѣ дѣла могъ бы живо заинтересоваться писателями Эллады и Рима. Аргументы Бэна не отличаются нозной, но это не отнимаетъ у нихъ справедливости и силы; онъ основательно разбиваетъ ложную теорію, по которой школьнаго классицизмъ можно пользоваться какою-то монополіей. Ни въ смыслѣ формального извитія умственныхъ способностей, ни въ смыслѣ приобрѣтенія серьезныхъ положительныхъ свѣдѣній классическая система не представляетъ никакихъ преимуществъ передъ той школой, которая, сохранивъ гуманистический духъ, переносить центръ тяжести на новые языки и литературы въ то же время усиливаетъ и возвышаетъ преподаваніе родного языка. Это воспитанникамъ систематизированныя научныя знанія и показать въ литературномъ отраженіи свою и чужую культуру, познакомить съ человѣкомъ въ лучшихъ проявленіяхъ его духа—такова должна быть цѣль нормальной школы.

Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Л. Келльнера. педагогическая библиотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. дольфомъ. Перев. съ нѣмецк. О. Масловой, подъ редакціей . Горбова. Издание второе. М. Ц. 1 руб. 25 коп. Въ книгѣ оренца Келльнера, озаглавленной *Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи* помѣщено 177 §§, и въ каждомъ § разсуждаются во имя одной какой-либо главной мысли. Образчиками этихъ главныхъ мыслей могутъ служить слѣдующіе тезисы: „Нужно учить въ строгостей и орудій наказанія, взглѣдывая чаще на лицъ Божественнаго Друга дѣтей“, „школа должна быть въ уютномъ уголѣ“ должна быть „привѣтливо-опрятной“, а не грязной и убогой“; „во ремя ревизіи убирается школа цветами и гирляндами, но мы должныомнить постоянно о наблюденіи за нами Высшаго ревизора“, „надо учить нужно не съ буковъ, а съ бесѣдъ о школѣ и школьнаго предметахъ“; учитель не долженъ быть проповѣдникомъ, а долженъ уметь во время своей рѣчи пользоваться и глазами, и ушами“; „все, что мы дѣляемъ въ присутствіи дѣтей, должно имѣть важныя послѣдствія“; ученики не должны сомнѣваться въ знаніяхъ учителя, не должны сомнѣваться и въ нравственномъ достоинствѣ учителя“ и т. д. и т. д. Всѣ только что выписанныя изречения, какъ ни вѣрны они юдчасть, едва ли возможно назвать неслыханными, и потому книга Лоренца Келльнера не принадлежитъ къ числу любопытныхъ новинокъ, открывавшихъ заманчивыя преспективы. Что касается портрета Л. Келльнера, онъ выполненъ очень хорошо, очеркъ жизни нѣмецкаго педагога записанъ живо, переводъ книги слѣданъ умѣло, наконецъ, примѣчанія позволяя не назвать вполнѣ умѣстными. Самымъ же цѣннымъ является указатель вопросовъ и предметовъ, о которыхъ ведется рѣчь въ книѣ, приложенный въ концѣ ея: безъ этого указателя книгою было бы пользоваться чрезвычайно мудрено, въ виду отсутствія въ ней всякой системы и последовательности.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

«Политические мыслители и моралисты XIX в.» Эмиля Фагэ.—„Славянский № 1 и 2, 1900 г.—„Объединение деятельности благотворительных учреждений Д-ра Э. Мюнстерберга.—„Опытъ организаціи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ и задачи. Очеркъ дѣятельности бѣлоярского пріюта».

Политические мыслители и моралисты XIX вѣка. Эмиль Фагэ Третья серія. Стендалль. Токвиль. Прудонъ. Сентъ-Бевъ. Тенъ Ренанъ. Переводъ съ французскаго Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. Эмиль Фагэ—интересный, очевиднообразный писатель. Онъ принадлежитъ къ школѣ критиковъ, содеряточивающихъ свое вниманіе исключительно на анализѣ „ума“, умственныхъ особенностей тѣхъ или другихъ беллетристовъ или мыслителей. Принадлежность къ подобной школѣ заставляетъ Фагэ не признавать научного значенія за тѣновскімъ методомъ изслѣдованія литературы явлений. По мнѣнію Фагэ, тѣновская аксиома „литература есть выражение общества“ является весьма спорной. „Нужно было бы знать,—говоритъ онъ,—о какой литературѣ здѣсь идетъ рѣчь, такъ какъ литература представляется изъ себя однообразной массы, и въ каждую эпоху отъ три или четыре рода литературы, стоящіе одинъ надъ другимъ“ (стр. 27). Соглашалась далѣе съ тѣмъ, что *низшая* литература, т.-е. литература „мемуаровъ, дружескихъ писемъ, мелкихъ журналовъ и газетъ“, въѣстной степени служить выраженіемъ состоянія умовъ той или другой націи въ ту или другую эпоху, онъ рѣшительно протестуетъ противъ утвержденія, будто *высшая* литература отражаетъ „состояніе ума въ родного или буржуазнаго, ума средняго въ данный исторический моментъ. „Миръ высшей литературы и высшаго искусства есть избранный мильтъ, и если и есть точки соприкосновенія между избранниками въ той, то все же мысль этихъ избранниковъ не является выражениемъ мысли толпы“. Объяснять литературу, какъ выраженіе мысли своего времени, въ глазахъ Фагэ значитъ усвоить себѣ *методъ дальнія ошибки* въ датахъ. Французскій критикъ исповѣдуется своего рода культа времени. „Великіе писатели—это начинатели; они думаютъ нечто новое, не думаютъ то, что толпа будетъ думать столѣтіе спустя послѣ нихъ“. Далѣе, по мнѣнію Фагэ, при анализѣ писательскаго таланта, поэтическаго гenія тѣновская теорія расы, среды и исторического момента вполнѣ неприложима. „Мелкий буржуй, живой, остроумный, насмѣшливый, много болтливый, рассказчикъ колкихъ, сатирическихъ сказокъ, неподательный къ властямъ, мало набожный, съ очень слабой нравственностью—вотъ, можетъ быть, портретъ шампанца изъ средняго класса около 1850 г.“ Отлично, это Лафонтенъ. Безъ сомнѣнія, и Лафонтенъ имѣлъ все черты въ своемъ характерѣ; но, кроме того, онъ великий поэтъ, и хотимъ, чтобы намъ нарисовали этого великаго поэта. Намъ его не суютъ; но все остальное, второстепенное, будетъ въ этомъ портретѣ господствовать надъ поэтическимъ геніемъ, который является существенной частью, и не преминеть отчасти скрыть его отъ нашихъ глазъ (стр. 279). Нечего и говорить о томъ, насколько изложенные въ книге Фагэ противорѣчатъ открытіямъ, сдѣланнымъ современной наукой въ различныхъ областяхъ, начиная съ соціологии и кончая самой литературной критикой, открытіями, давшими возможность, путемъ выясненія самыхъ сложныхъ психологическихъ, моральныхъ, соціальныхъ, эзотерическихъ звеньевъ, самымъ тѣснымъ образомъ связать „избранниковъ“ съ окружающей ихъ средой. Критика тѣновской теоріи—ахиллесова

серії самого Эмиля Фагэ. Но у него есть свои достоинства и преимущества. Та же самая принадлежность къ идеологической школѣ внушаетъ ему *различные по своей новизне, отъчайющие самыи строгии требованиеиа современной исторической науки выводы*. Въ своей книгѣ „*Dix Neuvîème Siècle*“ Фагэ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: *„наши общія идеи являются выражениемъ нашею характера...* Мы рождаемся для интеллектуальной жизни вмѣстѣ съ идеями нашего времени; но, сообразно съ нашей психической организацией, мы или придерживаемся этихъ идей, или видоизмѣняемъ ихъ по требованію нашего характера, или рѣшительно разрываемъ съ ними“. Другими словами, Фагэ противникъ го міровоззрѣнія, которое признаетъ стихійное развитіе идей главнѣйшимъ, если не единственнымъ, факторомъ исторіи человѣчества. И въ каждомъ изъ своихъ этюдовъ Фагэ первымъ дѣломъ старается выяснить внутреннюю организацію писателя, его общий характеръ, его моральные наклонности, общее „направленіе“ его ума, и уже затѣмъ показывается, что могъ и долженъ быть этотъ писатель, повинуясь своимъ внутреннимъ влеченіямъ, заимствовать изъ сокровищницы идей и настроений своего времени. При подобномъ процессѣ работы, Фагэ создаетъ изъ своихъ этюдовъ замѣчательные образцы литературной критики, выдающіеся притомъ какъ глубиной психологического анализа, такъ совершенствомъ вицѣвшей формы. Переведенный нынѣ на русскій языкъ третій томъ „Политическихъ мыслителей и моралистовъ XIX вѣка“ содержитъ нѣсколько шедевровъ этого рода критики. Особенно удачны этюды о Стендалѣ, Сент-Бевѣ, Тэнѣ и Ренанѣ. Съ интересомъ прочтется также этюдъ о Прудонѣ, хотя отношеніе Фагэ къ послѣднему мыслителю нельзя не признать крайне тенденціознымъ и несправедливымъ. Переводъ исполненъ литературно и очень точно. Видно, что надъ нимъ трудились лица, хорошо освѣдомленныя въ области литературной критики и литературной исторіи. Слѣдуетъ отмѣтить также, что всѣ экономические термины, которыми изобилуетъ статья о Прудонѣ, переданы совершенно вѣрно.

Славянскій Вѣкъ. Всеславянскій органъ. №№ 1 и 2. Вѣна, 1900 г. „На свѣтѣ не безъ наивныхъ людей“, позволимъ себѣ слегка видоизмѣнить распространенную пословицу. Они, наприм., до сихъ поръ могутъ быть увѣрены, что общественные міровоззрѣнія и международные отношенія могутъ строиться на одномъ національномъ, племенномъ началѣ, минуя всѣ соціально-политическія и экономическія условія. Имъ кажется очень вліятельнымъ и важнымъ „Славянское благотворительное общество“; они вѣрять въ генерала Кирѣева и профессора Будиловича, „сѣверную звѣзду“ и „славянскую взаимность“. „Сѣверная звѣзда“ ради „братьевъ“ покинеть свои домашнія, очень тяжелыя и отвѣтственные дѣла и начнетъ сіять „безданно и безпошлино“ славянскому Востоку и Западу; „взаимность“ сведется прежде всего къ самоотречению и самоожертванію русскихъ. Славяне поймутъ, наконецъ, что не патріотично лѣчиться на нѣмецкихъ курортахъ и переполнять славянскіе (*takie-to*). Честный славянскій органъ долженъ поддерживать всѣ славянскія предприятия, конечно, и коммерческія (даже и зазорныя?). Эти наивные люди—издаютъ *Славянскій Вѣкъ*, „отъ нихъ же первый“ его редакторъ д-ръ Вергунъ. Разсыпая первый выпускъ, предупредительная редакція публиковала: „лиць всѣхъ, не желающихъ подписатьсь на *Славянскій Вѣкъ*, просятъ выслать обратно первый номеръ“. Во второмъ номерѣ къ этому прибавлено: „второй выпускъ *Славянскаго Вѣка* высылается не только лицамъ, внесшимъ подпиську, но и всѣмъ тѣмъ, кто не возвратилъ первого номера, слѣдовательно, занесенъ въ

книгу подписчиковъ". Это, конечно, не наивность. Ею опять пошель, когда мы приглядимся къ языку этого курьезного журнала: редакція вполне убѣждена, что владѣеть настоящою русскою рѣчью. „Пышные бомбоны для мгновенного приготовленія вкуснѣйшаго шипучаго лимонада“, „всевозможные конфекты и восточные специальности“, „мы ждали рѣки отвѣтствъ сатирики на жестокіе запросы современной общественной жизни, а у него вышла вялая версификація ежедневныхъ газетныхъ статей“—это еще не худшіе образчики рѣчи *Славянской Вѣка*.

Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Д-ра Э. Мюнстерберга. Изд. московскаго городскаго общественнаго управления. Недавно появилась изданная на русскомъ языке брошюра извѣстнаго нѣмецкаго филантропа д-ра Э. Мюнстерберга „Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій“. Брошюра эта, переведенная съ нѣмецкаго (*Dr. E. Münsterberg: „Zentralstellen für Armenpflege und Wohlthätigkeit“*), начинается двумя предисловіями: первымъ отъ издателя, т.-е. отъ московскаго городскаго управления, объясняющимъ, что труда д-ра Мюнстерберга изданъ по ходатайству московскаго благотворительного совѣта, и вторымъ отъ автора, гласящимъ, что онъ (д-ръ Мюнстербергъ) въ своемъ труде задался цѣлью скажто, но полго изложить различные попытки „централізациі въ области призрѣнія бѣнныхъ“, подвести итоги тому, „поскольку можетъ быть признано дѣятельное существованіе потребности централізациі“ филантропіи и, на конецъ, „въ какой мѣрѣ и какими средствами она можетъ быть удовлетворена“.

Начиная свой трудъ попыткой подыскать подходящую форму для учрежденія, которое могло бы представлять изъ себя органъ для объединенія всѣхъ филантропическихъ обществъ, авторъ, между прочимъ, приводить попытки въ этой же области нѣкоторыхъ нѣмецкихъ филантроповъ, какъ Гребера, Массова, Фукса и Брандса, причемъ онъ самъ присоединяется къ воззрѣніямъ послѣдняго на этотъ вопросъ. Цитируя выдержку изъ доклада Брандса, авторъ говоритъ: „Практика праизрѣнія бѣдныхъ является дѣломъ не только любвеобильнаго сердца, какъ это принято думать, но, подобно другимъ человѣческимъ дѣламъ, имѣть свои принципы, не менѣе нуждающіеся въ сознательномъ пониманіи, чѣмъ въ любвеобильномъ примѣненіи“ (стр. 11). Даѣще авторъ, перечисля дѣятельность центральныхъ организаций, обнимающихъ цѣлую страну и государства, особенно останавливается на союзѣ обществъ Красного Креста (*Verband der Vereine unter dem Roten Kreuz*), стоящаго, по мнѣнію автора, ближе другихъ благотворительныхъ обществъ „къ соединенію теоретической работы (благотворенія) съ практической“ (стр. 19) и на дѣятельности Дамскаго патріотическаго общества (*Vaterlandische Frauenverein*), „серезнаго фактора женскаго попеченія о бѣдныхъ болѣніяхъ“ (*ibid.*). Довольно подробно перечисливъ германскія благотворительныя общества, д-ръ Мюнстербергъ переходитъ къ дѣятельности другихъ филантропическихъ союзовъ: къ американскому „National Conference of Charities and Correction“, „результаты“ дѣятельности которыхъ ежегодно публикуются „въ видѣ объемистаго тома въ 500—600 стр.“ (стр. 34), швейцарскому (*gemeinnützige Gesellschaft*), который затрагиваетъ „широкія задачи“ народнаго образования, призрѣнія бѣдныхъ и народнаго хозяйства. Не забываетъ авторъ въ своей брошюрѣ, впроче вскорѣ, перечислить и „международнѣе центральные благотворительные союзы и конгрессы“, не упоминая, однако, о результатахъ ихъ дѣятельности. Болѣе полную характеристику даетъ авторъ дѣятельности мѣ-

ыхъ (т.-е. нѣмецкихъ) благотворительныхъ центральныхъ учреждений, ричемъ указывается, что въ дѣлѣ призрѣнія, наравнѣ съ материальною омощью, важную роль играетъ у нихъ и развитіе специальныхъ органовъ печати и бюро для присканія работы безработнымъ.

Заканчивая обзоръ дѣятельности центральныхъ органовъ благотворительности, д-ръ Мюнстербергъ не преминулъ коснуться и центральныхъ учреждений для улучшения благосостоянія рабочихъ, указавъ, что важнейшимъ дѣятелемъ въ Германіи въ этой области является „Центральный союзъ для улучшения быта рабочихъ классовъ“ (*Zentralverein für das Wohl der arbeitenden Klassen*), дѣятельность котораго можно свести къ цѣлямъ „улучшения народнаго быта, содѣйствія важнѣйшимъ санитарнымъ мѣропріятіямъ и учрежденіямъ воспитательного и образовательного характера, поднятію въ народѣ духа бережливости, заботамъ о развитіи страховыхъ обществъ, а также учрежденіямъ для регулированія тношений между работодателями и рабочими“ (стр. 74), упоминая при томъ, что публицистическая дѣятельность союза крайне обширна (стр. 77). Езюмируя данные своего труда, авторъ приходитъ къ заключенію, что стремиться къ объединенію благотворительныхъ учреждений необходимо не только для развитія практической дѣятельности, но и для научно-исторического изслѣдованія благотворительности, этой важнѣйшей функции современной общественной жизни.

Въ заключеніе остается сказать, что трудъ д-ра Мюнстерберга, не являясь систематическимъ изслѣдованіемъ по затрагиваемому вопросу, а корѣе общимъ очеркомъ дѣятельности объединенныхъ благотворительныхъ (главнымъ образомъ нѣмецкихъ) обществъ, съ компиллятивными выдержками изъ другихъ источниковъ этого же рода, даетъ, однако, многое цѣнное матеріала (въ видѣ ссылокъ, очень многочисленныхъ) для изученія вопроса централизаціи современной благотворительности. Переведена брошюра нѣсколько дѣланнымъ языкомъ отчета или доклада (по заказу); издана безукоризненно. Цѣна книжки (101 страница) не проставлена.

Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. Состоящее подъ Высочайшимъ Ихъ Императорскіхъ Величествъ покровительствомъ Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Часть V. Дѣятели организаціи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ. Очеркъ дѣятельности Бѣлоярскаго пріюта. Спб., 1900 г., 72 стр. Въ Западной Европѣ въ послѣднее время признано цѣлесообразнымъ устраивать дѣтские пріюты не только въ городахъ, но, по возможности, и въ городовъ, въ близкѣмъ ихъ сосѣдствѣ или даже въ болѣе отдаленныхъ селахъ, совершенно деревенской обстановкѣ. Въ Россіи прежний комитетъ главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, еще въ 1848 г. рекомендовалъ открытие сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ сообразно съ мѣстными потребностями и средствами, для доставленія какъ убѣжища дѣтямъ, остающимся во время работы ихъ родителей безъ всякаго призора, то въ домахъ, то въ полѣ, такъ и для постояннаго призрѣнія для круглыхъ сиротъ. Назначеніе этихъ учрежденій, по постановленію комитета, заключалось въ томъ, чтобы „сохранить крестьянскихъ дѣтей отъ случайностей, которыхъ жертвами они часто содѣлываются, и чтобы, неизменная ни малѣйшимъ образомъ ихъ будущаго назначенія, поселить въ нихъ чувства вѣры и доброй нравственности“...

Изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи такихъ сельскихъ пріютовъ слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе цѣлесообразно устроенныхъ — сельскій дѣтскій пріютъ для крестьянскихъ сиротъ въ селѣ Бѣлоярскомъ, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, учрежден-

ный въ 1894 г. бывшимъ земскимъ начальникомъ П. М. Ерохиномъ и принадлежащий нынѣ къ числу дѣтскихъ приютовъ Вѣдомства упра-деній Императрицы Маріи. Постепенно расширяясь, помѣщеніе приюта въ настоящемъ его видѣ занимаетъ 11 жилыхъ комнатъ, 2-е сѣней, кухни и кладовую и въ состояніи вмѣстить до 50 человѣкъ питомцевъ. При открытии приюта попечительскимъ совѣтомъ было принято 23 девороты: 9 девочекъ и 14 мальчиковъ, отъ 4 до 12 лѣтъ. Впослѣдствіи число юн-зрѣваемыхъ увеличилось до 46 человѣкъ, въ числѣ которыхъ девочекъ было 16.

Въ воспитательныхъ задачахъ приюта важную роль играетъ пріученіе дѣтей ко всѣмъ работамъ по домоводству. Съ этой цѣлью установлены дежурства на кухнѣ и въ огородѣ.

Всѣ приютскіе воспитанники и воспитанницы, по достижениіи школьнаго возраста, посѣщають земскую школу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравственное сознаніе громадной полчищ, оказанной заброшенными, жалкими и беззащитными дѣтями, которую удалось приютить, поставить на ноги и сдѣлать полезными членами общества, доставить высокое нравственное удовлетвореніе людямъ, посвѣтившимъ свои силы на пользу этого дѣла, и съ лихвой вознаградить ихъ за всѣ пережитыя непріятности, неразлучныя со всяkimъ новымъ начинаніемъ.

ИСТОРИЯ.

„Изъ украинской старины“.—„Болгарія и болгары“.
Н. Оссандо.

Изъ украинской старины. Рисунки академика С. И. Васильев- скаго и И. С. Самокиша. Пояснительный текстъ проф. Д. И. Эварницкаго. Съ 31 отдѣльнымъ рисункомъ. Спб., 1900 г. Роскошное изданіе памятниковъ и сценъ изъ украинской старины, несомнѣнно, займетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ изданій по археологіи, какъ, напримѣръ, „Древности россійского государства“ или „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки народной жизни“, такъ и мало касающихся казацкаго периода южно-русской старины. Съ виѣшней стороны этотъ альбомъ не оставляетъ ожидать ничего лучшаго, но глазный его интересъ долженъ заключаться въ пояснительномъ текстѣ, принадлежащемъ историку Д. И. Эварницкому и напечатанномъ en regardъ съ французскимъ его переводомъ, который, — замѣтимъ, между прочимъ,—далеко не всегда точенъ и вѣренъ. Эварницкій безспорно считается лучшимъ знатокомъ запорожской старины, но почтенный ученый, повидимому, вовсе не желаетъ отказаться отъ тѣхъ недостатковъ своихъ работъ, на которые не разъ ему указывали критики въ разныхъ современныхъ изданіяхъ. Дѣло все въ томъ, что Эварницкій „не только прекрасно знаетъ Запорожье, но онъ его и безконечно любитъ“. Вотъ въ этихъ послѣднихъ словахъ и скрывается первоисточникъ недостатковъ его, при изложеніи и опѣнкѣ многихъ историческихъ фактовъ: черть, въ которыхъ почтенный ученый готовъ видѣть одно лишь хо- шее, одни лишь подвиги рыцарей-запорожцевъ.

Невольно припоминаются тѣ слова, которыми г. Эварницкій характеризуетъ Запорожье въ одной изъ своихъ ранніхъ работъ, вышедшихъ въ Петербургѣ въ 1888 г. подъ заглавиемъ: „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“. На это преувеличеніе и пристрастіе указывалъ рецензентъ *Историческаго Вѣстника* (1888 г., № 12, стр. 748—).

Сѣчъ, по словамъ Эварницкаго,—это всеобъемлющая колыбель (?), орлиное гѣздо, львиное логовище". Она „спасла Россію, Польшу, Литву и сосьдѧ съ ними страны отъ страшнаго наплыва турокъ, поглотившихъ всю виленскій имперію, обезличившихъ многія славянскія государства, грозившихъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, раздавить, уничтожить и даже стереть съ лица земли всѣхъ ея обитателей—христіанъ!" Сѣчъ, впрочемъ, не только „спасла Россію отъ турокъ, но и самое православіе защищала отъ „всѣхъ хитросплетеній и адскихъ каверзъ иенавистныхъ іезуитовъ, этихъ демоническихъ слугъ его святѣйшества непогрѣшимаго римскаго папы". Такое, слишкомъ восторженное и слишкомъ лирическое астроеніе, конечно, мѣшаетъ автору взглянуть открыто и прямо въ лаза и прошлому, и настоящему. Совершенно такія же слова находимъ въ послѣднемъ трудѣ южно-русскаго историка. Запорожье, по его заключенію, выдвигало такихъ героевъ, „имена которыхъ могутъ быть мѣло вписаны на страницы всемирной (?) исторіи". Казаки, это—страшальцы и борцы за православіе, за русскую народность и политическую свободу. А о такихъ казацкихъ „подвигахъ", какъ знаменитая „Уманская рѣзня" авторъ говоритъ съ точки зрѣнія казаковъ и старается видѣть въ причинахъ ея исключительно экономическая и религіозная побужденія—притѣсненія со стороны угнетателей—польковъ. Даѣте, безспорно, что казачество играетъ значительную роль не только въ истории Южной Руси, но и во всей русской национальной жизни, и само по себѣ представляетъ явленіе, вызванное исключительными историческими условіями. Но едва ли казачество можно назвать политическимъ учрежденіемъ; это скорѣе — чисто соціальный строй незначительной части общества, обособленной отъ жизни всей страны. Такой же приподнятый тонъ замѣчается и въ сужденіи автора о значеніи археологии, какъ науки, которая „облагораживаетъ наше сердце" (?) и „преподаетъ уроки будущаго", а не просто служить подспорьемъ болѣе широкой по задачамъ науки—исторіи.

Обширный трудъ Д. И. Эварницкаго состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ. Нѣсколько изъ нихъ—очень живо и тепло написанныя біографіи извѣстныхъ малорусскихъ дѣятелей: Петра Канашевича Сагайдачнаго (XVI и XVII вв.), гетмана Богдана Михайловича Хмельницкаго, воеводы Адама Григорьевича Киселя, уманского сотника Ивана Генты и знаменитаго малорусскаго философа, ученаго и поэта Григорія Саввича Сковороды, скончавшагося на склонѣ XVIII вѣка. Затѣмъ цѣлый рядъ очерковъ посвященъ вопросамъ болѣе общимъ: о службѣ полковника реестровыхъ казачьихъ войскъ, войскового писаря и ихъ грамотности, описанія казачьяго обоза и т. п. Наконецъ, нѣкоторые очерки—чисто археологического характера; въ нихъ авторъ говоритъ о сохранившихся до нашего времени запорожскихъ копьяхъ, сабляхъ, ятаганахъ, рушницахъ-рульяхъ, пороховницахъ, мортирахъ, вылитой по приказанію Мазепы, и др. вооруженіи, которымъ безвѣтные герои добывали себѣ славу, а большей частью просто грабили непріятельскіе обозы. Въ одномъ изъ очерковъ г. Эварницкій описываетъ мѣстность, где находилась Чертомлыцкая сѣчъ, устроенная въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Иваномъ Лутаемъ на днѣпровскомъ островѣ и разрушенная въ 1709 году московскими войсками послѣ полтавской победы. Остальные очерки рисуютъ живописныя сцены изъ жизни казаковъ,—напримѣръ, проповѣды молодого казака въ войско и удаленіе ветерана въ монастырь, где старый воинъ находилъ покой своимъ послѣднимъ годамъ. Не менѣе интересно описание задунайской запорожской сѣчи, получившей

начало послѣ уничтоженія днѣпровской сѣчи въ 1775 году. А таки разсказъ, какъ „Ярмарка въ Малороссії“, написанъ очень яркими красками и своей непосредственной жизненностью напоминаетъ описание ярмарки у Гоголя. Послѣдній очеркъ даётъ намъ поэтическіе типы малороссийскихъ слѣпцовъ лирниковъ и кобзарей, въ пѣсняхъ которыхъ до сихъ поръ живы старыя времена казачьихъ подвиговъ...

Наша замѣтка была бы далеко не полной, если бы мы ничего не сказали о языкахъ автора, его слогѣ. На ряду съ очень удачными и художественными выраженіями, мы находимъ и такія, которыхъ не привычны для литературной рѣчи. Въ первыхъ очеркахъ мы отѣбѣли такія выраженія: не мало *покладаютъ* средствъ; *турко-татары*, *ылъ* народъ, едва ли кому-нибудь извѣстенъ; *поначалу* вмѣсто сначала, *жы* вмѣсто жара, *черезъ то* вмѣсто вслѣдствіе того, *блукали* вмѣсто бродилъ, *менуаристы*, *вызволите* изъ неволи, держать ихъ между собою же массу (?), *шайка бунтарей*, *орудія* вмѣсто оружія, *мъство* Чертомлекской сѣчи сохранилось и въ настоящее время (было бы весьма оригинально, если бы оно куда-нибудь исчезло) и др. Иное дѣло, конечно, тѣ малороссийскія слова, которыхъ поставлены въ ковычки; они только увеличиваютъ живость разсказа. Но подобныя выраженія въ текстѣ необычны. Замѣтимъ также, что казаки едва ли сражались „за путь земли“ (стр. 2), такъ какъ территоріальная пріобрѣтенія не были цѣлью казаковъ, и что подъ „западно-славянскими княжествами“ (стр. 10) нельзя разумѣть княжества балканскія, находившіяся подъ власти Турціи, а только Чехію или Польшу.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ объ иллюстраціяхъ. Акварельные рисунки Васильковскаго уже многіе изъ рецензентовъ находили неличными. Мы съ своей стороны напомнимъ имъ, что Васильковскій придерживался современныхъ портретовъ и могъ вложить въ ихъ передачу очень немногое. Поэтому его рисунки слѣдуетъ поставить гораздо выше виньетокъ Самокиша, исполненныхъ первымъ довольно грубо и даже не художественно. Дѣло въ томъ, что—на нашъ взглядъ—его манера рисовать годится только для небольшихъ по размѣрамъ набросковъ, а не большихъ виньетокъ, отпечатанныхъ рядомъ съ тонкимъ по исполненію аварелями.

Болгарія и болгары. Н. Овсянаго. Съ картою Балканского полуострова. Спб., 1900 г. Интересъ къ изученію исторіи и быта вѣшихъ сосѣдей-славянъ, возбужденный событиями послѣдней русско-турецкой войны, обогатилъ въ свое время нашу литературу нѣсколькими книгами и статьями о болгарамахъ; изъ нихъ первое мѣсто занимала книга нѣмецкаго ученаго F. Kanits'a: „Donau-Bulgarien und der Balkan“, переведенная на русскій языкъ и изданная въ С.-Петербургѣ въ 1876 году. Но съ тѣхъ поръ ничего выдающагося, а главное, самостоятельнаго, въ русскомъ языкѣ не появлялось и, такимъ образомъ, книга г. Овсянаго, восполнила эту непростительную пробѣль въ русской учено-литературѣ, нѣкоторымъ образомъ искупаетъ и наше нежеланіе знать *жизнь* родственнаго намъ народа. Г. Овсянагому приходилось не разъ бывать въ Болгаріи и, при знаніи болгарскаго языка, хорошо изучить бытъ временныхъ болгаръ, а также ихъ прошлое. Еще къ 1877 году относится его же книга „Современная Турція“ (географический обзоръ, историко-этнографические очерки). Другой трудъ г. Овсянаго былъ посвященъ „Сербіи и сербамъ“; въ приложении къ нему были сообщены весьма ценные свѣдѣнія о турецкихъ и австрійскихъ сербахъ, о Босніи и Герцеговинѣ, о Черногоріи. Теперь появилась добросовѣстно составленная книга

„Болгаріи и болгарахъ“, на которой мы остановимся более подробно виду того, что такихъ сочинений по славянской этнографії у насъ очти не существуетъ. Прежде всего, авторъ хорошо знакомъ съ современной политической борьбой въ болгарскомъ княжествѣ, и появление воего труда въ печати объясняеть желаніемъ познакомить Россію съ болгарами для того, чтобы мы хорошо знали и понимали все то, что происходит и въ настоящее время въ Болгаріи, и „чтобы не повторились ечальные явленія прошлого“. Эти слова, повидимому, находять себѣ объясненіе въ слѣдующихъ фразахъ изъ начала предисловія: „На поляхъ русскою кровью Болгаріи выросла болгарская свобода; по тому одному, не говоря уже о племенномъ родствѣ и единству вѣро-сповѣданія, судьба болгарского народа должна быть въ особенности лизка намъ. Темная туча налегла было на наши отношенія въ періодъ грачной стамбуловщины, стремившейся отклонить Болгарію отъ Россіи, ю волна народного движенія смыла и самого Стамбулова, и его нечистое дѣло. Теперь дружескія отношенія двухъ родственныхъ народовъ озстановились. Дай Богъ, чтобы эти узы окрѣпли и уже больше не ослабѣлись“.

За географическимъ обзоромъ страны, составленнымъ на основа-піи послѣднихъ данныхъ болгарского статистического бюро, авторъ говоритъ о древней, средней и новой исторіи болгарского народа. Древняя исторія болгаръ—чисто - компиллятивный очеркъ, составленный по изслѣдованіямъ Иречка, Грота, Макушева, Дринова и другихъ историковъ; ораздо самостоятельнѣе и интереснѣе слѣдующія за ними главы, где говорится о проблескахъ народного самосознанія болгаръ въ XVIII вѣкѣ, юлиитическомъ движеніи, начавшемся вслѣдъ за освобожденіемъ Сербіи и Гречи, затѣмъ о просвѣтительномъ движеніи въ Болгаріи въ XIX столѣтіи и учрежденіи болгарского экзархата, освободившемъ народъ въ церковно-іерархическомъ отношеніи отъ греко - турецкаго ига. Особенно внимательно авторъ слѣдить за событиями, предшествовавшими тѣмъ болгарскимъ ужасамъ“, которые вызвали вмѣшательство Россіи, а затѣмъ и войну. Царствование Александра Батембергскаго, возстановленіе йирновской конституції, ухудшеніе отношеній къ Россіи, попытки поправить эти отношенія и, наконецъ, отреченіе князя Александра отъ престола и разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей—рассказаны. Овсянныи на стр. 69—92 довольно подробно, но едва ли историческиѣрно... Наконецъ, послѣдняя глава касается вопроса объ управлениіи Болгаріей регентами и диктаторской роли Стамбулова; заговоры и военные ютежи, избрание принца Фердинанда, паденіе и смерть Стамбулова—погибли за собой возстановленіе дипломатическихъ сношеній съ Россіей и признаніе всѣми державами Фердинанда болгарскимъ княземъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ авторъ даетъ общія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ княжества, о роли народного собранія, о судоустройствѣ и такъ называемыхъ „окружныхъ совѣтахъ и комиссіяхъ“—нашихъ земскихъ управахъ и собраніяхъ. Сельское хозяйство Болгаріи, горные промыслы, суптарная и фабричная промышленность, торговля, пути сообщенія, финансы, образованіе, нравственность, народное благосостояніе — все это вопросы, которые почти впервые разрабатываются на русскомъ языкѣ и, притомъ, на основаніи болгарскихъ источниковъ.

Этнографический отдѣль можно назвать самымъ слабымъ и очень неполнымъ очеркомъ въ книгѣ г. Овсянаго. Даже устарѣвшій очеркъ Е. Водовозовой въ книгѣ „Жизнь европейскихъ народовъ“ гораздо полнѣе рисуетъ картину нравовъ и обычаевъ болгаръ; что же ка-

сається описанія народнихъ игръ, обрядовыхъ пѣсень и поэтическихъ вѣрованій изъ области народной демонологіи, таъ близко стоящей къ славяно-румынскому сказочно-фантастическому миру, то авторъ цѣлѣствуетъ просто непростительную ошибку. Напримѣръ, о горныхъ феагь-болгарскихъ „самодивахъ“, румынскихъ „іеляхъ“ и „дзинахъ“, русскихъ „русалкахъ“, — говорится всего въ двадцати строкахъ. Пять строкъ посвящено интереснейшимъ болгарскимъ преданіямъ о великанахъ-жидозахъ и ихъ могилахъ (какъ извѣстно эти великаны фигурируютъ въ русскихъ былинахъ о бое Ильи-Муромца съ жиивониномъ). Вообще, этнографические вопросы, повидимому, очень мало интересуютъ г. Овсянаго, и совершенно напрасно. Съ такими же необъяснимыми проблемами онъ излагаетъ и исторію болгарской литературы, несмотря на то, что ссылается на довольно полную исторію литературы софійскаго ученаго д-ра А. Тедорова. Такъ, напримѣръ, главная явленія древней литературы, суждены изложенію г. Овсянаго, состоять изъ дѣятельности первоучителей азбвянъ и распространенія апокрифовъ, а о писателяхъ времени царя Симеона—Климентѣ Величскомъ, пресвитерѣ Константинѣ, экзархѣ Іоаннѣ, черноризцѣ Храбрѣ, Илларіонѣ Могленскомъ, обширныхъ византійскіхъ „повѣстяхъ“ и т. д. или не говорится совсѣмъ ничего, или же по нескользкому слову. О турецкой эпохѣ, весьма важной для болгаро-румынскій славянской письменности, авторъ совсѣмъ умалчиваетъ. Также мало находимъ въ этомъ очеркѣ и о современной болгарской литературѣ и народной поэзіи; больше подробнѣ Н. Овсяній останавливается на исторіи болгарской журналистики (первый журналъ издавался въ Смирнѣ въ 1844 году К. Фотиновымъ, назывался *Любославіе* и былъ иллюстрированъ); этотъ интересный вопросъ у насъ разработанъ таъ мало, чѣмъ очеркъ Н. Овсянаго на восьми страницахъ можетъ искушить отмѣнную нами неполноту въ предыдущихъ главахъ. Но есть другой недостатокъ въ томъ же отдѣлѣ; его мы даже не можемъ себѣ объяснить. Отдѣль называется: „литература, наука и искусство“. Но о послѣднемъ говорится ровно шесть съ половиной строкъ (не нужно забывать, что книга заключаетъ цѣлыхъ 366 страницъ!); вотъ онъ: „Оно (т.-е. искусство) находится въ настоящее время почти что въ зачаточномъ состояніи. Ни въ живописи, ни въ ваяніи, ни въ музыкѣ не появилось до сихъ поръ у нихъ ничего, выходящаго изъ уровня дилетантскихъ опытовъ. Но природный вкусъ у болгаръ есть, чтѣ свидѣтельствуется богатствомъ и разнообразiemъ вышивокъ на народной одеждѣ“. И только всего. Если г. Овсяному неизвѣстно состояніе хотя бы болгарской живописи и скульптуры, то изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ болгарскіе художники — „дилетанты“. Еще въ 1877 году болгарскій корреспондентъ лондонскаго *Daily News* (отъ 21 декабря) писалъ въ статьѣ „Болгарское искусство“ о необыкновенно разнообразныхъ произведеніяхъ болгарского искусства: о церковной архитектурѣ, о фресковой живописи, о лубочныхъ картинахъ, рѣзныхъ иконахъ, объ изящныхъ издѣліяхъ изъ золота и серебра, о шитыхъ золотомъ, шелками или бумагой рубахахъ, передникахъ и подтенцахъ. Тогда же художественный критикъ, академикъ В. Стасовъ, обратился съ письмомъ въ *Новое Время* къ офицерамъ русской арміи, где увѣдомительно просилъ ихъ собирать, хотя бы въ кошахъ, произведенія этого самобытного искусства. Что же касается современныхъ художниковъ въ Болгаріи есть несолько достаточно извѣстныхъ имёнъ: Иванъ Марковичекъ, первый національный живописецъ, авторъ картинъ „Рученіе“ (народная пляска), „Задушница“ (поминки въ родительскую субботу), „Повстанцы“ — груша повстанцевъ въ лѣсу послѣ сраженія; А. Милевъ

своими картинами-жанрами „Базаръ въ Софії“, „У колодца“, „Вы-
ляющіеся турки“; Ангеловъ — „Сборъ розь“, „Посидѣлки“; Капелла,
оръ иѣсколькихъ картинъ изъ жизни болгарскихъ школьнниковъ, на-
чинающихъ картины нашего Богданова-Бѣльского и др. Не менѣе
 занятливы и скульпторы Жатцъ, Спиридоновъ и Васильевъ. Въ Бол-
гаріи существуетъ „общество для поощренія искусства“ и издается иллю-
стрированный журналъ *Искусство*. Конечно, болгарское искусство не
кеть получить широкаго распространенія въ силу чисто-экономическихъ
чинъ, а также низкой интеллектуальности болгарского общества.

Въ видѣ приложениѧ, Н. Овсянны дається весьма пространный обзоръ во-
лаго положенія Болгаріи, политическихъ вопросовъ въ сербской Македоніи,
екстъ Берлинскаго мирнаго трактата. Къ книжѣ приложена прекрасно
полненная карта Балканскаго полуострова. Въ общемъ, трудъ Н. Овся-
ного производить хорошее впечатлѣніе и предназначается, повидимому,
и ознакомленія русскихъ офицеровъ съ Болгаріей.

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Описание Сибири. В. Арефьевъ. Вып. I.—„Записки общества изученія Амурскаго
края“. Т. VII, вып. II.—„Лѣтнія ночи“. Д-ра А. В. Елисеева.

Описание Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Выпускъ I.
Арефьевъ. Томскъ, 1900 г. Цѣна 30 к. Какъ видно изъ списка
точниковъ, которыми авторъ пользовался при составленіи этихъ очер-
къ, онъ отнесся къ своему труду весьма добросовѣстно. Первый вы-
пускъ заключаетъ описание Сибири, главнымъ образомъ, въ географи-
ческомъ отношеніи; но мимоходомъ авторъ касается и многихъ другихъ
вопросовъ: „гдѣ Сибирь находится и какъ завоевана русскими“, „рѣки,
ера и болота сибирскія“, „горы и хлѣбородныя равнины Сибири“,
ибирскіе лѣса“, „тундра далекаго Сѣвера“, „климатъ Сибири“, „звѣри
птицы сибирскіе“ и „заключеніе“—опѣнка природныхъ богатствъ края
значеніе послѣднихъ нововведеній—желѣзной дороги, новыхъ судеб-
ныхъ учрежденій и пр. Книга изложена простымъ удобопонятнымъ язы-
комъ, во всѣхъ подробностяхъ нѣтъ ничего лишняго, въ источникахъ—
старѣаго или невѣдьмого, потому что у автора подъ руками было не
олько „обширный газетный материалъ, но и собственныя наблюденія“.
кажемъ только цѣлый рядъ выражений, которыхъ едва ли къ мѣсту въ
изданіи „для народнаго чтенія“, напримѣръ: „по официальнымъ дан-
иамъ“, „натуральная повинность“, „институтъ присяжныхъ“, „переход-
ный моментъ“, „животные продукты“ и др. Впрочемъ, подобная вы-
раженія очень мало портятъ общее впечатлѣніе солидной подготовки
автора, знанія мѣстной жизни и тщательнаго изложенія. Но главная
слуга автора, по нашему мнѣнію, состоить въ томъ, что къ своей
зиждѣ онъ приложилъ „указатель народныхъ изданій о Сибири“, не
олько съ указаниемъ содержанія каждой брошюроки въ отдѣльности,
и характеристикой ея, указаниемъ ошибокъ и недостатковъ и т. п.
акимъ образомъ, по этому указателю можно судить, насколько необ-
ширна народная литература о Сибири, и пожелать поэтому книжѣ
Арефьевъ большаго распространенія, которое вполнѣ обеспечено до-
вольно низкой цѣной—въ 30 копеекъ—для книги большого формата въ
го страницъ съ лишкомъ.

Записки Общества изученія Амурскаго края. Томъ VII, вып. II.
Хабаровскъ, 1900 г. Вслѣдъ за отчетомъ Общества за 1898 годъ,
книга II, 1900 г.

въ настоящемъ выпускѣ помѣщено нѣсколько сообщеній гг. членовъ Общества; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ чисто-научное значеніе, какъ, напримѣръ, *Геологическая экспедиція въ бассейнъ Сунтара и сопредельныхъ Корепъ* Э. Анерта, *О черномъ фазанѣ*, видѣ встрѣчающемся очевидѣально, М. Латернера, *О командирской на Сучанѣ* С. Браиловского для изученія вымирающихъ газовъ, родичей орочей. Поэтому, остановимъ нѣсколько на сообщеніи Н. Кириллова *Морские промыслы южного Сахалина*, т.-е. на вопросѣ, до сихъ поръ не затронутомъ въ экономической литературѣ. Указывая на рыбные богатства сахалинского побережья, авторъ сообщаетъ, что они эксплуатируются исключительно американцами и японцами, а русскіе поселенцы штрафныхъ колоній принуждены заниматься земледѣліемъ, причемъ на 5,000 полноसильныхъ поселенцевъ приходится только 827 десятинъ поля. Такое искореняющее явленіе авторъ ставитъ въ вину распорядителямъ колоній. «Пусть преступникъ,—говорить г. Кирилловъ,—не достоинъ поддержки, но самъ нынѣ дѣлаетъ его чему на Сахалинѣ учатся? Необходимо воспользоваться возможностью создавать рыбаковъ-кустарей... Слѣдовательно, надо спешить съ *разселеніемъ* поселянъ по побережью». Затѣмъ авторъ приводитъ примѣры цивилизованныхъ государствъ, у которыхъ колонизаціонное дѣло стоитъ на первомъ планѣ. У насъ—оно въ полномъ превозраженіи. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что „изъ невольныхъ крестьянъ Сахалина, людей незаурядной энергіи“, „изъ склоннаго къ протесту элемента нельзя создавать контингентъ рабочей силы для проприятелей рыбопромышленниковъ; необходимо изыскать и дать занятіе, которое всецѣло удовлетворило бы работника, сдѣлало бы изъ него свободными отъ кабалы нужды, способными къ культурѣ, къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, обладающими достаткомъ, чтобы оживить торговлю и промышленность“. Чѣмъ Сахалинъ, часть земли Российской, долженъ быть хуже Канады, населенной потомками преступниковъ? Островъ Ньюфаундлендъ, часть Канады, площадью вдвое большіе Сахалина, почти съ совершенно одинаковымъ климатомъ, при населеніи въ двѣсти тысячъ человѣкъ, имѣть изъ нихъ фермеровъ только горы тысячи человѣкъ; эти земледѣльцы засѣваютъ всего 26,000 десятинъ, на которыхъ получается хлѣба вполнѣ достаточно для мѣстныхъ нуждъ; немного болѣе 1,250 человѣкъ заняты горными дѣломъ; свыше 8,600 ремесленниковъ и до 50,000 рыболововъ, не считая прѣѣзжихъ на сезонъ иностранцевъ. Рыболовы всѣ—кустари, сидящіе на самостоительномъ хозяйствѣ. Правда, тамъ уже 700 верстъ желѣзной дороги, 550 разныхъ школъ... Таковъ же, думается, прибавляется Н. Кирилловъ, долженъ быть и Сахалинъ въ будущемъ.

Львиныя ночи. Изъ путешествія по Сѣверной Африкѣ. Д-р А. В. Елисѣева. Спб., 1900 г. Цѣна 50 к. Съ обычной талантливой путешественнику занимательностью, въ небольшой книжкѣ описана лѣтняя охота на львовъ въ предгорье Джабель-эть-Туръ. Необыкновенными поэтическими штрихами передано впечатлѣніе той „львиныной ночи“, когда по словамъ араба Ибрагима, спутника Елисѣева, „левъ ищетъ человека и Аллахъ далъ ему волю пить людскую кровь“. Рядомъ съ описаниемъ африканской природы, писатель даетъ намъ очень занимательный и суевѣрный араба, у которого каждое суевѣріе представляетъ собой высокое-художественную легенду. Несмотря на сильное впечатлѣніе сѣнитальной южной ночи, авторъ не упускаетъ случая припомнить поэтическія же картины изъ нашего сѣвера. „Волчья ночь, когда волкъ въ гомѣ воля дана,—говорить нашъ полѣсовщикъ; львиныной ночью, скажетъ

и арабъ, милосердный Аллахъ отступаетъ отъ людей и даетъ хищ-
му льву побѣду надъ человѣкомъ. Въ волчью ночь волкъ не бѣжитъ
падаль, львиной ночью левъ не трогаетъ звѣря, а ищетъ человѣка,
убы напоить его жаркой кровью свое жаждущее сердце. Одинъ и
тъ же смыслъ кроется въ томъ и другомъ варианта миа». Всѣ ли-
ческія отступленія автора художественны; эта книжка нисколько не
гупаетъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ другимъ сочиненіямъ
гора известныхъ очерковъ *По бѣгу-сѣту*. Книжка издана довольно
дорого, но цѣну мы находимъ нѣсколько дорогой.

МЕДИЦИНА.

Руководство по хирургическимъ операциямъ для учащихся. Фредерика Тревса.

Руководство по хирургическимъ операциямъ для учащихся. Фредерика Тревса. Переводъ съ англійского проф. О. А. Рустіц-
го. Спб., 1899 г. Рассматриваемая нами книга представляетъ собою
кращенное изложеніе самимъ авторомъ его обширного труда „Руко-
водство оперативной хирургіи“, заслужившаго при своемъ появлѣніи
стные отзывы въ медицинской печати Европы и Америки. Настоящее
кращенное руководство, по словамъ автора, предназначено лишь для
льзованія учащихся при приготовленіи къ окончательнымъ экзаме-
мъ и для тѣхъ, кто нуждается въ руководствѣ при производствѣ
ерацій на трупѣ. Въ виду означенной цѣли настоящее руководство
сается только производства наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе
жныхъ операций, причемъ исключено все, что не относится къ сущ-
веннымъ техническимъ подробностямъ оперативной хирургіи. „Я не
двергалъ обсужденію,—говорить авторъ,—общія правила оператив-
ной хирургіи, а также не входилъ въ критический разборъ достоинствъ
различныхъ способовъ операций. Я предполагалъ, что читатель основа-
тельно знакомъ съ анатоміей той области, которая относится къ полу-
ераціи. Я опустилъ также послѣдовательное лѣченіе. Я не описы-
лъ инструментовъ и оставилъ незатронутымъ вопросъ о смертности
результатахъ. Очень запутанныя, но рѣдко исполняемыя операциі,
инадлежашія къ пластической хирургіи, не нашли мѣста въ этомъ
руководствѣ, исключая тѣхъ, которые касаются болѣе обыкновенныхъ
одливостей губы и нѣба“. Принимая во вниманіе задачи, поставлен-
ные себѣ авторомъ, мы должны признать, что трудъ его выполненъ
разцово. Сжатый и выразительный языкъ, краткость и ясность изло-
нія, отсутствіе излишнихъ подробностей, масса практическихъ ука-
заний, вынесенныхъ авторомъ изъ его обширной практической дѣятель-
сти, его ученое безпристрастіе, все это дѣлаетъ книгу Тревса за-
живающей серьезного вниманія не только учащихся, но и учащихъ.
дана книга очень хорошо. Въ текстѣ помѣщено 94 рисунка.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Послѣднія изданія библіотеки „Дѣтскаго Чтенія“.

Мирный завоеватель Йоганнъ Гуттенбергъ. Историч. повѣсть Н. А. Соловьевъ-Несмѣлова.—Маленькая королева. Повѣсть Амелии Гутчинсонъ-Стирлингъ.—Ма-
лікіе герои. Очерки и рассказы въ перев. А. Н. Рождественской.—Зеленый
охотникъ. Робинъ Гудъ. перев. съ англійск. Стичыной.

Мирный завоеватель. Йоганнъ Гуттенбергъ. Историческая по-
вѣсть. Н. А. Соловьевъ-Несмѣлова. М., 1900 г. Ц. 40 к. Считая,
какъ съ некоторыми хрониками, 1399 годъ—годомъ рождения Гуттен-

берга, г. Соловьевъ-Несмѣловъ озnamеновалъ исполнившееся въ 1899 г. пятисотлѣтие изобрѣтателя книгопечатанія настоящею повѣстю, которая и была напечатана въ журналь *Дѣтское Чтеніе* за тотъ же годъ. На примѣрѣ Гуттенберга авторъ хотѣлъ показать своимъ юнымъ читателямъ истину, что „кто страстно ищетъ нового пути къ свѣту, замѣтить его найдеть и укажетъ другимъ“. Сохранившіяся нѣмецкіе итальянки, и особенно трудъ д-ра фонъ-Линде, дали автору, действителыи чрезвычайно подходящій материалъ для его работы, задача которой поставила „возможно полную жизненную обрисовку характера человѣка во всѣхъ перипетіяхъ его жизни, воспитательное значеніе его душѣ и его особенностей среди современныхъ ему людей личности“. По изшему мнѣнію, задача эта выполнена въ повѣсти удачно, и членъ послѣдней запечатлѣть въ головѣ юноши не только рядъ точныхъ фактовъ изъ жизни великаго человѣка, но и ту идею, которой эти факты освѣщены авторомъ. Не останется, конечно, незамѣченной оцѣнка великаго изобрѣтателя Гуттенберга, проникнутая любовью къ свѣщенію. Повѣсть написана особымъ торжественнымъ языкомъ, въ которомъ выражилось настроеніе писателя, углубившагося въ сѣдру сприну и проникнутаго великою важностью событий, служащихъ содержаніемъ книги. Послѣдняя украшена двумя портретами Гуттенберга и сколькими рисунками, заимствованными изъ нѣмецкихъ источниковъ: многими заставками, хорошо выполненными. Несмотря на то, чѣмъ книга весьма невелика. Книга можетъ служить полезнымъ подаркомъ подростковъ.

Маленькая королева. Повѣсть. Амелія Гутчинсонъ-Стирлингъ. Съ англійск. А. И. Рождественской. М., 1900 г. Ц. 30 к. Эту же написанную и прекрасно переведенную повѣсть мы рекомендуемъ особое вниманію болѣе развитыхъ и образованныхъ читателей-подростковъ. Всѣко-гуманная мысли, которыми она проникнута, выражены здесь въ мѣчательно изящной и поэтической рамкѣ трогательной фабулы и сомнѣнно оставлять на душѣ этого читателя глубокое впечатлѣніе, которое испытали при чтеніи книжки и мы сами. Маленькая дѣвочка, королева Царковіи, оставшись сиротой, „царствуетъ“ по праву престола наслѣдія, подъ руководствомъ холодной и честолюбивой герцогини, бабушки, причемъ эта чопорная воспитательница считаетъ нужнымъ пріучать дѣвочку во имя ея сана къ сдержанности и самообладанію, лишая ее вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ ласкъ и нѣжностей, въ которыхъ особенно тѣлько нуждаются дѣтскія сердца. Случай натолкнулъ однажды королеву во время прогулки на зрелице готовившейся къ казни женщины, оказавшейся женою предводителя сосѣднаго горного племени, которымъ маленькое королевство находилось въ вѣчной враждѣ. Женщина оказалась виновной въ томъ, что не хотѣла открыть властямъ пребываніе своего мужа. Разобравши это дѣло, королева велѣла изгнать женщину, такъ какъ рѣшительно не могла понять, въ чѣмъ вина. Съ этого момента человѣческое сознаніе дѣвочки-королевы бы проснулось, и она съ ужасомъ убѣдилась, что всѣ смертныи воры она сама же скрѣпляла своею подписью. Когда же она услыхала, что ея войску удалось взять въ плѣнъ и самого предводителя враждебнаго племени, мужа освобожденной отъ казни женщины, то вѣдь же вести его къ себѣ и отпустила затѣмъ домой, къ великому ужасу рода и негодованію своихъ министровъ, особенно же главнаго начальника гарнизона. Послѣдній рѣшился увести послѣ этого свое войско въ сосѣднее королевство. Оставшись безъ охраны, населеніе ожидало

енія горцевъ и чрезвычайно было удивлено тѣмъ, что его не послѣдо-
ало. Напротивъ оказалось, что свирѣпый предводитель самолично ка-
знули всю ночь маленькую королеву, которая къ тому же слегла въ
остель и оказалась почти всѣми покинутой. Бѣдная дѣвочка, въ ко-
откое время успѣвшая показать ненужность казней и военной вражды
ля благополучія государства, вскорѣ же умерла, передавши свой пре-
голъ сосѣднему принцу, который передъ тѣмъ хотѣлъ было взять его
илой. Умирая, она, однако, взяла съ него слово, что онъ не будетъ
икого казнить, не будетъ воевать и издастъ законъ, чтобы маленькие
альчики и дѣвочки никогда не могли быть королями въ Царковіи.

Маленькие герои. Очерки и разсказы въ переводѣ А. Н. Рож-
ественской. Съ рисунками. М., 1900 г. Ц. 35 к. А. Н. Рождествен-
ская, съ именемъ которой мы здѣсь снова встрѣчаемся, является не
олько прекрасной переводчицей иностранныхъ сочиненій для дѣтскаго
тепія, но и обладаетъ большимъ вкусомъ и педагогическимъ тактомъ при
выборѣ资料а для своихъ переводовъ. Настоящій сборникъ
лужитъ новымъ подтвержденіемъ этого факта. Передъ нами четыре
рассказа разныхъ авторовъ, изъ которыхъ первый м-съ Барнетъ описы-
ваетъ *Два дня изъ жизни Пичино*. Пичино маленький мальчикъ изъ
бѣдной семьи итальянскихъ крестьянъ, поразившій своей чудной красо-
кой богатую туристку-англичанку. Страдая пресыщенностью отъ всякихъ
земныхъ благъ, эта дѣвица „выкупила“ красавца ребенка у бѣдняковъ
родителей и возымѣла намѣреніе воспитать его въ своей роскошной вилль-
ть тѣмъ, чтобы хвастаться его красотой передъ великосвѣтскимъ обще-
ствомъ, на подобіе того, какъ хващаются рѣдкими и красивыми домаш-
ими животными. Затѣмъ оказалась неудачной, потому что маленький ди-
шарь никакъ не могъ освоиться съ необычной для него обстановкой бо-
гатаго дома, стѣснявшей прежде всего ту свободу, къ которой онъ
привыкъ у себя дома, и черезъ два дня уѣхжалъ къ родителямъ. Въ
рассказѣ много забавныхъ подробностей о томъ, какъ мучили и пора-
кали мальчика попытки бонны отмыть его грязь въ ваннѣ, расчесать
его прекрасные волосы, и т. д. Во второмъ разсказѣ, принадлежащемъ
перу Ситфорда Ф. Хампа, дается картинка изъ жизни одной американской
„академіи“ для мальчиковъ и юношей. *Бурый медведь Филь* (заглавіе
рассказа)—прозвище героя разсказа, скромнаго на видъ и сосредоточен-
наго мальчика, считавшагося товарищами трусомъ, но любившаго страстно
природу. Съ опасностью для жизни онъ спасаетъ однажды на прогулкѣ
говарища отъ неминуемой смерти, раскроивъ черепъ напавшей на нихъ
медведицы. Дѣтей займетъ и живое изображеніе взаимныхъ отношеній
школьниковъ. Рассказъ *Маленький рыцарь* извѣстнаго Реділarda Кип-
линга перенесетъ воображеніе читателя въ далекую Индію и познаком-
ить съ своеобразнымъ типомъ маленькаго сына полковника, воспиты-
вавшагося въ военной средѣ и усвоившаго себѣ иѣкоторыя изъ ея осо-
бенностей, сдѣлавшихъ изъ него маленькаго рыцаря. Очень интересенъ и
рассказъ Генри Виллорда Фрэнча *Отважный труса*, изъ жизни въ афри-
канской пустыни. Героемъ его, спасшимъ свою мать отъ руки торговца
невольниками, является снова ребенокъ, сынъ бѣдной вдовы араба.
Весь этотъ сборникъ прочтется дѣтьми средняго возраста съ большимъ
интересомъ и поставить въ ихъ головахъ рядъ полезныхъ мыслей.

„Зеленый охотникъ“ Робинъ Гудъ. (Англійскія народныя пѣ-
си). Съ англійскаго Л. Спицыной. Съ рисунк. М., 1900 г. Ц. 20 к.
(Посвящается В. П. Острогорскому). Любимый герой древне-англій-
скаго народнаго эпоса Робинъ Гудъ, скрываясь отъ нормандскихъ вла-

стителей, поработившихъ англо-саксовъ, вмѣстѣ съ дружиной отборныхъ храбрецовъ защищать бѣдныхъ и угнетенныхъ отъ обидъ и тираніи монастырей и разныхъ пришельцевъ-притѣснителей, хотя въ то же время изъявляя покорность королю. Въ памяти народа это имя живетъ понынѣ, пѣсни же о немъ собраны вмѣстѣ и были нѣсколько разъ изданы. Въ настоящей изящно отпечатанной книжкѣ помѣщены двадцать пѣсень, прекрасно переведенныхъ стихами-прозой г-жей Л. Спичной. Въ небольшомъ предисловіи объясняется происхожденіе пѣсенъ и значеніе дѣятельности Гуда. Хорошенькие рисунки дополняютъ изданіе, которое рекомендуемъ охотно для средняго возраста.

СПРАВОЧНЫЕ КНИГИ.

„Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи“. Г. А. Долгорукова.

Путеводитель по всей Сибири и Средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. В. А. Долгорукова. Годъ пятый. Томскъ, 1900—1901 г. Потребность въ хорошемъ путеводителе вообще для лицъ,ѣдущихъ гжелѣзной дорогѣ на далекое разстояніе, сказывается съ самаго начанія путешествія. Въ частности же для єдущихъ въ Сибирь хороший путеводитель по Сибири является необходимой книгой. Предлагаемый г. Долгоруковымъ путеводитель во многихъ отношеніяхъ можетъ удовлетворить запросы наиболѣе любознательныхъ путешественниковъ. Очевидно, несмотря на то, что „Путеводитель“ издается пятый годъ, въ немъ существуютъ и различные пробѣлы, но мы объясняемъ это, во-первыхъ новизной предприятия (такъ какъ, насколько намъ извѣстно, лежащий впереди нами „Путеводитель“ Долгорукова—первый изъ большихъ путеводителей по Сибири,—540 стр. русского текста), во-вторыхъ, недостаткомъ и неполнотою источниковъ и материаловъ для составленія путеводителя. Иначе мы ничѣмъ не можемъ объяснить, напримѣръ, слѣдующее: про Нижнеудинскій уѣздъ сказано, что онъ занимаетъ пространство въ 106,798 кв. верстъ и имѣть населеніе въ 50 тыс. человѣкъ и болѣе ничего. Эти свѣдѣнія черезезчуръ недостаточны, хотя бы и для такого глухого мѣста, какъ Нижнеудинскій уѣздъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ было, когда авторъ переходитъ къ большими городамъ—центрамъ Сибири: какъ, напримѣръ, Томскъ, Тобольскъ, Красноярскъ, Владивостокъ. Описаны гораздо подробнѣе,—видимо, авторъ пользовался данными, убѣтыми городской управой, думскими отчетами и официальными свѣдѣніями. Иногда эти описанія страдаютъ даже излишней точностью, очень много вниманія авторъ удѣляетъ монастырямъ, церквамъ и даже часовнямъ, и описывается то, что часто совершенно не подходитъ къ церквиамъ путеводителя. Съ другой стороны, очень бѣдны отдѣлы иностранный и переселенческий. Чтеніе нѣсколько затрудняется обилиемъ рекламъ въ текстѣ, несмотря на то, что впереди и послѣ текста приброшовано по объемистой книжкѣ объявлений. Очень жаль, что на „Путеводитель“ не проставлена цѣна и только уже въ текстѣ, между объясненіями, мы нашли, что „Путеводитель“ вмѣстѣ съ французскимъ тестомъ стоять 1 р. 25 к., цѣна очень доступная. Карта составлена довольно порядочно, но пріурочена исключительно только къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыхъ сообщаются въ книжкѣ. Таковы недостатки „Путеводителя по всей Сибири“. Въ общемъ они вполнѣ искупаются многочисленными достоинствами, такъ что „Путеводитель“ является оче-

лезнай книгою не только для путешественника, но и для всѣхъ интересующихся Сибирью. Чтобы облегчить иностранцамъ путешествіе по Сибири, приложенъ сокращенный переводъ текста на французскомъ, иѣзкомъ, итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Кромѣ описанія желѣзно-рѣжныхъ сообщеній по Сибири въ „Путеводитель“ включены слѣдующіе отдѣлы: 1) Водяныя сообщенія, 2) морскіе пути въ Сибирь, 3) сощенія по сухопутнымъ трактамъ, 4) Средне-азіатскія владѣнія Россіи, 5) минеральные воды Сибири, 6) судостроительство и судопроизводство Сибири и 7) дополненія, заключающіяся въ описаніи Обь - енисейского нала, Волги, Тургайской и Уральской области, затѣмъ адресный свѣдѣнія и указатели.

Небезынтересно будеть привести нѣкоторыя цифры, касающіяся длины сибирской дороги. Такъ: все разстояніе оть Москвы до Срѣтенска, аиняго пункта сооруженнаго „Великаго сибирскаго пути“, равняется 097 верстъ, а оть Москвы до Владивостока по проектированному направленію—9,812 верстъ и билетъ изъ Москвы до Владивостока въ III классѣ будетъ стоять—44 р. 20 к. Общая средняя скорость поѣздовъ Сибири равна 21,7 версты въ часъ. Такимъ образомъ для того, чтобы проѣхать все разстояніе оть Москвы черезъ Тулу, Обь на Владивостокъ требуется 422 ч. 30 м. или 2 недѣли 3 дня 14 часовъ и 30 минутъ. Максимальная длина сибирскаго пути.

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Миръ Божій, ноябрь.— „Русское Богатство“, октябрь.— „Вѣстникъ Европы“, ноябрь.

Въ *Мирѣ Божемъ* съ юля тянулась повѣсть г. Потапенко *Побѣда*, въ ноябрѣ она, наконецъ, окончена. Въ повѣсти изображается сначала проѣзжаніе въ университетѣ на филологическомъ факультетѣ, а потомъ чительская дѣятельность нѣкоего Баранова. Описанію учительской дѣятельности его отводится преимущественное мѣсто, и, надо отдать спраѣдливость автору, весь ходъ гимназической жизни, ея формализмъ, скуча, азенциона и мертвящая рутина во многихъ главахъ обрисованы прекрасно. Г. Потапенко не щадить всякихъ „недоносковъ“ въ педагогической средѣ, которые, подобно инспектору описываемой имъ гимназіи и Акульскому, учителю греческаго языка, весь вѣкъ остаются вѣрными допотопнымъ традиціямъ, прямолинейности и шаблону, и своей безпримѣрной елочностью производятъ впечатлѣніе тушицъ. Подобно оазисамъ въ пустынѣ, попадаются изрѣдка между учителями люди болѣе или менѣе естные и свободные оть благоговѣнія передъ „программами“ и „предпопытками“, почему въ повѣсти и указанъ всего лишь одинъ такой учитель: учитель этотъ преподаѣтъ словесность и принадлежитъ еще къ старому поколѣнію. Само собою разумѣется, что при указанныхъ условіяхъ учащимся приходится задыхаться въ душной гимназической атмосфѣрѣ, поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что порой они не выдерживаютъ въ той или иной формѣ выражаютъ свой протестъ. У г. Потапенко воспроизведенъ между прочимъ и самый протестъ этотъ, причемъ картина получается не только жизненная, но и довольно полная.

Однако, задача автора *Побѣды* состоять вовсе не въ обрисовкѣ словесной гимназической жизни: жизнь эта не болѣе, какъ обстановка, въ которой существуетъ центральная личность повѣсти—Барановъ, и онъ—то и занимаетъ главнымъ образомъ автора. Очень много и долго хлопочетъ

г. Потапенко около Баранова, всячески стараясь заглянуть въ саму глубь его души, и тѣмъ не менѣе портретъ Баранова выходить тусклымъ и неопределленнымъ. Можно даже сказать болѣе: если существенныи пунктомъ повѣсти, ея узломъ, такъ сказать, является возрожденіе Баранова, т.-е. его перерожденіе изъ вялого, скучающаго и прозаичнаго учителя въ человѣка, имѣющаго передъ собой путеводную звѣзду вѣрующаго въ дѣло и глубоко преданнаго ему, то и пунктъ этотъ представляется вовсе не вполнѣ понятнымъ: безспорно, найдутся читатели, которые отнесутся съ большими сомнѣніемъ къ *Побѣдѣ* высокихъ стремлений въ Барановѣ.

Всмотримся внимательно въ учителя Баранова. Прежде всего г. Потапенко ставить образованіе его личности въ удивительно тѣсныи рамки. И тогда, когда онъ учился въ гимназіи, и тогда, когда проходилъ университетскій курсъ, онъ или проводилъ время въ семье Аргунина, друга его умершаго отца, или зубрить и зубрить „безъ удержанія“. Въ гимназіи зубрить приходилось, чтобы держаться въ ученическомъ спискѣ не ниже середины, въ университетѣ — чтобы удержать за собой стипендію. Такая зубрѣжка не осталась безъ послѣдствій. Барановъ и того мало зналъ себя и отличался такимъ отсутствиемъ опредѣленныхъ вкусовъ и стремлений, что при поступлении въ университетъ ему было рѣшительно все равно, на какой поступить факультетъ, и филологическій факультетъ онъ избралъ только потому, что, какъ оказалось изъ справкамъ, на немъ легче всего можно заполучить стипендію. Но вотъ наконецъ, университетъ пройденъ, и Барановъ вступаетъ на поприще учителя. Онъ такъ зазубрился и такъ равнодушенъ къ своей профессии, что не видѣть и не сознать въ ней ничего, кроме необходимости зарабатывать вѣрный кусокъ хлѣба.

Нельзя не согласиться, что описанное положеніе вещей можетъ сбѣтаться только исключительнымъ: пусть даже Барановъ человѣкъ совсѣмъ средній, такъ какъ „ученіе давалось ему не легко, а значительныхъ способностей у него не было“, пусть, съ другой стороны, среди членовъ семьи Аргунина находилась Варя, скоро ставшая его невѣстой,—всегда дѣлить время между звѣрской и свиданіями съ Аргунинными рѣшителями немыслимо для молодого человѣка. Немыслимо, чтобы на него никакъ не вліяли товарищи, немыслимо, чтобы онъ не заинтересовался какою-нибудь книгой, какими-нибудь житейскими явленіями, немыслимо, чтобы столь однообразное времяпрепровожденіе танулось въ теченіе цѣлого ряда лѣтъ.

Но идемъ далѣе. Изъ Баранова вышелъ сухой, вялый, скучный, неинтересный и апатичный учитель, способный только широко открывать глаза на все, что напоминаетъ живое отношеніе къ жизни, школѣ и учителству. Онъ настолько равнодушенъ къ этому учителству, что даже не понимаетъ, какъ можетъ Варя, которая въ это время почти отвернулась отъ него, мечтать въ будущемъ о педагогической дѣятельности, а въ настоящемъ съ жаромъ заниматься на курсахъ. Къ этимъ курсамъ, какъ и ко всѣмъ курсисткамъ, онъ питалъ даже вага-висть, потому что необходимые среди курсистокъ книги и споры ее раздражали и заставляли его сильноѣ чувствовать свое одиночество и свою давнишнюю и постоянную материальную необеспеченность: читать „хорошо разсуждать о близнемъ“ и „разводить бобы о разныхъ стратегіяхъ“ могли, по его мнѣнию люди, „имѣющіе хоть какая-нибудь страства“ или „обладающіе разными протекціями“. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, такой-то человѣкъ на вечеринкѣ, которую устроила для

его Варя, начинаетъ такъ умно, талантливо и живо аргументироватьъ пользу благотворительности, на которую напаль было братъ Вари, то послѣдній, по признанію всѣхъ присутствующихъ, былъ окончательно сраженъ. Какимъ же образомъ этотъ Барановъ, этотъ замкнувшійся себѣ и отшатнувшійся отъ жизни Барановъ, притомъ Барановъ среднихъ способностей, могъ вдругъ обнаружить такое пониманіе вещей и распорѣчиво высказать взглядъ относительно явленія, достаточно сложаго и требующаго размышенія? Это представляется загадкой. Если уть повліяла любовь къ Варѣ, то какъ ни сильно бываетъ такое чувство въ человѣкѣ, всетаки оно не въ состояніи сразу привить человѣку ясныя воззрѣнія на вещи, о которыхъ ранѣе ему совсѣмъ не приходилось думать.

Двинемся еще далѣе. Одинъ изъ учениковъ на урокѣ откровенно высказалъ Баранову свое мнѣніе объ его рутинномъ и скучномъ преподаваніи. Барановъ оскорбился, немедленно довелъ дѣло до директораъ инспекторомъ, и исторія приняла такой серьезный характеръ, что исключеніе ученика представлялось неизбѣжнымъ, на чѣмъ настаивало зсе начальство гимназіи. Подъ влияніемъ семьи Аргуниныхъ и все той же Вари, а также и своихъ собственныхъ душевныхъ силъ, мирно спавшихъ до сего времени и ни въ чѣмъ не проявлявшихъся, Барановъ нашелъ въ себѣ достаточно присутствія духа, мужества и честности, чтобы отстоять ученика, и далѣе становится решительно неузнаваемымъ. Созершилось, однимъ словомъ, до нѣкоторой степени чудо, потому что перерожденіе это слишкомъ внезапно и неожиданно. Правда, ранѣе у Баранова былъ разговоръ съ братомъ Вари, Митеи, который, наслышавшись о недостаткахъ преподаванія Баранова, вздумалъ обратить послѣдняго на путь истины, и изъ этого разговора какъ будто слѣдуетъ, что Барановъ таитъ на сердцѣ нѣчто доброе, но его инертность и апатія слишкомъ подчеркиваются, такъ что исходъ инцидента между нимъ и оскорблѣннымъ имъ ученикомъ вовсе не вытекаетъ изъ его характера. А между тѣмъ именно этому случаю суждено было произвести магическое дѣйствіе. Барановъ перемѣнился радикально по отношенію къ своей профессії: онъ сталъ гуманнымъ учителемъ, внимательнымъ къ интересамъ учениковъ, причемъ отношеніе его къ преподаваемому имъ предмету въ корень измѣнилось, благодаря чему у него явилось ясное сознаніе цѣли жизни. И все это случилось сразу, вдругъ. На другой же день послѣ означенного инцидента на урокѣ, Барановъ, не имѣя въ виду, противъ своего обыкновенія, программы, „вдругъ заговорилъ о глубокомъ значеніи для образованнаго человѣка изученія исторіи народовъ, о томъ, что только тотъ можетъ сознательно относиться къ жизни своей и своего народа, кто знаетъ и правильно оцѣниваетъ прошлое“. „Все это,—объясняетъ г. Потапенко,—онъ, конечно, не выдумалъ изъ своей головы, все это припомнилось ему изъ лекцій, изъ книгъ, благодаря страшному напряженію памяти; все это, до сихъ поръ, какъ ненужный балластъ, лежало у него въ головѣ и казалось ему бесполезнымъ и непримѣнимымъ“. Но, что бы ни говорилъ г. Потапенко о страшномъ напряженіи памяти, нигдѣ и никогда не бываетъ и не можетъ быть такихъ скоропостижныхъ превращеній и перерожденій. Искусственность перерожденія Баранова, повидимому, замѣчалась и самимъ авторомъ, иначе зачѣмъ бы ему заставлять своего героя, т.-е. Баранова, въ разговорѣ со старикомъ Аргуниномъ такъ пространно объяснять причины того, что „человѣкъ живеть, живеть и точно спить и вдругъ просыпается“. Изъ разсужденій Баранова, относительно того, что „мы живемъ поверхностно, и что ничто изъ совершающагося вокругъ насъ не задѣваетъ нашей души сколько-

нибудь глубоко" и проч., нельзя извлечь ничего другого, кроме того, что г. Потапенко его устами желает убедить читателя въ возможности его внезапного перерождения. Особенно любопытными въ этомъ смыслѣ кажутся намъ слѣдующія слова Баранова: „Тотъ, кто одинъ только разъ въ жизни прорѣзъ глаза, уже не можетъ вернуться къ прежней дремотѣ. Вотъ и со мной это случилось. Меня оскорбиль Пазухинъ (ученикъ). Это разбудило меня, и если бы дѣло этимъ ограничилось, я бы настойчивъ былъ, чтобы его исключили. Можетъ быть, я смотрѣть бы такимъ же непротертными глазами, какими смотрѣть инспекторъ и Акульскій и другіе мои товарищи, потому что видѣть только нарушеніе одного изъ правилъ... Но вы (т.-е. семья Аргунина), господа, исправили мои глаза въ другую сторону, вы заставили меня посмотретьъ на душу этого юноши, и я сталъ глядѣть на нее во всѣ глаза, я уже долженъ быть прорѣзъ глаза, потому что иначе ничего не увидѣть бы". Признаться сказать, дѣло какъ будто очень просто. Статью только „прорѣзать глаза", и человѣкъ сталъ совершенно другимъ, чѣмъ былъ раньше. На самомъ же дѣлѣ, это, однако, далеко не такъ, и самъ г. Потапенко въ концѣ концовъ не въ этомъ только видитъ причины перемѣны, произошедшей въ Барановѣ. Любовь къ Варѣ есть конечная причина возрожденія: когда Барановъ понялъ, вслѣдствіе исторіи съ Пазухинымъ, т.е. оскорбившимъ его ученикомъ, чтѣ имѣнно цѣнить въ человѣкѣ Варя, онъ пошелъ въ дорогу честнаго и гуманнаго человѣка и работника и этимъ сдѣлалъ въ то же время близкимъ къ желанной цѣли, такъ какъ Варя, наконецъ, соглашается выйти за него замужъ. Тутъ, однако, получается еще новое доказательство преимущественнаго влиянія Вари на возрожденіе Баранова. Въ то время, какъ Варя дала свое согласіе на бракъ съ Барановыми, вдругъ оказывается, что ея замужество разносимо выходомъ въ отставку, и Варя, выше всего цѣнящая свое учительство, беретъ на себя обѣщаніе быть его женой. Это такъ дѣйствуетъ на Баранова, что, несмотря на свое перерожденіе, онъ окончательно рѣшаетъ порвать съ гимназіей и учительствомъ и не исполняетъ такого намѣренія только благодаря все той же Варѣ, которая въ концѣ концовъ подъ влияніемъ этого обстоятельства снова и уже окончательно соглашается на бракъ съ нимъ. Какъ бы то ни было, однако, если даже предположить, что главной виновницей перерожденія Баранова была Варя и любовь къ ней, всетаки получается неестественность въ перипетіяхъ этого перерожденія. Какъ ни велика сила любви, но и она не въ состояніи сдѣлать невозможнаго.

Что касается Вари, то и ея фигура не вездѣ выступаетъ достаточнѣ рельефно. Особенно мало вразумительнымъ кажется ея рѣшеніе не выходить замужъ, разъ замужней женщинѣ нельзя оставаться учительницей въ школѣ извѣстнаго типа. Почему, въ самомъ дѣлѣ, ей необходимо было оставаться въ школѣ именно этого типа, и почему, напримѣръ, разъ она такъ любила свое дѣло, она не могла набрать ученицъ у себя на дому послѣ своего замужества? Нельзя, однако, не прибавить здѣсь, что отецъ Вари, ея мать и другіе второстепенные лица, появляющіяся въ семье Аргуниныхъ, вышли чрезвычайно живыми и, сверхъ того, многія мѣста повѣсти отличаются выразительностью, достойною таланта г. Потапенка.

Итакъ, главнымъ недостаткомъ повѣсти *Побѣда* является неопределенность въ изображеніи личности Баранова. Если, однако, обратить вниманіе на научную подготовку Баранова къ дѣятельности и на результаты ея, то получится весьма любопытный выводъ: одна наука даѣтъ не все даетъ человѣку, и каждый извлекаетъ изъ нея только то, че-

можетъ и что допускаетъ его натура, и съ этой стороны личность Бананова можетъ служить хорошей иллюстраціей. Мы останавливаемся на акомъ пункте именно потому, что въ этомъ же отношеніи заслужива-
ть вниманія четыре очерка г. З. въ октябрѣ *Русскаго Бояства*, подъ *зазваніемъ Студентки*. Каждый изъ очерковъ озаглавливается временами
ода и, въ соотвѣтствіи съ такими заглавіями, изображаются: то слуша-
тельница курсовъ, юная, какъ весна, то вся проникнутая тепломъ и
каждущая свѣта, подобно лѣту, то унылая и печальная и ведущая борьбу
обстоятельствами, какъ осень съ ея бурями и непогодами, то холод-
ная, уравновѣщенная и безстрастная, какъ зима. Разумѣется, всѣ эти
курсистки изъ своихъ занятій на курсахъ извлекаютъ нечто совершенно
различное, да и не могутъ, конечно, отнести одинаково къ такимъ за-
нятіямъ. Въ очеркѣ, озаглавленномъ *Весна пришла*, передъ читателемъ—
Надя Полтавцева, этаотъ полуребенокъ, который, запомнивъ изъ разгово-
ювъ съ „настоящими людьми“, что „необходимо выработать въ себѣ со-
нательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности“, со всѣмъ ста-
ніемъ принимается за такую выработку. Но,—увы!—она такъ наивна,
что изъ восьми обязательныхъ предметовъ рѣшительно не можетъ вы-
брать себѣ главнаго, не можетъ также уяснить себѣ и связи между
ними; когда же она сталкивается съ людьми, мыслящими и находящимися
интересъ въ обмынѣ мыслей, то ей никакъ не удается помирить тѣ или
иные противорѣчія въ различныхъ мнѣніяхъ. Оно, разумѣется, и по-
затно. Въ институтѣ ее научили только долбить и зубрить и вовсе не
тренили думать. Въ концѣ очерка Надя Полтавцева въ самое критиче-
ское для нея, какъ и для всѣхъ курсистокъ, время экзаменовъ, рѣши-
тельно не можетъ одолѣть своего шаловливаго настроенія, благо весен-
нее „солнце заливало комнату лучами“, а небо было ярко голубого цвѣта:
она сѣла на окно, и „глаза ея случайно упали на противоположное окно
двумя этажами ниже“, где сидѣть студентъ и читалъ книгу. Дѣвушка
„запустила руку въ мѣшокъ съ золотымъ сахаромъ, лежавшимъ около
ней и... бахъ! Небольшой кусокъ сахара ударилъ въ косякъ окна студен-
тента и, рикошетомъ отскочивъ къ самому его лицу, упалъ на раскры-
тую книгу“. Эта выдумка ей такъ понравилась, что она не остано-
вилась и бросила въ того же студента сначала скомканную газету, по-
томъ мѣшокъ изъ-подъ сахара. Нечего и говорить, какъ изумленъ былъ
студентъ, тѣмъ болѣе, что все это сыпалось на него неизвѣстно откуда,
такъ какъ Надя Полтавцева каждый разъ успѣвала отскочить отъ окна
на середину комнаты. Вообще она никакъ не можетъ сосредоточиться
на экзаменѣ. Весна, весеннее настроеніе пересиливаетъ, и, помимо всѣ-
каго ея желанія, изъ сбившейся съ толку студентки превращаютъ ее въ
то, что она есть въ самомъ дѣлѣ, т.-е. въ шаловливаго ребенка, сѣ-
лавшагося по ошибкѣ жертвой противорѣчія между наукой и жизнью. Не
такова 22-лѣтняя Ольга Николаевна Бобровская, или героиня второго
очерка *Въ юнѣ*. Бобровская много выносить изъ своихъ занятій на-
уками и вообще книгой: все въ ней доказывается и широту взглядовъ и
значительное развитіе какъ мысли, такъ и чувства. Она способна ду-
мать не объ одной только себѣ, и если начинаетъ хлопотать о комъ-
нибудь изъ обиженныхъ и обездоленныхъ судьбой, то не затрудняется
въ выборѣ средствъ и достигаетъ цѣли. Является, напримѣръ, она къ
богатому и просвѣщенному, хотя и незнакомому ей доктору и безъ вся-
кихъ окличностей просить у него взаймы на неопределенный срокъ
рублей 20—25, мотивируя свою просьбу такими словами: „Одной особѣ,
фамилию ея я могу назвать если угодно, петербургскій климатъ оказался
вреденъ. Денегъ у нея нетъ, а путь предстоитъ не близкій. Петербургъ

теперь пусты, молодежь разъехалась, сборъ сдѣлать трудно, въотъ ѿ чому я и обращаюсь къ вамъ". Когда же докторъ даетъ нужныи еі деньги, она вѣнчъ себя отъ радости, и радость эта самая неподѣльна и непосредственная; она спѣшить подѣлиться ею со студентомъ, хотѣраго любить, и оба, чтобы отпраздновать эту радость, отправляются въ театръ. Что касается до отношеній къ любимому человѣку, то и тутъ Бобровская проявляетъ всѣ свойства культурнаго человѣка, который не могла бы проявить никогда Надя Полтавцева. А вотъ и третья студентка Барчукова, герояня третьаго очерка *Поздней осени*. Въ хмурый сезонъ сумерки ищетъ она въ дешевыхъ кварталахъ Петербурга комнату, но не можетъ найти, такъ какъ дешевле 12 рублей вѣтъ сносной комната, а ей на цѣлый мѣсяцъ ассигновано всего 20 рублей, да и то эта ассигновка будеть продолжаться не весь годъ. Въ концѣ концовъ еї приходится поселиться не одной, а вдвоеемъ съ другой дѣвушкой, кѣннѣй и вкусовъ которой она совсѣмъ не раздѣляетъ; но дѣлать нечего разсуждать не приходится. Отъ науки и книги она, вѣроятно, ждетъ прежде всего заработка и въ своихъ занятіяхъ, конечно, очень ревности, но широко воспользоваться наукой и книгой еда ли удастся: нужна и необходимость приспособляться къ обстоятельствамъ волей-неволеи; нѣя всегда на первомъ планѣ. Въ четвертомъ очеркѣ *Зимы* выводитъ еще новый образчикъ студентки, иѣкая Марья Николаевна, которая прежде всего "невольно поражала необыкновенною корректностью—истюма, прически, даже выраженія лица и глазъ совсѣмъ сѣроваты", и въ комнатѣ которой "бросался въ глаза необыкновенный порядокъ и полное отсутствіе пыли". Безстрастность, холодность и уравновѣщенность совершенно завладѣли Марьей Николаевной, и если она занимается медициной, то ее влечетъ къ этой наукѣ далеко не человѣкъ-любie, "побудительными причинами были скорѣе дѣловитость и нѣкоторыи карьеризмъ, унаслѣдованный отъ цѣлаго ряда предковъ чиновниковъ".

Итакъ, очерки г. З. въ *Русскомъ Балатонѣ* намѣчаютъ четырѣ типа студентокъ. Типы эти были бы чрезвычайно любопытны, если бы они не отличались тусклостью, если бы сколько-нибудь походили на тину. Но въ нихъ подчеркивается значеніе личности и природы человѣка даже въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ болѣе, чѣмъ въ какое-либо другое время находится подъ воспитательнымъ влияніемъ книги, науки и изучныхъ занятій. Личность человѣка стоять за себя вездѣ и всегда, даже при такихъ условіяхъ, которыя всѣми силами противорѣчатъ этому. Г-жѣ Дмитріева въ своихъ *Замѣткахъ земскаго врача*, озаглавленныхъ *Больничный сторожъ Хвеська*, ясно доказываетъ это. Больничнымъ сторожемъ является 13—14-лѣтняя крестьянская дѣвочка Федосья, которую авторъ подъ конецъ разсказа справедливо называетъ огонькомъ. А пріѣзда земскаго доктора на пунктъ, когда тамъ царилъ фельдшеръ Кудакинъ, человѣкъ корыстный и даже алчный, мало свѣдущій и находящійся на самой низкой ступени нравственности, Хвеська исполнялъ довольно трудную роль. За полтинникъ въ мѣсяцъ она была не только больничнымъ сторожемъ, но и помощникомъ фельдшера, такъ какъ еї приходилось знать, гдѣ стоять какія лѣкарства, и отчего они помогаютъ, да еще, кромѣ всего этого, она была нянѣй у дѣтей фельдшера и прислугой его. Но вотъ пріѣхала земской докторъ и открылъ злоупотребленія; онъ прогналъ фельдшера и очень скоро уѣхалъ, какои здравотостью отличалась Хвеська. Мало того, что она была ловка, беззрѣстна, проворна и умна, она обнаруживала самый серьезный интересъ ко всему, что ее окружало. Дѣловитость ея не знала предѣловъ; докторъ прямо говорить о ней: "Для нея, кажется, не существовалъ

ничего невозможного, — что ни попросишь, моментально сдѣлаетъ, ничего не перепутаетъ, и все это съ удовольствiemъ, съ сіяющимъ лицомъ и безъ всякихъ понужанья, что было особенно пріятно видѣть". Отмѣчаетъ докторъ и поведеніе Хвескы на приемахъ, когда "она важно стояла у двери и поочередно пропускала больныхъ". Въ такихъ слу-
чаихъ "были попытки ее умаслить, даже ее подкупить, но все это окан-
чивалось неудачей, и сами больные подъ конецъ строго слѣдили за оче-
редью". Отъ Замѣтокъ вѣтъ правдой. Въ доказательство этого можно
привести, напримѣръ, тотъ фактъ, что, когда на двери лѣчебницы по-
явилось черное дегтярное пятно, существующее знаменовать стыдъ
Хвескы, которую мѣстное населеніе заподозрило въ интимныхъ отно-
шенияхъ съ докторомъ, Хвескы оказалась далеко не равнодушной къ
этому факту. Она очень близко приняла его къ сердцу и съ этой сто-
роны показала себя вполнѣ солидарной съ деревенскими условіями и обста-
новкой, полной предразсудковъ. Какъ бы то ни было, однако, но изъ
рассказа г-жи Дмитріевой несомнѣнно вытекаетъ то заключеніе, что да-
ровитая натура вездѣ обнаружитъ себя, и никакія условія не въ состояніи
затереть ее окончательно.

Значенія личности касается и разсказъ г. Новикова въ октябрѣ *Русской Богатства*, названный *Раздѣлъ*. Дѣйствіе разсказа, какъ можно заключить и по заглавію, происходит опять-таки въ деревнѣ. При жизни отца съ матерью женатые ихъ сыновья Прокофій и Дмитрій жили въ дружбѣ и согласіи, но стоило умереть отцу съ матерью, какъ одна изъ невѣстокъ тотчасъ же ясно обнаружила свою личность, постоянно вызывая скоры, ко всему придираясь и вооружая всѣхъ противъ себя. Благодаря ей, сохранять прежнюю дружбу и согласіе оказалось невозможнымъ, и пришлось подумать о раздѣлѣ. Не такъ-то легко однако было произвести его. Тутъ ужъ, конечно, роль и значеніе личности отступаетъ на задний планъ, и ея мѣсто занимаютъ порядки, господствующіе въ деревнѣ. Раздѣлъ состоялся полюбовно, послѣ этого былъ написанъ и подписанъ приговоръ, но земскій начальникъ его не утвердилъ. По его мнѣнію, "разъ самосто-
тельного хозяйства обѣ стороны вести не могутъ", то не можетъ быть и раздѣла. "По закону,—какъ говорилъ отъ,—нищихъ разводить" не слѣдуетъ, а такъ какъ у одного изъ разводящихся было пятеро малень-
кихъ дѣтей, да еще старшій калѣка, то ему нужно было держаться за брата, а не думать о раздѣлѣ. Между тѣмъ фактически братья давно уже раздѣлились, и жены ихъ давно уже разные горшки въ печку ставили, такъ что обѣдали оба семейства врозь. Разумѣется, при этомъ та самая невѣстка, изъ-за которой и началась рѣчь о раздѣлѣ, постоянно подливала масла въ огонь, и, въ результатѣ, начавшій сильно пить многосемейный братъ Дмитрій убивалъ на полѣ дугой брата Прокофія. Дмитрій тутъ же испугался своего поступка, такъ какъ являлся жертвой силы вещей, а между тѣмъ при докладѣ земскому начальнику сельского старости, этотъ послѣдній вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ рѣшаютъ, что оба брата "разбойники", люди "характерные и капризные". Что ка-
сается до другихъ лицъ, то они нарисованы правдиво.

Отъ личности человѣка и значенія ея нѣсколько въ иную сторону направляетъ вниманіе читателя разсказъ г-жи Ін. Бодуэн де-Куртенэ, подъ названиемъ *Изъ-за любви*, помѣщенный въ ноябрѣ *Вѣстника Европы*. Здѣсь разсказывается исторія погибели женщины, носившей въ больнице, гдѣ она служила, имя "святой сестры Анны". Страстно и долго добивалась она "любви, участія, нѣжности, ласки", но не могла добиться, потому что отличалась "некрасивой, почти отталкивающей внѣшностью, вѣчно раздраженнымъ эгоизмомъ, высокомерно скрытностью

ненавистью, равнодушіемъ и даже отвращеніемъ къ людямъ", за то лишь, что они не открывали передъ ней „восторженныхъ объятій“. Придя въ убѣжденію, что ей только при исключительныхъ условіяхъ можно достигнуть цѣли своихъ стремленій, она поступаетъ въ больницу и вынуждется, что въ душахъ больныхъ заставить пылать „чудное пламя признательной любви“. Такая любовь не есть, по мнѣнію сестры Анны, настоящая любовь, чѣмъ и объясняются ковычки въ заглавіи разсказа заключающія любовь, но, за неимѣніемъ другой, ей приходится удовлетвориться и этой, и она жадно ищетъ ее, просиживая безсонные ночи около больныхъ, работая за двоихъ, за троихъ и совершая чудеса настойчивости и терпѣнія. Усилия эти увѣличиваются успѣхомъ, сестра Анна постоянно получаетъ доказательства признательности со стороны больныхъ, и самолюбіе ея торжествуетъ, не даромъ она получила прозвище „больничного ангела“, — но она надрывается и испытываетъ настоящія муки, наблюная и ухаживая за больными. Временами ее приводятъ въ ужасъ и содроганіе ихъ страданія, и подъ влияніемъ не только ихъ, но и собственныхъ страданій, она рѣшается сдѣлаться „спасительницей страждущихъ“ и отравляется двухъ больныхъ морфіемъ, чтобы для нихъ наступила „смерть несчастія“. Одинъ изъ докторовъ догадывается о поступкѣ Анны и ее уже съ выборомъ подпускаютъ къ больнымъ, а тѣмъ временемъ она совершенно надорвана, и собственная ея болѣзнь разыгрывается все сильнѣе и опредѣленнѣе. Она умираетъ, успокоенная соznаніемъ, что обнаружила способность любить людей до самозабвения, и что эти люди любили ее и понимали ея любовь къ ней. Такимъ образомъ, предметомъ разсказа является изображеніе органической потребности любви въ человѣкѣ, отсутствіе которой порождаетъ пытку душевную. Едва ли, однако, разсказъ г-жи Бодузѣн д-Куртенэ слѣдуетъ считать удачнымъ; правда, некоторые страницы въ немъ написаны живо и искренне, и некоторые фигуры больныхъ обрисованы мѣтко и характерно, но онъ растянутъ, изложеніе страдаетъ повременамъ неясностью и сбивчивостью, и главное настроеніе сестры Анны далеко не вездѣ достаточно обосновано.

Относительно разсказовъ И. Е. Гешова, извѣстнаго финансиста и государственного дѣятеля Болгаріи, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Они изобличаютъ несомнѣнныи талантъ, и если, какъ указано въ примѣчаніи къ разсказамъ, автору мѣшиали развивать этотъ талантъ дѣль его фирмы и общественная дѣятельность, то обѣ этомъ нельзѧ показать. Всѣ три разсказа (*Лила, Разрыг-трава и Солдатъ*) написаны типло, задушевно и не лишены идейности: по крайней мѣрѣ, первый ясно показываетъ, что значать въ жизни извѣстныя традиціи, предразсудки и „священные“ обычай. Крестьянинъ Стайко съ ума сходилъ по красавой Лилѣ, а молчаливая и красавая Лила „платила ему съ лихвою“. До поры до времени имъ однако нельзѧ было перевѣнчаться, потому что ихъ отцы враждовали; но вотъ однажды отецъ Стайко былъ найденъ убитымъ чью-то разбойничьею рукой, и тогда Стайко съ Лилой были помолвлены. Вдругъ Стайко узнаетъ, что вернулся предполагаемый убийца его отца и бродить опять вокругъ его деревни. Стайко поклялся отомстить убийцѣ и разъ настигнулъ его. Убийца признается Стайко, что онъ, дѣйствительно, убилъ его отца, но что его понудилъ къ этому отецъ Лилы. По традиціямъ, свадьба должна была послѣ этого разстроиться. Стайко вернуль кольцо своей невѣсты, и безпощадная судьба отняла, такимъ образомъ, у Лилы ея друга. Волей той же судьбы вскорѣ арендаторъ мельницы нашелъ въ запруженной водѣ трупъ Лилы.

Листокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря
1900 г.

- Антоновъ, С. Сны. Стихотворения. Кіевъ, 1900 г. Ц. 1 р.
- Ардашевъ, П. Проминціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору старого порядка 1774 — 1789 гг. Т. I. Слб., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Ахшарумовъ, Д. Чума послѣднихъ годовъ XIX столѣтія (1894—1900 гг.). Полтава, 1900 г.
- Зарингеръ, В. Что нужно знать по электротехникѣ? Изд. П. В. Луковинова. Слб., 1901 г. Ц. 35 к.
- Зердяевъ, Н. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ обществ. философії. Крит. этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Слб., 1901 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Зерье, Л. Полное собрание сочиненій. Въ 3-хъ томахъ. Слб., 1900 г. Ц. 5 р.
- Зернштейнъ, Э. Исторический материализмъ. Изд. т-ва „Знаніе“. Слб., 1901 г. Ц. 80 к.
- Бецольдъ-Фонъ, Фр. Исторія реформациі въ Германіи. Т. 2-й. Издание Л. Ф. Пантелеева. Слб., 1900 годъ. Ц. 2 р. 50 к.
- Зібл. маленькаго читателя. 1) Сборникъ рассказовъ и стихотворений. Ц. 30 к. 2) Родные отзвуки (8). Ц. 30 к. 3) Рассказы, стихотворения и сказки (9). Ц. 25 к. 4) У семейного очага (10). Ц. 40 к. М., 1900 г.
- Богдановскій, А. Какъ Петръ Захарьѣ переселился въ сибирскіе лѣса. Слб., 1900 г. Ц. 20 к.
- Боцяновскій, В. Максимъ Горькій. Крит.-біогр. этюдъ. Слб., 1901. Ц. 50 к.
- Брюсовъ, Валерій. Книга новыхъ стиховъ. Изд. „Скорпіонъ“. М., 1900 г. Ц. 1 р.
- Будченко, С. „Маленький букетъ“. Стихотворенія. М., 1900 г.
- Буре, С. Рассказы изъ жизни животныхъ. Съ 21 рис. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 35 к.
- Бьернсонъ, Б. Полное собрание сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Изд. кн. маг. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Цѣна за 2 тома 3 р.
- Вартаньянцъ, В. Петровская академія, какъ выразительн. традицій семидесятыхъ годовъ. Тифлісъ, 1900 г. Ц. 20 к.
- Васильевъ, В. Открытие Китая. Слб., 1900 г. Ц. 1 р.
- Веселовскій, Юр. Литературные очерки. М., 1900 г. Ц. 2 р.
- Веснинъ, А. Британская имперская федеральность и англійск. торгов. интересы. Слб., 1900 г.
- Вильсонъ, Эдм. Роль клѣтки въ развитии и наслѣдственности. Пер. съ англ. Вл. Линдеманъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Воиновъ, А. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисление. 3-е изд. М., 1900 г. Ц. 75 к.
- Вольтманнъ, Л. Теорія Дарвина и соціализмъ. Изд. Ф. Павленкова. Слб., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Всеобщая библиотека. 1) Нравственные идеи нашего времени (9—10). Ц. 30 к. 2) Душа и тѣло (22). Ц. 15 к. 3) Философія труда (21). Ц. 15 к. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г.
- Гавкинъ, Н. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 13-е. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 60 к.
- Гензель, П. Промышловое обложение въ Россіи. Слб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Гіббінсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи. Изд. т-ва „Знаніе“. Слб., 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Глинка, О. Къ вопросу объ охранѣ безопасности пассажировъ въ поѣздахъ. Кіевъ, 1900 г.
- Гобсонъ, Дж. Задачи бѣдности. Изд.

- съединение промышл. положенія бѣдныхъ въ Англіи. Изд. Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 60 к.
- Гринченко, Б.** Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. II. Черниговъ, 1900 г.
- Гурляндъ, И. I.** Новгородск. ямская книга 1586—1631 гг. Ц. 2 р. 50 к.
- 2) Ямская гоньба въ Московск. государствѣ до конца XVII в. Ц. 2 р. 50 к. Ярославль, 1900 г.
- Гюи-де-Мопасанъ.** Полное собрание сочинений. Въ 3-хъ томахъ. Издание кн. маг. Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1900 г. Цѣна за 3 тома 3 р. 50 к.
- Данилинъ, И.** Очерки и рассказы. М., 1901 г. Ц. 1 р.
- Движеніе частного землевладѣнія въ Александрийскомъ у. Херс. губ. въ 1865—1900 гг. Александрия, 1900 г.
- Джеромъ К. Джеромъ.** 1) Новые мысли праднаго человѣка. Ц. 1 р.
- 2) Синіе и зеленые наброски. Ц. 1 р. Изд. Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1900 г.
- Догановичъ, А.** Ермакъ, покоритель Сибири. Для шк. и нар. чтѣмія. Изд. В. С. Спиридонова. М., 1900 г. Ц. 15 к.
- Зубковъ, В.** Историческая записка Сергачско-Ключевского ссудо-сберегат. товарищества Сергачск. у., Нижегород. губ. 1875—1900 гг. Казань, 1900 г.
- Игнатовичъ-Завилейскій.** Помощь утопающимъ. Изд. 2-е. Съ 12 рис. Кіевъ, 1900 г. Ц. 10 к.
- Издательскій комитетъ харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. № 53—58, 60—64. Харьковъ, 1900 г.
- Измайловъ, А.** Черный воронъ. 1-я книга разказовъ. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.
- Караеваевъ, В.** Поѣзда на островъ Яву. (Впечатлѣнія натуралиста). Кіевъ, 1900 г. Ц. 2 р.
- Ковалевскій, С.** Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него береть. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.
- Комарскій, Ф.** Семейный университетъ. Курсъ 2-й. Вып. IX. Спб., 1900 г.
- Косса, Луиджи.** Основы финансовой науки. М., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- История экономическихъ учений. Издание Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1900 годъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Коптевъ, В.** Сборникъ диктантовъ въ связи съ граммат. упражненіями. Для нач. нар. училищъ. Спб., 1901 г. Ц. 15 к.
- Кругловъ, А.** Всеменскіе учителя. Изд. В. Спиридонова и В. Постникова. М., 1900 г. Ц. 45 к.
- Кузнецовъ.** Русская история въ планахъ (35 плановъ). Рига, 1900 г. Ц. 30 к.
- Кукъ-Тэйлоръ, Р.** Фабрика и фабричная система. Изд. Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 60 к.
- Кутскій, К. и Вандервельде.** 1) Границы капиталистического хозяйства. 2) Городъ и деревня въ капиталистическомъ обществѣ. Изд. Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 25 к.
- Левшинъ, Д. Т. Н. Грановскій** (съ портретомъ). Спб., 1901 г.
- Лежневъ, М.** Марксъ и Кантъ (практико-философ. параллель). Николевъ, 1900 г. Ц. 75 к.
- Лейкинъ, Н.** Первые шаги. Романъ. Спб., 1901 г. Ц. 75 к.
- Ливій, Титъ.** Римская история отъ основанія Рима. Въ 5-ти томахъ. Т. 1 и 2. Изд. А. Ф. Йогансона. Кіевъ, 1901. Цѣна за 5 т. 5 р.
- Лихачева, Е.** Материалы для истории женского образования въ Россіи. 1856—1880 гг. Спб., 1901 г. Ц. 4 р.
- Лотоцкій, И. Г. Винницко-Браиловскій женскій монастырь и его святыни.** Нимировъ, 1900 г. Ц. 75 к.
- Лункевичъ, В. I)** Четвероногіе и первые хищники. Ц. 18 к. 2) Четвероногіе слуги человѣка. Ц. 23 к. 3) Враги и друзья человѣка. Ц. 28 к. Спб., 1901.
- Любомудровъ.** Конспектъ лѣчебныхъ формулъ для ветеринарныхъ врачей. Екатеринбургъ, 1900 г.
- Н. Н. С.** Рассказы изъ истории грековъ. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нагорная проповѣдь Спасителя. Сущностъ христіанск. учения. Ц. 15 к.—Исторія порядкъ Евангелия. Сводъ во всехъ четырехъ Евангелий. Ц. 15 к. Сѣдлецъ.
- Овсянаго, Н.** Болгарія и болгары. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.
- Олексенко, С. I)** Сельско-хозяйствѣ бѣдѣ. 2) Краткое наставление къ земледѣству и винодѣлію. Бердянскъ.
- Ольшамовскій, М.** Образцы диктантовъ. М., 1900 г. Ц. 50 к.
- Отто Генне амъ-Ринъ, д-ръ.** Недостатки соврем. полицейск. науки за обществ. нравственностью. Изд.: Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.
- Отчетъ бердянской земской управы о сельскому хозяйству. Бердянск. уѣзъ 1899 и 1900 г. Бердянскъ, 1900 г.
- Отчетъ о дѣятельности общества взаимо-вспомоществов. учащимъ и учившимъ въ народѣ. Училищахъ Симбирск. гр. съ 1 юла 1899 г. по 1 юла 1900 г. Симбирскъ, 1900 г.
- Петровъ, В.** Вопросы народного обръзванія въ Московской губ. Вып. II. М., 1900 г. Ц. 50 к.
- Петровскій, П.** Стихотворенія. 1901 г. Ц. 75 к.
- Прусь, Волеславъ.** Полное собрание сочинений. Въ 5-ти томахъ. Екн. маг. Ф. А. Йогансона. Кіевъ, 1901. Цѣна за 5 т. 6 р.
- Радичъ, В.** Запорожская старина. Истор. разсказы. Спб., 1900 г. Ц. 1

- акитскій, М.** Методъ обученія грамотѣ. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.
- емсенъ.** Введеніе въ изученіе химіи. М., 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.
- ише, Ш.** «Война и миръ». Изд. Ф. А. Іогансона. Киевъ, 1900 г. Ц. 50 к.
- авельевъ, А.** Очеркъ развитія нар. образования въ Нижегор. у. Н.-Новгородъ, 1900 г. Ц. 60 к.
- авиновъ, О.** Стихотворенія. 2-е изд. М., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
- борникъ императорск. русск. историч. общества. Т. 108. Юрьевъ, 1900 г.
- водный сборникъ по статист. описанію Полт. губ. въ 1882—1889 гг. Вып. I. Полтава, 1900 г. Ц. 2 р.
- ъельско-хоз. обзоръ Вятской губерніи за 1898—99 гг. — Журналъ Вятской губ. опублочн. комиссии 1900 г. съ приложеніями. Вятка, 1900 г.
- земеновъ, С.** У проности и др. рассказы. М., 1900 г. Ц. 80 к.
- сибирцевъ, Н.** Почтовѣдѣніе. Вып. I. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.
- соболевъ, М.** Экономическое значеніе Сибирск. ж. дор. (актовая рѣчь). Томскъ, 1900 г.
- справочный словарь ореографический, этнографический и толковый русского языка. Подъ ред. А. Чудинова. Вып. I—VI. Спб., 1901 г. Под. ц. 6 р.
- гезяковъ, Н.** Бесѣды по гигиенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Воронежъ, 1900 г. Ц. 50 к.
- грачевский, А.** Наполеонъ I, его жизнь и государственная дѣятельность. Біограф. очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.
- гуганъ-барановский.** Русск. фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.
- фламмарионъ, К.** 1) Небесныя свѣтила. Съ 107 рис. Ц. 1 р. 2) Богъ въ природѣ. Ц. 1 р. 25 к. Спб., 1901 г.
- франкъ, С.** Теорія дѣнности Маркса и ея значеніе. Изд. М. М. Бодовозовой. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.
- хвостовъ, Н. Б.** Собрание стихотворений. Въ 2-хъ книгахъ. Спб., 1901 г. Цѣна по 1 р. за книгу.
- чайковский, М.** Жизнь П. И. Чайковского. Т. I. Вып. I. Изд. П. Юргенсона. М., 1900 д. Ц. 40 к.
- шелепинъ, И.** Отечествовѣдѣніе. Пособіе при повтореніи русской исторіи. Спб., 1900 г. Ц. 40 к.
- шепердъ, Е.** Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. М., 1900 г. Ц. 55 к.
- шнитцлеръ, Ар.** Земный попутай. Трилогія. Изд. «Скорпіонъ». М., 1900 г. Ц. 60 к.
- шульце - Геверницъ-фонъ, Г.** Очерки обществ. хозяйства и экономической политики Россіи. Спб., 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.
- щепотьевъ, В.** 25-лѣтіе русской Николаевской больницы въ Константино-полѣ. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.
- «энциклопедія». Семейн. воспитанія и обученія. Вып. 1—27. Спб., 1898, 1899, 1900 гг.
- юстусъ, А.** Словарь техн. выражений, терминовъ, знаковъ и сокращеній иностраннныхъ и русскихъ, употребляемыхъ въ коммерческой корреспонденціи. Рига, 1900 г.
- өемелиди, А.** Репетиторіумъ по торговому праву. Аккерманъ, 1900 годъ. Ц. 1 р. 80 к.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

Беллетристика: „Въ мастерской“. Бытовые очерки. И. А. Данилевича.— „Преступники“. П. Б. Хотмысюо.— „Рассказы Людвига Анценгрубера“.— „Въ одиночномъ заключеніи“. А. И. Фаресова.— „Стихотворенія“. С. Головачевскаго	С.р.
Философія, психологія, педагогика: „Вопросы философіи и психології“. Кн. 54.— „Элементы психологии“. Жоржа Фонсегрина.— „Бањъ о класицизму“.— „Мысли о школьнмъ и домашнемъ воспитаніи“. Л. Келлерера.— (Педагогич. библіот.. изд. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ)	45
Критика и публицистика: „Политические мыслители и моралисты XIX в.“. Эмиль Фаиз.— „Славянский вѣкъ“. № 1 и 2, 1900 г.— „Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій“. Д-ра Э. Мюнстерберга.— „Опыт организации сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Очеркъ дѣятельности бѣлоярского пріюта“	43
Исторія: „Изъ украинской старинѣ“.— „Болгарія и болгары“. Н. Османю	45
Географія, путешествія: „Описаніе Сибири“. В. Ареф'ева. Вып. I.— „Записки общества изученія Амурскаго края“. Т. VII. вып. II.— „Львины нощи“. Д-ра В. А. Елисеева	45
Медицина: „Руководство по хирургическимъ операциямъ для учащихся“. Фредерика Тревеса.	45
Книги для дѣтей. Послѣдніе изданія библіотеки „Дѣтскаго Чтеція“. „Мирный завоеватель Йоганнъ Гуттенбергъ“. Историч. повѣсть. Н. А. Соловеева-Несмѣлова.— „Маленькая королева“. Повѣсть. Амелии Гутчинсон-Стирлингъ.— „Маленькие герой“. Очерки и рассказы въ перев. А. Н. Рождественской.— „Зеленый охотникъ“. Робинз Гудъ. Перев. съ англійск. Олицыной	45
Справочные книги: „Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи“. Г. А. Доморукова.	45
II. Периодическія изданія.	
„Миръ Божій“, ноябрь.— „Русское Богатство“, октябрь.— „Вѣстникъ Европы“, ноябрь	45
III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1900 г.	
IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библиографическомъ отдѣлѣ журнала «Русская Мысль» за 1900 г.	

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

избранныхъ въ „Библиографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1900 годъ.

РЕЛИГІЯ.—ФІЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГІА.

Адлеръ, Ф. О нравственномъ воспитаніи. Изд. ред. журн. „Педагогический Листокъ“. Кн. III, стр. 92.

Альбомъ школьніхъ плановъ. Изд. Тамб. губерн. земской управы. Кн. X, стр. 384.

Анастасіевъ. Русская начальная народная школа. Кн. III, стр. 93.

Бесѣды и уроки руководителей на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ г. Саратовѣ въ 1899 г. Кн. X, стр. 383.

Богородицкій, В. О преподавании русского языка (изъ наблюдений въ Казанской татарской учительской школѣ). Кн. XI, стр. 422.

Бонъ о классицизмѣ. Кн. XII, стр. 450.

Биндельбандъ, В. Исторія філософіи. Кн. II, стр. 48.

— Платонъ. Кн. VIII, стр. 284.

Вопросы філософіи и психологіи. (Май—июнь). Кн. VII, стр. 247.

— (Сентябрь—октябрь). Кн. XII, стр. 448.

Восточная библіотека. Т. II. Лунный свѣтъ. Санкья-истинны. Кн. VIII, стр. 286.

Гюйо, М. Собрание сочинений. Кн. VIII, стр. 287.

Изслѣдованіе положенія начального народного образованія въ Ватской губ. Вып. I. Кн. X, стр. 385.

Голли, Л. Народное образование въ разныхъ странахъ Европы. Кн. I, стр. 9.

Келльнеръ, Л. Мысли о школьнімъ и домашнемъ воспитаніи. Кн. XII, стр. 451.

Панге, Ф. Исторія материализма и критика его значенія въ настоящее время. Кн. III, стр. 89.

Пэдда, Дж. Очеркъ элементарной психологіи. Кн. VIII, стр. 286.

Масловскій, А. Русская общеобразовательная школа. Кн. V, стр. 164.

Марковъ, Е. Грѣхи и нужды нашей средней школы. Кн. XI, стр. 422.

Паульсенъ, Ф. Введеніе въ філософію. Кн. III, стр. 91.

„Педагогический Листокъ“. Журналъ для педагогического и общеначального самообразованія воспитателей и нач. учителей, подъ редакціей Д. Тихомирова. Кн. I—IV. Кн. V, стр. 163.

Переферковичъ, Н. Талмудъ. Мишна и Тосефта. Кн. IV, стр. 128.

Салгыкова, М. Хроника воскресныхъ школъ. Кн. X, стр. 384.

Тихомировъ, Д. Литературно-педагогические труды. Кн. X, стр. 382.

Тома, Ф. Воспитаніе чувствъ. Кн. VIII, стр. 285.

Трубецкой, С., кн. Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Філософско-историческое изслѣдованіе. Т. I. Кн. IV, стр. 128.

Фольклерь, И. Современные вопросы эстетики. Кн. I, стр. 7.

Фонсегревъ, Жоржъ. Элементы психологии. Кн. XII, стр. 449.

Штраусъ, Ф. Вольтеръ. Шесть лекцій. Кн. XI, стр. 420.

Bergson, Henri. Le rire. Essai sur la signification du comique. Кн. XI, стр. 420.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Авсѣнко, В. Петербургскіе очерки. Кн. IV, стр. 120.

де-Амічисъ, Х. Экипажъ для всѣхъ. Пер. съ итал. Кн. VIII, стр. 277.

д'Аннунціо, Г. Мертвый городъ. Джіононда. Слава. Трагедія. Кн. XI, стр. 413.

Бальмонтъ, К., Брюсовъ, В., Дурновъ, М., Коневскій, И. Книга раздумій. Кн. VII, стр. 241.

Бубновъ, Б. Стихотворенія. Кн. IX, стр. 332.

Бунинъ, Н. Рассказы охотника. Кн. VII, стр. 239.

Бѣлавскій, Л. Смута. Драма. Кн. VI, стр. 202.

Бербицкая, А. Первые часточки. Пов. Кн. IV, стр. 121.

- Викъ** (1798—1898). Кыївъ, 1900 г. Кн. XI, стр. 408.
- Вилинский**, Д. Бытовые охотничьи рассказы. Кн. V, стр. 159.
- де-Вогюэ**, Е. Голоса мертвыхъ. Романъ. Кн. XI, стр. 410.
- Войничъ**. Оводъ. Ром. изъ итал. жизни 30-хъ годовъ. Кн. VIII, стр. 279.
- Воротниковъ**, А. Въ старыхъ стѣнахъ. Повѣсти южныхъ береговъ. Кн. IV, стр. 123.
- Гейне**, Г. Собрание сочинений. Кн. IV, стр. 123.
- Гнѣдичъ**, П. По духовнымъ завѣщаніямъ. Водевиль. Nord-Express. Кн. II, стр. 41.
- Годлевский**, С. Смерть Неволина и его скитания по Сибири. Кн. IX, стр. 333.
- Голиковъ**, В. Стихотворенія. Кн. V, стр. 157.
- Головачевский**, С. Стихотворенія. Кн. XII, стр. 447.
- Головинъ**, О. Басни переводныя, подражательныя и оригинальныя. Кн. X, стр. 379.
- Данилинъ**, И. А. Въ мастерской. Бытовые очерки. Кн. XII, стр. 455.
- Данъ**, Ф. Аттила. Романъ. Кнаг. V, стр. 160.
- Дымчевский**, А. Думы. Стихотв. Кн. IX, стр. 332.
- Е—въ**, А. Борьба и любовь. Жизнь и произведения Ады Негри. Съ приложениемъ ея портрета. Кн. XI, стр. 410.
- Ежъ**. На развѣтѣ. Пер. съпольск. Кн. X, стр. 377.
- Жиркевичъ**, А. (Низинъ, А.). Картины лѣтства. Кн. VIII, стр. 276.
- Зингеръ**, Х. Цѣсарія Сюона. Стихотв. Кн. II, стр. 45.
- Избранные стихотворенія учениковъ Витебской мужской гимназіи 1885—1899 гг. Кн. III, стр. 87.
- Иллюстрированный сборникъ кіевского литературно-артистического общества. Кіевъ, 1900 г. Кн. XI, стр. 409.
- Иноземцева**, А. Собрание сочинений. Кн. I, стр. 1.
- Касаткинъ**, С. Omnia vincit amor... Стихотвор. Кн. X, стр. 376.
- Кенетъ** Креемъ. Дни грѣзъ. Пер. съ англійск. Кн. VI, стр. 205.
- Коппе**, Ф. Жертвы любви. Романъ. Кн. XI, стр. 411.
- Левицкий**, И. Повѣсти и оповиданія. Кн. XI, стр. 409.
- Лейкинъ**, Н. На дачномъ прозабаніи. Кн. V, стр. 159.
- На побывкѣ. Ром. изъ быта литераторовъ въ деревнѣ. Кн. VI, стр. 199.
- Ломакинъ**, Н. Легкие рассказы. Кн. X, стр. 375.
- Лѣткова**, Е. Повѣсти и рассказы. Отдыхъ. Кн. III, стр. 84.
- Маминъ-Сибирякъ**, Д. Озорники. Рассказъ. Кн. IX, стр. 332.
- Мельницкая**, А. Реликвіи любви. Пов. Кн. X, стр. 379.
- Мериме**, П. Матео Фальконе. Рассказъ. Кн. IX, стр. 332.
- Мосоловъ**, А. Вокругъ пылающей Москвы. Драмат. сцены изъ 1812 г. въ 5 дѣйств. Кн. VII, стр. 278.
- Навроцкій**, А. (Н. Вронскій). Драматическая сочиненія. Кн. V, стр. 155.
- Наживинъ**, И. Родные картины. Кн. XI, стр. 407.
- Негри**, А. Стихотворенія. Кн. VII, стр. 242.
- Немировичъ-Данченко**, Вл. Въ стени. Ром. Кн. IV, стр. 119.
- Ожешкова**, Э. Меланхолія. Кн. I, стр. 1.
- Ожоговъ**, М. Моя жизнь и пѣсни моего народа. Кн. II, стр. 43.
- Пайвель**, С. Мотивы жизни. Стихотв. Кн. IX, стр. 333.
- Паскевичъ**, А. На память. Кн. IV, стр. 121.
- Прево**, М. Женское движение. Кн. I, стр. 411.
- Рассказы Людвига Акценгрубера. Перев. съ нем. съ предисловіемъ Я. И. Коня. Кн. XII, стр. 446.
- Розеггеръ**, П. Рассказы. Кн. I, стр. 415.
- Скаvronская**, М. Быть и думы. Кн. III, стр. 85.
- Склифософскій**, В. Стихотворенія гимназиста и некоторые данные относительно процесса ихъ творчества. Кн. VI, стр. 203.
- Струве**, А. Въ сумеркахъ. Ком. Кн. I, стр. 43.
- Сѣрошевскій**, В. Повѣсти и рассказы. Кн. VI, стр. 201.
- Танъ**. Стихотворенія. Кн. VII, стр. 34.
- Толстой**, А. Упырь. Расск. Кн. I, стр. 376.
- Тютчевъ**, О. На границѣ. Пов. и рассказ. Кн. VIII, стр. 276.
- Тьерри**, Ж. Маска. Пер. съ франц. Кн. V, стр. 162.
- Фарессовъ**, А. Моя музика. Очеркъ и рассказы. Кн. VIII, стр. 278.
- Въ одиночномъ заключеніи. Кн. II, стр. 446.
- Филипповъ**, М. Патріархъ Нилъ. Истор. ром. Кн. VI, стр. 200.
- Хинъ**, Р. Поль гору. Сборк. рассказ. Кн. IV, стр. 120.
- Хотымскій**, П. В. Преступленія. Кн. XII, стр. 445.
- Чеховъ**, А. Рассказы. Кн. III, стр. 5.
- Чириковъ**, Е. Очерки и рассказы. Кн. VIII, стр. 275.
- Шестаковъ**, Д. Стихотворенія. Кн. IX, стр. 331.
- Шрейнеръ**, О. Рядовой Петър Лѣтъ. Рассказъ. Кн. VIII, стр. 277.
- Щепкина-Куперникъ**, Т. Нечтые міра сего. Кн. XI, стр. 407.

- Незамѣтные люди. Кн. XI, стр. 407.
кобовскій, Р. Этюды эскизы и наброски. Кн. VI, стр. 201.
едоровъ, А. Статья сказалаась. Ром. Кн. V, стр. 158.

КРИТИКА.—ПУБЛИЦИСТИКА.

брамовъ, Я. Наши воскресные школы, ихъ прошлое и настоящее. Кн. IX, стр. 336.

влинскій, В. Полное собрание сочинений. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. Венгерова. Кн. VI, стр. 205; кн. X, стр. 381.

ороновъ, П. Материалы по народному образованію въ Воронежской губ. Кн. II, стр. 47.

в память женщины-врача Евгении Павловны Серебренниковой. Литературный сборникъ. Кн. XI, стр. 416.

аровыя столовыя аккермарского земства. Выпускъ второй. Ноябрь, декабрь, январь. Кн. XI, стр. 419.

аддатный вѣкъ. Приложение къ журналу "Будильникъ". Кн. III, стр. 89.

олотаревъ, С. Голосъ семьи о школѣ. Кн. IV, стр. 124.

тарповъ, Е. и Окуловъ, Н. Организація народныхъ театровъ и полезныхъ развлечений для народа. Кн. III, стр. 89.

ондръ, Г. Судъ Божій надъ боярничомъ Оршой. Кн. IX, стр. 338.

онради, Е. Сочиненія. Т. II. Статьи публицистическая, литературно-критическая, педагогическая и др. Кн. X, стр. 381.

евенстинъ, А. Профессиональное нащенство, его причины и формы. Кн. VII, стр. 245.

иневъ, Д. Третья книга „не скавокъ“. Кн. VIII, стр. 283.

шарголинъ, М. Основные течения въ исторіи еврейского народа. Этюдъ по философіи исторіи евреевъ. Кн. VII, стр. 244.

юнгстербергъ, Э., д-ръ. Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Кн. XII, стр. 454.

Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія среди образования взрослого населения. Кн. VII, стр. 246.

шты організаціи сельскихъ лѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Очеркъ дѣятельности Бѣлоарского пріюта. Кн. XII, стр. 455.

Отчетъ казанского мѣстного управления и подвѣдомственныхъ ему комитетовъ российскаго общества „Краснаго Креста“ за 1899 г. Кн. XI, стр. 419.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1897—98 г. Кн. I, стр. 4.

Отчетъ Кіевскаго общества грамотности за 1898 г. Кн. I, стр. 6.

Отчетъ Полтавской общественной библіотеки за 1898 г. Кн. III, стр. 88.

Отчетъ нижегородской городской общественной библіотеки за 1898 г. Кн. III, стр. 88.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Красноярскѣ за 1898 г. Кн. IX, стр. 334.

Полтавская комиссія народныхъ чтеній.

Отчетъ за 1898 г. Кн. I, стр. 3.

Посадскій, И. Средняя учебная за- веденія кіевскаго учебнаго округа за десятилѣтие 1889—99 г. Кн. I, стр. 5.

рапопортъ, С. Народъ — богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англии. Кн. IV, стр. 126.

Рябковъ, П. Краткий исторический очеркъ Елизаветградского общества распространенія грамотности и ремеселъ. Кн. I, стр. 5.

Рязанское общество устройства народныхъ развлечений. Отчетъ комитета за 1898 г. Кн. I, стр. 5.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. XI, Кн. XI, стр. 418.

Славянскій вѣкъ. Кн. I и II 1900 года. Кн. XII, 453.

тихомировъ, Н. О печати вообще и провинциальной въ частности. Кн. I, стр. 2.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. По книгѣ П. Газзена. Кн. XI, стр. 419.

Фага, Эмиль. Политические мыслители и моралисты XIX в. З-я серія. Стендаль, Токвиль, Прудонъ, Сент-Бертъ, Тантъ, Ренанъ. Перев. съ франц. Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. Кн. XII, стр. 452.

Фальборкъ, Г. и Чарнолускій, В. Начальное народное образование въ Россіи. Кн. VIII, стр. 280.

Фармаковскій, В. Начальная школа министерства народна просвѣщ. Кн. VIII, стр. 281.

Ферреро, Г. Минитаризмъ. Кн. VI, стр. 206.

Шмулло. Голодный годъ. 1898—1899 г. Письма въ „Слѣд. Вѣдомости“. Кн. V, стр. 165.

Энгельгардтъ, М. Вѣчный миръ и разоруженіе. Кн. II, стр. 45.

ИСТОРИЯ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІЯ.—МЕМУАРЫ.—ІСТОРИЯ ЛІТЕРАТУРЫ.

аннинскій, А. Древніе армянскіе историки, какъ исторические источники. Кн. IV, стр. 133.

Бернштейнъ. Общественное движение въ Англіи въ XVII в. Кн. VI, стр. 210.

Випперъ, Р. Общественные ученія и исторіческія теоріи XVIII и XIX вв.

- въ связи съ общественнымъ движениемъ на Западѣ. Кн. VIII, стр. 287.
- Ганнушкинъ, М.** Социальный вопросъ въ древнемъ Египтѣ. Кн. V, стр. 169.
- Гейеръ, Л.** Нѣмецкій гуманизмъ. Кн. II, стр. 49.
- Гиро, П.** Частная и общественная жизнь римлянъ. Кн. IV, стр. 129.
- Деберль, А.** Исторія Южной Америки отъ завоеванія до нашего времени. Кн. IX, стр. 340.
- „Превосходство“. Труды Импер. Моск. Арх. Общ. подъ ред. В. Трутовскаго. Кн. VIII, стр. 290.
- Е. К.** Двѣнадцативѣковая религиозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Кн. IX, стр. 342.
- Жебаръ, Э.** Начала Возрожденія въ Италии. Кн. X, стр. 392.
- Де-Жюльвиль.** Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. Кн. II, стр. 51.
- Захарьинъ, И. (Якунинъ).** Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. Кн. VI, стр. 213.
- Извѣстія отдѣленія русского языка и словесности. Императорской академіи наукъ. Т. V., кн. 1-я. Кн. XI, стр. 423.
- Изъ Украинской старины. Рисунки академика С. И. Василевскаго и И. С. Самокоша. Пояснительный текстъ проф. Д. И. Эварницкаго. Кн. XII, стр. 456.
- Котовъ.** Жанна д'Аркъ. Биографич. очеркъ. Кн. VIII, стр. 290.
- Лависсъ.** Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣковъ и обѣ исторіи новаго времени. Кн. IX, стр. 339.
- Ловцовъ, Ф.** Историческія свѣдѣнія о церкви Успенія Пресв. Богородицы, что на Могильцахъ. Кн. I, стр. 13.
- Ляцкій, Е.** „Не всю и не ничего“. Кн. I, стр. 13.
- Лупповъ, В.** Христіанство у ватикановъ со времени историческихъ извѣстій о нихъ до XIX в. Кн. VIII, стр. 288.
- Малининъ, А.** Спорные вопросы топониміи Азіи. Кн. IX, стр. 339.
- Марра, М.** Къ вопросу о задачахъ арменовѣданія. Кн. VIII, стр. 288.
- Модзалевскій, Л.** Изъ педагогической автобиографіи. Кн. I, стр. 14.
- Морганъ, Л.** Первобытная общество. Кн. IV, стр. 136.
- Муркость.** Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Вып. IV и V. Съ арабскаго. Кн. V, стр. 166.
- Овсяній, Н.** Болгарія и болгары. Кн. XII, стр. 458.
- Остроумовъ, Н.** Къ исторіи народнаго образования въ Туркестанскомъ краѣ. Личныя воспоминанія. Кн. IV, стр. 135.
- Петрункевичъ, А.** Маргарита Альгемская и ея время. Истор. отъ эпохи Возрожденія во Франціи. Кн. II, стр. 49.
- Рабство въ древнемъ Римѣ. „Новая Библиотека“, изданіе редакціи журнала „Русская Мысль“. Кн. IX, стр. 424.
- Рамбо, А.** Исторія французской революціи 1789—99 г. Кн. I, стр. 11.
- Регесты и надписи. Сводъ материаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Кн. IV, стр. 131.
- Римская имперія. Сборникъ статей съ переводомъ А. Милюковой. Кн. IV, стр. 130.
- Сборникъ Импер. русского истор. отд. Т. 102, 105 и 106. Кн. VI, стр. 211—T. 107. Кн. X, стр. 390.
- Степовичъ, А.** Очерки исторіи сербскохорватской литературы. Кн. IV, стр. 133.
- Сумцовъ, Н.** Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Кн. III, стр. 94.
- Тома, Э.** Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Кн. IV, стр. 12.
- Тьерри, О.** Исторія происхожденія и устѣховъ третьаго сословія. Кн. II, стр. 341.
- Шестаковъ, С.** О происхожденіи поэмъ Гомера. Вып. II. О происхожденіи Иліады. Этюдъ изъ исторіи литературы Гомеровскаго вопроса и вавилонской Иліады. Кн. V, стр. 166.
- Штернъ.** Исторія революціи въ Арг. Кн. VI, стр. 210.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ.—СТАТИСТИКА.

- Альбрехтъ.** Жилые дома для рабочаго люда. Кн. V, стр. 180.
- Вигуру, А.** Рабочіе содомы въ Старой Америкѣ. Кн. VIII, стр. 293.
- Геркнеръ, Г.** Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Кн. II, стр. 54.
- Гиггсъ.** Физиократы. Кн. II, стр. 57.
- Исполненіе нѣмецкой промышленности (подъ редакціе Крупца). „Новая Библиотека“, изданіе журнала „Русская Мысль“. Кн. XI, стр. 427.
- Каутскій, К.** Аграрный вопросъ. Озоръ тенденций современного сельского хозяйства въ связи съ аграрной политикой. Кн. I, стр. 14.
- Качоровскій, К.** Русская община. Возможно ли, желательно ли ея сохраненіе и развитие. Кн. V, стр. 176.
- Материалы для торгово-промышленной статистики. Кн. III, стр. 98.
- Мейенъ, В.** Обзоръ Россіи въ денежномъ отношеніи. Кн. XI, стр. 426.
- Озеровъ, И.** Общество потребителей. Истор. очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Кн. I, стр. 58.
- Состояніе и нужды казеннаго лѣсного хозяйства въ Сибири по отчетамъ членовъ

йского департамента, командированыхъ въ губ. Тобольскую, Томскую и Енисейскую и области Ахмолинскую и Ставропольскую. Кн. III, стр. 97.

Статистический ежегодникъ въ Тверской губ. за 1899 г. Кн. VI, стр. 214.

Трубниковъ, К. Денежное обращение въ связи съ мощнымъ развитиемъ производства богатствъ въ Россіи. Кн. VIII, стр. 296.

ЮРИДИЧЕСКИЯ КНИГИ.

Градовскій, А. Собрание сочинений. Т. IV. Кн. X, стр. 393.

Кавелинъ, К. Собрание сочинений. Т. IV. Кн. VII, стр. 255.

Муравьевъ, Н. Изъ прошлой дѣятельности. Кн. VII, стр. 255.

ИСКУССТВО.

Ровинскій, Д. Русскія народныя картины. Издание Р. Голике. Кн. IX, стр. 426.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

Чистовичъ, И. Исторія перевода Біблії на русскій языкъ. Кн. II, стр. 52.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Арефьевъ, В. Описание Сибири. Очерки для народного чтенія. Вып. I. Кн. XII, стр. 461.

Булатовичъ, А. Съ войсками Менеліка II-го. Дневникъ похода изъ Эфиопіи къ озеру Рудольфа. Кн. VIII, стр. 291.

Джаншиевъ, Г. Переъ Кавказа. Кн. V, стр. 172.

Елисіевъ, А. В., п-ръ. Львины ночи. Кн. XII, стр. 462.

Записки общества изученія Амурскаго края. Т. VIII, вып. II. Кн. XII, стр. 461.

Исацловъ, Л. Письма о Грузіи. Кн. IV, стр. 136.

Китай и китайцы. Изд. „Русской Мысли“. Кн. VIII, стр. 293.

Круберъ, А., Григорьевъ С. и др. Азія. Иллюстрir. географич. сборникъ. Кн. III, стр. 95.

Кулаковскій, Ю. Карта Европейской Сарматии по Птоломею. Кн. V, стр. 169.

Круковская, С. Китай. Очерки жизни и правовъ Небесной Имперіи. Кн. VIII, стр. 292.

„Окраины Россіи“. Подъ ред. П. П. Семенова. Кн. XI, стр. 425.

Семеновъ, П. Россія. Полное географическое описание нашего отечества. Кн. IV, стр. 137.

Слюнинъ, Н. Охотско-Камчатский

край. Естественно-историч. описание. Кн. VII, стр. 248.

Смирновъ, Е. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ. Кн. V, стр. 173.

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ.

Арнольдъ, Ф. Русскій лѣсь. Кн. I, стр. 19.

Видергеймъ. Строеніе человѣка съ сравнительно анатомической точки зрѣнія. Кн. IX, стр. 343.

Геккель, Э. Современные знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка. Кн. II, стр. 61.

Дю-Буа-Реймонъ, Э. Культурная исторія и естествознаніе. Кн. IX стр. 346.

Клейнъ. Астрономические вечера. Кн. IX, стр. 344.

Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Кн. IX, стр. 346.

Лункевичъ, В. Среди животныхъ и растеній. Кн. IX, стр. 343.

Модестовъ, Б. Двойные звезды. Кн. I, стр. 17.

Павлова, М. Ископаемые слоны. Кн. I, стр. 18.

Палладинъ, В. Курсъ ботаники, читанный въ химич. отд. Варшав. Политехнич. Института. Кн. IX, стр. 342.

— Микробиология. Кн. IX, стр. 343.

Планкъ, М. Лекціи по термодинамикѣ. Кн. IX, стр. 346.

Пуанкаре, А. Теорія Максвелля и гравитационные колебания. Кн. IX, стр. 345.

Ролловъ, А. Разведеніе маслины. Кн. I, стр. 20.

Романовъ, И. Торговый плодовый садъ средней полосы Россіи. Кн. I, стр. 19.

Томпсонъ, С. Свѣтъ видимый и невидимый. Кн. IX, стр. 345.

Томсонъ, А. Жизнь животныхъ. Ч. I. Повседневная жизнь животныхъ. Кн. III, стр. 98.

Фаусекъ, В. Этюды по вопросамъ биологической эволюціи. Кн. I, стр. 18.

Филиппевъ, В. Материалы по вопросу о состояніи въ Россіи птицеводства и торговли птицеводственными продуктами. Кн. I, стр. 20.

Шенфельдъ, Р. Цитаніе пчелы. Физиологич. очеркъ. Кн. VIII, стр. 297.

Юнгъ. Солнце. Кн. IX, стр. 344.

Das Tierreich. Eine Zusammenstellung und Kennzeichnung der rezenten Tierformen. Кн. III, стр. 99.

МАТЕМАТИКА.

Encyclopädie der mathematischen Wissenschaften mit Einschluss ihrer Anwendungen. Кн. III, стр. 100.

L'enseignement mathématique. Revue internationale paraissant tous les deux mois. Кн. VI, стр. 214.

МЕДИЦИНА.

Блохъ, И. Пораненія при современномъ оружіи. Невозможность помочи раненымъ на полѣ битвы. Кн. IV, стр. 139.

Волкова, М. Роль мужчины въ азеніи здоровья женщины. Кн. III, стр. 104.

Гурвичъ, Л. Бугорчатка, какъ чѣрвь одна болѣзнь и общественная борьба съ нею. Изъ медич. департ. мин. внутр. дѣлъ. Кн. XI, стр. 481.

Гуринъ, Г. Какъ умѣть отличать большое мясо отъ здороваго. Кн. V, стр. 182.

Дворниченко. Практическій пособникъ при судебнѣмъ химическомъ изслѣдованіи ядовъ. Кн. VII, стр. 259.

Дьяконовъ, П. Основы противопараситного способа лѣченія ранъ. Кн. IV, стр. 138.

— Объ изученіи и преподаваніи топографической анатоміи и оперативной хирургіи. Кн. IX, стр. 351.

Кимминсъ, К. Химія жизни и здоровья. Кн. V, стр. 183.

Ліонъ, Г. Руководство къ лѣченію внутреннихъ болѣзней. Кн. IX, стр. 351.

Нуссбаумъ, Г. О влияніи душевной деятельности на болѣзневные процессы. Кн. V, стр. 182.

Оппель, В. Лимфангіомы. Патологічно-анатомическое и клиническое изслѣдованіе. Диссертация на степень доктора медицины. Кн. XI, стр. 480.

Панцерь, Г. Женщина. Разборная модель тѣла женщины. Кн. III, стр. 104.

Proust, A. и Ballet, G. Гигиеническое лѣченіе неврастеніи. Кн. III, стр. 104.

Тревесъ, Фредерикъ. Руководство по хирургическимъ операциямъ для учащихся. Пер. съ англ. Кн. XII, стр. 463.

Турнеръ. Руководство къ наложению повязокъ. Кн. IX, стр. 353.

Флери, М. Опытъ душевной гигиены. Физическое и нравственное воспитаніе ребенка. Кн. VII, стр. 260.

Яковенко, Е. Медико-санитарный обзоръ Херсонскаго уѣзда за 1898 годъ. Кн. VII, стр. 259.

Обштейнъ, В. Руководство къ практической медицине. Кн. VII, стр. 259.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Агеенко, В. О медоносныхъ растеніяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйственное значеніе. Кн. III, стр. 106.

Агринскій, К. Русскія народныя премѣты о погодѣ и ихъ значеніе для практической метеорологии и сельского хозяйства. Кн. VII, стр. 258.

Бекетовъ, В. Сборникъ свѣдѣній о сельско-хозяйственному образованіи. Вып. V. Нижнія землемѣрческія и сельско-хозяйственные школы въ Германіи. Кн. XI, стр. 429.

Бертенсонъ, В. По югу Россіи. Сельско-хозяйствен. очеркъ. Кн. V, стр. 184.

Беттнеръ, И. Кустовое плодоводство. Кн. VIII, стр. 299.

Броуновъ, П. О климатѣ и погодѣ. Кн. IX, стр. 428.

Будринъ, П. Данные по культурѣ сельско-хозяйственныхъ растений изъ опытной фермы въ Новой Александрии. Кн. V, стр. 185.

Васильевъ, Н. Какія новые растенія намъ нужно воздѣлывать. Кн. VII, стр. 258.

Ивановъ, Д. О посѣвахъ льна въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Кн. II, стр. 351.

Карамзинъ, Д. Почвознаніе для крестьянъ. Кн. IX, стр. 351.

Кирхнеръ. Молочное хозяйство. Кн. IX, стр. 347.

Колесовъ, А. Природа песковъ и ихъ обильсвіе. Кн. XI, стр. 430.

Котельниковъ, В. Воздѣлываніе простого табака - махорки. Кн. II, стр. 349.

Крюковъ, Н. Норвегія. Сельское хозяйство Норвегіи въ связи съ общимъ развитіемъ страны. Кн. IX, стр. 348.

Мендѣлеевъ, Д. Мысли о развитіи сельско-хозяйственной промышленности. Кн. XI, стр. 428.

Обзоръ дѣятельности министерства земѣлья и государственныхъ имуществъ за 5-й годъ его существованія. Кн. VII, стр. 257.

Осадчій, Т. Земля и земледѣльцы въ юго-западномъ краѣ. Кн. V, стр. 184.

Понсеть де-Сандонъ. Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Кн. VII, стр. 258.

Поповъ, И. Краткій курсъ сельского хозяйства. Кн. VIII, стр. 297.

Практика шелководства. I) О гречѣ II) О коконѣ. Изд. комитета шелководства Москов. общ. сельского хозяйства. Кн. III, стр. 105.

Ромерь, Ф. Катехизис практическаго земледѣлія по Гамму и Шанттеру. Бл. VIII, стр. 298.

Рудзкій, А. Полная энциклопедія русскаго сельского хозяйства и сопрягавшихся съ нимъ наука. Кн. II, стр. 849.

Скворцовъ, А. Экономическіе основы земледѣлія. Кн. XI, стр. 428.

Слезкинъ, П. Сельское хозяйство въ черноземной полосѣ Россіи. Кн. II, стр. 428.

Труды съѣзда хѣтателей по среднему и низшему сельско-хозяйственному обра-

зованию при москов. сельско-хоз. институтѣ въ янв. 1899 г. Кн. VII, стр. 257.
Кижняковъ, В. Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ санитарномъ отношеніи. Кн. IX, стр. 348.
Череповъ, А. Что долженъ знать хозяинъ о молочной коровѣ. Кн. IX, стр. 350.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Баркгаузенъ, Блюмъ, Борисъ. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Г. I. Провѣшиваніе линіи и устройство пути. Пер. Штюремера. Т. II. Верхнее строеніе желѣзныхъ дорогъ. Пер. Богуславскаго, Н. Кн. VII, стр. 260.

Ванковъ, С. Металлическія сваи въ примѣненіи ихъ къ основаніямъ искусственныхъ сооруженій. Кн. X, стр. 395.

Голгоѳскій, А. Механическое ткачество въ примѣненіи къ производству хлопчато-бумажныхъ тканей. Кн. X, стр. 395.

Данилевскій, К. Управляемый летательный аппаратъ. Кн. IX, стр. 354.

Державинъ, А. Изъ исторіи великихъ изобрѣтений. Изобрѣтеніе машины для узорчатаго тканья. Кн. V, стр. 183.

Зефировъ, Е. Къ вопросу о современномъ положеніи высшаго техническаго образования въ Россіи. Кн. X, стр. 394.

Ф.-Меккъ, А. Мореходное образование. Кн. VII, стр. 260.

Обзоръ бакинской нефтяной промышленности въ Грозномъ и Америкѣ. Кн. X, стр. 396.

Саловъ, В. Исторический очеркъ Петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Кн. X, стр. 395.

Фишеръ, В. Краткое руководство по специальной архитектурѣ и инженерному дѣлу. Кн. X, стр. 394.

Tomas, V. Guide pratique de teinture moderne Suivi de l'Art du Teinturier-Dégrasseur. Кн. III, стр. 106.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

А. А. Басни Крылова на спектъ дѣтскаго театра. Кн. IV, стр. 143.

Авенариусъ, В. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ биографической трилогіи „ученические годы Гоголя“. Кн. XI, стр. 433.

Алтаевъ, А. Свѣточіи правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. Кн. II, стр. 67.

Андерсенъ. Сказки. Пер. А. и П. Ганзенъ. Кн. I, стр. 20.

Бернетъ. 1) Маленький лордъ Фаунтърой. 2) Маленькая подвижница. 3) Два дня изъ жизни Пичино. Расск. 4) Сара Кру, Пов. 5) Воръ Эдафи. Расск. Изд.

Лаврова и Попова. „Библиотека нашихъ дѣтей“. Кн. VIII, стр. 301.

В. Ф. В. Миръ въ рассказахъ для дѣтей. Кн. VI, стр. 219.

Виноградовъ, П. Книга для чтенія по истории среднихъ вѣковъ. Кн. II, стр. 69.

Водовоза, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Швейцарцы. Кн. VII, стр. 262.

Гебель, В. Начала прямолинейной тригонометріи и собраніе задачъ для технич. и коммерч. училищъ. Кн. VII, стр. 261.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Золотые колосья. Спасенный и др. рассказы. Кн. VIII, стр. 300.

Гречушкинъ, С. 1) Материалы для изложений и сочинений ученикамъ начальныхъ и двухклассовыхъ училищъ и 2) Планы для письменныхъ изложений и сочинений. Кн. XI, стр. 433.

Гроспичъ. Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ средней учебныхъ заведеній. Кн. XI, стр. 432.

Гутчинсонъ-Стирлингъ, Амелія. Маленькая королева. Повѣсть. Перев. съ англ. Кн. XII, стр. 464.

Додэ, А. Тартарантъ изъ Тараскона. Изд. Лавровой и Поповой: „Библиотека нашихъ дѣтей“. Кн. VIII, стр. 301.

Еремѣевъ, Н. Пьесы для дѣтскаго театра. Кн. II, стр. 67.

Ермиловъ, В. Пособія для учащихся: В. Г. Бѣлинскій. Кн. IV, стр. 141.

— Царь Освободитель и его реформы. Кн. IV, стр. 142.

„Зеленый охотникъ“. Робинъ Гудъ. Съ англ. Кн. XII, стр. 465.

Засодимскій, П. На большой дорогѣ. Расск. Кн. II, стр. 67.

Казанскій, В. Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. Древній міръ. Кн. IV, стр. 140.

Калевала. Финская былина въ пересказѣ И. Борисова. Кн. IV, стр. 143.

Карасевичъ, С. Какъ солнце, луна и звезды поспорили. Кн. VIII, стр. 301.

Комовъ, А. Общая арифметика, опытъ руководства для технич. желѣзно-дорож. училищъ. Кн. VII, стр. 261.

— Стереометрія, учеба элементарной геометріи для извѣшнихъ технич., промышл. и жел.-дор. училищъ. Кн. VII, стр. 261.

Котъ въ сапогахъ. Сказка въ 5 карт. Передѣлка для сценъ Н. Поповъ. Кн. VIII, стр. 301.

Красницкій, А. Слезы. Пов. Кн. VIII, стр. 304.

Кречетовъ, Ю. и Сысоевъ, В. Бѣлочка. Приключения плотички. Кн. II, стр. 66.

Кругловъ, А. Приключенія Мишки Топтыгина. Кн. VIII, стр. 301.

Лаврентьевъ, С. По бѣлу-свѣту. Путешествіе Вани и Сони за границу. Кн. VIII, стр. 299.

- Ломанъ. Царь-Освободитель.** Кн. IV, стр. 142.
- Маленькие герои.** Очерки и рассказы въ перев. А. Н. Рождественской. Кн. XII, стр. 465.
- Мурагова, Е.** Родные картинки. Библиот. „Дѣтскаго Чтенія“. Кн. X, стр. 396.
- Немировичъ - Данченко, Вас.** Что было и что есть. Очерки и рассказы. Кн. I, стр. 20.
- По волѣ Божьей. Раз. и очерки. Кн. II, стр. 62.
- Ниманъ, А.** Питеръ Марицъ. Молодой бург изъ Трансваала. Истор. разск. Кн. VIII, стр. 302.
- Орловскій, С.** Радужное и др. рассказы. Кн. II, стр. 64.
- Плестереръ, А.** Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназий. Кн. XI, стр. 432.
- Полевой, П.** Дѣвичій вѣкъ. Картины изъ быта русской крестьянской девушки. Кн. VIII, стр. 302.
- Поможемъ, чѣмъ можемъ.** Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Кн. II, стр. 66.
- Семеновъ, С.** Въ деревнѣ. Рассказы. Кн. VIII, стр. 300.
- Скворцовъ, Ф.** Изъ-за золота и бриллиантовъ у буровъ. Кн. VII, стр. 262.
- Славникъ, К.** Первоучка. Азбука для самоучекъ и учащихся въ школѣ. Кн. IV, стр. 141.
- Соловьевъ - Несмѣловъ, Н. А.** Мирный завоеватель Іоганнъ Гуттенбергъ. Историческая повѣсть. Кн. XII, стр. 463.
- Сысоевъ, В.** Дѣдъ Миронычъ. Кн. II, стр. 66.
- Френе, Ф.** Сборникъ задачъ по анализу безконечно-мальныхъ. Часть I. Дифференциальное исчисление. Кн. XI, стр. 434.
- Шафровъ, И.** Учебникъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Кн. IV, стр. 140.
- Юревичъ, А.** Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Кн. IV, стр. 141.
- Юринъ, Н.** Въ солнномъ царствѣ. Сказка. Кн. II, стр. 67.
- НАРОДНЫЕ ИЗДАНІЯ.**
- Бэръ, П.** Божій міръ въ бесѣдахъ и картинахъ. Кн. I, стр. 27.
- Г. Р. Рассказы о Польшѣ и Поморье.** Кн. I, стр. 27.
- Книга взрослыхъ.** Первый год обучения. Составлены учительницами воскресной школы при участіи Х. Алчевской. Кн. I, стр. 25.
- Овчинникова, В.** Какъ живут люди. Кн. IV, стр. 143.
- Прохоровъ, А.** Приготовление чайночной пастыни. Изд. для народа Тихомирова. Кн. I, стр. 26.
- Селивановскій, И.** Ложка Рукоходство по выѣзкѣ деревенскихъ жителей. Кн. I, стр. 26.
- Опытные сусальники или лучшіе способы истребленія сусалковъ. Кн. I, стр. 27.
- Сльпцова, М.** Книжка за книжку. Ежемѣсячный журналъ для юношеского и окончившихъ начальную школу. Кн. I, стр. 21.
- Шарковъ, В.** Какъ измѣнить краснокаменское трехполье. Изд. для народа Тихомирова. Кн. I, стр. 26.
- О засухахъ на поляхъ южной Россіи. Кн. I, стр. 26.

**СПРАВОЧНЫЕ КНИГИ.—
КАЛЕНДАРИ.—СВОРНИКИ.**

- Арлянъ, П.** Первый женский календарь на 1900 г. Кн. V, стр. 185.
- Брокгаузъ и Ефронъ.** Энциклопедический словарь. Кн. VIII, стр. 306.
- T. XXX. Кн. XI, стр. 434.
- Гранатъ, А.** Настольный энциклопедический словарь. Четв. изд. Кн. V, стр. 144.
- Долгоруковъ, Г. А.** Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Кн. XII, стр. 466.
- Малый энциклопедический словарь.** Вып. V. Кн. IV, стр. 144.
- Рогожинъ, В.** Указатель къ „Очерку российской библіографіи“ В. Соколова. Кн. VI, стр. 221.
- Юбилейный сборникъ въ честь В. Ф. Миллера.** Кн. IV, стр. 144.
- Южаковъ, К.** Большая энциклопедия. Кн. VIII, стр. 305.
- Baedeker, K.** Egypte. Manuel du voyageur. Кн. I, стр. 28.

Издание редакции журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

находящаяся въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли».

Москва, Б. Никитская, Леонтьевский пер., д. 2.

Библиотека „Русской Мысли“.

- I. Сенкевичъ, Генр. Черезъ стены. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.
- II. Ремезовъ, М. Н. Клеопатра. Картины античнаго мира. Ц. 40 к.
- III. Альбовъ, М. Н. Юбилей. Не совсѣмъ обыкновенная история. Ц. 1 р.
- IV. Баранцевичъ, К. С. Побѣда. На сѣверѣ ликомъ. Ц. 1 р.
- V. Ожешкова, Элиза. Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особый отдѣломъ Учен. Комитета. Министерство Народн. Просв. допущена въ народныя библиотеки и читальни.
- VI. Ремезовъ, М. Н. Иудея и Римъ. Картины античнаго мира. Ц. 50 к.
- VII. Немировичъ - Данченко, Вл. И. Драма за сценой. Ц. 1 р.
- VIII. Корелинъ, М. С., проф. Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особый отдѣломъ Учен.
- IX. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
- X. Ладыженскій, В. Н. Стихотворенія. Ц. 25 к.
- XI. Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Лялька. Ц. 60 к.
- XII. Ожешкова, Элиза. Панна Роза. Великий. Среди цветовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.
- XIII. Ремезовъ, М. Н. По Шлюмберже. Картины жизни Византіи въ Х вѣкѣ. Ц. 50 к.
- XIV. Ремезовъ, М. Н. Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.
- XV. Ремезовъ, М. Н. Эпilogи византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библиотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

- I. Нассе и Лексисъ, В. Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп.
- II. Пере. Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели. Ц. 60 к.
- III. Дюкло. Пастѣрь. Исследованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальнаго, научно-учебныхъ, старшаго возраста, библиотеки среднихъ учебныхъ заведений.
- IV. Бартъ, А. Релгія Индіи. Ц. 1 р.
- V. Гауппъ, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.
- VI. Погожева. Шериданъ. Школа языковъ. Биографический очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ уч-
- VII. Гиро, П., проф. Фюстель де-Кулланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.
- VIII. Дюкло. Пастѣрь. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к.
- IX. Галле, Андре. Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.
- X. Бергло. Наука и нравственность. Ц. 60 к.
- XI. Геккель. Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.
- XII. Делажъ. Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Издание редакции журнала „Русская Мысль“:

- Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирические законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.
- Вурже, Поль. Трагическая идилія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
- Додѣ, Альфонсъ. Портъ-Тараскопъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тарта-
- ренъ). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Его же. Маленький приходъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Женщина. Статья г-жи Элизы Ожешковой, п-те Афонсь Доде, Пардо Базантъ, Лагуры Марголытъ, Карменъ Сильва, Д. Менантъ. Ц. 40 к.
- Козловъ, П. А. Полное собрание сочинений въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдельно по 1 р. 50 к.
- Корелинъ, П. С., проф. Иллюстри-

ТИПО-ЛІТ. ТМ Н.Н. ПУШКІН РЕД. № 200000.

рованные чтения по культурной истории. Вып. I: Египетские боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикийские мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возвр., библ. средн. учебн., заведений мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирийский народъ и его боги - покровители. Ц. 80 к. Вып. V: Кто были наши предки и где они жили. Ц. 30 к.

Мачтеть, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Закалый казакъ. Жиль. Бѣлая Панна. Хамедеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главные течения въ русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренская идилія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни юночка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхоликъ. Ц. 1 р. 50 к. Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотворений русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анненкинъ). Наша полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрихъ. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е, уменьшенное. Третья. Повѣска въ Азии. Яко музыкантъ. Старый слуга Гана. У истокъ. Идиля. Фонарщикъ на крытѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нами. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловиемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ бесплатныхъ народныхъ библиотекахъ и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

- Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеции. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читальни.

- Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

- Камо грядетъ? (Quo vadis). Исторический романъ изъ временъ Народа. Переводъ В. М. Лаврова. Съ пріятѣвіями С. И. Соболевского. 2-е, уменьшенное, Ц. изд. 1 р.

- На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

- Крестоносцы. Исторический романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ двери, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Юніша, Клеменсъ. Сизифъ. Картины деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

журнала „Русская Мысль“.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нами! 2-е изд. Ц. 6 к.

- Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 коп.

- Фонарщикъ на крытѣ и Яко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к. Списокъ книгъ для народныхъ библиотекъ на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библиотека „Русской Мысли“.

Розеггеръ, Петръ. Рассказы. 50 стр. Ц. 15 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. 92 стр. Ц. 20 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. 10 к.

Русские инородцы. А. Максимовъ. 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьнѣй гигиенѣ Д-ра Ф. Л. Кастрюка. Съ рис. и логограммами. Ц. 15 к.

Исполнѣніеѣвѣшкой промышленности (подъ водой Круша). Съ рис. и планомъ. 70 стр. Ц. 15 к.

Народный изданія редакціи

Что такое подать и для чего ихъ собираются? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для бесплатныхъ народ. читальни и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к.

Сенкевичъ. Яко музыкантъ. Ц. 1½ к.

Китай и китайцы. 135 стр. Съ картой. Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Башка. 56 стр. Ц. 10 к.

Эртель, А. И. Офицерша. Подъ шумъ выругъ. 77 стр. Ц. 15 к.

Японія и японцы. 178 стр. Съ картой. Ц. 35 к.

Рассказы Людвига Анценгрубера. 112 стр. Ц. 20 к.

Бытовые очерки. Въ мастерской. А. Данилина. Преступники. П. Хотмыжская. 216 стр. Ц. 40 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кроме народныхъ, пользуются уступкой 10%.

ТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1901 ГОДЬ

(32-й годъ издания)

еженедѣльный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

о многими [приложениями].

НИВА.

Гр. подпісчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1901 года:

No No

художественно-литературного журнала „НИВА“ (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въnumерахъ журнала, между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанные посмертные произведения

ГРИГОРОВИЧА: „Очерки Венеции“ и „Изъ записной книжки“ (характеристика выдающихся современниковъ русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ, картъ и пр. подъ заглавиемъ: Х ВѢКЪ. Эти статьи дадутъ читателю полную картину жизни истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

ТОМА Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,
ІІІ. СОБРАНІЯ
ОЧИНЕНІЙ

ортретомъ, факсимиле и биографическіе очеркіемъ.—Полное собраніе соч. Г. П. Данилевскаго, столпшее въ отдѣльной продажѣ 15 руб., будетъ отпечатано на хорошо прорвированной бумагѣ и будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1901 года заглавіемъ „Сборника Нивы“, въ 24 томахъ — по два тома въ мѣсяцъ, такъ что Сборникъ Нивы 1901 года по количеству материала для чтенія значительно превзойдетъ „Сборники“ всѣхъ прошлыхъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только иупитѣшіе изъ произведений Данилевскаго: I. РОМАНЫ: Бѣглые въ Новороссіи, въ 2 част. 2) „Воля“, въ 2 ч. 3) „Новый мѣста“, въ 2 ч. Девятый валъ, въ 3 ч. 5) „Мироначъ“, въ 3 ч., 6) „Черный годъ“, въ 3 ч. Восемьсотъ двадцать пятый годъ“ (отрывки).—II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ: 8) „На Индію Петра I“, въ 2 ч. 9) „Княжна Тараканова“, въ 2 ч. 10) „Потемкинъ на Дунаѣ“. „Сожженная Москва“, въ 2 ч.—III. ИСТОРИЧ. ПОВѢСТЬ: 12) „Уманьская рѣзня“.—ПОВѢСТЬ: 13) „Не вытащовалось“, въ 2 ч.—Затѣмъ слѣдуетъ множество V. РАЗВѢЗЪ и ОЧЕРКОВЪ, отдѣльныхъ или подъ общими заглавіями, наприм.: „Семейная книга“, „Слобожане“, „Святочные вечера“, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „раннія старинъ“ и проч.—VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—VII. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ.—DRAMЫ ШЕКСПИРА: „Цимбелинъ“ и „Жизнь и смерть короля Ричарда Третьаго“.

Переводы.—IX. МЕЛКІЯ СТАТЬИ и пр., и пр.

? КНИГЪ «ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ», содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя и критическіе статьи и проч. современныхъ авторовъ.

? No No „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

? ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпилѣнныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТВІННОЙ КАЛЕНДАРЪ“ на 1901 г., печатанный красками.

ПОДПІСНАЯ ЦІНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: Безъ доставки: въ С.-Петербургѣ — 50 руб. 50 коп. 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковѣ (Петровскій линій) — 6 руб. 25 коп. 3) въ Одесѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Рицерская, № 12) — 6 руб. 50 коп.—Съ доставкой въ С.-Петербургѣ — 6 руб. 50 коп. пересыпкой во всѣ мѣстности Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Требованія просить адресовать: въ С.-Петербургѣ, въ Главную Контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

Открыта подписка на 1901 годъ на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Первое въ Россіи, общедоступное, ежемѣсячное иллюстрированное историческое изданіе, посвященное ознакомленію русского общества съ общимъ ходомъ исторіи отъ точки зренія идеи прогресса.

ВЪ ЖУРНАЛЪ УЧАСТВУЮТЪ: Н. П. Аксаковъ, В. А. Апушкинъ, К. И. Арсеньевъ, кн. В. В. Барятинскій, В. Ф. Ботянинскій, кн. Д. П. Голицынъ (Муравіцкій), М. В. Головинскій, проф. А. Х. Гольмстенъ, В. М. Гривовскій, И. А. Гриммъ, академикъ И. Н. Ждановъ, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, проф. И. И. Ивановъ, проф. гр. Л. А. Камаровскій, проф. А. А. Кизеветтеръ, проф. А. И. Киркевичъ, Д. Ф. Кобеко, проф. П. И. Ковалевскій, проф. Н. М. Коркуновъ, Госсубин-Брун (тек. японскаго языка петер. унів.), проф. Н. П. Лихачевъ, С. В. Любимовъ, М. Я. Мазаевъ, А. А. Мироновъ, Д. Я. Мордовцевъ, И. С. Морозовъ, К. В. Назаревъ, Ф. К. Несслуховскій, В. Н. Никитинъ, Н. К. Никифоровъ, В. П. Панаевъ, про-хл. В. Н. Поретцъ, проф. С. Ф. Платоновъ, проф. Э. Л. Радловъ, проф. М. А. Рѣ-снеръ, В. Я. Свѣтловъ, проф. Н. И. Стороженко, А. П. Субботинъ, А. Е. Сур-цовъ, Я. Г. Сѣверскій, А. В. Тавастшерна (Сандръ), К. А. Тешовъ, проф. А. С. Трачевскій, П. А. Шафрановъ, А. Ф. Шидловскій, Н. К. Шильдеръ, проф. И. А. Шляпкинъ, Н. К. Ядрышевъ, З. Ю. Яковлева, И. И. Ясинскій (Максимъ Бал-скій) и др.

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: „На рубежѣ XIX вѣка“—изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего вѣка; „Двадцатый вѣкъ въ исторіи наро-довъ Европы“—ближайшему историческому прошлому; „Страницы прошлаго“—макеты истор. фактовъ и курьезамъ; „Изъ области археологии“—наиболѣе выдающіеся фрагменты въ этой области и „Литературная лѣтопись“—ежемѣсячн. обзору русск. и иност. журналовъ и нов. книгъ по исторіи Франціи, Германіи, Англіи, Италии и Греціи и въ исторіи восточныхъ народовъ.

ИСТОР. БЕЛЛЕТРИСТ. ПРОИЗВЕДЕНИЯ Д. Я. Мордовцева, кн. Д. П. Голицынъ (Муравіцкій), В. М. Гривовскаго, В. Н. Никитина, В. П. Лебедева, К. А. Тешова—„Изувѣтка“ историческая повѣсть изъ деревне-русской жизни, истор. романъ пыльного Гверации—„Беатриче Ченчи“ и мн. др. съ декабря начнется печатаніе историч. романъ В. Я. Свѣтлова, подъ названіемъ „Венецианская Лагуна“, рисуны интересную картину сошений древней Руси съ Западной Европой.

ВЪ ПРИЛОЖЕНИИ (съ особымъ номеромъ страницы): Библиотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы, „Исторія финскаго народа“ Шелберсону, въ излож. Н. К. Ядрышева и М. В. Головинскаго, и „Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ“, „Послѣдній афинянинъ“ исторический романъ Рюдберга изъ времента Юліана Отступника.

Первая книга за 1901 годъ выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Журналъ выходитъ въ объемѣ 18—20 печатныхъ листовъ въ книжкѣ.

НОВЫЕ ГОДОВЫЕ подписчики на журналъ получать въ бесплатное прилож-
еніе или иностранній романъ В. Я. Свѣтлова „Дарь слезъ“, или „Исторію под-
скаго народа“ В. Смоленскаго, или романъ „Торжество силы“ Поля Адама.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкою и пересыпкою 8 руб., на колесо
3 руб. и за границу 9 руб.

Подписку принимаютъ все книгоиздатели.

Контора и редакція на Милліонной улицѣ, домъ № 84, С.-Пе-
тербургъ.

Редакторъ-издатель С. С. Сухотинъ

Открыта подписка на 1901 г. (VIII г. издания)

на еженедельный иллюстрированный экономический и сельскохозяйственный журналъ

ХОЗЯЙСТВО

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Подписчики въ 1901 году получать бесплатно слѣдующія 6 „Книжекъ Хозяина“:

1. Земство, какъ органъ сельскохозяйственной жизни.

Г. Земского.

2. Культура масличныхъ и волокнистыхъ растеній. Д-ра

Бломеиера. Содержаніе: рапсъ, сурѣпица, рижикъ, макъ, подсолнечникъ и др.

зъ, конопля, крапива. 17 рисунковъ.

3. Выращивание скота и уходъ за нимъ. Проф. Штеерта. Пер-

ві. М. Н. Грюнера. Содержаніе: наслѣдственность и подборъ, выборъ производи-

телей, уходъ за ними, течка, спаривание, уходъ за стельными, выкidyши, роды и

помощь при нихъ, питание теленка, отнятие отъ вымени, кастрація быковъ и коровъ.

уходъ за крупными рогат. скотомъ. Общія правила. Специальные правила. Подборъ

коровьихъ животныхъ, уходъ за кожей и копытами, помѣщеніе, пастбища, вредные

шанія погоды, пойло и кормленіе, доеніе, запряжка. 128 рисунковъ.

4. Примѣненіе искусственныхъ удобрений. Д-ра П. Ванкера.

одержаніе: Необходимы для растеній вещества. Вещества для удобрений почвы.

словія примѣнимости искусства. удобрений. Определеніе потребности данной почвы

у удобрений. Полевые и вегетационные опыты. Данные изъ которыхъ полевыхъ опы-

тъ. Фосфорокислия, калийныя, азотокислия удобрения. Удобрения для различныхъ

культуръ. Организационный планъ удобрений съвооборота.

5. Сельскохозяйственные постройки. М. Ринтельмана. Съ допол-

неніями гражданск. инжен. Э. Г. Перримонда. Содержаніе: жилыя помѣщенія для

животныхъ, принадлежности построект для животныхъ, помѣщенія для сохраненія

зѣ.-хоз. продуктовъ, общее расположение усадебъ. 250 рисунковъ.

6. Сельскохозяйственное счетоводство.

въ 1900 г., между прочимъ, были помѣщены статьи: И. И. Абазина, проф. С. М. Бог-

знова, проф. А. И. Воейкова, И. М. Кабештова, проф. П. С. Коссовича, Пав. Ив.

евидскаго, П. А. Пахомова, проф. Д. Н. Прянишникова, А. А. Радцига, И. О. Ша-

илова, проф. И. О. Широкихъ и др. Въ каждомъ номерѣ: передовая статья—рех.,

зоры сельскохоз. дѣятельн. земства—В. Г. Земского, обзоры научно-хоз. литер.—

М. А. Энгельгардта.

На годъ 8 р., на полгода 8 р. съ перес. Разсрочка по 1 р. въ первые 6 мѣс.

ед. А. П. Мартыново. Петербургъ, Невскій, 92. Изд. И. А. Машковцевъ.

„ВРАЧЪ“.

‘азета, посвященная всѣмъ вопросамъ врачебной науки (клиники и гигіиіы) и вра-
ебного быта, будетъ выходить и въ 1901 по той же программѣ, въ томъ же объе-
мѣ и подъ тою же редакціей (бышаго профессора В. А. Манассеина), что и въ
первые 21 годъ своего существованія.

Подписанная цѣна за годъ 9 рублей, за $1\frac{1}{2}$ года 4 руб. 50 коп. и за $1\frac{1}{4}$
ода 2 руб. 25 коп.

Подпись принимается у издательницы О. А. Риккерт. Петербургъ, Невскій, 14, кни-
жный магазинъ К. Л. Риккера. Исключительно къ ней же слѣдуетъ обращаться и по
всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ издания.

**ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА
„Иллюстрированную Библиотеку Нивы“ на 1901 г.**

въ составъ которой войдетъ **РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАНН. ИЗДАНИЕ in folio:**
„ПОХОЖДЕНИЯ ЧИЧИКОВА или МЕРТВЫЯ ДУША“

пoзма Н. В. ГОГОЛЯ, въ 2-хъ частяхъ.

Съ 355 иллюстрациями, 10 геллогравюрами и портретомъ Н. В. Гоголя на титлѣ.
Издание выйдетъ въ теченіе 1901 г. въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ.

Кому изъ насъ не дорого имъ Гоголя! Какому русскому сердцу не близко любое изъ его произведеній и не присуще желаніе видѣть произведеніе Гоголя а въ особенности его „МЕРТВЫЯ ДУША“ въ такомъ роскошномъ и художественномъ изданіи, которое своими витѣшними достоинствами соотвѣтствовало бы выстроинѣ красотамъ великаго творенія и не уступало бы тѣмъ превосходимыи иностраннымъ изданіямъ, которыми Европа давно сумѣла почтить память ее великихъ писателей!

Удовлетворяя этому общему желанію, мы и рѣшили выпустить превосходное изданіе нынѣ роскошное, богато иллюстрированное изданіе „Мертвыхъ Душъ“. Въ немъ читатель найдетъ обширную галерею типовъ, цѣлую серию пейзажей, видовъ средней полосы Россіи, вереницу реальныхъ бытовыхъ сценъ въ тонахъ подглаженныхъ художникомъ типичныхъ чертъ русской жизни первой половины минувшаго столѣтія,—однимъ словомъ, цѣлую художественную поэму, дорисовывающую въ глядно выясняющую намъ образы поэмъ Гоголя.

Создать представляемое нашими изданіемъ чрезвычайно сложное и разнообразное цѣлое было бы не подъ силу одному художнику,—и это достигнуто было только благодаря соединенію усилий многихъ талантливыхъ художниковъ, имена: Андреевъ, Аeonасьевъ, Бажинъ, Быстренинъ, Далькевичъ, Козаческій, Маньковскій, Пироговъ, Самокишъ-Судковская, Соломко и Херсановъ,—которые, подъ общимъ руководствомъ П. П. Гидича, въ теченіе пяти лѣтъ работали надъ выполнениемъ этой трудной задачи, каждый соотвѣтственно характеру и средствамъ своего таланта.

Сознавая всю трудность и отвѣтственность нашей задачи, мы старались выполнять ее возможно совершенѣе,—какъ по художественнымъ достоинствамъ иллюстрацій и ихъ воспроизведенію, такъ и по роскошной витѣшности изданія (въ отношеніи бумаги и печати), и надѣемся, что изданіе наше будетъ встрѣченъ всебѣднымъ сочувствіемъ, а благодаря умѣренної цѣнѣ и льготными условіями разсрочки—явится доступнымъ для всѣхъ читателей Гоголя.

Подписанная цѣна на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одностороннему выпуску въ мѣсяцъ. Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—12 р.; 2) въ Москвѣ въ конторѣ Н. Печковской (Петровская линія) и въ Одессѣ, въ книжн. магазинѣ „Образование“ (Ришельевская, № 12)—18 р. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи—14 руб. Съ пересылкой за границу—16 руб. Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Первый выпускъ „Мертвыхъ Душъ“, для ознакомленія съ изданіемъ, продаётся отдельно за 1 р. съ перес. (можно пересоединить или почтой, марками въ заказныхъ письмахъ). Лица, выписавшія первый выпускъ, могутъ поддержаться на всѣ изданіе со 2-го выпуска, уплачивая менѣе на 1 руб. Остальные выпуски отдельно не продаются, и изданіе, по подписанѣ, съ наложенными платежами и въ переплѣтѣ не высыпаются.

Иллюстрированное объявление съ подписаніемъ, украшенное иконами гравюрки, подробн. условіями подписанія и разсрочки платежа, выдается и высыпается безплатно. Требованія и деньги адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, въ СПб., М. Морска, № 2.

ВѢСТИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ

и

4-й годъ.**Элементарной математики.****14-й годъ.**

ходить 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей профессора В. А. Циммермана.

Предыдущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр для гим. к. и жен., реальн. уч., прогим., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главнымъ прав. Воен.-Уч. Зав.—для воен.-уч. заведений. №№ 1—48 одобрены Уч. Ком. при Синодѣ для дух. семян. и училищъ.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященные вопросамъ преподаванія математики и физики. Научн. хроника. Разныя известія. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упражн. для учениковъ. Библиограф. отдѣлъ: обзоръ остранныхъ журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Объявленія.

Статьи составляются въ такой мѣрѣ популярно, въ какой это возможно безъ єрба для научной стороны дѣла. Статьи, посвященные педагогическимъ вопросамъ, ють главной цѣлью обмѣнъ между преподавателемъ по различнымъ просамъ преподаванія елемен. мат. и физики. Въ отдѣлѣ „Научн. хроника“ помѣщаются рефераты о важнѣйшихъ научн. работахъ, отчеты о съѣздахъ, конгрессахъ т. п. Въ отдѣлѣ „Разныя известія“ помѣщаются свѣдѣнія о текущихъ событияхъ въ зви различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Помѣщаются въ журнале задачи ляется на дѣлѣ категоріи: болѣе легкія, доступныя хорошему ученику, и болѣе трудные, требующія большой подготовки. Отъ времени до времени предлагаются задачи и мы на премію.

Подписанная цѣна съ пересылкой за годъ 6 руб., за полугодіе 3 руб. Учителя и ительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся при посредственнихъ скопленіяхъ отъ которой редакціи платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб.

Пробный номеръ высылается бесплатно по первому требованію.

Адресъ для корреспонденцій: Одесса, въ редакцію Вѣстника Опытной Физики.

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.

(38-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПОДПИСКА НА 1901 Г.

Въ Москвѣ	На города	За границу
съ доставкой:	съ пересылкой:	съ пересылкой:
12 мѣсяцевъ 10 р.—к.	на 12 мѣсяцевъ 11 р.—к.	на 12 мѣсяцевъ 18 р.—к.
6 " 5 " 50 "	6 " 6 " 50 "	6 " 9 " —
3 " 3 " — "	3 " 3 " 50 "	3 " 4 " 80 "
1 " 1 " — "	1 " 1 " 20 "	1 " 1 " 90 "

„Русскія Вѣдомости“ выходятъ ежедневно, не исключая дней послѣ праздничныхъ ставъ.

Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственного обращенія къ конторѣ газеты, а не черезъ книжные магазины:

Для иногороднихъ: а) при подпискѣ 6 р. къ 1-му июня 5 р. или б) при подпискѣ р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р.; в) при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 8 р., къ 1-му июня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

Для городскихъ: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му марта 3 руб., къ 1-му июня 2 р., къ 1-му октября 2 руб. Въ случаѣ невозноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка засыпается.

Гг. служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, чрезъ посредство и за поручительствомъ казначеевъ, потребительскихъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату вѣсично не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благоволять обращаться съ требованиями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскіхъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевский пер., д. № 7.

Открыта подписка на 1901 годъ (второй годъ издания)

на научно-общественный журналъ безъ предварительной цензуры

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

посвященный экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, земскому и городскому самоуправлению.

Редакторъ-издатель проф. Л. В. Ходской.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Ямская ул., 30.

Программа журнала: I. Оригинальные и переводные статьи. II. Изъ экономической жизни иностранныхъ государствъ. III. Городское хозяйство. IV. Земское хозяйство. V. Внутреннее экономическое обозрѣніе. VI. Разныя замѣтки и сѣдѣнія. VII. Литература и библиографія. VIII. Статистика. IX. Хроника экономического законодательства. X. Почтовый ящикъ (вопросы подписчиковъ, отвѣты на нихъ и извѣшченія редакціи). XI. Объявленія. Журналъ выходитъ книжками, не менѣе 10 листовъ, ежемѣсячно, кроме двухъ гѣнтахъ мѣсяцевъ.

Подписная плата съ доставкою и пересыпкою въ предѣлахъ Имперіи въ годъ 10 р., за гравицу—12 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., оставляемъ деньги къ маю мѣсяцу. Подписываться можно во всѣхъ значительныхъ книжныхъ лавкахъ. Книгопродавцамъ комиссіонная уступка 5%.

Приимчаніе. Подписчики на 1901 г. могутъ при подпискѣ получать вѣсъ вышедшихъ книгъ за 1900 г., уплачивая при подпискѣ 10 р. и къ 1 маю 1901 г. 6 р., или всего и оба года 16 р. съ дост. и перес. (Количество экземпляровъ 1900 г. ограничено.)

Преподаватели, студенты, лица, служащія по земскому и городскому управлѣнію, а также въ учрежденіяхъ финансового вѣдомства, гос. контроля и т. п., по заявленію при заявлѣніи конторы, могутъ пользоваться уступкою 20%.

Въ вышедшихъ книжкахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица: П. Берлинъ, В. В., П. А. Вихляевъ, П. Головачевъ, И. А. Голубевъ, прав.-доц. И. М. Гольштейнъ, А. В. Еропкинъ, проф. В. Ф. Залѣский, А. Н. Котельниковъ, Н. А. Крыловъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. В. Ф. Левитскій, В. И. Мавоцковъ, проф. А. Н. Милютинъ, М. В. Неручиневъ, А. Ф. Одарченко, П. Ф. Одарченко, А. А. Радигъ, Г. Садовскій, В. Сагитовъ 2-й, В. Ю. Скалонъ, Старый профессоръ, В. Ф. Тотоміанъ, проф. А. Ф. Фортунъ, проф. И. В. Ходской, проф. Н. М. Цытовичъ, Г. И. Шрейдеръ, Ф. А. Шербина и др.

За напечатаніе при журнальныхъ объявленіяхъ взимается: за одну страницу 20 руб. $\frac{1}{2}$ стр. 10 руб., $\frac{1}{4}$ стр. 5 руб., $\frac{1}{8}$ стр. 2 руб. 50 к. При повторныхъ публикаціяхъ а равно для подписчиковъ на журналъ, дѣлается 30% уступки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ

на 1901 годъ (одиннадцатый годъ издания).

ВЫХОДИТЬ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для иногороднихъ: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Тобольскѣ: въ конторѣ редакціи (на горѣ Большой ул., д. М. М Емельяновой); въ Епархиальной типографіи; въ антикваріескомъ магазинѣ Ф. В. Дементьевъ; въ помѣщеніи „Народной аудиторіи“ у А. М. Сакко въ магазинѣ Д. И. Голова-Лебедева. Въ Тюменѣ: въ книжномъ магазинѣ „Полы“. Въ Курганѣ: въ книжномъ магазинѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Омскѣ: въ книжномъ складѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Томскѣ: въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. Въ Барнаулѣ: въ магазинѣ М. И. Вершинина. Въ Каменскѣ: у нотаріуса И. С. Мягковичъ-Волского. Въ Красногорѣ: А. В. Пихтина, уголъ Почтамтской и Басинской, д. Швецовой и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. Въ Екатеринбургѣ: въ библиотекѣ М. А. Водинникова, Благовѣщенская ул., и въ библиотекѣ Шабарова.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ, Редакція «Сибирскаго Листка».

Редакторъ-издательница М. Н. Костюрина.

ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ
,ПРИЛОЖЕНИЕ“

КЪ ВЯТСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

здаваемую по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по общественнымъ
 просамъ. 2) Телеграммы. 3) Внутренняя извѣстія. 4) Хроника. 5) Городская жизнь.
 Судебная хроника. 7) Заграничные извѣстія. 8) Научные извѣстія. 9) Объявленія.

Газета выходит по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная цѣна на газету съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 5
 р., на полгода—3 р., на 2 мѣсяца—1 р., на 1 мѣсяц—50 к.

Для учителей и учительниц начальныхъ училищъ цѣна газеты съ доставкой и
 пересылкой 3 руб. въ годъ

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ:

за послѣдней страницѣ за строку газетного шрифта 1 разъ—8 к., 2 раза—15 коп.,
 раза—18 к. и за каждую строку болѣе 3 разъ—5 к.; при заказѣ на сумму свыше
 1 р.—скидка 25%, на первой страницѣ—плата удваивается, а скидка при заказѣ
 на сумму свыше 10 р. дѣлается также въ размѣрѣ 25%.

Подписка принимается въ Вяткѣ, въ редакціи *Приложения* (зд. Губернскаго прав-
 енія), въ земскомъ книжномъ складѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣлениа газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Златоустѣ,
 Арапуѣ, Уржумѣ, Нолинскѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Малмыжѣ, Елабугѣ, Гла-
 зовѣ, Яранскѣ и Орловѣ.

Редакторъ Н. Озеровъ.

Открыта подписка на 1901 годъ
 на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету, издаваемую безъ предварительной цензуры,

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XIII годъ изданія).

Въ 1900 году количество читателей газеты достигло до 40,000 ежедневно, что
 должно служить лучшимъ доказательствомъ достоинствъ самой газеты.

Возможная новизна и свѣжесть всѣхъ извѣстій, краткость и ясность изложения
 при обширности предлагаемаго для чтенія материала составляетъ отличительную черту
 особенности нашей газеты. Всѣ новости административной жизни Петербурга со-
 бщаются по междугородному телефону и помѣщаются въ „Русскомъ Листокѣ“ одно-
 временно съ петербургскими газетами.

Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ помѣщаются въ „Русскомъ Листокѣ“
 выше другихъ изданій, подробности о сраженіяхъ были помѣщены отъ своихъ кор-
 респондентовъ. Свои же корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи, а
 также за границей — въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Нью-Йоркѣ и пр., а во
 всѣхъ важныхъ случаяхъ командируются специальные корреспонденты.

Ежедневно въ фельтонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія
 и научныя статьи.

Еженедѣльно даются художественные иллюстрированные приложения съ рисунками
 къ событиямъ дня, портретами, картами, модами и т. п.

Въ наступающемъ году будутъ въ изданіи введены еще многія значительныя
 улучшения съ цѣлью поставить „Русский Листокъ“ наравнѣ съ лучшими иностранными
 изданіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—
 1 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р. 30 к., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—1 р. 70 к.,
 на 1 мѣс.—90 к.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р. и къ 1 июля—
 3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апреля—3 р. и къ 1 июля—2 р.

Адресъ главной конторы: Москва, Мясницкая, д. № 20.

Свои отдѣлениа: въ Москве, Петербургѣ, Туле, Калугѣ и Рязани.

Редакторъ-издатель Н. Л. Казецкій.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГЪ.

Изобрѣтенія полков. Малиновскаго. Спеціальная мастерская С. К. Акимовой. Москва, Плющиха, соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

наисильнѣйшаго свѣта АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА,
годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за 20 к. марк.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

ФОНОГРАФЫ И ГРАММОФОНЫ,

пѣніе и музыка для народныхъ чтеній и домашняго развлеченія. Исполненіе вполнѣ отчетливое и громкое. Много №№ нотъ. Прейскурантъ за 4 к. марк.

ПО СЛУЧАЮ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ДѢЛА

контора, редакція и складъ художественныхъ изданій журнала

ИСКУССТВО

и

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

переводится въ декабрь изъ нынѣшняго тѣснаго помѣщенія (Мойка 83, кв. 1) въ болѣе просторное: Почтамтская, 13, кв. 6 (въ Спб.).

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

№ 1-й новаго года изданія ($3\frac{3}{4}$ печ. листа текста съ 18-ю синими ками, изъ которыхъ 2 воспроизведены фототипіей и 2 въ краскахъ вышелъ въ свѣтъ; № 2-й выйдетъ около 20 декабря; № 3-й—около 10 января; № 4-й—30 числа того же мѣсяца; затѣмъ послѣдующіе №№ будутъ выходить 20 числа каждого мѣсяца, а «Хроника»—въ первыхъ и послѣднихъ числахъ.

Цѣна въ годъ: 10 р. съ дост. и перес.; въ отд. продажъ по 1 р. съ перес. по 1 р. 50 к. за выпускъ.

Открыта подписка на 1901 г. (изд. XVI г.)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

рублей безъ доставки.

рублей съ достав. и перес.

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

изданіе П. П. Сойкина

подъ редакціею

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

отца Іоанна Кронштадтскаго.

Русскій паломникъ представляетъ собою единствен-
наго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразию
и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло срав-
нить съ лучшими отечественными изданіями. Одобрѣнъ всѣми вѣдомствами.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1901 года ПОЛУЧАТЬ:

52 иллюстрированныхъ №№. Каждый
номеръ въ размѣрѣ 16 страницъ, съ рис. изъ исторіи русского на-
рода и русской правосл. церкви. **12** ежемѣсячныхъ книгъ, каждая объемъ 180—
240 стр., заключающихся въ себѣ: исто-
рические повѣстіи и рассказы, описание
святынь и т. п.

И КРОМЪ ТОГО, БУДЕТЪ ВЫДАНО, БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,

ПОРТРЕТЪ

Отца Іоанна Кронштадтскаго,

исполненный на металль, въ 12 красокъ, размѣромъ $5\frac{1}{2} \times 7$ верш. въ рельефной
ovalной рамѣ.

ВЪ 12 КНИЖКАХЪ

РУССКАГО ПАЛОМНИКА

будетъ дано:

1) Рассказы и черты изъ жизни русскихъ императоровъ, императрицъ и великихъ князей (съ портретами и рисунками). Составилъ И. В. Преображенский.

2) Небесами побѣжденные. Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ. А. И. Лаврова.

3) Судьбы православія въ Приморскіемъ краѣ. Историко-этнографический очеркъ. Прот. И. Бѣлова.

4) Въ дали вѣковъ. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. А. И. Лаврова.

5) Царскій духовникъ. Историческая повѣсть. В. П. Лебедева.

6) Алипій изъ Тагасты. Повѣсть изъ исто-
рии церкви IV вѣка.

7) Жестокое испытаніе. Бытовая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. А. И. Красницкаго.

8) и 9) По евангельскимъ слѣдамъ. Картины изъ земной жизни Спасителя. Л. Шнейдера.

10) Милости Божіи надъ царями и прави-
телями земли русской. Н. В. Мягкова.

11) Сыны Ары. Повѣсть изъ исторіи борь-
бы съ аріанствомъ запада. Гено.

12) Великий страдалецъ. Историческая
повѣсть. В. П. Лебедева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ *Русскій Паломникъ* безъ до-
ставки въ Спб. 5 р. Съ доставкой и пересылкой
во всѣ города Россійской имперіи ШЕСТЬ руб. За границу 8 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 июля
остальные.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, соб. домъ.

Годъ 3-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

Годъ 3-й

КЛИНИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

Клинический Журналъ выходит ежемѣсячно въ объемѣ 6 листовъ. Онъ въсъщенье, главнымъ образомъ, интересамъ практической медицины и заключаетъ въ себѣ:

I. Оригинальные статьи, клиническая лекція — изъ области внутреннихъ болѣзней и другихъ пограничныхъ, смежныхъ областей медицины.

II. Рефераты-обзоры. Изъ русскихъ и всѣхъ главныхъ иностраннѣхъ журналовъ реферируются лишь наиболѣе важныя работы, представляющія клиническій интерес, но рефераты эти составляются настолько подробно, что могутъ для практическаго врача замѣнить вполнѣ чтеніе оригиналныхъ статей; они группируются въ видѣ систематическихъ обзоровъ литературы по избраннымъ вопросамъ практической медицины, причемъ главнымъ образомъ имѣются въ виду болѣзни внутреннихъ органовъ и связь ихъ со всѣми другими областями медицины. Въ терапевтическомъ отдѣлѣ журнала, кроме обзоръ новыхъ лѣчебныхъ средствъ и новыхъ способовъ лѣченій, большое мѣсто отводится диететикѣ, физическими методами лѣчения, бальнеологіи, климатологіи, также хирургическому лѣченію внутреннихъ болѣзней.

III. Библиографія. Анализъ важнѣшихъ сочиненій изъ области клинической медицины.—Ежемѣсячные систематические обзоры періодической медицинской печати. Подробные именные и предметные указатели къ этимъ обзорамъ (2 раза въ годъ) даютъ возможность пользоваться ими какъ справочными указателями всѣхъ работъ, появившихся во всѣхъ русскихъ журналахъ.

IV. Смѣсь.—V. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА Клиническаго Журнала съ доставкой или пересыпкой въ Россіи: 8 руб. въ годъ и 8 руб. за полгода; за границу 8 руб. въ годъ и 4 руб. за полгода.

Подписька примѣняется въ редакціи Клиническаго Журнала—Москвѣ Знаменка, домъ Баклановой, кв. № 2 д-ра Воробѣева, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель прив.-дол. В. А. Воробѣевъ.

ЛИТЕРАТУРНАЯ, НАУЧНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ЗАПАДЪ“

ВЫХОДИТЬ СЪ 1-ГО (14-ГО) ОКТЯБРЯ 1900 Г. ВЪ БЕРЛИНѢ
ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТИИ

ВЫДАЮЩИХСЯ РУССКИХЪ И НѢМЕЦКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ И ПУБЛИШИСТОВЪ.

Редакція газеты „ЗАПАДЪ“ беретъ на себя труда созданія въ Берлинѣ, какъ въ ближайшемъ къ Россіи крупномъ центрѣ, нового передового органа печати на русскомъ языке и полагаетъ, что profession de foi газеты достаточно ярко выражено словомъ, стоящимъ въ заголовкѣ ея. Согласно идеѣ, положенной въ основу езды видное мѣсто въ программѣ ея, соответствующей обширной программѣ большинства русскихъ газетъ, отведено будетъ ознакомленію русской читающей публики съ результатами многовѣковаго опыта, накопившагося въ европейской Западѣ, поскольку это выражаются въ современной политической, экономической, научной, общественной и художественной жизни западно-европейскихъ государствъ. Фактъ издания газеты въ центрѣ Германіи самъ по себѣ благопріятствуетъ возможності полной разработки этого просовъ, выдвинутыхъ въ настоящее время на первую очередь народомъ поэты и мыслителей. Заручившись сотрудничествомъ блестящихъ представителей какъ русской такъ и нѣмецкой литературы и публицистики, редакція надѣется складывать свое изданіе также и существеннымъ факторомъ въ дѣлѣ сближенія русского народа съ немецкимъ, какъ съ носителемъ высокоразвитой культуры.

Подписька цѣна съ доставкой и пересыпкой:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ.
Въ Россіи	1 руб.	2½ руб.	5 руб.	10 руб.
въ Германіи	1 мар.	2½ мар.	5 мар.	10 мар.
Всюду за границей	3 фр.	7½ фр.	15 фр.	30 фр.

Главная контора и редакція:
«Zapad», Berlin W., Friedbergstr. 34.

ышла декабрьская книжка 1900 года (№ 12) ежемесячного иллюстрированного журнала для детей школьного возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНИЕ

и

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Тридцать второй годъ изданія.

Содержание декабрьской книжки (№ 12) „Дѣтскаго Чтенія“ 1900 года.

Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Портретъ на отдельномъ листѣ. II. Конецъ войны. Рассказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. Съ рисункомъ художника В. В. Спасскаго. III. Частливая страна. Недѣля въ Санть-Марино. Гл. VII—IX. Вас. И. Немировича-Данченко. IV. Бѣлая Цапля. Сказка. Н. Д. Телешова. Съ тремя рисунками художницы Е. А. Телешевой. V. Я измѣнилъ родныхъ снѣгамъ... Стих. В. Ракитина. VI. Обезьяняка Жекъ. Гл. XV и XVI. С. В. Зенченко. VII. Осенняя сказка. Поэма. Мих. Свободина. VIII. Павлушка-комедіантъ. Рассказъ. Шторма. Окончаніе. Съ нѣмецкаго. Л. В. Горбуновой. IX. Погодинъ. Очеркъ. Иль. Иванова. X. Смерть Андрея Боголюбскаго. Отрывокъ изъ историческихъ сочинений М. П. Пономаря. XI. Степи. IV. Ноябрь. Очеркъ. Н. А. Александрова. Съ рисункомъ художника А. А. Кучеренко. XII. Заряги. Гл. VIII—X. М. Н. Коваленскую. Съ картой и двумя рисунками. XIII. Взятие помощь въ мірѣ животныхъ. М. Н. Слѣпцовой. Съ шестнадцатыи рисунками. XIV. Изъ современной русской жизни.—Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Е. Т. XV. Страннички изъ жизни нашихъ сосѣдей.—Земледѣліе, промышленность и торговля въ Китаѣ.—Самоубійство изъ мести въ Китаѣ.—Китайская игра. Е. Т. Съ рисункомъ. XVI. Страннички изъ литературы и жизни.—Спиридонъ-солноворотъ.—Рождество Христово.—Святки Наполеона I.—Рождественский обѣдъ миссисъ Рислей.—Рождественская гость пастора. XVII. По былу-свѣту. . . На дальний Востокъ*. XXIV. По Амуру до Хабаровска.—XXV. Хабаровскъ.—XXVI. Уссурійская дорога.—Къ Тихому океану.—XXV. Владивостокъ. С. Бродовича. Съ тремя рисунками. XVIII. Смѣхъ не грѣхъ. XIX. Рѣшенія. XX. Объявленія. XXI. Отдельные рисунки: 1) Всѣмъ хватить. (Стр. 450). 2) Бабушкины сказки. (Стр. 528).

Содержание восьмой книжки „Педагогического Листка“.

I. Введение въ политическую географію. Гл. IV. Строение поверхности. 1. Горы и плоскогорія. 2. Равнины и низины. Д. А. Коротчевская. II. Бесѣды о правовѣдії. III, IV и V. В. А. Гольцева. III. Мочаловъ. (Въ память столѣтней годовщины со дnia его рожденія). Иль. Иль. Иванова. IV. Уроки по объяснительному чтенію. Окончаніе. Дм. Иль. Тихомирова. V. Ватский исправительный приютъ. Ак. VI. Чествование памяти К. Д. Ушинского. Съ портретомъ Ушинского и факсимиле. VII. Иль. Череповецкаго уѣзда. N. VIII. Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университѣтѣ. Комиссия по вопросамъ семейного воспитанія. А. Эберманъ. IX. Среди журналовъ. Н. В. Тулупова. X. Изъ иностранной жизни. А. Волковой. XI. Изъ текущей литературы и жизни. XII. Библиографія. XIII. Книги и пособія, одобреныи Ученымъ Комитетомъ Министерства Народного Просвѣщенія. XIV. Книги, присланыи въ редакцію „Педагогического Листка“ для отзыва. XV. Содержаніе „Педагогического Листка“ (январь, февраль, мартъ, апрѣль, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь), — книги: первой, второй, третьей, четвертой, пятой, шестой, седьмой и восьмой 1900 г. XVI. Приложение. Библиографический справочникъ. С. А. Странниковъ. Листы четвертый и пятый. XVII. Объявленія.

Подписьная цѣна на годъ: на Дѣтское Чтеніе съ пересылк. 5 руб., на Дѣтское Чтеніе съ Педагогическимъ Листкомъ 6 руб. Отдельно на Педагогический Листокъ съ пересылкой 2 р. Плата за объявленія: за страницу—20 р., 1/2 стр.—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Могчаловка, домъ № 24, Дм. Иль. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ—30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница Е. Н. Тихомирова.

Редакторъ Д. Иль. Тихомировъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

XII Г.

на журналъ

XII Г.

ВѢСТИНИКЪ ВОСПІНТАНІЯ

Журналъ имѣеть цѣлью распространеніе среди русскаго общества грамильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года разрѣшено помѣщать въ журналѣ научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣданію, истории, истории литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библиографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложеныя: литературу-но-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аарі (Victor Nepli), Н. Ф. Аресьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Аллеровъ, пр-д. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Былоковскій, Н. И. Бичевъ, прив.-доц. В. А. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вышперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершевонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Г. Грузинскій, Е. С. Дрептальвъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Н. Жбанковъ, [Н. В. Закъ, С. В. Заченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій; В. Е. Игнатьевъ, Н. А. Каблуковъ, В. В. Калдашъ, Е. Ловицъ, Е. И. Лозинскій, юрф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, І. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. А. Пузиревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскинъ, И. И. Розенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Смирновъ, К. М. Станюковичъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, І. Д. Синицкій, В. С. Сиротъ, И. Тевсь, Н. И. Тевляковъ, Г. А. Фальборкъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филипповъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. П. Хопровъ, В. П. Чаркоусскій, Д. И. Шаховской, А. А. Штевень, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эристаль, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжуль, акад. И. И. Янжуль и многие други.

Журналъ допущенъ ученымъ комитетомъ минист. нар. просв. для фундаментальныхъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Съ 1901 года журналъ будетъ выходить не 8 разъ, какъ это было раньше, а 3 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнѣхъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна остается прежняя, а именно: въ годъ безъ доставки 5 р., съ вставкой и пересыпкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересыпкой за границу 7 р. 50 к. для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. многородничъ просить обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ
на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

„Курьеръ“ издается въ форматѣ и объемѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету „Курьеръ“ съ доставкою въ Москву или съ пересыпкой въ другіе города:

На 1 годъ	6 руб. — коп.
„ 6 мѣс.	50 . . .
„ 3 „	— . . .
„ 1 „	75 . . .

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній 60 коп. въ мѣсяцъ.
За границу вдвое.

Главная контора газеты помѣщается въ Москвѣ, Петровскія лин., подъѣздъ № 2, открыта отъ 10 час. утра до 6 час. веч., а въ праздничные и воскресные дни отъ 11 час. утра до 4 час. дн.

Открыта подписка на 1901 годъ на

XIV-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ СЪВЕРЪ XIV-й ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Въ 1901 году гг. подписчики *Съвера* получатъ: 52 №№ роскошно иллюстрированного журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по принадѣлѣнію прошлыхъ лѣтъ, будуть печататься произведения нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; 52 №№ еженедѣльного обозрѣнія политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала *Съверъ*; 12 №№ журнала *Парижскія моды, Хозяйство и Домоводство*, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указаний, необходимыхъ для хозяйства и домашнаго обихода; 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками ламаскихъ рукодѣлій; кроме того, на основаніи приобрѣтенного отъ автора права печатанія всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведений, редакція, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, lastъ въ теченіе одного 1901 года, въ книгахъ *Библиотеки Съвера*, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора,

24 ТОМА

СОБРАНІЯ СОЧИНЕНИЙ

24 ТОМА

А. Л. Мордобрѣба,

ВЪ КОТОРЫЕ ВОЙДУТЬ:

- 1) „За чьи грѣхи“, историч. пов. 2) „Сагайдачный“, историч. пов.
- 3) „Господинъ Великій Новгородъ“, истор. ром. 4) „Наносная бѣда“, истор. пов. 5) „Царь и гетманъ“. 6) „Нашъ Одиссей“, историч. ром. 7) „Двѣнадцатый годъ“, историч. ром. 8) „Великій расколъ“, истор. ром. 9) „Авантюристы“, истор. пов. 10) „Соловецкое сидѣніе“. 11) „Междѣ Сциллой и Харибдой“, истор. пов. 12) „Кумъ Иванъ“, быль. 13) „Онъ идетъ“, быль. 14) „Сила вѣры“, быль. 15) „Замурорванная царица“, истор. пов. 16) „Ванька Каинъ“, истор. оч. 17) „Понизовая вольница“, истор. мат. 18) Русскіе чародѣи и чародѣйки“, истор. очеркъ.

Въ отдельной продажѣ сочиненія эти стоять 20 руб. *съ*

Бромъ всего этого, гг. годовые подписчики получать роскошный альбомъ

„Галлерея русскихъ писателей и художниковъ“,

въ который войдутъ исполненные фототипографіюю портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣза, съ біографіями и характеристиками.

Подписная цѣна остается прежняя:

На годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**. Безъ дост. въ Москвѣ: 1) у Метцъ и К°; 2) у Альшвангъ и Герлахъ (противъ Малаго театра) **6 р. 25 к.**, безъ дост. въ Одессѣ въ конторѣ Г. В. Свищунова **6 р. 50 к.**, съ перес. во всѣ города и мѣста. **7 р.**, на $\frac{1}{2}$ года съ дост. и перес. **3 р. 50 к.**, на 8 м.—**1 р. 75 к.**, на 1 м.—**60 к.**, за границу—**11 р.**.

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертять года и полмѣсячно. Поручительствъ гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшися съ разсрочкой и уплатившиѣ къ концу года подписанную плату сполнна получать премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками.

Подписка просить адресовать въ Главную контору журнала *Съверъ* (Спб., Невскій пр., 170) на имя издателя Н. Ф. Мертцъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ

„РУССКОЙ МЫСЛИ“

продаются слѣдующіе художественные альбомы

Album des Chefs d’Oeuvre de l’art. Болѣе ста снимковъ съ картинахъ великихъ художниковъ: Рафаэль, Корреджо, Тиціанъ, Рубенсъ, Вальдемаръ и др. Ц. 6 р.

Autour du Monde Aquarelles. Souvenirs de voyages (Sites, types, moeurs et coutumes). 69 выпускъ картинъ, рисующихъ бытъ, нравы, обычай, а также виды и постройки всевозможныхъ современныхъ странъ и народовъ. Ц. за 69 вып. 15 р. За каждый выпускъ отдѣльно 30 к.

La France. Aquarelles. Souvenirs de voyages. Виды, типы и бытовые картины Франции, Алжира и друг. африканскихъ владѣній Франціи. Ц. за вѣнчурный выпускъ 30 к.

Album du Monde Illustré. La Russie et les Russes. Фотографические снимки русскихъ городовъ, памятниковъ, живописныхъ извѣстий, орудий производства и земледѣлія, типовъ и костюмовъ. Всего 26 вып. по 16 фотографій въ каждомъ. Ц. 6 р. За каждый выпускъ отдѣльно ц. 30 к.

Album Universel. Фотографіи и описание различныхъ достопримѣтностей современного мира. Ц. за выпускъ (16 фотограф.) 25 к.

Le Nu Ancien et Moderne. Снимки съ картинъ лучшихъ художниковъ. Ц. за выпускъ 30 к. 10 выпускъ въ изящномъ переплѣтѣ 4 р. 50 к.

Le Panorama Salon 1898 г. Художественное изданіе снимковъ съ картинъ, находящихся въ Парижскомъ Salon des Champs Elysées (123 картины) и Salon du Champ de Mars (27 кар.). Ц. въ изящномъ переплѣтѣ 9 р. 50 к.

Le Panorama Salon 1895 г. также въ изящн. перепл. ц. 3 р. 50 к.

ВЪ МАГАЗИНЪ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на роскошно иллюстрированное популярно-хаучкое изданіе

„ВСЯ ПРИРОДА“

(Издаваемое товарищ. „Прорвѣщеніе“).

Въ составъ изданія входятъ слѣдующія сочиненія:

Міроозданіе (1 томъ). Д-ра Мейера, переводъ съ дополненіями и библиографическимъ указателемъ по русской литературѣ профессора С. П. Глазенапа. Ц. 8 р. 60 к.

Історія земли (2 тома) профессора М. Неймайра, переводъ съ дополненіями и библиографическимъ указателемъ по русской литературѣ заслуженнаго профессора Иностранцева. Ц. 15 р.

Происхожденіе животнаго міра (1 томъ) профессора В. Гаага, переводъ подъ редакціей профессора Ю. Н. Вагнера. Ц. 7 р.

Жизнь растеній (2 тома) проф. Кернера Ф. Мариллаунъ, переводъ съ дополненіями и библиографическимъ указателемъ заслуженнаго проф. И. И. Бородина. Ц. 15 р.

Человѣкъ (2 тома) проф. Ранке, переводъ подъ редакціей А. А. Коробчевскаго. Ц. 14 р. 20 к.

Народовѣдѣніе (2 тома) проф. Ратцеля, переводъ съ оригинальными дополненіями и библиограф. указателемъ по русской литературѣ Д. А. Коробчевскаго. Ц. 15 р. 20 к.

Жизнь животныхъ (3 тома) А. Брэма, переводъ подъ редакціей проф. П. Ф. Лесгафта. Ц. 24 р.

Допускается разорочка на слѣдующихъ усlovіяхъ: При подпісцѣ съ ежемѣсячной уплатой по 5 руб., взносится задатокъ отъ 10 руб. и выдаются немедленно подписчику вышедшия въ переплѣтѣ 10 томовъ. Остальные 3 тома досыпаются немедленно по выходѣ—къ концу года.

ственного башка за 1899 г.—Кому помогал банкъ во время денежного кризиса прошлого года?—Несколько замѣчаній по новоду сметы московской городской управы.—Реформа уездной полиції.—О духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Предсѣдательские инциденты.—Енисейскіе гонители гласности.—Дѣло священника Постнова.—Столкновеніе вологодского купечества съ губернаторомъ.—Нижегородскіе ревнители «благонадежности».—Реальная фантасмагорія.—† А. К. Шеллеръ-Михайловъ.—Юбилеи О. К. Нотовича и Генрика Сенкевича	213
XI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	263
XII. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. Столѣтіе со дня рождения П. С. Мочалова.—Юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ (<i>Горе отъ ума</i>).—Бенефисъ г. Правдина (<i>Отжитое время</i>, др. А. В. Сухово-Кобылина).—Прощальный бенефисъ г-жи Уманецъ-Райской (<i>Таланты и поклонники</i>, А. Н. Островскаго).—Бенефисъ г-жи Лешковской (<i>Выходное предпріятіе</i>, ком. А. Потѣхина).—Художественно-Общедоступный театръ (<i>Когда мы, мертвые, пробуждаемся</i>, др. Г. Ибсена)—Я. А. Ф-ина.—Художественные выставки въ 1900 г. и «новая» направленія въ живописи.—Памяти пейзажистовъ Айвазовскаго и Левитана.—Издание по искусству.—Художественные журналы <i>Миръ Искусства</i> и <i>Искусство и Художественная Промышленность</i>.—А. И. Яцимирскаго	269
III. ГОРЕ ГЕРОЯМЪ! (Письмо въ редакцію).—Ив. И. Иванова .	293
IV. БИБЛІОГРАФІЧЕСКІЙ ОТДѢЛЬ. I. Книги: Беллестристика.—Философія, психологія, педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія.—Географія, путешествія.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги.—II. Периодическія изданія: «Миръ Божій», ноябрь.—«Русское Богатство», октябрь.—«Вѣстникъ Европы», ноябрь.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1900 г. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Бібліографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль», за 1900 годъ	445
V. ОБЪЯВЛЕНИЯ.	1

я личныхъ переговоровъ, приема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

принятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

принятые редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе мѣс. не получивши утвердительного отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По новоду непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ти этой книжь прилагаются для всѣхъ подпischиковъ обѣявлений о под-
иске: на „Иллюстрированную Библиотеку Нива“ на 1901 г.—содержащую въ себѣ роскошно-иллюстрированное издание „Мертвые души“ Н. Гоголя—и на журнали: Всходы и Вопросы Философии и Психологии; для иностранныхъ только—обѣяление отъ журнала „Вѣстникъ Воспитаній“.

Въ журналъ „Русская Письма“

принимаютъ участіе слѣдующіе сотрудники:

Ю. И. Айхенвальдъ, М. Н. Альбовъ, Н. Н. Анненкоса - Берлинъ
М. А. Антоновичъ, Д. Н. Анучинъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. Ефимовъ
ная, В. Л. Бинштокъ, В. В. Бирюковичъ, П. Д. Боборыкинъ, В. С.
Боголюбовскій, И. А. Бодуэнъ де Куртене, Б. Ф. Грандопъ, М. Н. Григорьевъ
Е. Ф. Будда, С. Н. Булаковъ, Н. А. Бунинъ, В. В., В. А. Бунинъ
Н. Васильчъ, В. П. Вахтеровъ, М. Н. Венюковъ, Л. Н. Весновъ, С. Н.
Викторскій, Р. Ю. Виннеръ, Марко - Восчикъ, А. Н. Воронцовъ
Ю. С. Гамбаровъ, П. Г. Ганзенъ, А. А. Герценъ, В. А. Гольденъ
А. В. Горбуновъ, Е. Н. Гославскій, В. Н. Григорьевъ, М. Г.
Громницкій, Н. А. Данилинъ, В. И. Дмитриева, С. Я. Еланова
В. Е. Ермиловъ, А. В. Ероткинъ, А. Я. Ефименко, А. Н. Жуковъ
скій, Н. Н. Златовратскій, Н. Д. Зелинскій, Г. Б. Іоахимъ Шевицъ,
В. В. Ивановскій, В. Н. Ивановскій, Н. Н. Ивановъ, Н. Н.
Иванюковъ, Н. А. Каблуковъ, Н. П. Казанскій, В. В. Калашниковъ
Л. А. Камаровскій, чр. И. Н. Капишетъ, Н. Н. Каринецъ, А.
Кауфманъ, А. Н. Киртичниковъ, Н. С. Климентовъ, В. О. Коневъ
скій, М. М. Ковалевскій, Н. С. Конинъ, Г. А. Кожемяковъ, Л.
Корсаковъ, А. Р. Крандіевская, В. А. Крандіевскій, М. В. Г.
стовская, Н. Н. Куркинъ, В. Н. Ладыженскій, В. Ф. Левинъ
В. В. Лессинъ, А. С. Личковъ, А. А. Луповой, Е. Н. Лыткина
Максимовъ, А. А. Мануиловъ, Ф. Ф. Мартенсъ, Г. А. Марченко
М. А. Мензбиръ, С. Н. Мечъ, В. Ф. Миллеръ, Н. Н. Мильковъ, В.
Михайловскій, Ф. Г. Мищенко, Е. С. Некрасова, Іас. Н. Немировъ
Даниленко, Вл. Н. Немировичъ-Даниленко, Ф. Д. Нейфельдовъ, Н. Ф. Некрасовъ
коласъ, К. Я. Носиковъ, Н. Н. Обнинскій, Л. Е. Оболенскій, Л.
Овсяннико - Кулаковскій, Н. Х. Озеровъ, В. Н. Ольпинъ, В.
Острогорскій, А. В. Погосянъ, Н. Н. Потапенко, А. А. Поповъ
М. А. Протопоповъ, М. Н. Ремезовъ, М. Н. Ростовцевъ, Н. А. Ра-
кинъ, Н. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, В. Н. Семенскій, П. А. Ти-
щенко, Д. Н. Сибиряковъ (Маминъ), А. М. Скальчевскій, А. С. Соколовъ
К. К. Случевскій, В. Д. Соколовъ, Н. А. Соловьевъ-Насильковъ, В.
Спасовичъ, К. М. Станюковичъ, А. А. Стаковичъ, П. Н. Стародубъ
Н. М. Сыченовъ, В. Танъ, К. А. Тимирязевъ, Н. Н. Тихоновъ
Д. Н. Тихомировъ, В. А. Тихоновъ, В. Ф. Тотоміанъ, Л. Н. Ту-
левъ, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. В. Тура-
чевъ, П. С. Уварова, В. А. Флуссъ, Я. А. Фейншт., А. Н. Филипъ
А. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, М. М. Хеостровъ, В. М. Хи-
няковъ, Н. Н. Хитрово, В. Ф. Хмѣлевскій, Л. В. Ходскій, Н. Н.
Хтымскій, М. К. Цебрикова, В. К. Цераскій, А. П. Чеховъ, Н. Н.
Монинъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, Д. И. Эварицкій, Ф. Ф. Эрисъ
А. И. Южинъ (ки. Сумбатовъ), А. И. Якобій, В. А. Яковенко.

Объ условіяхъ подписки см. 1-ю стр. текста.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY
BERKELEY

Return to desk from which borrowed.
This book is DUE on the last date stamped below.

17Jun52SB

JUN 9 1952 LU

Due end of Fall Quarter — JAN 7 '71 5
subject to recall also — REC'D LD JAN 4 - 71-5 PM 1 1
5 1984 1 SEP 12 2002

JUL 5 1984

RETD APR 17 1984

LIBRARY USE APR 1 '86

LD 21-95m-11,50(2877s16)476

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C008281918

Digitized by Google